

ЖИВАЯ
ЛЕГЕНДА
МИРОВОЙ
ФАНТАСТИКИ

Гарри
ГАРРИСОН

*Туннель
во времени*

ИСТОРИЯ
ПО ГАРРИ
ГАРРИСОНУ

Гарри
ГАРРИСОН

Туннель во времени

Гарри
ГАРРИСОН

*Писать
во времени*

Стоунхендж

Фантастическая сага

Время для мятежника

*Да здравствует
Трансатлантический
туннель! Ура!*

Гарри
ГАРРИСОН

*Туннель
во времени*

МОСКВА

2006

Harry HARRISON & Leon STOVER
STONEHENGE: WHERE ATLANTIS DIED
Copyright © 1983 by Harry Harrison and Leon Stover

Harry HARRISON
THE TECHNICOLOR TIME MACHINE
Copyright © 1967 by Harry Harrison
A REBEL IN TIME
Copyright © 1983 by Harry Harrison
A TRANSATLANTIC TUNNEL, HURRAH!
Copyright © 1972 by Harry Harrison

Оформление художника *А. Саукова*

Гаррисон Г.
Г 20 Туннель во времени: Фантастические романы / Пер. с
англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 800 с.

ISBN 5-699-06816-3

Что было бы, если... Многие задавались этим вопросом, но только Гарри Гаррисон знает на него ответ. Миры, созданные его фантазией, всегда отличаются потрясающим реализмом и несокрушимой внутренней логикой, поэтому, когда он предлагает нам вообразить, что Атлантида существовала в природе или, к примеру, Колумб никогда не открывал Америки, — хочется верить, что так оно и было на самом деле!

Лучшие образцы альтернативной истории от живой легенды фантастики.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 5-699-06816-3

© Перевод. Ю. Соколов, И. Почиталин,
М. Левин, В. Рыбаков, 2006
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

•

Стоунхендж

Роман

•

*Нашим женам Джоан Мэрион Гаррисон
и Такино Каван Стоувер,
строившим Стоунхендж вместе с нами.*

Греческие города были на их стороне и воевали за них всю войну; неприятельским войском командовал царь Атлантиды, некогда бывшей островом, но теперь потопленной землетрясением.

Платон. Критий

КНИГА I

Глава 1

Британия. 1480 г. до Р. Х.

Ветер, дувший с лесистых холмов на севере, гнал по земле тонкую поземку. Холодные порывы насквозь продували высокий и темный лес, ломали сучья, качали верхушки хвойных деревьев. Кое-где ветер перепрыгивал через расчищенные человеком поляны, где из замерзших борозд торчала короткая стерня, через приземистые дома, сдувая с крыш перья дыма. Ветер перемахнул через гребень... ворвался в безлесную долину, свободную от деревьев, притиснул к земле невысокие хижины из дерна, срывая с их крыш сухие стебли.

Прижимая подбородок к груди, чтобы укрыть лицо от колючих снежинок, Ликос Микенский туже запахнул вокруг тела белый шерстяной плащ. Конический шлем, украшенный рядами кабаньих клыков, мог защитить его от ударов меча, но не от непогоды. Он остановился перед низкой дверью последней в селении хижины и открыл ее. Внутри было влажно и холодно, как и снаружи... только внутри воняло.

— Что случилось? — спросил Ликос.

— Не знаем, — отвечал Козза, седовласый воин со шрамами на лице, бронзовый полудоспех и остроконечный бронзовый шлем которого носили следы усердного употребления. Щурясь в тусклом свете очага, он глядел на мужчину, стонавшего на земляном полу хижины. — Один из мальчишек наткнулся на него на опушке леса и известил меня. Тогда он тоже был без сознания. Малый приволок его сюда.

Низкорослый крепкий мужчина в запятнанном буром одеянии явно умирал.

— Может быть, кто-нибудь из них знает, кто он? — спросил с порога Ликос, не пожелавший войти в зловонное помещение.

— Он не из их рода, это альбий, — отвечал Козза. — Мальчишки только это смогли сказать мне. Они напуганы, они говорят, что один из них как будто встречал этого альбия, но не помнит его имени. Глупы они, вот что.

Мальчишки жались друг к другу под шкурами на ложе и опасливо переглядывались, только белки блестели на перепачканных сажей лицах. Когда Козза заговорил о них, они отодвинулись еще дальше.

Не нравилось все это Коззе. Он потыкал в ребра лежавшего большим пальцем ноги, но безрезультатно. Глаза мужчины так и не открылись, на губах выступила розовая пена. Огромная рана в его груди была заткнута свежим мхом, однако повязка не могла остановить кровь, струйками стекавшую по ребрам. Козза бился во многих битвах, он знал, как умирают мужи, и знакомое присутствие смерти не смущало его.

— Оставь его, — приказал Ликос, поворачиваясь, чтобы уйти, но остановился и ткнул пальцем в сторону мальчишек, забившихся еще дальше. — А эти почему не работают?

— Один из оловянных ручьев разлился, — Козза шагнул влево, оказавшись чуть позади Ликоса. — Пока вода не спадет, там нельзя копать.

— Тогда поставь их к килнам, чтобы жгли древесный уголь... или руду пусть толкут; дела для них много.

Козза согласно кивал. Что они ему — просто мальчишки донбакшо, за какие-то безделушки проданные родителями в услужение.

Ветер заносил в хижину снежные хлопья; весна в этом году запоздала. Солнце холодным оком светило невысоко над горизонтом. По полузамерзшей грязи и заносам белого пепла шагали они к приветливому теплу, исходившему от одной из печей: под односкатным навесом в углублении была навалена груда раскаленного древесного угля, перемешанного с рудой. Для выплавки олова требовалось дутье, и, заметив Ликоса, пара мальчишек, без усердия колыхавших мехи, налегла на них со всей силой; посыпались искры, свиная шкура, из кото-

рой были сделаны мехи, визжала, обретая между двумя досками новую жизнь.

— Эта скоро будет готова, — проговорил Ликос, окидывая опытным взглядом ворох раскаленных углей.

— Не нравится мне этот раненый альбий. Как он здесь оказался? В этих краях они не живут. Почему...

— Они воюют между собой, а значит — умирают. К нам это не имеет отношения.

В этих словах слышался уже приказ удалиться. Козза неохотно оставил тепло и отправился назад в собственное жилье — за мечом и щитом с бронзовой бляхой в центре. Это в поселении можно было ограничиться полуброней и кинжалом. Даже один шаг за вал следовало делать вооруженным — и при этом не лезть на рожон. В лесу водились медведи, иной раз они могли и напасть после долгой зимы; волки, бродившие стаями, видели в людях всего лишь источник мяса. В чаще кустарников таились свирепые вепри, могучие убийцы. И люди: нет страшнее убийц среди всего живого на земле. В незнакомце любой видел врага. За пределами домашнего круга друзей не было.

Мирисати сидел на корточках чуть ниже гребня, перегородившего долину вала. Тяжелый щит лежал рядом с ним, кончиком меча он чертил на грязи круги.

— Я легко мог бы убить тебя, — проворчал Козза. — Расселся, словно с наслаждением валишь кучу.

— А вот не убил бы, — отвечал Мирисати с безразличием молодости к одолевающим старость заботам. Он сел, потянулся, потом поднялся на ноги. — Я же слышал еще за целую сотню шагов, как ты хрустишь коленями и звенишь броней.

— Что видно?

Козза, сощурился, вглядывался в снежную пелену. Перед ним простиралась во всю ширину безлесная долина, покрытая кочками побуревшей мертвой травы. Поодаль начинались заросли вереска, а за ними темнела стена леса, покрывавшего Остров Йерниев с востока на запад, от песчаных пляжей юга до болотистых северных берегов. Молчание окутывало долину. Ничто не шевелилось, только стая ворон поднялась и исчезла вдалеке.

— Видно то, что и теперь перед нами. То есть — ничего. Они к нам не ходят. А хорошо бы пришли. Порубили бы дикарей... все развлечение.

— Ничего, значит, не видел? А как насчет раненого, кото-

рого нашли мальчишки, — с дырой в груди? — Невесть откуда свалившийся умирающий все еще тревожил Коззу.

— Кто знает, откуда он взялся. И кому понадобился. Они же тут обожают резать друг друга. И я их понимаю. Чем еще можно развлечься в этих холодных краях?

— Альбии не воюют.

— Это ты скажи твоему будущему покойнику. А если хочешь поговорить со мной, давай лучше вспомним согретые солнцем камни Микен. В какую же даль забрели мы из этого счастливого края! И пусть мои руки ноют от одной мысли о рукоятке весла, я бы хоть завтра поднялся на корабль, чтобы пуститься в обратный путь. Значит, так: пятнадцать дней по холодной зеленой воде до Столпов Геракла, еще тридцать дней по голубым водам до Арголиды. А дома вот-вот начнут выжимать масло из первых маслин.

— Мы отправимся домой, когда получим приказ, — буркнул Козза. Остров Йерниев он любил не больше своего собеседника. Ветер на миг разогнал снег, и воин заметил, как опускаются на деревья темные силуэты ворон. Устраиваются на ночлег... но почему они взлетели? Их кто-нибудь потревожил?

— Лучше иди назад, прикажи мальчишкам в хижине браться за работу. Скажи — так приказал Ликос. А ему самому передай, когда увидишь, что подлесок вновь подрастает. Пора снова браться за расчистку.

— А тебе, Козза, без дел не живется? — Мирисати не торопился в лагерь.

— На нас уже нападали. Йернии держатся поодаль лишь потому, что мы перебили всех, кто пытался на нас нападать. Но когда-нибудь они непременно полезут снова. А кусты могут служить им укрытием. Лягут на землю и поползут.

— Старик, тебя одолевают кошмары. Мне снится иное, высшее. Теплое солнце, оливковые рощи, прохладное вино. Дивное эпидаврское вино, такое густое, что его приходится разбавлять двадцатью частями воды.

А потом хорошо и девуку, да не грязную донбакшо, с которой приходится сперва срезать эти тряпки, чтобы убедиться, что перед тобой не мальчишка и не старик... девушку с медовой кожей, от которой пахнет благовониями.

— Да, такую там не встретишь, — Козза махнул в сторону темного леса.

— Вот я и не надеюсь. Неужели и весь остров такой же?

— Да, насколько я видел. Мы ходили два лета назад — у Ликоса были какие-то дела с племенами. Повсюду леса, густые, даже на высоких холмах не проредешь. Чтобы дойти до племен, у которых огромные камни, нужно идти пять дней. Эти йернии роют землю, словно кроты: насыпи, круглые и прямые, холмы, погребальные курганы, а потом еще ставят на них камни... огромные такие уродины.

— Зачем?

— Их и спрашивай. У племени Уалы, где мы тогда были, камни наставлены в два круга, голубые, а верхушки красным намазаны... словно огромный хрен торчит из земли. Грязные люди.

— Смотри, что там? — Мирисати указал мечом на вересковый куст, темневший под буками.

— Ничего не вижу, — опускалась темнота, и Козза уже не мог ничего разглядеть.

— А я видел — только что. Лиса, наверное, или олень. Неплохо бы добыть свежатины для котла, — он поднялся на вершину вала, чтобы лучше видеть.

— Назад! Ты ведь не знаешь, что там было.

— Не бойся теней, старик. Они не кусаются.

Мирисати со смехом обернулся, чтобы спрыгнуть вниз. И тут в воздухе что-то прошелестело. Копье глубоко погрузилось в шею воина, удар бросил его наземь, звякнул доспех. Мирисати упал на спину, разбросал ноги. Выкатив глаза, он потянулся к древку и умер.

— Тревога! — завопил Козза. — Тревога! — и заколотил мечом в край щита.

Больше копий никто не бросал. Осторожно выглянув из-за гребня вала, он увидел, что от леса безмолвно и быстро, как волки, бегут мужчины. Нагие даже в эту погоду, они ограничивались короткими кожаными набедренными повязками. В руке бегущего первым было копье, он метнул его в Коззу, тот легко отразил удар. Больше копий в него не бросали — местные жители использовали копье для охоты, а не в сражении. Нападавшие были уже близко: круглый щит на левой руке, в правой — боевой каменный топор. У некоторых на шее висели кинжалы; снег выбелил их волосы, и заснеженными жесткими щетками белели усы на лицах. Людей было много. Оказавшись у подножия вала, они разразились пронзительным криком — «Абуабу!» — чтобы враги в страхе бежали. Козза стоял.

— Йернии! — выкрикнул он; за его спиной уже раздавался

шум тревоги. А теперь будет битва. Сердце сильнее забилося в груди воина: из леса появлялись все новые и новые полуобнаженные фигуры. Снегопад прекратился, и он видел, как заполнял долину поток бегущих фигур. Коззе еще не приходилось видеть здесь столько туземцев сразу. Целое племя пришло, должно быть, и не одно.

Позади Коззы глухо затопали ноги, он понял, что теперь уже не один. Хорошо, пусть будет битва.

Первые воины уже поднимались к вершине вала: выскочив на гребень, он погрозил мечом:

— Козлы и дети козлов! Микенцы вас ждут!

Подняв щит, чтобы отразить им удар топора, Козза погрузил свой меч в живот человека. Не чересчур глубоко — для этого Козза был слишком опытен, — повернул и вытащил. И пока тело первого еще падало, Козза уже снес голову бежавшему следом, щитом отбросив его топор. А потом другому... еще одному... по мечу заструилась кровь. Острая боль пронзила ногу Коззы, он едва не упал. Краем щита сбил с ног и этого. Но теперь нападавшие были уже и позади него. Их было много, чересчур много. Завывая высокими голосами, они набегали со всех сторон.

Упал Козза, лишь когда искромсанные ноги не могли более поддерживать тело, и все-таки перекатился на спину и тыкал, тыкал вверх мечом, разя и убивая, пока наконец с него не сорвали шлем и на голову не обрушился тяжелый удар топора. В горло вонзился кинжал, торопливыми движениями ему отхватили голову.

Туземцы с визгом бежали мимо, и снег, утопанный множеством ног, быстро покрылся красными пятнами.

Глава 2

Микены

Рассвет уже серел, силуэт города четко обрисовался на фоне неба и дальних холмов. Город властвовал над долиной; к нему вели все тропки среди полей и деревьев. Холм, на котором высился город, был пологим у подножия, далее склон его круто вздымался к основанию могучих и неприступных стен. Едва заря окрасила камни, огромные ворота под львами, стоящими на задних лапах, растворились, словно повинуюсь

движению невидимой длани. Внутри стен струи дыма из множества очагов вздымались прямо к небесам в неподвижном воздухе. Мальчик с козой медленно брел вдоль обочины, на тропах появились мужчины и женщины с корзинами съестного. Возле большой дороги они остановились, прислушиваясь к стуку копыт, с безмолвным любопытством глядя на двуконную колесницу, прогрохотавшую мимо. Заслышав стук копыт по мощеному склону возле стены, из ворот выглянули стражи. Колесничий весьма спешил: одна из лошадей поскользнулась и чуть не упала, но возница лишь подхлестнул ее. Солнце только что встало, значит, он ехал всю ночь, что небезопасно: вероятно, для такой спешки был повод. В Микенах спешить некуда: времена года сменяют друг друга, дождь увлажняет землю, поднимаются всходы, режут скот, растет молодняк. И нет причин куда-либо торопиться, особенно по ночам, рискуя искалечить или погубить священное животное — лошадь.

— Узнал! — выкрикнул один из стражей, показывая бронзовым наконечником копья. — Это Форос, двоюродный брат царя.

Они расступились и, высоко воздев оружие, приветствовали важного гостя. Белый плащ Фороса потемнел от пены, летевшей с оступавшихся лошадей, сам он устал не меньше. Не поворачивая головы ни вправо, ни влево, он погнал утомленных животных в высокий проем ворот, под львами, вырезанными в камне, мимо круга царских могил, на вершину холма в город Микены.

Рабы торопливо приняли лошадей, пока Форос неловко спускался на землю. Его шатнуло, ноги слишком устали после долгой езды, и он привалился к стене. Прошедшей ночи ему не забыть: он не колесничий, поэтому всю дорогу опасался за благородных животных. И все-таки гнал их вперед, невзирая на все опасения, а перед этим подгонял целый день гребцов, не обращая внимания на усталость людей. Царь должен узнать. Конская поилка оказалась неподалеку, Форос в изнеможении склонился над ней и, зачерпнув ладонями воду, бросил ее на лицо и плечи. Вода после ночи еще не согрелась и, смыв с тела пыль, прихватила с ней и часть усталости. Вода капала с волос и бороды; Форос утерся краем плаща, прежде чем по мощеному проходу направиться вверх — в царскую резиденцию в центре города-дворца: мышцы ног больше не сводило судорогой, он шел мимо огородов, мастерских и домов, где

только начинали пробуждаться люди. Они выглядывали из дверей, с любопытством провожали его глазами. Наконец он оказался перед самым дворцом и по гладким каменным ступеням направился ко входу. Окованная бронзой дверь оказалась распахнутой — Авалл, старейший среди домашних рабов, уже ждал, кланяясь и прижимая к груди узловатые руки. Он уже успел послать раба отнести весть царю.

Перимед, царь Арголиды, глава Персеева Дома в Микенах, с утра был не в духе. Ночью ему не спалось. Виновато было то ли вино, то ли ноющие старые раны, то ли — это уже наверняка — Атлантида.

— Ах вы, недоноски, — ругал он никого вообще и всех сразу, сползая пониже в огромном кресле и протягивая руку к корзине с фигами на столе перед ним. Атлантида — само это слово, словно терновый шип или скорпионье жало.

Вокруг на просторном мегароне¹ уже закипала повседневная жизнь. Раз царь проснулся — не спать никому. Кое-где раздавался приглушенный говор, хотя никто не осмеливался возвышать голос. На приподнятом круглом очаге посреди палаты раздули огонь, чтобы пожарить мясо. Сколько же лет он сам поддерживал огонь в этом очаге: тогда ни дворец, ни мегарон еще не были построены. Мысль эта не согревала царя, и даже фиги не могли сделать ее слаще. Рядом под навесом две его дочери вместе с рабынями чесали руно и пряли. Царь бросил суровый взгляд, девушки приумолкли, углубившись в работу. Гневный ликом сегодня, Перимед еще был красивым мужчиной, с густыми бровями и тонким носом над широким ртом. И пусть его можно было считать пожилым, волосы оставались каштановыми, как в юности, не было и живота. Загорелую кожу на обеих руках покрывали белые рубцы; когда царь потянулся за очередной фигой, стало заметно, что на правой руке его не хватает двух пальцев. Трудно стать царем в Арголиде.

Появившийся на дальней стороне мегарона Авалл поспешил к нему, низко кланяясь.

— Ну?

— Твой брат, благородный Форос, сын...

¹ Главный зал дворца с очагом посередине, над которым в потолке располагается отверстие для дыма. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

— Пусть войдет, сын облезлого козла. Я давно его жду, — и Перимед улыбнулся, а раб поспешил за кормчим.

— Форос, ты нужен мне. Входи, садись, сейчас подадут вино. Как сложилось путешествие?

Присев на край скамьи, Форос поглядел на полированную мраморную крышку стола.

— Дядюшка Посейдон¹ всей мощью своею подгонял корабль во время пути.

— Не сомневаюсь, но меня интересует не твой путь по морю. Ты привез олово?

— Привез, но, увы, немного — одну только десятую часть корабельного груза.

— Почему же? — ровным голосом спросил Перимед, от внезапного предчувствия потемнело в глазах. — Почему же так мало?

Не поднимавший глаз от стола Форос не обращал внимания на вино в золотом кубке.

— Пришли мы туда в туман. Возле Острова Йерниев море всегда туманно. И мы стали ждать, чтобы ветер развеял туман, чтобы можно было под парусами добраться до устья известной нам реки. Мы вытащили корабль на берег, я оставил людей охранять его, а потом по заросшей тропе мы направились к копи. Сперва мы зашли туда, где хранится олово, но слитков не было. Мы поискали вокруг, кое-что удалось найти, но немного.

Теперь Форос поднял глаза, глядя прямо на царя.

— Но не об этом следует тебе узнать — копь разрушена, все погибли.

Быстрый шепот пробежал по мегарону, разнося новость. Все умолкли: стиснув кулаки, молчал и сам Перимед, лишь на виске его дрожала жилка.

— А брат мой, Ликос?

— Не знаю. Трудно было понять. С трупов сняли доспехи, останки пролежали много месяцев. Звери и птицы сделали свое дело. Там была битва, жестокий бой с йерниями. Все наши были без голов. Йернии уносят черепа, сам знаешь.

— Значит, Ликос мертв. Он не сдался бы в плен дикарям.

В груди разгорался гнев. Успокаивая себя, Перимед провел рукой по телу. Все к одному: брат его, пропавшее олово, гибель его людей, корабли Атлантиды... мрачные, несчастные

¹ Бог моря в греческой мифологии.

дни. Хотелось орать от гнева, извлечь меч, убить им зверя или человека — пусть защищается, если сможет. В молодые дни он так и поступил бы, но с годами приходит мудрость. И гнев царя не прорвался наружу; придушив его, он начал раздумывать о том, что следует предпринять. Боль не уходила.

— Верно ли это? Неужели мой родственник Мирисати погиб?

Перимед поднял взгляд на разгневанного человека. Квурра, первый среди халкеев, работников по металлу. Услыжав новости, он явился, наверно, прямо от печи. Кожаный фартук на нем был прожжен искрами, на лбу и руках чернела сажа. Забытые корявые клещи были еще зажаты в правой руке.

— Конечно, погиб, — отвечал Форос. — Все, кто был на копях, погибли. Микенец не станет рабом.

Горячий Квурра с болью воскликнул:

— Горе пало на нас! Копь разрушена, люди погибли, родичи мои убиты. — Он гневно потряс клещами. — Погиб Мирисати, которому ты обещал свою дочь, когда она станет взрослой... — слова утонули в кашле. Надышавшиеся металлом халкеи вечно кашляли, и многие из них из-за этого умирали.

— Я не убивал его, — отвечал Перимед. — Брат мой Ликос тоже погиб. Но я позабочусь, чтобы за них отомстили. Возвращайся к печи своей, о Квурра, послужи нам своей силой.

Квурра повернулся и, уходя, бросил через плечо:

— А скажи мне теперь, благородный Перимед, долго ли еще гореть огню в моей печи, если копи больше нет?

Долго ли? Именно этот вопрос более всего волновал и самого Перимеда. Неужели он слишком многого хочет? — думал царь. Нет, другого пути не остается. Пока города Арголиды ссорятся друг с другом, они будут слабыми. Лерна воюет с Эпидавром, Немей топит корабли Коринфа. А корабли Атлантиды тем временем плавают куда им угодно, атланты богатеют. Лишь объединив свои силы, Арголида сможет бросить вызов древней мощи островного царства. Каменистые равнины отечества плодоносят, но скудно. А за морем дразнят богатством далекие города, и люди его жаждут этих богатств. Облаченные в медь воины с бронзовыми мечами добудут все, что пожелает глаз. Но удачу им приносит бронза. Бронза — пища и питье войны, ведь без нее воины станут ничем. Много вокруг мягкой золотистой меди, но не она нужна Перимеду. Халкеи умеют смешивать медь с серым оловом в недрах своих

печей — делать благородную бронзу. Из нее Микены ковали свое оружие — чтобы покорять силой или покупать города Аргolidы, связывая их воедино.

Без бронзы шаткий союз распадется, города вновь примутся воевать друг с другом. И Атлантида — морская держава — будет править, как правила прежде. У Атлантиды есть олово — столько, сколько нужно. Их копи и лагеря расположены у Истра¹. У Микен тоже было олово, немного олова, но оно было. Людям Перимеда приходилось плавать за Теплое море по холодному океану к далекому островку, там добывать олово, везти его обратно. Но олово было, и Микены владели бронзой. Теперь бронзы не стало.

— Копь... Копь нужно восстановить.

Перимед вымолвил эти слова, еще не заметив, что к нему приблизился смуглый невысокий Интеб-египтянин в тонком одеянии из беленого льна, сменившем грубую рабочую одежду. Край накидки был расшит золотой нитью. На шее лежал богатый нагрудник, усеянный самоцветами, умашенные благовониями черные волосы влажно блестели. Поглядев на него, Перимед вспомнил.

— Покидаешь нас.

— Очень скоро. Я закончил свою работу.

— Ты хорошо потрудились. Скажи об этом своему фараону.

А пока садись, поешь со мной на дорогу.

Женщины торопливо принесли блюда с жареными в масле рыбешками, пироги, пропитанные медом, соленый белый сыр из козьего молока. Интеб деликатно брал рыбку золотой вилкой, извлеченной для этого из кисета. Станный человек, слишком молодой для руководства строительством, но прекрасно знавший дело. Он был благородного рода и в известном смысле являлся не только строителем, но и послом Тутмоса III. Он разбирался в астрономии, умел читать и писать. Под его надзором сооружались толстые крепостные стены, охватывавшие город. Мало этого, он возвел огромные ворота, поставил над ними каменных львов царского дома Микен. Хорошая работа и недорого обошлась. Помог договор с фараоном. Тутмос III, поглощенный войной на юге, не желал, чтобы на севере его беспокоили пираты из Аргolidы, топившие корабли Египта и сжигавшие прибрежные города. Дело свершилось по согласию обоих царей.

¹ Истр — название Дуная в древности.

— Ты обеспокоен? — ровным голосом спросил Интеб, не изменяя бесстрастного выражения лица. Он выковырял из зубов рыбью косточку, бросил ее на пол.

Перимед пригубил вино. Много ли знает египтянин о случившемся в копи? Фараон не должен проведать о неудаче Микен.

— У царей много поводов для беспокойства... у фараонов тоже, такова участь владык.

Если, с точки зрения Интеба, имена правителя драчливого городишки и могущественного повелителя всего Египта нельзя было ставить рядом, на лице его это не отразилось; египтянин взял медовый пирог.

— Меня беспокоят навозные мухи, разлетающиеся из Атлантиды, — проговорил Перимед. — Мало им собственных берегов, так они приходят сюда и сеют меж нас раздоры. Корабли их развозят оружие вдоль всего побережья, а вздорные княжата с охотой им платят. Они не знают, что такое верность. Микены — вот оружейная мастерская всей Арголиты. Некоторые забывают об этом. Вот и сейчас на юге в Асине стоит корабль атлантов, целая плавучая кузница, занимающаяся своим делом в наших водах. Но он там не пробудет долго... и в Атлантиду тоже не вернется. Когда мы узнали о появлении этого корабля, мой сын Эсон повел туда наше войско. Можешь сообщить об этом фараону. Подарки мои получил?

— В целости погружены на корабль. Не сомневаюсь — фараон будет доволен.

Перимед в этом не был уверен. Можно было на словах считать себя равным фараону, Перимед понимал — от самого себя истину незачем прятать. Египет, его города для живых и мертвых, толпы народа, неисчислимое войско. Если эта сила обратится против Микен, город перестанет существовать. Но есть сила и сила, велик Египет, но это не значит, что ничтожны Микены. В Арголитиде нет города могущественнее, есть чем гордиться.

— Я провожу тебя, — объявил Перимед, вставая и цепляя к поясу знак царской власти — кинжал с крестообразной рукоятью. На длинном и узком прямом серебристом клинке золотом, серебром и чернью изображена была сцена царской охоты на львов. Гарда же — округлая чашка из литого золота на золотом стержне, еще один знак власти, — крови не требовала.

Перимед и Интеб шли рядом, а рабы бросились открывать кованные бронзой двери. И вовсе не случайно они миновали

крытые гряды с грибами, располагавшиеся внутри дворца. Перимед помедлил, принялся критическим взглядом следить, как садовники сооружают свежую гряду. Выложив слой коровьего помета, они забрасывали его кусками коры. Оказавшись рядом с ними, Перимед согнулся, сорвал гриб и принялся крутить его на ходу. Белая шапочка, бледная ножка, мохнатые края шляпки. Он отломил кусочек, попробовал, угостил Интеба. Египтянин съел угощение, хотя на самом деле грибов не любил; ведь все вокруг считали их деликатесом.

— Это — история, — проговорил Перимед, указывая на навоз и гряды; будучи дипломатом, Интеб сумел сдержать улыбку. Он знал, что грибы здесь в почете.

Микес — называли их здесь и отливали в виде грибов рукояти мечей и кинжалов. Даже сам город назвали в их честь. Микены. Трудно понять почему. Разве потому, что, выпирая из земли, молодые грибы так похожи на мужскую суть — люди, далекие от цивилизации, всегда озабочены этой штуковиной.

— Царские грибы, — проговорил Перимед. — На этом месте их собирал Персей, он и дал имя городу. У нас долгая история, как у Египта. Есть у нас люди, что умеют читать и писать и записывают события.

Остановившись возле деревянной двери, Перимед застучал в нее, наконец дверь со скрипом отворилась; моргая на солнце, из нее выглянул старый раб с глиняной табличкой в руке. «По виду атлант, — подумал египтянин, — вот тебе и микенская культура». И он, частый гость в Фиванской библиотеке, где папирусные свитки аккуратно разложены на полках многих комнат, занимавших вместе больше места, чем этот дворец, постарался изобразить интерес к покосившимся рядам поставленных друг на друга корзин с неразобранными табличками... попробовал не замечать осколки на грязном земляном полу. Определенно все эти таблички содержали лишь жизненно важные записи: количество котлов, винных кувшинов, щипцов для очага, скамеечек для ног и прочих предметов повседневного обихода. Едва ли стоит беспокоить фараона упоминанием о так называемой библиотеке.

Снаружи послышался крик, и оба они заторопились к выходу: двое воинов в панцирях волокли к ним третьего — покрытого кровью и пылью, со ртом, открытым от крайнего изнеможения.

— Мы нашли его, полз сюда по дороге, — начал один из

воинов. — У него есть слово, это один из тех, что ушли с Эсоном.

И снова холод окатил Перимеда. Он заранее знал, что скажет раненый, и не хотел слышать этих слов. Злой день. Если бы только можно было выкинуть его из жизни. Перимед ухватил раненого за волосы и ударил о стену архива... потом стал трясти; наконец тот задышал, как оказавшаяся на суше рыба.

— Говори. Что с кораблем?

Тот не мог выговорить ни слова.

Подбежал раб с кувшином вина; вырвав сосуд прямо из его рук, Перимед выплеснул содержимое в лицо измученного человека.

— Говори, — приказал он.

— Мы напали на корабль... люди Асины, там... — он слизнул струйку вина, стекавшую по лицу.

— Что Асина? Они же помогали вам, они ведь из Арголиды. Говори об атлантах.

— Мы бились... — воин выдавливал слово за словом, — мы бились со всеми. Асина пошла на нас вместе с атлантами. Их было слишком много.

— А мой сын, Эсон, ваш предводитель... Что с ним?

— Он был ранен. Я видел, как он упал... умер или попал в плен.

— А ты вернулся... чтобы сообщить мне об этом?

На этот раз царь не мог сдержать нахлынувший гнев. Одним движением он извлек кинжал и погрузил его в грудь воина.

Глава 3

Тиринф остался позади, видны были только дома на самой верхушке холма над гаванью. В Аргосском заливе море было спокойным, и корабль легко несясь вперед, повинуюсь опускающимся и поднимающимся в такт неторопливому рокоту барабана веслам. По правому борту проплывала земля, вся в юной зелени. Радостное прикосновение солнца прогоняло утреннюю прохладу. Прислонившись к борту, Интеб рассеянно глядел на пену внизу, не замечая даже кормчего, находившегося в двух шагах. Весна, в тростниках у берегов Нила уже кричат аисты, скоро он будет дома. После трех лет, проведенных на чужбине, вернется в сердце мира, к цивилизации, оставив позади вздорные претензии варваров, копоша-

щихся в своих грязных Микенах. Он выполнил свой долг, хотя это и заставляло его по временам испытывать отвращение. Полководцы служат своему фараону на поле брани. Это дело несложное, — а в качестве последней награды их обычно ждет насильственная смерть. Вот и сами воины — люди простые, жестокие, конечно, но чему удивляться: ведь душегубство — их работа. Воины необходимы Тутмосу III, но нужен ему и Интеб. Победа достигается и без битвы. Фараон знает это. Знает и он, Интеб; вот почему, преодолев естественное в таком случае отвращение и нежелание, он покорился воле своего царя и отправился к варварам. Ему самому эта победа обошлась недешево, но Тутмос сэкономил на ней. Интеб не жалел об этом. Трудов благородного зодчего, немногих рабов, горсточки золота, скудных подарков хватило, чтобы остановить войну, чтобы прекратить нападения на побережье Египта. Микены сделались сильнее в результате его трудов, однако для него самого эти годы были потеряны.

И все-таки не совсем: он тоже кое-что обрел. Все эти долгие месяцы... за молодым вином, под зимними дождями, под опаляющим летним солнцем — о таком трудно будет забыть — он встречал человека, которого мог бы назвать своим другом. Не исключено, что дружба эта была односторонней: для Эсона он оказался просто одним из многих обитателей дворца, и не из самых знатных. Как ни странно, это не волновало Интеба, даже безответная любовь остается любовью. Он с удовольствием сидел на тех пирах, потягивая вино, пока остальные опрокидывали кубок за кубком, чтобы напиться, как подобает благородному человеку. Грубая, своенравная, беспокойная — такова микенская знать, таков и Эсон. Но все же он был иным; ему предназначено стать царем. Эсон унаследовал от отца острый ум, его трудно было счесть еще одним воинственным варваром. Впрочем, быть может, Интеб все это лишь придумал. Неважно. Просто так было легче пережить эти годы. И хотя он промолчал, гибель Эсона потрясла его не менее, чем самого Перимеда. Мощь Атлантиды сокрушила великого воина, раздавила, как насекомое. Интеба даже слегка тревожило, что скоро ему придется ступить на землю, где обитают убийцы его друга. Очнувшись от своих мыслей, он заметил, что Тиринф исчез за кормой и берега разошлись. Тяжелые валы открытого моря вздымали и опускали корабль. Из каюты появился капитан, Интеб жестом подозвал его.

— Куда мы идем?

— Мы возьмем на восходящее солнце, господин, как только поравняемся с этим островом, а за ним будет другой, потом новый... их называют Кикладами, я не знаю названий всех островов. Они тянутся к Анатолийскому побережью, мы не будем терять сушу из виду, оставаясь в глубоких водах. А потом направимся вдоль берега. Пока море спокойно, там не опасно, если налетит буря — можно зайти в дружественную гавань.

— Я говорю не о собственной безопасности и покое. Не старайся угадывать мои желания, кормчий. Я достаточно поплавал, море меня не страшит.

— Я не хотел, прости меня... — Мозолистые кулаки кормчего были покрыты шрамами; экипаж опасался его скорой на расправу руки.

— Я хотел узнать, будем ли мы проходить мимо Феры, острова атлантов?

— Конечно, когда Иос останется позади нас, этот остров будет по правому борту; один из ориентиров.

— Мы зайдем туда.

— Но утром ты велел мне идти в Египет, ты приказывал...

— Я говорил в присутствии арголидцев, они все доносят своему царю. Веди корабль, кормчий. А с правителями я договорюсь. Правь к Фере.

Когда они достигли Спеце, корабль повернул, оставляя на голубой воде дугу белой пены. Перимед не узнает, что путь его зодчего пролег ко двору Атлантиды, к убийцам его сына, вечным врагам Микен. Царь прогневался бы, если б узнал, и долгие годы труда, потраченные, чтобы укрепить дружбу с Египтом, не принесли бы плода. Лучше быть хитрым и вежливым. С другой стороны, и Атлас, повелитель морей, выразит легкое неудовольствие, если узнает, что египетский гость лишь недавно обедал с врагом царя Атлантиды. Не исключено, что в подобном поступке его удивит отсутствие вкуса. Крохотные, драчливые и задиристые государства словно блохи в густой шкуре Атлантиды... укусы насекомого можно почесать, а можно оставить без внимания. И поодиночке, и вместе варвары не страшны несчетным кораблям Атлантиды, им не добраться до ее внутренних островов. Корабли атлантов плавают в этих морях по своей воле, торгуют там же, где и суда Египта. По слухам, царский двор Атлантиды своим великолепием не уступит египетскому, но в это Интеб поверит, лишь когда увидит свои-

ми глазами. Как ни стремился он домой, все же содержание свитка в цилиндрическом футляре, полученного от кормчего, обрадовало Интеба. На восковой печати оттиснут был картуш Тутмоса III, пятого царя восемнадцатой династии. Приказано было Интебу с государственным визитом посетить двор царя Атласа, чтобы возобновить узы дружбы. Корабль вез дары для царя: длинные бивни — слоновую кость надлежало с церемониями поднести Атласу, — ткани, горшочки с пряностями, золотые украшения и скарабеев, небольшие куски пронизанного жилками алебастра, аметисты, на которых придворные ювелиры-атланты будут вырезать печати для честолюбивых царедворцев. Куда более важный груз — и для Атласа, и для Египта — кипа листов папируса, гладкого и белого. Только год назад папирус впервые был послан в Атлантиду, и вместе с ним — писцы, умелые в обращении с тростниковым пером и тушью. К этому времени атланты должны уже оценить все преимущества папирусных свитков перед неуклюжими глиняными табличками... они будут рады новым запасам. Но дарящий вправе рассчитывать на отдачу, и Интебу было указано при удобном случае напомнить, как нуждается безлесный Египет в древесине, особенно в кипарисовой.

На третье утро, когда из моря поднялись округлые берега острова Фера, Интеб аккуратно надел лучшее свое платье из льняного полотна, украшенный самоцветами нагрудник и золотые браслеты, а потом сидя дожидался, пока раб умастит благовониями и причешет его. Его ожидало дело государственной важности. Кормчий облачился в чистую тунику и тоже попытался навести красоту: после бритья не слишком острой бритвой лицо его усеяли точки засохшей крови.

— Бывал ли ты здесь со своим кораблем? — спросил его Интеб.

— Однажды, господин, много лет назад. В мире нет второй такой гавани.

— Наверное, так, если люди не врут.

Зеленым самоцветом поднимался остров из синего моря. Сады олив и финиковых пальм ровными рядами опускались к морю, меж них виднелись только что засеянные поля. Среди деревьев белели деревенские дома. В небольшой бухточке расположилась рыбацкая деревушка, утлые лодчонки были вытащены на ржавый песок. На миг в просвете между холмов перед Интебом промелькнул далекий город, разноцветные

здания поднимались все выше по склонам холма. Город исчез — корабль поворачивал на запад.

— Спустить парус, — приказал кормчий.

Матросы привычно заторопились. Они отвязывали канаты, которыми огромный квадратный парус был прикреплен за нижние углы и борта. Другие тянули за сплетенный из пеньки с конским волосом трос, служивший оттяжкой для мачты. Он проходил через отверстие на ее верхушке, смазанное жиром. Когда трос отпустили, парус пополз вниз, складываясь крупными складками. Потом, когда парус намотали на рею и уложили вдоль корабля, кормчий велел спустить и мачту.

— Зачем это? — поинтересовался Интеб: ему еще не приходилось видеть, как опускают мачту.

— Это там — на острове, господин, сам увидишь, — отвечал кормчий, слишком занятый, чтобы пускаться в объяснения. Умерив любопытство, Интеб не стал отвлекать его от дела.

Мачту в гнезде удерживали прочные дубовые клинья, их пришлось выбивать тяжелыми кувалдами. Криков было много, ругани тоже — на самых разных языках... Наконец мачту опустили и прикрепили рядом с парусом. Тем временем корабль неуклюже качался на волнах, возбуждая неприятные ощущения в чреве Интеба, так что он поспешно принес Гору благодарственную молитву, как только гребцы взялись за весла. Корабль вновь тронулся в путь, и едва он обогнул скалистый мыс, как перед глазами плывущих предстала расщелина в берегу.словно некий бог рассек почву и скалы огромным боевым топором. Склоны вздымались высоко над головой, уходили в глубь побережья. Встав у руля, кормчий сам направлял корабль мимо мыса — прямо в расщелину.

Тонко пропел рог, едва различимый за шумом волн, бивших в скалистые берега.

Прикрыв глаза ладонью, Интеб сумел различить на вершине утеса воинов в шлемах. Стража — в обязанности ее входит извещать царя о появлении каждого корабля. И не только. Не трудно было заметить ряды огромных камней, приготовленных, чтобы их можно было сбросить на незваных гостей. Наверняка припасена и горячая смола. Атлантида умела защищать себя.

Еще один поворот — и высокие утесы вдруг разошлись, пролив впереди сузился, превратившись в прямой канал. По бокам его тянулись возделанные поля, крестьяне ненадолго

оставляли работу и, опершись на мотыги, провожали взглядом корабль.

— Это канал? — спросил Интеб.

Кормчий кивнул, он глядел вперед и не отнимал руки от кормила.

— Так мне говорили. Атланты любят приврать, но в этом, возможно, не лгут. Той расщелины в скалах человек не в силах пробить, а вот канал выкопать можно, если есть время и люди.

Прямой словно стрела лежал перед ними канал, протянувшийся к поднимавшимся в глубине острова холмам. Города не было видно, однако впереди в канале появился другой корабль. Заметив его, кормчий велел убрать весла и взял ближе к берегу. Корабль быстро приближался, наконец стали заметны укрепленные на носу рога и яростно горящие глаза под ними. Ряды белых весел крыльями взлетали у бортов атлантской триремы длиной в целых сорок шагов. Словно сердце бил барабан, весла следовали за его ритмом. С каждого борта их было не менее пятнадцати, трудно было даже сосчитать, пока корабль скользил мимо. Только впередсмотрящий с любопытством оглядел гостей, в остальном египетское судно словно оставалось невидимым. Военачальники, облаченные в великолепные бронзовые доспехи, украшенные самоцветами и эмалью, с высокими султанами на шлемах, не сочли необходимым обратить внимание на гостей, так же поступили и жирные купцы: пересмеиваясь на корме под навесом, они держали золотые чарки в пухлых пальцах, униженных перстнями. Богатство и сила... Высокая корма и могучее кормовое весло удалялись, и лишь пенный след еще отмечал на воде путь корабля атлантов. Он ушел к морю, а судно египтян закачалось на поднятой им волне.

— Оттолкнитесь от берега, — завопил кормчий, и корабль вновь тронулся в путь. — А теперь господин поймет, зачем нам нужно было спускать мачту.

Впереди в склоне холма зияла черная дыра. Канал исчезал в ней. Дыру заметили и гребцы: оглядываясь через плечо и перекрикиваясь, они сбились с ритма.

Потрясая над головой сжатыми кулаками, капитан завопил так, что и в шторм было бы слышно по всему кораблю:

— Эй вы, ублюдки, порождения безносых шлюх, блохи, прыгающие в зловонной шкуре протухшей на солнце падали! Следите за веслами, или я велю содрать с вас ваши гнилые во-

нючие шкуры и сшить парус для моего корабля. Перед нами ход, пробитый в скале. Я плывал через него, он прямой и узкий. Следите за веслами, иначе вы их переломаете или натворите чего похуже. Не бойтесь темноты, мы скоро выплывем на свет.

Черная пасть поглотила корабль. Гребцам было страшно — уменьшаясь на их глазах, вход в туннель отползал назад, унося с собой свет. Рокот барабана громом отдавался от скальных стен.

Однако с кормы стоявшим там яркий круг выхода впереди был виден. Кормчий направлял корабль, криками подбадривая команду, однако и он умолк, когда эхо превратило его голос в безумный хохот.

Подземное странствие скоро окончилось, египтяне выплыли к свету, удивляясь собственным страхам — теперь, когда туннель остался позади. Интеб моргал, ослепленный солнечным светом, но сцена, открывшаяся его глазам, потрясла его, как и остальных.

Они оказались в круглой, со всех сторон окруженной берегами лагуне. Тут Интеб впервые понял, как непросто устроена Фера: она оказалась полой внутри горой, огромным древним вулканом, извергнувшим из сердцевины лаву, так что океан мог заполнить образовавшуюся полость. В кратере осталась кольцевая гряда — через нее-то и был пробит туннель. Ну а в самой сердцевине острова лежала лагуна, невысокие берега полого опускались к воде. В укрытой от ветров чаще благоденствовал виноград, вверх тянулись зеленые всходы. За высокими деревьями прятались богатые виллы с портиками и дома победнее. Посреди лагуны располагался остров, от него во все стороны расходились мосты; остров едва не заполнял всю лагуну, превращая ее в кольцевой канал. А возле острова ряд за рядом стояли корабли Атлантиды... Их было слишком много, не пересчитать. Триремы. Клювастые военные корабли, пузатые купцы, быстрые галеры. А за кораблями — исполненные суеты доки, склады... а над ними склон с цитаделью, которую Интеб лишь мельком сумел заметить с моря.

Перед ним была метрополия, город царей Атлантиды. Гребцы опустили весла и охали, движение корабля замедлилось; Интеб ощущал тот же трепет и изумление, что и эти простолюдины. Вверх по склонам конического холма разноцветными волнами поднимались трехэтажные кубические дома. Фасады их были украшены синими, белыми, красными

изразцами: даже голова кружилась от пестроты — их перемежали горизонтальные полосы драгоценных металлов, искрились белые купола. Но все они только составляли подножие дворца, царившего на вершине; огромное сооружение сияло на солнце богатым убранством. Ослепительно красные колонны, сужавшиеся книзу в стиле атлантов, ряд за рядом прикрывали таящиеся за ними лоджии. Крыша и величественный портик входа украшены были громадными эмблемами в виде бычьих рогов, сверкавших кровавым металлическим блеском. Их покрывал орихалк — благородный сплав меди и золота.

— Кто вы и что нужно вам здесь? — на скверном египетском обратился к ним хриплый голос. — Отвечайте!

Интеб поглядел через борт на лодку с портовой стражей, незаметно подобравшуюся, пока они разглядывали город. Над веслами гнулась дюжина гребцов. На высокой корме стояли воины в броне и наколенниках, а с ними чиновник в белом запачканном плаще. Бронзовый обруч на шее служил знаком его должности, однако металл едва не полностью прятался за густой седой бородою. Лысое темя его побагровело от солнца, чиновник прищуривал единственный глаз, на месте второго была едва зажившая рана. Он открыл было рот; но Интеб заговорил первым, приблизившись к борту так, чтобы видны были золотые браслеты и драгоценные камни. Он слышал в Микенах речь рабов-атлантов, да и говор их напоминал микенский, поэтому Интеб заговорил на этом языке.

— Я — Интеб из дома Тутмоса III, фараона Верхнего и Нижнего Египта. Я пришел сюда по его велению, чтобы передать слова фараона вашему господину. А теперь ты говори.

В последней фразе ощущался уже легкий гнев, и он возымел нужное действие. Человек на палубе униженно пригнулся, насколько это позволяли ему размеры суденышка, стараясь при этом глядеть вверх.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, господин, в наши воды к священным пределам, ко дворцу Атласа, царя Атлантиды, властителя Феры и Крита, Милоса, Коса и Астипалеи, и всех островов в пределах дня пути под парусом, и всех кораблей в этой гавани. Если сообразишь последовать за мной, я отведу твой корабль к пристани.

Он что-то пробормотал гребцам, лодка рванулась вперед, египетский корабль медленно следовал за нею. Они обогнули остров и направились, как показалось, к другому туннелю. И только оказавшись внутри, поняли, что канал этот проруб-

лен в земле и перекрыт сверху тяжелыми бревнами. Сквозь квадратные люки над головой низвергались столбы света. Кормчий показал вверх.

— Все продумано для обороны. Там сверху — у самого края — громадные камни. Только попробуй пробраться здесь на корабле — потонешь с дыркой в дне.

Этот подземный переход оказался короче первого, выход из него был неподалеку. Слышно было, как над головой грохочут колесницы, стучат копыта, топают ноги. А потом перед ними открылось новое кольцо воды, окружавшее остров в самом центре Феры. Корабль причалил у пристани — там, где в воду спускались огромные ступени из красного и черного камня. Над ними располагался деревянный навес. Выкрашен он был в ярко-красный цвет, в центре располагались два позолоченных бычьих рога, подобных тем, что украшали крышу дворца. Интеб заметил на берегу ряды воинов и носилки, понял, что весть о его прибытии опередила его; когда были брошены причальные канаты, он заговорил с кормчим:

— Пусть рабы поднимут на пристань дары фараона и понесут их следом за мной. Не выпускай на берег сразу более половины твоих людей. Если тебе нужны вино и женщины, пусть на корабле знают, где тебя найти.

— Долго ли мы пробудем здесь?

— Не знаю. Несколько дней. Я пошлю к тебе вестника, когда настанет пора отправляться.

Едва Интеб ступил на землю, взвыли рога, подобно вою бога бычьих лягушек; стон их мешался с грохотом огромных деревянных барабанов, на торцы которых были натянуты бычьи шкуры. Ему кланялись, а потом повели к паланкину, восемь рабов подняли носилки, едва он уселся. Они поднимались по извивающейся дороге. Шесты натирали плечи рабам, на коже выступил пот, но Интеб не замечал этого. Он разглядывал людей и город, столь отличающийся от всех, которые доводилось ему видеть. Фивы были величественнее — но на другой манер. Здесь, в Атлантиде, цвета, поражая взор, сталкивались друг с другом, над белыми стенами среди ослепительной зелени перепархивали птицы. В этих же буйных зарослях обитали и другие существа: мартышки с голубоватой шерстью восседали на крышах и портиках. Интебу приходилось уже видеть этих столь напоминающих человека тварей, только животных подобного цвета он еще не встречал. Откуда это атланты их взяли? Были и другие животные. Ослы возили

грузы, из открытых окон выглядывали кошки. Самыми интересными оказались слоны, запросто разгуливавшие повсюду. Они совершенно не были похожи на знакомых ему африканских боевых слонов — здешние толстокожие были ростом с лошадь, шкура их была значительно светлее. Люди расступались перед животными, кое-кто прикасался к ним — ради счастья и благословения.

Потом они оказались уже на самой вершине холма, могучие белые стены акрополя величием своим ничем не уступали египетским. Как только кресло его опустилось на мостовую, массивные бронзовые двери распахнулись, перед Интебом склонились царские слуги в синих одеждах.

Он вступил в просторный зал с колоннами вдоль стен, возле которых выстроились эбеново-черные стражи-нубийцы — вывезенные из Египта, — облаченные в леопардовые шкуры, с копьями в могучих руках. Потом был другой огромный зал, заканчивающийся широкой лестницей. Повсюду царил полумрак, только небольшие окна над головой пропускали рассеянный свет. Издали доносился напев, пахло благоуханиями, тишину залов нарушали только тяжелые шаги рабов, несших дары за Интебом. Египтянам встречались узкобедрые мужи в облегающих тело коротких одеяниях, они разглядывали Интеба с не меньшим любопытством, чем он их. На фресках, покрывающих стены, такие же юноши, опираясь на рога нападающих быков, взлетали над ними в воздух. Их сменяли изображения странных рыб и многоруких спрутов, раскачивающихся подводных трав, затем — цветов и птиц. Были в залах и женщины, столь же привлекательные, как и мужчины; на них были длинные многоярусные юбки из пестрых тканей, крошечные шляпки украшали сложные и высокие прически, соски округлых нагих грудей были выкрашены синей краской. Некоторые из них были облачены для охоты — место царской ловли знали все, должно быть, туда они и направлялись: невысокие, охватывавшие голень кожаные сапоги были ярко раскрашены, короткие зеленые юбки оканчивались выше колена, широкие кожаные пояса с бронзовыми нащепками удерживали их у груди. С плеч спускались на грудь перекрещивающиеся перевязи. Плечи женщин оставались обнаженными, подобное облачение лишь подчеркивало красоту грудей, привлекая внимание к ним. Интеб же нашел в подобных одеяниях нечто отталкивающее. Потом вновь был яркий свет, они вступили на открытый мегарон — в сердце дворца.

Весть о прибытии Интеба успела достичь царя Атласа, восседавшего на высоком алебастровом троне у дальней стены с фреской за очагом, — он явно только что правил суд. Чиновники с глиняными табличками поспешно покидали мегарон, а вооруженные стражи выталкивали человека в колодках. Интеб отступил в тень, выжидая, пока восстановится порядок, дабы войти, как подобает мужу его ранга, выступающему от имени самого властелина Египта. Колодник был наг, за исключением повязки на бедрах, его покрытое запекшейся кровью тело было сплошь покрыто синяками. Один из стражей ткнул его в спину рукоятью меча, тот споткнулся, а затем, оглянувшись, бросил ругательство через плечо.

Ошеломленный Интеб замер на месте.

Перед ним был Эсон, сын Перимеда, наследник микенского трона.

Второй раз страж ударил уже покрепче, и осевшее тело Эсона торопливо выволокли из атриума.

Глава 4

— Отличное вино, мой дорогой Интеб, — проговорил царь Атлас, похлопывая египтянина по руке, словно в знак подтверждения собственных слов. Толстые белые, похожие на мясные колбаски пальцы царя были украшены перстнями. — Оно родом с южного склона прямо за Кноссом. Чтобы получить этот глубокий пурпурный цвет и неопиcуемый аромат, мехи вымачивают в винном соусе. Вино следует разбавлять десятью частями воды — настолько оно крепко.

Высокую амфору в половину человеческого роста осторожно наклонили, чтобы неторопливая струя вина, вытекая, не прихватила масла, которым вино было залито сверху, чтобы предохранить от воздуха. Золотую чашу с великолепной чеканкой — сценами ловли диких быков — налили не до верха. Один из рабов склонился над нею с губкой, промокая золотистые капельки оливкового масла. Только после этого чашу поставили на низкий стол рядом с Атласом. Чтобы почтить гостя, сидевшего по правую руку от него, царь сам долил холодной воды, а потом наполнил кубок Интеба; пригубив, тот кивнул.

— Превосходное вино, царственный Атлас, вдвойне превосходное, когда пьешь его из твоих рук.

— Я пошлю его фараону. Десять амфор... нет, двадцать — большее число обладает и большей силой.

Довольный собою, Атлас кивал, улыбался и потягивал вино. Огромная расплывшаяся туша. А в молодости — Интеб знал это — был ведь отважным моряком, провел свой корабль до Золотого Рога и дальше в Восточное море, потом вверх по Истру... Там деревья росли так тесно и близко, что ветвями своими закрывали небо. Люди в этих лесах воевали каменным оружием, были покрыты шерстью, у них росли звериные хвосты... по крайней мере так говорили. И если прежний воин еще прятался где-то внутри этой глыбы мяса, об этом теперь ничто не свидетельствовало. Складки мертвенно-бледной, как у утопленника, плоти сползали на шею и руки. На голове царя не было ни волоска — словно у бритого жреца, не было даже бровей и ресниц, глаза же, утопавшие в жире, поблескивали сине-зелеными огоньками. Губы царя улыбались, хотя глаза оставались холодными. Растянутые в улыбке накрашенные губы открывали черный рот, в котором торчали редкие бурые пеньки, оставшиеся от зубов. В довершение всего боги лукаво пометили этого человека: шею и одно ухо его покрывало воспаленное красно-пурпурное пятно: к счастью, багровая левая сторона лица царя не была обращена к Интебу, сидевшему справа. Должно быть, в годы юности царь действительно был одним из храбрейших — иначе как можно выжить со столь многочисленными признаками немилости небес. В Египте его не оставили бы в живых, даже родись он среди благородных: таких сразу после рождения отдавали водам Нила, дабы священные из крокодилов пресекли неуютную богам жизнь.

— Расскажи мне о Египте, — проговорил Атлас, искоса бросив на Интеба лукавый взгляд.

Интеб приложился к вину и причмокнул губами в знак удовольствия. Думать приходилось быстро. Не следует полагать, что этот царь, налитый белым салом, словно жертвенный боров, допустил, чтобы и разум его тоже заплыл жиром. Ведь он правил морской империей уже три десятилетия. Такое бывало нечасто. Что-то он знал, о чем-то догадывался, а значит, правда позволит наилучшим образом скрыть свои мысли. Интеб не был новичком в дворцовых интригах, и его радовала возможность вновь окунуться в них после лет, проведенных среди варваров.

— Мне почти не о чем рассказывать, царственный Атлас, я странствовал и много месяцев не видел дома.

— В самом деле? Весьма интересно. Расскажи мне о твоих путешествиях.

— Они скучны, о царь: по большей части это были варварские страны.

— Расскажи же, удовольствие и интерес гостят повсюду. Терпкие вина хороши на охоте, только что убитый вепрь лучше, когда его жарят над костром. — Взгляд холодных глаз вновь обратился в сторону. — Разве мальчишки с округлыми задами не столь же хороши в диких странах? И девки с толстыми животами и большими грудями?

Подцепив кусок мяса золотой вилкой, Интеб окунул его в острый соус и принялся жевать. Придется говорить правду... ее не избежать.

— Большую часть этих долгих месяцев, царь, я провел в скалистых Микенах, выполняя повеление фараона.

— Строил им стены, Интеб, чтобы воевали с нами, атлантами?

Знает, понял Интеб, и пытается подловить.

— Нет, великий Атлас, кому же по силам воевать с Атлантидой, что правит над морями и берегами всюду, где пожелает? Разве опасно для вас, атлантов, это жалкое племя, гнездящееся на прожаренной солнцем скале? Их жалкие стены годятся, только чтобы воевать с другими ничтожными племенами, обитателями деревень. Вижу, что ты, царь, обо всем уже знаешь. У тебя глаза бога Гора.

— Не глаза, Интеб, шпионы, которых можно купить за козий помет. Ты удивишься, узнав об их рассказях.

— После великолепия твоего двора меня уже нечем удивить, — отвечал Интеб, склоняя голову. Атлас расхохотался и протянул руку к истекающему медом жареному цыпленку.

— Интеб, твоему фараону хорошо служат. Мне бы хотелось, чтобы и у меня были столь же верные слуги. — Одним движением он разодрал тушку пополам и принялся жевать. — Перимед умеет жалить как овод. — Из рта царя вылетали кусочки мяса, мед стекал по подбородку. — Твой фараон поступил мудро, он купил царька высокими стенами и воротами, которые пришлось возводить рабам микенцев. И корабли Перимеда теперь не опасны египетским берегам.

— Но ведь они не опасны и водам, где властвует Атлантида?

— Конечно, нет. Я не сказал, что царь глуп. Потому твои

труды в Микенах и не беспокоят меня. Впрочем, я не сомневаюсь, что ты хорошо омылся, оставив эту зловонную яму...

— И умастил себя благовониями, а одежду, которую запачкал среди микенцев, сжег прежде, чем предстать перед могущественным Атласом.

Оба расхохотались, и Интеб ощутил облегчение, однако продолжал держаться настороже. Там, в глубинах развалившейся перед ним жирной туши, все-таки прятался юный Атлас, кормчий и воин, и присутствие его выдавал только холодный взгляд царя. И теперь былой витязь вооружен был лучше, чем прежде, не одной силой рук: мегарон дворца источал запах интриги... слабый, но вполне различимый. Богатые купцы и судовладельцы раскинулись на каменных скамьях, покрытых подушками, возле стен зала. Над ними резвились на фресках дельфины, перед ними стояли столики с угощением... они ели и пили, громко перекликались. И были настороже. Как львы, отдыхающие после охоты, после убийства, готовы были они в любой момент прыгнуть на жертву. А пока они говорили, внимательные глаза не знали покоя, чтобы не пропустить ничего... все время возвращаясь к расплывшейся на троне возле стены туше Атласа, средоточию их интересов.

Главный писец из архивов читал царю список поступлений в царские кладовые, громко, так, чтобы слышали все. В Атлантиде не было придворного поэта, но зато писцы составляли хроники увеличения ее богатства.

— ...и три кувшина, шесть котлов с треножниками, и три сосуда с вином, масло, ячмень, оливы, фиги, запас пшеницы, домашний скот, вино и мед: все это дары могучего Маттиса, купца, вернувшегося из дальнего странствия.

Упомянутый купец был могуч, похоже, своим аппетитом: когда он поднялся, то оказался круглым, как дыня. Купец склонился перед царем, тот, приветствуя, поднял свой кубок. Чтение продолжалось.

— И еще шесть сосудов для смешения вина, три сковородки, двое щипцов для очага, черпак, одиннадцать столов, пять стульев, пятнадцать скамеек.

Список казался бесконечным, и Интеб пропускал услышанное мимо ушей, тем более что и остальные внимали вполуха, лишь иногда кивая — услышав нечто необычное. Принесли пищу на красивых блюдах — последнюю перемену. Сперва была птица: какие-то обжаренные пичужки, чуть ли не на один глоток, потом пошла дичь покрупнее, а за нею зве-

ри, добытые на охоте. Теперь же море принесло свою дань: сине-черные мидии в раковинах, каракатицы в собственных чернилах, печеные мелкие рыбешки, отварные рыбыны покрупнее. В этом морском королевстве рыбу ценили. Она манила — как женщины. Внимания гостей разделилось. С ними обедали и атлантки, обнаженные груди временами уже вздымались под вопрошающей лаской. Но когда рабы внесли дары моря, женщин на время забыли.

И пока Интеб внимательно разглядывал обедающих, изучал их, он вдруг понял, что и за ним самим наблюдают не менее пристально. Это был юный Темис, третий сын Атласа, сидевший справа от египтянина. Улыбнувшись в кубок с вином, Интеб ощутил, что уж и сам оказался впутан в здешние интриги.

Юный Темис был красив и знал это... Узкие бедра, широкие плечи, среди атлантов такое ценилось, и потому царевич был в узкой повязке на бедрах, высоко открывавшей ноги. На гладкой безволосой груди вздувались могучие мышцы. Но за гордой силой виделась и восприимчивость: тонкий изогнутый нос, пухлые губы говорили, что перед Интебом не мускулистый зверь, а сын своего отца. Прямые темные волосы открывали высокий лоб, их поддерживал обруч из кованого золота. Поймав на себе взгляд Интеба, царевич приподнял кубок в знак приветствия:

— Вижу, благородный Интеб, ты критическим оком разглядываешь наш двор. Должно быть, он далеко уступает сказочному великолепию и богатству Египта, к которому ты привык?

— Я успел привыкнуть к вонючему тухлому маслу и вонючего козье помета. Но в моих глазах ты мог бы прочесть удивление и восхищение. Не умаляя Египта, скажу: ваш город и дворец подобны чуду. А картины на стенах изумили мой взгляд. Мы, египтяне, в искусстве своем ценим порядок, знакомые формы и узоры даруют нам отдых. Но для ваших художников мир — это море: цветов, птиц, зверей, рыб... разнообразию нет конца. А гимнасты, прыгающие через быка... они, кажется, вот-вот спрыгнут вниз и примутся кувыряться здесь среди нас, а огромный пятнистый бык тем временем поднимет меня на рога.

— Значит, ты еще не видел пляску с быком?

— Никогда. Но я надеюсь ее увидеть. А ты не прыгаешь через быка?

— Значит, заметно? — усмехнулся Темис и повел плечами так, что мышцы заиграли под кожей, прекрасно подмечая восхищенный взгляд Интеба. — И не только прыгаю. Еще я лучший кулачный боец в этом городе.

— Я не знаю такого развлечения, сами слова незнакомы мне.

— Ты обязательно должен познакомиться с этим благородным спортом до отъезда. Представь себе двух бойцов, их обнаженные тела блестят от масла. Кожаные ремни намотаны на их кулаки; обратившись лицом друг к другу, они наносят удары, способные убить обычного человека, и отражают их. — Темис отпил вина, потом взял конический кубок с низкого столика перед собой. — Ну а эта игра тебе известна? — спросил он, тряся кубок, в котором загремели кости, и опрокидывая его на стол.

— В Египте мы знаем игру в кости, хотя правила, наверное, другие.

Темис поднял кубок, открывая три кости.

— Шестерка, тройка, двойка, могло быть и хуже. Правило простое — выигрывает тот, у кого больше. Самый лучший ход, Афродитин, — три шестерки; худший, собачий, — три единицы. Сыграем?

Но прежде чем Интеб успел ответить, он понял, что царь Атлас обратился к нему, и египтянин повернулся к царю столь же поспешно, как это сделал бы всякий в этой палате.

— А теперь скажи, дорогой мой Интеб, случилось ли тебе видеть пса шелудивее этого?

Интеб поглядел на пленника, стоявшего перед Атласом. На его руках и ногах были деревянные колодки. Избитый, грязный, окровавленный, нагой... не человек, останки человека. Эсон, сын Перимеда, микенский царевич.

Весь вечер Интеб готовил себя к этому мгновению. Тот единственный взгляд на Эсона, о котором не ведал Атлас, дал понять египтянину, что его ждет. Он понимал, что Атлас не сумеет справиться с искушением, царь захочет показать гостю этого пленника. Интеб не мог не знать его, лишь недавно покинув город. И потому Интеб не поддался чувствам, отвечал взвешенно и обдуманно. Он окинул Эсона взглядом с ног до головы, и выражение на лице его не переменялось.

— Похоже, это Эсон, сын Перимеда. Но по каким же причинам, великий Атлас, с этим благородным человеком обходятся таким образом?

Улыбка исчезла с уст Атласа, на лице его была написана холодная злоба. Все разговоры разом стихли. Подобно ядовитой змее, царь не отрываясь глядел на Интеба. Египтянин отвечал ему бестрепетным взглядом.

Пусть Атлас — царь Атлантиды, ее самодержец, но и он, Интеб-египтянин, послан сюда самим фараоном с дарами дружбы... Об этом можно напомнить. Египет в мире с Микенами и с Атлантидой, он выше того, что разделяет сейчас оба царства. Атлас не сразу осознал это и помедлил с ответом. С первым же словом улыбка возвратилась на его уста. Но в глазах царя... в глазах темным пламенем горела холодная ненависть.

— Благородный? Что ж, и петух благороден на вершине кучи навоза. Для нас, атлантов, мой маленький египтянин, он просто ничто. К тому же этот молодец принадлежит к тому самому вздорному горскому племени, о котором мы только что говорили.

— Ты... здесь! — прохрипел Эсон, только теперь узнавший Интеба. — Предатель... — Микенец попытался броситься вперед, но стражи оттащили его и бросили на колени. Атлас захохотал, все тело его сотрясало от хохота.

— Смотри же, Интеб. Тварь эта даже не понимает твоих слов, того, что ты вступился за дерзкого княжонка. Ты смел, Интеб, только не советую тебе рисковать ради грязных варваров.

— Свины! — выкрикнул Эсон, закашлявшись. — Мы не хуже вас!

Палата взорвалась хохотом. Эти слова, мягко говоря, противоречили обличью микенца, и даже Интеб слегка улыбнулся, показывая, что и просвещенный Египет тоже ценит добрую шутку. Атлантида и Египет, два оплота цивилизации, культуры, искусства... они стоят высоко над людьми-животными, что обитают вне пределов обеих стран, разрывают грязь заостренными палками в поисках пищи... людьми низшими во всем. Быть может, эта кучка камней в Микенах действительно выше подобных же нагромождений скал в ближайших селеньях, быть может, царь ее и правит ими, но для Атлантиды это не имеет значения. Каждое ругательство Эсона доказывало правоту атлантов; они хохотали, приходилось улыбаться и Интебу.

— Смерть... — Эсон задохнулся в кашле.

— Смерть свиньям в доспехах и без них, — закончил за него Темис, и все вновь захохотали.

— Прямо как тот пес на свалке, — выкрикнул кто-то, и окруженный смехом Эсон попытался обернуться к новому учителю, скрипя зубами в гневе и разочаровании.

— Вы, вы... все, вы... ублюдки! Своим мечом я убью...

— Мечом? — Темис насмешливо поднял брови. — Мы бы дали тебе меч, но разве ты удержишь его в своих копытах? — Хохот сделался всеобщим, и Эсон напрасно пытался перекрычать его... вид его раскрывающегося рта и побагровевшего от прилива крови лица лишь вызывал у атлантов новые пароксизмы веселья.

Внезапно смех оборвался: один из рабов нес большую керамическую миску с горячим рыбным супом. Связанный, в колодках, Эсон все же сумел подняться на ноги и, когда раб оказался возле него, рванулся вперед, потянув за собой обоих стражей. Раб упал, миска опрокинулась, залив Темиса своим дымящимся содержимым. Раб и стражи столкнулись друг с другом, а Эсон проскочил мимо них и повалился на низкий столик, сумев дотянуться до шеи Темиса... столик рухнул под весом микенца.

На миг воцарилась тишина, сменившаяся криками ненависти. Стражи отбросили раба и схватили Эсона, нанося по его телу удары, пытаясь оторвать его руки от горла Темиса. Уже теряя сознание, Эсон сжимал пальцы все сильнее, и лишь когда рукоятка меча, описав широкую дугу, обрушилась на его висок, по его телу прошла судорога и он затих. Его стащили на пол лицом вниз, и один из стражей, высоко подняв руками короткий меч, уже готов был обрушить его на шею поверженного.

— погоди, — проговорил хриплый голос, и меч замер в воздухе.

Темис встал, потирая горло, кусочки рыбьего мяса падали с его запачканной одежды.

— Он так легко не умрет. Он напал на меня, и право убить его принадлежит мне. Так, отец?

Пригубив вина, Атлас отмахнулся. Развлечение окончилось, он вдоволь потешился над горным варваром. Еще дрожа от ярости, Темис повернулся к Интебу.

— Ты говорил о кулачном бое. Завтра я покажу тебе это искусство. На открытой арене, в честном поединке, я до смерти забью эту скотину.

Эсон проснулся во мраке, не зная, день или ночь снаружи; это было и неважно в той черной дыре, где он был заточен. Боль, терзавшая его тело в разных местах, теперь слилась в один жуткий клубок, стиснувший голову. Он попытался сесть, но, словно караулящий зверь, боль швырнула его обратно на жесткий каменный пол. При следующей попытке он был более осторожен. Эсон провел руками по телу — новых ран не было, во всяком случае серьезных. Затем, с особой осторожностью, он ощупал болезненную припухлость на виске.

Теперь он вспомнил пир, издевательства атлантов, собственное нападение на самое докучливое из этих жужжащих насекомых. Он улыбнулся во тьму. Боль стояла удовольствия: хорошо было стиснуть пальцы на этом горле.

Была ночь. Конечно, ночь, если его вновь заточили туда же. Острый запах навоза бил в ноздри. То же самое место, бычье стойло. Лев микенский, заточенный в стойле быка Атлантиды. Живой еще лев. Превозмогая боль, он пополз по полу на звук журчащей в канавке воды. Она оказалась на диво прохладной, и Эсон опустил в нее лицо, потом окунул всю голову, стараясь задержать дыхание подольше. Боль отступила, и Эсон медленно приподнялся, опираясь на стену, и наконец сел, прислонившись спиной к прохладному камню.

Должно быть, он уснул в этой позе, потому что прошло время, и, открыв глаза вновь, он увидел над огромной деревянной дверью кружок света. Прежде чем дверь распахнули и свет ударил копьем в глаза, он сумел закрыть их и защитить рукой. Рядом протопали тяжелые военные сандалии; шурясь, Эсон попытался разглядеть высящиеся над ним фигуры. Противиться не было смысла, и он позволил, чтобы его подняли и выволокли из стойла. Смерть стояла рядом, удивляться он мог лишь тому, что все еще жив. Боль в голове лишила его способности думать, и он покорно пошел туда, куда его вели.

Дальше началось удивительное. Эсон слышал о банях атлантов — многие рассказывали об этом городе, но это чудо оказалось взаправдашним. Под надежной охраной — двое вооруженных стражников спереди, двое позади, еще двое по бокам — он был приведен в комнату для омовения, куда свет попадал через узкие отверстия высоко в стенах. На почетном месте среди палаты располагалась более высокая с одного

конца терракотовая ванна. Банщик шагнул вперед и склонился в поклоне перед Эсоном, стражи отступили к двери.

— Пусть господин воспользуется этой ступенькой, — опытной рукой он стянул набедренную повязку с Эсона, тот забрался в пустую ванну и сел. Банщик резко хлопнул в ладоши, раб внес огромный горшок с горячей водой и поставил его на глиняный выступ возле ванны. Взяв черпак, банщик принялся поливать Эсона, сопровождая поток воды словесным потоком.

— Вода... дивная вода. Боги благословили Атлантиду водными ключами... вода по каналам и трубам подводится к этим баням. Горячие ключи и холодные. Так, господин мой... воды их смешиваются здесь.

В нише глиняного выступа оказалась губка, которой банщик принялся растирать Эсона, поначалу мягкими движениями удаляя запекающуюся кровь и грязь. Потом он сполоснул тело Эсона водой, очистившей его раны, смыв вместе с грязью и боль. По распоряжению банщика он поднялся и лег на прохладный камень, где, умастив тело его и волосы благовонным маслом, банщик принялся умело разминать его. Усталость оставляла мышцы, масло закрывало еще не зажившие раны. Под руками банщика боль почти оставила тело Эсона, а когда тот начал брить его острым обсидиановым лезвием, микенец уже задремал. Рядом раздались чьи-то тяжелые шаги. Открыв глаза, микенец увидел над собой на редкость уродливую физиономию. Судя по всему, нос этому человеку перебивали неоднократно, один глаз был почти закрыт разросшимся рубцом, уши были надорваны, как и часть нижней губы, — через дыру проглядывали зубы. Седой ежик на голове не мог скрыть многочисленные рубцы.

— Кулачный бой знаешь? — хриплым голосом, соответствовавшим физиономии, осведомился вошедший.

Эсон моргнул, потом отрицательно качнул головой: о таком он и не слыхивал.

— Нет. Так я и думал, откуда вашему брату знать об этом. А теперь слушай-ка старика Эйаса. Усваивай. Если ты окажешься сегодня слаб на арене, если не сумеешь показать себя, прежде чем тебя убьют, это будет стоить и моей головы. Понял меня, незнакомец?

Вместо ответа Эсон ограничился тем, что закрыл глаза. Внезапная боль пронзила его тело, и Эсон уселся, оттолкнув банщика, стиснув рукой бок: он ожидал уже, что увидит раз-

верстую новую рану. Там не было ничего — только красное пятно на боку. Эйас ухмылялся, глядя на него, — уродливая рожа с отвисшей губой. Стиснув огромный кулак, он выставил его вперед.

— Это кулачный бой. Вот тебе первый урок. Складываешь ладонь в кулак и бьешь. На арене твои руки прикрывают кожаные ремни, чтобы крепче ударить и не сбить костяшки. — Пальцы Эйаса были узловатыми и расплюснутыми, покрытыми шрамами. — Человека можно бить во многие места, но все я тебе сейчас не смогу показать. Лучше бить в голову или в верх живота. А теперь вставай и ударь меня.

— Дай меч — ударю.

— Здесь обходятся без мечей, горец. Все будет так, как угодно атлантам, Темис убьет тебя со всем мастерством, на которое способен только он один.

Кулак Эйаса мелькнул, и Эсон получил легкий, но болезненный удар в челюсть, голова его откинулась назад, вновь отзываясь болью. Взревев от гнева, Эсон прыгнул вперед, нанося могучий удар, от которого кулачный боец легко увернулся.

— Нет, не так. Ты не рубишь мечом. Двигай кулаком, словно мечешь копье. Лучше, уже лучше, но не слишком хорошо. И не открывайся так, я ведь могу врезать. Больно, а? Темис будет обращаться с тобой хуже. Я слышал, что ты облил его горячим супом и попытался удушить. Темис не из тех, кто молча проглатывает оскорбления. Горец, он забьет тебя насмерть.

Эсон отступил, по-прежнему настороже, выставив вперед кулаки.

— Это тот муж, что хочет убить меня? Он сын Атласа?

— Сын. Он могучий боец, именно это и должно тебя интересовать. Ты собираешься умереть как муж или как трясушийся раб?

— Я хочу убить Темиса. Покажи мне приемы.

Осваивать нужно было многое, но времени на это почти не было.

Стража с хохотом наблюдала, как Эсон гонялся по палате за приземистым бойцом, размахивая руками, как цапля крыльями. Все усилия его почти не приносили результата, удалось только пару раз зацепить Эйаса по ребрам. Но упражнение прояснило голову Эсона, и когда боец оставил его, микенец вылил себе на голову целый кувшин воды, расхохотавшись, когда стражи принялись бранить его за образовавшуюся

ся на полу лужу. Он не стал возражать, когда его еще раз вытерли и умастили маслом. Банщик облачил его в высокие, плотно прилегающие штаны из нескольких слоев кожи, а затем обул в сапоги из того же материала, доходившие до лодыжек. Колодок на этот раз не было, однако, выводя его из палаты, стражи обнажили мечи.

— Уберите оружие, — проговорил Эсон, — я хочу того же, что и вы. Не дожусь поединка с вашим изъеденным червями царевичем.

Он говорил, что думал. Конечно, лучше было биться бронзовым кинжалом или мечом, даже боевым топориком, которые предпочитали атланты. Ведь оружие было только средством — Эсон жаждал битвы. О поражении он не думал — хотя, конечно, микенский царевич привык помнить о смерти. Не следовало страшиться ее или манить к себе, она всегда была рядом. Муж убивал мужа, с которым бился. Тяжелая рана означала смерть, и честнее было разом закончить начатый поединок. Двое бьются — один умирает. Иногда и оба сразу. Оружие — не главное. Главное — сама битва.

Мир Эсона не был сложен, и удовольствия его были просты. Он хватался за все радости, предоставляемые ему жизнью, одинаково острое удовольствие давала и охота с копьем на кабана, и объятия женщины. И то и другое быстро заканчивалось. Конечно, у него всегда находились друзья, с которыми приятно пить, а потом они сражались возле него. В битве он находил самое большое из удовольствий. Необходимые, чтобы завязать битву, ссоры Аргонида поставляла в избытке. Первые детские воспоминания Эсона были — вопли мужей за стенами, раны и смерть, окровавленные бронзовые мечи. Первой его игрушкой был небольшой меч, и он не был просто забавой. Едва получив его — дня не прошло, — Эсон выследил и убил поросенка и приволок к отцу окровавленную тушку. Дичь становилась крупнее, наконец дошло и до самой опасной. У него в руке было копье, и Эсон ударил им под козырек эпидаврского шлема, прямо в глаз воина. Удивило его лишь то, как легко умер этот человек — куда легче, чем многие из убитых им оленей.

Женщины находили его привлекательным, мужчины тоже. Ясные голубые глаза, гладкая кожа. Каштановые волосы и борода, расчесанные и подстриженные, как теперь, отливали янтарем. Конечно, нос крупноват, но не уродлив — словно хищный клюв ястреба; на эту птицу и был похож Эсон. Здоро-

вые белые зубы — иных и не знали привыкшие к простой пище микенцы. Змеистый шрам на подбородке не один белел на загорелом теле. Ему случалось идти — или бежать — весь день и ночь и с ходу вступать в битву. Мышцы Эсона были способны на подобные усилия — длинные, ровные, не выпиравшие узлами, как у мужей, миновавших пору расцвета. И в уме ему трудно было отказать. Как и отцу — Перимеду. Но все способности он тратил на одно лишь — чтобы лучше биться. А вот зачем ему битвы — вопрос этот еще не приходил царевичу в голову. Настанет день, и придется задуматься: умрет Перимед, тогда ему, Эсону, быть царем в Микенах, но пока для раздумий нет особых причин. И ныне его ждала новая битва, он шел на нее столь же непринужденно, как на каждую из тех, в которых ему приходилось участвовать за двадцать один год своей жизни.

— Стой здесь, — стражи остановили его за руки. Впереди за аркой уже виден был большой двор, усыпанный песком. С кожаными ремнями в руке подошел покрытый шрамами кулачный боец.

В этот миг издалека донесся гул, словно чудовищный зверь шевельнулся в глубинах земли. Почва затряслась под ногами. Стены пошатнулись, дрогнули колонны, сверху с пылью посыпалась штукатурка.

Эсон дернулся вперед к безопасности — под открытое небо. Сильные руки потянули его назад.

— Не трусь, горец, ты не мертв еще. — Стражи со смехом следили, как Эйас привычными движениями обматывал кожаными ремнями руки Эсона. — Атлантида чересчур прочно сложена, она не развалится, когда потрясатель земли Посейдон колышет недра. Ты еще поживешь немного, тебя ждет бой с Темисом, а умрешь, когда он убьет тебя. Час твоей судьбы еще не настал.

Отсутствие страха у стражей подбодрило и Эсона. Он знал, что на островах земля иногда сотрясается, да так, что дома рушатся и потоки жидкого камня истекают из земных глубин. Значит, земля здесь трясется нередко, раз все вокруг не вызывают беспокойства. Он следил, как Эйас обматывал его руки тонкой кожей. Наложив первый слой, боец пристроил к костяшкам пальцев свинцовую пластину, привязав ее широкой полосой кожи потолще.

— Вот тебе и молот, — приговаривал Эйас, привязывая к другому кулаку такую же свинцовую полосу. — С одной ко-

жей на кулаке приходится повозиться, чтобы убить человека. Для этого нужен свинец. — Снаружи пронзительно взвыли рога, и Эйас торопливо закончил наматывать ремни. — Вот и сигнал. Тебя требуют. Умри хорошо, горец. Многие почли бы за честь умереть от кулака царевича Атлантиды. — Он криво усмехнулся.

Руки Эсона неуклюже висели, как онемевшие копыта. Он поглядел на кулаки, пристукнул ими друг об друга. Лучше бы, конечно, любое другое оружие, но и это сойдет.

— Выходи, — приказал один из стражей и подтолкнул Эсона мечом в спину.

Не оборачиваясь, Эсон коротко ударил кулаком, угодив стражнику прямо в живот. Охнув, тот перегнулся, меч звякнул о камни. И прежде чем прочие успели пошевелиться, Эсон шагнул вперед — на арену.

Двор оказался огромным; с трех сторон его окружал дворец, четвертая была огорожена низкой стенкой, за ней начинался обрыв. В центральной части двора располагалась широкая лестница, по бокам которой шли два ряда ярко-красных колонн, сужавшихся книзу. Такие же колонны шли сверху вдоль балконов, кое-где над ними золотом блестел двойной топор Атлантиды. У балконов и окон стояла нарядная публика — мужчины и женщины, но Эсон не замечал их. Он видел только топоры и мечи в руках воинов, стоявших возле стены дворца, около каждой двери. И мужа, что в одиночестве стоял на песке.

Темис. В таком же одеянии, как и сам Эсон. Умашенное благовониями, тело его блестело, обмотанные ремнями кулаки походили на дубинки. Он неторопливо направился навстречу Эсону, тоже двинувшемуся к противнику.

— Я с тобой говорить не буду, — начал Темис, замахиваясь кулаком, — я убью тебя.

Эсон отпрыгнул назад, смягчая силу удара, угодившего в плечо. И ответил могучим ударом, способным уложить насмерть быка, угоди он в нужное место. Но рука его лишь мелькнула в воздухе — Темис легко уклонился.

Острая боль вдруг пронзила Эсона, и он беспомощно повалился спиной на песок. Вдали взревели голоса.

— Вставай, — сказал Темис. — Это было только начало.

Эсон, шатаясь, поднялся, и избиение началось. На его тело обрушивался удар за ударом, оставляя синяки и ссадины. Сам же он не мог дотянуться до Темиса, попасть в распы-

вающийся в глазах силуэт. Только однажды, повалившись вперед, он ухитрился достать противника и нанести ему чувствительный удар в бок, но Темис отбросил его в сторону, продолжая молотить по голове, груди, плечам и рукам. Эсон не знал, сколько прошло времени, оно тянулось и тянулось, микенец напрасно размахивал руками, получая в ответ тяжеленные удары. Кровь текла по его лицу, заливала глаза, он ощущал соленый привкус во рту. Кровь покрывала и тело, желтый песок налипал на раны каждый раз, когда он падал. А потом он получил удар в солнечное сплетение, самый сильный. Эсон лишился способности двигаться и корчился, подобно рыбе на берегу, тщетно пытаясь вдохнуть воздух. Темис обернулся к царю и наблюдавшей сверху толпе.

— Все честно! — выкрикнул он. — Каждый удар, который он получил, должным образом угодил в назначенное место. Но забава окончена. Настало время ломать кости. Я перебью ему ребра и кости, я ослеплю его, искалечу его лицо, и только когда он осознает все это, я убью его!

Последние слова утонули в хоре хриплых криков. Да, все хотели видеть это, все желали видеть мастерство Темиса, запомнить гибель микенца и смаковать ее, вспоминая в последующие годы. Это был добрый день... для всех.

Кроме одного. Эсон с трудом перекатился на живот, стараясь одолеть боль, подтянул под себя колени; он пытался смахнуть кровь с лица, протереть предплечьем глаза, чтобы хоть что-то видеть. Выхода не было. Этого мужа ему не повалить. Он не хотел себе такой бесславной смерти, и мысль о ней угнетала его сильнее, чем боль от полученных ударов.

Земля под ним затряслась, и Эсон упал на четвереньки, упираясь в землю руками. Рев в ушах его сделался громче. Неужели он настолько ослаб?

Но когда прямо на его глазах часть огромного здания осела, Эсон понял, что жуткий рев ему не примерещился и что сама земля сотрясается под ними.

Это было не просто легкое колебание почвы. Подобные землетрясения разрушали города и сравнивали их с землей.

Все еще не вполне понимая, что происходит, Эсон глядел, моргая, на сотрясающиеся стены и обрушивающиеся колонны. Люди вопили в ужасе, падали вниз, выбрасывались из верхних окон. Лопнули медные скрепы, посыпались белые камни карниза. Длинный камень рухнул в песок рядом с Эсоном, каменная крошка ожгла кожу.

Случилось. И без колебаний он метнулся вперед, подцепив неуклюжими кулаками плиту из резного камня длиной в локоть. Из всех сил замахнулся ею Эсон — мышцы его сейчас не уступали по твердости камню, который сжимали его руки. Темис приближался с занесенной рукою, готовый нанести микенцу убийственный Удар.

Но первым ударил Эсон. Поднятые кулаки Темиса не могли остановить падающий камень. Прямо в голову Темиса ударил он, на месте уложив царевича недвижимым и бездыханным... только грубый обломок камня торчал из его черепа. Повернувшись, чтобы бежать, Эсон над грохотом и воплями услышал собственное имя, — подняв вверх глаза, он увидел склонившегося с балкона царя Атласа.

— Убейте его немедленно! Убейте микенца! — кричал царь. С балкона прыгнул вниз молодой атлант в бронзовой броне, вес доспехов заставил его упасть на колени. Поднявшись, он извлек меч и огляделся, ища Эсона. Еще два воина уже бежали по арене к микенцу, остальные затерялись в толпе. Эсон сделал единственное, что ему еще оставалось: он повернулся и бросился наутек.

Перед ним открылся темный дверной проем, и Эсон нырнул в него. Клубы пыли мешали видеть, он споткнулся о наваленные на полу обломки. Вокруг словно живой стонал и корчился дворец. С треском гнулись и ломались вделанные в камень деревянные балки. Лестница впереди оказалась заваленной, Эсон повернулся и, касаясь обмотанной ремнями рукой стены, побрел вдоль нее. Он попал в просторную комнату с обрушившимся потолком, где, по крайней мере, было светло, обогнул груды обломков в поисках выхода и убедился, что пути дальше нет. Первый из его преследователей с хриплым воплем появился в дверях, закрывая дорогу к спасению.

Бронзовый шлем с высоким синим плюмажем из конского волоса. Бронзовые оплечья, нагрудник поверх толстой кожаной куртки, плотная кожаная юбка, бронзовые поножи на ногах. И тяжелый, острый, блестящий смертоносный бронзовый меч.

Окровавленный, почти нагой Эсон рванулся в атаку. Воин спокойно поджидал его, а потом ударил мечом, метя в основание шеи. Подобный удар если бы не обезглавил, то наверняка сразил бы Эсона.

Безоружной левой рукой Эсон попытался защититься от

неотразимого удара, в который противник вложил весь свой вес.

И меч ударил в кулак — в свинцовую пластинку.

В тот же миг правая рука Эсона молотом обрушилась сбоку на голову воина, тот рухнул, как оглушенный бык, потом попытался подняться, но Эсон молотил и молотил его в одну и ту же точку на шлеме, проминая прочную бронзу. Наконец воин застыл в неподвижности.

Эсон потянулся к мечу, но не мог его ухватить затянутой в кожу рукой. Он уже рвал ремни и шнурки зубами, когда у входа появились еще двое преследователей. Они медленно приближались, Эсон отступил. На этот раз спасения не будет. С мечом он мог бы еще попробовать отбиться от них, но что такое кулаки против двух мечей... Враги приближались, один впереди другого.

Задний громко вскрикнул от боли, зашатался и упал... Кто-то склонился над ним, извлекая кинжал из спины лежащего. Атлант, шедший первым, опасливо оглянулся, и в этот момент Эсон бросился на него, увлекая вниз всем весом своего тела и отчаянно нанося удары правой рукою. С криком тот рванулся и уже обнажил свой меч, заноса его для последнего удара. Правая рука его поднялась — пропуская к боку уже обагренный кровью клинок, меж ребер скользнувший в сердце. Перекатившийся на живот Эсон был готов вскочить на ноги и продолжать битву, когда взгляд его упал на египтянина.

— Интеб!

— Надо выбираться отсюда, пока вся Атлантида не рухнула нам на голову.

— Только срежь с моих рук эти проклятые шутовины, чтобы мне не пришлось унести их с собой в могилу.

Интеб не стал возражать. Закаленный, острый как бритва кинжал вспорол повязку на правой руке Эсона. Кожа свалилась, и Эсон смог размять онемевшие пальцы, а потом взялся за запястье обвисшей левой руки. Спасая в бою свою жизнь, он совсем забыл про нее. Теперь же ему представилось, что кисть разрублена пополам — такое было вполне возможно: меч рассек кожаные ремни. Интеб срезал остающиеся полоски кожи.

Распухшая рука горела, но была цела. Интеб показал ему свинцовую пластину — смятую, но не прорубленную. Вместе с толстым ремнем она остановила меч, не дав ему достичь

пальцев Эсона. Микенец старательно сгибал и разгибал пальцы, невзирая на боль: кости как будто были целы.

Здание сотряс могучий толчок. Загрохотали камни, вдали послышались вопли. На дальней от них стороне комнаты вниз с грохотом посыпалась еще уцелевшая черепица. Интеб торопливо обтер окровавленный кинжал и руку о тунику мертвого атланта, потом показал на груду обломков:

— Надо попробовать вылезти здесь, так идти безопаснее, чем пытаться выбраться через дворец путем, которым мы попали сюда.

— Сперва помоги мне надеть этот доспех, — проговорил Эсон, потянув за шнурки на броне убитого воина.

— Но у нас нет времени...

— Это же полный доспех, самый лучший. Если я буду в нем, нас никто не сумеет остановить.

Возразить было нечего; кроме того, Интеб видел, что спорить бесполезно. Он принялся помогать микенцу раздевать труп, а вокруг падали камни. Наконец Эсон вооружился.

— Эй, бери второй меч, — проговорил Эсон, — и шлем тоже. Быстрее.

— Зачем? Я же не воин.

— Но двоих ты убил.

— Ударом в спину. Из трусости я не умею обращаться с оружием. И прежде не убивал.

— Но все же ты пошел за мной, бился рядом и спас меня.

— Так случилось... почти помимо моей воли. Просто... так вышло. Я сидел наверху и смотрел, как Темис разделяет тебя... но когда ты убил его и эти люди бросились за тобой, я отправился следом.

— Но почему?

Интеб улыбнулся:

— Почему, Эсон? Потому что уважаю тебя. Ты мой друг, царевич. Ты силен в одном, а я в другом.

Они взобрались на самый верх груды обломков и кусков штукатурки. Интеб уперся спиной в упавшую балку. Эсон вскарабкался ему на плечи, неловко протиснулся, орудуя одной здоровой рукой, через отверстие в потолке комнаты. Потом легко подтянул к себе Интеба. Вокруг погибал дворец. Стены рушились, сотрясаемые подземной бурей. Горячий ветер опалал руины, белый пепел с неба жег нагую кожу.

— Меня ждет египетский корабль, — проговорил Интеб, — мы спасемся, если сумеем добраться до него.

— Показывай дорогу.

Кроме них, в руинах уже не было видно оставшихся в живых. Атланты бежали, лишь изредка торчавшая из каменного завала рука или расплющенное тело напоминали, что уцелеть удалось не всем... Они пробирались по разрушенному дворцу, обходя зияющие над нижними этажами дыры, и наконец добрались до опустевшего дворцового двора. Из него лестница вела в расположенный ниже сад. Красные колонны и стилизованные бычьи рога валялись на земле, среди цветов и деревьев. С этой террасы, от подножия царившего над Ферой акрополя, можно было видеть весь остров. Теснившиеся на склоне дворцы и храмы лежали в руинах, как и жилые дома, что располагались еще ниже. А во внутренней гавани, кольцом воды охватывавшей остров, были видны корабли, сгрудившиеся перед устьем канала через кольцевой остров, стремясь в более просторную внешнюю гавань. До нее было слишком далеко, чтобы рассмотреть, есть ли там разрушения, хотя корабли так же теснились ко входу в туннель, ведущий к открытому морю, как и перед каналом из внутренней гавани.

На севере, с дальних склонов поднималась белая туча, растущая гора дыма, застилавшая солнце. Гора клубилась, росла, становилась выше и шире, ее то и дело освещали яркие вспышки молний. У основания ее бурлил черный дым, густой и зловещий, пелену его то и дело разрывали взрывы, во все стороны разбрасывавшие белые струи. Одна из этих струй с огромной скоростью приближалась к акрополю. Черная точка на ее острие, огромный камень, все увеличивался в размерах, прежде чем врезаться в руины и без того разрушенного дворца. Потрясенные беглецы бросились вниз по склону. Воды гавани густо покрывали куски пемзы.

В развалинах прибрежного района были люди, живые, мертвые и еще прокапывавшиеся наружу из разрушенных домов. Египтянин и микенец бежали к воде и безопасности посреди жуткого хаоса, в который превратились улочки. Туда же устремились и остальные, иногда приходилось с боем прокладывать себе дорогу в узких проходах.

У пристаней никого не было. Корабли и лодки исчезли, оставшиеся на острове люди спасались бегством, устремившись по мостам к сомнительной безопасности, которую сулили внешние области острова.

— Мы пришли отсюда, — крикнул Интеб, — мой корабль был за теми домами.

Одно из высоких зданий рухнуло, перегородив главный причал. Им пришлось обходить завал, осторожно пробираясь через руины строений поменьше. Обрушившаяся стена придавила карликового слона, жизнь почти оставила зверя, только кончик хобота еще дергался из стороны в сторону. Они спустились к гавани возле развалин огромной парадной пристани. Крыша обрушилась внутрь, позолоченные бычьи рога подобно склоненным копьям уходили в воду.

Пристань оказалась пуста. Египетского корабля возле нее не было.

Глава 6

— Вон он! — закричал Интеб. — Входит в туннель, ведущий к морю! Смотри — самый последний корабль!

Переполненное людьми судно низко сидело в воде, на палубе поблескивали доспехи. Кормчий бежал, не дождавшись Интеба... или же его принудили, угрожая оружием. Впрочем, какая разница. Эсон показал вперед:

— К мосту. Поспешим за остальными.

Интеб вздел кулаки к небу в бессильной ярости, когда корма его корабля исчезла под сводом туннеля; потом он последовал за Эсоном. Они держались у берега, где было меньше обломков. Оба опустили головы, стараясь защитить лица от внезапно повалившегося с неба раскаленного пепла. Ветер дул теперь еще сильнее, идти приходилось согнувшись.

Отовсюду доносились стоны, мольбы о помощи, но двое беглецов не обращали на них внимания, как и прежде по дороге из развалин дворца. Но один из голосов перекрыл остальные, и Эсон вдруг замер.

— Микенцы! Я зову микенцев!

Эсон вдоль пристани направился к полузатонувшей длинной и узкой галере, едва не наполовину длины уходившей в воду. Прикованных к скамьям рабов-гребцов оставили умирать. Один из них и окликнул Эсона.

Тот глянул на него с высоты пристани.

— Ты Тидей, сын Агелая. Мы бились вместе.

Грязный и обнаженный Тидей, почти по грудь ушедший в воду, глядел вверх. Ему приходилось кричать, чтобы Эсон различил его голос среди воплей рабов, обращавшихся к микенскому царевичу на полудюжине языков.

— Меня взяли в плен в Асине, как и тебя, с тех пор я

здесь. У правой лодыжки — деревянный клин в колодке. Разбей мечом.

Эсон извлек свой меч, но Интеб тронул его за руку, и царевич в гневе обернулся: он не мог бросить микенца на верную смерть. Оказалось, однако, что Интеб подумал о спасении не одной жизни.

— Галера затоплена лишь наполовину. Если ее можно вычерпать, у нас будет корабль.

— На это нечего рассчитывать, — проговорил Тидей. — Мы погрузили припасы, собирались уже отплыть, когда с неба посыпались камни. Самый огромный угодил сюда, возле кормы, и пробил дно. Хозяева трусили и бежали. А нас бросили, — он безрадостно усмехнулся. — Надсмотрщик оказался последним и чуть не пробрался мимо меня. Я успел схватить его за ногу и втянул обратно. Мы удушили его, а телом заткнули дыру. И живой был — дрянь-человек, и затычки хорошей не вышло.

Интеб поглядел на тело, утопавшее в воде по плечи. Голова надсмотрщика покачивалась на невысоких волнах, вздымавших галеру, рот остался открытым, в глазах застыл ужас.

— Толстяк, — заметил Интеб.

— Боров, — отозвался ближайший из гребцов.

— Значит, он хорошо закроет дыру, будет даже лучше, когда его начнет раздувать. Заткнем щели вокруг него.

Вокруг зашептались, потом рабы разом стихли и, глядя на Интеба, ожидали его слов.

— Похоже, течь прекратилась. Я позабочусь о том, чтобы она не открылась вновь, а вы вычерпывайте воду. Этот корабль еще может донести нас до Анафи или Иоса, ближайших островов. Так, Эсон?

— Конечно. Другого корабля у нас не будет, — Эсон соскочил в галеру и, следуя указаниям Тидея, разбил мечом его колодки.

На освобождение остальных гребцов времени тратить не стали. Они вычерпывали воду ладонями прямо со своих мест. Тидей рванулся к руинам и вернулся из ближайшего здания с кувшинами, ведрами... всем, что могло удерживать воду. Еще он принес кусок льняной парусины, должно быть, прихватил из лавки. Интеб разрезал его кинжалом на полосы и принялся затыкать щели между трупом и досками корабля. Труп сперва болтался на волнах, потом, когда воду вычерпали, осел на дно корабля. Некоторые из рабов были мертвы: те, что были на

корме, утонули, одному снесло голову упавшим камнем. Уцелевшие не обращали внимания на трупы и лихорадочно вычерпывали воду, сгибаясь под яростно бушевавшей бурей. Воздух был полон пыли, даже дышать было трудно.

Галера приподнималась в воде с жуткой неторопливостью, а порывы горячего ветра то и дело бросали ее бортом в причал.

— Довольно, — наконец проговорил Интеб. — Пусть некоторые из вас вычерпывают воду, остальные же начинают грести, пока мы еще в спокойной воде.

Эсон перерубил мечом причальный канат на корме, кинулся на нос, чтобы перерубить второй. Внезапно на пристани над ним выросла фигура, и Эсон поднял меч, но разглядел, что противник его безоружен. Голова и лицо его были покрыты запекшейся кровью. Эсон рубанул по канату.

— Горец, на твоём корабле хватит места еще для одного.

Это был Эйас, кулачный боец. Эсон замахнулся мечом, но тот ловко отпрыгнул назад.

— Оставайся здесь и подохни, атлант, ты нам не нужен.

— Я не атлант. Я — раб из Библа. Был здесь мешком, в который били благородные руки. У вас на борту мертвецы. Позволь мне занять место одного из них, я тоже буду грести.

Канат упал в воду, галера стронулась с места.

— Горец, стой. Я не сделал тебе ничего плохого: только обвязал тебе как надо руки ремнями и показал, как бьются на кулаках. Целый дворец обрушился на мою голову, и меня сочли мертвецом. Только у Эйаса для этого слишком прочный лоб.

Эсон отвернулся, и весла ушли в воду. Эйас прыгнул вниз и распростерся на носовой палубе. Приподняв голову, кулачный боец всей окровавленной рожой ухмыльнулся обернувшемуся Эсону.

— Теперь убей меня, если хочешь. Все равно на пристани я был уже почти что мертвым.

— Бери весло, — буркнул Эсон, бросая меч в ножны. С хриплым хохотом Эйас схватил ближайший труп и сбросил со скамьи, оперевшись о мертвеца ногами, чтобы удобнее было грести.

Других кораблей не было видно. Стемнело, как перед закатом, жаркий ветер гнал волны навстречу, заставляя гребцов изо всей силы налегать на весла, чтобы продвигать галеру вперед. Лишь в канале они нашли укрытие от бури. Галера торопливо двигалась вперед, сверху на настил падали камни, грохо-

тали над головами по толстым стволам. Наконец судно выскочило из подземелья на крутые волны внешней гавани.

Казалось, здесь только что завершилась морская битва. У противоположного берега на песок вытащены были три ползатоппленных корабля, продырявленных падающими камнями. Один уже приподняли, и люди лихорадочно латали дно. Торчавшая из воды мачта свидетельствовала о том, что одному из беглецов вовсе не повезло. Дальше перед входом в канал сгрудилось с полдюжины запоздавших кораблей, пробивавшихся к морю. Весла сталкивались, трещали, ломались в борьбе кораблей за возможность достичь безопасности.

— Пореже гребите, — приказал Эсон, заметив происходящее, и заменивший надсмотрщика у барабана Тидей замедлил ритм.

Оставалось только дожидаться, пока корабли втянутся в канал и откроют для них путь. И с каждым мгновением извержение и подземные толчки усиливались. Вокруг непрерывно падали камни разной величины, и вода вскипала над ними. Но хуже всего был горячий пепел, застилавший небо и удушашающими облаками окутывавший все вокруг. Он ложился на палубу, слоем грязи покрывал гребцов, даже вздохнуть было невозможно. Все окутывал едкий серный дым, люди кашляли и плевались, вдохнув его.

— Глядите! — заорал кто-то, и, обернувшись на крик, все увидели, как в одно мгновение погиб круглобокий купеческий корабль. Тяжело нагруженное большое судно пробивалось вперед, расталкивая всех на своем пути... Купец был уже у самого входа в туннель, когда в него угодил камень, размером едва ли не в полкорабля. Корабль рассыпался в щепки, сокрушенный огромной глыбой. Камень исчез в воде, и обломки закружились в водовороте. Поднявшаяся черная волна разметала ближние корабли и швырнула галеру: судно взмыло на гребень, потом провалилось в ложбину, с обоих бортов хлынула вода. Потом корабль выровнялся, и гребцы принялись лихорадочно вычерпывать воду.

Вход в туннель оказался свободен. Обломки и ползатоппленные корабли прибило к скалам. Единственный корабль, оставшийся на плаву, исчез в горле туннеля.

Раздвигая обломки, галера двинулась следом, люди в ней не обращали внимания на вопли утопающих. К галере подплыл человек, ухватился за весло, дотянулся до края борта.

Ближайший гребец перегнулся в своей колодке и впился зубами в высунувшуюся из воды руку... пальцы исчезли. А потом галера оказалась в туннеле, и тьма сомкнулась вокруг нее.

— Туннель обрушился, его засыпало! — завопил кто-то. Эсону пришлось изо всех сил напрячь голос, чтобы перекрыть испуганный ропот.

— Нет, я вижу выход. Небо снаружи темное, да, но туннель пока цел.

Они двигались медленно, прощупывая путь веслами, ударявшимися о стенки туннеля. Наконец порыв зловонного воздуха показал им, что выход близок. Галера очутилась в канале, уводящем к безопасным просторам открытого моря.

Сидевших на веслах происходящее на берегу не беспокоило, Эсон даже не глядел туда, но для Интеба эта часть и без того жуткого путешествия оказалась самой кошмарной. Всюду возле воды стояли люди, целыми семьями выстроились они вдоль берега. Они бежали из деревень и поместий в надежде обрести спасение. Их крики были даже громче, чем рокот вулкана, руки протягивались к кораблю, близкому, но такому недостижимому. А вулканический пепел потоками падал с неба... все они, мужчины, женщины, дети были покрыты густым его слоем, так что стали неразличимы: желтеющие силуэты казались живыми статуями. Матери протягивали детей, моля, чтобы взяли хоть их... галера размеренно продвигалась к морю. Впереди них шел атлантический корабль, команда которого также не обращала внимания на стенания толпы. Чтобы добраться до него, некоторые бросались с берега в воду, но плавать умели немногие. Лишь один человек еще держался на поверхности, когда галера приблизилась, но весло ударило его по голове, и пловец исчез под водою.

Корабли двигались все дальше, через бесконечный строй пожелтевших фигур... некоторые кричали, другие же словно онемели от ужаса; Интеб старался ни на кого не глядеть, как избавления ожидал он темной расщелины в скалах, выходящей к морю. Волны метались, били в каменные стенки канала. В открытом море волнение наверняка окажется гораздо сильнее.

— Суши весла, — приказал Эсон. — Ставь мачту, разворачивай парус!

С делом справились быстро. Парус был невелик, он только помогал гребцам и не годился для того, чтобы придать кораблю нужную скорость, но в открытом море он был необхо-

дим. Как только поставили парус, снова забил барабан, гребцы налегли на весла и корабль вышел в море, забирая подальше от Феры.

Они шли прямо в бурю. Дождь мешался с вулканическим пеплом; небо истекало жирной грязью. Ветер крепчал, и с облепленным грязью парусом уже приходилось сражаться... его взяли на два рифа — чтобы не сорвало ветром. Позади них Фера плевалась пеплом и камнями, провожая беглецов недовольным грохотом.

— Дурной ветер, северный ветер, — проговорил Эсон, кулаком ударив о поручень. — Если проглядим — разобьемся о берега Крита и или погибнем, или вновь попадем в руки атлантов, — прищурившись, он бросил взгляд на небо, на едва проступавший сквозь облака диск солнца. — Лучше бы плыть на северо-запад или на запад. Придется грести.

К закату ветер не ослабел, скорее усилился. Половина людей гребла, остальные спали, распростершись в грязи. На корабле хватало еды, пассажиры и экипаж бежали, не прихватив ничего. Они залили жажду водой, поели хлеба, сыра и темно-зеленых олив. Эсон рухнул на койку в крошечной каюте, не в силах пошевелиться, а Интеб втирал умягчающее масло в его порезы и синяки. Утомление и боль одолели микенца, левая рука его распухла, пальцы казались сосисками. Прижав ее к груди, Эсон провалился в черную пропасть сна.

Проснулся он в темноте, корабль бросало; доски корпуса скрипели, снаружи выл ветер. Положив руку на плечо Эсона, Интеб кричал ему в ухо, чтобы микенец слышал его:

— Мы у берега. Слышишь прибой? Гребцы измучены. Едва ли они продержатся...

Эсон потряс головой, пытаясь прогнать одуряющую боль и привести мысли в порядок; шатаясь, он поднялся на ноги и принялся ошупывать привязанные к шпангоутам амфоры. Пальцы нашли серебряную чашку, тонкой цепочкой прикрепленную к ручке пузатого сосуда. Зачерпнув, он отпил. В амфоре оказалось вино, а не вода, и, осушив две чашки, Эсон почувствовал себя лучше.

На палубе буря разила, как молот. Дождь прекратился, но порывы ветра срывали с гребней пену и несли брызги вперед. В окружающей тьме ничего не было видно, но между порывами ветра справа по борту были слышны глухие удары.

— Прибой стал громче, — пожаловался Интеб.

— Парус на месте? — спросил Эсон.

— Пришлось приспустить, чтобы не унесло.

— Поднимите снова, на одних веслах нам не уйти от берега.

Пока они поднимали парус, один из людей свалился за борт. Подхваченный ветром, он, коротко вскрикнув, исчез в волнах... Так и для всех остальных конец был совсем рядом — лишь сила их рук и тонкая деревянная скорлупка корпуса спасали людей от голодного моря. Парус сумели освободить от одного рифа, однако хватило и этого. Помогая гребцам, парус тянул корабль прочь от невидимого берега.

Ночь казалась бесконечной. Гребцы налегали на весла до полного изнеможения и гребли снова после короткого отдыха. Когда в их руках уже не оставалось силы, чтобы поднять тяжелое весло, они принимались вычерпывать воду, потом снова начинали грести.

Рассвет захватил их врасплох. Плотные облака стерли с неба все краски, и с зарей люди просто обнаружили, что начали проступать смутные контуры предметов. Постепенно в серой мгле проявилась и сама залитая водой галера, и гребцы, склонившиеся над веслами. Их теперь стало меньше, чем на закате предыдущего дня. Невозмутимый Тидей застыл у кормила, где он провел всю ночь. Эйас поглядел на Эсона и растянул рваные губы в ухмылке. Невзирая на возраст, он был среди тех немногих, кто мог еще грести — медленно, но упорно.

Справа не более чем в двадцати стадиях из волн морских поднималась огромная туша Крита. Позади галеры черный зубчатый берег закрывал горизонт, но впереди он резко обрывался. Оторвавшись от черпака, Интеб поднял на Эсона покрасневшие утомленные глаза, когда тот его окликнул:

— Посмотри, там не восточная ли оконечность острова?

Интеб присоединился к нему на палубе, стараясь что-нибудь различить в сумраке.

— Трудно сказать, возможно, это действительно мыс. Скоро узнаем.

— Только бы обогнуть его, тогда впереди окажется море, и пусть ветер гонит нас куда пожелает. Там нет берега, о который можно разбиться.

Не успел он договорить, как послышался резкий треск, и лить, поднимавший парус и служивший растяжкой мачте, лопнув, просвистел у них над головами. Всю ночь принимал он на себя весь напор ветра и наконец не выдержал. Оставшаяся без поддержки мачта повалилась, утянутая вперед вздувшимся парусом.

Все произошло мгновенно, и утомленные люди не сразу поняли, что произошло. Эсон опомнился первым. Выхватив меч, он бросился к туго натянутым линиям, удерживающим низ паруса. Но он не успел добраться до них: мачта с сухим треском переломилась и начала падать.

Эсон увернулся, и мачта рухнула рядом, накрыв его складками паруса. Когда он высвободился, все было уже кончено. Удерживаемая канатами мачта свисала в воду, отягощенная парусом; падая, она убила одного из гребцов и расщепила поручень. Теперь, когда они лишились паруса и перестали грести, ветер гнал их к скалистому берегу Крита, и уже были видны высокие пенные гребни волн, разбивавшихся о камни.

Глава 7

Снова пришлось им найти силы в глубинах измотанных тел, чтобы взяться за окровавленные рукояти весел. Снова пришлось грести. Ветер гнал судно на скалы, и парус больше не был подмогой. И они гребли. Обрушившаяся мачта и парус замедлили их движение, но они мешали и ветру нести их к берегу: так что они оставили мачту и паруса воде и взялись за весла.

Они гребли. Опустив головы, не останавливаясь... в борьбе за свою жизнь. Корабль продвигался вдоль берега, но скалы приближались. Уже были видны камни, утопающие в белой пене, деревья на краю обрыва, высоко над головами. Они гребли. То один, то другой терял сознание от утомления, чтобы, мгновенно очнувшись, взяться за ненавистное весло. Мыс серой лапой тянулся в море, чтобы схватить корабль, положение становилось все хуже. Они были уже совсем рядом с белыми валами, пена покрывала воду...

И вдруг впереди галеры оказалось открытое море, берег Крита плавной дугой уходил к другому, меньшему мысу. Обогнуть его было легко.

— Суши весла, — прохрипел Эсон; усталость мешала подняться, чтобы промочить пересохшую глотку.

— Ну, а теперь что, горец? — склонившись на весло, спросил Эйас с противоположной скамьи. — Отсюда нам с тобой далеко до дома.

— Теперь? — переспросил Эсон. — Теперь плывем, куда несет ветер. Или ты можешь предложить что-нибудь лучшее?

Пожав плечами, Эйас поглядел на ладони. Даже его одеревеневшая кожа не выдержала ночных трудов и кровоточила.

— Вот что скажу — пока с меня весел довольно. — Он откинулся на борт и опустил обе руки в воду.

Они перекусили на кормовой палубе, жадно запивая еду смешанным с водой вином. Кто-то принес пифос с оливками, и они горстями черпали плоды из широкого горла. По рукам ходил круг твердого сыра, от него ломали куски и жевали. Простая еда — другой они и не знали. Ели все с жадностью, даже Интеб, голод на время заставил его забыть о боли в натруженных ладонях. Тидея сменили у кормового весла, и он повалился рядом со всеми на палубу.

— Тидей, ты настоящий мореход, — проговорил Эсон, — у твоего отца, Агелая, был корабль, ты ведь плавал на нем? — Тидей кивнул в ответ, рот его был набит сыром. — Каков будет наш курс и что нам делать теперь?

Прищурясь, Тидей поглядел в море, на удаляющиеся берега.

— Так в Микены нам не приплыть, — проговорил он.

— Не сомневаюсь. А что нас ждет впереди?

— Глубокие воды, чудовища, пожирающие суда... словом, ничего хорошего.

— Что-то да ждет. Мы ведь не в силах даже вернуться на веслах к Криту, чтобы сдать атлантам — если, конечно, захотим этого, — ведь остров остался позади. Какие еще острова могут попасться нам навстречу?

— Никаких.

Холодное слово ознобом пробежало по спинам слушателей. Если плывешь на корабле — плывешь вдоль берега или как там в Кикладах: от острова к острову. Один остров всегда впереди, другой уходит назад за корму. На ночь или в бурю корабль всегда можно вытащить в подходящем месте на берег. Разве можно плавать иначе? Море — огромная пустыня, но на суше и в самой пустой из пустынь найдутся ориентиры. А на этих просторах? Конечно, в ясный день человек может найти дорогу по солнцу, а что делать в пасмурную погоду? Никто не оставлял безопасного берега — такое считалось безумием. А теперь Крит оставался позади и неутомимый ветер уносил их от берегов острова. И впереди не было ничего — только вздымающиеся валы.

— Пропали мы, — проворчал гребец. — Осталось, стало быть, только умереть.

— Ветер утихнет, мы сумеем вернуться.

— А если нет?

— Погодите, — проговорил Интеб, и голоса умолкли.

Он вынул кинжал и, став на колени, принялся чертить им на палубе.

— Я не кормчий, но знаю, где суша, где море. Я изучал математику и географию. А еще — я родом из Египта и приплыл в эти края под парусами, и теперь покажу вам, как это было. Здесь мы плыли вдоль берега — вот так. Минуя города и острова, мы добрались до Арголиды, до Тиринфа — вот сюда. — Он очертил на доске петлю, затем полукруг и ткнул в самый центр дуги.

— Из Тиринфа мы поплыли на Феру, а теперь мы миновали Крит, и нас уносит в морские просторы. — Молча глядели они на его руку, проводшую на палубе прямую линию к точке, с которой он начал свой чертеж.

— Видите: вот Египет, вот Нил и Фивы. Все это по ту сторону моря, если переплыть вот сюда. — Взглядом следуя за движением его ножа, они не видели ничего и повернулись к нему с округлившимися глазами.

— А... далеко плыть? — спросил кто-то.

— Сорок скен, восемьдесят скен. Не знаю. Но если поплывем на юг, обязательно окажемся у этого берега. Да и другого выхода нам не остается. Пока дует этот ветер, мы сумеем вернуться даже на Крит или Атлантиду. Крит скоро исчезнет из виду... вы спрашиваете, что нам делать? Нестись вместе с бурей. И молиться богам, чтобы ветер не стих раньше, чем вынесет нас к берегам Африки.

Ничего другого им не оставалось. Море по-прежнему бушевало, частенько налетали шквалы с дождем. Но парус и свесившаяся за борт мачта удерживали галеру, словно плавучий якорь, и ветер гнал их вперед. День миновал, а за ним ночь, и к рассвету ветер утих, а море успокоилось. Эсон все еще бодрствовал у кормила, когда небо на востоке просветлело. В разрывах между облаками выступили звезды. Вскоре после этого и Интеб поднялся на палубу, удивленно покачал головой — весь горизонт охватил странный кровавый свет.

— Что это? — спросил он.

Эсон ответил:

— Рассвет. Но такого мне еще не приводилось видеть.

Пламенем полыхало все небо. Не один восток, где над горизонтом поднимался багровый диск солнца, — весь небо-

свод, всюду, куда попадали солнечные лучи. Пламенели исчезающие облака, небесный огонь словно истреблял их... И все молча глядели на небо. Охватившее небо пламя угасло, лишь когда солнце поднялось повыше.

— Мне случилось однажды в пустыне видеть нечто подобное, — проговорил Интеб. — Тогда была песчаная буря и за облаками песка солнце сделалось столь же багровым. Всю эту пыль, наверное, выбросило с Феры, но ее столько, что трудно поверить глазам.

— Чего только не могут сделать боги, когда захотят, — Эсон устало привалился к кормилу, позабыв про небесные красоты. Интеб озабоченно посмотрел на него.

— А как твоя рука — и раны? — спросил он.

Эсон пошевелил пальцами левой руки. Кожа на ней покрылась черно-багровыми разводами, однако опухоль спала.

— Лучше, все лучше. На порезах, как и следует, уже запеклась кровь, даже голова не болит с утра. Но у нас есть более важное дело, о котором следует подумать. Нет ветра.

— Можно идти на веслах.

— Куда же нам грести? — поинтересовался Эсон.

— Тебе решать. С севера еще дует легкий ветерок; повернув назад, в сторону Крита, придется все время идти против него. А впереди лежит Африка.

— Далеко?

— Я не знаю... могу только догадываться. Как знать: дальше или ближе. Но решить необходимо.

— Я решил уже. Плыдем на юг.

Спутавшиеся канаты, мачту и парус обрубил и оставили дрейфовать за кормой. Разделились на вахты, пересмотрели припасы. Если кто и сомневался в мудрости принятого решения, недовольные держали язык за зубами. Половина гребцов были рабы и дети рабов, они умели только исполнять приказы. Прочие были воинами из городов и земель, окружавших морское царство атлантов. Среди них нашлись мужи из Арголиды, Микен, Тиринфа, Асины, с дальних островов Икарии и Самоса, из еще более далеких Библа и Тира. Говорили они на разных языках, принадлежали к различным народам, общее у них было одно: все они бились с атлантами, потерпели в бою поражение и попали в рабство — в колодки на эту галеру. Их, обреченных на тяжелый труд и полуголодную жизнь, прикованных к судну, ждала скорая смерть, а с ней и могила в глубинах моря. Эсон избавил их от этой судьбы, спас и от гибели

на Фере, казавшейся уже неминуемой. Он сразу же сделался предводителем, и, простые люди, они последовали за ним. Поплевав на ладони, они взялись за весла.

Усевшись у открытой двери каюты, Интеб царапал на черепке знаки, составляя список припасов, имеющихся на корабле. Отсюда он мог и приглядеть за курсом галеры; отмечая, как тени падают на палубу, определял сразу время и курс. Если корабль забирал к востоку или к западу, Интеб отдавал приказание, и кормчий поворачивал к югу. Эсон выспался и сидел в каюте, стачивая зазубрины на своем бронзовом мече и остра лезвие. Рядом стояла чаша меда, смешанного с вином, и изюм.

— Изюм, — проговорил Интеб, продолжая перечень. — Ячменные лепешки и сыр, оливки, оливковое масло, сушеная рыба, правда, с червями. С голоду не умрем. Вино, вода слегка приванивает. А вот и корабельный припас: нитки, ткань, иголки — чинить парус, которого у нас больше нет, смола — конопатить щели, доски для починки корпуса. Но пока это все ни к чему, сперва надо пристать к берегу. Надсмотрщик раздулся и завонял, из него вышла хорошая затычка, но все-таки гребцы больше не хотят находиться возле него. Еще есть сундучки, принадлежавшие бежавшим кузнецам и капитану.

— Что в них?

— Инструменты халкея, чтобы работать по бронзе. Немного украшений, одежда... еще есть запечатанный ящик, печать я взломал. Там оказались три меча и четыре кинжала — их взяли на продажу. А больше ничего важного.

Эсон поглядел в свою чашу.

— А сколько вина и воды? — спросил он.

— Хватит, чтобы не испытывать жажды.

— На какое время?

— Дней на десять, если экономить — то на двенадцать. Только рыбы к тому времени все равно изъедят труп надсмотрщика и мы потонем.

— Интеб, ты сегодня жизнерадостен, как никогда. А до берега мы еще не доберемся к этому времени?

— Про то ведает мудрый Гор с головой сокола и ваши боги, глазеющие на нас с Олимпа... А мне-то откуда знать. Берег может оказаться чересчур далеко, мы можем сбиться с пути и только кружить по морю, новый шторм может потопить нас. Не дашь ли мне этого вина? Я чувствую необходимость подкрепиться.

Эсон передал ему полную серебряную чашу. Опустив нос к поверхности вина, Интеб пригубил крепкий напиток, надеясь, что он изгонит из головы мысли о смерти. Он поглядел в глубь чаши, словно рассчитывая увидеть в ней предзнаменование, наконец допил до конца. Подметив печаль египтянина, Эсон поглядел на него.

— Ты решил, что конец уже близок? Ты, научивший нас, как теперь поступать?

— Одно дело — решиться на поступок, другое дело — совершить его. Когда меня просят построить стену или гробницу — я рисую план. Я ведь не строю стену своими руками. Могу даже передать свой рисунок другому зодчему, оставить все дело ему. Он присмотрит за тем, чтобы все было правильно. Мне не приходится исполнять собственный план. Вот и получается, что я могу наметить путь, которым еще никто не проходил. Я умею делать такие вещи, но совершить подобное путешествие — дело другое.

— Это новый способ смотреть на вещи.

— Новый для тебя, мускулистый Эсон. Должно быть, для тебя дело и замысел — одно и то же, а мысли о битве начинаются с первым ударом меча.

— Ты говоришь совсем как мой отец.

— Перимед властвует не над одними Микенами, он распоряжается во всей Арголиде именно потому, что думает не только о битвах. Он заранее думает о союзниках, о высоких стенах и о бронзе для мечей, которыми будут воевать его люди. — Воспоминание заставило Интеба поднять глаза. — Перед тем как отплыть из Микен, я слышал, что брат отца твоего, Ликос, погиб.

— Как ты узнал? Он ведь был далеко... Но я не должен говорить, где именно.

Поглядев на палубу, Интеб крикнул кормчему, чтобы тот изменил курс, и помедлил с ответом, еще не решив, какую часть правды может открыть.

— Эсон, ты знаешь меня три года. Считаешь ли ты меня другом? Могут ли, по-твоему, рассчитывать на мою помощь Микены?

— Да, я полагаю, что так. Но ведь ты гостил и в Атлантиде...

— Меня послал туда фараон. Я не рассказал им о том, что сделал в вашем городе.

— Верю тебе. И вера моя подкрепляется жизнью двух вои-

нов, которых ты сразил, чтобы помочь мне. Но почему ты спрашиваешь меня об этом сейчас?

— Потому, что я знаю о твоём народе куда больше, чем ты думаешь. На мегарон отца твоего сходятся все Микены. Люди болтают и сплетничают, ни один секрет нельзя утаить надолго. Я знаю, что на далеком острове в холодном море у вас есть копь, откуда поступает все олово Микен. Твоего дядю Ликоса убили там, а копь разрушили. Перимед не примирится с такой потерей.

— Конечно, не примирится. У моего отца далеко идущие планы. И его драгоценная бронза играет в них немаловажную роль. Бедолага Ликос, надо же было погибнуть в таком холодном и мокром месте. Я плавал с ним, когда он отправился на этот остров. Но тогда я сразу вернулся на груженном оловом корабле, а он остался и уверял всех, что никто не умеет извлекать олово лучше его. Тогда это дело показалось мне простым. Всю работу выполняли другие. Многие ли погибли?

— Все. Весть принес твой двоюродный брат Форос.

— Значит, погиб и старина Козза, учивший меня владеть мечом. И Мирисати, мы с ним были друзьями. За них следует отомстить, воздав не менее чем вдесятеро. Мы должны обречь мечу весь остров. — И Эсон глубоко задумался, забыв даже про вино; тени тем временем удлинялись.

Они шли на веслах весь день и начало вечера, наконец выпали звезды. Тогда Интеб указал кормчему на небе заметные светила, научил пользоваться ими как ориентиром, но скоро тучи затянули небо, и им пришлось убрать весла. А потом все уснули, кроме одного, оставленного на карауле... утром их вновь разбудили волны и дождь. Новый шторм продлился два дня, но они могли только держаться по ветру да вычерпывать воду из галеры, чтобы она не затонула. На третий день буря выдохлась, но волны оставались высокими. И отчаяние, свинцовое, как облака над головой, охватило корабль. Тогда Эсону пришлось убить раба из Алеппо.

Это был темноволосый человек с оливковой кожей, такой же смуглый, как египтянин. Длинные черные волосы он связывал в узел над ухом. Там, где он родился, были только холмы и река, а за ними пустыня, простирающаяся до края света. Пока атланты не захватили его, он не видел моря, и до сих пор вообще не удалялся от суши. К воде подмешивали вино — этой смеси он прежде не пробовал, — и она тоже творила с непривычной головой странные вещи. Когда они бросили весла

и вода из-за борта окатила его ноги, что-то перевернулось у него внутри, изо рта вырвался вопль, и раб вскочил на ноги.

— Гребите! — закричал он. — Гребите назад. На Крит, в Атлантиду. Мы погибнем здесь.

— А куда это — назад? — спросил его Эсон с кормовой палубы. — Грести можно, когда знаешь куда.

— Но мы не можем...

— Нет.

Человек из Алеппо выскочил в проход и запустил в Эсона тяжелым ведром. Ведро угодило в бедро микенца, тот пошатнулся. Эсон был без оружия, меч оставался в каюте. Но рядом оказался Интеб. Эсон выхватил кинжал египтянина и, когда раб вновь замахнулся ведром, разящим когтем кинжала пропорол горло бунтаря. Эсон крутанул лезвие в ране, чтобы порвать кровяные жилы. Удар отправил раба за борт, и лишь кровь его поднялась к поверхности. После этого Эсон отправился в каюту, надел броню и уже не снимал ее.

Тот день оказался худшим из всех, потому что небо не прояснилось. Но когда стемнело, высыпали звезды и они принялись грести, обращая корму к северу; все знали, как отыскать звезды, указывающие на север, и принимались ругать кормчего всякий раз, когда тот отклонялся от курса.

Затычка из трупа надсмотрщика протянула еще два дня, наконец вонь сделалась нестерпимой. К тому же дыра начала протекать по краям... Стройный и широкоплечий юноша Пилор с острова Кеа сказал, что нырял за губками, росшими в прибрежных водах его родины, и вызвался осмотреть дно галеры. Его обвязали веревкой, и он нырнул. Под водой он пробыл недолго и скоро появился на поверхности.

— Там целая стая рыб, — сообщил он, — ниже пояса от этого шлюхина сына почти ничего не осталось, только кости висят. Больше от него никакой пользы.

Тидей умел латать суда в плавании, когда не было возможности должным образом заделать течь на берегу; он объяснил, как сделать из парусины заплату, которую следует снаружи подвести к корпусу. Ее сшили из большого куска парусины, прикрепив с одной стороны веревки и ненужную одежду. К четырем углам заплаты привязали канаты и после многих криков, не раз забросив, — Пилору пришлось нырять и нырять, — подвели ее под дыру с выступающими еще из нее останками. Канаты привязали к корпусу. Теперь все было на

месте, оставалось только извлечь труп и закрыть отверстие деревом. Взятые из корабельного припаса доски отпилили до нужной длины, подогнали по форме отверстия, соединили бронзовыми скрепами, но братья за вонючий труп охотников не находилось.

— Ну, я возьму его за одну руку. А кто за другую? — спросил Эсон.

Люди отворачивались от его взгляда, а Интеб ухитрился вовремя оказаться в каюте.

Осмеяв чистоплюйство, Эйас растолкал остальных и встал рядом с Эсоном.

— Горец, я обнимал женщин, мальчиков и овец, — проговорил он. — Объятия вонючего трупа мне неведомы, но я решил изведать, что это такое.

Хватило одного сильного рывка, и в окружении стаи рыб труп надсмотрщика закачался в волнах, а Эсон и Эйас отправились отмывать руки за бортом. Через парусину протекло совсем немного воды; деревянную заплату торопливо установили на место, залив щели смолой. Течь после этого почти прекратилась. Никому не хотелось думать о том, что может случиться с доморощенной заплатой, если вновь нагрянет буря.

Дни были неотличимы, и Интеб отмечал их черточками на стене каюты. Он выдавал оттуда воду и еду, а Эсон или находился поблизости, или спал в дверях, чтобы никто не мог войти внутрь. До открытого возмущения дело не доходило, правда, временами люди перешептывались, сойдясь вместе под покровом тьмы. Один из них попробовал уговорить Эйаса, но кулачный боец без разговоров отвесил ему такую затрепщину, что остаток дня неудачливый заговорщик провел без сознания.

Запасы воды подходили к концу, и на вкус она сделалась совсем уже гнусной, поэтому Интеб подмешивал к ней все больше вина, которого у них было в избытке. Люди не привыкли к такому питью, на солнце многих развозило, так что приходилось вытаскивать их на скамьи, подальше от лужи на дне, чтобы они не захлебнулись.

На двенадцатый день они заметили вдали темную линию у самого горизонта и сперва решили, что это облака. Но принялись грести без всякого принуждения, а линия росла и становилась темнее, и наконец стало ясно, что перед ними не облако.

— Берег, конечно, берег, — проговорил Интеб, и галера

закачалась: люди вскакивали, чтобы увидеть сушу своими глазами.

Впервые после гибели раба из Алеппо Эсон закинул за плечо свой меч в ножнах. Вновь они были едины: вместе пили и хохотали, а все мысли о мятеже остались там — в море, не ведающем следа.

Впереди был берег, суша — твердая земля под ногами, а прочее не значило ничего. Бесконечное плавание завершилось, и храбрейшие уже начинали пощучивать. Время, проведенное ими в море, в разговорах успело увеличиться уже раза в два. Ну, а память, как известно, улучшается с возрастом.

Тидей-то и заметил парус со своего привычного места возле руля. Сначала он казался точкой, потом — утесом, но непрерывно рос, и он кликнул остальных. Люди глазели, столпившись у борта, наконец Эсон приказал им взяться за весла. Но Эйас оставался на палубе, он словно бы вглядывался в давно знакомое лицо, даже отодвигал рубец с глаза, чтобы лучше видеть.

— Темный парус, да так поставлен. Я знаю — это сидонцы.

— Да, сидонцы, — проговорил Интеб. — Они торгуют — серебряными чашами и тонкими тканями. Сам покупал у них.

Покрытые шрамами кулаки Эйаса сжались, он нагнулся вперед.

— Да, они торгуют с Египтом, — проговорил он. — И с Атлантидой тоже. В Библие мы знали их... как знают и на любом побережье, вдоль которого водят они свои корабли. Эти торговцы мгновенно превращаются в пиратов. И охотно убьют нас, чтобы забрать припасы из каюты и прихватить пустой корабль.

Глава 8

Корабль сидонцев торопился навстречу, кренясь, словно хищная птица. Для Эсона дело было знакомое. Это не драться обмотанными руками, не вычерпывать воду из тонущего корабля... с оружием, обращенным против него, он умел справляться.

— Интеб, открой тот ящик и раздай оружие тем, кто знает, как им пользоваться. А остальные — быстро заливайте воду в корабль.

Его не спрашивали — почему, просто повиновались. Приказ был ясен, и, пока темный корабль приближался, галера

все ниже оседала в воде. Люди с мечами, пригнувшись, спрятались в низкой каюте на корме и под передней палубой. Те же, кто взял кинжалы, остались на скамьях гребцов и спрятали оружие под собой. Эйас отказался взять меч и поднял сжатый кулак.

— Я всегда при оружии, — проговорил он, опускаясь на скамью возле каюты. — Что мы должны сделать?

— Возьмем их обманом, — отвечал Эсон. — Вложите ноги в колодки и прикройте их. Пусть сидонцы подумают, что вы прикованы. Втяните весла. Прикнитесь больными — это несложно. Мертвыми, если сумеете. Корабль, лишившийся мачты и паруса, брошенный, с умирающими прикованными рабами. Пусть сидонцы решат, что перед ними спелое яблочко... Они ничего не заподозрят. Когда я крикну — все в бой. Он закончится только со смертью последнего из них. Отсюда уйдет лишь один корабль. Наш корабль.

Эйас, быть может, воспользовавшись опытом своих боевых арены, дал целое представление. В поединке с благородными, которых он мог бы убить без всякого труда, ему нередко приходилось прикидываться потерпевшим поражение, и он поднаторел в этом деле. Поникнув на скамье, он хриплым голосом принялся подзывать приближающийся корабль, успевая в промежутках шепотом сообщать новости засевшим в каюте:

— Они приближаются на веслах... парус свернули. Люди перевешиваются через борт, показывают и кричат. На некоторых шлемы, доспехов я не вижу, есть мечи и копья. Они подбирают весла, дрейфуют поближе.

С уже нависавшего над ними темного корабля слышались гортанные крики. На носу и корме вздымались высокие черные шести, черным был и корабль, и латинский парус, подобранный на наклонной рее. Слышались крики и хохот, галера вздрогнула, когда сидонский корабль стукнулся в нее носом. По крыше каюты застучали ноги, один сидонец прыгнул с канатом на переднюю палубу, чтобы надежнее привязать галеру. Другие посыпались вниз, только когда оба корабля оказались надежно соединены: высокие смуглые люди с черными бородами и волосами, перехваченными обручами. Но Эсон все еще выжидал. Незваные гости не обращали внимания на рабов, сидевших на скамьях галеры, и он хотел, чтобы сидонцев в галере оказалось побольше. В дверь каюты сунулся мужчина, облаченный в пурпурную одежду, — все

прочие были в белом, — в руке его был богато украшенный меч.

Вонзив клинок в чрево вошедшего, Эсон отбросил в сторону тело и, перехватив меч из ослабевшей ладони убитого, взревел, как подобает микенскому льву.

Поднявшиеся гребцы убивали тех, кто оказался с ними рядом. Чернобородый воин повернулся в сторону Эйаса, и тот нанес сидонцу столь сокрушительный удар кулаком, что упавший враг сбил с ног и следовавшего за ним. Прежде чем они сумели прийти в себя, Эйас переправил обоих за борт. Справившись с удивлением, сидонцы отступили и, обнажив оружие, стали спиной друг к другу. Отважные бойцы не оставляли галеру, только криками звали на помощь. Через борт с корабля полезли новые люди, битва разгоралась.

Расчистив мечом заднюю палубу, Эсон не стал спускаться в гущу дерущихся внизу, а перелез на борт черного корабля. Ударило копье, но, опустив голову, он принял удар на шлем. И копейщик не успел отвести оружие для второго удара: Эсон пронзил его мечом насквозь и отбросил тело в сторону, чтобы подняться на палубу. Схватив копье вместо щита, он издал громкий вопль, чтобы слышали все, и подобно земледельцу, жнущему жито, торопливо начал прокашивать путь по палубе.

Воина в полном доспехе невозможно остановить. Другой воин, вооруженный не хуже, может вступить с ним в бой, и одолеет сильнейший... но никто более не в силах справиться с ним. Копья отскакивали от груди Эсона, мечи от шлема, прочная бронза поножей хранила ноги — их не могли подрубить. Эсон был создан, чтобы убивать: неотвратимый и бесстрастный, как набегающая волна, холодно и коротко поглядывая вокруг, он разил мечом одного за другим не прикрытых доспехом противников.

Он колот, резал и медленно продвигался по палубе. Оказавшиеся на галере сидонцы пытались вернуться на свой корабль, но их убивали — стоило только повернуться. Уцелевшие сидонцы издавали вопли отчаяния, но не собирались прекращать сопротивление. Могучие воины, искусные мечники, они бились поврозь и вместе. Однако число их уменьшалось, и последний боец их, столь же искусный в воинском деле, как и первый, пал с гортанным проклятием на губах.

Наконец все закончилось, пролилась последняя кровь, убитых раздели и побросали за борт. Экипаж галеры тоже пострадал, но не слишком, порезы промывали маслом и мор-

ской водой, пока они не закрывались. Лишь заросший густой бородой молчаливый саламинец получил глубокую рану в живот и теперь сжимал ее края, чтобы не выпали внутренности. Он не пытался остановить кровь. Смерть от потери крови легка, и все это знали. Ему принесли вина, хотя он едва смог омочить в нем губы... все уселись с ним рядом, разговаривали и шутили... наконец он осел, и глаза его закатились.

Эсон сам смешал вино с водой и приглядел, чтобы досталось каждому. И пока его люди гоготали, ругались, наслаждались своей победой, обратился к ним с высокой задней палубы. Решение он принял, когда заметил этот корабль, выжидал только подходящего момента, чтобы сообщить его.

— Я знаю этот берег, — закричал он, — я был возле него. В той стороне, в дне пути отсюда — Египет. Можете плыть туда, если хотите, вы получите свою долю того, что захватили мы на этом корабле и галере.

Послышались довольные восклицания, желающие уже обыскали корабль и явились с тканями и кувшинами масла, даже с резной слоновой костью, ценившейся повсюду. Эсон слышал радость в их голосах и, когда она достигла предельной силы, указал мечом в противоположную сторону — на запад вдоль берега.

— Плывите туда, если хотите, но я отправляюсь на запад и прошу лучших присоединиться ко мне. Мы пойдем за Столпы Геракла к острову Йерниев, чтобы отомстить за моего дядю и убитых с ним родичей. Назад мы привезем олово, целый корабль металла, который дороже золота и серебра, и каждый получит свою долю. И потому я спрашиваю вас, пересекших море, которое еще никому не покорялось, вас, бившихся с людьми Сидона и одолевших, вас, бесстрашных и сильных. Кто пойдет со мною в края, которые мало кто видел, чтобы вернуться богачом? Кто будет со мной?

Ответ мог быть только один — могучий одобрительный рев, повторяющийся снова и снова. Кто же мог отказаться, если каждый из них был могуч и знал об этом! Уронив меч на палубу, Эсон перебросил в правую руку копьё, поймал его и, отогнувшись назад, изо всех сил запустил в сторону заходящего солнца. Оно взмыло вверх, словно стремясь к самому светилу, подрагивая в воздухе, золотые солнечные лучи отражались от бронзового наконечника, и далекой тростинкой исчезло в воде. Люди разразились новыми воплями.

Подобрав свой меч, Эсон распрямился и увидел лицо кри-во улыбающегося Интеба.

— Значит, это ты и задумал, — проговорил египтянин.

— Да, задумал. Я обдумывал этот план с того дня, когда ты рассказал мне о гибели Ликоса и остальных. Туда нужно отправить корабль — за оловом и чтобы отомстить, — так почему бы не наш? На возвращение в Микены потребуется несколько недель, потом когда еще выйдем в море. Так зачем возвращаться? Мы и так уже на дороге, ведущей на запад. Отец много рассказывал мне об олове, и даже я понял, что олово нужно Микенам теперь же, немедленно, пока Атлантида зализывает раны. На Фере погибло много кораблей, возможно, даже сам Атлас, хотя на подобное благодеяние едва ли можно надеяться. Теперь с ними нужно — можно бороться! Ну, а для этого нам необходимо олово.

— Ты говоришь прямо как Перимед.

— Он — царь Микен, а я — его сын. А ты, Интеб? Кажется, в общем радостном хоре я не слышал твоего голоса.

— Эсон, ты всегда можешь рассчитывать на мое одобрение, пусть иногда и с опозданием. Мы сейчас рядом с Египтом, там мой дом, и фараон готов осыпать меня почестями. Возвращаться ли мне туда?

— Возвращаться? Зачем — плыви с нами. Ты сделался моей правой рукой, и я люблю тебя как брата.

— И я люблю тебя, Эсон, — взяв его за руки, египтянин приложился щекой к грубой щеке Эсона, мокрой от пота, покрытой запекшимися каплями крови убитых. — Я люблю тебя и последую за тобой куда угодно.

КНИГА II

Глава 1

Деревья и густой подлесок спускались к самому краю воды, и каждое легкое дуновение бриза доносило до корабельщиков влажное дыхание сырой зелени из зарослей на берегу. Огромным водяным жуком черный корабль полз против течения возле утеса. Весла, шевелящиеся, словно ноги водяного насекомого, с трудом толкали его вперед. Большой парус свернули — небольшой ветерок дул в противоположную сторону. С ругательствами и ворчанием мореходы наваливались на весла, стараясь держаться ближе к берегу, где течение было не таким сильным.

На противоположной стороне серых вод, за проливом, на севере темнела серая, до небес, скала — один из Столпов Геракла. Впервые заметив ее, они испытали истинное потрясение и сгрудились возле борта, громкими криками описывая свои впечатления. Но теперь мореходов тошнило уже от одного ее вида. Напрягаясь изо всех сил, они гребли час за часом, но серая громада едва отодвигалась назад. Впереди их ждали холодные воды западного моря, но, чтобы достичь их, необходимо было грести изо всех сил. Опущенное за борт ведро приносило воду, ею поливали вспотевшие спины и пропеченные солнцем головы. Вода была здесь прохладней, чем в том море, что сделалось им привычным, и не такой соленой. Чтобы добраться сюда, не пришлось потратить много сил: после захвата сидонского корабля им еще не приходилось так трудиться. И теперь легкие дни и сытная пища выходили обильным потом. Ветер сопровождал им с того первого дня. Они шли вдоль берега Африки и по вечерам вытаскивали корабль на берег, чтобы раздобыть пресной воды и поспать. Много раз они охотились на берегу и ели добытое мясо. Рука Эсона была самой сильной и меткой: он поражал оленя там, куда другие не добросили бы и камня. Легкое путешествие — просто прогулка. Вечерами все посмеивались над старинными повествованиями о трудах и опасностях, поджидающих корабельщиков в этих краях.

Но потом ветер подвел их. Не только ветры, но и течения обратились против них. Три дня ожидали они на берегу, когда переменится ветер — но не дождались. Против общего желания пришлось грести.

Труд этот не приносил им удовольствия. Целыми днями налегали они на весла — от рассвета до сумерек, в конце концов миновали пролив, в котором вода неслась им навстречу, и вышли в открытое море. Здесь они уже могли поднять парус. Но перед закатом бриз совершенно стих, и они вновь принялись грести — уже без особых усилий. Наконец в скалистом берегу обнаружилась уютная бухта. Гребцы с жадностью насытились — они не ели с утра — и быстро уснули.

В каюте Эсон заправил оливковым маслом каменную лампу, опустил фитиль и поджег.

— Пора обдумать, как поплывем дальше, — проговорил он.

— Без карты? — поинтересовался Интеб.

— Ее не было и у Ликоса, однако он умел находить путь и мне объяснил, как это делать. От Столпов Геракла надлежит плыть на север вдоль берега, пока не кончится суша...

— До края земли, где начинается запредельный хаос.

— Ты сегодня в духе, Интеб.

— Это легко, когда стоишь у руля, пока остальные гребут. Дай-ка налью тебе вина.

Допив, Эсон причмокнул губами и потянулся так, что захрустели суставы. Весь день он сегодня греб.

— Дай мне тот черепок и штуковину, которой ты скребешь по глине, я нацарапаю тебе карту.

Интеб положил нужное на стол перед другом и выжидательно поглядел на него. Сжав правую руку в кулак, Эсон приоткрыл ладонь и выпрямил большой палец.

— Вот так, — проговорил он.

— Что так?

— Да карта, — он приложил ладонь тыльной поверхностью к обожженной глине. — Обведи вот так и почетче.

Увидев точный очерк, Эсон похвалил Интеба и ткнул пальцем вниз, возле мизинца.

— Вот здесь лежит пролив у Столпов Геракла. Большой палец глядит на север. Итак, сперва плывем на запад до костяшки мизинца, а потом поворачиваем на север вдоль сгиба пальцев. Там, где костяшки пальцев, — устья больших рек. Их четыре — и пальцев тоже, и мы должны миновать все... Наконец мы приплываем к большому мысу, здесь нужно повернуть

на восток, и мы поплывем вдоль руки к основанию большого пальца. Далее, следуя руке, поворачиваем на север и в соответствии с изгибом пальца берем на северо-запад. Вот все и видно по руке.

— А когда доплывем до конца большого пальца?

— Тогда придется через море поворачивать к Острову Йерниев, к земле альбиев.

— Это разные племена?

— Очень разные, сам увидишь.

Эсон стащил тунику и улегся на живот, а Интеб, зачерпнув масла, умастил мощные мышцы на плечах и спине друга. Захрапел микенец еще до того, как Интеб кончил растирать спину.

Путешествие вновь сделалось приятным, и дни были похожи один на другой. Они миновали устье большой реки, по ней поднималось какое-то суденышко, но гнаться за ним не стали. Суша стала гористой, но вдоль берега тянулась плодородная равнина. Свои кожаные мехи они наполняли водой из ручьев, охотились на оленей и диких свиней, подкарауливая добычу у водопоя.

Только однажды за весь долгий путь они увидели следы человека. В безоблачное небо поднимался бледный столб дыма. Вытащив на берег корабль, они пустились выслеживать двуногую дичь: неважно, на скольких ногах ходит добыча. Костер был разложен за высоким — в два человеческих роста — курганом, скрывшим приближение незваных гостей. Вокруг него расположилось целое семейство, они жарили целого быка возле обложенной камнем насыпи... все в ужасе бежали, не пытаясь остановить натиск вооруженных воинов. Потом мореходы с хохотом волокли быка на корабль, раскаты смеха становились только громче, когда из кустов на миг выглядывала очередная недоумевающая физиономия. Отличное путешествие, на редкость удачное.

Когда закончился протянувшийся с севера на юг берег, Эсон тщательно последовал сделанной им самим карте, она привела их в огромный залив, за которым высился мыс.

— Вот и место, — проговорил Эсон. — Я помню форму этого острова. Там есть бухта с песчаными берегами и ручей, из которого мы наполнили мехи водой. Потом мы поплыли от суши.

— Это мы можем, — отозвался Интеб, — не привыкать.

Хотя люди не стремились покидать уютные береговые во-

ды, последняя стадия путешествия не вызвала у них особого беспокойства. С тех пор как они захватили корабль сидонцев, плавание было удачным, ветер помогал и волны им не мешали. Дождей не было — они редки в это время года. Легкое путешествие, и в конце его их ожидает богатство.

Семь дней ветер дул с запада, и они выжидали в крошечной бухте. Набрали пресной воды, проверили снасти, заменили изношенные, замазали течи. Когда все работы закончились, один из людей сплел из бечевки сетку, они принялись ловить жирных птишек, гнездившихся на деревьях. Ели их запеченными в глине на угольях костра. На утро восьмого дня Эсон проснулся еще перед рассветом и вышел на палубу, чтобы приняться к воздуху. Там, привалившись к поручню, нес стражу Эйас. Послунив палец через щель в разорванной губе, он высоко поднял его.

— С юга, — проговорил Эйас. — Мы ждем этого ветра?

— Именно. Поднимай всех.

И опять они направились от берега в пустынное море, на этот раз преднамеренно. Кормчий глядел назад, он вел корабль прямо от суши. Интеб тщательно выверил путь по солнцу, чтобы не ошибиться. Море было спокойным, отлогие валы медленно вздымали и опускали судно. Белокрылые морские птицы следовали за кораблем от берега, то и дело они с отрывистыми криками ныряли за рыбой в белый след за кормой. Подгоняемый ветром корабль пенил воду, никто не обращал внимания на тонкие высокие облака, появившиеся после полудня. Лишь к сумеркам тучи сгустились. Но закатное солнце спускалось в воду, и, оставив его по левому борту, корабельщики начали вглядываться в пустынное море, пытаясь заметить землю, и уже бились об заклад — кто первым увидит ее.

На самом закате неожиданно налетел шторм. Ветер усилился, облака вдруг затянули все небо, поднялись волны. Таких мореходы еще не знали, этим валам ничего не стоило захлестнуть судно. Низкобортная галера давно уже отправилась бы на дно, но даже более крупный и мореходный сидонский корабль мог только идти по ветру. При самом маленьком парусе он начинал зарываться носом в волны, а снасти начинали гудеть и скрипеть.

Стоя у кормила, Тидей, шурясь, вглядывался сквозь пелену дождя в белопенные гребни и направлял корабль, куда нес его ветер. Эсон находился как раз возле него, когда из каюты

появился Интеб, — ему приходилось цепляться за поручень, чтобы не смыло за борт.

— Иди назад! — прокричал Эсон, рукой поддерживая египтянина.

Интеб оперся на него, чтобы не упасть.

— Там только хуже. Весь корабль скрипит и стонет, как перед гибелью. Кажется, он вот-вот пойдет ко дну.

— Мы все еще плывем в нужную сторону, и, пока мы вычерпываем воду, корабль не потонет.

— У тебя меч, — проговорил Интеб, заметив оружие за плечом Эсона — впервые после выхода в море. Брони на микенце не было. Интеб проговорил с внезапной тревогой: — Ты никогда не отправляешься в путь без меча — даже в подземный мир отправишься с ним. Значит, ты думаешь, что мы утонем?

— Я думаю только, что нас ждет очень скверная ночь.

— Конец?

— А Зевс его знает. Скоро узнаем и мы. Ветер гнал нас весь день и часть ночи. Перед нами Остров Йерниев, и сворачивать некуда. А теперь ступай в каюту.

— Нет, я останусь здесь.

Жутко было на палубе, у бортов внезапно выросли черные волны, летела пена, исчезая в темноте, валы шипели, но в каюте было куда страшнее. Каждое падение корабля в пропасть между огромных волн, казалось, кончится тем, что корабль пойдет ко дну. Это было непереносимо. Интеб вспомнил о солнечном и теплом Египте, обо всем, что осталось там. Если он погибнет на море, никто не сохранит его тело после смерти для странствия на Запад. И он не сможет попасть в Землю Блаженных — так говорили жрецы. Не бывает смерти хуже, чем на море. Прежде он смеялся над жрецами, но хорошо веселиться на твердой земле. Сейчас он не мог смеяться.

Окончилось все внезапно. Перекрывая рев бури, раздался внезапный грохот, прямо перед носом корабля высоко в небо взлетела белая пена. Корабль ударился о скалу и начал разваливаться на куски. Людей выбрасывало в море, они застревали в обломках.

И еще не осознавая, что произошло, Интеб полетел в ледяной океан. Он пытался закричать, но вода хлынула ему в рот и нос, вода была повсюду. Он тонул и не понимал этого. Новый вал бросил их с Эсоном навстречу друг другу, и египтянин заметил темный силуэт микенца. Закашлявшись, Ин-

теб выплюнул воду, глубоко вдохнул воздух. Нечто темное и громадное обрушилось на них, ударив египтянина по голове.

О том, что произошло потом, он сохранил только самые расплывчатые воспоминания. Эсон был рядом, а может быть, и кто-то другой, он тянул Интеба за руки, одежду... потом под ним оказалось нечто твердое. Большую часть времени голова египтянина находилась под водой, и в те короткие промежутки времени, когда она оказывалась на поверхности, он старался вдохнуть побольше воздуха и слабел с каждым разом. А потом была холодная смесь воды, пены, что-то твердое рвало и терзало его плоть, наконец Интеба перевернуло, и он оставил борьбу, погружаясь во тьму, охотно принявшую его.

Глава 2

Интеб очнулся от кашля и не мог остановиться, горло драгло, даже глаза сами закрывались от боли. Он перекатился на бок, извергая соленую морскую воду, наконец рвота отпустила его — в желудке ничего больше не было. Не оставалось и сил — даже чтобы открыть глаза. Впрочем, он был в сознании и ощущал, что лежит на твердой земле и его трясет от холода и истощения. В глаза ему набился песок. Интеб слабой рукой протер их, прежде чем осмелился оглядеться.

Над головой по низкому небу неслись серые облака. Он лежал на каменистой почве во впадине между кочками, поросшими травой. Он помнил только море, бурю, волны, смыкающиеся над головой. Как он оказался здесь? Конечно, не собственными усилиями. Эсон?

— Эсон, — позвал Интеб, с трудом поднимаясь на колени, и уже почти в панике повторил: — Эсон!

Неужели микенец погиб! Пошатываясь, Интеб встал, потом поднялся на невысокий гребень. Отсюда он видел полосу прибрежного песка, на которую набегали по-прежнему высокие валы. Злые скалы. Интеб не забыл, что случилось вчерашней ночью. И все-таки — как он попал сюда? Интеб закричал вновь, издав далеко с берега ответил голос. Наконец появился Эсон, он волок за собой что-то длинное и темное. Микенец помахал рукой. Встретились они на мокром песке. Бросив на землю расщепленный кусок плавника, Эсон схватил египтянина за обе руки.

— Скверная была ночь, Интеб, но мы живы — значит, есть чему порадоваться.

— А остальные...

— Погибли. Корабль ударился об эти камни и разлетелся от удара. Мы рядом упали в воду, потом кормовое весло едва не снесло нам головы — оно падало прямо на нас. Но оно-то нас и спасло. Мы держались за него, наконец нас вынесло на землю. Я кричал, звал, но никто больше не ответил. Потом я оттащил тебя сюда, подальше от ветра, и обыскал берег — посмотрел и в воде, насколько можно было зайти. Никого, должно быть, все погибли с кораблем. Значит, плавать не умели.

Эсон тяжело опустился на песок, склонив голову на колени. Он не спал всю ночь и очень устал. Вождь и предводитель, он отвечал за своих людей. Но все они погибли. Вот и меч холодной тяжестью лег на спину.

— А ты знаешь, где мы? — спросил Интеб.

— Где-то на берегу, точнее не знаю. В тот раз мы плыли вдоль берега, а здесь он такой одинаковый: нет деревень, нет народа. Нет пищи. С корабля не выбросило ничего, только щепки. Надо идти. — Он поднялся.

— Но куда?

— Добрый вопрос. В шторм мы сперва как будто следовали за ветром, но во тьме могли развернуться. Нам идти на восток. Так, наверное, будет лучше.

Кинув прощальный взгляд на погубившие корабль клыкастые скалы, на пустынный пляж, Эсон повернул налево и направился вдоль берега. Песок был мягок, идти босиком было легко — море сорвало с их ног сандалии. Интеб следовал за Эсоном по песчаному берегу, на котором не было даже тропинки. Шли они недолго и быстро наткнулись на полосу воды, слишком глубокую, чтобы можно было перейти ее вброд. Повернув, они побрели в глубь суши. Повинуясь внезапному импульсу, Интеб нагнулся и, зачерпнув воду ладонью, попробовал.

— Едва солоноватая, — проговорил он. — Должно быть, это устье речки. Если мы направимся вверх по течению, она сделается пресной.

Поток петлял и сужался, ставшая пресной вода бежала по обросшим мхом скалам. Они напились, лежа на животах. Эсон сел, вытирая рукой рот, и внезапно застыл. А потом обнажил меч.

Над приморской равниной поднимались невысокие, по-

росшие лесом холмы, и в просвете ветвей была видна нагая вершина одного из них. На самой верхушке высилось какое-то округлое сооружение. Людей не было видно. Оглядевшись, Эсон с мечом в руке направился к вершине холма. Миновав густую рощу, они вышли на заросшую тропку, приведшую их на склон перед загадочным сооружением. Сделано оно было из земли, с одной стороны виднелся ряд каменных глыб. Самая крупная в центре напоминала закрытую дверь.

— На гробницу похоже, — проговорил Интеб.

Эсон согласно кивнул, однако, пока они поднимались на холм, держал меч в руке и опустил его в ножны, лишь когда потерпевшие кораблекрушение убедились, что посетителей здесь давно не было.

— Гробница, — проговорил Эсон. — Я уже видел такие, — он наклонился к щели у края глыбы, закрывающей середину входа, но не смог увидеть за ней ничего, кроме темноты. — Там посреди зал, погребальная камера, она сложена из вертикальных камней, на них положены потолочные плиты... В ней можно найти истлевшие кости, дары покойному, может быть, золото, — он навалился на тяжелый камень.

— Похожа на микенские, только куда проще. Будем открывать? — спросил Интеб.

— Не обязательно. Лучше вернемся к берегу.

Солнце пробилось из облаков и грело их спины. Путники шли до полудня. Наконец Интеб, остановив Эсона, указал на загибающийся дугой берег. Воткнув палку в песок, он задумчиво поглядел на тень.

— Мы, кажется, повернули на север, — проговорил египтянин. — И если этот берег будет все так же изгибаться, скоро повернем на запад. Не оказались ли мы на полуострове или мысе?

— Возможно, но я не помню ничего такого. Берег велик — остров огромен. Он тянется на север, неведомо куда. Я мог не видеть этой его части.

— Надо посмотреть, что лежит впереди, — проговорил Интеб, поднимаясь наверх по заросшей травой дюне. Устав от ходьбы, он ощущал лишь пустоту и бурчание в желудке. Добравшись до вершины, египтянин огляделся и, быстро пригнувшись, сбежал вниз по склону.

— Там кто-то идет вдоль берега. Я сразу же опустил в траву, как только заметил его... Скорее всего, он меня не видел.

— Он один? — проговорил Эсон, извлекая из ножен меч.

— Один. Я видел весь берег. Кроме него, никого.

— Нам нечего бояться одного человека.

Легко размахивая мечом, Эсон зашагал по песку. Интеб плелся следом, не ощущая даже тени подобной уверенности. На скалистом выступе, уходящем в море, Эсон остановился, и Интеб догнал друга. Разбрызгивая воду, кто-то шел по отмели. Высокая волна разбилась о скалу, и с моря послышалась ругань. Интеб отступил — плеск приближался. Жилы на руке Эсона взбухли, он стиснул рукоять меча. Человек обходил скалу и вышел прямо на них — вздрогнув от неожиданности. Знакомая рваная физиономия в шрамах.

— Эйас! — закричал Эсон и вонзил меч в песок, кинувшись в воду обнимать кулачного бойца.

— Ну и встреча! — вопил Эйас, они обнимались, а зеленая вода подступала к коленям.

— Я думал, что ты погиб вместе с остальными, — проговорил Эсон.

— А сам ты — не вышел из могилы? Если бы я не обнимал тебя своими руками, то подумал бы, что вижу духа. Но теперь нас трое — если только египтянин не вернулся сюда призраком из своих Земель на Западе.

Интеб начал было хохотать с остальными, но в голову ему вдруг пришла ужасная мысль. А как здесь оказался сам кулачный боец?

— Эйас, — обратился он, — значит, ты шел сюда вдоль берега?

— С тех пор как утром солнце открыло мои глаза. Я лежал один на песке. Вокруг никого не было. Голодный, пить хочется... до сих пор. Пошел вдоль берега, все шел и шел. И не нашел ничего...

— Ты поворачивал?

— Ни разу.

Выйдя на берег, они смотрели на бледного Интеба, тяжело опустившегося на песок.

— Ты понял, что это значит? Мы тоже шли — в другую сторону.

Эсон понял сразу.

— Остров. Мы попали на остров.

— Пустынный к тому же, — проговорил Интеб с безнадеежностью в голосе. — На берегу мы не встретили никого, ничего не нашли, кроме того ручья.

— Значит, вы видели больше, чем я. Если вы знаете, где вода, покажите мне дорогу к ней.

— Еще мы нашли гробницу, — проговорил Интеб, поднимаясь. — Это Остров Мертвых.

— В глубине суши могут жить люди. — Эсон опустил меч в ножны и первым направился вдоль берега. — Если они здесь есть, мы найдем их. Здесь должны быть люди.

Они не нашли никого. Вдали от моря, среди невысоких холмов, обнаружились другие гробницы, там были совсем древние — ветер даже сдул землю с каменных блоков, закрывавших погребальную камеру. Слов Интеба они не повторяли... но и произнесенные, они звучали в ушах. Остров Мертвых. С самого высокого из холмов было видно море, со всех сторон окружавшее остров, вдалеке на горизонте чернела земля. Вот и все. Когда тени начали удлиняться, они вернулись к ручью у той гробницы, которую обнаружили первой, и напились воды, чтобы притупить чувство голода.

— Что будем делать? — спросил Эйас, и оба они поглядели на Эсона. Тот медленно покачал головой и поглядел в сторону темнеющего моря.

— Думаю, что нам конец.

— Словно морские рыбы на берегу, — проговорил Интеб. — Странно это: уцелеть в кораблекрушении, а потом умереть от голода.

— Пища есть, — Эйас протасил сквозь пальцы длинную травинку и поглядел на зернышки, оставшиеся на ладони. — Не бог весть что. Но мне приходилось есть и похуже. Будем есть эти семена. Ловить птиц.

— Рыбу тоже, — добавил Интеб. — Вода и пища есть — можем выжить.

— Зачем? — спросил Эсон. — Чтобы жить, как дикие звери, без огня и укрытия, пить воду, жевать сухие семена? Зачем? Смерть все равно придет к нам.

И он громко повторил слова Интеба:

— Это же Остров Мертвых.

Глава 3

Эйас шел, склоняясь под ливнем, вода ручьями лилась с волос и бороды, затекала под и без того мокрую одежду. Он брел возле края волн и волок за собой кусок плавника, тол-

стую расщепившуюся ветвь, которую подобрал на берегу. Разбивавшиеся валы шипели в песке, захлестывали лодыжки. На рифах снаружи грохотал прибой. Эйас шел и шел, наконец повернул внутрь острова по тропе, которую успел протоптать в своих частых хождениях. Тропа эта змеилась между валунов к образуемому естественное укрытие каменному навесу. Тут Эйас хранил собранный им плавник: сучья, бревна, ветви, резную скамью, выброшенную морем после кораблекрушения. Она да рулевое весло — вот и все, что напоминало теперь о существовании разбившегося корабля и его команды. Сдвинув дерево в сторону, Эйас освободил себе место, чтобы укрыться от дождя.

Он и сам, собственно, не вполне понимал, зачем таскает сюда деревяшки. Ему не удалось найти ничего пригодного для плота. Не было на острове и ползучих растений, которыми можно связать бревна. Дрова эти можно было бы сжечь, если бы только им удалось высечь огонь. Но искристых камней, пиритов, тоже не попадалось. А огонь был необходим: здесь, на далеком севере, зима мгновенно погубит их; даже здешнее лето только медленно подтачивало их силы. Эйас поглядел на плетеный кожаный пояс; он день ото дня становился все свободнее. Трава и семена диких злаков — не еда для мужчины. От нескольких птиц, которых удалось поймать в силки, осталось только воспоминание. Когда же это было? Он задумчиво поскреб короткую бороду.

Давно. Египтянин знает. Он — человек ученый, следит за календарем даже в этом заброшенном месте, наносит свои иероглифы на деревянную дощечку. Он вычислил, что настал месяц месори и Нил разлился. Как будто здесь это важно. Словно может быть что-то помимо единственной цели — выжить. Теперь все они ослабели, а египтянин из троих самый слабый. Наверно, и умрет первым. Хорошо, будет мясо — пусть ненадолго. Эйасу уже случалось есть человечину, тогда она ему не понравилась. Но ведь надо жить.

Через какое-то время дождь утих. Ноги Эйаса онемели. Он выбрался наружу и потянулся — суставы хрустели, мышцы ныли от сырости. С кустов капало, свинцовое небо нависало над свинцовым же морем. Он обратился к нему спиной и по невысоким округлым холмам побрел к гробнице. Вполне подходящее место для тех, кто скоро умрет, — правда, такая мысль ему в голову не приходила.

Это была та самая гробница, обнаруженная Интебом и

Эсоном в первый день. На острове она была самой большой, в ней можно было стоять. Вход был закрыт одним-единственным большим камнем. Не без колебаний они отвалили его и вступили внутрь. В глубине лежала статуя уродливой богини. Повсюду валялись кости. Самые древние крошились в пыль, на свежих еще попадались кусочки присохшей плоти. Они расчистили себе место, сгребли все останки и труху в дальний темный конец похожего на короткий туннель помещения. Среди костей попадалась погребальная утварь: золотые ожерелья, булавки. На острове она ни к чему, но в любом другом месте... Сперва они берегли их, но в тесном помещении те вечно попадались под ноги, и вскоре их выкинули в общую груду. Эйас, правда, оставил себе золотой браслет и носил его на предплечье — чтобы потешить глаз в серых буднях.

Когда Эйас прополз через вход, остальные двое уже были дома. Согнувшись, они что-то рассматривали.

— Смотри-ка! — окликнул вошедшего Эсон, показывая бурую птаху, ноги которой запутались в силке. Она беспомощно била крыльями, ужас отражался в ее круглых глазах.

— Как делить будем? — Эйас присел на корточки с ними рядом, с не меньшим интересом, чем остальные, разглядывая дичь.

— Нас здесь нечетное число, — проговорил Интеб. Эсон тем временем вытащил меч и потрогал лезвие пальцем. — Помнишь, сколько возни было с последней птицей. Будь нас двое, ее можно было бы разрубить пополам, будь четверо — на четвертинки.

— А на четыре сотни воинов по перышку бы пришлось, — расхохотался Эсон.

Изголодавшиеся люди склонились над еще живым комочком, в котором и мяса-то почти не было. Но желудки жаждали пищи. Поэтому они не сразу услышали звук, заглушавшийся их собственными голосами. Первым насторожился охотник Эсон. Склонив голову набок, он приложил палец к губам. Остальные немедленно застыли, и в наступившем безмолвии послышались далекие рыдания.

Случись такое ночью, они, конечно, решили бы, что это явились растревоженные незваными пришельцами духи мертвых, чтобы прогнать их. В голосах слышалась смерть, так могли бы выть и мертвецы, и волосы на затылках и спинах всех троих мужчин невольно стали дыбом. Интеб поежился — но не от холода.

— Голоса, — прошептал он, — это все-таки люди, плакальщицы.

Голоса приближались, становились громче, и скоро можно было уже разобрать слова. Эсон попытался понять их и вдруг закивал головой.

— Слышите? Понятно. Это старинный язык сказителей, есть небольшая разница, но все понятно.

В обрядовом напеве снова и снова повторялись одни и те же фразы.

Голоса стали четче и громче, звук приближался — поющие явно шли уже по склону холма.

Назад, назад в чрево матери,
В глубины, в глубины земли и холмов,
Мертвец, мертвец спит в тебе, мати.
Вновь, вновь он будет рожден.

С мечом в руке Эсон пригнулся, чтобы биться с любым врагом — человеком или нечеловеком. Эйас сжал кулаки — простое, но не менее смертоносное оружие было готово к делу. Интеб скрючился на полу. Брошенная на песчаный пол птица, отчаянно забив крыльями, сумела освободиться и с громким писком метнулась прямо к выходу из гробницы.

Едва она исчезла в отверстии, голоса снаружи вдруг смолкли. Лишь одно затянувшееся, долгое-долгое, как им казалось, мгновение Эсон выдерживал это молчание. Взревел словно бык, он ринулся наружу. Что бы ни ожидало его, судьбу лучше встретить на открытом месте. Эсон коротко взмахнул мечом. Оказавшись за пределами гробницы, он сразу вскочил на ноги. Эйас следовал за ним.

Вниз по склону разбегались с воплями и визгом люди, бурные спины исчезали в кустах. Буквально в какой-то миг из всей процессии остались только двое, девушка и старик. У ног седовласого старика, закутанного в коричневый плащ с опущенным капюшоном, лежал длинный сверток. Старик что-то кричал, противился девушке, пытавшейся увлечь его за собой. В страхе она попятилась, но старика не бросила.

— Погребальная процессия, — Интеб выглянул из гробницы и показал пальцем на опущенный на землю труп, защищенный в сырые шкуры.

— Они испугались еще больше нас, — Эсон опустил меч. — Не вижу среди них воинов. — Он спустился пониже, остановился перед стариком. Девушка перестала тащить его в сторону и беспомощно застыла с ним рядом. В напрасных по-

пытках увлечь за собой старца она сбросила с головы капюшон. Под ним оказались густые черные волосы. Темноглазая, с оливковой кожей... алые губы ее трепетали. Протянув руку, Эсон поднял капюшон над лицом старика. Тот выкрикнул:

— Кто это? Кто здесь? Найкери, что случилось?

Бросив быстрый взгляд, Эсон опустил капюшон на прежнее место. Старца не так давно ударили по лицу чем-то тяжелым и острым. Переносица была сломана, глаза вытекли, все лицо пересекал огромный воспаленный рубец. Эсон молчал, и хриплым от страха голосом девушка принялась шептать на ухо старику:

— Муж... нет, трое мужей появились из гробницы. Они вооружены бронзовыми мечами...

— Кто вы? — перебил ее Эсон.

Старик выпрямился. Прежде он, конечно, был воином, и худошавое тело его было мускулистым.

— Я Лер Альбийский. Если ты и впрямь из мужей с бронзовыми мечами, то мог слышать мое имя.

— Я знаю про Лера Альбийского. Мне говорил мой дядя, Ликос. Он говорил также, что твой народ помогал ему в разработке копи.

Держа меч наготове, Эсон огляделся. Что знал он об этих загадочных людях... не они ли и разрушили копь?

Лер вдруг взвыл в муке.

— Ох, умерли, ох, умерли все, перебили их, словно зверей, пролиты реки крови. — Воздев руки к небу, он потряс кулаками и стал рвать на себе одеяние. Эсон повернулся к девушке по имени Найкери. Успокоившись, она стояла в сторонке: перед ней оказались мужи, а не духи.

— О чем он горюет?

— Это йернии виноваты, они напали на нас, убили всех мужчин. Последним был мой брат, что лежит сейчас на земле; он умирал много месяцев. Отца тогда ослепили. И ваших людей убили, всех, кто попался им возле копи.

Эсон опустил меч в ножны: похоже, враги у них общие. И только теперь, когда ситуация прояснилась, он осознал, что принесло им появление на острове этих людей.

Они явились на Остров Мертвых откуда-то из другого места. Теперь уцелевшие после кораблекрушения получили возможность выжить.

— Откуда вы? — спросил Эсон.

Найкери показала назад:

— Из дома. Мы всегда хороним здесь своих покойников, во всяком случае знатных. Путь не близок, но мы совершаем его. Нас не пугает расстояние — остров этот считается у нас священным, потому что наши предки здесь жили когда-то. Многие из них похоронены в этих гробницах. — Она вдруг разгневалась. — А вы открыли могилу и украли из нее приношения... Вот! — Она показала на золотой браслет на предплечье Эйаса.

— Корабль у вас есть? — спросил Эсон.

— Воры, грабители могил! — не слушая, вопила Найкери и, охнув, умолкла, когда Эсон железными пальцами стиснул ее челюсть.

— У вас есть корабль?

Когда он отпустил руку, девушка отступила назад, потирая оставшиеся на щеках белые отметины.

— Мы приплыли в кораклях, круглых лодках. Сперва мы выгребали вдоль берега, а потом поворачиваем сюда.

— А еда у вас есть?

Она кивнула. Эсон с довольной ухмылкой хлопнул себя по пустому животу:

— Зови своих, мы никого не тронем. Дайте нам еду, и можете спокойно хоронить твоего брата. Мы голодны, а он нет. Может и подождать.

Эйас громко расхохотался, улыбнулся даже Интеб, выбравшийся из гробницы и приблизившийся к ним. Только Найкери еще сердилась. Об этом говорили насупленные брови и сжатый рот; впрочем, девушка молчала. Повернувшись спиной к пришельцам, она что-то зашептала отцу, успокаивая его, потом усадила на землю, возле трупа, зашитого в кожи. Раскачиваясь в скорби, старик принялся гладить тело, а Найкери спустилась по склону, призывая к себе попрятавшихся. Одна за другой появлялись испуганные женщины и девушки в одинаковых одеждах из бурой ткани. Мужчин не было, лишь несколько хромых стариков с подозрением поглядывали на незнакомцев подслеповатыми глазами. Ни воинов, ни крепких юношей. Трое пришельцев спустились с холма, и никто не посмел поглядеть на них прямо, все прятали глаза под капюшоны.

— Отведи нас к вашим лодкам, — приказал Эсон.

Найкери проводила их к берегу, где обнаружилось десять округлых холмиков, похожих на ульи. Все они были вынесены далеко за линию прибоа. Девушка направилась к ближайшему.

— Таких лодок я еще не видел, — проговорил Эйас. Заинтересовавшийся Интеб помог Найкери перевернуть один из челноков. Он оказался легким. Сшитые в полушарие кожи были натянуты на каркас из ветвей ивы. Получилось нечто вроде корзины, обтянутой пропитанными дегтем шкурами — чтобы не промокли. Груз лежал под корпусом корабля на песке: свертки, корзины, широкогорлые кувшины. Найкери протянула Эсону один из горшков, и тот извлек из него короткую колбасу — в ладонь длиной и чуть поменьше в ширину.

— Мясо! — завопил он, вливаясь зубами. Вкусная копченая жирная говядина. Жесткое мясо, великолепное. Они жевали и жевали, пока жир не потек по подбородкам и рукам. Никто из троих даже не заметил, как исчезла Найкери. Покончив с мясом, они искали еще, обнаружили стоялую, пропахшую смолой воду в мехах, попробовали вязкой и комковатой холодной каши. Среди припасов оказалась и смесь дробленых орехов и ягод. Наконец насытившись, Эсон и Интеб разлеглись на прогревом солнцем песке, поглаживая тугие животы и пересмеиваясь, невзирая на резь, которой отвечали на сытость отвыкшие от пищи желудки. Эсон поднялся и поглядел за море. Первая буйная радость уже улеглась, следовало подумать о том, что их ждет: здесь на острове, в ловушке, у них не было будущего — они только существовали, обманывая смерть. Теперь с этим покончено.

Неуклюжие круглые челны способны передвигаться по морю, иначе альбии не смогли бы добраться сюда. Скоро в путь. И тогда можно будет приняться за дело, которое он поклялся выполнить.

На горизонте облаком синел негостеприимный берег. Нужно возобновить работы в копи — Микены ждут олово — и отомстить за погибших родичей.

И все это — с помощью всего одного египтянина, не сведущего в воинском деле, и покрытого рубцами бойца, предпочитающего кулак мечу. Эсон коснулся рукояти меча. Вот она — его опора. С мечом в руке ему некого бояться. Если бы Зевс захотел его смерти, он бы давно уже умер в воде, вместе со всеми, погибшими при кораблекрушении. Но он выплыл на берег, а теперь его ждет далекая суша — Остров Йерниев. Он вступит на нее с мечом.

И эти дикари скоро узнают, на что способен микенец, пусть даже он один.

Интебу сделалось дурно сразу же, как только челны вышли в море. Неуклюжие лодки качались на волнах, вертелись, в них натекала вода. Кроме небольшого количества груза, каждый коракль мог поднять двух человек, самое большее трех. Эсон с Эйасом скоро приноровились к своенравному суденышку, хотя поначалу только кружили на месте, взбивая воду неуклюжими движениями коротких весел, посмеиваясь над собственной неловкостью. Интеб даже не прикоснулся к веслу; едва утлое суденышко удалилось от берега, внутренности египтянина возмутились, и его вывернуло наизнанку. После этого пользы от него было не более чем от груза, он валялся в луже на дне, и гребцы иногда даже опирались на него ногами. Ему было все равно. Пусть боль... пусть даже смерть, что угодно, только не эта непрекращающаяся дурнота. Небо над головой дергалось и кружилось, и он закрыл глаза, чтобы только не видеть этого.

На переход с Острова Мертвых к западной оконечности Острова Йерниев ушла большая часть дня, несмотря на то что они вышли в море с рассветом. А потом суденышки медленно потянулись вдоль берега на восток: пришлось плыть еще несколько дней, только в сумерках выбираясь на берег, чтобы поесть и переночевать. Распоряжались в пути старики, и они останавливались, наверное, там же, где это делали прежде из поколения в поколение, — в основном на уединенных пляжах, отгороженных от суши высокими утесами: к ним и подойти можно было только со стороны моря. Скрытность в природе альбиев: они не то чтобы кого-нибудь опасались, просто предпочитали всегда идти своей дорогой.

Дни незаметно сменяли друг друга, после тяжелых дневных трудов люди в изнеможении проваливались в глубокий сон. Даже Интеб потерял счет дням. Но как-то сразу после полудня они свернули к берегу возле устья большого ручья.

— Что случилось? — Эсон окликнул Лера, с помощью дочери выбиравшегося из своего коракля.

— Все, высаживаемся на сушу. Наш дом неподалеку.

Торопливо разгрузили корабли и перевернули их, поклажу разделили между детьми и девушками помоложе. А когда весь груз был распределен, старики и женщины подняли суденышки, чтобы нести их дальше на себе: фигуры людей исчеза-

ли под ношей. Эйас хотел взять коракль, но ему не дали — все-таки свое. Цепочкой они направились по едва различимой тропе вдоль ручья к черной стене леса.

С самого утра собирался дождь, и низкое небо опускалось все ниже и ниже к верхушкам деревьев, пока наконец самые верхние ветви не исчезли в тумане. Мрачные чужие деревья с плоскими заостренными листьями. Густые заросли дуба сменялись буковыми рощами, иногда среди темных стволов белыми копиями поднимались березы. Тропа от ручья направилась вверх по травянистому склону, по впадинам и буграм она повела их от болотистого берега к непроходимому лесу. Люди шли вперед не останавливаясь, терпеливо сгибаясь под грузом; тем временем тропа забирала все выше. В одном месте ручей небольшим водопадом стекал с каменного уступа в бурлящую стремнину. Здесь подъем стал крутым, и коракли пришлось передавать из рук в руки. Наверху земля вдруг стала иной: бесконечный лес сменился лугами и низинами. Тропа сделалась более четкой, и в воздухе запахло дымком, но разглядеть что-либо было сложно — туман превратился в дождь. Путники шлепали по лужам, скоро все промокли и замерзли.

Уже в сумерки из тумана вынырнул первый из огромных курганов, горой вздымавшийся посреди ровного поля. Это погребальное сооружение величиной значительно превосходило те, что остались на Острове Мертвых. Цепочка идущих обогнула курган, за ним показался другой — и тут впервые появились дома. Их острые соломенные крыши начинались почти от самой земли, от невысокого земляного вала. Плетеные и обмазанные глиной стены опирались на не очищенные от коры дубовые бревна. Позади домов находились небольшие возделанные поля, обнесенные невысокими каменными стенами. Из отверстий, оставленных под коньками крыш, клубился дымок. Путники приближались к домам, и кто-то тонко и отчетливо просвистел, странной трелью закончив последнюю ноту. По этому сигналу в дверных проемах появились люди, вышедшие встречать прибывших. Цепочка стала редеть, без прощальных возгласов каждый направлялся своим путем. Эсон остановился, дожидаясь Найкери и Лера.

— А далеко ли отсюда копь? — спросил он.

— Ликосова? Не очень, — ответила Найкери. — Можно сходить туда и обратно за половину дня.

— Пусть нам покажут дорогу.

— Утром. Сегодня поздно, и дождь идет. Вам придется провести там всю ночь — без крыши над головой.

— Мы хотим идти прямо сейчас.

— Это ты хочешь, — возразил Интеб, чихавший и потиравший пальцами нос. — Сюда мы добирались так долго, что еще одна ночь ничего не изменит. А меня лично мысль о жарком очаге только радует.

Сам Эсон отправился бы немедленно — если б только знал дорогу до копи. Однако спутники возражали, он не стал принуждать их и, почти не противясь, позволил отвести себя к дому Лера, одному из самых больших в поселке. Чтобы войти в низкую дверь, микенцу пришлось пригнуться. Очаг уже горел, на углях булькал глиняный горшок. Они опустились на низкие скамейки — поближе к огню, чтобы просохнуть. Тем временем к ним подошла старуха с мисками, полными каши. Варено оказалось безвкусным, но насыщало и грело своим теплом, и миски скоро опустели. Лер хлебал кашу вместе со всеми, а потом сидел, раскачиваясь, обратив к теплу очага незрячее лицо. Покончив с едой, он велел принести пива, и из ямы в земле извлекли большой закупоренный кувшин. Зачерпнув из него себе и осушив чашу, Лер знаком предложил всем последовать своему примеру. В кувшине оказалось кислое молоко, острый вкус его отдавал горечью, однако напиток пьянил подобно вину. Здесь, в своем доме, утопив в пиве свои печали, Лер вновь, казалось, стал тем мужем, каким он был когда-то.

— Ты пойдешь к копи утром, — проговорил Лер. — Когда-то она была нашей, но Ликос принес многие дары, и мы разрешили ему пользоваться ею. Теперь мы снова будем работать там, в этой земле есть и медь.

— Нет, — без колебаний возразил Эсон. — Она принадлежит Микенам. Ты сам только что сказал это.

— Зачем тебе сейчас этот металл? У тебя нет отроков, чтобы работать, — многие из них убиты, и трудно будет теперь отыскать согласных на такое дело.

— Но раз Ликос сумел — смогу и я.

Лер зло ухмыльнулся, по собственной слепоте позабыв, что другие еще не разучились видеть.

— Тебе не все известно. Отроков Ликосу подыскивал я, это были дети донбакшо, они обитают в самом лесу. От нас им нужны топоры — чтобы расчищать свои поля. А за мальчи-

ков Ликос дал мне золотую чашу, и не только ее. Ты принес с собой золотую чашу?

— Ты получишь чашу, получишь больше, помоги только найти отроков.

— Хотелось бы мне сперва подержать эту чашу. Пусть глаза мои не видят, но пальцы сумеют ощутить ее вес. Когда ты дашь мне прикоснуться к ней?

— Скоро.

Опьяневший Лер, побряхтывая от удовольствия, шарил под скамьей. Наконец он нащупал желаемое: топорище для боевого топора из твердого дерева, а потом и сам двусторонний каменный топор, аккуратно высверленный посередине.

— Вот топор, боевой топор, такие мы продаем йерниям. Они не знают, где можно найти этот редкий камень. Йерниям не сделать такого. А этот даже заслуживает того, чтобы прихватить его с собой на тот свет. Вот, видишь сам, какой он острый. Топор мой ты видел, а теперь я увижу твою золотую чашу. — Он вновь рассмеялся и громко рыгнул.

Эсон крутил в руках жадеитовый топор, отвечать было нечего. Не было у него ни сокровищ, ни чаши. Не было и воинов, чтобы драться. Ничего не было. Но копь следует восстанавить, а потом — найти тех, кто убил микенцев. Лер мог помочь Эсону. Альбии обходились без вождей. Но этого старца явно уважали: если у них есть кто-то главный, так только Лер.

Выпили еще пива. Взопрев возле очага, мужи завели песню. Старый Лер голосил едва ли не громче всех. Разошедшийся дождь всюду барабанил по соломенной крыше. Эсон потягивал пиво, вглядывался в чашу, пытаясь увидеть грядущее сквозь завесы тепла и усталости, воспоминаний и ненависти. Что такое один человек против целой страны?

Голос Лера задрожал и умолк, осев, старик съехал со скамьи. Старуха приблизилась к упавшему и с помощью Найкери отволокла его к невысокому ложу, устроенному у одной из стен. Весь вечер Найкери безмолвно просидела в тени, девушка молчала и слушала, о присутствии ее все даже забыли. Привалившись к грубой стене, Эйас распевал с закрытыми глазами, он уже был сильно пьян, хотя, блаженствуя, не осознавал этого. Уже не способный сидеть прямо, Интеб приложился к чаше и над краем ее поглядел на Эсона.

— Ну вот мы и добрались сюда. Невероятное путешествие, расскажешь дома — никто не поверит.

— В этой глуши некому и рассказать.

— Перимед пришлет сюда корабль, тогда у тебя будут люди, ты сможешь восстановить копь.

— В этом нельзя быть уверенным. Конечно, отец пришлет сюда корабль, но когда? Да и доберется ли судно, сумеет ли оно преодолеть все опасности, которыми угрожает море? Неужели я буду дожидаться его, кушать кашку, пить кислое молоко? Интеб, неуверенность терзает меня, я сам не нахожу ответа на эти вопросы. Я царевич в Микенах, воин из Аргolidы, я готов биться, победить или умереть. Но как воевать без воинов, одним щербатым мечом? Как получить помощь, не имея подарков? Друг мой, ты мудр, можешь ли ты ответить на мои вопросы?

Голова Интеба качнулась, он неразборчиво забормотал:

— Положись на меня, Эсон, я помогу, всегда помогу тебе. Дружба моя поможет. Сейчас я мог бы сидеть по правую руку фараона, следить за разливом плодородного Нила... а куда меня завела судьба? И мне не жаль... не жаль, — он всхлипнул и тут же уснул.

Огонь угасал, густо пахло дымом и перебродившим молоком. Эсон едва мог терпеть эту вонь. Его распирало желание биться — но с кем? Противника не было. Не выпуская из рук каменного топора, он поднялся и толкнул дверь, стукнувшись головой о низкую притолоку. Снаружи лил дождь, вдали громыхивал гром. И он слепо вглядывался в дождь, не зная, клясть судьбу или молить богов о помощи.

Вдруг Эсон ощутил, что рядом с ним кто-то шевельнулся. Занеся для удара топор, он мгновенно повернулся на звук. В дерево в лесу совсем рядом ударила молния, во время короткой вспышки он увидел, что это Найкери. В наступившей вновь тьме он укоризненно покачал головой: надо же — уже и женщины начал пугаться.

— Я могу помочь тебе, — подходя ближе, негромко проговорила девушка.

— Уходи, — бросил Эсон, поворачиваясь спиной.

— Знаю я вас, микенцев, — продолжала она, заходя так, чтобы стать лицом к лицу с ним. — Должно быть, в вашей земле нет ни одной здоровой женщины, иначе вы не презирали бы их. Постарайся понять, воин, — здесь у нас все по-другому. У нас женщина не рабыня мужчины. С тех пор как ослеп отец, я говорю от его лица. И я могу помочь тебе.

— Мне не нужна помощь от женщины.

— А другой ты здесь не получишь, — огрызнулась она. —

Хочешь — раздувайся от гордости, только тогда копь навсегда останется разрушенной, а ваши люди неотомщенными. Решай сейчас. Так как же?

Она говорит правду, подумал Эсон. Здесь не Арголида. Странные земли — странные обычаи.

— Почему ты хочешь помочь мне? — спросил он.

— Такого желания у меня нет, но я нуждаюсь в тебе, как и ты во мне, чтобы отомстить — у меня на это свои причины. Племя мое сейчас не в силах мстить. Мой народ ослабел. Отец мой слеп. Все хотят забиться поглубже в лес, найти место потише. Я не хочу. Мое место здесь. Альбии всегда старались жить в мире со всеми — даже с йерниями. И мы будем жить с ними в мире — но после того, как умрут виновные. Твои враги — это мои враги, и я помогу тебе погубить их.

— Но сперва пусть будет копь. Ты дашь мне отроков, чтобы начать работы?

— Да. А будут ли у тебя воины, чтобы убить йерниев?

— Множество. Они уже в пути. Микенцы умеют убивать, как никто другой.

— Тогда открывай копь — и убивай йерниев!

Крик ее утонул в близком раскате, молния вновь ударила неподалеку. Тьма упала мгновенно, но облик девушки горел в мозгу Эсона. Запрокинутая назад голова с бешеными глазами... вода стекала с ее волос на одежду, облеплявшую соблазнительное женское тело.

Эсон протянул руки, мышцы ее напряглись под ладонями. Он пригнул девушку к земле, она не пыталась вырваться, но голос ее прозвучал резко и холодно:

— Если ты возьмешь меня, князь, то лишь силой. Или благородные микенцы не умеют брать женщин иначе?

— Нет, — Эсон гневно оттолкнул ее так, что девушка упала в грязь. — От тебя мне нужны только отроки, которые будут работать в копи. Не забудь.

И он захлопнул дверь за собой — там было сухо. Раздосадованный и негодующий — только почему?

Глава 5

Эсон пробудился с рассветом. Зевая и потягиваясь, он выбрался наружу — в рассветный туман. Сразу же за огородом в лесу, насыщаясь желудями, хрюкали свиньи. Небо над поло-

сой тумана было ясным, высоко в нем застыл круглый диск луны. Должно быть, добрый знак. Артемида сторожит и после рассвета. В доме за спиной его слышались движения, повалил дым из отверстия под соломенной крышей — там разожгли очаг. День начался. Быть может, не только день — и будущее тоже. И копь.

Он вернулся в дом и встряхнул Эйаса за плечи. Кулачный боец лишь застонал и перекатился на живот. Эсон отвесил уже крепкий пинок по ребрам. Шатаясь, Эйас с ругательствами поднялся на ноги. Шурясь, он искал кого-нибудь, чтобы ответить ударом. Эсон оставил его и подошел к Найкери, склонившейся у очага.

— Мне нужны сандалии, — проговорил он. — Все ступни изрезал о камни.

— У нас не найдется достаточно больших для тебя, но я могу сплести подходящие. Когда вы уйдете к копи?

— Утром, скоро. Поторопись с сандалиями. Нам потребуется проводник.

— Я покажу тебе дорогу.

Пока они готовились к выходу, почти все проснулись. Только громкий храп Лера доносился из ниши, да Интеб еще спал среди одеял и шкур. Эсон там его и оставил, а Эйасу вручил каменный топор дровосека. Следом за Найкери они вышли из дома и направились по тропинке среди полей. Выйдя из поселения альбиев, они миновали расчищенные поляны, на которых бродил длиннорогий скот. За животными приглядывали молчаливые загорелые мальчишки. Следуя неровностям местности, тропинка привела их к лесу, она то поднималась, то опускалась. И когда солнце вскарабкалось на половину пути к зениту, все уже основательно взмокли.

Эйас простонал:

— Такая дорога не для больного человека.

— Ты расхворался от пьянства.

— Какая разница от чего, главное, что я болен, быть может, уже умираю...

Впрочем, невзирая на жалобы, Эйас не отставал. Когда они остановились попить возле запруды, у перекрытого бобровой плотиной ручья, Эйас зачерпнул воду пригоршнею, отпил, вздохнул и бултыхнулся в воду. Когда он поднялся из водоема — с тела струилась вода, — боец словно ожил и объявил, что чувствует себя решительно лучше.

Они пошли дальше. Найкери внимательно следила за тро-

пой и все замедляла шаг. Наконец она остановилась и указала на почву. Наклонившись, Эсон увидел у земли надломленную ветку: ясно было, что здесь недавно кто-то прошел.

— Тут неподалеку обитают донбакшо, — проговорила девушка. — Можно переговорить с ними, узнать, что случилось с отроками, работавшими в копи, может быть, кто-нибудь захочет...

Эсону не хотелось сворачивать. Он пришел издалека, а цель была так близко.

— Зачем обязательно нужны мальчишки? — спросил он. — Можно найти кого-нибудь постарше, рабов, например?

Не понимая, она покачала головой:

— Кто еще, кроме мальчишек, возьмется за это дело? Их много, племени не нужно столько отроков. Чего ты хочешь?

Напрасная трата времени. Быть может, в этой стране совсем нет рабов. Впрочем, у него нет и золота, за которое их покупают, нет и воинов — чтобы захватить и стеречь. Хочет он или нет — придется следовать за этой девушкой.

— Хорошо. Делай как хочешь.

Найкери явно не желала слышать ноток раздражения в его тоне и повела их в чащу. В полумраке пробирались они через подлесок, обходя высокие стволы. Было жарко, воздух недвижно замер, лишь докучливые насекомые жужжали над головой. Тропа вела их по пологому склону холма в ложину, к густой роще, где теснились толстые дубы. Здесь стало прохладнее, они неслышно ступали по влажному мху возле извивающегося по склону холма ручейка. Шаги их были настолько тихи, что путники даже спугнули вепря, разрывающего листья в поисках желудей. Не менее удивленный, чем они сами, кабан поднял голову, хрюкнул — к желтым клыкам прилипла черная земля, красные глазки сердито блеснули. Эйас заорал и бросил топор, но вепрь крутнулся на острых копытах и исчез в подлеске. Топор пролетел мимо, и Эйас с ругательствами пошел за ним в кусты.

Когда они добрались до дна ложбины, спереди послышались четкие удары, как сердцебиение. Потом звуки умолкли, и буквально через мгновение с треском упало дерево. Они шли дальше — тропа сделалась проторенной — и наконец из леса выбрались на поляну. На склоне холма оказалось невысокое квадратное сооружение с крышей из камыша и глинобитными стенами. Его окружали небольшие поля, где под ветерком гнулись невысокие — до колена — злаки с зелеными

колосьями. Три женщины прокапывали междуядья острыми мотыгами из оленьего рога. Оставшись в жару в одних кожаных юбках, они низко наклонялись, нагие груди раскачивались при каждом движении. Подняв головы, женщины установились на пришельцев. Одна из них что-то выкрикнула высоким голосом.

— Подождите здесь, — проговорила Найкери, — лучше мне переговорить с ними без вас.

Развалившись в тени, Эсон и Эйас разглядывали детей, повысыпавших из дома: с пальцами во рту они стояли перед дверями. Их было много, разного возраста, все без одежды и в грязных разводах на бледной коже. На склон выскочили двое мужчин с каменными топорами в обеих руках. Они бежали, длинные, до плеч, волосы развевались за спиной. Как и женщины, мужчины были покрыты потом и обнажены до пояса. Заметив, что опасности нет, они замедлили шаг. Не отводя глаз от двух незнакомцев, они приблизились к Найкери, с которой были знакомы. Женщины издалека наблюдали, как, усевшись на корточки, переговаривались мужчины и девушка. Она настаивала, они бурчали что-то в ответ, качали головами и запускали пальцы глубоко в волосы. Наконец один из мужчин встал, направился к дому и, растолкав детей, ухватил одного из тех, что были постарше. Тот не хотел идти, но мужчина дал ему затрещину и поволол за ухо по склону. Переговоры продолжались, наконец все поднялись, и Найкери оставила их. Оба мужчины бесстрастно смотрели ей вслед.

— С ними сложно говорить. Некоторые из мальчишек вернулись, но другие погибли.

— В этом доме я не заметил недостатка в детях.

— И здесь, и в прочих домах мальчиков хватает. Только цена будет высока. Этой зимой у одного из мужчин сломался топор, ему нужен новый. Чтобы сделать топор, уйдет не один месяц. А другой вообще требует медное тесло за своих мальчишек. Форма для отливки у нас есть и медь найдется, правда, отец мой будет возражать.

— Но ты не отказываешься...

— Конечно, нет. Ты знаешь это.

Эсон верил ей. Он глядел на ее крепкую спину и зад — она вновь вела их из лошины, мышцы так и ходили под бурными полосами юбки. Волосы и кожа ее были как у деревенских девушек, что трудились в полях возле Микен. Она разве что была ниже ростом. Но здесь она не из простых — из знати.

Она говорит с донбакшо, и те ее слушают. Вот и сам он ее послушал и согласился. В такой дали от Арголиды все идет по-другому. Он должен привыкнуть к новым обычаям. Лучше бы, конечно, просто повести на них свое панцирное войско и взять все необходимое. Но нет ни людей, ни доспехов. Придется найти способ, как все сделать.

Из леса они вышли в полдень, в самую жару. Тропа привела их в устье оврага. Тут росли только невысокие кусты, да трава поднималась над короткими пеньками: прежде здесь была расчистка, и не так уж давно. Овраг перекрывала земляная насыпь. С тех пор миновало шесть лет, он тогда был еще юнцом, но Эсон сразу же узнал это место. Перед ним была копь.

Оттолкнув остальных, он полез вверх по склону, который помнил еще незаросшим. Он тогда трудился вместе со всеми, потел, таская землю, чтобы поднять вал повыше. С вершины насыпи был виден край небольшой долины: именно здесь Ликос добывал для Микен богатство из-под земли.

Теперь там остались руины. Обугленные стены с обрушившимися крышами уже начинали обрастать землей. Рваная рытвина в земле никуда не исчезла, как и груды пустой породы и грязи. Но и на них уже начинала пробиваться трава, скоро она покроет отвалы. Долбленные бревна, пропускавшие воду ручья под валом, были забиты грязью и листьями. Лишившись выхода, вода образовала болотистое озерцо, протянувшееся почти до самой копи. Пара уток, испуганных неожиданным появлением человека, тяжело ударяя крыльями, поднялась с воды и улетела.

Эсон не заметил их. Перед глазами его все вставало, как было — в деловитом кипении жизни. Он пытался все вспомнить. Дядя, гордый своими делами, водил его тогда за руку и все объяснял. Эсон помнил, как тогда ему было скучно, как хотелось на охоту — люди как раз отправлялись бить оленей. Но, невзирая на собственное нежелание, он усваивал; наблюдал за работой отроков, помогал дяде, загружавшему печи, — последнюю, самую ответственную операцию тот не позволял делать никому другому.

Несущий олово ручей образовал водоворот в своем каменистом ложе. Ликос много размышлял о том, откуда берется олово в ручье. Он водил племянника вверх по склону, показывая ему черные вкрапления в красноватой скале. Здесь тоже было олово, но добывать его было проще, спустившись по-

ниже. Там, в пересохшем русле, олова было много, его вымывало из мягких разрушенных водой пород. Оно залегало близко к поверхности — прежде его даже можно было отыскать на самой земле, но оттуда его уже давно выбрали дочиста. Теперь приходилось закапываться в грунт, до слоя, где черные камешки были перемешаны с песком. Деревянный промысловый желоб оставался на месте, впрочем, он заметно прогнил и нуждался в починке. На дне все еще темнели крупницы олова — там, где вода унесла более легкие частицы. Конечно, олово приходилось добывать с большими трудами. Крупницы металла по большей части были заключены в крупных кусках породы, их разбивали тяжелыми молотами — на скале еще видны были борозды и углубления там, где дробили породу.

Печи тоже никуда не делись. Это было существенно: Эсон не знал, как они устроены. На первый взгляд все было просто, каждая печь располагалась в конической рытвине, сбоку шел косой желоб — для мехов. Эсон не знал, как соорудить такую печь, не знал, как она устроена внутри. К счастью, печи уцелели, а загружать их он умел. Значит, можно добыть руду и выплавить олово, Перимед пошлет сюда корабль — рано или поздно царь захочет возобновить работы на копи. И тут окажется, что все в полном порядке и для Микен собран обильный урожай.

— Всех убили, — проговорил Эйас, и Эсон впервые обратил внимание на то, как много костей разбросано повсюду.

Человеческие кости, скелеты — все без голов. И ни панциря, ни кинжала — только выбеленные солнцем лохмотья одежды, ткани и кожи.

— Здесь полегли микенцы, — выкрикнул Эсон. — Мы отомстим! — Во внезапном порыве, представив себе горькую гибель сородичей в этих краях, столь удаленных от крепостных Микен, Эсон вырвал меч из ножен и взметнул его над головой.

— Мщение! — рычал он. — Мщение! — Давая выход переполнявшей его ненависти, Эсон заскрипел зубами: смерть посетит многих здешних мужей.

На вершине холма, высоко над ними, в тени буков сидел человек. Тело его почти целиком прятал подлесок, лишь голова виднелась среди ветвей кустарника. Он не шевелился. Лицо его казалось частью игры света и тени.

Он был безмолвен, как раскрашенная статуя. Кожа его была вымазана мелом, и легкие светлые волосы под белой коркой казались еще светлее. Щеки и подбородок человека были чисто выбриты, но с верхней губы свисали густые усы. Они были зачесаны в стороны и облеплены смесью глины и мела, так что, высохнув, они образовывали нечто вроде рогов зверя или клыков вепря. Губы воина под окаменевшими усами разошлись в ухмылке, он жадно облизался. Он пришел сюда издалека, он долго шел и уже почти потерял надежду на обещанное сокровище. Теперь же оно будет принадлежать ему.

Высокий мускулистый мужчина был облачен в одну только короткую юбку — выше колен, — спереди украшенную лисьим мехом. Через плечо перекинут лук с привязанным к нему пучком стрел, в руке охотничье копьё.

С довольным смешком он покинул свой наблюдательный пост, скрываясь за ветвями, а потом пополз в сторону, раздвигая кусты. Оказавшись среди деревьев, он поднялся и побежал на восток — уверенной ровной рысцой.

Звали его Ар Апа, он принадлежал к тевте Дер Дака, обитающей на холмах.

Глава 6

Утомленный, вспотевший, прихрамывая на пораненную о камень ногу, спотыкаясь после долгих дней бега, Ар Апа к полудню завидел вдаль стены своего дана. Поблизости оказались два подростка, загонявших скотину с пастбища. Большие глаза, гладкие шкуры, упругие мышцы животных успокоили воина и заставили забыть об усталости. Он пошел среди стада, называя знакомых животных по именам, оглаживая теплые бока, прикасаясь к длинным острым рогам. Животные отъелись после зимней голодовки, шерсть их лоснилась. От такой красоты Ар Апа улыбнулся. Один из мальчиков, перебега за побредшим в сторону теленком, подвернулся ему под руку, и Ар Апа отвесил ему могучую оплеуху. Мальчик упал, спотыкаясь поднялся на ноги и всхлипывая побежал вперед. Ар Апа жестом подозвал к себе другого мальчика, приблизившегося с нерешительностью. Из-под свалявшихся, длиной до плеч волос выглядывали испуганные и опасливые глаза.

— Воды мне, — приказал Ар Апа, — или получишь столько же, что и этот, — и еще столько.

Вода, целый день находившаяся в кожаном мешочке, успела задохнуться, но он лишь промочил глотку, плеснул себе в ладонь, чтобы смешать с растертым в ней мелом. Усы его растрескались и поломались, следовало свежей смесью придать им положенную твердость. Сидя на земле, Ар Апа придал усам нужный вид, а остатками белой смеси намазал уже затвердевшую шапку волос на голове. Скот втянулся за стену дана, лишь дымящийся навоз помечал, где прошли подковы. Ар Апа поворошил пальцем ноги ближайшую лепешку: ровная, крепкая — значит, сыты. Отлично. Обтерев руки об юбку, он поднял копье, лук и стрелы, обеспечивающие ему пропитание во время долгой стражи, и отправился за стадом.

Быстрой рысцей он приблизился к плетеным стенам дана и, когда голос его можно было услышать, завопил, чтобы слышали все:

— Ар Апа пришел, муж, бегун и охотник! Сотню ночей бежал — одну за другой, сотню оленей убил одного за другим, кровь их пил, мясо их ел — одного за другим. Что за Ар Апа! Славный Ар Апа!

Он блаженно улыбнулся, почти поверив собственным словам, и начал спускаться в ров, понизу окружавший вал, что служил защитой дану, и кратчайшим путем отправился к собственному дому. Если его похвалю кто-то слышал, никто не обратил на нее внимания, но сейчас это его не волновало. Едва ли за вечерним шумом внутри Дан Дер Дак можно слышать крик самого могучего воина. Пройдя через дверной проем в комнаты матери, он с женского балкона на втором этаже поглядел на то, что творилось внизу.

Там кружили животные, мычали от полноты вымени коровы, овцы с выбеленными меловой пылью шубками путались у них под ногами. Женщины доили коров и овец в приземистые глиняные горшки, покрикивая на младших детей, сновавших между животными и перекидывавшихся кусками навоза.

Ар Апа одобрительно кивал при виде этого изобилия, бурления жизни и смог отвести взгляд, лишь вспомнив, что принес срочную весть. Он перепоясался волосяным поясом, заткнул за него рукоять каменного боевого топора. А потом неторопливо направился вдоль меловой насыпи, окружавшей дан. Сюда выходили все двери в мужские помещения, расположенные снаружи кольцевого жилища, разорванного лишь главным входом. Над ним, наверху — в самом почетном мес-

те, — было жилище Дер Дака: он мог видеть всех, кто приходит в дан и выходит. Но сейчас его не было у себя. Ар Апа заглянул во тьму и позвал, но не получил ответа. Еще более медленным шагом он пошел по верху вала, мимо входов в мужское жилье. Во многих помещениях разговаривали. Возле следующей же двери на расстеленной волчьей шкуре спал муж по имени Сетерн. Для воина он уже был староват, пора заводить семью, но боец хоть куда. Под правое колено его была подложена отрубленная голова, пожелтевшая, сморщенная, покрытая густым слоем кедрового масла. Несмотря на такую обработку, она изрядно приванивала. Сетерн открыл глаза, покрасневшие и воспалившиеся, и несколько раз причмокнул, словно бы пытаясь прогнать изо рта неприятный вкус. Целый день он провел за питьем эля. Об этом свидетельствовало его дыхание, если для кого-то вид кувшина и небольшой чаши для питья рядом с ним не был достаточно красноречив. Ар Апа уселся возле него.

— Ар Апа не был дома много ночей, — начал он. — Ар Апа бежал, убивал вепря и гнал оленя.

— Сетерн убил лучшего воина из Дан Мовега, — хриплым голосом отозвался лежащий, — Сетерн срубил его на пятнадцатую ночь битвы. Не зная усталости, мы бились посреди реки Стур. Сетерн отрезал голову, вот она. Ты видал хоть раз подобную голову? Лучший воин Мовега.

Ар Апа много раз уже видел ее и поэтому не стал слушать разговоры Сетерна. Заглянув в кувшин, он увидел, что на дне еще осталось немного эля. Он осушил остатки.

— А Дер Дака нет дома? — спросил он.

Сетерн покачал головой и буркнул:

— Нет, — со вздохом опускаясь на шкуру.

— А другой, тот, кто там... — имени Ар Апа не назвал, просто повел плечом в нужную сторону.

— Он там, — отвечал Сетерн, не обнаруживая особого желания говорить об упомянутом человеке, и вновь закрыл глаза.

Но дело следовало сделать. Ар Апа тяжело вздохнул и, встав, провел по жестким усам костяшками пальцев, перехватил топор и еще более медленным шагом направился по валу к противоположному краю разорванного кольца — к другому почетному месту возле жилища Дер Дака — и заглянул внутрь. Солнце зашло, в наступивших сумерках ничего не было видно.

— Входи внутрь, сильный Ар Апа, — послышался из темноты голос, произносивший слова со странным акцентом,

чуть шепелявя. — Ты пришел, чтобы сообщить мне... нечто действительно важное?

Ар Апа еще крепче ухватил рукоять топора и, моргая, всмотрелся в темное помещение. Оно было завешано тканями, на полу стояли сундуки, чувствовался сладковатый запах, которого ему еще не приходилось слышать. У дальней от входа стены шевельнулось нечто еще более черное, живое. Человек... Тот, кого они звали Темным, если кому-то спяну приспичивало назвать его вслух.

— Дар... — начал Ар Апа, слова не шли с губ.

— У меня много даров, богатых даров, ты еще не видел таких даров. Найдется дар и для тебя, Ар Апа, если я порадуюсь. Так порадуй же меня. Развесели меня. Ты взял у меня дар, золотом окованный янтарный диск, сработанный искусными мастерами из Дан Уала. Ты сказал мне, что отправишься на запад, к месту, где были убиты мужи с мечами, и будешь ждать, не вернутся ли они на это место. Так ли ты поступил? Увидел ли ты их?

— Я сделал так! Я бежал сотню ночей, я убил сотню вебрей, я съел сотню оленей, вот что я сделал! Я был в этой долине, — приободрившись от звуков собственного голоса, Ар Апа рассказал все, что делал там — или намеревался сделать, или же слышал, что делали другие, или думал, что такое возможно совершить. Темный Человек молча внимал. Наконец Ар Апа сообщил ему о двух мужчинах и девушке, что пришли к обгорелым развалинам... как один из мужчин извлек бронзовый меч и размахивал им, провозглашая мщение. Ар Апа прекрасно слышал его рык со своего холма. Тут голос его сам собой стих и умолк, воин закашлялся и сплюнул через плечо, мельком глянув в сторону входа, где уже высыпали первые звезды.

— Ты сделал все хорошо, очень хорошо, — наконец проговорил Темный Человек. — Ты сказал мне именно то, что я хотел услышать, ты сказал мне и о том, как силен охотник и воин Ар Апа, и об этом я тоже хотел услышать: ведь жить среди столь великих воинов — огромная честь для меня. Получи положенный тебе дар.

Звякнул запор, скрипнули петли. Забыв обо всем, Ар Апа с вожделением шагнул вперед. Прохладная ладонь, мягкая, как у ребенка, втиснула в протянутую руку Ар Апы нечто еще более холодное.

— Золото, чистое золото, — сказал Темный Человек.

Ар Апа метнулся к выходу, чтобы глянуть на чудо, очутившееся в его ладони, ясное, блестящее даже в сумерках. Литое золото, тяжелое и драгоценное, со шнурком. Золотой топор с рукояткой во всю ладонь. Чудо... трудно было поверить своим глазам.

Исполнившись счастья, Ар Апа направился к огромному кострищу посреди дана, где слышались крики и громкая речь, где высоко взвивались языки пламени, бросая мечущиеся тени на кольцо каменных столбов, окружавших очаг. Вступая в каменный круг, Ар Апа провел рукой по своему собственному каменному столбу с багровой макушкой. Камень был выше его на пару голов. Прикосновение влило в него силу. На костре целый день жарили быка. Шкура обуглилась и растрескалась, в воздухе висел аромат, наполняющий рот слюной. Повинуясь указаниям старших, несколько молодых воинов, недавно лишь посвященных, с трудом подняли за оба конца толстую зеленую жердь, на которой была насажена туша. Оступаясь, они подтащили дымящееся жаркое к двум деревянным развилинам. Старшие разразились криками и похвальбой, каждый хотел бы получить почетное право разрезать тушу и забрать себе самый лучший кусок. Это сделает, как всегда, Сетерн — но лишь после того, как скажут свое слово все остальные.

— Я — лучший воин! — завопил Наир. Вскочив на ноги, он ударил топором в щит. Раздались крики протеста — ими он пренебрег, постаравшись заглушить рыком негодующие голоса. — Я должен резать мясо. В набеге на тевту Финмога я закричал ночью возле их дана. Когда выбежали воины, десятых я срубил своим топором, второй десяток воинов я срубил своим топором и взял их головы, а за ними еще десяток и еще... — с каждым новым повторением голос его становился громче. Он подпрыгивал и топал по земле, пока наконец, взвыв, Сетерн не принялся колотить в свой щит. Он был голоден и не в духе. Сегодня он хотел насытиться, не выслушивая обычной долгой похвальбы, что затянется, пока не остынет мясо.

— Я — Сетерн, я — самый лучший, я — убийца мужей, я — похититель коров, я несу смерть рукой своею и топором... смерть сопутствует мне повсюду.

Захваченный собственной похвальбой, он закружил, размахивая топором, — сидевшие спереди с гневными криками

начали отодвигаться. С горловым ворчанием Наир отступил и уселся в заднем ряду.

— Сетерн — убийца, моргнет Сетерн — и сотня мужей падут бездыханными, а головы их оказываются у моего пояса... сотни сотен мужей убиты Сетерном по ночам, головы их сложены в кучу высотой в мой столб, их коровы — мои коровы, их быки — мои быки... их смерть — дело моей руки. Я — самый сильный, я — Сетерн-убийца, я — Сетерн-губитель, кровожадный, ужасный... Я — Сетерн... великий...

— ...мех для воды, надутый воздухом! — выкрикнул Ар Апа.

Послышались одобрительные крики, даже хохот. Взыв от ярости, Сетерн принялся оглядываться, взглядом разыскивая оскорбителя. Ар Апа выхватил щит у воина, оказавшегося возле него, и протиснулся сквозь толпу. Не раз он выслушивал похвальбу Сетерна и кипел от гнева, как все мужи, но, подобно прочим, молчал — Сетерн был силен не в одном хвостовстве. Но сегодня он не смолчит. Золотой топор ослеплял его взор: воин, способный заслужить такую секиру, не менее силен, чем этот пустоголовый хвостун.

— Дурак и бахвал! — завопил он, мужи взревели с одобрением — будет поединок. — Я разрежу мясо. Я здесь лучший воин. Я бежал сотню ночей, убил сотню оленей, снес голову сотне вепрей — и все в одну ночь. — Он кружил вокруг Сетерна, тот рычал и сплевывал выступающую на губах пену.

— У Ар Апы безмозглый отец, у него не было матери, Ар Апа не мужчина — у него нет яиц... — поперхнувшись собственной слюной, Сетерн умолк, и Ар Апа огрызнулся:

— Я — убийца, у меня есть окованный золотом янтарный диск, у меня есть двусторонний золотой топор. Я говорил с Темным Человеком. Тебе не остановить меня.

И он сбоку по дуге взмахнул топором, но Сетерн отпрыгнул и отбил удар щитом. Вслух помянуть Темного Человека мог лишь отчаянный храбрец, это понимали все, в том числе и сам Сетерн, только что вновь отразивший удар. Подбегали дети и женщины и кучками сбивались за спинами сидящих мужчин, чтобы посмотреть на поединок. Безмолвные силуэты с круглыми глазами.

— Ар Апа — лжец, — нанося удар, Сетерн не сумел придумать ничего лучшего, его противник увернулся.

— Все смотрите, все! — завопил Ар Апа.

Взяв в зубы рукоять топора, он потянулся к поясу, за ко-

торый был заткнут небольшой сверток. Смотав шнурок с золотого топора, он высоко поднял украшение. Топорик кровью сверкнул в свете костра, Ар Апа торопливо затолкал его обратно за пояс под одобрительные крики. Бросившийся вперед Сетерн принял удар топора на щит и поплевал на ладонь.

Тут и начался серьезный бой. Сетерн искуснее владел топором, но лучшие годы его миновали, к тому же он слишком много выпил. Ар Апа был крепок и гневен, золотой топор и восторг от одобрительных возгласов, раздававшихся вокруг, будили в нем жажду крови. Он обрушил на соперника град ударов, толкал Сетерна и пытался заставить его отступить, нанося все время могучие удары, словно пытаясь подрубить дерево. Сетерн мог только щитом отражать удары Ар Апы. Он так и не сумел освободить свой топор, застрявший в щите Ар Апы. Так они кружили возле костра, с грохотом ударов мешались проклятия. В отчаянии, ощущая за спиной костер, Сетерн резко отвел топор назад и рубанул понизу, зацепив бедро Ар Апы. Потекла кровь, Ар Апа отскочил, мужи завопили еще громче.

Все еще охваченный гневом, Ар Апа не обратил внимания на рану, скорее она его только подзадорила. Ощувив онемение в мышцах, увидев на ноге собственную красную кровь, он оглушительно взвыл, заставив всех умолкнуть. Даже Сетерн на миг застыл, поглядывая на противника над краем щита.

Могучим движением руки Ар Апа отшвырнул щит в сторону. Перелетев через головы мужчин, он упал там, где стояли дружно взвизгнувшие женщины. Перехватив топор обеими руками, Ар Апа прыгнул в сторону Сетерна и размахнулся для удара. Он все сделал в едином порыве — не задумываясь, охваченный всепоглощающей яростью. Пригнувшись к земле, Сетерн поднял щит, готовясь нанести ответный удар, которого противнику — он знал это — не отразить.

Топор Ар Апы обрушился вниз с такой силой, что ноги его оторвались от земли. Обитый толстой шкурой деревянный щит краем ударил Сетерна прямо в лоб, тот упал. Оглушенный Сетерн попытался подняться на ноги, но не сумел этого сделать. Высоко подняв топор, Ар Апа обрушил полированный камень прямо в лоб Сетерна. Проломив кость, топор вошел в мозг, на месте сразив воина.

Зрители разразились воплями, с восторгом хлопая друг друга по плечам. Тем временем Ар Апа горделиво выхаживал перед ними и с триумфом размахивал над головой топором —

так что с лезвия разлетались капли крови. Потом, отбросив топор, он подошел к поверженному Сетерну, повернул труп и снял с его шеи бронзовый кинжал. Богатая вещь, в их тевте такие есть у немногих, а это — самый острый из всех кинжалов. Обхватив рукоять обеими руками, он принялся резать и пилить, пока наконец не отделил голову. Почва вокруг была уже пропитана кровью. Ар Апа поднялся и прицепил голову врага к поясу за длинные волосы. Последние капли крови стекали вниз по ноге.

Ошеломленный собственным успехом, он, прихрамывая, подошел к жареному быку и окровавленным кинжалом вырезал себе долю сильнеешего.

Глава 7

— Я уверен — готово, — проговорил Эсон. — Смотри-ка, руды на углях не осталось, — нагнувшись, он поглядел на тлеющую грудку, щурясь от дрожащего над ней раскаленного воздуха.

— Потерпи, — посоветовал ему Интеб, стирая сажу с рук. — Не сразу Микены строились, олово тоже не вдруг из камня выплавляется. Мы уже ошиблись на этом в первый раз. Ты ведь помнишь — угли еще светились, когда мы отгребли их?

— Но как можно знать заранее?

— Никак. Но подождать нетрудно.

Терпения Эсона не хватало, чтобы в праздности проводить время возле печи, дожидаясь, пока выплавится олово. Характером воин, Эсон был полностью несхож с зодчим Интебом, способным терпеливо ждать, когда каменотесы обтешут для него камни, когда строители возведут стены. Оставив египтянина возле печи, Эсон направился к ручью, где на траве в глубоком сне развалился Эйас. Впрочем, как выяснилось, это было не так — стоило двоим мальчишкам перестать копать и пуститься в разговоры, как Эйас запустил в них камнем из находившейся у него под рукой кучки гальки. Мальчишка с воплем схватился за бок, и провинившиеся принялись усердно скрести оленьими лопатками. Отбросив гравий в сторону, они наполнили корзину грунтом из нижнего слоя, содержащего темно-серые гранулы. Мальчишки волоком оттащили ее к промывочному желобу и перевернули. Вода из ручья бежала по желобу, отроки ворошили кучу руками, чтобы глину уно-

сило течением. Работников не хватало. Этим двоим следовало бы ограничиться рытьем, другие должны были промывать зерна, третьи — дробить их. Под пристальным взглядом Эсона мальчишки принялись работать быстрее. Камешки покрупнее, величиной с каштан, они раздробят потом.

Повсюду использовались временки: что еще остается, если нет лишних рук. Будь у него богатство — золото, бронза, что угодно, — можно было бы купить побольше отроков, но ненависти Найкери хватило только на это. Спали все под грубыми односкатными навесами из ветвей и сучьев, пищу готовили на костре, пили одну только воду, но добывали руду и жгли древесный уголь в заваленных дерном кострищах. Если на этот раз они правильно загрузили печь, сегодня будет первое олово. Поборов искушение вернуться к первой печи, Эсон отправился помогать Интебу в грязной работе: они принялись загружать вторую из подготовленных ими печей. Это была просто обмазанная глиной округлая яма с круглой чашкой посередине поперечником в два кулака. Они уложили горкой древесный уголь, поверх набросали измельченной руды и подожгли. Кликнули мальчика с мехами, оставив первую печь догорать. Так плавил олово Ликос. Эсон помнил, как это делалось. В первый раз у них получилась какая-то смесь древесного угля и руды. А нужно было олово — светлое олово. Погрузившись в заботы, Эсон не сразу услышал собственное имя. На гранитном валуне, венчающем земляную насыпь, перегораживающую долину, появилась Найкери.

Она была разгоряченной, волосы ее спутались. Задышавшись, она проговорила:

— Возле дома моего отца заметили йерниев, он испуган и не собирается далее здесь оставаться — собирает все пожитки, чтобы бежать к нашим на запад. Он очень боится: на этот раз могут убить и его, и всех нас. Он говорит, что йернии обезумели, словно олени во время гона, и не хочет оставаться в тех краях, где они способны до него добраться. Пойдем со мной, ты должен остановить отца.

— Пусть уходит. Он нам не нужен.

— Не нужен? — Она словно выплюнула это слово и стиснула в гневе кулаки. — Как нам удалось начать работу, как случилось, что ты смог заняться добычей олова? Только потому, что мой отец помог тебе своим богатством. Он дал тебе подарки для донбакшо, чтобы они прислали мальчиков. Он дает тебе пищу, даже медное долото сделал. Я обманула его,

слепца, и отец отлил долото своими руками — для тебя. А ты пренебрегаешь им. Где убитые йернии — те йернии, которым ты собирался мстить? Где их головы? Ты только берешь и ничего не даешь, и еще говоришь, что отец мой не нужен.

Повернувшись к ней спиной, Эсон сложил на груди руки и, не слушая криков, оглядел копь. Не будь эта женщина столь полезна, он заставил бы ее замолчать. Но этого нельзя делать. Нельзя и унижаться до перебранки с женщиной. Дождавшись, когда она умолкла, Эсон повернулся к ней:

— Какими словами могу я заставить Лера остаться?

— Скажи, что ты защитишь его, скажи, что убьешь йерниев. Скажи, что отомстишь за убитых сыновей и погубленных родичей. Быть может, ты сумеешь пробудить в нем гнев и желание отомстить. Я не в силах этого сделать. Он думает лишь о бегстве.

Эсону это не нравилось. Он был нужен здесь, на копи. Пойдут долгие разговоры с Лером, придется давать обещания, которые он потом не сумеет выполнить. Бесконечные пустые разговоры и никаких действий — подобное не для него. Но деваться некуда. Если воинов удастся заменить словами, он будет говорить — ведь у него нет войска.

— Я пойду, — отвечал он не без колебаний. — Только сперва нужно объяснить Интебу, в чем дело.

Другого пути не было. Долгим прощальным взглядом окинув угасающую печь, он отправился из лагеря по едва намеченной тропке. Он торопился и слышал, как тяжело дышала за спиной Найкери, старавшаяся не отставать. Эсон улыбнулся.

Удаляясь от копи, тропа с поросшей вереском равнины спускалась к краю заросшего болота. Пробираясь по склону, Эсон охотничьим инстинктом ощутил, что за ним кто-то следит. В болотах водились кабаны и олени — но в основном водная птица и звери поменьше. Однако сейчас за ним следил не зверь. Эсон поглядел вперед и остановился, потянув меч из ножен. Найкери с разбегу налетела на него.

— Почему ты остановился? — выдохнула она. Эсон указал клинком вниз.

Там на краю болотистой чаши в зарослях осоки стоял человек, рядом с ним застыл громадный пес, похожий на волка. Оба казались вырубленными из камня. Мужчина был невысок и грузен. Мускулы прятал жирок. Было видно, что одет он лишь в набедренную повязку из шкуры рыжей лисы. Ноги его выше колен были покрыты водонепроницаемыми сапогами из кожи, снятой с ног дикой лошади. В одной руке он держал тонкое копь с острым костяным наконечником, под кото-

рым раскачивался силок. На поясе в сетке была подвешена выпотрошенная заячья тушка и связка темноперых уток.

— Кто ты? — выкрикнул Эсон, погрозив мечом.

При звуках его голоса человек зашлепал назад, в глубь болота. Отрывисто выкрикнув непонятное Эсону слово, Найкери потянула микенца за руку.

— Убери свой меч, — сказала она. — Этот человек из тех, что живут в глубинах болот, мы зовем их охотниками. Они торгуют с нами, а не воюют, как йернии. Он здесь по делу. Пусти меня, чтобы я могла с ним поговорить.

Эсон опустил меч — но не стал убирать его в ножны, — и Найкери отправилась вперед. Когда она приблизилась к охотнику, пес глухо заворчал и обнажил клыки. Тот пнул собаку в ребра тупым концом копья и оттолкнул с дороги. Найкери опустилась перед ним на траву, коротышка, поглядев на Эсона, тоже уселся на пятки. Они говорили долго, и Эсон едва не потерял терпение. Наконец Найкери обратилась к нему:

— Убери свой меч и иди сюда, только не торопись. У него есть что сказать нам.

Охотник и его пес с равным недоверием следили за Эсоном, пока тот приближался. Микенец уселся на траву, скрестив ноги, в трех шагах от них обоих.

— Это Ческил, — пояснила Найкери, — я много раз встречала его. На нашем языке он говорит не хуже, чем на своем собственном.

Но Ческил не слишком торопился заговаривать вообще. Он рассматривал Эсона. Карие глаза внимательно глядели из-под припухлых век, лицо было плоским, с лишенным переносицы носом, на лоб свешивались черные прямые волосы. Спустя некоторое время Ческил отвернулся от Эсона и поглядел вдаль. Потом наконец заговорил — с сильным акцентом, но все-таки понятно.

— Я — Ческил, она — Найкери, а ты — Эсон, — так она мне сказала. Я — Ческил, я из племени охотников, мы здесь охотились с незапамятных времен, и мы помним об этом. Мы охотились здесь еще тогда, когда в этих краях никогда не бывало тепло, и мы помним об этом. Пришли альбии и поселились на торфяниках, они жили своей жизнью, а мы своей, — и мы помним об этом. Потом в лес пришли донбакшо — рубить деревья каменными топорами, и мы помним об этом. А потом на холмы пришли йернии со своими коровами, чтобы доить их, и с каменными топорами — чтобы убивать людей, и мы помним об этом. А теперь будем говорить о топоре, которым рубят деревья. — Он умолк, проведя пальцем по лезвию сво-

его охотничьего ножа — набору острых кремневых чешуек, вставленных в олений рог.

Найкери приходилось иметь дело с этими необщительными людьми, она умела говорить с ними. Недоумевающему Эсону казалось, что человек этот безумен.

— Будем говорить, — отвечала она. — Будем говорить и о йерниях, и о топоре. Мы будем говорить о твоём топоре?

Ческил шевельнулся при этих словах и приподнял левую ногу. Под пяткой его сапога из конской шкуры оказался зелёный камень, кусок редкого жадеита, из которого альбии вырезали боевые топоры, топоры для рубки деревьев и долота.

— Это сломанный топор, — проговорила Найкери. — Этот топор сделали альбии. Это твой топор? — Охотник кивнул. Она продолжила: — Альбии дружат с охотниками. Мы даём охотникам топоры, чтобы они могли делать долблённые челны. Охотники могут ловить рыбу у берега, они помогают альбиям. Они дают альбиям проводников, когда мы идем торговать. Они говорят нам о том, что видели. Ты видел что-нибудь?

— Мы говорим о йерниях. Мы говорим о моём топоре.

— Ты получишь новый сразу же, как только мы его сделаем. Ты придешь в дом моего отца, как делаешь это всегда. Там мы будем говорить о топоре. Но сейчас ты не идешь в дом, ты встречаешь нас здесь. Почему так?

— Мы говорим о йерниях.

Эсона вдруг осенила мысль.

— Они здесь неподалеку? — спросил он.

Ческил повернулся и посмотрел Эсону в глаза.

— Мы говорим о йерниях, которые убили охотника. Которые следят за местом, где вы копаете и пускаете дым. Мы говорим о йерниях, которые прячутся и высматривают...

— Ждут, пока я уйду! — завопил Эсон, вскакивая на ноги. — Они следили за нами, боялись моего меча и ждали, чтобы я ушел! — он уже бежал по склону, направляясь в сторону копи.

Найкери сказала Ческилу еще несколько слов и заторопилась следом за микенцем.

После первой вспышки гнева Эсон замедлил шаг и заставил себя бежать ровно и мерно — чтобы очутиться у копи, не потеряв сил. Он двигался в тени высоких деревьев и улыбался в предвкушении. Если охотник не ошибся — у него появилась возможность отмщения. Йернии объявились! — он едва сдерживал нетерпение и всем сердцем рвался навстречу врагам.

Приблизившись к копи, он замедлил шаг, стараясь двигаться осторожнее, чтобы не обнаружить себя, если йернии

выставили дозорных. Эсон приближался к подножию замыкавшего долину холма, когда на вершину его выскочил один из мальчишек. Он мчался, словно смерть преследовала его по пятам... одновременно Эсон услышал тонкий визг.

— Они здесь! — выкрикнул Эсон и бросился вперед, держа меч наготове. Перед ним открылась долина и копь. В короткое время все здесь переменялось.

Навесы, защищавшие печи от дождя, были повалены и уже горели. Мальчишек не было. Интеб лежал наполовину на берегу, наполовину в воде возле промывочного желоба. Возле него распростерлось тело чужака, чуть поодаль лежал другой.

Завывая от гнева, Эйас стоял на середине склона и бросал камни в сторону троих йерниев, пытавшихся последовать за ним. Они громко протестовали против неправильного ведения битвы и хотели взобраться поближе, чтобы пустить в ход каменные топоры. одному из них это удалось, но он немедленно получил все основания пожалеть об этом: Эйас мгновенно прыгнул к нему, и тот, даже не успев замахнуться топором, поручил удар кулаком в висок и полетел вниз по склону. Тем временем Эйас, выкрикивая оскорбления, опять забрался повыше. Впрочем, он был ранен — по груди и рукам текла кровь.

Бесшумно приблизившийся Эсон оказался возле них раньше, чем его успели заметить. Сброшенный Эйасом со скалы йерний тянулся к топору и пытался подняться на ноги. Увидев Эсона, он предупреждающе крикнул, успел занести топор и умер — острое бронзового меча вспорол его горло. Оставшиеся двое обернулись к Эсону. Улыбаясь, он позволил им приблизиться.

Эсон мог бы немедленно убить обоих, но хотел, чтобы йернии умерли, зная, кто он и почему делает это. На лицах йерниев выступил пот, они двинулись на Эсона под градом проклятий, которые он на них обрушил. Один попытался напасть, но микенец подрубил ему ноги, так что йерний едва мог встать на колени.

А когда Эсон сказал им все, что йернии должны были узнать перед смертью, то легко убил обоих. Потом вернулся, чтобы убедиться в гибели двух других йерниев, пострадавших от кулаков Эйаса. Ближайший из них лежал с открытыми глазами, сбоку на голове растекся огромный синяк, шея его была повернута под странным углом — он умер сразу. Другой, лежа на спине, перекатывался с боку на бок и держался за голову: Эйас ударил его прямо в переносицу и раздробил кость. Йерний, должно быть, только что очнулся. Он сотрясаясь всем телом, и, когда

Эсон ткнул острием своего меча в основание горла, налитые кровью, затекшие синевой глаза лежащего открылись.

— Кто ты? — спросил Эсон.

Йерний, дико озираясь, потянулся к мечу, но Эсон надавил сильнее, и тот уронил руки.

— Наир, — выдохнул он, задыхаясь от боли.

— Откуда ты?

— Я... из тевты Дер Дака.

Эсону это ничего не говорило. Он гневно потряс мечом и пнул лежащего ногой в живот.

— Что ты здесь делаешь? Почему напал на это место?

— Человек... Темный Человек, дары... Темного Человека.

Он вдруг откатился вбок, оттолкнув клинок. Эсон ударил, но промахнулся, и меч вонзился в землю. И прежде чем микенец успел вновь занести клинок, Наир был уже рядом с ним, — удерживая руку Эсона, он рвал с шеи бронзовый кинжал. Эсон перехватил руку воина прежде, чем йерний смог ударить его. Тот не выпускал его руку с мечом. Схватившись лицом к лицу, они напрягали мышцы... изо рта йерния воняло, пахло немытым телом. За спиной воина появился Эйас, готовый ударом кулака снести тому голову.

— Нет, — остановил его Эсон. — Он мой.

Эйас остановился рядом, чтобы в случае чего прийти на помощь. Эсон не пытался вновь воспользоваться мечом — в ближнем бою это было неудобно, — но со всей силой налег на руку йерния, стиснувшую кинжал. Медленно, содрогаясь от усилий, поворачивал он острие от себя к йернию. Глаза Наира выкатились из орбит от ужаса и напряжения. Он изо всех сил старался отвернуть клинок, но тот приближался медленно и неотвратно. Наконец острие прикоснулось к коже. Воин и не подумал бросить кинжал, просто сопротивлялся, пока микенец единым движением не вогнал его под ребра Наиру. Дергаясь, тот испустил дух, и только тогда Эсон вырвал из ран кинжал и отступил, давая телу упасть.

Глава 8

Интеб был жив. На голове у него была ссадина там, куда ударил топор, — но египтянин дышал. Найкери появилась как раз вовремя, чтобы увидеть смерть последнего из йерниев: она с удовлетворением смотрела на первую плату, взысканную с них Эсоном: этой мести она дожидалась так долго.

И теперь, напевая под нос, девушка перевязывала голову Интеба, промыв рану прохладной водой из ручья.

Эсон устало опустился возле убитого, разминая мышцы руки.

— Они явились, когда ты ушел, — проговорил Эйас. — Следили, значит. Орали и выли, очень были уверены в себе. Они знали, кто перед ними. Интеб был без оружия, попытался бежать. Его срубили. Я вовремя свернул шею нападавшему, чтобы он не добил египтянина. Мальчишки бежали. Я бросил дубинку, попал йернию в нос. Другой ударил меня. Я тоже бежал. Вверх на склон. Ты вернулся. — Он ухмыльнулся сквозь кровь и, зачерпнув воду пригоршнею, омыл лицо.

— Верни мальчишек, пусть работают, — проговорил Эсон. — Нужно сделать новые навесы.

Он подошел к Интебу и поглядел на него — египтянин лежал с открытыми глазами и недоуменно моргал.

— Йернии... — вяло проговорил он и огляделся.

— Все убиты. Но один сказал мне перед смертью... — Найкери, подняв глаза, внимательно слушала Эсона. — Что такое тевта Дер Дака? Так он сказал.

— Дер Дак — это вождь-бык одного из племен йерниев, — отвечала Найкери. — У них пять племен, пять тевт, они все время воюют друг с другом. Йернии покоряются своему вождю-быку. Тевта Дер Дака к нам ближе всех. Эти мужи пришли оттуда... Дан Дер Дак в четырех днях пути к востоку от нас. Почему они пришли сюда? Их послал Дер Дак?

— Он говорил о каком-то Темном Человеке. Это один из их вождей?

— Я о таком не слыхала, даже этого имени не знаю. Быть может, это один из их богов?

Застонав, Интеб сел.

— Хвала Гору, ты вовремя вернулся назад, — негромко проговорил египтянин. — Они мертвы?

— Мертвы, но не благодаря Гору. В пути нас остановил муж, один из здешних лесных охотников. Он видел, что йернии следят за нами.

Эсон обернулся к Найкери:

— А почему твой народ не следит за ними? О том, что опасность грозит вашим домам, вы знали, а о копи и не подумали?

— У моих родичей хватает своих дел, чтобы следить еще и за твоей копьей. Мы работаем, нам нужно защищать себя. Кстати, о моем отце — ты обещал побывать у него.

— Твой отец! Твои родичи! Как я могу защищать его, их...

оборонять эту копь и еще плавить олово.. одними своими руками? Я не могу отсюда отлучиться.

— Если ты не поможешь отцу, у тебя не будет больше пищи... и мальчиков, и копи. Выбирай же.

Что выбирать? Помощь альбиев необходима. Но как избавить всех от набегов кровожадных йерниев?

— Почему не остановить их набеги? — Интеб словно читал его мысли. Эсон обернулся, чтобы послушать. — Девушка говорила, что йернии раньше так себя не вели. Племена их воюют друг с другом и торгуют с альбиями. Весьма разумно. Но кто-то из них потерял рассудок и повсюду рассылает отряды. Нужно найти его и убить. Все тогда прекратится.

— Но кто виноват?

— Дер Дак! — ответила Найкери. — Кто же еще. Люди его тевты не будут воевать без приказа Дер Дака. Все йернии сражаются друг с другом — но всегда поодиночке. В такую даль они не придут без его приказа. Ступай и убей его, все неприятности прекратятся.

— И как я пробьюсь к нему через целое войско? Я могу биться с кем-то одним, но не со всеми его воинами сразу.

— Быть может, тебе не придется этого делать, — проговорил Интеб и, притронувшись к голове, дернулся. — Эти тевты с их быками-вождями словно ваши города в Арголиде...

— Ты смеешь сравнивать благородные Микены или Тиринф с этими вонючими деревнями?

— Не возмущайся, добрый Эсон. Я только сравниваю методы правления. Я жил в разных краях, и, по-моему, люди повсюду одинаковы. У них есть правители и боги, среди людей есть такие, кто убивает, есть и такие, кого убивают. Воспользуемся моим опытом.

— Я могу вызвать Дер Дака на бой, убить его и тем остановить набеги. — Он глянул на Найкери. — Твои люди понимают их речь? Йернии будут знать, что я говорю? Тот, которого я убил, вроде бы понимал меня.

— Их речь чуточку другая, отличаются некоторые слова, но тебя они поймут. Я могу сказать тебе некоторые слова, чтобы ты лучше понимал их.

— А чем они более всего гордятся? — спросил Интеб. Найкери ненадолго задумалась.

— Своим воинским умением. Они всегда хвастают этим. Тем, какие они храбрые, как быстро бегают, скольких зверей убили. Ах да — и еще, сколько у них коров и сколько их они украли. Свой скот они любят больше, чем женщин, — так о них говорят. Еще любят драгоценности — золотые гривны и

бронзовые кинжалы — и выменивают их. Все они очень тщеславны.

— Ты покажешь мне дорогу, если я выйду прямо завтрашним утром? — спросил Эсон.

— С радостью. Люди Дер Дака убивали моих родичей, и я хочу видеть, как ты его убьешь.

Эйас подошел к ним. В каждой руке его было по боевому топору. С шеи свисал бронзовый кинжал, ее охватывали три витые золотые гривны.

— С тел снял, — объявил он.

— На копь пойдет, — ответил Эсон. — Теперь мы можем обойтись без щедрости Лера.

— Я возьму с собой топоры — они сделаны альбиями, — сказала Найкери. — Ты возьмешь кинжал и все три гривны. Надень их. Только воин, обладающий подобным сокровищем, имеет право вызвать на поединок вождя-быка йерниев.

— Печь, — пробормотал, поднимаясь на ноги, Интеб. — Мы забыли про нее. Плавка должна уже закончиться.

Они поспешили к печи. Интеб отгрел в сторону угли, закрывавшие углубление в дне печи. Египтянин заглянул в него, но, кроме пепла, ничего не увидел. Эсон схватил кусок мокрой шкуры, обернул ее вокруг руки и стал шарить на дне углубления. Раздалось шипение, и он извлек оттуда нечто... потом уронил, чтобы не обжечь пальцы.

Перед ними потрескивал диск серебристого металла, с плоской поверхностью и округлым дном, плотный и увесистый.

— Олово, — проговорил Эсон. — Наконец. Это может быть только олово.

На рассвете следующего дня Найкери с Эсоном оставили дом Лера. Накануне старик сначала не слушал их и был исполнен решимости немедленно уводить племя в более безопасное место. Найкери то кричала, то просила, и наконец он прислушался к ее доводам. По слепоте ему было бы лучше остаться в знакомом доме... так он и рассудил в конце концов. Если Эсон победит Дер Дака, набеги прекратятся и альбии смогут жить в мире. Лер хотел в это поверить и дал себя убедить.

Из-под земляного пола вырыли несколько сундуков. Лер принялся искать в одном из них и отложил в сторону небольшой камень, поверхность которого была изрезана формами для отливки из меди топоров и тесел. Потом из сундука появилась шапка с вырванным из гнезда плюмажем, подбитая

кожей. Когда ее выменяли, Лер уже и не помнил. Для благородного воина она в общем-то не годилась, но выбирать было не из чего. Эсон получил также толстую кожаную куртку и круглый йернийский щит. Но у него был меч — он один перевешивал все остальное.

Найкери вела Эсона через болотистые торфяники, по тропе, протоптанной целыми поколениями. Ночью шел дождь, и воздух пах прелью и вереском. Над поляной беззвучно кружил сокол, потом сложил крылья, камнем упал вниз и вновь взмыл, унося в когтях зверька. Солнце грело, но воздух оставался прохладным — в такой день хорошо путешествовать. Эсон напевал себе под нос. Найкери шла впереди, неся мешок с припасами, взятыми в дорогу. Она шагала ровно и размеренно, ноги не знали усталости, упругий зад оттопыривал юбку, колыхал полосы шерсти, сбегавшие от пояса вниз. Глядя на все это, Эсон ощутил желание, давно не знавшее удовлетворения.

Когда солнце поднялось высоко, они свернули с проторенной тропы и спустились к небольшому ручью — где можно было поесть и попить. Не говоря ни слова, она передала ему кусок вяленного на солнце мяса из своей поклажи. Он прожевал и зачерпнул воды из ручья, чтобы запить. Они ели молча. Подняв глаза, Найкери поймала на себе его взгляд. Эсон отвернулся.

Эсон знал о мире многое, но многое в нем оставалось тайной. И поступки женщин всегда останутся ею. Найкери оттолкнула его ночью, а сейчас, днем, позвала сама.

Покончив с делом, он отправился омыться. Найкери медленно приводила в порядок одежду. Эсон хотел идти дальше, но она не поднималась с умятой двумя телами травы.

— У тебя есть жена в твоей далекой стране? — спросила она.

— Пора идти.

— Скажи мне.

— Нет, у меня нет жены. Сейчас не время говорить о подобном.

— Самое время. Ты первый обладал мною. И если ты хочешь...

— Я хочу, чтобы ты была моей, когда я этого захочу, и ничего более. Оставь все эти думы. Мы добудем олово, и я вернусь в Арголиду. Я женюсь только на женщине из благородного дома. Таков обычай. А теперь вставай.

Рассерженная, она не хотела подниматься и отодвинулась от его руки.

— Мой род старейший среди альбиев. Ты видел нашу гробницу. Будь у нас цари, я была бы царевной.

— Ты ничтожество, — заверил ее Эсон, резким движением подняв Найкери на ноги. Когда она заговорила вновь, ее голос не выдавал никаких чувств.

— Значит, я не буду твоей царевной. Но я твоя женщина, и другой ко мне не прикоснется. Я сильная — тебе известно это. Я могу помочь тебе, согреть ночью твою постель.

— Как хочешь, — Эсон уже двигался к оставленной ими тропе.

Найкери бросила в спину ему угрюмый взгляд и, взвалив на плечи мешок, отправилась следом.

Первые дни были самыми легкими. Они поднимались перед восходом и отправлялись в путь, как только становилось достаточно светло, чтобы видеть дорогу. Но на третий день, сойдя с тропы, Найкери повела его через серебристую березовую рощу к вершине холма. Им приходилось пробираться сквозь густой подлесок, а на самой вершине — ползти, осторожно выглядывая из-под ветвей. Прямо под ними начинались открытые места — просторная равнина по большей части заросла травой. На ней паслось стадо темных коров, за ними приглядывали мальчишки. Неподалеку от них спал воин со щитом и топором под рукой. Немного дальше виднелось круглое строение.

— Йернии, — прошептала Найкери, — из тевты Дер Дак — а в той стороне и его дан. Сейчас люди разошлись по полям; где скот, там и воины. Если нас сейчас заметят, он немедленно об этом узнает и тебе придется биться со всеми ними, раз ты не пришел сюда торговать. Они не любят, когда на их землях появляются чужие.

— Но нам необходимо подобраться к их дану, чтобы я мог вызвать быка-вождя на поединок. Как мы сделаем это?

— Мы будем идти ночью.

Если избегать разбросанных повсюду хижин и круглых загонov, можно было надеяться проскочить незамеченными. Пока они пробирались мимо одинокого двора, залаяла собака, но псы брешут и попусту, поэтому их не увидели. Позже поднялся ущербный месяц, и они смогли быстрее двигаться по коровьим тропам. Найкери бывала здесь днем и без всякого труда находила дорогу ночью. Еще задолго перед рассветом она показала ему на изгибающуюся тень над равниной.

— Дан Дер Дак, — сообщила она.

Прячась в овраге, они подобрались поближе и укрылись за земляным могильным курганом, расположенным в одном броске копья от дана. Дан окружал ров, заваленный всяким мусором. Меловой грунт из рва пошел на сооружение вала высотой в человеческий рост, теперь белевшего в свете луны. На меловом валу высились деревянные стены круглого дома. Эсон мог видеть только край нависающей крыши и темные ровные стены под ним.

— В наружных помещениях живут воины, — Найкери показала на дом. — В их комнаты входят с гребня вала. Тут обитают мужчины. Скот держат внутри дана, женщины и дети живут во внутренней части помещения на валу — по ту сторону мужских комнат.

— А вход только один? — Эсон указал на отлогую насыпь, ведущую через ров к разрыву в кольцевом сооружении.

— Да. На ночь его закладывают жердями, чтобы не разбегались коровы. А Дер Дак живет здесь — над входом.

Ворча, Эсон спустился в лошину — ожидать рассвета с обнаженным мечом в руке.

Глава 9

Когда серый рассвет прогнал ночную тьму, Эсон извлек драгоценности, снятые с убитых йерниев. Он повесил на шею самую большую гривну и бронзовый кинжал — на йернийский манер. Найкери подала ему шапку-шлем, который ночью начистила песком. Он засверкал, отразив золотые лучи восходящего солнца.

— Оставайся здесь, пусть они тебя не видят, — приказал Эсон, обернувшись к Найкери. — Если меня убьют, ты вернешься и предупредишь остальных. Если меня ждет победа — я пришлю кого-нибудь за тобой. В любом случае не показывайся, пока тебя не позовут по имени. Если свита героя — всего одна женщина, над ним будут смеяться, а не страшиться.

Эсон повернулся лицом к дану. Он ждал, безмолвный и неподвижный, пока солнце не поднялось над горизонтом. Внутри стен уже поднимался утренний шум, Эсон видел суетящихся людей. И с обнаженным мечом в руке пошел к дану — один против всех его воинов.

Эсона никто не замечал, пока он не оказался в нескольких шагах от входа. Женщина с несколькими мальчиками постар-

ше начала было убирать жерди, чтобы выпустить скот. Она подняла глаза и завизжала, а Эсон остановился.

— Дер Дак! — взревел он во всю мощь своих легких. — Дер Дак!

Мальчики и женщина убежали внутрь дома, внутри слышались расспросы и вопли. На верх вала из своих помещений высыпали воины, подобно выскакивающим из нор бурндукам. Огромный пес со свалывшейся бурой шерстью почуял запах Эсона и, щеря длинные клыки, с лаем бросился на него. Короткое движение меча — и он остался лежать грудой грязной шерсти на земле. Эсон вновь возвысил голос:

— Выходи, Дер Дак, чтобы я прирезал тебя, как твоего пса. Нет, тебя будет легче прикончить. Ты — трус, слепленный из навоза, ты — женщина, подвязавшая спереди козлиный хрен. Выходи и увидишь Эсона, который тебя убьет.

За ближайшей дверью послышался гневный рев, заглушивший прочие голоса. Уперевшись ладонями в дверной проем, Дер Дак выглянул наружу. Волосы его вздымались высокой меловой гривой, длинные белые усы спускались до плеч и загибались наружу. Обнаженный воин только что пронулся и кипел гневом.

— Кто там навлекает на себя быструю смерть?

— Я — Эсон Микенский, старший сын царя Перимеда, отца моего. Выходи, убийца! Ты погубил моих родичей, выходи теперь, чтобы встретить собственную смерть. Выходи, трус!

Дер Дак заскрежетал зубами от подобных оскорблений, слюна пеной выступила на губах. Бросившись в свою комнату, он принялся готовиться к битве.

Эсон не обращал внимания на других воинов, но Найкери была обеспокоена. Из своего укрытия она с тревогой следила, как один за другим появлялись йернии. Почти все были с оружием, но пользоваться им не собирались. Собравшись наверху вала, они громко перекрикивались и расталкивали других, чтобы занять место поудобнее. Вмешиваться никто не намеревался. Воины благодушно ожидали зрелища и кричали женщинам, чтобы те принесли меда. Когда появился готовый к битве Дер Дак с огромным каменным топором и щитом на руке, все разразилось воплями. Он спрыгнул с вала, и тут Эсон увидел, что было на голове Дер Дака.

Микенский шлем, помятый и неухоженный, потерявший большую часть плюмажа из конского хвоста... но тем не менее настоящий микенский шлем. Он мог достаться Дер Даку

только одним способом. Его сняли с одного из убитых у копи — с его дяди или еще кого-нибудь.

Взвыв, Дер Дак бросился вперед.

Бык-вождь был могучим воином. Он оказался достойным соперником Эсону. Прежде вождь бился со многими мужами. Их головы теперь висели над его дверью. Топор его был в два раза больше, чем у всякого другого воина, и у него хватало сил справляться с таким оружием. Будь у Эсона панцирь, он легко отразил бы такую атаку и просто зарубил бы Дер Дака, как только тот подошел бы поближе. Но сейчас на йернии был бронзовый шлем, и щит его прочностью не уступал бронзовому.

Эсон ударил, йерний отразил меч щитом. Тут и микенцу пришлось шагнуть назад и принять на щит тяжелый удар. Щит громыхнул, Эсон ощутил боль в руке.

Они кружили, размахивая оружием, пытаясь отыскать брешь в защите другого. Шла свирепая схватка, не знающая пощады. Скоро оба начали задыхаться. Сил на проклятия уже не оставалось, тела их были покрыты кровью и потом.

Дер Дак первым нанес рану, наискось отмахнувшись огромным топором. Отскочив от щита, тот рассек руку Эсона. Рана не была тяжелой и на деле ничем не мешала, но кровь текла по руке, и наблюдатели разразились воплями. Ухмыльнувшись, Дер Дак усилил натиск. Эсон отступил, глядя на кровь и открыв рот, и опустил щит, словно его рука ослабела от раны. Заметив это, Дер Дак удвоил усилия и обрушил топор с силой, достаточной, чтобы пробить щит.

Эсон ждал этого удара и был готов к нему. Не пытаясь уклониться или поднять щит выше, он просто выставил меч над щитом, чтобы принять удар.

Меч вонзился в древко — как раз под самым каменным топором.

Металл дерево рубит.

Каменный топор отлетел на землю, и Дер Дак остался стоять с бесполезной теперь длинной рукояткой в руках. Пока, не веря своим глазам, он глядел на топор, острие меча, как хищная птица, преследующая добычу, вонзилось прямо в солнечное сплетение быка-вождя; меч пронзил тело насквозь и уперся в позвоночник.

Дер Дак широко взмахнул руками; щит, соскочив, отлетел в сторону и покатился по земле. С коротким предсмертным хрипом вождь перегнулся вперед и рухнул на землю мертвым.

Встав над бездыханным телом, Эсон отбросил в сторону и собственный щит. Найкери говорила ему об обычаях этих людей. Они отрубали головы побежденным. Точнее, отрезали

бронзовыми ножами — долго пилили, ведь позвоночник — прочная штука. Он покажет им, как лучше справляться с этой мясницкой работой. Зажатый в двух руках меч со свистом обрушился на шею.

Голова Дер Дака отлетела от тела.

Холодный гнев еще не отпускал Эсона. Бросив медную шапку на землю, он сорвал микенский шлем с отрубленной головы и водрузил на собственную. За жесткие усы трофеем было удобно держать, и, взяв голову Дер Дака, он отправился к воинам на валу. Те, что были с оружием, не подумали поднять его. Встав перед ними, Эсон закричал:

— Мертв Дер Дак! Убит ваш бык-вождь! Кто будет вместо него?

Воины переглядывались, ожидая, что ответит кто-то другой. Все знали обряд выборов быка-вождя. Но объяснять все гневному незнакомцу... Эсон ткнул окровавленным мечом в сторону ближайшего из воинов, и тот пробормотал:

— Мы сделаем это как положено, по обычаю.

— Хорошо. Это не мое дело. Проведите меня теперь к Темному Человеку. Теперь он увидит мой меч.

Дверь ничуть не отличалась от прочих дверей в дане. Готовый ко всему, Эсон ногой распахнул ее и вступил внутрь, но комната оказалась пустой. В ней виднелись следы поспешного бегства: пожитки были разбросаны, на полу валялись осколки разбитого глиняного кувшина. Только в воздухе еще витал густой запах благовоний — других признаков бывшего обитателя не осталось. Эсон потыкал мечом в груды мехов. Ничего. Гнев отступал, и он впервые ощутил рану. А вместе с тем понял, что далее смерти Дер Дака планы его не заходили. Что же делать?

Воины расступились перед ним, и Эсон направился в помещение Дер Дака, помахивая отрубленной головой вождя. Над входом висели ссохшиеся человеческие головы, среди них — зловонная кабанья голова с полированными камнями вместо глаз. Эсон смахнул все это одним движением меча и пинками отправил в ров. Потом водрузил над дверью голову Дер Дака и уселся под ней.

— Принесите еды и питья, — приказал он.

Воцарилось молчание, и Эсон положил руку на меч. Тогда один из воинов повторил приказ женщине, оказавшейся неподалеку. Расслабив мышцы, Эсон оторвал клоч мех и принялся вытирать им меч. Перед ним стояла Найкери.

— Тебе следовало ждать снаружи, — проговорил он.

— Я видела, как все было. Ты победил. Мои родичи быва-

ли здесь, а на женщин здешние воины не обращают внимания.

— Сядь сзади, так, чтобы тебя не было видно.

— Что ты собираешься теперь делать? — спросила она, обходя его сбоку. — Здесь такая вонь.

— Я хочу поесть.

— А потом?

Он заворчал — потому что не знал, как ответить.

Подошла девушка, поставила перед ним две чаши. Одну, с кислым молоком, он осушил почти целиком, прежде чем обратиться к другой, наполненной мягким сыром. Эсон отправлял его пальцем в рот, когда один из воинов стал перед ним.

— Я — Ар Апа, — сказав это, воин опустил на корточки. Он долго молчал. Не отвечая, Эсон продолжал есть. И воин ударил себя в грудь. — Я — убийца, я — охотник, я бежал сотню ночей и убил сотню оленей. Я сразил Сетерна в битве, которая продолжалась целых десять ночей, и голова его висит над моей дверью.

— Ты убивал моих родичей возле копи? — холодно осадил его недовольный бахвальством Эсон. Ар Апа развел пустыми ладонями.

— Это дело рук Дер Дака. И других. С ним были воины из Дан Уала. Им дали богатые подарки, чтобы все вместе шли к копи. Многие не вернулись.

— Их вел Уала?

— Уала вел их, но шли они не поэтому, — Ар Апе было не по себе. — Он дал им подарки, еще до того как они вышли. — Невзирая на все хвастовство, Ар Апа не хотел лишний раз произносить это имя и только кивнул в сторону.

— Темный Человек?

Ар Апа кивнул и вновь начал хвастать. Эсон не слушал; в конце концов, слова то и дело почти повторялись, но шепот Найкери сзади он расслышал и согласно кивнул, повторив ее слова вслух:

— Ты хочешь быть быком-вождем?

Ар Апа не дал прямого ответа, чтобы Эсон не смог подумать, что он вызывает его на бой: йерний уже видел, на что способен бронзовый меч.

— Племени нужен бык-вождь.

— Верно. Бык-вождь будет.

КНИГА III

Глава 1

Лето миновало, ночи делались холоднее, и по утрам иней все чаще серебрил траву. Только что встало солнце — лучи его пробивались между стволов деревьев, обступивших расчистку и бросавших на землю длинные тени. Воздух был тих, и первая струйка дыма поднималась в безоблачное голубое небо словно указующий перст. Эйас нагнулся к костру, подложил сухих веток и принялся ворошить палкой уголья. Потом зевнул, почесал под мышкой другим концом палки. Полусонное выражение еще не оставило его лица, порванная губа отвисла еще ниже.

Скрипнуло по дереву дерево: из сменившей навес крытой хижины появился Интеб. Чтобы выйти из низкой двери, приходилось сгибаться. На плечи египтянина было накинуто одеяло, пожившись, он поспешил устроиться возле огня, рядом с покрытым шрамами кулачным бойцом. Стараясь расположиться поближе к огню, египтянин коснулся одеялом углей, запахло паленой шерстью. Интеб дрожал, смуглая кожа южанина посерела.

— До зимы еще далеко, а мои кости уже ноют от холода, — пробормотал он.

Эйас криво усмехнулся:

— Пока еще ничего. Днем тепло, солнце греет. Зимой ляжет снег, белый, холодный, — сугробы выше твоей головы.

— Так пусть же Ра в мудрости своей растопит этот снег или пришлет сюда микенский корабль прежде, чем настанет зима. Недобрый край.

— Ко мне он добр, египтянин. Куда лучше, чем был бы Египет. В день — горстка зерна, жара... молодым сдохнешь. А здесь я ем мясо — каждый день. Я его столько в жизни не съел. И женщины. Та, что готовит для мальчишек, — у нее ляжки и зад, как у коровы! — в восторге Эйас хлопнул в ладоши. — Есть за что подержаться. А когда вставишь, мычит как корова. Отличная страна.

Интеб брезгливо раздул ноздри и потянул с угольев тлеющий край одеяла.

— Оставайся здесь, Эйас. Не хочу тебя обижать, но ты человек грубый и словно создан для этой грубой страны. Есть такие радости, о которых ты не имеешь представления. Может быть, просто попробовать не удалось. Доброе вино, тонкие яства, милые друзья, цивилизованные развлечения — мне так не хватает всего этого. В мире есть более изысканные радости, чем те, которыми оделяет тебя твоя толстозадая корова.

— Некоторым и такое по вкусу, — словно в подтверждение своих слов Эйас густо рыгнул.

— Не сомневаюсь. Но один мудрец сказал: люби мужчину, радуйся мальчику, а женщина пусть делает свое дело. У меня нет обязанностей по отношению к здешним женщинам, а мальчишки — грязны и не доставят никакого удовольствия.

Он не стал добавлять, что его самого в этот край могла привести лишь любовь. Что толку говорить об этом с покрытым шрамами рабом, харкающим и плюющим в огонь возле него. Солнце поднялось над ветвями, лик Ра теплом согрел руки его и лицо. Ранний ветерок взъерошил листву над головой, дубовый листок, покачиваясь, скользнул к ногам египтянина. Интеб подобрал его и с восхищением принялся разглядывать причудливо раскрашенный осенью лист. Позади него вновь взвизгнула дверь: к сидящим возле костра присоединился Эсон. Кожа его еще несла запах Найкери; Интеб отвернулся, чтобы не ощущать его, потянулся за веткой.

— Самая погода для плавания, — проговорил Эсон, бросив взгляд на небо. — Море гладкое — грести легко.

Корабль. Только о нем и думали они в эти дни. Эсон выразил общие мысли.

— У нас есть олово для него, — проговорил Эйас, глядя на заброшенный навес, под который складывали серебристые диски, — их было уже больше сорока дюжин. Упорные труды принесли результат.

— Он уже где-то в пути, — сказал Интеб, надеясь услышать слово в поддержку.

— Тебе лучше знать, — отвечал Эсон. — Ты был там, когда к отцу прибыл вестник. А моя память полна его бесконечными рассказами о том, насколько необходимо Микенам олово. Можно не сомневаться: Перимед выйдет сюда корабль, как только сумеет это сделать. Скорее всего, их задержала непого-

да — мы ведь сами видели, как свирепствует здесь океан. Корабль придет, и у нас уже есть олово для него. Приплывут халкеи, чтобы работать в копи, воины, чтобы ее охранять. А наше дело будет окончено.

— Значит, мы сможем вернуться на нем — когда корабль пойдет обратно, — произнес Интеб, не слыша страстной надежды в собственном голосе. Эсон ответил не сразу:

— Конечно. Зачем оставаться в этой холодной земле — на краю света? В Арголиде без нас некому пить вино, некому убивать атлантов. Кто с этим справится без меня? А здесь мне нечего делать.

Он глянул в сторону хижины — из нее появилась Найкери со столиком на коротких ножках в руках. Он был уставлен чашами со слабым элем и ломтями холодной оленины — вчера они изжарили тушу. Она поставила поднос рядом с Эсоном, тот первым взял пищу. Эйас потянулся к чаше, шумно отхлебнул и блаженно вздохнул. Взяв кусок нежирного мяса, Интеб задумчиво прожевывал его.

— Наступило время самайна, — сообщила Найкери.

— Я не знаю, что это такое, — пробормотал с набитым ртом Эсон.

— Я говорила тебе. В это время йернии стоняют в даны весь скот и режут часть животных. Мои родичи ходят к ним торговать. Издалека приходят со своим товаром разные люди. Это самое важное время в году.

— Ступай смотреть на этих мясников — мне не интересно.

— В это время случаются и другие важные вещи. Выбирают быка-вождя. Именно в эти дни Ар Апа должен стать новым быком-вождем.

Эсон молча жевал жесткое вкусное мясо. Ар Апа будет ждать Эсона, чтобы стать вождем-быком — возможно, без Эсона он даже не сумеет этого сделать. Этим варварам неизвестны такие вещи, как царская кровь и наследование престола. У варваров все не так, все неразумно. Здесь вождей выбирают за крепкую глотку и могучие руки, если только выбирают вообще. Но лучше, если быком-вождем станет Ар Апа. Эсон знает его, и он знает Эсона. Знает мощь десницы его и устрасится. Пока в дане властвует Ар Апа, Темный Человек не посмеет явиться туда, некому будет подстрекать йерниев к набегам на копь. Эсон бился во многих битвах и знал цену флангам, он понимал, когда о них следует позаботиться. Дан и пастбища тевты Ар Апы отделяли копь от прочих земель

йерниев. Путь любого набега лежал через владения Ар Апы. Пусть же вождем-быком станет Ар Апа. А добывать руду и выплавлять олово можно и без Эсона... Время не пропадет зря.

— Я иду на самайн, — громко объявил он.

— Ты не можешь идти один, — возразила Найкери.

— Это не твое дело, альбийка. Тебя я с собой не возьму, не рассчитывай.

Она встретила его взгляд с такой же непреклонностью, нисколько не испугавшись гнева Эсона.

— Я пойду туда с родичами, мы всегда торгуем на самайне. Но ты — великий вождь, и о тебе знают. Великий вождь в такие времена не путешествует в одиночку.

Женщина говорила дело, но Эсон не хотел это признать открыто.

— Может быть, ты пойдешь со мной, Интеб? Такое зрелище стоит увидеть.

— Похоже, нас ждет скучный и кровавый день на бойне, но я пойду. У царя должна быть свита. Пусть Эйас будет меченосцем. Я буду глашатаем.

— Эйас нужен здесь, чтобы мальчишки работали.

— Без тебя они все равно не будут усердствовать. Нужно идти всем: мы должны показать йерниям, что длинная рука Микен дотянулась досюда. Напомнить как следует, так, чтобы не позабыли. Мы пойдем при оружии и в доспехах. Кто из йерниев знает, что я обращаюсь в бегство, едва слышав шум битвы?.. Или что этот покрытый шрамами бугай безо всякого оружия кулаком уложит насмерть любого из них? Итак, идем все?

— Наверно. Только кто-то должен остаться на копи.

— Зачем? Если мальчишки убегут — сходим к их родителям и приведем обратно. Олово само по себе бесполезно — пусть лежит, здесь оно не ценнее камней. На этом острове никто не знает, зачем оно нам понадобилось. Эти дикари думают, что мы с ума посходили, что так возмизимся с ним. Для украшений — тусклое, для оружия — мягкое. Я видел, как они пробовали его на зуб и удивлялись отметинам. Откуда им знать, что нам оно необходимо для изготовления их вождельной бронзы? Даже если бы и узнали, — они же не умеют выплавлять этот металл...

Эсону вдруг пришла в голову мысль, и он остановил египтянина жестом руки:

— А если корабль придет, когда нас здесь не будет? Придется остаться.

— Мои люди следят за берегом, — заметила Найкери. — Они заметят корабль и расскажут приплывшим, где вы. И до дана доведут — если вы не вернетесь.

— Значит, идем? — спросил Эйас.

— Придется, — ответил Эсон.

— Бойня и коронация, — проговорил Интеб. — Кровь и попойка. Пир и драки. Тьфу.

— Наоборот — здорово! — возразил, ухмыляясь, Эйас. В щели, раскroившей губу, мелькнул белый зуб.

Глава 2

Они вышли ранним утром. На Эсоне был только что покрашенный кожаный панцирь. Меч у пояса, на левой руке круглый щит с полированными бронзовыми бляхами. На шее по обычаю йерниев висел бронзовый кинжал. Снятый с Дер Дака микенский шлем выправили, но потерянных прядей конских волос в этой стране заменить было нечем. У здешних невысоких пони волос был мягок, и на них охотились ради мяса. Но Эсон сразил копьем здешнего вепря. Быстрые и могучие звери были, пожалуй, даже опаснее аргolidских, и жесткой щетиной удалось заменить недостающие пряди. В этом не было бесчестья: могучего вепря здесь ценили не меньше, чем благородных коней на его родине. Воины-йернии лепили из своих усов и глины некое подобие кабаньих клыков, по той же причине делали жесткими свои прически. Так что носить на шлеме гребень из кабаньей щетины было даже, пожалуй, почетно.

Эйас тоже производил впечатление в кожаной броне и медной шапке-шлеме — той самой, в которой Эсон выступил на битву с Дер Даком. Кожаный полупанцирь напоминал доспех Эсона, однако не был настолько богатым. Среди вещей, принадлежавших убитому вождю, они обнаружили бронзовый топор из тех, что использовали для рубки леса. Но ничто не мешает рубить им воинов: для этого топор и взяли с собой.

Как наименее воинственный из троих, Интеб облачился в простую кожаную куртку и взял деревянный щит, обитый толстой кожей. Но каменный топор его был неплохо сработан. Йернии такими гордились. За плечами египтянина нахо-

дился небольшой мешок с едой. Эсон взял мешок побольше — с подарками для нового вождя-быка.

К ночи все устали и, поев, завернулись в плащи и улеглись ногами к костру. Интеб ночью проснулся — когда Эйас подкладывал сучьев в костер. Воздух стал настолько холоден, что обжигал лицо египтянина: из глаз полились слезы, Интеб заморгал. В черной чаше неба, опрокинутой над головой, до самого окоема горели яркие звезды. Темноту прочертила падающая звезда, беззвучно исчезнувшая за холмами. Подобно погибшей душе, вдали захохотал филин. Интеб поежился и придвинулся к теплому Эсону, ровно и глубоко дышавшему возле него, черпая силы у могучего друга. Если бы не Эсон, сидел бы сейчас он, Интеб, среди советников у ног фараона в Фивах, как подобает благородному зодчему, а не мерз на холодной земле, на самом краю света. Что за прихоть привела его в эти края? Египтянин улыбнулся и вновь провалился в сон, все еще улыбаясь. К середине четвертого дня они увидели впереди меловой холм и поднимающиеся над ним плетеные стены дана. Дважды в этот день путники обгоняли стада скота, бредущие в ту же сторону. Но пастухи и животные с опаской поглядывали на чужаков и старались держаться подальше. Охранявшие стада воины-йернии хмурились и хватались за топоры. Ближе к дану скота было еще больше, его держали во временных загонах. Всюду вздымались облака пыли.

Тропа, по которой они шли, была густо усеяна коровьими лепешками, она извивалась между невысокими курганами Владычицы, обступившими дан. Погребенные здесь воины всей тевты, возвратившись к Земле-Матери, дожидались, когда Владычица Курганов отведет всех в Обещанные Края. Вокруг некрополя складывалась вся жизнь племени, здесь проходили ежегодные сходки и прочие важные события, здесь обдумывали набеги на соседей и кражи скота, посвящали юношей в воины и выбирали быка-вождя.

Миновав последний загон, они увидели толпу йерниев, собравшуюся у стен дана. Уже шел какой-то обряд. От тонкого воя ныли зубы. Все перекрывал громкий мужской голос.

Когда путники подошли ближе, им стало ясно — это похороны. Уже выстроен смертный дом — сооружение без стен из одной только крыши: маленькие бревна быди наклонно поставлены к поперечине, получалась узкая и длинная домовина для одного тела. Женщины и мальчики не один день разбивали кирками из оленьих рогов твердый мел около смертного

дома. Они набили достаточно камня, их работа теперь была закончена, и захмелевшие воины внимали голосу высокого мужчины в белых одеждах, что-то говорившего нараспев. Седые волосы доходили до плеч, лицо утопало в окладистой бороде. Однако на верхней губе волос не было: у йерниев только воины носили усы. У ног мужчины лежал обезглавленный труп; голова его была аккуратно подложена под правую руку, она поблескивала маслом и была прикрыта шкурой вепря. Возле покойника, скрестив ноги, сидел другой человек, он дул в деревянную трубку, приделанную к раздутому меху. Мужчина пыхтел, лицо его покраснело, мехи надувались. Но труды эти не производили полезного действия: воздух попусту выходил через полую кость, в которой сбоку были проделаны дырки. Вспотевший человек то и дело прикрывал то одну, то другую дырку своим пальцем — так возникал этот то усиливавшийся, то спадавший непрекращающийся визг, впрочем не мешавший слышать песнопения.

— Он жил как подобает воину, доброй жизнью, что никогда не закончится. Умер он в битве, умер он с криком, умер он с оружием — такую смерть назначил Разящий мужчинам. И, умерев так, он не познает смерти, но вступит на тропу воина, что ведет в Мой Мелл, Медовые Страны, и Владычица Курганов поможет ему в пути. Сейчас он уходит в земли вечной юности, где нет боли, где нет смерти, где нет печали, где нет ни конца, ни начала, где нет зависти, где нет ревности, где нет гордости, где нет страха. Он отправляется в край изобилия, где повсюду стада и гурты, и глаз видит их, но не видит конца им. Там жарят длинных свиней таких, что и сорока мужам не поднять, и он первым отрежет мясо от этой свиньи. Там чаши полны питьем и никогда не пустеют. Туда он уходит, туда мы его отсылаем.

Штуковина из мехов и полой кости завывала погромче. Пока труп заталкивали под крышу, воины орали до хрипоты. Когда покойника заложили последними бревнами, они принялись кидать плоскими оленьими лопатками разбитый мел, каждый старался перешеголять остальных. Гора мела росла, могильный дом скрылся под ней, воины шатались от опьянения и усталости. На взгляд Эсона, зрелище было великолепным, он отвернулся, лишь когда рядом с ним появился Ар Апа.

— Ты здесь, — произнес воин-йерний, и в голосе его слышалось более чем просто облегчение. Наследовать вождю-бы-

ку дело не легкое. Присутствие Эсона укрепляло позиции Ар Апы.

— Кого хоронят? — спросил Эсон, не отводя глаз от церемонии.

— Дер Дака. Вождей-быков хоронят во время самайна.

Эсон с нескрываемым интересом поглядел на образовавшийся курган, который к этому времени увенчала набитая сухой травой шкура быка.

— Я убил его летом. Он давно должен был сгнить.

— Наши друиды знают многое. Они знают, что было и что будет, умеют исцелять больных. Каждый день они покрывали тело его кедровым маслом, и вот видишь — оно твердое. Пойдем пить.

Эсон бы остался еще послушать, но Эйас громко причмокнул губами, а Интеб решительно обратился спиной к примитивному обряду. Впрочем, подобное грубое бальзамирование в известной степени напоминало знакомый ему изощренный египетский способ, который делал тело столь же стойким к гниению, как прочное дерево. Мимо длинной стойки, к которой были подвешены туши забитых овец, они прошли прямо ко входу в дан.

Там царили шум и смятение: кричали животные, вопили люди. Внутри просторного дана стояла такая же суета, как бывает в день пира в Фивах или на погребальных боях в Микенах. Повсюду были воины-йернии, с мечами и топорами они толкались в толпе, то и дело горделиво оглаживая костяшками пальцев твердые усы. Вокруг толпились женщины и многочисленные грязные дети; самые маленькие из них голышом путались под ногами, гоня кулочки мела. Но попадались среди них и чужие: смуглые альбии со своими товарами в мешках; круглоглазые донбакшо тащили на жердях дичь и зайцев. Попадались и другие люди, светловолосые, таких Эсону не доводилось еще видеть. Они были воинами — на круглых шлемах торчали бычьи рога, длинные кинжалы висели на поясах, запястья этих людей украшали золотые браслеты, плащи были скреплены у шеи увесистыми золотыми застежками. Но за спиной они, подобно рабам, тащили большие корзины. У их женщин поклажа была едва ли не еще большей. Корзины опустили на землю, но пока они стояли закрытыми. Эсон гадал, что за товар доставили в них. В руку ему вложили чашу на ножке, и он жадно припал к элю.

— Смотрите сюда! — закричал Эйас с круглыми от удивления глазами. — Такого я еще не видел.

Странно наряженный человек вспрыгнул на высокий помост из переплетенных ветвей и ивовых прутьев. Еще не окончившие сооружение женщины принялись кричать на него, но он уклонился от тянувшихся к нему рук и пробрался к середине помоста, прогибавшегося и потрескивавшего под ним. Кожаная юбка его доходила почти до лодыжек, капюшон оканчивался бахромой прямо на плечах — карикатура на воина в короткой юбке и длинном плаще с капюшоном. Лицо и руки намазаны черной грязью или сажей, той же краской зачернены волосы, острием вверх уложенные на макушке.

— Друг, друг! — завопила толпа, со всех сторон люди кинулись поглядеть на забаву.

Друг легко вскочил на ноги и вдруг взвыл, словно от боли, и заскакал на одной ноге, удерживая другую руками и вылизывая языком — как собака выкусывает колючку в лапе. Потом он довольно быстро и очень похоже показал быка, корову, теленка, разыскивающего матку, и воина, разыскивающего теленка. Последняя сценка вызвала восторженные вопли даже со стороны воинов, не намеревавшихся узнавать себя в чванном, важно выступающем и поглаживающем усы шуте. Смех умолк, когда друг извлек из-под оттопыренной юбки несколько вырезанных из дерева яблок. Они были раскрашены желтой и красной краской и ярко блестели в лучах солнца. Он подбросил вверх одно, другое, поймал первое, подбросил еще и еще, удивляя зрителей своим умением держать в воздухе сразу несколько шаров. Эсон вместе с Эйасом радостно вопили, и только Интеб, при дворе Тутмоса видевший еще и не такое, молча потягивал эль.

Когда они наконец устали от представления, Ар Апа увел их к ямам, где были разложены костры, над которыми коптились туши коров и овец, издавая приятный аромат мяса и жира. Женщины отрезали полосы и ломти мяса кремневыми ножами. Их мгновенно расхватывали жадные руки. Толчками и пинками Ар Апа разогнал толпу и велел вырезать лучшие куски для Эсона и его спутников. Когда они получили мясо, он запустил руку в кисет и извлек из него пригоршню белых кристалликов, перемешанных с крупными гряди.

— Соль, — горделиво объявил Ар Апа, присыпая куски, которые гости держали в руках.

Эсон ощутил, как рот наполнился слюной. Наверняка

кто-нибудь из прибывших привез с собой соль на продажу — следует прикупить. Соленое мясо вновь пробудило жажду — тут же явился и эль. Нетрудно было понять, почему самайн считался главным событием года.

Свирепый лай и рычание отвлекли их внимание. Не оставляя чаш, они присоединились к толпе, собравшейся на противоположной стороне дана. Чтобы оказаться в первом ряду, пришлось потолкаться.

— И это собаки? — спросил Интеб, стараясь не выпускать из рук топор.

Мохнатые и злобные псы оказались величиной с небольшого медведя. Эсон слышал о них, но видеть еще не доводилось. Йернийских волкодавов натаскивали на волков и вепрей, их привезли для состязаний на погребальных играх. Теперь два пса рвались друг к другу. Они тянули поводки так, что хозяева едва удерживали их. Ощерив клыки и хрипя от ярости, псы брызгали слюной. Оба хозяина по ходу дела бились об заклад, выкрикивали ругательства... псы рычали, наконец соглашение было достигнуто. Круг разошелся пошире, и огромных зверей спустили. Они набросились друг на друга.

Свирепые псы были примерно равны по силе. Они сцепились, отпрыгнули и, щелкая зубами, попытались укусить друг друга. Потом сцепились снова. Запустив морды в толстые шкуры, они старались добраться до плоти. Наконец один из них сумел пропороть ногу своему сопернику. Хлынула кровь, драка закончилась бы смертью раненого пса, если бы не вмешались хозяева. Псов удалось разнять лишь с помощью рукоятей топоров и древков копий.

Проигравшие уплатили заклады. Послышался громкий визг — проигравший хозяин вымещал неудачу, без жалости избивая побежденного пса.

Невозможно было все увидеть и испробовать. Переплыв через узкий пролив, торговцы-альбии привезли с зеленого острова Домнанн кованое золото и бронзу. Воины-йернии толпились возле них, предлагали за драгоценности все, что пожелают гости. Люди в рогатых шлемах, звавшиеся гераманиями, явились из-за моря с востока, они предлагали не только драгоценную соль, но и теплые куски бурого янтаря. Внутри некоторых таились сказочные насекомые, их можно было увидеть, поглядев через камень на солнце. Еще они торговали бронзовыми кинжалами хорошей работы. Эсон все вертел один из них под бдительным оком владельца, жалея, что ни-

чего не может предложить в обмен. Герамании принесли с собой и египетские бусы. Интеб, усмехаясь, разглядывал их.

— Ох, далеко они залетели от дома, как и я сам, — проговорил он, держа на ладони одну из бусин и прищуриваясь. Потом он молча вернул ее гераманию и, лишь отойдя от торговца подальше, пояснил Эсону: — Скверная работа, плохая глазурь — для Египта не годится, но в этих грубых краях большая ценность.

Яств было много: свежие яблоки, сливы, сладкий мед прямо в сотах. А йернийские колбасы, которых они до сих пор еще не пробовали, оказались не хуже, чем в Арголиде. Набитые жиром, мясом, просоленные, слобренные какими-то семенами, они были дотверда прокопчены над огнем. Был еще мед, сваренный на орехах, пьяный сок вересковых ягод и эль... снова и снова. Прежде чем солнце коснулось горизонта, животы их оказались туго набиты, глаза насытились зрелищами, а уши оглохли от криков.

— Смотри-ка! — воскликнул Эйас, указав на толпу, собравшуюся на другом краю дана. Под его припухлыми веками вдруг вспыхнул радостный огонек.

На расчищенном, посыпанном песком круге сцепились два мужа, пытавшихся бросить соперника на землю. Они старались сделать подножку или бросок и одновременно молотили друг друга кулаками. Разойдясь, они принялись осыпать друг друга могучими ударами, по большей части попадавшими мимо цели. Эйас пренебрежительно хмыкнул. Наконец один из верзил — оба были рослыми и крепкими гераманиями — зацепил другого за ногу и одновременно ударил кулаком, повергнув противника на землю. Половина собравшихся разразилась радостными воплями, другие, ворча, принялись отдавать заклад. Шагнув вперед, Эйас хриплым голосом завопил так, что слышали все:

— Мешки с жиром, сальные туши! Это не бойцы, а две бабы с титьками на задку. Я плюю на них обоих.

Слова его обрели практическое подкрепление: Эйас и впрямь отвесил по объемистому плевку в сторону каждого из гераманиев, попав одному в живот, другому в щеку. Разразившись яростными криками, они бросились бы на него, если бы их не удержали друзья.

— Рассердились, а? Убить меня захотели? — захохотал Эйас. — Ну-ка, давайте сюда. Сразу оба! Обещаю, что повалю обоих. Кто ставит на то, что я не смогу этого сделать?

Желающих нашлось в избытке, Интеб и Эсон никому не отказывали. Их убьют, если Эйас проиграет: они успели прозакладывать все, что они имели и чего не имели вообще. Но они верили в этого смуглого крепыша, который был ниже ростом каждого из соперников почти на голову. Пока заключались пари, Эйас горделиво расхаживал по кругу и усердно ярился гераманиев своими насмешками.

Бой начался: по знаку оба герамания рванулись с места, вытянув руки вперед, и Эйас отбежал в сторону. Под гневные крики и насмешки он обежал круг, а разгневанные мужи гнались за ним. Молчание опустилось на собравшихся, когда он вдруг остановился и в воздухе промелькнула рука — словно змея, совершающая убийственный бросок. Кулак угодил первому из преследователей прямо в солнечное сплетение. Охнув, тот перегнулся и лицом вперед повалился на землю.

— Первый готов, — объявил Эйас. — Иди сюда — твой черед.

Второй боец держался теперь куда осторожнее, он пригнулся к земле, двигался крадучись, стараясь зацепить Эйаса, прежде чем убийственный кулак успеет поразить его. Но удар сбоку потряс герамания, получив второй — в ребра, — он пошатнулся и едва не упал... Но все же метнулся вперед и успел обхватить Эйаса. Все было сделано точно, и на этом борьба едва не окончилась. Гераманий был явно сильнее. Прижимая руки Эйаса к бокам, он медленно клонил его вниз неотвратно и бесповоротно. Эйас изо всех сил старался сбросить невыгодное объятие и, уже почти падая, ухитрился высвободить одну из рук.

Этого оказалось довольно. Криво улыбнувшись толпе, бывший раб коротко взмахнул кулаком и по короткой дуге направил его в спину соперника — в печень, под ребра. Рослый гераманий содрогнулся и пошатнулся. Прежде чем он успел прийти в себя, кулак вновь поразил то же самое место, и воин взревел, широко раскинув руки. Сделав шаг в сторону, Эйас облегчил муки соперника: тяжелый удар в висок лишил герамания сознания прежде, чем тело его успело упасть на землю.

— Вот теперь они кое-что узнали о кулачном бое атлантов, — заметил Эйас. Переступив через оба неподвижных тела, он отправился помогать в сборе закладов. Кое-кто пытался оспаривать непривычный способ, которым была добыта победа, но такие быстро утихали, обнаружив перед носом огромный кулак. Так этот день принес и барыш.

Не прекратился самайн и с закатом. Костры загорелись ярче, дрожащий свет их бросал тени на стены дана и на толпу, толкавшуюся внутри него. Из темных уголков уже слышался визг и смех: женщины йерниев и гостей, которым нечем было торговать, зарабатывали на подарки и украшения товаром, с которым их мать родила. Факелы из горящего тростника освещали золото, каменные топоры и острые кремневые ножи, бронзовые кинжалы, янтарные диски, и вещи более обыденные: мясо, дичь, соль и сладкие плоды. Всякий находил здесь кое-что для себя.

Но готовились более важные события. В центре дана в самой большой яме разложили костер. Женщины старательно мели вокруг него, наконец земля очистилась от помета и опавших дубовых и лавровых листьев. Два глубоких гнезда очистили от скопившегося за год мусора и под надзором первого друида вставили в них два высоких — в человеческий рост — и толстых столба. Сверху в них были вырезаны полукруглые углубления для короткой горизонтальной перекладины. Когда арка оказалась собранной, сам друид густо обмазал ее жидким мелом, выбелив дерево, словно кость. Пока он был занят этим делом, начали собираться воины-йернии. Они были одеты в альбийские ткани, при всех своих драгоценностях и при оружии. Воины усаживались возле огня. Но не успели собраться все, как один вскочил с места и громким голосом объявил, какой он бесстрашный и отважный боец. Начались выборы быка-вождя.

Когда собрались все, огонь взвился высоко, и в его золотом свете воины, потея, требовали эля, хвастали своими гривнами, браслетами и кольцами. Поднялся ровный и громкий шум, никто никого не слышал, но это никого и не волновало. Важно было говорить перед собранием — содержание же всех баек и побасенок было знакомым и давно известным. Они выкрикивали друг другу громкие оскорбления и один за другим принимались расхаживать возле костра, ударяя топорами в щиты, при этом изо всех сил превознося собственные подвиги. Эсон тоже протолкался внутрь круга воинов и выкрикивал оскорбления, чередуя их с отъявленной ложью: право его присутствовать среди них никто не оспаривал. Интеб следил за происходящим от наружного края круга, потягивая сладкий мед, пришедшийся ему по вкусу... потом он уснул. Эйас с пухлой после дневной удачи мошной, с новыми ранами на покрытой рубцами коже отправился искать успеха уже среди

женщин. Он целый день восхищался высокими светловолосыми и полногрудыми женщинами гераманиев и наконец богатыми дарами заманил одну из них в сторону от костра. И там дал ей известные основания вспоминать о нем в своих северных лесах.

К рассвету большинство воинов-йерниеи уже повалились спать — прямо в пыль, — другие могли только кивать пьяными головами. Тогда-то к костру вышел Ар Апа и принялся горделиво расхаживать перед ними, громким охрипшим голосом расхваливая свои деяния и силу рук. Ночью он сэкономил силы и ограничивался недолгими выступлениями, сохраняя силы для последней попытки, которая должна была произвести решающее впечатление на полусонных и пьяных воинов. Дело близилось к успешному завершению. В предутренние часы он начал свой монолог, перекрикивая всякого, кто пытался его перебивать; одного пьяного воина, непременно желавшего говорить одновременно с ним, пришлось даже утихомирить щитом. Речь Ар Апы была не хуже и не лучше, чем у всех остальных, однако сил у него оставалось значительно больше, поэтому все принимались уважительно кивать головами, прежде чем, засыпая, свалиться на землю. Когда солнце прогнало утренние туманы и поднялось над горизонтом, он все еще с пылом расписывал собственную силу и прочие достоинства. И наконец, глубоко вдохнув, прокричал собственный боевой клич над склоненными головами:

— Ар Апа абу! Время проходить огонь и очищать скот!

Воины-йернии зашевелились, отвечая согласными воплями. Осушив последние капли эля из чаш, они отправились облегчаться к стенкам хлевов... в воздухе густо запахло мочой. Когда Эсон проснулся, Интеб и Эйас были с ним рядом. Они отправились наружу, чтобы присоединиться к остальным за стенами дана, и с интересом заметили, что женщины и дети йерниеи помогают мужчинам выволакивать огромные плетенки.

Поваленные набок, они напоминали огромные неровные корзины, открытые с одного края, но в два человеческих роста. Их бросили снаружи — по обе стороны входа в дан — и оставили до поры... наконец из хлевов под вторым этажом, служивших и местом заточения, извлекли пятерых жалких пленников. Ноги их оставались связаны, они спотыкались и падали, их поднимали уколами копий. Подняться было сложно — руки были связаны за спиной. Это оказались тоже йер-

нии — об этом свидетельствовали одежда, выбеленные усы и волосы, но их Эсон в этом дане не видел. Эсон окликнул стоявшего поблизости воина, выкрикивающего проклятия пленным... Впрочем, чтобы добиться ответа, пришлось его еще дернуть за руку.

— Это? Воры, подлые воры. Явились красть наш скот, но мы их заметили. Они из Дан Финмог, но сейчас уходят совсем не туда! — расхохотавшись над собственной шуткой, он вновь принялся закидывать пленников кусками сухого навоза, как это делали все вокруг.

Пленников вывели за стены; там, в кольце воинов, вооруженных копьями и топорами, им разрезали веревки на руках и затолкали в плетеные сооружения — троих в одно, оставшуюся пару в другое. Когда узники оказались внутри, йернии с криками навалились на верхний край огромных корзин, опрокинувшихся под весом вверх дном. Теперь, когда основания плетенок оказались на земле, стало ясно, что они собой представляют.

Это были головы. Отверстия ноздрей обмазаны охрой, вместо глаз нарисованы черные круги с кровавым пятном в центре. Длинные кривые сучья изображают рога. При весьма отдаленном сходстве корзины несомненно изображали бычьи головы. Края их заостренными кольями прибили к земле и стали обкладывать снаружи хворостом. Всем распорядился тот самый друид, что совершал вчера похороны, ему помогали двое мужей помоложе, облаченных в столь же длинные одежды. Пленники хватались за прутья, дикими глазами глядели на кричавшего друида. Толпа притихла.

— Безмолвными змеями на брѹхе приползли вы сюда; горностаями между кочек ползли вы сюда. Духами полуночными ползли вы сюда из Дан Финмог — и мы знаем зачем. Скот в Дан Финмог зашелудивел, попадал и сдох — и ваши зубы стучат от страха. Вы знаете, что нет лучших коров, чем здесь, нет более жирных коров, чем здесь, нет более сладкого мяса, чем здесь! И вы пришли украсть наших коров, но позабыли о воинах!

Ответом ему был общий вопль, грохот топоров о щиты и проклятия. Не прерываясь, друид продолжал:

— Сотня и сотня воров пришла к нам, сотню и сотню врагов сразили воины и сложили из отрезанных голов груды, что стала выше, чем крыша дана. Но пятерых мы взяли в плен, ибо так было правильно: близилось время самайна, время очищения скота. Вот потому-то вы и здесь.

Раздались крики, немедленно утихшие, когда друид, распрямившись, неторопливо поднял от земли правую ногу, балансируя на другой.

— Одна нога, — выкрикнул он и еще медленнее стал тянуть вверх ногу. — Одна рука, — крикнул он еще громче и указал на заточенных под плетенками. — Один глаз! — заорал он изо всех сил и, зажмурив левый глаз, склонил голову набок. — Смерть им! В огонь! Смерть, смерть, смерть!

Так завершился обряд и началось развлечение.

Воины с пылающими ветвями, взятыми из костров, бросились к плетенкам, поглубже втискивая факелы в сухие сучья. Когда повалил дым, люди внутри закашляли, потом слышались вопли: языки пламени уже начали лизать их ноги. Некоторые лезли вверх, чтобы избежать огня, и наблюдающие снаружи хохотали просто до слез. Потом женщин и детей отогнали подальше от места увеселения, они встали по обе стороны дороги к ближайшему загону. Открыли ворота и мычащий от страха скот погнали вперед в промежуток между горящими плетенками. Тела людей внутри них уже успели обуглиться, крики умолкли. К тому времени, когда последних животных загнали в ворота дана, костры прогорели и развлечение закончилось.

Воины-йернии по одному брели назад к угольям костра совета, выковыривая из зубов мясо, стараясь не опрокинуть чаш с молоком, которые женщины выставили у входа в дан для ублаготворения душ мертвых: с приближением осени им становилось холодно среди курганов, и во время самайна их всегда тянуло поближе к дому, к коровам. Воины громкими голосами требовали эля. Ар Апа возвратился первым и стоял теперь перед выбеленной аркой. Это было сделано не случайно. Когда кто-то из воинов подошел слишком близко, Ар Апа замахнулся на него топором. Недолго поколебавшись, муж сел среди прочих. Но, заметив Эсона, Ар Апа жестом позвал микенца к себе.

— Сядешь ли ты со мной?

— А что это значит?

— Если ты сядешь, значит, не хочешь быть вождем-быком. Если ты сядешь рядом со мной — значит, ты за меня.

Немного подумав, Эсон проговорил:

— Я помогу тебе, и ты станешь вождем-быком. Не забудешь ли ты об этом потом?

— Никогда! — с расширившимися от возбуждения глаза-

ми Ар Апа грохнул топором в щит. — Память моя — самая долгая, рука моя — самая сильная. Я не забуду.

Никто не стал возражать против избрания Ар Апы вождем-быком: никто не возвысил голоса против союза топора и меча. Новость быстро распространилась, и стала собираться толпа, чтобы понаблюдать за происходящим. Ар Апа сидел перед хенджем — двумя столбами с поперечиной над ними — и пил, согласно кивая: перед ним расхаживал друид, напомиравший всем о достоинствах, подвигах и деяниях будущего вождя. Таков был обряд. Друид провозгласил одно за другим имена предков Ар Апы, кончая незапамятным прошлым. Воины закивали и разразились воплями, когда речь пошла о более современных событиях, об умении Ар Апы справляться с темными силами, в том числе с Темным Человеком. После этого друид воздал должное достоинствам вооруженных бронзой друзей Ар Апы, и тут сам он поднялся на ноги, повернувшись лицом к друиду.

— Скажи нам, — вскричал Ар Апа. — Чем отличается сегодняшний день? Почему он не такой, как другие? Какую честь несет он?

Наступила глубокая тишина, когда, зажмурив один глаз, друид принялся разглядывать облака, поворачиваясь на пятке: он искал знамения в их форме. Должно быть, он что-то увидел, потому что рука его, словно заслоняясь от увиденного, торопливо прикрыла глаз: знак явно был неблагоприятным. Воины похрабрее сами шурились, глядя на небо, но в основном все глядели вниз, сохраняя полное молчание.

— Видел знак, — объявил друид, прикасаясь к хенджу, чтобы почерпнуть из него сил. Он не глядел на Ар Апу. — Знак. Двусторонний топор, наверное, золотой. А за ним тьма. Если сегодня воин с золотым топором сделается хранителем своего племени, он превзойдет всех прочих в боевой доблести. Но жизнь его будет короткой, очень короткой.

Все глаза обратились к Ар Апе, выкрикнувшему ритуальный ответ:

— Что мне до того? Это я воин с двойным топором. Пусть я проживу еще только день и ночь — все запомнят меня: память о деяниях не проходит.

Неторопливым осторожным движением друид погрузил руку в свои просторные одежды и извлек из-под них дубовую ветвь с позолоченными листьями. Он провел ветвью по столу-поперечине, глубоким голосом возглашая:

— Я касаюсь Разящего, трогаю Разрушителя.

Повернувшись, он прикоснулся листьями к челу Ар Апы с возгласом:

— Ар Апа Верцингеториг!¹

Толпа отозвалась общим ревом:

— Ар Апа Верцингеториг!

Друид коснулся ветвью левой опоры и продолжал:

— Прикасаюсь к Владыке-Волхву, он Творец наш, — Ар Апа Верцингеториг!

И вновь собравшиеся взревели, когда, обратившись к Ар Апе, он тронул ветвью его левое плечо. Закинув голову, стиснув кулаки, тот предавался восторгу.

— А теперь я касаюсь ее — Владычицы Курганов, Земли-Матери, нашей Берегини, — с этими словами друид провел по правой опоре, а затем по правому плечу Ар Апы.

— Ар Апа Верцингеториг! — слышалось повсюду, и увлеченный общим порывом новый бык-вождь встал перед ними, купаясь в волнах приветствий.

Эсона потянули за руку, он отмахнулся. Его снова потянули, на этот раз сильнее, и он повернулся, готовый ответить ударом. Перед ним стояла Найкери. Чтобы перекричать рев йерниев, ей пришлось возвысить голос.

— Пришел один из моих родичей с вестью. Два дня назад лодка с рослыми мужами в рогатых шлемах приплыла к копи. Это были герамании. Они провели там немного времени и тотчас уплыли.

— Что ты говоришь? Что это значит? — Холод лег на сердце Эсона. — Что с копью?

— Они ничего не тронули, все на месте. Только забрали весь металл, который ты там оставил. Олово.

Его украли.

Глава 3

Дни постепенно сокращались... наконец они стали много короче, чем самый недолгий день в Арголиде. Ночи казались уже бесконечными. Иногда день нельзя было даже назвать днем: облака сплошной пеленой закрывали небо, зябкой моросью орошая и без того вымокший лес. То дождливые, то ту-

¹ Верцингеториг — вождь антиримского восстания в Галлии; здесь — верховный вождь.

манные, но всегда короткие дни уже стали казаться только серыми разрывами в бесконечном мраке. Небольшой запас олова, который удалось скопить после кражи, рос с пугающей неторопливостью. Вымокшие под вечными дождями мальчишки сделались беспокойными и норовили удрать, если их хотя бы ненадолго оставляли без присмотра. Угольные печи заливало дождем, и они гасли, не хватало сухих дров, чтобы топить их.

После возвращения из Дан Ар Апа Эсон во многом переменялся. Он не признавал поражения — во всяком случае вслух — и с холодной безжалостностью продолжал работы в копи. Каждый день перед рассветом, взяв самый тяжелый из бронзовых топоров, он уходил в лес рубить дрова для прожорливых килнов, угольных печей. Спал он недолго, часто целую ночь проводил возле плавильных костров, едва ли не выжимая олово из руды могучими руками. Эсон делал все тяжелые работы, только бы плавилось олово, и перестал говорить о Микенах и корабле, который все ожидали. В преддверье зимы нечего ждать гостей — никто не посмеет выйти в океан навстречу осенним холодным бурям. А без корабля все их олово ничего не стоило. Стоят ли еще Микены? Или же союз Атлантиды и остальных городов Арголиды уже победил Перимеда и сровнял с землей его город? Возможно. Все возможно. Тогда они могут оставаться на краю света и до самой старости, даже смерти, выплавлять свои жалкие слитки, никому не нужные в этой далекой стране. Эсон не заговаривал об этом, но и не оспаривал, когда такое предполагали другие. Эйаса такая жизнь вполне устраивала, но Интеб все не мог примириться со здешними краями. Мысль о родине большим зубом тревожила его день ото дня все сильнее и не унималась.

— Мы можем здесь умереть, и об этом никто не узнает... жуткое место для смерти, — задыхаясь, выговорил он, утомленный непривычными еще усилиями при рубке деревьев.

За последние месяцы Интеб неплохо овладел бронзовым топором, научился врубаться в ствол под нужным углом. Он отправился в лес с Эсоном — чтобы помочь и согреться. Дожди наконец прекратились, их сменил белый холод — выпал снег. Его было еще немного: время от времени короткие снегопады оставляли снег в ложбинах и возле стволов деревьев. Он был такой холодный на ощупь, что руки немели. Интеб никак не мог привыкнуть к снегу и ненавидел его холодную белизну.

— Умрем здесь, — вновь пробормотал он. Не ответив, Эсон отбросил одежду, влажные ладони и вновь взялся за топор. Ствол дерева затрещал и переломился, они расступились, чтобы не попасть под ветви. Отбросив топор, Эсон припал к кувшину с элем, который они с собой прихватили.

— Я говорил с отцом Найкери, старым Лером, — продолжал Интеб, чтобы развеять ненавистную лесную тишь хотя бы собственным голосом. — Прежде, когда он не был слеп, Лер много скитался. Он знает все об этом острове и о другом, Домнанне, что лежит к северу: там в основном и живет его племя. Он даже знает, откуда явились сюда герамании. Он говорит, что они из тех, кто торгует с Атлантидой, и я верю ему. Герамании привозят египетские бусы и другие подобные вещи. Отсюда на лодках они плывут через море к великой реке, чужестранное название которой я не запомнил. Они живут в верховьях этой реки. Лер говорит, что по ней, если плыть далеко-далеко, приплывешь к новой реке, текущей в другое море. Если не врет — а проверить его слова нельзя, — наверное, это Истр, впадающий в Восточное море. Мы знаем, что атланты плавают по этой реке, они добывают там олово, и герамании знают, зачем оно нужно. Зачем бы они украли наше олово, если это не так? Конечно же, они продадут металл атлантам. Но если они могут добраться сюда, значит, и мы сумеем пройти этим путем.

Он отодвинулся, когда Эсон повернулся к нему с холодной улыбкой — прежде казалось, что он даже не слушает египтянина.

— Нет, ты не понял меня, Эсон. Слушай, дорогой мой, я же не о том, что мы будем торговать оловом с атлантами, — я хочу сказать, что этим путем мы можем вернуться в Аргolidу. Просто вернуться. Здесь нам больше нечего делать. Да, мы извлекаем олово из земли, но здесь его некому использовать. Ты ведь хочешь возвратиться в Микены, я знаю об этом. Мы можем это сделать.

Ответом послужил звонкий удар бронзового топора — Эсон перешел к следующему дереву. Грустно вздохнув, Интеб пожал плечами и начал обрубать сучья с только что поваленного ствола. Было уже почти темно, когда они дотащили бревна до расчистки и бросили их возле печей, чтобы утром заложить в них дрова. Дрожавших от сырости и холода мальчишек уже заперли в их помещении. Эйас присоединился к Эсону и Интебу у очага. Все трое с наслаждением вдыхали

аромат, шедший от горшка, стоящего на углях с краю. Без всяких напоминаний Найкери, укутанная в многослойные одеяния из ткани и шкур, вынесла большой кувшин с элем.

— Осталось еще два таких, — проговорила она, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Так всегда бывало зимой в этих северных краях — припасы постепенно кончались, скоро не останется совсем ничего. Если не будет хорошей охоты — придется голодать.

— Я видел оленьи следы, — сообщил Эсон, как и все, подумавший об этом. — Дров хватит на день-другой. Утром схожу на охоту.

— Я тоже могу пойти, чтобы донести мясо, — предложил Эйас.

— Работай здесь, мне никто не нужен.

Это было именно так. Все они были нужны ему, только пока работали. Обхватив грудь руками, Найкери гадала, почему он больше не приближается к ней. Они были рядом и одновременно далеко друг от друга. Эйас сплюнул в костер через рваную губу. Интеб невидящими глазами глядел в огонь, стараясь увидеть в нем теплые края, оставшиеся на далеком юге.

— Сын сестры моего отца убил медведицу, — сказала Найкери. — С ней были два медвежонка. Теперь у него три шкуры... теплые шкуры. — Она помешала густую похлебку и облизала деревянную ложку. — Еще я слыхала, что почти все воины Дан Уала ходили на Дан Ар Апа, многие убиты, много коров похищено.

Слушал один лишь Интеб. Эти сплетни и сведения зимой и летом переносили путешествующие по острову альбии. Они знали о том, что происходило, может быть, подвирали, может быть, говорили истину. Интеб предпочел бы более цивилизованные предметы для разговора, но выбора не было. Найкери он терпеть не мог, а потому не отвечал ей, но слушал.

— Сегодня еще один мальчишка сбежал, — проворчал Эйас.

Никто не обратил внимания на эти слова. Обычное дело.

Однажды вечером после дня, потраченного на рубку дров, Интеб с Эйасом присоединились к Эсону, сидевшему у очага. Зачерпнув чашей похлебку, Эсон подул на нее, прежде чем поднести ко рту. Остальные последовали его примеру. Горячее доброе варево из сушеного мяса, перемешанного с зерном... на поверхности блестели капельки жира. Снаружи выл ветер, под плохо пригнанную дверь нанесло снега. Сумерки

уступили место темноте. Со всех сторон хижину окружал бесконечный черный лес. Только в ней было светло и тепло. И не думая о причинах, при новом сильном порыве ветра все подвинулись ближе к огню.

Снаружи послышался шорох, едва различимый за воем ветра. С уверенностью охотника Эсон поднял голову. Он чуть приподнялся, тут дверь распахнулась и повалилась вбок — одна из кожаных петель не выдержала удара.

В проеме возник бородатый муж в панцире и бронзовом шлеме, готовый к бою. Длинный клинок алчно блестел в его руке.

Глава 4

Сидевшие у очага похватали оружие, к воину в дверях присоединились другие пришельцы с мечами... но все замерли, когда Эсон выкрикнул одно только слово:

— Атрокл!

Открыв от изумления рот, первый воин медленно опустил меч, моргая в свете очага... наконец в глазах его появилось некоторое понимание.

— Эсон, родич мой, но ты же убит! — Он чуть не замахнулся мечом, и Эсон расхохотался.

— Меня труднее убить, чем ты думаешь, Атрокл! Как я попал сюда?.. Это долгий рассказ. Но сперва — как там Микены и отец мой? Садись и рассказывай.

Страхнув снег с белого дорожного плаща, Атрокл подошел к очагу. За ним последовали пятеро воинов, мечи их оставались в ножнах, все здоровались с Эсоном, называвшим по имени каждого. Найкери безмолвно выставила эль и забилась в свой занавешенный уголок, где обычно спала.

— Ты знаешь, что случилось на Фере? — спросил Атрокл. — Говорили, что ты там погиб.

— Как видишь — спасся. Что случилось с островом? Уж не погиб ли он — и Атлас вместе с ним?

— Если бы... тогда нам оставалось бы только радоваться. На острове погибли многие, корабли тонули сотнями, но Атлас со своим двором благополучно добрался до Крита. Восемь дней сотрясалась земля, летел пепел, выбивалось из-под земли пламя. Но сейчас все окончилось. Люди вернулись. Жизнь началась снова, но мы слышали, что земля там до сих пор стонет и жалуется. Атлас в ярости решил, что боги пробудили

вулкан, чтобы его погубить. И теперь он воюет со всей Арголидой. Люди его осадили Лериу и Навклею; быть может, ему нужны рабы и сокровища, чтобы задобрить богов, не знаю. Известно, что он ополчился на нас, и Микенам приходится туго. Узнав о твоей смерти, отец оплакал тебя и сразу состарился. Но началась война, и, забыв о скорби, Перимед повел нас в бой. Крови пролито много — мало кого из друзей тебе удастся увидеть. Только к самому концу года нам удалось найти корабль и людей, чтобы отправиться сюда, на Остров Йерниев. Долго мы шли по океанской дороге, дважды приходилось нам вытаскивать на сушу корабль и чинить его. Четверо умерли в пути. Но мы здесь. А ты... как ты сюда попал?

— Я все тебе расскажу, но сперва ответь на один вопрос. Сколько еще людей у тебя на корабле и сколько среди них халкеев?

— Семнадцать, из них трое — халкеи.

— Копь работает, печи горят, есть олово, но немного, жем древесный уголь. Мы не сидели без дела.

Они проговорили до глубокой ночи. Эль выпили, наконец микенцы завернулись в плащи и уснули на земляном полу. Сорвав одеяло с Найкери, Эсон неожиданно и грубо взял ее, она даже вскрикнула от боли. А он смеялся, как всегда, не считаясь с ней. Интеб не спал и все слышал; он натянул на голову одеяло, чтобы заглушить отвратительные ему звуки.

Эсон встал затемно. Как только забрезжил рассвет, он поднял Атрокла и они вместе вдоль ручья отправились к берегу, к вытасенному на песок большому кораблю. Тут были новые встречи, приветствия и — о чудо из чудес — согретое сладкое вино из Микен.

Корабль выволокли дальше самого высокого прилива, и, забрав нужные припасы, все вернулись к копи, оставив двоих воинов охранять судно.

— Теперь все пойдет по-другому, — говорил Эсон, шедший первым по знакомой тропе. — Возьмем больше мальчиков, будет кому рубить дрова, а халкеи пусть присматривают за плавильными печами. К весне наплавим олова столько, что из корабля можно будет выбросить весь балласт. Мы вернемся в Микены, и Арголида снова объединится. Атласа мы сбросим в море, но теперь уже навсегда.

Микенцы жаловались на стужу, но усердно трудились. Эсон впервые отложил свой топор и распоряжался сооружением хижин. Тем временем халкеи качали головами возле печей и прикидывали, как вернее приступить к делу. Дни были

ясными, но солнце не грело. Интеб и Эсон снова сблизились и все обсуждали обратный путь. Найкери ушла в себя и ни с кем не разговаривала. Это замечал только Интеб, и он усмехался ей в спину. Все шло хорошо.

На восьмой день после появления микенского корабля охрана в устье долины подняла тревогу. В новой начищенной броне, блиставшей ярче зимнего солнца, с новым острым мечом Эсон вышел, чтобы узнать, в чем дело. С вершины вала он увидел троих воинов-йерниев, нерешительно поглядывавших из леса на облаченных в доспехи микенцев. Должно быть, Эсона узнали, потому что йернии двинулись вперед, едва он вышел на вал. Когда воины приблизились, Эсон узнал Ар Апу и двух воинов из его тевты.

— Эсон абу! — выкрикнул Ар Апа, потрясая топором, опасливо поглядывая на вооруженных микенцев в доспехах.

— Это мои друзья, — откликнулся Эсон. — Бояться нечего.

После этих слов три воина поднялись на вал. Их отвели в дом и накормили. Ограничившись минимумом похвалы относительно их похода, Ар Апа пояснил истинные причины своего появления.

— Плохая зима. Много было набегов за скотом. Погибли воины. Сперва пришли люди из Дан Мовег, что к северу от нас, потом из Дан Финмог, они живут еще дальше за нами. Они не враждуют между собой и с Дан Уала, который находится между ними, и пропускают друзей по своим пастбищам к другим тевтам, чтобы красть наших коров и убивать наших воинов.

Пристукнув по утоптанному земляному полу древком топора, Ар Апа почти прокричал последние слова. Воины, бывшие с ним, притопнули ногами и разразились громкими стонами. У йерниев было положено не скрывать эмоции, и Эсон терпеливо дожидался окончания представления. Выразив подобающим образом свои чувства, Ар Апа провел по жестким усам и наконец продолжил:

— Теперь я знаю, почему это делается. Я знаю, кто виноват в этом, кто засел в Дан Уала, раздавая подарки воинам, чтобы те выполняли его желания. Теперь я знаю. — Он быстро глянул на Эсона и отвернулся.

— Темный Человек, — произнес вслух Эсон не дававшееся йернию имя. — Опять раздувает беду? А откуда ты об этом узнал?

Ар Апа уставился в потолок и принялся с огромным интересом разглядывать дыру, через которую выходил дым. Потом

потер шит, сколупнул присохшее пятнышко грязи. Вошел Интеб и, прислушиваясь, остановился у двери.

— Ко мне пришли, — не без нерешительности начал Ар Апа. — Пришел сам Уала с немногими воинами... не за тем, чтобы биться, он хотел говорить. Друид поставил хенджи, которые делают, когда встречаются быки-вожди, мы увешали их сокровищами, а потом говорили. Уала показал мне дары, которые получил от того... его ты назвал. Мы говорили...

Рот Ар Апы оставался открытым, но слова не шли с языка. Однако Эсон понимал его мысли и сам произнес то, чего не в силах был вымолвить Ар Апа.

— Значит, они собираются предпринять новый набег на копь... Сразу многими тевтами, как и тогда. Ты это хочешь сказать? — Ар Апа кивнул и отвернулся. — Ты правильно сделал, что пришел ко мне и не присоединился к ним. Где сейчас Темный Человек?

— В Дан Уала.

Все было просто и ясно. Пусть халкеи занимаются плавкой металла, а у воина свой труд. Темный Человек, возмутитель спокойствия... будь он человек или дух, его следует остановить, иначе йернии не оставят копь в покое. Эсон знал, как делаются такие вещи.

— У меня есть люди, которые пойдут за мной, — объявил Эсон, — непобедимые воины в панцирях. Я поведу их против Дан Уала, чтобы убить Темного Человека. Придут ли воины твоей тевты, чтобы биться рядом с нами?

— Темный Человек... — мысль эта столь встревожила Ар Апу, что запретное имя само собой сорвалось с его уст.

— Уала и его люди не выстоят против нас. Мы убьем их. Будет скот, месть, золото и сокровища.

— Мы пойдем с тобой, — внезапно решившись, проговорил Ар Апа. Он думал лишь о сокровищах Дан Уала, самого большого, самого богатого и самого сильного из всех данов йерниев. При мысли о них рот Ар Апы наполнился слюной, и, сплюнув в костер, он громко расхохотался.

Глава 5

Был имболк, счастливая пора, когда появляются первые знаки того, что зима ослабляет свою хватку. В это время внутри данов под женскими помещениями коровы и овцы доеда-

ют последние ветви, срезанные для них осенью. Появляется первая трава. Рождаются ягнята и телята, жизнь начинается заново, а это ли не праздник? Появляется свежее молоко: перебродит — есть чем праздновать. Эль, сваренный из зерна прошлой осенью, прикончили давным-давно, о блаженном пьянстве можно лишь вспоминать. И теперь снова захмелевшие после долгого перерыва воины грелись на солнце и следили за тем, как женщины выносят обессиленный за зиму скот. После долгой зимней голодовки и неподвижности животные не в силах были ходить, но ничего, зеленая трава быстро вернет им бодрость.

Дан Мовег ничем не отличался от прочих данов йерниев: двери мужских помещений выходили на вал. Здесь около собственного порога было неплохо погреться в добрый денек — а сегодняшний-то и был добрым, — в особенности после перебродившего молока. Воины лежали наверху, посреди распростерся сам бык-вождь Мовег. Он как раз хвастал прошлыми подвигами, походами и убийствами, когда возле дана появились люди в панцирях.

При всей тяжести облекавшего их металла они приближались неслышно. Позади виднелись беловолосые, с кабаньими клыками воины Дан Ар Апа. Зрелище неприятное, если не сказать больше. Все знают, что в имболк не принято совершать набеги.

— Ты — Мовег, — проговорил Эсон, коротко глянув из-под козырька шлема на мужа с отвисшей челюстью, застывшего возле собственной двери.

— Это он, — присоединился к Эсону подошедший сзади Ар Апа.

Чтобы заставить сидящего встать, он пнул его в ребра. Взвыв от боли, Мовег вскочил. Чаша, из которой он пил, опрокинулась. Молоко это было надоено у краденых коров. Прежде чем успела завязаться схватка, Эсон оттолкнул Ар Апу в сторону.

Мовега не пришлось долго уговаривать. Он был верен только себе самому. За прежние набеги он получил хорошие дары от Темного Человека. Но это было в прошлом. А будущее выглядело еще более лучезарным: победоносный набег на Дан Уала, заплывший богатством и жиром, гордящийся величиной и силой, сулил еще больше. Да и не сможет Дан Уала выстоять против воинов сразу двух тевт... Тем более если во главе них выступают эти страшные люди в прочной броне. Он

вспомнил — без всякой радости, — скольких человек погубили трое таких воинов, защитников копи. А теперь их было — раз, два, три... больше, чем пальцев на обеих руках.

Всю ночь они провели в дане и до последней капли выпили все перебродившее молоко. Когда халкеи взялись за дело, Эйаса ничто не привязывало более к копи и он присоединился к отряду, пообещав пользоваться мечом, а не кулаками. Интеб не был воином, но в одолженном ему панцире и египтянин выглядел вполне внушительно. Он даже готов был сражаться, только бы оказаться поближе к Эсону, здесь, пока Найкери далеко. Сидя у огня, они пили умеренно, пока прочие в полной мере отдавались радостям имболка.

— Не сомневаюсь в нашей победе, — произнес Интеб.

— Нам необходимо не просто победить. Нужно захватить Темного Человека и убить его. Если он опять сумеет сбежать, тогда его примет какая-нибудь другая тевта йерниев. Со своими сокровищами он долго еще будет тревожить нас. Я хочу, чтобы он умер после битвы.

— Что ты задумал?

Эсон указательным пальцем очертил кружок в пыли.

— Они говорят, что Дан Уала не отличается от остальных данов. Значит, там есть один или два входа и комнаты воинов, каждая со своей дверью. Мы должны застать их врасплох, подойти со всех сторон, чтобы не сбежала ни одна крыса.

— Как ты хочешь добиться этого? Подойти ночью и напасть с рассветом?

— Нет, с таким числом людей этого не сделать. Нас заметят или услышат... их успеют предупредить. Остается идти быстро. Говорят, что отсюда до Дан Уала день ходьбы. Если мы выйдем с рассветом и будем спешить — успеем раньше всякого гонца.

Интеб поглядел на пьющих мужей.

— Едва ли это им придется по вкусу.

— Ерунда. Взять дан, выиграть битву — только половина дела, мне нужен Темный Человек.

Когда они поднялись, небо еще оставалось черным. Слышались стоны и звучные пинки, которыми пробуждали к жизни самых пьяных. Эсон разрешил быстро перекусить и попить, и с первыми лучами солнца они уже оставили дан. Йернии выражали горькое сожаление относительно состояния усов и прически. Эсон обещал им, что перед битвой даст время, чтобы привести себя в порядок. Он сам задал темп —

сперва они бежали легкой рысью, потом перешли на размашистый шаг. Легкий утренний дождь также огорчил франтоватых йерние, но он стих к полудню, когда воины остановились возле реки, служившей границей земель обеих тевт. Холмы окружали ровное плато, тянувшееся до горизонта, и лишь изредка взгляд встречал редкие деревья. Они добрались до дома одного из отставных воинов тевты Дан Уала, попытавшегося сбежать в дан. Его перехватили и зарубили. Сделали короткий привал, съели все, что нашлось в доме, и отправились дальше. Вдали над равниной поднялась круглая стена дана, над которой завивался дым многочисленных очагов. К досаде Эсона, пришлось сделать еще одну остановку — чтобы йернии могли привести перед битвой в порядок усы и прически. Потом они двинулись дальше.

Воины Дан Уала поджидали их на валу — они успели получить предупреждение. Атакующие йернии остановились, выкрикивая оскорбления стоящим на валу воинам... Гнев мешал Эсону дожидаться исхода ритуальной перебранки. Он выстроил своих микенцев в линию — но так, чтобы никто не мог подвернуться под меч соседу, и повел их вперед. Они спустились в ров и направились вверх по насыпи. Их встретил неожиданный град камней — йернии Уалы запаслись ими. Камни отскакивали от щитов и доспехов, не причиняя вреда. Микенцы поднялись вверх.

Пытавшихся сопротивляться сразу же перебили. Мечи мерно ходили вперед и назад, йернии гибли под ними. Даже шедший чуть позади Интеб умудрился высунуться из-за спины Эсона и погрузить острие меча в живот йерния. Меч вошел в тело легко, воин выронил топор и со страшным стоном упал на землю. Его руки, стиснувшие рану, мгновенно окрасились кровью. Ощувив легкую дурноту, Интеб решил держаться чуть подальше. И его чуть не сбили с ног союзники-йернии, восплававшие воинственным духом при виде подобных подвигов.

Сражающиеся распались на отдельные группы, воины кричали, визжали, получали раны и умирали. Воинов Дан Уала было много — больше, чем в двух союзных тевтах, и они сражались отчаянно, спасая собственную жизнь. И победили бы, не будь здесь микенцев, беспощадно расправлявшихся с врагами. Те бились доблестно, но их убивали, и очень скоро уцелевшие не выдержали и обратились в бегство. Некоторые бросились через свои комнаты в женские помещения, побе-

дители с воем преследовали бегущих. Эсон ткнул мечом в спину одного из них, но легкий укол только ускорил бегство. Через спальные помещения они выбежали на балкон, вокруг с визгом разбегались женщины. Раненый йерний соскочил прямо на землю, Эсон в тяжелой броне мог лишь неторопливо последовать за ним по бревну с зарубками. Очутившись внизу, он бросился следом за раненым, укрывшимся теперь за высоким голубоватым камнем, поднимавшимся подобно колонне из земли. Скривившись от боли в ране, тот отбросил топор и, упав на землю, принялся молить о пощаде. Эсон огляделся — битва почти завершилась. Кое-где еще кружили схватившиеся воины — внутри и снаружи огромного полумесяца высоких камней, располагавшихся внутри дана. Но последние воины Дан Уала поняли, что побеждены, и побросали топоры. Битва закончилась.

— Отведи меня к Темному Человеку, — обратился Эсон к воину, распростершемуся перед ним на земле, ткнув его кончиком окровавленного меча. Поднявшись на ноги, воин поглядел на него круглыми и белыми, словно собственные волосы, глазами и направился ко входу в дан. Эсон держался у него за спиной, пока они продирались сквозь толпу ликующих йерниев. Те отпиливали кинжалами головы поверженных соперников. Со всех сторон доносились стенания женщин Дан Уала. Один из воинов-неудачников, так и не сразивший в бою противника, возмещал неудачу, взгромоздившись на одну из женщин — прямо между ранеными и убитыми. Вокруг стояли детишки, засунув пальцы в рот, и наблюдали.

Здесь была такая же черная дверь, как виденная Эсоном раньше, и тот же странный запах, — и хозяина снова не оказалось в комнате.

— Он должен быть тут! — заорал Эсон и, ударив краем щита в лицо, сбил воина на землю. Тот взвыл и постарался откатиться подальше, торопливо бормоча:

— Он был здесь, я знаю. Вас заметили, нас предупредили, — мы взялись за топоры. Может быть, он тогда и убежал... не бей меня больше — я не знаю, где он.

Гнев начинал отступать, и Эсон обретал понемногу способность думать. Темный Человек не мог уйти далеко: предупредили обитателей Дан Уала не так давно. Его нужно преследовать. Но куда он мог направиться? В следующий дан, к северу отсюда, в Дан Финмог? Где еще Темный Человек может

найти убежище? Его нужно догнать. И Эсон пинком поднял воина на ноги.

— Вставай, води меня в Дан Финмог. Кратчайшим путем.

На открытой равнине негде укрыться, и Эсон побежал, острием меча заставляя раненого йерния бежать перед собой. Они поднялись на небольшой пригорок и увидели, как вдаль ровным шагом от них уходили три темные фигуры. Эсон издал победный вопль... и рванулся вперед, оставив йерния позади. Он бежал, как еще никогда не бегал, забыв об утомлении и о тяжелой броне, — так раззадорил микенца вид беглецов. Один из них — Темный Человек.

Оказавшись ближе, Эсон заметил, что двое из бегущих — женщины, юбки неуклюже хлопали их по ногам, спины отягощали мешки. Одна из них оглянулась и завизжала. Обе остановились на миг и с криками, побросав мешки, пустились бежать в противоположные стороны. Мужчина метнулся за одной, остановился, бросился к оставшимся на земле мешкам... и остался возле них. Он низко поклонился подбежавшему Эсону, потом выпрямился и, сложив ладони перед грудью, проговорил тонким шепелявым голосом:

— Приветствую тебя, о благородный Эсон, сын царя Перимеда, будущий царь Микенский. Приветствую тебя, Эсон.

Он был немолод и жирен, этот человек с оливковой кожей. Черная борода, в которой пробивалась седина, была завитая и напомажена, как и длинные волосы, подстриженные над плечами. На нем была цветастая расшитая шапка без полей, плотно прилежавшая к голове. Темно-синее одеяние, расшитое черной нитью, доходило ему до лодыжек. С подола его свисали кисти, ими же была украшена накидка, брошенная на плечи. С пояса свисал богато украшенный меч с самоцветами на рукояти. Когда человек потянулся к мечу, Эсон поднял свой. Но Темный Человек, вынув оружие из ножен, бросил его на землю перед Эсоном.

— Кто ты? И откуда знаешь меня? — спросил Эсон.

— Кто не знает Эсона, вершителя великих дел? Я — Сетсус, тот, кто поможет тебе.

— Ты — тот Темный Человек, что поднимал йерниев против меня. Пришло время твоей смерти. — Замахнувшись мечом, Эсон шагнул вперед. Сетсус отступил, глаза его расширились от страха, кожа побледнела.

— Нет, Эсон, нет, витязь из Арголиды, выслушай меня сперва. Я многое знаю и многое открою тебе. Вот золото, вот

сокровища — они будут твоими. — Он упал на колени возле ближайшего мешка, раскрыл его трясущимися пальцами и протянул Эсону горсть золота. — Все это будет твоим, я могу быть тебе полезным.

— Откуда ты? И что делаешь здесь со своим золотом?

Сетсус чуть успокоился — смерть на какой-то миг отодвинулась от него. Он поднялся, не выпуская из рук золотых топоров и дисков.

— Я простой торговец, покупаю и продаю и тем зарабатываю себе на хлеб. Я из города Троя, он далек, настолько далек отсюда, что мне страшно думать об этом, тем более что я перестал быть там желанным гостем. Есть вещи, которые не должны беспокоить могучего воина: политика, скажем, или борьба за власть. Теперь здесь будут править другие, йернии не будут видеть в Сетсусе друга: он должен возвратиться домой на край света, чтобы спасти свою шкуру. Я бывал в далеких краях, странствовал по многим рекам, торговал в поселках и городах. И я пришел в эти края, в Дан Уала, где пересекаются торговые пути. С востока и юга приносят сюда янтарь, бронзу и драгоценности. Здесь оканчивается тропа, по которой альбии несут свое красное золото с Зеленого острова. Здесь я и оставался, а мое скромное умение купить и продать помогало мне выжить.

— Ты лжешь, шмат грязного сала из зловонной Трои. Я знаю людей вашего города — языки их подобны змеиным. Правда не знакома вашим устам, ложь каплет с ваших намаленных губ, словно дождь из облаков. Погляди-ка — или ты считаешь меня дураком? — Протянув руку, он вырвал небольшой топорик из рук троянца. — Двусторонний топор Атлантиды. Ты здесь служишь атлантам?

— Я торгую с Атлантидой, конечно: выгода есть выгода...

— Новая ложь. Ты здесь ищешь золото — сам же сказал об этом. А зачем тогда привез золото с собой? — Сетсус на мгновение потерял дар речи, Эсон сухо улыбнулся, понимая, что угодил в точку. — Пока я не пришел — ты был в Дан Дер Дак. Ты не торговал, ты следил за копьём. Зачем тебе понадобилось мое олово? Что ты с ним сделал? — Вместе с воспоминанием о набеге проснулся гнев, и Эсон ткнул мечом в щеку троянца. Вниз поползла струйка крови.

— Ты все время следил за копьём, а когда я ушел, ты велел гераманиям взять мое олово. Разве не так? — Он сильнее нажал на меч, тот рассек щеку троянца и заскрежетал по его зубам.

— Да! Великий Ваал, спаси меня, я скажу правду, истинную правду! Я знаю, я — дурной человек, только не убивай меня, милостивый Эсон. Я продал весть об олове гераманиям, и они пришли за ним, потому что знают ему цену, знают, что из него делают. Да, я брал подарки от Атлантиды, бедный человек не может отказаться от того, что ему предлагают. Атланты не хотят, чтобы в твоей копи добывалось олово на благо Микен. Но разве можно их в этом винить? Это же политика. Да, я ошибся, мне не следовало помогать им. Я все понял, могучий Эсон. Но я теперь буду другим. Я достаточно умен, чтобы склониться перед тобою, Эсон. Я помогу тебе, я очень полезный, я знаю так много.

— Нет, — холодно бросил Эсон, высоко занося меч. — Быстро же ты забыл о моих убитых родичах. Ты науськал на них йерниев. Умри же, троянец.

Завизжав, словно женщина, Сетсус повалился на спину, стараясь прикрыться рукой. Меч ударил прямо по запястью — и кисть, еще не выронившая золото, повисла на ленточке плоти. С ужасом троянец глядел на нее, заливаясь отчаянным воем, но повторный удар меча перерубил ему шею.

Глава 6

К тому времени, когда тело Сетсуса доставили к дану, стало темно. Чтобы труп можно было тащить, к лодыжкам привязали веревки, но и после смерти Темный Человек внушал страх йерниям, так что они все быстрее тащили его по меловой равнине. Труп бросили неподалеку от костра совета, но рядом с ним никто не хотел находиться.

Грабеж шел полным ходом. Никогда прежде столько сокровищ не собиралось в одном дане. Победители уже начинали ссориться из-за золота: иные даже исчезали в ночи с награбленным добром. Эсон положил этому конец. Его панцирные воины-микенцы согнали внутрь дана всех йерниев, победителей и побежденных. Здесь, не слушая недовольных, Эсон приказал собрать добычу. Победители сохраняли отрубленные головы и украшения, которые сняли с убитых. Все прочее складывалось перед Эсоном. Скрестив ноги, он восседал перед костром на черной медвежьей шкуре и попивал эль, заедая холодной жирной бараниной. Утомленный событиями дня, Интеб находился возле него. Зодчий не верил своим гла-

зам, поглядывая на груды янтарных дисков, чаш для питья, золотых оплечий, браслетов, гривен, крученой проволоки, блях, заколок, медных кинжалов, частей бронзовых доспехов, бусин и фигурок.

— Здесь обрабатывают и золото, и медь, — сообщил он Эсону. — Я видел мастерскую в том круглом доме у задней стены, — Интеб показал в разрыв круга высоких столбов из голубого камня. — Там есть кузница, инструменты — все почти как в Египте, правда, без того размаха и изобилия. Они умеют обрабатывать и камень. Видишь — один из стоячих камней еще не обтесан до конца.

Эсон жевал мясо. Хороший день. Темный Человек мертв, вражеское войско разбито. Убит и Уала — его сразил в поединке Ар Апа, теперь повсюду расхаживавший с отрезанной головой и громко хваставший ею перед каждым встречным. Уала был стар, особой доблести, чтобы его победить, не требовалось. В дане не стало быка-вождя, и уцелевшие воины уже начинали ссориться из-за этого места. Пусть препираются. Теперь по праву сам он, Эсон, может назвать себя предводителем йерниев — всех до единого. Они шли за ним — а те, кто был против него, погибли. Он добыл себе мир.

Интеб подошел к ближайшему камню, ярко освещенному огнем костра, и провел рукой по его поверхности. Она была обработана, неровности сглажены: неплохо, если учесть величину камня. Он высоко вздымался над головой египтянина и был надежно укреплен в земле — зодчий пригляделся — ну, по крайней мере, достаточно надежно. Верхний скругленный конец был вымазан красным, впрочем, густая обмазка местами раскрошилась и отскочила за время дождей. Два ряда камней образовывали разомкнутые круги. Годы труда. И камень-то не из местных. Взглядом зодчего Интеб успел подметить на равнине огромные камни. Серовато-белые, совсем иные, чем здесь. Интеб обошел вокруг вздымавшегося в небо монолита и едва не споткнулся о воина, сидевшего спиной к камню.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросил Интеб.

— Мой это камень, мой собственный, — пробормотал воин.

— Подойди-ка сюда, чтобы я мог тебя видеть.

Подволакивая ногу, йерний переполз поближе и сразу же привалился к камню. Это был один из побежденных воинов Уалы. Усы его были разбиты, лицо осунулось. Он получил удар по ноге, кожа почернела от запекшейся крови. Интеб любопытствовал:

— А что это значит — твой камень?

— Мой! — отвечал йерний и с возвратившимся отчасти присутствием духа приступил к обязательной похвальбе: — Я — Фан Фална, тот, кто убивает, тот, кого нельзя убить, тот, кто ел медведя, оленя, вепря и лошадь — и сразил их своею рукой. Это мой камень. Камень воина. Он стал моим, когда я отрезал первую голову врага. И я положил голову на этот камень, повесил на него мои драгоценности и раскрасил его. Женщины трепещут перед ним, они боятся взглянуть на него — он такой же большой, красный и твердый, как у меня, — указав на чресла, он устало вздохнул и опустился на землю. — Я — Фан Фална, — пробормотал он с унынием, вспомнив о поражении.

— А у всех ли воинов есть такой камень?

Йерний не ответил. Интебу пришлось, схватив за волосы, стукнуть его головой о камень.

— Только у лучших из лучших, — воин вздохнул. — Уала был моим родичем, я видел, как он погиб. Скоро похороны, но голова его теперь будет глядеть со стен чужого дана.

Интеб вернулся к Эсону и сел возле него. Тот сидел, уставясь в огонь. После выпитого перебродившего молока глаза его налились кровью.

— Мы пробудем здесь до весны, когда корабль можно будет загрузить оловом, — сказал Эсон. Интеб поднял брови, но промолчал. — Халкеи работают, я там не нужен.

— Конечно, ты нужен здесь, — отвечал Интеб, положив руку на бедро Эсона, на теплую твердую плоть. Найкери далеко, она не придет. — Ты прирожденный воин, подобных тебе еще не знали на этом острове. Ты захватил здесь сокровища вождя. За тобой пойдут три тевты. Со своими йерниями ты сможешь добиться чего угодно, теперь они не будут тебе помехой — напротив, они будут лишь превозносить тебя. Оставайся здесь, удерживай их от бесчинств. Темный Человек мертв. Но эти дикари — просто большие глупые дети и могут многое натворить. Оставайся.

Снаружи, от костра поменьше, послышались стоны и крики, перед огнем замелькали фигуры.

— Что там? — спросил Эсон.

— Это друид Немед. Он взывает к Матери-Земле, — проговорил Ар Апа. — Просит забрать мертвых, которые теперь принадлежат ей. Мертвые отправляются в путь, и Владычица Курганов ведет их в Мой Мелл.

— Приведите сюда друида, — приказал Эсон.

Воины-йернии отступили и повернулись лицами в темноту, словно бы не слышали его. Микенцы дружно расхохотались, и двое из них отправились за стариком. Немед не сопротивлялся, — это было бесполезно, — но с ненавистью глядел на ухватившие его руки. Он был седоволос, длинное белое одеяние оттопыривалось круглым брюшком. Волосы удерживало толстое золотое кольцо — не чета кожаным ремешкам, которые носили на головах другие друиды, — но никто из йерниев не посмел покуситься на такое сокровище. Стоя перед Эсоном, он глядел поверх головы микенца — во тьму.

— Я знаю тебя, — вдруг заговорил Немед. Поблизости все умолкли. — Ты приплыл издалека по морю, муж с длинным бронзовым ножом. Ты убил Темного Человека, это хорошо. И поэтому я не проклинаю тебя за все, что ты сделал здесь...

— Ты никогда не проклянешь меня, — негромким голосом произнес Эсон, опуская руку на рукоять меча. — Ты будешь повиноваться мне... Я ведь не из ваших клыкастых вояк и выпущу тебе кишки при первой же пакости.

Друид молчал, что само по себе говорило о многом.

— Ваш бык-вождь погиб. Это место теперь зовется не Дан Уала, а Дан Мертвеца, — обступившие воины разразились хохотом при грубой шутке. Выражение лица друида не изменилось, он глядел куда-то вдаль.

— Будет новый бык-вождь, — ответил он наконец. — Он будет из рода Уалы... из них мы выберем вождя, таков у нас обычай.

— Таков у вас был обычай. Но так больше не будет. Это я, Эсон Микенский, назначу нового быка-вождя. Я имею право на это. Иди и вой дальше.

Друид разгневался. Выпрямившись, он поджал одну ногу.

— Одна нога! — закричал он, и молчание охватило дан. Сейчас раздастся пророчество, проклятие, предсказание...

— Одна рука! — продолжал он. — Один глаз...

— Ты будешь говорить — но только после меня! — вскочив на ноги, вскричал Эсон и выхватил меч. Оружие остановилось, когда между ним и животом друида нельзя было бы просунуть и древесного листка.

— Хорошенько подумай, прежде чем говорить. Ты не проклянешь меня. Этот меч сегодня губил воинов, он охотно заберет и одного друида. Ты не сможешь остановить его. Не забудь об этом, друид, когда будешь открывать рот.

Наступило продолжительное молчание, друид все стоял на одной ноге. Наконец он вымолвил:

— В этой тевте состоялся конец. А теперь начнется начало. Но и у этого начала будет свой конец.

Улыбнувшись, Эсон опустил меч.

— Правильно сказал, седовласый. В меру — не слишком много. Все кончается — так и должно быть. А теперь иди.

Друид ушел не оглядываясь, а Эсон с холодной улыбкой опустился на шкуры.

— Мужи пьянеют, — проговорил Интеб. — И вливают семя в женщин, куда ни глянь. Ночь будет тревожной, если не принять мер.

— Ты мудр, мой египтянин, ты необходим мне.

— Я рад этому, Эсон, — ответил зодчий.

Ночью было не до сна. Еще не остывшие после победы воины пили, ели и хвастали, прославляли собственные подвиги. Побитые телом и приунывшие духом йернии по одному тянулись в свои комнаты, раненых обихаживали сестры и матери. Эсон сидел с быками-вождями двух победивших тевт, но они были готовы лишь пить, бахвалиться и разговаривать о пустяках, пока все еще не будет совершенно должным образом. Одно дело — поспешный набег на Дан Уала. Теперь настала пора обсудить более важные вещи, но для этого нужно кое-что сделать. Когда стало светать, послали за главным друидом. Немед, в свою очередь, послал за работавшими в лесу дровосеками. Они убрали мусор из дыр, в которые ставился хендж быка-вождя, и к утру опоры уже стояли. Вождь-бык дана всегда восседал на этом месте, здесь лицо его освещали первые лучи солнца нового дня, а на закате всем приходилось щуриться и прикрывать глаза, обращаясь к нему. Раз в дане находились быки-водители еще двух тевт, им тоже полагались хенджи — только поменьше, по бокам от главного хенджа, более почетное место — справа. Для них вырыли ямы, достали из кладовой ошкуренные бревна. Их густо покрывал налипший навоз, но белая краска скроет оставленные им следы.

Интеб ночью спал, пока остальные пили, и теперь бодрствовал вместе с парой мутноглазых микенцев, назначенных в утренний караул. Египтянин с большим интересом следил за возведением хенджей. Все сооружения, которые он видел на Острове Йерниев, были чрезвычайно примитивными — в Египте они сгодились бы разве что для курятника. Взять хотя сами даны — ничего сложного. Деревянный каркас поддерживался прочными бревнами, вертикально врытыми в землю

по кругу. Поперечины опирались на насыпь, расстояние между ними определяло ширину одной комнаты. Не слишком-то прочное сооружение скреплял деревянный пол второго этажа. Стены между опорами делали из плетеных жгутов, место они занимали, но прочности сооружению не добавляли. Так был построен и Дан Уала, только он был побольше других. Как и в прочих данах, бык-вождь обитал на втором этаже над широким входом. Нависающая крыша позволяла укрыться от непогоды и защищала от дождя. Внутри дана располагалось два круглых сооружения. В них обитали мастеровые: кожемяки, кузнецы и плотники.

В отличие от прочих тевт, здесь умели обрабатывать и камень. Конечно, работа была несложная — обтесанные камни устанавливались в выдолбленные в твердом мелу гнезда — но и это было уже существенно. А вот что здесь действительно умели — это обрабатывать дерево. Интеб с интересом следил, как йернии обтесывали столбы для хенджей.

Каменными молотками и клиньями они сперва скалывали одну сторону бревна. Когда поверхность его становилась ровной, ее еще сглаживали бронзовыми долотами. Другие мастеровые тем временем обрабатывали концы стояков. Самую точную часть работы делал один старик с узловатыми ладонями. Быстрыми точными ударами короткого топора он обрабатывал торцы бревен, оставляя на них выступы величиной с кулак. Сделав это, он распорядился, чтобы к нему перекатили бревно, предназначенное для поперечины. Тщательно все промерив, с помощью молотка и обломка бронзового кинжала вместо стамески он вырубил гнездо, отвечавшее выступу.

Под надзором друида Немед поставили опоры первого хенджа. С шумной перебранкой их укрепили, забив куски мела между столбом и краями ямы. Установка поперечин оказалась более сложным делом. Пришлось составить из бревен козлы, с которых и устанавливали обычно перекладину. Бревно закатали на козлы, плотники полезли наверх. По команде Немед они взяли бревно, приподняли повыше и насадили на шипы. Раздались победные крики, а строители принялись горделиво выхаживать возле хенджа, ощущая себя героями.

Пока шло возведение хенджей, начали сходиться воины йернии. Когда в деревянных корытах принесли воду и мел, воины оттолкнули строителей и взялись за пучки травы. Немед указал каждой тевте свой хендж. Воины тут же взялись белить столбы, отбирая друг у друга пучки травы, не забывая при этом намазывать белой смесью усы и волосы на голове.

После полудня началась сходка, и Эсон начал с того, что напомнил всем, кто выиграл битву. С церемонными жестами он подвел Ар Апу к правому хенджу, а потом собственными руками подвесил на поперечину его щит. Аналогичным образом он отвел налево Мовега. И теперь все обратились к центральному хенджу, к пустующей арке, возле которой прежде сидел Уала. Во всеобщем молчании Эсон направился к ней, на ходу извлекая из ножен меч. Потом неторопливо оглядел всех собравшихся: воинов-йерниев, микенцев, друидов, мастеровых из дана. И могучим резким движением вбил меч в опору хенджа. Меч глубоко вонзился в дерево и задрожал.

— Мой, — объявил Эсон и уселся перед хенджем.

Никто не попытался поднять голос, оспорить право Эсона сидеть у хенджа, право говорить за всех воинов тевты. Он победил, и до выборов нового быка-вождя все будет свершаться по его слову.

Быки-вожди начали раскладывать трофеи — воины отвечали громкими воплями одобрения. На поперечинах повисли отрубленные головы, разные украшения. Прежде чем сесть, оба вождя повесили на свои хенджи по топору на волосяной перевязи. Топоры были остры, кинжалы блестели, драгоценности ослепляли.

Сокровище Эсона было самым богатым: с хенджа свисал его собственный панцирь, рядом блестел его щит, лучился острый меч. Золотой поток тек на землю с белой поперечины. Но выше всего — там, где ее видел всякий, — висела голова Темного Человека, взлохмаченные волосы трепал ветер.

Обряды совершались много дней, едва прерываясь на ночь: всегда находился очередной знатный воин, желавший похвастать собственной удачей. Настал и черед йерниев побежденного дана, позор поражения уходил в прошлое, они снова были воинами. Они уже хвастали и собственными подвигами в недавней битве, и прежние их враги не находили в этом ничего странного.

Потом начались споры из-за добычи. Каждая из тевт считала, что билась лучше и вправе рассчитывать на большую долю. Когда воины начали гневаться и слышались оскорбления, Эсон ограничился тем, что указал на двоих микенцев, сидевших возле него в полной броне, напоминая, кто именно принес победу. Добычу делили неторопливо, все споры так или иначе разрешались, право владеть одной особо красивой гривной из витого золота было определено в кровавом поединке. Эсону вспомнились погребальные игры в Микенах:

там подобные споры улаживались в состязании на колесницах: пришедший первым получал собственность убитого воина из рук местного царька. Таким способом его отец объединял Арголиду, заменив бескровными поединками войны между городами, обратив мечи арголидцев против одной лишь Атлантиды.

Здесь можно было бы попытаться заменить скачки состязаниями в беге. Впрочем, Эсон не был уверен в успехе: ни один бык-вождь не имел права так распоряжаться трофеями и не смог бы настоять на своем.

Никто уже не помнил, сколько дней и ночей миновало, когда случилось непредвиденное и нежеланное. Началось с того, что работавшие возле ворот дети и женщины с криками бросились врассыпную. Поднятый ими шум встревожил воинов, сидевших снаружи круга: поворачивая головы, они начали окликать бегущих, спрашивать, что случилось.

Тут смятение добралось и до центра церемониального круга, где Ар Апа как раз требовал возвращения тридцати двух коров, украденных из его дана. Раздосадованный помехой, он заскрежетал зубами и топнул в землю. Хлынувшую наружу толпу остановили воины, расчищавшие дорогу двоим неуверенно продвигавшимся вперед путникам.

Первой шла Найкери в грязной и разодранной ветвями одежде. В руке ее был ремень. За другой конец его держался ковылявший следом за ней мужчина. Он мог держаться только одной рукой, вторая была отсечена — и недавно: на обрубке запеклась кровь, покрывавшая грубую повязку. Он был слеп — пузыри на щеках и лбу свидетельствовали, что глаза его выжгли. Ноги его были босы, от одежды остались жалкие лохмотья; Эсон не сразу узнал его и, вскочив наконец с места, выкрикнул имя:

— Атрокл!

Остановившись, микенец обратил на звук незрячее лицо.

— Атланты пришли, — хриплым голосом проговорил он и качнулся, едва не упав.

Глава 7

Слепому микенца отвели в помещение Эсона над входом в дан, прежде принадлежавшее быку-вождю Уале. Эсон велел Атроклу молчать, пока они не оказались за закрытой дверью,

перед которой он выставил своих воинов. Атрокл лежал недвижно, кожа его побледнела, грудь вздымалась так, словно каждый вздох мог оказаться последним. Найкери попыталась заговорить, но, подняв руку, Эсон остановил ее. Став на колени возле Атрокла, он приподнял его голову, поднес чашу к губам. Атрокл с жадностью отпил, и Эсон опустил его на мягкие шкуры постели.

— Я умираю, родич, — спокойно сказал Атрокл.

— Все мы умрем. Но сперва назови тех, кто сделал это.

— Для этого я и пришел сюда. В этом мире нет места для воина из Микен, лишившегося правой руки и глаз. Когда я скажу тебе все, что знаю, ты покончишь со мной. — Это не был вопрос, и Эсон отвечал с тем же спокойствием:

— Я сделаю, как ты просишь. Что случилось с родичами, оставшимися на копи?

— Убиты или в плену. Добрая была битва. Все случилось через несколько дней после твоего ухода... нас предупредили альбии, лесные жители. Пришли два корабля с воинами, они уже были близко. Я послал гонца, чтобы известить тебя, но было поздно, и его сразили на моих глазах. Мы взяли оружие и выстроились. Враги подошли на копейный бросок, и мы увидели, что их действительно два корабля: на каждого нашего приходилось трое или четверо. Я приказал воинам с доблестью умереть, забрав с собою в могилу побольше атлантов. Все вскричали, что так и будет, гулко ударили мечами в щиты и преградили дорогу врагу. Мы славно бились, даже халкеи, но все погибли — кроме единственного халкея, оставшегося возле печей. Атланты убивали на выбор, по слову; так много их было, что они могли выбирать: убивать нас или щадить. У них было много копий, и этот ливень они обрушили на нас. Потом мы сошлись в круг и стали, прикрывшись щитами: многие из атлантов пали тогда от наших мечей. Они не дали мне умереть: сбили копьями и затолкали щитами. Я упал, меня обхватили. Я сопротивлялся. Но руки мои завели за спину, под локти заложили копье и связали. Так меня отвели к атланту, что сидел поодаль в доспехах, но не вступал в битву. Его звали Темис.

— Но Темис, царевич атлантов и сын Атласа, мертв, — проговорил Эсон, поглядев на ладони. — Я сразил его вот этими руками.

— Нет. Он жив. Он назвал твое имя и сказал, что некогда ты победил его подлым ударом. Когда Темис заговорил об

этом, лицо его побагровело, он стал заговариваться, на губах выступила пена. Он снял шлем и показал мне голову, на ней теперь нет волос, их обрили... а под льняной повязкой была золотая пластина. Он произнес тогда много слов, которых я не знаю. Но Темис жив — в этом я могу тебя заверить.

— А рана на его голове была в этом месте? — спросил Эсон, кончиками пальцев прикоснувшись к голове Атрокла.

— Тут.

— Значит, Темис жив. Но это был смертельный удар.

— Он много кричал об этом — о боли, о том, что не может теперь драться на кулаках и биться, что привлекает при ходьбе ногу, что теперь он — старик и что таким его сделал ты. Еще он говорил о лекарях Атлантиды, которые высверлили поломанную кость и удалили ее, но всех слов я тогда не понял.

— Эх, жаль — сильнее не ударил! Но и такого удара хватило бы, чтобы насмерть уложить всякого обычного человека.

— Не сомневаюсь, только сделанного не вернешь. Едва ли Темису нужно было захваченное им олово, по-моему, он не станет разрабатывать копь. Просто под руку подвернулось. Он явился сюда за тобой...

— Он будет мой, — тихо проговорил Эсон, взяв Атрокла за руку.

— ...и больше ничего ему здесь не нужно. Как сын царя Атласа, он командует обоими кораблями и, чтобы разыскать тебя, провел их через весенние бури. Я был связан, и он мучил меня, — делал все, что мог, чтобы я заговорил. А ведь я тоже благородный, как он сам, и не лгал. Он не поверил мне и стал грозить, что отсечет мне правую руку, если я не скажу правду. Я вновь повторил те же слова, и тогда один из его людей сделал это огромным топором, а потом перетянул рану, чтобы я не истек кровью. Но Темис снова сказал, что я лгу, и я перестал говорить. Тогда он подошел поближе, и, собрав слюну пополам с кровью, я харкнул прямо ему в лицо. Тогда он сделал вот это с моими глазами, а потом велел девушке отвести меня к тебе, чтобы и ты узнал: он пришел сюда ради твоей смерти. Только я надеюсь, что это ты убьешь его.

— Да будет так, — с этой клятвой Эсон нагнулся и поцеловал кровавые пузыри на месте глаз родича.

— Все, что следовало сказать, — сказано, — спустив ноги с ложа, Атрокл, шатаясь, поднялся. — А теперь где твой меч,

добрый Эсон? Ты расскажешь в Микенах, что я умер с честью?

— Никто не умирал столь доблестно.

Достав меч из ножен, Эсон выставил его перед собой и, взяв слепца за руку, положил его ладонь на острие. Тот задрал кверху голову, оскалив зубы, выкрикнул: «За Микены!» — и упал на клинок. Он умер прежде, чем Эсон опустил тело на землю. Выйдя из комнаты, Эсон велел двоим микенцам забрать тело Атрокла и приготовить его к погребению. А потом с края насыпи поглядел через равнину — на кроваво-красный диск солнца посреди сгущающихся облаков. Громко перекликаясь, мимо пролетели два черных ворона и опустились в ров — рыться в отбросах. Знамение — но как его истолковать? Отвернувшись, он заметил, что Найкери дожидается его, прислонясь к стене спиной. Поймав взгляд Эсона, она поднялась и прижала ладонями одежду, чтобы Эсон мог увидеть ее округлившийся живот.

— Атланты воевали только с твоими воинами. Им нужны рабы, они сказали, что поэтому оставляют нам жизнь. Но если бы они знали, что я ношу твоего ребенка, то убили бы и меня.

Эсон направился в сторону и остановился, лишь когда она с воплем бросилась за ним и схватила за руку.

— Я знаю, что тебе этот ребенок не дорог, но мне он нужен, запомни это!

Он замахнулся, чтобы ударить ее, но она выпустила рукав, и кулак его остановился.

— Слушай же, — проговорила она, — слушай же, что я тебе скажу. Пусть я женщина и ничего не значу для тебя, тем более что я не микенка... Но я могу быть полезной тебе. Я рожу тебе сына, он будет таким же великим воином, как ты. Атрокл не все знал об этих атлантах, он не все мог тебе сказать.

— Он умер.

— И живой он не мог этого сделать. С атлантами пришел человек, которого я уже встречала. Он вел их по тропе от берега и всю битву простоял за спиной Темиса. Он уже приходил этим путем, но не с атлантами... с германиями. Он был среди тех, кто похитил олово.

Развернувшись, Эсон ухватил ее за подбородок.

— Знаешь ли ты, что говоришь? — вскричал он.

Найкери улыбнулась в ответ, улыбка ее превратилась в гримасу под пальцами Эсона.

— Конечно, знаю. Мы слышаны о том, что Темис явился сюда, на край света, чтобы убить тебя. Он слишком громко кричал об этом. И гераманий привел его сюда, он знал, где искать тебя, где искать олово.

— Темный Человек. Сетсус! Я убил его слишком быстро. Есть и более долгие способы умереть. Даже мертвый, он все вредит мне. Он забрал не только олово, но и жизни всех тех, кто явился сюда добывать этот металл. Олово отправилось в Атлантиду, а вместе с ним и весть обо мне.

— Я с тобой, — проговорила Найкери, обнимая его за плечи.

— Темис должен умереть. Мы вернем копь, — Эсон и не замечал, что она рядом.

— Я помогу. Альбии будут следить за ними. Скажут тебе, когда атланты ослабеют или разделятся.

— У меня есть микенцы и воины трех тевт.

— У тебя есть я.

— Мы должны напасть на атлантов. Прямо сейчас.

— Я всегда буду с тобой.

Не обращая на Найкери внимания, Эсон оттолкнул ее в сторону и заспешил прочь. Отлетев спиной к плетеной стене дана, Найкери провожала его взглядом. Будет ли конец этому смертоубийству? Или оно закончится, когда на всей земле не останется ни одного мужчины?

Вороны с громкими криками взлетели, и она закрыла глаза, чтобы не видеть птиц.

Глава 8

Летнее солнце припекало; ветер, дувший над равниной, жег, словно раскаленное дыхание плавильной печи. Ночью становилось прохладнее, но ненадолго — лишь в недолгие предутренние часы становилось полегче. А потом свет озарял восток, звезды меркли, и огромное раскаленное солнце, подрагивая в потоках жаркого воздуха, медленно восходило над горизонтом. Дождя не было уже тридцать дней. Трава выгорела до желтизны, ручьи пересохла. Дважды в день скот водили на водопой к узкому ручью, оставшемуся от Эвона. Коровы разбивали берега, месили ил, и наконец река превратилась в грязную лужу, посреди которой узкой полоской текла вода.

Женщины, ходившие за водой для дана, вынуждены были подниматься далеко вверх по течению. Только там вода еще

оставалась чистой. Вот и сейчас они возвращались, изнемогая под весом кувшинов, которые носили на головах. Их недовольные высокие голоса доносились до Интеба, лежавшего в тени на гребне. Внутри дана царило молчание. Животные невозмутимо жевали жвачку, присмирели даже дети. Из-за жары медники не зажигали печей, и потому тоже лежали в тени, пожевывая травинки, переговариваясь низкими голосами.

Один из камнерезов натянул шкуры на деревянную раму и сидел теперь под навесом, ровняя поверхность столпа из голубого камня. Высоко замахиваясь каменным молотом, он отбивал от камня мелкую крошку. Чуть переждав, наносил новый удар. Нечастые мерные удары, да еще ровное гудение мух только и нарушали тишину. Зевнув, Интеб прогнал насекомых с лица. Он уже жалел, что не пошел на копь вместе с Эсоном. Но Эсон решил, что он должен быть здесь, должен хранить дан до его возвращения, и Интеб не стал возражать. Все-таки он не воин, он всегда это признавал. Не то чтобы здесь нужно было что-то делать. Воины ушли далеко, и жизнь в дане текла размеренной чередой. Один день не отличался от другого. Скрипнула дверь. Приподняв голову, Интеб увидел Найкери, выходящую из комнат Эсона над входом — прежде принадлежавших Уале. Найкери жила там, и никто не видел в этом оснований для возмущения. Она подошла ближе; Интеб отвернулся, изображая интерес к стаду, которое как раз гнали внизу. Услышав, что она присела рядом, зодчий закрыл глаза.

— Надо поговорить, — сказала она.

Интеб не ответил.

— Ты ненавидишь меня, я это знаю, но поговорить надо.

Интеб с удивлением обернулся к ней. Невысокая темно-волосая женщина, более чистоплотная, чем йернии, во всяком случае не лишена была известной привлекательности в своей бурой одежде и золотых украшениях. Впрочем, живот ее уже заметно увеличился, а груди налились.

— Зачем мне ненавидеть тебя, альбийка? Ты мне безразлична.

— Но ты любишь Эсона. Я видела, как ты целуешь его и прикасаешься к нему.

— Я люблю его, это не тайна. Но твой язык лишь пачкает все. Не будем об этом говорить.

Как женщина, она знала толк в запретных темах.

— Ты ненавидишь меня, потому что я люблю его так, как ты не можешь любить. Я ношу его сына.

Улыбнувшись, Интеб прихлопнул муху.

— Для дикарки родом с края света неплохо, но твои слова не более интересны, чем если бы кошка заговорила. Слушай себя сама — а к мужчинам не приставай.

Женщины ревнуют мужчин. Так и должно быть, потому что им самим не добиться любви от воина. Родить ребенка, в крови, выкормить его — это вы можете, для этого и предназначены. Такое в порядке вещей.

— Но не в этой земле, чужестранец, — прошипела она. — Быть может, так живут в тех странных краях, откуда ты родом. Для моего народа личность есть личность, мужчина ты или женщина, а женщины моей крови среди альбиев выше прочих. Мои люди умолкают, когда я говорю. Я приказываю — они повинуются. И мы сейчас в этой земле, а не на берегах твоего Нила, о котором ты тут всем рассказываешь... И Эсон тоже здесь, и ему нужна помощь. И вдвоем мы поможем ему больше, чем поодиночке, ненавидя друг друга. Мы могли бы...

— Ничего мы не могли бы. Я говорю тебе это и закрываю глаза. Когда я открою их, тебя не должно быть рядом со мной. Ты — самка: твое дело рожать щенков и выкармливать их молоком. Тебе подобает ходить на четвереньках вместе с коровами, а не говорить с мужчинами, пытаюсь убедить их в том, что ты умеешь говорить.

И он действительно закрыл глаза на последнем слове — впрочем, один только прищурил — на случай, если она ударит его. Интебу уже приходилось иметь дело с женщинами. Найкери недолго посидела с ним рядом, а потом неторопливо поднялась и ушла. Интеб улыбнулся и, наверное, не открывал бы глаз, если бы внизу пастухи вдруг не разразились криками. Они подпрыгивали, пытались вскарабкаться на спины своих подопечных, чтобы лучше видеть, и показывали на горизонт. Со своего более высокого места на валу Интеб легко мог видеть далекое облачко пыли и темные точки, движущиеся по направлению к дану. Люди.

— Форус! — закричал он, постучав в соседнюю дверь. Изнутри донеслось недовольное ворчание. — Надевай панцирь. Сюда идут воины.

Он нащупал свой собственный доспех, торопливо надел его. За тонкой стеной раздавалось тяжелое дыхание и брань микенца. Топор йерния раздробил ему коленную чашечку, и теперь воин мучился от боли. Он да Интеб — вот и все войско до возвращения Эсона.

В панцирях и при оружии они ожидали наверху вала. Чтоб облегчить боль, Форус привалился к стене.

Вдали огоньком сверкнул бронзовый доспех. Интеб почувствовал, как заколотилось сердце. Неужели — атланты? Неужели войско Эсона разбито? И все они погибли? А теперь атланты пришли, чтобы добить оставшихся врагов. Дневная жара рождала в его голове кошмары, заставляла трепетать воздух, скрывая лица идущих. Прикрыв глаза, Форус удовлетворенно буркнул:

— Микенцы, — и опустился на землю, вытянув вперед ногу.

Убедившись в этом, и сам Интеб снял тяжелый доспех и отправился навстречу воинам.

Пришли только одни микенцы — возвратились немногие. Лица осунулись от усталости, из-за жары все шли без шлемов. Первым, как и положено, шагал Эсон, замыкал шествие Эйас, поддерживавший одного из раненых.

— Воины йерниеи пришли? — коротко спросил Эсон, заметив Интеба.

— Вы первые.

Эсон кивнул и, не говоря ни слова, отправился дальше — прямо в собственные комнаты, где Найкери встречала его у двери. Ощувив острый укол ненависти, Интеб повернулся к Эйасу:

— Раненому помогут другие. Пойдем — я напою тебя новым перебродившим молоком.

— Клянусь великим рогатым быком, я не слышал еще речи приятнее, — надтреснутым голосом отозвался кулачный боец.

По покрытому пылью лицу кое-где стекали струйки пота. У входа в комнату Интеба он сбросил панцирь и вылил на голову целый кувшин воды. Потом единым духом выпил чашу перебродившего молока и, рухнув на ложе, устроенное возле стены, принялся потягивать молоко из второй чаши. Интеб опустился с ним рядом.

— Изрядная вышла драка, египтянин, — проговорил Эйас, — но без особой выгоды. Это как если в бою столкнулась пара равных бойцов. Много ударов, никаких ран, нет победителя. Вот будь у нас раза в два больше людей — наша взяла бы. Но на каждое следующее утро йерниеи оставалось меньше, чем вечером ложилось спать у костров. Им же эти срубленные головы нужно принести в свои даны. И сокровища тоже. И так уже воевали слишком долго. Словом, на мечи атлантов

им идти не хотелось. И когда дошло наконец до битвы, с нами осталось по горсточке воинов из каждой тевты. Они бежали, только завидев бронзовые мечи. Так что линию атлантов нам не удалось прорвать. Тогда мы укрылись в лесу. Когда они пошли вперед, мы ударили снова. Отогнали их назад. Никто не выиграл, никто не проиграл. Наконец Эсон это понял, и мы бросились сюда, чтобы успеть до возвращения воинов.

Голова Эйаса поникла, и кулачный боец уснул, не проснувшись даже, когда чаша выпала из его руки, залив ноги липким напитком. Глубоко задумавшись, Интеб глядел на равнину. Таким и нашел его на закате Эсон.

— Эйас мне все сказал, — проговорил Интеб, потягиваясь и разминая затекшие конечности.

— Атлантов было слишком много, и йернии бежали. Копь не нужна им, никто не хочет получить мечом в брюхо. Это не победа.

— Но и не поражение, — возразил Интеб, пытаясь взглянуть на дело с более оптимистической точки зрения, чем угрюмый Эсон.

И тут он вдруг понял, что говорит чистую правду, — гораздо более существенную истину, чем прежде представлялось и ему самому, и Эсону. К кругу совета внутри двойного кольца голубых камней он шел, глубоко задумавшись, не проронив ни звука. Из-за жары огонь развели самый маленький. Они уселись подальше от жара — Эсон, как и подобает, возле своего хенджа.

— Мы чересчур много думаем о копи, только о ней, — проговорил Интеб. — Эта мысль застилает наши глаза туманом, мешает видеть все остальное.

— Нет ничего остального. Микенам необходимо олово. Его добывают в этой копи.

— Так говорил твой отец, и он не ошибался. Но есть и еще кое-что. Микены не падут без этого олова, во всяком случае не сразу. Ты получишь олово, но сперва нужно сделать иное — нужно преобразиться.

— Ты сегодня говоришь загадками, египтянин, а голова моя и так одурела от этой жары.

— Подумай тогда, и сердце твое забьется чаще. Перед тобой земли йерниев, богатая страна: люди, овцы, коровы; зерно, чтобы варить эль; борти, чтобы собирать мед для пьянящего напитка; сладкое молоко, вкусный сыр; поселки, у которых для торговли собираются пришедшие издалека люди. Нет

в этих краях племени воинственнее йерниев, и они будут властвовать надо всеми прочими, только одна тевта будет сильнее остальных. Дан этой тевты самый большой и богатый, возле него скрещиваются торговые пути. А ты, Эсон, — царь в этой стране.

— Говори дальше, египтянин, — потребовал Эсон, когда Интеб остановился. В голосе вождя слышался интерес.

— Сказать еще можно много. Ты можешь стать вождем-быком в этом дане, и никто не посмеет прекословить тебе. А став быком-вождем, ты можешь сделать здесь то, что твой отец делает в Арголиде.

— Объединить все тевты в одну?

— Это можно сделать. Ты способен на это. Чтобы не было быков-вождей, а был царь. Такой властелин может отбить копь у атлантов. В такой богатой стране есть кем править, и, став царем, ты сможешь помочь Перимеду. У него будет не только копь, но и союзник.

— Какая в нем польза? На таком расстоянии...

— Это расстояние не помешало Сетсусу навредить Микенам. А ты отсюда сможешь помочь своему городу. Герамании не пылают любовью к Атлантиде, в них нет вражды к Микенам: как и все люди, они любят лишь себя самих. Возможно, они смогут доставлять олово в Микены... Или же проведут тебя к оловянным копьям атлантов. Они могли бы сделать многое — под рукой царя. Только бери.

— И я возьму! — вскричал Эсон и расхохотался. Микенцы, сидевшие возле костра, заулыбались, видя своего вождя в таком расположении духа.

Появившийся из темноты первый воин-йерний с удивлением поглядел на Эсона.

— Ты должен объединить племена, — увлеченный видением, заторопился Интеб. — Пусть у них будет одно племя, одна тевта — народ. Пусть они соорудят город, возведут стены из камня, как высекали из скалы свои города микенцы.

Эсон улыбнулся при этой мысли.

— Интеб, мы далеко от дома, здесь не Микены, не Фера, в этой земле нет Фив. Грубый город из дерева — вот и все, что есть у нас.

— Его можно сломать — здесь умеют работать с камнем.

— Насколько же? Скажи мне, если мы используем каждый камень из этих двух кругов, можно ли возвести стену города или хотя бы заложить основу его?

— Конечно, ты прав, — расхохотался Интеб. — Но на этой равнине я вижу Микены. Не совсем Микены, конечно, — просто высокое каменное кольцо. Пусть у каждого быка-вождя будет свой камень. А вокруг них мы можем возвести круг каменных столпов. Пусть будет круг внутри круга — как каналы на Фере, и у каждого великого воина будет свой камень. Пусть здесь встанут камни всех быков-вождей, и они будут собираться возле них, а ты станешь править над ними.

— Мне потребуется свой камень.

— Ты получишь его, могучий царь. Самый высокий, самый большой, какого еще не видели эти люди. Отовсюду будут сходиться — чтобы только поглядеть на него. Я установлю его сам, как лишь одни египтяне умеют делать. И когда ты будешь сидеть у костра совета, все будут удивляться, глядя на твой столп.

Интеб взволнованно обернулся и указал между опорами хенджа на ровную землю за спиной Эсона. И вдруг замер, открыв рот. На лице его изобразился истинный восторг. Отдав-шись ему, египтянин хлопнул в ладоши и, обхватив Эсона за плечи, заставил повернуться.

— Погляди сюда, — вскричал он. — Видишь эту дурацкую арку из деревянных столбов, которую так ценят эти люди: белят, украшают, — жалкий хендж ничтожного похитителя коров. Это же ничто. Но представь себе, что он вырос, стал выше, прочнее, потянулся к небу. В рост человека... в два, три, может быть, даже четыре человеческих роста. Не обхватишь, не дотянешься до верху, не сдвинешь с места. От такого хенджа у них подбородки отвалятся до пупа, а глаза вылезут на лоб.

Руками он очертил контур в небе, так что Эсон едва не увидел его.

— И не из дерева, — проговорил Интеб. — Из камня, прочного доброго камня. Каменный хендж, что будет крепче всех прочих. Тут будет и твое царство, и твой город, Эсон. Прямо здесь. И я построю его!

КНИГА IV

Глава 1

1477 г. до Р.Х.

Не в силах справиться с возбуждением, Интеб разбудил Эсона с рассветом. Египтянин долго тряс его за плечи, пока не заставил оставить глубины сна. Оставшаяся в постели Найкери с осуждением поглядела на них, но ничего не сказала. Было еще прохладно, и на востоке над равниной горела утренняя звезда. Интеб отвел Эсона недалеко — к месту, где в изобилии лежали огромные камни. Поспешив к ближайшему, зодчий оглядел его со всех сторон, в одном месте даже принялся рыть по-собачьи, чтобы изучить уходящую под землю часть камня. Эсон улыбнулся и, зевая во весь рот, уселся на камне.

— Что ты видишь? — спросил Интеб.

— Камень.

— Правильно — и ничего больше, но это потому, что ты воин. Но как ты видишь в человеке, умеет ли он обращаться с мечом, видишь его силу и выносливость, так и я вижу то, что скрывается под поверхностью камня. Помнишь стены Микен и ворота со львами... Ты не забыл их?

— Никогда не забуду. И я знаю, кто их построил.

— Я построил их, и в словах моих ты услышишь сейчас истинную правду. Посмотри, как лежат эти камни, — их словно разбросали специально для нас.

— Это великая тайна...

— Вовсе нет, в Египте мы знаем это. Твердый камень всегда лежит внизу — его только сверху прикрывает земля. Дождь и ветер потрудились для нас, открыли камень, над которым можно работать. Посмотри на форму, на прямые края, на эти тонкие линии...

— Они ничего не значат.

— Ошибаешься. Этот камень похож на дерево и в умелых руках будет колотиться так же, как оно. Отсюда мы возьмем два длинных столпа, обтешем их и доставим в дан, где я вкопаю

их за камнем говорения. Потом придется потрудиться над третьим камнем — пусть ляжет на них поперечиной. И тогда все будут дивиться делу наших рук.

— А как же ты сделаешь это? — Эсон с недоумением глядел на громадный каменный блок — явно непомерно тяжелый.

— Умением, Эсон, тем самым умением и мастерством, с помощью которого возведены были стены Микен. Начнем прямо сегодня.

Эсон дремал, улегшись на еще прохладную после ночи скалу. Тем временем Интеб бродил между огромных белых камней, только что не обнюхивая их, словно пес. Наконец он подозвал Эсона к длинному камню, выступавшему из земли на половину человеческого роста.

— Этот подойдет, — египтянин хлопнул ладонью по глыбе. Эсон с сомнением глядел на него.

— Интеб, ты искусный зодчий, я знаю это, но что можно сделать с такой скалой — она же величиной с целый корабль, больше самого большого камня в стенах Микен?

Интеб лишь улыбнулся в ответ, и они залезли на камень, простиравшийся перед ними. Он не только величиной, но и формой напоминал корабль. Широкая в середине скала сужалась к концам. Интеб вымерял камень шагами: в самом широком месте было четыре шага, длиной он был в десять шагов.

— В рост пятерых мужей, — с гордостью проговорил Интеб. — Видишь — сверху он ровный, почти ничего не придется стесывать. Будем надеяться, что и снизу камень окажется таким же. Подрубим торцы, стешем выступ посередине.

— А жизни нашей на это хватит? — с сомнением поинтересовался Эсон. — Ты полагаешь, что камень можно обработать прямо здесь, без инструментов и устройств, которыми ты пользовался в Микенах?

— Я сделаю все это, Эсон, если хочешь, прямо сегодня.

Эсон с недоверием посмотрел на зодчего, склонив голову набок: он пытался разглядеть в нем лукавство или шутку. Обмана не было. Убедившись в этом, Эсон взревел с одобрением. Он обнял Интеба, положив ему руки на плечи.

— Если ты сумеешь это сделать, то я, конечно же, осилю более легкое дело: я захвачу эту землю и буду править над нею как царь. Йернии еще не знают этого, но сегодня началось их будущее.

— Мне потребуется много помощников, сильных мужей, и каменотес из дана.

— Бери всех, кого нужно. Ты — моя правая рука. Твои приказы — все равно что мои приказы.

Они вернулись в дан за едой и питьем и принялись строить планы на будущее. Прислуживающая им Найкери прислушивалась, но молчала, не понимая, о чем речь. Когда они все продумали, Эсон облачился в новый полированный доспех и отправился за людьми. Интеб палочкой чертил на земле схемы, потом разыскал каменотеса.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Старик оглянулся по сторонам, чтобы убедиться в том, что обращаются именно к нему, и опустил глаза. Интеб повторил обращение в более резкой форме, и йерний, стиснув расплющенные кулаки, нерешительно выговорил:

— Дарсан.

— Кто еще в дане, кроме тебя, умеет тесать камень?

Дарсан оглянулся, но возможности избавиться от смуглого иноземца, говорившего так, что его только едва можно было понять, не представилось. Пришлось отвечать. Он свел руки вместе и пробормотал, что в этой работе ему помогают еще двое. Интеб послал за ними. Ожидая, он водил рукой по голубому камню, который обрабатывал Дарсан.

— Откуда этот камень? — спросил египтянин. — На всхолмьях я такого не видел.

— Это далеко.

— Знаю, иначе не стал бы и спрашивать. Постарайся же объяснить мне, откуда вы их берете.

После словесных понуканий ему удалось вытянуть из Дарсана, что камни доставляют с далекой горы, где они дожидаются воина, способного на такое дело. Все было похоже на правду: простодушный старик не мог придумать столь замысловатую ложь. Воин брал с собой людей, вместе они спускали камень с горы к морю, грузили его на бревенчатый плот. Выгрести из бухты и проплыть вдоль берега было делом нелегким — океан здесь частенько бывал неласков в любое время года. Путешествие по морю заканчивалось в устье реки. Камень поднимали вверх по течению, потом по суше перетаскивали к другой реке, Эвону, протекавшему возле дана. Огромный труд. Интеб подивился усилиям, которые способны потратить эти люди ради почестей.

— Но почему камень берут именно с этой горы? — поин-

тересовался Интеб. — Наверняка хороший камень можно отыскать и поближе.

— Таков обычай. И они так делали, когда мы их прогнали отсюда во времена моего отца.

— Кто они?

— Донбакшо. Они пасли скот, но не умели драться. А теперь их скот у нас, и они отдают нам зерно. Раньше здесь торговали донбакшо, теперь мы торгуем. При них кто-то всегда обитал на той горе, откуда мы берем камни, — они следили, не плывут ли альбии с Домнанна, ведь с ее вершины виден весь пролив. А теперь альбии приносят сюда свою медь и золото и торгуют с нами, и нам не нужна стража наверху горы. — Воздавая дань воинскому искусству йерниев, Дарсан пренебрежительно фыркнул. А потом показал на большой камень, почти полностью погрузившийся в землю.

— Видишь, вот наш камень говорения. А знаешь, как он попал сюда? Это сделал мой отец. У донбакшо этот камень был самым высоким из стоячих камней, это был столп вождя, и всякий хотел прикоснуться к нему. Мой отец вырыл яму и опрокинул в нее камень. И теперь мы стоим на нем, попираем донбакшо.

Скоро появились помощники Дарсана, по лестницам и шестам с зарубками сверху, с балконов, спустились воины-йернии.

И дан вдруг сделался похож на растревоженный муравейник. Воины расхаживали, перекликались, поглаживали боевые топоры, прикасались к усам. Женщины держались поодаль, но им тоже хотелось знать о причинах поднявшейся суматохи. Все знали только, что микенцы обошли дан по валу и, стуча мечами в каждую дверь, выкликали воинов на совет. Собрались все. Те, у кого был собственный столп, привалились к прохладному камню или устроились в тени. Потом появился Эсон во главе отряда микенцев. Йернии, как всегда, восхищенно провожали взглядами мужей, с ног до головы закованных в бронзу, в сверкающую, ослепительную бронзу... мужей, что шли с бронзовыми мечами и медными щитами на боку. Возле камня говорения они разошлись кружком вдоль кольца голубых камней, стали позади Эсона. Он поднял меч, и шум сразу же стих.

— Я стою на камне говорения, чтобы сказать вам: сегодня вы увидите такое, чего вам еще не приходилось видеть. Сегодня вы увидите чудо, о котором будете рассказывать вашим

детям. А они расскажут об этом детям ваших детей, и не будет конца рассказу. Сегодня вы увидите, как сделается такое, что не может быть сделано. А когда это свершится, вы услышите такое, что никогда не думали слышать.

Голос Эсона потонул в общем гуле, толпа возбужденно зашевелилась. Никто не мог знать, что крылось за его словами, но все понимали, что вот-вот произойдет нечто необыкновенное. Слова Эсона не расходились с делом, все успели уже убедиться в этом. Он вновь обратился к собравшимся, и все умолкли.

— Следуйте за мной, — и отправился прочь от камня к выходу из дана, сопровождаемый микенцами.

Идти пришлось недалеко — к развалу камней. Там Эсон взобрался на выбранный Интебом плоский монолит. Египтянин встал рядом с ним, потом наклонился и взял из рук Дарсана тяжелый булыжник. Когда Эсон заговорил, все умолкли.

— А теперь внеслите Интебу. Он обещал сделать великое для меня.

Интеб тронул ногой округлый зеленоватый камень и указал на него. Воины вытягивали шеи, чтобы видеть.

— Это молот, — объявил он, и все устремились поближе, чтобы разглядеть камень во всех подробностях — как будто не встречали такие в дане на каждом шагу. — Этот камень твердый. Он тверже всех остальных. Такими камнями Дарсан и его помощники обтесывают столпы воинов. Они это делают так.

Нагнувшись, зодчий двумя руками поднял камень — должно быть, в треть собственного веса, — и, приподняв до уровня пояса, уронил вниз. Со знакомым глухим стуком валун ударил в поверхность белого камня. Интеб откатил его в сторону и пальцем смахнул щепотку белой пыли.

— Так действует молот. Ударил раз — отколол от камня несколько зерен. Много раз ударил — поверхность камня сделалась ровной или ты сделал в ней желобок или вмятину. Много дней уходит на то, чтобы обтесать даже небольшой камень. Но ничего другого не остается. Но теперь будет не так. Сегодня вы увидите кое-что новое.

Он медленно прошел вдоль большого камня, вернулся назад. Собравшиеся не сводили с него глаз. Интеб указал на огромную скалу и сказал то, чему трудно было поверить:

— Сегодня мы разобьем пополам этот камень — я и воины. Потом мы доставим его в дан, и он станет камнем Эсона. Мы обтешем его, передвинем и поднимем. Такого камня еще

не ставил никто из воинов. Потом будет кое-что еще, но я говорю вам пока только об этом камне.

Кто-то расхохотался, и Эсон рванулся вперед, отодвинув Интеба в сторону. Он ткнул мечом в сторону толпы, так что ближайшие попятились.

— Слова Интеба — мои слова, — в голосе его слышалась смертоносная ярость. — Кто смеется над ним — смеется надо мной. А я отрублю голову всякому, кто посмеет хотя бы улыбнуться. Все слышали?

Оказалось, что расслышали все: женщины прятали лица, иные из детей пустились наутек. Мужчины остались — они же воины, — но лица их были столь же бесстрастны, как поверхность камня перед ними.

— Лишь самые могучие из воинов способны помочь мне извять камень Эсону, — проговорил Интеб, нарушив молчание. — Молот будет у каждого воина, и чем тяжелее он будет — тем сильнее воин, тем больше ему будет чести потом. Вот молоты, Дарсан найдет еще.

Теперь были задеты гордость и честь. Заткнув топоры за пояса, воины с криками, расталкивая друг друга, бросились искать камни побольше. По большей части они выбирали неподходящие камни — можно было воспользоваться лишь зелеными валунами — и с бранью бросали их, когда Интеб указывал на ошибку, чтобы тут же отправиться на поиски нужного камня. По одному, вспотевшие и недовольные, они возвращались назад с молотами. Когда молоты оказались человеком у двадцати, Интеб остановил их.

— Для остальных нет места. Честь достанется этим воинам, которые сделают небывалое.

Сперва они столпились вокруг камня, потом полезли наверх, на ходу хвастая перед оставшимися без дела. Все взяли с собой молоты. С помощью микенцев Интеб разместил воинов в линию вдоль всего камня. Стоя плечом к плечу, они напряженно слушали объяснения Интеба. Дело не было сложным, но они не привыкли работать вместе и вообще никогда ничего не делали одновременно. Трудно было даже уразуметь, как возможно такое. Он заставил их повторять движения снова и снова, много раз, пока им не удалось все сделать правильно. Наверх передали небольшие камни — в кулак человека, — и они приступили к учебе. Интеб провел углем две черные линии в шаге друг от друга и возобновлял их, когда воины затирали черный след своими ногами. Некоторые ворчали под

нос, жалуясь на жару и дурацкое дело, но никто не подумал улыбнуться. Интеб охрипшим голосом все повторял свои наставления:

— Так, в линию, все в линию, ноги на черте. Не перед ней, не за ней — на черте. Хорошо. Подняли молоты над головой, держите, держите, пока я не скажу. Потом вместе — бросайте!

Камни упали вразнобой возле черты, покатались в сторону, некоторые свалились вниз. Микенцы отогнали толпу, но мальчишки подобрали упавшие камни — уж они-то наслаждались представлением — и подали наверх.

— Нет, поднимать не надо, — приказал Интеб. — Сбросьте вниз и остальные. Теперь берем молоты.

Послышались оживленные крики — воины, перекликаясь, сбросили вниз голыши и подобрали молоты. Картина была впечатляющей: рослые, мокрые от пота воины плечом к плечу стояли от края до края глыбы. За ними находился Интеб. Толпа стихла.

— Подымай! — приказал Интеб, и йернии пригнулись, поднимая над головой зеленые камни.

— Держи, держи! — завопил зодчий; кое-кто замешкался, а один вовсе выронил камень прямо на ногу и ругался. Наконец все валуны оказались над головами.

— Бросай!

Тяжелые глыбы рухнули с громовым рокотом, воины отпрыгнули назад.

Ничего не случилось. Интеб хриплым голосом распоряжался, покрывая недовольный ропот.

— Плохо, не все разом, не на линию. Делайте правильно, тупоумные твари, или ничего не выйдет. Вместе взяли... вместе подняли... Бросай!

И снова ничего. Среди воинов и в толпе слышались недовольные возгласы. Микенцы подняли мечи и щиты. Вспрыгнув к Интебу на камень, Эсон принялся расхаживать за спиной воинов.

— Значит, у вас хватает силенки, только чтобы убивать псов! — завопил он. — Здесь дело потруднее, чем махать топорами. Делайте правильно, иначе я перебью всех до единого. Вы сделаете как нужно!

Силой своей воли он вынудил воинов оставаться на камне. Громко протестуя, они поднимали и роняли молоты, но безрезультатно. Плоскостью меча Эсон подбадривал тех, кто

не прочь был убежать. Он ругался сразу на трех языках. Наконец все снова подняли молоты.

— Над головой, выше, пожиратели коровьих лепешек! — вопил он. — Выше, выше, держите... все держите, делайте, что я говорю, делайте правильно, чтобы на этот раз они упали вместе и точно на черте...

С гневными криками воины-йернии выронили камни, скала под ногами дрогнула.

С оглушительным треском глыба развалилась надвое, засыпая бросившуюся врассыпную толпу обломками камня.

Ошеломленные воины глядели на дело своих рук. Громадный камень расселся по всей длине — там, где Интеб начертил линию.

Глава 2

Случаются такие события, в которые нельзя поверить, даже если ты видел своими глазами, как все произошло. Так и воины не могли уразуметь, что именно их увесистые молоты и раскололи огромный камень. Им легче было поверить, что с неба ударила молния: кто не видел расщепленные деревья и убитых животных... силу громового удара знали все. Как и свою собственную, несравнимую с могуществом стихии. А потому не могли поверить в то, что сами все и совершили. Попрыгав вниз, воины, растолкав толпу, принялись с открытыми ртами рассматривать белую поверхность скола, подбирали осколки с земли. Их крутили перед глазами, разглядывали, постукивали, лизали, словно бы вкус мог поведать то, что скрывалось от глаз. Но это были только обломки камня, простые камешки — и они не ломались. Некоторые пытались разбить их молотами, однако дело закончилось несколькими разбитыми пальцами на руках и ногах. Камень — подчинившийся им, расколовшийся, остался камнем: прочным, несокрушимым и крепким.

— Слушайте меня, — воззвал Эсон, поднявшись на глыбу. — Этот день вы должны запомнить, сделанное сегодня да останется в памяти. Великий камень Эсона сделали мы сегодня. Пусть будет высоким пламя в костре совета, пусть жарятся коровы и овцы. Будем пить эль, и все воины будут сидеть рядом со мной.

Послышались громкие возгласы одобрения. Когда крики утихли, Эсон продолжал:

— Сегодня вечером перед этими воинами пусть нарекут меня вождем-быком этого дана, что станет зваться теперь Дан Эсон.

Раздались громкие вопли. Недовольны были только те, кто принадлежал к семье погибшего Уалы, из которой прежде полагалось выбирать вождя-быка. Никто, однако, не посмел протестовать. Тевту, которой предводителствует воин, подобный Эсону, ждут одни только почести и победы. Он был среди них самым сильным — грозный воин, по слову которого расседаются камни. За таким вождем-быком пойдет каждый.

— Можно бы обить и вторую сторону, — позабыв о политических тонкостях, проговорил Интеб, заново ощутивший привычную власть над камнем.

— Не стоит, — заверил его Эсон. — Довольно чудес на сегодня. Пусть женщины приготовят пир, а друиды сделают свое дело. Для трудов отведем завтрашний день.

Пока воинов не было, донбакшо продолжали сносить в дан зерно в качестве дани. Женщины готовили напиток в приземистых широких горшках. В такой жаре эль быстро настаивался и зрел. Изрядное количество этого напитка уже охлаждалось в тенистых уголках. К месту убоя подволокли упитанную корову: почуяв кровь, она мычала, в страхе выкатывала глаза. Первый мясник — уродливый общинник, косоглазый и мускулистый, направился к животному в своем пропитанном кровью кожаном фартуке, с тяжелым топором на плече. Он подождал, пока двое мужчин пригнули пониже рога, и опытной рукой обрушил меткий удар — прямо в лоб. Животное рухнуло на землю, оно погибло мгновенно. Старухи немедленно перерезали глотку корове острыми кремневыми ножами, под вытекавшую струю крови подставили глиняные горшки. Подтаскивали других животных, приготовления к пиру шли полным ходом. И задолго до темноты воины расселись возле костра. Начался пир.

Обряд возведения в вожди-быки совершал друид Немед. Если он еще и испытывал неприязнь к Эсону, то помалкивал. Друид облачился в свое лучшее платье: на нем был высокий колпак, слегка сужавшийся кверху. Настоящее чудо — выкованный из золота, длиной в локоть, он был покрыт узорами из кругов и линий. Сложив руки, друид стоял между костром и Эсоном, выжидая, пока притихнет толпа. И когда все умолкло, он начал нараспев высоким бесстрастным голосом, в ко-

тором постепенно начала проступать увлеченность. Издавна памятные строчки повторялись и сочетались по-новому, что лишь усиливало одобрение воинов. Заслышав знакомые слова, все принимались кивать.

Гром грохочет, ветер бушует,
Ломается камень.
Скала расседается, земля разделяется,
Уши гложут.

Я слышал звуки битвы.
Щиты, ударяясь, грохочут,
Бьют барабаны, трещат топоры,
Проламываются черепа.

Какая битва была,
Грозные крики героев.
Вопли гнева сошедшихся в битве.
Суровые дикие мужи, быки-вожди.

Там был Эсон,
В середине там был Эсон, быстрый орел.
Пес кровавый, ищущий крови,
Муж с длинным ножом, бык ревущий.

И они встретились,
И ударил Эсон.
Скосил голову Уалы,
Рассек его до пупа
И перерубил потом на три части.

Немед перевел дыхание в общем молчании и закончил уже не останавливаясь, без единой паузы.

Алый от крови, серый от мозгов,
Отрубил он:
челюсть от головы,
голову от тела,
руки от тела,
ладони от рук,
пальцы от ладоней,
ногти от пальцев рук,
ноги от тела,
голени от ног,
ступни от голеней,
пальцы от ног,
ногти от пальцев ног.
И разбросал во все стороны.
Словно пчел разбросал их,
Жужжащих на солнцепоке.

Послышались громкие вопли одобрения, началось жужжание, наконец Немед перевел дух и повторил отрывок о пчелах. Речитатив оказался длинным, он был интереснее воинам-йерниям, чем Эсону. Любимые отрывки друид повторял.

Что толку в этой лжи — не было такого и быть не может, — и к тому же все это знают. Так шло долго. Немед умело создавал напряженность и наконец, повернувшись, показал на Эсона.

— Ты хочешь спросить? — прокричал друид.

— Я хочу спросить, — Эсон поднялся перед своим хенджем. — Для чего предназначен этот день? Чем он отличается от других?

На этих словах пара друидов подволокла к Немеду слабо сопротивляющегося человека. Пленник ли, провинившийся... и за что? Эсон не знал, это его и не волновало. Мужчину развернули спиной к Немеду, подали острый бронзовый кинжал. Друид коротко кивнул, жрецы отступили, и, прежде чем человек мог сделать хоть шаг, Немед погрузил кинжал в его спину. Вверх, под ребра — прямо в сердце. Тот упал, содрагаясь всем телом, и, корчась на земле, попробовал дотянуться до кинжала. Снова вздрогнул и испустил дух.

И пока пленник корчился на земле в муках агонии, Немед стоял над ним с напряженным лицом, читал знамения в движениях тела и в том, как именно он наконец разбросал руки и ноги. Движения человека, уже наполовину прошедшего ворота смерти, говорят намного больше, чем облака или полет птиц. Увиденное, должно быть, удовлетворило друида — он выпрямился и указал на Эсона. А потом начал задавать ритуальные вопросы, которые сделают Эсона вождем-быком. Свершилось.

— Египтянин, ты встаешь с первым светом, — окликнул Интеба Эйас со своего ложа.

Над равниной висел туман. Просыпались начинавшие свой разговор птицы.

— С первыми лучами зари в камне можно увидеть то, что он скрывает в себе.

— Знаю. Дело в тенях.

Интеб остановился и вопросительно поглядел вверх.

— Для кулачного бойца ты хорошо знаешь дело каменотеса.

— Став рабом, я познакомился со многим, для чего нужна крепкая спина, но не голова. Кулачный бой избавил меня от труда. Я успел побывать не только на галерах, но и в каменоломнях Черного Холма¹.

¹ Черный Холм: современное турецкое название этой местности — Каратепе.

— Песчаники Кищуватны, — пренебрежительно фыркнул Интеб. — Их зубами откусить можно. Пойдем, я покажу тебе, что такое настоящий камень.

Утреннее солнце разогнало туман, бросило свои лучи на камень. Интеб переходил от одного конца глыбы к другому, бормотал под нос, делал пометки угольком. Эйас наблюдал, чесался, позевывал — этой ночью он не спал.

— Этот край дастся нам легче, — пробормотал Интеб, — здесь камень тоньше, и он чисто обломится.

Йернии узнали, что их труд окажется не напрасен, возможно, теперь удастся заставить их поработать вместе.

— Кнут, вырезанный из шкуры водяного коня, способен справиться с любым прекословием.

— Эйас, они не рабы и не крестьяне. На этом острове таких нет. Если я попробую кнут на йерниях — живо получу удар топором. Вот когда придет время окончательной отделки, придется поискать работников, быть может, донбакшо, которые пасут стада. Дело простое, нужны только крепкие руки и терпение — чтобы работать от восхода и до заката.

Мальчишки, выгонявшие скот на пастбище, заметили у камня Интеба. Весть разлетелась быстро. Все воины, которые держались после вчерашнего на ногах, поспешили из дана. Впереди были те, кому вчера не удалось поработать молотом. С хохотом они полезли наверх, улыбаясь в ответ на ругань Интеба; своими ступнями они стерли все его отметины. Воины ощупывали каменные молоты, как знатоки обсуждали их достоинства. На каждый молот нашелся воин, скоро собралась толпа. Эйас отправился за Эсоном, чтобы тот увидел самый главный момент.

— Для каждой стороны монолита достаточно одного скола, — пояснил Эсону Интеб. — Я хочу не только сберечь силы и время, следует проявить мастерство, которым владеет не каждый. — В этих словах не было хвастовства, и Эсон согласно кивнул. — Камень будет шире у основания, уже вверху, так, как сделано в храме Ни-весер-ре у Нила или во дворе Саху-ре. Подобная форма вызывает восторг, я предпочитаю ее прямолинейным стенам и колоннам храма царя Хефрена. Ты достоин лучшего — я не стал бы копировать те стелы, даже если бы имел возможность так же обработать камень. Твой обелиск должен получиться живым, теплым; его неотполированная поверхность должна вырастать из земли... Итак, начнем.

На этот раз воины были внимательны, они вслушивались,

стараясь все понять и запомнить. Теперь они знали, что небывалое возможно. Толпа наблюдателей отодвинулась подальше, чтобы лучше видеть, некоторые забрались на скалы. Эйас помог Интебу точно расставить людей и руководить их движениями. На упражнение с голышами на этот раз ушло меньше времени. Когда дело дошло до молотов, один из воинов выкрикнул: «Эсон абу!» Остальные присоединились к боевому кличу. Дожидаясь сигнала, воины высоко воздели молоты и в нужный момент обрушили их на плиту.

С резким треском камень раскололся, от него отвалился огромный неровный обломок.

Наблюдавшие на миг онемели: все помнили вчерашнюю суматоху и не ожидали быстрого результата. Потом они разразились воплями и бросились вперед, чтобы увидеть новое чудо. Посреди битого камня, обломков, брошенных молотов лежал столп Эсона, ровный и аккуратный.

— А теперь нужно передвинуть его, — проговорил Интеб. — И нечего кивать на вчерашний пир, работа должна быть сделана.

— Да будет, как ты сказал, — согласился Эсон. — Только я не представляю, как можно сдвинуть подобную гору.

— Но я знаю, как это делается, а потому и служу тебе. В Египте мы в незапамятные времена научились работать с камнем. Человек тогда еще не знал письма. Но наше искусство неизвестно чужестранцам, а я мастер-зодчий. Мне нужны лишь кое-какие материалы и рабочая сила.

— Охотники поработать найдутся. Воины уже готовы драться за право помочь тебе. Они устанут, я в этом не сомневаюсь, но их сменят другие, — положиись на мое слово. Какие материалы тебе нужны?

— То, чего мало на этой безлесной равнине. Прочные деревянные брусья толщиной в твою ногу. Бревна, много бревен... и веревки — больше, чем есть на всем острове.

— Ну, лес отыскать несложно. Дан сложен из дерева — ты получишь необходимое до последней щепки.

— Но это еще не все.

— Тогда — разбери мое жилище. Над входом лежат бревна подходящей длины, те, из которых сделаны стены и пол, тоже годятся. Нести прямо сейчас?

— Сразу же, как только их разберут.

Новому приказу обрадовались все, за исключением плотников и Найкери. Ругаясь, женщина принялась швыряться

вещами в тех, кто явился разбирать помещение, остановилась она, лишь когда явился Эсон и прогнал ее вместе с пожитками. Плотники, чьими трудами возводился дан, с еще меньшим энтузиазмом смотрели на то, как рушится их работа. Но комнату разбирали, невзирая на их недовольство, так что они тоже включились в работу и стали распоряжаться, чтобы все шло должным образом и сооружения разбирали в обратном порядке.

Интеб оставался в дане и распоряжался рытьем ямы под новый камень. Здесь, как и повсюду на этой равнине, твердый мел начинался сразу под тонким слоем почвы, и выкапывать яму было нелегким делом. В мел тяжелыми камнями загоняли заостренные оленины рога, ими как рычагами отделяли куски. Это нужно было повторить много раз. Но когда с дана опустили первые бревна и брусья, ямы уже были готовы, перед ними перестелили большие камни.

— Эту балку мы используем как рычаг, — объяснил Интеб. — Вам незачем знать, каким образом это происходит, но рычаг увеличивает силу человека, позволяет ему совершать немислимое. Этими длинными рычагами мы поднимем камень, но сделаем это не сразу, а понемногу. Когда камень чуть поднимется, каждый раз мы будем подкладывать под него эти бревна, чтобы он не опустился обратно. А потом будем подкладывать бревна с другой стороны. Таков первый шаг. И сейчас мы его сделаем.

Интеб с помощью Эйаса распоряжался людьми у рычагов: он поместил их руки в нужные места, несколько раз повторил, что именно нужно делать. Вместе с двумя микенцами Эйас разместился у камня — чтобы подпихивать под него бревна — дело требовало мгновенной реакции и для йерниев было слишком сложным.

Двенадцать человек встали к трем длинным рычагам и восемь — к четырем коротким. Вцепившись в брусья, они ожидали команды Интеба, проверявшего приспособления. Услышав наконец слова египтянина, они нажали на рычаги. Конечно, йернии все сделали вразнобой: одни тянули бревна вверх, другие толкали их вниз. Одна из жердей подгнила и переломилась, мужи повалились в пыль, посыпался град насмешек. Пристроили другое бревно, и после новых разъяснений шестеро микенцев продемонстрировали, что нужно делать. Поплевав на ладони, йернии взялись за дело.

На сей раз раздались взволнованные крики — громадный камень дрогнул и чуть накренился. В щель быстро вставили

бревна. Работу пришлось прекратить — все заглядывали в черную щель и со смехом ловили разбегавшихся жуков и других насекомых. Каменные опоры сместили вперед, заменив валунами повыше, и огромный блок медленно поднялся в воздух.

— Довольно, — приказал Интеб. — Несите бревна.

Йернии не решались подходить близко к глыбе, опасаясь, что она в любой момент может упасть на землю или повалиться набок и прихлопнуть их. Бревна пришлось подкладывать Эйасу и микенцам. Следуя приказу Интеба, они не оставили под камнем пустого места. Торцы бревен круглыми колесами торчали из-под глыбы. Солнце стояло низко, близился вечер, когда Интеб наконец одобрил сделанное и велел опускать камень на катки.

— Давайте, только медленно, — приказал он, — понемногу, как поднимали. Если камень сорвется, то разнесет бревна в щепки. Тогда придется начинать все сначала.

Потрескивающие рычаги вновь подняли невыразимую тяжесть, по одной удалили опоры. Когда убрали последнюю, весь вес пришелся на застонавшие бревна. Попад на неровности, некоторые из них с треском переломились, но остальные держали.

Интеб не позволил бы взволнованным йерниям тратить попусту время на беготню вокруг камня и восхищенные охи, но, не слушая зодчего, они предавались восторгу, становились на колени и заглядывали под камень — пытались разглядеть просвет с другой стороны. Следуя распоряжению египтянина, перед тонким концом камня друг к другу уложили новые бревна. Чтобы командовать следующим этапом работы, Интеб поднялся на камень, здесь к нему присоединился Эсон.

— Мы подвинем этот камень, — объявил Интеб, — передвинем прямо сегодня — только на несколько шагов, чтобы все видели: это воистину можно сделать, а утром камень будет доставлен к дану. Подведите рычаги.

Вновь под камень подвели мощные брусья — на сей раз сзади, а не сбоку. По сигналу люди навалились на них, и огромный камень стронулся с места.

— Еще... дружнее!

Они навалились изо всей силы, и каменный блок пополз вперед — на первое бревно, на второе... Сзади из-под глыбы появилось бревно. Огромный блок сдвинулся на две ладони.

— Началась его дорога, — с гордостью объявил Интеб.

Вести о том, что происходит в Дан Эсон, быстро доходили до других тевт. Слухи достигали и земледельцев-донбакшо, живших посреди лесов на полянах, доходили в редкие поселения альбиев. Стояло сухое время года. Урожай был уже убран, животные отъелись. Самое время увидеть это новое чудо света: и многие отправились в путь. Каждый день, когда начиналась работа, не было недостатка ни в наблюдателях, ни в желающих помочь, — если в том случалась необходимость. А это требовалось постоянно — чтобы доставить камень Эсона на нужное место, нужно было изрядно потрудиться.

Дорогу до ворот дана следовало сгладить. Разобрали на бревна еще несколько стен — чтобы выровнять путь и заполнить впадины. Теперь от каменной россыпи до дана пролегла дорога, по которой камень мог совершить свой путь.

Все было подчинено строгому порядку. Каждый лоскут кожи — из шкуры ли домашнего скота или дикой лошади — пошел на веревку. Одной из них обвязали камень поперек, к ней прикрепили два толстых каната, смазанных салом, — чтобы были мягкими и гибкими. Привязали и другие веревки, чтобы камень могло тянуть сразу побольше народа. Глыба была настолько массивна, что продвигать ее вперед удавалось или рычагами, или усилиями многих людей, налегавших на веревки. Словом, когда собрались все желающие тащить глыбу к дану, йернии не умели даже сосчитать, сколько их оказалось.

— Мне тоже не сосчитать, — признался Эсон. — Неужели в самом деле тебе нужно столько народа?

— Да, — невозмутимо ответил Интеб, не хотевший показывать свою неуверенность: хватит ли собравшихся? Он вроде бы все сосчитал точно, неоднократно проверил. — Чтобы камень шел легко, потребуется не менее пяти сотен мужей, а ведь его еще нужно втащить на невысокий подъем.

— Трудно даже представить столько народа, — вырвалось у Эсона.

— Попробуем это сделать. Всех пальцев на руках и ногах у человека двадцать. У пяти мужей всего будет сотня пальцев. Значит, нам нужно столько людей, сколько пальцев у двадцати пяти человек.

— Это очень много.

— Вообще-то нам нужно еще больше. Чтобы камень продвигался вперед, нужно переносить бревна — по двое людей на бревно, в одиночку такие не поднимешь — для этого потребуется еще две сотни. Они должны забирать бревна сзади и переносить их вперед: когда камень снова наползет на бревно, оно опять станет катком. Все нужно делать очень четко. Я буду приглядывать за теми, кто тянет, Эйас проследит, чтобы бревна вовремя переносили вперед, ну, а кому-то придется ехать на камне, приглядывать и распоряжаться.

— Это мое дело.

— Высочайшее место, Эсон, никто не осмелится покушаться на него. Итак, начинаем?

Несмотря на то что к делу приступили с рассветом, солнце уже подошло к зениту, когда наконец Интеб сам разложил на земле веревки — чтобы тянули в правильном направлении. Перед камнем уложили катки, позади него собрались люди, готовые подхватить первое показавшееся бревно. Интеб поднял ладонь, и Эсон вскричал:

— Начинаем!

Люди, пригнувшись, взяли канаты, приняли их на плечо и, как и было им приказано, остановились, дожидаясь дальнейших распоряжений. Интеб подошел к краю камня, проверил, правильно ли выстроились люди, и стал распоряжаться:

— Крепче держите канаты. Качнитесь вперед. Но не тяните, просто налегайте на канаты всем весом. Ощутите за собой камень. Не тяните руками — ваши ладони только удерживают канат — всю работу сделают ноги. Ну, гнитесь, сгибайте колени, готовьтесь... Ну же... сейчас... Медленно толкайте ногами — тяните. **ТЯНИТЕ!**

И они потянули. Веревки напряглись, бревна под камнем затрещали.

Задрожав, глыба стронулась с места.

Тут некоторые упали, кое-кто оглянулся, остальные же изо всех сил тянули, так что жилы взбухали на лбу. Эсон велел всем остановиться. Действие повторили.

После многих неудачных попыток удалось добиться необходимой координации, и камень наконец ровно и размеренно пополз вперед. Из-под заднего конца его одно за другим появлялись бревна, их подхватывали ждущие руки и несли вперед. Другие тянули веревки, потели и напрягались; Интеб следил за всеми, глыба дигалась понемногу, и Эсон ехал на каменном корабле — прямо в ворота дана, по его ровной

внутренней площадке к уже подготовленной яме возле костра совета. Когда прозвучал сигнал остановиться, иные попадали от усталости, другие же потребовали пива, чтобы утолить жажду.

Эсон тоже уселся отдыхать в тени огромного камня. Он ощущал его всей спиной — как продолжение себя самого. Он ел пищу, принесенную Найкери. Она хотела поговорить с ним о новом жилище, но Эсон отмахнулся. Все мысли его заполнял камень.

— Продолжим? — спросил он обливающегося потом Интеба, едва тот вылез из ямы и опустился возле него на землю.

— Немедленно, пока никто не передумал. Я как раз проверил размеры, все как надо, камень войдет точно. Видишь — Дарсан и его помощники слегка скруглили основание, обили его. Теперь мы можем установить камень в яму, покачивать его и наклонять, даже повернуть можно, если понадобится.

— Повинуясь какому волшебству этот камень попадет в яму?

— Не по волшебству, а по мастерству. Видишь, эти стенки ямы сделаны с наклоном, а дальняя — ровная и отвесная. Мы поставили возле нее большие брусья, чтобы, когда камень окажется в яме, он не мог разбить мел, погубив все наши труды. А пока мы только слегка подвинем камень вперед, так, чтобы низ его выступил над ямой — с той стороны, где уклон. Когда конец его перевесит и на катках останется меньшая часть, камень сам собой скользнет на место.

— Значит, этот красавец будет стоять под углом — половина в земле, половина наружу.

— У тебя глаз зодчего, Эсон. Ты прав. Когда камень станет в яму, я смогу поднять его вертикально — прислонив к противоположной стене. Мы будем удерживать камень, а пространство между ним и стенками ямы заполнится камнями и кусками мела. Так поднимется твой первый столп. Первая опора хенджа, та, которую друиды зовут Землей-Матерью, с которой все начинается.

Интеб тщательно подготовил камень к спуску в яму. По мере того как глыбу подвигали все ближе и ближе к земляному гнезду, зодчий велел подкладывать бревна потолще — и камень понемногу поднимался повыше. Это было важно, как по опыту знал Интеб, и он не один раз все промерил и пересчитал, прежде чем продолжать работы. Зодчий осмотрел камень со всех сторон и примерился. Вновь к работе приступили,

только когда камень чуть развернули вбок. Сделать это было труднее, чем катить, и возле рычагов то и дело слышалась брань. Наконец Интеб остался доволен. По его сигналу взялись за канаты и осторожно потянули вперед. Камень стронулся с места.

Положив руку на поверхность глыбы, Интеб наблюдал за ее перемещением. Конец камня уже нависал над ямой, когда зодчий остановил движение. Принесли тяжелые деревянные балки. Их спустили вниз у самого края ямы. Крайний каток миновал их, его быстро извлекли из-под камня — прежде, чем бревно успело упасть в яму. Камень вновь двинулся вперед, следующий каток приблизился к брусам и остановился. Но камень продолжал двигаться, опускаясь в яму передним концом. Другой конец его стал подниматься. Толпа расступилась. Камень опускался в яму, поворачиваясь в воздухе, и мужи, бросив канаты, пустились наутек. Камень завис на мгновение, огромная тяжесть влекла его вниз, мел на краю ямы крошился и осыпался на дно. Опорное бревно едва не расплющилось в щепки. И вдруг единым движением камень разом взметнулся в воздух, одновременно с грохотом скользнув вниз — в приготовленное гнездо.

Под ногами содрогнулась земля, взметнулось огромное облако пыли.

Под углом наклонившись к земле, столп, словно палец гиганта, указывал в небо.

Пока йернии ликовали и плясали возле громады, Интеб снова взялся за работу. Набрал из толпы помощников и с помощью Эйаса расставил их по местам. Распорку заготовили уже давно, ее принесли и положили возле отвесного края ямы, напротив наклонившегося камня. Она состояла из четырех бревен, соединенных достаточно замысловато: две длинные ноги далеко расходились на земле, но наверху скрещивались и были прочно связаны. В локте от пересечения между двумя ногами была врублена прочная перемычка. Другая, подлиннее, соединяла стойки возле земли. Здесь важно было точное расположение обеих поперечин. Прежде чем поднимать деревянную раму, для ее нижних концов вырыли ямы, чтобы они прочно удерживались на месте.

Снова Интеб приступил к работе, которую, кроме него, никто не мог сделать — он протянул канаты в нужном направлении. К вершине наклоненного камня почти на самом верху привязали толстое бревно. От верхней поперечины распорки

через него перекинули канаты. Этими веревками будут поднимать раму, но прежде к самой верхушке рамы подвязали канаты от камня.

Уже просто оторвать от земли эту деревянную машину было достаточно тяжело. Две группы воинов тянули за веревки, что были привязаны к бревну на вершине камня, другие поднимали раму, толкая ее вверх шестью, когда руки уже не достигались. Опора медленно поднялась вертикально, встав над землей. Канаты, с помощью которых ее поднимали, привязали к бревну за камнем. Все было готово к началу подъема.

Сто семьдесят пять человек тянули на себя вершину деревянной рамы, а веревки, привязанные к верхней поперечине, должны были поставить камень вертикально. Чтобы не ошибиться, Интеб приказал натянуть канаты и, только проверив буквально все, повернулся к Эсону.

— Мы готовы, — проговорил он.

— Начинай.

Приняв на себя вес камня, деревянная рама закрипела, люди умело налегали на веревки. Огромный камень шевельнулся, оторвался от уклона и стал вертикально.

— Стоп! — крикнул Интеб, когда камень прислонился к отвесной стенке ямы. — Держите, не отпускайте!

Напрягаясь и обливаясь потом, воины тянули. Тем временем Интеб подошел к камню и приложил к поверхности его странный инструмент, сделанный по указаниям зодчего плотниками. Только сам Интеб знал его назначение. Половину небольшого полешка выдолбили в лохань — такую же, как для мелового раствора, только маленькую, — прикрепили к длинной ручке. В лоханке была вода, и Интеб прижимал долбленную деревяшку к камню, читая по воде таинственные знаки: наверное, так и друиды указывают судьбу по позе заколотых пленников. Все дивились, даже пыхтящие мужи, с трудом удерживающие камень.

Интеб понимал, как им трудно, знал, что долго они не выдержат, но камень следовало установить вертикально. Поверхность воды говорила ему все необходимое.

Он велел врезать в дерево глубокую борозду, когда поверхность воды совпадала с ней, палка стояла вертикально. Тщательно и терпеливо зодчий промерил положение камня, потом велел людям отклонить столп рычагами, чтобы выровнять его. Они навалились с одной стороны, с другой, вернулись обратно. Интеб громко распоряжался, Эйас подкреплял

его слова проклятиями. Ослабевшие оставляли канаты, их сменяли свежие воины. Наконец он удовлетворился.

— Живо, — велел Интеб. — Засыпайте яму!

С громкими криками йернии принялись валить в яму грязь, куски мела, камни, обломки молотов — лишь бы только заполнить ее. Свежая насыпь сровнялась с землей, ее утрамбовали тяжелыми бревнами, досыпали еще, снова утрамбовали, прозвучал долгожданный приказ, и утомленные люди выпустили веревки.

Колонна горделиво стояла, огромным указующим перстом тень ее пересекала дан... новая тень.

Глава 4

Едва стемнело, взошла луна, осветив дан. Пир был в самом разгаре. Сияние ночного светила как бы дало сигнал к новой вспышке восхищения колонной Эсона — в лунном-то свете ее никто еще не видел, все принялись промерять шагами колоссальную тень. Наиболее отважные воины подходили к глыбе, даже прикасались к ней. Эсон прислонился спиной к камню и ничего не опасался. Ему подносили эль, и он пил, не сходя с места. Женщин не было — кроме тех, что разносили питье, — их присутствие в столь важный момент не допускалось. Эсон не обращал внимания на женский голос, настойчиво звавший его. Наконец Найкери появилась прямо перед ним, всё еще выкрикивая его имя.

— Прочь, — приказал он, занося руку для удара, на случай, если презренная рискнет подступить поближе.

— Ты должен знать — получены важные вести.

— В другой раз.

— Нет — сейчас, это очень важно. Можно мне подойти, или ты предпочтешь говорить подальше от костра?

Эсон метнулся, чтобы схватить ее, но она увернулась. Не скрывая гнева, он следовал за ней от костров.

Наконец она повернулась к нему. Живот Найкери холмиком выдавался вперед. Поглядев на него, Эсон притих, подумав о своем будущем сыне.

— Есть вести об атлантах, — проговорила Найкери. — Впрочем, теперь, наверное, камень для тебя важнее, чем они.

Не обращая внимания на колкость, он обернулся, чтобы полюбоваться на столп под новым углом.

— Ну, что ты там узнала об атлантах?

— Они идут сюда от копи, чтобы напасть на тебя. Их ведет мой родич.

Впервые за многие дни позабыв про камень, Эсон поглядел на нее. Все эти волнения с камнем как-то вытеснили из его памяти отряд врагов.

— Говори все, что знаешь, — бросил он.

— Наконец решил обратить на меня внимание? Оказывается, ты даже можешь говорить со мной, когда я тебе нужна. А во все прочее время ты обращаешься со мной так, слов...

— Говори об атлантах, женщина, — перебил ее сквозь зубы Эсон. — Дашь волю языку в другое время. Что случилось?

Настроение Найкери вдруг изменилось, обхватив Эсона, она прижалась к нему лицом.

— Я хочу только помочь тебе, — прошептала она. — То, что я делаю, я делаю лишь для тебя, мой царь. У меня не было никого до тебя, не будет и после, обещаю тебе. Я понесла твоего сына и хочу только одного — родить его.

Тронутый словами женщины, Эсон поднес мозолистую руку к ее голове, к мягким волосам. И, приникнув к нему, она шепотом рассказала обо всем, что знала, и обо всем, что сделала.

— Муж-атланты глупы, они думают лишь о рабах. Большая часть донбакшо, что жили неподалеку, уже разбежалась. Теперь, когда атланты ловят донбакшо, то надевают им ошейники и запирают, чтобы те не убежали. Но они знают, что альбии — торговцы, а раз так — альбии полезны атлантам: могут принести пищу, сведения о других племенах. Нас они не делают рабами. Пока. Им помогает Тури, двоюродный брат моего отца, ты видел его в нашем доме. Он рассказывает нам обо всем, что делают атланты, от него я знаю об их планах. Этот Темис потребовал, чтобы Тури повел их против тебя, но брат боялся, что его убьют. Тогда атланты дали ему кучу подарков, и он согласился. Тури поведет их, но семья его вместе со всеми остальными альбиями сразу же отправится на север, потому что он приведет атлантов через лес туда, где будешь прятаться ты со своими воинами. Он пойдет первым, вы пропустите его, а все остальные пусть будут убиты.

— Когда это будет? — спросил Эсон, сохраняя спокойствие, невзирая на охватившее его волнение.

— Через три дня, ты знаешь эту долину, за лугами Дан Ар Апа, где мы с тобой отдыхали. Мой родич встретит тебя и по-

кажет тропу, покажет двоюродного брата отца моего, чтобы он не был убит.

— Ему не будет вреда — а атлантам пощады. Если мы захватим их врасплох, перебьем всех до единого. Выходим нынче же ночью, ведь нужно прийти вовремя.

Возвратившись к пирующим, Эсон вновь прислонился к камню спиной, упорно обдумывая то, что надлежит еще сделать. Здесь были воины его тевты. Но и не только они. С севера с одиннадцатью воинами пришел сам Маклорби, толсторукий и коренастый. Все помогали ставить этот камень. Были воины из Дан Финмог, был Ар Апа со своими людьми. Если эти воины вместе выйдут в бой, в его распоряжении окажется войско, какого Эсону еще не удавалось собирать под свою руку. Они пойдут с ним. Эсон был уверен в этом. Вожди-быки получают сегодня дары от него, они захотят пойти. Он расскажет им о длинной цепочке воинов, идущих по лесу, расскажет, как нападать на них и убивать, расскажет и о том, как потом разделит доспехи. Сейчас только у каждого десятого найдется бронзовый кинжал, чтобы отрезать головы врагов. Как же они будут ценить мечи! Эсон понимал — нападение может удался. Он научит йерниев, как биться и победить, они последуют за ним..

— Слушайте меня, — провозгласил Эсон, делая шаг вперед, — слушайте то, что я должен сказать. — Он подождал, пока все притихнут, и начал объяснять, что теперь следует делать.

Возле Дан Мовег они оказались как раз с рассветом, там напились и отдохнули. Когда Мовег увидел войско, узнал о задуманном, он немедленно надел волосяную перевязь с топором и взял щит. Так поступили и все его воины. Опытные охотники и прекрасные следопыты, они понимали — одно дело атаковать крепость прекрасно вооруженного врага и совсем другое — перехватить в густом лесу цепочку воинов. И вышедшее навстречу атлантам войско сразу увеличилось. Они шагали по равнине, первыми шли микенцы в броне, следом воины из Дан Эсон. Все прочие шли как вздумается, вместе или поодиночке. Иные шли параллельными тропами, другие то ташились сзади, то поспешно нагоняли... Не войско — расплзшаяся толпа мужей, соединенных алчностью и воинственностью.

На край равнины они вышли на следующий день. Там на

опушке их ждал невысокий темноволосый мужчина. Он двинулся навстречу Эсону, с опаской поглядывая на топоры и мечи.

— Я — Гвин, сын тетки твоей Найкери, — торопливо проговорил он. — Я ждал тебя по ее слову.

— Не бойся ничего — пусть страшатся атланты. Они уже в пути?

— Отстали от меня на день — не умеют быстро ходить по лесу. Идут по этой тропе. Их ведет Тури, он боится, ждет смерти.

— Жизнь его в моих руках, и я сохраню ее.

Когда собралась его не знающая порядка армия, Эсон поднялся на большой валун. Воины обступили его плотной толпой. Ближе всех были микенцы с Эйасом и вожди-быки, со всех сторон напирали воины.

— Отсюда придут атланты, — показал Эсон. Мужики зашевелились, принялись разглядывать брешь в сплошной стене леса. — Здесь густые деревья, вот холм, на который нелегко подняться, ручей и болото. В пути атланты растянутся по тропе. Мы затаимся в лесу по обе ее стороны. Они пойдут мимо и не увидят вас. Вы можете спрятаться, вы — охотники, вы умеете становиться невидимыми. Вы будете лежать в засаде и только по сигналу броситесь в атаку. И не потому, что я убью любого жадного воина, преждевременно бросившегося в бой, — я сделаю это, не сомневайтесь, — но потому, что так нам удастся захватить атлантов врасплох и перебить их. Они пройдут между нами, и когда первые окажутся здесь, вы услышите мой боевой клич — тогда бросайтесь в атаку. Каждый воин повторит его, вступая в бой.

С криками одобрения йернии потрясали в воздухе топорами. Эсон направился в лес, воины двигались следом. Это было их дело, они хорошо умели его делать. Время хвастовства и бахвальства прошло. Как огромные хищники, воины бесшумно шли вперед: могучие, грозные, знающие битву, ничего не боящиеся. Этот огромный остров принадлежит им одним, йернии властвуют здесь. Пусть сюда заявились люди с бронзовыми мечами и в бронзовых панцирях. Воины-йернии уважают их, но не боятся, как не страшатся и самой смерти в бою. Последовав за Эсоном, они по его приказу укрылись в выбранных им местах, среди деревьев возле тропы. Эсон спустился с холма к болоту, и воины за его спиной исчезали в тени деревьев. Они умели спрятаться даже среди кочек. Раздвигая тростник так, чтобы не поломать ни листа, ни стебля,

йернии опускались в мутную жижу. Эсон приглядел за тем, как исчез из виду последний, и направился обратно. Его микенцы тоже укрылись между деревьями, рассеявшись по одному, чтобы отвлечь атлантов от легковооруженных йерниев.

В лесу воцарилось молчание, лишь только ветер перебирал сучья высоко над головою. Ничего не было слышно. Йернии ожидали, безмолвные, словно деревья. Только Эйас и Гвин остались возле тропы. Вместе с Эсоном они спрятались в лесу, опустившись на прохладный мох за стволом огромного дуба. Гвин припал к земле, Эйас задремывал, что-то бормотал во сне и, вздрогнув, просыпался, принимаясь оглядываться вокруг. Медленно миновал день.

Вдали послышался крик.

Эсон тихо сел, склонив голову, чтобы лучше слышать: не показалось ли ему? Но и вокруг все встрепонулись и вслушивались в тишину не менее внимательно. А потом крик повторился, мужской голос кого-то окликнул, ему ответили — далеко внизу.

— Идут, — шепнул Эйас, подбирая каменный молот.

Он видел, как им орудует мясник, тяжелое короткое орудие смерти понравилось бывшему рабу. Он даже отдал мяснику за молот отличную медную булавку. Молот напоминал ему кулак — куда более привычное, чем меч, и столь же смертоносное орудие.

Все трое бесшумно подобрались поближе к тропе и залегли за густым кустом боярышника. Понизу под толстыми ветвями было прекрасно видно. Послышался другой голос, потом топот ног. Внизу на тропе что-то мелькнуло: за бурым одеянием альбия показался вооруженный атлант.

— Первый — Тури, — шепнул Гвин.

Прошли и ничего не заметили. Значит, вся цепочка атлантов уже протянулась по лесу между спрятавшимися воинами. Ловушка готова была захлопнуться. И когда шедший за альбием атлант миновал его, Эсон поднялся из-за куста и рванулся вперед.

Он был еще на полпути к тропе — Эйас чуть отставал, — когда первый из атлантов увидел его и закричал, поднимая тревогу и вырывая меч из ножен. Одновременно с ним молчание нарушил Эсон:

— Беги, дурак, беги!

Альбий побежал при первом же звуке — он был готов к засаде. Сопровождавший проводника атлант запоздал, и меч его рассек один только воздух. Он бросился было за предателем,

но, поняв, что Эсон уже совсем рядом, повернулся, чтобы защищаться. Обрушив на атланта меч, Эсон изо всех сил выкрикнул:

— Эсон абу!

Меч его ударил в щит атланта, тут же сам Эсон принял его удар на свой щит. И коротким движением ударил его в живот... Эхо бречевого клича Эсона еще гуляло по лесу. Эсон абу! Слова эти подхватил один голос, другой, они доносились с обеих сторон тропы.

— Здесь Эсон! — успел выкрикнуть атлант и умолк. Меч вонзился ему в живот — удар пришелся прямо под панцирь.

Из леса доносились вопли и звон металла. Эсон выдернул меч и приготовился защищаться. Все оказавшиеся поблизости атланты и не думали обращать внимание на показавшихся из леса йерниев. Они бежали к нему. Пятеро... шестеро. Мечи, копья, стена щитов. Он отступил, прижавшись к дереву.

— Ко мне! Ко мне! — закричал Эсон, и на зов его ответили.

Рядом крутил огромным молотом Эйас. Позади него набегали воины Дан Эсон. Нужно было только продержаться.

Именно он был нужен атлантам, именно его ненавидел Темис, ради него пришли они в эту невообразимую даль. Атланты напали на него одновременно. Посыпались удары. Рухнул один... другой — оба были сражены сзади. Им не устоять. Еще немного.

Но его время истекло. Меч ударил о меч Эсона — атлант бил всей силой, всем весом. Эсон встретил щитом другой удар.

Копье ударило из-за плеча ближайшего атланта, подобно терзающему клык.

Эсон дернулся в сторону, но опоздал.

Бронзовый наконечник копья ударил в горло, пробил шею, пригвоздил ее к дереву.

Кровь хлынула в горло; он не мог крикнуть.

И все закончилось.

Глава 5

Черными силуэтами на фоне облаков в бледном небе кружили два сокола — каждый сам по себе, но рядом друг с другом. Самец заметил, что внизу в траве что-то пошевелилось, и, быстро трепеща крыльями, завис в воздухе. Движение по-

вторилось. Добыча. Сложив крылья, сокол камнем упал вниз и затормозил в самый последний момент, выставив вперед когти. Так и не коснувшись земли, он забил крыльями и взмыл вверх — в когтях шевелился бурый комок. Самка полетела поближе, чтобы осмотреть мышь. И словно листья, гонимые ветром, птицы исчезли в серой дали над равниной.

Прохладный осенний ветер срывал с ветвей и настоящие листья: багровые, желтые, бурые. Они скапливались в низинках, летели над равниной к стадам, подьедавшим последние остатки травы. Ветер нес их дальше — к плетеной ограде дана, поднимавшейся над равниной. Дуновения его еще не были ледяными, но уже несли в себе напоминание о близкой зиме.

Даже легкое прикосновение ветра, вид бледного ясного неба заставляли покрасневшие глаза Эсона слезиться. Он заморгал, смахивая влагу. Невысокое ложе, на котором он лежал, устилали теплые мягкие шкуры, другие укрывали его сверху. Он подумал о днях и ночах, полных боли, вспомнил о том, как просыпался и тут же снова засыпал. Он долго болел. Неподалеку негромко напевал женский голос. Осторожно повернув голову, он увидел Найкери, что сидела, скрестив ноги, возле него. Она раскрыла ворот своей одежды и, поддерживая рукой полную грудь, кормила младенца. Тот усердно чмокал и слегка поводил крошечными кулачками. Найкери раскачивалась взад и вперед, напевая песню без слов. В дверях возникла тень; пригнувшись, вошел Интеб.

— Эсон, ты проснулся? — проговорил он, заметив, что лежащий открыл глаза.

Эсон кивнул и показал на чашу с медом, стоявшую на деревянном сундуке. Египтянин передал ему чашу, и, приподнявшись на локте, Эсон пригубил напиток.

— Вчера ты добрался до двери, — проговорил Интеб, принимая обратно пустой сосуд. — Может быть, выйдем сегодня на балкон?

— Не надо ему еще столько двигаться, — раздраженным тоном возразила Найкери.

Сосок выдернулся изо рта младенца, тот, забулькав, ловил ртом воздух, а потом разразился сердитым криком.

— У него голос льва, — заметил Интеб.

Крик разом прекратился — младенец вновь припал к груди.

С помощью Интеба Эсон ухитрился подняться на ноги. Перед глазами все шло кругом, пришлось покрепче опереться на египтянина, чтобы головокружение прекратилось. Только

тогда рискнул он сделать первый неуверенный шаг, за ним второй. Он не ощущал под собой ног и прекрасно знал, что исхудал. Но мясо можно и нарастить. Пора начинать. От усилий на лице Эсона выступил пот, но он шел — через свою, затем смежную комнату. Пинком Интеб распахнул выходящую на балкон дверь, перед ними под лучами осеннего солнца раскинулся двор дана, где всю кипела повседневная жизнь. Бродили животные, играли дети, мастера работали возле своих дверей: сто и одно дело, без которых жизнь дана невозможна.

Но было кое-что новое — Эсон только слышал об этом, но не видал еще. Пальцы его впились в плечо Интеба, микенец выпрямился и улыбнулся, не веря своим глазам.

Там, где минувшим летом из земли поднимался только один камень, теперь высилось два. Белые и сверкающие, одинаковые и прекрасные. Две огромные могучие колонны, вырастая из земли, стремились к небу. Основания их были рядом, они почти соприкасались, но кверху камни сужались и расходились. В столпах была крепость, мощь и величие, они словно бы дышали могуществом.

— Да, — хриплым голосом проговорил Эсон, пальцы его легли на горло — на багровый неровный рубец.

Он хотел сказать многое, очень многое, но говорить было больно. Правда, эта боль была лишь воспоминанием о той, что так мучила его, но тем не менее она не исчезла. Эсон почувствовал усталость, Интеб помог ему опуститься на высокий сундук. Вожь привалился спиной к стене, радуясь свету, теплым лучам солнца.

— Мы сделали много больше, чем видно отсюда. — Интеб указал на верхушки каменных столбов. — Вот если бы ты поглядел на них сверху, то увидел бы — верхушки обтесаны. Старый Дарсан не слезал с помоста, даже стал говорить, что вот-вот зачирикает. Но, кроме него, никто не мог бы этого сделать. Он обил края камней, оставив в центре выступ. Как в деревянных хенджах — йернии привыкли так делать.

Моргая на ярком свете, Эсон пригляделся внимательнее. Действительно, на макушке каждого камня виднелся выступ — словно на стояке деревянного хенджа.

— Перекладина уже почти готова — видишь, ее обрабатывают возле дальней стены. Ее обтесали прежде, чем доставить сюда, а теперь долбят гнезда. Я велел женщинам сделать плетенки — ты слышал, наверное, как они визжали, когда мы заставляли их лезть наверх по лесам, — эти корзинки в точности

повторяют форму выступов и расстояние между ними. И теперь люди Дарсана долбят молотами гнезда. Работа почти закончена.

— А каким... колдовством поднимешь ты эту глыбу в воздух?

— Трудная проблема. — Интеб расхаживал по балкону, сложив перед собой руки. — У нас в Египте это было бы несложно сделать. В моей родной стране что-что, а песок изобилует повсюду. Его сгребают, переносят, из него можно сделать насыпь — дорогу, по которой поднимают камень. Но здесь так не сделаешь. Белый мел ломается очень плохо. Чтобы заготовить нужное количество, нам пришлось бы работать целый год. Есть и другой способ, но для него потребуется лес, много леса, почти целая роща.

— Или целый дан?

Интеб медленно повернулся, приглядываясь к домам и стенам дана:

— Да, здесь много дерева, но ведь потребуется все, что есть. А как же люди — куда им деваться?

— Пусть ставят дома рядом с даном, как женатые воины. Тяжелее жить им не станет. Но прежде чем я велю ломать дан, расскажи, что ты задумал.

— Такой способ мы называем подъемом. Им пользуются внутри гробниц или храмов, чтобы поставить на место большой камень или статую. Я буду рычагами поднимать камень — как это делается, когда подкладывают катки. Но вместо катков мы соорудим прочную платформу, вот так, — он повернул руку вверх ладонью. — Теперь камень на платформе, его вновь поднимают рычагами, делают новую платформу из бревен, укладывая их поперек, — Интеб положил на ладонь вторую, скрестив под прямым углом пальцы. — Получается прочная опора, на ней легко работать — и мы все поднимаем и поднимаем камень, подкладываем новые ряды бревен, и так наконец поднимаемся до самого верха колонны. Потом сдвигаем камень вбок — на место. Но, как ты сам понимаешь, на все нужно много дерева.

— Ты получишь его. Пусть ломают весь дан, если это необходимо. Тогда у меня будет каменный хендж, и я созову здесь пять тевт. Вся сила вернется ко мне, и я буду говорить о том, что следует делать, и камень своею силой будет говорить вместе со мной. Он будет говорить громче меня. — Лицо Эсо-

на внезапно сделалось жестким. — А как атланты? Что слышно о них?

— От альбиев нет никаких вестей об атлантах. После того как незваные гости погубили многих из них, альбии перебрались подальше от копи. И некоторые во всех бедах обвиняют тебя.

— Найкери мне уже рассказала. Она говорит, что это не важно.

— Может, и так, только теперь нам не от кого узнавать об атлантах. Воины, которые ходят к копи бросать камни и браниться, говорят, что внешний вал стал еще выше, на нем даже поставили частокол.

— Подготовились к осаде. Они знают, что йернии не умеют штурмовать стены. — Во внезапном гневe Эсон ударил в ладонь кулаком. — Ох, эта рана! Если бы меня не повалили, мы сразу направились бы к копи, взяли ее и расправились с остальными атлантами.

— Кто пойдет без тебя? Не забывай, что перехваченные нами в лесу атланты погибли до последнего человека. Мы гнали их по лесу, как оленей. Каждый воин получил голову, панцирь или меч. Но это твоя победа, Эсон, и они это знают, — теперь йернии пойдут за тобой куда угодно.

— Я поведу их, как только это хилое тело вновь наберется сил. Тогда я объединю йерниев, сведу тевты воедино. Но будет ли закончен к самайну мой каменный хендж... завершишь ли ты строительство ко времени, когда загоняют скот и приходят торговцы?

— Сделаем, даже если придется работать по очереди, как мы делали прежде. Кто-нибудь всегда работал при свете факелов. Все будет готово.

— Тогда разошли весть не мешкая. Я собираю все тевты йерниев, здесь — перед камнями. И это будет началом. Как ты думаешь, они придут?

— Они ждут лишь твоего слова.

— Тогда передай им — Эсон сказал.

Глава 6

В подлеске кто-то возился, с хрустом ломались сучья. Выставив копья, пригнувшись, люди ждали, готовые прыгнуть, нанести меткий удар. Быстрый вебрь — зверь приземистый и

коварный — может ударить в любую сторону. Один только поворот массивной головы, и белые клыки выпустят кишки зазевавшемуся мужу, пропорют ему ногу. Страшнее вепря нет зверя в лесу. И вот выгнанный из леса кабан прячется в рощице посреди просторной равнины.

— Он же подранен, — проговорил Эйас, прячась в кустах и внимательно наблюдая за зверем, как и все остальные. Вместо копья в руке его был молот.

— Царапина, — бросил, задыхаясь, Эсон. Он охотился впервые после ранения. Охота была легкой, но он и здесь не мог угнаться за остальными. Горло драло. Эсон с трудом проталкивал воздух в легкие, но не обращал на это внимания. Главное, чтобы сил прибавлялось.

— Вепрь! Вепрь! — закричал кто-то по другую сторону кустов.

Послышались крики, гневный визг. Вновь затрещали кусты, и темной молнией кабан метнулся из-под кустов прямо на копья воинов, он метался из стороны в сторону, вилял, отбрасывая острыми копытами комья земли. Хрюкнув, зверь развернулся и бросился прямо на Эсона.

Времени на удар не оставалось, можно было только отпрыгнуть. Так Эсон и поступил, грубая шкура прикоснулась к ноге, послышался вопль Эйаса, ставшего на пути вепря.

Быстр был кабан, но кулачный боец оказался быстрее; молот по короткой дуге угодил в плечо зверю, кабан повалился на бок. На одно только мгновение вепрь оказался на спине, взбрыкивая черными копытами, но Эсон успел ударить. Копье вождя вошло в бок вепря, пригвоздив зверя к земле. Кабан взревел от страха и боли, попытался дотянуться до древка; яростный налившийся кровью глаз был устремлен на Эсона. Ударило еще одно копьё, потом другое. Зверь задергался, и все было кончено.

— Клыки твои, — проговорил Эйас, когда, тяжело дыша, Эсон опустился на землю.

— Нет... твой... был первый удар, — выговорил Эсон.

— Убил вепря ты, царь. Зачем рабу клыки? Я возьму себе хвост — он более подобает такому, как я.

Взяв у Эсона кинжал, Эйас отрезал изогнутый хвост у основания и разгладил кисточку на конце. Потом заткнул его сзади за пояс.

— Ну вот, теперь я в лесу в безопасности, — сообщил он, — кабаны примут меня за своего.

Йернии разразились хохотом, хлопая по ляжкам и по спинам друг друга. Даже Эсон слегка улыбнулся — дыхание начи-

нало успокаиваться. В лесу о дерево застучал острый камень — кто-то из охотников уже вырубал жердь. Другой тем временем связал ноги кабана полосками кожи. Эйас ткнул толстым корявым пальцем в бок вепрю.

— Жирный, наел белое сало на желудях. Я уже чувствую, как тает оно в моем рту. Мед, эль, свинина. Ты правишь доброй землей, великий Эсон.

Опираясь на древко копья, тот поднялся на ноги, и они отправились в обратный путь — к дану. Прodeв шест под ногами вепря, охотники несли за Эсоном добычу, они хохотали и бахвалились на ходу, сравнивали свои белые изогнутые усы с клыками кабана. И, завидев дан, принялись, как всегда теперь, удивляться происшедшим в нем переменам. В жизни йерниев такие события случались редко, и о подобной новости следовало говорить и говорить — целыми днями, чтобы привыкнуть.

Перемены и впрямь были изрядными. Частокол из высоких бревен целиком разобрали вместе с комнатами и помещениями, примыкавшими к нему. От дана остался лишь прорезанный входом кольцевой вал. Сохранили только мастерскую. Вдоль вала, а кое-где прямо возле него, настроили хижин и разного рода укрытий, где обитали воины с семьями и общинники. Было тесно, случались драки, но по-настоящему йернии не протестовали. Они построят новый дан, Эсон обещал, а пока можно и потерпеть. Неважно. Главное — новое сооружение вознесет Эсона над остальными вождями-быками, а их самих — над воинами всех прочих тевт.

Два камня уже указывали в небо, третий, поменьше, еще только поднимался к нему, повинувшись колдовству египтянина. Завидев каменную громаду, йернии вновь разразились восторженными криками, хотя штабель бревен скрывал ее почти целиком.

Интеб дожидался Эсона у подножия огромного деревянного сооружения.

— Мы готовы, — проговорил зодчий.

Эсон первым полез наверх по высокой лестнице; уходящие вниз бревна слой за слоем были скреплены вместе, образуя прочное основание. На самой верхней платформе покоилась каменная перемилька. Возле нее и на ней сидели работники, поднявшие камень на эту высоту. В нижней поверхности камня были выбиты гнезда, хотя сейчас их и не было видно, — они точно лягут на выступы в стояках. Эсон с восхищением погладил оба стоячих камня, прикинул, сколько же нужно было отбить, чтобы получить такие выступы.

— Обрати внимание на верхушки колонн, — Интеб встал позади Эсона, — видишь, они скошены — и перемышка сама точно ляжет на камни сверху. Ее не потребуется поправлять или поворачивать.

— Огромная работа, — восхитился Эсон.

Верхней части столпов почти не было видно, бревна трех последних слоев уже ложились прямо на вершины, как и на остальную платформу.

— А сейчас мы сдвинем перемышку, — произнес Интеб, приказав подавать наверх кожаные ведерки с жиром. Животный жир размешали, сделав его пожиже. Первую пригоршню на бревна бросил сам Интеб.

— Положите сюда, — проговорил он, — на бревна и на помост. Только с краю не мажьте, иначе все вы, дураки, попадаете на землю. Мажьте путь камню, а не себе, — передав ведро, он принялся проверять исполнение.

Когда жир нанесли ровным слоем, Эсон с Интебом отступили в сторону, а работники взяли длинные прочные жерди, в верхнем ярусе помоста проделали отверстия, в них и уперли жерди. За ними разместили длинное бревно — чтобы можно было опереть рычаги. Установив шесты, чуть налегая ими на бревно, все выжидали. Когда все оказались на местах, Интеб затянул нараспев — так он делал уже не раз, чтобы люди работали в унисон:

— Вставляй рычаг, крепче держи.

— Бу! — выкрикнули в ответ воины.

— Берись, готовься, скоро нажмем.

— Бу!

— Жми и жми, жми и жми.

— Бу!

Под ритмичные крики они налегли, помост затрещал. Камень чуть сдвинулся. Это повторялось снова и снова, и наконец между опорным бревном и рычагами показалась вполне заметная полоса дерева. Сдвигаясь, камень все больше и больше заходил на смазанный жиром участок и передвигался все легче.

Когда люди дошли до смазанной жиром поверхности, Интеб послал за ведерками с песком — забросать его. Чтобы сдвигать такие камни, нужно твердо упираться ногами, не говоря уж о том, что падение с такой высоты грозило смертью. Работа продолжалась. Перекладина неторопливо приближалась к своему будущему месту. Интеб бегал взад и вперед, заглядывая под камень, выкрикивал распоряжения. Камень приподнялся с одного бока, потом с торца. Интеб ползал во-

круг, вымеряя точность направления. Наконец, удовлетворившись, он приказал сделать перерыв.

— Остался последний шаг, — вытирая пот со лба, объяснил зодчий Эсону. Руки Интеба побурели от коры и от жира. — Вынимаем опоры из-под концов камня, вместо них ставим тесаные плоские доски. И пока камень лежит на них, начинаем опускать его, как поднимали, только наоборот. Поднимаем конец, вынимаем доску, опускаем. То же самое делаем на другом конце. И камень как перышко сам опустится на нужное место.

И, пробормотав молитву какому-то звероголовому египетскому богу, зодчий приступил к завершению всего дела. Начиналась самая тонкая работа.

Когда брусья приняли вес камня, опорные бревна вытащили и спустили на землю. А потом осторожно приподняли плиту и начали извлекать доски.

Все случилось очень быстро. Перекладина осела, и верхушки шипов уже начинали входить в гнезда. Десять мужей удерживали рычаг, двое придерживали доски, третий извлекал верхнюю...

Раздался внезапный треск, кто-то вскрикнул.

Люди, удерживающие рычаг, попадали. Длинный брус сорвался и упал вниз на кучу досок. Вытащенная наполовину доска качалась, застряв нижней частью.

С треском и грохотом поддерживающая перемычку пирамида пошатнулась и развалилась. Всем своим весом глыба рухнула на колонны.

Грохот был сокрушительный и громоподобный. Полетели осколки камня, пошатнулся громадный деревянный штабель. Вздрогнул и камень — столп Эсона.

Все вокруг затряслось, задрожало, словно заколебалась сама земля. Люди кричали и падали, один сиганул вниз с деревянного помоста, решив, что все рушится.

И время, только что мчавшееся, почти остановилось. Мгновения нерешительно капали — как вода с оплывающей на солнце ледяной глыбы. Мир дрожал и колебался.

И замер. Перепуганные люди смотрели друг на друга, подмечая на лицах соседей только что пережитый ужас, но земля более не дрожала, и они с трепетом огляделись.

С одного конца платформа разрушилась. Каменная плита удерживалась в неустойчивом равновесии немногими сохранившимися брусьями. С другого конца поперечина легла на одну из каменных опор. Выступ погрузился в гнездо.

Пронзительный вопль вдруг заставил всех вздрогнуть. Интеб рванулся вперед.

— Опоры! — закричал он. — Поставьте опоры, прежде чем тот край рухнет. Прыгай же, прыгай!

Стоны не умолкали. Эсон заметил, что один из рабочих попал под камень — тело и голова его были раздавлены. Этот молчал. Он умолк навеки. Но другой был еще жив, он-то и кричал без перерыва. Рука его оказалась под камнем, когда перемилька рухнула. Расплющенная рука была зажата между обоих камней.

Случившееся и без того встревожило всех, а вопли только мешали тонкой работе. Во избежание новой трагедии Эсон шагнул вперед, извлек меч из ножен и рукоятью ударил раненого в висок...

По сравнению с огромной болью это был всего лишь комариный укус, и, не переставая кричать, несчастный только дернулся. Во второй раз Эсон не был столь мягок. Бронзовая рукоятка обрушилась тяжелым ударом, и человек мгновенно затих.

Из щели между камнями выступила кровь — совсем немного, настолько плотно стиснута была рука — почти вся до локтя. Оторвав кожаный шнурок, Эсон перетянул руку несчастного выше локтя.

— Подержи, чтобы не упал, — приказал он ближайшему йернию. Проверил помост над собой, убедился, что под ногами нет жира, и занес меч над головой. Размашистый удар пришелся прямо в сустав, раздавленная рука отделилась от тела.

Тело не пришедшего в себя человека содрогнулось от удара.

— Унесите и спустите на землю, — приказал Эсон.

— Теперь все в порядке, — проговорил бледный Интеб.

Он все еще дрожал. Эсон обнял друга за плечи.

— Потери есть всегда, не думай о них.

— На мгновение мне показалось, что все сейчас...

— Камни устояли. Ты — умелый зодчий, Интеб. — Каменный хендж почти окончен.

— Кровь. И рука. Эти кости останутся здесь навечно...

— Кровь на камнях — дело обычное. У нас в Микенах с каждой стороны ворот над столбом лежит по рабу, чтобы камни крепче держались. Не тревожься. Ты продолжишь работу.

Интеб отодвинулся, стиснув руки, он старался унять дрожь.

— Да, конечно. Дело должно быть закончено. Сейчас и немедленно, — осталось сделать немного.

Некоторые воины не хотели снова приступать к работе, но

Эсон только молча показал им свой окровавленный меч — оружие говорило без слов. Осторожно, медленно доски по одной вытащили из-под другого конца перекладки. Наконец вытащили последнюю, камень заскрежетал о камень и встал на место. Интеб положил руку на поперечину.

— Вот, Эсон, твой каменный хендж, он готов для самайна. Такого еще не было. Ты будешь царем, Эсон.

Мужи-йернии не понимали смысла того, что происходит, но вполне постигали величие сделанного ими. Они кричали, выкрикивали свой боевой клич, пока наконец не охрипли. На земле внизу творилось то же самое. Лишь сброшенные с самого верха останки раздавленного йерния безгласно лежали у основания хенджа.

Глава 7

Темный силуэт был издалека виден над равниной, он высоко поднимался над округлым холмом. Хижины, лепившиеся снаружи, только подчеркивали его величие. Завидев его, воины из других тевт издавали изумленные вопли, вожди-быки начинали трогать усы и покусывать губы. Это был хендж! Шедшие с мешками за спиной альбии восхищались им; они то умели работать с камнем и сооружали громадные гробницы. Донбакшо с товарами на продажу или без них приходили, только чтобы взглянуть на него. Даже осторожные охотники по ночам пробирались по равнине, разыскивая укромное место, откуда можно все высмотреть днем, и, досыта наглядевшись, возвращались к своим лесам и болотам.

Цепочкой шли рослые герамании, мужчины и женщины — иногда еще более рослые и сильные, чем мужи, оставив корабли на берегу, они уже знали, что в этой земле появилось нечто невиданное.

Настал самайн. Год оканчивался, зима была не за горами, и тевты собирались. Настало время забивать скот и пировать, время торгу и пьянству, время возводить в вожди-быки и сжигать пленников в клетке. Время для всего.

И для сбора всех тевт йерниев, обитавших на холмах. Этого не было еще никогда. Над этим думали и думали. Но вожди-быки получили теплое золото и мягкие янтарные диски в знак того, что Эсон ждет. Каждого уверяли, что прочие просто рвутся прийти. Так предложил Интеб, знавший толк в интригах: это сработало, преодолев все сомнения вождей-быков. Разве может один противиться объединенной воле всех ос-

тальных? Они начистили украшения, отполировали бронзу и выступили в путь, прихватив с собой все, что было припасено для торговли. Племена, торговавшие прежде с другими данами, направились теперь к Дан Эсон. Приходили все новые и новые. Никогда еще не было такого самайна, никто не помнил ничего подобного.

Вокруг костра воздвигли еще четыре хенджа для вождей-быков четырех тевт — два по одну руку от хенджа Эсона, два по другую. Эсон был благороден: для хенджей гостей взяли самые высокие бревна из дана, их снабдили подходящими поперечинами. И теперь каждый из вождей-быков мог восседать под величественной аркой, что была раза в два выше, чем делалась прежде.

Ну, а над ними гордо возвышался хендж из белого камня. Ворота в Мой Мелл, в Землю Обещанную... Новый друид вождя увенчал хендж сушеной бычьей головой, увенчал оружием, золотом, головами врагов. Трудно было поверить глазам: хендж из камня, а не из дерева, камня твердого, как боевой топор. И вожди-быки сидели и пили — в молчании, потому что стоило поглядеть в сторону, рано или поздно взгляд обращался к этим вздыбленным глыбам... все выше и выше.

В своей новой круглой плетеной хижине снаружи вала Эсон надевал панцирь, блестящий и полированный. Пока он завязывал кожаные шнурки, яркая штука заинтересовала лежащего на полу младенца, тот довольно загукал. Эсон ногой пододвинул к нему щит, чтобы крошечные руки могли потрогать блестящую поверхность.

— Вождь-бык Маклорби допоздна проговорил с друидом Немедом, — проговорила Найкери. — Я не видела этого, но женщины передали.

— Разговоры жен мне не интересны.

— Еще как интересны: Немед постоянно говорит с людьми из рода Уалы и читает знаки для них.

— Вождь-бык мертв и более не опасен мне.

— Но живые всегда опасны, тем более если они спрашивают совета у мертвых.

— Я не боюсь ни живых, ни мертвых, ни вождей-быков, ни друидов. У меня есть зуб, опасный для каждого, — и Эсон хлопнул по мечу.

— Но лучше и проще знать все заранее. Ты стал здесь вождем-быком вместо человека из рода Уалы. Они не забудут, что прежде были высокими, а теперь стали ничем.

Водрузив шлем на голову, Эсон вышел, не потрудившись

ответить. Младенец завопил, когда отец забрал яркий щит. Найкери подняла дитя и прижала к себе.

Остальные вожди-быки уже сидели у хенджей. Когда появился Эсон, от костров принесли мясо. Он должен сделать первый надрез, взять долю самого сильного, тогда и начнется пир. До ноздрей его донесся дивный запах: огромную тушу свиньи, дымящуюся и истекающую жиром, поместили на козлы. Ее поймали этим летом и обильно кормили, пока она не стала похожа на толстый древесный ствол. Поросят ее давно уже съели, теперь пришел черед и дородной мамыши. Эсон извлек кинжал и пальцем попробовал острие.

— Я — Маклорби, — поднявшись, провозгласил вождь-бык самой северной тевты. — Чтобы прийти на этот пир, я прошел сотню миль и еще сотню. Со мной пришла сотня мужей. Над дверью моей прибито столько голов, что не счесть и ста воинам. Сотню воинов сразил я в битве: я первым разрежу мясо.

После этих слов упало молчание. Маклорби провел рукой по усам и ударил себя в грудь... невысокий, но крепкий, мышцы бугристой корой вздымались на его теле. Руки у него были толще, чем ноги у многих. Он был знаменитый воин, и теперь вызывал Эсона на бой возле собственного очага. Найкери была права — вот и повод для беспокойства. Эсон оглядел безмолвные лица и понял, что от поединка нельзя отказаться. Он не хотел крови, но если так — Маклорби придется умереть.

— Мясо режу я, — Эсон поднял кинжал. Маклорби в первый раз поглядел на него.

— Я — Маклорби, мужи трепещут, слыша мое имя. На ночь я подкладываю себе под колено голову вождя-быка. Сегодня я усну, положив ногу на голову Эсона.

Вызов был сделан. И, оставив кинжал, Эсон извлек меч из ножен. Не отводя глаз от Эсона, Маклорби указал на хендж за собой.

— Вот мое золото, оно висит на хендже, чтобы каждый мог видеть его. Я брал в боях шлемы и панцири — вот они, пусть все видят. Я бился с морскими людьми и отбирал у них оружие. Я бился, как положено йернию: волосая перевязь через плечо, на шее кинжал и гривна, в руке топор, грудь — открыта, и ноги босы, и волосы на лице моем белы, как подobaет йернию. Так мы воюем. Так бьется вождь-бык йерниев. Мы — йернии.

Воины тевты Маклорби отвечали громкими воплями одобрения, хлопали себя по ляжкам. Кое-кто в кругу поступил так же, другие же бормотали и оглядывались.

Эсон ощутил, как кожу тронул невольный озноб. Поздно — ничего не сделаешь. Теперь он все понял. У него есть враги в дане, и они хорошо продумали свой план. Эсон еще не пришел в силу после ранения, а сильнее Маклорби среди йерниев не было никого. В броне и с мечом Эсон победил бы любого. Но сейчас он обрек себя на поражение. Он стал вождем-быком йерниев и, принимая вызов, должен биться как положено йернию, и никак иначе. А они сражались нагими — лишь с волосяным поясом на чреслах, без брони, взятой в бою у микенцев. И если он хочет остаться вождем-быком своей тевты, придется биться без панциря. Нет другого выхода, если хочешь стать царем йерниев. Герой наг. Враги хорошо все продумали. Эти мысли мгновенно пролетели в его голове, и Эсон понял, как надлежит поступить. Нельзя отговариваться раной — вождь-бык всегда могуч. Нет отговорок, нет возможности отказаться от поединка.

— Маклорби прибежал к моему порогу и затыкал, как собака в жару, — проговорил Эсон, — Маклорби хочет усестись у моего очага и резать первым мое мясо по праву сильного. Я скажу всем, что будет с Маклорби. Он не будет впредь есть, ему более не суждено пить — потому что я убью его и ножом отрежу голову, чтобы сегодня ночью положить ее под колено.

С этими словами Эсон опустил меч и щит на землю и рванул шнурки на панцире и поручнях, отбросил их в сторону, за ними последовал шлем. Наконец на Эсоне остался только шнурок с кинжалом. Тогда он взял щит и, вдев в петли руку, провозгласил:

— Я Эсон Микенский. Я — йерний Эсон из Дан Эсон, и вот мой хендж. Я — убийца мужей. Я убью Маклорби топором. Пусть приблизится друг мой Ар Апа из Дан Ар Апа — я хочу оказать честь его топору и зарубить им Маклорби.

Вскочив на ноги, Ар Апа перебросил топор через огонь. Эсон в воздухе подхватил его.

— Маклорби абу! — вскричал Маклорби и, ударив в щит топором, бросился вперед.

— Эсон абу! — отвечал Эсон, делая шаг вперед.

Топор ударил в щит, и битва началась.

Уже после первых ударов стало ясно, кто победит. Маклорби был сильнее. Когда топор против топора — исход решает сила. Каменное лезвие ударило в щит Эсона, рука микенца ощутила удар. Собственный удар его был отброшен и перехвачен. Рука Эсона не отошла еще после первого удара, когда на щит обрушился второй и третий. Эсон отступал, но безжалостный как сама смерть Маклорби следовал за ним, нанося

удары сильной, не знающей усталости рукой, словно рубил дерево. Сейчас он рубил человека, и с каждым новым ударом Эсон ощущал, как оставляет его сила. Он задыхался, пытаясь выстоять. Эсон не был достаточно быстр и точен в движениях: принимая следующий удар, он не успел подставить щит — топор Маклорби задел плечо Эсона, пролилась первая кровь.

Завидев ее, все воины взревели, а Маклорби остановился и, отступив назад, потряс топором и щитом над головой, провозгласив свой боевой клич.

Эсон чувствовал рану, она была неглубокой, но кровоточила, и с каждой каплей сила понемногу оставляла его тело. Оставалось умереть?.. Но Эсон не хотел умирать. Маклорби повернулся и снова издал боевой клич. Тогда Эсон освободил руку от петель щита и взял его за край.

— Эсон абу! — хрипло вскричал он, бросаясь вперед. Расставив ноги, Маклорби стоял на месте и улыбался, дожидаясь Эсона, так что видны были желтые зубы. Эсон широко замахнулся топором, метя в бок Маклорби. Вождь-бык повернул щит, чтобы отразить удар, и тогда Эсон метнул свой щит ему в лицо.

Край щита угодил прямо в зубы Маклорби. Взыв от боли, тот отшатнулся. Топор Эсона отскочил от щита и ударил йерния по руке, выбив топор из руки Маклорби.

Прежде чем Эсон успел нанести новый удар, Маклорби отбросил свой щит и бросился вперед, впившись пальцами прямо в горло Эсону.

Боль едва не лишила микенца сознания. Как в тумане, мелькнуло перед ним лицо Маклорби, сплевывавшего зубы вместе с кровью. В голове гудело, и Эсон попытался замахнуться топором, но противник был слишком близко. Микенец выронил топор, ударил вперед кулаками, но без успеха. Вокруг кричали, орали, один голос был знаком — он ревел громче прочих: Эйас что-то советовал. Что-то о кулачном бое, Эсон едва разбирал слова. Но когда смысл дошел до измученного болью и дурнотой мозга, Эсон послушно выставил руки вперед. Не к горлу Маклорби протянулись они — в честном поединке двух сил сейчас он слабее, — но к лицу. Пальцы поползли вверх по скулам. И большие пальцы Эсона впились в глаза Маклорби.

Так поступали рабы, когда их заставляли биться без оружия. Воину такое обычно не могло прийти в голову. Пальцы погружались в глазницы, ковыряли, слепили.

Боевой клич Маклорби превратился в вопль боли, и руки его, выпустив горло Эсона, прижались к погубленным глазам.

Эсон сорвал с шеи кинжал. И единым движением погрузил его прямо под ребра противника — в сердце.

Задыхаясь, — голова еще кружилась от боли, глаза застилал туман, и Эсону приходилось моргать, чтобы видеть, — микенец нагнулся над трупом. Вокруг гремело «Эсон абу», клич повторялся снова и снова, а он пилил, пока голова не отделилась от тела. Руки были по локоть в крови, кинжал выскользнул из пальцев Эсона. Ухватив голову за длинный ус, микенец распрямился и неторопливо направился к своему каменному хенджу. Бросил голову между вертикальных камней, пустыми глазницами она уставилась на костер совета.

— Я — Эсон, вождь-бык йерниев, — хриплым голосом провозгласил он, привалившись спиной к прохладному камню — чтобы не упасть.

Глава 8

Эсон с жадностью припал к элю, потом густой мед принес некоторое облегчение его горлу. Потихоньку боль отступала. Трое остальных вождей-быков в молчании пили, огромная свинья нетронутой остывала на козлах. Подошли воины из тевты Маклорби, они хотели унести тело. Эсон не позволил и приказал им вернуться на место. Потом Эсон встал и вырезал свою долю мяса. Начался пир — и лишившийся головы труп служил йерниям безмолвным напоминанием.

Но, невзирая на присутствие трупа, угощение и напитки быстро подняли общее настроение. И уже скоро у костра зазвучали привычные хвастовство и бахвальство. Стемнело, в костер подложили смолистых сосновых поленьев, в воздух с треском взвились искры. Освещенный огнем, каменный хендж сделался еще более внушительным; вожди-быки и простые воины не могли противиться искушению потрогать зернистую поверхность камня. Эсон заметил это и, когда настало время, встал и сам прикоснулся к хенджу. Все умолкли.

— Я — Эсон. Я убил сто раз по сто мужей. Я убивал вождей-быков. Я убивал атлантов. Я убивал всякого зверя, что бродит по суше, я ловил каждую рыбу, что водится в море. Я вождь-бык в этом дане. Я построил этот хендж.

Правда была более внушительной, чем любая ложь. Он в самом деле совершил все это. Огромные камни подтверждали его слова. Никто не посмел возразить.

— Сегодня на этом самайне впервые сошлись вместе пять

тевт йерниев. Вы здесь потому, что вы — вожди-быки в ваших данах, — и так будет впредь. Но мы здесь не только воины, все мы йернии. И, когда мы вместе, никто не посмеет противостоять нам. Я прошу вас присоединиться ко мне, пусть будет союз пяти тевт. Я прошу вас сделать это здесь, в дане всех йерниев, в дане, какого еще не было. В каменном дане. Присоединяйтесь ко мне, и мы низложим ваши деревянные хенджи — вы поставите на их место каменные, как это сделал я. Так будет.

Все поглядели на деревянные хенджи и на огромные камни за Эсоном; умственным взором вожди-быки уже видели за собой такие же каменные арки. Вот это будет вещь! Сидя перед деревянным хенджем, Ар Апа увидел, ощутил эти камни. И с восторгом вскричал:

— Ар Апа абу! Эсон абу!

— Эсон абу! — вместе слилось множество голосов, и, когда крики стихли, Ар Апа спросил:

— Эсон, ты будешь вождем-быком всех йерниев?

Положив руки ладонями на камень, Эсон отвечал:

— Я буду.

Раздались новые громкие крики, все как будто бы одобряли план. Ни вожди-быки, ни тевты ничего не теряли, но приобрести могли многое. Там, на севере, за лесами жили племена, совершавшие набеги на юг за скотом. Теперь на них можно будет навалиться всей силой. Будет большая добыча. А хендж — останется хенджем. И когда они проявили наибольший энтузиазм, Эсон вновь потребовал тишины, указав на Интеба.

— Вот Интеб-египтянин, он — зодчий. Он огранил эти камни и возвел их. Он расскажет вам о том, что будет здесь сделано.

Сперва Эсон усомнился в плане Интеба, но чем больше думал, тем более привлекательной казалась ему мысль египтянина. Нужно не только заключить союз с вождями-быками, но и заручиться поддержкой воинов. Интеб знал, как это сделать.

— Здесь встанут пять хенджей для пяти вождей-быков, — указал Интеб, и все оборачивались, следя за его рукой. — А вокруг будет каменный дан для воинов. Будет кольцо камней, поверху перекрытых плоскими глыбами, в стене этой будут ворота, чтобы воины входили и выходили.

Вокруг заохали, послышались возгласы одобрения. Интеб подождал, пока все снова стихло.

— Как у всех воинов Дан Эсон есть здесь свой камень, так

и самые отважные воины всех данов получают свои врата в этом каменном дане. Они повесят на перекладины отрубленные головы, во время пиров увешают его добычей и сокровищами. Таким будет дан всех йерниев, таким будет он высечен из камня.

Тут уж никто не мог сдержаться. Послышались возгласы, боевые крики, взметнулись вверх топоры... похвальба заглушалась другой похвальбой. Посреди общего шума и возбуждения Ар Апа подошел к Эсону и уселся рядом. Они выпили, Эсон возвратил топор.

— Ты был рядом, когда я нуждался в тебе, — проговорил Эсон.

— Ты хорошо поработал моим топором, об этом будут вспоминать. Но я хочу спросить у тебя кое о чем. Твой египтянин не сказал, сколько дверей будет в каменном дане.

— Никто не спросил его.

— Верно. Но я думал о моем дане и вратах для его воинов, думал обо всех воинах, собравшихся здесь. Каменный дан будет огромным?

— Конечно, но не чересчур. Переставим голубые камни, возведем кольцо. Всего будет тридцать дверей, так сказал мне Интеб. Это большой труд.

— А тридцать — это много?

Эсон растопырил пальцы на правой руке.

— Вот пять пальцев. Тевт тоже пять. — Он приставил к пятерне большой палец левой руки. — А это шесть. Каждой тевте будет отведено шесть дверей. Если шесть взять пять раз, то и получим тридцать.

Хмурясь, Ар Апа поскреб землю пальцами.

— В моей тевте не шесть воинов.

— Так. Но почести будут принадлежать лишь шестерым. Это будут твои родичи, самые сильные из воинов. Каждый будет гордиться, владея дверью. Воины будут усердно трудиться, чтобы стать одним из шестерых. Они будут стараться, помогая тебе. И ты всегда будешь знать, что можешь рассчитывать на их поддержку.

Хорошенько подумав, Ар Апа кивнул и едва не улыбнулся. Остаться вождем-быком подчас сложнее, чем стать им. Раздоры и соперничество в тевте никогда не утихали. И эти шесть дверей помогут ему, очень помогут. Он вернулся назад к своему хенджу и снова выпил, радуясь: сход всех йерниев принес удачу.

Эсон спокойно пил, с благодарностью прислонясь к своему хенджу. Он устал, горло все еще болело. Но Интеб оказался прав — все были за него. Хенджи будут построены.

Ночь шла, войны постепенно пьянели. Эсону хотелось лечь спать, но он не мог этого сделать, пока шел пир. Явился Интеб, опустился рядом с Эсоном, отпил эля из чаши.

— Приключился несчастный случай, — объявил египтянин. — Умер друид Немед.

— Приятно слышать, — Эсон кашлянул. — Как же он умер?

— Его нашли лежащим, голова друида оказалась на камне. Упал, должно быть, разбил голову и умер.

— Вот не подумал бы, что у него такой тонкий череп. Интересно, не отправил ли его кто-нибудь в это путешествие?

— Такое всегда возможно. Но говорить об этом вслух не будут. Они с Маклорби замыслили погубить тебя. Но вместо того погибли в одну и ту же ночь. Я думаю, хитроумные утихомируются на какое-то время.

— Я тоже так считаю. Но друида надлежит похоронить с почестями после погребальных ристалищ.

Эсон поглядел через костер в сторону Эйаса. Сидел ли бывший раб на своем месте весь вечер? Эсон не помнил. А сейчас кулачный боец пил, чаша казалась маленькой в огромной ручише. Этим кулаком можно сломать челюсть, убить... можно проломить голову. Впрочем, лучше не допытываться. Главное, что друид более не будет злоумышлять против него.

— Великий Эсон, я принес янтарь с севера. По тропам несли мы его через великий лес, вниз по реке Рен, через узкое море — чтобы ты увидел солнечные камни своими глазами.

Подняв глаза, Эсон увидел, что перед ним склонился один из гераманиев, разворачивавший на земле сверток. Гераманий опустился на корточки, поправил на шкуре куски и пластины разноцветного янтаря.

— Меня зовут Гестум, за мной следует клан.

Эсон потрогал камни, поглядел сквозь лучшие на костер.

— Хорошо. Пусть мои мастера увидят этот янтарь.

— Так. Я показываю тебе их, чтобы поговорить. На нас глядят многие. Не тянись к своему запятнанному кровью кинжалу, чтобы погрузить его в мое сердце, когда я скажу тебе, что я служил атлантам.

Эсон все еще держал в руке янтарь, но больше не смотрел на камень. Муж-гераманий был высокого роста. Длинный плащ на шее удерживала изогнутая золотая застежка, тяжелая и драгоценная. Концы ее сверкали в складках ткани. На руках пришельца были золотые браслеты. Золотые бляхи украшали и рогатый бронзовый шлем. За пояс герамания был заткнут бронзо-

вый меч, бронзовый топор лежал рядом на земле. Холодными глазами глядел он на Эсона и не обнаруживал трепета.

— Ты знаешь, что я воюю с атлантами?

— Поэтому я здесь, хотя остальным это не нравится. Я скажу тебе: народ мой помогает атлантам — иначе мы не можем. Они добывают олово в наших долинах и плавят его. Атланты слишком сильны, мы не можем враждовать с ними. Но, помогая им, приобретаем и мы. Теперь мы сами делаем бронзу, наши торговцы странствуют по рекам к востоку и к западу. Мы знаем, что Атлантида воюет с Микенами. Это хорошо. Мы знаем теперь, что ты, микенец, объединил племена йерниев.

— Вы знаете много, — холодно отвечал Эсон. — Должно быть, троянец Сетсус о многом поведал вам... Вы помогали ему?

— Да, это было так.

Гестум распрямылся следом за Эсоном, они стояли лицом к лицу.

— Не стану лгать тебе, — проговорил Гестум, — я делаю только то, что идет на благо гераманиям. Мы продавали вести троянцу, помогали ему, мы забрали и твое олово. Теперь он погиб. А ты стал силой на острове, поэтому мы будем помогать тебе. А ты можешь помочь нам.

Быть царем не такое уж и счастье. Эсон-воин, зная все про Гестума, охотно вонзил бы меч ему в нутро. Но Эсон-правитель не мог этого сделать. Человек этот говорил правду. Они могут помогать друг другу и иметь от этого выгоду. Даже олово можно отправлять по Истру в Микены. Дан Эсон заплатит за это своим золотом.

— Садись рядом и пей со мной, — проговорил Эсон. — Твой янтарь восхищает меня.

— Я буду пить. Твое решение восхищает меня.

Глава 9

— Ар Апа абу!

Кричали воины тевты Ар Апы — и все прочие последовали их примеру, когда повалилась огромная пирамида из бревен, открывая могучие камни нового хенджа. Сделанный из того же обтесанного камня, он стоял по правую руку от врат Эсона. Новый каменный хендж был чуть пониже, такое лишь справедливо — но над равниной высились теперь два гиганта. За погасшим костром совета поднимались столпы третьего

хенджа — перемычки сверху еще не было. Когда крики приутихли, издали донесся стук камня о камень, четкий в сухом и холодном воздухе.

В низинах уже белел снежок, небо цвета шифера грозило разразиться новым снегопадом.

Ар Апа молчал — он просто не мог найти нужных слов — и приплясывал от радости на месте, потрясая топором над головой. Все понимали, что творится у него на душе. Зима была полна непривычных трудов, но жаловались только рабы. Повседневню совершавшееся чудо — мощь камня, покорившегося воле и руке человека, — по-прежнему завораживало воинов. Они приходили из данов других тевт, приводя с собой рабов, нагруженных припасами на целую зиму. Забивали скот, вялили мясо, варили эль. До весны делать было нечего, развлечься можно только на охоте, а эта возня с камнями приносила куда большее удовлетворение. Они сбивали себе пальцы, отдавливали ноги, четверо воинов погибли — но это не значило ничего. Йернии бились с камнем и побеждали.

Но приходилось думать и про другую войну.

— Атланты рассылают охотничьи отряды, — проговорил Эсон. — Так говорят альбии и охотники и те йернии, кто следит за копыю.

— Они хорошо вооружены и осторожны, — отвечал рассеянным тоном Ар Апа, не отводивший глаз от своих камней.

— В лесу йерниям они не соперники. Атлантов можно захватить врасплох — только лучше подождать, когда они повернут обратно.

Ар Апа расхохотался:

— Подобное могло прийти в голову одному тебе, Эсон. Взять не только их головы и мечи, но и добычу.

Радостная зима, такая запомнится надолго. Труды над камнями прерывались только ради набегов на атлантов. Приятные хлопоты. Пока атланты не стали наконец держаться осторожнее, их отряды было даже легче выследить, чем лесную дичь, — такая охота приносила сразу и мясо, и головы. Отличная зима. Вот придет весна и потеплеет — придется возвращаться в свои даны, к обязанностям и делам. И воины старались пробыть у огромных камней как можно дольше.

Работа шла быстро. Когда были закончены пять хенджей, йернии с прежним усердием взялись за установку внешних камней — врат воинов. Потом из них сложится целое кольцо, но сейчас на это еще ничто не намекало. Каждый воин сам выбирал себе место для своих ворот и куда они будут обращены. Двадцать четыре уже поставленных камня весьма неров-

ным кольцом обступали хенджи. Три вместе, три порознь и восемнадцать рядом. Установили только шесть поперечин. Их было труднее обтесать и поднять, а потому лишь пять уже лежали на месте, шестую поддерживала бревенчатая опора. Работа была в разгаре.

Утро ничем не отличалось от прочих, дело шло само собой, привычной чередой; все сделалось привычным, после того как установили первый камень. Эсон услышал вдалеке крики — кажется, его окликали по имени. Но близкие голоса наверху деревянного штабеля заглушили далекие вопли. Осторожно спускали на место одну из перемычек внешнего круга. Камни эти воистину были обтесаны с невиданным мастерством: в них не только были выбиты гнезда, отвечающие выступам на вершинах стояков — каждая пара поперечин соединялась с помощью впадин и выступов. Ставить их на место было нелегким делом. Крики вдали раздались снова, на этот раз Эсон расслышал собственное имя. Он обернулся, смахнул со лба капли пота и поглядел на равнину.

Трое мужей появились в служившем входом разрыве вала. Двое воинов принадлежали к его собственной тевте. Вдвоем они полунесли, полуподдерживали между собой облаченного в бурые одежды альбия. Голова его качалась из стороны в сторону, он совсем изнемог. Это был Тури, двоюродный брат Найкери. Заметив наверху Эсона, один из воинов, поднеся ко рту ладонь, выкрикнул:

— Атланты!

Эсон бросился к лестнице и слетел вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Воины бежали к дану, не жалея сил, и теперь задыхались. Альбий повалился на землю сразу же, как только его отпустили.

— Мы нашли его утром, — проговорил воин. — На равнине. Хромая, он брел в эту сторону. Сказал только, что сюда идут атланты, и назвал твое имя.

— Хорошо бы, — проговорил Эсон. — Мы потеряли много хороших воинов, пытаюсь пробиться за построенную ими стену. — Он понимал, что с такими силами атланты не могут представлять опасности, но волнение невольно стиснуло желудок в комок. Но, должно быть, случилось нечто неожиданное, иначе Тури не бросился бы бежать сюда.

Изможденный альбий припал к воде, отпил половину чаши. Подняв ее над головой, вылил на голову остатки.

— Сюда... идут атланты, — выдавил он наконец. — Прямо по нагорью, их ведут сюда.

— Мы поприветствуем их, — проговорил Эсон.

— Нет... приплыли новые... они высадились и идут сюда.

— Новые приплыли... сколько же их? Корабли пришли? Сколько?

— Вот, — Тури растопырил пальцы на одной руке и поставил еще два.

Семь кораблей. Эсон выпустил альбия, и тот осел на землю. Семь кораблей. Сколько же людей они привезли? Закованных в панцири, вооруженных мечами воинов морского царя. Явились по велению Темиса. Так вот почему царевич атлантов отослал назад захваченный микенский корабль с небольшим экипажем. Об этом Эсону доложили альбии — но тогда он не обратил внимания. Конечно, на него погрузили и олово, но нужны Темису были воины. Эсон ощутил, что вокруг воцарилось молчание и что воины не сводят с него глаз.

— Ты, — он обратился к ближайшему воину, — беги туда, где мы добываем камни. Скажи вождям-быкам Ар Апе и Мо-вегу, что я желаю их немедленно видеть.

Воин немедленно отправился за вождями, а Эсона обступили и воины, и рабы, понимая — случилось что-то необычное. Оглядев всех, Эсон быстро пришел к решению. Он подозвал к себе двух воинов.

— Коми, ты умеешь выслеживать человека и зверя. Корм, я слышал, что ты можешь насмерть загнать оленя, — и движением руки он остановил уже готовую вырваться похвальбу.

— Вы должны сделать так. Я узнал, что сюда приближаются атланты, вам еще не приходилось видеть сразу столько воинов Атлантиды. Они хотят захватить нас врасплох, но в такую игру могут играть двое. Говорят, они идут от копи — по нагорью. Вы знаете эту тропу?

Знали оба. Расспросив их, Эсон узнал, каков там путь.

— Быстро они не пойдут — дорога неровная, воинов много. И вы поступите так: возьмите с собой мяса и мех с водой. И тихо, как лис на охоте, отправитесь по тропе. Атланты не должны вас увидеть. Вы увидите их — и пойдете, пока они не станут лагерем на ночь. Тогда ты, Коми, останешься следить за ними, а ты, Корм, должен возвратиться сюда. Тогда мы выйдем навстречу им. Поняли?

Когда каждый повторил полученный приказ, Эсон отпустил их. Воины взяли с места бегом. Появились Ар Апа и Мо-вег, пробились через взволнованную толпу. Кончив возиться с камнем, вниз спустился Интеб. Секретов здесь не было: все действия тевты воины обсуждали сообща.

— Что там с атлантами? — поинтересовался Ар Апа.

— Идут сюда, их много, — ответил Эсон. — Пришли ко-

рабли, привезли воинов. Они уже в пути, хотят напасть на наш дан.

Раздались яростные вопли, послышалась кровожадная похвальба, сулившая незваным гостям страшную участь. Эсон дал гневу воинов утихнуть, прежде чем снова потребовал внимания.

— Они пришли издалека — чтобы умереть здесь, — провозгласил он. Послышались вопли одобрения, но скоро голоса стихли, чтобы каждый мог слышать речи вождей-быков. — Они пойдут по холмам, пойдут не быстро. Может случиться, что они придут сюда еще до темноты, но едва ли. Скорее всего, они остановятся на ночлег. Я послал двоих воинов, чтобы они дали нам знать об этом. Надо послать за всеми воинами-йерниями, выступаем немедленно — со всеми, кто под рукой. Мы найдем место, где остановились атланты. И как волки, мы нападём ночью на лагерь. Мы — лесные охотники, мы — охотники на мужей... Мы — убийцы мужей...

Слова его потонули в громких боевых кличах, грохотали топоры, ударяя в щиты. Обычно йернии ночью не воевали, но битва всегда радость, и они изливали восторг.

Разослали гонцов. Эсон позвал вождей-быков в свой дом. Интеб следовал за ними — сейчас будущее беспокоило его одного. Их ждала Найкери, Эсон приказал ей подать эль, мясо и соль. Вожди сели, Найкери поставила перед ними подносы. Они макали мясо в соль и ели, передавали друг другу чашу и пили. Тут, вдали от толпы, Интеб ощутил, что неясное будущее томит Эсона не менее, чем его самого.

— Я — тот, которого стремится убить Темис-атлант, — объявил Эсон. Вожди согласно кивнули. Рассказ о засаде и битве уже передавали из уст в уста. История постоянно делалась все более впечатляющей. Все слышали ее неоднократно, только еще не успели наслушаться вдоволь. — Я вызову его и убью перед воинами.

— Нет, — отвечал Ар Апа. — Сейчас Темис — хромой калека, он больше не муж. Темис не будет биться. Нам придется биться со всеми.

— Это моя битва.

— Это наша битва, — гневно вскричал Мовег. — Атланты пришли на нашу землю, они нападают на даны, они хотят смерти вождя-быка. Это наша битва. — И он свирепо впился в мясо, так что захрустели хрящи. Ар Апа согласно кивал. Все было решено.

- Сколько кораблей пришло?
- Тури сказал, что семь.
- Это очень плохо.
- Этого следовало ожидать.
- А нужно ли с ними биться? — спросил Интеб.

Эсон удивился:

- Конечно. А что же еще остается?

— Много чего, — закричала Найкери, она лишь сделала шаг назад, когда Эсон жестом велел ей умолкнуть. — На этом острове можно отыскать лишь того, кто хочет, чтобы его нашли. Пойти атлантам навстречу — значит самому искать смерти. Это просто безумие...

- Тихо, женщина!

— ...Ты найдешь одну только смерть. Ведь можно поступить иначе.

Вожди-быки йерниев жевали мясо, поглядывали на дверь. Женщинам не положено открывать рот в подобном обществе. Найкери обратилась к Интебу:

— Помоги мне, египтянин. Нет, не мне — ради меня ты рукой не пошевелишь. Помоги Эсону. Ты знаешь тайные кривые пути, найди другой способ управиться с атлантами. Ты умеешь это.

Нерешительно кивнув, Интеб повернулся к Эсону:

— Я знаю, что йернии, как и мужи Арголиты, презирают женщину. Но мы, египтяне, знаем, что устами женщины, случается, говорят не только они сами, и тогда мы слушаем их. С атлантами можно воевать и не врукопашную.

— Ночью мы захватим их сонными и перебьем, — проговорил Ар Апа.

— Хорошо бы — на лучший результат нечего даже надеяться. Но разве ты уверен в победе? А если погибнут не все, если их войско многочисленно и сильно, то утром уцелевшие...

— На этот раз я не могу воспользоваться твоим советом, — ответил Эсон. — Настало время битвы.

Вожди-быки торжественно склонили головы.

— Опять убивать! — отчаянно закричала Найкери, с размаха бросив на пол чашку. Чашка разбилась, во все стороны брызнул эль. В соседней комнате жалобно заплакал ребенок. — Убивать! Умеете ли вы делать что-нибудь другое? Неужели это все, на что вы способны? Мы, альбии, обходимся без ваших войн и вечных убийств. У нас в жизни есть еще кое-

что... А у вас? Мечи, топоры, смерть... есть же в мире что-то другое?

Оскорбленный словами Найкери, Эсон повернулся спиной к женщине, а вожди обнаружили нечто весьма любопытное за распахнутой дверью. За всех ответил Интеб — тоже разгневавшийся:

— Есть и другое, но что в том — пусть все будет как будет. Мужу дано благородство, которое неведомо низшим животным. И в жизни воина, в битвах оно проявляется самым высоким образом. Благородство, женщина, — слово это прозвучало плевком, — такая вещь, которой тебе не понять.

— И понимать нечего. Это безумие. Вы как олени весной... они бьют друг друга рогами, а потом погибают. Сцепятся рогами — и погибли оба. Не хочу понимать. Убийства...

Эсон вскочил на ноги. Схватив за плечи, он вытолкал Найкери из комнаты и захлопнул за ней дверь. В словах ее звучало проклятие, и на мужей словно пал мрак.

— Эсон — ты воитель, — невозмутимо произнес Интеб. — Муж битвы стоит во главе прочих мужей. Ты стоишь выше всех воинов. Сотни витязей кидаются исполнять твое слово. Куда же ты поведешь нас?

Эсон коснулся рукояти меча.

— Конечно, на битву. Если нам суждено умереть, встретим смерть, как подобает воинам..

Эпилог

Первым шел невысокий смуглый мужчина в бурой одежде — как те стволы, среди которых вела их тропа. Рядом с ним шагал воин в бронзовом панцире. Муж немолодой, но еще стройный, не согнувшийся под весом доспехов и длинного меча. Позади из леса появлялись все новые и новые воины, шедшие легко, не чувствуя ни веса брони, ни тяжести заплечных мешков, они перекликались и пели песни. Золоченой змеей извивался отряд по равнине, в нем было более сотни воинов.

Когда солнце достигло зенита, они остановились, чтобы подкрепиться и утолить жажду, и после короткого отдыха направились дальше. Наконец стемнело, и проводник, мужчина в белой одежде, указал на холм посреди равнины. Над ним висел дымок костров и серыми тенями поднимались огромные каменные глыбы. Отряд шел вперед, люди перекликались, обсуждая странное зрелище. Оказалось, что холм имеет форму кольцевой насыпи. Воины направились к прорезавшей ее выемке и нестройной толпой миновали узкий вход.

К внутренней стороне вала жались деревянные хижины, небольшие домишки. Из дверей выглядывали испуганные лица. Появились мужчины с каменными топорами, они отступили, заметив появление все новых и новых воинов. Предводитель велел отряду остановиться и один направился к кольцу каменных ворот, за которыми вздымались еще более могучие каменные арки. Их было пять: величественных, вселяющих трепет.

Рядом с ними предводитель отряда казался себе карликом.

— Во всем мире ты не увидишь ничего подобного, — слышался рядом голос, и воин быстро обернулся, привычно хватаясь за меч.

Навстречу ему ковылял одетый в лохмотья невысокий смуглый человек, похожий на приведшего их проводника. Предводитель опустил меч. Старый шрам натягивал кожу на лице подошедшего, изувеченная нога мешала ему ходить.

— Ты не атлант, — проговорил он. Чистый голос и четкая речь не вязались с лохмотьями. — Будь добр, скажи мне, кто ты и зачем пришел сюда.

— Я — Форос Микенский. Мои люди родом в основном из Микен, есть еще из Асины и Тиринфа, из других городов Арголиды.

— Тогда приветствую тебя, приветствую. Твое лицо сразу показалось мне знакомым: мы встречались. Я — Интеб-египтянин.

— Зодчий? — Форос пригляделся и покачал головой. — Похож, только...

— Много лет миновало, много всяких бед приключилось со мной. Сядем? Нога не дает мне стоять. Вон туда — на этот длинный камень. Некогда его называли камнем говорения. Поговорим же.

Следуя за прихрамывающим Интебом, Форос снова покачал головой. Судя по разговору египтянина, душа его была изранена столь же, как и тело. Они сели, глядя на возвышающиеся над головой камни.

— Моя работа, — сказал Интеб, и в голосе его прибавилось силы. — Я поставил эти камни для Эсона. Место это зовется Дан Эсон, дан йерниев.

— А где сам Эсон? Мы ищем его. Торговцы с севера, германии, донесли весть о нем царю Перимеду.

— Ты опоздал.

— Войны были, и путь неблизок.

— Войны есть и были всегда... война — дело мужское. Мы здесь воевали с атлантами. И я в том числе — видишь эти благородные раны? Великая была битва, пусть мы и проиграли ее.

— Эсона убили?

— Нет, захватили живым, но перед этим он успел сразить многих. Я видел, как его уносили, раненого, потерявшего сознание. Потом я узнал, что он был еще жив, когда атланты уплыли отсюда. Они увезли его на своем корабле. Так что сейчас он, конечно, мертв.

— Когда это случилось? — негромко, чтобы скрыть волнение, спросил Форос.

— Когда? Я потерял счет месяцам. — Зодчий огляделся. — Сейчас у нас сухой месяц пейни, по египетскому счету. Значит, это случилось месяцев тринадцать назад — в месяц эпипи.

Поднявшись на ноги, Форос стал взволнованно прохаживаться.

— Мы мечтали найти его живым, но, мне кажется, и сам

Перимед уже не надеялся на это. Мы знали, что атланты послали сюда отряд, поэтому я взял семь кораблей. Но атланты давно уплыли, лишь небольшой отряд оставался на копи — все они мертвы. Значит, они увезли Эсона с собой в Атлантиду?

— Куда же еще идти кораблям атлантов? — вопросительно произнес Интеб, потирая ногу.

— Действительно, куда? Если ветер был попутным, они успели вовремя. Эсон, брат мой двоюродный, мертв, но он принял благородную смерть, зная, что Атлантиду ожидает неизбежная гибель.

— Ты говоришь загадками, а я очень устал.

— Тогда слушай, египтянин. Ты знал его...

— Любил.

— Тогда узнай, как он умер. Мир стал другим. Был день огня, солнце побагровело и стало черным, земля содрогалась, и в Микенах с неба сыпался пепел. А когда мы спустились к морю, оказалось, что воды вздыбились и смыли в море все города, что были на побережье. Люди еще не видали подобных волн. Пострадали и далекие города, до самой Трои. Все корабли погибли, все побережье было разрушено. Мы построили корабли и поплыли на Крит. Нет больше Феры, священной отчизны атлантов. Берега Крита опустошены, корабли утонули. Микены правят теперь Атлантидой и Арголидой, могучие Микены правят всеми со своего утеса, далекого от моря.

— Не понимаю...

— Не понимаешь? Разве тебе не ясно, что захваченный атлантами в плен Эсон погиб на Крите вместе со своими врагами, зная, что смерть их дарует Микенам жизнь? Он встретил свою победу.

— Он погиб. Что в том, как это случилось? После него остались эти арки, эти хенджи из камня. Они будут жить после его смерти и напоминать о нем. Мужики будут видеть их и помнить, что некогда здесь произошло великое. Ты возвратишься в Микены?

— Без промедления. Надо обо всем известить Перимеда.

— Возьмешь ли меня с собой? Думается, я хорошо послужил Микенам. А теперь я мечтаю вновь увидеть зеленый Египет. За мой проезд я заплачу Перимеду настоящим сокровищем. Его внуком.

— Неужели Эсон здесь женился?

Интеб криво усмехнулся:

— По обряду здешних людей он был женат на местной царице. Мы с ней любили Эсона и в конце концов сумели за-

быть о прежней ненависти друг к другу. Она спасла мне жизнь. Семя Эсона вновь ожило в ней, но я не сумел отплатить ей тем же за жизнь, которую она мне вернула. Она умерла, и с ней дочь Эсона. Но сын его жив. Вот он за камнем — тот, что посмелей йернийских мальчишек. — Он громко позвал:

— Атрей, поди-ка поближе. Это твой родич.

Мальчик медленно подошел. Если он и был испуган, то не обнаруживал этого. Широкоплечий и крепкий, как отец, с таким же настойчивым взглядом.

— Я учил его микенскому языку, — сказал Интеб, — надеясь, что день этот все-таки настанет.

Мысли его отвлеклись, зодчий задумался. Скоро он оставит эти края. Скоро увидит дом свой, золотой Египет, но часть его души — Интеб понимал это — все равно останется в этих краях. Эти великие камни принадлежат Эсону. Если где-то сейчас живет частица его — так именно тут. Интеб медленно хромал между камней, прикасаясь к их ровной поверхности, ему вспоминались боевые кличи йерниев, грохот топоров о щиты.

Все. Кончено. Наконец-то впереди встреча с домом. Неровные шаги привели египтянина к камню, над которым он так долго трудился. Восхитительно твердым был этот камень. Рука его погладила поверхность колонны. Собственными руками совершил он это. Каменным молотом, обломком медного меча вместо зубила — металл стерся о камень. Но чем тверже камень, тем дольше сохраняет он на себе знаки.

— Эсон, — проговорил Интеб.

Перед этим камнем и пал его друг. Зодчий провел пальцами по кинжалу, выбитому, выгравированному им на поверхности камня. Длинный узкий микенский кинжал с крестообразной рукоятью. Царский кинжал Эсона. Знак Микенского царства.

Охваченный усталостью, Интеб повернулся к нему спиной и захромал прочь — крошечная фигурка среди гигантских блоков. Больше он не оборачивался. Он оставил и Дан Эсон, и Остров Йерниев. Оставил йерниев, сильно поредевших в числе и рассеявшихся, потерявших свою силу.

И пала тогда тьма на остров, и длилась она долго.

Послесловие

Глава I

В этом романе много крови и жестокости — так и должно быть, если пишешь об истории бронзового века в Европе. Примерно таким и был мир за полторы тысячи лет до Рождества Христова, таким изображал его Гомер. Конечно, Гомер прославлял отвагу и храбрость воинов: они были не единственной составляющей общества героического периода, но ведущей. Все, кто изучает времена Гомера, прекрасно понимают это. Возникает вопрос: что означают 20—30 бронзовых клинков, обнаруженных в одной из микенских гробниц, и как добывал себе пропитание их владелец? Ответ ясен без слов. В поэтических произведениях, созданных по заказу вождей, встретится много поэтических преувеличений, вне зависимости от того, связаны ли эти сказания непосредственно с Микенами или нет. Но, невзирая на любые преувеличения, нельзя сомневаться в том, что век Стоунхенджа — это век героев.

Наш роман начинается с цитаты из «Крития», с отрывка, в котором Платон повествует об истинно первой мировой войне на нашей планете. С одной стороны выступал союз греческих городов Аргολиды. Противостоял им царь Атлантиды, нами названный Атласом, основатель империи атлантов, называемой историками минойской, — империи, погибшей под ударами микенских греков и погрузившейся в волны Эгейского моря, над которым она господствовала.

В этой войне участвовали почти все древние страны — от Трои до лесной глуши Центральной Европы, от маленьких крепостей-дворцов Аргολиды до величественной Атлантиды.

Война эта велась за сырье не менее важное, чем то, от которого получил имя наш нефтехимический век. Тогда это было олово, теперь — нефть. Без олова не было бы бронзового века. Уже на заре металлургии стало ясно, что чистая медь слишком мягка, из нее не получается надежных инструментов и оружия. Чтобы получить твердый сплав, требовалось олово — металл, не часто встречающийся в природе. Одна его часть, прибавленная к девяти частям меди, превращает ков-

кую, повсюду встречающуюся медь в твердую бронзу. Если олова слишком много, бронза становится хрупкой, как и сама отверждающая компонента этого сплава: если слишком мало — бронза останется мягкой, как и сама медь. Но олово встречается редко, тем более что древние не так глубоко вгрызались в землю, как это делаем мы. Они искали комочки касситеритов в ручьях, протекающих через оловоносные земли. Нигде теперь на всей земле не встретишь эти комки, похожие на орех, наши предки давным-давно освободили поверхность ее от этих самородков.

В настоящем романе мы используем сведения о древних способах добычи руды и примитивных методах плавки. Мы ничего не придумывали, так все и делалось, так выплавляли олово, ковали медь, плавали под парусами, тесали камень, так ставили камни Стоунхенджа, так делали все прочее... Приведенные нами технические подробности основаны на истинном знании, полученном с помощью археологии.

Что же касается персонажей — борьбу за олово ведет герой, представитель той группы населения, которой оно необходимо, — царек бронзового века и его воины. Обе соперничающие стороны ищут ценный металл далеко от собственного дома и в свою борьбу втянули всех, кого только можно. Атланты из Средиземного моря направлялись в Черное, поднимались до середины реки Дунай, там были их оловянные копи. Другая сторона искала олово в западных пределах, за Гибралтарским проливом в Атлантическом океане. — в Британии, в оловянных копиях Корнуолла.

Другой стороной были микенцы, и Стоунхендж был построен в ходе войны их с атлантами почти три тысячи пятьсот лет назад. Его не могли не построить. Он был необходим — в качестве оборонительной меры против атлантов.

Это историческое повествование? Да. Построенное на истинных фактах — да, в том смысле, что мы не опустили ни одного факта и не придумали ни одной недостоверной детали ради развития сюжета. Но это не исторический роман, это роман об истории. Мы нигде не вышли за пределы того, что действительно могло произойти. Выдуманы сами личности героев, их поступки — но облик культур, представителями которых они являются, оставил свои следы в камне. Вся приключенческая интрига построена на строгих фактах. Рассмотрим некоторые из них.

В 1953 г. в Стоунхендже на внутренней поверхности одного из пяти трилитов, входящих в это каменное сооружение, было обнаружено изображение кинжала. Археологи усмотрели в этом изображении аналогию с кинжалами, обнаруженными в царских гробницах Микен. Таким образом, было предположено, что возведение Стоунхенджа отражает связи со Средиземноморьем, — так утверждали заголовки газетных статей об уникальном открытии. По ряду соображений создание кольца мегалитов было датировано примерно 1500 г. до н. э.

Дату определили следующим образом. Во-первых, было установлено сходство между весьма отчетливым изображением кинжала в Стоунхендже и оружием того же типа, обнаруженным в царском захоронении в Микенах возле Львиных ворот. Там среди погребальной утвари обнаружены предметы из Египта, в том числе и керамика, которая поддается точной датировке, поскольку различные типы сосудов соотносятся с современными им записями, содержащими даты египетского солнечного календаря. Оказалось, что в микенских шахтовых царских могилах рядом с бронзовыми кинжалами находится египетская керамика середины второго тысячелетия до н. э. Форма этих кинжалов в точности соответствует изображению на внутренней поверхности камня номер пятьдесят три. Таким образом, можно предположить, что эта фаза развития комплекса Стоунхенджа, с ее массивными трилитами и сарсеновым кольцом, соответствует именно этому времени. Позже дата нашла подтверждение с помощью радиоуглеродного анализа: было исследовано органическое вещество — роговой наконечник, обнаруженный у подножия одного из камней. Позже радиоуглеродная хронология была пересмотрена, и, в соответствии с новым, более сложным эталоном, все даты отодвинулись в прошлое. Теперь Стоунхендж оказался датированным 2000 г. до н. э.: другими словами, было предположено, что он возведен за пять столетий до возвышения Микен и прочих городов Арголиды (микенского союза, именуемого по своему главному городу).

Однако потом археологическая мысль совершила свой полный оборот. Помимо изображения на камне были обнаружены другие свидетельства связей с Микенами: на юго-западе Британии возле оловянных месторождений был найден на-

стоящий микенский кинжал и слиток микенского образца, не говоря уже о ребристой золотой чаше из Риллатона, расположенной неподалеку, подобной тем, что были обнаружены в шахтных погребениях. Возможно, что радиоуглеродный метод дал здесь ошибку — связи со Средиземноморьем значительно более достоверны. Можно заключить, что в 1500 г. до н. э. микенцы действительно присутствовали у Стоунхенджа.

Примерно в этот же период катастрофическое вулканическое извержение на острове Фера в Эгейском море погубило столицу островного царства минойцев, известного и под именем Атлантида. Невзирая на все облако тайн, которым окутано это государство, легендарная страна, описанная Платоном, давно приобрела реальный облик: начиная с 1909 г. некоторые археологи видят в ней изображение минойской державы, что тоже явилось объектом для броских газетных заголовков. Эта вполне респектабельная старинная новость была позабыта за волной новейших оккультных фантазий; тем не менее она до сих пор в ходу в научной литературе. Итак, факты гласят, что морская держава атлантов располагалась на двух островах, Фере и Крите, первом — маленьком и округлом, втором — большом и прямоугольном — так писал Платон. Она существовала одновременно с Микенским союзом и конфликтовала с ним.

Основываясь на этом, мы в романе воспользовались предположением, что резное изображение кинжала на поверхности камня и даже сам Стоунхендж возникли в результате стечения обстоятельств во время продолжительной войны Микен и Атлантиды. Фантастика? Ни в коей мере. Свидетельство Платона о существовании у египтян записей о долгой войне с Атлантидой историкам не кажется удивительным. Они оспаривают представление об Атлантиде, созданное трудами любителей разных тайн. Эту загадку можно легко разрешить, если предположить, что Платон допустил элементарную ошибку в дате. В результате явной описки переписчика, которую старательно не замечают все, кто рассчитывает воспользоваться ею в тех или иных целях, у Платона суперцивилизация Атлантиды процветает как раз в те времена, когда человечество на всей Земле еще не вышло из стадии охоты и собирательства. Историю Атлантиды Платон узнал от Солона, тот — от египетских жрецов. В соответствии с сообщением Солона, жрецы утверждали, что Атлантида погибла за 9000 лет до его посещения Египта, где греческий мудрец изучал библиотеку

храма Нейт в Саисе, столице Нижнего Египта. Подобная датировка отодвигала события к окончанию плейстоценового, или ледникового, периода. Ни одна человеческая культура еще не сделала тогда революционного шага от собирательства и охоты, характерных для древнего каменного века, или палеолита, к земледелию и скотоводству, ставшим преобладающими в новом каменном веке, неолите, не говоря уж о развитии городов. В то время не существовало даже самой египетской цивилизации, а тем более — жрецов, способных зарегистрировать это событие. Подобно египетской, цивилизация Атлантиды принадлежала бронзовому веку — с его парусниками и торговлей, металлургией и дворцовыми ремесленниками, величественными дворцами и храмами, монументальными общественными сооружениями. Солон легко мог принять сотни за тысячи — типичная ошибка, если имеешь дело с египетскими числительными. На самом же деле жрецы называли 900 лет, а не 9000. Эта дата более правдоподобна: тогда война должна была происходить около 1477 г. до н. э.: именно тогда, как утверждают геологи, случилась катастрофа на Фере.

Действие нашего романа начинается за три года до этой даты. Столько лет потратил наш герой — средиземноморец, микенский царевич Эсон, на возведение Стоунхенджа как сооружения, необходимого для войны с Атлантидой.

Жившие в дельте Нила египтяне имели все основания надолго запомнить гибель Атлантиды, они были потрясены этим событием. Взрыв Феры сопровождался землетрясением, приливными волнами, выпадением пепла. Он был мощнее извержения Кракатау. Предполагается даже, что евреев в их исходе через пустыню, лежавшую почти на уровне моря, преследовала именно армия Тутмоса III, уничтоженная волнами цунами, распространявшимися к югу из Эгейского моря. Но Египет уцелел, а второй главный остров Атлантиды, Крит, подвергся разрушениям. Огромный дворец в Кноссе был разрушен, последующий этап в истории Крита оказался микенским, как это следует из смены алфавита дворцовых надписей. Падение Атлантиды позволило микенцам занять и перестроить Кносс, далее на пути их в восточное Средиземноморье лежала Троя. Запечатленное Гомером падение Трои, в свою очередь, знаменует окончание микенского периода в истории Греции.

От Гомера мы переходим к другим культурам европейского бронзового века: культуре Унетице на территории нынешней Чехословакии, родине наших германиев, и уэссекской культуре юга Британии, созданной йерниями, завершившими строительство Стоунхенджа. Микены, а к северу от Альп Унетице и Уэссекс — вот точки наивысшего развития в Европе тех времен. Минойскую культуру Атлантиды можно считать вариантом микенской — пусть и более сложным, — но война между ними засвидетельствовала равенство соперников, о чем сообщает Платон; в тяжелой борьбе сходятся только равные. В обоих государствах записи велись на табличках из необожженной глины; сохранился лишь хозяйственный архив. Отзвуки истории Микен нашли место в произведениях Гомера, созданных около 750 г. до н. э., через несколько столетий после падения этой культуры, уже на грани железного века, в самом начале классического периода греческой истории. Из Центральной Европы до нас не дошло никакого подобия этому эпосу, однако в известном смысле Гомера можно считать и североευропейским поэтом. Героический быт благородных воинов бронзового века одинаков повсюду, вне зависимости от того, воюют они бронзовыми мечами (Микены и Унетице) или каменными боевыми топорами (Уэссекс). В конце концов, каменные топоры эти являются копией металлических. Воины Уэссекса предпочитали выбирать драгоценные породы камней для своих двусторонних секир, полировка придавала такому камню металлический блеск.

Параллельно героической традиции Европы развивается цивилизация на Ближнем Востоке: шумерская в междуречье Тигра—Евфрата и египетская — на узкой полоске плодородных земель, вытянувшихся вдоль Нила. Обе традиции восходят к бронзовому веку, но каждая по-своему. Конечно, обе цивилизации порождены неолитическим производством, использующим одомашненные растения и животных. Такая культура имеет два варианта — или оседлое земледелие, или кочевое животноводство. Последний вариант традиционен для древней Европы, которую заселили пришедшие с востока люди культуры боевых топоров; их родиной, родиной всех индоевропейцев перед расселением были степи Южной России, Украины. Люди культуры боевых топоров, родоначаль-

ники индоевропейцев, первоначально были неолитическими племенами со смешанным типом сельского хозяйства, а уже потом сделались кочевниками-пастухами. Почему это случилось, пока непонятно. Возможно, причину следует искать в состоянии почв региона. Первые земледельцы начали сводить лес, деревья на заброшенных расчистках не вырастали, и лесные края стали степью, и постепенно земледелие было заброшено, сменившись чистым животноводством. В то же время эти племена испытывали воздействие шумерской цивилизации, возникшей тогда на далеком юге — в Месопотамии, — цивилизации, почти уничтоженной ими в процессе окончательного становления воинственных кочевых пастушеских племен, известных как люди культуры боевых топоров. Они воевали каменными топорами. Оружие это в камне воспроизводило форму бронзовых боевых топоров шумеров. Точнее сказать, предметом для подражания являлись боевые топоры, поставлявшиеся в Шумер в качестве товара общиной богатых кузнецов, жителей Кавказа, где был расположен один из двух самых древних центров металлургического производства на нашей планете. Другой находился в Хорватии в отрогах Восточных Альп, где имеются месторождения олова и меди.

После миграций и захватов, в конных повозках и боевых колесницах, эти племена пришли в Западную Европу и Британию, неразлучные со своим каменным боевым топором даже после освоения металлургии. Люди боевых топоров распространились повсюду. Говорили они на общем индоевропейском языке, позже разделившемся на санскрит, греческий, кельтский и сотню других. Вступив в хараппскую Индию, они сделались ариями, сокрушителями городов, их эпос — «Ригведа». В Греции люди боевых топоров стали микенцами, Гомер воспел их. В Западной Европе они сделались предками кельтов. Итак, люди боевых топоров явились общими предками и микенцев, и уэссекских воинов — наших йерниев, построивших Стоунхендж. К этому времени колесницы еще не успели пересечь Ла-Манш. Это событие состоялось уже в железном веке.

В Европе они образовали военную аристократию, осевшую среди местных земледельческих, еще неолитических племен, создав внутриплеменное деление на героев-воинов и производителей сельскохозяйственной продукции. Возникшая политическая система в обществе героического периода характеризовалась сосредоточением власти в руках вождей.

Племена возглавлялись выборными вождями, а не королями-династами. По сути дела, царь Перимед не был царем, не были городами и Микены, — как и дан йерниев. Это была крепость-дворец, в которой восседал Перимед, распределяя добычу, захваченную в сухопутных и морских набегах; в основном он копил сокровища для себя, а часть раздавал в виде даров приближенным, воинам и вождям-соперникам. Подобный дипломатический обмен уже подводил его к истинно царской власти, позволял положить начало династии. Этой политической эволюции содействовала война с Атлантидой, требовавшая от всей Арголиды единства действий, как от одного царства, подчиняющегося единому властелину. Развитие подобных отношений во всей остальной Европе еще не заходило так далеко, в лучшем случае образовывались весьма непрочные союзы между племенами. Всюду речь шла об обладании драгоценными металлами. Вожди создавали свои отряды ради грабежа, воинская потеха и угроза мести укрепляли их власть.

Герои-вожди варварской Европы не похожи на цивилизованных владык подлинных царств, располагавшихся на Ближнем Востоке. Там цари и фараоны также стремились заполучить драгоценные для цивилизации металлы, однако решали этот вопрос как государственные мужи, покровительствуя торговле в широких масштабах. Частично объяснение этому следует искать в том, что в пределах Шумера и Египта отсутствуют месторождения полезных ископаемых. Руды металлов добывались в Европе, возле первых рудников началась и металлургия. Поэтому основной заботой древних царей были непрекращающиеся поиски олова и меди: владыки рассылали купцов, лазутчиков и воинов-авантюристов далеко от дома. Их добыча служила искусству царских плотников, скульпторов, ювелиров; на нее содержались солдаты и придворные. Здесь возникает еще один контраст с европейскими племенными государствами, где воины образовывали не армию, но слой аристократии, а ремесленники скитались, следуя традиции бродячих медников. Еще более разительное отличие заключается в том, что цари Шумера и Египта обитали в истинных городах, где городская жизнь проявилась уже во всех известных нам аспектах, а не в населенных аристократами поселках. Города существовали за счет окружающих неолитических земледельческих поселений, за счет налогов вырастали из таких поселений. Городской жизни отвечала государствен-

ная организация, ориентированная на потребности элиты культура — все это отсутствовало у племенных государств, и в Европе, узнавшей железо, все они покорились наследникам царств бронзового века, когда те приступили к территориальным приобретениям.

Здесь я имею в виду расширение территории Римской империи, покорение Галлии Цезарем. Будущий император молниеносно разгромил героев-воинов, предпочитавших индивидуальные поединки, руками обученной дисциплинированной армии. К счастью, он описал уничтоженную им культуру, используя при этом свидетельства классических авторов. Среди них следует выделить грека Посидония, умершего в 51 г. до н.э., ко времени написания собственных записок Цезаря. Посидоний описывает келтов, обитателей Галлии; нам они известны из классической истории под именем кельтов. Археологически этим племенам соответствует последний горизонт доримского железного века, так называемая латенская культура.

Железный век в его римском воплощении принес не только дешевое железо для оружия и орудий труда, он дал алфавит, монеты, гильдии свободных ремесленников, связь с помощью конной почты. Дешевые доступные мечи и доспехи уничтожили военную монополию аристократии бронзового века; стало возможным появление организованных армий; алфавитное письмо покончило с монополией на грамотность, находившейся в руках жрецов-писцов, служивших царям бронзового века; монеты сделали возможной мелкую торговлю, сменившую колоссальные обороты царей, дешевые инструменты сделали возможным независимое существование ремесленников под защитой гильдий. И новые правители железного века вели другую политику — имперскую по образу мысли.

Граничившая с Римом латенская Европа, тем не менее, социально не слишком отличалась от предшествовавшей ей Европы бронзового века. Посидоний описывает нам кельтских воинов с железными мечами, выходивших на героический поединок — не на общую битву. Цезарь обнаружил в Британии колесницы — как у героев Гомера. В источниках по истории кельтской Европы отсутствуют сообщения о династических королевствах, тем более об империях; ремесленники были независимы — гильдий не существовало — и странствовали, работая то у одного, то у другого племенного вождя. Функции жрецов исполняли друиды; они не пользовались письмом: все знания, в том числе генеалогии и подвиги вождей, запомина-

лись ими и пересказывались. Если отнять железо — получим гомеровские Микены. Даже крупная конфедерация племен, находившаяся под властью военных предводителей, по словам Цезаря, выступившая против него, появилась скорее всего в результате реакции на нападение внешнего врага. Таким врагом была и Атлантида для враждующих крепостей микенской Арголиды, в которой правил выдуманный нами царь Перимед, прототипом для которого явился ополчившийся против Трои Агамемнон. Лишь ради такой цели города-крепости могли оставить взаимные набеги и похищение скота. Это те же самые воины-пастухи, которые построили Стоунхендж в бронзовом веке в Британии; их двойные каменные боевые топоры с просверленным отверстием, а также захваченные драгоценности обнаруживаются в курганах возле этого мегалитического сооружения. В радиусе двух миль от него находится около 460 таких курганов. И если кельты проводили племенные сходки на кладбищах, окруженные своими мертвыми героями, значит, и окруженный погребениями Стоунхендж мог служить подобной цели. Действительно, и уэссекские воины, создатели монумента, и центрально-европейские витязи, погребенные вместе с бронзовыми мечами под курганами Унетице, археологической науке известны под общим именем протокельтов. Наши йернии и германии — просто бедные родственники героев Гомера. И мы вполне оправданно прибегаем к проекции некоторых базовых элементов кельтской культуры железного века в прошлое, во времена их непосредственных предков, современников бронзового века. В кельтах мы можем видеть кое-что от наших протокельтских уэссекских воинов, йерниев, если угодно, тех, о ком не дошло ни письменных, ни изустных исторических свидетельств.

Глава 4

Полученные от очевидцев сведения о жизни и обычаях кельтов использовались греческими авторами, такими, как географ Страбон, историк Диодор Сицилийский и более всего этнограф Посидоний. Страбон говорил о кельтах: «Они обожают войну, вспыльчивы и драчливы». Можно не сомневаться, такими были и йернии, такими мы изобразили их в нашем романе.

В пятом столетии нашей эры последнюю уцелевшую твер-

дыню кельтской культуры Св. Патрик обнаружил в Ирландии. Это был пережиток индоевропейской культуры времен Гомера и «Ригведы»: с колесницами, кражами скота, постоянными войнами, громогласными хвастунами-героями, основными добродетелями которых являются отвага и боевая удаля. Изустные повествования превозносили такие деяния. Христианские монахи записывали эти сказания, в том числе и «Похищение быка из Куалнге».

Военная аристократия, ее набеги и бои — единственное, что интересует Гомера и создателя «Похищения». Описывая обычаи галльских кельтов на пирах, Диодор делает прямую ссылку на Гомера:

«Возле них находятся пылающие очаги и котлы, и вертела с огромными кусками мяса. Храбрых воинов почитают лучшими кусками — так, по словам Гомера, приветствовали Аякса вожди, когда победил он Гектора в единоборстве — ...*Но Аякса героя особо хребтом бесконечным сам Агамемнон почтил*»¹.

Посидоний видел нечто подобное. И его описания в более драматической форме предстают в ирландских сагах.

Иногда за обедом кельты затевают поединок. Взяв оружие, они наносят друг другу легкие удары и отражают их, но иногда случаются раны, и раздражение, вызванное ими, может повести даже к гибели соперников, если их не разведут очевидцы. А в прежние времена пекли целиком заднюю часть свиньи, и самый храбрый вырезал из туши лучший кусок; тот, кто возражал, поднимался, и они бились насмерть.

В ирландских героических сагах доля сильного называется *cuadmir*. Буквально — это кость состязания или раздора. Но как же определить сильнейшего? В «Повести о свинье Мак-Дато» воины один за другим требуют права разрезать свинью на пиру: каждый уступает сопернику после взаимных оскорблений и хвастовства. Наконец силач из Коннахта, Кет мак Матах, собирается резать жаркое, посрамив нескольких соперников. Тогда в зал входит Конал Кернах, и разыгрывается та же самая сцена, которую за тысячу лет до того видел в Галлии Посидоний. Разве можно лучшим образом подтвердить архаизм ирландской традиции! Жива латенская культура!

«...В то время как он с ножом в руке уже готов был приняться за свинью, все увидели Конала Победоносного, входя-

¹ Гомер. Илиада. Пер. Н. М. Гнедича.

шего в дом. Одним прыжком очутился он среди собравшихся. Великим приветом встретили его улады. Сам Конхобар снял венец со своей головы и взмахнул им.

— Хотел бы и я получить свою долю! — воскликнул Конал. — Кто производит дележ?

— Пришлось уступить тому, кто делит сейчас, — сказал Конхобар. — Кету, сыну Матаха.

— Правда ли, — воскликнул Конал, — что ты, Кет, делишь свинью?

— Верно, — отвечал Кет.

— Эй, отойди от свиньи! — воскликнул Конал.

— А у тебя какое право на нее? — спросил Кет.

— У тебя есть право вызвать меня на поединок, — сказал Конал. — Я готов сразиться с тобой, Кет! Клянусь клятвой моего народа, с тех пор как я взял копьё в руку свою, не проходило дня, чтобы я не убил хоть одного из коннахтов, не проходило ночи, чтобы я не сделал набега на землю их, и ни разу не спал я, не подложив под колено головы коннахта.

— Это правда, — сказал Кет. — Ты лучший боец, чем я. Будь здесь Анлуан, брат мой, он вызвал бы тебя на единоборство. Жаль, что его нет в доме.

— Он здесь, вот он! — воскликнул Конал, вынимая голову Анлуана из-за своего пояса.

И он метнул ее в грудь Кета с такой силой, что у того кровь хлынула горлом. Отступил Кет от свиньи, и Конал занял его место¹.

Повествование о свинье Мак-Дато — лишь одна из героических саг, к которым относят и «Похищение», совместно именуемых уладским циклом. Общим героем их является король Конхобар, аналог гомеровского царя Агамемнона. Богатырем является Кухулин, ирландский Ахиллес. Ирландскими троянцами можно назвать людей короля Коннахта, одним из которых является Кет мак Матах. На самом деле «Илиада» достаточно точно иллюстрирует жизнь кельтов Галлии и Ирландии. Гомеровские Микены представляют собой отнюдь не городской элемент индоевропейской культуры, вправленный в средиземноморскую оправу. Скот есть форма богатства, приобретение его является целью многих набегов и битв улад-

¹ «Повесть о свинье Мак-Дато». Пер. А. А. Смирнова в книге «Ирландские саги». М., ACADEMIA, 1933.

ского цикла. Это мера благосостояния у Гомера: захваченный панцирь оценивается не менее чем в девять — до ста голов скота, ради такого стоит рискнуть.

Быть может, единственное различие заключается в том, что саги уладского цикла, с не меньшим восторгом описывающие придворный церемониал, чем делал Гомер, предпочитают окончание церемоний самим церемониям, которые греческий аэд описывает в развитии. Самые благородные ирландские герои забывают о достоинстве ради юношески живой драки, невзирая на обилие ритуальных тонкостей, соблюдаемых в пиршественном зале, центре дворцовой жизни. Кельтские пиры у Посидония и старинные ирландские саги населены хвастливыми рыгающими вождями, наделенными сильной рукой и крепкой глоткой, предводителями гнусных шаек несовершеннолетних гангстеров. При любом надуманном оскорблении все хватаются за мечи: с губ под сальными усами срываются угрозы, брань, хвастовство — в самой напыщенной форме. Создатели Стоунхенджа действительно могли быть такими грубыми варварами. Конечно, ирландские саги дают более точные описания, чем Гомер. Впрочем, не следует забывать, что греческий аэд прославляет отнюдь не городское общество, а героическое.

Куда более отталкивающей, чем плохие манеры и хвастовство, чертой общества йерниев являются человеческие жертвоприношения. Мы здесь также воспользовались кельтским обычаем. В одном из самых ярких эпизодов «Записок» Цезарь так говорит о человеческих жертвоприношениях в Галлии:

«Некоторые племена употребляют для этой цели чучела, сделанные из прутьев, члены которых наполняют живыми людьми: они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени»¹.

У Страбона человеческие жертвоприношения осуществляются и сожжением, и ударом кинжала:

«Обреченного на смерть человека они закалывают, ударяя в спину кинжалом, а по конвульсиям его читают будущее. При жертвоприношениях не обходится без друида. Об их человеческих жертвоприношениях говорит и другое; в обычае их сбивать людей стрелами и сажать их на копыя в храмах, или же делают они огромную фигуру из соломы и прутьев, загоняют туда скот, диких животных и человеческие существа и сжигают приношение».

Жертвами этого жуткого обряда становились военноплен-

¹ Записки Юлия Цезаря. Пер. М. М. Покровского.

ные, он напоминает разнообразные ирландские повествования о мести, где жертвы сжигались в домах. Однажды подобное жертвоприношение прекратила сверхъестественная женщина, приведшая в качестве замены корову. История эта имеет параллели в традициях индийских ариев, где в свое время человеческие жертвоприношения были заменены закланием животных. Однако в ирландской ветви индоевропейской культуры они сохранились. Сам Цезарь не находил ничего экстраординарного в подобных обычаях. С его точки зрения, галлы просто сохраняли древний обряд человеческого жертвоприношения, практиковавшийся и в его родной Италии вплоть до первого века до н. э.; однако Цезарь не мог знать, что этот обряд был установлен пришедшими туда индоевропейскими воинами. Подобные жертвоприношения совершались и в начале существования Римского государства.

Охота йерниев за головами тоже основана на кельтском обычае. Вот описание поведения кельтов в битве из труда Диодора:

«В путешествиях и боях пользуются они двуконными колесницами, несущими колесничего и воина. Встречаясь в бою, они бросают дротики во врага, а потом, спускаясь с колесницы, вступают в бой на мечах. Некоторые настолько презируют смерть, что идут в бой нагими, в одной набедренной повязке. Когда сходятся два войска, они выходят из рядов и вызывают самых отважных на поединок, потрясая при этом оружием, чтобы уstrasшить врага. Когда вызов на бой бывает принят, они начинают громко превозносить деяния и отвагу предков и расхваливают собственное мужество, стараясь одновременно оскорбить и унижить соперника, заранее лишить его боевого духа. Они отрезают головы врагов, убитых ими в битве, и вешают на шеи лошадей. Эти кровавые трофеи они передают щитоносцам и увозят в качестве трофеев; воспевая пэан, победную песню, они прибивают эти плоды войны к своим домам, так же, как и головы диких зверей, которых удалось добыть на охоте».

Этот текст прекрасно согласуется с ирландскими сагами. В «Похищении быка из Куалнге» воины отправляются на битву в колесницах, вызов на единоборство имеет здесь столь же важное значение, как в «Илиаде». Герой Кухулин, стоящий в своей двуконной колеснице со щитом, мечом и копьем, — это же просто кельтский герой Посидония.

Об охоте за головами упоминает и Страбон, видевший в этом:

«...варварскую жестокость, особенно характерную для северных народов, которые покидают поле боя, привязав к шее коня головы убитых врагов, и по возвращении домой приколачивают эти замечательные предметы к стенам своих домов».

Кельтское общество представляет собой героическое общество аристократических племенных государств, занимающееся войной, а отрубленные головы, любимая тема кельтского фольклора, являются самыми почетными боевыми трофеями. Подобное характерно и для ирландского эпоса.

В соответствии с данными археологии, классической истории и индоевропейской эпической литературы, мы имеем право в культуре ирландских кельтов-латенцев усматривать аналогию культурного ландшафта Британии бронзового века в 1500 г. до н.э. — времени, когда протокельты-йернии строили Стоунхендж. В Галлии латенская культура вымерла к началу христианской эры, в Британии — к концу первого ее столетия. Ирландские латенцы восходят к галлам, и культура их исчезла бы примерно к 150 г. н. э., — если бы римское завоевание дотянулось и до этого острова. Но этого не произошло. Римляне, во всяком случае в лице своих легионов, не вступили в Ирландию, и латенская культура, последний доримский горизонт железного века, сохранилась там в изоляции, в качестве последнего уцелевшего осколка кельтской культуры. Такой и обнаружил ее в пятом веке новой эры Св. Патрик.

Рим все-таки пришел в Ирландию, но в лице монахов, позже записавших там героические сказания, основывавшиеся на устной традиции, сохраненной бардами от прихода латенцев в Ирландию до четвертого столетия н. э. Сами кельты как отдельный народ появились в Западной Европе в лице людей боевых топоров с их племенными государствами. Их короли вожди добились власти над местными неолитическими земледельцами. По дороге в Хорватии они познакомились с производством бронзы у тамошних металлургов, что подобно жителям Кавказа жили, выменивая металлургическую продукцию на ближневосточные продукты. Итак, бронзовый век в Европе начинается с появления протокельтов — хотя в это время металлические вещи еще редки (йернии носят бронзовые кинжалы в качестве украшения), — со своим любимым оружием, чтимым привязанностью и традицией: каменным боевым топором. Незадолго до 1500 г. до н. э. только что

сформировавшиеся кельтские племена появляются в Южной Британии, где начинают доминировать над неолитическими земледельцами (донбакшо в нашем романе); для них Стоунхендж, чьи руины мы видим сегодня, олицетворял символ власти вождя. Запечатленная своими бардами дохристианская Ирландия железного века моложе на 1000 лет — достаточно долгий срок в истории консервативных культурных традиций. Вспомните, что временной разрыв между кельтами Посидония и Ирландии куда меньше. Социальное и политическое развитие протокельтов прекрасно описывается ирландскими сагами, если убрать из них технику железного века. В уладском цикле и Конал, и Кухулин бьются железными мечами, пару раз упоминается огамический алфавит, созданный не без некоторого влияния римского. Ирландские герои разъезжают на боевых колесницах бронзового века, не на верховых лошадях, их повозки подобны тем, которые описывал Гомер в микенские времена. Уберите железные мечи, и увидите, что героические саги Ирландии описывают деяния героев бронзового века. Теперь уберем еще и колесницы — получим протокельтские племенные государства Уэссекса в Южной Британии, существовавшего во времена, когда йернии строили Стоунхендж.

Более того, как уже говорилось ранее, Стоунхендж расположен в центре огромного кладбища. Здесь под курганами похоронены герои-воины со своими боевыми топорами, бронзовыми кинжалами, с кувшинами пива и награбленными сокровищами. О функциях этого монумента свидетельствует уже само его расположение; вне сомнения, он служил местом племенных сходок, такой вывод можно сделать, воспользовавшись примером классических кельтов, воины и вожди которых регулярно собирались на кладбищах. О подобных сходках в дохристианской Ирландии нам известно из героических сказаний и сводов законов христианских времен, где упоминается об этом древнем обычае, связанном с периодическими ярмарками, где вожди объявляли законы, а барды славили вождей. Всех свободных людей привлекали подобные периодические сходки, где происходили и разного рода состязания, в том числе гонки на лошадях. Не знавшее городов население собиралось под открытым небом, часто возле старинных могильных курганов или у священных колодцев, в которые бросали отрубленные головы.

Одним словом, без особого труда можно предположить,

что подобные периодические сходки существовали и у прото-кельтов Уэссекса, там избирали новых вождей, когда прежние низлагались по старости или были убиты в бою. В соответствии с общей индоевропейской традицией выборы короля или вождя происходят на советах родственной ему знати. По древнейшей части старинного Брегонского законодательства, в подобных мероприятиях участвовали четыре поколения родственников, естественным образом увеличивая конкуренцию! Генеалогические корни играют существенную роль при определении права на лидерство, этот неотъемлемый аспект любой устной традиции в военно-аристократических государствах находился в руках специалистов. В Галлии эту роль исполняли друиды, поддерживавшие древний, уже по свидетельству Цезаря, обычай. Они также рассчитывали по ритуальному календарю время наступления ежегодных праздников и сходок. И старинный племенной кругооборот жизни уэссекских воинов, здесь именуемых йерниями, весьма возможно, был связан с ритуальным годом классических кельтов.

Они подразделяли год на две основные части: холодное и теплое время, наступление их разделялось праздниками самайн и белтин. Последний из них был пастушеским праздником, начинавшим теплое время, когда скот из стойл выгоняли на пастбища. В нашем календаре он приходится на 1 мая, но кельты праздновали его в предшествующую ночь. Реликты кельтского исчисления времени сохранились в ряде слов английского языка, а также в праздновании сочельников, новогоднего и рождественского, а также кануна Дня Всех Святых. Слово «белтин» переводится как «огонь Бела», иначе Беле-ниуса, одного из старейших кельтских богов, почитавшегося по всему континенту. Ход белтина описывался в «Глоссарии» Кормака. В девятом столетии Кормак, архиепископ Ирландский, записал смысл устаревших слов галльского языка. На пути к летним пастбищам стада и люди проходят между двух костров, разложенных друидами неподалеку друг от друга; целью обряда являлось предохранение от заболеваний в грядущем году. В самайн зажигались другие костры — для жертвоприношения детей и животных, если, конечно, верить Кормаку. Его сообщение может быть сопоставлено с сожжением плетенок с людьми и скотом по свидетельствам Цезаря и Страбона.

У ирландцев еще два сезонных праздника — имболк (1 февраля) и лугнасад (1 августа). Имболк соответствует пир-

шеству Святой Бригиты по британскому календарю. Имя ее, родственное санскритскому «бхрати» («возвышенная»), является еще один пример культурной неразрывности всего индоевропейского ареала — от арийской Индии до языческой Ирландии. Имболком называется овечье молоко, это время отела суягных овец, время начала дойки. Лугнасад — это пир Луга, бога урожая, праздник, совпадающий со временем пастушеской экономики посреди летнего перегона скота. Праздник явно принесен в Ирландию более поздними аграрными поселенцами. Имя Луга отразилось в наименовании Лиона и других континентальных городов.

Наиболее ярким среди всех истинно архаических праздников являлся самайн, сбор или сход всего племени, приуроченный к окончанию сезона выпаса скота. В дохристианской Ирландии регулярная ежегодная сходка именовалась «оснах», она и была главным событием самайна — осеннее возобновление связей внутри туаты или племени. «Книга Бурой коровы», составляющая часть уладского цикла, говорит, что оснах:

«...был временем, которое улады каждый год отводили для праздника самайн, справлявшегося на равнине Муртемне; в это время они только состязались и играли, проводили время в удовольствиях и развлечениях, ели и пировали, а более ничего не делали».

Эти ярмарки посещали люди из различных кланов, племен, иногда из обитавших в достаточно далеких краях, вечные войны на это время прекращались, наступало священное перемирие, как это было в Греции во время Олимпийских и Истмийских игр. Как и ярмарки древней Ирландии, что служат нам историческим напоминанием об индоевропейской традиции, частью которой является уэссекская культура, племенные форумы, происходившие на Стоунхендже, включали не только состязания и игры, но и торговлю. Конечно, неотъемлемой частью осеннего забоя скота являлись пиры, но особую роль должна была играть торговля — учитывая, что Стоунхендж расположен на перекрестке важных древних торговых маршрутов. Антропологическое изучение примитивной экономики часто связывает торг с более широким общественным, зачастую праздничным, содержанием, чем это имеет место в контексте нашей рыночной практики. Более того, этот каменный монумент мог возводиться в ходе праздника — постепенно, год за годом. Всем делом обязательно распоряжался могучий и пьяный боевой вождь с жареной говядиной и пи-

вом в руке, власть его получала сверхъестественную санкцию от друидов, ее подтверждали духи убитых в бою предков, чьи курганы окружали место сбора. Это следует уже из самого слова «оснах». Во-первых, оно означает «воссоединение» (а значит, и встречу или сходку), а во-вторых, «кладбище» — то есть место, где они происходили. Игнорировать тот факт, что Стоунхендж расположен посреди обширного кладбища, на котором похоронены многие поколения воинов-пастухов и их вождей, — значит отделять сам монумент от наиболее важной из особенностей его расположения. И тогда возникает возможность самых разнообразных спекуляций.

Глава 5

Итак, все, что мы знаем о кельтах и о варварской Европе к югу от Альп во времена Гомера, свидетельствует, что Стоунхендж представляет собой памятник героического периода. Он не мог быть астрономической обсерваторией — как предположил Джеральд Хокинс в своей работе 1965 года «Разгадка Стоунхенджа», — построенной для определения зимних и летних солнцестояний и предсказания затмений; утверждать подобное — значит переносить интересы вавилонян четвертого столетия до н. э., если не наши собственные научные интересы, — на весьма архаическое прошлое.

К тому же пастухи ранней Европы свои знамения искали, обратившись к земле, и о начале зимы или весны судили по состоянию травы, так они определяли наступление самайна и белтина по кельтскому календарю, Дня Всех Святых и Майского Праздника по нашему.

Самайн обозначал наступление нового языческого года, поворот к осени, когда кельты загоняли домой коров, которых они могли прокормить зимой, и забивали на мясо лишних. Праздник этот, когда домой являлись и души умерших, был христианизирован при Карле Великом, около 813 г. н.э. в виде кануна Дня Всех Святых.

К тому времени новогодний сочельник уже сдвинулся к середине зимы, в 1 января, в соответствии с римским календарем, зафиксировавшим сельскохозяйственный календарь первых лет существования Рима. Учитывая разницу между цивилизованным и варварским обществами древности, мы полагаем, что пастухи-йернии собирались на День Всех Свя-

тых; тогда и происходило в Стоунхендже великое собрание всех пяти племенных государств.

Установленная связь с Микенами позволила нам драматизировать события с помощью Эсона, усмотревшего в сооружении Стоунхенджа способ объединить йерниеи, дать их воинственным государствам политический центр и место сбора и, таким образом, отвлечь от постоянных набегов на оловянную копь его отца Перимеда, расположенную в западной части Корнуолла. Он совершил героический подвиг в войне между Микенами и Атлантидой, но исход ее был решен взрывом Феры. От незавершенного Стоунхенджа остались только руины, которые мы видим поныне.

Глава 6

Но что это за руины! В Великобритании Стоунхендж представляет собой второй по привлекательности аттракцион, который посещает около миллиона туристов в год.

Во все более увеличивающемся количестве они посещают руины, начиная с 1740 г., когда антиквар Уильям Стакли опубликовал свой «Стоунхендж: реставрированный храм британских друидов». Эта книга не только впервые сделала монумент популярным, но и создала образ друидов в национальном сознании британцев.

Конечно, Стакли имел в виду друидов Кельтской Британии, а не Древний орден друидов, своим появлением на свет обязанный его писаниям. Не имея на то никаких оснований, псевдодруиды присвоили белые одеяния и ритуал Вольных Каменщиков, и в середине лета их можно встретить среди камней Стоунхенджа, одновременно привлекающих к себе и маньяков от астрономии.

По каким-то непонятным причинам интеллектуалы, чтобы дискредитировать этих ложных друидов, старательно уверяют, что реальные друиды не имеют со Стоунхенджем ничего общего.

Конечно, Стакли не имел представления об истинной древности монумента, однако он обладал бесспорной проницательностью, позволившей ему понять природу создавшего монумент общества, в котором жрецы — шаманы или друиды — служили политическим нуждам вождей.

И хотя он видел в Стоунхендже «храм», а не «форум», или,

точнее, нечто вроде парламента, как это делаем мы теперь, вполне очевидно, что если в кельтские времена воины и жрецы совместно правили классом производителей, то аналогичные отношения должны были складываться уже в протокельтском обществе.

Если возле Стоунхенджа обитали воины бронзового века, похороненные вокруг него со своими боевыми топорами, значит, вместе с ними существовали и друиды бронзового века.

Так было устроено общество в индоевропейских племенных государствах повсюду от Индии до Ирландии. В арийской Индии мы встречаем браминов, а в кельтской Европе — друидов. Обнаруженные Цезарем в Галлии общественные структуры известны ирландским героическим сагам.

С ними мы сталкиваемся и в Пенджабе времен вторжения ариев. Их существование отражено и в прославляющих победы ариев гимнах, созданных как раз во время сооружения Стоунхенджа.

Таким образом, жрецы-друиды, воины и неолитические общинники составляют основу социального порядка всех племенных государств в индоевропейском ареале. В качестве обобщения можно привести следующую таблицу:

	Жрецы	Воины	Производители
Арийская Индия	брахманы	кшатрии	выйшью
Кельтская Галлия	друиды	всадники	плебе
Кельтская Ирландия	друи	ри	айре

Более того, слово, обозначающее друидическую мудрость и знания, сходно во всех трех языках: санскрите, галльском и староирландском.

Санскритское слово «веда», присутствующее в обозначении ведических гимнов, обозначает знание или, дословно, видение, умение зреть и связано с галльскими и ирландскими словами, обозначающими мудреца или друида.

«Ригведа», самая священная книга индуизма, окончательно записанная британскими колонистами в начале 1800-х гг., многие столетия передавалась в устной традиции потомками захватчиков-ариев, погубивших хараппскую цивилизацию на

северо-западе Индии. Книга эта написана на санскрите, языке, являющемся мертвым для всех на земле, кроме браминов, которые пользовались им только в устной речи, позже и в письменной форме. Брамины в арийской традиции соответствуют друидам, поэтам-панегиристам, и до сих пор прославляют героев-богов, некогда вторгшихся в Пенджаб, а позже обожествленных. По сути дела, «Ригведа» состоит из 1028 стихов, восхваляющих разных богов, вождем которых является Индра, громовержец и колесничий, — именуемый у римлян Юпитером, у греков — Зевсом и Тором — у скандинавов. В Индре мы видим апофеоз индоевропейского вождя-воина. «Как птиц небесных разметывает он достояние врагов». Он — «тот, который властвует над лошадьми, колесницами, деревнями и скотом». Более того, он «разрушитель городов», как и Одиссей, носящий почетный титул «полипторос» — «штурмующий города». В качестве бога Индра мечет молнии с колесницы, в другие моменты обходится стрелой и луком.

В бой за боем ты вступаешь храбро,
Крепость за крепостью ты разбиваешь...
Ты убил Каранджу и Парною
Острейшим ободом колеса Атитхичвы...
Ты вместе с Сумравасом,
оставшимся без сторонников,
Этих царей народов — два десятка пришедших
Шестьдесят тысяч девяносто девять воинов,
о знаменитый,
Поверг ниц колесом от колесницы...¹

«Риг» на санскрите означает хвалебную песню, а «веда» означает знание, слово это родственно английскому «вит», обозначающему ум, разум и в конечном счете восходящему к индоевропейскому корню слова «видеть». В эту категорию попадает и слово «видео». Слово, обозначающее происходящее на экранах телевизоров. Восходит к корню, обозначающему священное знание у браминов Индии и кельтских друидов...

Кельтские мудрецы в записках Цезаря именуются по множественному числу галльского наименования: друиды — «трижды зоркие». К корню «ид» или «вид» (видящий, мудрый) присоединяется усилительная приставка дру или три, отсюда и «трижды мудрые», галльская форма друи. Число три служило интенсификатором во всех индоевропейских языках, ср. французское «tres» и английское «terrific».

Индоевропейские божества образуют триады: Брама, Ши-

¹ Ригведа. Мандала 1 «К Индре», 53. Пер. Т. Я. Елизаренкова.

ва и Вишну у индусов; Зевс, Посейдон и Аид у греков. Боги эти олицетворяют универсальные принципы, правящие небом, землей и подземным миром: создание, разрушение и сохранение. Можно предположить, что трилиты Стоунхенджа также символизировали эти космические основы. Подобный смысл им могли приписать друиды, связанные с уэссекскими воинами, чьим политическим монументом и является Стоунхендж. Архитектура его безусловно должна согласовываться с функциональной ролью памятника, выполняющего роль центра хорошо спланированного некрополя.

Деяния нашего героя, друида Немеда, полностью согласуются с классической моделью. В героическом обществе друиды и брамины легитимизируют политическую власть воинов над классом производителей, хранят в памяти генеалогии вождей и если не воспевают их доблесть, то освящают места племенных сходов, соблюдают обрядовый календарь, совершают жертвоприношения и читают знамения. Друидические обряды в латенской Европе требовали человеческих жертвоприношений; обреченные в жертву закалывались кинжалами или сжигались, так свидетельствует Посидоний, однако нынешние псевдодруиды и их романтически настроенные почитатели предпочитают не задумываться об этом.

В той же мере подлинны и воинственные йернии. В нашем романе они изображены как герои, а не солдаты. В эпической литературе героев уподобляют диким зверям. Кухулин именуется «кровавым псом», воины у Гомера «хищные львы» или «шакалы». Действительно, герои сами выбирают себе соответствующий символ, они ценят особую свирепость в диких животных. О многом говорит описание внешности галлов, приводимое Посидонием:

«Галлы высоки, плоть их бела и водяниста, они не только светловолосы от природы, но еще усиливают это качество искусственными способами. Для этого они мочат головы в известковом растворе и откидывают их со лба к макушке и на шею, в итоге получается нечто похожее на голову Сатира или Пана, волосы делаются от такой обработки настолько жесткими, что напоминают лошадиную гриву. Некоторые сбрасывают бороды, другие носят короткие, аристократы же выбривают щеки, но дают усам полную свободу, и они закрывают рот. Поэтому за трапезой усы попадают в пищу, а когда они пьют, жидкость попадает в рот через нечто вроде цедила».

Латенское искусство оставило немало изображений загну-

тых вверх кельтских усов и зачесанных со лба волос, вне сомнения, отвердевших. О волосах Кухулина говорили, что они окрашены в три цвета и торчат остриями кверху, так что яблоки, падая с деревьев, накалываются на них. Подобное описание соответствует внешности кельтского воина с выбеленной головой. Следует заметить, что у воинов латенской культуры глаза всегда велики и навывкате. Быть может, это глаза пастуха, вечно оглядывающего далекие горизонты, подобно «дальнозрящему» Зевсу Гомера.

Усы кельтов в латенском искусстве зачастую подобны клыкам дикого вепря. Это не первая культура из тех, что пользуется охотничьей символикой для отображения воинской доблести. Лев, медведь и орел до сих пор сохраняют место в геральдике всех западных наций. Охота, потеха королей, не дает того удовольствия, когда объектом ее является слабый зверь. Охотясь на дикого вепря на горе Парнас, Одиссей получил рану в ребро. Шлемы из голов вепря упоминаются в «Одиссее», фрагменты их обнаружены при раскопках в Микенах. Римские легионеры носили шлемы со стоячим гребнем из конских волос, однако их стоячая грива имитировала скорее кабана, а не дикую лошадь. В кельтской культуре изображение вепря характеризуется стоячей гривой и длинными изогнутыми клыками. Длинные изогнутые усы кельтских воинов и зачесанные назад шевелюры, без сомнения, символизируют кабана.

Различие между кельтскими усами и римским шлемом заключается в том, что усы вырастают на теле воина, а шлем представляет собой изделие из части тела животного-символа. Усы сочетаются с устной культурой, а шлем — с письменной. В культуре, лишенной письменности, существует лишь произнесенное слово, и воспоминания остаются незаписанными, отраженными в украшениях тела. Воин, украшенный усами-клыками, на голове которого по-кабаньи щетинятся волосы, сам является знаком, говорящим о воинской удали племени. Римский шлем с кабаньей гривой, часть правительственного обмундирования, является знаком организованной армии государства, в которой геройство отдельных воинов уступило место массовому истреблению врагов. Там, где римский шлем сталкивается с маской воина, трофеем становилась не отсеченная голова, а захваченная территория. Война как дело личного престижа и обогащения через убийства и ограбления уступила место войне за территориальные приобре-

тения, которую вели легионы Цезаря. Вражда и грабеж — дело воинское, покорение земель — уже труд солдата.

В любом случае в кельтском обществе усы носили одни только воины. Друиды должны были сбривать усы, но они отращивали бороды. Наши современные псевдодруиды носят и то и другое — обычно наклеивая оба атрибута — и допускают в этом ошибку. Не правы и те, кто из чистого снобизма отрицает связь истинных друидов со Стоунхенджем. Как в прото-кельтском, так и в кельтском обществах друиды играли важную роль, в этом нельзя усомниться.

Глава 7

Посетители Стоунхенджа видят лишь то, что в романе построил Интеб: трилиты и сарсеновое кольцо. Однако эти внушительные камни представляют собой финальную стадию развития монумента, называемую Стоунхендж III и датирующуюся (опять) 1500 г. до н.э., но строительная деятельность на этом месте началась за 900 лет до этого. Настоящее послесловие нельзя закончить, не упомянув об этом.

Первоначально Британию населяли охотники и собиратели, жившие в покрывавших весь остров лесах. Примерно в четвертом тысячелетии эти края посетила неолитическая пищевая революция в лице мигрантов из-за пролива. Они делали в лесу расчистки для своих полей, их пасущийся скот усиливал эрозию лесного покрова, что привело к образованию знакомых нам лишенных леса нагорий. В результате земледельцы начали склоняться к пастбищному животноводству, осталось место и для аборигенов-охотников и собирателей, уцелевших до времени Стоунхенджа III; в настоящем романе они называются «охотниками». Подвижность и знание троп в лесных чащобах предоставили им новые перспективы для жизни. К охоте добавилась торговля — топорами из ирландского жадеита, золотом и бронзой.

Тем временем появившиеся пастухи, известные под названием людей Виндмилл Хилл, возводили земляные укрепления, называемые стоянками насыпного типа. Они располагались на вершинах невысоких холмов (образцом послужил Виндмилл Хилл) и состояли из двух или трех концентрических валов, имеющих два или три разрыва. Похоже, они являлись местами сбора самостоятельных хозяев, приуроченного

ко времени осеннего забоя скота; таким образом, превратившийся в День Всех Святых праздник самайн может оказаться древнее кельтской и протокельтской традиции. Существование подобных земляных сооружений облегчило впоследствии воинам культуры боевых топоров вторжение в эти места и завоевание их. Однако, еще до того как это случилось, люди Виндмилл Хилл упростили свои стоянки и стали строить их уже на равнинах в виде одного округлого вала и рва с одним только проходом вовнутрь. Их называют хенджами, наиболее заметным из всех является Стоунхендж, внутри которого имеется сарсеновое кольцо.

Стоунхендж I и представляет собой земляное сооружение подобного вида, к которому строители Виндмилл Хилл добавили ямы Обри (ямы-кострища) и пяточный камень. Это они начали хоронить своих покойников под курганами, в данном случае имеющими продолговатую форму, такие курганы укрывают погребения семьи или клана, округлые курганы с одиночным погребением появились одновременно с героями.

Первыми героями были люди культуры кубков, пришедшие через 800 лет, которые внесли дополнения в сооружение, получившее вид, ныне именуемый Стоунхенджем II. Люди культуры кубков (названной по большим пивным кувшинам в погребениях; с ними находят бронзовые кинжалы и комплекты принадлежностей для стрельбы из лука) являются представителями культуры боевых топоров в их западно-европейском варианте, уже позаимствовавшими в Хорватии искусство обработки металла. Тамашние мастера изготавливали металлические орудия на продажу. Потом люди культуры кубков продолжали миграцию на запад, уже располагая собственными кузнецами. Они не только перебрались в Британию, но и вышли по Иберийскому полуострову к Атлантическому океану. А потом повернули обратно. В Иберии они как будто бы столкнулись с еще одной группой металлургов, по крайней мере так утверждает одна из теорий, и мы попытались ее использовать, так как только она объясняет присутствие в тогдашней Ирландии мастеров, знающих секрет бронзы, с ними торгуют охотники, получающие от них бронзу и золото, в то время как йернии в Уэссексе получают металлические изделия также и из Унетице от германиев. Этот народ кузнецов, начинавших с обработки меди, медленно продвигался вверх по Атлантическому побережью Европы, потом он перебрался в Ирландию, Домнанн нашего романа. Эти торговцы и изы-

скатели были родом из Средиземноморья, поддерживали редкие контакты с Микенами. Их гробницы — громадные, поставленные на ребро валуны, перекрытые необработанными массивными плитами — называются дольменами, уже они одни отмечают движения этого народа. Оказавшись в Домнанне, они повторно изобрели бронзу.

Остров, у берегов которого разбился корабль Эсона, усеян их дольменами. Сейчас он известен под названием островов Силли и представляет собой не один остров, а несколько, так как уровень моря с тех пор поднялся. Строители гробниц, альбии романа, обитали в Корнуолле и Девоне, где находятся оловоносные ручьи, из-за которых придуманный царь Перимед вступил в войну с Атлантидой. Разыскивавший для Микен олово дядюшка Ликос должен был только осмотреть медные рудники альбиев; иногда оба металла обнаруживаются вместе.

Во всяком случае, люди кубков возвели в Стоунхендже почти полный двойной круг голубых камней (которые, возможно, были доставлены с горы Присцилл в Уэльсе; впрочем, вопрос этот до сих пор с жаром обсуждается геологами). Люди, которыми они правили, относились к неолитической пастушеской культуре Виндмилл Хилл, наследниками их, создателей Стоунхенджа I, являются донбакшо. Через сто лет, к моменту появления Эсона, положение изменилось. Культура кубков процветала и превратилась в уэссекскую: с ней связывают разборку Стоунхенджа II и возведение Стоунхенджа III с его монументальными сарсеновыми камнями строго местного происхождения, которые мы видим здесь сегодня. Воинов обеих культур — кубков и уэссекской — хоронили неподалеку в круглых курганах. Это кладбище является частью монумента в той же степени, что и сами стоячие камни.

Глава 8

Действительно, и сами камни, и их расположение обладают погребальным символизмом, подобающим монументу, расположенному посреди огромного кладбища. Отсюда ни в коем случае не следует, что Стоунхендж является храмом, где отправлялся культ мертвых. Определенные черты погребальной архитектуры, позаимствованные из интерьера окружающих гробниц, могут попросту служить для освящения места

собраний племен под открытым небом. Вспомните, что христианские церкви служат местом коронации королей. Епископы и короли, друиды и вожди-быки — этот тип взаимодействия прослеживается во всей западной культуре. Погребальный с точки зрения архитектуры монумент может воплощать военную и светскую власть вождей; политическая власть обретает сверхъестественную поддержку религиозных авторитетов, друидов, обеспечивающих потустороннюю поддержку мертвых, а также прочих сверхъестественных и космических сил. Поэтому связанные с культом мертвых черты погребальной архитектуры трилитов проявляются в политическом монументе.

Трилиты — сооружения, состоящие из двух каменных столбов и поперечины над ними, — получили свое имя от Уильяма Стакли; пять трилитов находятся внутри сарсенового кольца в центре Стоунхенджа. Как уже указывалось, они могут воплощать триаду космических принципов, силу троичности индоевропейских богов: созидателя, разрушителя и обладателя. Племенные государства индоевропейцев от Индии до Европы несли в себе расслоение на жрецов, воинов и крестьян-производителей — и мудрецы повсюду изобретали богов, ведающих определенными департаментами, чтобы выразить тем общественную реальность различных прослоек; подобным образом они объяснили обществу его состояние, заставили его работать. В арийской Индии богом друидических жрецов, формулировавших и проповедававших эти взгляды, был Брахма, воинам покровительствовал Шива, торговцам — Вишну. Брахма — создатель, Шива — разрушитель и Вишну (единственное женское божество в этой триаде)¹ — обладатель сексуальной силы. В мифологии Северной Европы это Один, Тор и Фрейя. В данном и в прочих случаях они олицетворяют мудрость, силу и богатство: поучительную мудрость священников (брамины то или друиды), эротическое плодородие богатства, заключенного в животных и растениях неолитического земледелия. И когда индоевропейские племенные государства исчезли как социальные структуры, их боги остались жить в качестве мифического идеала, воплощая, например, средневековую социальную идею трех сословий: священства, рыцарства и простолюдинства.

¹ Вишну является мужским божеством, в образе женщины он только отнимает у асуров амриту, добытую после пахтанья океана.

Во всяком случае мифология является весьма древним способом постижения космоса в целом. Так дело обстояло и в Стоунхендже. Здесь в одном из круглых курганов героических времен обнаружен жезл вождя, выполненный в форме стилизованного боевого топора, с головкой из редкого и драгоценного камня, деревянная рукоять его (сгнившая к нашему времени) была украшена зигзагообразными костяными кольцами, воплощающими мотив вспышки молнии. Это же молот Тора? Во всех ветвях индоевропейской мифологии у боевых топоров были свои боги, бог-громовик всегда воин. Он известен под многими именами: Тор, Донар, Юпитер, Тауранос (кельтский Зевс), Тешуб — бог погоды у хеттов, и Индра. Знаменитый молот Тора Мьоллнир, воплощающий разрушительную силу небес, гром и молнию, представляет собой не что иное, как мистическое преображение боевого топора. Таков космизм уэссекских воинов в понимании их друидами. Это в отношении неба, но друиды занимаются и подземным миром. В Стоунхендже имеются сооружения, в точности подобные трилитам, куда меньшего размера и с более широким дверным проемом, они расположены внутри долгих курганов и служат входом в трансепту, то есть дверным проемом, ведущим в погребальные камеры из главной галереи (круглые курганы с их индивидуальными погребениями содержат единственную камеру). В окрестностях Стоунхенджа наиболее заметной среди подобных гробниц, сложенных из крупных камней и потому именуемых мегалитическими, является длинный курган Уэст Кеннет. Он представляет собой пятикамерный кэРН, за пятью трансептами его — входными проемами в форме трилита — расположено пять погребальных камер, служивших для захоронения пяти различных семей или кланов. Эта гробница относится к неолитическим временам и являлась центральной в Уэссекском регионе, месте возникновения Стоунхенджа III. Пять трилитов явно соответствуют неизменной форме местной социальной организации. Повсюду на Британских островах мегалитические гробницы обозначают границы общинных территорий, подкрепляют право на владение землей. Курганы не просто гробницы для мертвых, это и пространственные ориентиры для живущих. Площадки перед ними завалены объедками, оставшимися от ежегодных пиров, самайна и ему подобных. В ирландском фольклоре курганы — обитель фей и эльфов, это старинное воспоминание о пирах, служивших ритуальным подкреплением права на свя-

щенные племенные земли. Большое кладбище Стоунхенджа, впрочем, свидетельствует не только об этом. Здесь явно находился фокус межплеменных контактов, осуществлявшихся в широком регионе, здесь погребена не только местная знать, — детали художественного оформления погребений характерны для пяти различных областей. Пять трилитов снаружи знаменуют реалии той же самой политической географии. Арки, уводящие в различные камеры мегалитической гробницы, были увеличены и поставлены над землей, трилиты представляют собой стилизованные трансепты и являются знаками пяти династических вождей-быков, встречавшихся за внутриплеменными делами в Стоунхендже, парламенте героев. Каждый вождь находился перед своим порталом, свидетельствовавшим о его происхождении, напоминавшим о предках, имена которых назывались друидом.

Эта картина заставляет оживиться воображение, стоит только посмотреть на карту: кроме Стоунхенджа в Уэссексе существует еще четыре крупных могильника, а всего их пять. Каждое связано с мегалитическим местом схода. С севера на юг они расположены у Лэмберна на Беркширских плоскогорьях, Эйвбери на плоскогорье Марлборо, у Стоунхенджа на равнине Солсбери (здесь самые обширные пастбища), у Крэнбери Чейз на плоскогорье Оукли в Дорсете и у Дорчестера — также в Дорсете. Эти места соответствуют нашим пяти родовым государствам йерниев: Дан Маклорби, Дан Финмог, Дан Уала (потом Дан Эсон), Дан Мовег и Дан Дер Дак.

Пять трилитов, пять могильников. Один из трилитов расположен в середине подковы, он мощнее и выше остальных четырех. Могильник у Стоунхенджа также обширнее прочих. Огромные арки, прежде удивившие к погребальным камерам различных родственных единиц, теперь ведут наружу к семьям вождей, объединенным племенным союзом и общим кладбищем на квазидинастическом могильнике сильнейшего партнера. Об этом свидетельствуют региональные погребальные группы, четко различающиеся могильным инвентарем.

Подобные отношения свидетельствуют, что пять трилитов в известной мере символизируют силы, в древности соперничавшие в пяти пастбищных районах юга Британии, «договором меча» — слова эти встречаются в ирландских сагах — соединенных под влиянием одного выдающегося военного предводителя. В настоящем романе роль подобной энергетической личности исполняет Эсон, помогающий здесь отцу в

войне с Атлантидой. Но он приступает к задаче, погружаясь в местные дразги, используя локальную религиозную идеологию для достижения политического единства. Его зодчий, Интеб, понимает значение деревянных сооружений, которые йернии называют хенджами. Друиды возводили эти деревянные трилиты ради прославления боевых подвигов своих вождей. Такую вещь нетрудно представить, поскольку известные нам каменные трилиты сооружены по плотницким принципам: шипам наверху опор отвечают выемки в перемычках. Подобное представляет собой пример перенесения на камень техники обработки дерева; объяснить эту странную особенность можно тем, что трансепты гробниц сперва сооружались из дерева; так поступали и позже там, где камня было мало.

Чтобы перевести разговор на язык средневековой Ирландии, предположим, что в Стоунхендже один «верховный король» доминировал над четырьмя ему подчиненными королями. В ирландской мифологии пятерка имеет священное, а также политическое значение. Число это связано с делением Ирландии на пять частей: четыре четверти и *axis mundi*¹, поворачивающаяся там, где восседает центральная власть. Быть может, проемы меньших дверей в сарсеновом кольце символизируют военные отряды меньшей величины, союзные большей пятерке, привлеченные с периферии к союзу уже во время сооружения Стоунхенджа.

Хотя нам остается лишь спекулировать относительно парламентских функций Стоунхенджа, едва ли можно сомневаться в символическом значении пространственного расположения самих трилитов. На наш современный взгляд, все пятеро расположены в форме подковы. Это интересный факт. В соответствии с популярными суевериями этот предмет следует прибавать над дверью амбара в качестве доброго талисмана — таково наследие индоевропейского пастушеского общества. Подкова была добрым талисманом именно потому, что ее обращенные вверх края напоминают рога быка; и подкову прибавают, заменяя ею натуральные рога, как делалось прежде. Кельты носили подкову на шее — золотая гривна и есть подкова. Расположенные в том же порядке трилиты символизируют рога быка.

Остатки рогов и копыт найдены в некоторых неолитических длинных гробницах близ Стоунхенджа. Возможно, пре-

¹ Ось мира (*лат.*).

где их увенчивали головами и даже чучелами животных. По сообщению Геродота, могильные курганы скифских царей украшали чучелами коней. Но так было на прародине индоевропейцев, когда уже была одомашнена лошадь — значительно позднее, чем овцы, козы, свиньи и крупный рогатый скот.

В плейстоцене лошадь была распространенным объектом охоты, однако в послеледниковое время кони обитали практически только в евразийских степях. Люди культуры боевых топоров приучали их не к верховой езде, а впрягали в повозки и колесницы. Повозки использовали для перевозки добычи, награбленной с помощью колесниц. Верховые воины и всадники появились, только когда в позднеримское время была выведена новая, более крупная порода лошадей. В торговых перевозках и для обработки земли коней начали использовать в еще более позднее время. В романе Йернии все еще охотятся на лошадей, одомашненная порода еще не вступила в Британию вместе с народом кубков.

Тем не менее поклонение лошади сохранилось у европейцев гораздо дольше, чем поклонение корове. Благородный человек стал называться не господином коров, а всадником: кавалером, кабальеро, шевалье, рыцарем. После изобретения автомобиля объектом поклонения сделался автомобиль, самобеглая колесная повозка. Но до лошади почет приносило обладание коровами. Героическая аристократия индоевропейских племенных государств, которую мы превосходно знаем по Гомеру, своим благосостоянием обязана скоту, традиция эта следует со времен культуры боевых топоров, на чем еще не разделившемся перед миграцией языке *resunius* обозначало собственность в коровах, слово «военный отряд» — орду, разыскивающую коров, корень в слове «защита» — охрану коров. Титул вождя — «господин коров» — определялся его способностью забить животное для гостей.

Исходя из изложенного, советуем читателю воздержаться от смеха, представив себе чучела коров на перемышках трилитов Стоунхенджа. Наши Йернии не дураки. Картина эта весьма разумна, если рассматривать ее с исторической точки зрения. Уже отмечалось, что на поверхности длинных курганов в окрестностях Стоунхенджа и в иных местах обнаруживались коровьи рога и копыта. Перед могильниками обнаружены кучи коровьих костей, что свидетельствует, что забитые там животные служили пищей не только живым. В кельтской мифологии потусторонний мир именуется Обещанной Землей; это

Мой Мелл, где павший воин будет пировать посреди нескудеющих стад коров и пить из остающихся полными кувшинов пива. В Мой Мелл всегда изобилие. И если с архитектурной точки зрения Стоунхендж является могильником под открытым небом, мы вполне вправе предполагать, что и его украшали эмблемами скота, целыми тушами или просто рогами. Их могли прибивать к деревянным пробкам, на три дюйма уходящим в поперечины сарсенового кольца: гнезда под ними обнаружены совсем недавно. Астрономы предпочитают считать их предназначенными для установки точных визиров. Мы же полагаем, что они несли на себе всякую бычью эзотерику, быть может, даже позолоченные овечьи рога или их бронзовые копии.

Символические бычьи рога самым широким образом прослеживаются во всем европейском неолите. Наиболее известны рога, послужившие для украшения критских дворцовых сооружений. Крито-минойская культура является результатом отличной от индоевропейской эволюции той же самой неолитической основы, и мы ничего не выдумали, описывая архитектуру атлантов.

И все же мы должны спросить себя: что все-таки кроется за этим бычьим символизмом? Ответ здесь дает Демокрит, объяснивший, как растут рога у животных. За этим образчиком древней естественной истории кроются еще более древние предположения и представления о природе. Рога, как считает Демокрит, вырастают потому, что жизненная сила тяготеет к голове и мозгам; то, что вырастает на голове, есть проявление заключенного внутри нее, порождение жизненной субстанции. Рога растут, их увлажняет телесная влага, исчезающая со смертью; «сухим» (так, по Гомеру, называются мертвые) она поставляется возлияниями. Значит, рога являются проявлением заключенной в мозгу жизненной силы. В индоевропейских языках слова, обозначающие рога и мозг, родственны (например, латинские *cornu* и *cerebrum*). Отделенный от головы рог изобилия, снабжающий потусторонний мир едой и пивом, является другим воплощением этой созидательной и восстановительной силы, в первую очередь вызывающей рост рогов.

Символические коровьи рога на выстроенных подковой трилитах Стоунхенджа приличествуют месту, где коровьи вожди различных отрядов собираются, чтобы заключить новые союзы и отпраздновать это событие. Коровы — ценная собст-

венность, они — предмет набегов и мера богатства. Что может быть важнее для героев пасторального общества, чем владение скотом? Какой символ им подобает более, чем рога, знак силы, порождение жизненной субстанции? Воины ищут добычи, они ждут, что вождь поведет их за ней; в «Ригведе» слышатся их вопли, выражающие решимость — добыть корову, добыть скакуна. Что делать им, когда предводитель вместо походов хочет заключать союзы и прекратить вечную войну всех со всеми? Где найти развлечение? Где взять добычу? Об этом и думал Эсон, захватив Дан Уала. У него был зодчий, его Интеб, способный поставить трилиты, символические ворота в потусторонний мир Мой Мелл. Каждый вождь вставал на племенном форуме перед своим трилитом, добивался сверхъестественной поддержки, раздавая одновременно обещания проявить щедрость в этом мире пиров и пьянства, помогавшие удерживать в узде воинов. И теперь сами вожди вынуждены были следовать за верховным королем, царевичем микенским, желавшим ликвидировать помехи делу своего отца со стороны йерниев. При этом он воздействовал на местную культуру способом, породившим Стоунхендж, столь привлекательный для современных туристов. Сооружение так и осталось незавершенным, что свидетельствует о том, насколько скоротечной была природа варварских королевств на самой границе гомеровского мира и сколь шатки были альянсы между ними.

Глава 9

Насколько нельзя было избежать сцен насилия в реалистическом повествовании об этих временах, настолько же следует уклониться от любых ссылок на астрономические теории и другие неприемлемые объяснения причин возведения Стоунхенджа. Рассматривать астрономические теории может лишь человек, не знающий Гомера, не говоря уже об известных археологических реалиях. Общество в древней Британии времен Стоунхенджа III не было цивилизованным, его нельзя считать городским. Там не было городов, не было даже сельскохозяйственной основы для их существования, не говоря уже о таких обитателях городов, как математики и астрономы, нуждающихся в письме и библиотеках. Британцы, завершившие создание последней фазы Стоунхенджа, были пастухами, известными археологической науке как воины из Уэссекса,

принадлежащими к протокельтской ветви культуры боевых топоров, связанной с областью обитания индоевропейцев, простирающейся от Индии до Ирландии, от Северной Европы до Средиземноморья. Боевые топоры уэссексцев покоятся вместе с ними на просторных погребальных полях, окружающих Стоунхендж: их подвиги в битвах и краже скота находят отражение в устной литературе, посвященной любому индоевропейскому воину-герою, о чем свидетельствуют «Илиада», «Ригведа», «Похищение быка из Куалнге». Гомерова «Илиада» была составлена в восьмом столетии до н. э. на основе устных преданий о микенских героях Греции бронзового века, живших около 1500 г. до н. э. «Ригведа» описывает вторжение в цивилизованную Индию воинственных колесничих, осаждающих города, любителей красть коров. Вторжение, происшедшее примерно в то же самое время. Эпическая поэма была старательно сохранена браминами в устной традиции (за тридцать пять столетий не было забыто ни единого слова!) и зафиксирована во время британского правления. А в «Похищении» описывается героический характер соперничающих индоевропейских племенных государств, уцелевших в изолированной Ирландии, не затронутой римскими завоеваниями до прихода христианских миссионеров в пятом столетии н. э. Мы в долгу перед монахами, примерно в седьмом столетии записавшими «Похищение», поскольку они сохранили для нас устную традицию, которая, как это ни невероятно, открывает нам окно в протокельтское прошлое и вдыхает жизнь в кости уэссекских воинов, умерших около 1500 г. до н. э. примерно в одно и то же время с героями гомеровских Микен. И если в Микенах, наиболее развитом из европейских героических обществ того времени, нет солнечно-лунной обсерватории для расчета затмений, то незачем искать их и в варварской Британии того же периода.

Стоунхендж астроархеологов или археоастрономов — они еще не решили, как себя называть, — в действительности не существует. Чтобы представить Стоунхендж астрономическим инструментом, необходимо фальсифицировать археологические данные, поскольку необходимо создать впечатление, что монумент был построен в один исторический момент, одним народом, для одной цели. На самом деле он возводился в течение тысячи лет тремя различными культурами: Виндмилл Хилл, кубков и уэссекской. Астрономический Стоунхендж представляет собой наложение всех трех стадий.

Действительно, четыре оси Стоунхенджа II (прямоугольное расположение камней и курганов) совпадают с гнездами Обри Стоунхенджа I, но ведь все части должны объединяться в единый механизм. Более того, эта идея оказывается сомнительной уже со статистической точки зрения. Дуглас Хетти, преподающий математику и астрономию в Эдинбургском университете, определил это в своей книге «Мегалитическая наука», вышедшей в 1982 г. Из 240 визирных линий, обнаруженных Хокинсом в Стоунхендже, 48 должны были чисто случайным образом совпасть с направлениями на то или другое положение Луны или Солнца, однако он обнаружил только 32 значимых визирных направления. Итак, чистый случай предоставляет больше возможностей. Повторные вычисления показали, что лишь 25 направлений дают ошибку, укладывающуюся в 2° азимутальной дуги, что, по мнению Хокинса, необходимо для астрономических наблюдений.

Мы надеемся, что наше собственное произведение послужит доказательством правды об историческом Стоунхендже, каменном хендже, который точнее будет назвать коровьим.

*Леон Стоувер, доктор философии,
доктор литературы, профессор антропологии.
Иллинойсский технологический институт*

●

Фантастическая
сага

Роман

●

Часть I

Глава 1

— Господи, как я попал сюда? Как только я позволил втравить себя в такую историю? — простонал Л. М. Гринспэн, чувствуя, как после недавнего обеда начинает подавать признаки жизни застарелая язва желудка.

— Вы находитесь здесь, Л. М., потому что вы дальновидный и смысленный бизнесмен. Или, если подойти с другого конца, потому что вам приходится хвататься за соломинку, а если вы не примете срочных мер, то ваш кинотрест «Клаймэктик студิโอz» бесследно исчезнет. — Барни Хендриксон попыхивал сигаретой, которую он зажал между пожелтевшими от никотина пальцами, и рассеянно смотрел в окошко из «Роллс-Ройса», мчавшегося по дну бетонного каньона. — Или, если сформулировать по-иному, вы вкладываете один час вашего драгоценного времени в осмотр изобретения, которое спасет вашу студию от банкротства.

Все внимание Л. М. было поглощено деликатной процедурой раскуривания контрабандной гаванской сигары: он отрезал ее конец золотой карманной гильотинкой, лизнул отслоившийся табачный лист и стал обжигать ее над крохотным огнем, пока не раскурил. Потом он спокойно затянулся, и изящная зеленая сигара ожила в его руках. Автомобиль с тяжеловесной легкостью затормозил у края тротуара, и шофер обежал вокруг машины, чтобы открыть дверцу. Л. М. подозрительным взглядом окинул окрестности, не сдвинувшись с места.

— Трущоба. Разве может быть в такой дыре чудо, которое спасет от краха мою студию?

Барни сделал безуспешную попытку вытолкнуть из машины неподвижное, покоящееся тело.

— Не спешите с выводами, Л. М. В конце концов, кто бы осмелился предсказать, что сопливый мальчишка из трущоб Ист-Сайда в один прекрасный день станет владельцем самой большой в мире киностудии?

— Ты что, переходишь на личности?..

— Давайте не будем отвлекаться, — настаивал Барни. — Сначала войдем в дом, посмотрим, что покажет нам профессор Хьюитт, и только потом примем решение.

Л. М. неохотно вылез из машины и, ступив на потрескавшийся асфальт тротуара, позволил подвести себя к двери низкого полуразвалившегося дома. Барни, поддерживая его под локоть, нажал на кнопку звонка. Ему пришлось еще два раза нажать на кнопку, прежде чем перекосившаяся дверь со скрипом отворилась и на них воззрился маленький человечек с огромной лысой головой и очками в массивной оправе.

— Профессор Хьюитт, — произнес Барни, проталкивая вперед Л. М., — позвольте представить вам человека, о котором я говорил на прошлой неделе, — директора «Клаймэктик студиоз» мистера Л. М. Гринспэна собственной персоной.

— Да-да, конечно, заходите. — Профессор заморгал и сделал шаг в сторону, пропуская гостей.

Как только дверь за его спиной закрылась, Л. М. с тяжелым вздохом покорился и разрешил Барни провести себя вниз по скрипучим деревянным ступенькам. Войдя в подвал, он остановился, глядя на длинный ряд электрических приборов и аппаратов, закрученных спиралями проводов и гудящих динамо-машин.

— Что это? Декорации к фильму о Франкенштейне?

— Профессор сейчас объяснит нам, — сказал Барни, подтолкнув вперед профессора Хьюитта.

— Это труд всей моей жизни, — начал профессор, махнув рукой куда-то в сторону туалета.

— Вот как? Интересно, что же это за труд?

— Профессор подразумевает машины и аппараты, он просто не совсем точно указал направление, — поспешил объяснить Барни.

Профессор Хьюитт не слышал их разговора. Склонившись над контрольной панелью, он что-то налаживал. Внезапно раздался тонкий пронзительный свист, который все усиливался, и из массивного аппарата у стены полетели искры.

— Вот! — произнес профессор, указывая драматическим жестом, теперь уже более точным, на металлическую платформу, укрепленную на массивных изоляторах. — Это сердце времематрона, где и происходит перемещение вещества. Я не буду вдаваться в математику или говорить об устройстве вре-

меатрона, которое исключительно сложно. Полагаю, что его работа говорит сама за себя.

Профессор наклонился, пошарил под столом, извлек оттуда пивную бутылку, покрытую толстым слоем пыли, и поставил ее на металлическую платформу.

— А что это за времеатрон? — подозрительно спросил Л. М.

— Минутку терпения, господа. Сейчас я продемонстрирую его в действии. Итак, я помещаю в сферу действия поля простой предмет и включаю аппарат, образующий темпоральное поле. Смотрите.

Хьюитт включил рубильник, электрический ток устремился через стоящий в углу трансформатор к машине, рев динамо перешел в пронзительный визг. Лампы на контрольной панели ослепительно засверкали, и воздух наполнился резким запахом озона.

Пивная бутылка на неуловимое мгновение исчезла, и шум машины затих.

— Вы заметили перемещение? Эффектно, не правда ли? — Профессор, сияя от самодовольства, вытянул из рекордера длинную бумажную ленту с чернильными разводами. — Вот смотрите, здесь все запечатлено. Бутылка семь микросекунд была в прошлом и затем снова вернулась в настоящее!.. Что бы ни говорили мои враги, я добился успеха! Мой времеатрон действует! Я назвал свою машину «времеатрон» от сербского «время» — в честь моей бабушки, родившейся в Мали-Лозине. Итак, вы видите перед собой действующую машину времени!

Л. М. вздохнул и собрался было уходить.

— Чокнутый, — сказал он.

— Выслушайте же его до конца, Л. М. У профессора есть оригинальные идеи. Он согласился работать с нами только потому, что все научные учреждения и благотворительные фонды отказались финансировать дальнейшую работу над его машиной. Профессору нужны средства для ее усовершенствования.

— В мире каждую минуту рождается один такой изобретатель. Пошли, Барни.

— Да выслушайте вы его, Л. М., — умолял Барни. — Пусть он покажет вам эксперимент с посылкой бутылки в будущее. Слишком уж это впечатляет.

— Я должен обратить ваше внимание на то, что любой

предмет на пути в будущее преодолевает мощный темпоральный барьер, и для этого требуется несравненно большее количество энергии, чем при перемещении того же предмета в прошлое. Но все же я могу продемонстрировать этот эксперимент. Прошу вас, внимательно следите за бутылкой.

Еще раз чудо электронной техники столкнулось с силами времени, и в наэлектризованном воздухе заплескались искры. Пивная бутылка чуть заметно дрогнула.

— Пока. — Л. М. повернулся и начал подниматься по лестнице. — Между прочим, Барни, ты уволен.

— Вы не можете уйти вот так, Л. М., не дав профессору возможности объясниться, а мне — рассказать о моих планах. — Барни сердился, сердился на себя, на киностудию, где он работал, находившуюся на грани банкротства, на слепоту директора, на тщету всех человеческих стремлений, на банк, закрывший его счет. Он кинулся вслед за Л. М. и выхватил у него изо рта дымящуюся гаванскую сигару. — Сейчас мы проведем настоящий эксперимент, такой, что вы оцените его по достоинству!

— Эти сигары — по два доллара за штуку! Сейчас же верни...

— Я вам ее отдам, но сначала посмотрите... — Барни швырнул на пол бутылку и положил дымящуюся сигару на платформу. — Какой из приборов регулирует входную мощность? — повернулся он к Хьюитту.

— Вот это — ручка входного реостата, но зачем это вам? Если вы увеличите уровень темпорального перемещения, то оборудование выйдет из строя, раз — и все!

— Можно купить новое оборудование, но, если нам не удастся убедить Л. М., вы на мели, сами понимаете. Итак, вперед!

Барни оттолкнул протестующего профессора в сторону и включил реостат на полную мощность. На этот раз эффект был потрясающим. Рев динамо-машины перешел в смертельно пронзительный визг, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки, лампы на панели засверкали всеми огнями ада все ярче и ярче, по металлическим поверхностям забегали электрические разряды, а волосы присутствующих встали дыбом, и из них посыпались искры.

— Через меня идет ток! — заревел Л. М., и в этот момент напряжение достигло предела, лампы на панели, ослепительно сверкнув, лопнули, и в подвале воцарилась полная темнота.

— Смотрите вот сюда! — закричал Барни, шелкая зажигалкой и поднося ее к машине.

Платформа была пуста. Сигара исчезла!

— Ты должен мне два доллара!

— Смотрите, смотрите! По крайней мере две секунды, три, четыре... пять... шесть... семь...

Внезапно на платформе появилась все еще дымившаяся сигара. Л. М. живо схватил ее и как следует затянулся.

— Ну хорошо, это машина времени, теперь я верю. Но какое она имеет отношение к производству фильмов или к спасению моей студии от банкротства?

— Позвольте мне объяснить...

Глава 2

В кабинете Л. М. сидели шесть человек, расположившихся полукругом перед письменным столом директора.

— Запереть дверь и перерезать телефонные провода! — распорядился Л. М.

— Сейчас три часа утра, — запротестовал Барни, — кто будет подслушивать в такую рань?

— Если об этом пронюхают банки, я разорен — пиши пропало до самой смерти, а может быть, и дольше. Перережьте провода!

— Позвольте, я займусь этим, — сказал Эмори Блестэд, вставая со стула и доставая из нагрудного кармана отвертку с ручкой, обмотанной изоляционной лентой: в «Клаймэктик студиоз» он возглавлял технический отдел. — Вот оно, решение загадки! За последний год мои ребята в среднем по два раза в неделю чинили в этом кабинете перерезанные провода!

Работа спорилась в его руках: он быстро снял крышки с соединительных коробок, и вот уже все семь телефонов, селектор, сеть телевидения и телепринт разъединены. Л. М. Гринспэн внимательно следил за ним и не произнес ни единого слова, пока своими глазами не убедился в том, что все десять проводов безжизненно повисли.

— Докладывайте! — рявкнул он, ткнув пальцем в направлении Барни Хендриксона.

— Итак, все готово и можно приниматься за дело, Л. М. Оборудование для времееатрона установлено в павильоне фильма «Сын чудовища женится на дочери монстра», и все

расходы отнесены на бюджет фильма. Между прочим, машина профессора обошлась дешевле обычных декораций.

— Не отвлекайтесь!

— Ладно. Итак, последние съемки «чудовищного» фильма закончены в павильоне сегодня, то есть, я хотел сказать, вчера, и мы поспешили в темпе вынести оттуда все оборудование. Как только они ушли, мы тут же смонтировали времеекран в кузове армейского грузовика из картины «Пифиси из Бруклина», профессор проверил оборудование и привел машину в полную готовность.

— Что-то не нравится мне эта история с грузовиком — его могут хватиться.

— Не хватятся, Л. М., мы обо всем позаботились. Во-первых, он считался избыточным армейским снаряжением, и его хотели сбыть с рук. Во-вторых, недавно мы продали его через наш обычный канал сбыта, а здесь его приобрел Текс. Под нас не подкопаешься.

— Текс? Какой еще Текс? И кто вообще все эти люди? — с раздражением произнес Л. М., обведя подозрительным взглядом сидящих вокруг стола. — Ведь я же предупредил, чтобы об этой штуке знало как можно меньше людей, по крайней мере, до тех пор, пока мы не убедимся, что она действует. Если только банки пронюхают...

— Ну уж меньше и вовлечь невозможно, Л. М. Смотрите: я, профессор, которого вы знаете, Блестэд, ваш начальник технического отдела, проработавший на студии тридцать лет...

— Знаю, знаю... но кто эти трое? — Л. М. махнул рукой в сторону двух загорелых молчаливых людей, одетых в джинсы и кожаные куртки, и сидящего рядом с ними высокого нервного человека со светло-рыжими волосами.

— А, эти... Эти двое — трюкачи с нашей студии, Текс Антонелли и Даллас Леви.

— Трюкачи с нашей студии! Послушай, Барни, что за трюк ты собираешься выкинуть с этими ковбойскими мальчишками из Бронкса?

— Ради бога, не волнуйтесь, Л. М. Для нашего проекта понадобятся люди, на которых можно положиться и которые без лишнего шума в случае неприятностей найдут выход из положения. До прихода к нам Даллас служил в армии, а затем выступал в родео. Текс тринадцать лет протрубил в морской пехоте, он инструктор по нападению и защите без оружия.

— А кто этот длинный?

— Это доктор Йенс Лин из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, филолог. — Высокий мужчина рывком встал и отвесил короткий поклон в направлении письменного стола. — Он специалист по германским языкам или по чему-то вроде этого. Он будет нашим переводчиком.

— Ну а теперь, когда вы стали членами нашей группы, вам понятно, насколько важен наш проект? — спросил Л. М.

— Мне платят денежки, — сказал Текс, — а я держу язык за зубами.

Даллас молча кивнул, соглашаясь с товарищем.

— Нам представляется удивительная возможность. — Лин говорил быстро, с легким датским акцентом. — Я взял отпуск на год и готов сопровождать экспедицию в качестве технического советника даже без предложенного щедрого гонорара. Ведь мы так мало знаем о разговорном старонорвежском...

— Ну хорошо, хорошо. — Л. М. поднял руку, удовлетворившись тем, что услышал. — Так какой же у нас план? Посвятите меня в детали.

— Сначала нам придется совершить пробное путешествие, — заметил Барни. — Надо посмотреть, работает ли машина профессора...

— Да я вас уверяю...

— ...и если она работает, мы сколотим съемочную группу, разработаем сценарий и затем отправимся снимать фильм прямо на месте. И на каком месте! Вся история открыта нам на широком экране! Мы сможем все заснять, записать звук...

— И спасем студию от банкротства. Ни тебе расходов на дополнительные съемки, ни декораций, ни стычек с профсоюзами...

— Эй, поосторожнее! — нахмурился Даллас.

— Конечно, речь идет не о вашем профсоюзе, — извинился Л. М. — Вся группа, которая отправится в прошлое из нашего времени, будет получать повышенную ставку с надбавками: я не имею в виду участников отсюда — на них мы сможем сэкономить, верно? А теперь отправляйся, Барни, пока у меня не остыл энтузиазм, и без хороших новостей не возвращайся.

Их шаги, стук каблуков по бетонной дорожке гулко отдавались от гигантских звуковых стен в огромном помещении, а тени тянулись за ними сначала сзади, а потом выбрасывались вперед, когда они проходили через ярко освещенные круги

под редкими лампами. Тишина и одиночество заброшенных студий внезапно напомнили им о величии их замысла, и они инстинктивно приблизились друг к другу, почти соприкасаясь плечами. Перед входом в здание стоял сторож; увидев их, он поздоровался, и его голос разбил мрачные чары тишины.

— Закрыто и опечатано, сэр, никаких происшествий!

— Отлично, — одобрительно отозвался Барни. — Возможно, мы останемся внутри до утра — секретная работа. Смотрите, чтоб никто из посторонних нам не помешал.

— Я уже сказал об этом капитану, и он предупредил ребят.

Барни запер за собой дверь, и тотчас же под крышей вспыхнули ослепительные солнца ламп. Огромное помещение пакгауза было почти пустым, если не считать нескольких пыльных листов фанеры в дальнем углу и грузовика грязно-оливкового цвета с белой армейской звездой на дверце кабины и брезентовым верхом.

— Батареи и аккумуляторы заряжены, — объявил профессор Хьюитт, взобравшись в кузов грузовика и покрутив несколько ручек. Затем он разъединил массивные кабели, тянувшиеся от зарядного устройства к выводам на стене, и забросил их в грузовик. — Садитесь, джентльмены, мы можем начать эксперимент когда угодно.

— Может быть, мы назовем это не экспериментом, а как-нибудь иначе? — с беспокойством спросил Эмори Блестэд. Он вдруг начал жалеть, что связался с этим предприятием.

— Я, пожалуй, сяду в кабину — там удобнее, — сказал Текс Антонелли. — Мне пришлось водить вот такой же шестисильный все время, пока я служил на Марианнах.

Один за другим участники экспедиции забрались вслед за профессором в кузов грузовика, и Даллас закрыл откидной борт. Ряды электронного оборудования и генератор, спаренный с двигателем внутреннего сгорания, занимали большую часть кузова, и участникам пришлось сесть на ящики с припасами и оборудованием.

— У меня все готово, — объявил профессор. — Может быть, для первого раза побываем в тысяча пятисотом году?

— Нет! — Барни был непреклонен. — Установите на своих приборах тысячный год, как договорились, и отправляемся.

— Но расход энергии будет меньше, и риск...

— Не трусьте в последнюю минуту, профессор. Нам необходимо перенестись как можно дальше в прошлое, чтобы никто не мог опознать нашу машину и причинить нам какие-

нибудь неприятности. К тому же мы решили снимать фильм о викингах, а не делать новый вариант «Собора Парижской Богоматери».

— Действие «Собора Парижской Богоматери» происходит не в шестнадцатом веке, а гораздо раньше, — заметил Йенс Лин. — Я бы сказал, что события происходят в средневековом Париже примерно...

— Профессор, — заворчал Даллас, — если мы собираемся куда-то отправиться, давайте кончим трепаться и поехали. Всякая ненужная задержка перед битвой подрывает боевой дух войск.

— Вы совершенно правы, мистер Леви, — отозвался профессор, и его пальцы забегали по кнопкам контрольной панели.

— Итак, тысяча лет от рождества Христова — пожалуйста! — Он выругался и стал нащупывать кнопки. — Так много липовых переключателей и приборов, что я совсем запутался, — пожаловался профессор.

— Пришлось тут кое-что прибавить, чтобы потом использовать эту штуковину для съемки фильма ужасов, — извиняющимся тоном сказал Блестэд. Голос его звучал как-то странно, лицо покрылось каплями пота. — Она должна была выглядеть более реалистично.

— И для этого вы сделали ее похожей черт знает на что? — сердито пробормотал профессор Хьюитт, заканчивая приготовления.

В следующее мгновение его рука протянулась к многополюсному рубильнику и перекинула его вперед.

Под воздействием внезапной нагрузки частота генератора снизилась, звук стал ниже и надсаднее, электрический разряд затрещал, холодные искры заплясали по всем открытым поверхностям, и люди почувствовали, как волосы на их головах встают дыбом.

— Что происходит? — раздался дрожащий голос Йенса Лина.

— Абсолютно ничего, — спокойно отозвался профессор Хьюитт, регулируя что-то на контрольной панели. — Это всего лишь вторичное явление, статический разряд, не имеющий никакого значения. Сейчас происходит накопление временного поля, вы должны это чувствовать.

Они действительно почувствовали что-то, явственно ощу-

тили, как их тела охватывает какая-то неприятная клейкая субстанция, как растет напряжение.

— У меня такое ощущение, будто мне в пупок вставили огромный ключ и заводят мои кишки, — заметил Даллас.

— Я просто не могу так здорово выразиться, — заметил Лин, — но и у меня те же симптомы.

— Переключил на автомат, — сказал профессор, утопив одну из кнопок и отойдя от пульта управления. — В ту микро-секунду, когда поле достигнет своего максимума, селеновые выпрямители автоматически включатся. Вы сможете следить за процессом по этой шкале. Как только стрелка достигнет нуля...

— Двенадцать, — сказал Барни, всматриваясь в шкалу, потом отвернулся от нее.

— Девять, — донесся голос профессора. — Поле быстро растет. Восемь... семь... шесть...

— А как насчет надбавки за боевые условия? — спросил Даллас, но никто даже не улыбнулся.

— Пять... четыре... три...

Напряжение стало ощутимым физически, оно стало частью машины, частью их самих. Никто не мог пошевелиться. Шесть пар глаз уставились на движущуюся красную стрелку, а профессор продолжал:

— Два... один...

Они не услышали слова «ноль», потому что в этот момент даже звук остановился. Что-то произошло с ними, что-то неуловимое и такое из ряда вон выходящее, что в следующую секунду никто не мог вспомнить, что это было и каковы были их ощущения. В то же мгновение свет прожекторов в пакгаузе померк; тьму раздвигало лишь тусклое сияние трех рядов циферблатов и шкал на контрольной панели. Пространство за открытым задним бортом грузовика, где мгновение назад виднелось ярко освещенное помещение пакгауза, теперь было серым, бесформенным, однообразным — не на чем было глазу остановиться.

— Эврика! — крикнул профессор.

— Не выпить ли нам? — спросил Даллас, извлекая кварту хлебного виски из-за ящика, на котором он сидел, и тут же последовал собственному совету, нанеся заметный ущерб содержимому бутылки.

Кварта начала переходить из рук в руки, даже Текс высунулся из кабины сделать глоток, и все хлебнули для храбро-

сти, за исключением профессора. Он же был слишком занят своими приборами и что-то радостно бормотал под нос.

— Да-да, несомненно, определенно перемещает в прошлое... скорость легко контролируется... теперь и физическое перемещение возможно... Космическое пространство или Тихий океан... для нас не подходят... не подходят... — Профессор взглянул под козырек серебристого экрана и что-то отрегулировал. Затем он повернулся к остальным. — Господа, теперь держитесь крепче. Хотя и старался я как можно точнее угадать уровень почвы в месте прибытия, но я боюсь быть слишком точным. Мне бы не хотелось доставить вас под землю, поэтому вполне возможно падение с высоты нескольких дюймов. Все готовы? — Профессор потянул за ручку рубильника.

Сначала о землю ударились задние колеса, а в следующее мгновение на грунт со страшным шумом рухнули и передние. Все попадали друг на друга. Яркий солнечный свет ворвался через открытый задник и заставил всех прищуриться. Свежий соленый ветерок принес откуда-то издалека шум прибоя.

— Черт меня побери! — бормотал Эмори Блестэд.

Серая пелена позади грузовика исчезла, и вместо нее, окаймленный брезентом подобно гигантской картине, показался каменистый океанский берег, о который разбивались огромные волны. Низко над берегом, крича, парили чайки, и два испуганных тюленя с фырканьем бросились в воду.

— Что-то я не узнаю эту часть Калифорнии, — сказал Барни.

— Это Старый, а не Новый Свет, — с гордостью ответил профессор Хьюитт. — Точнее, Оркнейские острова, где в тысяча третьем году существовало множество поселений норвежских викингов. Вас, несомненно, удивляет способность времематрона осуществлять не только темпоральное, но и физическое перемещение, однако существует фактор...

— С тех пор как Гувер был избран президентом, меня уже ничто не удивляет, — сказал Барни. Он почувствовал себя в своей тарелке после того, как они наконец прибыли куда-то — или в когда-то. — А теперь за работу. Даллас, подними полוג брезента спереди, чтобы нам видеть, куда ехать.

В следующее мгновение перед ними открылся каменистый берег — узкая полоса земли между пенящимся прибоем

и отвесными скалами. Примерно в полумиле от грузовика торчал мыс, а за ним ничего не было видно.

— Заводи! — крикнул Барни, наклонившись к кабине. — Давай посмотрим, что там дальше на берегу!

— Точно, — откликнулся Текс, нажимая на кнопку стартера.

Мотор заворчал и ожил. Текс включил первую скорость, и грузовик, покачиваясь на камнях, двинулся вперед.

— Хотите? — спросил Даллас, протягивая пистолетную кобуру с ремнем.

Барни с неприязнью посмотрел на оружие.

— Попрдержжи его. Я, наверно, застрелю себя или кого-нибудь из окружающих, если буду играть с этой штукой. Отдай ее Тексу, и пусть у тебя под рукой будет винтовка.

— А разве нам не дадут оружия — для нашей же безопасности? — спросил Эмори Блестэд. — Я знаю, как обращаться с винтовкой.

— Ты дилетант, а мы собираемся строго придерживаться профсоюзных правил. Твое дело, Эмори, помогать профессору — времееатрон сейчас самая ценная вещь. Текс и Даллас позаботятся о вооружении — только так мы будем застрахованы от несчастных случаев.

— Ах ты черт! Вы только посмотрите! Неужели я вижу такую красоту собственными глазами? — Йенс Лин, захлебываясь от восторга, показывал вперед.

Грузовик объехал мыс, и перед ними открылся маленький залив. Грубая почерневшая ладья была вытащена на берег, а чуть выше, подальше от воды, находилась жалкая землянка, сложенная из камня и неровных кусков дерна, крытая тростником и водорослями. Берег казался пустынным, хотя из дыры в крыше землянки поднималась струйка дыма.

— Куда все подевались? — спросил Барни.

— Совершенно ясно, что появление ревущего грузовика напугало жителей, и они спрятались внутри землянки, — объяснил Лин.

— Выключи мотор, Текс. Может быть, нам стоило взять с собой немного бисера или еще чего для торговли с туземцами?

— Боюсь, это не те туземцы, мистер Хендриксон...

Как бы в подтверждение слов Лина грубо сколоченная дверь землянки распахнулась, и из нее выскочил человек. С ужасным криком он прыгнул вверх, ударил топором с широким лезвием по шиту, висевшему на левой руке, и бросился

бежать вниз по склону прямо к грузовику. Несколько огромных шагов — и он уже подбежал к экспедиции. На его голове был отчетливо виден черный шлем с рогом; белокурая борода и пышные усы развевались по ветру. Продолжая издавать невнятные звуки, воин начал грызть край щита. На его губах появилась пена.

— Как видите, он явно испуган, однако герою-викингу не подобает выказывать страх перед своими рабами и слугами, которые, несомненно, следят за ним из землянки. Поэтому он приводит себя в состояние неистовой ярости подобно берсеркеру...

— Может, подождем с лекцией, а, док? Ну-ка, Даллас и Текс, возьмитесь за этого парня, успокойте его, пока он чего-нибудь не сломал.

— Пуля в брюхо быстро его успокоит.

— Ни в коем случае! Студия не может себе позволить такую роскошь, как убийство, даже убийство при самообороне.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, но учтите: в контракте есть специальный параграф об особом вознаграждении за риск.

— Знаю, знаю! Берите быка за рога, пока не...

Слова Барни были прерваны глухим ударом и звоном разбитого стекла, сопровождавшимися громким победным воплем.

— Я понял, что он говорит! — радостно захихикал Йенс Лин. — Он хвастается, что выбил глаз чудовищу...

— Этот буйнопомешанный отрубил фару! — завопил Даллас. — Займись-ка им, Текс, отвлеки его чем-нибудь! Я сейчас вернусь.

Текс Антонелли выскользнул из кабины и кинулся прочь от грузовика. Викинг заметил его и тут же начал преследование. Пробежав около пятидесяти ярдов, Текс остановился и поднял с земли две круглые гальки величиной с кулак. Подбросив одну из них на ладони, словно это был бейсбольный мяч, Текс спокойно ожидал приближения своего яростного преследователя. Когда викинг приблизился к нему на пять ярдов, Текс швырнул камень, целясь в голову, и, как только щит взлетел вверх, чтобы отразить нападение, метнул второй камень прямо в живот викинга. Оба камня оказались в воздухе одновременно, и, пока первый, отскочив от щита, летел куда-то в сторону, второй попал викингу прямо в солнечное спле-

тение, и тот с шумным «уф!» опустился на землю. Текс отошел на несколько шагов и подобрал еще две гальки.

— Bleуoa!¹ — выдохнул поверженный воин, потрясая топором.

— Да и ты не лучше. Ну-ка, поднимайся!

— А теперь давай упакуем его, — предложил Даллас, который появился из-за грузовика, крутя веревочной петлей над головой. — Профессор трясется над своими железками и хочет побыстрее смотаться отсюда.

— О'кей, сейчас мы это организуем.

Текс прибегнул к соленым морским выражениям, но ему не удалось преодолеть лингвистический барьер. Тогда он обратился к латинскому языку жестов, которым овладел еще в юности, и с помощью быстрых движений пальцев и рук сравнил викинга с рогоносом, кастратом, приписал ему кое-какие грязные привычки и закончил предельным оскорблением — его левая рука ударила по правому бицепсу, отчего правый кулак подпрыгнул вверх. Очевидно, какое-то одно — а может быть, и не одно — из этих оскорблений имело свои корни в одиннадцатом веке, потому что викинг заревел от ярости и с трудом поднялся на ноги.

Текс стоял, не двигаясь, хотя он казался пигмеем рядом с атакующим его гигантом. Топор взлетел вверх, но в то же мгновение Даллас бросил лассо и поймал им топор, а Текс подставил викингу подножку, и тот тяжело рухнул на землю. Как только викинг упал, Текс с Далласом оседлали его: один вывернул ему руки, а другой молниеносно обмотал его веревкой. Через несколько секунд викинг уже был беспомощен как младенец — руки его были заведены за спину и привязаны к ногам, а сам он ревел от бессильной ярости, пока Даллас и Текс волокли его по гальке к грузовику. В свободной руке у Текса был щит, а у Далласа — топор.

— Я должен поговорить с ним, — настаивал Йенс Лин. — Это редчайшая возможность!

— Мы не можем ждать ни минуты, — торопил их профессор, регулируя один из приборов верньерной ручкой.

— Эй, на нас нападают! — завопил Эмори Блестэд, указывая дрожащей рукой на землянку.

Толпа косматых оборванцев, вооруженных разнообразными мечами, копьями и топорами, атаковала грузовик.

¹ Трус! (старонорв.)

— Пора уносить ноги, — распорядился Барни. — Бросьте этого доисторического лесоруба в кузов и поехали. Когда мы вернемся на студию, у вас будет уйма времени для разговора с этим парнем, док.

Текс прыгнул в кабину и, схватив с сиденья револьвер, разрядил его весь в сторону моря, включил двигатель, потом оставшуюся фару и дал гудок. Крики атакующих мгновенно сменились воплями страха, и враги, побросав свое оружие, бросились обратно к землянке. Грузовик развернулся и поехал обратно вдоль берега. Когда они приблизились к выступающему мысу, с другой стороны мыса раздался автомобильный сигнал. Текс едва успел свернуть вправо и въехал прямо в прибой, пропуская мчащийся навстречу им фырчащий грузовик оливково-защитного цвета.

— Извозчик! — крикнул Текс в окошко и дал газ.

Барни Хендриксон взглянул на проезжавший мимо по старому следу грузовик и, посмотрев в открытый задник, окаменел. Он увидел самого себя с насмешливой улыбкой на лице — он качнулся, когда грузовик подпрыгивал на камнях. В последний момент, когда автомобиль уже исчезал за поворотом, второй Барни Хендриксон в своем кузове, заведя двойника, приложил большой палец к носу и покачал рукой. Барни бессильно опустил на ящик.

— Вы видели? — с трудом выговорил он. — Что это такое?

— Весьма интересное явление, — сказал профессор Хьюитт, нажимая кнопку стартера на своем генераторе. — Время гораздо более пластично, чем я предполагал; оно позволяет удваивать, может быть, даже утраивать темпоральные линии мира. Или даже допускает существование бесчисленного количества временных витков. Открывающиеся возможности просто невероятны...

— Может, вы перестанете нести эту абракадабру и объясните мне, что я видел? — оборвал его Барни, отрываясь от почти пустой бутылки.

— Вы видели самого себя, вернее, мы видели нас, когда мы будем... Боюсь, что грамматика английского языка не позволяет точно описать создавшееся положение. Может быть, правильнее сказать, что вы видели этот самый грузовик и себя в нем так, как это будет выглядеть немного позже. Я думаю, это достаточно просто для понимания.

Барни со стоном опустошил бутылку и вдруг вскрикнул от

боли, когда пришедший в себя викинг изловчился и укусил его в лодыжку.

— Лучше кладите ноги на ящики, — предостерег Даллас, — он все еще психует.

Грузовик сбавил скорость, и из кабины донесся голос Текса:

— Мы приехали туда, откуда стартовали, вот здесь начинаются следы шин. Что дальше?

— Поставьте машину по возможности в то самое положение, в каком она была, когда мы сюда приехали, это облегчит мне наладку приборов. Итак, приготовьтесь, господа, мы начинаем наше обратное путешествие через время.

— Troll tall yor oil!¹ — крикнул викинг.

Глава 3

— Что случилось? — подозрительно спросил Л. М., когда участники экспедиции вошли в его кабинет и устало опустились на те же стулья, с которых они поднялись восемнадцать веков назад. — Что это значит — десять минут назад вы вышли из моего кабинета и спустя десять минут снова возвращаетесь?

— Это для вас десять минут, Л. М., — ответил Барни, — а для нас прошли часы. Машина профессора действует, так что самое первое и самое трудное препятствие мы преодолели. Теперь нам известно, что времеатрон профессора Хьюитта работает даже лучше, чем можно было ожидать. Перед нами открыт путь к тому, чтобы перенести в прошлое целую съемочную группу и заснять исторически совершенно достоверный, полнометражный, широкоэкранный, реалистический, дешевый, высококачественный фильм. Наша следующая задача уже попроще.

— Сценарий.

— Вы правы, как всегда, Л. М. И получилось так, что у нас уже есть сценарий, очень реалистический, более того — патристический. Если я спрошу вас, Л. М., кто открыл Америку, что вы ответите?

¹ «Да будете вы добычей троллей!» — старонорвежский эквивалент выражению «черт подери!».

— Христофор Колумб в тысяча четыреста девяносто втором году.

— Именно так думают все, но на самом деле честь ее открытия принадлежит викингам!

— Разве Колумб был викингом? А я-то всегда считал, что он из евреев.

— Бог с ним, с Колумбом! Еще за пятьсот лет до его рождения корабли викингов отплыли из Гренландии и открыли землю, которую они называли Винланд — сейчас доказано, что это была Северная Америка. Первая экспедиция под предводительством Эрика Красного¹...

— И думать забудь! Ты хочешь, чтобы нас занесли в черный список за выпуск коммунистического фильма?

— Пожалуйста, выслушайте меня до конца, Л. М. После того как Эрик открыл эту страну, туда приплыли викинги, создали поселение, построили дома и фермы, и все это под водительством легендарного героя Торфинна Карлсефни...

— Ну что за имена! Их тоже придется менять. Я уже вижу центральную любовную сцену: «...поцелуй меня, мой милый Торфинни Карлсефни», — шепчет она. Нет, не пойдет. Не больно-то здорово, Барни.

— Нельзя переделывать историю, Л. М.

— А чем же еще мы занимались всю жизнь? Сейчас не время на меня наседать. И это ты, Барни Хендриксон, который когда-то был моим лучшим директором и продюсером, пока эти вшивые кретины вконец не разорили нас. Возьми себя в руки! Первоочередная задача кино — совсем не воспитание. Мы продаем развлечения, и, если они никого не развлекают, их никто не покупает. Именно так я смотрю на вещи. Вы берете своего викинга, называете его Бенни, или Карло, или другим хорошим скандинавским именем и создаете сагу о его приключениях...

— Именно об этом я и думал, Л. М.

— ...например, о дне битвы, в которой он, конечно, побеждает. Но он не находит покоя, такой уж у него характер. Тогда он отправляется восвояси и открывает Америку, затем возвращается и говорит: «Смотрите, я открыл Америку!» И они делают его своим королем. Затем девушка с длинными белокурыми волосами — парик, конечно, — машет ему рукой каждый раз, когда он отплывает и обещает ей вернуться.

¹ То есть Эрика Рыжего.

И вот теперь он уже постарел, на висках седина и шрамы на лице, он много страдал, и на этот раз вместо того, чтобы отплыть одному, он берет с собой девушку, и они вместе отплывают при пламенеющем закате в новую жизнь, как первые пионеры на Плимут-Рок. Ну как?

— Как всегда, потрясающе, Л. М. Вы не утратили своего таланта.

Барни устало вздохнул. Доктор Йенс Лин, у которого глаза чуть не выскочили из орбит, издал звук, как будто его душили.

— Но-но... ничего этого не было, все записано в летописях. И даже мистер Хендриксон не совсем прав, считается, что Винланд открыл Лейф Эриксон, сын Эрика Рыжего. Здесь существуют две разные версии — одна взята из «Хаукбука», а другая из «Флатейярбука» и...

— Достаточно! — проворчал Л. М. — Ты уловил мою мысль, Барни? Даже если в исторических книгах все это немного по-другому, мы можем слегка подправить здесь и там, чуть-чуть изменить в других местах, и перед нами готовый сценарий. Кого ты прочишь на главные роли?

— Раф Хоук будет идеален в роли викинга, если только нам удастся его заполучить. А на женскую роль неплохо бы актрису с выразительными формами...

— Слайти Тоув. Она сейчас свободна, у нее простой. Последние две недели ее проныра агент обивает пороги в моей конторе — вот откуда я узнал, что она на мели и обойдется нам по дешевке. Дальше тебе понадобится сценарист, используй для этого Чарли Чанга, у него с нами контракт. Он специалист по таким картинам.

— По библейским сюжетам — может быть, но не по историческим фильмам, — с сомнением сказал Барни. — И если уж говорить откровенно, «Вниз с креста», на мой взгляд, не фонтан. Или другой фильм — «Идя по водам Красного моря».

— Цензура зарезала, вот и все. Я сам одобрил оба сценария, и они были великолепны... — Внезапно за стеной раздался хриплый рев, и Л. М. замер на полуслове. — Слышали?

— Это наш викинг, — объяснил Текс. — Он все лез в драку, поэтому мы оглушили его, сковали и заперли в душевой вашего заместителя.

— Что еще за викинг? — нахмурился Л. М.

— Из местных жителей, — ответил Барни. — Он напал на

грузовик, поэтому мы захватили его с собой, чтобы доктор Лин с ним поговорил. Поставщик информации.

— Тащите его сюда. Вот кто нам нужен — человек, который знаком с местной обстановкой и может ответить на наши вопросы о съемке фильма. До чего нужен туземец, который знает все ходы и выходы, особенно когда снимаешь на натуре!

Текс и Даллас вышли из кабинета и через несколько минут, на протяжении которых слышались звон цепей да звучные удары, ввели викинга. Он остановился на пороге, оглядывая комнату осоловелыми глазами; только тут удалось впервые внимательно рассмотреть его.

Викинг был огромный — почти семи футов ростом даже без рогатого шлема — и волосатый, как медведь. Спутанные белокурые волосы свисали ниже плеч, а пышные усы исчезали в волнах бороды, накрывавшей грудь. Его одежда состояла из грубошерстной куртки и штанов, причем все это скреплялось и удерживалось на месте целой системой кожаных ремней. От викинга исходил терпкий запах рыбы, пота и смолы, однако массивный золотой браслет на его руке не казался лишним. Глаза викинга, голубые, почти небесной синевы, свирепо смотрели на присутствующих из-под густых бровей. Он был избит и закован в цепи, но, очевидно, не сломлен, так как стоял с высоко поднятой головой, расправив плечи.

— Добро пожаловать в Голливуд, — обратился к нему Л. М. — Садитесь, налейте ему стаканчик, Барни, и располагайтесь поудобнее. Как, вы сказали, вас зовут?

— Он не говорит по-английски, Л. М.

Лицо у Л. М. Гринспэна вытянулось.

— Да, Барни, я бы не сказал, что мне это нравится. Не люблю говорить через переводчиков — слишком медленно и ненадежно. О'кей, Лин, действуй, спроси его имя.

Йенс Лин забормотал себе под нос спряжения старонорвежских глаголов, а потом заговорил вслух:

— Hvát heitir maorinn?¹

Из горла викинга вырвалось лишь рычание — он игнорировал вопрос переводчика.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Л. М. — Я думал, что ты болтаешь на его наречии. Он что, не понимает тебя?

— Необходимо терпение, сэ. Старонорвежский был

¹ Как твое имя? (старонорв.)

мертвым языком почти тысячу лет, и мы знакомы с ним только на основании письменных источников. Единственный современный язык, который стоит ближе всего к старонорвежскому, — исландский, и сейчас я воспользовался исландским произношением и интонацией...

— Ну хорошо, хорошо. Мне не нужны лекции. Успокой его, умасли несколькими стаканчиками виски, и примемся за дело.

Текс подтолкнул стул к пяткам викинга, и тот опустился на него, свирепо озираясь вокруг. Барни взял бутылку «Джека Даниэльса» из бара, скрытого за поддельным Рембрандтом, и налил половину высокого коктейльного стакана. Но когда Барни поднес стакан к губам викинга, тот резко отдернул голову в сторону и зазвенел цепями, сковывающими запястья.

— Etir!¹ — огрызнулся он.

— Он думает, что вы хотите его отравить, — объяснил Лин.

— Ну, разубедить его нетрудно. — Барни поднес стакан ко рту и сделал огромный глоток.

На этот раз викинг позволил поднести стакан к своим губам и начал пить. По мере того как содержимое стакана исчезало в глотке у викинга, его глаза открывались все шире и шире.

— Odoinn ok Fitalrigg!² — радостно завопил он, выпив последнюю каплю и смахивая с глаз слезы.

— Еще бы это ему не понравилось — семь двадцать пять бутылка плюс налог, — проворчал Л. М. — Готов побиться об заклад, что там, откуда он явился, нет ничего подобного. Спроси-ка снова его имя.

Викинг нахмурился от напряжения, пытаясь понять вопрос, который повторяли ему и так и сяк, и наконец уловил, чего от него хотят.

— Оттар, — ответил он.

— Ну вот, хоть какой-то прогресс, — отозвался Л. М. и бросил взгляд на часы. — Ведь уже четыре часа утра, а мне хотелось бы уладить это дело как можно скорее. Спроси этого Оттара о валютном курсе... Кстати, какими деньгами они пользуются, Лин?

— Дело в том, что... в основном у них меновая торговля, хотя упоминается серебряная марка...

¹ Яд! (старонорв.)

² Один и Фрейя — скандинавские боги.

— Именно это нам и нужно знать: сколько марок за доллар, и пусть он не пытается ссылаться на инфляцию. Мне нужны цены на свободном рынке, больше меня не проведешь, и, если понадобится, мы купим марки в Танжере...

Внезапно Оттар взревел, рванулся вперед, опрокинув свой стул и отшвырнув попавшегося на пути Барни — тот грохнулся прямо на растения в горшках, — и сграбастал обеими руками бутылку виски. Он уже почти поднес ее к губам, когда каскет Текса опустился ему на затылок, и обмякшее тело викинга рухнуло на пол.

— Что это такое? — закричал Л. М. — Убийство у меня в кабинете? В нашей фирме и так хватает сумасшедших. Ответьте этого парня обратно и найдите мне другого, кто говорит по-английски; в следующий раз я хочу обойтись без переводчика.

— Ни один из них не говорит по-английски, — угрюмо проворчал Барни, осторожно извлекая из своего костюма шипы кактуса.

— Тогда научите его, но хватит с меня сумасшедших.

Глава 4

Барни Хендриксон подавил стон и дрожащей рукой поднял к губам бумажный стаканчик черного кофе. Он уже забыл, сколько часов — или веков — он не сомкнул глаз. Затруднения возникали одно за другим, а рассвет следующего дня принес новые проблемы. Пока Барни потягивал кофе, голос Далласа Леви жужжал в телефонной трубке подобно рассерженной осе.

— Согласен, Даллас, согласен, — прохрипел Барни едва слышно в ответ — после того, как он выкурил подряд три пачки сигарет, его голосовые связки отказали. — Оставайся с ним и постарайся его успокоить... Около этих старых пакгаузов ни единой живой души... Ну хорошо, последние три часа ты получал двойную ставку... ладно, теперь получишь тройную, я дам расписку. Только не выпускай его из-под замка, пока мы не решим, что с ним делать. И передай доктору Лину, чтобы он пришел ко мне как можно быстрее. Пока.

Барни опустил телефонную трубку и попытался сконцентрировать свое внимание на лежащем перед ним листочке бумаги с бюджетом съёмочной группы. Пока что чуть не около

каждой строчки стояли вопросительные знаки — будет нелегко протащить этот бюджет через бухгалтерию. А что будет, если полиция разнюхает о том, что у них в старом пакгаузе заперт викинг? Может ли быть законным обвинение в похищении человека, умершего почти тысячу лет назад?

— Голова кругом идет, — пробормотал он и протянул руку за новым стаканом кофе.

Профессор Хьюитт, свеженький как огурчик, ходил взад и вперед по кабинету, крутил ручку карманной счетной машинки и записывал результаты в записную книжку.

— Ну как дела, проф? — спросил Барни. — Сможем ли мы послать в прошлое что-нибудь большее по размеру, чем наш грузовик?

— Терпение, наберитесь терпения. Природа раскрывает свои секреты очень неохотно, и открытие может не состояться лишь из-за того, что запятая в десятичной дроби оказалась не на месте. Ведь, кроме обычных четырех измерений физического пространства и времени, необходимо принять во внимание три дополнительных измерения: перемещение в пространстве, массу, кумулятивную ошибку, которая, по моему мнению, вызывается энтропией...

— Избавьте меня от деталей, проф, мне нужен всего лишь ответ.

Селектор на его столе загудел, и Барни велел секретарше провести доктора Лина прямо в кабинет. Лин отказался от предложенной сигареты и, согнув длинные ноги, опустился в кресло.

— Ну, выкладывайте дурные новости, — сказал Барни, — или это ваше обычное выражение лица? Неполадки с викингом?

— Как вы сами выразились, неполадки. Перед нами стоит проблема коммуникации, поскольку степень моего владения старонорвежским языком далека от совершенства и в придачу Оттар не проявляет никакого интереса к тому, о чем я пытаюсь с ним говорить. Тем не менее мне кажется, что с помощью известных поощрительных мер его можно убедить в том, что он должен овладеть английским языком.

— Поощрительных мер?..

— Денег или их эквивалента в одиннадцатом столетии. Подобно большинству викингов, он падок на деньги и готов на что угодно, лишь бы добиться высокого положения и бо-

гатства, хотя он, разумеется, предпочитает достичь этого с помощью убийств и насилия.

— С этим не будет никаких затруднений. Мы готовы платить ему за уроки, бухгалтерия уже разработала валютный курс — разумеется, в нашу пользу, — но как насчет времени? Вы можете научить его говорить по-английски за две недели?

— Это совершенно исключено! С человеком, который стремится овладеть языком, этого можно добиться, но не с Оттаром. Мягко выражаясь, у него полное отсутствие такого стремления да плюс к тому он отказывается делать что бы то ни было, пока его не освободят. А это тоже немаловажно.

— Немаловажно! — сказал Барни и почувствовал вдруг непреодолимое желание вырвать у себя клочок волос. — Представляю себе этого волосатого психа с его топором на углу Голливуд-стрит и Вайн. Об этом не может быть и речи!..

— Если мне позволят внести предложение... — сказал профессор Хьюитт, внезапно прекратив свое бесконечное хождение и повернувшись к Барни. — Если доктор Лин вернется с этим аборигеном в его время, то у него появится отличная возможность вести обучение английскому языку в привычной для викинга обстановке, что должно ободрить и успокоить его.

— Однако это совсем не ободрит и не успокоит меня, профессор, — холодно заметил Лин. — Жизнь в те времена была жестокой и очень короткой.

— Я уверен, что можно принять предохранительные меры, доктор, — сказал профессор, возвращаясь к своим вычислениям. — Мне кажется, что филологические перспективы в данном случае значительно перевешивают фактор личной безопасности...

— В этом вы, несомненно, правы, — согласился Лин, устремив свой невидящий взгляд в дебри существительных, корней, падежей и склонений, давным-давно скрытых под пластами времени.

— ...не говоря уже о том, что в этом случае временной фактор может быть изменен так, как это нужно нам. Господа, мы можем сокращать время или растягивать его до бесконечности! Доктор Лин может потратить на обучение Оттара десять дней, десять месяцев или десять лет, оказавшись в эре викингов, а после того как мы вернемся за ним, с нашей точкой зрения, пройдет несколько минут.

— Двух месяцев будет достаточно, — огрызнулся Лин, — если вас интересует моя точка зрения.

— Ну вот и отлично, — сказал Барни. — Лин отправится в прошлое с викингом и научит его английскому языку, а мы прибудем со съемочной группой через два месяца по викингскому времени и приступим к съемкам фильма.

— Я еще не дал своего согласия, — настаивал Лин. — Опасность...

— Интересно, насколько это приятно — быть величайшим и единственным во всем мире специалистом по старонорвежскому языку? — вкрадчиво спросил Барни, уже успевший приобрести некоторый опыт в общении с академическим умом, и отсутствующее выражение на лице Лина показало, что стрела попала точно в цель. — Отлично! Подробности мы обдумаем позже. А теперь почему бы вам не отправиться к Оттару и не попробовать объяснить ему все это? Не забудьте упомянуть про деньги. Мы заставим его подписать контракт и включим статью о неустойке, так что вы будете в полной безопасности, пока у него не угаснет желание получать монеты.

— Ну, это можно, — согласился Лин, и Барни понял, что доктор пойман на крючок.

— Отлично! Отправляйтесь к Оттару и объясните, чего мы от него хотим, а пока вы будете его обрабатывать, я свяжусь с отделом контрактов и попрошу их составить один из тех, на первый взгляд законных, пожизненных каторжных контрактов, которыми они славятся. — Барни нажал на рычажок селектора. — Соедини-ка меня с контрактным, Бетти. И где же, наконец, мой бензедрин?

— Я звонила в амбулаторию час назад, — проквашал селектор.

— Позвони еще раз, если не хочешь, чтобы я протянул ноги после полудня.

Как только Йенс Лин вышел из кабинета, в дверях появился миниатюрный человек восточного типа с кислым выражением физиономии, одетый в розовые брюки, вишневого цвета рубашку и спортивную куртку из твида.

— Привет, Чарли Чанг! — рявкнул Барни, протягивая руку. — Не видел тебя сто лет.

— Действительно, сто лет, — согласился Чарли, широко улыбаясь и трясая протянутую руку. — Счастлив снова работать с тобой.

Они терпеть не могли друг друга, и, как только их руки освободились, Барни зажег сигарету, а на лице Чанга улыбка превратилась в обычную кислую гримасу.

— Что-нибудь наклеивается, Барни? — спросил он.

— Широкоэкранный фильм на три часа с солидным бюджетом, и ты — единственный человек, который мог бы написать сценарий.

— У нас уже иссякли все сюжеты, Барни, но я всегда считал, что «Песня Соломона», полная секса, но без примеси порнографии, была бы...

— Сюжет для фильма уже выбран — совершенно новая идея об открытии Америки мореплавателями-викингами.

Выражение лица Чанга стало еще более кислым.

— Звучит неплохо, Барни, но ты же знаешь, на какие темы я пишу. Не думаю, что викинги по моей линии.

— Ты отличный писатель, Чарли, а это значит, что все по твоей линии. К тому же ты подписал контракт, — прибавил Барни, обнажая кинжал угрозы.

— Конечно, нельзя забывать о контракте, — холодно произнес Чарли. — Я всегда мечтал написать сценарий для исторического фильма.

— Великолепно! — воскликнул Барни, снова придвигая к себе листочек с бюджетом фильма. Дверь распахнулась, и рассыльный вкатил тележку, доверху нагруженную книгами. Барни показал на них: — Вот тебе из библиотеки все, что нужно по викингам, — быстренько просмотрю, и через минуту мы с тобой обсудим набросок сценария.

— Через минуту, да-да... — сказал Чарли, мрачно разглядывая несколько десятков толстенных томов.

— Пять тысяч семьсот семьдесят три и двадцать восемь сотых кубических футов с нагрузкой двенадцать тысяч семьсот семьдесят семь и шестьдесят две сотых килограмма при условии увеличения затрат энергии на двадцать семь целых две десятых процента, — внезапно сообщил профессор Хьюитт.

— О чем это вы говорите? — рявкнул Барни.

— Это те данные, о которых вы меня спрашивали: какой груз может быть перенесен времематроном в прошлое при увеличении подачи электроэнергии.

— Великолепно! А теперь не будете ли вы так любезны перевести это на обыкновенный язык?

— Грубо говоря... — Профессор закатил глаза и что-то быстро-быстро забормотал про себя на едином выдохе. — Я пола-

гаю, что во времени и пространстве может быть перемещен груз весом в четырнадцать тонн и размерами двенадцать на двенадцать на сорок футов.

— Вот это понятнее. Похоже, сюда вместится все, что нам будет нужно в прошлом.

— Контракт, который вы просили, — сказала Бетти, опуская на письменный стол документ на восьми страницах.

— Хорошо, — сказал Барни, перелистав страницы хрустящей мелованной бумаги. — Пригласи сюда Далласа Леви.

— В приемной ждет мисс Тоув со своим импресарио. Ей можно войти?..

— Только не сейчас! Скажи ей, что у меня разыгралась проказа и я никого не принимаю. И где, наконец, мои бенни? Я не продержусь до полудня на одном кофе!

— Я уже три раза звонила в амбулаторию. Сегодня у них, кажется, не хватает персонала.

— Тогда лучше сходи сама и принеси бензедрин.

— Барни Хендриксон, я не видела тебя столько лет...

Эти слова, произнесенные хрипловатым голосом, пронеслись по кабинету, и в нем тотчас воцарилась тишина. Злые языки говорили, что Слайти Тоув обладает актерскими способностями марионетки, у которой порваны ниточки, умом обезьяны чихуахуа и нравственностью Фанни Хилл. И они были совершенно правы. Тем не менее эти достоинства — вернее, их отсутствие — не могли объяснить потрясающего успеха фильмов, в которых Слайти снималась. Единственным достоинством, которым она обладала в избытке, было ярко выраженное женское начало плюс ее удивительная способность вступать в контакт, если можно так выразиться, на гормональном уровне. Слайти распространяла вокруг себя не столько аромат секса, сколько аромат сексуальной доступности. И это также соответствовало действительности. Причем этот аромат был настолько силен, что с минимальными потерями просачивался сквозь барьеры пленки, линз и проекторов и захлестывал зрителя потоками горячей дымящейся страсти с серебряного экрана кинематографа. Ее картины делали сборы. Женщины, как правило, не любили ходить на них. Теперь этот специфический аромат, свободный от препятствий в виде пространства, времени и целлулоида кинопленки, ворвался в кабинет, заставив всех мужчин повернуть-

ся к Слайти. Казалось, если бы в кабинете стоял счетчик Гейгера, он трещал бы уже, не переставая.

Бетти громко фыркнула и вылетела из комнаты, но в дверях, в которых боком стояла актриса, ей пришлось сбавить скорость. Правду говорили, что у Слайти самый большой бюст в Голливуде...

— Слайти... — произнес Барни, и голос его сел. Конечно, из-за того, что было выкурено слишком много сигарет.

— Барни, дорогой, — произнесла актриса, пока гидравлические поршни ее округлых ног медленно и плавно несли ее через комнату, — я не видела тебя целую вечность.

Опершись на край письменного стола, Слайти наклонилась вперед. Сила земного тяготения тут же потянула вниз тонкую ткань ее блузки, и не меньше девяноста восьми процентов ее монументальной груди появилось в поле зрения продюсера.

— Слайти... — сказал Барни, мгновенно вскакивая на ноги. — Я хотел поговорить с тобой о роли в картине, которую мы будем делать, но ты видишь, я сейчас занят...

Нечаянно он взял ее руку, которая тут же запульсировала в его пальцах, как огромное, горячее, бьющееся сердце, и актриса наклонилась еще ниже. Барни отдернул руку.

— Если ты подождешь несколько минут, я займусь тобой, как только освобожусь.

— Тогда я сяду вот здесь около стенки, — раздался низкий голос, — и не буду никому мешать.

— Вы меня звали? — спросил Даллас Леви, с порога обращаясь к Барни и в то же время пожирая глазами актрису.

Гормоны вступили в контакт с гормонами, и Слайти глубоко вздохнула. Даллас удовлетворенно улыбнулся.

— Да, — сказал Барни, извлекая контракт из-под горы бумаг на столе. — Отнеси вот это Лину и передай ему, чтобы его друг подписал. У тебя еще какие-то неприятности?

— После того как мы обнаружили, что ему нравится пережаренный бифштекс и пиво, никаких. Всякий раз, когда он начинает волноваться, мы сеем ему в пасть еще один бифштекс и кварту пива, и он сразу успокаивается. Пока что выведено в расход восемь бифштексов и восемь кварт пива.

— Давай, пусть подпишет, — сказал Барни, и его взгляд случайно упал на Слайти, которая опустилась в кресло и скрестила обтянутые шелком ноги. На ее подвязках были маленькие розовые бантики...

— Ну, что ты скажешь, Чарли? — спросил Барни, бессильно опускаясь в свое вращающееся кресло и делая поворот на сто восемьдесят градусов. — Уже есть идеи?

Чарли Чанг поднял двумя руками толстую книгу и показал Барни.

— Пока я на тринадцатой странице первого тома, и осталось еще порядочно.

— Это всего лишь иллюстративный материал, — сказал Барни. — Я думаю, мы сможем набросать план в общих чертах сейчас, а детали ты вставишь позже. Л. М. предложил сделать сагу, и, мне кажется, это отличная мысль. Действие начнется на Оркнейских островах примерно в тысячном году, когда происходит масса событий. Там у тебя будут норвежские поселенцы, и грабители-викинги, и атмосфера, накаленная до предела. Может быть, стоит начать с рейда викингов — корабль с головой дракона медленно скользит по черной воде, представляешь?

— Вроде как в вестерне, когда бандиты, готовясь к ограблению банка, молча въезжают в спящий город?

— Примерно так. Дальше: главный герой — вождь викингов или, может быть, главарь поселенцев на берегу, ты сам сообразишь, как лучше. Происходит бой, затем еще какая-нибудь битва, поэтому герой решает вместе со своим племенем переселиться в новую страну — Винланд, об открытии которой он только что узнал.

— Что-то вроде покорения Запада?

— Точно. Затем путешествие, шторм, кораблекрушение, высадка на берег, первое поселение, битва с индейцами. И думай пошире, потому что у нас будет много массовых сцен. Финал на высокой ноте — в свете заходящего солнца.

Чарли Чанг, слушая Барни, торопливо делал заметки на титульном листе книги и кивал головой в знак согласия.

— Еще один вопрос, — сказал он, выставив вперед книгу. — Некоторые имена в хронике — один смех. Вот послушай только. Здесь есть Эйольф Вонючий. И дальше Пиг Полярный Медведь, Рагнар Волосатые Штаны и уйма таких же. Конечно, можно их вставить для смеха...

— Это серьезный фильм, Чарли, самый серьезный из всех, какие тебе приходилось снимать.

— Конечно, Барни, ты босс. Это просто предложение. Будет любовная линия?

— Да, и начни ее пораньше — ты знаешь, как это делается.

— Эта роль для меня, Барни, милый, — раздался шепот у него над ухом, и теплые руки обвили шею продюсера.

— Не позволяй ему улестить себя, Слайти, — раздался приглушенный голос. — Барни Хендриксон мой друг, мой очень старый друг, но он бизнесмен до мозга костей, хитрый и проницательный, и, что бы ты ему ни обещала — хотя мне и не хочется этого говорить, — я должен буду внимательно изучить все контракты перед тем, как ты их подпишешь.

— Айвэн, — прохрипел Барни, пытаясь вырваться из душистого осьминожьего плена, — будь добр, оттащи свою клиентуру в сторону на несколько минут, и потом я займусь вами. Не знаю, сумеем ли мы договориться, но тогда мы, по крайней мере, сможем говорить.

Айвэн Гриссини, по виду классический мошенник — горбатый нос, черные волосы и мягкий, покрытый перхотью костюм, — и был мошенником, притом потрясающим. Он чуял запах долларов за десять миль против ветра во время грозы с градом и всегда носил с собой шестнадцать авторучек, которые он неизменно наполнял каждое утро перед тем, как отправиться к себе в контору.

— Посиди рядом со мной, беби, — сказал он, направляя Слайти в угол привычным отработанным движением. Поскольку Слайти не была набита «зелененькими», Гриссини оставался невосприимчив к ее чарам. — Барни Хендриксон всегда делает то, что обещал, и даже еще больше.

Телефон зазвенел в ту самую минуту, когда в дверях появился Йенс Лин, размахивая контрактом.

— Оттар не может это подписать, — сказал он. — Ведь контракт на английском языке.

— Так переведите ему, вы же технический советник. Одну минуту, — проговорил Барни в трубку.

— Я могу перевести контракт, это чрезвычайно трудно, но возможно, однако зачем это? Ведь Оттар не умеет читать.

— Подождите минутку, Лин. Нет, это я не тебе, Сэм. Знаю, Сэм... Конечно, я видел предварительные расчеты, ведь я сам их составил. Нет, не нужно спрашивать меня, где я достаю ЛСД... Будь реалистом, Сэм. Согласен, мы не вчера родились, ни ты, ни я... Как ты не понимаешь, что этот фильм может быть снят в пределах той цифры, которую я дал тебе, плюс или минус пятьдесят тысяч... Не говори, что это невозможно, Сэм. Помнишь поговорку: мы делаем и невозможное,

просто для этого требуется немного больше времени? Что? Прямо по телефону? Сэм, будь благоразумен. У меня в кабинете сейчас настоящий цирк, да-да, Барнум и Бейли, я просто не могу сейчас входить в детали... Отделаться? Я? Никогда? Да-да, конечно, спроси его. Л. М. в курсе дел с самого начала, он следит за каждым шагом, и ты увидишь, что он поддерживает меня по каждому пункту... Верно... И тебе того же само-го, Сэм.

Барни опустил трубку, и Чарли Чанг сказал:

— Ее взяли в плен, когда пираты напали на поселение; в начале картины она сопротивляется ему с ненавистью, но затем вопреки ее собственной воле ненависть переходит в любовь.

— Меня еще никогда не брали в плен пираты, — прохрипела Слайти из угла.

— Отличная мысль, Чарли, — согласился Барни.

— И даже если бы он мог читать, он все равно не умеет писать, — продолжал Лин.

— У нас не раз возникала такая же проблема с иностранными актерами, — повернулся к нему Барни. — Подколи к контракту перевод, заверенный двуязычным нотариусом, затем пусть Оттар обмакнет большой палец в чернила и приложит его в конце каждого документа. Когда отпечаток его пальца заверят два нейтральных свидетеля, этот документ будет признан действительным в любом суде мира.

— Не так-то просто найти нотариуса, владеющего в равной степени английским и старонорвежским языками...

— Обратись в отдел кадров, они могут найти кого угодно.

В открытую дверь вошла секретарша и поставила на письменный стол пузырек, полный таблеток бензедрина.

— Вот ваши бенни, мистер Хендриксон.

— Слишком поздно, — прошептал Барни, глядя перед собой неподвижным взглядом, — слишком поздно.

Телефон и селектор зазвенели одновременно. Барни вытряхнул из пузырька на ладонь пару таблеток и запил их холодным, пахнущим картоном кофе. Затем он нажал на рычажок селектора.

— Хендриксон слушает.

— Барни, сейчас же зайди ко мне, — раздался голос Л. М. Бетти подняла телефонную трубку.

— Это секретарша Л. М. Гринспэна, — сказала она Барни. — Л. М. хочет, чтобы вы зашли к нему.

— Понятно. — Барни с трудом поднялся из-за стола — болели мышцы — и подумал, сколько времени потребуется, чтобы бензедрин начал действовать. — Навались на работу, Чарли, мне понадобится конспект сценария — пара страниц, и как можно скорее.

Когда Барни проходил мимо Гриссини, проворные руки импресарио устремились к лацкану его пиджака, но Барни с искусством, отточенным многолетней практикой, ловко увернулся.

— Подожди минутку, Айвэн, я поговорю с тобой сразу после возвращения от Л. М. — Хор голосов мгновенно стих, отрезанный захлопнувшейся дверью. — Будь добра, Бетти, дай мне свое полотенце, — попросил он.

Бетти протянула ему полотенце, и Барни набросил его на плечи, тщательно подоткнув его край за воротник рубашки. Затем он наклонил голову, подsunул ее под водопроводный кран и чуть не задохнулся, когда Бетти открыла кран. В течение нескольких секунд струя ледяной воды текла на затылок и шею продюсера, затем он выпрямился и вытер голову и шею полотенцем. Бетти одолжила ему свой гребешок. После ледяного душа он чувствовал себя слабее, но все-таки лучше и, когда посмотрел в зеркало, увидел, что выглядит почти как человек. Почти.

— Запри за собой дверь, — распорядился Л. М., когда Барни вошел в его кабинет, затем, хрюкнув от напряжения, перекусил кусачками последний телефонный провод. — Больше нет, Сэм?

— Этот был последний, — сказал Сэм тусклым голосом.

Внешне Сэм тоже выглядел весьма тусклым, что было, несомненно, защитной окраской, ибо Сэм был личным персональным бухгалтером Л. М., и о нем ходила слава как о самом большом в мире специалисте по корпоративным финансам и увиливанию от уплаты налогов. Он прижал к груди папку с документами и посмотрел на Л. М.

— В этом уже нет необходимости, — сказал он.

— Может быть, может быть. — Л. М. опустил в кресло, отдуваясь. — Но стоит мне только произнести слово «банк», когда у меня в кабинете не перерезаны провода, как мое сердце начинает биться с переборами. У меня плохие новости для тебя, Барни. — Он откусил конец сигары. — Мы разорены.

— Что это значит? — Барни перевел взгляд с одного непроницаемого лица на другое. — Это что, шутка?

— Л. М. имеет в виду, — уточнил Сэм, — что «Клаймэктик студиоз» в ближайшее время обанкротится.

— Сели на мель, загублено дело всей моей жизни, — сказал Л. М. глухим голосом.

Сэм механически кивнул, подобно кукле чревовещателя, и сказал:

— В общих чертах положение таково. Обычно мы только через три месяца шлем свой финансовый отчет в банки, которые, как ты знаешь, держат контрольный пакет нашей студии. Однако по не известным нам причинам они присылают своих ревизоров для проверки бухгалтерских книг уже на следующей неделе.

— Ну? — спросил Барни и внезапно ощутил легкое головокружение. Тишина стала невыносимой; он вскочил и начал ходить по кабинету. — Ну и они обнаружат, что студия на мели, что все прибыли — только на бумаге, — Барни повернулся к Л. М. и драматическим жестом указал на него, — и что все деньги перекачаны в фонд Л. М. Гринспэна, не облагаемый налогом. Неудивительно, что вы не переживаете, Л. М. Пусть себе студия катится под откос, а Л. М. Гринспэн будет идти вперед!

— Поосторожнее выражайся! Разве можно так разговаривать с тем, кто вывел тебя в люди...

— Вывел в люди — а теперь все, конец! — Барни саданул себя по шее ребром ладони сильнее, чем это входило в его планы. — Послушайте, Л. М., — сказал он умоляющим голосом, потирая ушибленное место, — мы не должны сдаваться! Пока не опустился топор, у нас еще остается шанс! Ведь вы считали, что еще есть надежды на спасение, иначе бы не связались с профессором Хьюиттом и его машиной. Вы, наверно, думали, что большие кассовые сборы уменьшат давление со стороны банков, снова сделают фирму платежеспособной. Но ведь все еще можно поправить!

Л. М. с мрачным видом покачал головой.

— Не хочу сказать, что приятно пожимать руку человеку, который вот-вот вонзит тебе нож в спину, но что я могу сделать? Конечно, финансовый успех фильма и даже просто отснятая, но не выпущенная на экраны большая картина — и плевать нам на банковскую ревизию. Но ведь мы не можем отснять фильм за неделю.

Мы не можем отснять фильм за неделю! Эти слова шевелились в отупевшей от кофеина, никотина и бензедрина голове Барни, будя какие-то далекие смутные воспоминания.

— Л. М., — сказал Барни, сопровождая свои слова драматическим жестом, — у вас будет инфаркт!

— Типун тебе на язык! — охнул Л. М. и схватился за мощный пласт жира где-то в районе сердца. — И не произноси больше этого слова. Одного инфаркта мне вполне достаточно.

— Послушайте. Вы отправляетесь вместе с Сэмом к себе домой, чтобы поработать над бухгалтерскими книгами, и, конечно, берете их с собой. Сегодня вечером вы заболеваете. Может быть, это расстройство желудка, а может, инфаркт. Ваш доктор говорит, что он подозревает инфаркт. В благодарность за все те деньги, которые он получил от вас, он должен оказать вам эту маленькую любезность. Несколько дней все бегают туда-сюда и кричат, бухгалтерские книги временно забыты, затем подходит уик-энд, и никому и в голову не придет смотреть книги раньше понедельника, может быть, даже вторника.

— Понедельника, — твердо сказал Сэм. — Ты не знаешь банков, Барни. Если в понедельник мы не представим книг, они пошлют на дом к Л. М. автобус с врачами.

— Ну хорошо, в понедельник. У нас все равно достаточно времени.

— Пусть понедельник — что от этого изменится? Откровенно говоря, я озадачен. — Л. М. нахмурился и принял озадаченный вид.

— А вот что, Л. М. Утром в понедельник я доставлю вам в кабинет отснятую картину. Картину, которая принесет вам два-три миллиона только из-за продолжительности, широкоэкранности и цвета.

— Ты сошел с ума!

— Ничуть, Л. М. Вы забыли про времееатрон. Машина профессора Хьюитта действует. Помните, вчера вечером вы еще подумали, что мы отлучились на десять минут? — Л. М. неохотно кивнул головой. — Так оно и было по вашему времени. Но по времени викингов мы провели в прошлом более часа! И мы можем все повторить. Отправим съемочную группу со всем необходимым в прошлое, и пусть она остается там столько времени, сколько ей нужно для того, чтобы сделать фильм.

— Ты хочешь сказать...

— Совершенно верно. Когда мы вернемся обратно с отснятым фильмом, вам будет казаться, что прошло всего десять минут!

— Почему же никто не подумал об этом раньше? — прошептал Л. М. с блаженной улыбкой на лице.

— Тут много причин...

— Так ты хочешь сказать, — Сэм подался вперед так, что чуть не упал с кресла, и какой-то намек на выражение, может быть, даже на улыбку появился на его лице, — так ты хочешь сказать, что мы будем платить только за десять минут производства фильма?

— Я имел в виду совсем не это, — огрызнулся Барни. — И вообще хочу сразу предупредить, что с точки зрения бухгалтерии здесь будет масса трудностей. Тем не менее, чтобы ободрить вас, я гарантирую, что мы произведем все съемки на местности — со многими массовыми сценами — за одну десятую стоимости фильма, снятого в Испании.

Глаза Сэма сверкнули.

— Я незнаком с подробностями этого проекта, Л. М., но некоторые его детали кажутся весьма интересными.

— И ты сможешь сделать это, Барни? Сможешь снять такой фильм?

— Я сделаю это, только если вы окажете мне всяческое содействие и не будете задавать вопросов. Сегодня вторник. Пожалуй, к субботе мы сможем закончить всю подготовку. — Барни начал загибать пальцы. — Нам нужно подписать контракты с главными исполнителями, запастись достаточным количеством пленки, набрать технический персонал, взять, по крайней мере, две дополнительные съемочные камеры... — Он продолжал бормотать себе под нос, перечисляя все необходимое. — Да, — сказал он наконец, — мы можем сделать это.

— И все-таки не знаю... — задумчиво сказал Л. М. — Уж больно сумасшедшая идея...

Будущее грандиозного боевика висело на волоске, и Барни отчаянно пытался найти довод, который убедил бы Л. М.

— Еще одно, Л. М. Если мы будем вести съемки в течение шести месяцев, то придется, конечно, платить заработную плату за все шесть месяцев. Однако если взять кинокамеры и остальное съемочное оборудование напрокат, то мы заплатим ренту лишь за несколько дней!

— Барни, — сказал Л. М., выпрямляясь в кресле, — ты назначаешься режиссером и продюсером этой картины.

— Вы еще услышите о Синекитте, мистер Хендриксон...

— Барни...

— ...еще услышите, Барни, эта история еще не окончена. После войны итальянцы создали неореалистическое искусство, затем ему на смену пришел кухонный реализм английской кинематографии. Но понимаешь, Барни, Рим еще не умер. Такие ребята, как я, приезжают ненадолго в Голливуд, совершенствуют технику, схватывают на лету новые приемы...

— А попутно и солидные гонорары...

— Не отрицаю, их привлекают доллары. Да, знаешь, Барни, вряд ли мы сумеем заснять что-нибудь на цветную пленку в это время дня. — Он взмахнул своим восьмимиллиметровым «Болексом», висящим на ремешке на запястье. — Нужно было зарядить камеру черно-белым три-экс. Ведь уже пять часов вечера.

— Не беспокойся, Джино, ручаюсь, что у тебя будет сколько угодно света. — Барни поднял голову и увидел, как из двери пакгауза вышел Эмори Блестэд. — Подойди-ка сюда, Эмори, — окликнул он инженера. — Познакомься, это наш кинооператор Джино Каппо. Джино, это Эмори Блестэд, наш инженер.

— Очень рад познакомиться, — сказал Эмори, пожимая руку итальянцу. — Меня всегда интересовало, как вам удалось добиться столь отталкивающих киноэффектов в «Осенней любви».

— Вы имеете в виду «Порко мондо»? Это не киноэффекты, именно так выглядят некоторые районы Югославии. — Он повернулся к Барни. — Даллас просил меня передать, что они приведут Оттара через пять минут.

— Давно пора. Пусть профессор прогревает свою машину.

Барни, болезненно морщась, вскарабкался в кузов армейского грузовика и опустил на ящики. Ему все-таки удалось соснуть часок на кушетке в своем кабинете, но его разбудил очередной срочный вызов Л. М., и Барни поднялся в его кабинет для продолжительного спора из-за бюджета фильма. Нервное истощение начинало сказываться.

— Я заново отрегулировал все свое оборудование, — сообщил ему профессор Хьюитт, радостно похлопывая по контрольной панели врематеатрона. — И начиная с этого дня могу

гарантировать будущим путешественникам максимальную точность как во временном, так и в географическом плане.

— Великолепно. Отрегулируйте все так, чтобы мы прибыли на то же место, что и раньше, в тот же день и в тот же час. Тогда было превосходное освещение.

Дверь распахнулась, и пакгауз наполнился громкими гортанными звуками. В помещение, пошатываясь, ввалился Оттар в сопровождении Йенса Лина и Далласа Лёви, которые не столько сдерживали, сколько поддерживали викинга — Оттар был в стельку пьян. За ними шествовал Текс, кативший перед собой тележку, доверху нагруженную ящиками. Понадобились совместные усилия всех троих, чтобы забросить викинга в кузов грузовика, где он тотчас же впал в забытие, что-то бормоча с блаженным видом. Оттара со всех сторон забаррикадировали ящиками.

— Что это в них? — поинтересовался Барни.

— Товары для обмена, — ответил Лин, с трудом перекидывая ящик с надписью: *«Виски «Джек Даниэльс»* через задний борт грузовика. — Оттар подписал контракт, я ужасно удивился, что здесь удалось разыскать исландского нотариуса...

— В Голливуде можно найти что угодно.

— ...и Оттар согласился учить английский язык после того, как его доставят домой. У него появился заметный интерес к алкогольным напиткам двойной очистки, и мы заключили соглашение — за каждый день учебы по бутылке виски.

— Неужели вы не могли всучить ему какой-нибудь сивухи? — спросил Барни, когда второй ящик *«Джека Даниэльса»* исчез в кузове. — Как же я буду выкручиваться перед бухгалтерией?

— Мы пробовали, — вставил Даллас, перекидывая через борт третий ящик. — Попытались всучить ему пойло вроде *«Олд Оверкоут»* — девяностопятиградусный хлебный спирт, но он сделал от ворот поворот. Изысканный вкус у этого дикаря! Два месяца обучения, пять ящиков виски — таковы условия.

Йенс Лин вскарабкался в кузов, и Барни с восхищением уставился на его высокие, до колен, саперные сапоги, краги, охотничью куртку с множеством карманов и ножны с огромным ножом.

— А зачем этот костюм для джунглей? — спросил он.

— Просто чтобы остаться в живых и для удобства, — объяснил Лин, освобождая место для спального мешка и огром-

ного сундука, который Даллас с трудом втащил в кузов. — Здесь у меня ДДТ против вшей, которых там, конечно, хоть пруд пруди, таблетки для очистки питьевой воды и запас консервов. Питание в те времена не отличалось разнообразием, и современному человеку оно, конечно, не годится. Поэтому я решил предпринять простейшие меры предосторожности.

— Очень предусмотрительно, — заметил Барни. — Эй вы, входите сюда и закрывайте задний борт, пора отправляться!

Хотя времеатрон по-прежнему завывал и искры бегали по его поверхности с той же интенсивностью, обстановка в машине была далеко не такой напряженной. Условные рефлексы человека, живущего в мире машин, одержали победу, и путешествие во времени казалось теперь таким же обыкновенным, как подъем в скоростном лифте, полет на реактивном самолете, спуск в подводной лодке или взлет в космической ракете. Только Джино, для которого это путешествие было первым, проявил признаки беспокойства, бросая быстрые взгляды то на ряды электронных инструментов, то на закрытую дверь пакагуза. Однако явное спокойствие других пассажиров — Барни ухитрился заснуть во время путешествия, а Даллас и датский филолог затеяли спор из-за того, что одна из бутылок виски оказалась открытой и, стало быть, терялся один день обучения английскому языку, — благотворно подействовало на оператора. В момент перехода из одного темпорального состояния в другое Джино, потрясенный, привстал, однако тут же сел, едва ему в руки сунули бутылку. Тем не менее, когда за грузовиком появилось сверкающее голубое небо и соленый морской воздух наполнил легкие, у него глаза на лоб полезли.

— Ловкий трюк, а? — сказал он, глядя на свой экспонометр. — Как это у вас получается?

— Подробности можешь узнать у профа, — выдохнул Барни, проглотив лошадиную порцию виски. — Очень сложно. Что-то вроде перемещения во времени.

— А, понятно, — радостно кивнул Джино, устанавливая диафрагму на цифре 3,5. — Вроде временных зон, когда летишь из Лондона в Нью-Йорк. Такое впечатление, будто солнце не движется и ты прилетаешь в то же самое время, в которое взлетел.

— Что-то вроде этого.

— Великолепная освещенность. С таким светом можно дать хорошие краски.

— Если ты собираешься вести машину, не напивайся, — сказал Даллас, протягивая полупустую бутылку Тексу, сидящему за рулем грузовика. — Один глоток, приятель, и в дорогу.

Стартер взревел, мотор ожил, и Барни, поглядев через переднее окошко кузова, увидел, что они едут по следам другого грузовика, отчетливо видным на мокром песке и гальке. Смутное воспоминание забрезжило у него в голове, несмотря на усталость, и он застучал по металлической крыше кабины прямо над головой Текса.

— Подай сигнал! — крикнул он изо всех сил.

Грузовик подъехал к мысу и начал объезжать его. Тут-то и раздался автомобильный гудок. Спотыкаясь о ящики, наступив на бок спящего викинга, Барни бросился к заднему борту грузовика. Послышался нарастающий рокот мотора, и армейский грузовик, похожий на их машину как две капли воды, промчался мимо, двигаясь в противоположном направлении. У самого борта Барни поспешно протянул руку и схватился за стойку у себя над головой. В удалявшемся грузовике он успел разглядеть самого себя с бледным лицом, выпученными глазами и широко открытым, как у кретина, ртом. Испытывая садистское удовлетворение, он приложил большой палец другой руки к носу и растопырил пальцы, насмехаясь над потрясенным Барни в другой машине, которая тотчас же скрылась за мысом.

— Здесь большое движение? — поинтересовался Джинно.

Оттар сел, потирая бок и бормоча под нос проклятия. Йенс быстро успокоил его, протянув бутылку, и через минуту грузовик остановился, проехав несколько футов по мелкой гальке.

— Примроуз-коттедж! — крикнул из кабины Текс. — Конечная остановка.

Вонючий дым по-прежнему поднимался из дыры на крыше приземистой землянки, однако ее обитателей не было видно. Оружие и примитивные орудия труда все еще были разбросаны на земле. Оттар не то вывалился, не то выпрыгнул из грузовика и заорал что есть мочи, изо всех сил сжав голову руками, словно в порыве горя:

— Hvar erut per rakka? Komit ut!¹

¹ Где вы, собаки? Выходите сейчас же! (старонорв.)

Он снова схватился за голову и стал искать глазами бутылку, которую Йенс Лин с мудрой предусмотрительностью успел припрятать. Из дома начали выходить дрожащие слуги.

— Ну, за дело! — распорядился Барни. — Разгружайте ящики и поставьте их, куда покажет доктор Лин. Нет-нет, Джино, не суйся, ты пойдешь со мной.

Они вскарабкались на невысокий холм сразу позади хижины, с трудом прокладывая путь по короткой жесткой траве и то и дело спотыкаясь о косматых, диких на вид овец, которые, мекая, шарахались в сторону. С вершины мыса они отчетливо увидели изогнутую дугу залива, уходящую вдаль по обе стороны, и сланцево-серое безбрежье океана. Длинная волна накатилась на берег, разбилась о гальку и с шипением поползла по камням обратно в море. Посреди залива стоял мрачный остров с отвесными скалистыми берегами, под которыми пенился океанский прибой, а еще дальше, на горизонте, виднелось темное пятно другого острова, уже пониже.

— Сделай-ка панораму на все триста шестьдесят градусов, мы изучим ее позднее. И возьми крупным планом этот остров.

— А почему бы не пойти в глубь материка и не посмотреть, что там находится? — спросил Джино, глядя в видоискатель.

— Потом, если останется время, сходим. Ведь мы собираемся снимать морскую картину, и мне хочется использовать виды открытого моря.

— Ну тогда пройдемся хотя бы вдоль берега — посмотрим, что там за мысом.

— Ладно, только не ходи один. Возьми с собой Текса или Далласа — они выручат тебя в случае нужды. И не отлучайся больше чем на пятнадцать минут, чтобы мы могли найти тебя, когда придет время отправляться обратно.

Барни взглянул на берег и заметил лодку; схватив Джино за руку, он указал на нее.

— У меня идея. Возьми Лина в качестве переводчика, прихвати пару туземцев, и пусть они отвезут тебя подальше в море. Сделай несколько снимков — как это место выглядит с моря...

— Эй, Барни, — крикнул Текс, появляясь на вершине холма, — ты нужен в хижине! Там производственное совещание.

— Ты как раз вовремя, Текс. Оставайся с Джино и присмотри за ним.

— Я прилипну к нему как банный лист. *Va buona, et cunpra!*¹

Джино вопросительно посмотрел на него.

— *Vui sareste italiano?*²

Текс засмеялся.

— Я? Нет, я американо, но у меня полно родственников-макаронников вдоль всего Неаполитанского залива.

— *Di Napoli! So' napoletano pur'io!*³ — радостно закричал Джино.

Оставив Джино и Текса, которые восторженно жали друг другу руки и вспоминали общих знакомых, Барни направился к хижине. Свесив ноги, в кузове грузовика сидел Даллас. В его руке дымилась сигарета.

— Все уже там, — сказал он, — а я решил для верности присмотреть за грузовиком, чтобы было на чем ехать обратно. Лин сказал, чтобы ты сразу заходил.

Барни без всякого энтузиазма взглянул на низкую дверь, ведущую в хижину. Она была приоткрыта, и из щели шло больше дыма, чем из отверстия в крыше, служившего дымоходом.

— Не спускай глаз с машины, — вырвалось у Барни. — В такой дыре не хватает только этих неприятностей.

— И я подумал то же самое, — пробормотал Даллас и извлек из кармана автоматический пистолет. — Десять зарядов. И я стреляю без промаха.

Широко распахнув дверь, Барни нагнулся и вошел в хижину. Дым, что поднимался от тлеющего очага, висел на уровне его головы серой пеленой, и Барни был почти рад этому, так как запах дыма заглушал остальные ароматы, щедро наполнявшие помещение. Принюхавшись, Барни различил запах тухлой рыбы, смолы, пота и еще множество других, которые ему и распознавать не хотелось. В первое мгновение он почти ослеп, попав в полутьму после яркого солнечного света, потому что единственными источниками освещения в хижине были открытая дверь и несколько отверстий, пробитых в стенах.

— *Jaeja, hunningi! Pu skalt drekka meo mer!*⁴

¹ Будь здоров и радуйся жизни! (*неапол. диал.*)

² Вы итальянец будете? (*итал.*)

³ Из Неаполя! Чистый неаполитанец! (*итал.*)

⁴ Хей, мой друг! Ты должен выпить со мной! (*старонорв.*)

Хриплый голос Оттара потряс воздух, и, когда Барни немного освоился в полумраке, он смог различить группу людей, сидящих вокруг стола из толстых досок. У одного его конца сидел Оттар, колотивший по столу кулаком.

— Он хочет, чтобы ты выпил с ним, — сказал Лин. — Это очень важный шаг, гостеприимство, хлеб-соль, понимаешь?

— Ой!¹ — рывкнул Оттар, поднимая небольшой бочонок с земляного пола.

— Выпил чего? — спросил Барни, глядя в темноту.

— Эля. Они делают эль из ячменя — это у них основная культура. Эль — изобретение северных германских племен, можно сказать, предок нашего пива. Даже само слово дошло до нас, правда, в слегка измененном виде...

— Drekk!² — приказал Оттар, наливая до краев рог и протягивая его Барни.

Присмотревшись, Барни увидел, что это действительно коровий рог, изогнутый, потрескавшийся и далеко не первой чистоты. Йенс Лин, профессор и Эмори Блестэд также держали в руках по рогу. Барни поднес рог к губам и сделал глоток. Жидкость была кислой, водянистой, выдохшейся и ужасной на вкус.

— Замечательно! — сказал он, надеясь, что в темноте выражение его лица не будет видно.

— Ja, gott ok vel!³ — согласился Оттар, и новая порция отвратительной жидкости хлынула в рог Барни, перелилась через край и потекла по его руке.

— Если тебе не нравится напиток, — глухим голосом произнес Эмори, — то подожди, когда очередь дойдет до еды.

— Вот как раз что-то несут.

Профессор показал на дальний угол комнаты, где кто-то из слуг копался в большом деревянном сундуке. Выпрямившись, слуга пнул один из темных холмиков, разбросанных по земляному полу. Раздалось обиженное мычание.

— Скот?.. — удивился Барни.

— Вот именно. Его держат в доме, — разъяснил Эмори. — Он придает здешней атмосфере особо тонкий аромат.

Слуга, которому длинные светлые волосы, ниспадавшие до плеч и закрывавшие глаза, придавали сходство с неухоженной овчаркой, направился к столу, сжимая в своих почернев-

¹ Эль! (старонорв.)

² Пей! (старонорв.)

³ Да, великолепный эль! (старонорв.)

ших от грязи лапах по какой-то большой глыбе. Подойдя, он бросил глыбы на стол перед Барни, и они стукнулись о дерево, словно камни.

— Что это такое? — спросил Барни, подозрительно скосив глаза на лежащие перед ним глыбы. Одновременно он переложил рог в другую руку и пытался вытряхнуть ручеек эля из рукава своего пиджака.

— Слева — это сыр местного производства, а справа — кнекброд, твердый хлеб, — пояснил Йенс Лин. — А может быть, наоборот.

Барни попробовал их надкусить, вернее, постучал зубами по их гранитной поверхности.

— Великолепно, просто великолепно, — сказал он, бросая их обратно на стол и глядя на светящийся циферблат своих часов. — Освещение меняется, и скоро нам нужно отправляться. Мне бы хотелось поговорить с тобой, Эмори, давай выйдем на улицу, если только ты можешь оторваться от пира.

— С удовольствием, — ответил Эмори.

Содрогаясь от отвращения, он допил эль и выплеснул остатки на пол.

Солнце село за полоску льдистых облаков, и с моря подул холодный ветер; Барни зябко поежился и поглубже засунул руки в карманы.

— Мне нужна твоя помощь, Эмори, — сказал он. — Составь список всего необходимого для съемки фильма на местности в этой обстановке. По-видимому, здесь не удастся воспользоваться местными ресурсами по части съестного...

— Клянусь богом, ты прав!

— ...поэтому придется все захватить с собой. Кроме того, я хочу смонтировать фильм прямо здесь, так что в одном из прицепов должно быть помещение для монтажа.

— Ты хочешь нажить себе неприятности, Барни. Да здесь даже черновой монтаж и то не осилишь. А как с тренировкой? А музыка?

— Мы сделаем все, что можем. Найдем композитора и пару музыкантов, может быть, используем местный оркестр.

— Представляю себе местную музыку!

— Неважно, если потом придется изменить почти все звуковое сопровождение. Мы должны привезти готовый фильм, вот что важно...

— Мистер Хендриксон, — позвал Йенс Лин, открывая дверь и подходя к ним. Он порылся в нагрудном кармане сво-

ей охотничьей куртки и протянул Барни измятый конверт. — Я только что вспомнил, меня просили передать вам записку.

— Что еще такое? — спросил Барни.

— Не имею представления. Насколько мне известно, она конфиденциальна. Ваша секретарша передала ее мне, как раз когда мы отправлялись.

Барни разорвал конверт. Внутри был лист желтой бумаги с коротким машинописным текстом, гласившим:

Л. М. СООБЩИЛ ПО ТЕЛЕФОНУ: ОПЕРАЦИЯ ОТМЕНЯЕТСЯ, ВСЯ РАБОТА ПО СЪЕМКЕ ФИЛЬМА ПРЕКРАЩАЕТСЯ. ПРИЧИНА НЕ УКАЗАНА.

Глава 6

Барни отшвырнул от себя журнал, однако его обложка прилипла к руке и наполовину оторвалась. Он нетерпеливо отодрал от ладони бумагу и еще раз пожалел о том, что у него не хватило времени помыть руки после викингова пива. Надо же — съемка отменяется!

— Мисс Закер, — сказал он, — Л. М. ждет меня. Он так сказал. Он оставил записку. Я уверен, что он с нетерпением ожидает...

— Мне очень жаль, мистер Хендриксон, но он дал мне самые строгие указания ни в коем случае не беспокоить его во время совещания. — Пальцы секретарши на мгновение замерли над клавишами машинки, и даже челюсти прекратили жевательные движения. — Как только представится возможность, я сейчас же сообщу о том, что вы ждете. — Стук машинки возобновился, и в такт с ним опять начали двигаться челюсти.

— Вы могли бы, по крайней мере, позвонить ему и сообщить о моем приходе.

— Мистер Хендриксон! — воскликнула секретарша тоном матери-настоятельницы, облыжно обвиненной в содержании публичного дома.

Барни вышел в коридор, выпил воды, затем вымыл липкие ладони. Когда он вытирал руки о лист бумаги, раздалось жужжание интеркома, и мисс Закер кивнула ему.

— Теперь можете войти, — сказала она ледяным тоном.

— Что случилось, Л. М.? — спросил Барни, едва переступив порог. — Что значит эта записка?

Сэм сидел в своем кресле чурбан чурбаном, а напротив него съежился на стуле взопревший Чарли Чанг. Выражение лица у него было разнесчастное.

— Что это значит, а? Он еще спрашивает, что это значит! Это значит, что ты, Барни Хендриксон, провел меня за нос. Ты добился от меня согласия на съемку фильма, когда у тебя даже сценария не было.

— Ну конечно, у меня нет сценария! Как у меня может быть сценарий, когда мы только что решили делать фильм? Ведь это же чрезвычайный случай, правда?

— Правда, правда. Но чрезвычайный случай — это одно дело, а съемка фильма без сценария — совсем другое. Может быть, во Франции и делают фильмы по принципу тят-ляп, так что не поймешь, есть у них сценарий или нет. Но в нашем «Клаймэктике» так дела не делаются!

— Да, непорядок, — согласился Сэм.

Барни изо всех сил пытался сохранить самообладание.

— Послушайте, Л. М., будьте благоразумны. Ведь это критический момент, вы забыли? Утопающий хватается за соломинку. Особые обстоятельства...

— То есть банк. Называй вещи своими именами. Теперь это можно.

— Не будем уточнять, потому что мы еще можем провести их. Мы можем сделать картину. Вы вызвали моего сценариста...

— У него нет сценария.

— Конечно, у него нет сценария. Только вчера вы и я окончательно договорились об идее фильма. Теперь, когда вы поговорили с ним и объяснили ему свои требования...

— У него нет сценария.

— Ради бога, Л. М., выслушайте меня. Чарли — хороший сценарист, вы сами его нашли и взрастили. Если кто-то может сделать то, что нам требуется, так это старый добрый Чарли. Если бы сейчас у вас в руках был сценарий этого фильма, написанный Чарли Чангом, вы ведь дали бы разрешение на съемки, верно?

— У него нет сцен...

— Л. М., вы не слушаете меня. Если. Это важное слово. Если бы я сейчас вошел в кабинет и вручил вам написанный Чарли Чангом сценарий этого эпохального фильма под названием... под названием «Викинг Колумб», дали бы вы разрешение на его производство?

На лице Л. М. застыло непроницаемое выражение. Он взглянул на Сэма, который едва заметно опустил голову.

— Да, — тотчас же ответил Л. М.

— Ну вот, дело пошло на лад, — поспешно подхватил Барни. — Если я передам вам этот сценарий через час, вы дадите «добро» на производство фильма? Никакой разницы, верно?

Л. М. пожал плечами.

— Ну хорошо, для меня — никакой. Ну а какая для тебя разница?

— Ждите меня здесь, Л. М., — Барни вскочил и, схватив удивленного Чарли Чанга за рукав, потащил его в коридор. — Поговорите с Сэмом о бюджете, выпейте по коктейлю. Я вернусь ровно через час. «Викинг Колумб» уже почти готов к производству.

— У меня есть знакомый психиатр, который принимает вечером, — сказал Чарли, едва за ними захлопнулась дверь кабинета. — Поговори с ним, Барни, а? Мне приходилось слышать много скоропалительных обещаний в нашем скоропалительном деле, но такого...

— Помолчи, Чарли. Тебе предстоит большая работа. — Барни, не переставая говорить, вывел упиравшегося сценариста в коридор. — Скажи, сколько времени потребуется тебе на то, чтобы состряпать черновой вариант сценария для этого фильма, если работать на полную катушку? Сколько времени?

— Это огромная работа. По крайней мере, шесть месяцев.

— Отлично. Шесть недель. Концентрация усилий, первоклассный материал.

— Я сказал не недель, а месяцев.

— Если тебе понадобится шесть месяцев, у тебя будет шесть месяцев. Поверь моему слову, у тебя будет столько времени, сколько тебе потребуется. И кроме того, спокойное, тихое место для работы. — Они проходили мимо висевшей на стене фотографии, и Барни, внезапно остановившись, ткнул в нее пальцем. — Вот здесь. Остров Санта-Каталина. Масса солнечного света, освежающая морская ванна особенно приятна, когда у тебя мозги пересохнут.

— Я не смогу там работать, Барни. Остров полон людей, ночью в каждом доме вечеринки с танцами.

— Это ты так думаешь. А тебе понравится работать на Санта-Каталине, если вокруг не будет ни души и весь остров будет принадлежать тебе одному? Подумай только, что можно написать в таких условиях?

— Барни, честное слово, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Поймешь, Чарли. Через несколько минут все поймешь. Пятьдесят стопок бумаги, ящик копирки, стул — один, стол для пишущей машинки — один, пишущая машинка...

— Это допотопный образец, Барни, — прервал его Чарли. — На этом античном чуде приходится самому нажимать на клавиши. Я могу работать только на электрической модели Ай-Би-Эм.

— Боюсь, что в той части острова, где разместится твой лагерь, снабжение электричеством будет не очень надежным. Ничего, ты сам увидишь, с какой быстротой твои пальцы обретут прежнюю сноровку, — утешил его Барни. Когда в кузов грузовика впихнули огромный сундук, Барни поставил галочку в длинном списке. — Один комплект сафари.

— Один комплект чего?

— Один комплект сафари «сделай сам» из отдела бутафории и реквизита. Палатка, складная постель, стулья, сетки от москитов, походная кухня — и все в отличном рабочем состоянии. Ты расположишься с удобствами, как доктор Ливингстон, только в два раза комфортабельнее. Пятидесятигаллонные бочки с водой — три, часы-табель пружинные с набором карточек — один комплект.

Ничего не понимая, Чарли Чанг смотрел на то, как самые разнообразные вещи одна за другой исчезают в кузове армейского грузовика. Все происходившее было бессмыслицей, включая седого старикашку позади всего этого барахла, который колдовал над радиоустановкой из фильма о Франкенштейне. Когда в кузов погрузили древние красного дерева часы-табель с римскими цифрами на циферблате, Чарли схватил Барни за руку.

— Ничего не понимаю, а уж это и вовсе. Зачем мне часы-табель?

— Профессор Хьюитт объяснит тебе все самым подробным образом через несколько минут, а пока прими мои слова на веру. Часы играют важную роль, ты в этом убедишься. Не забудь пробивать карточку каждое утро.

— Мистер Хендриксон, — послышался голос его секретарши, — вам здорово повезло. — Она появилась в дверях пакгауза, ведя за руку озадаченного негра в белом халате и высоким поварском колпаке. — Вы сказали, что вам нужен повар, причем немедленно, и я тут же отправилась на кухню и

нашла там Клайда Роулстона. Оказалось, что он не только повар, но знает стенографию и машинопись.

— Ты настоящий ангел, Бетти. Закажи еще одну машинку...

— Сейчас ее доставят. А как с аптечкой «Скорой помощи»?

— Уже погрузили. Ну, тогда все. Клайд, это Чарли, Чарли, это Клайд. Позже вы сумеете познакомиться поближе. А теперь, пожалуйста, залезайте оба в грузовик.

— Я полезу, как только мне объяснят, что здесь происходит, — заявил Клайд, бросив на Барни вызывающий взгляд.

— Чрезвычайное положение, вы нужны «Клаймэктику», и я уверен, что вы оба, как преданные служащие, поможете нашей компании. Профессор Хьюитт вам все объяснит. Это займет немного времени. Обещаю вам, что мы с вами увидимся на этом свете ровно через десять минут по моим часам. А теперь, если вы перелезете через эти ящики, я подниму задний борт.

Успокоенные уверенным голосом Барни, они влезли в кузов, и профессор Хьюитт наклонился через их плечи к Барни.

— Мне кажется, кембрийский период подходит больше всего, — сказал он. — Знаете, ранний палеозой. Здоровый, умеренный климат, тепло и уютно, позвоночные еще не появились, так что опасность не угрожает. Моря кишат простыми трилобитами. Хотя для продолжительного пребывания, пожалуй, слишком тепло. Может быть, немного позже, в девонский период. Достаточно большие позвоночные все еще не появились...

— Профессор, вы специалист, поступайте, как считаете нужным. Нам предстоит масса работы, по крайней мере в нашем временном отрезке. Доставьте их на Каталину, выгрузите со всем барахлом, затем передвиньтесь на шесть недель вперед и доставьте обратно. Барахло бросьте на острове, оно может нам понадобиться позднее. Отправляйтесь, у нас осталось всего пятнадцать минут.

— Считайте, что фильм у нас в руках. С каждым новым путешествием во времени мне все легче и легче налаживать приборы, так что теперь их точность очень высока. Ни одного мгновения не будет потрачено даром, буквально ни одного.

Профессор Хьюитт вернулся к своим приборам, и генератор надрывно заревел. Чарли Чанг открыл было рот, но его слова не донеслись до Барни, так как грузовик исчез. Исчез, а

не растаял, исчез мгновенно, как исчезает изображение на киноэкране, когда рвется лента. Барни собрался было поговорить с секретаршей, но только он обернулся, как грузовик появился снова.

— Что случилось? — спросил Барни, как вдруг увидел, что все припасы из кузова исчезли. Клайд Роулстон стоял рядом с профессором у контрольной панели, а Чарли Чанг сидел на пустом ящике, сжимая в руках толстую пачку машинописной бумаги.

— Ровным счетом ничего, — ответил профессор. — Просто я рассчитал наше возвращение с максимальной точностью.

На Чарли уже не было куртки, его рубашка помялась и выцвела, особенно на плечах, где она стала совершенно беле-сой. Волосы у него отросли, а щеки были покрыты густой чер-ной щетиной.

— Ну, как дела? — спросил Барни.

— Неплохо, принимая во внимание обстоятельства. Правда, я еще не закончил сценария, потому что там в воде плава-ют эти твари. Такие зубы! Глаза...

— Сколько еще времени тебе понадобится?

— Две недели будет вполне достаточно. Но эти глаза, Бар-ни...

— Там нет таких больших тварей, которые могли бы быть для тебя опасными, так сказал проф.

— Может быть, они не такие большие, но в океане их столько и у них такие зубы...

— До свидания. Отправляйтесь, профессор! Две недели!

На сей раз путешествие было таким коротким, что, если бы Барни в этот миг моргнул, он мог бы совсем не заметить исчезновения грузовика. Однако теперь Чарли и Клайд сиде-ли рядом на другой стороне грузовика, и пачка печатных стра-ниц стала заметно толще.

— «Викинг Колумб»! — крикнул Чарли, размахивая сце-нарием над головой. — Шедевр на широком экране! — Он протянул папку Барни, и тот увидел, что к задней обложке прикреплена пачка карточек. — Это карточки учета нашего рабочего времени, и если ты посмотришь на них, ты увидишь, что мы пробивали их каждый день, и мы с Клайдом требуем двойной оплаты по субботам и тройной — по воскресеньям.

— Другой бы стал спорить, — сказал Барни, со счастливой улыбкой взвешивая на ладони пухлый том. — Пошли, Чарли, мы немедленно обсудим твой сценарий.

Выйдя из пакгауза, Чарли понюхал вечерний воздух.

— Какая здесь вонь! — заметил он. — Я никогда раньше этого не замечал. А какой удивительный воздух был у нас на острове! — Затем он посмотрел на свои ноги. — Как непривычно снова ходить в ботинках!

— Странник вернулся, — сказал Барни. — Я пойду отнесу сценарий, а ты тем временем сменишь живописные лохмотья бродяги на что-то более приличное и быстренько побреешься. Когда будешь готов, сразу иди в кабинет Л. М. Как ты думаешь, получился хороший сценарий?

— Может быть, пока еще рано говорить, но я думаю, это лучшее, что мне удалось написать. Работал в такой обстановке, когда тебя ничто не отвлекает — если не считать глаз! Да и Клайд здорово помогал: он печатал чисто и быстро. Ты знаешь, он к тому же и поэт.

— Я думал, он повар.

— Он оказался паршивым поваром, и кончилось тем, что я все стряпал сам. Он работал в кухне студии только для того, чтобы раздобыть денег на оплату квартиры. А вот поэт он действительно отличный и хорошо пишет диалоги. Он мне здорово помог. Как ты думаешь, мы можем упомянуть про его участие в фильме?

— Не вижу, почему бы и нет. Не забудь побриться!

Барни вошел в кабинет Л. М. и положил сценарий на письменный стол.

— Готово! — сказал он.

Л. М. осторожно взвесил рукопись на обеих руках, затем отвел ее в сторону, чтобы лучше видеть обложку.

— «Викинг Колумб». Хорошее название. Впрочем, придется его изменить. Да, Барни, ты доставил сценарий, как и обещал. Может быть, теперь ты раскроешь нам секрет, как за один час написать сценарий? Расскажи Сэму, ему тоже хочется послушать.

Сэм, почти неразличимый на фоне темных обоев, стал виден, только когда он кивнул головой.

— Никакого секрета, Л. М., это времееатрон. Вы видели, как он работает. Чарли Чанг отправился в прошлое, в спокойное уединенное местечко, где он и написал сценарий. Он оставался в прошлом столько времени, сколько ему потребовалось, затем мы вернули его в настоящее почти тотчас же после того, как он отправился. С нашей точки зрения прошло со-

всем немного времени, поэтому мы и считаем, что на создание полного сценария потребовался всего один час.

— Сценарий за час! — На лице Л. М. появилась счастливая улыбка. — Да это же настоящая революция в кинопромышленности! Давай не будем скупиться, Барни. Дадим этому парню самую высокую ставку, какая у нас есть, а затем увеличим ее в два раза! Я не скупердяй. Мне хочется поступить по справедливости, и уж я позабочусь о том, чтобы Чарли Чанг получил самую высокую почасовую оплату, которая когда-либо была выплачена сценаристу за один час его времени!

— Вы не совсем поняли меня, Л. М. Может быть, это с вашей точки зрения прошел всего один час, но Чарли Чанг трудился как ишак над этим сценарием более двух месяцев, включая субботы и воскресенья, и ему придется заплатить за все это время.

— Он не сможет этого доказать! — Л. М. сделал свирепую гримасу.

— Нет, сможет. Каждый день он пробивал карточку на часах-табеле, и к сценарию приложены все его карточки.

— Тогда пусть обращается в суд! На работу потребовался один час, и я заплачу ему за один час.

— Сэм, — взмолился Барни, — поговорите с ним. Скажите ему, что в этом мире ничего нельзя получить даром. Ведь деньги за восемь недель работы — это гроши за такой великий сценарий!

— Мне больше нравится одночасовой сценарий, — заметил Сэм.

— Нам всем они больше нравятся, только одночасовых сценариев на свете не бывает. Это просто новый метод работы, однако нам придется платить ту же самую сумму за работу, что бы ни случилось.

Зазвонил телефон, Л. М. схватил трубку, приложил ее к уху, несколько раз односложно хрюкнул в ответ, затем бросил трубку.

— Сейчас придет Раф Хоук, — сказал он. — Мне кажется, мы сможем использовать его для главной роли, но я подозреваю, что он заключил контракт с независимой студией на другую картину. Прощупай его, Барни, до прихода его менеджера. А теперь насчет этого часа...

— Давайте обсудим этот час потом, Л. М. Я уверен, что все уладится.

Дверь отворилась, и в кабинет вошел Раф Хоук. Он замер

на мгновение на пороге, повернув голову так, чтобы дать возможность присутствующим полюбоваться его профилем. Он был действительно хорош. Раф выглядел так хорошо потому, что его внешность составляла главное содержание его жизни. И когда во всем мире, в бесконечном количестве кинотеатров миллионы женских сердец начинали биться чаще при виде Рафа, заключающего какую-нибудь счастливую звезду в свои крепкие мужские объятия, ни одна из этих миллионов не знала, что ее шансы быть заключенной в эти объятия практически равнялись нулю. Раф не любил женщин. Впрочем, подозрения насчет его ненормальности были тоже безосновательны. Он не любил ни мужчин, ни женщин, ему не нравились ни овцы, ни плаши, ни ветряки, ни любые другие предметы. Рафу нравился только Раф, и отблеск любви в его глазах был лишь отражением самовлюбленного восхищения.

До встречи с продюсером Раф был просто обычным загорелым куском мяса на пляже мускулов. Но тут обнаружилось, что Раф может играть. То есть не то чтобы играть, а делать то, что ему говорят. Он точно выполнял все данные ему инструкции, снова и снова повторяя одни те же слова и жесты с бесконечным терпением барана. В перерывах между съемками он отдыхал, глядя в зеркало.

Полное отсутствие таланта у него так и не было обнаружено, потому что в тех картинах, где он играл, прежде чем кто-либо успевал его раскусить, начиналась атака индейцев, или на экран врывалось стадо динозавров, или рушились стены Трои, или происходило что-нибудь еще, отвлекающее внимание зрителей. Поэтому Раф был счастлив, а когда продюсеры взирали на кассовые сборы, они тоже были счастливы, и все утверждали, что Раф сделает еще немало картин, прежде чем у него отрастет брюшко.

— Привет, Раф, — воскликнул Барни, — вот кого нам хотелось видеть!

Раф поднял руку, приветствуя собравшихся, и улыбнулся. Он не любил говорить, когда ему заранее не подсказывали, что нужно говорить.

— Я не намерен ходить вокруг да около, Раф, и просто хочу сказать, что мы собираемся снимать величайшую в мире картину, и, когда зашла речь о главном герое и было упомянуто твое имя, я сразу сказал, что если мы хотим снимать фильм

о викингах, то Раф Хоук — самый викингский викинг и лучшего нам не найти.

Раф выслушал комплимент, не выказав ни малейших признаков удовольствия или интереса.

— Ведь ты слышал о викингах, не правда ли, Раф? — спросил Барни.

Раф сдержанно улыбнулся.

— Помнишь, — продолжал Барни, — высокие парни с огромными топорами и рогами на шлемах, которые все время плавают на кораблях с деревянными драконами на носу...

— О да, конечно, — оживился наконец Раф, поняв, что к чему. — Я слышал о викингах. Я еще никогда не играл викинга.

— Но где-то в глубине сердца ты всегда хотел сыграть викинга! Я знаю, Раф, иначе и быть не могло. Эта роль создана для тебя, ты себя покажешь, ты будешь просто великолепен перед камерой в костюме викинга!

Густые брови медленно поднялись вверх, образовав морщину.

— Я всегда великолепен перед камерой.

— Конечно, Раф, конечно, именно поэтому мы и собрались здесь. У тебя ведь нет никаких обязательств? Ты не собираешься сниматься в других картинах, а?

Раф еще больше нахмурился, с трудом припоминая что-то.

— В конце следующей недели начинаются съемки фильма, что-то про Атлантиду.

Л. М. Гринспен оторвал взгляд от сценария, нахмурившись не хуже Рафа.

— Так я и думал. Извинись перед своим менеджером, иначе нам придется поискать кого-нибудь другого.

— Л. М., — вмешался Барни, — читайте лучше сценарий. Наслаждайтесь им. И позвольте мне поговорить с Рафом. Вы забываете о том, что в понедельник наш фильм будет лежать у вас на столе, так что у Рафа останется еще три дня для отдыха перед гибелью Атлантиды.

— Хорошо, что ты упомянул про сценарий, Барни, потому что в нем есть грубые ошибки.

— Откуда вы знаете, ведь вы прочитали только десять страниц. Почтайте еще, и тогда мы его обсудим. Автор ожидает в приемной. Все необходимые изменения будут сделаны в одно мгновение, пока вы тут сидите. — Барни повернулся к Рафу. — Твоя мечта исполнится, и ты сможешь сыграть роль викинга. Видишь ли, мы разработали новый технический

процесс, при котором фильм снимается на местности, и, хотя мы вернемся через пару дней, ты получишь оплату как за полнометражный художественный фильм. Ну, что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что вам лучше поговорить с моим менеджером. Если дело касается денег, я предпочитаю помалкивать.

— Именно так и следует поступать, Раф, как раз для этого и существуют менеджеры, и я не согласился бы действовать помимо него.

— Нет, это никуда не годится, — сказал Л. М. грустным голосом. — Я ожидал лучшего от Чарли Чанга. Начало никуда не годится.

— Сейчас я приглашу сюда Чарли, Л. М., мы все обговорим, выявим недостатки и устраним их.

Барни взглянул на часы. 8.00. А еще необходимо разыскать менеджера этого мускулистого манекенщика. И бороться за каждую фразу в сценарии. И отправить Чарли обратно на Каталину к глазам и зубам — заканчивать работу. И найти актеров для остальных ролей. И подобрать все необходимое оборудование и снаряжение, которое может понадобиться для двух месяцев съемок на местности, затем перебросить всю съемочную группу в одиннадцатый век. И снять картину в этом столетии, для чего потребуются решить целый ряд весьма интересных проблем совершенно иного плана. И доставить отснятый фильм к утру понедельника. А сейчас среда, восемь часов вечера. Масса времени!

Конечно, нечего беспокоиться, еще масса времени.

Тогда почему он весь в поту?

Глава 7

— Чудо организации, только так это и можно назвать, мистер Хендриксон, ухитриться собрать все это меньше чем за четыре дня! — восхищенно сказала Бетти, идя вместе с Барни вдоль длинной колонны грузовиков и трейлеров, вытянувшейся по бетонной ленте дороги, ведущей к съемочному павильону Б.

— Я бы назвал это несколько иначе, — ответил Барни, — но при дамах я всегда очень осторожен в выражениях. Какие результаты дала проверка по списку?

— Все готово. Все отделы представили контрольные спи-

ски завершенными и подписанными. Они тоже великолепно потрудились.

— Отлично, но куда девались люди?

Они прошли мимо почти всех машин, и Барни убедился, что, кроме нескольких шоферов, там никого нет.

— После того, как вы вчера вечером отправились за пленкой, все сидели в павильоне, не хотели расходиться, и все такое. Ну, знаете ли, одно к одному...

— Нет, не знаю. Что одно, к чему одному?

— Было очень весело, и нам очень не хватало вас. Сначала Чарли Чанг заказал два ящика пива с интендантского склада — сказал, что он уже год не пробовал пива, затем еще кто-то принес выпивки и закуски, и скоро началось настоящее веселье. Вечеринка продолжалась до поздней ночи, так что, я думаю, все еще не очухались и спят в трейлерах.

— Ты в этом уверена? Кто-нибудь проверил их по списку?

— Охранники не пили, и они утверждают, что никто не выходил с территории, значит, все должно быть в порядке.

— Будем надеяться, — сказал Барни, пожав плечами и окидывая взглядом длинный ряд молчаливых трейлеров. — Сразу же по прибытии проверим всех по списку, и, если кто-нибудь отсутствует, придется послать за ним профессора. Пусть люди поспят во время путешествия, это, наверно, самый лучший выход. Да и ты сама должна отдохнуть, ведь ты всю ночь была на ногах.

— Спасибо, босс. Если понадобится, я в трейлере номер двенадцать.

Из распахнутых дверей съемочного павильона доносился стук молотка — плотники заканчивали сооружение настила на платформе машины времени. Барни остановился у входа, зажег сигарету и попытался пробудить в себе восторженное отношение к наспех сколоченному сооружению, которое должно было доставить съемочную группу к месту съемок на Оркнейских островах.

Прямоугольная железная рама была сварена по чертежам профессора, затем на нее была настлана платформа из толстых досок. Как только передняя часть настила была закончена, на ней соорудили контрольную рубку, и профессор Хьюитт начал руководить монтажом увеличенного времематра, который отличался не только гигантскими размерами, но и гораздо большим количеством сверкающих катушек и проводов, чем первоначальный вариант. К тому же у него был

мощный дизель-генератор. Почти две дюжины огромных автомобильных покрышек было прикреплено к дну платформы для смягчения удара при приземлении, по краям платформы были сооружены поручни, и над ней было воздвигнуто нечто вроде клетки из тонких труб для обозначения границ действия временного поля.

Все сооружение выглядело каким-то иллюзорным, ненастоящим, и Барни решил, что лучше всего ему не думать об этом.

— Включай! — крикнул профессор Хьюитт, выползая из под своего аппарата с дымящимся паяльником в руках.

Механик склонился над дизелем, машина застонала, повернулась, затем выплюнула струю синего дыма и деловито застучала.

— Ну, как дела, профессор? — спросил Барни через открытую дверь. Хьюитт обернулся и, прищурившись, посмотрел на него.

— А, доброе утро, мистер Хендриксон. Я полагаю, что вы интересуетесь состоянием моего времеатрона-2, и рад ответить, что он работает отлично. Мы готовы начать операцию в любое время, все цепи проверены, ждем ваших указаний.

Барни посмотрел на плотников, забивающих последние гвозди в настил платформы, затем ногой отбросил щепку.

— Мы отправимся немедленно, как только обсудим проблему возвращения.

Хьюитт покачал головой.

— Я провел эксперименты с времеатроном, чтобы выяснить, нельзя ли пересечь временной барьер, однако это оказалось невозможным. Когда мы возвращаемся назад, нам приходится описывать дугу в континууме, используя дополнительную энергию для деформирования наших собственных временных линий по сравнению с мировыми. Обратное путешествие после визита в прошлое независимо от того, как долго мы в нем оставались, происходит вдоль того же временного вектора, который был создан первоначальным движением во времени; в определенном смысле обратное путешествие можно назвать эндотемпическим поглощением временной энергии, тогда как первоначальное путешествие в будущее или прошлое — процесс экзотемпический. Таким образом, мы не можем вернуться в момент, который был раньше момента нашего отправления из мировой временной материи, так же,

как мячик не может подпрыгнуть выше того уровня, с которого его уронили. Поняли?

— Ни единого слова. Не могли бы вы снова все объяснить, но на этот раз выражаться по-человечески?

Профессор Хьюитт поднял кусок фанеры, лизнул кончик своей шариковой ручки и начертил простой рисунок.

— Взгляните сюда, — сказал он, — и вам тотчас все станет ясно. Линия A_1B_1 — это линия мирового времени, где A_1 — прошлое, а B_1 — будущее. Точка B — это наше сознание сегодня, теперь, наше «сейчас» во времени. Линия AB — временная линия времееатрона, совершающего путешествие, или наши собственные временные линии, когда мы путешествуем вместе с ним. Обратите внимание, что мы оставляем линию мирового времени в точке B и движемся по времени, прибывая, ну, скажем, в тысячный год, в точку G . Таким образом, мы путешествуем по дуге BG . Мы возвращаемся в мировое время в точке G и остаемся там, двигаясь вместе с мировым временем, и продолжительность нашего визита в прошлое обозначена линией GD . Вы следите за моими рассуждениями?..

— Пока да, — сказал Барни, проводя указательным пальцем вдоль линий. — Продолжайте, профессор, пока я еще не забыл, что к чему.

— Конечно. Теперь обратите внимание на дугу DE , наше обратное путешествие во времени к тому моменту, которое отстоит всего на долю секунды от момента нашего первоначального отправления, то есть точки B . Я могу контролировать наше прибытие в точку E при условии, что она будет находиться после точки B , однако я никогда не смогу вернуться перед точкой B . Чертеж всегда будет давать BE и никогда — EB .

— Почему?

— Я рад, что вы задали этот вопрос, потому что это центральный вопрос всей проблемы. Посмотрите снова на чертеж и вы увидите, что при пересечении дуги BG с дугой DE возникает точка K . Эта точка K обязательно должна существовать, иначе будет невозможно совершить обратное путешествие, ибо K является точкой обмена энергией, где происходит уравнивание масштабов времени. Если у вас точка E будет между B и D , дуги не пересекутся, независимо от того, насколько близко друг от друга они пройдут, обмена энергией не произойдет и путешествие во времени не состоится.

Барни нахмурился и потер лоб.

— Или, попросту говоря, мы не можем вернуться раньше, чем отправились, — сказал он.

— Совершенно точно.

— Иными словами, все время, которое мы потратили на этой неделе, безвозвратно пропало.

— Правильно.

— Значит, если мы хотим, чтобы картина была готова к десяти часам утра в понедельник, мы должны отправиться в прошлое и оставаться там до тех пор, пока она не будет закончена.

— Да я и сам не смог бы короче сформулировать этот тезис.

— Тогда давайте отправим этот цирк в дорогу, потому что сейчас утро субботы. Плотники уже кончили свою работу, пора трогать.

Первым автомобилем в колонне был джип; Текс спал на переднем сиденье, а Даллас на заднем, Барни подошел к машине, нажал на сигнал и в следующее мгновение замер, глядя как зачарованный в дуло длинноствольного «кольта», который сжимала дрожащая рука Текса.

— У меня ужасно трещит голова, — прохрипел Текс, — и я не советовал бы нас беспокоить. — Он неохотно опустил револьвер в кобуру.

— Какие-то нервные все сегодня, правда? — сказал Барни. — Ничего, свежий морской воздух будет вам на пользу. Поехали!

Текс нажал на стартер, двигатель взревел, и джип въехал по металлическим сходням, установленным Далласом, на платформу времеатрона. Как только джип замер на платформе, Даллас втащил за собой обе металлические полосы.

— На первый раз достаточно, — сказал Барни. — Мы найдем ровную полянку и вернемся обратно за остальными. Поехали, профессор, — то же самое место, что и раньше, но спустя два месяца.

Хьюитт пробормотал что-то себе под нос, устанавливая цифры на приборах, затем включил механизмы времеатрона. Вторая модель была усовершенствованным образцом в том отношении, что она в какое-то неуловимое мгновение давала возможность ощутить все симптомы казни на электрическом стуле и тошноты, но все это окончилось чуть не раньше того, как началось. Казалось, пассажиры были струнами арфы, на

которой палец небожителя взял аккорд. Съёмочный павильон исчез, вместо него уже были соленые брызги и чистый освежающий воздух. Текс застонал и доверху застегнул «молнию» на своем костюме.

— Похоже, вон та лужайка для нас подойдет, — заметил Барни, указывая на довольно ровное поле, плавно опускающееся к берегу. — Отвези меня туда, Текс, а Даллас останется с профессором.

Джип на самой малой скорости с трудом взобрался на вершину холма, грохот его выхлопа вызвал переполох среди чернотелых чаек, которые с криком начали кружиться над их головами.

— Пожалуй, здесь хватит места, — сказал Барни, вылезая из джипа и сковыривая носком ботинка кочку с пучком травы. — Двигай обратно и скажи профу: пусть прыгнет чуть-чуть вперед и посадит платформу рядом со мной — так ему будет легче отыскать это место, когда мы примемся за переброску остальной группы.

Барни сунул руку в карман, извлек пачку сигарет, но она оказалась пустой. Он смял ее и бросил на землю, а тем временем Текс лихо развернулся и стремительно направил джип обратно к платформе. Сходни были все еще опущены, джип въехал по ним и остановился. Барни отчетливо видел, как Даллас убрал сходни и профессор повернулся к врематрону.

— Эй!.. — начал Барни, но в то же мгновение платформа исчезла; на земле остались только следы джипа и отпечатки автомобильных покрышек на траве, где раньше покоилась платформа. Барни не хотел отправлять Текса вместе с остальными.

Облако закрыло солнце, и Барни вздрогнул от холода. Чайки снова сели на воду у самого берега; первозданную тишину нарушал лишь шум прибоя, разбивавшегося о берег. Барни взглянул на смятую пачку сигарет — единственный знакомый предмет среди этого чуждого окружения — и снова пожегся.

Он не смотрел на часы, но, конечно, прошло не более одной-двух минут. И все же за это короткое время он хорошо понял, каково было Чарли Чангу, заброшенному на доисторический остров Каталина со всеми этими глазами и зубами вокруг него. Барни надеялся, что Йенс Лин не чувствовал себя слишком несчастным во время своего двухмесячного пребывания с Оттаром. Если бы за многие годы работы в кино Барни не утратил совести, он мог бы почувствовать жалость к

ним. Но теперь он испытывал жалость только по отношению к самому себе. Облако скрылось, теплые лучи солнца снова упали на Барни, однако ему все еще было холодно. В течение этих минут он чувствовал себя таким одиноким и таким забытым, как никогда раньше.

Платформа снова появилась и упала с высоты нескольких дюймов на лужайку рядом с ним.

— Давно пора! — крикнул Барни, расправив плечи и почувствовав, как к нему снова возвращается уверенность. — Где вы пропадали?

— В двадцатом столетии, где же еще? — ответил профессор. — Вы ведь не забыли о точке К, верно? Для того чтобы переместиться на несколько минут вперед в вашем относительном времени, мне пришлось сначала вернуться в то время, из которого мы прибыли, и уже затем обратно к вам с соответствующим физическим и временным сдвигом. Как вы считаете, сколько времени мы отсутствовали?

— Не знаю, несколько минут, пожалуй.

— По-моему, это очень хорошо для путешествия туда и обратно продолжительностью в две тысячи лет. Ну-ка, посмотрим, пять минут дадут нам микроскопически малую ошибку по отношению к...

— Ну ладно, проф, вы рассчитаете это в свободное время. Нам нужно сейчас перебросить сюда всю группу и приняться за работу. Вы двое съезжайте с платформы и оставайтесь здесь. Мы начнем перевозить автомобили по одному, и сразу после прибытия вы должны отводить их в сторону, чтобы освободить место для других. Поехали.

На этот раз Барни вернулся вместе с платформой и даже на мгновение не задумался о том, как чувствовали себя те двое, которые остались позади.

Переброска происходила довольно гладко. После того как были перевезены первые машины, грузовики и трейлеры начали как по конвейеру двигаться через двери съемочного павильона и бесследно исчезать в прошлом. Неудача постигла только грузовик, стоявший третьим в очереди: он не поместился на платформе, и, когда платформа с грузовиком исчезла, два дюйма выхлопной трубы и половина номерного знака со стуком упали на пол. Барни поднял кусок трубы и с любопытством посмотрел на сверкающий срез, гладкий и ровный, будто отполированный. Очевидно, этот кусок оказался за гра-

ницами временного поля и просто остался на месте. То же самое легко могло случиться с рукой.

— Во время путешествия все, кроме профессора, должны находиться внутри трейлеров и грузовиков. Только несчастных случаев нам не хватало!

Последним рейсом переправили трактор с катером на прицепе и грузовик-холодильник, и Барни вскарабкался на платформу вслед за ними. Он бросил последний взгляд на калифорнийский пейзаж, залитый солнцем, и подал профессору знак отправляться. На часах было 11.57 — до полудня субботы оставалось три минуты, когда двадцатый век мигнул и исчез и появилось одиннадцатое столетие. Барни облегченно вздохнул. Теперь время — в том веке, который они покинули, — остановилось. И как бы долго они ни снимали свой фильм, там, в Калифорнии, время останется неизменным. Когда они вернутся с отснятым фильмом, в Голливуде все еще будет полдень субботы — почти два дня до рокового понедельника. Впервые спешить было некуда.

Несколько секунд Барни стоял, расслабившись, чувствуя, как напряжение покидает его. Но вот он вспомнил, что ему предстоит снять целую картину со всеми вытекающими отсюда проблемами и неприятностями, и ответственность снова внезапным бременем опустилась ему на плечи, и только что исчезнувшее напряжение вновь навалилось на него.

Где-то рядом взревел двигатель трактора, и воздух наполнился отвратительным запахом выхлопных газов. Барни отошел в сторону, пока по сходням осторожно спускали прицеп с катером, и оглядел лужайку. Грузовики и трейлеры были разбросаны как попало, хотя некоторые из них образовали что-то вроде круга, подобно повозкам переселенцев, готовящихся отразить атаку индейцев. Здесь и там бродили одинокие фигуры, однако большинство еще спало. Барни пожалел, что не относится к их числу, однако тут же решил, что не смог бы заснуть, даже если бы попытался. «Ну что ж, — подумал он, — пора приниматься за дело».

Барни подошел к Тексу и Далласу как раз тогда, когда они устраивались на траве, подложив под головы сиденья, вытащенные из джипа.

— Лови! — сказал он, бросая монету, которую Даллас поймал на лету. — Кидайте жребий. Один из вас отправится со мной за Йенсом Лином, а другой может дрыхнуть.

— Решка — идешь ты, — сказал Даллас и выругался, когда

монета улеглась на траве, глядя на него портретом Джорджа Вашингтона.

Текс засмеялся, затем опустился на траву.

— Знаешь, — сказал Даллас, когда они отъехали от лагеря и спускались к берегу моря, — я не имею ни малейшего представления, где мы находимся.

— На Оркнейских островах, — ответил Барни, провожая взглядом чаек, которые стремительно проносились над их головами и выкрикивали проклятия по их адресу.

— Я всегда был слаб в географии.

— Это маленькая группа островов к северу от Шотландии, примерно на одной широте со Стокгольмом.

— К северу от Шотландии? Кончай шутить! Когда шла война, моя часть находилась в Шотландии, и за все время я видел солнце только несколько раз в просвете между облаками, и к тому же я там чуть не замерз...

— Не сомневаюсь, но ведь это было в двадцатом веке. А сейчас мы в одиннадцатом веке, в середине так называемого Малого Климатического Оптимума. По крайней мере, так назвал его профессор, и, если тебе хочется знать больше, спроси у него. Короче говоря, в одиннадцатом веке климат был... точнее, сейчас он мягче, чем в двадцатом.

— Трудно этому поверить, — пробормотал Даллас, глядя на солнце с таким подозрением, как будто ожидал, что оно может исчезнуть в любую минуту.

Дом был точно таким, каким они оставили его два месяца назад. На пороге сидел один из слуг и точил нож. Когда джип подъехал, слуга испуганно вскочил, уронив точильный камень, и исчез внутри хижины. Через минуту на пороге появился Оттар, вытирая рукавом рот.

— Добро пожаловать! — рявкнул он, когда джип остановился. — Рад видеть вас снова. Где «Джек Даниэльс»?

— Похоже, что уроки языка возымели свое действие, — заметил Даллас, — но побороть его пристрастие к «Джеку» они не смогли.

— Виски у нас сколько угодно, — успокоил Оттара Барни. — Но сначала я хочу поговорить с доктором Лином.

— Он там, в хижине, — сказал Оттар и вдруг заревел: — Йенс, иди сюда!

Йенс Лин появился из-за угла хижины, волоча ноги, согнувшись под тяжестью грубого деревянного бочонка. Он был

бос и оброс грязью до пояса. Нечто похожее на мешок с куском кожи вокруг поясницы заменяло ему одежду; спутанная борода и ниспадающие до плеч волосы делали его похожим на Оттара. Увидев джип, он замер как вкопанный, его глаза расширились, изо рта вырвался хриплый крик. Подняв бочонок над головой, он побежал к джипу. Даллас выпрыгнул из машины и принял положение боевой готовности.

— Осторожнее, док, — сказал он. — Опустите бочонок, пока кого-нибудь не ушибли.

Слова, а может быть, фигура Далласа, приготовившегося к прыжку, обуздали ярость Лина. Он остановился и опустил бочонок.

— Что случилось? — крикнул он. — Где вы все пропадали?

— Готовились к съемкам фильма, где же еще? — ответил Барни. — Прошло всего два дня с тех пор, как я доставил вас сюда, то есть для нас это было два дня, и я понимаю, что для вас прошло целых два месяца.

— Два месяца! — завопил Йенс. — Прошло больше года! Что случилось?

Барни пожал плечами.

— Наверно, профессор сделал какую-нибудь ошибку. Все эти приборы, знаете...

Йенс Лин заскрипел зубами с такой силой, что скрежет было слышно на расстоянии нескольких шагов.

— Ошибка... Для вас это всего лишь ошибка. А я оказался здесь с этими вшивыми варварами, ухаживал за их вонючим скотом. Через пять минут после вашего отъезда Оттар стукнул меня кулаком по голове и забрал всю мою одежду, все снаряжение и все виски.

— Зачем работать за виски, когда можно его взять просто так, — сказал Оттар, следуя элементарной логике викинга.

— Ну, что сделано, не воротишь, — сказал Барни. — Вы пробыли здесь год, но я позабочусь о том, чтобы вы получили все сполна. Ваш контракт все еще в силе, и вы получите жалование за весь год. Не так уж плохо за два дня работы, и вам еще предстоит академический отпуск, за который вы тоже получите годовой оклад. Вы выполнили свою задачу и научили Оттара английскому языку...

— Любовь к виски его научила. Он непробудно пил в течение месяца, а когда очухался, вспомнил об уроках английского языка. Он заставил меня учить его каждый день, чтобы, если вы вернетесь, потребовать плату за каждый день обучения.

— Оттар говорит очень хорошо, это верно. Где виски?

— У нас неограниченный запас, Оттар, не волнуйся, — сказал Барни и снова повернулся к Лину. У него в голове зашевелились мрачные мысли о судебном процессе, который может возбудить доктор. — Послушайте, док, давайте будем квиты, а? Годовое жалованье за обучение Оттара английскому языку, и вы будете помогать нам, пока снимается фильм. Я уверен, что это был для вас интереснейший год...

— А-а-а-а!

— И вы его не скоро забудете. Вы узнали массу нового насчет грамматики старонорвежского...

— Гораздо больше, чем мне бы хотелось.

— Так что давайте не будем ссориться. Как ваше мнение?

Йенс Лин несколько мгновений стоял, стиснув кулаки и тяжело дыша, затем бросил бочонок на землю и свирепо поддал его ногой, так что бочонок тут же разлетелся на куски.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — У меня нет выбора. Но я и пальцем не пошевелию, пока мне не будет предоставлен душ, полная дезинфекция и свежая смена белья.

— Конечно, док. Через несколько минут мы доставим вас в лагерь, он вон за тем холмом...

— Ничего, я найду его сам, если вы не против. — Йенс Лин повернулся и зашагал по берегу.

— Виски, — напомнил Оттар. — Дайте мне немного...

— Работа, — в тон ему ответил Барни. — Если ты у нас на водочном жалованье, то постарайся его отработать. Съёмки начинаются завтра утром, и мне хотелось бы сначала кое-что узнать.

— Конечно. Заходи в дом.

— Никогда в жизни! — воскликнул Барни, отпрянув в сторону. — Я слишком хорошо помню, что случилось с парнем, который зашел к тебе до меня.

Глава 8

— Не шевелись! — закричал Джино. — От тебя требуется только одно — стоять неподвижно, а ты не можешь сделать даже этого.

— Хочется выпить, — пробурчал Оттар и нетерпеливо дернул за длинные спутанные волосы слугу, который стоял рядом, изображая Слайти.

Слуга взвизгнул и чуть не упал.

Джино выругался и оторвался от окошечка видеоискателя.

— Барни, — взмолился он, — поговори с этими кретинами из каменного века. Мы снимаем любовную сцену, а они слоняются взад и вперед по всему склону, будто это матч по борьбе. Это самые плохие статисты, каких мне только приходилось видеть.

— Ты просто заметь место, Джино, через минуту мы будем готовы, — ответил Барни, поворачиваясь к своим звездам.

Раф стоял, сложив руки на груди и устремив в пространство отсутствующий взгляд. В костюме викинга и со светлой бородой он выглядел очень импозантно. Слайти откинулась на спинку походного кресла, пока ей расчесывали парик, и выглядела еще более импозантно со своими двумя кубическими футами округлой плоти, выпирающей из низкого выреза платья.

— Повторяю все еще раз, — сказал Барни. — Вы любите друг друга, Раф отправляется на битву, и ты, может быть, больше никогда не увидишь его, поэтому вы прощаетесь на холме, страстно обнимая друг друга.

— А я-то думала, что ненавижу его, — сказала Слайти.

— Это было вчера, — разъяснил ей Барни. — Наши сцены снимаются не в том порядке, в каком они будут в фильме, я уже два раза объяснял это сегодня утром. Давайте я повторю еще раз, кратко, — если соизволите осчастливить меня своим вниманием, мистер Хоук. Действие начинается с того, что Тор, роль которого исполняет Раф, вместе с бандой викингов нападает на ферму, где живешь ты, Слайти. Тебя зовут Гудрид, и ты дочь хозяина дома. В бою все убиты, кроме тебя, и Тор захватывает тебя в качестве трофея. Ночью он приходит к тебе, но ты борешься с ним, потому что ненавидишь его. Однако постепенно он завоевывает твое сердце, и в конце концов ты полюбила его. В это время он уходит с викингами в очередной поход, и ты ждешь его возвращения. Это как раз та сцена, которую мы снимаем сейчас. Он уходит, ты бежишь за ним, окликаешь его, он поворачивается, ты подбегаешь к нему и обнимаешь, прямо здесь. Надеюсь, теперь это понят...

— Смотрите, — прервал его Раф, указывая на море, — подходит корабль.

Они повернулись к морю — действительно, ладья викингов только что обогнула мыс и вошла в залив. Парус был свернут, голова дракона на носу корабля вздымалась и опускалась в такт ритмичным движениям гребцов.

— Завтра! — закричал Барни. — Лин, где ты? Разве вы с

Оттаром не договорились, что этот Финнбогги приведет свой корабль завтра?

— У них очень приблизительное представление о времени, — ответил Лин.

Барни швырнул шляпу на землю и подбежал к оператору.

— Как ты думаешь, Джино, это стоит заснять? Ты можешь взять корабль?

Джино повернул туррет, направил длинную трубу телеобъектива в море и прильнул к видоискателю.

— Неплохо, — сказал он, — великолепный кадр.

Оттар и другие норвежцы уже бежали вниз по склону и не обратили никакого внимания на крики Барни, который хотел, чтобы они убралась из кадра.

— Что это они делают? — спросил Барни, когда скандинавы начали выбегать из хижины, держа в руках оружие.

— Если бы я только знал, — недоуменно сказал Лин. — Может, это какой-то неизвестный мне обряд приветствия?

Оттар со своими людьми стоял у самой воды, что-то крича, и люди с корабля кричали ему в ответ.

— Снимай все происходящее, Джино, — распорядился Барни. — Если кадры будут хорошими, мы вставим эти сцены в сценарий.

Несколько взмахов веслами, и корабль викингов уткнулся в берег. Голова дракона высилась над стоящими на берегу людьми. Не успел корабль остановиться, как вновь прибывшие схватили щиты, висевшие вдоль бортов, и попрыгали в воду. Подобно стоящим на берегу, они тоже размахивали над головой самыми разномастными мечами и топорами. В следующее мгновение обе группы столкнулись.

— Ну, как это выглядит в кадре? — спросил Барни.

— Санта Мария! — крикнул Джино. — Они убивают друг друга!

Звон металла смешался с хрипыми боевыми криками воинов. Зрители, стоявшие на холме, не могли различить деталей, множество борющихся фигур сливались в общую массу, пока из гущи боя не вырвался человек, который, спотыкаясь, побежал вдоль берега. Он был безоружен и казался раненым, а следом за ним бежал его противник, всю размахивая топором с длинной рукояткой. Преследование было коротким, а конец — внезапным. Как только расстояние между преследуемым и преследователем сократилось, топор, описав широкую дугу, отрубил убежавшему голову, которая покати-лась вдоль берега.

— Да, они вошли в роль, — выдавил из себя Барни.

— Мне кажется, это не Финнбогги со своими людьми, — сказал Лин. — Я думаю, что это совсем другой корабль.

Барни был человеком действия, но подобные действия были не в его духе. Звуки битвы и зрелище обезглавленного трупа, валяющегося на окровавленном песке, парализовали его. Как поступить? Это был не его мир, не его методы борьбы. Вот Текс или Даллас в такой ситуации оказались бы в своей тарелке. Кстати, где же они?

— Радио, — пробормотал он, с опозданием вспомнив о приемнике-передатчике, висевшем у него на плече; он включил радио и спешно вызвал к себе обоих трюкачей.

— Он заметил нас, поворачивается, он бежит к нам, — взволнованно закричал Джино. — Какие великолепные кадры!

Вместо того, чтобы вернуться в гущу боя, убийца бежал вверх по склону, размахивая топором и что-то хрипло крича. Группа артистов, стоящих на вершине холма, следила за его приближением, но не двигалась с места. Все было настолько чуждо им, что они не могли представить себя не кем иным, кроме зрителей, не могли вообразить, что могут быть вовлечены в ужасную бойню, развернувшуюся на берегу. Атакующий викинг подбегал все ближе и ближе, пока не стали отчетливо видны темные пятна океанских брызг и пота на грубой красной шерсти его рубахи и зловещие багровые пятна крови на тополе и руках.

Тяжело дыша, викинг бежал прямо на Джино, очевидно, считая съемочную камеру каким-то оружием. Оператор оставался на посту до последнего мгновения, снимая своего разъяренного противника, и отскочил в сторону только в тот момент, когда топор обрушился вниз. Широкое лезвие ударило по ноге треножника, согнув ее и чуть не опрокинув съемочную камеру на землю.

— Эй, поосторожнее с оборудованием! — крикнул Барни и тут же пожалел об этом, когда обезумевший от ярости викинг повернулся в его сторону.

Джино пригнулся, выставив перед собой руку с ножом, поблескивающим в лучах солнца, и спокойно ожидая новой атаки — тут, несомненно, чувствовался опыт юношеских лет, проведенных в трущобах Неаполя. Стоило викингу на мгновение отвлечься, как Джино нанес удар.

Он не промахнулся, однако викинг, несмотря на свои огромные размеры, оказался быстрым как кошка. Он успел повернуться, и нож вместо живота скользнул по боку. Заревев от

внезапной боли, викинг продолжал наступление, и рукоятка топора обрушилась на голову итальянца, сбив его с ног. Все еще яростно крича, викинг схватил Джино за волосы, отогнул его голову назад, обнажив шею, и взмахнул топором, чтобы нанести роковой удар.

Воздух разорвал щелчок пистолетного выстрела, и тело викинга, в грудь которого попала пуля, судорожно дернулось. Он повернулся, открыв рот, на лице его застыла гримаса молчаливой боли, и Текс — они даже не знали, что подъехал джип, — положив руку с револьвером на руль, выстрелил еще два раза. Обе пули попали викингу в лоб, и он рухнул на землю, отдав Богу душу еще до того, как его тело коснулось земли.

Джино оттолкнул от себя безжизненное тело викинга и, встав на ноги, весь дрожа, наклонился над камерой. Текс снова включил двигатель джипа. Остальные были настолько потрясены внезапностью атаки, что стояли как вкопанные.

— Хотите, я поеду к берегу и помогу нашим статистам? — спросил Текс, вкладывая патроны в барабан револьвера.

— Да, — сказал Барни. — Необходимо прекратить это безобразие, пока еще кого-нибудь не убили.

— Не могу гарантировать, что этого не случится, — злое шепотом пробормотал Текс и повернул джип вниз по склону холма.

— Кончай съемку! — крикнул Барни оператору. — Мы можем вставить в наш фильм что угодно, только не джипы.

Текс заклинил чем-то кнопку гудка, так что тот ревел, не переставая, и держал мотор на самой низкой передаче — он гудел как бешеный, а коробка передач выла, готовая разорваться. Со скоростью пять миль в час джип устремился к месту битвы.

Оттар и его люди видели джип много раз и успели привыкнуть к нему, однако этого нельзя было сказать про викинг-ов с нападающего корабля. Они увидели, как на них мчится какое-то ревящее чудовище, и по вполне понятным причинам не стали ждать его приближения, а разбежались влево и вправо. Текс, резко развернув джип у самой кромки воды, успел поддать буфером в зад одному из них, который не проявил достаточного проворства. Оттар и его люди собрались позади джипа и перешли в решительное наступление на рассеявшегося по берегу противника. Морские викинги дрогнули и обратились в бегство, поспешно карабкаясь на корабль и хватаясь за весла.

На этом и пришел бы конец попытке вторжения, если бы

Текс не был охвачен боевой лихорадкой. Не успел корабль викингов сдвинуться с места, как он выскочил из-за руля, подбежал к переднему бамперу и вытащил оттуда барабан лебедки с намотанным на него стальным тросом. На его конце была петля. Вытянув трос достаточной длины, он вскочил на капот джипа и начал размахивать тросом. При этом он издавал воинственный клич, разносившийся по всему берегу. Все шире и шире становились круги, и наконец трос взвился в воздух и петля опустилась прямо на голову дракона на носу корабля викингов. Текс дернул за трос, накрепко затянув петлю, и, спрыгнув на землю, неторопливо залез обратно в кабину.

Весла взбили белой пеной воды залива, и корабль медленно и плавно отошел от берега. Текс закурил сигарету, предоставив тросу разматываться. Вот корабль отошел на двадцать, вот уже на тридцать футов от джипа. Один из викингов, стоя на носу, рубил топором стальной трос, но не добился ничего, разве что совершенно затупил топор. Текс ногой очень быстро переключил лебедку на обратное вращение. Трос поднялся из воды, натянулся подобно струне, корабль дрогнул и остановился. Затем медленно, но верно он двинулся обратно к берегу. Весла, отбрасывая брызги, погружались глубоко в воду, но тшкетно.

Теперь оставалось только довершить разгром. После Тексова маневра первоначальный пыл, с которым атакующие бросились на берег, полностью испарился. Оружие посыпалось в воду, и захватчики подняли руки вверх — они сдавались. Только один из них жаждал сразиться — тот самый, который пытался разрубить стальной трос. Держа топор в одной руке и круглый щит в другой, он спрыгнул на берег и кинулся к джипу. Текс взвел курок револьвера и ждал, но в схватку вступил Оттар, отразивший атаку. Оба викинга начали описывать круги возле самой воды, выкрикивая оскорбления по адресу друг друга. Когда Текс увидел, что все остановилось, он осторожно спустил взведенный курок и сунул револьвер в кобуру, следя за схваткой двух богатырей.

Оттар, взмокший от пота и предельно возбужденный битвой, будил в себе безумие берсеркера, грыз край щита, что-то хрипло крича. Он вбежал по колено в воду и продолжал идти к своему противнику. Вождь атакующих замер в нескольких ярдах от него, бросая на Оттара яростные взгляды из-под нависшего на глаза железного шлема и выкрикивая ответные оскорбления. Оттар несколько раз плашмя ударил топором по своему щиту, затем внезапно ринулся вперед, взмахнув топо-

ром, и обрушил сокрушительный удар на голову противника. Тот успел поднять щит, чтобы отразить удар, однако он был нанесен с такой силой, что викинг рухнул на колени.

С радостным воплем Оттар снова и снова наносил безжалостные удары топором, не замедляя ритма, как дровосек, валяющий дерево. Викинг стоял на коленях и не мог поднять свой топор — он опирался на него, чтобы не упасть под градом мощных ударов. От его щита летели щепки, и огромная волна окутала сражавшихся туманом мелких брызг.

Вдруг ритмичные удары по щиту прекратились — Оттар поднял топор как можно выше и со всей силой обрушил его прямо вниз, на голову противника. Щит взлетел вверх, однако не предотвратил сокрушительного удара. Топор соскользнул по щиту, едва замедлив движение, и глубоко вонзился в бедро викинга. Тот взвыл от боли и взмахнул топором, стремясь нанести ответный удар. Однако Оттар, увернувшись, легко отскочил назад и остановился на мгновение посмотреть на дело рук своих. Раненый с трудом встал, переноса весь свой вес на здоровую ногу, и было ясно видно, что его бедро перерублено почти наполовину и из раны хлещет поток крови. Оттар отбросил от себя щит и топор и издал победный клич. Раненый викинг сделал неловкую попытку атаковать его, однако Оттар, смеясь, увернулся. Все скандинавы, стоявшие на берегу, да и большая часть викингов на корабле тоже смеялись над бессильной яростью раненого викинга. Он продолжал ползти к Оттару, пытаясь повалить своего противника.

Должно быть, Оттар понял, что эта забава может кончиться только смертью его противника от потери крови, потому что он подбежал к поверженному врагу и вспрыгнул ему на спину, погрузив его лицо в пенящуюся воду. Затем, встав одной ногой на правую руку викинга, которая все еще сжимала топор, он обеими руками схватил его голову, ткнул ее в песок и мелкую гальку и держал до тех пор, пока тело викинга не перестало дергаться. Враг утонул в нескольких дюймах пенившейся воды. Все воины на берегу и корабле приветствовали победу Оттара радостными криками.

На вершине холма царила тишина, только Раф Хоук нетвердым шагом отошел в сторонку: его рвало. Барни впервые заметил, что Джино снова склонился над камерой.

— Ты успел заснять схватку? — спросил он, мучаясь оттого, что его голос дрожит и срывается.

— До последнего момента! — ответил Джино, похлопывая

по диску с заснятым фильмом. — Хотя я не уверен, что мне удалось запечатлеть все подробности с такого расстояния.

— Все к лучшему, — сказал Барни. — На сегодня мы закончим, все равно вот-вот начнет темнеть, да я и не думаю, что кто-нибудь из нас сможет работать в таком окружении. — Он кивком головы указал на мрачное зрелище внизу, у берега.

— А меня это несколько не волнует, — беззаботно ответила Слайти. — Это напоминает мне бойню, на которой работал мой отец, когда мы жили в Чикаго. Я каждый день приносила ему ленч.

— Ну, не все могут похвастаться таким хладнокровием, — сказал Барни. — Завтра ровно в семь тридцать начнем с того, где кончили сегодня.

Он направился вниз по склону холма к шумной толпе на берегу.

Убитых и раненых из обеих групп сволокли в одно место, туда, где волны не могли их достать, и победители уже грабили захваченное судно, начав с эля. Уцелевшие викинги стояли под стражей, и перед ними расхаживал взад и вперед Оттар, что-то крича и размахивая кулаками для пущей выразительности. По-видимому, его слова возымели действие, потому что, когда Барни спустился с холма, скандинавы, побежденные и победители, повернулись и вместе двинулись по направлению к хижине. Только один человек не двинулся с места. Оттар обрушил ему на голову мощнейший удар, и человек рухнул как подкошенный. Двое слуг подняли и унесли его. Оттар вошел в море и начал шарить по дну, разыскивая свой топор, когда Барни подошел к нему.

— Может быть, ты скажешь мне, что все это значит? — спросил Барни.

— Ты видел, как я рубанул его по ноге? — торжествующе крикнул Оттар, размахивая найденным топором над головой. — Крак! Отрубил почти начисто!

— Хорошо сыграно. Я видел все. Прими мои поздравления. Но кто он такой и что они здесь делали?

— Его имя Торфи. Виски?! — Это уже был триумфальный возглас, потому что Текс бросил на песок освобожденный трос и извлек из-под сиденья джипа пол-литровую бутылку.

— Виски, — согласился Текс. — Правда, не твой любимый сорт, но этот тоже неплох. А хорошо у тебя получился этот удар с размаху!

Предвкушая наслаждение, Оттар стал вращать глазами, затем, поднеся к губам бутылку, зажмурился и осушил ее до дна.

— Вот бы мне так научиться, — с завистью сказал Текс.

Барни подождал, пока бутылка не опустела и Оттар с победным криком не запустил ее в море, а затем спросил:

— Так вот этот Торфи. Кто он такой?

Усталость после битвы и выпитое виски внезапно обрушились на плечи Оттара, и он опустил на гальку, тряся огромной головой.

— Торфи, сын Вальбранда, — сказал он, как только снова смог набрать воздуха в легкие, — сына Вальтофа, сына Орлуга, пришел к Свайни... Торфи убил за один раз двенадцать людей Кроппа. Он убил и семью Холсменов, и он был в Хеллисфитаре вместе с Иллуги Черным и Стурли Добрым, когда там убили восемнадцать пещерных людей. Они также сожгли Аудуна, сына Смидкела, в его собственном доме в Бергене. — Оттар остановился и с глубокомысленным видом кивнул головой, будто сообщил сведения огромной важности.

— Ну и что? — озадаченно спросил Барни. — Что все это значит?

Оттар посмотрел на него и нахмурился.

— Смидкел был женат на Тородде, моей сестре.

— Да, конечно! — воскликнул Барни. — Как только это вылетело у меня из головы! То есть у этого Торфи были нелады с твоим шурином, а значит, и с тобой, и, когда он попытался тебя прикончить, ты его опередил. Ну и жизнь! А кто были его воины?

Оттар пожал плечами и с трудом поднялся на ноги, опираясь на переднее колесо джипа.

— Викинги, грабители. Собирались грабить Англию. Им не нравился Торфи, потому что он решил плыть сначала сюда вместо того, чтобы сразу отправиться в Англию. Теперь они отправятся со мной грабить Англию. Мы поплывем на моем новом корабле.

Он указал топором на корабль, украшенный головой дракона, и зашелся от смеха.

— А тот, который не хотел присоединиться к вам?

— Это Хаки, брат Торфи. Я сделаю его рабом. Продам его собственной семье.

— Ну что за парни, — сказал Текс. — Они не очень-то церемонятся.

— Ты совершенно прав, — подтвердил Барни, в изумлении уставившись на викинга, который в этот момент показался ему гигантом. — Лезь в джип, Оттар, мы отвезем тебя домой.

— Оттар поедет в чипе! — с энтузиазмом воскликнул викинг, бросил в джип свой топор и щит и полез в кабину.

— Только не на сиденье водителя, — сказал Текс. — Всему свое время.

В число припасов, снятых с захваченного корабля, входила дюжина бочонков эля, большая часть которых была открыта и стояла перед хижиной, где уже начался пир в ознаменование победы. По-видимому, воины Оттара не питали злых чувств к своим бывшим противникам, потому что те смешались с победителями и не уступали им в количестве выпитого эля. Единственным человеком, который не наслаждался пиром, был Хаки, связанный по рукам и ногам и брошенный под скамью. Пирующие шумными криками приветствовали Оттара, который тут же направился к бочонку с выбитым дном, зачерпнул рукой эль из бочонка и начал его пить.

Когда крики стихли, снаружи послышался шум мотора, и Барни увидел пикап, который шел вдоль берега к дому. Машина затормозила, осыпав Барни дождем мелкой гальки, и из нее выглянул Даллас.

— Мы добрых десять минут пытались связаться с тобой по радио, а может быть, и больше, — сказал он.

Барни взглянул вниз на свой радиоприемник и увидел, что он был выключен.

— Все в порядке, — успокоил он Далласа. — Просто я по ошибке выключил эту штуку.

— Зато в лагере не все в порядке, вот почему мы и пытались вызвать тебя...

— Что... что случилось?

— Да Раф Хоук. Он вернулся страшно взволнованный, не смотрел под ноги и в темноте наступил на овцу — знаешь, такие грязно-серые, очень похожи на валуны, — споткнулся, упал и сломал ногу.

— Ты хочешь сказать, что на третий день съемок фильма наш главный актер сломал себе ногу?

Даллас не без сочувствия посмотрел ему прямо в глаза, затем медленно кивнул головой.

Часть II

Глава 9

Вокруг трейлера Рафа Хоука собралась толпа, и Барни пришлось основательно поработать локтями.

— Расходитесь! — рявкнул он. — Это вам не представление! Дайте мне дорогу!

Раф лежал на кровати, лицо у него было серым и покрылось мелкими капельками пота. Он все еще был в костюме викинга. Правая нога ниже колена была забинтована, сквозь белую марлю местами проступала кровь. У изголовья стояла медицинская сестра — вся в белом, готовая к действиям.

— Ну как он? — спросил Барни. — Это серьезно?

— Настолько серьезно, насколько это возможно, — информировала его медсестра. — У мистера Хоука сложный перелом ноги, то есть его нога ниже колена сломана в нескольких местах и острый конец кости пробил кожу.

Эти слова исторгли у Рафа, лежавшего с закрытыми глазами, театральный стон.

— Мне кажется, дело обстоит не так уж трагично, — с отчаянием в голосе заметил Барни. — Сейчас ему нужно сложить сломанные кости, и он в два счета встанет на ноги.

— Мистер Хендриксон, — начала медсестра ледяным тоном, — я не доктор и поэтому не могу предписывать курс лечения. Я оказала пациенту первую помощь: наложила стерильную повязку на рану, чтобы предупредить заражение, и сделала укол новокаина, чтобы облегчить боль. Я выполнила свой долг. А теперь мне хотелось бы знать, когда прибудет врач.

— Конечно, этим случаем немедленно займется врач. Где моя секретарша?

— Я здесь, мистер Хендриксон, — раздался голос из-за двери.

— Бетти, возьми пикап, он стоит здесь, у самой двери. Текс отвезет тебя. Найди профессора Хьюитта, пусть он, не теряя ни секунды, доставит тебя на платформе обратно в сту-

дию. Он знает, как это сделать. Там разыщи нашего врача и немедленно возвращайся с ним сюда.

— Не надо доктора, отправьте меня обратно... обратно, — застонал Раф.

— За дело, Бетти, быстрее. — Барни, широко улыбаясь, повернулся к Рафу и похлопал его по плечу. — А теперь забудь обо всех неприятностях. Мы не стоим перед расходами, к твоим услугам будут все чудеса современной медицины. Сейчас хирурги чего только не делают — ставят на кость металлические стержни и так далее. Они живо поставят тебя на ноги, и ты будешь как огурчик.

— Нет! Я не хочу сниматься в этой картине. Теперь моей работе с вами конец, я уверен, что именно так сказано в моем контракте. Я хочу домой!

— Успокойся, Раф. Не волнуйся, отдохни. Сестра, останься с ним, я сейчас выгоню всех отсюда. Я убежден, что все будет в порядке.

Однако в словах Барни было не меньше фальши, чем в улыбке. Он рявкнул на любопытных, и трейлер тотчас опустел.

Не прошло и пяти минут, как вернулся пикап. В трейлер вошли доктор и двое служителей, несших ящики с медицинскими принадлежностями.

— Я прошу всех, кроме сестры, покинуть помещение, — сказал доктор.

Барни пытался было протестовать, затем пожал плечами. Все равно пока здесь нечего было делать. Выйдя из трейлера, он подошел к профессору, который копался во внутренностях врематрона.

— Не вздумайте разбирать его, — предостерег Барни. — Мне нужно, чтобы эта ваша машина времени круглые сутки была в состоянии боевой готовности.

— Я просто проверяю отдельные участки проводки. Боюсь, что в спешке многие провода были соединены и изолированы кое-как и на них теперь нельзя полагаться.

— Как долго длилось ваше последнее путешествие? То есть я хочу сказать, сколько сейчас времени в Голливуде?

Профессор посмотрел на указатели приборов.

— Если брать с точностью до нескольких микросекунд, то сейчас 14,3552 часа, суббота...

— Черт побери, уже половина третьего субботы! Куда же делось все это время?

— Уверяю вас, я здесь совершенно ни при чем. Я ждал у платформы, прескверно позавтракал у одного из автоматов, пока не вернулся пикап. Насколько я понял, доктор куда-то отлучился, его искали, и, кроме того, нужно было запастись медицинским оборудованием.

Барни невольно потерял живот: у него возникло такое ощущение, будто в желудке образовался кусок льда величиной с пушечное ядро.

— Я должен сдать готовый фильм в понедельник утром. Сейчас половина третьего субботы, а мы отсняли материала всего на три минуты, и главный герой лежит со сломанной ногой. Времени, времени у нас в обрез. — Барни как-то странно взглянул на профессора. — А почему у нас нет времени? Времени должно быть сколько угодно, правда, профессор? Можно найти уединенное местечко, вроде такого, куда мы посылали Чарли Чанга, и там можно закончить лечение Рафа!

Не ожидая ответа профессора, Барни вскочил и кинулся к Рафу, спотыкаясь о разбросанное повсюду съемочное оборудование. Без стука он ворвался в трейлер. Нога Рафа была уложена в лубок, и доктор измерял его пульс. Он недовольно посмотрел на Барни.

— Дверь была закрыта совсем не случайно, — заметил он.

— Я знаю, доктор, и я вам гарантирую, что больше никто не войдет через нее. Здорово вы его обработали... Я надеюсь, вы не обидитесь, если я спрошу, через сколько времени вы поставите его на ноги?

— До тех пор, пока я не помешу его в госпиталь...

— Ага, совсем ненадолго!

— ...там я сниму шину и наложу гипс, и он будет лежать в гипсе, по крайней мере, двенадцать недель — это минимальный срок. А потом пациент будет ходить на костылях не меньше месяца.

— Ну что ж, это отнюдь не плохо, то есть я хочу сказать, совсем здорово, просто здорово. Я надеюсь, вы сделаете все, чтобы он вылечился, и сможете сами отдохнуть в то же самое время, каникулы, так сказать. Мы найдем для вас обоих милое уединенное местечко, где вы оба сможете отдохнуть.

— Я не знаю, о чем вы говорите, но то, что вы предлагаете мне, совершенно неосуществимо. У меня обширная практи-

ка, и я не могу оставить ее на двенадцать недель или даже на двенадцать часов. Сегодня вечером у меня очень важная встреча, и я должен немедленно отправляться назад. Ваша секретарша заверила меня, что я буду дома вовремя.

— Так оно и случится, — уверенно сказал Барни. Ему уже пришлось один раз объяснять все это Чарли, и теперь он знал, как это делается. — Вас доставят вовремя для важной встречи сегодня вечером, в понедельник вы прибудете на работу без опоздания, и все остальное будет в полном порядке. Вдобавок вы сможете отдохнуть — разумеется, за наш счет — и получите трехмесячное жалованье. Ну разве это не великолепно? Сейчас я объясню вам, как это делается...

— Нет! — взвизгнул Раф. Он приподнялся на постели и с трудом показал Барни кулак. — Я знаю, что вы хотите сделать, но я решительно отказываюсь. Я не хочу иметь ничего общего ни с этой картиной, ни с этими сумасшедшими варварами. Я видел, что случилось сегодня на берегу, и с меня хватит.

— Успокойся, Раф...

— Не пытайся уговорить меня, Барни, я все равно не изменю решения. Я сломал ногу, и у меня с этой картиной все кончено. И даже если б я не сломал ногу, я все равно отказался бы от участия. Ты не можешь заставить меня играть.

Барни открыл рот — у него на языке вертелись выражения, ярко характеризующие игру Рафа, но неожиданно для себя он сдержался.

— Мы поговорим об этом завтра, а сейчас отдохни как следует, — пробормотал он, затем повернулся и вышел из трейлера.

Он знал, что, закрывая за собой дверь трейлера, он закрывал дверь для всей картины. И для своей карьеры. Ясно, что Раф не изменит своего решения. Мало что проникало через мышцы и кости в его крошечный мозг, но то, что проникало, оставалось там навсегда. Барни не мог заставить этого кретина с чрезмерно развитой мускулатурой отправиться для лечения на какой-нибудь доисторический остров, а значит, фильму пришел конец.

Барни споткнулся и, подняв голову, увидел, что он пересек весь лагерь и вышел к берегу, сам того не заметив. Он был один на холме, который поднимался над берегом и над заливом. Солнце уже склонилось к самому горизонту, освещая полосу низких облаков золотым светом заката, а закат отражался от поверхности воды, образуя дрожащие блики с каждой новой волной. На этом мире, свободном от людей, лежал от-

печаток первозданной красоты, но Барни ненавидел этот мир и все, что его окружало. Он заметил камень у себя под ногами и, размахнувшись, бросил его, как бы стремясь разбить зеркало моря. Но, бросая его, он сделал неловкое движение, повредил руку, и камень, не долетев до воды, упал на прибрежную гальку.

Итак, картины не будет. Он громко выругался.

— Что ты сказал? — раздался позади него низкий голос Оттара.

Барни резко повернулся.

— Я сказал: убирайся отсюда, волосатый болван!

Оттар пожал плечами и протянул огромную руку, в которой он держал две бутылки виски.

— По-моему, ты плохо выглядишь. Выпей глоток!

Барни открыл рот, чтобы сказать что-то обидное, но потом вспомнил, с кем говорит, буркнул: «Спасибо!» — и приложился к бутылке, после чего почувствовал себя немного лучше.

— Я пришел сюда за своей бутылкой, а тут Даллас сказал, что он на собственные деньги поставит мне еще одну — за сегодняшний бой. Сегодня большой день!

— О да, большой день. Дай-ка бутылку. И это последний день, потому что фильм окончен, погиб, капут. Ты знаешь, что это значит?

— Нет. — Раздалось продолжительное бульканье.

— Да откуда тебе знать, тебе, чистому дитяти природы, неиспорченному варвару. В каком-то смысле я тебе просто завидую.

— Я не дитя природы. Был человек по имени Торд Лошадиная Голова, он был моим отцом.

— Да, я завидую тебе, потому что ты — хозяин мира. То есть хозяин своего мира. Сильная рука, неутолимая жажда, великолепный аппетит и никаких сомнений. А мы постоянно сомневаемся сами в себе, мы этим живем. Готов поспорить, что ты даже не знаешь, что значит сомневаться в себе.

— Это что-то вроде самоубийства?

— Конечно, это тебе незнакомо.

Викинг уже сидел на земле, и Барни опустился рядом с ним, чтобы было легче доставать бутылку. Солнце село, и ярко-красное небо на горизонте незаметно переходило в серые облака, а потом в темный мрак над головой.

— Понимаешь, Оттар, мы делаем фильм, картину. Развлечение и большой бизнес, слитые воедино. Деньги и искусство — они не смешиваются, но мы их смешиваем уже давным-

давно. Я занимался этим делом еще тогда, когда на мне были короткие штанишки, и вот теперь, в период ранней зрелости, когда мне сорок пять, я покончил с кино. Потому что без этого шедевра «Клаймэктик» пойдет ко дну, а вместе с ней ко дну пойду и я. А знаешь, почему?

— Выпей-ка еще.

— Спасибо. Я тебе скажу, почему. Потому что за всю свою долгую и богатую событиями жизнь я сделал семьдесят три картины, и каждая из них была забыта, едва она сошла с экрана. Если я уйду из «Клаймэктика», мне конец, потому что в мире множество продюсеров и режиссеров, которые лучше меня, и они претендуют на ту же работу, на какую буду претендовать я.

Оттар, придав лицу благородное и героическое выражение, орлиным взором посмотрел на море, улыбнулся и икнул. Барни одобрительно кивнул и снова приложился к бутылке.

— Ты умный человек, Оттар. Я скажу сейчас тебе то, чего я еще никому не говорил, потому что я напился на твою дневную зарплату, а ты, наверно, понимаешь только одно слово из десяти. Знаешь ли ты, кто я? Я — посредственность. А ты имеешь представление, какое ужасное признание я сделал? Если ты ни на что не способен, ты быстро узнаешь об этом, и тебя отовсюду гонят, и ты идешь работать заправщиком на автостанцию. Если ты гений, ты тоже знаешь это, и твоя жизнь сделана. А вот если ты посредственность, ты никогда не можешь до конца этому поверить, сваливаешь все на обстоятельства и пытаешься сделать еще одну картину, пока не отснимешь семьдесят третью бездарную ленту. А вот семьдесят четвертой не бывать. Но самое смешное заключается в том, что этот семьдесят четвертый действительно мог стать хорошим фильмом. И уж по крайней мере, клянусь богом, он не был бы похож на остальные. Все погибло. Картина умерла, не успев родиться, бедная картина попала в царство кинематографического забвения. Картина умерла, нет картины...

— Что такое картина?

— Я уже объяснял, это произведение искусства. Развлечение. Вроде этих ваших, как вы их называете, саг...

— Хочешь, я спою песню из саги? Я хорошо пою.

Не ожидая ответа, Оттар встал, глотнул из бутылки, чтобы прочистить горло, и запел громовым голосом, сливающимся с шумом прибоя:

Рази, рази, меч,
Место в моем сердце, где живет червь!
Гневные лица — мои сыновья — принесут мечь.
У смерти нет страха. Голос Валькирии
Сзывает новых гостей в пивной зал Одина.
Приходит смерть. На столе — пир.
Жизнь окончена. Я умираю, смеясь!

Оттар замер на мгновение, затем взревел с новой силой.

— Это была песня Рагнара перед тем, как король Аэлла убил его, и Рагнар умер. Как жаль, что мне не удалось сделать это!

Оттар погрозил кулаком недоброму небу.

У Барни в глазах двоилось, но он обнаружил, что, если закрыть один глаз, он достаточно четко видит вторым. Оттар возвышался над ним, гигант на заре существования мира, в кожаной одежде, с развевающимися волосами. Последние багровые отсветы заката легли на его лицо. Сага была для него жизнью, искусство и жизнь сливались в одно целое. Песня была битвой, а битва — песней.

Мысль, пришедшая в голову Барни, была настолько неожиданной, что он тихо охнул.

А почему бы и нет? Если бы он не налакался, распивая виски на берегу древнего моря с человеком, который умер тысячу лет назад, эта идея никогда не пришла бы ему в голову. Почему бы нет? Вся история со съемкой этой картины — безумие, так почему не добавить к ней еще один, последний штрих? В его руках была свобода и власть, и ведь все равно картина погибла, хуже не будет. Почему же нет?

— Пошли со мной, — пробормотал Барни, с трудом встав на ноги и пытаясь поднять с земли неподвижную громаду викинга.

— Зачем?

— Смотреть кино. — На Оттара это не произвело впечатления, и он остался сидеть. — Ну тогда пошли за виски.

Это пришлось Оттару больше по душе, и они отправились в лагерь. Барни то и дело опирался на своего спутника, который даже не замечал этого.

— Экстры готовы? — спросил Барни, просовывая голову в трейлер кинолаборатории.

— Сейчас вынимаем из сушилки, мистер Хендриксон, — ответил техник.

— Отлично! Установите экран снаружи, и давайте их сей-

час посмотрим. Сначала покажите вчерашнюю порцию, а потом то, что было снято сегодня.

— А виски? — спросил Оттар.

— Да-да, посиди немного, сейчас принесу, — ответил Барни.

Найти в темноте свой трейлер оказалось совсем непросто, да к тому же повсюду было разбросано на редкость много всякого хлама, о который Барни то и дело спотыкался; затем возникла проблема, как найти нужный ключ из множества ключей в связке. Когда Барни вернулся обратно с бутылкой виски в руках, складной экран был уже установлен и парусиновые кресла расставлены. Они с Оттаром поудобнее устроились в креслах, поставили перед собой бутылку, проектор зажужжал, и они начали смотреть фильм в этом удивительном кинотеатре под открытым небом и яркими звездами.

Сначала Оттар никак не мог воспринимать проектируемые на экран кадры как картину, его неразвитый ум не связывал движущиеся изображения с действительностью. Он не был, однако, полным профаном в изобразительном искусстве, ему были знакомы как три измерения в резьбе по дереву, так и плоскостное изображение — рисунки, и, когда на экране появилось изображение берега и его хижины, он вскрикнул от изумления.

Ужин уже подошел к концу, и почти вся съемочная группа подошла к экрану, чтобы посмотреть на экстры. Даже те, кто не присутствовал при сражении, были достаточно наслышаны о нападении викингов, и, когда на экране возник корабль, слышались шепот и вздохи, то и дело прерываемые гневным ревом Оттара. Когда корабль нападающих пристал к берегу и началась битва, воцарилась полная тишина. Угол съемки был великолепен, кадры четкие, детали настолько ясны, что было почти невыносимо смотреть. Даже Барни, который все время был на берегу, почувствовал, как у него по спине забегали мурашки, когда на экране появилось лицо залитого кровью викинга, бегущего вверх по холму прямо на камеру, все ближе и ближе.

Испустив страшный боевой клич, Оттар вскочил на ноги, бросился на экран и сорвал его, запутался в белой ткани, споткнулся и покатился вниз по склону, в ярости разрывая материю и ломая металлическую раму. Поднялся крик, одна из девушек принесла небольшой прожектор и осветила викинга. Подбежавший к Оттару Лин сумел наконец успокоить его, а подоспевшие помощники вытащили викинга из-под облом-

ков экрана. Пока продолжалась неразбериха, лагерь осветился автомобильными фарами, и через минуту машина «Скорой помощи» с надписью «Госпиталь округа Лос-Анджелес» на белом борту въехала в свет прожектора.

— Чертовски трудно найти кого-нибудь в вашем лагере, — сказал шофер. — У вас, киношников, действительно большие павильоны для съемок, вот уж никогда бы не подумал, что все это можно уместить на одной сцене.

— Что вы хотите? — спросил Барни.

— Меня вызвали. Приехал за пациентом со сломанной ногой по имени Хоук.

Барни обвел глазами молчаливую толпу.

— Ну-ка, Бетти, покажи им дорогу к трейлеру Рафа. И передай ему мои наилучшие пожелания, скажи, я надеюсь, что он быстро поправится, и все в таком духе.

Бетти хотела что-то сказать, но не смогла найти слов. Она быстро прошла к машине, приложив платок к лицу, и вскарабкалась в нее. По-прежнему стояла тишина, многим было неприятно встречаться с Барни взглядом. Он улыбнулся про себя широкой таинственной улыбкой и приветливо махнул рукой.

— Представление продолжается! — распорядился он. — Принесите новый экран и давайте досмотрим экстры до конца.

Когда последнюю пленку прокрутили через проектор, Барни встал перед экраном, освещенный со всех сторон, и, приложив руку козырьком к глазам, стал вглядываться в темноту.

— Я не вижу, кто здесь. Джино, ты тут? А Эмори? — Из толпы послышались утвердительные возгласы. — Отлично, сейчас проведем пробу. Установите-ка вон там прожекторы.

— Сейчас уже ночь, мистер Хендриксон, — раздался голос из темноты.

— Я еще не ослеп и понимаю, что вы хотите сказать. Все вы получите сверхурочные, но я хочу снять эту пробу немедленно. Как вам всем, наверно, уже известно, поскольку слухи распространяются у нас чертовски быстро, Раф Хоук сломал ногу и сниматься не может. Значит, мы остались без главного героя. Может быть, некоторым это покажется катастрофой, но это неверно, потому что мы сняли не так уж много метража, который теперь придется выбросить. Но нам нужен главный герой, и именно этим мы сейчас и займемся, так как я

хочу сделать пробу парня, которого все вы хорошо знаете, нашего местного друга Оттара...

Послышались несколько удивленных возгласов, шепот и смешки. Барни услышал только смех.

— Здесь я распоряжаюсь, я директор этой картины, и я хочу устроить пробу — вот так!

Он остановился перевести дыхание и только тут действительно осознал, что он здесь главное лицо и сейчас больше, чем когда бы то ни было. Тысячелетие отделяло его от конторы треста, от ее телефонов. Л. М. не сможет добраться до него, даже если бы он и не был в постели со своим мнимым инфарктом и не прятал под матрас бухгалтерские книги. Теперь вся ответственность лежала на нем, только на нем одном, и судьба картины зависела от того, какое решение он сейчас примет. И не только картины — судьба всей киностудии зависела от него, от него зависело, будут ли работать все окружающие его сотрудники, не говоря уж о нем самом.

При обычных условиях подобная ситуация обеспечила бы ему бессонные ночи и спазмы желудка, заставив его испытать адские муки нерешительности. Но не сейчас. Может быть, ему передалась частичка духа викингов, сознания, что каждый человек сражается один на один со всем миром, и если ему повезет, то кто-то протянет ему руку помощи, однако рассчитывать на помощь не приходится.

— Сейчас мы сделаем эту пробу. Никто не может спорить с тем, что Оттар выглядит настоящим викингом. А если он говорит с небольшим акцентом, ну так что ж, Бойер и фон Штрохейм тоже не могли избавиться от акцента, но всем известно, чего они добились. А теперь посмотрим, сможет ли он играть, по крайней мере, хотя бы как Раф.

— Ставлю пять «зеленых», что он лучше, — донеслось из толпы.

— Кто спорит? — ответил другой голос, и по толпе пронесся смешок.

Теперь они были на его стороне, Барни чувствовал это. Может быть, им всем передалось сумасшествие викингов. Какой бы ни была причина, они были с ним заодно.

Барни откинулся на спинку кресла, время от времени давая указания и потягивая из горлышка виски, пока устанавливали осветительные приборы и камеры. Когда все было готово, Барни встал и отнял бутылку у клевавшего носом Оттара.

— Отдай обратно, — проворчал Оттар.

— Сейчас. Но я хочу, чтобы ты еще раз спел мне эту сагу о Рагнаре.

— Не хочу петь.

— Нет, хочешь. Я рассказал всем о том, какая это была великая песня, и все хотят ее услышать, правда?

Из толпы послышались дружное «да!» и одобрительные возгласы. Слайти выскользнула из темноты и прижалась к плечу Оттара.

— Спой для меня, милый, это будет моя песня, — процитировала она из своей предыдущей картины о каком-то второразрядном композиторе.

Оттар не мог устоять перед ее просьбой. Все еще ворча, но уже без злобы, он встал на место, указанное Барни, и взял в руку бутафорский топор.

— Легкий, — сказал он. — Из дерева. Никуда не годится.

И он спел для них, сначала монотонно и нараспев, все еще разглядывая топор, затем все громче и выразительнее, проникаясь духом древней боевой песни. Пропев последнюю строфу, Оттар с воинственным ревом грохнул топором по ближайшему прожектору, опрокинув его на землю и едва не превратив в металлолом. Слушатели разразились аплодисментами и возгласами одобрения, а Оттар, тяжело дыша, расхаживал перед ними взад и вперед, воспринимая все как должное.

— Это было великолепно, — сказал Барни. — А теперь давай сделаем еще одно маленькое дело, и ты свободен. Видишь, вон там стоит стойка прожектора с надетой на нее курткой и шлемом? Так вот, это вражеский часовой. Ты должен подкрасться и убить его так, как ты сделал бы это на самом деле.

— Зачем?

— Зачем? Оттар, что за вопрос! — Барни отлично знал, что это был за вопрос — это был вопрос, на который страшно трудно дать ответ. Зачем? Для актера было совершенно понятно, потому что игрой он зарабатывал себе на хлеб. Но зачем это все Оттару?

— Забудь-ка на минуту об этом, — сказал Барни. — Давай сядем рядом и выпьем по глотку. Теперь я расскажу тебе сагу.

— Ты тоже знаешь саги, да? Саги интересные.

В век Оттара, когда не было развлечений и не было еще письменности, саги заменяли все — песню и историю, газету и книгу, и Барни было это известно.

— Отлично, — сказал он и сделал знак, чтоб на Оттара навели камеру. — Хватай-ка бутылку и слушай мой рассказ, рассказ о великом викинге, которого звали Оттаром...

— Как и меня?

— Как и тебя, да, и он был знаменитым воином. У него был хороший друг, который вместе с ним пировал и вместе с ним участвовал в сражениях. Они были самыми лучшими друзьями в мире. Но однажды во время битвы друга Оттара захватили в плен, связали и увели. Однако Оттар пошел по следу врага и, подкравшись к лагерю противника, стал ждать наступления темноты. После битвы его мучила жажда, и он пил, но сидел в укрытии, не двигаясь.

При последних словах Барни Оттар поднес к губам бутылку и сделал быстрый глоток, потом прислонился к трейлеру.

— Вскоре стало темно, его время наступило. Он освободит своего друга. Встань, Оттар, сказал он себе, встань, пойд и освободи своего друга, которого враги должны убить на рассвете. Встань!

Последнее слово прозвучало как приказ, и в одно мгновение Оттар легко вскочил на ноги. Бутылка упала. Она была забыта.

— Оглянись вокруг, Оттар, и ты увидишь часового. Осторожно — вон он!

Теперь Оттар не играл — он жил. Он низко наклонился, выглянул из-за угла и тут же спрятался обратно.

— Там стоит часовой, спиной к тебе. Подползи к нему, Оттар, и без единого звука задуши его собственными руками. Схвати его за горло, и пусть он умрет молча. Иди, только осторожно, пока он стоит к тебе спиной.

Оттар уже выскользнул из-за укрытия, низко согнулся и начал двигаться вперед по изъезженной земле, беззвучно как тень. Все замерли при виде Оттара. Барни оглянулся и увидел рядом свою секретаршу, которая не сводила глаз с крадущегося викинга. На полпути Оттар услышал шаги и замер: кто-то шел сюда. Он спрятался. Оттар скользнул в тень валуна, и Барни прошептал:

— Иди к нему, Бетти, просто пройди мимо. — Он взял ее за руку и толкнул вперед.

Оттар спрятался в тени как раз в ту минуту, когда мимо него прошла женщина. Она была совсем рядом, но не заметила его. Она ушла. Оттар подождал, пока все не стихло, затем

начал снова красться вперед, все ближе и ближе — и бросился на часового!

Джино пришлось быстро повернуться, чтобы удержать викинга в кадре, когда он вскочил, рванулся вперед, все еще совершенно беззвучно, и, буквально пролетев последние метры по воздуху, бросился на чучело. Шлем упал и покатился в сторону, викинг схватил стальной стержень подставки и единым движением согнул пополам.

— Стоп! — крикнул Барни. — Такова была сага, все было точно так, как ты изобразил это. Убил часового и освободил своего друга. Здорово, просто здорово. А теперь давайте покажем Оттару, как нам понравилось его представление!

Под гром аплодисментов и крики одобрения Оттар сел на землю и быстро заморгал, как бы постепенно вспоминая, где он и что с ним. Он посмотрел на изогнутый стержень, потом отбросил его в сторону и ухмыльнулся.

— Это была хорошая сага, — сказал он. — Вот так действует Оттар.

— Ну ладно, завтра я покажу тебе экстры, — сказал Барни. — Ты увидишь движущиеся картинки с твоим изображением — как ты делал все это. А пока хватит, это был длинный день. Текс... или Даллас, пусть один из вас возьмет джип и отвезет Оттару домой.

Ночной воздух становился все холоднее, и толпа быстро рассосалась. Подсобные рабочие убрали освещение и камеру. Барни задумчиво посмотрел вслед исчезающим красным огонькам джипа, зажег сигарету. Тут только он заметил стоящего рядом с ним Джино.

— Как твое мнение? — спросил он.

— Мое мнение? — Джино пожал плечами. — Откуда я знаю! Я всего лишь оператор...

— Каждый оператор, сколько я их ни встречал, в глубине души был убежден, что из него бы вышел директор намного лучше, чем те кретины, с которыми ему приходится работать. Что ты о нем думаешь?

— Если ты спрашиваешь мое мнение, а видимо, это так, то я скажу, что он, по крайней мере, лучше, чем тот кусок мяса, который унесли на носилках. И если проба получится так, как я ожидаю, может быть, ты сделал находку века. Одиннадцатого века, конечно. Вот и говори потом о методе!

Щелчком пальца Барни послал окурочек далеко в темноту.

— Я, — сказал он, — думаю точно так же.

Барни пришлось повесить голос, чтобы перекрыть грохот ливня, бьющего по крыше трейлера.

— А ты уверен, что он понимает, что подписывает? — крикнул он, с сомнением глядя на кривой крест и отпечаток пальца под контрактом.

— Совершенно уверен, — ответил Йенс Лин. — Я прочитал ему как английский оригинал, так и перевод на старонорвежский язык, и он со всем согласился, затем подписался в присутствии свидетелей.

— Надеюсь, ему никогда не попадется хороший адвокат. В соответствии с этим контрактом он — исполнитель главной роли в фильме — получает зарплату меньше всех в группе, включая негра, присматривающего за уборной.

— Ему не на что жаловаться, так как он сам выставил такие условия. Одна бутылка «Джека Даниэльса» в день и по серебряной марке каждый месяц.

— Но ведь этого не хватит даже на пломбу в зубе.

— Не следует забывать о разном экономическом положении двух миров, — начал Йенс с профессорским апломбом, для пушей убедительности подняв палец. — Экономика одиннадцатого века в основном зиждется на торговле и обмене товарами, почти без применения монет. Поэтому серебряная марка имеет гораздо большую ценность, которую трудно сравнивать с нашей ценой серебра, производимого в большом количестве. Пожалуй, лучше взглянуть на ее покупательную способность. За одну серебряную марку можно купить раба. За две марки...

— Достаточно, уже все понятно. Для меня важно знать, останется ли он с нами до конца картины?

Йенс пожал плечами.

— О, это очень хороший ответ. — Барни потер большими пальцами разламывающиеся от боли виски и посмотрел из окна на свинцовое небо и падающий занавес дождя. — Уже два дня, как льет, неужели дождь никогда не прекратится?

— Этого следовало ожидать. Не нужно забывать, что, хотя погода в одиннадцатом веке была теплее, чем в двадцатом, из-за влияния Малого Климатического Оптимума, мы все-таки находимся в Северной Атлантике примерно на пятьдесят девятом градусе северной широты, и дождь здесь...

— Избавь меня от лекции. Я должен быть уверен, что Оттар будет сотрудничать с нами на протяжении съемки всего фильма, иначе даже и начинать не стоит. Он может отплыть завтра в этой своей новой ладье или выкинуть какой-нибудь другой номер, принятый у викингов. Послушай, а что он вообще здесь делает? Он не очень-то соответствует моему представлению о веселом фермере.

— В настоящее время он находится в изгнании. По-видимому, ему не понравилось принятие христианства в том виде, в каком оно происходит при короле Олафе Трюггвессоне, и он, проиграв сражение, был вынужден бежать из Норвегии.

— А почему ему не захотелось быть обращенным в христианство?

— Во-первых, Лаф подвергнет его испытанию змеей. То есть конец лурхорна — длинного медного боевого горна — силой засовывается глубоко в горло жертвы, затем в него впускается ядовитая змея, отверстие тут же затыкается, и горн подогревается на огне, так что змее приходится искать выход в брюхе язычника.

— Необычайно привлекательно. А что случилось после его бегства из Норвегии?

— Он направился в Исландию, однако во время шторма его корабль погиб, и он с несколькими воинами выбрался на этот остров. Все это случилось незадолго до нашего появления.

— Если он потерпел кораблекрушение, то в чьем же доме он живет?

— Этого я не знаю. Он и его воины убили владельца и поселились в доме.

— Господи, что за жизнь! Ну, по крайней мере, для нас это приятные новости. Я уверен, что он не захочет куда-нибудь отправиться, пока его здесь поят и к тому же платят.

Вместе с порывом ветра и дождя в трейлер Барни ворвался Эмори Блестэд. Ему пришлось налечь на дверь всем телом, чтобы закрыть ее.

— Можешь повесить свои вещи на гвоздь в двери, пусть они немного высохнут, — сказал Барни. — Кофе на плитке. Ну, как дела с декорациями?

— Почти закончены, — ответил Эмори, размешивая сахар в своей чашке. — Мы разломали заднюю стену хижины, чтобы можно было втащить внутрь осветительные приборы и ка-

меры, покрыли стены фанерой и подняли крышу на четыре фута. Это оказалось гораздо легче, чем я ожидал, мы просто подняли всю крышу вместе с балками на домкратах, потом местные рабочие нарезали дерна и довели стены до необходимой высоты. Эти парни действительно умеют работать.

— И к тому же почти даром, — дополнил Барни. — Пока что единственное, в чем мы не расходимся с планом, — это в бюджете. — Он взглянул на свой экземпляр сценария, отмечая сцены красным карандашом. — Мы можем сейчас приступить к съемкам в помещении?

— В любое время.

— Тогда полезли в резиновые сапоги. Что ты думаешь о пробе, Эмори?

— Абсолютно первоклассная проба. Этот викинг прирожденный актер, настоящая находка.

— Да. — Барни погрыз карандаш, затем бросил его на пол. — Будем надеяться. Может оказаться, что он в состоянии сыграть одну-две сцены, однако справится ли он с целой картиной? Я хотел снять сначала простые сцены: как влезают и вылезают из лодок, героический взгляд в сторону заката и тому подобное, но погода со всем этим покончила. Придется браться за интерьеры и надеяться на лучшее.

Потоки дождя низвергались с крыши, текли по бокам джипа, который медленно полз вверх по склону холма вдоль полосы жидкой грязи, проложенной предыдущими машинами, что двигались из лагеря. В поле позади хижины Оттара уже стояло несколько автомобилей, среди которых возвышалась передвижная электростанция с урчащим генератором. Они подъехали как можно ближе к хижине, вылезли из джипа и пошлепали к двери. К стене прижалась группа слуг, выброшенных из дому, чтобы освободить место для съемочного оборудования. Вид у них был несчастный. Фанерная дверь была приоткрыта из-за толстых электрических кабелей, и Барни протиснулся внутрь.

— Ну-ка, дайте побольше света, — сказал он, вылезая из мокрого насквозь плаща. — И выставьте этих людей, я хочу взглянуть на кровать.

— Осторожнее, краска на древнем дереве еще не просохла, — сказал Эмори, показывая на двустворчатые двери в стене.

— Неплохо, — одобрительно отозвался Барни.

— Чего хорошего?! — фыркнул Йенс Лин. — Ведь я же го-

ворил, что в таком простом доме люди спят на лавках вдоль стен — вот этих, — но в доме вполне может быть небольшая комнатка с кроватью, встроенной в стену, совсем маленькой, чтобы тепло спящих могло обогревать ее. — Лин распахнул пятифутовые двери, за которыми оказалась маленькая комнатка с матрасом из пенопласта и нейлоновыми простынями. — Но эта мерзость... в ней нет ничего похожего...

— Не волнуйтесь, док, — сказал Барни, осматривая комнату через видоискатель камеры. — Ведь мы снимаем картину, правда? Мы даже не сможем втиснуть камеру и пару операторов в тот гроб, о котором вы думаете. Хорошо, уберите заднюю стену.

Двое плотников убрали заднюю стену комнаты, за ней в сарайчике оказалась камера.

— Залезай внутрь, Джоно, и я еще раз повторю содержание. Это дубль пятьдесят четыре. А, Оттар, как раз вовремя, тебе сейчас на сцену.

В дом ввалился викинг, шеголявший в хлорвиниловом плаще, в сопровождении гримера, который держал зонтик над его головой.

— Здорово, Барни! — рявкнул Оттар. — Правда, я красивый?

Он действительно выглядел хорошо. Сначала его отмачивали в ванне — пришлось три раза менять воду, — его борода и волосы были вымыты, высушены, окрашены, подстрижены и причесаны, костюм Рафа был перешит и прилажен к его массивной фигуре. Оттар выглядел весьма внушительно, он знал это и наслаждался.

— Ты великолепен, — сказал Барни. — Ты так хорошо выглядишь, что мне хочется сделать еще несколько снимков с тебя, ведь ты любишь на них смотреть, правда?

— Хорошая мысль. Я хорошо выгляжу на снимках.

— Верно. А теперь вот чего я хочу от тебя. — Барни закрыл двери, ведущие в комнату. — Я буду внутри с камерой. Ты стоишь вот здесь и открываешь двери... вот так... и, когда они полностью открыты, ты смотришь на кровать — вот так — и медленно улыбаешься. Вот и все.

— Мне это кажется очень глупым. Лучше сними меня прямо здесь.

— Я высоко ценю твое предложение, Оттар, но мне хочется сделать это по-своему. В конце концов, ты получаешь еже-

дневно по бутылке и серебряную марку каждый месяц, так что постарайся заработать их.

— Совершенно верно, каждый день. Где сегодняшняя бутылка?

— Ты получишь ее после работы, а мы ведь пока даже не начали. Так что стой здесь, а я обойду кругом и встану с другой стороны с камерой.

Он отбросил плащ и направился к сарайчику.

После новых объяснений, криков и нескольких неудачных попыток Оттар, казалось, понял, чего от него хотят, двери были снова закрыты, и Барни подал сигнал. Объектив устремился в темное помещение, и камера зажужжала, когда дверь вдруг распахнулась с такой силой, что одна из дверных ручек осталась в руке Оттара и он швырнул ее на пол.

— Черт побери! — рявкнул он.

Барни глубоко вздохнул.

— Видишь ли, Оттар, эту сцену нужно играть не совсем так, немного по-другому, — сказал он. — Постарайся войти в роль. Ты пришел домой неожиданно, очень усталый. Ты открываешь дверь, чтобы лечь спать, опускаешь взгляд, видишь спящую Гудрид, и на твоём лице появляется улыбка.

— На этом острове нет никакой Гудрид.

— Гудрид — это имя Слайти в нашем фильме. Ты ведь знаешь, кто такая Слайти?

— Конечно, но ведь ее здесь нет. По-моему, Барни, все это очень глупо.

Барни приходилось долгие годы снимать безразличных и просто плохих актеров, поэтому возражения Оттара не действовали на него.

— Давай подождем минутку и сделаем еще одну пробу, — предложил он.

На этот раз за закрытыми дверями несколько минут слышались какое-то шуршание, ворчание, жалобы, затем двери снова распахнулись, но уже несколько медленнее, и появилось лицо Оттара. Он свирепо глянул в объектив, затем опустил взгляд, и выражение его лица начало постепенно изменяться. Наморщенный лоб разгладился, уголки рта поднялись вверх, образовав счастливую улыбку, а глаза широко раскрылись. Он протянул руку.

— Стоп. На этот раз отлично. — При этих словах Барни бросился к кровати, опередив Оттара, и схватил бутылку «Джека Даниэльса». — Я ее приберегу для тебя. О-ох!

Викинг схватил его за кисть, и Барни почувствовал, что его рука зажата в тиски гидравлического пресса. Бутылка выпала из его ослабевших пальцев. Пошатываясь и потирая полураздавленную руку, Барни направился обратно, спрашивая себя, не допустил ли он все-таки ошибки при распределении ролей.

Появилась Слайти, и, после того, как с нее были сняты резиновые сапоги, плащи и много ярдов пластика, она оказалась, дрожащая и босая, в одной прозрачной ночной рубашке. Под рубашкой она была одета в обтягивающее формы нейлоновое трико телесного цвета с глубоким вырезом и совершенно прозрачное. Эффект был сокрушительным.

— Подлинный костюм одиннадцатого века, — ядовито прокомментировал Йенс Лин и ушел.

Оттар блаженно посасывал из бутылки и не обращал внимания на окружающих.

— Мне холодно, — выговорила Слайти.

— Установите электрический термоизлучатель над кроватью, — распорядился Барни. — Дубль сорок три, Слайти, закрой дверь и залезай в мешок. Внутри достаточно тепло.

— Я не хочу схватить пневмонию.

— Не беспокойся, милая, с твоей изоляцией это невозможно.

Это была короткая сцена, всего несколько секунд на экране, однако на съемках фильма время летит незаметно — когда они закончили, Оттар уже высосал полбутылки и, сидя в углу, напевал что-то про себя со счастливым выражением лица.

— Начали, дубль пятьдесят пять, и ты тоже, Оттар, расстанься на минуту со своей зарплатой, — сказал Барни.

Умиротворенный солидной порцией виски, Оттар подошел, грохоча тяжелыми сапогами, и посмотрел на кровать, где под американо-викингovým одеялом изящно вытянулась Слайти.

— Она устала? — спросил с участием Оттар. — Слишком много огней, трудно спать.

— Похвальная наблюдательность, но мы все еще снимаем фильм. Вот что тебе нужно сделать. — Барни подошел и встал рядом с кроватью. — Ты только что открыл дверь, смотришь вниз на спящую девушку. Затем медленно протягиваешь руку и касаешься ее волос. Она просыпается и в страхе отстраняется от тебя. Ты смеешься, садишься на край кровати, притягиваешь ее к себе и целуешь. Сначала она сопротивляется, от-

талкивает тебя, но потом ненависть переходит в любовь, она медленно протягивает руки, обнимает тебя за шею и тоже целует тебя. Твоя рука поднимается к бретельке на плече — вот этой, не перепутай, вторая приклеена, — и ты медленно спускаешь ее с плеча девушки. Вот и все. На этом съемка закончится, остальное довершит воображение зрителей, а воображение у них — будь спокоен. Давайте попробуем сначала без камеры.

Это была отчаянно трудная работа, поскольку Оттар не проявлял к Слайти ни малейшего интереса, то и дело поглядывая на бутылку, чтобы убедиться, что никто ее не украл, и Барни, пытавшийся придать движениям викинга хоть какое-то правдоподобие, обливался потом. Наконец бутылка была поставлена на кровать, в угол, вне поля зрения камеры, так, что, по крайней мере большую часть времени, Оттар смотрел в нужном направлении.

Барни выпил глоток воды, отдающей химикалиями, и еще раз поставил Оттара к линии, прочерченной на земляном полу.

— Начинаем! — объявил он. — Будем снимать этот дубль без звука, и я все время буду вами руководить. А остальные пусть сейчас же заткнутся, у нас не съемочный павильон, а прямо какое-то профсоюзное собрание. Камера, поехали! Ты вошел, Оттар, смотришь вниз — вниз, не на свою проклятую бутылку! — протягиваешь руку и касаешься ее волос. Слайти просыпается, великолепно, пока все идет хорошо, садись — осторожно, не сломай кровать! О'кей, теперь ты обнимаешь ее, потом целуешь.

Пальцы Оттара впились в руку Слайти, внезапно он нагнулся к ней и совершенно забыл про бутылку. Волшебство гормонов Слайти действовало в одиннадцатом веке с меньшей силой, чем в двадцатом. Запах приятно пахнущего женского тела ударил ему в голову, и ему не потребовалось наставлений Барни, чтобы крепко прижать Слайти к своей груди.

— Очень хорошо, — раздался одобрительный возглас Барни. — Страстное объятие и поцелуй, но тебе это не нравится, Слайти.

Слайти пыталась выскользнуть из объятий викинга и колотила кулаками по его широченной груди. Повернув голову в сторону, она прошептала: «Потише, питекантроп, потише», затем Оттар снова поцеловал девушку.

— Великолепно! — крикнул Барни. — Очень правдоподобно, Слайти. Теперь бретелька, Оттар.

Послышался треск рвущейся материи.

— Эй, что ты делаешь! — раздался возмущенный голос Слайти.

— Не беспокойся, — подал реплику Барни, — студия купит новую рубашку. Великолепно! Теперь выражение твоего лица меняется. Ненависть переходит в страстную любовь. Очень хорошо...

Глава 11

— Что мне действительно нравится в одиннадцатом веке, — сказал Барни, подцепив вилкой большой кусок белого мяса, — так это морская пища. Скажите, почему это так вкусно, профессор? Еще нет промышленных отходов или из-за чего-то другого?

— Наверно, это объясняется тем, что у вас на тарелке лежит не морская пища одиннадцатого века.

— Не пытайтесь купить меня, профессор. Уж я-то знаю, что это не замороженный полуфабрикат, который мы получили со складов «Клаймэктика». Смотрите, облака начинают расходиться. Если так пойдет и дальше, мы сможем заснять концовку сцены возвращения.

Передняя часть брезентовой крыши была поднята, и перед ними расстилалась панорама лугов, а вдаль виднелся океан. Профессор Хьюитт указал на него.

— Практически морская рыба этого века ничем не отличается от рыбы двадцатого столетия. Однако трилобит, который находится на вашей тарелке, действительно принадлежит к совершенно иной разновидности и эпохе — его добыли на острове Каталина наши отдыхающие.

— А, вот почему из тех ящиков, которые они привезли с собой, текло. — Барни подозрительно посмотрел на еду. — Одну минуточку, то, что я сейчас ем, не имеет никакого отношения к тем глазам и зубам, о которых говорил Чарли Чанг?

— Нет, — успокоил его профессор, — после того как членам съемочной группы разрешили проводить уик-энды в другой эпохе, чтобы не прерывать работы, мы сменили периоды. Остров Санта-Каталина является идеальным местом для отдыха, мистер Чанг может это подтвердить, но его несколько беспокоила местная фауна. Признаю свою ошибку: я оставил

его в девонском периоде, когда рыбы-амфибии, дышавшие воздухом, начали выходить из моря. По большей части эти земноводные — совершенно безвредные создания. Однако в воде были существа...

— Глаза и зубы... Слышал о них.

— ...поэтому я решил, что кембрий — более подходящий период для наших отдыхающих. В те времена во всем океане не было существа более опасного для купающихся, чем этот совершенно безвредный трилобит.

— Вы опять употребили это слово, профессор. Что оно значит?

— Вымершее членистоногое. Эти существа — переходная форма от ракообразных к паукообразным, однако экземпляр, который вы едите, действительно огромный. Нечто вроде полуметровой морской вши.

Барни выронил вилку и поспешно глотнул кофе.

— Это было великолепное блюдо, — сказал он. — А теперь, если вы не против, поговорим о колонии в Винланде. Что вам удалось выяснить?

— У меня не слишком хорошие новости.

— После трилобита все кажется хорошим. Ну так что?

— Не нужно забывать, что моя информация о данном периоде весьма ограничена. Однако доктор Лин хорошо знаком с историей, в его распоряжении имеются все саги относительно открытия Винланда и ранних скандинавских поселений, и я следовал его указаниям. Нам было очень нелегко отыскать подходящее место для высадки, поскольку берега Ньюфаундленда и Новой Шотландии, мягко выражаясь, очень изрезаны, однако удалось найти этот район. Мы широко использовали моторную лодку, так что я могу заверить вас, что наши поиски были настолько тщательными, насколько это только возможно.

— И что вам удалось обнаружить?

— Ничего.

— Именно такие новости мне и хотелось услышать, — сказал Барни, отодвигая подальше от себя тарелку с жареным по-французски трилобитом. — Давайте-ка сюда дока, профессор. Если вы не против, мне хотелось бы услышать об этом поподробнее.

— Все обстоит именно так, — мрачно подтвердил Йенс Лин. — В Северной Америке нет норвежских поселений. Это меня очень тревожит. Мы осмотрели все возможные районы

поселений, начиная с десятого и кончая тринадцатым веком, и ничего не обнаружили.

— А откуда вы знаете, что там вообще что-то было?

Лин выдвинул вперед подбородок.

— Позвольте напомнить вам, что после обнаружения карты Винланда мало кто сомневался в том, что норвежцы действительно открыли и исследовали Северную Америку. Доказано, что в тысяча сто двадцать первом году епископ Эрик Гнупссон совершил поездку в Винланд. Норвежские саги говорят о множестве путешествий, совершенных из Скандинавии в Винланд, и описывают находившиеся там поселения. Сомнительными являются только сведения о точном расположении поселений; целью наших недавних поисков и было отыскать их. Поскольку источники расходятся в описании расположения Хеллуланда и Маркланда, упоминающихся в сагах, нам предстояло осмотреть тысячи миль побережья. Гаторн-Харди считает, что пролив Лонг-Айленд и есть знаменитый Страумсфьорд, и делает вывод, что Хоп находится в устье реки Гудзон. Однако в других источниках говорится, что высадка произошла гораздо севернее; например, Сторм и Бэбкок указывают на район Лабрадора и Ньюфаундленда, а Моуэтт даже помещает Хоп в...

— Стоп! — воскликнул Барни. — Меня не больно-то интересуют теории. Вы хотите сказать, что вам не удалось обнаружить поселений или даже каких-нибудь доказательств их существования?

— Не удалось, но...

— Значит, все ваши авторитеты ошибаются?

— Ну... получается так, — сказал Лин. Выражение лица его было несчастным.

— Пусть это вас не беспокоит, док, — сказал Барни, протягивая чашку, чтобы официантка налила ему новую порцию кофе. — Напишите книгу об этом — и сразу станете новым авторитетом. Сейчас гораздо важнее решить, что делать дальше? Позвольте напомнить вам, если вы не просматривали сценарий в последнее время, что наш фильм называется «Викинг Колумб», что это сага об открытии Америки и первом поселении на ее территории. Так что же нам теперь делать? Мы предполагали переправить всю группу в одно из поселений викингов и отснять там часть картины. Однако поселений нет. Что дальше?

Йенс Лин задумчиво пожевал палец, затем поднял голову.

— Можно отправиться на западное побережье Норвегии. Там есть норвежские поселения, и некоторые места мало чем отличаются от берега Ньюфаундленда.

— А там есть индейцы, которых мы могли бы нанять для съемок боевых сцен? — спросил Барни.

— Нет, индейцев в Норвегии совсем нет.

— Тогда это нам не подходит. Давайте-ка спросим нашего местного эксперта. — Барни оглянулся вокруг и в дальнем углу столовой увидел Оттара, который поглощал огромную кучу дымящихся трилобитов. — Ну-ка, Йенс, потревожьте нашу кинозвезду. Скажите, что он успеет съесть второе и третье потом.

— Вам нужен Оттар? — послышалась тяжелая поступь, и викинг плюхнулся на скамейку.

— Что тебе известно о Винланде? — спросил его Барни.

— Ничего.

— Ты хочешь сказать, что никогда не слыхал о нем?

— Конечно, я слышал саги о Винланде, которые поют скальды, и разговаривал с Лейффом Эрикссоном о его путешествии. Но я никогда не видел Винланда и ничего о нем не знаю. Когда-нибудь отправлюсь в Исландию, оттуда в Винланд, сразу разбогатею.

— Что? Золото? Серебро?

— Дерево, — сказал Оттар, не скрывая презрения к тем, кто не знает таких простых вещей.

— Дерево для гренландских поселений, — объяснил Йенс Лин. — Там у них всегда страшная нужда в дереве, особенно в твердых сортах, для строительства кораблей. Груз такой древесины, доставленной в Гренландию, сделает владельца богатым человеком.

— Итак, вот вам ответ, — сказал Барни, поднимаясь из-за стола. — Как только мы закончим съемки на острове и заплатим Оттару, он отправится в Винланд. Мы сделаем прыжок во времени и встретим его на месте. Там мы снимем сцену прибытия, морские сцены для показа путешествия и сцену отплытия. Затем люди Оттара строят несколько хижин для своего поселения, мы платим бакшиш местному племени, они сжигают хижины викингов, и картина окончена.

— Хорошая мысль. В Винланде много дерева, — сказал Оттар.

Йенс Лин открыл было рот, чтобы протестовать, затем пожал плечами.

— Кто я такой, чтобы жаловаться? Если он такой дурак, что согласен на это, чтобы дать вам возможность закончить картину, зачем мне быть против? Правда, мне неизвестны саги о путешествии кого-то по имени Оттар в Винланд, однако, поскольку в последнее время выяснилось, что достоверность саг вообще находится под сомнением, я не думаю, что мне нужно протестовать.

— Пойду доем обед, — сказал Оттар.

Выйдя из столовой, Барни увидел, что его ожидает секретарша с охапкой папок.

— Я не хотела беспокоить вас во время еды, — объяснила она.

— Ну и напрасно. После того блюда, которое я только что съел, у меня никогда не наладится нормальное пищеварение. Ты знаешь, кто такие трилобиты?

— Конечно. Такие противные скользкие мокрицы, которых мы ловили на Санта-Каталине. Это страшно весело, их ловят ночью при свете фонаря, потом жаривают целиком и едят с пивом. Вы должны...

— Ничего я не должен. О чем ты хотела поговорить со мной?

— О табелях, особенно о регистрации уик-эндов. Видите ли, все, кто входит в съемочную группу, проводили уик-энды на Каталине, то есть все, кроме вас. За те пять недель, которые мы провели здесь, у вас не было ни одного выходного дня.

— Не беспокойся обо мне, Бетти, дорогуша. Я не собираюсь отдыхать, пока отснятая картина не будет лежать в коробке. Так в чем же дело?

— Некоторые любители подводного плавания хотели бы оставаться на Каталине не два дня, а четыре и потом работать субботу и воскресенье следующей недели. Мои табели рабочего времени и так находятся в ужасном беспорядке, а если это принять, можно окончательно запутаться. Что мне делать?

— Прогуляйся-ка со мной до дома Оттара, мне нужна тренировка. Пойдем вдоль берега.

Пока они спускались к берегу, Барни хранил молчание.

— Сделай вот что. Забудь про дни недели и считай только рабочие дни. Каждый, кто отработал пять дней подряд, следующие два дня может отдыхать. Если они хотят отдыхать че-

тыре дня, то должны отработать десять дней подряд, а с одиннадцатого по четырнадцатый день — выходные. Отметки об их рабочих днях будут у тебя в журнале и в табелях, ведь они отмечают их и здесь, и на Каталине. Поскольку два или четыре выходных дня означают всего лишь пятиминутное путешествие на машине времени, все работают ежедневно без выходных — для меня это главное. Давай-ка веди свой журнал так, как я тебе сказал, а я после возвращения утрясу этот вопрос с Л. М. и бухгалтерией.

Они уже почти дошли до мыса и залива рядом с хижинкой Оттара, когда сзади показался прыгавший по кочкам джип с непрерывно ревеющим клаксоном.

— А это что? — застонал Барни. — Неприятности, ясно как божий день. Никто не мчится ко мне сломя голову, чтобы сообщить хорошие новости. — Он остановился с несчастным видом, поджидая джип.

Сидевший за рулем Даллас умудрился затормозить, почти не осыпав их дождем гальки.

— В залив входит какой-то корабль! — выпалил Даллас. — Все отправились разыскивать вас.

— Ну вот, ты меня и нашел. Что же это — опять викинги-пираты, как и в прошлый раз?

— Все, что мне известно, я уже сказал, — ответил Даллас, с самодовольным видом жуя спичку.

— Значит, я был прав относительно неприятностей, — сказал Барни, влезая в джип. — Отправляйся обратно в лагерь, Бетти, не исключено, что произойдет еще один скандал.

Как только джип обогнул мыс, они увидели его. Подгоняемый попутным ветром, в залив входил большой корабль с широким парусом. Все киношники высыпали на холм за домом Оттара, а местные жители побежали к самой воде, размахивая руками и что-то крича.

— Опять бойня, — сказал Барни. — А вон и мой оператор, он готов запечатлеть самые кровавые сцены на цветной пленке. Пошли вниз и попробуем на этот раз не допустить убийства.

Джино установил свою камеру на самом берегу в таком месте, откуда можно было снимать как встречающих, так и прибывающий корабль. На этот раз, когда корабль подошел поближе, стало очевидным, что дела обстоят гораздо лучше — норвежцы смеялись и махали руками, у них не было оружия. Оттар прибежал на берег, как только ему сообщили о прибли-

жающемся корабле, и стоял по колено в воде, громко крича. Когда незнакомцы приблизились к берегу, большой парус был приспущен, и корабль, двигаясь по инерции, врезался носом в берег и замер. Высокий викинг с огромной рыжей бородой, стоявший у рулевого весла, прыгнул с борта в волны прибоя и подбежал к Оттару. Оба великана что-то прокричали в знак приветствия и крепко обнялись.

— Объятия крупным планом! — крикнул Барни Джино. — И мне не придется спрашивать разрешения на то, чтобы включить эту сцену в фильм или платить действующим лицам хотя бы один цент, — добавил он со счастливой улыбкой, наблюдая за сценой на берегу.

Теперь, когда стало ясно, что кровопролития не ожидается, киношники начали спускаться на берег. Слуги выкатили бочонки с элем. Барни подошел к Йенсу Лину, который наблюдал за тем, как Оттар и вновь прибывший с радостными криками хлопали друг друга по бицепсам.

— О чем они говорят? — поинтересовался Барни.

— Они старые друзья и говорят друг другу, как приятно снова встретиться.

— Это и так ясно. Кто этот рыжебородый?

— Оттар зовет его Торхалл, так что это, наверно, Торхалл Гамлиссон из Исландии. Они с Оттаром не раз совершали вместе набеги, и Оттар всегда очень тепло отзывался о нем.

— А о чем они кричат сейчас?

— Торхалл говорит, он очень рад, что Оттар решил купить его корабль, так как он, Торхалл, собирается вернуться в Норвегию и мог бы воспользоваться для этого ладьей Оттара. Теперь он спрашивает о второй половине денег.

Нахмурившись, Оттар бросил резкое слово.

— Я знаю это и без перевода, — сказал Барни. — Мы пробовали здесь достаточно долго, чтобы усвоить по крайней мере это словосочетание.

Теперь крики заметно усилились, и в голосах викингов слышались неприятные нотки.

— Оттар полагает, что у Торхалла в голове злые духи, потому что он никогда не покупал никаких кораблей. Торхалл говорит, что два месяца назад, когда Оттар приехал к нему в Исландию, пользовался его гостеприимством и купил его корабль, он пел совсем другим голосом. Оттар не сомневается теперь, что Торхаллом владеют злые духи, потому что он не покидал этот остров в течение года, и предлагает проделать в

голове Торхалла дыру, чтобы выпустить злых духов. Торхалл отвечает, что, как только он доберется до своего топора, выяснится, в чьей голове будет проделана дыра...

Барни хлопнул себя по лбу и покинул позицию наблюдателя, которую занимал, пока тяжеловесы обменивались взглядами ненависти и готовились к смертоубийственному матчу.

— Стойте! — закричал он, но викинги не обратили на него ни малейшего внимания. Барни испытал свои силы в старонорвежском: — *Nemit staoar!*¹ — Но по-прежнему безрезультатно. — Стреляй в воздух! — крикнул Барни Далласу. — Необходимо остановить их, пока не поздно.

Даллас выстрелил в гальку, и раздробленные осколки с визгом полетели в воду. Викинги повернулись, на мгновение забыв о своих расправах. Барни поспешил к ним.

— Оттар, послушай меня. Мне кажется, я знаю, в чем дело.

— Я тоже знаю, — прошипел Оттар, сжимая кулаки. — Никто не смеет называть Оттара...

— Все это не так плохо, как тебе кажется, просто у нас разные точки зрения. — Барни потянул Оттара за рукав. Викинг даже не шелохнулся. — Док, отведи Торхалла в дом и поставь ему пару пива, а я пока поговорю с Оттаром.

Даллас еще несколько раз выстрелил в гальку для поддержания разговора. Наконец им удалось разнять противников, и Торхалл поспешил в хижину за обещанной выпивкой.

— Послушай, Оттар, ты мог бы отправиться в Винланд на своей ладье? — спросил Барни.

Оттар, все еще разъяренный, заморгал и помотал головой, не понимая вопроса.

— Ладья? При чем здесь моя ладья? — сказал он наконец.

Барни терпеливо повторил свой вопрос, и Оттар покачал головой, категорически отвергая подобный план.

— Глупый вопрос, — сказал он. — Ладья для набегов по рекам, вдоль берегов. Не годится для открытого моря. Для океанских путешествий нужен кнорр. Вот он — кнорр.

Теперь, когда Барни обратил на корабль свое внимание, он явственно увидел различие между ними. Если ладья с драконом на носу была длинной и узкой, то кнорр был широким судном с высокими бортами длиной по крайней мере сто фу-

¹ Стойте! (*старонорв.*)

тов. Кнорр Торхалла казался кораблем, надежным во всех отношениях.

— Ты мог бы отправиться в Винланд на этом корабле? — спросил Барни.

— Конечно, — ответил Оттар, глядя в сторону Торхалла и сжимая кулаки.

— Тогда купи его у Торхалла.

— И ты тоже! — рявкнул Оттар.

— Подожди одну минутку, послушай меня. Если я подкину тебе часть денег, ты сможешь купить этот корабль?

— Он стоит кучу марок.

— Ничего не поделаешь, быть яхтсменом — дорогое удовольствие. Так ты сможешь купить его?

— Может быть.

— Тогда договорились. Если он говорит, что ты купил корабль два месяца назад, значит, так оно и было... Не бей меня! Я дам тебе денег, профессор перебросит тебя в Исландию для совершения сделки, и все будет о'кей!

— О чем ты говоришь?

Барни повернулся к Йенсу Лину, который внимательно слушал их разговор.

— Улавливаешь, Йенс, не правда ли? Сегодня утром мы договорились, что Оттар отправится в Винланд. Он сказал мне, что для этого путешествия ему нужен другой корабль. Торхалл утверждает, что Оттар приехал к нему и купил вот этот корабль два месяца назад. Очевидно, так оно и было. Так что давайте быстренько провернем это дело, пока положение не осложнилось. Возьми с собой Далласа и объясни все профессору. Лучше всего вам взять моторный катер. Отправляйтесь со всей компанией в Исландию — Исландию два месяца назад, — купите корабль, договоритесь, чтобы он был доставлен сюда сегодня, затем возвращайтесь. Это должно занять не более получаса. Возьми у кассира несколько марок, чтобы было чем заплатить за корабль. И не забудьте поговорить с Торхаллом перед отъездом и выяснить, сколько заплатил ему Оттар, чтобы ты мог вручить ему требуемую сумму.

— То, что вы говорите, — парадокс, — сказал Йенс. — Я не думаю, что это осуществимо...

— Для меня неважно, что ты думаешь. Ты получаешь жалование и делай, что тебе говорят. А я пока умаслю Торхалла, чтобы он к вашему возвращению был в хорошем настроении.

Джип уехал, и Барни отправился в хижину, чтобы оживить угасавшую пьянку. Норвежцы разделились на две группы, вновь прибывшие держались подле своего вождя. Группы обменивались мрачными взглядами и почти не пили. Вошел Джино с бутылкой, которую он извлек из чехла для телеобъектива.

— Хочешь попробовать, Барни? — спросил он. — Это настоящая граппа из старой Италии. Я не могу пить здешний самогон.

— А твой ничем не лучше, — ответил Барни. — Попробуй предложить Торхаллу, может быть, ему понравится.

Джино вытащил пробку и сделал огромный глоток, затем протянул бутылку Торхаллу.

— Drekk! — предложил он на приличном старонорвежском. — *Ok verio velkomnir til Orkneyja!*¹

Рыжебородый викинг взял бутылку, глотнул, закашлялся, внимательно посмотрел на бутылку, потом выпил еще.

Прошло не менее получаса, прежде чем джип вернулся, но этого времени оказалось достаточно, чтобы пьянка пошла вовсю. Пиво текло рекой, граппу почти всю прикончили. Когда в хижину вошел Оттар, атмосфера резко изменилась. Торхалл быстро встал и прислонился спиной к стене, но Оттар, сияя широкой улыбкой, направился прямо к нему. Он хлопнул Торхалла по плечу, через мгновение вражда была забыта, напряжение исчезло, и празднование пошло своим чередом.

— Ну, как дела? — спросил Барни у Йенса Лина, который выбрался из джипа с гораздо большей осторожностью, чем Оттар.

За несколько минут отсутствия у него выросла трехдневная борода и под налитыми кровью глазами появились огромные черные круги.

— Мы легко отыскали Торхалла, — начал он хриплым голосом, — нам оказали самый восторженный прием, и мы купили корабль без всяких трудностей. Но мы не могли уехать, не спрыснув сделку, пир продолжался день и ночь, так что прошло больше двух суток, прежде чем Оттар заснул на столе и нам удалось унести его в джип. Посмотрите только на него — снова пьет! И как только ему это удастся? — Йенс содрогнулся.

¹ Выпей! И добро пожаловать на Оркнейские острова!

— Простая жизнь и масса свежего воздуха, — объяснил Барни.

Крики и счастливые возгласы викингов становились все громче, и Оттар не выказывал признаков усталости, попав опять на пир.

— Похоже, что наш ведущий актер вместе со статистами не примется сегодня за работу, так что давайте соберемся и обсудим план съемок в Винланде и на борту этого корабля — как там его называют?

— Кнорр. Именительный — кнорр, родительный — кнорра, далее...

— Стоп! Я же не учу тебя, как снимать фильм. Итак, пойдем посмотрим этот кнорр — он выглядит достаточно устойчивым, чтобы на нем можно было поставить камеру, — и определим, в скольких сценах мы сможем его использовать. Потом нам нужно составить планы встречи в Винланде, причем нужно будет как-то следить и за кораблем. Масса работы. Мы уже перевалили вершину и движемся сейчас под гору — если ничего не случится.

Над головой раздался пронзительный крик чайки, Барни быстро протянул руку и постучал пальцами по мореному дереву кнорра.

Глава 12

— Я убью тебя как бешеную собаку, не смей плескать воду мне в лицо! — яростно заревел Оттар.

— Стоп! — сказал Барни, потом спустился на палубу и вручил Оттару полотенце. — Тебе нужно сказать: «Прочь от паруса — я убью первого, кто осмелится коснуться его! Поднять все паруса! Говорят вам, я чую землю. Не впадайте в отчаяние!» Вот что тебе нужно сказать. Здесь нет ни слова о воде, Оттар.

— Он нарочно плеснул водой мне в лицо! — сердито сказал Оттар.

— Конечно! Ведь ты находишься в открытом море, за много миль от берега, среди штормовых волн, которые то и дело обдают тебя брызгами. На море так всегда бывает. Но ты же не сердишься на океан и не проклинаешь его всякий раз, когда тебя окатывает волной?

— Так то в открытом море, а не на суше перед самым моим домом!

Не было смысла снова пускаться в объяснения о том, что они снимают картину, и что картина должна казаться настоящей, и что актеры должны считать, будто все это происходит в действительности. Барни пускался в объяснения уже не меньше сорока раз. Картины не имели никакой цены в глазах этого образчика скандинавской мужественности. А что имело для него цену? Еда, питье, простые удовольствия. И гордость.

— Меня удивляет, что такая чепуха, как брызги воды, беспокоят тебя, Оттар, — сказал Барни, затем повернулся к подручному. — Ну-ка, Эдди, набери ведро воды и плесни мне прямо в морду.

— Как прикажете, мистер Хендриксон.

Эдди размахнулся и выплеснул ведро холодной воды в поток воздуха от мощного вентилятора. Холодные брызги окатили Барни с головы до ног.

— Великолепно, — сказал он, изо всех сил пытаясь удерживать дрожь. — Здорово освежает. Водяные брызги в лицо ничуть не беспокоят меня.

Лицо Барни исказилось в чудовищной гримасе, потому что сентябрьские вечера на Оркнейских островах и так были холодными, а теперь поток воздуха от вентилятора словно ножом прорезал мокрую одежду.

— Швырни воду на меня! — распорядился Оттар. — Я покажу, что не боюсь воды.

— Одну минуту — и помни о том, что ты сказал.

Барни вышел из поля зрения камеры, и в этот момент его окликнули.

— Лента на заднем проекторе почти кончилась, мистер Хендриксон.

— Тогда перемотай ее, и побыстрее, а не то придется здесь заночевать.

Штормовое море исчезло с экрана за спиной Оттара, и группа перевела дух. Рабочие, стоявшие на платформе рядом с кнорром, включили электрическую помпу, чтобы наполнить бочку морской водой. Оттар стоял на палубе один, держась за рулевое весло вытянутого на берег корабля, и сердито смотрел вокруг. Ослепительный свет прожекторов освещал кнорр и кусок берега позади, все остальное было окутано тьмой.

— Дай-ка мне сигарету, — попросил Барни свою секретаршу. — Мои подмокли.

— Готово, можно начинать, мистер Хендриксон.

— Отлично. Занять позиции. Камера!

Двое рабочих из всех сил навалились на длинные рычаги, раскачивавшие кусок деревянной палубы, на которой стоял Оттар.

— Поехали!

Сомкнув челюсти, Оттар взглянул в лицо шторму, удерживая рулевое весло, которое рабочий, скрытый за кораблем, старался вырвать из рук викинга.

— Прочь от паруса! — заревел Оттар. — Клянусь Тором, я убью любого, кто коснется паруса. — Брызги плеснули ему в лицо, но Оттар засмеялся холодным смехом. — Я не обращаю внимания на воду — я люблю воду! Поднять все паруса — я чую землю! Не теряйте надежды!

— Стоп! — приказал Барни.

— Он великий путаник, — сказал Чарли Чанг. — В моем сценарии написано не совсем так.

— Пусть остается все как есть, Чарли. Всякий раз, когда он держится так близко к тексту, как сейчас, будем считать это попаданием в яблочко. — Барни повысил голос: — О'кей, на сегодня все. Подъем в семь тридцать утра, мы должны успеть захватить рассвет. Йенс, Эмори, перед тем как уходить, подойдите ко мне.

Они стояли на шкафуте рядом с мачтой, и Барни топнул каблуком по палубе.

— Вы уверены, что эта посуда действительно доберется до Северной Америки?

— Без сомнения, — сказал Йенс Лин. — Эти норвежские кнорры были быстроходнее и обладали лучшей мореходностью, чем каравеллы Колумба или испанские и английские корабли, которые достигли Нового Света пятьсот лет спустя. История этих кораблей достоверно изложена.

— Вспомните, что недавно у нас появились основания сомневаться в достоверности некоторых из этих фактов.

— Но есть и другие доказательства. В тысяча девятьсот тридцать втором году сделали точную копию одного из таких кнорров, всего шестидесяти футов в длину, и этот корабль, повторив путь Колумба, пересек Атлантику чуть не в полтора раза быстрее его. Не все знают, насколько совершенными были эти корабли. К примеру, считают, что кнорры с их широкими, почти квадратными парусами могли идти только по

ветру. Но они могли — то есть могут идти — и против ветра, если он до пяти румбов.

— Я верю вам на слово. А откуда эта вонь?

— Груз, — лаконично ответил Йенс, указывая на тюки, надежно привязанные к палубе кожаными веревками. — В этих кораблях нет трюмов, поэтому весь груз находится на палубе.

— Что же это за груз — лимбургский сыр?

— Нет, в основном продукты, пища для скота, эль и тому подобное. А вонь исходит от кожаных покрышек, которые делают водонепроницаемыми, пропитав их тюленьим жиром, смолой и маслом.

— Очень остроумно. — Барни указал на темное отверстие позади мачты. — А что случилось с ручной помпой, которую мы договорились установить на корабле? Он должен добраться до Винланда, иначе мы не снимем картины. Я хочу, чтобы были приняты все меры предосторожности. Эмори сказал, что помпа будет полезным новшеством. Где же она?

— Оттар отказался от помпы, — объяснил Йенс. — Он отнесся к ней с большим сомнением — боится, что помпа сломается и они не смогут ее починить. У них своя система: один человек стоит в трюме и ведром вычерпывает воду со дна корабля, а второй выливает ее за борт с помощью вот этого деревянного коромысла. Может быть, такая система кажется примитивной, зато действует безотказно.

— Конечно, пока у них хватает ведер и людей, а я уверен, что в этом недостатка не будет. О'кей, я покупаю все. Еще не хватало, чтобы я учил Оттара его профессии. Просто я хочу быть уверенным, что он благополучно доберется до Винланда. А как насчет этого навигационного приспособления, Эмори?

— Все в порядке, я установил его внутри корпуса, так что они не смогут добраться до него, и вывел на палубу очень простой репитер — по нему рулевой будет вести корабль.

— Он будет работать?

— Не вижу, почему нет. Викинги очень неплохие мореплаватели. Правда, обычно их морские переходы очень короткие, так что они прокладывают курс от одной точки на берегу к другой. Но они знакомы с океанскими течениями, разбираются в привычках морских птиц и полагаются на то, что птицы приведут их к земле. Кроме того, они довольно точно умеют определять широту по высоте Полярной звезды над горизонтом. Поэтому помощь, которую мы им хотим оказать,

должна вписываться в применяемую ими систему и дополнять ее; с другой стороны, если наше приспособление выйдет из строя, это не должно привести к трагедии. Конечно, проще всего было бы установить обыкновенный магнитный компас, но он будет казаться им слишком необычным да к тому же магнитный компас весьма ненадежен в этих высоких широтах, где масса магнитных аномалий и так велико расхождение между географическим полюсом и магнитным.

— Вот почему ты этого не сделал. А что же ты сделал?

— Поместил внутрь корпуса гирокомпас с запасом питания в виде новых никадовых батарей. Мы включим гирокомпас в момент отплытия, и батареи хватит по крайней мере на месяц. Гирокомпас — последней модели, микросхема, непрецизионный, в армии их применяют на ракетах. А вот здесь, прямо перед рулевым, находится репитер компаса.

Барни посмотрел сквозь толстое стекло циферблата и отчетливо увидел белую стрелку на черном фоне. В сущности, это был даже не циферблат — на черном круге была нанесена всего одна большая белая точка.

— Я надеюсь, что Оттар оценит эту штуковину быстрее, чем я, — сказал он.

— Он ее и так оценил, — ответил Эмори. — Правда, он полон энтузиазма. Может быть, если я нарисую карту, вы лучше поймете мои объяснения.

Эмори взял ручку и блокнот и быстро сделал простой набросок.

— Пунктирная линия — это шестьдесят градусов северной широты, причем обратите внимание на то, что она параллельна курсу, по которому должен плыть Оттар, чтобы достичь мыса Фэруэлл на южной оконечности Гренландии. Следуя на запад, он легко может проверять свою широту по высоте Полярной звезды. Мы устанавливаем гирокомпас так, что он все время показывает на мыс Фэруэлл. Когда стрелка указателя касается белой точки — точка и стрелка покрыты люминесцентным составом и светятся ночью, — корабль плывет в требуемом направлении. По этому гирокомпасу Оттар приплывет прямо к южной оконечности Гренландии.

— Там они предполагают провести зиму у родственников Оттара. Пока все хорошо, но что случится весной, когда они отправятся дальше? Этот курс в шестьдесят градусов приведет их прямо в Гудзонов залив.

— Нам придется переставить гирокомпас, — сказал Эмо-

ри. — Оттар будет ждать нас, мы приедем и поставим ему новые батареи, затем направим гирокомпас вот сюда, в пролив Белле-Айл. К этому времени он уже будет верить инструменту и последует по указанному им курсу, хотя на этот раз курс не будет параллелен широте. Тем не менее Восточное Гренландское течение направлено в ту же сторону, а он с ним знаком. Он сумеет без труда достигнуть берега или Лабрадора, или Ньюфаундленда.

— Ну хорошо, Оттар сумеет отыскать Винланд, — сказал Барни. — А как мы его отыщем?

— Рядом с батареями вмонтирован радиоответчик. Получив сигнал нашего радио, он автоматически пошлет ответ. Тогда нам будет нетрудно отыскать корабль с помощью простого радиопеленгатора.

— Звучит довольно убедительно. Будем надеяться, что это соответствует действительности. — Барни окинул взглядом низкую палубу и тонкую мачту. — Я бы не осмелился переправиться на этой штуке даже через залив, но ведь я не викинг. Итак, завтра отплытие. Мы закончили все съемки на острове. Завтра утром спускайте корабль на воду, погоняем его несколько раз в гавань и из гавани, сделаем съемки с берега и с борта корабля. А потом выпустим нашего голубя, пусть летит. Смотри, Эмори, вдруг твои приспособления не работают? Тогда нам придется остаться в Винланде и вести домашнее хозяйство вместе с индейцами. Если я не доставлю обратно готовую картину, нам просто нет смысла возвращаться.

Джино поднял голову из-за камеры и сказал:

— Пусть начинают, я готов.

Барни повернулся к Оттару, который стоял, небрежно опершись на рулевое весло.

— Ну-ка, дай команду.

Усталые матросы что-то мрачно пробормотали себе под нос и снова навалились на деревянные рукоятки шпиля. Они поднимали и опускали парус и плавали взад и вперед по заливу с самого рассвета, пока Джино снимал корабль в разных ракурсах. По мере того как вращался барабан шпиля, смазанная жиром веревка из моржовой шкуры с шипеньем поползла через дыру к вершине мачты, поднимая тяжеленный холщовый парус, который еще более утяжеляли полосы из тюленьей кожи, нашитые на него для придания формы. Джино направил объектив на парус, снимая его подъем.

— Уже поздно, — сказал Оттар. — Если мы отплываем сегодня, нужно делать это поскорее.

— Мы уже почти закончили, — успокоил его Барни. — Я только хочу снять корабль, когда он выходит из залива, и на этом закончим.

— Ты же снимал эту сцену сегодня утром, ты сам сказал, что корабль отплывает в рассвет.

— Это было с берега. А теперь я хочу, чтобы ты и Слайти встали рядом у рулевого весла в момент отплытия от родного берега в неизвестное...

— На моем корабле женщина не может стоять у рулевого весла.

— Она не будет управлять кораблем, просто встанет рядом, может быть, возьмет тебя за руку. Я не прошу у тебя слишком многого.

Когда парус достиг вершины мачты, Оттар стал отдавать распоряжения. Трос, на котором поднимался парус, был снят с барабана шпиля и закреплен намертво, а на его место помещена веревка от якоря. Усилиями матросов, которые Джино запечатлел на пленке, якорь начал подниматься со дна залива. Якорь — килик — представлял собой огромный камень, обшитый деревянными брусьями и обросший водорослями. Корабль начал набирать скорость, ветер наполнил парус, и Барни вернулся к съемкам.

— Слайти! — позвал он. — На сцену, и побыстрее.

Было совсем не просто перейти с носа на корму кнорра, когда корабль был полностью загружен. Поскольку кнорр был без трюмов и всего лишь с двумя крошечными каютами, на палубе находился не только весь груз, но там же сидели и лежали более сорока человек, шесть низкорослых коров и связанный бык, стадо овец и два козла, стоявшие на верху тюков. Крики, меканье и мычание наполняли воздух. Тем не менее Слайти сумела преодолеть все препятствия, и Барни помог ей вскарабкаться на крошечное возвышение у рулевого весла. На Слайти было белое платье с глубоким декольте, и выглядела она очень привлекательно с распущенными белокурыми волосами и щеками, розовыми от ветра.

— Встань рядом с Оттаром, — сказал ей Барни, затем быстро удалился из поля зрения съемочной камеры. — Начали!

— Их затылки — великолепный кадр, — прокомментировал Джино.

— Оттар! — крикнул Барни. — Ради Тора, повернись к нам. Ты смотришь не в ту сторону!

— Нет, я смотрю как раз в нужную сторону, — упрямо ответил Оттар, сжимая в руках длинное рулевое весло и сурово глядя назад на исчезающую землю. — Когда покидаешь сушу, нужно всегда смотреть на нее, чтобы взять верное направление. Так всегда делается.

После продолжительных уговоров, лести и подкупа Барни удалось уговорить Оттара встать так, чтобы он мог править, глядя через плечо. Слайти стояла рядом с ним, положив руку на борт рядом с рукой викинга, и Джино удалось отснять вид удаляющегося берега.

— Стоп! — скомандовал наконец Барни, и Оттар с облегчением занял правильное положение.

— Я спущу вас на берег у мыса, — сказал Оттар.

— Отлично, — ответил Барни. — А я свяжусь по радио с лагерем и вызову грузовик.

Самым трудным при высадке была выгрузка камеры, и Барни оставался на борту до тех пор, пока камеру не переправили на берег в целости и сохранности.

— Ну, Оттар, увидимся в Винланде, — сказал он, протягивая руку. — Доброго тебе пути.

— Конечно, — ответил викинг, сжимая своей ручищей руку американца. — Отыщи для меня место получше. Вода, трава для скота, много деревьев.

— Постараюсь, — сказал Барни, тряся рукой: он пытался восстановить кровообращение в своих побелевших пальцах.

Викинги не теряли времени. Как только Барни спустился на берег, Оттар приказал закрепить бейтас — парус. Длинное бревно одним концом вошло в специальное отверстие в палубе, а другой его конец уперся в верхний край паруса, развернув его к ветру. Корабль в последний раз отошел от берега и направился в открытое море. Крики людей и рев животных скоро утихли вдали.

— Только бы они добрались до Винланда, — сказал Барни вполголоса. — Только бы они добрались. — Он резко повернулся и вскарабкался на грузовик. — Быстро доставь меня к профессору, жми на третьей скорости, — сказал он шоферу.

Он мог избавиться от своих страхов, немедленно выяснив, сумел ли корабль благополучно достичь Исландии. Машина времени не могла решить его трудностей, но она могла сократить период бесплодного и томительного ожидания.

Когда они подъехали к лагерю, там царила суматоха. Платки свертывали и укладывали на грузовики вместе с остальным имуществом: съемочная группа готовилась к переезду на новое место. Однако Барни ничего этого не замечал; его пальцы нетерпеливо барабанили по боковому стеклу. Если корабль в пути постигнет неудача, все это будет ни к чему. Не успел еще грузовик затормозить у машины времени, как Барни уже выпрыгнул из кабины. Джип погрузили на платформу, и сидевшие в нем Текс и Йенс Лин следили за тем, как профессор заряжает аккумуляторы времееатрона.

— А где Даллас? — спросил Барни.

— Куда-то ушел.

— Мы можем отправиться и без него, — сказал Текс. — Необязательно ехать нам вдвоем. Ведь нам нужно только доставить Оттару запас виски на зиму, после того как мы узнаем, что он прибыл благополучно.

— Делай, что тебе говорят. Я хочу, чтобы на всякий случай туда отправились два человека. Мы не можем сейчас позволить себе срывов. Вот он идет — отправляйтесь.

Барни сделал шаг назад, и профессор включил темпоральное поле. Как всегда, с точки зрения наблюдателя, путешествие заняло лишь долю секунды. Платформа исчезла и вновь появилась в нескольких футах от Барни.

Впрочем, перемены были налицо. Профессор Хьюитт сидел в контрольной кабине, плотно закрыв дверь, а те, кто был в джипе, подняли брезентовый полог. Он был покрыт толстым слоем снега. Порыв снежного бурана вырвался из поля времееатрона, и снег покрыл траву вокруг платформы.

— Ну? — нетерпеливо спросил Барни. — Что случилось? Вылезайте из укрытия и докладывайте.

Даллас спустился с платформы и подошел к Барни по покрытой снегом траве.

— Эта мне Исландия, — проворчал он. — Ну и климат!

— Метеорология потом. Ну, как Оттар с кораблем?

— Все в порядке. Корабль вытащили зимовать на берег, и, когда мы отправлялись, Оттар и его дядя хлестали виски, которое мы им доставили. Мы поволновались — думали, что так и не найдем его, профессору пришлось четыре раза менять координаты. Оказалось, что он сделал остановку на Фаррерских островах. Между нами говоря, я не думаю, что Оттар добрался бы до Исландии, если бы его не подгоняла любовь к

спиртному. Ведь когда привыкаешь к очищенному спирту, домашний самогон перестает нравиться.

Барни с облегчением вздохнул; впервые за долгое время он почувствовал, что напряжение покидает его. Он даже выжал из себя слабую улыбку.

— Отлично. Теперь начнем перебрасывать группу, пока у нас здесь еще не стемнело.

Он вскарабкался на платформу, осторожно ступая по колее, проложенной джипом, чтобы не набрать снега в ботинки, и открыл дверь кабины.

— У ваших аккумуляторов хватит энергии для следующего прыжка?

— Когда мотор генератора работает, зарядка аккумулятора идет непрерывно. Это большое усовершенствование.

— Тогда перебросьте нас вперед во времени, в весну тысяча пятого года, и выберите на Ньюфаундленде местечко получше, в тех краях, которые вы осматривали с Лином, когда искали поселения викингов.

— Я как раз знаю такое прелестное местечко, — сказал профессор, перелистывая записную книжку. — Идеальное положение.

Он установил координаты и включил времееатрон.

Снова возникло уже знакомое ощущение временного прыжка, и платформа опустилась на скалистый берег. Волны бились о берег, казалось, над самой их головой, и брызги с шипением падали на снег. Над ними возвышалась мрачная громада утеса.

— Это что, прелестное местечко? — заорал Барни, пытаясь перекрычать грохот прибоя.

— Ошибочные координаты! — крикнул в ответ профессор. — Маленькая ошибка. Это не то место.

— Вы еще будете мне заливать! Давайте двигать отсюда, пока нас не смыло в море.

После второго прыжка машина времени мягко опустилась на зеленую лужайку на берегу небольшого залива. Чуть дальше полукругом выстроились высокие деревья, и через лужайку к морю бежал, извиваясь, журчащий ручей.

— Вот это другое дело, — заметил Барни, глядя, как члены его экипажа выбираются из джипа. — Где мы, Йенс?

Йенс Лин огляделся вокруг, вдохнул воздух полной грудью и улыбнулся.

— Я хорошо помню это место, оно было одним из первых. Прямо перед нами Эпавесский залив, выходящий в залив Сейкрид-Бей на северной оконечности Ньюфаундленда. А вот там пролив Белле-Айл. Мы разузнали все об этом месте потому, что...

— Отлично. Кажется, это то, что нужно. А ведь компас на корабле Отгара нацелен на этот пролив?

— Совершенно верно.

— Тогда здесь и остановимся. — Барни наклонился, зачерпнул с платформы пригоршню мокрого снега и начал делать снежок. — Это место возле устья ручья мы оставим для Отгара. А свой лагерь разобьем вон там, в верхнем правом углу лужайки. Здесь довольно ровно, постараемся, чтобы двадцатое столетие не попадало в поле съемочной камеры. Ну, за работу! Но сначала счистите снег. Я не хочу, чтобы кто-нибудь сломал ногу.

Даллас наклонился, чтобы завязать шнурок, и удержаться от искушения при виде такой цели было просто невозможно. Размахнувшись, Барни швырнул тугой комок прямо в центр тесных джинсов.

— Вперед, викинги! — сказал он со счастливой улыбкой. — Пошли заселять Винланд.

Часть III

Глава 13

Серый безмолвный мир нагонял уныние и тоску. Туман заглушил все звуки, слизнул все краски; океан перед путешественниками раскинулся, но не был виден до тех пор, пока набежавшая волна не разбилась пеной на песчаном пляже у самых их ног. Грузовик, стоявший в десяти футах, казался темным пятном в серой мгле.

— Попробуй еще разок, — сказал Барни, напрягая зрение и тщетно пытаясь проникнуть сквозь сырую завесу мглы.

Даллас, по случаю непогоды одетый в огромное черное пончо и широкополую стетсоновскую шляпу, поднял углекислотный баллон с сиреной и открыл клапан. Траурный рев сирены помчался над водой, отдаваясь в их ушах даже после того, как клапан был закрыт.

— Ты слышал? — внезапно спросил Барни.

Даллас наклонил голову и прислушался.

— Ничего, кроме шума волн.

— Я готов поклясться, что слышал плеск весел. Давай попробуем еще раз, по минуте. Слушай внимательно.

Сирена заревела снова. Барни поплелся к армейскому грузовику с брезентовым верхом и заглянул в кузов.

— Никаких изменений? — спросил он.

Эмори Блестэд, не отрываясь от радиопеленгатора, отрицательно покачал головой с надетыми на нее наушниками. Он медленно поворачивал рукоятку, вращающую антенну радиопеленгатора. Антенна повернулась в одну сторону, потом в другую. Эмори поднял глаза и постучал пальцем по указателю у основания антенны.

— Насколько я могу судить, корабль не движется, — сообщил он. — Пеленг не изменился. Наверно, они ждут, когда разойдется туман.

— На каком расстоянии от берега?

— Барни, имей совесть. Я тебе сто раз говорил, что с помощью этого прибора я могу определить направление, но не расстояние. Сила сигнала ответчика также ничего мне не го-

ворит — может быть, одна миля, а может, пятьдесят. Я могу сказать только одно: с того момента, когда мы впервые услышали сигнал три дня назад, уровень поднялся, так что они приблизились.

— Ну ладно, ты убедил меня. Значит, этого ты не можешь мне сказать. А что же ты можешь сказать?

— То же, что и раньше. Корабль отплыл из Гренландии восемнадцать дней назад. Я переставил гирокомпас и направил его на пролив Белле-Айл, заменил батареи, включил ответчик и проверил, как работают все приборы. Мы сами видели, как они отплыли.

— Вы с Лином говорили мне, что плавание займет всего четыре дня, — сказал Барни, нервно кусая ноготь.

— Мы сказали, что плавание может занять всего четыре дня, но, если погода ухудшится — изменится ветер или что-нибудь еще, — путешествие займет гораздо больше времени. Так оно и случилось. Но ведь мы услышали сигнал ответчика — значит, они благополучно пересекли океан.

— Это было два дня назад, а что ты сделал для меня после этого?

— Послушай, Барни, скажу тебе как старый друг: это путешествие во времени не сделало тебя спокойнее. Мы же собирались только отснять фильм, верно? Мы выполнили свой долг и даже перевыполнили — и никто не проронил ни слова жалобы. Давай полегче — и сам не мучайся, и людей не мучай.

— Да-да, ты прав, — ответил Барни. Больше чем когда-либо он был близок к тому, чтобы принести извинения. — Но ведь два дня — ты и сам скоро поймешь, как это много.

— Ты совершенно напрасно беспокоишься: сплошной туман, незнакомый берег, полный штиль — они просто не хотят рисковать. Им нет никакого смысла грести к берегу: они не знают, где он и что их там ожидает. Сейчас, судя по радиопеленгатору, мы находимся в самой ближней к ним точке суши и, как только туман поднимется, сможем указать им направление...

— Эй! — раздался с берега крик Далласа. — Я что-то слышу, вон там, вдалеке.

Барни сполз по песчаному откосу к кромке воды. Даллас стоял, приложив ладонь к уху, и внимательно прислушивался.

— Тише! — прошептал он. — Прислушайся. Вон там в ту-

мане. Клянусь, я слышал плеск воды, как будто от весел, и голоса.

Волна разбилась у их ног и медленно покатилась обратно. На мгновение наступила полная тишина, и стал отчетливо слышен плеск весел.

— Ты прав! — крикнул Барни, затем закричал еще громче: — Эй вы, там! Сюда!

Даллас тоже закричал, забыв о сирене, когда в туманной мгле показалось темное пятно.

— Это лодка, — сказал Даллас, — ее обычно держат на палубе.

Они кричали, махали руками. Внезапно порыв ветра разорвал туман, и стали видны лодка и те, кто в ней сидел.

Лодка была сделана из темных звериных шкур, трое сидящих в ней туземцев с длинными черными волосами были одеты в меховые парки с откинутыми капюшонами.

— Это не викинги, — сказал Даллас, размахивая правой рукой. — Кто это может...

Люди в лодке, заметив его движение, опустили круглые весла в воду, тормозя лодку, а тот, что был на носу, взмахнул рукой, и что-то просвистело в воздухе, направленное на Далласа.

— Они прикончили меня! — с этим криком Даллас упал на песок со стрелой, торчащей из груди.

Рядом с ним упала сирена, клапан открылся, и над водой раздался мрачный рев. Заслышав его, люди в лодке начали отчаянно грести в обратном направлении и через несколько секунд исчезли в тумане.

С того момента, как лодка появилась, и до того, как она исчезла, прошли буквально считанные секунды. Барни стоял, потрясенный происшедшим, оглушенный ревом, ничего не понимая. Сирена мешала ему сосредоточиться, и Барни пришлось наклониться и выключить ее, прежде чем он повернулся к Далласу, который лежал на песке и казался сраженным замертво.

— Выдерни эту штуку из меня, — внезапно сказал Даллас тихим голосом.

— Я поврежу что-нибудь... это тебя убьет... я не могу.

— Это не так страшно, как кажется. Однако постарайся выдернуть ее, а не запихнуть глубже.

Дрожащими руками Барни схватился за дротик, потянул, и дротик легко подался, но потом запутался в одежде Далласа, так что Барни пришлось упереться и дернуть изо всех сил.

Дротик остался у него в руках, вырвав огромный лоскут прорезиненной материи из пончо Далласа. Даллас тут же сел, поднял пончо и расстегнул куртку и рубаху.

— Ты только посмотри, — сказал он, показывая на красную царапину вдоль ребер. — Еще два дюйма вправо, и мне бы устроили вентиляцию. Когда я шевелился, этот крючок на наконечнике впивался мне в тело, и все казалось гораздо хуже, чем на самом деле.

Он осторожно потрогал пальцем острый зубец, отходящий в сторону от костяного наконечника.

— Что случилось? — крикнул Эмори, сбегая по песчаному склону. — Что это? Где лодка?

Даллас встал и заправил рубаху в брюки.

— Мы установили контакт с местным населением, — объяснил он. — Похоже, что индейцы, или эскимосы, или кто-то еще прибыл сюда до викингов.

— Ты ранен?

— Не смертельно. На этой стреле не было моего имени. — Он усмехнулся и внимательно осмотрел стрелу. — Хорошая резьба по кости и отличная балансировка.

— Все это мне не нравится, — сказал Барни, доставая из кармана подмокшую сигарету. — Разве у меня мало неприятностей и без этих индейцев? Остается только надеяться, что они еще не добрались до корабля викингов.

— А я надеюсь, что это произошло, — с наслаждением сказал Даллас. — Не думаю, чтобы они причинили Оттару много беспокойства.

— Я хотел вам сказать, — вставил Эмори, — что с холма, где стоит грузовик, видно, как поднимается туман и в просветах светит солнце.

— Давно пора, — сказал Барни, глубоко затягиваясь сигаретой, так что мокрый табак начал вспыхивать и трещать.

Как только солнце появилось на небе, оно быстро рассеяло туман. К тому же с запада подул ветер. Через полчаса туман совершенно исчез, и в миле от берега они увидели кнорр Оттара.

Барни едва сдержал улыбку.

— Посигналь-ка им этой штукой, — сказал он Далласу. — Они посмотрят в нашу сторону и быстро увидят грузовик.

Даллас открывал и закрывал клапан сирены до тех пор, пока она, пискнув, не замолчала совсем. Однако желаемый эффект был достигнут. Они отчетливо видели, как большой

парус стал уменьшаться, затем, после поворота, снова увеличился и у носа корабля появилась белая полоска пены. Никаких следов лодки из шкур не было видно. Казалось, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

В нескольких сотнях метров от берега кнорр повернулся и лег в дрейф, парус захлопал на ветру. Люди на борту кнорра размахивали руками и кричали что-то непонятное.

— Давай сюда! — крикнул Барни. — Давай к берегу! Почему они не пристают прямо к берегу?

— Надо думать, у них есть причины, — сказал Эмори. — Опасные подходы или что-нибудь еще.

— Как же тогда, они считают, я смогу добраться до корабля?

— Может быть, вплавь? — предложил Даллас.

— Шутник. Послушай, а может, послать тебя к ним в надувной лодке?

— Смотрите, — заметил Эмори, — у них на палубе еще одна лодка.

На палубе виднелась лодка, двадцатифутовая копия кнорра, однако викинги спускали на воду другую лодку.

— Это что-то знакомое, — пробормотал Даллас.

Прищурившись, Барни посмотрел на лодку.

— Ты совершенно прав. Она как две капли воды похожа на лодку, в которой приплывали краснокожие.

В прыгающую на волнах лодку спустились двое и начали грести к берегу. Оттар сидел на носу, приветственно размахивая веслом. Через несколько мгновений лодка уткнулась носом в песок.

— Добро пожаловать в Винланд, — сказал Барни. — Ну, как поплавали?

— Берег здесь никуда не годится, нет травы для животных, нет деревьев, — сказал Оттар. — Ты нашел хорошее место?

— Великолепное, дальше по берегу в нескольких милях, именно то, что ты просил. Ну как, были происшествия во время плавания?

— Ветер все время дул в другую сторону,плыли очень медленно. Полно плавающего льда и тюленей, и мы видели двух варваров. Они охотились за тюленями и попытались улизнуть, но мы стали их преследовать и, когда они бросили в нас дротики, убили их. Съели их тюленей. Взяли их лодку.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Мы только что встретили их родственников.

— Где это хорошее место, о котором ты говорил?

— Поплывешь вдоль берега, потом повернешь за мыс и

пройдешь мимо островов. Его нельзя не заметить. Да вот возьми с собой Эмори, он покажет тебе дорогу.

— Нет-нет, только не меня. — Эмори словно оттолкнулся от чего-то и попятился. — Как только посмотрю на лодку, меня уже тошнит. Стоит мне три минуты побыть в море, как мой желудок выворачивается наизнанку, и я прямо труп, да и только.

Даллас по солдатской привычке не любил вступать в неприятные разговоры.

Когда Барни повернулся к нему, он был уже на полпути к вершине холма.

— Я шофер, — объяснил Даллас, — я подожду вас в кабине.

— Вот вам служащие, преданные и верные, — холодно заметил Барни. — Я все понял, ребята, можете не повторять. О'кей, Эмори, скажи шоферу, пусть отправляется в лагерь. Мы постараемся добраться до корабля как можно быстрее, спустим людей Оттара на берег и, может быть, в недалеком будущем снова приступим к съемкам. Разбуди Джино, скажи, пусть он заберется на холм, на ту точку, которую мы с ним выбрали, и начинает съемки корабля, как только он появится в проливе. И позаботься о том, чтобы на месте высадки уничтожили отпечатки автомобильных шин.

— Все будет сделано, Барни. Я бы с удовольствием отправился вместо тебя, но я и море...

— Да-да, конечно. Отправляйтесь.

Влезая в лодку, Барни промочил ноги. Вода была настолько холодной, что ему стало казаться, будто у него ампутированы ноги ниже колен. Лодка — тюленьи шкуры, натянутые на деревянную раму, — качалась, угрожая перевернуться от малейшего движения, и прыгала по воде подобно огромному водяному жуку. Барни пришлось сесть на дно и схватиться руками за борта, чтобы удерживать равновесие. Когда им наконец удалось достигнуть кнорра, он никак не мог вылезти из качающейся лодки и перебраться через высокий борт корабля, пока чьи-то сильные руки не подхватили его под мышки и не втащили на палубу, как мешок с зерном.

— Nanany! Soustu handartokin!¹ — рявкнул Оттар, и его люди с веселыми криками начали разворачивать корабль, готовя его к последнему этапу плавания.

¹ А ну, за работу! Уже немного осталось! (старонорв.).

Барни предусмотрительно удалился на корму, чтобы его в спешке не помяли. Моряки поворачивали длинное бревно, прикрепленное к нижнему концу паруса, и под пронзительные крики женщин отшвыривали тяжелыми сапогами попадавших под ноги коз, которые шумно выражали свой протест. Переполненная палуба напоминала оживленный деревенский двор с испуганными домашними животными и разбросанными здесь и там кулями корма. Посреди всей этой суматохи одна из женщин, склонившись над деревянным ведром, доила корову. Когда корабль изменил направление и ветер донес до Барни запах парного молока, сходство стало казаться еще более разительным.

Наконец суматоха постепенно улеглась, и скот вернулся к своей кормежке. Попутный ветер не только надувал огромный парус, но и уносил с кормы на нос разнообразные запахи, так что воздух на корме был чистым и свежим. Форштевень с шипением врезался в длинные пологие валы Атлантического океана, и вдоль бортов корабля проносилась волна. Легкий, как пробка, кнорр был надежным и практичным судном, море было для него родной стихией.

— Кажется, хорошее место, — заметил Оттар, легким прикосновением руки выравнивая рулевое весло кнорра и указывая другой рукой на берег, где уже были видны деревья и пятна лужаек.

— Вот подождите, когда обогнем мыс, — сказал ему Барни, — там еще лучше.

Корабль проходил мимо группы островов, расположенных в устье залива. Животные почуяли землю, запах свежей травы и подняли шум. Бык со спутанными ногами, привязанный к палубе, потянул за веревку и заревел, женщины закричали от радости, а мужчины запели. Плавание подходило к концу, местечко и впрямь оказалось прекрасным. Когда перед ними открылся Эпавесский залив с высокими деревьями на холмах, которые поднимались навстречу небу, и ярко-зеленой весенней травой на лугу около ручья, даже Барни почувствовал волнение. Потом он заметил темное пятно на вершине холма — Джино со съемочной камерой, увидел джип на склоне и не высовывался до тех пор, пока не надел на голову рогатый шлем викингов, висевший недалеко от него. Только после этого он выпрямился и стал виден с берега.

Оттар вел свой корабль, не спуская паруса, прямо к устью ручья, и все, кто был на борту, кричали от возбуждения. На-

конец форштевень кнорра царапнул песчаное дно, корабль поднялся на волне и проплыл еще немного, снова коснулся дна и замер на месте. Забыв о все еще поднятом нижнем парусе, команда и пассажиры попрыгали в волны прибоя и, смеясь от радости, побрели по воде к берегу и лугу по обе стороны ручья. Оттар вырвал огромный пучок высокой, по колено, травы, понюхал ее, потом пожевал. Некоторые катались по земле, испытывая животное удовольствие от ощущения твердой земли после многих дней, проведенных на качающейся палубе корабля.

— Великолепно! — крикнул Барни. — То есть просто великолепно! Высадка в Винланде после долгих месяцев плаванья, первые поселенцы в новом мире. Поразительные кадры, подлинные исторические кадры! — Он пробрался между безумевшими животными на нос корабля и встал так, что оператор отчетливо видел его. Махнув рукой, он крикнул: — Достаточно, Джино! Спускайся сюда!

Голос его едва ли был слышен, однако жест был весьма выразителен. Джино вылез из-за камеры, махнул в ответ, затем принялся грузить камеру в джип. Еще через несколько минут джип, разбрасывая гальку, уже мчался по берегу. Барни спрыгнул с корабля в воду и побежал ему наперерез.

— Стой! — крикнул он Далласу, который вел машину. — Развернись и поезжай на другой берег, прямо против устья ручья. А ты, Джино, установи камеру на вершине и снимай вход корабля в залив, его приближение, людей, которые прыгают с палубы в воду и бегут прямо на камеру, обтекая ее слева и справа.

— Потрясающая сцена — как они спрыгивали с корабля, — сказал Джино. — Я буду готов через десять минут.

— Тебе потребуется больше, чтобы все это опять запечатлеть. Обожди! — окликнул он Далласа, который включил мотор и начал разворачивать джип. — Мне нужна твоя бутылка.

— Какая еще бутылка? — На лице Далласа отразилось искреннее недоумение.

— Бутылка, которую ты всегда таскаешь с собой. Ну ладно, нечего притворяться. Я всего лишь беру ее взаймы. Вечером ты получишь новую.

Трюкач с видимой неохотой извлек из-под сиденья бутылку виски с черной наклейкой, на четверть пустую.

— Так-так, — холодно заметил Барни. — Уже запустил лапу в частные владения.

— Это чистая случайность — мое виски кончилось. Я заплачу.

— А я-то думал, что, кроме меня, ни у кого нет ключа к ящику. И чему только люди не научатся в армии!.. Ну, за дело. — С этими словами он засунул бутылку во внутренний карман куртки и пошел обратно к Оттару, который стоял на коленях на берегу ручья и пил воду из пригоршни.

— Ну-ка, загони всех обратно на корабль, — сказал Барни. — Мы хотим опять снять высадку, на этот раз с близкого расстояния.

Оттар посмотрел на Барни и захлопал глазами, вытирая тыльной стороной руки воду, стекавшую с бороды.

— О чем ты говоришь, Барни? Все так счастливы, что они снова на берегу. Они не захотят вернуться.

— Захотят, если ты им прикажешь.

— Почему я должен приказывать? Это идиотская мысль.

— Ты прикажешь им, потому что ты снова на зарплате. А вот и аванс.

С этими словами он протянул бутылку Оттару, тот широко улыбнулся и поднес ее к губам. Пока викинг пил, Барни успешно справился со своей задачей.

Даже Оттару было нелегко вернуть людей на корабль. Наконец он потерял терпение, уложил одного из мужчин сильнейшим ударом в грудь и пинками повернул двух женщин в нужном направлении. После этого, несмотря на ворчание и жалобы, люди поднялись на палубу и разобрали весла. Дальше все было просто — усилия, которые потребовались для того, чтобы снять кнорр с мели, потушили остатки мятежа.

Как только камеру выгрузили на пригорок, Барни тут же послал джип обратно в лагерь. Еще до того, как корабль взял обратный курс и вновь поднял паруса, джип вернулся, нагруженный ящиками пива, коробками сыра и консервированной ветчины.

— Вывалите все это добро примерно в десяти ярдах позади камеры, причем сделайте кучу достаточно высокой, чтобы они могли видеть продукты издалека. Открой ветчину, пусть знают, что это такое. И дайте мне банку ветчины с бутылкой пива.

— Вон они идут! — крикнул Джино. — Великолепный кадр, совершенно потрясающий.

Полным ходом кнорр мчался по заливу, быстро приближаясь к камере, пока огромный парус не закрыл половину неба. В следующее мгновение нос кнорра врезался в устье ручья, подняв тучу брызг.

Барни, который не был уверен, что энтузиазма скандинавов хватит и на вторую высадку, решил не рисковать. Он поднял над головой ветчину с пивом и крикнул изо всех сил: «Oi! Svinajot, ol ok ostr!»¹

Это оказало мгновенное действие. После трех недель плавания, в котором единственной пищей были сухари и вяленая рыба, мореплаватели взревели от восторга. На этот раз энтузиазм был таким же, если не большим, чем во время первой высадки. Люди, сбивая друг друга с ног, мчались по пояс в воде к берегу и пробегали мимо камеры, чтобы дорваться до еды и питья.

— Стоп, — сказал Барни, — но пока не уходи. Как только они покончат с закуской, я хочу, чтобы они выгрузили домашний скот.

Подошел Оттар. В одной руке у него была наполовину опустошенная банка ветчины, в другой — бутылка.

— Подойдет это место для поселения? — спросил его Барни.

Оттар посмотрел вокруг и кивнул со счастливой улыбкой.

— Хорошая трава, хорошая вода. Полным-полно деревьев на берегу для топки. Полным-полно хорошей древесины вон там для рубки. Рыба, охота — хорошее место. Где Гудрид? Где все остальные?

— Выходной день, — сказал ему Барни, — все они на Санта-Каталине. Свободный день с сохранением жалованья, праздник, пикник, жарят мясо на кострах и так далее.

— Почему праздник?

— Потому что я щедрый и люблю, когда люди счастливы, а ведь до вашего прибытия мы не могли ничего делать. К тому же это сберегает деньги. Я три недели ждал вас всего с несколькими людьми. А остальные будут отсутствовать только один день.

— Хочу видеть Гудрид.

— Ты хочешь сказать — Слайти. Я полагаю, что она тоже будет рада увидеться с тобой.

¹ Пиво! Ветчина, пиво и сыр! (старонорв.)

— Прошло так много времени.

— Ты любитель примитивных наслаждений, Оттар. По крайней мере, сначала покончи со своей ветчиной и не забывай, что это исторический момент. Ты только что впервые ступил на землю нового мира.

— Ты чокнутый, Барни. Это тот же самый мир, только место называется Винланд. Похоже, что здесь хорошие деревья.

— Мне не забыть этих исторических слов, — произнес Барни.

Глава 14

— Что-то я сегодня неважно себя чувствую, — пожаловалась Слайти, расстегивая огромную позолоченную пряжку на своем поясе. — Должно быть, это воздух, или климат, или что-то вроде этого.

— Конечно, что-то вроде этого, — сказал Барни с полным отсутствием сочувствия. — Воздух. Конечно, это не может быть следствием вчерашней пирушки с викингами на берегу, где вы жарили на кострах моллюсков и устриц и выпили шесть ящиков пива.

Слайти промолчала, однако ее обычно свежая розовая кожа внезапно приобрела зеленоватый оттенок. Барни вытряхнул еще две таблетки в пригоршню, уже почти полную, и протянул ей.

— Вот, проглоти эти пилюли, а я сейчас принесу тебе стакан воды.

— Так много? — еле слышно запротестовала Слайти. — Я не проглочу их.

— Постарайся, ведь нам предстоит целый день съемок. Эти пилюли — испытанное лекарство доктора Барни Хендриксона от похмелья и применяются на другое утро после праздника. Аспирин от головной боли, драмина от тошноты, бикарбонат от изжоги, бензедрин от подавленного настроения и два стаканчика воды для ликвидации обезвоживания организма. Действует безотказно.

Пока Слайти давилась таблетками, в дверь постучала секретарша Барни, и он велел ей войти.

— Ты выглядишь сегодня очень свеженькой, — заметил Барни.

— Я не перевариваю моллюсков, поэтому легла спать очень рано. У меня к вам несколько вопросов. — Она протя-

нула ему бумажку с вопросами и начала водить пальцем по списку. — Так, артисты — о'кей, дублеры — о'кей, операторы — о'кей, да, в бутафорском отделе хотят знать, нужна ли кровь на складном кинжале?

— Конечно, нужна! Мы снимаем настоящий исторический фильм, а не сказку для детского утренника. — Он встал и оправил куртку. — Пошли, Слайти.

— Я приду через минуту, — сказала она умирающим голосом.

— Десять минут — и ни секундой больше, ты снимаешься в первой сцене.

День был ясный, и солнце, уже поднявшись над горным хребтом за их спиной, освещало поселение, бросая длинные тени от земляных хижин и сараев, крытых древесной корой. Норвежские поселенцы уже начали свой рабочий день, и струйка синего дыма поднималась из дыры в крыше самой большой хижины.

— Надеюсь, что Оттар в лучшем состоянии, чем наша героиня, — сказал Барни, вглядываясь в водные просторы. — Посмотри, Бетти, вон там, слева от острова, — это камни или лодка?

— Я оставила свои очки в трейлере.

— Похоже, что это моторная лодка. Смотри, она приближается. Пора бы им уже и возвращаться. Пойдем-ка на берег.

Бетти пришлось почти бежать, чтобы не отстать от Барни, который широким шагом спускался по склону холма вниз к берегу. Теперь лодка была отчетливо видна, и они слышали стук мотора, разносящийся над заливом. Большинство киношников уже собрались около кнорра, и Джино устанавливал камеру.

— Кажется, исследователи возвращаются домой, — обратился он к Барни, указав на приближающуюся лодку.

— Сам вижу и сам позабочусь о них, так что пусть все остальные готовятся к съемкам. После того как я с ними поговорю, мы сразу же начнем снимать эту сцену.

Барни ждал приближения лодки, стоя у самой воды. Текс сидел у подвесного мотора, а Йенс Лин — на носу. У обоих отросли черные бороды и вид был весьма потрепанный.

— Ну? — спросил Барни, не дождавшись, когда лодка достигнет берега. — Что нового?

Лин грустно покачал головой.

— Ничего, — сказал он, — абсолютно ничего вдоль всего

берега. Мы ушли так далеко, как только позволили запасы бензина, и не встретили ни единой живой души.

— Но это совершенно невозможно! Я видел этих индейцев собственными глазами, а Оттар даже убил парочку. Они должны находиться где-то поблизости.

Йенс вылез на берег и потянулся.

— Мне хочется отыскать их ничуть не меньше, чем вам. Ведь это уникальные возможности для научных исследований. Конструкция их лодок и резьба на костяном наконечнике стрелы дают основание полагать, что эти индейцы принадлежат к почти неизвестной культуре Дорсетского мыса. Мы почти ничего не знаем об этом племени, всего лишь несколько отрывочных сведений получено при археологических раскопках и почерпнуто из скандинавских саг. И насколько нам известно, последние представители этой культуры исчезли в конце одиннадцатого столетия...

— Меня не столько интересуют уникальные возможности для ваших научных исследований, сколько уникальная возможность для меня закончить съемку этого фильма. Для картины нам нужны индейцы, где они?

— Нам удалось обнаружить несколько стоянок на берегу, однако все они покинуты. Дорсетское племя является кочевым, и индейцы большую часть времени странствуют, следуя за стадами тюленей и косяками трески. Я думаю, что в это время года они перекочевали дальше на север.

Напрягая все силы, Текс вытащил нос моторной лодки на берег, затем сел на борт.

— Конечно, не мне учить дока его делу, но все же...

— Мистика! — презрительно фыркнул Лин.

Текс откашлялся и сплюнул в воду. Было очевидно, что по этому вопросу они уже раньше не сошлись во мнениях.

— В чем дело? Выкладывайте! — приказал Барни.

Тот почесал черную щетину на подбородке и заговорил с неохотой:

— Понимаете, в общем-то док прав. Мы не видели никого и ничего, кроме следов старых лагерных стоянок и куч тюленьих костей. Однако я думаю, что индейцы были где-то рядом, неподалеку, и все время следили за нами. Грохот этой косилки слышен за пять миль. Если эти краснокожие — охотники на тюленей, как утверждает док, то они могут запросто спрятаться, услышав о нашем приближении, и мы ничего не найдем. Я думаю, что они так и делают.

— А удалось вам обнаружить какие-нибудь доказательства этой теории? — спросил Барни.

Сделав несчастное лицо, Текс заерзал на месте, затем нахмурился.

— Только я не хочу, чтобы надо мной смеялись, — задиристо сказал он.

Барни сразу вспомнил о заслугах Текса в качестве инструктора по рукопашной схватке.

— Вот уж что мне никогда не придет в голову, Текс, так это смеяться над тобой, — сказал он совершенно чистосердечно.

— Ну... так вот. Когда я воевал в Азии, мы испытывали такое чувство, будто за нами все время следят. И в пятидесяти процентах случаев так и было. Бах — выстрел снайпера. Мне знакомо это чувство. Так вот, когда мы высаживались на берег, меня охватывало это чувство. Клянусь богом, они где-то совсем рядом.

Барни поразмыслил, хрустнул пальцами.

— Да, пожалуй, ты прав, но я не вижу, как это может нам помочь. Поговорим об этом за ленчем, может быть, придумаем что-нибудь дельное. Нам необходимы эти индейцы.

Съемки первой сцены шли через пень-колоду, в чем, возможно, был виноват Барни. Он не мог заставить себя сосредоточиться. А ведь все должно было бы идти гладко, потому что в основном снимались действия. Орлуг, которого играл Вальде Карло, — лучший друг Тора и его правая рука, но он тайно влюблен в Гудрид, а та боится сказать об этом Тору, не желая причинять ему горе. Однако страсть Орлуга все растет, и, так как Гудрид сказала, что она не полюбит другого человека, пока жив Тор, он, ослепленный любовью к Гудрид, в приступе сумасшествия пытается убить Тора. Он прячется за кораблем и бросается на проходящего мимо Тора. Тот сначала не верит своим глазам, однако, когда Орлуг ранит его в руку, понимает, что происходит. Тогда, действуя лишь одной рукой, безоружный, Тор вступает в схватку с Орлугом и убивает его.

— Ну хорошо, — прохрипел наконец Барни, у которого начало истощаться терпение. — Мы опять сыграем эту сцену, и на этот раз мне бы очень хотелось, чтобы все прошло хорошо, вы помнили бы свои реплики и все остальное, потому что у нас подходит к концу кровь для кинжала и почти не осталось чистых рубашек. По местам, Орлуг, ты стоишь за кораблем, Тор идет с корабля вниз по берегу. Мотор!

Оттар затопал, проваливаясь в песок, и, когда из-за ко-
рабля выпрыгнул де Карло, даже сумел изобразить на лице
удивление.

— Это ты, Орлуг? — начал он деревянным голосом. — Что
ты здесь делаешь, что... Великий Один! Смотрите!

— Стоп! — крикнул Барни. — Этого нет в тексте, Оттар,
неужели ты не можешь запомнить несколько слов... — Вне-
запно он осекся, уставившись туда, куда показывал Оттар.

Из-за острова одна за другой выскальзывали маленькие
черные точки и беззвучно гребли по направлению к берегу.

— Мечи, топоры! — приказал Оттар и оглянулся вокруг в
поисках оружия.

— Подожди, Оттар! — остановил его Барни. — Не надо
оружия и не надо бойни. Постараемся установить с ними дру-
жеские отношения, может быть, станем торговать с ними. Не
забудь, что это мои потенциальные статисты, и я не хочу их
спугнуть. Текс, держи свой револьвер наготове, но не на виду.
Если они начнут драку, ты прекратишь ее...

— С удовольствием.

— ...но не вздумай сам начать, понятно? Это приказ. Жи-
но, ты снимаешь их?

— Полным ходом. Если ты распорядишься убрать со сце-
ны представителей двадцатого века, то я сниму подход, вы-
садку — словом, все.

— Вы слышали, что он сказал? Давайте-ка все в сторону,
быстро. Лин, быстро надевай одежду викинга. Пойдешь с ни-
ми на берег и будешь переводить.

— Как же я буду переводить? Ведь я не знаю ни единого
слова на их языке, да он и вообще неизвестен.

— Ничего, научись. Ты переводчик — стало быть, пере-
води. Нам понадобится белый флаг или что-то еще, чтобы
продемонстрировать наши мирные намерения.

— У нас есть белый щит, — сказал рабочий из бутафор-
ского отдела.

— Сойдет, дайте его Оттару.

Приблизившись к берегу, лодки замедлили ход. Всего их
было девять, и в каждой сидели по два или три человека. Вид у
них был настороженный, они сжимали в руках копья и корот-
кие луки, однако было не похоже, что они собираются на-
пасть. Несколько норвежских женщин подошли к берегу по-
смотреть, что происходит, и, казалось, их присутствие обод-

рило людей в лодках, потому что они подплыли ближе. К группе присоединился Йенс Лин, поспешно зашнуровывая кожаную куртку.

— Поговори с ними, — сказал Барни, — однако стой все время позади Оттара, чтобы казалось, что это он ведет все переговоры.

Дорсетские индейцы подплыли еще ближе, покачиваясь на волнах. Послышались громкие крики.

— Мы тратим на это массу пленки, — заметил Джино.

— Продолжай снимать, всегда можно вырезать то, что не нужно. Передвинься по берегу, чтобы занять позицию поудобнее, когда они высадутся, если они вообще высадутся. Нам нужно как-то привлечь их на берег, может быть, предложить что-нибудь в обмен.

— Ружья и водка, — сказал де Карло. — Вот в основном предметы обмена с индейцами во всех вестернах.

— Никакого оружия в обмен! Эти парни, очевидно, неплохо справляются с тем, что у них есть. — Барни оглянулся, пытаясь подстегнуть свое воображение, и увидел угол походной кухни, выступающий из-за дома Оттара, самого большого из земляных строений. — Пожалуй, это мысль, — пробормотал он и направился к кухне.

Прислонившись плечом к ее стенке, Клайд Роулстон писал что-то на клочке бумаги.

— А я думал, что ты вместе с Чарли занимаешься дополнительными диалогами, — сказал Барни.

— Я обнаружил, что работа над сценарием мешает моим стихам, поэтому решил снова заняться стряпней.

— Истинный художник. Что у тебя есть вкусенького?

— Кофе, чай, пирожки, бутерброды с сыром — все как обычно.

— Вряд ли краснокожие клонут на такой ассортимент. Что еще?

— Мороженое.

— Ага, вот это то что надо. Вывали-ка его в один из горшков викингов, я сейчас пришлю за ним кого-нибудь. Я уверен, что эти ребята такие же сладкоежки, как и все люди.

Мороженое оказало желаемое действие. Слайти вынесла галлон ванильного мороженого на берег, где уже стояли в воде индейцы, все еще опасаясь выйти на сушу, и, съев несколько ложек сама, начала поварешкой класть мороженое им прямо в сложенные ковшиком ладони. Трудно сказать, гормоны ли Слайти или мороженое сыграли тут свою роль, но уже че-

рез несколько минут индейцы вытащили кожаные лодки на берег и смешались со скандинавами. Барни остановился в том месте, где он не мешал съемкам, и внимательно всматривался в индейцев.

— Они больше похожи на эскимосов, чем на индейцев, — пробормотал он про себя. — Однако несколько перьев и боевая раскраска легко исправят все это.

Хотя у пришельцев были плоские лица и азиатские черты лица, типичные для эскимосов, это были крупные и крепкие люди, почти такие же высокие, как викинги. Под сшитыми из тюленьих шкур одеждами, расстегнутыми из-за жары, виднелась бронзовая кожа. Они говорили между собой быстро, высокими голосами и теперь, после высадки, казалось, забыли о своих недавних страхах и с огромным интересом разглядывали новые для них предметы. Самое большое впечатление на них произвел кнорр — такого они никогда не видели. Это было парусное судно, однако несравненно больших размеров.

Барни подозвал Йенса Лина.

— Ну, как дела? Они согласны работать для нас?

— Ты что, спятил? Мне кажется... Учти, что я в этом не уверен... мне кажется, я уже знаю два слова их языка. Унн-на означает, по-видимому, «да», а хенне — «нет».

— Продолжай в том же духе. Нам понадобятся все эти парни и много других для съемки боевых сцен нападения индейцев.

Теперь индейцы и викинги смешались. Вдоль всего берега первые демонстрировали вторым кипы тюленьих шкур, лежащих в лодках. Самые любопытные из пришельцев отправились посмотреть на дома, внимательно разглядывая все, что им попадалось, и взволнованно обмениваясь мнениями друг с другом. Один из индейцев, все еще сжимавший в руке дротик с каменным наконечником, заметил Джино, подошел к нему и заглянул в объектив камеры, дав тем самым оператору великолепный крупный план. Но тут послышался рев, а за ним — пронзительные крики.

Болотистый дуг, граничивший с лесом, пересекла корова, за ней бежал бык, который, несмотря на свои небольшие размеры, был злым и опасным животным, казавшимся еще более злым из-за того, что слегка косил. Обычно он бродил по лагерью свободно, и его не раз прогоняли от трейлеров съемочной группы. Он потряс головой и снова заревел.

— Оттар, — закричал Барни, — быстро прогони эту скотину, а то он напугает индейцев!

Бык не просто напугал дорсетских индейцев, он вселил в них безотчетный ужас. Они никогда раньше не видели такого ревущего и храпящего страшили и теперь оцепенели от страха. Оттар схватил длинную жердь, валявшуюся на берегу, и, крича, кинулся на быка. Бык посмотрел на бегущего викинга, ковырнул землю копытом и, выставив рога, перешел в атаку. Оттар сделал шаг в сторону, обозвал быка нехорошим скандинавским словом и с размаху прошелся жердью по его бокам.

Однако это не возымело ожидаемого действия. Вместо того, чтобы развернуться и снова напасть на своего мучителя, бык заревел и бросился к дорсетским индейцам, явно сочтя их темные незнакомые фигуры причиной царящей в лагере суматохи. Индейцы закричали и обратились в бегство.

Паника оказалась заразной, и кто-то крикнул, что варвары перешли в атаку. Викинги тут же схватились за оружие. Двое до смерти перепуганных индейцев оказались отрезанными от берега и кинулись к дому Оттара, пытаясь выломать дверь, но она была заперта. Оттар бросился на защиту своего жилища, и, когда один из индейцев обернулся к нему с поднятым копьём, викинг нанес ему сокрушительный удар жердью по голове. Жердь переломилась пополам, проломив в то же время череп несчастного индейца.

За каких-то шестьдесят секунд все было кончено. Бык, причина всей паники, промчался через ручей и теперь мирно пасся на другом берегу. Лодки из шкур, подгоняемые бешеными рывками, мчались в открытое море. Здесь и там, на берегу, темнели тюки с тюленьими шкурами, забытые индейцами. Одному из норвежских слуг стрела вонзилась в руку, а двое дорсетских индейцев, включая и того, что пал жертвой Оттара, были мертвы.

— Мадонна миа! — Джино выпрямился, отошел от камеры и вытер рукавом потный лоб. — Ну и темперамент у этих молодцов! Почище, чем у сицилийцев.

— Какая глупая потеря человеческих жизней! — сказал Йенс. Он сидел, согнувшись, на песке, держась за живот обеими руками. — Они все были напуганы как дети. Эмоции детей, а тела взрослых мужчин. Вот почему они убивают друг друга.

— Но в результате получится великолепный фильм, — бодро заметил Барни. — Кроме того, мы не имеем права вме-

шиваться в здешние обычаи. А что с тобой случилось? Кто-то в панике пнул тебя в живот?

— Не имеем права вмешиваться в здешние обычаи! Смешно! Вы губите жизнь этих людей ради своей кинематографической чепухи, а затем пытаетесь избежать последствий своих поступков... — Внезапно его лицо исказилось гримасой боли, и он стиснул зубы.

Барни посмотрел вниз и с ужасом увидел, что между пальцами Лина расплывается огромное красное пятно.

— Ты ранен? — медленно сказал он, не веря своим глазам, затем быстро обернулся. — Текс, пакет первой помощи! Быстрее!

— Что это ты проявляешь такую заботу обо мне? Ты только что видел слугу, которому стрела вонзилась в руку, и даже глазом не моргнул. Говорят, викинги после битвы зашивали свои раны иголкой с суровой ниткой. Почему бы тебе не дать мне ниток?

— Успокойся, Йенс, ты ранен. Мы позаботимся о тебе.

Подбежал Текс с пакетом первой помощи, опустил его на землю рядом с Йенсом и встал на колени около раненого.

— Как это произошло? — спросил он спокойным, необычно мягким тоном.

— Копье, — сказал Йенс. — Так быстро, что я даже ничего не понял. Я стоял между индейцем и лодками. Он поддался общей панике. Я поднял руки, чтобы успокоить его, поговорить с ним, но тут почувствовал боль в животе, он пробежал мимо и исчез.

— Дай-ка мне осмотреть рану. Я насмотрелся таких ран в Новой Гвинее. Штыковое ранение. — Текс говорил спокойно, со знанием дела, и, когда он потянул Йенса за руки, они вдруг ослабли и беспомощно повисли. Быстрым движением ножа Текс разрезал окровавленную одежду. — Неплохо, — сказал он, взглянув на кровоточащую рану. — Чистое проникающее ранение в живот. Ниже желудка и, кажется, не настолько глубокое, чтобы задеть что-нибудь еще. Необходима госпитализация. Там они зашьют дыру, положат внутрь соответствующий брюшной дренаж и напичкают тебя антибиотиками. Но если попытаешься вылечить такое ранение в полевых условиях, через пару дней ты загнешься от перитонита.

— Ты чертовски откровенен, — сказал Йенс, но все же улыбнулся.

— Как всегда, — ответил Текс, доставая ампулу с морфием

и отламывая у нее головку. — Когда человек знает, что с ним происходит, он не жалуется на лечение. И ему легче, и всем остальным. — Тренированной рукой он вонзил острое шприца под кожу Йенса.

— А ты уверен, что медсестра не сможет вылечить меня прямо здесь? Мне бы не хотелось возвращаться...

— Жалование целиком плюс премиальные, — подбодрил его Барни. — И отдельная комната в госпитале — тебе ни о чем не придется беспокоиться.

— Меня беспокоят не деньги, мистер Хендриксон. Вам трудно это понять, но, кроме доллара, в мире существует многое другое. Для меня важно то, что я здесь узнаю. Одна страница моих записей ценнее всех катушек вашего целлулоидного чудовища, вместе взятых.

Барни улыбнулся, сделав попытку переменить тему разговора:

— Вы ошибаетесь, доктор, теперь пленки больше не делают из целлулоида. Налажено производство безопасной пленки, она не горит.

Текс присыпал рану сульфопорошком и крепко забинтовал.

— Вы должны попросить доктора приехать сюда, — сказал Лин, беспокойно глядя на Барни. — Спросите, что он думает насчет моего отъезда. Если я уеду, фильму конец, я уже больше никогда не вернусь обратно, никогда.

Полный страстного желания все запомнить, он оглядел залив, дома и людей. Текс поймал взгляд Барни, покачал головой и махнул в сторону лагеря съемочной группы.

— Пойду приведу грузовик и скажу профессору, чтобы он готовил свою машину. Пусть кто-нибудь перевяжет руку этому викингу и даст ему пузырек с таблетками пенициллина.

— Привези с собой медсестру, — сказал Барни. — Я останусь с Йенсом.

— Мне хотелось бы рассказать тебе о том, что мне случайно удалось обнаружить, — сказал Йенс, положив ладонь на руку Барни. — Я слышал, как один из людей Оттара, говоря с ним о репитере компаса, установленном на их корабле, называл его на свой лад, и это звучало как «кюсас-нотра». Я был потрясен. В исландских сагах неоднократно упоминается навигационный прибор, который так и не удалось опознать. Он называется «хюсас-нотра». Ты понимаешь, что это значит? Вполне возможно, что слова «репитер компаса» вошли в их

язык как «хюсас-нотра». Если это так, то влияние, которое мы оказали, прибыв в одиннадцатое столетие, превосходит все, что можно было ожидать. Необходимо изучить все аспекты этого вопроса. Я не могу бросить все это сейчас.

— То, что ты говоришь, Йенс, очень интересно. — Барни посмотрел в сторону лагеря, но грузовика еще не было видно. — Ты должен написать об этом научную статью или что-нибудь в этом роде.

— Осел! Ты не имеешь ни малейшего представления, о чем я говорю. Для тебя времеатрон всего лишь хитроумное устройство, которое можно протестировать для съемки идиллического фильма...

— Полегче с оскорблениями, — попросил Барни, стараясь сохранить самообладание и не поссориться с раненым. — Никто не рвался на помощь Хьюитту, пока мы не дали ему денег. Если бы не эта картина, ты все еще сидел бы в своем Южно-калифорнийском университете, уткнувшись носом в книги, и не знал бы ничего о тех фактах и обстоятельствах, которые теперь считаешь такими важными. Я не хочу охаивать твою работу, но и ты не охайвай мою. Увы, так устроен мир. Войны заставляют ученых протестировать, но все великие изобретения были сделаны тогда, когда война могла их оплатить.

— Войны не оплачивают фундаментальных исследований, а именно здесь и делают подлинные открытия.

— Прошу меня извинить, но войны сдерживают врага, и вражеские бомбы падают где-то далеко, так что ученые получают возможность и время для фундаментальных исследований.

— Ловкий ответ, но он меня не устраивает. Что бы ты ни говорил, у нас путешествие во времени используется для создания дешевой картины, и все исторические открытия будут сделаны только случайно.

— Не совсем так, — парировал Барни со вздохом облегчения, заслышав шум приближающегося грузовика. — Мы не вмешивались в твою исследовательскую работу, скорее помогали ей. У тебя были совершенно развязаны руки. Создавая эту картину, мы вложили деньги во времеатрон, и он стал теперь рабочим капиталом. С теми данными, которые у тебя уже имеются, ты без всякого труда убедишь любой научный фонд вложить деньги в создание нового времеатрона и тогда сможешь вести свои исследования так, как тебе хочется.

— Так я и сделаю.

— Но только не сразу. — Грузовик остановился рядом с ними. — Мы предполагаем пользоваться нашим исключительным правом на знания профессора еще года два, чтобы вернуть наши капиталовложения.

— Конечно, — с горечью сказал Йенс, следя за тем, как с грузовика снимают носилки. — Прибыль прежде всего, а культура пусть идет ко всем чертям.

— Таковы условия игры, — согласился Барни, глядя, как носилки с филологом осторожно помещают в кузов грузовика. — Мы не можем остановить мир и сойти, где хотим, поэтому нужно изучать его законы, чтобы жить в соответствии с ними.

Глава 15

— Лучше умереть героем, чем жить подобно трусу! — взревел Оттар. — Во имя Одина и Фрейи — за мной!

Он распахнул дверь, держа перед собой щит, в который тотчас же вонзились две стрелы. С яростным криком взмахнув топором, он выбежал из горящего здания.

За ним последовали Слайти с мечом в руке, Валь де Карло, изо всех сил дувший в рог, и остальные воины.

— Стоп! Отпечатайте эти кадры, — скомандовал Барни и опустился в раскладное парусиновое кресло. — О'кей, на сегодня хватит. Быстро в кухню на ленч, чтобы можно было упаковать кастрюли и сковородки.

Рабочие из бутафорского отдела поливали из огнетушителей канаву с горящей нефтью, и оттуда несло жуткой вонью. Все прожекторы, кроме одного, погасли. Джино, открыв стенку камеры, вынимал из нее отснятый фильм. Все шло нормально. Барни подождал, когда кончится толкотня у дверей, затем тоже вышел наружу. На перевернутой бочке сидел Оттар, засовывая стрелы обратно в щит.

— Смотри, летят стрелы! — крикнул он, обращаясь к Барни, и поднял щит. Мгновенное действие скрытых пружин, удар — и на щите выросли стрелы со скоростью, неуловимой для человеческого глаза.

— Великолепное изобретение, — согласился Барни. — Мы закончили съемки, Оттар, и собираемся перепрыгнуть через год в следующую весну. Как ты думаешь, будут у вас к тому времени готовы стены вокруг поселения?

— Ясно, будут. Ты выполняй свои обязательства, Оттар

выполнит свои. Те стальные пилы и топоры, которые вы нам оставили, помогут нам быстро напилить бревна для стен. Но не забудь оставить нам пищи на зиму.

— Конечно, мы выгрузим припасы еще до отъезда. Все понятно? Есть еще вопросы?

— Понятно, понятно, — пробормотал Оттар, снова сосредоточив все свое внимание на засовывании стрел обратно в щит.

Барни подозрительно посмотрел на него.

— Я уверен, что ты ничего не забудешь, однако на всякий случай давай быстренько повторим все еще разок. Мы оставим вам крупу, сушеные и консервированные продукты — все, что мне удастся раздобыть на складе компании. Таким образом, вам не придется тратить лето и осень на заготовку продовольствия, и вы сможете сосредоточить все свои усилия на строительстве домов и бревенчатой стены вокруг поселения. Если все обстоит так, как говорит док, то дорсетские индейцы не будут беспокоить вас до весны, когда паковый лед подходит к самому берегу, тюлени собираются стаями и выводят на нем потомство. Вот тогда-то охотники и приходят из северных краев, где они сейчас находятся. И даже если они будут беспокоить вас, за бревенчатой стеной вы в безопасности.

— Убьем их, порубим всех на куски.

— Пожалуйста, попытайся обойтись без этого, ладно? Уже снято девяносто процентов картины, и мне бы не хотелось, чтобы всех вас поубивали до того, как мы закончим съемки. В феврале и марте мы проверим, как у вас идут дела, а потом прибудем сюда всей группой, как только узнаем, что краснокожие находятся неподалеку. Предложи им товары в обмен на то, что они согласятся напасть на поселение, сжечь часть его, — вот и все. Договорились?

— И виски «Джек Даниэльс».

— Конечно, ведь это указано в твоём контракте.

Их слова были заглушены характерным стоном, исходившим из медной трубы. Звуки были то высокие, то низкие.

— Ты что, подрядился? — спросил Барни у Валь де Карло, который, пролезши в кольцо огромной медной трубы, дул в нее.

— Это великолепный инструмент, — сказал Валь, — слушай. — Он облизнул губы, приложился к трубе, надул, покраснел и исполнил что-то отдаленно напоминающее «Музыку вокруг нас».

— Не изменяй драматическому искусству, — сухо заметил Барни, — по части музыки тебе ничего не светит. Знаешь, мне кажется, я видел где-то раньше изображение этой трубы, то есть я не имею в виду музей.

— Такое изображение оттиснуто на каждой пачке датского масла. Это торговая марка.

— Может быть, не помню. Но звучит она, как простуженная басовая труба.

— Спайдермэн Спиннеке был бы без ума от нее.

— Вполне возможно. — Барни прищурился, взглянул на де Карло и шелкнул пальцами. — Слушай, это мысль. Этот самый Спайдермэн, ведь он играет на самых странных инструментах в этом своем подвале, в «Замшелом гроте». Я слышал его однажды в сопровождении духовых инструментов и барабана.

Валь кивнул.

— Я тоже бывал у него. В джазе только он один играет на басовой трубе. Шум, который он издает, не поддается описанию.

— Тогда это совсем неплохо, и вполне возможно, что это именно то, что нам нужно. Да, это неплохая мысль.

Отгар продолжал играть с бутафорскими стрелами, а Барни, прислонясь к стене, слушал трубу, когда рядом остановился джип.

— Все готово, можно отправляться, — сообщил Даллас. — Хозяйственники со склада ожидают нас, и с ними вызвались поехать двое рабочих, которые хотят убедиться, что Голливуд все еще стоит на месте.

— Хватит двоих, чтобы погрузить продукты? — спросил Барни. — К этому времени все остальные разойдутся по домам.

— Более чем достаточно.

— Тогда поехали.

Один из больших грузовиков уже стоял на платформе, а вокруг слонялось с десятков людей. Дверь в контрольную рубку профессора Хьюитта была открыта, и Барни заглянул к нему.

— Значит, суббота, к вечеру, и постарайтесь подогнать как можно точнее.

— До микросекунды. Мы прибудем в Голливуд несколько минут спустя после того, как платформа отправилась оттуда в свое предыдущее путешествие.

С большим трудом Барни осознал, что, несмотря на все происшедшее в течение последних месяцев, в Голливуде все еще был вечер субботы, вечер того самого дня, когда была на-

чата операция. Субботние толпы затопили тротуары, площадь у супермаркета была забита автомобилями покупателей, а вдали от города, недалеко от вершины Бенедикт-Кэньон-Драйв, за частным полем для игры в гольф, на верхнем этаже своего особняка Л. М. Гринспэн по-прежнему страдал от сердечных спазм. На мгновение Барни заколебался, не позвонить ли ему и не сообщить ли Л. М. о ходе работы, затем решил, что не стоит. Пусть хозяин студии лежит себе в постели. Может быть, позвонить в больницу и узнать, как дела у Йенса Лина, ведь прошло уже несколько недель — нет, лишь несколько минут. Скорее всего, его даже еще не успели доставить в больницу. Да, нелегко было привыкнуть к путешествиям во времени.

— Фу, какая жара! — сказал один из поваров. — Жаль, что я не догадался захватить темные очки.

Огромные двери съемочного павильона были открыты, и, когда платформа мягко коснулась пола, пассажиры зажмурились от внезапно хлынувшего потока субтропического света. Северное небо над Ньюфаундлендом было всегда бледно-голубым, и солнце там никогда не жгло, как здесь. Барни отодвинул рабочих в сторону, освобождая дорогу для огромного дизельного грузовика, который с ревом съехал на бетонный пол павильона. С праздничным настроением они вскарабкались в кузов, и грузовик тронулся в путь по пустым улочкам студии.

У ворот склада праздничное настроение испарилось.

— Извините, сэр, — заявил охранник, небрежно помахивая дубинкой на кожаном ремне, — я вас не знаю, но, даже если б знал, все равно не пустил бы вас в этот склад.

— Но этот документ...

— Я видел документ, но у меня есть приказ — никого не пускать.

— А ну-ка, дайте мне топор! — крикнул один из рабочих. — Я живо открою эту дверь.

— Убей! Убей! Убей! — завопил другой.

Они провели слишком много времени в одиннадцатом столетии и приобрели свойственное викингам стремление решать большинство проблем простыми методами.

— Не подходите ко мне! — приказал охранник, делая шаг назад и кладя руку на кобуру револьвера.

— Ну, хватит шуток, — распорядился Барни. — Посидите

спокойно, пока я улажу этот вопрос. Где телефон? — спросил он у охранника.

Барни позвонил в контору, надеясь, что там кто-то еще есть, попросил прежде всего административный корпус и попал в точку. Сэм, личный бухгалтер Л. М., все еще был в конторе, он, конечно, подчищал бухгалтерские книги.

— Сэм, — сказал Барни, — рад снова говорить с тобой. Как у тебя дела?... Что? Извини, я забыл. Для тебя прошло всего два часа, а для меня несколько месяцев. Нет, что ты, в рот не брал, я же снимал фильм. Совершенно верно, почти готов... Сэм, нет... Сэм, не нервничай... Это совсем не однодневный фильм, так же, как сценарий не был одночасовым. Мы работали в поте лица. Послушай, потом я тебе все объясню, но сейчас ты должен мне помочь. Я хочу, чтобы ты поговорил с одним из охранников студии, исключительно толстокожим парнем, наверно, он у нас недавно. Вели ему отпереть дверь продовольственного склада, нам нужно забрать всю крупу и все консервы. Нет, мы еще не проголодались, это товары для обмена с туземцами. Плата за съемки массовых сцен... Сэм, что ты говоришь!.. Сэм, у нас нет времени на размышления... Послушай, если мы можем заплатить им овсяной крупой вместо «зелененьких», какая тебе разница?

Было совсем не легко говорить с Сэмом. Он не любил тратить деньги даже на овсянку — впрочем, он всегда был трудным человеком, но наконец Барни его убедил. Сэм сорвал злость на охраннике, который вышел из телефонной будки, побагровевший от злости.

К половине шестого грузовик был нагружен, а без четверти шесть уже стоял на платформе машины времени. Барни проверил, все ли вернулись с грузовиком, и просунул голову в кабину профессора.

— Отправляйтесь, проф, только подождите, пока я сойду с платформы.

— Значит, вы не вернетесь с нами?

— Совершенно верно. У меня здесь дела. Вы разгрузите платформу, затем возвращайтесь за мной примерно через пару часов — скажем, около десяти. Если меня к этому времени не будет здесь, я позвоню вам по телефону, что у склада, и введу в курс дела.

Хьюитт почувствовал себя уязвленным.

— По-видимому, вы считаете, что я таксист при машине времени, а я отнюдь не уверен, что это дело мне по душе. Мне

казалось, что я доставлю вас в одиннадцатое столетие, где вы снимете фильм, после чего мы возвратимся обратно. Вместо этого я только и делаю, что катаю туда-сюда — из одиннадцатого в двадцатое столетие...

— Успокойтесь, профессор, мы уже вышли на финишную прямую. Вы думаете, я согласился бы потерять два часа, если бы это не было совершенно необходимо? Мы сделаем еще один прыжок во времени, окончим картину, и работа завершена. Все будет готово, останется разве что аплодировать.

Стоя рядом с воротами павильона, Барни увидел, как платформа исчезла в прошлом. Обратно к дикарям первобытной Канады, к потрескавшимся губам и холодным дождям. Пусть себе едут. Сам же Барни собирался отключиться часа на два. Конечно, за это время ему придется провернуть кое-какие дела, но значит ли это, что он не имеет права немного развлечься? Сейчас еще не время отдыхать по-настоящему, так как фильм еще не в коробке на столе у Л. М., но конец был уже виден, и Барни чувствовал усталость от непрерывной многомесячной работы. Первое, что он собирался предпринять, — это заказать себе первоклассный обед в ресторане Чейзена. Уж что-что, а это он может себе позволить. В любом случае не было смысла ехать в «Замшелый грот» раньше, чем к девяти вечера.

В его возвращении в Калифорнию двадцатого века было что-то нереальное, фантастическое. Казалось, события развиваются слишком быстро, вокруг слишком много кричащих красок, и от выхлопных газов разболелась голова. Обед, начатый с виски и обильно одобренный шампанским с бренди, под конец помог избавиться от головной боли, и, когда Барни в начале десятого вылезал перед клубом из такси, к нему вернулось хорошее настроение. Он даже ухитрился не обидеться при виде зеленого входа с намаляванными на нем красными черепами и скрещенными костями.

— Остерегайтесь, — простонал загробный голос, когда Барни распахнул входную дверь. — Остерегайтесь, ибо всякий, кто входит в «Замшелый грот», делает это на свой страх и риск. Остерегайтесь...

Магнитофонная запись оборвалась, когда Барни закрыл дверь и на ощупь двинулся вперед по тускло освещенной, застланной черным бархатом лестнице. Занавес из светящихся пластмассовых костей был последней преградой перед входом в святая святых самого клуба. Барни бывал здесь и раньше,

так что странность обстановки не произвела на него никакого впечатления. Она не впечатлила его и в первый раз. Тогда она была лишь немного лучше — или хуже — дома призраков на карнавале. Мигали зеленые огни, в углах висела резиновая паутина, а стулья были выполнены в виде гигантских мухоморов. Он был единственным посетителем.

— «Кровавую Мэри», — сказал он официанту, одетому вампиром. — А что, Спайдермэн уже пришел?

— По-моему, он в раздевалке, — пробормотал вампир сквозь пластмассовые клыки.

— Скажи ему, что его хочет видеть Барни Хендриксон из «Клаймэктика».

Спайдермэн Спиннеке прибыл раньше заказанного коктейля — тощая сутулая фигура в черном, темные очки.

— Давненько мы с тобой не виделись, — сказал он, скользнув влажными пальцами по ладони Барни. — Как кинобизнес? — Он опустил на стул.

— Да так, перебиваемся с хлеба на воду. Скажи мне, Спайдер, это верно, что ты озвучил пару фильмов?

— Да, я написал музыку для одного пустячка под названием «Сумасшедший твист молодых битников». Надеюсь, что публика быстро забудет о нем. А почему ты спрашиваешь? Неужели ты заинтересовался бедным старым Спайдермэном?

— Может быть, и так, Спиннеке, может быть, и так. Скажи, ты не сумеешь написать музыку для картины и записать ее в исполнении своей группы?

— Для нас все возможно, старик. Но для этого нужно время, а у нас уже есть обязательства.

— Пусть время тебя не беспокоит, я все устрою так, что ты не пропустишь ни единого выступления. Я подумал, что ты найдешь подходящее звуковое сопровождение к картине, которой я сейчас занимаюсь. Захватывающий рассказ о викингах. Слыхал о них когда-нибудь?

— Конечно. Волосатые парни с топорами, которыми они рубили встречных на куски.

— В общих чертах да. Примитивный народ, сильные люди. У них есть нечто вроде медной трубы, и это навело меня на мысль. Только духовые инструменты с барабанами соответствуют примитивной свирепости дикарей.

— Неплохо.

— Так как же, сумеешь справиться?

— Ну конечно.

— Превосходно. Вот тебе сотняга в качестве аванса. — Барни извлек из бумажника пять двадцатидолларовых бумажек и бросил их на стол. Костлявые пальцы Спайдермэна неслышно скользнули по черной скатерти и проглотили их. — Теперь бери своих ребят и пошли в студию. Там я обо всем расскажу. Через час прикатите обратно.

Что им предстояло сделать в течение этого часа, Барни не сказал.

— Не выйдет. Дуди и я хотим сейчас немного поразмяться, а к одиннадцати придут остальные ребята. Потом мы выступаем до трех ночи. До этого я не могу уйти.

«Кровавая Мэри» легко прошла по пищеводу. Барни посмотрел на часы и быстро убедил себя, что нет смысла уезжать и потом снова возвращаться. Три часа утра, воскресенье — все еще остается масса времени, потому что фильм должен быть представлен только к утру понедельника. Все будет в порядке. Спайдермэн скрылся где-то в укромном уголке, и в десять вечера Барни позвонил профессору Хьюитту. Назначив новое время для randevu — три часа утра, Барни вернулся к своему столу и постарался отключиться, насколько это было возможно при звуках басовой трубы, духовых инструментов и барабанов с усилителями. Неоценимую помощь оказали ему дополнительные порции «Кровавой Мэри».

В два часа ночи Барни встал и вышел подышать свежим воздухом, потому что атмосфера в клубе казалась осязаемой от сигаретного дыма и вибрировала от дрожащих ритмов. Ему даже удалось нанять два такси, водители которых обещали прибыть к клубу сразу после трех. Все шло хорошо, очень хорошо.

Было около четырех, когда такси подъехали к входу в павильон. Профессор Хьюитт прохаживался взад и вперед перед дверью, то и дело посматривая на часы.

— Вы необыкновенно пунктуальны, — ядовито заметил он.

— Не так уж плохо, профессор, старина, — сказал Барни, похлопав его по спине, затем повернулся, чтобы помочь вытащить из такси барабан-бас. После этого, построившись цепочкой, все вошли в павильон под звуки «Полковника Боги», извлекаемые Дуди из тромбона.

— А это что за плот? — Потускневшие от усталости глаза Спайдермэна уставились на платформу.

— Средство транспорта. Влезай. Наша поездка займет всего несколько минут, даю обещание.

При этих словах Барни поднял руку, чтобы замаскировать хитрую улыбку.

— На сегодня достаточно, — сказал Спайдермэн, оттаскивая тромбон от вибрирующих губ Дуди. Не заметив этого, Дуди продолжал играть еще не меньше пяти секунд, пока не заметил, что больше не издает ни единого звука. — Дошел до ручки, — объяснил Спайдермэн.

Хьюитт фыркнул, когда музыканты в погребальных одеждах вскарабкались на платформу, затем вошел в контрольную кабину, чтобы включить времееатрон.

— Это что, зал ожидания? — поинтересовался Дуди, влезая вслед за профессором в тесную кабину.

— Немедленно убирайся отсюда, болван! — рявкнул профессор.

Дуди что-то пробормотал и попытался исполнить просьбу. Повернувшись, он задел своим тромбоном несколько электронных ламп. Две из них вспыхнули и замигали.

— Ух ты! — сказал Дуди и выронил тромбон. Его медный бок упал на обнаженные провода, ведущие к лампам, и мгновенно замкнул их. Посыпались искры. Свет в контрольной кабине погас.

Барни отрезвел меньше чем за секунду. Он вытащил ошеломленного музыканта из контрольной кабины и загнал его вместе с остальными в дальний конец платформы.

— Как дела, профессор? — тихо спросил он, вернувшись к контрольной кабине, но не услышал ответа. Поглядев на то, как Хьюитт снял заднюю стенку аппарата и начал вышвыривать одну за другой перегоревшие лампы через открытую дверь, он решил не переспрашивать.

Услышав наконец неохотное «да!» в ответ на вопрос, не понадобится ли, по крайней мере, два часа на починку времееатрона, Барни отправил музыкантов по домам.

К девяти утра в воскресенье профессор Хьюитт признался, что ремонт займет, очевидно, большую часть дня, не считая времени, которое будет потрачено на поиски новых электронных ламп в воскресенье в Лос-Анджелесе. Барни с фальшью в голосе ответил, что это не страшно, что у них еще

много времени. В конце концов, картина должна быть представлена только к следующему утру.

Поздно вечером в воскресенье Барни впервые за все это время заснул, однако уже через несколько минут, вздрогнув, проснулся и больше не мог сомкнуть глаз.

В пять утра в понедельник профессор заявил, что монтаж полностью закончен и он собирается отдохнуть часок. После этого он отправится на поиски недостающих электронных ламп.

В девять утра Барни позвонил в контору студии и узнал, что прибыли ревизоры из банка и ожидают его. Он икнул и поспешно повесил трубку.

В девять тридцать позвонил телефон, и, когда Барни снял трубку, телефонистка сообщила ему, что вся студия перевернута вверх дном — разыскивают его — и что Л. М. лично спрашивал ее, не знает ли она, где находится мистер Хендриксон. Не отвечая, Барни повесил трубку.

В десять тридцать Барни понял, что положение безнадежно, Хьюитт все еще не вернулся и даже не позвонил. И даже если бы он и прибыл сейчас, все равно было уже слишком поздно. Картину невозможно было закончить к назначенному сроку.

Все пропало. Он попытался спасти положение и потерпел неудачу. Идя к кабинету Л. М., он думал о том, что это похоже на последние шаги приговоренного к смерти — именно так и было на самом деле.

Он остановился перед дверью кабинета, не решаясь войти, в голове мелькнула мысль о самоубийстве как возможном выходе из положения. Затем он решил, что у него на это не хватит храбрости, и толкнул дверь.

Глава 16

— Не входи туда, — сказал голос у него за спиной, и протянувшаяся сзади рука оттащила его от двери, которая автоматически захлопнулась перед его носом.

— Да как вы осмелились! — вскипел Барни, поворачиваясь к своему обидчику.

— Все средства хороши, чтобы помешать тебе сделать ошибку, дурень, — сказал незнакомец и широко улыбнулся, глядя, как Барни отшатнулся от него с отвисшей челюстью и широко раскрытыми глазами.

— Великолепно, какая игра! — сказал человек. — Может, тебе вместо того, чтобы ставить фильмы, стоило играть в них, а?

— Ты... Я... — едва выговорил Барни, глядя на самого себя в своих лучших брюках из рогожки, кожаной куртке летчика и с коробкой фильма под мышкой.

— Ты очень наблюдателен, — заметил второй Барни, ядовито улыбаясь. — Подержи-ка секунду. — Он сунул коробку с фильмом в руки Барни и извлек из заднего кармана бумажник.

— Что?.. — спросил Барни. — Что?.. — Его взгляд остановился на наклейке, где было написано «Викинг Колумб. Часть I».

Второй Барни достал из своего бумажника сложенный лист бумаги и вручил его Барни, который только тут заметил, что правая рука его забинтована и местами сквозь бинт проступили пятна крови.

— Что случилось с моей рукой... твоей рукой? — спросил Барни, в ужасе глядя на повязку.

В следующее мгновение коробка с фильмом исчезла из его рук и вместо нее пальцы стиснули лист бумаги.

— Передай это профу, — сказал его двойник, — и перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он распахнул дверь кабинета Л. М., пропуская мальчика-посыльного, катившего перед собой тележку, нагруженную дюжиной коробок с фильмом. Посыльный остановился, посмотрел сначала на одного, потом на другого, пожал плечами и исчез в приемной. Второй Барни последовал за ним, и дверь захлопнулась.

— Рука, что случилось с рукой? — слабым голосом спросил Барни, обращаясь к закрытой двери.

Он протянул руку, чтобы открыть дверь, но вздрогнул и передумал. Его внимание привлек лист бумаги, который он все еще сжимал в левой руке. Барни развернул его. Это была половинка страницы обыкновенной писчей бумаги, с одной стороны чистая, на другой стороне тоже ничего не было напи-

сано, один только чертеж, поспешно набросанный шариковой ручкой.

Чертеж ничего не значил для Барни. Он сложил его, сунул в бумажник — и тут внезапно вспомнил о коробках с пленкой на тележке.

— Так я закончил фильм! — крикнул он. — Фильм готов, и я только что доставил его в кабинет Л. М. в назначенное время!

Две секретарши, пробежавшие мимо, посмотрели на него и прыснули; он проводил их свирепым взглядом и пошел прочь.

Так что же сказал ему второй Барни? Перестань заниматься глупостями и закончи фильм. Сумеет ли он кончить его? Судя по всему, сумеет, если эти коробки не были пустыми. Но как он может закончить его теперь, после роковой минуты, и все-таки доставить его в назначенный срок?

— Ничего не понимаю, — бормотал он про себя, шагая к павильону.

Даже при виде профессора, погруженного в работу над времеатроном, вихрь его мыслей не улегся. Он поднялся на платформу и остановился, пытаясь осознать, что же случилось или что должно случиться, однако усталость и шок — следствие разговора с самим собой — временно отразились на его мыслительных способностях.

— Ремонт окончен, — сказал профессор Хьюитт, вытирая руки о тряпку. — Теперь мы можем опять вернуться в тысяча пятый год.

— Поехали, — сказал Барни, протягивая руку к своему бумажнику.

Несмотря на то что для Ньюфаундленда день был солнечным, он казался мрачным после калифорнийского солнца, и воздух был значительно прохладнее.

— Когда мы покинули студию, профессор? — спросил Барни.

— В двенадцать ноль три, в понедельник. И пожалуйста, без жалоб. Мне удалось отремонтировать времеатрон за удивительно короткое время, если принять во внимание тот ущерб, который был причинен этим микроцефалом, идиотом от музыки.

— Никаких жалоб, профессор. Мне начинает казаться, что у нас еще есть шанс закончить съемки картины вовремя. Я только что встретил в студии самого себя и сам видел, как я

доставил коробки, на которых было написано «Викинг Колумб».

— Это совершенно невозможно!

— Легко сказать, однако, может быть, вас ожидает такой же шок, какой испытал я сам. Я сказал мне, или он сказал мне, или черт знает кто сказал, чтобы я передал вам вот это. Вам это о чем-нибудь говорит?

Профессор взглянул на лист бумаги и широко улыбнулся.

— Ну конечно, — сказал он. — Как я мог забыть об этом! Это же совершенно очевидно, все как на ладони. Как это я ухитрился не заметить! Насколько все это просто!

— Может быть, теперь вы снизоидете до объяснений? — нетерпеливо спросил его Барни.

— На этом чертеже представлены два путешествия во времени, причем интереснее всего малая дуга справа, потому что именно она объясняет, откуда взялся второй Барни Хендриксон с коробками отснятого фильма. Да, можно все еще закончить и доставить готовый фильм до назначенного срока.

— Как? — спросил Барни, напряженно глядя на диаграмму, ровным счетом ничего не понимая.

— Теперь вы закончите съемки, и время, которое вам потребуется после назначенного срока, не имеет никакого значения. Когда картина будет завершена, вы будете находиться в точке Б этого чертежа. Точка А — этот тот момент во времени, когда нужно представить готовый фильм. Вы просто возвращаетесь к моменту перед А, доставляете фильм и затем попадаете обратно в Б. До чего же потрясающе просто!

Барни стиснул пальцами лист бумаги.

— Поправьте меня, если я что-нибудь неправильно понял. Вы хотите сказать, что я могу закончить фильм после назначенного срока и затем вернуться во время перед этим сроком и доставить фильм?

— Совершенно верно.

— Мне это кажется безумием.

— Только глупцам разумное кажется безумным.

— Я предам забвению ваше замечание, если вы ответите мне на один вопрос. Этот лист бумаги с чертежом, — Барни потряс им перед носом профессора, — кто начертил его?

— Откуда я могу знать, ведь я только что его увидел.

— Тогда подумайте вот над чем. Мне передали этот листок утром в понедельник перед входом в кабинет Л. М. Теперь я показываю его вам. Потом я собираюсь спрятать его в бумаж-

ник и носить с собой до тех пор, пока съемки фильма не будут завершены. Затем я перемещаюсь назад во времени для того, чтобы доставить картину Л. М. У дверей его кабинета я встречаю прежнего себя, достаю из бумажника чертеж и передаю его себе, чтобы он был положен в бумажник, и так далее. Вы видите в этом какой-нибудь смысл?

— Конечно. Мне кажется, нет никаких оснований для беспокойства.

— Ах, никаких оснований? Но ведь если все это так, значит, никто не делал чертежа! Он просто путешествует в моем бумажнике, и я передаю его самому себе. Ну-ка, объясните это! — закончил он, торжествуя.

— В этом нет никакой необходимости, объяснение кроется в самом чертеже. Этот лист бумаги представляет собой самостоятельно существующее временное кольцо. Никто не делал этого чертежа. Он существует потому, что существует, и это вполне достаточное объяснение. Если вы хотите понять, что к чему, позвольте проиллюстрировать на примере. Вам известно, что у любой бумаги есть две стороны. Однако если вы возьмете полосу бумаги, повернете один ее конец на сто восемьдесят градусов и соедините концы, то перед вами окажется кольцо Мебиуса — полоска только с одной стороной. Она существует. Сколько бы мы ни твердили, что это невозможно, ничего не изменится. Факт налицо. То же самое можно сказать о вашем чертеже — он существует.

— Но... откуда он взялся?

— Если вам так уж нужно это знать, то можно сказать, что он взялся из того самого места, куда делась пропавшая сторона кольца Мебиуса.

В мозгу Барни мысли завязались в тугой узел и концы их свободно болтались. Он смотрел на чертеж до тех пор, пока у него не начали слезиться глаза. Кто-то ДОЛЖЕН БЫЛ сделать его. И каждый кусок бумаги ДОЛЖЕН БЫЛ иметь две стороны... Дрожащими пальцами он уложил чертеж в бумажник, спрятал его в карман и подумал, что, может быть, ему удастся забыть обо всем, что произошло.

— Мы готовы к прыжку во времени, как только будет дана команда, — сказал Даллас.

— К какому прыжку во времени? — спросил Барни и, моргая, уставился на стоявшего перед ним трюкача.

— Прыжку в следующую весну тысяча шестого года, о ко-

тором мы говорили полчаса назад. Продукты переданы Оттару, группа все упаковала и погрузила и готова сняться с места, как только последует команда. — Даллас указал на длинную цепочку грузовиков и трейлеров.

— Ах да, в следующую весну, ты прав. Скажи, Даллас, ты знаешь, что такое парадокс?

— Испанский цирюльник бреет всех мужчин в городе, которые не бреются сами. А кто же тогда бреет самого цирюльника?

— Примерно в этом духе, только еще похлестче.

Внезапно Барни вспомнил о забинтованной руке. Подняв к лицу свою правую верхнюю конечность, он внимательно осмотрел ее с обеих сторон.

— Что случилось с моей рукой?

— Мне кажется, она в полном порядке, — сказал Даллас. — Может, хлебнешь глоточек?

— Это не поможет. Я только что встретил самого себя с окровавленной повязкой на руке, и этот «я» не хотел даже сказать, как это произошло и серьезно ли это. Ты понимаешь, что это значит?

— Конечно. Очевидно, тебе нужно приложиться разочка два.

— Независимо от того, что думаешь ты или твой кореш из каменного века, алкоголь не разрешает всех вопросов. Значит, я — уникальное явление в природе, ибо я — садомазохист. Все остальные, жалкие кретины, ограничиваются тем, что являются садистами по отношению к другим. А вот я получаю удовольствие от того, что являюсь садистом по отношению к себе самому. Ни один нервнобольной не может похвастаться подобным заявлением. — Барни вздрогнул. — Пожалуй, мне стоит промочить горло каким-нибудь горячительным.

— Бутылка у меня с собой.

Горячительное оказалось рыночным сортом дешевого виски, на вкус напоминало муравьиную кислоту, и его струя настолько обожгла пищевод Барни, что заставила его забыть о временных парадоксах и собственных садомазохистских наклонностях.

— А ну-ка, Даллас, отправляйся и посмотри, ладно? — сказал он. — Прыгни в март тысяча шестого года и узнай, появились ли уже индейцы. Если Оттар скажет, что еще не появились, то прыгай на неделю вперед, и так до тех пор, пока не увидишь их, а тогда сообщи мне.

Барни отошел в сторону, платформа на неуловимое мгновение исчезла, затем снова опустилась на траву в нескольких футах поодаль. С нее спрыгнул Даллас и подошел к Барни, проведя ладонью по черной щетине.

— Проф считает, что мы отсутствовали десять часов, — сказал Даллас. — Это значит, сверхурочные после...

— Ну ладно, ладно! Что вы узнали?

— Они возвели стену из бревен, и получилось точь-в-точь как форт в картине про индейцев. В начале марта все было спокойно, но во время нашей последней остановки, двадцать первого, они заметили пару индейских лодок.

— Неплохо. Ну что же, давайте тронемся. Скажи профу, пусть принимается за переброску всей съемочной группы в двадцать второе марта. Все готовы? Все налицо?

— Бетти проверила списки и говорит, что все о'кей. Мы с Тексом устроили поголовную проверку, все здесь, сидят в трейлерах, кроме шоферов, конечно.

— Какая там погода?

— Солнечная, но прохладно.

— Сообщи об этом людям, пусть оденутся потеплее. Я не хочу, чтобы вся группа схватила насморк.

Барни пошел к своему трейлеру за пальто и перчатками. Когда он вернулся к головной машине, началась переброска. Он поднялся на платформу и оказался в 1006 году. Стояла великолепная северная весна. Слабый солнечный свет не мог справиться с холодом, и в низинах, и у бревенчатой стены лежал снег. Поселение викингов теперь ничем не отличалось от форта в одном из вестернов. Барни подал сигнал водителю пикапа, который только что приехал на машине времени.

— Подбрось-ка меня к ним, — попросил он.

— Следующая остановка форт Апашей, — сострил шофер.

Несколько викингов уже шли к холму, куда прибывали машины съемочной группы. Пикап проехал мимо них и остановился около узкого входа, где из стены было вытащено бревно и образовалась щель, в которую мог протиснуться человек. Когда пикап затормозил, из щели вылез Оттар.

— Придется сделать ворота в этом месте, — сказал ему Барни. — Большие двойные ворота с деревянным брусом внутри вместо засова.

— Никуда не годится, слишком широко, слишком легко пробраться внутрь. Вот как надо пролезать.

— Эх, не видел ты хороших фильмов!..

Но Барни вдруг осекся при виде Слайти, которая протиснулась в щель вслед за Оттаром. Она была не подкрашена, одета в платье не первой свежести, на плечи ее была накинута шкура карибу. В руках Слайти держала ребенка.

— Что ты здесь делаешь? — раздраженно спросил Барни, чувствуя, что количество сюрпризов, выпавших на его долю за один день, более чем достаточно.

— Я тут давно, — ответила Слайти и сунула палец в рот младенцу, а тот стал причмокивать.

— Послушай, ведь мы только что прибыли, откуда же взялся ребенок?

— И впрямь чудно! — начала она, хихикнув в подтверждение своих слов. — После того как мы прошлым летом готовились к отъезду, я почувствовала себя в трейлере такой одинокой, что решила отправиться на прогулку. Знаешь ли, подышать свежим вечерним воздухом.

— Нет, не знаю и, кажется, не желаю знать. Ты хочешь сказать, что вместо того, чтобы вернуться со всей группой, ты провела весь год здесь?

— Именно это и произошло, я так удивилась. Я пошла на прогулку, встретила там Оттара, одно за другим, сам знаешь.

— На этот раз знаю.

— И не успела я понять, что случилось, как все уже исчезли. Я перепугалась. Сказать по совести, я плакала, наверно, несколько недель и забеременела, потому что у меня не было с собой противозачаточных пилюль.

— Значит, это твой? — спросил Барни, указывая на младенца.

— Да, правда, симпатичный? Мы даже еще не придумали ему имени, но я его назову Снорри Храпун, как зовут того гнома в «Белоснежке», потому что он вечно храпит.

— Никакого гнома по имени Снорри не было, — сказал Барни, мгновенно оценив ситуацию. — Послушай, Слайти, теперь уже назад не поедешь, ничего не переменишь, я имею в виду ребенка и все остальное, и, в конце концов, ты сама виновата, что не осталась в трейлере.

— Что ты, я никого не виню, — сказала она. — Когда я привыкла, все это оказалось не так уж плохо, да и Оттар все время говорил мне, что вы вернетесь следующей весной, и оказался прав. Единственно, чего мне хочется, так это поесть как следует. Здесь едят так, что боже упаси! Мне кажется,

большую часть зимы я питалась исключительно виски и бисквитами.

— Сегодня вечером у нас будет большая вечеринка в честь тебя, Оттара и ребенка. Бифштексы и вино, полный комплект.

Снорри поднял рев.

— Сейчас же посажу Чарли Чанга за работу, — сказал Барни. — Мы включим ребенка в сценарий. Этот фильм будет полон сюрпризов.

Собственное замечание напомнило ему о раненой руке, он посмотрел на нее, еще раз подивился, где это могло случиться и при каких обстоятельствах, затем засунул ее глубоко в карман для большей безопасности.

Глава 17

Копье с каменным наконечником пробило насквозь борт моторной лодки и вонзилось в деревянный настил на дне.

— Я так и оставил его здесь, чтобы не затыкать дыру, — объяснил Текс. — Еще несколько дровиков упало рядом с нами, но мы уже отплывали от берега.

— Они, наверно, были уж очень поражены или что-нибудь вроде этого, — сказал Барни. — Может быть, их напугал звук мотора.

— Мы подходили на веслах.

— Все равно должна быть какая-то причина. Дорсетские индейцы — очень миролюбивое племя, вы сами могли в этом убедиться в прошлый раз.

— Может быть, им не понравилось, что их родственников порубили на куски, когда они прибыли с миролюбивыми намерениями, — высказал предположение Даллас. — На этот раз мы не стремились к драке, а они с самого начала встретили нас копьями. Если бы мотор не завелся с первого раза, нам пришлось бы организовывать похороны на море, или попасть в котел к туземцам, или что-нибудь в том же духе. Мы с Тексом на обратном пути обсудили этот вопрос и решили, что должны получить за битву фронтовую прибавку...

— Отметьте это в своих табелях, и я постараюсь сделать, что смогу, но сейчас не приставайте ко мне с такими глупостями. — Барни попытался выдернуть копьё из лодки, но оно засело крепко. — У меня есть дела поважнее. Картину почти

закончили, кроме совершенно необходимого и исключительно важного эпизода — битвы с индейцами. Мы должны снять эту битву, и, согласитесь, будет несколько затруднительно снимать битву с индейцами без индейцев. В нескольких милях от берега, на льду, находятся две тысячи индейцев, я посылаю вас с товарами, подарками и бисером, чтобы вы могли нанять эти две тысячи, а что от вас получаю? Одни оправдания!

Доводы Барни не произвели сколько-нибудь заметного впечатления на трюкачей, и Даллас кивнул на копье. Вдруг воздух огласился медным воплем.

— Почему им надо завывать обязательно здесь? — рявкнул Барни.

— Насколько я помню, это ваше собственное распоряжение, — сказал ему Текс. — Насчет того, что берег — единственное место, где они не будут мешать людям своим дудением.

Одетая в черное процессия гуськом под грохот барабанов спустилась на берег. Впереди шел Спайдермэн. Музыканты держали в руках инструменты и складные стулья и были закутаны в экзотические шарфы, оленьи меха и шкуры карибу.

— Вытаскивайте лодку на берег — и пошли отсюда, — распорядился Барни.

— Я — за, — проворчал Даллас. — Их репетиции кого хочешь прикончат.

Спайдермэн, заметив Барни, затрусил к нему по песчаному берегу, прижимая к груди свою трубу. Его красный нос резко выделялся на болезненно бледном лице.

— Барни, нам необходим зал для репетиций! — взмолился он. — Этот свежий воздух угробит нас как пить дать. Кое-кто из моих парней не вылезал из помещения по несколько лет.

— Ничего, пусть прочистят легкие.

— Им больше нравятся прокуренные.

— Ладно, попробую...

— Враг на горизонте! — крикнул Текс. — Взгляните-ка — отряд особого назначения!

Это было удивительное зрелище. Из-за островов в устье залива одна за другой входили лодки дорсетских индейцев, все больше и больше, пока вода не почернела от них. По мере того как лодки приближались, видно было, как над каждой лодкой что-то мелькает в воздухе, и слышалось нарастающее гудение.

— Не похоже на дружеский визит, — заметил Текс.

— Может быть, у них мирные намерения, — сказал Барни без малейшего энтузиазма.

— Хочешь пари? — презрительно предложил Даллас.

— Ну хорошо, тогда мы занимаем... как это называется?... оборонительную позицию. Что вы предлагаете?

Текс ткнул пальцем в Далласа.

— Он старший, поэтому пусть отдает приказания.

— Хорошо! — рявкнул Даллас. — Убрать всех гражданских с берега, сообщить Оттару, чтобы он запер свой форт, а все киношники пусть отправляются в лагерь. Там мы выстраиваем автомашины кольцом, трейлеры — внутри и раздаем оружие всем мужчинам, которые были на военной службе. Затем сидим и ждем. Текс, загоняй гражданских в лагерь.

— Вроде неплохо, — согласился Барни. — Но вы, кажется, забыли, что мы приехали сюда для съемки фильма? Пусть Джино со своей камерой расположится на вершине вон того холма, с которого видно все происходящее. И мне понадобится другой оператор с ручной камерой внутри форта, который мог бы снять нападающих индейцев, когда они приблизятся вплотную. — Он перебрал в уме всех возможных кандидатов на должность второго оператора и пришел к неизбежному, хотя и неприятному выводу, что он был единственным, кто мог с этим справиться. — Наверно, мне придется остаться там с Оттаром и его молодчиками.

— Если тебе так уж хочется, — сказал Даллас, задумчиво глядя, как музыканты повернулись и быстрым шагом двинулись обратно. — Джино со своей камерой расположится в кузове грузовика. Грузовик поставим на вершине холма, и в кабине будет наготове шофер. Поскольку грузовик окажется между берегом и лагерем, его будет прикрывать Текс с дробовиком, я поручаю ему командование. Если он скажет — отступать, грузовик отъедет в тыл. А я пойду с тобой в форт Оттара.

— Ну что ж, неплохо придумано. Пошли.

По мере того как все больше и больше лодок появлялось из-за островов, движение передних замедлялось, словно индейцы накапливали силы для атаки. Но так или иначе это дало возможность людям на берегу подготовиться к обороне. Когда в лагере претворили в жизнь указания Далласа, он и Барни вскочили в джип и затряслись по кочкам, держа курс на поселение викингов. Даллас вооружился револьвером, за

плечом у него был пистолет-пулемет, на ремнях крест-накрест он повесил гранаты, а на заднем сиденье джипа уложил какие-то зловещего вида металлические ящики. Как только джип въехал в форт, за ним закрылись огромные двустворчатые ворота, и длинный деревянный засов опустился на место. Стоя на подмостках для стрельбы, Барни увидел, как на вершину холма задним ходом въехал грузовик.

— Отчего такой шум? — спросил Оттар.

— Не имею ни малейшего представления, — пожал плечами Барни. — Смотри, они наступают!

По заливу будто волна прокатилась — это лодки из кожи сомкнутым строем двинулись вперед.

Барни установил свою 35-миллиметровую камеру наверху бревенчатой стены и начал снимать наступающие широким фронтом лодки. В это мгновение облака разошлись, и солнечные блики заиграли на лопастях бесчисленных весел и на летящих брызгах. Это была мрачная, впечатляющая картина. Черные лодки и одежды гребцов создавали впечатление армады тьмы. По мере того как лодки приближались, какой-то необычный, внушающий страх шум становился все сильнее и сильнее, и Барни прилип к камере и продолжал снимать, радуясь, что он так сильно занят. Он был уверен, что, если бы не работа, он обратился бы в паническое бегство.

— Я когда-то уже слышал такой шум, — сказал Даллас. — Что-то вроде свиста, только не такой громкий.

— Не припомнишь ли, где? — спросил Барни, поворачивая объектив на турели, чтобы снять крупным планом одну из лодок первого ряда. Она была уже совсем близко.

— Ну да, в Австралии. У них там есть туземцы, так называемые аборигены, и один из туземных шаманов вращал над головой жезл, привязанный за веревку, и от этого получался такой шум.

— А, конечно. Многие примитивные племена используют подобный бич. Считается, что он обладает волшебными свойствами. Теперь я начинаю понимать, почему при этом получается такой звук. Очевидно, в каждой лодке есть специальный индеец, который вращает бич над головой.

— Мое волшебство одержит верх над их волшебством, — сказал Оттар, взмахивая топором.

— Не напрашивайся на неприятности, — предупредил Барни. — Мы должны, если это только возможно, избежать кровопролития.

— Что?! — воскликнул потрясенный Оттар. Дух викинга выиграл в нем. — Они хотят воевать — пожалуйста. У нас нет трусов.

Он свирепо уставился в лицо Барни, ожидая ответа.

— Они высаживаются, — сказал Даллас, вставая между двумя мужчинами.

Теперь все сомнения относительно враждебных целей визита исчезли. Как только лодка касалась берега, гребцы вытаскивали ее на песок и брали из нее копья, луки и мягкие колчаны, наполненные короткими стрелами с каменными наконечниками. Барни сконцентрировал все внимание на крупноплановых съемках. Джино, стоявший на холме, должен был заснять всю панораму и все вооружение в деталях.

— Оттар, — сказал Даллас, — прикажи своим людям укрыться и не высовывать головы.

Оттар что-то проворчал, но отдал соответствующее распоряжение. Викингам было нелегко примириться с необходимостью обороны, но даже викинги не были самоубийцами. Количество атакующих превышало количество обороняющих форт по крайней мере в двадцать раз, и драчливым норвежцам приходилось принимать в расчет такое превосходство.

Над головой просвистели первые стрелы, и дротик воткнулся в стену прямо над камерой Барни. Он быстро присел и просунул объектив в щель между бревнами. Это значительно сузило его поле зрения, однако было несравненно полезнее для здоровья.

— Оружие трусов, — пробормотал Оттар. — Трусливые собаки. Разве так сражаются?!

Со злости он грохнул топором о щит. Викинги презирали лук и стрелы и верили только в рукопашную схватку, которая наводила ужас на противников.

Когда все лодки достигли берега и были разгружены, боевые действия зашли в тупик. Дорсетские индейцы окружили бревенчатую стену, пытаясь проникнуть внутрь. Некоторые из них пробовали карабкаться на стены, однако смертоносные топоры викингов, молниеносно отсекавшие головы и руки, охладили их пыл. Нападающие размахивали оружием и кричали тонкими пронзительными голосами, которые заглушал свист рассекающих воздух бичей. За спинами воинов, в тылу, стояла маленькая группа индейцев. Даллас указал на нее.

— Кажется, это вожди или кто-то вроде этого. Одеты по-другому, в меховые куртки с лисьими хвостами.

— Они больше смахивают на шаманов, — отозвался Барни. — Интересно, что они замышляют?

Индейцы развили бурную деятельность, похоже было, что они выполняли указания людей в меховых одеждах. По их требованию воины бежали к ближайшему лесу и возвращались, нагруженные сучьями.

— Неужели они хотят проломить стену? — спросил Барни.

— Наверно, еще хуже, — задумчиво ответил Даллас. — Скажи, эти дорсетские парни знакомы с огнем?

— Должно быть, Йенс говорил мне, что в развалинах их домов были найдены очаги и зола.

— Именно этого я и боялся, — мрачно заметил Даллас и указал на основание стены, где уже возвышалась гора сухих веток и сучьев.

Все копы, мечи и топоры викингов оказались совершенно бесполезными; гора продолжала расти. Еще через минуту из группы вождей в тылу вырвался человек и побежал через кричащую толпу воинов с горящим факелом в руке. Копья, бросаемые викингами, градом сыпались вокруг него, но, приблизившись к горе из сучьев, он размахнулся и швырнул факел. Описав в воздухе огненную дугу, пылающий факел упал на вершину сушняка, тот затрещал и вспыхнул.

— Я могу положить конец этому прямо сейчас, — сказал Даллас, наклоняясь, чтобы открыть стальные ящики, стоявшие перед ним.

— Нет, — сказал Оттар, опустив руку ему на плечо. — Они хотят драться — пожалуйста. Мы сами справимся с костром.

— Может быть, но при этом вас всех прикончат.

— Ну что ж, мы тоже кое-кого прикончим, — сказал Оттар, со злобной улыбкой спрыгнув с подмостков. — Кроме того, Барни нужны хорошие кадры битвы с индейцами.

Барни заколебался, однако он не мог не обратить внимание на спокойный, невозмутимый взгляд Далласа.

— Конечно, мне нужна картина, — выпалил он. — Но не ценой жизни людей. Пусть Даллас прекратит все это.

— Нет, — твердо сказал Оттар. — У тебя будет хорошая битва для твоего фильма. — Он громко рассмеялся. — Не будь таким грустным, мой старый друг, мы сразимся и за себя тоже. Скоро вы уедете, и, когда мы останемся здесь одни, нам

хочется, чтобы эти варвары уже знали, что такое викинги в бою.

В следующее мгновение он исчез.

— Он прав, — заметил Даллас. — Но если дела у них пойдут плохо, мы должны быть готовы прийти на помощь. — Он открыл самый большой ящик и достал оттуда громкоговоритель и моток изоляционного провода. — Я хочу установить эту штуку вдоль стены, как можно дальше отсюда, насколько хватит провода.

— Что это?

— Громкоговоритель для кердлерной установки. Посмотрим, как будут чувствовать себя индейцы, когда услышат этот рев.

Оттар собрал всех своих воинов перед воротами, доверив охрану стен женщинам и подросткам. Две женщины стояли у ворот, готовые распахнуть их по сигналу Оттара, и Барни, потрясенный, увидел, что одной из этих женщин была Слайти. А он-то думал, что Слайти находится в безопасности, в лагере! Он крикнул, чтобы она вернулась, в то самое мгновение, когда Оттар поднял над головой топор, и его слова потонули в реве сотни глоток викингов. Ворота широко распахнулись, и из них вырвался отряд норвежских воинов. Женщины поспешно заперли ворота на засов.

Это была схватка, которую викинги больше всего любили и которой больше всего наслаждались. Ревущей компактной массой они рванулись вперед и врезались в ряды дорсетских индейцев. Огромное численное превосходство индейцев сейчас не имело значения, потому что они не могли сражаться с этими северными мясниками, защищенными щитами и металлическими шлемами. Действительно, схватка походила на бойню — короткие мечи и боевые топоры викингов разили индейцев направо и налево.

Дорсетские воины повернулись и обратились в бегство: им больше ничего не оставалось. Они бежали под неумолимым натиском залитых кровью убийц. Однако, когда противники разделились на две группы, между ними образовалось свободное пространство, и характер битвы изменился. Дротики полетели в толпу викингов, и стрелы градом посыпались на их щиты. Вот упал один северянин — копье пронзило ему ногу, за ним другой. Индейцы начали понимать, что происходит, и держались на расстоянии, осыпая викингов дождем

дротиков и стрел. Викинги не могли приблизиться к противнику, а они умели драться только лицом к лицу. Было ясно, что через несколько мгновений положение северных воинов станет безнадежным. Они будут окружены и перебиты один за другим.

— Если ты можешь что-то сделать, — сказал Барни, — то сейчас самое время, Даллас.

— Ясно. У меня только одна пара затычек для ушей, так что я бы на твоём месте заткнул уши пальцами.

Барни открыл рот, чтобы ответить, но в это мгновение Даллас повернул выключатель, и его голос и все остальные звуки были моментально поглощены совершенно невообразимым, убийственным ревом, который внезапно вырвался из громкоговорителей. Барни инстинктивно заткнул уши и прижал ладони к голове. Даллас, удовлетворенно кивнув, извлек из второго ящика дымовые гранаты и гранаты со слезоточивым газом и начал с профессиональной меткостью бросать их в индейцев.

По-прежнему крепко прижимая ладони к ушам, с лицом, искаженным болезненной гримасой, Барни поднял голову и посмотрел вниз. За несколько секунд положение на поле боя резко изменилось. Кердлер и гранаты были так же незнакомы викингам, как и индейцам, однако викинги при этом тотчас же собрались в еще более тесную группу и ошетились мечами и копьями для круговой обороны. Реакция дорсетских индейцев была совершенно иной. Ими овладела паника. Ужасающий рев разрывал им барабанные перепонки. Столбы удушяющего дыма вырастали вокруг них, они ничего не видели и не могли дышать. Забыв обо всем, они обратились в паническое бегство. Всего минуту назад они были атакующей армией. Теперь же берег был усыпан сотнями бегущих фигур и темными точками трупов, лежащих здесь и там. Все было кончено. Отталкивая друг друга, индейцы прыгали в лодки. Только несколько отставших индейцев метались в облаках слезоточивых газов на берегу.

Воины Отгара стояли плечом к плечу, готовые сразиться с любым врагом, будь то люди или сверхъестественные силы. Даже те, кого ослепили бомбы со слезоточивым газом, были готовы к бою, как и их товарищи. Храбрые викинги представляли поистине внушительное зрелище.

Когда Даллас выключил кердлер, тишина, казалось, за-

пульсировала. Уши Барни оглохли, все еще наполненные невероятным, убийственным ревом. Он медленно уронил руки и выпрямился. Дорсетские индейцы побеждены и обращены в бегство, в этом не было сомнения. Викинги опустили щиты и с победными криками размахивали оружием. Голос Далласа, стоявшего рядом, доносился откуда-то издалека, как будто сквозь несколько слоев ваты. Даллас пальцем указывал на грузовик, все еще стоявший на вершине холма.

— Они даже не подумали напасть на грузовик или на лагерь, так что Джино, наверно, крутил свою машину, не переставая. — Затем взгляд Далласа упал на ликующих северян, которые оттаскивали горящий сушняк от стены. — Ну, вот тебе и битва с индейцами, вот тебе и твой фильм.

Барни отвернулся от убитых и раненых и начал спускаться с холма.

Глава 18

— Вот закат, которого мы ждали, Барни, — сказал Чарли Чанг. — Только взгляни на эти краски!

— Тогда снимаем, — сказал Барни, глядя на своих людей, собравшихся на склоне холма. — Ты готов, Джино?

— Еще минутки две-три, — попросил оператор, глядя в видискатель съемочной камеры. — Как только облака немного отнесет в сторону и я смогу снимать прямо на солнце.

— О'кей, — сказал Барни и повернулся к Оттару и Слайти, одетым в лучшие костюмы викингов. На щеке Оттара был резиновый шрам, и виски покрашены в седой цвет. — Итак, это последняя сцена фильма, самая последняя сцена. Я все время ждал, чтобы появились необходимые краски. Все остальное уже готово и уложено в коробки. Эта сцена будет показана в таком порядке: первый эпизод, второй, третий, но мы будем снимать ее иначе: первый, третий и второй. В самом конце ваши силуэты должны быть видны на багровом фоне заката. В первом эпизоде вы поднимаетесь по склону холма, медленно, рука об руку, и останавливаетесь на вершине в том месте, где прочерчена линия. Вы стоите на вершине холма и смотрите в море до тех пор, пока я не крикну: «Дальше!» Тогда Слайти кладет руку на плечо Оттара. Это конец первого эпизода. Затем Оттар обнимает Слайти и держит руку на ее талии, пока мы не отступим назад и не снимем ваши фигуры вдалеке на фоне заката. Понятно?

Оба кивнули.

— Готово! — крикнул Джино.

— Одну секундочку. Когда я крикну «стоп», вы остаетесь на холме, мы подкатываем камеру и снимаем следующий эпизод, который весь состоит из разговора. Тоже понятно?

Все прошло без сучка и задоринки. К тому времени Оттар стал почти профессионалом — по крайней мере, он выполнял указания Барни без пререканий. Они рука об руку поднялись на вершину холма и остановились, глядя на закат. По склону холма были проложены доски, чтобы камера двигалась медленно и плавно, и рабочие, подгоняемые криками Барни, осторожно откатали камеру от вершины холма так, чтобы фигуры влюбленных постепенно исчезали на багровом фоне.

— Стоп! — крикнул Барни, когда тележка с камерой уперлась в конец дорожки. — Главным героям оставаться на месте. Снимаем дальше, пока еще не стемнело.

Все забегали туда-сюда, но без суеты, каждый знал свое дело. Камеру перекатали обратно к вершине холма, где звукооператоры уже устанавливали магнитофон и микрофоны. Слайти, нахмурившись, зубрила свои реплики, а девушка из сценарного отдела читала Оттару его слова. Солнце уже почти касалось поверхности моря, и небо окрасилось ярким пламенем.

— Готово, — сказал Джино.

— Камера! — скомандовал Барни. — И чтобы никто не произнес ни звука, ни единого звука.

— Вон там, — сказал Оттар, протягивая руку вперед, — там, за океаном, наш дом. Ты не скучаешь по нему, Гудрид?

— Долго я скучала по нему, но больше не думаю об этом. Мы боролись и умирали за эту землю, и теперь она наша. Винланд... этот новый мир, он стал нашим домом.

— Стоп. Отлично, начинайте печатать. По-моему, на этом мы кончили.

Все восторженно закричали, Слайти поцеловала Барни, а Оттар стиснул его руку своей лапой. Это был волнующий момент, потому что картина была почти закончена, оставалось только проявить, отпечатать и смонтировать заключительные сцены — и фильм будет готов. Вечеринка, намеченная на тот же день, обещала стать настоящим большим праздником.

Так оно и случилось. Даже погода пошла им навстречу и позволила, не включая электронагревателей, поднять одну из брезентовых стен столовой. На столе были индейка и шампанское, четыре сорта десерта и неограниченное количество

алкогольных напитков. Все члены съемочной группы, большая часть викингов и несколько норвежских женщин приняли участие в празднике. Да, это была веселая вечеринка.

— Я не хочу уезжать, — рыдала Слайти, роняя слезы в шампанское.

Барни успокаивающе похлопал ее по свободной руке, а Отгар с чувством стиснул ей бедро.

— По сути дела, ты никуда не уезжаешь и не оставляешь своего ребенка, — в сотый раз объяснял Барни. Он сам удивлялся собственному терпению, но в этот вечер все было необычно. — Ты знаешь, что Кирстен сойдет с ума, если ты будешь отсутствовать даже короткое время, но в этом нет необходимости. Кроме того, согласишься, что появление ребенка в Калифорнии, когда на прошлой неделе ты даже не была беременна, будет трудно объяснить. Особенно во время рекламной кампании, которая будет организована для фильма. Таким образом, все, что от тебя требуется, — это подождать до выхода фильма на экраны. К тому времени ты решишь, что делать со своим ребенком. Не забудь, что в Калифорнии ты даже не замужем, а у них для таких ситуаций особо строгие законы. Как только ты решишь вернуться, профессор обещал доставить тебя обратно. После твоего отъезда пройдет не больше минуты. Что может быть проще?

— Пройдет много месяцев, — рыдала Слайти, и Барни начал было объяснять ей все в сто первый раз, когда Чарли Чанг тронул его за руку и передал еще один коктейль.

— Я только что беседовал с профом о природе времени, — сказал Чарли.

— Не желаю говорить о природе времени, — сказал ему Барни. — После всего, что случилось за последние две недели, я бы с радостью согласился совсем забыть о времени.

Для всех них это было нелегко. Немногим более четырех дней прошло в Калифорнии — по часам на контрольной панели времематрона сейчас там был вечер четверга — и это были действительно трудные дни.

Все это время они мотались туда-сюда из одиннадцатого века в двадцатый, монтируя фильм и производя его озвучивание в лабораториях студии. Спайдермэн со своими ребятами записывал музыкальное сопровождение в одном из павильонов. То и дело приходилось перепрыгивать назад в прошлое на один-два дня, чтобы использовать студийное оборудование чуть не все двадцать четыре часа в сутки, и не раз случа-

лось, что одни и те же люди пересекали собственные временные траектории. Барни, сколько ни старался, никак не мог забыть трех профессоров Хьюиттов, оживленно беседующих друг с другом. Он отхлебнул из стакана.

— Нет, ты послушай, — настаивал Чарли Чанг. — Я знаю, что все мы немного чокнутые оттого, что нам то и дело придется пожимать руки самим себе, но я не это имею в виду. Я хочу спросить, почему мы снимаем фильм в этом месте Лабрадора?

— Потому что именно сюда нас доставил профессор.

— Совершенно верно. А почему профессор доставил нас именно сюда?

— Потому что это одно из тех мест, которые они с Йенсом осматривали в поисках поселений, — медленно ответил Барни. Сегодня вечером его терпение было поистине безгранично.

— Тоже верно. А теперь скажи, ты когда-нибудь задумывался над тем, почему Йенсу пришлось в голову искать следы поселений именно здесь? Ну-ка, ответьте ему, профессор!

Хьюитт поставил на стол свой стакан и промокнул губы салфеткой.

— Мы решили осмотреть это место из-за раскопок, которые в начале шестидесятых годов проводил в этом месте Хельге Ингстад. Он обнаружил остатки девяти строений, и радиоактивный анализ древесного угля показал, что поселение существовало в самом начале одиннадцатого века, примерно в тысячном году.

— Теперь ты понимаешь, что это значит? — спросил Чарли.

— Объясни мне, — рассеянно ответил Барни, мурлыча про себя песенку «Викинги всегда идут вперед» — музыкальную шапку фильма, которую Спайдермэн наигрывал где-то за их спинами.

— Сейчас тысяча шестой год, — сказал Чарли. — И в поселении Оттара построено девять зданий, причем два из них — всего лишь бревенчатые коробки, мы их сожгли для съемки фильма. Итак, здесь, в Эпавесском заливе, находится поселение норвежцев одиннадцатого столетия, потому что следы этого поселения были обнаружены в двадцатом веке. Таким образом, можно сказать, что во времени существует кольцо без начала и без конца. Мы прибыли сюда, чтобы оставить следы, находка которых заставит нас прибыть сюда, чтобы оставить следы, находка которых...

— Достаточно, — сказал Барни, поднимая руку. — Я уже

слышал об этих кольцах времени. Через минуту ты будешь говорить мне, что все старые норвежские саги о викингах — сущая правда именно благодаря нашему фильму или что Оттар не кто иной, как Торфинн Карлсефни, викинг, который основал первое норвежское поселение в Винланде.

— Конечно, — раздался голос Оттара. — Это я и есть.

— Что ты хочешь этим сказать? — быстро мигая, спросил Барни.

— Я и есть Торфинн Карлсефни, сын Торда Лошадиная Голова, сына Торхильда Рупа, дочери Торда...

— Тебя зовут Оттар.

— Конечно, Оттар — имя, так меня зовут люди, короткое имя. Но мое настоящее имя — Торфинн Карлсефни, сын Торда...

— Я припоминаю некоторые саги о Карлсефни, — сказал Чарли. — Когда я работал над сценарием, мне пришлось перечитать целую гору материалов. В одной из саг сказано, что он прибыл в Винланд, по дороге остановившись в Исландии, и женился на девушке по имени... Гудрид.

— Но ведь так зовут Слайти в нашей картине! — с трудом выговорил Барни.

— Подождите, это еще не все, — продолжал Чарли глухим голосом. — Я вспоминаю, что у Гудрид в Винланде родился ребенок, которого называли Снорри.

— Снорри, — прошептал Барни и почувствовал, как у него волосы встают дыбом. — Один из семи гномов «Белоснежки»...

— Я не понимаю, почему все вы так обеспокоены случившимся, — заметил профессор Хьюитт. — Вот уже несколько недель нам известно о существовании временных колец. То, что мы сейчас обсуждаем, — это уже детали, речь идет всего лишь об одном таком кольце.

— Но что же это означает, профессор, что все это означает? — воскликнул Барни. — Если это именно так, значит, единственная причина, по которой викинги решили поселиться в Винланде, заключается в том, что мы решили снять фильм, показывающий, как викинги поселились в Винланде.

— Ну что ж, эта причина не хуже любой другой, — спокойно заметил профессор.

— Пожалуй, только к этому нужно привыкнуть, — пробормотал Барни.

Потом все говорили, что вечеринка надолго запомнится, и она продолжалась всю ночь до самого рассвета, так что на следующий день удалось сделать очень немногое. Однако на-

пряжение заметно упало, и уже не было необходимости в том, чтобы работали все до одного. Люди разбились на маленькие группы и двинулись кто куда. Некоторые решили отдохнуть на Санта-Каталине, хотя большая часть людей хотела поскорее отправиться домой. Они исчезли, радостно размахивая над головой табелями рабочего времени, и в бухгалтерии «Клаймэктик студиоз» свет горел всю ночь.

Когда фильм был полностью окончен и была сделана копия, которую Барни аккуратно уложил в металлические коробки, в лагере оставалась всего лишь горстка людей — в основном шоферы, которые должны были транспортировать машины в двадцатое столетие.

— Боюсь, что нам не скоро удастся подышать опять таким свежим воздухом, — сказал Даллас, глядя с холма на поселение викингов на берегу залива.

— Пожалуй, я буду скучать о чем-то гораздо большем, — ответил Барни. — Только теперь начинаю понимать, что все это время я ни о чем, кроме картины, не думал, а сейчас, когда она готова, у меня такое чувство, что произошло что-то намного более значительное, чем нам представлялось раньше. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю. Но не забудь, что наши парни увидели Париж только потому, что правительство послало их воевать с немцами. Что происходит, то происходит, вот и все.

— Наверно, ты прав, — заметил Барни. — Только не говори об этом вслух. Уж слишком это похоже на профессорские временные кольца.

— Что случилось с твоей рукой? — внезапно спросил Даллас.

— Похоже на занозу, — ответил Барни.

— Я попрошу медсестру ее выдернуть, пока она еще не закрыла свою лавочку.

— Ладно, только пусть поторопится, через десять минут трогаемся.

Медсестра с шумом распахнула дверь трейлера и подозрительно оглянулась.

— Извините, но все уже заперто.

— Вы меня тоже извините, — твердо сказал Барни, — но придется отпереть. Необходима срочная медицинская помощь.

Взглянув на руку, сестра презрительно фыркнула, однако открыла медицинский шкафчик.

— Никак не могу подцепить занозу пинцетом, — сказала

она наконец со скрытым злорадством в голосе, — поэтому придется немного разрезать скальпелем.

Операция заняла всего минуту, и Барни, который думал о более важных вещах, даже не почувствовал боли, пока сестра не помазала крошечную ранку йодом.

— Ой! — сказал он.

— Ну-ну, мистер Хендриксон, такая безделица не может причинить боль, во всяком случае, не такому большому мужчине, как вы. — Она открыла дверцу второго шкафчика. — К сожалению, все пакеты первой помощи кончились, поэтому мне придется временно перевязать руку простым бинтом.

Она быстро обмотала ладонь двумя слоями бинта, и Барни вдруг рассмеялся, вспомнив что-то.

— Заноза! — сказал он и, посмотрев вниз, впервые заметил, что на нем были его лучшие брюки из рогожки и кожаная куртка. — Готов поспорить, что у вас в шкафчике есть меркурохром, я просто убежден в этом.

— Какие странные вещи вы говорите! Конечно, есть.

— Тогда намотайте побольше этого бинта, чтобы повязка выглядела огромной. Я покажу ему, что садистский...

— Что? Кому ему?

— Мне, вот кому. Вот как я обращался с самим собой, и теперь я собираюсь отплатить себе. Подумать только, что я осмелился так обращаться с собой!

Сестра замолчала и проворно обмотала руку Барни бинтом, сделав нечто вроде культи, как он и просил. Даже когда Барни схватил пузырек с меркурохромом и щедро полил повязку красной жидкостью, которая закапала чисто вымытый пол, она не произнесла ни единого слова. Когда Барни спустился по лесенке, что-то радостно бормоча себе под нос, за его спиной щелкнул замок.

— Ты ранен? — спросил Оттар.

— Не совсем, — сказал Барни и протянул левую руку, которую Оттар тотчас же стиснул. — Ну, не волнуйся и берегись индейцев.

— Я не боюсь их! Мы заготовили много твердой древесины, наживем целое состояние в Исландии. Ты пришьешь Гудрид обратно?

— По местному времени и двух минут не пройдет, но что будет потом, пусть она сама решает. Ну, пока, Оттар.

— До свидания, Барни. Приезжай снимать новый фильм и плати «Джеком Даниэльсом».

— Может быть, я так и сделаю.

Это был последний прыжок во времени. Платформа стояла на площадке с вытоптанной травой и многочисленными следами автомобильных шин. Коробки с фильмом лежали в пикапе — единственной машине, которая оставалась на платформе. Даллас сидел за рулем, рядом с ним сгорбилась Слайти с заплаканными глазами и в мятom платье.

— Поехали! — крикнул Барни профессору Хьюитту и в последний раз вдохнул полной грудью свежий морской воздух.

Профессор перебросил всю группу вместе с грузовиками и трейлерами в пятницу, и только Барни с коробками фильма прибыл в понедельник на этой же неделе.

— Дайте мне побольше времени, профессор, — попросил Барни. — Мне нужно быть в кабинете Л. М. в десять тридцать.

Сразу же после прибытия он позвонил и подождал в павильоне посыльного с тележкой. Когда они погрузили фильм на тележку, было уже двадцать минут одиннадцатого.

— Кати теперь к кабинету Л. М., — распорядился Барни. — Я пойду вперед с коробкой номер один.

Он быстро зашагал по коридору и, обогнув угол, увидел знакомую фигуру, уныло, как побитая собака, поднимавшуюся по ступенькам. Барни злорадно усмехнулся, проследовав за самим собой через вестибюль до дверей кабинета Л. М., но тот Барни ни разу не повернул головы. Барни подождал, когда тот толкнет дверь, затем протянул руку через его плечо и отдернул его руку.

— Не входи туда, — сказал он.

— Да как вы осмелились! — крикнул ранний Барни, повернулся, взглянул ему в лицо и отшатнулся, выпучив глаза и дрожа всем телом, словно плохонький актер в третьесортном фильме ужасов.

— Великолепно, какая игра! — воскликнул Барни. — Может, тебе вместо того, чтобы ставить фильмы, стоило играть в них, а?

— Ты... Я... — по-идиотски забормотал тот в ответ.

— Ты очень наблюдателен, — сказал Барни. И тут он вспомнил про чертеж. Как было бы хорошо избавиться от него! — Подержи-ка одну секунду, — сказал он, сунув коробку с фильмом в руки своего двойника.

Он не мог достать бумажник из кармана забинтованной рукой, поэтому ему пришлось пустить в ход левую руку. Второй Барни держал коробку и только бормотал что-то себе под нос, пока Барни не сунул ему в руку чертеж и не забрал коробку с фильмом.

— Что случилось с моей рукой... твоей рукой? — в ужасе спросил второй Барни.

«Пожалуй, ему надо сказать», — подумал Барни, но тут он увидел посыльного с тележкой и распахнул дверь.

— Передай это профу, — сказал Барни, пропуская посыльного, и не смог удержаться от того, чтобы не уколоть в последний раз: — И перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он прошел вслед за посыльным, не оглядываясь, и дверь за его спиной захлопнулась. Барни не сомневался, что дверь не откроется, и наслаждался тем, что впервые в жизни был в чем-то абсолютно уверен. Эта уверенность помогла ему пройти мимо мисс Заккер, которая пыталась сказать ему что-то о представителях банка. Барни только отмахнулся от нее и открыл дверь в святилище, пропуская посыльного с нагруженной тележкой. Сидевший за своим письменным столом бледный Л. М. взглянул на него, и шесть седовласых людей с непроницаемыми лицами тоже взглянули в сторону двери, чтобы увидеть того, кто осмелился прервать их разговор.

— Прошу извинить меня за опоздание, джентльмены, — сказал Барни спокойным, уверенным голосом. — Но я убежден, что мистер Гринспэн вам уже все объяснил. Мы были за рубежом и только что прибыли обратно с копией фильма, о котором говорил вам мистер Гринспэн. Здесь миллионы, господа, эта картина открывает новую эру в кинематографическом искусстве и обещает невиданные прибыли для «Клаймэтик студий».

Посыльный остановился, коробки с фильмом звякнули, и Сэм, сидевший где-то в самом темном углу кабинета, испустил едва слышный вздох.

Глава 19

— Надеюсь, вы извините меня, если я не буду вставать, — сказал Йенс Лин. — Доктор очень строго относится к послеобеденному отдыху.

— Конечно, конечно, — заверил его Барни. — Рана все еще болит?

Йенс лежал в шезлонге в саду своего дома и выглядел намного хуже и бледнее, чем во время их последней встречи.

— Не очень, — ответил Йенс. — Она уже заживает. Я могу

двигаться, я даже вчера был на премьере. И вынужден признать, что фильм во многих отношениях мне нравится.

— Тебе следовало быть репортером. Один из критиков обвинил нас в попытке снять натуралистический фильм, в попытке, которая потерпела полную неудачу. Он заявил, что статисты в фильме, совершенно очевидно, взяты из Голливуда и что ему удалось узнать некоторые места калифорнийского побережья, где якобы производились съемки фильма.

— Ну что ж, я понимаю его. Хотя я сам присутствовал при съемках фильма, но, сидя в зрительном зале, я испытывал какое-то чувство нереальности. Наверно, мы так привыкли к чудесам в кино и к тому, что действие фильма происходит в самом необычном месте, что нам все фильмы кажутся нереальными. Но слушай, если критики относятся к фильму отрицательно, значит, он потерпел неудачу?

— Ни в коем случае! Критики всегда выступают против фильмов, которые делают большие кассовые сборы. Мы уже получили в десять раз больше, чем затратили, а деньги все еще текут рекой. Эксперимент оказался на редкость успешным, и сегодня у нас на заседании обсуждаются съемки следующей картины. Мне просто захотелось навестить тебя и... ты знаешь... я надеюсь, что ты не...

— Нет, я не сержусь на тебя, Барни. Все это уже прошло. Это я должен извиниться перед тобой за то, что вспылал. Сейчас я вижу все совершенно в другом свете.

Барни расплылся в улыбке.

— Это для меня самая лучшая новость. Должен признаться, Йенс, я чувствовал себя виноватым. Я даже принес с собой дары мира, хотя, собственно говоря, эту штуку раздобыл Даллас, он попросил меня передать ее тебе.

— Боже мой! — сказал Йенс, заглядывая в небольшой пакет и извлекая оттуда зазубренный продолговатый кусок дерева.

— Эту штуку дорсетские индейцы укрепляют на концах бичей. Когда они напали на лагерь Оттара, они крутили их над головами.

— Ну конечно, вот что это такое... — Йенс взял со стола толстый том. — Очень любезно с твоей стороны подумать обо мне. Когда увидишь Далласа, передай ему мою благодарность. У меня тут уже побывало несколько человек из нашей съемочной группы, и они рассказали о событиях, происшедших после моего отъезда. Кроме того, я немало прочел об этом.

Йенс указал на книгу, и Барни вопросительно поднял брови.

— Это исландские саги на старонорвежском языке — именно на этом языке они были написаны. Конечно, почти все саги — лишь устные предания, которые двести лет передавались из поколения в поколение, прежде чем были записаны, однако их точность просто удивительна. Я прочитаю тебе отрывок из саги Торфинна Карлсефни и рассказ о гренландцах. Вот: «К концу этого времени было обнаружено множество варваров с юга, затопивших все подобно реке... они вертели в руках шесты, издавая громкие крики». Шесты, о которых здесь говорится, и были бичами с такими, как эта, штуками на концах.

— Ты хочешь сказать, что Оттар... Торфинн... и все, что действительно случилось с ним, записано в этих сагах?

— Именно все. Конечно, некоторые места опущены и чуть-чуть искажены, но ведь двести лет, пока саги передавались из уст в уста, — долгий срок. Зато путешествие, строительство поселения, нападение индейцев, даже мороженое и бык, напугавший индейцев во время их первого визита, — все это здесь есть.

— А там говорится... что с ним случилось потом?

— Из того, что там написано, ясно, что Оттар вернулся в Исландию или рассказал историю своих приключений другим норвежцам, которые побывали в Винланде. Насчет его дальнейшей жизни существуют различные версии, но все источники сходятся на том, что он стал богатым человеком и прожил долгую счастливую жизнь.

— Я рад за Оттара, он это заслужил. Скажи, а там говорится, вернулась ли к нему Слайти?

— Гудрид норвежских саг? Ну конечно. Я читал заметку об этом в одной из газет.

— Да, несомненно, ее написал не рекламный агент Слайти. Она-де бросает кинематографию ради человека, которого любит, и самого лучшего ребенка в мире и удаляется с ними на ранчо, где водопроводная система не самого современного образца, но тем не менее все очень мило и где совершенно восхитительный чистый воздух.

— Совершенно верно.

— Бедная Слайти. Интересно, имеет ли она представление, в каком месте — или в каком времени — находится это ранчо?

Йенс улыбнулся.

— Ты думаешь, это хоть сколько-нибудь важно?

— Пожалуй, ты прав.

Йенс извлек из книги фотокопию газетной статьи.

— Я сберег это для тебя, надеясь, что ты зайдешь. На нее наткнулся один из моих студентов и решил, что это позабавит меня. Статья, появившаяся в «Нью-Йорк таймс», по-моему, в тысяча девятьсот тридцать пятом году.

— «Заседание прервано в результате скандала, — прочитал Барни. — Заседание конгресса Археологического общества было прервано: два делегата подрались в вестибюле... угрозы судебного иска за клевету... заявил, что доктор Перкинс пытался ввести в заблуждение научный мир, показав собравшимся осколок стеклянной бутылки, который он якобы нашел при раскопках поселения викингов в Ньюфаундленде. Было объявлено, что это обман, потому что такого рода стеклянный сосуд никогда не встречался в северных культурах, для них он слишком хорош и, более того, очень напоминает сосуд, используемый для розлива широко известного сорта американского виски...»

Барни улыбнулся и отдал фотокопию.

— Похоже, что Оттару было нелегко избавиться от пустой посуды... — Он поднялся со стула. — Мне неудобно вот так убегать, но я опаздываю на совещание.

— И еще одна деталь. В сагах то и дело упоминается имя человека, который имел, по-видимому, огромное влияние на развитие норвежских поселений в Винланде. Он действующее лицо каждой саги, он принимал участие в одном или нескольких путешествиях и даже продал Торфинну корабль, на котором тот совершил путешествие в Винланд.

— Ну да, это, должно быть... как его там... Торвальд Эрикссон — тот парень, у которого Оттар купил корабль.

— Нет, у него другое имя. Его зовут Бьярни Херлофссон.

— Все это очень интересно, Йенс, но мне действительно нужно бежать.

Барни уже вышел на улицу, когда вдруг до его сознания дошло, что после двухсот лет устных рассказов имя Барни Хендриксона может звучать именно так.

— Они даже меня туда всунули! — охнул он.

— Проходите, мистер Хендриксон, — сказала мисс Заккер и даже слегка улыбнулась. Она была идеальным барометром, и Барни знал, что его акции в «Клаймэктик» находятся на небывалой высоте.

— Мы вас ждем, — сказал Л. М., когда Барни вошел в кабинет. — Сигару?

Барни положил предложенную сигару в нагрудный карман и кивнул сидящим вокруг стола.

— Ну как, нравится? — спросил Л. М., тыча в голову тигра на стене. — Остальное у меня дома, делают чучело.

— Великолепно, — сказал Барни. — Но мне ни разу не приходилось видеть такого тигра.

Голова была почти в ярд длиной, и два огромных кошачьих клыка, каждый не меньше двенадцати дюймов, нависали над нижней челюстью.

— Это мечезубый тигр! — гордо произнес Л. М.

— А вы уверены, что не саблезубый?

— Подумаешь! Сабля тоже разновидность меча, правда? Эти двое, трюкачи... как их там зовут? Дайте мне список. Они организовали что-то вроде сафари, охоту на первобытных зверей, и «Клаймэктик» получает процент с прибылей без всяких затрат, если не считать, что они пользуются некоторым нашим оборудованием.

— Здорово придумано, — сказал Барни.

— Ну все, — сказал Л. М., постучав по столу своей золотой зажигалкой. — Я человек компанейский, не хуже других, а может, и получше, но пора приступать к делу. «Викинг Колумб» имел потрясающий успех. Мы должны ковать железо, пока горячо, и создать картину, которая имела бы еще более потрясающий успех. Вот почему мы здесь собрались. Как раз перед вашим приходом, Барни, Чарли Чанг заметил, что картины на религиозные темы снова начинают пользоваться спросом.

— Я не собираюсь это оспаривать, — сказал Барни, но тут же вскинулся: — Л. М., неужели вы...

Л. М. улыбнулся, не слушая его.

— И это, — продолжал он, — наводит меня на мысль о создании самой выдающейся картины на религиозные темы всех времен, картины, успех которой гарантирован.

•

*Время
для мятежника*

Роман

•

Глава 1

Главная Окружная дорога бетонным кольцом опоясывает столицу Соединенных Штатов Америки. Шестью рядами широко разливается она среди лесов Виргинии, захватывает спальные кварталы Александрии и через Потомак перебрасывается в Мэриленд. Здесь, на сравнительно дешевой земле, оседают правления фирм и бездымные заводы, вдруг вырастающие на лесных просеках по сторонам дороги. Примерно в этих местах отходит от Окружной на боковую магистраль съезд 42. И как раз перед знаком остановки уходит за деревья проселочная однорядка.

У дорожного знака старый «Понтиак» свернул на проселок. За первым же поворотом стоял большой белый дом без окон. Водитель не обратил внимания ни на дом, ни на знак, приглашающий в лабораторию номер два компании «Уикс электроникс». Водитель направился дальше по дороге, пока здание не скрылось из виду, и лишь затем свернул на поляну и заглушил двигатель.

Водитель вышел из машины и аккуратно, без шелчка, закрыл дверцу. Встав спиной к радиатору, он посмотрел на часы, явно равнодушный к первым проблескам багрянца и золота в листве осеннего леса. Им владела какая-то мысль, и она привлекала его внимание к часам. Случись здесь наблюдатель, он увидел бы высокого мужчину ростом чуть больше шести футов, с не слишком привлекательным лицом, которое портил чересчур острый нос. Однако этот дефект с лихвой искупался ровным загаром кожи и благородной сединой на висках, придававшими незнакомцу вполне достойный вид. Он сосредоточенно глядел на часы. Одет он был в неопределенного вида плащ, темно-синие брюки и черные ботинки.

Наконец человек удовлетворенно кивнул, нажал кнопку на часах, повернулся и пошел между деревьями. Двигаясь быстро, но бесшумно, он дошел до поваленного бурей дуба —

поваленного совсем недавно, ибо листья его только начали вянуть. Здесь человек припал к земле и прополз под прикрытием дерева не меньше пятнадцати футов. Потом он поднялся на ноги и поспешил вперед.

Через двадцать ярдов лес обрывался узкой, глубокой, заросшей травой канавой, окружавшей фундамент ограды. За оградой начиналась парковая лужайка с редкими деревьями, сквозь листву которых проглядывал угол здания «Уикс электроники». Человек спустился в канаву — и быстро выбрался из нее под защиту деревьев. Минутой позже с другой стороны вдоль ограды прошел охранник в униформе с немецкой овчаркой на коротком поводке. Едва они скрылись из виду, человек поспешил вдоль канавы, натягивая на ходу пару кожаных перчаток. Не останавливаясь, он вскарабкался на ограду, балансируя на самом верху под двойной полосой колючей проволоки. Он согнул колени, удерживая равновесие вытянутыми руками, потом мягко перепрыгнул через проволоку на другую сторону и рванул к ближайшей группе деревьев. Но не успел. Откуда-то вынырнул джип и, разрывая шинами дерн, резко затормозил перед бегущим. Охранник, сидящий рядом с водителем, поднял карабин и наставил его на чужака. Тот остановился и поднял голову. Охранник молча смотрел, как высокий человек медленно вскинул руку, взглянул на часы и нажал кнопку.

— Шесть минут девять и три десятых секунды, Лопес.

Охранник равнодушно кивнул и опустил оружие:

— Да, полковник.

— Плохо, черт побери, совсем плохо. — Человек уселся на заднее сиденье джипа. — Поехали в караулку.

Они объехали здание лаборатории, направляясь к низкому строению, не видному с дороги. Возле дома стояли люди в униформе. Они молча смотрели, как подъехал джип, и седой охранник с нашивками сержанта выступил вперед. Из джипа вышел полковник и показал на часы:

— Ваше мнение по поводу шести минут девяти и трех десятых секунды, в течение которых я шел незамеченным по лесу от дороги до объекта?

— Мне это не нравится, полковник Мак-Каллох, — ответил сержант.

— И мне тоже, Гринбаум, мне тоже. Я уже был на полпути к лаборатории. Нарушитель мог многое успеть за это время. У вас есть что сказать?

— Ничего, сэр.

— Вопросы есть?

— Нет, сэр.

— Совсем нет? Вас не интересует, как я прошел до самой ограды необнаруженным?

— Интересует, сэр.

— Отлично, — полковник Мак-Каллох кивнул, словно разговаривал с дебильным ребенком. — Но ваш интерес несколько запоздал, сержант. Ровно на одну неделю, если быть точным. Именно тогда я обратил внимание, что свежеспеленное дерево блокирует часть поля зрения одной из дистанционных телекамер. Ровно неделю я ждал, пока вы или кто-нибудь из ваших людей это заметите. Не заметил никто. Поэтому я и устроил эту демонстрацию дыры в вашей охране.

— Я обеспечу ее ликвидацию, полковник...

— Не вы, Гринбаум, а кто-нибудь другой. Вы лишаетесь своих нашивок, ваше жалованье соответственно уменьшается, а в ваше личное дело будет записан выговор...

— Не будет, Мак-Каллох. Плевал я на эту работу. Все, я смываюсь.

Полковник кивнул:

— Совершенно верно. Вы именно смываетесь, как дезертир. На службу вам наплевать. Прослужить в армии двадцать лет и вот так...

— Это я дезертир? Не вешайте мне лапшу, полковник! Извините за выражение. — Гринбаум, вне себя от злости, сжал кулаки. — Не на службу мне плевать, а штабных вонючек я видеть не могу. Вы главный в службе безопасности этой лаборатории, а значит, вас прежде всего должна интересовать безопасность. А вы из мелкой пакостности целую неделю молчите о дыре в охране. Мы должны работать вместе, а не играть в индейцев и разведчиков. Играйте без меня.

Он повернулся и широко зашагал прочь. Полковник молча смотрел ему вслед. И только когда сержант скрылся из виду, обратился к молчавшим охранникам:

— Письменный рапорт о происшедшем от каждого. Утром ко мне на стол. — Он махнул рукой Лопесу, приказывая ему выйти из джипа, и занял его место. — К моему автомобилю, — сказал он водителю и повернулся к охранникам: — Зарубите себе на носу, незаменимых среди вас нет. Кто залупится, как Гринбаум, вылетит следом за ним.

В джипе Мак-Каллох ни разу не оглянулся.

Пока джип, доставив Мак-Каллоха, разворачивался, полковник снял плащ и положил его в багажник своей машины. Под плащом был мундир без знаков различия и орденских планок, но с серебряными орлами на плечах. Из багажника полковник достал берет, плотно надвинул его на уши, вынул черный «дипломат» и захлопнул крышку багажника. Несколько минут спустя он уже ехал по бульвару Мак-Артура, направляясь в город.

Поездка была недолгой. Через несколько минут автомобиль въехал на стоянку филиала окружного банка в большом торговом центре. Мак-Каллох запер автомобиль и вошел в банк, прихватив с собой «дипломат». Визит был кратким. Не прошло и десяти минут, как он вернулся к своей машине — под пристальным наблюдением человека из черной «Импалы», припаркованной через два ряда. Человек в «Импале» поднес к губам микрофон:

— «Дорога-1» к «Дороге-2». Джордж уезжает со стоянки и сворачивает к югу, на Мак-Артура. Принимай его. Прием.

— Принимаю. Конец связи.

Человек положил микрофон и вышел из машины. Это был тощий блондин в непримечательном сером костюме, в белой рубашке с темным галстуком. Он пересек вестибюль наискосок и остановился перед секретаршей.

— Моя фамилия Рипли. Мне нужно видеть менеджера. Я бы хотел поговорить с ним о возможных инвестициях.

— Разумеется, мистер Рипли. — Девушка сняла трубку. — Я узнаю, свободен ли мистер Брайс.

Менеджер встал навстречу посетителю и пожал ему руку через стол.

— Рад быть полезным вам, мистер Рипли. Чем могу служить?

— Государственное дело, сэр. Будьте любезны, взгляните на мое удостоверение.

Из нагрудного кармана он достал книжечку в кожаном переплете. Брайс посмотрел на золотое тиснение удостоверения, на пластиковую карточку в окошке и кивнул.

— Итак, мистер Рипли? Чем могу быть полезен Федеральному бюро расследований?

Он сделал движение, намереваясь вернуть документ, но агент его остановил.

— Я бы просил вас проверить подлинность удостоверения, сэр. Полагаю, у вас есть телефон для таких случаев.

Брайс кивнул и открыл верхний ящик стола.

— Да, есть. Однажды я им уже пользовался. Минутку...

Менеджер набрал номер и назвал себя абоненту на другом конце линии. Потом прочел вслух номер удостоверения и прикрыл микрофон рукой.

— Они хотят знать, по какому делу.

— Скажите им: расследование «Джордж».

Менеджер повторил эти слова, кивнул и повесил трубку, затем протянул агенту ФБР его удостоверение.

— Я получил указание сотрудничать с вами и предоставить в ваше распоряжение всю имеющуюся у нас информацию об одном из наших клиентов. Но должен заметить, что этим нарушаются все обычные...

— Я это понимаю, мистер Брайс. Но в данный момент вы принимаете участие в чрезвычайно важном расследовании, связанном с вопросом безопасности. Если вы отказываетесь от сотрудничества, я обязан обратиться к вашему начальству...

— Нет, вы не поняли! Я не это имел в виду. Разумеется, я готов сотрудничать. Я просто хотел сказать, что информация о клиентах всегда строго конфиденциальна — при нормальном ходе событий. Но, конечно, вопросы национальной безопасности — это совсем другое дело. Так чем я могу вам помочь?

Брайс прервал сбивчивую речь, машинально достал носовой платок и вытер вдруг вспотевший лоб. Агент, без малейшего намека на улыбку, кивнул:

— Понимаю вас, мистер Брайс. Надеюсь, и вы понимаете, что в силу вашего добровольного согласия на сотрудничество вы по закону несете ответственность за разглашение содержания наших переговоров и даже просто за упоминание о них.

— В самом деле? Я не знал, но, конечно, я ни одной живой душе не скажу.

— Прекрасно. Итак, несколько минут назад из вашего банка вышел человек, совершивший некую сделку. Его имя — Уэсли Мак-Каллох, он полковник армии Соединенных Штатов. Нет, не записывайте. Это легко запомнить. Вы найдете банковского работника, который его обслуживал, и принесете сюда записи о сделке или сделках этого полковника. О причине своего интереса вы не скажете никому.

— Разумеется!

— Мы ценим вашу добрую волю, мистер Брайс. Если вы не возражаете, я подожду вашего возвращения.

— Да, конечно, будьте как дома. Я ненадолго.

Меньше чем через пять минут менеджер вернулся с папкой в руке. Он тщательно закрыл и запер дверь и раскрыл папку:

— Полковник Мак-Каллох совершил покупку...

— Он платил чеком или наличными?

— Наличными. Купюрами большого достоинства. Он покупал золото и платил наличными. Восемь тысяч пятьсот тридцать два доллара. Золото он забрал с собой. Это та информация, которую вы хотели получить, мистер Рипли?

— Да, мистер Брайс. Это именно то, что я хотел узнать.

Глава 2

Сержант Трой Хармон ехал в метро от Пентагона, ломая голову, что бы могло скрываться за его новым назначением. Второпях ему абсолютно ничего не сказали. Кроме того, что ему надлежит как можно скорее прибыть по указанному адресу на Массачусетс-авеню возле станции метро «Юнион». Транспортные средства не предоставляются.

Он ехал в метро, поглядывая на тяжелый запечатанный пакет в руках. Его собственное личное дело, история девяти лет в армии. Награды, продвижения по службе, проступки, заключение из Фицсиммонского госпиталя, где из его спины вынимали шрапнель. Два года во Вьетнаме без единой царапины, и надо же — хороший подарок от собственной батареи поддержки. Орден «Пурпурное сердце» из куска детройтской стали. Перевод в военную полицию, затем в G2 — военную разведку. Все документы здесь. Интересно бы на них взглянуть. И совершить служебное самоубийство, вскрыв пакет.

А что, интересно, за организация на Массачусетс-авеню? Все тайные организации, начиная от ЦРУ в Лэнгли, были ему известны. Но об этой он не слышал. Доложить мистеру Келли. Кто такой, прах его возьми, мистер Келли? Ладно, хватит. Все равно это скоро выяснится. Он посмотрел, какая станция следующая («Макферсон-Сквер»), потом опустил глаза вниз как раз вовремя, чтобы перехватить взгляд сидящей напротив девицы. Она быстро отвела глаза. Лисонька — так в их школьной компании называли ярко-рыжих девиц. Она опять на него взглянула, и он выдал ей улыбку с рекламы зубной пасты: растянул губы, и белоснежные зубы ярко засияли на фоне

темно-коричневой кожи. В этот раз она вздернула носик и фыркнула, отвернувшись.

Ну и ладно. Он улыбнулся еще шире. Неужто она не поняла, чего не хватает ее костюму? Пяти футов десяти дюймов красивого и хорошо сложенного солдата.

Поезд затормозил на станции «Центр». Трой оказался во главе толпы, ринувшейся к эскалатору перехода на «Красную линию». Он въехал в грот с рассеянным светом, напоминавший скорее фантастический ангар для звездолетов, чем вестибюль метро. По сравнению с ним старуха «Индепендент» в Нью-Йорке выглядела грязной дырой. Каковой и была.

Наслаждаясь прохладным осенним воздухом, он вышагивал по Массачусетс-авеню и разглядывал номера. Вот и он, высокий кирпичного цвета дом, как раз на углу Джерси-стрит. Ни названия, ни таблички. Он поднялся по ступенькам и нажал полированную медную кнопку, заметив над ней миниатюрную телевизионную камеру. Дверь загудела, и он оказался перед второй дверью шлюза, которая не открылась, пока не закрылась первая. Очень грамотно. И вторую телекамеру тоже не забыли.

За второй дверью оказался мраморный пол вестибюля, а в дальнем его конце — стол. За столом сидела ничего себе рыжая девица в слишком тугом свитере. Заслышав клацанье его каблучков, она подняла голову и улыбнулась:

— Чем могу служить?

— Сержант Хармон. По вызову мистера Келли.

— Прошу вас, сержант Хармон. Присядьте на минутку, я ему сообщу, что вы прибыли.

На слишком мягком и глубоком диване сидеть было неудобно. На журнальном столике лежал экземпляр «Форчун» и экземпляр «Джет». Интересно, это специально для него положили или нет? Фотографии с большого приема в отеле «Тереза». Покусанные крысами дети в трушобах. Для него это был другой мир. Он вырос в Квинсе, улица Южная Ямайка, — чистый, безопасный район для среднего класса, добротные дома и зеленые деревья. О Гарлеме¹ он знал столько же, сколько об обратной стороне Луны.

— Мистер Келли вас ждет.

¹ Квинс и Гарлем — районы Нью-Йорка. (Здесь и далее примеч. ред.).

Он бросил журнал на стол, взял пакет и вслед за покачивающей бедрами секретаршей вошел в соседний кабинет.

— Заходите, сержант Хармон. Рад познакомиться. — Келли вышел из-за стола, протягивая Трою руку. По произношению слова «Хармон» было ясно, что он из Бостона. По элегантной тройке можно было предположить и Бэк-Бэй, и Гарвардский университет. — Спасибо, пакет я возьму.

Келли взял пакет с личным делом и положил его на лежащие на столе папки, постучал, подравнивая, по краям стопки, пока она не стала безупречно ровной. Выполняя эту важную работу, он глядел на сержанта, одновременно анализируя свои впечатления. Меньше тридцати, хороший послужной список — это понятно по орденским планкам даже без личного дела. Не слишком высокий, но крепко сложенный. Челюсть как камень, лицо без выражения. Глаза черные, непроницаемые. Сержант Трой явно был профессиональным солдатом и отлично владел собой.

— Вы получили временное назначение к нам из G2 в связи с вашими специальными знаниями, — сказал Келли.

— Какими именно, сэр? Я снайперски стреляю из винтовки «М-16».

— Дело абсолютно не в этом. — Келли впервые улыбнулся. — Мы полагаем, что вы много знаете о золоте. Это так?

— Да, сэр.

— Отлично. Именно эти конкретные знания будут нам наиболее полезны, поскольку мы в КССС по большей части являемся штабными работниками. Оперативных же работников нам предоставляют другие секретные службы. — Он посмотрел на свой «Ролекс». — Через несколько минут вы увидите с адмиралом Колонном, и он объяснит вам детали операции. Сейчас у вас есть вопросы?

— Нет, сэр. Я слишком мало знаю о том, что здесь у вас происходит, чтобы задавать вопросы. Мне дали адрес и велели доставить сюда мое личное дело. Вы сейчас назвали этот отдел буквами КССС. Мне неизвестно даже значение этого сокращения.

— Это вам тоже объяснит адмирал. Моя работа — только поддержание связи. Все ваши рапорты будете подавать мне. — Он что-то быстро написал на листке бумаги и протянул через стол. — Это мой круглосуточный номер. Расходы записывайте и подавайте мне отчет раз в неделю. Необходимую помощь или специальное оборудование также заказывайте через меня.

Адмирал введет вас в курс операции. Ее кодовое название — «Джордж».

Келли побарабанил пальцами по столу, раздумывая, продолжать или закончить. Потом сказал:

— Адмирал — старый морской волк, кончил Аннаполис¹, служит очень давно. Вы понимаете, что это значит?

— Нет.

— Полагаю, знаете, сержант. Когда он был на службе, во время Второй мировой войны, чернокожих называли неграми и не допускали на флот. Только в качестве... э-э... вспомогательного состава.

— Назовем это «гальюнщиками», мистер Келли, потому что так это называлось. И мой отец тоже был тогда в армии, спасая демократию для мира. Только в армии была сегрегация, и поскольку черным не доверяли носить оружие, они везли грузовики и копали траншеи. Но это было давно.

— Для нас — может быть. Будем надеяться, что для адмирала тоже. Но наш отдел — на сто процентов белые англосаксы-протестанты. Вряд ли это случайно... Я, может быть, слишком много говорю, сержант.

Трой улыбнулся:

— Я понимаю вашу мысль, мистер Келли. Но я твердо верю в работников полевой разведки. Насчет адмирала я спокоен.

— Это правильно. Он хороший человек. А работа эта дьявольски важная. — Келли взял папку и встал. — Сейчас мы к нему пройдем.

В большой зал для совещаний грохот Массачусетс-авеню доносился лишь слабым гулом. На окнах тяжелые портьеры, вдоль стен от пола до потолка книжные полки. Адмирал за большим столом красного дерева тщательно набивал табаком антикварную трубку. Его лицо покрывал загар, а голова была почти лысой. Гладкий, без морщинки, синий мундир с впечатляющими рядами орденских планок. Он показал Тройу на стул напротив себя, кивнул, когда Келли положил перед ним папку, зажег деревянную спичку и стал раскуривать трубку. Пока Келли не вышел и не закрыл дверь, адмирал не произнес ни единого слова.

— Вы командированы к нам из военной разведки из-за ваших специальных знаний, сержант. Прошу вас рассказать мне о золоте.

¹ Аннаполис — Высшая академия ВМФ США.

— Это металл, адмирал, очень тяжелый и высоко ценится людьми.

— Это все? — Адмирал Колонн нахмурился. — Вы пытаетесь проявить остроумие, сержант Хармон?

— Нет, сэр. Я говорю правду. Золото широко применяется в промышленности, но любят его не за это. Его покупают, крадут и прячут, поскольку у него очень высокая цена. Мы, западные народы, рассматриваем его как товар, но в остальной части мира его считают наилучшим вложением капитала — более надежным, чем банки или акции. Цена легально купленного здесь золота удваивается, если его контрабандно переправить в другую страну, — скажем, в Индию. Вот поэтому мне и пришлось им заниматься. Военнослужащие армии США находятся во многих странах, а соблазн сорвать шальные баксы на продаже золота настолько велик, что не каждый может ему противиться.

Адмирал кивнул:

— Ладно, с этим ясно. А о каких промышленных применениях вы говорили? Кроме ювелирных изделий, на что оно еще идет?

— Электроника. Легко обрабатывается, не окисляется, не ржавеет и хорошо проводит ток. Золотом покрывают контакты компьютеров. В оконных стеклах добавка золота регулирует количество пропускаемого света...

— И все это не имеет ни малейшего отношения к нашему случаю! — Адмирал хлопнул по лежащей перед ним папке. — Мы интересуемся причиной, по которой некий полковник армии США покупает много золота. Я знаю, это вполне легально, но все равно хочу понять — почему.

— Можно спросить, сколько это «много», сэр?

— Чуть больше ста тысяч долларов по цене на вчерашний день. Вы знаете, что значит КССС?

Трой воспринял неожиданную перемену темы без комментариев.

— Нет, сэр, не знаю. Мистер Келли сказал, что я узнаю это от вас.

— «*Quis custodiet ipsos custodes*». Знаете, что это значит?

— Должен знать. После двух лет латыни в колледже. Дословный перевод — «Кто сторожит самих стражей?»

— Правильно. Кто должен проверять проверяющих? Эта проблема существует очень давно — иначе не было бы латинской поговорки. Кто-то должен следить, чтобы полисмен не

брал взятку. И тем более кто-то должен следить за теми, кому доверена безопасность нации. Вот мы это и делаем. В этом смысл существования нашего агентства. Вы должны понять, что наша работа жизненно важна для безопасности этой страны. И, не преувеличивая, скажу, что она важнее любых других операций по безопасности. Мы не можем позволить себе ошибиться, потому что играем за вратаря и наши ошибки исправлять некому. Окончательная ответственность за безопасность страны лежит на нас, поскольку мы наблюдаем за всеми остальными спецслужбами. Вот почему я утвердил ваше назначение к нам. В вашем послужном списке есть три пункта, которые мне понравились. Первое: вы работали с золотом. Второе: у вас допуск высшей категории. Что третье — можете догадаться?

Трой медленно кивнул:

— Думаю, что да. Очевидно, то, что я стукнул на своего непосредственного начальника, когда поймал его на взятке?

— Именно это. Большинство солдат просто отвернулось бы в другую сторону. Вы рассчитывали на какое-то вознаграждение за свой поступок?

— Нет, адмирал, не рассчитывал. — Трой старался сохранить контроль над собой, и ему это удавалось. — Если я и ждал чего-нибудь, то прямо противоположного. Я отлично понимаю, что в армии не любят стукачей, особенно когда солдаты стучат на офицеров. Но случай был особый. Если бы он прикарманил денежки офицерского клуба или толкнул налево списанный хлам, я бы сначала два раза подумал. Но мы были отделом военной полиции и с ног сбивались, стараясь очистить казармы от наркотиков. И дело было не в травке, или колесах, или, там, маковой соломке, мы имели дело с крепкой дурью — с героином, и черт его душу знает, через какие ворота он шел в казармы. Так вот, когда я узнал, что мой непосредственный начальник, ответственный за пресечение потока наркотика, берет хабар с толкача, продавца то есть, я понял, что в самый раз, хватит. — Трой холодно улыбнулся. — Когда я о нем слышал последний раз, он все еще сидел в Ливенворте. Из отдела меня выперли, и я этого ждал, а вот чего я не ждал, так того, что меня повысят на два звания и переведут в G2.

— Это была моя работа. Так распорядился я, не считаясь с некоторыми вашими офицерами, которые собирались сделать именно то, чего вы ожидали. Ставьте десять к одному, что военный поступит так, как подсказывает ему рефлекс, — и вы

своих денег не потеряете. Вот с тех пор я держу вас под наблюдением. Поскольку люди вроде вас попадают достаточно редко.

Он поймал выражение лица Троя и улыбнулся:

— Нет, сержант, это не попытка лести, а чистая правда. Я имею в виду, что ценю людей, которые присягу ставят выше личных отношений или карьеры. Вы нам нужны. Я надеюсь, что по окончании этой операции вы поразмыслите о постоянном переводе к нам. Но это в будущем. Теперь же я хотел бы привлечь ваше внимание к операции под кодовым названием «Джордж».

Он вынул из папки стопку бумаг и перелистал их.

— Операция «Джордж» начиналась как рутинная проверка. Такие проверки проводятся регулярно и постоянно относительно всех служащих с высоким допуском. Объектом данного конкретного расследования является полковник армии Соединенных Штатов по имени Уэсли Мак-Каллох. Отличный послужной список и допуск первой категории. Не женат, но и не монах. Поддерживает форму, лыжи зимой, серфинг летом. Имеет небольшой дом в Александрии и еще несколько тысяч для выплаты процентов по закладной. Все это совершенно ordinarily и ничем не примечательно.

— Кроме того, что полковник покупал золото.

— Верно. Это началось недавно, чуть больше полугода назад. У него тогда были некоторые сбережения в привилегированных акциях и еще кое-что на банковском счете. Он все это обратил в наличность и купил золото. Продал еще некоторое имущество, полученное в наследство. Мы оба знаем, что это все вполне легально. Но я все равно хочу знать — зачем.

— Разрешите мне посмотреть документы, адмирал?

Трой быстро, но методично перелистал дело и положил его на стол.

— Здесь нет даже упоминания о службе полковника.

— И не должно быть. Агенты ФБР, составлявшие этот доклад, знали только то, что должны были знать. Мак-Каллох отвечает за безопасность одной из наиболее важных и секретных лабораторий. Его работа безупречна — он профессионал высочайшего класса. Здесь к нему нет претензий. Нас волнует золото. Это дело, как бы это сказать...

— Выглядит не совсем чистым?

— Верно. Считайте, что у меня взрыв интуиции, приступ паранойи или что угодно. Но это слишком необычная вещь и

единственный необычный поступок полковника Мак-Каллоха за всю его жизнь. И ваше задание состоит в том, чтобы выяснить, зачем он покупает золото.

— Я это сделаю, адмирал. Я сам заинтригован. Не вижу никаких разумных причин для подобного поступка. По крайней мере, законных причин.

— Вы считаете, что здесь что-то незаконное?

— Я пока ничего не считаю, адмирал. Не признаю предвзятых мнений. Прежде надо собрать конкретный фактический материал.

Глава 3

Небо хлестало тропическим ливнем. Несмотря на конец октября, воздух был парной и душный — одна из причин, по которой Вашингтон имел прозвище «Туманная дыра». Трой Хармон сидел за рулем «Понтиака», откинувшись на сиденье и надвинув на глаза шляпу. То, что эта шляпа, как и плащ, в точности походили на те, в которых полковник Мак-Каллох вышел из дому полчаса назад, не было случайным совпадением. Полковник ездил на старом «Понтиаке» того же цвета и года выпуска, что и Трой. Сквозь стук дождя по железной крыше еле пробился звук радиотелефона. Трой поднял трубку и нажал рычажок.

— Джордж Бейкер слушает.

Телефон заверещал:

— Джордж паркуется на обычном месте, на стоянке.

— Спасибо. Конец связи.

Трой включил зажигание. Подготовка велась четыре дня, медленно и методично. Ошибки исключались. Он никогда не начинал действовать, пока не был готов полностью. Теперь начиналась следующая часть операции. Все подробности суточного и недельного распорядка жизни полковника Мак-Каллоха были в докладах ФБР. Трой их тщательно изучил, и теперь он знал, как лучше использовать имеющиеся возможности. ФБР снабдило его гостевым билетом спортивного клуба, в котором полковник три раза в неделю играл в сквош. Трой там побывал, и, чтобы открыть шкафчик полковника и снять слепки с ключей, понадобилось не более минуты. Сейчас, когда он ехал по трехрядной улице, дубликаты лежали у него в кармане. В автомобиле из-за открытых окон душно и жарко — зато стекла хорошо запотели, и снаружи ничего не

было видно, хотя приходилось постоянно протирать ветровое стекло. Свернув к дому полковника, Трой нажал на кнопку дистанционного управления, настроенного теперь на частоту гаражного замка Мак-Каллоха. Ворота открылись, и Трой въехал внутрь. Любопытный наблюдатель решил бы, что полковник просто вернулся домой. Поскольку у полковника среди соседей не было ни друзей, ни знакомых, было мало шансов, что об этом незапланированном визите ему станет известно. Трой подождал, пока за ним закроется дверь, и только тогда вышел из машины. Плащ и шляпу он оставил на сиденье, пристегнул радиотелефон к поясу и взял «дипломат». Света он зажигать не стал, а достал из кармана куртки фонарик.

Сигнализация находилась рядом с дверью, ведущей из гаража в дом. Техники из КССС пометили ключ от нее и объяснили, как им пользоваться. Вставить, повернуть на полный оборот по часовой стрелке, затем вынуть. Он так и сделал. Голубая лампочка на коробке погасла. При выходе придется повторить в обратном порядке. Ключ к входной двери он подобрал со второй попытки, отпер дверь и собирался потянуть ее на себя. Но остановился.

Слишком просто. Уж если полковнику было что прятать, неужто он ограничился бы сигнализацией от воров?

Трой посветил фонариком на верхний край двери, затем вдоль всего косяка. Вроде бы ничего. Но ведь можно вложить в дверную щель клочок бумажки, который выпадет, если дверь откроют. Он наклонился — так оно и есть.

Обгорелая спичка. Как раз под дверной петлей, кончик хорошо виден. Отлично. Он нагнулся ниже. Оставленная спичкой бороздка была ясно различима. Когда он уйдет, спичка опять ляжет в эту бороздку.

Он широко распахнул дверь и вошел. Холл был прохладный и тихий. В дальнем конце дверь открыта в кухню.

Времени было навалом.

Использовать его следовало с толком, без промедления, но ни в коем случае не торопясь. Мак-Каллох появится в доме не раньше восьми вечера. За ним следят, и, если у него изменятся планы, будет достаточно времени, чтобы спокойно уйти.

— Теперь, полковник, — сказал Трой, оглядывая комнату, — разберемся, что за колесики у вас вертятся внутри.

Он снял куртку и повесил ее на кухонный стул, потом расстегнул воротник и ослабил галстук. Кухонный стол чистый и полированный. Трой расстелил на нем носовой платок, дос-

тал из «дипломата» термос с кофе, налил себе чашку и поставил термос на платок. Отхлебывая кофе, он огляделся.

Стиль американской армии. Чисто, как в казарме перед инспекторской проверкой. Это неудивительно, поскольку Мак-Каллох большую часть своей жизни был военным. Из школы — прямо в армию. Чистый послужной список, богатый боевой опыт, хороший солдат. Потом офицерские курсы, и военная карьера на всю жизнь. Да, это заметно. Тарелки чисто вымыты и стоят в сушильном шкафу. Даже сковородка тщательно вымыта и убрана на место. На завтрак — яичница с ветчиной, в регулярно очищаемом мусорном ведре сейчас скорлупа и обертка. Молоко, масло, яйца, в холодильнике нераспечатанный молочный пакет.

Медленно, тщательно Трой обходил комнату за комнатой. В гостиной бюро, ящики заперты. Заняться ими позже. На столике рядом с диваном несколько журналов. Военные, спортивные, несколько прилично засаленных экземпляров «Ньюсуик» и «Ридерс дайджест». Книжные полки. Старые учебники и руководства для офицерских курсов. Несколько поновее, неразвернутых. Популярные романы, технические тексты, несколько исследований по истории, руководство по горным лыжам. Надо бы составить список заглавий и на досуге над ним подумать.

Что у КССС хорошо, так это то, что у них много всяких удобных штучек. Например, японская камера, полностью автоматизированная. Она снимает не на пленку, а на электронные карточки — до десяти снимков в секунду. Настраивается на любой видимый или невидимый свет. Вот сейчас она поставлена на ультрафиолет. Ультрафиолетовая вспышка давала слабое, почти незаметное голубое сияние, но для камеры это было то, что нужно. Он сфотографировал корешки книг и спрятал камеру.

Вставную панель он нашел на втором этаже в спальне, под ковром возле двуспальной кровати. Пол был из дубового паркета, и деревянная панель была сделана заподлицо с полом. На одном краю была маленькая зазубринка, как раз для пальца. Он потянул, и панель отошла, как дверь на петлях. Под ней в бетонной нише находился сейф с шифровым замком.

— Ну разве не прелесть, — произнес Трой, потирая руки. — Очень красивая и большая. Даже чересчур большая, чтобы держать в ней только медали и чековую книжку. Интересно, что там еще?

По телефону, стоявшему рядом с кроватью, он позвонил Келли.

— Говорит Хармон. Я нашел потайной сейф в полу, большого размера. Запрашиваю помощь.

— Весьма интересно. Вы обратили внимание, чьего производства сейф?

— Фирмы «Атлас экзекьютив». Замочная скважина отсутствует. Видимые дверные петли отсутствуют. Единственный цифровой диск с числами вплоть до девяноста девяти.

— Отлично. К вам подъедут в течение часа.

Поджидая помощь, Трой спустился вниз и осмотрел письменный стол, который легко открывался отмычкой. Там были какие-то письма, обычный набор счетов и квитанций, корешки чековых книжек и погашенные чеки. Он не стал в них разбираться, но тщательно сфотографировал. Он успел разложить все как было, когда во двор въехал потрепанный жизнью и годами грузовик. Почти через сорок пять минут после телефонного разговора. На борту грузовика красовалась надпись: «ЭНДИ-СЛЕСАРЬ — КРУГЛОСУТОЧНАЯ АВАРИЙНАЯ». Энди был одет в робу и ташил большой помятый ящик. Он запер грузовик и пошел, насвистывая, вверх по дорожке. Трой открыл дверь раньше, чем тот успел позвонить.

— Меня зовут Энди, как написано на машине. Говорят, у тебя тут есть слесарно-финансовая работа. — Он вынул из рта зубочистку и аккуратно вложил в карман. — Это где?

— Наверху. Пойдем со мной.

Энди знал свое дело. Старый ящик оказался изнутри футляром с бархатными нишами для сияющих инструментов. Энди опустился на колени, любясь сейфом.

— Отлично, — сказал он, потирая руки. — Классная защита. Огнестойкий, выдерживает пару тысяч градусов в течение нескольких часов. Взлом невозможен.

— Так ты его не можешь открыть?

— Кто сказал? — Он вынул металлическую коробочку с выдвижной антенной и перебросил тумблер. — Я сказал, что нормальный медвежатник с ним ничего не сделает. Постучится и уйдет. А я могу открыть все, что открывается. Но сначала надо посмотреть, нет ли на нем какой-нибудь сигнальной электроники. Нет, чисто. Так, теперь послушаем, что он нам споет. Тумблеров на нем нет, их переключение поэтому не услышишь. Но есть свои способы.

Трой не спросил, какие именно. Не его это дело. Может

быть, Энди использует ультразвук, чтобы заглянуть сейфу в кишки. К ручке и передней поверхности сейфа он прилепил кучу устройств на батарейках с какими-то цифровыми панельками. Минут пятнадцать у него ушло на то, чтобы запустить эту механику, а потом он, посвистывая, убрал все свои машинки и сложил их в ящик.

— Ты не собираешься его открывать? — спросил Трой.

Энди покачал головой:

— Не моя работа. Я техник, а не уголовник.

Выбрав из своих машинок что-то похожее на калькулятор с принтером, Энди нажал на нем какие-то кнопки, прибор загудел и выплюнул листок бумаги. Энди передал его Трою. На листке были напечатаны короткие строчки из букв и цифр.

— «R» — значит «направо», — сказал Энди. — Как ты, быть может, догадываешься, «L» означает «налево». Для сброса поверни рукоятку пару раз против часовой стрелки, а потом просто набери числа в том порядке, в котором они написаны. Пружина взведена, и на последнем номере дверь откроется. Когда закроешь ее, сделай еще пару поворотов, а потом поставь на пятьдесят шесть. Она так стояла, когда я пришел, а бывает, что люди запоминают номера. Все, меня нет.

Трой проследил, как он отъехал, потом вернулся в спальню. Энди знал свое дело. Трой набрал последний номер и почувствовал, как дверь под его рукой пружинит. Она открылась примерно на дюйм, и можно было свободно просунуть руку, чтобы открыть ее полностью. Он заглянул и увидел, что в сейфе было только одно.

Золото. Слитки, листы и проволока.

Это выглядело захватывающе. Чем дольше он работал с золотом, тем больше им любовался. Нет в мире ничего похожего на золото. Наклонившись, он вытащил верхний слиток и взвесил его на ладони. В самом деле чистое золото, без примесей, даже без свинца — судя по весу и соотношению его с объемом слитка. Он собрался было положить слиток обратно, но вдруг остановился и сощурил глаза. Была здесь какая-то неувязка.

Трой положил слиток на ковер, наклонился к сейфу, пытаясь прикинуть, сколько там слитков. Они не все видны, но примерно оценить их число можно. Калькулятор подтвердил его подозрения, но Трой хотел быть уверен.

Положив блокнот на борт сейфа, он лег на пол возле открытой дверцы. Художник из него неважный, но достаточно

грубого наброска. Он тщательно зарисовал штабель слитков и отметил положение проволоки и листов золота. Когда рисунок его удовлетворил, он отложил блокнот и тщательно, по одному, стал вытаскивать куски золота из сейфа и складывать на свой «дипломат». Уложив почти треть золота, он встал и принес из ванной примеченные им раньше пружинные весы. Для примерной оценки подойдут.

Трой встал на весы. Сто семьдесят пять в одежде, прибор сбит на пять фунтов. Несущественно. Он отметил в блокноте вес, затем снова встал на весы, держа в руках «дипломат» с золотом. Так он сделал три раза, каждый раз отмечая полный вес. Потом уложил золото в сейф в точности так, как оно там лежало.

Считать было просто. Собственный вес с ненагруженным чемоданчиком был равен ста восьмидесяти трем фунтам. Умножив этот вес на три, он сложил показания весов, когда стоял на них с нагруженным «дипломатом», и вычел из большего числа меньшее.

Результат был чуть больше тридцати девяти фунтов.

Тридцать девять фунтов золота.

Чудовищно много. Еще раз подсчитать на калькуляторе. Последняя известная ему цена золота была около четырехсот тридцати шести долларов за унцию. Но тройский фунт составляет ноль целых восемьсот двадцать три тысячных от английского фунта.

Он ввел поправку и разделил на двенадцать, поскольку в тройском фунте только двенадцать унций.

Трой посмотрел на результат и покачал головой. Вот это да! Это именно то, о чем адмирал захочет узнать немедленно.

Келли сразу соединил его с адмиралом.

— Адмирал Колонн у телефона. Это вы, сержант Хармон?

— Так точно, сэр. Я нашел сейф, в котором полковник хранит золото. Я взвесил металл, неточно, но для примерной оценки приемлемо — ошибка не более пяти процентов в любую сторону. Похоже, что полковник работает лучше, чем это представляется ФБР. У него золота больше чем на те сто тысяч, о которых им известно.

— Насколько больше?

— Я бы сказал, что у полковника в сейфе золота на двести пятьдесят тысяч долларов, адмирал. Четверть миллиона долларов.

— Предпочитаю устный доклад, — сказал адмирал. — Свои заключения напишете позже. Сейчас я хочу узнать, что вы там нашли.

Трой кивнул и разложил на столе свои заметки. Комната была та же. Задернутые портьеры, звукопоглощающая обивка, присутствуют только они двое. Он постучал пальцем по цифре на первой странице:

— Разумеется, вам известно, что у полковника оказалось по крайней мере в два с половиной раза больше золота, чем мы предполагали?

Адмирал кивнул:

— Вообще-то это несущественно, но возникают дополнительные вопросы. Как он набрал столько втайне от ФБР? И еще острее становится наш исходный вопрос: зачем? Куда ему столько золота? Вы пришли к какому-нибудь выводу?

— Нет, сэр. Но у меня есть некоторые наводящие соображения. — Трой развернул следующий лист бумаги. — Поведение полковника Мак-Каллоха за последний год резко изменилось. Он стал покупать книги, ходить в библиотеки и музеи, чего за ним раньше не наблюдалось. Я просмотрел все записи в его досье, начиная со школьного периода, а ФБР опросило его инструкторов и преподавателей. Под предлогом рутинной проверки. Его новые интересы просто не увязываются с образом прежнего полковника Мак-Каллоха.

— Что вы имеете в виду?

— Насколько я могу судить, Мак-Каллох никогда не проявлял каких бы ни было интеллектуальных интересов. Это не значит, что он глуп. В школе он мог хорошо учиться, если хотел. Но чтобы добиться успехов выше среднего, ему приходилось здорово потеть. И после школы он явно отложил книги подальше и, как мне кажется, никогда не открывал ни одной без особой необходимости. Это подтверждают те, кто с ним служил. В кино его тоже ни разу не видели. Телевизор он смотрел только в компании, и обычно только футбол. Дома у него телевизора нет.

— Что он делает в свободное время? — спросил адмирал,ковыряя в трубке перочинным ножом. — Он что, приходя домой, садится и тупо глядит на обои?

— Нет, сэр. Он тренируется в спортзале, играет в сквош,

по выходным — в гольф. Развлечения физического характера. Он общителен, выпивает с друзьями не реже раза в неделю, но умеренно. Часто встречается с дамами. Обед, коктейль, потом танцы, потом в койку. У него заполненная жизнь, и она ему подходит. Но он не читает. Вот это не вяжется с его новыми интересами. И периоды, когда он стал покупать книги и покупать золото, совпадают.

— Вы считаете, что здесь есть связь?

Трой подровнял разложенные на столе бумаги и перед ответом выдержал паузу:

— У меня нет никаких внешних свидетельств наличия такой связи. Но я помню о бритве Оккама.

— Это что-то насчет того, что не следует умножать сущности бесконечно?

— Именно так, сэр. Поэтому из множества возможных ответов следует выбирать наипростейший. В жизни полковника Мак-Каллоха произошли два резких изменения, и оба приблизительно в одно и то же время. И это наводит на мысль, что они вызваны одной причиной. Найти, какой именно, — это и будет моей следующей задачей. Из документов я уже извлек все, что мог. Теперь мне надо познакомиться с полковником и найти ту пружинку, от которой он крутится.

— Возможно. А книги, которые он покупает, дали вам какую-нибудь зацепку?

— Ничего осмысленного. — Трой открыл еще одну страницу. — Вот что стоит у него на полке над письменным столом, переписаны в том порядке, в котором они стояли. «Энциклопедия военной истории», «Мост вдалеке», «Митральеза Гэтлинга», «Расчет напряжений в сплавах», «Кавалеристы», «Унесенные ветром», «Крещение огнем», «Ниндзя», «Изменение»...

— Достаточно. Я понимаю, что вы имеете в виду. Смесь беллетристики, документальных и научных книг, случайно собранных в кучу, как в лавке у букиниста.

— Не совсем случайно, сэр. Одна линия прослеживается: военная история.

— Согласен. Но полковник — человек военный. Военная карьера — цель и смысл его жизни. Так что из этого много не вытянешь. Все, что у нас есть, — это наводящие соображения, догадки и единственный факт — четверть миллиона долларов золотом. Ладно, я утверждаю ваш план подобраться поближе к Мак-Каллоху. Что вы предлагаете?

— Вы мне говорили, что он заведует безопасностью в ка-

кой-то государственной лаборатории. У него там в подчинении есть какие-нибудь армейские подразделения? В рапорте ФБР я этого не нашел.

Адмирал продул трубку, потом, считая, что она достаточно вычищена, стал набивать ее снова.

— Там этого и не может быть. ФБР в «Уикс электроникс» не заглядывает. Не их работа. Но вроде бы там есть под его началом какие-то техники по вооружению и еще специалисты по засекречиванию электроники. Может быть, еще кто-то. Почему вы спрашиваете?

— Я хотел бы проглядеть досье этих людей. Найти повод для проверки благонадежности кого-нибудь из них.

— Они все чистые, иначе их бы там не было. Высшая степень секретности. Там ведутся исследования, насколько мне известно, по лучам смерти. Чтобы там служить, нужно быть чистым, как лебединый пух.

— Я в этом уверен, адмирал. И мне все равно, какие там ведутся исследования, поскольку для нас это неважно. И проверки благонадежности тамошних служащих я вести не собираюсь. Мне просто нужно подобраться к Мак-Каллоху, поработать с ним, вытянуть его из скорлупы. А в армии нет ни одного деятеля, которого нельзя было бы по тем или иным причинам проверить. Может, он проиграл на бегах несколько долларов, или заходит в бордель, который отчасти контролируется мафией, или у его девицы бывший приятель имеет привод в полицию. Мне просто нужен крючок, на который можно повесить проверку благонадежности. Она будет выглядеть как настоящая — мне такую работу приходилось делать годами.

— Согласен. — Адмирал нажал кнопку на краю стола. В дверь постучали, и вошел Келли. Адмирал махнул ему рукой:

— Свяжитесь с Пентагоном, пусть они раскопают копии личных дел некоторых военнослужащих. Сержант объяснит вам, что нам требуется. Если они спросят зачем, скажите, что КССС ведет проверку благонадежности, и второй раз они не спросят. Сержант Хармон, я жду вашего доклада, как только вы найдете то, что мы ищем.

Эту работу Трой делал раньше много раз и знал хорошо. В третьей папке он нашел то, что искал. Сейчас только три часа дня, и адмирал еще должен быть в здании. Да, сказал секретарь, через пять минут, в комнате для совещаний. Трой подумал, что у адмирала должен быть кабинет, раз у него есть секретарь, но Трой понятия не имел, где этот кабинет нахо-

дится и почему они каждый раз встречаются в большой комнате. Загадка, но не очень существенная. Он посмотрел на часы и пошел к лестнице.

— Есть один, сэр, — сказал Трой, передвигая папку через полированный стол, — капрал Аурелио Мендес. Все зовут его по кличке — Чучо. Он здорово разбирается в электронике, но парень совсем не военного склада. Родом он из Балтиморы и ездит туда, если не на службе, на каждый уик-энд. Пьет и играет в пирамидку с ребятами из своей бывшей уличной компании. Ничего настораживающего, кроме того, что он — один из очень немногих, кому удалось вырваться из пуэрто-риканского гетто. А это значит, что среди его знакомых полно сутенеров, наперсточников и вообще мелких жуликов всех мастей.

Адмирал склонил голову к папке:

— Вы имеете в виду, что действительно нашли неблагонадежность? Лаборатория «Уикс» имеет гриф высшей секретности.

— С его благонадежностью все в порядке. На выяснение этого дела потратил больше месяца секретный агент, тоже пуэрториканец. Приятели Чучо уважают его, и он сумел им объяснить, что приставать к нему не надо. Еще он сладкоежка и все время попадает на ковер по поводу лишнего веса. Один из его партнеров как-то попытался подразнить его насчет военной карьеры и получил по голове бильярдным кием. Когда парень пришел в себя, на череп пришлось наложить семь швов. Об этом инциденте никто никуда не сообщал, и они остались приятелями. Все знают, что Чучо — настоящий парень, по-испански — *мачо*, и научились к нему не цепляться. Тем не менее этого случая более чем достаточно, чтобы запустить проверку благонадежности.

— Тогда давайте. Чем скорее, тем лучше. Чем глубже мы лезем в это дело, тем больше вопросов у нас возникает, и ни на один нет ответов. Да, еще одно. В лаборатории вам придется взаимодействовать с полковником, высшим офицерским чином. На этот случай вам неплохо бы самому иметь какой-то минимальный ранг. Давайте-ка мы вас временно произведем в лейтенанты. Или нет, ведь лейтенантов никто за людей не считает, это хуже сержанта. Вам надо быть капитаном. Вы не против?

— Нет, сэр. Мне в G2 приходилось работать в разных званиях. И лейтенанта вполне достаточно, а то слишком большая власть может вскружить мне голову. Но для получения

новой формы мне требуется разрешение начальства. И на новые «собачьи жетончики»¹ — тоже.

— Разумеется. Сегодня к концу дня все будет сделано.

На следующее утро Трой Хармон съехал на военном джипе с Окружной на съезд 42, потом повернул на проселочную дорогу, которая вела к лаборатории номер два «Уикс электроникс».

Глава 5

— Доброе утро, лейтенант, чем могу служить?

Одетый в мундир охранник, средних лет, с приличным пузом — и без оружия. Случайный посетитель решил бы, что объект охраняется кое-как и охранять там скорее всего нечего. Однако внутри проходной второй охранник, вооруженный как следует, выглядывал через массивное стекло, наверняка пуленепробиваемое. Лаборатория охранялась хорошо и надежно. Трой протянул удостоверение:

— Я к полковнику Мак-Каллоху.

— Понятно. Он вас ждет? — Охранник передал удостоверение через прорезь в стальной стене.

— Нет, но у меня есть предписание доложить лично полковнику.

— Тогда покажи мне предписание, и ты победил.

Предписание также прошло через амбразуру, и охранник, все еще улыбаясь, отступил в сторону. Трой оказался полностью открыт установленной на стене телевизионной камере. Ясно, что его не только осматривали, но и вели видеозапись. Все процедуры выполнялись по первому классу, и безопасность поддерживалась как следует. Мак-Каллох — профессионал, и Трой понимал, что ему придется все время быть настороже. Зазвонил телефон, и наружный охранник открыл позади себя стальную дверь в стене. Он снял трубку, послушал и протянул ее Трою:

— Это вас, лейтенант Хармон.

Трой выключил зажигание и вышел из машины, потом взял у охранника трубку:

— Лейтенант Хармон.

¹ «Собачий жетончик» — на армейском жаргоне означает личный знак военнослужащего, носимый на нагрудной цепочке.

— Говорит полковник Мак-Каллох. В чем дело, лейтенант?

Полковник говорил с глубоким южным акцентом. Родился в Миссисипи, вспомнил Трой.

— Вопросы безопасности, сэр.

— Это мне известно. — Полковник говорил очень холодно. — Я спросил вас о цели вашего посещения.

— Вопросы безопасности, сэр. Все подробности только лично.

На другом конце повесили трубку. Выражение лица Троя не изменилось, но, вешая трубку, он улыбнулся про себя. Первое очко заработано. Полковник разозлен. Отлично. Может быть, он даже выйдет из себя.

Изнутри проходной донесся звук телефона. Охранник взял трубку, что-то коротко сказал и положил ее на место. Он нажал кнопку, и его голос зазвучал из громкоговорителя под крышей:

— Можете въезжать, лейтенант Хармон. Охранник покажет вам, куда поставить машину.

— Спасибо. У вас там мое удостоверение и предписание.

— Вы их получите на выезде.

— Разумеется. Но дело в том, что я не въеду, пока мне их не вернут.

Охранник посмотрел на Троя долгим холодным взглядом и передал документы обратно через окошко проходной. Трой сунул их в карман куртки и сел в машину; наружный охранник сел рядом с ним. Тяжелые металлические ворота медленно открылись, и они въехали внутрь.

— Вот по этой дороге, пока справа не покажется большой дом, а тогда первый поворот налево.

— Понял. Похоже по голосу, что ваш полковник на меня взъелся.

— Ничего подобного, с чего вы взяли? — умиротворяюще сказал охранник. — Вот ваш поворот.

— Может, я и не прав. Но, судя по голосу, с ним трудно иметь дело.

Охранник быстро взглянул на него и снова отвернулся.

— Мир вообще трудное место, сынок, и работу во время спада тоже трудно найти. Особенно в моем возрасте.

— Понял, папаша. А полковник просто лапушка.

— Это вы сказали, а не я, — уточнил охранник. — Поставьте машину в гараж номер восемь, и я вас проведу.

Здание охраны чистое и без лишней мебели, как и должно быть в армии. Когда они проходили мимо открытой двери, где работали два клерка, те даже головы не подняли. Охранник постучал в дверь без таблички в конце коридора и отворил ее. Трой сказал «спасибо», расправил плечи и вошел.

Полковник сидел за столом и писал. Трой стоял по стойке «смирно», пока полковник не поднял голову, потом отдал честь. Ответное приветствие несколько задержалось и оказалось просто движением руки куда-то вверх.

— Покажите ваше предписание, лейтенант.

— Есть, сэр.

Мак-Каллох быстро просмотрел бумаги и бросил их на стол. Его лицо не изменилось, но в голосе звучала холодная злость:

— Здесь только подтверждение ваших полномочий и ничего не сказано о причине вашего посещения. Что вам нужно?

— Могу я встать «вольно», сэр?

— Да. Зачем вы приехали?

— У нас есть запрос на проверку благонадежности одного из ваших людей — капрала Аурелио Мендеса.

— Мендес проверен. Все мои люди проверены. От кого запрос?

— От полицейского управления Балтимора. Разрешите сесть, полковник?

— Какого черта вам надо, лейтенант? Вламываетесь сюда, как...

— Послушайте, полковник, я не ваш подчиненный и к вам не прикомандирован. Я приехал сюда, чтобы попросить вашего сотрудничества в нашем расследовании, и больше ничего. В случае отказа я просто вернусь в Пентагон и доложу генералу Браунли. Вы его подпись на предписании узнаете?

Чтобы довести дело до конца, Трой повернулся спиной к полковнику, взял стоящий у стены стул, провез его по полу и уселся. У полковника лицо наливалось кровью, и Трой ждал взрыва. Полковник, должно быть, легко срывался.

Взрыва не последовало. Сжатые кулаки разжались, и Мак-Каллох отвернулся к окну. Повернувшись обратно, он уже полностью владел собой.

— Хорошо, лейтенант, продолжим. Что вы хотите?

— Мне бы хотелось поговорить с капралом Мендесом неофициально. Если здесь найдется свободная комната...

— Отказано. Если вы собираетесь его допрашивать, я дол-

жен присутствовать. Я полностью отвечаю за охрану и безопасность этой лаборатории, и за надежность моих людей также отвечаю я.

— Это против инструкций.

— Это соответствует моим инструкциям. Вы сделаете так, как я вам сказал, или я немедленно организую перевод Мендеса из охраны этой лаборатории.

Трой пожал плечами:

— Как скажете, полковник. Вы здесь старший. Но мне придется доложить о вашем неподчинении предписанию.

— Только попробуй, н... лейтенант, только попробуй.

Способность полковника владеть собой подвергалась очевидному испытанию. Что это он собрался сказать, а потом передумал? Но раньше, чем Трой смог его еще раздражить, полковник схватил трубку и набрал номер. Не получив ответа, он без единого слова вышел из комнаты. Трой подошел к окну, не утруждая себя осмотром комнаты. Он был уверен, что искать здесь что-либо бесполезно.

Мак-Каллох вернулся только почти через четверть часа. Он швырком распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская грузного капрала в испачканных смазкой штанах. Потом вошел сам и закрыл дверь.

— Капрал Мендес, это лейтенант Хармон из военной полиции. Он хочет задать вам несколько вопросов.

— Что стряслось, лейтенант? — спросил Чучо, медленно перекатывая во рту порцию жвачки. Индейские черты его лица были непроницаемы.

— Садись, Чучо...

— Это кликуха для друзей. Меня зовут Мендес, капрал Мендес. — Он остался стоять, глядя на Троя с холодным презрением.

Полковник с ним уже поговорил, понял Трой, подходя к стулу и садясь. Что же он ему сказал? Могло ли связывать этих людей что-то помимо общей службы? Следует попытаться это разведать.

— В чем дело, Чучо? Я еще с тобой двух слов не сказал, а ты уже собачишься. Что не так?

— Все так, только я фараонов не люблю. Ни армейских, ни штатских — никаких.

— Прискорбно слышать, поскольку в этом деле участвует полиция. Потому я и здесь. Дело в том, что полиция Балтимо-

ры ведет расследование. Насколько я понял, один из твоих друзей...

— Что делают мои друзья, меня не касается. Послушайте, у меня есть работа, и если у вас все...

— Нет, капрал, не все. И это дело тебя касается, иначе меня бы здесь не было, это понятно? — Трой глядел прямо на Чучо, но в то же время ясно видел полковника. Мак-Каллох в этот раз полностью владел собой, и на его лице, как и на лице Чучо, ничего не отражалось. — У тебя есть приятель — ну, скажем, знакомый, если слово «приятель» тебе не нравится, — с которым ты, как говорят свидетели, играл в пирамидку...

— Что за херня? Я играю в пирамидку с половиной Балтимора.

— Дослушай до конца. Дело серьезное. Твой знакомый, по имени Пабло Колладо, получил по голове. Когда в расследовании всплыло твое имя, дело передали в мой департамент...

— Полковник, оно мне надо, все это слушать? — спросил Чучо, повернувшись спиной к Трою. — Когда я пришел сюда ловить жучков в закрытых сетях, разве это не утрясли тогда, раз и навсегда? Или оно снова-здорово начинается?

— Нет, не начинается, — твердо сказал полковник Мак-Каллох. — Возвращайтесь к работе, капрал.

Он перешел через комнату, постоял, глядя в окно, пока не услышал, как закрылась дверь. И тогда повернулся к Трою:

— Капрал прав. Это дело давнее, и оно закрыто. Если ваши люди считают, что его снова следует открыть, организуйте перевод капрала. Но никакого вмешательства в действия моей боевой единицы я не допущу. Вам ясно, лейтенант?

— Абсолютно ясно, сэр. Мне придется доложить генералу обо всем, что здесь произошло.

— Вот так и сделайте, лейтенант Хармон. А теперь — свободны.

Трой вышел. Дело с золотом никак не прояснилось, но он встретился с полковником и по крайней мере одну вещь понял. Задушевными друзьями на всю жизнь им не стать. Он улыбнулся этой мысли, садясь в джип и выводя его со стоянки. Полковник ему не понравился — этаким сукин-сын-военная-косточка. И почему-то полковник Мак-Каллох его тоже невзлюбил с первого взгляда. Это было очевидно с того момента, когда он вошел в комнату. А когда полковник вышел из себя, он собрался что-то сказать — но сдержался. Что же это?

— Ниггер! — выдохнул полковник Мак-Каллох в дверь, за которой скрылась спина лейтенанта Хармона. Так тихо он сказал это слово, что его и за фут не было бы слышно, но дышало оно неопишуемой злостью.

«А ведь я его так почти назвал, — подумал полковник. — Почти произнес вслух. Но «почти» не считается. Он меня достал, паразит, просто под шкуру влез. Он бы нарочно не смог разозлить меня сильнее...»

Эта мысль поразила внезапным холодом. Он остановился, повернулся к окну. Проследил, как лейтенант выходит из здания и садится в джип.

Существовала ли возможность — пусть самая маленькая, — что все сделано нарочно? Неужто они напали на его след? За последнюю неделю ему дважды показалось, что за ним следят, но уверенности не было. Каждый раз, когда он сворачивал со своего обычного маршрута, примеченный им автомобиль не сворачивал за ним, но это еще ничего не значит. Два или три радиофицированных автомобиля, не будучи обнаруженными, легко могли передавать его друг другу. А четыре дня назад в собственном доме у него возникло чувство, что кто-то здесь был и трогал бумаги. Никаких следов, просто чувство, что вещи брали и положили на место. Все три обгорелые спички на месте, в парадной двери, в задней двери и в гараже. И все же он чувствовал, что кто-то здесь побывал.

Может, с приближением критического момента он стал немножко параноиком? Но в том, что касается вопросов безопасности, быть параноиком — единственный способ избежать проколов. Предвидеть наихудший исход — и принять все меры предосторожности.

А потому — что, если кто-то следил за ним и известно, что он покупает золото? Каким будет их следующий ход? Ответ очевиден, он сам не раз участвовал в таких операциях. Начнется глубокая разработка объекта наблюдения. Под тем или иным предлогом будет организована его встреча с оперативным работником. Полковник ошутил мороз по коже и передернулся. Мог этот черномазый лейтенант быть оперативником? А расследование благонадежности Чучо — не могло ли оно быть прикрытием для контакта с ним? А почему нет? Этот черненький мог оказаться умнее, чем кажется.

Но неважно, сказал он сам себе, это уже неважно. Он скоро забудет, что все вообще когда-то было. Даже если его подозрения оправданны, ничего не поделаешь, надо жить по обычному расписанию. Осталось всего несколько дней. И не надо делать ничего такого, что привлечет дополнительное внимание. Надо сделать усилие и не менять сложившегося стиля жизни. Нельзя, чтобы в оставшееся время возникли какие-нибудь шероховатости. Если они его подозревают, — ну что ж, пусть продолжают. По крайней мере до тех пор, пока не будет уже поздно.

Мак-Каллох резко отвернулся от окна и сел за стол. Сегодня вечером у него встреча, и ее нельзя отменять, нравится ему это или нет. Зато можно кое-что улучшить. Этой мысли он улыбнулся и набрал номер.

— Марианна? Правильно, это Уэс. Готова обедать? И аппетит есть? Отлично. Но что, если вместо очередных сарделек в «Старой Европе» мы съедим по приличному бифштексу в Жокей-клубе? Согласна? По-моему, да. Если я правильно понял твой радостный визг. Ну что значит дорого? Разве я тебе когда-нибудь в чем-нибудь отказывал? Так я закажу столик. В семь часов, прямо там. Если все в порядке, то больше звонить не буду. В баре увидимся.

Он заказал столик, и остаток дня занимался рутинной бумажной работой, заставляя себя не отрываться до шести часов. Дисциплина — вот что следует соблюдать любой ценой. К тому же работа заполняла мысли и отвлекала от напрасного беспокойства.

Он прошел по комнатам, проверяя, выключен ли свет. Большинство служащих уже ушли. Одна машинка осталась незакрытой, и он позвал девиц, направлявшихся к выходу.

— Чья это машинка?

Три девицы обернулись, молча глядя на полковника, и наконец отозвалась Дэйзи:

— Эта? Эта моя.

Сучка недоразвитая.

— Разве я не говорил вам, что нельзя покидать помещение, оставив пишущую машинку без чехла?

— Ага. Но я забыла.

— Забыли? В таком случае вычет пяти долларов из зарплаты за причинение дополнительного износа и небрежность по отношению к государственному имуществу освежит вашу память. В следующий раз не забудете.

— Вы не имеете права! Только попробуйте...

— Уже попробовал.

На этот туповатый умишко акция должна была произвести впечатление. Она будет жаловаться в союз, но это уже не его проблемы. Девицы ушли. Он погасил свет и запер помещение. Бормоча себе под нос, полковник поехал в город.

Он потягивал второй коктейль, когда вошла Марианна. Полковник махнул бармену:

— То же самое для леди.

— Мартини со льдом? Сию минуту, сэр.

Марианна влетела в чем-то длинном и шелковом, обрзанном очень коротко спереди. Прильнув к нему щекой (он не любил вкуса помады, и она это помнила), она громко чмокнула воздух.

— Ты в этом платье выглядишь на миллион. Что-то новенькое?

— Нет. Но платье — сверхпарадное, надевается не чаще раза в год. Ты меня просто потряс своим сегодняшним звонком. Жокей-клуб, вот это да! Я даже пораньше закончила работу и забежала домой переодеться. Торжественный случай — парадное платье.

Они чокнулись, Марианна отпила из бокала и рассмеялась:

— Нет, в самом деле, Уэс, твои поступки непредсказуемы!

— Тогда не пытайся.

— Нет, мы с тобой встречаемся, все хорошо, все довольны, и вдруг ни с того ни с сего — вот такое. Да это же самое дорогое место во всем городе.

— Одно из самых. Ты не волнуйся, здесь платят кредитной карточкой. — Он вдруг рассмеялся, и она, не понимая причины, все же рассмеялась вместе с ним. Да, вечер явно запомнится на всю жизнь.

Он был необычен во всем. Пока она никак не могла выбрать между бифштексом и омаром, он заказал для нее и то и другое, да еще бутылку французского шампанского, которое, как он объяснил, единственно подходит к обоим блюдам. Она случайно глянула на цену и не поверила своим глазам. Наверно, она ошибалась насчет Уэса. Может быть, он встречался с ней не только развлечения ради. В Вашингтоне случались и не такие чудеса.

Когда на сладкое подали креп-сьюзетт, она уже настолько

наелась, что смогла отщипнуть только кусочек. Но зрелище язычков пламени на поверхности бренди захватывало.

— Довольна? — спросил он, закуривая одну из черных чирут, к которым пристрастился за последнее время.

Она усмехнулась и сжала его руку:

— Не то слово. Я никогда не получала большего удовольствия. С тех самых пор, как попала в Вашингтон.

— Ты ела такое в Сент-Луисе?

— Ты что, смеешься? В Сент-Луисе бифштекс, который меньше крышки люка, за еду не считается. Я почти стала вегетарианкой к тому времени, когда сюда приехала — полгода назад. Нет, честно, это уже слишком.

— Ты этого достойна. Потанцуем, чтобы сбросить лишние калории?

— А что, если их сбросить у тебя дома?

Она чуть сильнее сжала его руку и кончиком языка облизнула полные, сочные губы. Он ощутил ответную тягу к этой чувственной женщине, и в ее словах было обещание, которое, он знал, не обманет его надежд.

— Порочная девушка, — улыбнулся он в ответ. — Только выпей рюмку арманьяка, пока я докурю сигару. Предвкушение — часть наслаждения.

На обратном пути она положила голову ему на плечо. Он нашел какую-то легкую музыку по радио, и она подпевала приятным голоском. Дома он въехал в гараж, отключил, как обычно, сигнализацию, обошел автомобиль и открыл ей дверь. Она не заметила, как он проверил, на месте ли спичка.

— Выпьем?

— С удовольствием. Еще чуточку этого божественного коньяка — как ты его назвал?

— Арманьяк. Это бренди, сделанный в Арманьяке, точно так же, как коньяк — бренди из Коньяка. Только этот лучше.

— Со специалистами я не спору.

Марианна знала, что слегка навеселе, но ей это шло. Так легче было сохранить настроение, а настроение, надо сказать, было дивным. Сколько она уже знакома с Уэсом? Почти четыре месяца. Обеды время от времени, иногда театр, дансинги, потом к нему домой и в постель. Она не имела ничего против, но все время чувствовала, что мероприятия идут в комплексе. Нет секса — незачем и встречаться. Она никогда не формулировала это так многословно, даже не намекала. Мо-

жет быть, чувство ее обманывало. По крайней мере, хотелось надеяться.

А сегодня все было так хорошо, лучше, чем когда бы то ни было. Так естественно и так чудесно. Они были на тахте, и он сказал что-то смешное, она засмеялась, и он ее поцеловал. И все было по-другому, будто в первый раз. И когда его рука скользнула к ней на грудь, у нее дыхание перехватило от страсти. И еще раз, когда он стал ее целовать и она ощутила на со-сках его губы.

Так, на тахте, все и произошло, и ее одежда разлетелась во все стороны, и опять как будто в первый раз. Только потом он отнес ее, прижимая теплое и нагое тело к своей груди, наверх, в спальню. И снова, и еще раз. Таких ощущений ей еще никогда не приходилось испытывать.

Вдруг она вскрикнула — он сделал ей больно, впился в ее плоть зубами, но он ее поцеловал, успокоил, и все прошло. Он просто сильный, слишком сильный, но и это было хорошо.

Впервые она так хорошо заснула после любви. Все было по-другому. Она почувствовала, что он встал и прошел в ванную. Услышала шум воды, он всегда принимал душ после этого, но шум только убаюкивал. Проснулась она от включенного ночника. Уэс, одетый в халат, склонился над ней. Волосы еще влажные после душа.

— Еще арманьяка?

— Господи, ни за что! У меня такое чувство, что это меня добьет.

— Как скажешь. Джин с тоником, как обычно?

Она кивнула, провожая его взглядом, и ее мысли и чувства понеслись по кругу. Обычные процедуры вступали в силу. Душ, коктейль, дорога домой. Но сегодня все было иначе! Она потянулась за халатом, который он всегда оставлял в ногах, но халата не было.

Он забыл или действительно начиналась какая-то новая страница? Она не позволяла себе надеяться. Старая шутка, и недаром одинокие девицы со всей страны слетались в Вашингтон. Работа в офисе, встречи с боссом, знакомство с красавцем офицером, романтика, свадьба — и съездить навестить родную Пеорию или Мэйкон — или даже Сент-Луис! — на зависть всем, кто остался дома. Но штука в том, что мечты редко сбывались. Тем не менее она, сбросив одеяло и копаясь в стенном шкафу, радостно напевала себе под нос. Никогда не знаешь, где и кому повезет. В комнате было прохладно, она

решила надеть его длинный шерстяной купальный халат, свисающий до пола. Она потянула за халат, тот соскользнул с вешалки на пол. Наклонившись за ним, она увидела пару седельных, как у мотоциклиста, сумок. Оттуда торчали какие-то документы, синьки с угловым штемпелем.

Она надела халат и, когда он вошел в комнату, уже вернулась в постель.

— Спасибо. — Она взяла у него бокал. — Мм-м, вкусно.

Он поставил бокал на столик возле кровати и пошел погасить свет в ванной.

— У тебя там сумки в шкафу, — сказала она. — Я и не знала, что ты мотоциклист.

Он стоял к ней спиной, и она не видела, что глаза его вдруг расширились, затем сузились. Щелкнув выключателем, он повернулся к ней.

— Что ты там говорила о сумках? — изо всех сил стараясь не выдать голосом холодную злость, спросил он.

Глава 7

— Ничего особенного. — Марианна пыталась выдавить соломинкой еще чуть-чуть сока из ломтика лимона в коктейле и не видела взгляда Мак-Каллоха. — Просто из одной торчал угол синьки из Министерства обороны, какое-то оружие, да еще с грифом «Секретно». Я и не знала, что ты берешь работу на дом.

— Я говорил тебе, что я из службы безопасности. Мы никогда не спим!

— Верю. Я знаю, что ты делаешь в кровати.

Она рассмеялась собственной остроте, и он тоже улыбнулся, подошел к ней и поцеловал. Сумки, синьки, грифы — все сразу было забыто.

— Допивай, — сказал он. — Пора домой, а то будешь на работе на мебель натывать.

— Ты прав, но не вызывай такси, пока я не оденусь.

— Какое такси? Сейчас столько развелось маньяков и насильников, что я и таксистам не доверяю. Я сам тебя отвезу.

Последнюю фразу он произнес на ходу и не видел, какой надеждой озарилось ее лицо. Одним глотком допив бокал, она бросилась за одеждой. Впервые он предложил отвезти ее домой! Раньше всегда на такси, всегда. Девушка, держи себя в

руках! Пока еще ничего, кроме намеков. Но каких! Одеваясь, она весело напевала.

Вашингтон укладывается спать рано, и поездка из Александрии через Потомак и мимо Белого дома была приятной. Белый дом сиял, освещенный прожекторами. «Чудесный конец чудесного вечера», — подумала Марианна. Как этот город бывает красив!

— Пригласишь меня на чашку кофе? — спросил он, когда они проехали мимо зоопарка.

— Я бы рада, Уэс, но стоит швейцару тебя увидеть, и он раззвонит по всему свету. Старые девы, которыми мой дом набит, живут меня со свету.

— А если подъехать сзади, со стороны стоянки?

— Ну конечно! Я просто не подумала.

Дом был построен на склоне холма, и, войдя со стоянки, они оказались в самой нижней его части, в цоколе. В маленьком вестибюле тихо, и в лифте пусто, на двенадцатом этаже — тоже.

— Ну и ключей у тебя, — сказал он, когда она вставила в секретный замок третий ключ.

— По требованию страховой компании. Нас тут грабили почти каждую неделю. На третьем этаже даже вломились в квартиру — кто-то проник через подвал. Теперь у нас на входной двери двойной замок. Вашингтон — это нечто.

— И все хуже и хуже.

— Да уж, не говори.

Замок громко шелкнул, и она отворила тяжелую дверь.

— Будь как дома. Сейчас я поставлю воду. Растворимый годится?

— Вполне. — Они вошли в миниатюрную кухню. — Мы твою соседку не разбудим?

— Трайсию? Ни в коем случае. Ее дверь открыта, а значит, ее точно нет дома. Она со своим приятелем встречается основательно и домой раньше часу ночи не приходит. А утром натывается на стены с недосыпу. Ее, того и гляди, уволят за это.

— Сейчас только полпервого. Мы успеем спокойно выпить кофе.

Он прошел в гостиную, разглядывая мебель. Его взгляд остановился на камине:

— Эта штука работает?

— Какая? — Она выглянула из кухни, рассмеялась. Чайник засвистел, забулькал, и она рванула обратно. — Это фикс-

ция. Хорошо иметь настоящий камин, как дома. Люблю открытый огонь. И при энергетическом кризисе очень выгодно. Но не на двенадцатом же этаже! Тебе с сахаром?

— Одну ложечку. И капни чуть-чуть сливок, если есть. Только не молоко.

Он наклонился, разглядывая каминные щипцы. Декоративная имитация для фальшивого камина. Штампованная медь, ни разу не бывшая в работе. Зато кочерга из хорошего куска стали. Он взвесил ее в руке. Вполне увесистая.

— Твой кофе готов, — входя в комнату, сказала Марианна. — А если вздумаешь ковырять этой штукой в поддельном камине, все лампочки перебьешь.

— Перебью, это уж точно, — обернулся он все еще с кочергой в руке. — А твой кофе где?

— В кухне, он еще слишком горячий... Уэс, ты что?

Она не произнесла больше ни звука; стальная кочерга обрушилась на горло. Тяжело, мешком с песком, она упала на пол, уронив чашку. Удар был сокрушающим, и умерла она, вероятно, раньше, чем коснулась ковра. Для верности он ударил еще раз по голове, и еще раз, и еще — для уверенности.

Он не удивился, обнаружив, что тяжело дышит. Это тебе не стрелять из «М-16» по желтомордым. Убийство более персональное, что ли, но не менее важное. Он стоял целую минуту, пока сердце не пришло в норму. Он заставил себя вспомнить, что трогал в комнате. Ничего, только кочергу. Собственным платком он тщательно протер кочергу, до места, где она была залеплена кровью, волосами и обрывками кожи. Кочергу он бросил поверх тела.

Потом достал из кармана тонкие кожаные перчатки и надел. Было без двадцати час. Удивительно, всего несколько минут, а казалось — целый час. Теперь он стал осматривать окна — тщательно, одно за другим.

Шторы были закрыты, и, чтобы выглянуть наружу, он их чуть-чуть отодвинул. Пожарная лестница оказалась у окна ванной комнаты.

— Отлично, Уэс, — сказал он себе и выключил в ванной свет. Окно было как раз над ванной, и, прежде чем стать в нее, он положил туда коврик. Все учесть, все предусмотреть. Ни отпечатков пальцев, ни следов обуви. Ограбление, совершенное неизвестным лицом или лицами.

Но окно не открывалось годами и отказывалось сдвинуться даже на волос. Он стучал по нему ладонью до тех пор, пока

оно не поддавалось и не поехало вверх. На полпути оно снова застряло, но это было уже неважно. Тощий грабитель влезет даже через такую дырку. В темноте он потянулся за полотенцами и выбрал самое большое. Егохватило, чтобы закрыть стекло изнутри, пропустить через край и намотать на кулак, он ударил по стеклу снаружи. С первого же удара оно треснуло, несколько осколков со звоном упали в ванну — звук, вряд ли услышанный вне комнаты. Он аккуратно вышел из ванной, откинув ногой коврик в сторону, и сбросил в ванну сломанное стекло.

Все выглядело очень логично. Коврик он положил обратно на пол, а полотенце швырнул в ванну. Взломщик проник через разбитое окно. Полотенце эти неряхи бросили в ванну, оттого на нем столько стекла. Вот он проник в квартиру. Что дальше?

Грабитель идет в гостиную. Ищет ценности. Очень тихо, потому что стены здесь как бумага. Вытаскивает ящики из столов, высыпает на коврик. Теперь книги. Он, почти не обратив внимания, перешагнул через труп, систематически громя квартиру. В комод были какие-то украшения, не очень ценные, и он сунул их в карман. Грабителям нужны деньги. В комод за коробкой с украшениями он нашел ее дневник.

Читать было забавно. Но как можно писать такую чушь? Такой-то, и такая-то, и еще кого-то встретила, и сегодня сделала себе перманент. Он пролистал несколько страниц, пока не нашел свое имя. Ах ты, зараза! Его обозвать скупердьяем! Она и в самом деле свое заслужила. Он сунул блокнот в карман. Ее кошелек лежал на кровати. Он вытащил деньги и бросил кошелек на пол в кухне. Только тут ему попала на глаза чашка остывающего на столе кофе.

Господи, какой же он дурак! Она лежит там, в комнате, и под ней чашка. Кофе на двоих? Она что, вела с грабителем светскую беседу за чашечкой кофе? Полиция такого не пропустит. Он обругал себя, вылил кофе в раковину, прополоскал чашку, ложку и блюдо. Вытер их и отложил в сторону.

Закончил он почти в час. Усилием воли заставил себя не думать о времени. Она сказала, что Трайсия вернется самое раннее в час. Надо еще раз все аккуратно проверить. Медленно, комната за комнатой он обошел квартиру, пока не уверился, что не оставил никаких следов своего пребывания. Была простая кража со взломом, и когда появилась эта девица, ее пришлось убить. И никаких других гипотез. Отличная работа.

Предохранитель в кухне, за дверью. Он вывинтил главный предохранитель, и свет погас. Пришлось идти в гостиную с фонариком. Подтянув к себе кресло, он сел так, чтобы видеть входную дверь, и стал ждать.

Время тянулось все медленней и медленней, и он подумал, что где-то возможен прокол. Вообще-то он не отличался избытком воображения, но сейчас стал ерзать в кресле. Мог кто-нибудь увидеть его автомобиль на стоянке и отметить, что машина не отсюда? Могли записать номер или даже позвонить в полицию. А вдруг Трайсия не придет домой, завевшись со своим приятелем на всю ночь? Или припрется на расвете вместе с ним. Или...

В замке повернулся ключ.

В ту же секунду он вскочил на ноги, осторожно, не торопясь, прошел и стал возле стены. Три ключа, времени достаточно. Так, второй. Теперь поехала шеколда — третий. Из холла упал свет, мелькнул силуэт входящей девушки.

— Марианна, ты дома? — Она говорила шепотом. — Эй, ты не спишь?

Нью-йоркский акцент. Еще одна сучка-янки.

Она закрыла дверь и ошупью пробиралась к выключателю. Пошелкала им.

— Сгорел, паскуда!

Он скользнул по стенке на голос.

После долгого пребывания в темноте он легко различил ее силуэт на фоне освещенных с улицы штор.

Она успела только пискнуть на выдохе, когда пальцы сомкнулись на ее горле. Шансов у нее никаких. Он стоял сзади, она не могла ни лягнуть его, ни вцепиться ногтями. Она была молода и сильна, но недостаточно сильна. Он рванул ее на себя, оторвав от пола.

Она извивалась и все слабее и слабее била ногами. Руки устали, но он держал ее, крепко вцепившись в горло, и после того, как она умерла. Он действовал наверняка. Всегда наверняка. Даже оторвавшись от ее шеи, он еще раз проверил: схватил за полные груди и изо всех сил сдавил их обеими руками. Она не издала ни звука. «Отлично, — подумал он. — Чистая работа».

Она медленно соскальзывала на пол, когда зазвонил телефон.

Кто бы это? Кто мог звонить в такое время? Сосед что-то услышал? Не может быть, все было сделано тихо.

Он стоял в темноте, парализованный нерешительностью. Ответить на звонок нельзя, но открывать дверь, пока звонит телефон, тоже нельзя. Слишком громкий звук. Просто снять трубку? Также нельзя.

Телефон замолчал, и Уэс с облегчением вздохнул. Пора убираться. Он ошупью дошел до двери, и что-то хрустнуло под ногой. Что? Раньше этого не было. Он ногой отбросил это нечто, приоткрыл дверь и выглянул. На лестнице никого не было. Он открыл дверь чуть пошире и посмотрел вниз.

Он наступил на дамскую сумку. Любое пожертвование принимается с благодарностью, улыбнулся он. Руки, неуклюжие в перчатках, извлекли банкноты. На пол упала помада и покатилась к большому зеркалу у входа.

Это навело на мысль. Чуть-чуть увести полицию в сторону. Достаточно света из приоткрытой двери. Написать на зеркале печатными буквами, большими; неровными, с ошибками. Произведение искусства. Он отбросил помаду и открыл дверь чуть шире — полюбоваться.

УБЕВАЙТЕ БЕЛЫХ СВИНЕЙ

Это их точно собьет со следа. А теперь пора уходить.

В час тридцать ночи посреди недели на лестницах многоквартирных домов округа Колумбия малоллюдно. Цифры индикаторов обоих лифтов застыли, один лифт стоял на его этаже. Он миновал их и пошел к аварийной лестнице. Действовать наверняка, только наверняка. Ступая как можно тише, он прошел по лестнице до подвала и осторожно толкнул дверь; в холле тоже пусто. Вестибюльчик возле задней двери тускло освещен, а стоянка темна и пустынна. Начинался мелкий дождик. Уэс вышел, наклонив голову, и двинулся к машине. Двигатель завелся сразу. Не включая фар, он выехал со стоянки, потом включил ближний свет и подгадал под зеленый на Коннектикут-авеню. Не было видно ни пешеходов, ни других машин.

Он проехал два квартала и вдруг вспомнил, что в кухне не вкрутил на место предохранитель. Его охватил страх. Возвращаться — поздно, невозможно. Что может подумать полиция? Но одно ясно: случившееся с ним связать не смогут. Полковник нервно засмеялся, но постепенно страх прошел.

Он проехал через пустынный парк Рок-Крик и свернул вдоль Потوماка. Никто не видел, как он остановился и выбросил в реку украшения. Дневник — он боялся, что дневник

может всплыть, — он порвал на клочки и засунул в мусорную корзину между старыми газетами и пакетами от сэндвичей.

Оставшуюся часть дороги домой он одолел без происшествий и въезжал в гараж, успокоенно посвистывая сквозь зубы.

Глава 8

Трой Хармон подал свой рапорт, но его интересовало, услышит ли он когда-нибудь о полковнике Мак-Каллохе. В конце рапорта он просил, чтобы его уведомили о дальнейшем ходе дела, если оно будет иметь продолжение. Зачем нужно закупать такое количество золота? Он бы очень хотел понять это.

Но сейчас, судя по всему, никакого дела не было. Да, полковник закупал золото в больших количествах. Но почему бы ему не делать этого? С тех пор как золото поступило в свободную продажу, для его покупки не нужно предъявлять удостоверения личности или составлять какие бы то ни было декларации. Ничего незаконного полковник Мак-Каллох не совершал. Он закупил золото на все свои деньги — и спрятал его в сейф. Он использовал все свои сбережения, продал новую машину и купил старую, взял вторую закладную под дом. И покупал золото и снова золото. Это могло казаться эксцентричным — но опять-таки было вполне законным. Трой описал это во всех подробностях, доклад доставил секретарю адмирала Колонна, оставив для себя копию. К сожалению, адмирал пару дней будет отсутствовать, но он свяжется с ним, когда вернется. Отлично. Трой использует два свободных дня. В Нью-Йорке женится старый друг. Трой вообще-то уже сообщил по телефону, что не сможет приехать, — но никогда не поздно позвонить еще раз. В пятницу вечером ни одна собака в Вашингтоне не заметит его отсутствия.

Уик-энд провели отлично. Сначала мальчишник, как следует выпили с друзьями по Ямайской школе, с которыми он сто лет не виделся и вообще про них забыл. Он-то уехал, а они остались, и связь с ребятами заглохла. Сначала колледж в Итаке, потом армия; много воды утекло. Он собирался съездить домой, да все как-то не удавалось. Семьи в городе у него не осталось, все родные, что еще были живы, жили в Детройте. Отец помер, пока Трой воевал во Вьетнаме, — от рака. Че-

рез несколько месяцев — мать. Говорили — от тоски. Может быть... Но все это было давно.

Возвращение в пенаты отметили не только воспоминаниями, но и таким весельем, что Трой не полетел в воскресенье в Вашингтон.

Первый утренний рейс в понедельник из Ла Гардиа при сыром холодном ветре — специфическая пытка, достойная включения в адский арсенал. Особенно если с бодуна. Сначала торчать, пока не объявят посадку, между хромированными рельсами, потягивая из пакета отдающий картоном кофе и глядя одним глазом в «Нью-Йорк таймс», потом втиснуться в тесное кресло самолета внутренних линий и узнать, что перед тобой стартуют всего-навсего двенадцать самолетов, которые надо переждать. На земле больше времени, чем в воздухе. Мы рады приветствовать вас на борту самолета компании «Восточные линии». Температура за бортом...

В КССС кофеварка была существенно лучше. Трой налил себе кофе в толстую глиняную кружку, чтобы отбить вкус картона во рту. В числе «входящих» только одна бумажка. Телефонный звонок, просьба ответить срочно. От какого-то лейтенанта, с незнакомым номером телефона. В армии много лейтенантов.

Но этот был не из армии. Из столичной полиции.

— Лейтенант... лейтенант Андерсон? Говорит лейтенант Хармон. Отвечаю на ваш звонок.

— Спасибо, лейтенант. Я хотел бы попросить вас подъехать — для разговора. Адрес я вам продиктую...

— А скажите, пожалуйста, по какому поводу?

— Могу только сказать, что расследуется дело об убийстве, и мы считаем, что вы будете нам полезны. Сможете приехать сегодня утром?

— Уже еду.

Что за убийство? И чем он может помочь? Но зато можно отвлечься от этого зануды полковника с его золотым складом.

Он попросил секретаршу вызвать такси. Тяжесть в голове еще напоминала о том, что уик-энд закончился только-только. И желания идти по городу через холодную морось у него не было.

Полицейский участок обставлен в современном стиле — без всяких деревянных панелей, примелькавшихся в телесериалах. И лейтенант Андерсон тоже не походил на телегероя. Тоший, хорошо за пятьдесят, коротко подстриженные седые

волосы и толстая оправа очков больше напоминали учителя, чем полицейского. И был он черным, очень черным.

— Садитесь, лейтенант, — Андерсон говорил с легким виргинским акцентом. — Я тут кофе пью, не хотите ли?

— С удовольствием.

— Извините за срочный вызов, но на нас тут свалилось двойное убийство. И я начинаю верить, что ваша помощь может нам понадобиться. Поскольку на этой картине вырисовывается нечто военное.

— Рад помочь. В такой мерзкий понедельник я был бы рад заняться чем-нибудь полезным.

— Отлично. — Андерсон подтянул к себе толстую папку. — Вначале дело выглядело как обычный взлом со случайным убийством. Это на Коннектикут, за парком. Окно рядом с пожарной лестницей выдавлено — в двери тройной замок, а окно без решеток, — никто никогда ничему не учится. Квартира перевернута, ценности исчезли, девушка по имени Марианна Собелл забита до смерти железной кочергой на полу гостиной. Выглядит так, будто она неожиданно застала неизвестного или неизвестных и была убита как возможный свидетель. Ее компаньонка по квартире, некто Трайсия Бродерик, также случайно вошла в разгар веселья и была придушена во избежание неприятностей. Это у нас часто бывает, каждый день по несколько раз.

— Я не вижу, что здесь военного. Какая-то из девиц работала на армию?

— Нет. Погодите, я вам расскажу. Нас заинтересовала пара моментов. Прежде всего: кто и зачем вывернул предохранитель и отключил свет? Это не согласуется с образом действий случайного грабителя. Больше похоже, что убийца или убийцы проникли через дверь, если она была только захлопнута, а замки не заперты. Но есть кое-что поинтереснее. — Он взял фотографию из папки. — Вот это было написано над дверью.

Трой взял фотографию, и его глаза сузились. **УБЕВАЙТЕ БЕЛЫХ СВИНЕЙ.** Он бросил ее обратно:

— Ну и что? Да, это сделал черный. Какой-то солдат с вывихнутыми мозгами. Который даже не знает, как пишется «убивать». Что здесь особенного? Слушай, ты все же темноват для клановца, как ты считаешь?

— Спокойствие, о брат мой, — сказал лейтенант Андерсон. — Это дело попало ко мне самым что ни на есть рутинным порядком, и я даже не знал, как ты выглядишь, пока ты

не вошел в дверь. Я не пытаюсь сделать из этой истории убийства на расовой почве. А кто-то пытается. Вот давай я тебе покажу, что именно тут припахивает, чтобы не сказать — воняет. Вот фотография первой убитой девушки — Марианны.

Плохо, но он видал и похуже, во Вьетнаме. Правда, там не было таких симпатичных девушек. Но смерть есть смерть, хотя на этой фотографии ее слишком много.

— А это вторая девушка, Трайсия.

Трой взял фотографию — и похолодел. Медленно подняв голову, он встретился глазами с Андерсоном.

— Проклятый гад, — выдохнул он сквозь зубы. Андерсон понимающе кивнул.

Трайсия Бродерик — негритянка. Она была, по крайней мере при жизни, темнокожей, темноволосой красавицей. Даже после смерти она все еще хороша.

— Это для прикрытия, — сказал Трой. — Это не просто взлом.

— И я так думаю. Запланированное убийство, которое замаскировано под убийство при ограблении. Какой-то непонятного цвета сукин сын пытается отвести от себя подозрения, имитируя убийство на расовой почве. Я не знаю, что имел в виду убийца, но я знаю, что не собираюсь сдать это дело в архив и забыть. Потому я и стал копать глубже. Обоих девиц я проверил, и сначала нашел приятеля Трайсии. Он гоняет через всю страну контейнеровозы. Вчера он приехал, и у них было вечером свидание. Они на ближайший месяц запланировали свадьбу. Парень буквально убит. Из дома своих родителей он отправил ее в такси, а сам во время убийства был в гараже, так что он вне подозрений. Гараж от него в двух кварталах, и он пошел туда пешком. Оттуда, как у них было принято, он позвонил ей домой, но телефон не ответил. У него график работы очень строгий, так что он вывел свою машину и поехал, но сильно волновался. Из закусочной на девяносто пятом шоссе он снова позвонил ей и, не дождавшись ответа, позвонил в полицию. Поэтому мы так быстро появились на сцене.

— А как быстро это «быстро»? — спросил Трой, пристально разглядывая фотографии. Андерсон вздохнул.

— Достаточно быстро не бывает никогда. С Трайсией я уперся в тупик, но другая девушка, Марианна, дала какую-то зацепку. В ее машбюро девицы, с которыми она имела привычку трепаться, сказали, что настоящего друга у нее не было, но в последние несколько месяцев объявился какой-то более или менее постоянный приятель, армейский офицер...

— Это и есть то, что связано с армией?

— Именно. Мы хотели кое о чем с этим офицером поговорить, так что восстановили все ее перемещения в последний вечер. Она никогда не называла ни его имени, ни звания, однако в день убийства рано ушла с работы, потому что, как она сказала, свидание будет особым. В Жокей-клубе, где она раньше никогда не бывала. По ее словам, она должна была быть там в семь. Мы проверили. Единственным офицером, который на это время заказал столик на двоих, был полковник Мак-Каллох.

Трой вскочил, ударив руками по столу.

— Полковник Мак-Каллох? Вы имеете в виду полковника Уэсли Мак-Каллоха?

— Именно его. Теперь ты знаешь, почему ты здесь. Мы, конечно, хотели его допросить, но полковника почему-то не нашли. Ни дома, ни на службе. Он пропал. Как ты понимаешь, расследование вызвало переполох. Через десять минут после нашего звонка в его лабораторию к нам нагрянуло ФБР. А когда мы им сказали, что случилось, они посоветовали связаться с тобой. Они сказали, что ты тот человек, с которым следует поговорить, но почему — не объяснили. Может быть, ты объяснишь?

— Не знаю, имею ли я право. Дай-ка я сначала позвоню.

Андерсон подпихнул к нему телефон и, пока Трой вызывал адмирала Колонна и описывал последние события, углубился в какие-то бумаги. Трой положил трубку, и лейтенант Андерсон вопросительно поднял бровь. Трой стал загибать пальцы:

— Первое. Полковник принимает участие в работе наивысшей секретности. Поэтому, если я чего-то не скажу, не пытайся о подробностях. Второе. Мне позволено рассказывать тебе о полковнике все то, что знает ФБР, что, откровенно говоря, совпадает с тем, что знаю о нем я. Третье. Если ты свистнешь, как твои коллеги в телевизоре, чтобы подали машину, то я тебе все расскажу по дороге к дому Мак-Каллоха.

— Уже свистнул. Но таких шоферов, как в телевизоре, у меня нет. Есть только старый, просящий ремонта «Форд», который я сам вожу. Поехали.

У «Форда» по крайней мере были сирена и мигалка, и они быстро проехали через забитые улицы к Александрии. У дома стоял посыльный из КССС, на мотоцикле он их опередил. Протянув Трою пакет, он взревел мотором и умчался. Трой открыл пакет и вынул связку ключей.

— Это законно? — спросил он, открывая входную дверь.

— Мы расследуем дело об убийстве. Без тебя я бы эту дверь просто взломал. Открывай и отойди в сторону.

Андерсон откинул полу пиджака и достал полицейский револьвер тридцать восьмого калибра. Трой посмотрел на пожилого полицейского и улыбнулся.

— Думаю, что после Вьетнама я прошел больше дверей, чем ты, лейтенант. Стань сзади и держи эту штуку наготове.

Они резко вломились в дом, но предосторожности оказались ненужными. Дом был пуст. С тех пор как Трой впервые, без приглашения, был здесь, ничего не изменилось. В спальне он откинул ногой коврик, открыл панель и показал на сейф.

— Что, если я это открою? Расследование убийства дает такие права?

— В зависимости от того, что мы там найдем. Я так понимаю, что ты с тем же успехом сможешь его закрыть. Ты видел фотографии. А я видел этих девчонок. Так что ломай эту хреновину, а законностью озаботимся потом.

Трой достал бумажку, которую ему дал слесарь, и аккуратно набрал все цифры. Как и тогда, на последней цифре дверь спружинила ему в руку. Он открыл ее.

Сейф был пуст. Золота не было.

Не совсем пуст. На дне лежала сложенная в несколько раз бумажка. Они оба склонились над нею.

— На ней твоё имя, — сказал Андерсон.

— Прочесть?

— Почему бы нет? Для мины-ловушки она маловата. Просто держи за край, когда будешь вынимать, и разверни концом пера. Там могут быть отпечатки пальцев.

Трой кончиками пальцев вытащил записку и аккуратно положил на столик. Андерсон придержал ее своей авторучкой.

На бумаге жирно, красным фломастером было написано: «Ищи меня, черномазый. Никогда не найдешь!»

Глава 9

— Это ты и есть тот самый черномазый? — спросил Андерсон.

Трой медленно кивнул; на его лице застыло выражение холодной ярости.

— Это я, все правильно. Он на меня взъелся, еще когда мы

увиделись в первый раз. Разозлился с самого начала и потом злился все больше и больше.

— Для армейского офицера у него довольно мерзкая лексика. Как у вас в армии с интеграцией?

— Порядок, но это не значит, что у нас там нет гнилья. И ты думаешь, что именно это гнилье неграмотно настолько, что не знает, как пишется «убивать»?

Андерсон кивнул:

— Здесь что-то здорово нечисто, я в этом уверен. Законно или незаконно, но закупка золота — что-то важное, иначе ни вы, ни ФБР в это дело бы не полезли. Давай сопоставим факты. Марианна на своем «особом» свидании в пятницу вечером была с полковником. Они ели бифштексы, омаров, шампанское — божественный вечер. У него дома вдвоем наслаждались любовной близостью. И что-то она заприметила. Я не знаю что — но что-то, чего она не должна была видеть. Поэтому галантный полковник не отправил ее на такси, а отвез домой самолично, прямо до квартиры. Убил и инсценировал ограбление. Затем выключил свет и подождал в темноте ее соседку, которая могла на него указать как на спутника Марианны в этот вечер. И тоже убил. Вроде бы все складывается? И очень неприятным образом.

— Сколько здесь догадок, а что — достоверно?

— Из области догадок только то, что она что-то заметила и что заметила это в доме полковника. Остальное — факты, которые отлично складываются в мозаику. Мы знаем, что они вместе ужинали. Коронер¹ утверждает, что она не изнасилована, но имела сношение. Она принимала пилюли, в крови обнаружены их следы. Сперма во влагалище, на груди и на плечах свежие синяки. Швейцар утверждает, что последние несколько месяцев она возвращалась со свиданий в такси. Этой ночью она не проходила через парадную дверь, но у всех обитателей дома есть ключи от черного хода.

Трой перечитал записку и гадливо перевернул ее.

— Не очень-то приятно об этом думать, но есть какая-то извращенная логика в его действиях. Если его исчезновение как-то связано с золотом и, очевидно, планировалось давно, то он действительно способен убить любого, кто знал слиш-

¹ Коронер — лицо, дающее официальное заключение о причине смерти.

ком много и мог бы помешать ему. Он был в «зеленых берегах» и в убийстве разбирается. И куда это нас приводит?

— Меня это отсюда выводит, — ответил Андерсон. — Расследование моего отдела на этом заканчивается. Мы, конечно, прощупаем записку, пропылесосим дом, дадим сведения на полковника в розыск и всю прочую рутину запустим. Но у меня такое чувство, что мы свои средства исчерпали. Мы будем расследовать дело дальше, раскручивать все прочие версии, и я буду держать тебя в курсе. Но похоже, наше маленькое убийство перерастает в гигантское дело об угрозе национальной безопасности. Ты говорил, что Мак-Каллох связан с секретной работой?

— Был. И то, что он исчез, в самом деле плохо. Чувствую, что нас ждет большая плюха. Если будет что-нибудь новенькое, я тебе сообщу.

— Да уж. Я звонить не буду, звони сам.

— Извини, но больше мне сказать нечего.

— Не бери в голову, сынок. Я всю жизнь работаю в столице. Там, где в дело вступает правительство, мы уходим.

— Спасибо, что понимаешь. Слушай, ты не отдашь мне эту записку?

— Оригинал останется у нас. Мы снимем тебе копию, завтра получишь. Годится?

— Вполне. Подбросишь меня на обратном пути?

— Прямо до двери.

К концу дня туманная изморось сменилась тоскливым осенним дождем, который отлично соответствовал настроению Троя. Он ехал молча, погружившись в свои мысли, снова и снова вспоминая убитых женщин, пустой сейф, издевательскую записку и опустевший дом полковника. Он, так же как и полисмен, не понимал, что к чему, но чувствовал, что все эти необъяснимые действия как-то связаны. И он собирался сделать все возможное, чтобы узнать — как.

Когда он вошел в здание на Массачусетс-авеню, секретарша махнула ему рукой:

— Приказ адмирала. Немедленно явиться в его кабинет. Третий этаж, маленькая зеленая дверь в конце коридора.

— Не в конференц-зале?

— Восчувствуйте, вы среди немногих избранных. Бросьте здесь плащ и бегом наверх.

Дверь была полуоткрыта. Он остановился в нерешительности, и изнутри раздался голос адмирала:

— Толкни дверь, Трой. И закрой ее за собой.

Трой не знал, чего ожидать, — но уж точно не этого. Никакой мебели, обычной в кабинетах высших чинов или в адмиральских каютах, здесь не было. В лишенной окон комнате пусто, если не считать серых металлических ящиков, закрывавших одну стену. Адмирал сидел у другой стены, глядя на экран компьютера. Кроме компьютера, в комнате был еще только лазерный принтер и рядом с ним — телефон. Даже второго стула не было.

— Вот здесь и идет работа, — сказал адмирал. — Все, что мне нужно знать, я узнаю по компьютерной сети или по телефону. Обратная информация уходит так же. Бумаге я больше не доверяю — мы живем в век электроники. А теперь расскажи, что там за ужасы с полковником.

Сесть было не на что — разве что на пол, поэтому Трой стал «вольно», сцепил руки за спиной и аккуратно изложил факты и те заключения, к которым пришли они с Андерсоном. Адмирал, разговаривая с ним, смотрел не на него, а на экран, время от времени набирая что-то на клавиатуре, будто что-то редактируя. Он только однажды поднял глаза, когда речь зашла о пустом сейфе и записке.

— Ты помнишь, что там написано?

— Трудновато забыть, адмирал. Там было сказано: «Ищи меня, черномазый. Никогда не найдешь!»

— Интересно. Очевидно, он понял, что ты приходил к нему из-за него, а не из-за армейского капрала. А это значит, что он знает и о наблюдении ФБР — или, по крайней мере, считает его возможным. Убийство двух женщин означает, что у него был какой-то план, с четкими сроками, и он не мог позволить себе отступить от них. Если мои предположения верны, он старался выиграть время, чтобы закончить свои приготовления к какому-то заключительному этапу. Он намеревался исчезнуть куда-то со всем золотом, бросив налаженную жизнь и военную карьеру. Такое можно сделать только ради чего-то дьявольски важного. Можешь представить, что бы это могло быть?

— Нет, сэр. Но у меня есть кое-какие предложения по немедленным действиям. Считаю необходимым разослать описание Мак-Каллоха по всем аэропортам, пограничным пунктам, таможням — всюду, откуда можно попытаться уехать из страны. Уверен, что основания для его задержания найдутся.

— Наверняка. Для начала можно объявить его дезертиром. Достаточно серьезное обвинение.

Адмирал быстро нажимал клавиши. Он прочитал ответ, ввел еще одну команду и откинулся на стул. Принтер зажужжал и выплюнул лист бумаги.

— Подтверждение от ФБР о готовности к действию. Слава компьютерным сетям! Сейчас все дырки в границе мы зашьем за три минуты.

— Как вы считаете, это поможет?

— Нет. Куда бы он ни направлялся, он наверняка уже там. Но если запереть дверь в обворованном доме, вреда не будет. Что дальше?

— Я думал об этом всю дорогу. Но сначала я хотел бы знать: я все еще отвечаю за эту операцию?

— Пока не получишь другого приказа.

— Отлично. Тогда я хотел бы потратить немножко казенных денег. Мне понадобится помощь ФБР здесь и ЦРУ за границей. Мне нужна каждая подробность жизни Мак-Каллоха, каждый клочок его биографии, который они смогут раздобыть. Я хочу знать, кто его друзья, и, когда их найдут, я хотел бы, чтобы их опросили; чтобы врагов его тоже нашли. Я хочу знать все его контакты, всех его подружек, все и вся об этом человеке. Конечно, будет куча мусора, которую придется долго и медленно перелопачивать. Но где-то в ней ответ на все наши вопросы о полковнике и его золоте.

Адмирал кивнул:

— Для начала разумно. Я организую. Кстати, ты сам что собираешься делать?

— Хочу поехать на место службы полковника и поговорить с каждым, кто его знал. Это может дать ниточку. Не исключено, что кто-то из них с этим связан. Я уже знаю, что он сказал про меня капралу Мендесу, которого я якобы хотел допросить, — что-то такое, что сразу его разозлило. Я хочу знать, что именно. Я должен иметь свободный доступ в лабораторию «Уикс электроникс» и иметь возможность говорить с каждым ее сотрудником. Вы знаете, какие работы там ведутся?

— Нет. Знаю только, что работы высшей секретности по суперсовременным технологиям. Вы думаете, этот проект имеет какое-то отношение к исчезновению полковника?

— Понятия не имею. Но хочу исследовать все возможные нити. Мак-Каллох знал, какие работы там ведутся?

— Наверняка знал.

— Тогда и я должен знать. Вы можете это устроить?

— Возможно. Если у тебя достаточный допуск, проблем быть не должно. Я спрошу кого надо.

Согласие пришло меньше чем через час, что для бюрократии, связанной с вопросами допуска, было просто чудом. И следствием того интереса, который проявили высшие инстанции к исчезновению полковника Мак-Каллоха. Еще через час после получения разрешения адмирал позвал Троя в конференц-зал. Трой постарался не показать волнения при виде полковника и двухзвездного генерала.

— Генерал Стирнхэм, полковник Буркхардт, перед вами сержант Хармон. Как вам известно, в данной операции он выступает под званием лейтенанта.

Трой отдал честь так, как не отдавал никогда в жизни. Приветствие было возвращено в молчании, которое не нарушилось, пока адмирал не покинул комнату.

— Генерал примет у вас присягу в связи с допуском к высшей форме секретности, — сказал полковник. — Как только это будет сделано и засвидетельствовано мной, вы получите новое удостоверение и пропуск в проект «Гномен». Я сопровожу вас туда. Поднимите правую руку.

Трой впервые услышал название проекта, над которым работала лаборатория. Для него оно ничего не значило. Церемония прошла быстро, и, как только она закончилась, Трой с полковником поспешили к штабному автомобилю. Два мотоцикла расчищали им путь в вечернем потоке машин. Трой стал понимать, в какие глубокие воды забросил удочку.

— Мерзкая погода, — сказал полковник Буркхардт. — Хотя могу спорить, что зима будет еще хуже.

Он потянулся к перегородке водителя и закрыл ее.

— Вы должны узнать, куда скрылся этот подлючий сукин сын, и прибить его за принадлежности гвоздем к стенке. Вам ясно?

— Так точно, сэр. Разрешите спросить: вы знакомы с проектом «Гномен»?

— Нет. Не знаю ничего, но директор проекта — доктор Делькур, и к этому директору мы направляемся. Кроме того, это самый секретный из всех секретных проектов, которыми мы когда-либо занимались. Бюджет проходит только по ЦРУ. Так что, когда пропадает офицер безопасности, охраняющий нечто подобное, мне становится страшно. И вы должны понимать, что с самых верхов будет дана команда начать рас-

следование наилучшей командой специалистов; как только они там договорятся, чья это епархия. Но вы начинали это расследование, вы его и продолжите, пока вас не сменят. Это значит, что мы хотим получить от вас ответы, причем сию минуту или даже быстрее.

На такие речи только и можно отвечать, что «есть, сэр». Когда односторонний разговор иссяк, Буркхардт откинулся на сиденье и всю дорогу остервенело жевал незажженную сигару. В лаборатории у них еще раз проверили документы и препроводили в главное здание. Сопровождающий ввел их в лифт, который поднимал прямо в кабинет директора.

Доктору Роксане Делькур было за пятьдесят. Седая, но все еще привлекательная, с не совсем удачной косметикой, но эффектно одетая, в сером костюме джерси. Единственное украшение — ожерелье искусственного жемчуга, заправленное под воротник блузки. Колец не было, в том числе и обручального. Она пожала руку Трою и проводила Буркхардта к выходу.

— Ну, лейтенант, садитесь. Очень тяжелый сегодня день, со всеми этими визитами. Похоже, Уэс Мак-Каллох не вышел на работу, что воспринимается как конец света.

— Вы должны мне поверить, доктор, — это очень серьезно. Как бы там ни было, он отвечал за безопасность.

— Я знаю, но у нас нет ничего, что могло бы заинтересовать хоть какого-нибудь шпиона. «Гномен» — чисто исследовательский проект, простой и ясный. Упражнение по высшей математике и теоретической физике. Есть первые результаты, но до применения, боюсь, еще далеко.

— Мак-Каллох знал что-нибудь о здешних работах?

— Он отвечал за безопасность, так что должен был знать все.

— Тогда, доктор, боюсь, что мне тоже придется узнать, что здесь делается. Вы не могли бы мне рассказать о проекте?

Глава 10

— О господи, — сказала Роксана Делькур. — Вы хотите, чтобы я вам объяснила, чем мы тут занимаемся? — Она откинулась на спинку стула, вертя в руках желтый карандаш. — Это будет трудновато. В основе лежит теорема...

— Должен сказать, доктор, что математика никогда не была моей сильной стороной.

— Как, боюсь, и большинства. И, кстати, меня зовут не доктор, а Роксана. Вас, насколько я понимаю, тоже не крестили лейтенантом.

— Совершенно верно, доктор... извините, Роксана. Меня зовут Трой.

— Отлично, Трой. Давайте я, не вдаваясь в тонкости, популярно расскажу вам о математике, которой мы занимаемся. Моя работа была всегда связана с элементарными частицами, в основном с движением субатомных частиц и их связью с единой теорией поля...

— Я отстал на первом же барьере. Какой теорией?

— Единая теория поля выросла из общей теории относительности Эйнштейна. Проще говоря, она связывает вместе все существующие в природе силы и доказывает их единство. Это не просто. Много лет люди искали доказательство, или опровержение, или вообще какой-нибудь подход к этой задаче. Я, как и Эйнштейн, математик, а не физик. Но в моем распоряжении гораздо больше результатов лабораторных исследований и больше возможностей проверять мои расчеты экспериментом. То есть заниматься тем, что мы сейчас делаем.

— Чем же? — спросил он, заинтересованный.

— Пытаемся найти соотношения между пространством и временем. Давайте я вам покажу нашу лабораторию, может быть, вы лучше поймете.

Это не помогло. Трой шел за ней, глядел на ускорители частиц, следящие камеры, стойки и шкафы с аппаратурой, у которой, ясное дело, даже названий не было. Какие-то ученые с энтузиазмом показывали ему белые треки на черных фотографиях с такой гордостью, с какой обычно показывают фотографии детей. Экскурсия здорово его озадачила и повергла в размышление о том, что все-таки можно из нее извлечь. Потом Роксана повела его в зал для руководства, отгороженный от общей столовой, попить первоклассного кофе с воздушными пирожными.

— У вас тут все организовано весьма впечатляюще, — заметил Трой, жуя пирожное.

— Верно. Вы заметили, какая у нас захватывающая работа?

— Нет, — сознался он. — Но охрана и режим секретности поставлены по высшему классу.

Они рассмеялись.

— Нет, я серьезно. Мак-Каллох замешан в каком-то темном деле, о котором мы еще не знаем. Но как офицер безо-

пасности он это место зашил наглухо. Все учреждение разделено на зоны безопасности с контролем переходов первого класса надежности. Каждый входящий и выходящий регистрируется в каждой зоне. Данные идут в компьютер, который, таким образом, содержит информацию о местонахождении каждого сотрудника в каждый момент. Высочайшая эффективность.

— А кроме этого, Трой?

— Почти не врубился. Понимаете, доктор Делькур...

— Роксана.

— Извините, Роксана. Вы меня поразили двумя вещами. Первая — вы знаете во всех подробностях, что здесь происходит. Я не знаю, обратили ли вы внимание, что вам задают кучу вопросов о тысяче предметов и вы отвечаете сразу и не задумываясь. Я, конечно, не имею понятия, что именно вы говорите, но людей ваши ответы удовлетворяли. Вы настоящий руководитель.

— Спасибо, Трой. Я уже много лет не слышала ни от кого комплиментов. — Она улыбнулась поверх кофейной чашки, и ее лицо, утратив деловое выражение, стало вполне привлекательным.

— Это не лесть, а чистая правда.

— Еще лучше. Но вы говорили о двух вещах. Ну, еще один комплимент для завершения речи!

Они оба засмеялись.

— Вторая: вы из тех, кто знает свое дело. Из профессионалов, которые никогда не... как бы это сказать...

— Не вешают лапшу?

— Именно. Нечто в этом роде я и имел в виду. Вы знаете, что делаете, вы полностью управляете этой конторой, и в то же время вы могли бы служить ходячей рекламой для феминисток. И все это вместе меня еще больше расстраивает.

— Почему же?

— Из-за моей тупости. Я по-прежнему представления не имею о том, что тут делается.

Она покачала головой:

— Нет, Трой, это моя вина, и я должна принести извинения. Обычно я разговариваю со специалистами и почти забыла, как говорят нормальным человеческим языком. Я не даю интервью газетам, у меня нет мужа для разговоров на бытовые темы, да и нет интересов вне работы. Мне сейчас вот пришло в голову, что я довольно занудная особа.

— Я этого не говорил!

— Ну, так я сказала. И прямо сейчас с этим покончу. Бросим кофе, пойдем ко мне в кабинет и откроем бар. — Она как-то иначе глянула на него: — Пить умеете?

— Испытайте меня!

— Ладно. Я смешаю пару хороших коктейлей и под благотворным воздействием алкоголя сделаю попытку вернуться в ряды человечества.

Через пятнадцать минут Трой в глубоком кресле с благодарностью потягивал оживляющий холодный джин.

— Что хорошо, то хорошо. Должен сознаться, что в субботу и воскресенье я несколько увлекся алкоголем, и вы сегодня предложили мне лекарство.

— Чудесно. — Роксана отпила из бокала, прихватила пальцами мелкую белую луковичку и задумчиво пожевала ее. — Итак, начнем. Если я забреду в сторону от прямой дороги или если ты не поймешь хоть слово, просто скажи «Тпру!». Согласен?

— Вперед.

— Все формы энергии во Вселенной неизбежно связаны между собой. Для примера рассмотрим электрическую лампочку, где электрическая энергия превращается в тепловую, которая, в свою очередь, превращается в энергию света. Иногда такую связь найти труднее. Возьмем, например, движение объекта в гравитационном поле. Допустим, ты поднял груз и привязал его к потолку. Казалось бы, он просто себе висит там. Но при этом он содержит и ту мускульную энергию, которую ты ему сообщил, поднимая, хотя эта энергия теперь имеет другую форму — это потенциальная энергия. Если ты перережешь веревку, она превратится в кинетическую, и груз упадет.

— Пока отлично. — Трой протянул бокал, подставив его под шейкер. — Вроде бы мы это проходили в старших классах.

— Механика, первый раздел физики. Ты это сам знаешь, а я только напоминаю. А теперь попробуем перескочить от этой теории и мысленного эксперимента к тому реальному делу, которым мы здесь занимаемся и для которого, собственно, и открыли нашу лабораторию. Мы проверили несколькими способами мои исходные теоретические положения. Теория получила достаточное подтверждение, хотя некоторые дырки нас все еще беспокоят. И все-таки эксперименты уже дают желаемый результат. Используя многомерные параметры, по-

нятийно затрагивающие темпоральные смещения без нарушения физической четности...

— Вот сейчас, — перебил Трой.

— Что сейчас?

— Вы произнесли фразу, в которой мне понятно только «используя».

— Ты прав, приношу извинения. Попробую еще раз. В лабораторных условиях, затрачивая большие количества электроэнергии, мы организуем минимальные трансформации в темпоральную энергию, вызывающую физическое смещение.

Произнеся последние слова, она сообразила, как они звучат, и расхохоталась.

— Неисправима, — сказал Трой. — Но какой-то смысл я все же уловил. Вы сказали, что каким-то образом на время что-то переместили?

— Да, то есть нет. Переместили, но не «на время», а «во времени».

Трой со всей осторожностью поставил бокал на стол и посмотрел прямо на Роксану.

— Если я вас правильно понял, — начал он, — вы пытаетесь мне объяснить, что переместили кусок чего-то сквозь время?

— Грубо говоря, нечто в этом роде.

— То есть вы говорите, что там, среди всего этого железа, вы построили машину времени?

— Ну, я думаю... — Она лучезарно улыбнулась. — Вообще говоря, я полагаю, что построили.

Глава 11

— Тогда неудивительно, что все так заикнулись на вопросах вашей безопасности, — сказал Трой. — Машина времени — даже сама идея настолько неохватна! В телевизоре, конечно, прыгают во времени туда и сюда, но каждый знает, что это только актеры в костюмах среди декораций. А у вас здесь, в лаборатории, настоящая... — У него не хватило слов, он развел руками, посмотрел, что в бокале почти пусто, и допил остатки.

Роксана встала и подошла к бару:

— Извини, я плохая хозяйка. Но ты прав, машины времени, которые туда и сюда снуют, как троллейбусы, бывают

только на телевидении. Наша не так впечатляет. А когда ее включают, ей нужно столько энергии, сколько идет на освещение Чикаго, причем чтобы сделать, скажем так, очень мало.

— Что, например?

— Сейчас я тебе покажу. Давай допьем, пока лед не растаял.

Он допил — и вдруг его поразила внезапная догадка.

— А не может ваша машина иметь отношение к исчезновению Мак-Каллоха?

Роксана на минуту задумалась, потом решительно качнула головой:

— Мне представляется это крайне маловероятным. Ты спрашиваешь, не мог ли он переправить с ее помощью куда-то свое золото? Это настолько близко к невозможному, что просто невозможно. Наибольший объект, с которым мы работали, весил несколько граммов. Но пойдем в девятую, пока она не закрылась. Боб Клейман приходит на рассвете, зато и уходит рано.

Лаборатория девять располагалась в нижнем этаже здания. Трой еще здесь не был. Тяжелая входная дверь была закрыта, и даже охранник не мог ее открыть. Ему пришлось позвонить на центральный пост и назвать посетителей, и только тогда замок щелкнул и дверь открылась. Когда за ними снова закрылась тяжелая дверь, Трой почувствовал, что волосы на его голове шевелятся. Он попытался их пригладить, но они вставали дыбом. Роксана усмехнулась.

— Не волнуйся. — Она провела руками по своим волосам, ореолом вставшим вокруг головы. — Статическое электричество. Несколько миллионов вольт, но токи ничтожные и беспокоить совершенно незачем. Побочный эффект работы машины. Зато теперь ты видишь, в какой обстановке мы работаем.

Обстановка впечатляла. Особенно электрооборудование. Провода толщиной в человеческую руку, обвитые вокруг гигантских фарфоровых изоляторов, уходили в чрево огромных машин. Большая часть аппаратов громоздилась в центре ярко освещенной комнаты, где пол заметно поднимался вверх. И не просто поднимался, заметил Трой, а в этом месте из бетона выступал гребень серой скалы. Одни машины были закреплены на ней стальными болтами, другие перекидывали над ней стальные рычаги. У машины человек в лабораторном халате. Он оглянулся на голос Роксаны:

— Боб, к тебе посетитель. Лейтенант Хармон, доктор Клейман. Трой, Боб.

— Рад познакомиться. — Клейман вытер руку о заляпанный халат, и они поздоровались.

Доктор Клейман очень напоминал классически-карикатурный образ ученого. Седые, небрежно подстриженные пряди давно взывали к ножницам парикмахера. Сквозь очки с бутылочно-выпуклыми стеклами он, моргая, глядел на Троя:

— Если ты пришел призывать меня в армию, то не совсем по адресу. У меня от рождения белый билет.

— Не бойсь, — улыбнулся Трой. — По мне, ты не совсем похож на гренадера.

— Могу спорить. Но если ты с неофициальной целью, то с какой?

— Для ознакомления, — сказала Роксана. — Я считаю, что Трой лучше поймет смысл проекта, если он увидит нашу работу. Ты проводишь калибровку?

— Целый день. Чтобы не замалчивать достижения гения, сообщаю, что добавил еще два знака после запятой.

— Не может быть!

Роксана хлопнула в ладоши, и Трою почти захотелось тоже прийти в восторг от двух знаков после запятой. Но он понимал, что сейчас не время для вопросов.

— Не веришь на слово? И правильно. Дай-ка я введу еще кое-какую информацию, а потом покажу. Трой, у тебя есть четвертак? Плата за вход в два этапа. Спасибо.

Боб положил монету на верстак, слегка поцарапал напильником и протянул обратно:

— Вот, смотри. Я нацарапал птичку возле хвостика парика старого Джорджа. Видишь?

— Вижу.

— На монете стоит дата: 1965. Тебе достаточно примет, чтобы отличить эту монету от любых других? Есть такие люди, которые всегда боятся, как бы их не надули.

— Я не заметил дату, когда передал тебе монету, — сказал Трой. — У тебя была возможность заменить ее похожей монетой, дубликатом.

— Ты прав. Рокси, ты с ним поосторожнее, парень ушлый. Ладно, мистер сообразяга, возьми напильник и поставь такую метку, чтобы ты отличил эту монету от всех других и удостоверился, что тебе не втирают очки.

Трой нацарапал крест на благородном лбу Вашингтона и вернул монету. Боб отступил и спрятал руки за спину.

— Нет уж, Фома неверующий. Ты ее сам положишь, вот сюда, под лазер, чтобы потом не говорил, что я ее в ладони спрятал.

На верхушке скалы было ровное место, посередине которого застыл рубиново-красный крест. Трой положил монету под луч и отступил назад.

— Эксперимент начинается, — объявил Боб, перебросив несколько тумблеров и глядя на цифры, поплывшие по дисплею компьютера. По ним он настроил еще какие-то приборы и произнес: — Готово! Если вы, леди и джентльмены, соблаговолите присоединиться ко мне за этим вот изолирующим барьером, то мы счастливо избежим образования искр. Рекомендую встать на резиновый коврик и взяться рукой за медный рельс. Трой, на твоей армейской наручной луковнице есть секундомер?

— Есть.

— О'кей. Заведи его и запусти, когда я толкну рукоятку. Давай!

В воздухе резко затрещало, и вокруг металлических поверхностей засветился коронный разряд. Свечение исчезло так же быстро, как и возникло, и Боб вывел их обратно к установке. Скала была пуста.

— Где твоя монета? — спросил Боб.

— Нету.

— Ну ты и востроглазый!

— Спасибо на добром слове. Куда она девалась?

— Правильнее было бы спросить: «Когда она девалась». Смотри внимательно. Должно быть точно семнадцать секунд. Вот!

Монета появилась снова там же, будто никуда и не исчезала. К ней никто не подходил, и ближайший аппарат стоял в двух футах. Трой рефлекторно нажал кнопку секундомера. Семнадцать и семь десятых. Он взял монету. Царапина на месте и крест тоже. Год 1965.

— Классно, Боб, — сказал он, зажав монету в кулаке. — А теперь не будешь ли ты столь любезен объяснить мне, что, черт побери, с ней произошло?

— С удовольствием. За счет расхода электроэнергии примерно на четыре бакса твой четвертак был послан вперед по направлению времени точно на семнадцать секунд. Нам, на-

блюдателям из стационарного потока времени, показалось, что монета исчезла. Однако она не исчезла, она находилась здесь же, на скале, только на семнадцать секунд позже. Через эти самые семнадцать секунд нам показалось, что она появилась, что на самом деле неверно. Она была там, а нам понадобилось семнадцать секунд, чтобы до нее добраться. А теперь самое время сказать: «Не верю ни единому слову».

Трой медленно разжал кулак и посмотрел на монету.

— Я верю, — сказал он, и сам поразился хрипоте своего голоса. — Понять не могу, но верю.

— Мои поздравления, — сказала Роксана. — Подавляющее большинство тех, кто видел, просто не верят своим глазам. Все настолько противоречит их восприятию мира, что принять это невозможно. Потому-то мы и занимаемся этими игрушками, помечая монеты. И все равно почти никто не верит, пытаясь разгадать трюк, с помощью которого их надули.

— Один генерал ткнул в скалу перочинным ножом, — сказал Клейман. — Божился, что она картонная. Вон, видишь царапину? Лезвие сломал.

— Я верю вам, — сказал Трой. — Хотя у меня чуть-чуть крыша едет. Она в обе стороны работает?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ее послал вперед во времени, а назад можешь?

— Теоретически — да, — сказал Клейман, выключая какие-то кнопки. — Но пока мы не знаем. Мы экспериментировали с частицами, потом с объектами чуть побольше. Они исчезали из виду и никогда не появлялись снова. Так что нам пришлось вернуться к столу и пересмотреть всю теорию до начала новой серии экспериментов.

Трой пытался представить себе все возможности машины. Но его беспокоила мысль, что машина была связана с делом полковника Мак-Каллоха.

— А посылать можно все, любой предмет?

— Пока что все, что передавалось, — передавалось. Ты имеешь в виду что-то конкретное?

— Золото?

— Почему бы и нет? В твоём четвертаке было серебро, и следы золота тоже могли быть. Нет проблем.

Нет? Одна по крайней мере была, и большая. Что общего у этой машины, золота Мак-Каллоха и будущего, если прошлое исключается? Ничего не придумаешь. И голова начинала болеть.

— Спасибо за демонстрацию, Боб. И за помощь.

— Всегда рад, заходите еще. Слушай, а ты зачем здесь? Или это секрет?

— Ничего секретного. Я из службы безопасности и провожу расследование, которое касается некоторых здешних сотрудников. Вот мне и понадобились детали проекта.

— Безопасность? Отлично! — Боб перегнулся через консоль и отсоединил разъем. — Ты-то мне и нужен. Я целый день пытаюсь связаться со Старым Брюзгой, этим вашим Мак-Каллохом, а в ответ получаю одни извинения.

Трой взглянул на Роксану и увидел на ее лице собственную тревогу.

— Зачем он тебе нужен? — спросила Роксана.

— Чтобы делал свою работу, вот зачем. — Он выпрямился и махнул в ее сторону концом кабеля. — Меня заставляют писать отчеты да еще кричат, что крайний срок — вчера, но разве я жалуюсь? Пока есть Харпер, ассистент, на которого я сваливаю бумажную работу и который никогда не опаздывает и никогда не болеет. А сегодня он не только опоздал, но вообще не пришел. Телефон у него дома не отвечает. И Старый Брюзга, когда он нужен, тоже отсутствует. Может, ты знаешь, что здесь происходит?

Глава 12

— Именно такими делами я и занимаюсь, — сказал Трой, стараясь ничем не выдать, насколько для него важно услышанное. — Я проверю, что тут делается, и доложу тебе. А на твоём месте я бы не волновался по этому поводу.

— Это я волнуюсь? Я просто зарабатываю себе язву. Небольшую. А потом я буду сидеть до полуночи, делая его работу после своей. Будешь говорить с Харпером, не забудь про язву.

— Спасибо за демонстрацию, — сказал Трой.

Клейман в ответ приподнял воображаемую шляпу и отвернулся к своей машинерии.

— Кто этот Харпер? — спросил Трой.

— Алан Харпер, — ответила Роксана. — Электронщик, волшебник в своем деле. По-моему, ты забеспокоился. В чем дело?

— Что-то не так. Слишком много совпадений, чтобы они оказались случайными. Мак-Каллох исчез — и Харпер одновременно с ним.

— Ты думаешь, они заодно?

— У меня нет данных, даже чтобы гадать, и я очень надеюсь, что это не так. Однако связаны они или нет, дело серьезное. Особенно если Харпер имел доступ к секретной информации. Что ему известно о проекте «Гномен»?

— Все, — ответила Роксана, заражаясь его тревогой. — Пойдем в кабинет. У меня есть его домашний адрес.

Трой набрал номер и услышал длинные гудки. С каждым гудком внутреннее напряжение росло. Дом был в Бетезде, недалеко. Придерживая трубку плечом, он вынул из бумажника визитную карточку инспектора полиции.

— Не отвечает? — спросила Роксана.

— Нет. У вас тут есть автомобиль, который я мог бы взять?

— Панелевоз и фургон, вообще-то...

— Фургон, если можно.

Он нажал на рычаг и быстро набрал номер инспектора:

— Алло, мне нужен лейтенант Андерсон. Лейтенант Хармон. Нет на месте? Вы можете с ним связаться по радио? Хорошо, скажите ему мой номер. Срочно. Скажите, что это по делу об убийствах на Коннектикут-авеню.

Через минуту позвонил Андерсон и, ни о чем не спрашивая, согласился на встречу на шоссе Шеви.

Трой с трудом вел фургон по Окружной, выдерживая пятьдесят пять миль в час. На выезде 33 он свернул и стал искать нужную улицу; свернул в нее и увидел полицейскую машину. Трой подъехал, из машины вышел лейтенант Андерсон.

— Что случилось? — спросил Андерсон.

— Я сейчас из лаборатории, в которой полковник состоял начальником службы безопасности. Один из главных работников сегодня не вышел на работу. На телефонные звонки не отвечает. Возможна связь с делом Мак-Каллоха.

— Или нет. Что еще расскажешь?

— Честно говоря, ничего. Кроме того, что работа высшей секретности и высшего приоритета.

— Поверю на слово. Но мы не можем просто по подозрению высаживать дверь. — Он посмотрел на старый многоквартирный дом. — Он женат?

Трой покачал головой:

— Нет. И живет один.

— Если человек не реагирует на звонок в дверь, мы можем заподозрить болезнь или несчастный случай. Это достаточное основание, чтобы просить суперинтенданта открыть дверь.

Супер был небрит, ворчлив и явно только что проснулся.

— А чего вам от него надо?

— Нам от него ничего не надо, — терпеливо объяснял Андерсон. — Мы проводим расследование по заявлению об исчезновении человека. От вас требуется только открыть дверь и войти вместе с нами.

Супер не проявил ни малейшей охоты к сотрудничеству, но позолоченная бляха Андерсона оказалась мощным аргументом. Ворча себе под нос, суперинтендант вошел с ними в лифт. Он не только не брился, но и мыться явно не любил. Когда на пятом этаже дверь лифта открылась, Трой с Андерсоном облегченно вздохнули. Звякая большой связкой, супер долго выбирал нужный ключ. Дверь открылась, Андерсон вошел первым. Шторы были задернуты и всюду включен свет.

— Мистер Харпер, — позвал Андерсон. — Вы дома?

Ответа не было.

— Трой, постой здесь с супером, а я посмотрю.

Трой молча глядел, как он прошел по гостиной и заглянул в спальню. Открывая дверь ногой и ни к чему не прикасаясь. В спальне, очевидно, было пусто, потому что он повернулся и направился в кухню. Там он остановился в дверях, заглянул внутрь, повернулся и пошел обратно, что-то вытаскивая на ходу из кармана. Вынув одну из своих карточек, он протянул ее суперинтенданту:

— Позвони по этому телефону. Спроси инспектора сержанта Линдберга. Прочти ему мое имя с карточки и скажи, где я нахожусь. Скажи, чтобы прислал бригаду по расследованию убийств.

— Слушайте, мистер, у меня есть своя работа. Мне некогда тут разванивать для всех, кто...

Тут до него дошло, что было сказано. Он вытаращил глаза и сделал шаг назад, потом захлопнул рот, повернулся и побежал.

— Мертвый? — спросил Трой.

— Исключительно. Пойди посмотри.

Алан Харпер лежал на спине, раскинувшись на кухонном полу. Рядом валялся разбитый стакан, молоко из него затекло ему под голову и уже высохло. Выкаченные глаза застыли, рот скривился в беззвучном крике боли.

— Чем он убит? — спросил Трой.

Андерсон пожал плечами:

— Ни оружия, ни ран не видно. Скоро узнаем. Тебе это здорово не в жилу?

— Не говори. Теперь еще важнее раскопать, не был ли этот человек связан с Мак-Каллохом. Я возвращаюсь в лабораторию. Номер телефона у тебя есть, спросишь службу безопасности. Сможешь мне сообщить, что с ним случилось?

— Без проблем. Но мне придется задать тебе несколько вопросов о покойнике.

— Ладно. Я расскажу тебе все, что еще не засекретили. А сейчас мне надо поднять его личное дело.

Трой направился прямо к зданию службы безопасности. Сначала ему нужны были какие-то факты, чтобы ответить на несколько вопросов. Внутри здания чувствовалось напряжение, готовое вот-вот разразиться взрывом. Когда вошел Трой, три сидевшие в комнате девицы старательно отвернулись.

— Кто здесь старший? — спросил Трой. Не получив ответа, он показал на блондинку с роскошными локонами. — Вот вы, мисс. Будьте добры подойти сюда. Как вас зовут?

— Дэйзи, — ответила она почти шепотом.

— Вот, Дэйзи, мое удостоверение и допуск...

— Я в этом ничего не понимаю. Я просто технический работник.

— Я знаю, но... Ладно, кто здесь главный?

— Полковник Мак-Каллох.

— И это я знаю, но, когда его нет, кто его замещает?

— Никто, сэр. Полковник всегда здесь.

— А сейчас его нет, и что-то с этим надо делать. Если он никого не оставил за себя, то он должен был доложить по начальству. Кому он подчиняется?

— Министерству обороны, сэр.

Трой постарался не скрипнуть зубами.

— Это мне известно. Но кто... Ладно, бог с ним. Свяжитесь с Пентагоном и найдите генерала Стрингхэма. Если это невозможно, попросите полковника Буркхардта. Я буду говорить с любым из них.

Генерала нашли только через пятнадцать минут, но это помогло. Дэйзи вытаращила глаза.

— Вы здесь главный, сэр! Так они сказали. лейтенант Хармон — это вы?

— Верно. А теперь достаньте мне секретное досье одного из работников лаборатории. Некого Алана Харпера.

— Да, сэр. Сейчас сделаем распечатку из компьютера.

Чтобы заставить компьютер найти нужную запись, потребовалось больше времени, чем ожидалось. Трой, слыша ше-

пот в соседней комнате, методично осматривал стол полковника. Дэйзи нерешительно вошла в кабинет с единственным листком бумаги в руках: Трой поднял глаза.

— Я не знаю, что случилось, лейтенант Хармон, но у нас не получается. Мы не можем найти досье мистера Харпера. Наверное, компьютер сломался, но все остальное, что мы запрашиваем, он выдает.

Трой взял листок и заметил, что рука у нее дрожит. Трой прочел листок и сказал:

— Спасибо, Дэйзи. Кто имеет доступ к файлам компьютера?

— Мы. То есть все девушки из отдела.

— Понимаю. То есть вы имеете право и вводить информацию, и запрашивать?

— Нет, сэр. Мы не знаем пароля для ввода или изменений. Только полковник Мак-Каллох. Мы делаем распечатки, ищем, что нам скажут, ну и...

— Спасибо, Дэйзи. Пока все.

Зазвонил телефон в офисе, и через минуту загудел телефон у него в кабинете. Он поднял трубку, не сводя взгляда с лежащего перед ним листка.

— Лейтенант Хармон.

— Хармон? Это лейтенант Андерсон. Причина смерти Харпера установлена. Отравление. Стрихнин. Очень болезненно и очень быстро. Яд в стакане с молоком и в пакете на столе.

— Самоубийство?

— Не похоже. В холодильнике еще один пакет молока, и тоже сильно начинен стрихнином. Дальнейший осмотр установил наличие прокола под заклейкой. Возможно, вещество введено в пакет шприцем. Самоубийцы обычно так не поступают.

— Зато так мог бы поступить убийца. У меня есть для тебя подозреваемый. Полковник Уэсли Мак-Каллох.

— Есть основания для подозрения?

— Наверняка. — Трой так сжал распечатку, что она порвалась под пальцами. — То, что я тебе сейчас скажу, пока еще не зафиксировано. Но только полковник Мак-Каллох имел доступ к секретным личным делам. И дело Харпера он начисто стер. Полностью. На этом месте осталось только сообщение для того, кто следующим обратится к этой записи.

— Можешь его пересказать?

— Конечно. Оно короткое. Вот такое:

«Черномазый, я же сказал, что ты меня не найдешь».

— Вот уже неделя, как исчез Мак-Каллох. У тебя есть что-нибудь новое?

Они опять сидели не в кабинете у адмирала, а в комнате для совещаний. Здесь адмирал мог откинуться на стул и расслабиться, затягиваясь трубкой, но, хотя его тело отдыхало, разум был все так же остер, и Трой поежился под его пронизательным взглядом.

— Не так много, как мне хотелось бы, — сказал Трой, вытаскивая пачку бумаг из лежащей перед ним папки. — Единственное, чем мы располагаем, — это дополнительные вопросы.

— Какие?

— Первый, и самый главный, — зачем полковнику потребовалось убивать Алана Харпера, электронщика из лаборатории?

— Ты уверен, что убийца — он?

— Полиция настолько уверена в этом, что выписала ордер на его арест. Мак-Каллох абсолютно не пытался замести следы. В ближайшей к его дому аптеке нашелся подложный рецепт на его имя. Рецепт выписан на большую дозу гидрохлорида стрихнина, того самого, что был найден в молочных пакетах. Графолог утверждает, что рецепт написан самим Мак-Каллохом, а доктор вспомнил визит Мак-Каллоха несколько месяцев назад под предлогом проверки секретности.

— И тогда же он мог сунуть в карман рецептурный бланк?

— Верно. Но при всей очевидности связи Мак-Каллоха с убийством нам абсолютно не ясен его мотив. Однако я хочу проследить, чем он занимался в лаборатории «Уикс электроники». Я уверен, что есть связь между золотом, исчезновением Мак-Каллоха и убийством. Вас уже информировали, чем занимается лаборатория?

— Нет. Но я, по твоему предложению, отправил запрос соответствующим властям. Они ответили, что я проверен и имею право на получение любой засекреченной информации по проекту, который они называли «Гномен». Так что можешь мне рассказать, чем они занимаются и как это связано с нашим делом.

— Так будет гораздо проще изложить мои предположения. Позвольте взглянуть на разрешение?

Адмирал вынул изо рта трубку и откинулся назад, в настоящем или деланом изумлении:

— Я твой начальник, мой мальчик, и можешь поверить мне на слово.

— Не имею права, сэр, — серьезно отозвался Трой. — Но я мог бы связаться с генералом Стрингхэмом...

— Нет необходимости, вот разрешение.

Он вынул конверт из кармана куртки и передал через стол. Трой открыл конверт, чувствуя, что он выдержал экзамен, хотя не предполагал, что подвергается ему. Прочитав документ и проглядев подпись, он вернул конверт.

— Эта комната защищена от подслушивания, адмирал?

— Проверяется дважды в день. Можем считать, что защищена.

— Хорошо. Итак, ученые в этой лаборатории построили машину времени...

— Я бы попросил тебя сохранять серьезность, — нахмурился адмирал.

— Никогда в жизни не был серьезнее. Она еще дорабатывается, но она построена и работает. Вопрос в том, как ее хотел использовать полковник Мак-Каллох. Харпер мог в этом участвовать, поскольку он хорошо разбирался в работе машины. Его убийство могло понадобиться, если он знал о планах полковника. Есть шанс, что он знал и то, что собирается делать с золотом полковник Мак-Каллох.

— Если машина времени работает — а я воспринимаю сейчас эту гипотезу, не рассматривая всех ее невероятных последствий, — то я немедленно могу предложить хороший план. Можно послать золото назад самому себе. Так можно составить состояние. Инвестируй его из десяти процентов годовых, и меньше чем за тринадцать лет капитал утроится. А послать его на тридцать лет назад — ха! — Адмирал вытащил калькулятор и быстро пошелкал кнопками. — Вот тебе и ответ, Трой. За тридцать лет десять тысяч дадут — ого! — больше ста семидесяти четырех тысяч долларов. А золота у него гораздо больше десяти тысяч долларов. Вот тебе и мотив.

— Возможно, сэр, но машина времени не работает назад. Она посылает предметы только в будущее.

— Тогда не проходит. — Адмирал нажал «сброс» и сунул калькулятор в карман. — Что еще удалось найти?

— Кое-что. Капрал Мендес не замешан. Он грубил мне, поскольку Мак-Каллох сказал ему — цитирую: «Там сильно

нарывается какой-то ниггер из военной полиции». А вот расследование, которое я запустил насчет полковника, принесло кучу информации. — Он постучал по толстой пачке бумаги. — Здесь основные сведения. Разрешите мне доложить о самых важных. Прежде всего, Мак-Каллох врал в сведениях о себе еще с момента прихода в армию. Он поступал на офицерские курсы, но провалился из-за плохого школьного аттестата и неудачи на экзаменах. Поэтому он трудно выслуживался от звания к званию. Далее. Каждый, с кем он общался, знал, что он происходит из знатной южной семьи, пережившей упадок после Гражданской войны. Он про это прожужжал уши всем, кто соглашался слушать. Его семья гордо хранила свое историческое имя и была в родстве со знаменитейшими фамилиями Юга. Среди его предков — генерал Конфедерации Бен Мак-Каллох. Благодородная история.

— Действительно. Что здесь не так?

— Все. Все вранье. Полковник — выходец из белого отребья, и со своими родичами он не знается с тех пор, как ушел из дома. Они все, можно сказать, захребетники и паразиты, и все, кого мы нашли, живут на пособие.

— Что же здесь недостойного? Парень из глубинки пробился наверх. Американская повесть об успехе.

— Не совсем. Мак-Каллох очень старался скрыть от всех свое происхождение, а сам — скрыться от родичей. Насколько нам известно, только один из них его разыскал и нанес ему визит. Двоюродный брат, который приехал к нему в Форт-Дикс. Мак-Каллох так его вздул, что тот три недели провалялся в больнице. Речь шла о судебном разбирательстве, но братец снял обвинения и уехал домой. Ходили слухи, что от брата откупились приличной суммой.

— Он мне все меньше и меньше нравится, ваш полковник. Еще что нашли?

— В прошлом году у него объявились интересы, не вяжущиеся с его биографией. Вы помните, он никогда не читал, никогда не покупал книг, в кино не ходил и даже телевизор не смотрел. Все переменилось сразу и вдруг. Он начал покупать книги, ходить по музеям и библиотекам, и мне очень любопытно почему. Ребята из ФБР запустили в компьютер все, что мы нашли, и теперь обсчитывают тренды, тенденции и что-то там еще, что может помочь понять мотивы его поступков. А через час у меня встреча, которая может многое прояснить.

Трой встряхнул письмом:

— Полиция перехватывает всю почту, которая приходит Мак-Каллоху. Вот это письмо пришло с утренней почтой. Куратор из Смитсоновского института немедленно требует встречи по важнейшему делу. Он, очевидно, не знает, что полковник пропал. Я договорился с ним от имени полковника.

— Это не имеет смысла, — сказал адмирал и заглянул в трубку, будто надеялся там что-то найти.

— Пока не имеет. Но будет иметь. Просто надо сложить вместе всю мозаику и посмотреть, на что это будет похоже.

Сидя в захлавленной приемной Смитсоновского института, Трой подумал, что хорошо бы, если бы ответы на вопросы обладали той ясностью, которую он пытался придать им в разговоре с адмиралом. Но ясность появится, обязана появиться. Ответ может быть невероятным, зато ясным.

— Мистер Драйер вас ждет, — позвала секретарша.

Трой вошел. Вместо мундира на нем был черный костюм, а сверху плащ.

— Вы не полковник Мак-Каллох! — Драйер в негодовании отпрянул назад. Тощий и длинный, как жердь, и на нем болтался изрядно потрепанный пиджак. В сочетании с морщинистой шеей и редющим ореолом седых волос картина являла собой развивающееся старческое слабоумие, если бы не черные глаза, ясные, молодые и проницательные.

— Нет, я не полковник Мак-Каллох. Моя фамилия Хармон. Я занимаюсь...

— Род ваших занятий меня ни в коей мере не интересует. Мне требуется обсудить с полковником некоторые конфиденциальные вопросы, так что будьте добры вернуться к нему и сказать, что он должен прийти лично. Он знает почему.

— Я бы тоже хотел знать почему, мистер Драйер. Вот мое удостоверение. Полковник в данный момент находится под следствием. Мы надеемся на вашу помощь, а если у вас есть сомнения, я могу попросить вас позвонить в Пентагон...

— У меня нет никаких сомнений, молодой человек. Я по долгу службы имею дело с военной документацией и легко могу отличить настоящее удостоверение от поддельного. По поводу чего следствие?

— К сожалению, эта информация засекречена. Однако могу вас заверить, что полковник Мак-Каллох в данный момент увидеться с вами не может. Вся его корреспонденция передается в полицию, и таким образом ваше письмо попало ко мне.

Драйер пригладил волосы (они тут же снова встали дыбом).

— Хорошо, я больше ни о чем не спрашиваю. Но все это гораздо более неприятно, чем то, что я собирался обсудить с полковником. Я хотел ему указать, что некоторые взятые им документы принадлежат библиотеке и, вообще говоря, не должны были бы выходить из этого здания. Разумеется, для военных такого ранга иногда делаются исключения, связанные с содержанием нашего фонда.

— Простите, а каково его содержание?

— Технологические архивы армии Соединенных Штатов. Нам предоставляют материалы как военные власти, так и частный бизнес. Наши фонды не являются открытыми, но любой квалифицированный исследователь может получить к ним доступ. Разумеется, и военный исследователь в ранге офицера.

— Простите, а что именно содержится в архивах?

— Книги, модели и документы, относящиеся к истории военной техники Америки — от зарождения нашей нации и до наших дней. У нас есть довольно редкие образцы первых нарезных орудий и даже рабочие чертежи первых танков...

— Вынужден согласиться, что это впечатляет. Но мне больше хотелось бы узнать, в чем заключались интересы полковника Мак-Каллоха?

— История легкого стрелкового вооружения. Он — пехотный офицер, так что это понятно. Полковник в этой области действительно весьма эрудирован, и я со всей ответственностью могу сказать...

— Разумеется, мистер Драйер. — У Троя было ощущение, что, если он немедленно не перебьет мистера Драйера, остаток жизни ему придется провести, внимая бесконечной лекции. — Но что именно взял и не вернул полковник Мак-Каллох?

— Некоторые синьки. Снятые с чертежей автомата «стен». Точнее, автоматического карабина «стен» модели два, калибра девять миллиметров.

— Никогда о нем не слышал.

— Трудно предположить обратное. Он не выпускается уже около сорока лет. Однако в некоторых военных кругах он достаточно известен, а синьки представляют собой определенную историческую ценность. Я хочу, чтобы они были немедленно возвращены. В этом случае инцидент будет исчерпан.

Однако вы понимаете, что пропажа исторических документов — дело весьма серьезное.

— Действительно, — согласился Трой. «И убийства, — подумал он, — тоже. Но как они связаны с древним автоматом?» — Вы не знаете, почему полковник интересовался конкретно этим видом оружия?

— Я уверен, что без какой-то особой причины. Я вам говорил, что он интересуется оружием такого типа. Он еще увлекается сравнением различных марок оружия и часто, когда ему в руки попадала настоящая вещь, указывал мне на тонкости, которых я сам не замечал. Я искренне надеюсь, что по окончании данного неприятного инцидента...

— Извините, что позволяю себе вас перебить, но вы сказали, «когда ему в руки попадала...»? Вы храните модели?

— Нет, сэр, не модели, а настоящие вещи. Много устаревшего оружия нам передает армия, и частные коллекционеры с нами делятся.

Может быть, стоит взглянуть на эту старую машинку? Это может что-то прояснить в интересе Мак-Каллоха, да и Драйер будет счастлив ее показать.

— Он вообще-то не для общего обозрения, — объяснял Драйер, отпирая дверь и ведя Троя в темный подвал здания. Там пахло пылью и ружейным маслом. — Мы готовим экспозиции для музеев и выставок, когда нам отпускают на это средства. Ну, конечно, только дубликаты. Некоторых видов оружия у нас несколько экземпляров, а лучшие образцы мы сохраняем. Сюда, пожалуйста.

В темноту уходили шеренги металлических коробок. На полках таблички, которые Драйер внимательно разглядывал. Около одной из них он остановился.

— Вот он. Сейчас я его разверну.

С этими словами он вынул из коробки брезентовый сверток и осторожно развернул. Оружие в свертке было покрыто толстым слоем смазки. Драйер повернул автомат в руках.

— Нет, не этот. — Он аккуратно завернул ткань обратно. — Это интересная модификация, с глушителем, применялась во время Корейской войны...

Драйер неожиданно замолчал, вынув из коробки кусок брезента, потом уронил его обратно. Пошарив в темноте коробки, он отступил на шаг.

— Что случилось? — спросил Трой.

— Не понимаю. Я сам его сюда положил. Даже помню как. Но его нет. Как это может быть?

В самом деле, как? Мак-Каллох, конечно. Только зачем? Тайны, тайны... Что могло значить последнее открытие?

Глава 14

Приятно, когда благословенная осень золотит и багрянит листья, выехать из города по шоссе, проходящему мимо мемориала Джорджа Вашингтона. Внизу, в крутых лесистых берегах, вьется река, и пейзаж успокаивает и навеивает мысли... если только миновал час пик и шоссе не забито намертво пресловутым столичным потоком машин. Сейчас, однако, в этот послеполуденный час, поток несколько иссяк, и Трой мог не думать о дороге. Он ехал от Смитсоновского института, глубоко погружившись в тревожные мысли. Зацепиться не за что. Неожиданно для себя он обнаружил, что едет к Пентагону. Там тоже нет ответов. На следующей развилке он свернул в противоположную сторону, к северу.

Интуиция подсказывала, что все кусочки мозаики уже собраны. Но картинка не складывалась. Как увязать в одно целое золото и убийства, да еще прицепить к ним синьки и оружие из музея? Они, конечно, связаны, но как? И конечно, ключевой камешек — машина времени. Все странности Мак-Каллоха начались с его приходом в проект «Гномен». Его там что-то заинтересовало, и он начал думать, ходить в музей, а потом покупать золото. Явно так. Значит, ответ надо искать в лаборатории, а именно — проследить за всеми движениями Мак-Каллоха с момента его назначения. И начать надо сейчас.

Трой нажал на газ и поехал на предельно разрешенной скорости, сворачивая на развязку с Окружной дорогой. В лаборатории он заглянул в службу безопасности. Почты не было. Он хотел было поговорить с директором, но передумал. Роксана уже помогла ему, чем могла. А то, что заинтересовало Мак-Каллоха, находилось в лаборатории номер девять. Туда Трой и направился.

Боб Клейман сидел за столом, глядя в пространство поверх чашки остывшего кофе. Он повернулся на звук двери:

— Умер? Убит? Вот прямо так и убит? У меня в голове не укладывается, да, трудно поверить, честно говоря... Мы же с

ним работали тут еще в пятницу вечером. Может, еще можно было что-то сделать?

— Да нет, Боб. Когда мы нашли тело, было поздно. К тому времени он уже был мертв.

— А если раньше? Если бы я сначала позвонил в полицию, вместо того чтобы шляться тут и груши околачивать...

— Не грызи себя, Боб. Он умер где-то в субботу, так что в понедельник ты ничего не мог сделать. Однако кое в чем ты еще можешь помочь.

— Ты что имеешь в виду? — Боб глотнул холодного кофе, скривился и отодвинул чашку.

— Ты бы мог помочь мне найти убийцу. Полиция уверена, что знает убийцу.

— Правда? В газетах ничего не писали.

— Это пока не для публики. Смерть Харпера — часть гораздо более важного дела, и оно засекречено по высшей категории. Я имею в виду исчезновение полковника Мак-Каллоха.

— Тайна, которая, извини меня, не стоит возни. Если Старый Брюзга исчез, то, ей-богу, никто о нем скучать не будет.

— Даже если он убил Харпера?

— А это он? — Клейман повернулся вместе со стулом. — Он и есть тот момзер, который убил Алана Харпера?

— Мы почти уверены. А я не меньше уверен, что убийство, исчезновение и еще кое-что, о чем долго рассказывать, связаны с проектом «Гномен».

— Как?

— А это я пойму из твоего рассказа.

Клейман озадаченно покачал головой:

— Ты меня сильно сбил с толку, Трой. Что я тебе могу рассказать такого, что поможет тебе в расследовании?

— Ты можешь рассказать подробнее о проекте. Я понимаю дело так, что какой-то аспект вашей работы привлек внимание полковника. И вот, чтобы понять, какой именно, я должен узнать все, что знал полковник Мак-Каллох. То, что он мог узнать сам и что мог рассказать ему Харпер. Для начала давай вспомним, какие у них были отношения. Они были друзьями?

— Насколько мне известно, нет. Если припомнить, они вообще почти и не разговаривали. Так, знаешь, восстанавливая свои впечатления, могу сказать, что Харпер побаивался Железного Полковника и даже тихо его ненавидел. Пару раз я заметил, как Алан смотрел ему в спину, и физиономия у пар-

ня так перекашивалась, будто он убить его хотел. Но он никогда об этом не говорил.

— Что-то между ними было — иначе полковник не стал бы убивать его. Зачем ему это понадобилось? Может быть, Харпер что-то про него знал, или узнал, что Мак-Каллох что-то делает в лаборатории, или...

— Не годится. Полковник — тупица без всякого воображения. Я не уверен, что у него хватило бы интеллекта сменить пробку. Чтобы он работал с высокоточной электроникой — это просто бубкес.

— Существенная информация. Теперь мы знаем, что работать в лаборатории в одиночку он не мог. Если он пользовался машиной времени, ему нужен был помощник. Мог им быть Харпер? Ты сказал, что Харпер его не выносил. Значит, Харпер мог работать под принуждением — что объясняет и его неприязнь. Мак-Каллох, пользуясь своим положением, мог его шантажировать.

— Похоже на правду. И дальше что?

— Полковник с Харпером могли получить доступ к здешнему оборудованию?

— Почему бы и нет? Вечером я обычно уходил, а Харпер оставался на ночь работать. Всю профилактику и настройку он делал с вечера, так что утром я мог сразу приниматься за эксперименты. До обеда Харпер вообще не приходил. Такое расписание устраивало нас обоих.

Трой поскреб челюсть и окинул взглядом комнату, набитую непонятной машинерией. У него было чувство, что ответ в этой комнате, рядом, протяни руку и возьми.

— Так, значит, они вдвоем могли гонять машину и ставить неутвержденные эксперименты?

— Не думаю. Во-первых, я бы им этого не разрешил.

— А как бы ты узнал?

— Хороший вопрос. — Клейман встал и быстро заходил по комнате — так ему легче думалось. — Могла бы остаться запись в книге, однако я не уверен. И потом, охранники фиксируют приходы и уходы. И что? Видно, на месте человек или нет, но что он там делает — поди пойми. Включали они машину или нет? Не знаю. Если они и записывали опыты, я этих записей не видел. Этого теперь не выяснить.

— Но нам придется это выяснить. Ты подумай. Может быть, где-то есть книга регистрации включений, или индикатор, или, там, счетчик...

— Слушай, Трой, это огромный и сложнейший аппарат ценой в миллиард баксов, а не конторский ксерокс со счетчиком копий. Он целиком экспериментальный, и таких узлов в нем просто нет.

— Я понимаю. Но все-таки хоть что-то регистрируется? Какие-то расходные материалы, ну вроде сварочных электродов или угольных стержней для дуговых ламп?

Клейман качнулся назад и сцепил руки перед лицом.

— О господи, Трой! Ты блуждаешь в техническом средневековье. О высоких технологиях ты хоть что-нибудь читал? Вот корейцы, те даже на них разбогатели. Неужто ты ничего не слышал о полупроводниках или интегральных схемах? Мы не используем электронных ламп или элементов накаливания, а уж тем более твоих сварочных электродов или угольных стержней. И выключателей у нас нет, и без реле обходимся. Сейчас все делается на интегральных схемах, а это один большой кусок камня. Единственный движущийся элемент — электроны, а их не видно. Расходуемые материалы — только бумага для принтера да электричество.

— Ну ладно, электричество. Счетчик у вас есть? Записи о том, сколько его ушло, ведутся?

— Да нет. Я полагаю, раз в месяц приходит счет, как в любую другую контору. Это не по моей части. Я только знаю, что его уходит чертова уйма. Бывает даже, что на станции вырубаются автоматы и им приходится подключать резервную линию...

Клейман запнулся и уставился прямо перед собой. Потом заморгал и медленно повернулся:

— Ты знаешь, кто ты? Ты гений. Ты Шерлок Холмс из Болотного Угла. Ты в науке не понимаешь ни бельмеса и все время вел меня за ручку к правильному ответу. А я — дубарь. Без твоего пинка в зад я бы ни за что не вспомнил.

— Чего не вспомнил?

— Был случай, когда электрическая компания подняла бучу, а мы тоже возбухли насчет того, что у нас эксперименты пропадают, когда отрубается ток. Тогда-то мы и поставили монитор на линию, чтобы точно знать, сколько мы оттуда высасываем, и сообщать им, сколько они нам должны гарантировать.

Трой чувствовал, что они близки к ответу.

— Что за монитор?

— Ну, этот монитор — не железка. Они-то хотели поста-

вить какой-то из стандартных самописцев, но видел бы ты это уродство. Скрипит пером, плюется чернилами и ляпает кривульки на круглом барабане. Знаешь, нам не хотелось, чтобы у нас стоял такой уродец и мазал красными чернилами все вокруг. Технология каменного века. Помню, они пытались его поставить, но мы его выбросили. У нас вся аппаратура управляется от центрального компьютера. Там в нем хрен знает сколько оперативной памяти и до фига дисковой, ну, еще встроенные часы и еще куча прибабасов. Так кто-то из наших программистов написал программку-монитор для слежения за расходом электроэнергии, и все были счастливы. У нас были все записи, которые нам требовались, и жизнь стала прекрасной.

Трой был озадачен:

— Но этот ваш компьютерный счетчик сняли, когда он стал не нужен?

— Ты не понял. Мы ничего не добавляли и не присоединяли никаких счетчиков. Мы написали программу, инструкцию для компьютера, чтобы он для нас запоминал некоторые факты. Его работа не видна, пока кто-то не захочет взглянуть на результат. Мы добавили еще пару собственных штучек для записи экспериментов. В те первые дни это нам очень пригодилось.

— Больше вы этой программой не пользовались?

— Мы ни разу больше не адресовались к результатам. Если ты хочешь добиться толку от нас, усвой этот профжаргон. Программа запущена, и она работает, пока ее не снимут. — Он обвел рукой ряды стальных ящичков. — Это все здесь, и мне надо только спросить.

Трой уставился на гладкие дверцы.

— Ты серьезно? И мы можем найти записи обо всех экспериментах?

— Каждый может. Надо только правильно спросить.

— Так спроси!

— Не моя работа. — Клейман потянулся к телефону. — Наш век — это, молодой человек, век специалистов. Я — физик, а не технолог. А вот кто нам нужен для этой работы. Нина Васселла, наш главный программист. Она знает... Хелло, это Нина? Нина, come 'sta? Bene? Рад слышать. Слушай, у нас тут в девятой задача как раз для тебя. Что? Конечно, сейчас. Ну, будь лапонькой. Хорошая девочка. Вот спасибо! — Он повесил трубку. — Сейчас она спустится.

Нина была темноволосой, миниатюрной, миловидной и знала свое дело.

— Программу? Конечно, помню. С тех самых пор, как я ее писала.

— Она еще работает?

— Несомненно. Если кто-то из вас, безруких гениев космических теорий, полез бы в систему, она бы сломалась. А я сама эту программу не снимала. Так что она там до сих пор тикает. Сейчас посмотрим.

Она подтянула стул к терминалу и подняла сиденье под свой рост. Сидя она не доставала ногами до пола и обернула их вокруг ножки стула, как девочка. Но что делать, она знала хорошо.

Пробежав пальцами по клавиатуре, она открыла меню всех работающих программ, вызвала нужную и просмотрела. Через тридцать секунд она показала пальцем на строчки цифр, бегущих по экрану:

— Вот она. Готова и ждет.

— Класс! — Клейман потрепал ее по плечу. — Ты гений, доченька. А теперь сделай нам, пожалуйста, распечатку.

— Ты серьезно? Здесь два года накопленных данных слежения. Как насчет энергетического кризиса и дефицита бумаги?

— Таковы правила игры. Давай.

Она нажала две клавиши, и принтер возле дальней стены загудел и начал гнать бумагу. Печатающая головка почти беззвучно моталась вперед и назад, и в приемном поддоне вырастал штабель готовой бумажной ленты.

— Это все, что вам, гениям, было нужно? — спросила Нина.

— Спасибо, детка. Я тебя вспомню в своем завещании.

Когда принтер наконец замолчал, Клейман оторвал бумагу и перенес на свой стол стопку листов толщиной в книгу.

— А теперь посмотрим, сказал слепой, — пробормотал Клейман, переворачивая пачку и разглядывая последние страницы. — Вот так, правильно, это я делал сегодня утром. Теперь чуть назад, последняя пятница, перед тем, как пропал полковник... Мам-ма миа!

— Что там такое?

— Вот оно, в субботу поздно вечером, когда замыкался выключатель. Энергия, друг, вот она! Не знаю, что они тут делали, но энергии сожгли столько, что можно было бы иллюминировать Чикаго. Мы даже одной десяти тысячной от этого количества за один раз не брали. Удивительно, что они не сожгли ни одной схемы. А это что? Не верю, не может быть! Столько не бывает!

Он показал на строку в распечатке, ткнул в группу цифр,

которая, на взгляд Троя, ничем не отличалась от других на той же странице. Клейман внимательно просмотрел другие страницы, а затем вернулся к первой.

Он с сомнением покачал головой:

— Смотри, вот здесь. Полярность тау-входа изменена. Так быть не должно. Мы так не делали — вот посмотри. Результат был отрицательный, и мы от этого подхода ушли.

Трой что было сил сдерживал нетерпение.

— А что оно значит, это самое «тау»? Почему оно тебя волнует?

— Меня оно не волнует — это просто невозможно, вот и все. Так сделать нельзя. Но так было сделано.

Клейман выпустил бумагу, и она скользнула на пол. Он повернулся к Трою, и лицо его вытянулось, а голос охрип:

— Что бы там ни было послано во времени, оно не было послано вперед. Оно было послано в обратном направлении. В прошлое.

Глава 15

Трой без всякого сомнения воспринял путешествия во времени как факт. А почему нет? Он вырос в век технических чудес. Сначала атомная бомба, задолго до его рождения, потом реактивный самолет, летящий быстрее звука, орбитальные спутники, телевизор, передающий в прямой эфир высадку человека на Луну. Новшества сыпались из лабораторий, как из рога изобилия, и он, как и большинство, уже не интересовался, как это все работает. Работает — и хорошо. В армии приходилось использовать ракеты с электронным наведением. Нажал кнопку — и пошла.

А здесь ты нажал другую кнопку, и что-то поехало сквозь время. Никакой разницы. Единственный вопрос — для чего использовалась машина? Что послали через время Мак-Каллох с Харпером? Золото? А что они с ним хотят сделать? А если не золото, то что?

При такой постановке вопроса ответ становится очевидным. Осколки ложатся в узор. Трой повернулся и позвал Клеймана. Тот не услышал. Физик что-то бормотал, разгребая кучу бумажных листов распечатки. Трою пришлось позвать погромче.

— Что? — Клейман заморгал, отвлекаясь от своих мыслей. — Ты что-то сказал?

— Я спросил, можно ли по этим цифрам сказать, какой предмет они послали.

— Ты имеешь в виду его массу? Да, я могу. Надо посчитать по формуле, учесть расход энергии по отношению к параметру тау и аспект фактора...

— А прямо сейчас, грубо, можешь сказать, какой была эта масса?

— Мы использовали малые объекты, но теоретически ограничения на массу нет. Создай большое поле — и можешь двинуть, к примеру, памятник Вашингтона. Теоретически такая возможность не исключена.

Следующий вопрос Трой задал после паузы:

— А если это правда, то есть возможно, можно ли послать через время человека?

— Ну почему же нет? Масса есть масса... — Клейман остановился и взглянул на Троя. — И ты о том же подумал? О странном исчезновении полковника?

— Возможно. Становится понятной куча разных вещей. И способ совершения грубых убийств — просто важно было выиграть время. И его очевидное безразличие к оставленным следам. Ему все равно, что он натворил, раз ему не грозят последствия.

— Ты прав, ему было наплевать. Если бегство сквозь время возможно. Мы до сих пор не экспериментировали с живыми существами. А эксперимент может оказаться смертельным. Мы же не пробовали.

— Так попробуй.

— Сказано в духе чистой науки. И я знаю, что нам нужно.

Клейман обошел вокруг стола и нашел телефонный справочник. Проверив номер, он зашелкал кнопками телефона. Потом откинулся в кресле, положил ноги на стол и слушал редкие гудки.

— Хьюго, ты? Да, Боб Клейман. Да, давненько. Контора большая, все перегружены. Слушай, у меня к тебе, если у тебя есть две минуты, вопрос. Отлично. Помнишь, я полгода назад давал тебе маленький тау-генератор для исследования воздействия тау-поля на живую клетку? Ну и что? Ладно, отрицательный результат — тоже результат. А многоклеточных ты тоже пробовал? Тоже хорошо. Белые мыши? Я мог бы помочь. Верно, я думал, что тебя заинтересует. Ты мне пришли какую-нибудь, которую любишь меньше других. Ну, я же не знаю, что с ней будет после прохода через пространственно-временной континуум. Ну, ты гигант. Спасибо.

Он повесил трубку и повернулся к Трою:

— Он уже послал к нам человека с мышами. Сейчас поставим эксперимент и ответим на один из твоих вопросов.

Белая мышка была очень маленькой, с розовыми глазками и розовым носом. Она сидела в клетке и чистила усы передними лапками, не проявляя никакого интереса к тому, что клетку ставили на стенд под лазерную метку.

— Разряд! — скомандовал Клейман, нажимая кнопку. Клетка исчезла. — Я ей дал полных пять минут. За десять секунд до возвращения сработает сигнал. Дай-ка мне еще раз распечатку, тут есть о чем подумать. У меня такое чувство, что эти юмористы проделали эксперимент, о котором мы даже не думали. Они нашли способ проверки и экспериментально проверили теорию без возникновения парадокса времени.

— Не врубился.

— Извини. Однако рассуждения об обращении времени волей-неволей приводят к старой хохме насчет того, что случится со мной, если я вернусь в прошлое и убью своего деда, пребывающего в младенческом возрасте.

— А что случится?

— Вот в этом весь вопрос. Если я его убил, то я не смогу родиться, а если меня нет, то я не могу вернуться в прошлое и убить его, поэтому...

— Парадокс?

— Именно. Поставить эксперимент, который его прояснит, невозможно. Однако очень короткие перемещения во времени не делались. Мы знали об этом еще до начала работы.

— Ты мне ничего не объяснил, и я понятия не имею, о чем ты.

— Это же очевидно. Мы никогда ничего не находили на точке передачи на скале — значит, ничего из никогда не посылали назад. Если бы мы неожиданно что-нибудь нашли, это значило бы, что оно прислано нам из будущего в то время, в которое мы его найдем, а следовательно, в будущем мы должны произвести этот эксперимент и послать это в прошлое. Выглядит несколько сложно.

Трой расхохотался:

— Для тебя сложно, а подумай, каково мне! Все это не по моей части! Я после школы попал в колледж, доучился до степени бакалавра в области истории, потом меня вдруг дернули в армию. Пару лет я служил живой мишенью, и пришлось научиться отстреливаться. После войны остался в армии. Большую часть истории я уже забыл, зато хорошо выучил со-

временное вооружение и знаю, как остаться в живых, когда целая кодла пытается тебя прикончить. В твоих словах я понимаю не больше, чем — как ты сказал? — бобкес?

— Отличное слово на идише. Означает козьи катышки. Но...

— Ну, ладно, все равно я должен понять и надо с чего-то начать. Ну, например, зачем здесь скала?

Клейман взглянул на монолит серого гранита над бетонным полом и пожал плечами.

— Это как раз просто. Думая о времени, не следует упускать из виду физические перемещения. В пределах некоторого временного интервала происходят не только перемещения людей и вещей, но и перемещение самой Земли вокруг Солнца. И сама Солнечная система движется в межзвездном пространстве. Но с этой сложностью нам, слава богу, возиться не приходится. Тау-поле работает в так называемом мировом времени. Это значит, что объекты смещаются во времени, но не в пространстве. Объект с верхушки скалы попадет в будущее через пять минут, а скала будет на месте, и он снова окажется на верхушке. Потому-то мы ее и используем. Если бы мы использовали какой-нибудь стенд, оставался бы шанс, что кто-то его передвинет. Объект переместится туда, где стенд был раньше, — а теперь его нет. Бум! Эксперимент хлопнулся на пол. Затем-то здесь наша лапушка-скала. Твердый объект из стопроцентного гранита. Он стоит тут уже пару миллионов лет и, даст бог, простоят еще столько же. Предварительные исследования выполнялись еще до меня, но, я так понимаю, геологию тут исследовали серьезно. В сущности, лабораторию построили именно здесь потому, что здесь была скала...

Его прервал звонок. Трой повернулся к скале как раз вовремя, чтобы заметить появление клетки. Мышь спокойно сидела на месте, а когда Трой просунул палец сквозь прутья, обнюхала его.

— Еще один ответ, — радостно завопил Клейман, хватая клетку и улыбаясь ее жизнерадостному обитателю. — Тебе пошло на пользу путешествие во времени. Как бодрящее. Эта мышь прекрасна, как никогда. Хьюго будет счастлив. — Он стал серьезным. — Так, вот еще один ответ на твои вопросы. Железный Полковник мог уйти этой дорогой. Как и почему, я понятия не имею.

— Вот это мы и должны узнать. Слушай, ты здорово меня продвинул. Не мог бы ты еще и узнать, как далеко в прошлое он забрался?

— По этим цифрам и в данный момент я практически ниче-

го не могу сказать. Надо откалибровать — и мы можем сэкономить время, если поймем, каким образом Мак-Каллох и компания калибровали свои эксперименты. Для начала обратимся к формуле, по которой рассчитывали смещение в будущее. Правда, у нас нет гарантии, что в обратном направлении формула даст ту же точность. Однако Мак-Каллоху и Харперу пришлось выполнить калибровку, иначе они бы не решились на большое путешествие. Если так, мы должны отследить их путь, получить результаты и воспользоваться ими. А ну-ка посмотрим, где они. Слушай, пока я вожусь тут с распечаткой и ишу их следы, сваргань пару чашек кофе вон из той кофеварки. Я быстро.

Быстро не получилось. Они уже допивали кофе, когда Клейман нашел нужную запись.

— Эврика! На случай, если твоего классического образования не хватает, сообщаю, что по-гречески это означает «Нашел!». Вот здесь у них пробные эксперименты, целая куча... а вот и большой. Его-то я и искал. Смотри, сколько тока спалили! Упаси боже показывать счет за энергию налогоплательщикам. Так, теперь быстро посчитаем.

Клейман дважды проверил цифры, и результаты повторились. Он черкнул что-то в блокноте, оторвал листок и перебросил его Трою:

— Десятое декабря тысяча девятьсот сорок первого года.

Трой взглянул на листок:

— Это дата прибытия?

— Верно. Туда было доставлено нечто весом около пятнадцати килограммов. По крайней мере, я считаю эту дату датой прибытия. В оценке массы я уверен, однако дата получена просто обращением формулы для расчета смещения в будущее. Она может быть неточной, но мы ее проверим так же, как и они. Посмотрим газеты. Что бы это ни было, но оно по необычности своей должно было попасть в газеты. Бешеный волк, двадцать пять двухголовых замороженных цыплят в чешуе или не знаю что, но не могло оно проскочить мимо газет.

— Ты уверен?

— Не-а. Но для начала это неплохая теория. Слушай, давай поделим работу? Я покопаюсь в этой распечатке и выясню, сколько они посылали и в какое время. А ты тем временем съезди в «Вашингтон пост», посмотри их подшивки того времени. Если не найдешь, посмотри немножко вперед и назад. Должно быть хоть что-то, иначе Мак-Каллох не решился бы на свой сволочный план.

— Согласен. Ты еще сколько здесь будешь?

— До твоего звонка. — Клейман положил руку на сердце и поднял глаза к потолку. — Да простит меня небо, ибо я нарушаю святое правило смываться с работы в пять и выпивать первый martini в пять тридцать. Но нет жертвы, которой я бы не принес для дела. Иди, о воин, и возвращайся со шитом иль на щите. Мне нужны хорошие новости — или никаких. Ты можешь.

А почему бы и нет, думал Трой, ведя машину в город. Будем держаться того, что у нас есть, пока не нападём на след. Должно получиться, раз получилось у Мак-Каллоха.

У «Вашингтон пост» хранение подшивок было поставлено как следует. Все предыдущие выпуски доступны для просмотра или покупки. Однако в целях экономии места по прошествии нескольких недель со дня выпуска газеты переводились на микрофильмы. Трой заполнил требование на ролик за декабрь сорок первого года и вызвал клерка нажатием кнопки. Ждать пришлось долго. Клерк не соизволил появиться, пока Трой не позвонил еще раз.

— Терпение, о брат мой. Хладнокровней.

Это был молодой мулат с хорошо выраженными африканскими чертами и копной волос размером в добрых восемь дюймов. Взяв у Троя требование, он скрылся между полками. Но вернулся тотчас и отдал Трою требование.

— Не получается, — сказал он. — Никак не могу выдать этот ролик.

— Почему?

— А потому, что его здесь нет, земляк. Случается. Кто-то не поставил на место, или какой-то олух ушел прямо с ним. Таков наш мир. И случиться это могло довольно давно, я полагаю. Редко бывают запросы на такую старину, и ролика могли не хватиться. Но, как бы там ни было, а его нет, точно.

Глава 16

Полковник успел раньше их.

Трой посмотрел на листок требования и понял, что они угадали верно. Мак-Каллох уже был здесь, нашел, что хотел, и замел следы.

— А за предыдущий месяц или за следующий? — спросил Трой.

— Ну такой уж день у тебя сегодня, что тебе офигенно не

везет. На каждом ролике у нас подшивка за четыре месяца. А то, что ты просил, точно посередине.

— Ладно, но это же копии. У вас хранятся где-то исходные экземпляры фильмов?

— Ну есть, конечно, резервные копии для восстановления испорченных. В наши дни люди потеряли уважение к собственности. Извозят пальцами чужую вещь или исцарапают до полной негодности, и приходится восстанавливать. Однако это требует времени, друг. Сегодня же поставлю в заказ, но получишь не раньше чем через три дня.

— Времени у меня нет. А на исходную копию нельзя взглянуть?

Клерк покачал головой:

— Никак. У нас тут правила. Оригиналы только в хранилище. И мне никоим образом не разрешено выдавать их. Тебе придется чуток остынуть и прийти, когда отпечатки будут готовы.

Они были одни в комнате. Трой вынул из кармана бумажник и извлек купюру в двадцать долларов. Положил ее на конторку; клерк следил за его руками.

— Нельзя ли сделать некоторое исключение из правил?

Клерк отступил назад и оглянулся:

— Человек! Ты пытаешься меня подкупить?

— Да.

— Годится. Старые клуши, которые тут командуют, мне давно уже поперек горла.

Бумажка исчезла, и через пятнадцать секунд на ее месте появился микрофильм. Клерк прижал палец к губам:

— Пусть это будет нашей маленькой тайной. Иди к первому аппарату и верни мне ролик, когда будешь смываться.

— Спасибо. Мне ненадолго.

Оказалось, надолго.

За десятое декабря не нашлось ничего подходящего при самом тщательном поиске. Для гарантии пришлось просмотреть номер три раза. Ладно, продолжим. Боб Клейман сказал, что не уверен в точности даты. Будем искать дальше.

Через час он нашел.

То самое. Подходило идеально. Маленькая заметка на второй странице.

УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ В МЭРИЛЕНДЕ

Таинственные взрывы и вспышки. Тревога населения

Сотни человек были встревожены угрозой немецкого вторжения из-за серии взрывов и вспышек, разорвавших ти-

шину ночи близ Кливерволла. Вызванные полиция и пожарные легко нашли источник беспокойства, поскольку взрывы продолжались около двух часов на некотором скалистом массиве вблизи фермы Сондерса. Как сообщил репортерам шеф полиции О'Салливен, это работа хулиганствующих идиотов. Была найдена металлическая коробка с сигнальными ракетами, применяемыми на флоте для подачи сигналов бедствия. Инициаторов хулиганской шутки обнаружить не удалось.

Это было оно. Никаких сомнений. Трой вернул ролик и получил отпечаток страницы. Выйдя, он попал в густой поток машин — гражданские служащие возвращались по домам. В лабораторию удалось вернуться только после шести.

— Вам просили передать, — сказал охранник на въезде, — доктор Клейман в кабинете директора.

— Спасибо, уже иду.

Когда Трой вошел, Роксана Делькур стояла у открытого бара, смешивая приличную порцию коктейля. Боб Клейман уже отоварился большим бокалом.

— Ну и как? — спросил он.

— Отлично, — ответил Трой. — Мак-Каллох или кто-то другой украл микрофильм с газетой, но мне удалось раскопать дубликат. Вот фотокопия за ту же дату.

— Выпьешь? — спросила Роксана, пока Клейман изучал вырезку. Она передала Трою бокал. — Боб поймал меня уже на выходе и рассказал, что вы нашли вдвоем. Он думает, что ты сыщик получше Дика Трейси.

— Так оно и есть. Вот спасибо, как раз то, что нужно. — Трой щедро глотнул. — Просто мы упорные. Мак-Каллох оставил след — и мы по нему пошли.

— Теперь легко говорить. Но если бы не ты, мы бы не нашли ничего. Ты понимаешь, кроме дела Мак-Каллоха, твоя находка еще колоссально сдвинула нашу работу. Мы, случилось, попадали на реверсное тау, но экспериментов в эту сторону не планировали. Совершенно новое направление исследований, и все благодаря тебе.

— Слушайте, не надо — у меня и так голова пухнет. Я рад, что помог вашей работе, но пока у меня и своей полно. Мак-Каллох — вор и убийца, и, пока я его не поймаю, я занимаюсь только этим, и ничем другим.

Клейман протянул Роксане фотокопию вырезки:

— Мало шансов поймать беглеца, который дернул сквозь время. Если твой полковник это сделал, уймись.

— Почему же?

— Хотя бы по одной простой причине: если он отправился более чем на пятьдесят лет назад, он уже наверняка мертв и дело закрыто.

— А если он ушел назад всего на несколько лет и прихватил с собой золото? Тогда он где-то здесь, и я рассчитываю его найти. Поэтому — второй вопрос, и очень важный: если он использовал машину времени, как далеко он мог уйти? Как ты думаешь, последний большой эксперимент — это его?

— Не знаю. После твоего ухода я отвлекся и не закончил расчетов. Понимаешь, результаты нашего расследования оказались такими впечатляющими, что я начисто забыл о его причине. Ты прости меня, тупоголового, сейчас подчитаю.

— Сначала допей, — заметила Роксана. — Забыл так забыл. Ничего уже не изменишь, и пять минут ничего не решают.

— Верно, — согласился Трой. — Но я все равно хочу знать дату, чтобы понять мотивацию.

— Я тебе предложил, помнишь? — спросил Клейман. — Отправить золото назад, инвестировать, вернуться в настоящее, а теперь шлепай в банк — и ты миллионер.

— Не годится, — сказала Роксана. — Ты забыл самое важное.

— Верно, — согласился Клейман, — не сработает. Дорогато в один конец, разве что ты прихватишь с собой всю девятую лабораторию. Кто этого не сделал, тот не собирается вернуться. Однако мою теорию это не опровергает. Просто возьми с собой эту кучу золота в тридцатый год, во времена депрессии, когда ликвидных активов почти не было, — и ты богач. Могу спорить, что именно так он и поступил.

Трой покачал головой:

— Не звучит, Боб. Хорошо, но не для этого человека. Насколько нам известно, материальные потребности полковника Мак-Каллоха удовлетворялись полностью. Проще говоря, все, чего ему хотелось, было у него здесь и сейчас. Уходить в прошлое обогащения ради не имело смысла. И это не объясняет подбор книг и исследования, которыми занимался полковник. А кража синек и автомата? Нет, у него был другой мотив, и его надо найти.

— Вы правы, Шерлок, — согласился Клейман. — Найдите мотив, и вы найдете преступника. А потому пушка я в работу мой верный ржавый калькулятор. Показания приборов у меня с собой... да, это мог быть человек. Масса объекта — девяносто пять и сорок пять сотых килограмма.

— Полковник столько не весит, — возразила Роксана.

— Не весит, — согласился Трой. — Если у него нет с собой чемодана с золотом на четверть миллиона.

— Разумеется. Посмотрим, что Боб сможет извлечь из цифр.

— Сначала я должен внести поправки, — бормотал Клейман, шелкая клавишами. — Дата прибытия далека от предсказанной. Если перевести разность в секунды и грубо оценить распределение...

Оба они молча смотрели на Боба, погрузившись в свои мысли. Роксану Делькур мало волновал полковник, с которого все началось, поскольку ей виделись широкие горизонты, уготованные неожиданным открытием. Какие дороги открывались перед проектом, которому она отдала столько сил и лет!

Трою не легко было забыть Мак-Каллоха. Дух убийцы, спрятанный под маской джентльмена — и так хорошо спрятанный, что никто не заподозрил. Можно ли найти его и отдать в руки правосудия? Трудно сказать.

— Нашел, — сказал Клейман, пряча калькулятор в карман. — Это неточно, поскольку для скорости я кое-какие цифры округлил. Но ошибка не больше нескольких дней, максимум — неделя. Я глубоко уверен, что при допущениях...

— Роберт, — прервала его Роксана, — хватит лекций. Давай сюда дату.

— Ах да, извините, ребята. В пределах упомянутых мной допусков можно сказать, что масса чуть более девяноста пяти килограммов была отправлена назад на сто двадцать четыре года. Так что, Трой, можешь больше не искать Старого Брюзгу. Он давно уже умер и похоронен. Однако основной вопрос остается открытым.

— Именно, — сказал Трой. — Его мотивы.

— Совершенно верно. За каким лешим расставаться с удобствами, бедами и антибиотиками двадцатого века ради ухода в год от Рождества Господа нашего тысяча восемьсот пятьдесят восьмой?

Глава 17

Пачка документов, составлявших дело Мак-Каллоха, имела внушительный вид. В сложенном виде она достигала тридцати сантиметров высоты. Трой перенес их с Массачусетс-

авению в кабинет здания охраны лаборатории, который раньше занимал полковник. А теперь — он. Их лучше изучать именно там, где полковник работал.

Полковник Уэсли Мак-Каллох, для своих — Уэс. Трой устроился за столом, подтянул к себе разлинованный желтый блокнот и написал наверху страницы слово «Уэс». Он хотел понять этого человека, влезть в его шкуру и взглянуть на мир его глазами. Ключи к разгадке были где-то в этой пачке документов. Если изучить их как следует, понять движущие пружины этого человека, причины всех событий всплывут сами собой.

В одиннадцать он прервался, чтобы выпить чашку кофе, потянуться и выпрямить спину. Сидеть за столом несколько утомительно. Зато желтый блокнот заполнялся и сквозь записи проступал пунктирный контур человека. Отрываться Трой не хотелось. Он отнес кофе в кабинет и подошел к окну, как это много-много раз мог делать полковник. Ему хотелось увидеть заоконный пейзаж точно так, как его видел Уэс Мак-Каллох.

Мысли Троя прервал стук в дверь.

— Меня зовут ван Дайвер, — сказал стоящий в дверях человек в мундире. — Майор ван Дайвер.

Он вошел в комнату, и Трой увидел за его плечом целую группу военных, потом дверь закрылась.

— Могу ли я спросить, какого черта здесь делается? — спросил Трой.

Майор кивнул головой с жиденькими белесыми волосами, и его розовые щеки зателепались, как у бульдога. Белые зубы явно были искусственными, а водянистые голубые глаза за стеклами очков в стальной оправе помаргивали.

— Я вас освобождаю. Вот приказ. Отдан в Пентагоне сегодня утром. Лей-те-нант...

Последнее слово он произнес врасстяжку, с натянутой холодной улыбкой — чуть-чуть высунулись и спрятались снова зубы за тонкими губами. Похоже, верхняя челюсть была плохо подогнана, и он все поправлял ее языком. Стараясь не обращать на это внимания, Трой прочитал все официальные документы. Они были в полном порядке. Колеса военной машины наконец завертелись и выбросили его из дела. Трой вернул документы:

— Хорошо, майор. Мне нужно полчаса для очистки стола и сбора документов...

— Нет. Все бумаги останутся здесь, а вот вы уберетесь немедленно. Мои люди не в курсе, но я знаю, что здесь происхо-

дит. И я знаю, что вы — всего лишь сержант, прикомандированный к одному из секретных подразделений. И когда я сказал, что я вас освобождаю, сержант, это означало, что вы свободны с этой минуты. В любом смысле. Мне не нужны эти чертовы секретные службы, которые поналезли всюду при нынешней администрации. Армия в состоянии провести расследование по делу своего офицера — на то у нас и военная разведка и контрразведка. Вы этим занимались на вашем уровне — что-то там про золото. То дело закончено, а это гораздо более важное. Вы отстранены. Документы остаются здесь. Надеюсь, вам все ясно. Свободны, сержант.

Трой открыл рот — и медленно закрыл его. Он получил приказ. Все. Точка. Ничего, что могло бы изменить ситуацию, он сказать не может. Все, что он сделал, что еще собирался сделать, все его теории никому не нужны. Его выгнали, и все. Выбора у него нет, и изменить ничего нельзя.

Трой шелкнул каблуками по стойке «смирно» и отдал честь. Майор ван Дайвер вернул приветствие. Трой повернулся на каблуках, подошел к двери кабинета, открыл ее и вышел. Через приемную, не глядя по сторонам, на автостоянку к машине. Он выехал и направился к воротам, которые открылись при его приближении. Охранник кивнул ему, и он, проезжая, помахал рукой. Только отъехав на приличное расстояние, он почувствовал, как его отпускает напряжение. Он улыбнулся, потом рассмеялся в голос.

— Отстранили! — крикнул он, когда здания в зеркале заднего обзора уменьшились и исчезли совсем. — Новый приказ! Дело поступает в распоряжение специалистов! Ну давайте, работайте, гвардии мудаки правительства Соединенных Штатов! Ничего-то вы не найдете. Вы, болваны, даже забыли изъять у меня пропуск.

Он похлопал себя по карману, где лежал пропуск. Он по пунктам знал, что они собираются делать. И знал, как мало они найдут. Так им и надо. Это его дело, и он еще над ним работает. Или нет? Это будет решать адмирал. С ним-то и надо повидаться. Трой направился в город. По дороге ему попала закусочная для водителей, и он вспомнил, что уже шесть часов ничего не ел. Покончив с сэндвичем, он позвонил из будки секретарше адмирала. Да, адмирал на месте. Да, примет вас через тридцать минут.

Адмирала Колонна действия армии по отношению к Трою

не удивили ни в малейшей степени. Слушая подробности, он посасывал трубку и кивал.

— Это СОП. Наше агентство выполнило свою работу — мы сторожили сторожа и доложили результат. Сторож исчез. Дело вышло из нашего круга обязанностей. Им занимаются те, кому полагается, а мы отходим в сторону. Стандартная Оперативная Процедура. Дело закрыто.

— Извините, адмирал, но не могу с этим согласиться. Вы дали мне задачу: узнать, зачем полковник покупает золото. Задача не выполнена. Во время ее выполнения Мак-Каллох исчез, совершив несколько преступлений, которые сейчас расследуются полицией и военной разведкой. Все согласно уставу. Но исходное дело все еще открыто и не доведено до конца.

Адмирал наклонил голову:

— Я понимаю твою точку зрения. Но что мы можем сделать такого, чего не могут другие отделы?

— Я могу обнаружить, что произошло на самом деле. У меня уже неплохие результаты — доклады вы видели. На самом деле я только начал. Должна быть связь между золотом, убийствами и кражами. Как только я пойму одно из этих действий, я пойму и остальные.

— Ты веришь, что сможешь?

— Думаю, что смогу, сэр. На дело затрачено столько времени и сил, и я прошу еще немного времени. По крайней мере разрешения испробовать свой шанс. Сэр, я еще занимаюсь этим делом?

Адмирал с минуту молча смотрел на него сквозь облако дыма.

— Занимаешься. Я согласен с твоими соображениями. В той мере, в какой это касается нашего отдела, расследование по полковнику Мак-Каллоху продолжается. Что ты собираешься делать дальше?

— Просить вашего разрешения связаться со всеми агентствами, собиравшими для нас информацию, и запросить копии докладов. Майор так быстро вышиб меня вон, что я не смог взять даже свои заметки.

— Не получится. Согласны мы или нет, официально КССС выведено из этого расследования. Даже если я запрошу информацию, нам наверняка откажут.

— М-м-мать! — Трой вскочил и заходил по комнате, вбивая кулак в ладонь. — Полный нокаут. Без этих сведений мне этого парня не раскусить. Дурак я был. Мне бы сразу сделать копии с документов, как только я их получил!

Адмирал кивнул в знак согласия:

— Ты довольно поздно приходишь к выводу, который я сделал много лет назад. Следует установить стандартную процедуру: пришла бумага — немедленно сделать с нее копию и подшить. Полагаю, после вполне предметного урока ты согласишься с разумностью такого подхода.

— Так вы... так у этих документов есть копии?

— Разумеется. Я же сказал, что это стандартная процедура. Сейчас с них будут сняты дубликаты и посланы в тот ящик внизу, который служил тебе кабинетом. — Он поднял руку. — Не нужно благодарностей. КССС — мой отдел. И я не меньше тебя хочу, чтобы это дело было раскрыто, к нашему общему удовлетворению.

Трой не мог сдержать радость:

— Великолепно, сэр! Я должен вас благодарить, поскольку вы спасли мою шкуру. И я это дело расколю.

— Буду ждать твоего доклада.

Трой двинулся к двери, но вдруг обернулся:

— Могу я задать вам личный вопрос, сэр?

— Задать можешь. Ответить не обещаю.

— Ну, он не совсем личный, скорее — для информации. Сэр, что вы делали на флоте? Не поймите меня неправильно, я не критикую флот, но я смотрю, как вы управляетесь с отделом, и думаю, что, наверное, ошибался в представлениях о флотском порядке.

— И опять же, возможно, не ошибаешься. Флот вырабатывает привычку работать с книгой и не проявлять излишнего воображения. Может быть, поэтому я оказался здесь. Кроме того, я, может, никогда и не был на флоте. Посмотри на себя — разве ты лейтенант? Однако на тебе форма лейтенанта. И закончим на этом. Жду твоих докладов о ходе расследования.

Трой спустился в свой отсек и погрузился в работу. Бумаги расплзались по столу и даже скользили на пол, Трой перекалывал их, пытаясь как-то классифицировать. Только просмотрев все подробные доклады ФБР, он позволил себе сбросить первый слой. Далее шли расчеты личности Мак-Каллоха, выполненные психиатром по данным личного дела и медицинской карты Мак-Каллоха.

Работа была выполнена трудная и очень фрейдистская. Много выводов основано на том, что полковник рано покинул дом. Далее шли спекулятивные рассуждения на тему отторжения от матери и извращения братских чувств. Трой перелистнул несколько страниц и перешел к заключению.

«В силу изложенного я прихожу к заключению, ослабленному, к сожалению, как я упоминал ранее, отсутствием личного контакта с объектом и состоящему в том, что объект обладает сильной личностью параноидального типа и его приспособленность к жизни подвергается напряжению в силу наличия шизофренических тенденций. Он ощущает, что его обходят по службе менее квалифицированные работники и что его недостаточный успех является не следствием его собственных недостатков, а следствием пороков общества в целом. Служба в военных структурах приучила его действовать адекватным образом, несмотря на подобные настроения. Однако его послужной список, равно как и обвинения в убийствах, совершенных в период службы во Вьетнаме, хотя таковые обвинения были впоследствии сняты, свидетельствует о сильной склонности к человекоубийству. Он не теряет способности отличать правильное от неправильного, однако всегда полагает себя правым и испытывает желание поступить по своей воле с тем, кого считает неправым. Наиболее серьезными для офицера действительной службы представляются его, хотя и подавленные, тем не менее злобные и подразумевающие насилие антинегритянские побуждения. Этот вывод подтверждается его прежним членством в ку-клукс-клане. Наиболее глубокой мотивацией для объекта является ненависть, вызванная этими побуждениями. Я уверен, что он не сможет подавлять эти чувства еще сколько-нибудь продолжительное время».

— Для этого не надо быть психиатром, — сказал Трой, бросая документы на захламленный стол и брезгливо вытирая руку о брюки. — Я это знал с первого взгляда. Ну ладно, это хотя бы доказательство. Что я еще знаю?

Он брал документы по одному и откладывал те, которые казались ему существенными. При этом он рассуждал вслух, чтобы лучше сформулировать собственные мысли.

— Психиатр говорит, что у Мак-Каллоха склонность к убийствам и что он сдвинулся на расизме еще в своем Миссисипи. К этому можно добавить полицейский рапорт о трех убийствах, совершенных им для сохранения в секрете своего плана. Об этом плане мы знаем только то, что в нем участвует большое количество золота, а также автомат и полный комплект чертежей для его изготовления. Поскольку для приобретения этих предметов Мак-Каллох затратил значительные усилия, резонно предположить, что они представляют для него определенную важность. Если он отправился назад во времени, то он наверняка взял их с собой. В одна тысяча восемь-

сот пятьдесят восьмой год. Зачем? И почему в этот год? Что в нем особенного? Как я помню, ничего. Относительно спокойный период в истории Америки, в котором ничего примечательного не случилось. Много политических взаимодействий и трений между штатами, но до Гражданской войны еще два с половиной года.

Не знаю я, что он задумал! — рывкнул Трой, неожиданно разозлясь и стукнув кулаком по стопке документов. — Знаю только, что какую-то гадость, мерзость какую-то! Будут убийства — иначе зачем ему оружие? И без волшебного зеркала могу сказать, зная полковника, что среди убитых будет много черных. Это уж будьте спокойны.

Однако злость — не решение. Мотивация поступков полковника должна быть найдена разумом и логикой, а не приступами эмоций. Трой взял чистый лист бумаги и разделил его пополам вертикальной линией.

Вопрос: Что взял с собой полковник?

Ответ: Золото, автомат, чертежи автомата.

Вопрос: Как связаны между собой эти предметы?

Ответ: Неясно. Следует подумать. Золото — это деньги. Такие деньги, которые годятся в любое время и в любом месте. В 1858 год Мак-Каллох прибыл богатым человеком, и он явно собирается быть богатым на Юге. На Север он ни за что не поедет! Он нырнет в Дикси¹, добрый старый рабовладельческий Дикси. Там он будет дома. Так, для полковника, с его предубеждениями, это уже достаточная мотивация отправиться сквозь время. Жить на любимой земле в такие времена, когда слово «интеграция» вызывало чисто математические ассоциации. Прекрасно. Однако почему год 1858? Через три года — Гражданская война, и этот дивный мир полковника исчезнет навсегда. Вот если бы отправиться в 1830-й, он бы мог всю жизнь прожить, шелкая кнутом по черным спинам. И ему бы это нравилось. А в 1858-м оставалась всего пара лет такого удовольствия.

Но, кроме золота, он взял с собой автомат. Приближающаяся война — и смертоносное оружие. Вот это гармонировало. Это сходилось.

Трой вдруг с ужасом и отчаянием почувствовал, что нашел правду. Нет, это невозможно! Но это правда. Все сходилось.

Полковник отбыл назад во времени с золотом, автоматом и чертежами.

¹ Так в Америке называют южные штаты.

Психиатр предположил, что Мак-Каллох — параноик с криминальными отклонениями шизофренического характера. По-другому говоря, он сумасшедший. Сама его идея сумасшедшая. Самая сумасшедшая идея, которую когда-либо вымечтал самый сумасшедший псих.

Полковник Мак-Каллох отправился в прошлое для того, чтобы изменить исход Гражданской войны.

В измененной истории Юг должен был победить.

Глава 18

— В чем конкретно состоит ваш вопрос? Каковы особенности автомата «стен»? Боюсь, я не понял, что вы имеете в виду, сэр, — заявил Драйер. Куратор вертел в руках автомат, будто пытался прочесть на нем ответ.

— Я плохо выразил свою мысль, — сказал Трой. — Позвольте, я попробую снова. Мы с вами оба смотрим на автомат не так, как случайный наблюдатель. Вы — куратор технологического архива, специалист по оружию любых видов. Я — тоже специалист, поскольку применял его в деле. Равно как и полковник Мак-Каллох.

— Ах да, полковник. Вы тут несколько дней назад спрашивали о нем, я правильно помню? Вы нашли пропавшие предметы?

— Пока нет, но дело расследуется. Потому-то мне и нужна ваша консультация по поводу автомата, с которым ушел полковник. Что это за оружие? У него высокая точность попадания? Большая скорострельность или малая вероятность отказа?

— На самом деле как раз наоборот. Этот автомат разработали в страшной спешке в начале Второй мировой. Скорострельность низкая, точность невысокая, а затвор часто заедает.

— Не слишком заманчиво, — заметил Трой. Он взял автомат и провел пальцем по грубым сварным швам, соединявшим ствольную коробку с металлической трубой, образовавшей ложу. — И много их выпустили?

— Всего более четырех миллионов.

— Это же чертова уйма стволов. А зачем? Если оружие настолько плохое, зачем его шлепать в таких количествах?

— Вы, молодой человек, представьте себе тогдашнюю ситуацию. Германия выигрывает войну начисто. Франция и Нидерланды с Бельгией и Данией захвачены, и англичане проти-

востоят мощнейшему врагу почти в одиночку. Современного оружия у них очень мало, если вообще есть. Несмотря на все уроки о значении современного оружия, которые гражданская война в Испании не просто преподавала, а разжевала и в рот положила, Англия вступила в войну, вообще не имея на вооружении автоматического стрелкового оружия. Была паника, и вторжение немцев ожидалось в любую минуту. И любое оружие было лучше его полного отсутствия. Этот автомат, системы «стен», делался в страшной спешке. И, несмотря на все упомянутые мной дефекты, он весьма прост в производстве. Субподрядчики его клепали буквально в переоборудованных амбарах и складах. И еще он был баснословно дешев. Каждый экземпляр обходился, если память мне не изменяет, в два фунта десять шиллингов. Это меньше шести долларов. В наши дни многомиллионных систем в это трудно поверить. Потому-то их и штамповали миллионами. Маленький уродец-автомат — самое выдающееся оружие во всем арсенале союзников. И заметьте себе, это только первая модель. История второй модели еще интереснее.

Драйер отложил автомат в сторону и развернул другой, который принес из хранилища. Автомат был уродливей своего предшественника. На патроннике следы напильника, а на кожухе затвора грубая сварка. Драйер ласково по нему похлопал.

— Этих было сделано больше двух миллионов меньше чем за два года. Возможно, самое простое из всех видов автоматического оружия и уж наверное самый простой пистолет-пулемет. Смотрите, ствол — просто стальная труба, закрепленная скобой на болтах, а ствольная коробка — кусок гнутой трубы. Ударный механизм — проще не бывает: боек да пружина. Нажал спусковой крючок — и пошел палить. Пули разбрызгиваются, как вода из шланга. Смертельное оружие, и очень простое.

— Простое — подходящее слово. Сделай его вручную, он не мог бы быть грубее.

Драйер усмехнулся и погладил автомат.

— Так оно и было, мистер Хармон. Во многих странах бойцы Сопrotивления делали его вручную. Вот этот сделан в Копенгагене бойцами датского Сопrotивления прямо под носом у немцев.

Кусочки плана Мак-Каллоха вставляли на свои места. Трой не очень помнил, какое оружие применялось в Гражданской войне, но таких автоматов в то время точно быть не могло. Полковник был сумасшедший, но совсем не дурак. Он разбирался и в оружии, и в тактике, и в войне. Он знал Вьетнам, где

примитивная армия, не имеющая даже такого оружия, прилично потрепала армию страны с самой высокой в мире технологией. Мак-Каллох хорошо выучил этот урок.

— Что еще я мог бы вам сообщить?

Вопрос Драйера вывел Троя из мрачного раздумья. Он качнул головой:

— Спасибо, мистер Драйер, больше ничего. Ваша помощь неоценима. О дальнейшем ходе дела мы вам сообщим. Однако между нами скажу: я полагаю, что чертежи и автомат вы можете списать как потерю. Они уже не вернутся.

— Боже мой, это очень плохо. Синьки восстановить можно, но само оружие было уникальным.

— Примите мои соболезнования, мистер Драйер. Еще раз спасибо за помощь.

Дорога до лаборатории была недолгой; у ограды охранник замахал Трою рукой. Уж не вспомнил ли майор ван Дайвер о его пропуске?

— Для вас сообщение, лейтенант. От доктора Делькур. Она просила вас сразу, как приедете, подняться к ней в кабинет.

— Спасибо, Чарли. Я прямо сейчас туда.

Чтобы не попасться на глаза охране, он объехал здание с другой стороны. Если они забыли отобрать у него пропуск, напоминать им он не собирается. По черной лестнице он поднялся на нужный этаж и вошел в приемную.

Секретарша сразупустила его в кабинет. Там сидел Боб Клейман, откинувшись в кресле и держа в руках чашку кофе. Он замахал Трою свободной рукой.

Роксана подняла голову от бумаг на столе и улыбнулась:

— Заходи, Трой. Тебе передали мою просьбу. В твоём офисе мне сказали, что тебя нет.

— Я все равно ехал сюда, и охранник у ворот сказал, что ты хочешь меня видеть.

— Я хотела тебе сообщить, что мы выделили то смещение времени, которое использовал Мак-Каллох. — Она оторвала полоску от листа бумаги на столе. — Он вернулся в эту дату — четвертое июля¹ тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года. Похоже, наш друг полковник — горячий патриот.

— Очень сомневаюсь. Здесь должна быть другая причина. Наверное, он хотел иметь гарантию, что его прибытие прой-

¹ Четвертое июля — День независимости США, государственный праздник.

дет незамеченным. Четвертого июля народ смотрит парад и вообще занят празднеством.

— Ты прав. Я просто не подумала об этом.

— Я подумал, — серьезно ответил Трой. — Я в течение некоторого времени пытался влезть в шкуру полковника, рассуждать, как он, и реагировать, как он. До некоторой степени я преуспел. Но в шкуре полковника не очень приятно. Он псих. Я не хочу вдаваться во все детали того, как я восстановил план полковника, но теперь я его знаю. Это может прозвучать несколько неожиданно, так что постарайтесь не смеяться.

— Во всем, что касается полковника, нет ничего смешного, — заметил Клейман. — Алан Харпер был моим другом. Отравление — ужасная смерть.

Они терпеливо слушали, сначала с недоверием, потом с возрастающим пониманием.

— То, что ты говоришь, может быть правдой, — заметила Роксана. — Идея сумасшедшая — но и полковник сумасшедший.

— Сдвинутый, как целый дурдом, — добавил Клейман. — И позвольте мне вам сказать, что я надеюсь, что Трой прав. Потому что тогда Мак-Каллох, с нашей точки зрения, давно уже помер. Какое-то время в прошлом он еще жил, но свой дурацкий план он не осуществил.

— Откуда ты знаешь? — спросил Трой.

— Потому что история не изменилась, друг. Как Юг проиграл войну, так оно и осталось.

— Здесь они проиграли войну, — сказала Роксана, — но в параллельной ветви, может, и нет.

Трой поднял брови:

— Я тебя не понял.

— Это одна из многих теорий о природе времени. Она отрицает наиболее распространенное представление о времени как о реке, протекающей из прошлого в будущее через настоящее и при этом неизменной. За ней можно наблюдать, но на нее нельзя воздействовать. Современная версия древнего понятия о предопределении, которое вступает в конфликт с понятием свободы воли. Если будущее неизменно, то мы — только игрушки в руках времени, живущие предопределенной нам жизнью и имеющие не больше свободы, чем актеры на экране кино. Если же воля человека свободна и мы имеем возможность изменять будущее, то с точки зрения этого будущего мы изменяем прошлое.

— Глубокая мысль, — встрял Клейман. — Физика, заме-

шенная на философии. Именно этими вопросами нам придется заниматься сейчас, поскольку мы-то знаем, что путешествия во времени возможны. Это приводит нас к другой теории о природе времени, а именно: о возможности ветвления времени и параллельных временных потоках. Например, допустим, что англичане расстреляли как изменника Джорджа Вашингтона раньше, чем он победил в революции. В этом случае США до сих пор были бы колонией Великобритании. Возможно, что существует вселенная, то есть мир, параллельный нашему, в котором это случилось. Таких вселенных может быть бесконечно много, и каждая из них порождена вероятностью во времени, возможностью выбора, изменением, сделанным из другого мира.

— Сложная теория, — сказал Трой.

— Уж конечно, — согласился Клейман. — И мы возвращаемся к тому, с чего начали. Если существует вселенная параллельных возможностей, нам без разницы, что там, в прошлом, сделал полковник Мак-Каллох. Нас это не затронет. Если он ничего не добьется, у нас все останется как было. Если он выполнит свой сволочный план, он создаст новую ветвь времени, и нас это опять-таки не коснется. Но если наше время можно изменить, а это не сделано, то его планы потерпели крах.

— Ты забыл еще одну возможность, — возразил Трой. — Допустим, его планы потерпели крах потому, что кто-то его остановил. Кто-то из настоящего, кто знал, что он задумал, отправился вслед за ним и помешал.

— Интересное рассуждение, — согласилась Роксана. — Но о его истинности принципиально невозможно сказать что-либо. Еще один парадокс времени. Либо полковник потерпел неудачу потому, что такова его судьба, и тогда его никто не должен был останавливать. Либо он был остановлен кем-то из настоящего, но, так как мы знаем, что его остановили, нам нечего беспокоиться. В любом случае что сделано, то сделано, и дальнейшее уже не наша забота.

— Все еще не могу согласиться, — угрюмо заметил Трой. — Я не могу его забыть, этого полковника. И то, что он сделал, я тоже не забуду. И что он еще может сделать. Что бы вы ни говорили, а остановить его надо.

— Если это можно сделать — отлично, но как? — спросил Клейман. — Ты видишь, как непросто ответить на этот вопрос. От сегодняшнего правосудия он сбежал сквозь время. И проще всего нам действительно забыть о нем. Понимаешь, с точки зрения нашего мира он уже давно сдох и похоронен.

— Для нас сегодня все в порядке, — согласился Трой. — А что с теми, которых это затронет? Мы знаем, что он там, в прошлом, и с каким-то преступным планом в голове. Есть ли способ как-нибудь обезвредить его?

— Сомневаюсь, — сказал Клейман. — Что мы можем? Послать сообщение в полицию того времени? Предупредить, что некто Уэсли Мак-Каллох разыскивается полицией следующего столетия по обвинению в убийстве?

— Я понимаю, что это невозможно. Но у вас есть машина времени. Должен же быть какой-то способ ее использовать. Если бы мы могли послать за ним команду — даже и команду не надо, хватит одного человека. Одного определенного человека. Мак-Каллох этого не ждет, поскольку считает, что его след во времени не найти.

— Верно. Но, знаешь, ни от кого не потребуешь выполнения подобной задачи. Покинуть мир своего рождения, оказаться в прошлом, среди неизвестных опасностей, да еще знать, что дорога — в один конец, навсегда. Нет, Трой, даже и не думай. Полковник исчез — и скатертью дорога.

— Я знаю, что отсюда он ушел навсегда. Но меня мучает мысль, что где-то — или когда-то, если так вернее, — он творит какую-то мерзость.

— Трой, мы разобрали ситуацию в деталях, — мягко сказал Клейман. — Ты сам видишь, что нет никакой возможности хоть что-то сделать. Он ускользнул от сегодняшнего правосудия в прошлое, и лучшее, что ты можешь сделать, — это забыть его. Он умер и похоронен.

— Нет, — сказал Трой. — Не забуду.

Сказано это было твердо, но без эмоций. Он пришел к решению, о котором подсознательно думал уже несколько дней. Теперь он осознал его. И понял, что это решение давно уже им принято.

— Мак-Каллох не удерет. Я пойду за ним.

Глава 19

Эти слова упали в наступившую тишину.

Клейман собрался что-то сказать, но передумал. Заговорила Роксана Делькур:

— Решение очень серьезное. Ты продумал его до конца?

— Вообще-то нет. Скорее эмоции, чем рассудок. Просто я

взялся за это дело. Однажды я видел полковника, и он мне не понравился. Потом я видел, что он натворил, и знаю, что дальше будет еще хуже. Кто-то должен встать у него на дороге. И похоже, что этот «кто-то» — я.

— Слушай, — сказал Клейман. — Ведь это необратимо. Туда ты попадешь, а обратно никак.

Трой медленно кивнул:

— Я знаю. Но, в конце концов, это не так уж далеко. Все те же Соединенные Штаты нашей любимой Америки. Только чуть пораньше. Зато сколько новых впечатлений! Добавим, что терять мне тут особенно нечего. Можете назвать это депрессивным восприятием или неадекватной оценкой, но после смерти моей жены все в этом мире стало как-то не так. Уже почти два года. Перед смертью она долго болела. Ей не сладко пришлось, и меня это прилично стукнуло. Так что какое-то время я был готовым клиентом для восьмого отдела. Работа спасла. Вообще-то я не склонен к самоубийству, но... Извините, ребята, сам не знаю, с чего это я разговорился.

— Потому что мы — твои друзья, — ответила Роксана.

— Ты права. На военной службе друзья заводятся нелегко — переводы то туда, то сюда, особенно если работа вроде моей. Пока Лили была жива, в друзьях и нужды не было. Близких родных у меня нет, и ничто не мешает мне отправиться за полковником. — Он поднял глаза от сцепленных рук и улыбнулся. — Не так чтобы великий подвиг, но я собираюсь его совершить.

— Нельзя! — взорвался Клейман. — Посмотри, что ты бросаешь! Технологию, научный прогресс, потрясающие открытия двадцатого...

— Боб! Мне это все без разницы. У нас с тобой разная жизнь. Работу, которую делаю я, можно делать и в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом, и в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом. А чего мне в самом деле хочется, так это придавить эту сволочь. Ты мне поможешь?

— Нет, потому что это самоубийство! И я в этой дурости не участвую. И вообще...

Вспышка злости Боба тихо увядала под спокойным взглядом Троя. Боб опустил глаза.

— Ладно, ты меня уговорил. Но мне все равно не хочется. — Клейман вдруг заулыбался и потер руки. — Но слушай, какой эксперимент по изучению структуры времени! Сколько можно узнать нового! Слушай, пообещай нам помочь. Надо будет подумать, как ты сможешь с нами связаться, а, Роксана?

— Я думаю, мы обязаны помочь Трою, если он считает, что выполняет свой долг. Хотя бы из благодарности за то, что он открыл нам глаза на истинную природу нашей машины. Но ты должен представить свое предложение начальству, Трой?

— Не стоит. Они примут меня за сумасшедшего. По крайней мере мое армейское начальство. Вот адмирал Колонн, с которым я сейчас работаю, — тот поймет. И еще одна вещь: вам не придется об этом докладывать? Как бы не втравить вас в неприятности.

— Ничего серьезного, — успокоила его Роксана. — Мы составляем отчеты, но не обязаны описывать каждый эксперимент. Так что делай, что считаешь нужным, и не волнуйся за нас. И все равно мне хотелось бы, чтобы ты передумал.

— Спасибо тебе. Но я чувствую, что надо это сделать.

Приняв решение, Трою хотелось побыть одному и обдумать все как следует. Тем более что обсуждать было больше нечего. Трой извинился и почти сразу ушел.

По дороге домой он заехал на Массачусетс-авеню за делом полковника. Ночной охранник его впустил, и он уже укладывал документы в конверт, когда заглянул адмирал.

— Ты круглые сутки, что ли, работаешь с этим делом? Что-нибудь понял?

— Да, сэр. Все свидетельствует об одной, но я не уверен, что вы согласитесь с моей теорией.

— Соглашусь, если она состоит в том, что полковник Мак-Каллох отбыл в прошлое с целью изменить исход Гражданской войны. Что уставился? Сядь и расслабься. И я тоже сяду, закурю трубочку и послушаю, как ты до этого дошел.

— Но, сэр... вы...

— Я тебя удивил? Почему? Я же видел все твои доклады и имел копии всех документов. И я стараюсь быть в курсе всех операций моего отдела. Особенно столь экзотических, как эта. Поначалу мне не верилось, что у тупого убийцы-полковника хватит на это воображения. Но постепенно все стало очевидным. Его заикленность на расе и классе, да к тому же еще ностальгия по старому унесенному ветром Югу. В тот момент, когда ему стала известна сущность проекта «Гномен», идея должна была запасть ему в голову. А для такого плана сумасшествие только на пользу. Тем более что полковник осуществлял свой план наиболее разумным образом. Приобретение золота — наилучший способ перемещения капитала в другую эпоху. А по-настоящему мне открыла глаза история со «стеном». Простое и смертельное оружие, которое может сделать каждый, имеющий

опыт работы по металлу. Мы не знаем, что он конкретно собирается делать с автоматом, однако ясно, что ничего хорошего. Ты составил план своих дальнейших действий?

— Да, сэр. Я отправлюсь за ним.

— Хорошо. Полностью согласен. Ты пришел к единственному возможному решению. Кто-то должен его придавить.

— Однако кое-кто считает, что преследовать его — такое же сумасшествие, как и его бегство в прошлое.

— Я не «кое-кто». Я тот, кто руководит организацией исключительной важности. Мы, КССС, несем окончательную ответственность за безопасность нации. Очевидно, что мы обязаны защищать ее настоящее и будущее. Не так очевидно, что мы должны защищать также и ее прошлое. Полковнику Мак-Каллоху нельзя позволить ставить под угрозу само существование нашей нации. Теперь я могу быть откровенным: мне очень приятно было услышать твое решение. При любом другом я вынужден был бы снять тебя с дела и откомандировать обратно. Теперь, к счастью, я этого делать не должен. Поздравляю. Хотя мы работали вместе недолго, скажу тебе, что ты лучший оперативник из всех, кого я знаю. Может быть, потому, что ты думаешь в точности так, как я. Сомнительный комплимент.

Трой улыбнулся:

— Может быть, но я его понимаю и принимаю. Спасибо. Но позвольте спросить: что бы вы сделали, если бы я не собрался вслед за ним?

— Мне бы пришлось отправиться самому. Никого другого послать в такую командировку, в один конец, я не мог. С другой стороны, есть очень серьезные силы, желающие моей отставки. А мне не хочется. Однако я не упустил бы шанса сделать то, что сделаешь ты. Уж если уходить из отдела, такая командировка куда лучше отставки. Тебе повезло, парень.

— В некотором смысле — да.

— Повезло. Тебя ждет такое приключение! Я даже завидую. Но перейдем к делу. Ты обсудил план с людьми из проекта?

— Да, сэр. Они согласились помочь.

— Иначе быть не могло. Твое путешествие для них просто клад. Теперь следующий вопрос: финансы. Сколько у тебя в банке и сколько ты еще можешь найти?

— Ничего похожего на сундучок полковника. Я не богатый.

— Он тоже не был богатым. Просто жулик. Он взял колоссальный заем под залог дома и забыл о нем упомянуть, когда продавал дом. Еще он взял кучу краткосрочных ссуд и хорошо

перебрал по кредитным карточкам. Только четверть денег его собственные, остальные — ворованные. Сколько ты можешь собрать?

— Тысяч пять.

— Так я и думал. Этого мало. Вот чек на двадцать тысяч долларов из нашего специального фонда. Депонируй его завтра в своем банке. Затем иди в магазин де Гру, это один из самых крупных нумизматических магазинов в стране. Купи столько монет, сколько сможешь свободно унести. У Мак-Каллоха были долгосрочные планы, и он мог потратить время на реализацию золота. Монеты избавят тебя от подобных забот. Насчет оружия поговорим позже. Я подготовлю список предметов, которые тебе понадобятся. Ты тоже составь такой список, мы их потом сравним. Не жалея времени и продумай список как следует — если что забудешь, вернуться не сможешь. Еще надо подумать о способе связи — как ты пошлешь сообщение и как мы его найдем. И еще одно. Расовый вопрос. В то время существовало рабство. Тебе нужен будет документ, подтверждающий, что ты отпущен на свободу. Этого будет достаточно?

— Об этом я еще не думал, но сделать это нужно.

— Отлично. Похоже, все. Вопросы есть?

— Только один, адмирал. — Трой посмотрел на чек, сложил его и сунул в карман. — Но важный. Допустим, я не смогу убедить власти арестовать полковника Мак-Каллоха. Что мне делать в этом случае?

— Ты знаешь ответ не хуже моего. Но если хочешь, чтобы я сформулировал его как приказ, — с удовольствием. Сержант Трой Хармон, на вас возлагается задача произвести розыск полковника Мак-Каллоха и обнаружить его. По обнаружении — ликвидировать.

Глава 20

— Монеты только американские? — спросил клерк.

— Именно так, — подтвердил Трой.

— Какого-нибудь определенного достоинства?

— Не обязательно. Но не позже тысячи восемьсот пятидесяти девятого года выпуска. Что у вас есть?

Молодой человек отступил назад и поднял брови.

— Если вы минутку подождете, я попрошу подойти сюда

мистера де Гру. Он большой специалист по ранним американским монетам.

Клерк поспешно ушел, а Трой оглядел помещение. В детстве он не собирал коллекций — ни марок, ни монет, вообще ничего. Но понимал привлекательность такого рода хобби. Очень заманчиво выглядели разноцветные банкноты со всего света, монеты самых неожиданных размеров и форм. Когда вошел владелец, Трой как раз рассматривал под стеклом римский динарий.

— Чем могу служить, сэр? Интересуетесь американскими монетами?

— Совершенно верно. Причем не позже тысяча восемьсот пятьдесят девятого.

— Прекрасно! Но не будет ли нескромно с моей стороны поинтересоваться, зачем именно? Это могло бы помочь мне отобрать для вас именно то, что вам нужно.

— Особых причин нет. Меня просто интересует этот период.

— Поймите меня правильно, сэр, я хочу наилучшим образом удовлетворить ваши требования. Не хотели бы вы мне что-нибудь сообщить?

— Что, например?

— Например — зачем? Я занимаюсь монетами, сэр, и я знаю о них все. Но здесь кроется что-то, чего я не знаю и что хотел бы узнать от вас. Вы — мне, я — вам. Рука, как говорится, руку моет. Я с вас возьму самую честную цену. А вы мне расскажете, что особенного в этом периоде. Понимаете, дело в том, что пару месяцев тому назад один джентльмен совершил у меня точно такую же покупку.

— Высокий, с острым носом, седеющие волосы?

— Именно он!

— Вот он мне и сказал, чтобы я покупал такие монеты. Почему — не знаю. Я скажу ему, что вы интересовались.

— Так вы его знаете? Знаете, кто это?

— На самом деле нет. Мы случайно встретились однажды. Теперь, если не возражаете, займемся монетами.

Нумизмат вздохнул. Тайна осталась тайной, по крайней мере на время.

— Ладно, буду надеяться, что вы его спросите. — Он поставил на прилавок выставленный бархатом поднос. — Вы скажите ему, что я получил новую партию монет, которая может его заинтересовать. Вот, смотрите, отличная золотая двадцатка...

— Беру. Какие у вас еще номиналы?

— Золотые — здесь. Десять долларов, пять и три. Золотых монет по два с половиной доллара сейчас, к сожалению, нет. Но вот золотой доллар, будто только что из-под пресса.

Трой взял тонкую, не больше ногтя монетку.

— И эту возьму. А монеты меньшего достоинства есть?

— Вот они. Самые интересные. Полдоллара, четвертак, один цент и трехцентовик.

— А никели?

— Конечно, нет, сэр. Вы изволите шутить — ведь мы же знаем, что в это время не было монет по пять центов. Были полудаймы. И даймы¹, конечно. Вот эта красотка вышла сразу после революции. Она называлась дисма — среднеанглийский вариант старофранцузского *disme* от латинского *decima* — одна десятая. Потом превратилась в дайм.

Трой упаковал покупки в «дипломат», посмотрел на часы и поспешил на улицу. За двадцать минут он должен добраться до конюшни на урок верховой езды. У полковника в этом смысле преимущество, он служил в кавалерии. Трою уроки не нравились, от последнего еще не отошли ноющие мышцы, но выбора не было — либо ходи пешком, либо научись обращаться с лошастью.

Помощь адмирала была очень к месту. Их списки необходимых предметов во многом совпали, но адмирал предусмотрел и вещи, о которых Трой не подумал. Например, антибиотики, которые, как оказалось, существуют только около сорока лет. Эти запаянные металлические ампулы могут в один прекрасный день спасти его жизнь. Таблетки галазона. В середине девятнадцатого века об очистке воды не слыхали, чума и холера были постоянной угрозой. Руки у него до сих пор болели от всех предохранительных прививок, которые ему засадили под кожу. Пришлось также срочно смотаться к дантисту для замены золотых коронок фарфоровыми.

После верховой езды Трой немедленно направился на Массачусетс-авеню.

Адмирал его ждал. Он подтолкнул по столу пистолет с длинным стволом из вороненой стали:

— Кольт, сделанный в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом. Точная машина, хотя и бокового боя. Заряжается медленней, чем с патронами центрального боя, которые появились лишь в шестидесятых, но стреляет не хуже. Пистолет исполнен

¹ Д а й м — десять центов.

как точная копия настоящего, но ствол, камеры и все основные части механизма выполнены из современных марок стали. К нему тысяча патронов, и можно сделать еще столько же. У нас в цоколе есть небольшой тир. Спустишься туда и постреляй, привыкни к оружию. От этого может зависеть твоя жизнь.

За две недели подготовительная работа была закончена. Договор на аренду квартиры отменен, личные вещи сданы на хранение. Он был уверен, что никогда их не увидит, но не мог просто вот так взять и выбросить. Адмирал это понимал и обещал оплатить стоимость хранения. Никто из них не сказал, на какой срок.

Приготовления закончились, списки выполнены, все готово. В сырую дождливую ночь они вышли из здания на Массачусетс-авеню. Адмирал сидел за баранкой большого белого «Кадиллака». Автомобиль дымил, как баржа. Свернув на Округную, адмирал взглянул на безмолвного Троя.

— Список хорошо проверил?

— Не меньше тридцати раз. Одежда в чемодане на заднем сиденье. Снаряжение, которое мы собрали вместе, в седельных сумках. Осталось добавить к ним лошадь.

— Кольт и деньги?

— На дне сумок. Все как задумано.

— Надеюсь. Будем считать, что ты подготовился ко всему. Но ты знаешь, что, если у тебя найдут револьвер, тебя тут же вздернут?

— Знаю. Но у меня мало шансов раздобыть его по прибытии. Черные — то есть ниггеры — на старом Юге близко не подходили к подобным штукам.

— Вот это-то меня серьезно беспокоит.

— Не стоит беспокоиться. Шансы у меня те же, что были бы у белого. В конце концов, у меня есть защитная окраска.

— Не шутил бы ты на эту тему... или ладно, шути. Черт побери, хотел бы я отправиться вместо тебя! Как я тебе завидую! Моя работа становится день ото дня скучнее.

— Она важна, сэр. И вы можете сделать ее лучше других.

— Знаю, а то бы это я, а не ты, учился верховой езде. Нам сюда?

— Правильно, сэр. Ищите маленькую дорогу.

Было половина двенадцатого. Они решили заранее принять все меры предосторожности для предотвращения расследования по поводу исчезновения Троя. В эту ночь никто из работников лаборатории или служащих охраны не дежурил, так что их можно было не учитывать. Их прибытие было рас-

считано перед сменой часовых в полночь. Проезд будет зарегистрирован в компьютере охраны, однако отсутствие регистрации выхода Троя будет замечено не сразу, поскольку оно попадет в данные следующего дня. В любом случае в здании его следов не останется, а адмирал покажет, что они уехали вместе, и неувязку спишут на сбой компьютера.

За входной дверью их ждал Боб Клейман. Трой представил его адмиралу. Клейман сказал:

— Я много о вас слышал, адмирал Колонн.

— А я о вас, доктор Клейман. Мне не терпится увидеть вашу машину. Я бы хотел поздравить вас с поистине чудесным достижением.

— Оставьте ваши поздравления для доктора Делькур — для Роксаны. Это от ее формул завертелась вся эта механика. Она нас ждет в девятой. Вот сюда, джентльмены. Помогите мне внести сумки.

Охранник тщательно проверил их пропуска и открыл им дверь. Едва дверь за ними закрылась, Трой показал на душевую:

— Я переоденусь.

Он хотел остаться один не из-за стеснительности: годы казарменной жизни ее притупили. Просто ему надо было побыть несколько минут наедине с собой.

До этой минуты все время шло обсуждение и планирование, но теперь настал момент истины. Трой не боялся. Со страхом он был так хорошо знаком, что распознал бы любую его разновидность. Нет, им владело другое чувство. Это слегка походило на ночной прыжок с парашютом: шаг во тьму. Он медленно разделся догола, складывая вещи в одну сторону.

Предмет за предметом он надел новую одежду. Хлопковое исподнее до лодыжек, грубые штаны. Хлопковая рубашка и бесформенная куртка, разорванная на плече и зашитая. Заплаты на локтях другого цвета. Стачаные вручную высокие ботинки с грубыми подошвами на гвоздях, хорошо стоптанные и пыльные. Комплект завершился старой широкополой соломенной шляпой с обвисшими краями.

Трой сложил форму, но, прежде чем спрятать ее в чемодан, выгрузил все из карманов на стеклянную полочку над умывальником.

Ключи, монетки, перочинный нож, платок, значки, ручка и карандаш, бумажник с какими-то деньгами, удостоверение, членская карточка клуба, фотографии. Все это останется. Он взял фотографию Лили на фоне Диснейленда. Лили радостно

смеялась. Она всегда радовалась жизни и всегда, кроме последних страшных месяцев, заражала своей радостью других.

Трой положил фотографию в бумажник, бросил всю кучу в чемодан поверх мундира и стал закрывать крышку. Остановился. Открыл снова и достал ее портрет. От двадцатого столетия ему не нужно ничего. Совсем. Фотографию положить с пистолетом и патронами. Уж если их найдут, маленький, с обтрепанными краями портретик чернокожей девушки с белыми зубами не вызовет подозрений.

Он захлопнул крышку и застегнул замки.

Похлопав по карману куртки, Трой ощупал пухлый бумажник со всеми своими документами, большой складной нож и кусок беленого полотна. Еще несколько мелких монет. Все остальное в седельных сумках.

Собравшись на выход, Трой увидел себя в зеркале и застыл. На него смотрел неизвестный. Это был не маскарад — это было настоящее. Плотного сложения негр в здорово поношенной одежде. Там, куда он собирался, люди одевались именно так. Ни нейлонового белья, ни застежек-«молний», ни автомобилей или самолетов. Другой век. На что, интересно, он похож? Вот уж это точно скоро выяснится.

Он взял шляпу под мышку, поднял чемодан и вышел. Дорога начиналась.

Глава 21

Они пытались объяснить адмиралу принцип работы машины, когда вышел Трой. Наступило молчание. Увидев его в новой одежде, они вдруг поняли, что это не просто очередной эксперимент, а человек уходит в прошлое, насовсем. Планировали уход все вместе, но уходить должен был он один. Уйти сквозь время и никогда уже не вернуться. С того момента как он отправится, он будет для них мертв уже более столетия. И вот момент настал, и все поняли, что это не просто посылка во времени, но еще и нечто вроде казни.

— Я в своей жизни видел столько вытянутых морд, что с меня хватит, пожалуй, — сказал Трой. — Встряхнитесь, парни, это еще не конец света! Я же, честно говоря, затем и еду, чтобы его не было.

— Ты еще можешь передумать, — заговорил Клейман. — Мы пойдем.

— Не стоит, Боб. Подумай, я же отправляюсь в здоровый

мир, без смога, загрязнений, ядерной опасности, телевизионной рекламы и прочих гадостей — а ты меня отговариваешь.

— Мы тебя не отговариваем, Трой. — Роксана взяла его за локти. — Я считаю тебя самым храбрым из всех, кто жил на земле, и я хочу пожелать тебе всей удачи, что только есть под солнцем.

Она быстро его поцеловала и отвернулась, потому что плакать было бы совсем глупо.

— Готов тебя отправить, как только ты скажешь, — Клейман показал на пульт управления. — Дата твоего прибытия установлена на первое августа тысяча восемьсот пятьдесят девятого. Около трех часов утра, когда дождь лил так, что упаси господь. Если верить тогдашним газетам. Ты уверен, что тебе нужна именно эта дата?

— Убежден, Боб. Мы с адмиралом это тщательно проработали. Мак-Каллох там уже около года, так что уже начал осуществлять свои планы и тем их обнаружил. Это поможет мне его найти, а до войны еще полтора года, и, что бы он ни задумал, я еще успею сунуть ему гаечный ключ в спицы.

— Звучит убедительно, — согласился Клейман. — Теперь еще одно. Помнишь, ты обещал подумать, как передашь нам сообщение о том, чем дело кончилось и что собирался сделать Мак-Каллох. Ты что-нибудь придумал?

— Очень просто. Я напишу доклад и запечатаю его в бутылку. Запечатаю по-настоящему, даже попробую запаять у стеклодува. Положу ее в ящик и закопаю на глубине шесть футов там, где вы легко ее найдете.

— Где?

— Прямо здесь. — Трой показал на гранитную скалу. — С северной стороны. Вам останется только выкопать.

— Колоссально! — воскликнул Клейман. — Придется только вынести все оборудование и взломать бетонный пол. Не могу ждать! Давайте прямо сейчас и...

— Боб, подожди, пока я отправлюсь!

Наступило недолгое молчание. Все посмотрели на скалу, выступавшую из бетонного пола. Там, под фундаментом, лежало сообщение Троя. Если, конечно, Трой его оставил, оно должно быть там. Дождаясь уже более ста лет, пока его найдут. С тех времен, когда еще лаборатория была не построена, когда и они сами еще не родились. От этой мысли было неуютно.

— Мы подождем, — ответила Роксана. — Важный момент, и новый — временной парадокс на этом этапе. Нам это надо обдумать, но не сейчас.

— Аминь! — добавил адмирал.

— Присоединяюсь, — сказал Клейман. — Парадоксы времени должны быть исключены на любом этапе. Исключены любые слова или действия, которые могут повлиять на уже происшедшие события. Наблюдать последствия заранее мы никак не можем.

Трой кивнул и взвалил на себя седельные сумки.

— Пора, — сказал он.

— Верно подмечено, — согласился Клейман. — Смотри, я ставлю на скалу деревянную платформу. Она приподнимет тебя на дюйм над поверхностью скалы. На этот дюйм ты и упадешь по прибытии, так что согни колени. Я считаю, что лучше оказаться на дюйм над камнем, чем на долю того же дюйма под его поверхностью. Итак, начали.

Трой помог закрепить платформу и влез на нее. Адмирал подал ему сумки. Все уже было сказано. Адмирал напрягся, Боб и Роксана возились с управлением.

— Готово, — сказал Боб, занося руку над красной кнопкой. — Считаю до трех, о'кей?

— О'кей. Вперед, Джеронимо!

— Один.

Трой согнул колени.

— Два.

Тишина. Трой увидел, что у Клеймана дрожит рука, а губы сжимаются что-то произнести.

Трой посмотрел ему в глаза:

— Давай, парень. Пошел!

— Три!

Темно.

Пусто.

Ощущение небытия. Или ощущение отсутствия ощущений? Это длилось мгновение, а может быть, вечность, и кончилось раньше, чем началось, или продолжалось неизмеримое время. Но не успел он это осознать, как все кончилось.

Тяжелый и теплый дождь обрушился ему на плечи, и что-то твердое ударило снизу по ногам — твердый, скользкий камень. Он попытался сохранить равновесие, не смог и соскользнул по скале в дождливую тьму, ткнувшись лицом в размокшую землю. От удара перехватило дыхание. В панике Трой протянул руку, нащупывая сумки. Сумки были на месте.

Черноту прорезала молния, настолько близкая, что гром рванул еще при ее свете. Сквозь густой ливень мелькнул силуэт скалы на фоне неба. Но лаборатории не было, будто и не бывало никогда. Все верно, ее еще только построят в отдаленном будущем.

Он на месте. Графство Фэрфакс, штат Виргиния. Несколько миль к северу от столицы страны.

Лето года от Рождества Христова тысяча восемьсот пятьдесят девятого.

Подхватив сумки, он прислонился спиной к скале и протер глаза, которые заливал дождь.

Он это сделал! Тысяча восемьсот пятьдесят девятый. Но осознание ситуации пока не приходило. Реален был только дождь.

Что дальше? Прежде всего определиться на местности. Днем надо будет нанести на карту этот каменный выступ, чтобы в любой момент найти его. В свое время здесь будет закопано сообщение. Это важно не только для тех, кто еще не рожден и кто когда-то будет его откапывать, но и для самого Троя. Какая ни тонкая, а это все же связь с миром, который он покинул навсегда.

Трой пристроился под скалой и стал ждать.

Дождь слабел, и Трой с удивлением заметил, что на востоке горизонт светлеет. Надо будет об этом упомянуть. Калибровка — дело важное, как говорил Клейман. Однако погрешность в несколько часов на сотню лет — не так уж плохо. Правда, надо будет проверить и дату — на всякий случай.

Дождь перешел в мелкую морось и перестал. Воздух был тяжел и душен, день обещал быть жарким. Небо светлело, туман поднимался, травянистый луг постепенно выступал из темноты, сбегаая от гранитной гряды вниз к лесам. Вблизи проходила дорога — не дорога, скорее коровья тропа. Откуда-то слышалось мычание и звон колокольчиков — поблизости была ферма. Это место найти будет нетрудно. Скальная гряда, напоминающая корабль, на вершине невысокого холма, и других скал поблизости не видно. Колокольчики слышались ближе, и к ним добавился глухой звук тяжелых медленных копыт.

Они выходили из лесу одна за другой. Стадо мелких буренок прошло мимо него цепочкой, передняя корова взглянула на него и обошла вокруг. Трой проводил ее взглядом и обернулся.

На опушке леса стоял мальчик и смотрел на Троя.

Трой не двинулся с места, когда мальчик направился к не-

му. Парнишка лет двенадцати с заплатами на рубашке и на штанах, с длинным зеленым прутом в руках. Густые светлые волосы нависали над веснушчатым лицом, а босые ноги месили грязь. Возле Троя он молча остановился.

— Дождь перестал, — сказал Трой.

— Ты не так говоришь, как все ниггеры, — сказал мальчик. Сам он говорил с акцентом жителя деревень Виргинии.

— Я из Нью-Йорка.

— Впервые вижу ниггера-янки. Ты потерялся?

— Нет, просто иду на Юг. Попал под дождь и потерял дорогу. Шел в Вашингтон. Не знаешь, где туда дорога?

— Знаю, конечно. Вон до тележной колеи, а там налево до Тайсонс-Корнерс, а там дойдешь до бугра. Дурной ты какой-то, даже этого не знаешь.

— Я же тебе сказал, что я не отсюда.

— Пеструха, душа из тебя вон, пошла оттуда! — Пастушок резко повернулся и побежал за коровами.

Трой смотрел ему вслед, чувствуя, как его отпускает напряжение. Первая встреча прошла нормально. Правда, всего лишь с мальчишкой. А как будет с другими? Во всяком случае, одно было ясно: нельзя говорить как янки. А удастся ли изобразить негритянский акцент? Иес, сар! Надо постараться, от этого может зависеть жизнь. Этого акцента он в свое время наслушался от неотесанных новобранцев с Юга. В армии их приходилось даже учить читать. Иес, сар. Звучит фальшиво, значит, придется потренироваться. Послушай, как говорят другие негры, и говори так же. А пока для верности разговаривай как можно меньше.

Мальчик и стадо скрылись за поворотом. Трой повернулся к ним спиной, забросил сумки за плечо и пошел в другую сторону. По дороге ощупал карманы, все было на месте.

Впереди лежал Вашингтон, округ Колумбия, — столица.

И где-то там был полковник Мак-Каллох. Им предстояла встреча, о которой полковник пока еще не знал.

Глава 22

Когда Трой дошел до размокшей колеи, солнце уже прилично припекало ему спину. Было еще раннее утро, а он уже вспотел, как лошадь. Днем вообще будет духовка. Ему пришлось снять куртку, от которой уже шел пар. Дорога пред-

ставляла собой две колеи, наполненные грязью и прерываемые ухабами. Трой пошел по травянистой обочине. После очередного подъема ему открылся вид на тесовые крыши среди деревьев. Тайсонс-Корнерс. Деревню окружали поля окрестных ферм, а прямо впереди рядом с дорогой стояло ветхое строение.

Даже и не строение — это слишком громкое слово. Скорее, хижина. Такие жалкие жилища он раньше видел во время каникул только глубоко в лесных дебрях вокруг Миссисипи. Грубые сооружения из некрашеного леса, покоробленного дождями и солнцем. Точь-в-точь такая. В щель между досками можно было руку просунуть. Дверь открывалась прямо в слежавшуюся дворовую грязь. Половину хижины затенял старый дуб, а под дубом сидел старик, молча наблюдая за Троем. Черная кожа изрезана морщинами, а на голове оставалась пара пучков седых волос. Старик был одет в какие-то древние заплата. Трой кивнул ему, подошел, но старик не шевельнулся.

— Привет, — сказал Трой.

Старик покачал головой:

— Пока, а не привет. Ты еще до заката померешь.

Трой улыбнулся, пытаясь обратить слова в шутку:

— Ладно тебе, старик, еще накликаешь.

— Чего там кликать. Ты где сумки спер?

— Они мои.

— Плохо врешь, даже я не поверю. Такие сумки бывают у белых, а у ниггеров не бывают. Первый встречный белый сперва тебя пристрелит, а потом только спросит, где спер. Ты с Севера или как?

— С Севера.

— Поговору вроде так. Так вот, парень, у нас тут Юг.

— В дом не позовешь? Похоже, мне тут надо кое-чему обучиться.

— Это уж точно! — Старик рассмеялся кудахтающим смехом. — Я глазам своим не поверил, когда ты вот так чапал по дороге. Мистур Янки, тебе много чего надо понять. Ты не на Севере, и здесь ты всего лишь раб.

Эта спокойная констатация факта резанула Троя сильнее, чем угроза или оскорбление. Как-то вдруг остро пришло осознание, что негры сейчас в рабстве и что рабство узаконено. Этот вот всю свою жизнь провел в рабстве. Стала ясна одна простая вещь: либо Трой научится вести себя так, как этот старик, либо может считать себя мертвым.

Он чуть не упустил шанс. С дороги, откуда он пришел, слышались голоса и стук копыт.

— Залазь! — прошипел старик. — Залазь, или ты уже покойник!

Трой не стал спорить. Он кувыркнулся в открытую дверь, подкатившись под стену. Стук копыт приблизился, а потом раздался голос:

— Эй, дядя, ты давно здесь сидишь?

— С рассвета, сар. Как рассвело, капитан, так я здесь.

— А ну-ка расскажи, что ты здесь видел. Да говори правду, а то я спущу твою черную шкуру!

— Что видел, капитан? Да ничего, сар. Вороны только летают.

— Вороны, говоришь? А настоящую черную ворону не видел? Ниггера в чудных ботинках с краденными сумками?

— Как изволите говорить, сар? Нет, сар, не видел. Тут никто не проходил, сар, могу поклясться, капитан!

— Я вам говорил, Лютер, что этой дорогой он не пойдет, — сказал другой голос.

— Вы называете моего мальчика лжецом?

— Если бы я считал, что он лжет, меня бы здесь не было, правда? Я только считаю, что этот хмырь наврал мальчику, чтобы сбить нас со следа. Я думаю, как только мальчик скрылся из виду, он рванул в другую сторону. Вы посмотрите на той дороге, по которой мы приехали, а я сообщу в Корнерс. Тогда ему далеко не уйти. Спорить могу, что за этого ниггера и награда назначена.

Копыта отстучали прочь, но Трой не шевелился. Он вжался в стену, не обращая внимания на цепочки муравьев, переползавших со стены на него и обратно. Им овладел страх, которого он не испытывал еще никогда в жизни. Даже тогда, когда оказался отрезанным от своей роты на территории противника.

Он и сейчас был на территории противника. В своей собственной стране — но она не была его страной. Еще не была. Он знал историю по книгам, а сейчас начинал чувствовать ее собственной шкурой и понимать по крайней мере одну из причин Гражданской войны; и чувствовать, что значила победа, купленная столь дорогой ценой. Трой глянул вниз и увидел, что у него трясутся пальцы. Со злостью сжав их в кулак, он вмазал по стене. Рано еще сдаваться.

Старик, кряхтя, разогнулся, устроился на пороге и глубоко вздохнул. Он сидел спиной к Трою.

— Ты спас мне жизнь, — сказал Трой. — А я даже не знаю, как тебя зовут.

— И не надо. Когда тебя поймают, ты не скажешь.

— Как мне от них удрать? И куда податься?

— Откуда приперся, туда и иди, скатертью дорога. Вылазь на задворки да спрячься в кустах за хижинкой. Туда они не полезут. Когда стемнеет — вылезешь.

— А куда потом? Ты же слышал, они поднимут на ноги всю округу. Как я выберусь?

Старик презрительно хрюкнул:

— Если будешь таким дураком, то никак. Тебя поймают, выпорют и вздернут, но сначала ты им про меня расскажешь. Я с тобой влип, парень, понял? Влип!

Он что-то проворчал себе под нос, покачиваясь на пороге, и принял решение:

— Выйдешь оттуда и пойдешь, куда я скажу. Я свяжусь с Дорогой, и пусть они с тобой возьмется. А теперь пошел вон.

Под кустами было жарко. Раскаленный воздух не шевелился, мухи терзали немилосердно. Трой заставил себя вздремнуть, но мухи заползали в нос и в рот. Он их выплевывал, отмахивался. Безуспешно. По дороге иногда проходили люди, слышался скрип тележных колес. К сумеркам у Троя раскалывалась голова от гудящей боли. Шевелиться он не решался. Раздался звук медленных шагов, и он вжался в кусты. Скрипнула дверь хижины, и послышался шепот:

— Тут тебе миска с водой. Не хапай, пока я не уйду.

Вода была теплая и вонючая, но Трою она показалась самой вкусной на свете. Он заставил себя растянуть ее как можно дольше.

Когда стемнело, воздух чуть-чуть остыл, но главное — исчезли мухи. Удовольствие было недолгим, мух сменили наглые и звенящие комары. Казалось, прошли часы, пока снова хлопнула дверь и раздались шаги старика. Он куда-то прошлепал между деревьями и спустя целую вечность возвратился.

— Эй, ты! Давай вокруг дома. Там тебя встретит мальчишка.

Между облаками плыла бледная луна, и в ее свете можно было разглядеть две фигуры. Старик махнул ему рукой:

— Вот этот парень. Он боится, но он тебе поможет. И ты ему помоги. Мамаша у него болеет, надо лекарство. У тебя доллар есть? Должен быть, при таких-то шмотках.

— Конечно! Рад буду заплатить. Если я могу тебя еще чем-то отблагодарить, буду счастлив...

— Заткнись. Ничего не надо. Иди в сарай, в который он тебя поведет. И никогда не возвращайся.

Трой прошептал какие-то слова признательности в спину уходящему, но тот не обернулся. Он был беден, но горд. Трой пожалел, что предложил деньги.

В его руке оказалась маленькая теплая ручка, и он улыбнулся мальчику.

— Мы достанем лекарство для твоей мамы. И не только. Пошли.

Босые ножки ребенка шли уверенно, и Трой поспешил за ним, безуспешно стараясь не шуметь. Они шли явно каким-то кружным путем, удаляясь от главной дороги, через пахнувший смолой сосновый лес. Шли довольно долго, потом мальчик остановился. Молча и бесшумно он свернул к прогалине в чаще леса. Колесы дороги остались рядом, и лужи поблескивали в лунном свете. Облака рассеялись, ночное небо усыпали звезды. Дорога стала западней.

Мальчик потянул его за рукав, пригнул и прошептал прямо в ухо:

— Оставайся здесь и не шевелись.

Трой не успел ничего ответить, а мальчик уже исчез, скользя как тень через дорогу. Его долго не было. Трой подумал, не достать ли из сумки пистолет, но решил, что пока не стоит. Выстрел в такую тихую ночь поднимет на ноги всю округу, а всех, кто на него пойдет, ему не перестрелять. Оставалось только ждать.

Когда мальчик коснулся его руки, он вздрогнул.

— Там люди. Пойдем. — Он потянул Троя за рукав.

Стремглав перебежав дорогу, они скрылись в кустах за обочиной. На фоне неба виднелись очертания дома, в окнах мелькал свет. Обогнув дом, они нырнули в кукурузу, отметившую их путь шелестом. Из темноты выступил темный массив сарая. Мальчик открыл дверь. Она слегка скрипнула.

— Прячься! — прошептал мальчик. — Эй! Деньги для мамы.

Трой зачерпнул горсть монет, куда больше доллара, и сунул в руку мальчишки. Пальчики сжались, и мальчик исчез. Только скрипнула, закрываясь, дверь. Трой ошупью добрался до стены, спотыкаясь и цепляя сумками невидимые предметы. Он сбросил сумки, нащупал что-то вроде сеновала и рухнул.

Он в безопасности — надолго ли? Старик был сердит и го-

ворил что-то непонятное. Насчет какой-то дороги. Трой не знал, что это могло значить.

Рядом с сараем раздались уверенные шаги, и дверь громко заскрипела. Мелькнул свет. Хлопнула дверь. Прозвучал мужской голос:

— Выходи вперед. На свет.

Выбирать не приходилось. Выпустив сумки, Трой обошел сеновал. Заморгал, ослепленный светом керосиновой лампы. Взглянул на говорившего. Это был человек с пистолетом.

Белый.

Глава 23

— Так, это ты и есть. — Голос не изменился. — Лапы держи повыше, вот так, как удержишь. Я тебя искал с полудня вместе с другими, а тебя и след простыл. Люди уже думали, что мальчик все выдумал. Однако теперь я вижу, что парень описал тебя точно.

Это был здоровый и крепкий мужик с рыжими волосами и толстым брюхом, которое выпирало из штанов и натягивало красные подтяжки.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил Трой, глядя на длинный ствол нацеленного ему в диафрагму пистолета. — Пристрелить?

— Вопросы задает тот, кто держит пистолет. Так что держи лапы вверх и отвечай, кто тебя привел.

— Не знаю.

— Кто тебе сказал про меня?

— Тоже не знаю.

— Забавно. Если не смотреть на тебя, то можно подумать, что говорит янки.

— А потому что я и есть янки. Из Нью-Йорка.

— Готов поверить, что-то в тебе есть необычное. Прямо и не знаю, что мне с тобой делать.

— Пока вы решаете — у меня руки устали. Позвольте мне их опустить? — Не дожидаясь ответа, Трой опустил руки и перенес вес тела вперед. Если поднырнуть и выбить пистолет, то шанс есть.

— Опусти. — Человек сунул пистолет за пояс широких штанов, и Трой расслабил мышцы. — Ты здесь пробудешь какое-то время. Я тебе покажу, куда спрятаться. Это просто дыра за чаном для патоки, однако она тебе сохранит жизнь. Дня

через два мы отправим тебя с еще двумя, которые должны прибыть.

— Отправим — куда?

— На Север, куда же еще.

— Извините, но по моим делам мне нужно ехать на Юг. Тем не менее благодарю вас.

— Благо... — Человек от удивления не смог продолжать. Он поднял фонарь повыше и подался к Трою, чтобы получше его рассмотреть. — Ну, позволь тебе сказать, ты и в самом деле не такой, как другие. Половина всех рабов Юга рвется в Канаду, а тебе нужно обратно!

— Нужно. И я не раб. Да, тот, кто меня сюда послал, говорил о дороге. Это что — станция Подпольной Железной Дороги, нет?

— Слишком много спрашиваешь. Твои сумки? Тогда подбери. Нечего тут людям о них спотыкаться. Пойдем в дом. Я как раз сготовил обед — думаю, ты не станешь отказываться.

— Не стану, спасибо. Последний раз я ел — не припомню даже когда.

— Держись за мной поближе, я свет погашу. Чужих поблизости никого, мои собаки бы учуяли. Но на всякий случай, чтобы тебя не увидели.

Их поглотила темнота. Трой нащупал седельные сумки и вышел за человеком из сарая. Что-то большое наперло на него из темноты, и раздалось рычание.

— Тише, ребятки, тише. Это друг. А ты, незнакомец, иди медленно. Если не будешь делать резких движений, они тебя не тронут. Войди и закрой дверь, я зажгу фонарь.

Кухня была бедно обставлена, но чисто прибрана, деревянный стол свежeweыскоблен. Хозяин повесил фонарь на крюк над столом и нацедил жбан свежей воды из бочки. Жбан он поставил на стол и добавил две кружки.

— Я сегодня не вздувал огонь. Есть только холодный окорок и кукурузная лепешка.

— Все, что угодно. Заранее благодарен. Кстати, меня зовут Трой Хармон.

— Что у тебя за дело на Юге, Трой?

— Частное дело, мистер... извините, не знаю как вас называть.

Человек напротив прожевал кусок обмакнутой в патоку кукурузной лепешки и удивленно покачал головой:

— Да, ты и в самом деле не от мира сего. Меня зовут Мило

Дойл, если все остальное ты уже знаешь. И я из Бостона. Этим объясняется, почему я не пристрелил тебя на месте.

— Этим многое объясняется, мистер Дойл. — Ветчина была жилистой и плохо проявленной, но Трой не привередничал и запивал ее водой со сладковатым привкусом. — Этим объясняется и то, что вы мне помогаете, да и прочее, о чем вы говорили.

— Я здесь уже так давно, что все забыли, откуда я. Приехал я сюда работать на железной дороге — на настоящей, я имею в виду, женился на местной, завел хозяйство. Она умерла три года назад, я с тех пор один. Делать мне тут особо нечего, разве только себя жалеть. Подумывал все продать и вернуться домой, да руки не доходили. А потом как-то зашел ко мне друг, которого я знал еще дома, — он теперь адвокат. Попросил оказать услугу. С тех пор все оказываю и оказываю. Ну вот, теперь ты про меня все знаешь и можешь в ответ рассказать про себя.

— Буду рад. Родился и вырос в Нью-Йорке, на Лонг-Айленде. В молодости ушел в армию...

— Постой, сынок. Впервые я слышу, чтобы кто-то из твоего народа попал в армию Соединенных Штатов.

— Я это сказал? Я за границей много воевал. Есть армии, где не интересуются цветом кожи. А позаботиться о себе я могу. Сейчас я занят, ну, скажем, в проекте, по ходу которого мне требуется найти одного человека. Теперь я понимаю, что в одиночку мне этого не сделать. Я прошу вашего совета и, может быть, смогу помочь в вашей работе. Насколько я понимаю, Дорога занимается важной работой, помогая бегству рабов на Север.

— Работа, слов нет, важная, — переправа грузов на Север. Однако в этой работе некоторые из нас важнее других. Наша станция маленькая, не такая, как была у бедняги Тома Каррета. Он переправил через Уилмингтон две тысячи семьсот пассажиров, пока его не поймали.

— Я не пытаюсь оценивать масштаб ваших операций. Однако такие вещи не могут обходиться дешево. У вас должны быть расходы на еду и транспорт, и они наверняка не маленькие. А значит, мы можем друг другу помочь. Я могу заплатить за любое содействие, и наши отношения будут взаимовыгодными.

У Дойла отвисла челюсть и по подбородку сбежала струйка патоки.

— Слушай, ты не пробовал продавать змеиное молоко?

Парень, который умеет говорить, как ты, был бы великим торговцем. Взаимовыгодные отношения — надо же так придумать! Ты говоришь лучше доброй половины моих знакомых проповедников.

Трой улыбнулся:

— Преимущества хорошего образования. — Начальная школа номер 117 и средняя школа на Ямайка-стрит — да, знали бы они!

— Какое-то преимущество у тебя точно есть. Но если ты хочешь, чтобы я тебе помог, расскажи мне побольше о том, кого ты ищешь. Это твой друг?

— Совсем наоборот. Его зовут Уэсли Мак-Каллох, но он мог и сменить имя. Хотя, честно говоря, сомневаюсь. Он убил по крайней мере троих человек — это только то, что мне известно. Я хочу его разыскать и дать знать властям.

— Это белый?

— Да.

— Трудная задача, Трой. Особенно на Юге. Один ты ни за что не справишься.

— Теперь я понял. Наивно было считать, что мне это по силам. Мне нужна крыша... — Дойл изумленно посмотрел на него, не понимая. — Нет, не настоящая крыша, я имею в виду — другая роль. Я целый день об этом думал. Не мог бы я отправиться на Юг как чей-нибудь слуга? То есть найти какого-нибудь белого для прикрытия операции. Как вы думаете, это может пройти?

— Я думаю, что мне надо выпить, а то не разобратся. Не могу сказать, удастся ли это сделать, но точно знаю, что это самая странная мысль, которую я слышал за всю свою жизнь. — Он со стуком поставил на стол тяжелый кувшин, вытащил из горла затычку и налил две полные кружки. — Попробуй. Это делает фермер, что живет ниже по реке. Содрал с меня дайм за эту бурду. Как тебе?

Трой отпил глоток, о чем тут же пожалел. Даваясь, он сказал:

— По-моему, тебя надули.

Дойл-согласно кивнул:

— Переплатил. Сам знаю. — Он высосал остатки и долил свою кружку. — Однако я знаю человека, который тебе нужен. Он шотландец, пишет что-то для газет из Вашингтона. Ему случалось нам помогать, и он возит наши сообщения на Юг. Думаю, он подойдет.

— Если он согласится, это будет идеально. Ты можешь с ним связаться?

Дойл почесал пальцами челюсть.

— Мне нужны железные гвозди, а Хогга из Корнерс нет на месте, я спрашивал. Так что у меня есть хороший повод ехать в город. Если я поеду рано, то к закату вернусь. Если его не будет, я оставляю записку. У наших людей, которые знают, как с ним связаться. Однако ты тем временем должен спрятаться в нору.

— Я пока отдохну, ты обо мне не беспокойся.

— Я беспокоюсь о себе и о том, что меня вздернут, если тебя найдут здесь. Да, нужно еще немножко денег, чтобы уговорить газетчика.

Трой полез в карман:

— Десяти долларов хватит?

— Десяти? Я сказал «уговорить», а не «купить с потрохами». Теперь бери свои сумки, и я тебе покажу нору, где ты можешь отоспаться.

Убежище было сделано искусно. Большая бочка для паточки наклонялась в сторону, освобождая вход. За ним в песчаной почве была выкопана пещерка, укрепленная стволами деревьев, а стены удерживали расщепленные бревна. Из них же был сделан настил, приподнятый над сырым грунтом. Еще там был ночной горшок, кувшин с водой и огарок свечи на поставце. И все.

— Утром перед уходом я принесу тебе чего-нибудь поесть.

Это были последние слова, которые Дойл сказал Трою. Бочка стала на место и закрыла вход. Трой нашел спичку и зажег свечу, затем вытащил револьвер и лег. Сумки вполне заменяли подушку, и он заснул сразу.

Днем, пока не было Дойла, Трой подремывал. Все равно в темноте ямы делать больше нечего. Способа определить время тоже не было, день тянулся и тянулся, и Трой решил, что что-то не так. Он пошел вдоль слабой тяги, пока не нашел глиняную трубку, через которую поступал свежий воздух. Трубка наверняка была изогнута, поскольку через нее не проходил даже намек на свет. Трой прижал к ней ухо. До него доносились случайные звуки, однажды он услышал телегу, другой раз — как дети перекрикивались друг с другом.

Он снова задремал и проснулся от собачьего лая. Чужой — или хозяин вернулся? В любом случае надо подготовиться.

Когда открылась потайная дверь, Трой стоял у стены с пистолетом.

— Выходи, — сказал Дойл. — Все в порядке.

Трой неуверенно вышел, мигая на свет фонаря. Рядом с Дойлом стоял тощий человек в темном костюме и высоких сапогах для верховой езды.

— Кто это? — спросил Трой.

— Тот, о ком я тебе говорил, — так что спрячь колючки, ежик. Это мистер Шоу, мистер Робби Шоу. Я ему кое-что рассказал о твоих планах, и он заинтересовался. Ты можешь ему рассказать то, что рассказал мне. Оставайтесь пока здесь. Собачки начеку, и я пока что обойду окрестности.

Он вышел и унес с собой лампу. Слышно было, как скулили собаки.

— Наверное, лисы, — спокойно сказал Шоу. — Думаю, что в окрестностях их много.

— Не знаю, я не из этих мест.

— Разумеется, вы не из этих мест. Позволю себе заметить, что у вас акцент не меньше, чем у меня.

— Кстати, о вашем акценте. — Трой всматривался в темноту, но видел только расплывчатый контур. — Знаете, у вас акцент скорее англичанина, чем шотландца. Извините, если я вас обидел.

— Никоим образом. Просто преимущества образования в Сассенахе. Это в Винчестере. Мои родители хотели подготовить меня к жизни в этом мире. Вы показались мне человеком, который много путешествовал, и с каждой минутой все более интригуете. Наш хозяин упомянул два имени. Вы — Трой Хармон?

— Это так.

— Рад познакомиться, мистер Хармон. Второе же несколько меня удивило — имя человека, которого вы ищете. Уэсли Мак-Каллох, если я не ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь.

— Это не может быть полковник Уэсли Мак-Каллох?

Трой вынул кольт из-за пояса и наставил его в темноту.

— Он носил звание полковника. А почему вы его называли? Вы о нем слышали?

— Ваш вопрос вполне уместен, мой друг. Ибо я отлично знаю полковника. Я просто интересовался, зачем он может быть нужен вам.

Мысли Троя были чернее темноты вокруг. Ловушка? Мак-Каллох расставил людей вокруг места своего прибытия, чтобы проследить, не будет ли погони? Дойл — человек Мак-Каллоха, приманка в западне?

Большой палец взвел курок револьвера со звонким щелчком.

— Извините, что-нибудь не так? — спросил Робби Шоу. — Это у вас револьвер?

— Револьвер. Шестизарядный кольт. Если первым выстрелом я промахнусь, то при свете вспышки я вас увижу и достану вторым выстрелом. Стойте на месте и не двигайтесь.

— Я и не собирался двигаться, дорогой друг. В этом нет необходимости, как вы понимаете. За меня может поручиться Дойл, и мои взаимоотношения с Дорогой всегда были лишены каких бы то ни было недоразумений...

— Вы работаете на Мак-Каллоха?

— Разумеется, нет. Однако должен заметить, что мое знакомство с полковником было весьма полезно для той работы, которой занимаются мои друзья. Благодаря ему я был принят в тех кругах общества, в которые иначе не мог бы проникнуть никогда.

Сверкнул фонарь, и вошел Дойл.

— Собаки поймали лису, — сказал он и вдруг заметил у Троя пистолет. — Это что еще значит?

— Страхование жизни. Ты знал, что этот журналист знаком с Мак-Каллохом?

— Нет, но меня это не удивляет. Он знает кучу народа, что на Севере, что на Юге. Убери свой дурацкий пистолет и пойдем на кухню. Я тебе сказал, что он один из нас, и тебе остается только положиться на мое слово.

Трой заколебался, потом сунул револьвер за пояс.

— Если я ошибся, приношу свои извинения. Однако вы, я думаю, должны меня понять.

— Об извинениях не может быть и речи, мой дорогой друг. — Шоу махнул рукой, предавая инцидент забвению. Тем не менее он испустил вздох облегчения. — Я, вообще говоря, не очень люблю оружие. Ах, местный эликсир жизни, благодарю. — Он принял из рук Дойла чашку с мутной жидкостью и осушил половину одним глотком.

Трой тоже взял чашку, но только слегка отхлебывал, сидя за столом.

— Самое интересное, — говорил Шоу, вглядываясь в свою кружку, — что я встречался с полковником еще до своего приезда в эту страну. Это было в Глазго, в клубе моего отца. У них был какой-то совместный бизнес.

Трой подался вперед, пытаясь не слишком проявить свой интерес:

— А чем торгует ваш отец, мистер Шоу?

— Торгует! Фи, не так грубо. Тяжелая индустрия, металлургический завод.

— Он выпускает машины для обработки стали?

Шоу озадаченно поднял бровь:

— Вообще говоря, да. А также бронзы. Вы знаете что-то, чего я не знаю?

— Может быть. Пожалуйста, рассказывайте дальше.

— Видите ли, похоже, что полковник всерьез занимается тяжелой промышленностью. Он нас утомил своими постоянными разговорами о том, что пора избавить Юг от позорной зависимости от металлургии янки. О том, что все, что делают худосочные заводские рабочие Севера, не хуже могут сделать свободные сыны Юга. И прочие сентенции того же стиля, на которые я, признаюсь, никогда не обращал особого внимания. Я только знаю, что он покупал много, платил наличными и доставлял все сюда. У него кузнечный завод в Ричмонде, и он все время говорит только о боронах, плугах, сенокосилках и прочих скобяных изделиях. Правда, общение с полковником облегчается тем, что он богат и имеет много влиятельных друзей. И кроме того, проезжая мимо дома полковника, я всегда могу быть уверен, что мне не откажут в выпивке. Это все, что я могу вам сообщить. — Он допил свою кружку и улыбнулся, когда она была долита с характерным бульканьем. — Теперь неплохо было бы услышать причины вашего столь живого интереса к нему.

Трой уже обдумал свои слова, предвидя, что рано или поздно отвечать на этот вопрос придется. Каков бы ни был ответ, будет лучше, если он будет правдоподобен. Самым мудрым было бы придать правдоподобную аранжировку реальным фактам.

— Полковник Мак-Каллох, если это и есть тот человек, которого я имею в виду, — убийца и казнокрад. Он разыски-

вается, и его голова оценена. Я должен его найти. После этого в дело вступит закон. Уверяю вас, что дело очень важное.

— Похоже, — сказал Дойл. — И похоже, что ты в этом как-то лично заинтересован. Так ведь?

— Так. У меня с этим убийцей свои счеты. Но в данном случае это не важно. Был нарушен закон, и убийца не пойман. Я распоряжаюсь некоторыми суммами, отпущенными на расследование, и могу заплатить за помощь. Тем более что, как я понял, один я не справлюсь. Вы, мистер Шоу, согласны мне помочь?

— С удовольствием, мистер Хармон. Как из чистого альтруизма, так и из-за денег. Не стыжусь признаться, что журналистика — очень скудно оплачиваемое занятие, а мой отец, как он ни богат, держит семейную шкатулку на крепком замке с тех самых пор, как я закончил Оксфорд. В любом случае можете на меня полностью рассчитывать. Какую именно операцию вы планируете?

— Я буду вашим слугой. Это даст вам возможность организовывать все, что понадобится, и за все платить. Я же буду абсолютно незаметен, следуя за вами и таская чемоданы. Как вы думаете?

— Прекрасно! Если бы вы только смогли ухудшить ваше произношение и правильность речи. Мне было бы неприятно вступать в объяснения, почему мой слуга изъясняется лучше, чем преподаватель колледжа.

— Иес, сар. Глупый ниггер попробует.

— Адекватно. Я думаю, что тренировкой мы добьемся совершенства. Теперь давайте о деталях. Как вы думаете, — он повернулся к Дойлу, — как нам начать это приключение?

— Я предлагаю вам начать с того, что вы сегодня же съездите отсюда. Я не привык, чтобы здесь ошивалось столько народу. Купите моего старого мула за пять долларов. У него только один глаз и спина провисла, но он еще здоров. На нем поедет Трой. Еще я дам ему пару драных башмаков, а эти чудные ботинки пусть оставит. Свой большой пистолет и все, что захочет, Трой сможет положить в мешок, а ты, Робби, повесишь его сумки у себя за седлом — для такого, как он, они слишком шикарны. Так это будет похоже на правду — если ты, Трой, не будешь раскрывать рта, пока не научишься говорить как следует.

— Иес, сар.

— Все еще плохо. Тренируйся дальше.

— Седло у твоего мула есть? — спросил Трой.

— Не-а. Ниггеры ездят просто так, если ты не заметил. Придется и тебе научиться. Я вас снабжу на дорогу, так что сможете обходить города, пока Трой не научится не выдавать себя каждым словом. Я дам вам прорезиненные плащи, одеяла, котелки и миски. Привяжите их на мула. Погода хороша для пикников на воздухе. Линяйте быстро на Юг, не теряя времени. Сейчас допьем, поедим — и вперед. Мне будет спокойнее знать, что вы уже на дороге.

На окраину Вашингтона они въехали, когда уже рассвело. Трой неуклюже ковылял, ведя в поводу тощего мула, у которого, как оказалось, вместо хребта была пила. Даже подложенные одеяла не спасали. Но он забыл о неудобствах, когда из утреннего тумана выплыл город.

Тут перед ним впервые воочию встала реальность его путешествия в девятнадцатое столетие. Пока он был слишком занят выживанием и не обращал внимания на обстановку. Грубая одежда и примитивный быт фермеров не очень бросались в глаза, тем более что в летние каникулы он встречал такое. Даже хижины были немногим лучше тех, что приходилось видеть во Вьетнаме. Но столица нации, настоящий город, отличалась от той, которую он знал, даже по названию.

Город, конечно, был гораздо меньше того расползшегося по сторонам мегаполиса, в который он превратится через столетие. И конечно, он совсем по-другому выглядел без громадных каменных глыб федеральных зданий греческого и римского стиля. Дома были поменьше, деревянные или кирпичные, стояли они вдоль узких и по большей части немощеных улиц. Но больше всего поражало отсутствие в уличном движении моторов. Улицы забиты лошадьми, повозками и пешеходами. Сколько лошадей! Резкий запах конского навоза забивал все остальное, даже аромат горящего дерева из печей, примешиваясь к паровозному дыму возле железнодорожной станции. Трой мог бы растеряться, если бы Шоу не обругал его, приказав двигаться вперед. Но невозможно было пройти мимо сияющего черного паровоза, сверкающего медью и пускающего пар. Это же не история, а живая машина, и он был поражен до немоты. Он пришел в себя только от прикосновения к ребрам ботинка Шоу.

— Эй, бой, какого черта zenки выкатил? Залазь на мула! Целый день готов так простоять, бездельник!

— Иес, сар. Щасс, только вот веревку завязать. А то все зараз поедет.

— Не тронь подпругу, безрукий! Я сам затяну.

Шоу спрыгнул с лошади и наклонился осмотреть выюк.

— Вы слишком медленно двигаетесь, кто-нибудь заметит, — прошептал он.

— Извините меня. Однако, боюсь, я все равно не смогу ехать. Хребет этой твари и так разрезал меня пополам.

— Тогда ведите его в поводу, но мы должны двигаться.

Так много хотелось посмотреть, однако Шоу прав — оставливаться и глазеть опасно. Но это танталовы муки. Капитолий издали казался очень похож сам на себя. Однако пригородов на границе с Виргинией не было совсем. На месте Вашингтонского национального аэропорта сверкала вода болот и качалась осока. Там, где будет Пентагон, на зеленом лужке паслись коровы.

— Подходящее время для завтрака, — сказал Шоу, съезжая с дороги в поле. Трой захромал за ним.

— Самое время. Эти разбитые ботинки немилосердно натерли мне обе ноги. Идти ничуть не легче, чем ехать на этом несчастном сырье для столярного клея.

— Стоит запомнить! Как вы сказали — сырье для столярного клея? У вас, янки, бывают очень образные выражения. Теперь я собираюсь здесь полежать, а вы, я полагаю, могли бы взять ведро и сходить к тому вон ручейку за водой для этих тварей.

— Иес, масса, щасс прямо.

— Уже лучше. Вы делаете успехи.

У ручья берег обрывался. Трой прошел вдоль обрыва до сходящей вниз тропы и подошел к воде. Она казалась чистой и свежей. Трой сложил ладони ковшиком, напился глубокими и долгими глотками, потом плеснул себе в лицо, смывая пыль Вашингтонских улиц. Наполнив ведро, он вылез наверх и сразу остановился, услышав голос. Осторожно, прячась за высокой травой, он поднял голову и посмотрел.

С Робби Шоу разговаривали два подъехавших всадника. Один из них что-то сказал, другой громко захохотал и спешился, одновременно доставая из седельной кобуры пистолет. Шоу отступил назад, но человек шагнул следом, тыча стволом ему в живот. Второй спешился и подошел к коню Робби Шоу. Конь вскинулся и попятился. Человек схватил поводья, пригнул голову коня вниз и потянулся к сумкам.

Там было все имущество Троя. Деньги, пистолет — все.

Минуту Трой колебался, оценивая ситуацию и отмечая расположение людей, потом пошел вперед. Выйдя из укрытия, он громко позвал:

— Масса, я воду принес, как вы сказали.

Он медленно, шаркая, продвигался вперед, опустив голову, согнув плечи и держа ручку ведра двумя руками, будто она была непосильно тяжелой. Сквозь опущенные поля шляпы он видел, что спешенный человек повернулся к нему и навел на него пистолет. Тот, что остался на лошади, тоже вынул пистолет. Трой не обратил на это внимания, шаркая дальше своей дорогой, разговаривая сам с собой, будто не замечая их присутствия.

Это сработало. Двое заухмылялись, ожидая, когда он их заметит. Ладно. Будет им театр в стиле Степенфечита или, скорее, пародии на «Рочестер» Джека Бенни.

— Госиди Сусе! — взвизгнул он, подойдя ближе и заметив их. Судорожно прижав ведро к груди, он так задрожал, что вода в ведре заплескалась и пролилась. Еще он хотел закатить глаза, но это не очень получилось.

Если представление и было неважным, то аудитория попалась благодарная. Двое заржали и заухали так, что тот, который слез с коня, разинул рот, полный гнилых зубов, а его пистолет поехал вниз и указывал уже почти на землю. Трой засуетился, оглядываясь, будто ища места, куда укрыться, не выпуская из виду второго, начавшего вылезать из седла, и ждал, пока лошадь закроет тому обзор.

В этот самый момент он швырнул ведро в хохочущую рожу.

Ее владелец опрокинулся, а Трой уже был на нем, вдвинул ему в пах коленом и вывернул из руки пистолет. Человек взвизгнул, Трой перекатился через спину, поднимая отобранный пистолет. Второй показался из-за корпуса лошади, его пистолет был наведен. Трой вскинул вытянутую руку и нажал на спуск.

Грохнуло, как из пушки, а отдача не слабее лошадиного копыта подбросила руку вверх, но выстрел был удачным. Бандит скрючился, попытался прицелиться, спустил курок и упал.

В ответ на выстрел Робби Шоу испустил сдавленный крик и упал на траву. Ему досталась случайная пуля. Трой рванулся к нему, но увидел, что первый бандит уже на ногах, стонет от

боли, но готов к драке. Из-за спины он извлек нож с лезвием длиной в фут и, держа его перед собой, стал наступать.

Трой навел пистолет и спустил курок, но пистолет был однозарядный. Он бросил его в лицо противнику, тот просто отбил его в сторону, одновременно испуская стоны от боли и мерзко ругаясь. И пошел вперед. Трой отступил, не спуская глаз с острия, поскользнулся и упал. Бандит зарычал и бросился.

Раздался негромкий щелчок, будто кто-то хлопнул доской по доске. У человека во лбу появилось черное пятно, оттуда брызнул фонтанчик крови, он упал на траву лицом вниз и застыл.

Трой оглянулся на Шоу, который корчился на земле. Тот приподнялся на локте; в его руке дымился маленький пистолет.

— Удобная перечница, — сказал Шоу, вымученно улыбувшись. — Два ствола — два выстрела. Я без него не езжу. Потому что в наши дни... часто встречаются... дорожные рыцари.

Он скривился от боли, и Трой увидел, что у него по брючине бежит кровь. Резко повернувшись, Трой перевернул ближайшего мертвеца, содрал с него кожаный пояс, дважды обернул вокруг бедра Шоу и сильно затянул. Ток крови замедлился и перестал. Трой поднялся и огляделся вокруг.

— Как в лавке мясника, — заметил Шоу. — Двое мертвецов, один раненый. Ничего себе работа для одного невооруженного — вот так скрутить двух круглых ребят с пистолетами.

— Вы тоже отлично использовали этот пугач. Я-то думал, что вы журналист, человек мирной профессии.

— Так и есть. Но мир жесток. Моей первой работой в этой стране был пост военного корреспондента в кампании против индейцев. Это было похуже, чем Горбалс в ночь Хогманая. Там я и научился стрелять. Теперь же меня интересует, что мы собираемся делать дальше?

— Заняться вашей раной. С дороги нас не видно, так что никто на нас не наткнется. Если бы кто-то слышал выстрелы, он уже был бы здесь. Судя по способу нападения, эта парочка следила за нами от самого города. И они бы не напали, если бы не были уверены, что никто их не видит. Ими мы займемся потом. Прежде всего — ваша рана.

Трой порылся в седельной сумке и вытащил плоскую коробку с лекарствами, вынул шприц с морфием и спрятал его в

ладони, потом подошел взглянуть на рану. Складным ножом он разрезал брюки.

— Выглядит неприятно, — сказал Шоу, садясь и наклоняясь посмотреть на рану. — Как будто в меня стреляли из пушки.

— Вроде того, — ответил Трой, отбрасывая ногой упавший пистолет. — Однозарядный, заряжается с дула, канал примерно полдюйма. Так, теперь ложитесь и дайте мне посмотреть. Крови много, но не так ужасно, как кажется. Пуля вырвала у вас кусок мяса из ноги, зато прошла навывлет.

Отвернувшись, Трой раздавил ампулу и снял колпачок с иглы. Новая модель, с двойным действием. Не только снимет боль, но и усыпит пациента на несколько часов. Трой всадил шприц в ногу и надавил на поршень.

— Странное ощущение! — воскликнул Шоу. — Что это вы делаете?

— Играю в доктора. Не обращайтесь внимания.

Выдолбив ногой ямку в дерне, он бросил туда использованный шприц и закопал снова. Когда Трой вернулся с набором инструментов, Шоу лежал на спине и спал, похрапывая. Трой приступил к делу.

У него был большой опыт оказания помощи в полевых условиях, но сейчас ему приходилось выполнять обязанности медика. Тем не менее все, что он делал, было наверняка лучше того, что мог предложить этот примитивный век. Прежде всего он хорошо присыпал рану порошком антибиотика, потом ослабил жгут. Рана лишь слегка кровоточила. Он снова завязал жгут, добавил порошка и наложил давящую повязку. Это должно помочь. Больше никто ничего не смог бы сделать. В полевых условиях он использовал медицину другой эпохи. Когда появилась антисептика? В тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, хирург Листер, — так учили в школе. На даты у него всегда была хорошая память.

Флакон с таблетками пенициллина он сунул в карман, а остальное снаряжение спрятал. Недалеко на лугу жевали коровы, припекало полуденное солнце, лошади, звеня удилами, щипали сочную траву. Два трупа лежали там, где их настигла смерть. С ними что-то надо делать. Трой схватил за ноги ближайшего и отволоч его в рощу под прикрытые деревья. Потревоженные вороны снялись с громким гвалтом и улетели черным облаком.

Шоу проснулся только к вечеру. Открыв глаза, он осмотрелся вокруг. Трой стал около него на колени и протянул оло-

вяншую чашку с водой. Шоу выпил и поблагодарил. Трой наполнил чашку снова и протянул таблетку пенициллина:

— Запейте. Это хорошо для раненой ноги.

Шоу поколебался, потом проглотил таблетку.

— Мне приснилось — или совсем недавно тут была пара бандитов, верхом?

— Лучше всего забыть о них. Если мы сообщим об этом, с властями потом не развяжемся. Чем меньше нам зададут вопросов и чем меньше мы привлечем внимания, тем для нас лучше. Конечно, если бы были свидетели, тогда другое дело. Но, по-моему, никто ничего не видел, и я все убрал с глаз долой. Эти двое вон там, в роще, и там же их седла, уздечки и оружие. А лошадей я свел к ручью.

— Их найдут.

— Конечно. Но нас здесь уже не будет. Не увидят нас поблизости, не будет и подозрений. И еще спорить могу, что эту пару в полиции хорошо знают. Не думаю, что по ним будут скупать. Так что поехали. Нога вам не мешает сесть на лошадь?

— Думаю, нет. По правде говоря, она меня не очень беспокоит.

— Еще будет. Но мы к тому времени наберем несколько миль. Найдем тихое место и ляжем на ночь. А завтра попробуем купить для вас какой-нибудь фургон. Если вы сможете продолжать путь. Мы еще можем все переиграть, если вы передумаете.

— Эксельсиор! — воскликнул Шоу, скривившись от боли. — Да поможет нам Господь. Вы загадочный человек, мистер Хармон, и я намереваюсь побольше узнать о вас и ваших тайнах. Чем больше я узнаю от вас, тем больше чувствую, что вы рассказываете мне не больше тысячной доли. Я не оставлю этого дела, пока не докопаюсь до истины.

— Докапывайтесь. А пока что давайте я вам помогу забраться на коня.

Они ехали до темноты, а потом нашли стоянку невдалеке от дороги. Трой держал кольт за поясом. Про себя он решил, что больше его без револьвера не застигнут. Они не разводили огонь, чтобы не привлекать внимания, прикончили всухомятку припасы, что дал им с собой Дойл. Дым костра мог бы отогнать комаров, которые совсем обнаглели, но оставалось только, несмотря на жару, завернуться в одеяла. К счастью, скоро посвежело, и им удалось уснуть.

На следующий день после полудня они добрались до ма-

ленького городка Вудбриджа. У центральной площади высились несколько кирпичных зданий, но вообще весь город был деревянным. Шоу показал на какой-то сарай с вывеской:

— Прокат экипажей. Я, быть может, выживу.

Трой передал ему кошелек с золотыми монетами.

— Выберите хороший. Я готов платить сколько угодно за возможность снять мою задницу со спины этого мула.

Трой приготовил историю, объяснявшую, что с ними произошло. По этой легенде, Шоу подвернул ногу при падении. Бинты были прикрыты запасными брюками, а реальная хромота придавала всей истории правдоподобный вид.

Трой старался держаться в тени и вышел вперед, только когда владелец сарая подозвал его запрячь лошадь Шоу в купленную повозку. Трой понятия не имел о том, как запрягать и куда девать все эти шлеи и хомуты, и в награду за все усилия он получил от владельца конюшни в ухо и нецензурный приказ убраться подальше. Стоя в стороне и прикрыв рукой горящее ухо, он глядел в спину хозяина и смаковал про себя самые изощренные способы убийства.

Погрузив в тележку вещи, они привязали мула сзади, и путешествие сразу стало намного приятнее. Спешить они не могли, поскольку нога беспокоила Шоу на каждом ухабе и дорога его сильно утомляла. Трой старался не показывать беспокойства, когда у раненого поднялась температура, но на следующее утро она прошла. Шоу исправно глотал пенициллин, и вокруг раны не было даже следов инфекции. Все шло хорошо.

Они двигались ленивой рысцой, и до Ричмонда добирались неделю. В город они въехали уже под вечер, когда от деревьев протянулись длинные косые тени.

— Приятный городок, — сказал Шоу. — Один из моих любимых.

— Мы направляемся в гостиницу «Голубой дом»?

— Да, меня там знают, и там недорого, а готовят прилично. Ее часто посещают коммивояжеры, которые умеют считать деньги и заботиться о собственных удобствах. Но мы поедем кружным путем. Не правда ли, приятная улица?

— Просто великолепная. Нога беспокоит?

— Уже гораздо меньше. Конечно, ноет и протестует, когда я на нее наступаю, но в остальном, доктор, операция прошла успешно. Что это за пилюли, которыми вы меня пользуете?

— Я вам говорил. Средство от лихорадки, изготовленное

по тайному рецепту, передаваемому внутри семьи. Похоже, что оно помогло.

— Конечно. Видите это здание впереди, белое?

— Вижу. А что в нем особенного?

— Ничего, кроме того, что оно принадлежит полковнику Уэсли Мак-Каллоху. Насколько я понимаю, нам надлежит определить, тот ли это человек, которого вы ищете.

Трой резко натянул поводья, и лошадь протестующе заржала. Он посмотрел на дом так пристально, будто пытался проникнуть взглядом за стены.

Охота кончалась.

А может быть, только начиналась?

Глава 26

Робби Шоу

Без всякого сомнения, мой новый американский приятель был человеком столь необыкновенным, что я затруднился составить о нем определенное суждение.

Эти слова мои не следовало бы понимать как сомнение в храбрости моего спутника или в его надежности. Наша маленькая стычка с рыцарями большой дороги вполне показала его способности к деятельности подобного рода. Нет, лишь мелкие черты поведения его, как и облик в целом, находил я беспокоящими мое воображение. Решимость его была неуклонна, как водный поток, и неколебима, как скала. Она читалась в чертах лица его и в каждом изгибе его тела, когда он глядел на дом Мак-Каллоха; казалось, он уничтожил бы самый дом, если бы имел возможность. Не стану скрывать, что и я ощутил некоторый холод при виде лица его, исполненного этой решимости. Мне бы ни в каком случае не хотелось иметь этого человека своим врагом.

— О'кей, достаточно. Куда теперь? — спросил он, встряхивая поводьями, дабы привести в движение нашего одра.

— Поезжайте вперед до третьего перекрестка, а там сверните направо.

Язык его также был в числе упомянутых мною странностей. Что, во имя всевышнего, могло значить слово «о'кей»? Память подсказывала, что это слово мне приходилось слышать, но когда — не припомню. Выражения, подобные этому,

Трой употреблял в своей речи ненароком, особенно в минуты душевного отдыха или по рассеянности. Я вскоре оставил расспрашивать его, ибо на мои расспросы получал я лишь весьма туманные разъяснения, и мой собеседник выказывал при том очевидную охоту к перемене темы. Однако где же мог он приобрести манеру речи, ему присущую? В городе Нью-Йорке мне приходилось бывать часто, и опыт мой подтверждал, что говорил он так, как жителям этого города свойственно. Однако странность его лексикона не объяснялась этим совершенно. Временами казалось мне, что мой приятель принадлежит к могучему секретному сообществу, мистическому ордену некоего рода, отделенному от прочего человечества и замкнутому на спрятанном в океане острове, как бы некое создание безумной фантазии поэта Эдгара Аллана По. Любопытство мое подстрекало меня взглянуть, что заключалось в его седельных сумках, но благоразумие остерегалось от такого неосторожного шага.

Также весьма удивительными были его медицинские познания, превосходящие познания любого известного мне хирурга. Мое пулевое ранение заживало без нагноения, и я счастливо избежал лихорадки — несомненно, благодаря таблеткам, которые он принуждал меня принимать.

Но более всего мое любопытство было подстрекаемо его манерой держать себя. Она была такова, как если бы белый человек был обращен в черного. Вечером, в наших разговорах, когда лица бывали скрыты темнотой, ничто не могло поколебать убеждения, что собеседник мой — не кто иной, как образованный джентльмен-янки. Мне приходилось, разумеется, ранее встречать представителей этой расы, и я пришел к убеждению, что они весьма неотесанны, косноязычны, речь их неграмотна, а сами они — всего лишь дикари, совсем недавно извлеченные из своих родных джунглей. Этот же человек был исключением. Он был тайной.

Как и всегда, был я встречен в отеле «Голубой дом» с неподдельной радостью и оживлением — несомненно, поскольку владелица, миссис Хенли, питала тщетную надежду, что я обращу благосклонный взор на ее не лишенную прелести дочь Арабеллу, вступлю с ней в законный брак и увезу с собой туда, где ее ждет не в пример лучшее общество. Я подавал ей повод для подобных надежд лишь в той степени, которая обеспечивала мне наисердечнейший прием и первоклассные услуги, но не увлекала меня в слащавую трясику брачных сетей.

Меня встретила миссис Хенли собственной персоной, я же постарался отвлечь ее внимание от выражения гнева на лице Троя, когда она небрежно отослала его ночевать к лошадям на конюшню. Я поистине сочувствовал ему, поскольку свыше его сил было принимать волю обстоятельств, в которые он бывал поставлен самым цветом своей кожи. Однако это сочувствие не могло заставить меня сожалеть о ночлеге на пуховой перине, в то время как моему спутнику пришлось удовлетвориться лежалым сеном. Ибо я весьма нуждался в передышке, поскольку рана моя постоянно беспокоила меня во время ночлегов на твердой земле, лишая мое тело и мозг необходимого им отдыха. Этой же ночью я немедленно погрузился в объятия Морфея и пробудился лишь утром, впервые как следует отдохнув с минуты моего ранения. С удовольствием отдал я должное завтраку, который состоял из ветчины, кукурузного хлеба, оладий, яичницы, почек, ломтиков бекона и засахаренных фруктов.

Весело насвистывая, вошел я в конюшню, где Трой ждал меня, но немедленно прекратил это занятие, увидев выражение лица его. Сердито нахмурившись, он снимал со своей одежды ключья приставшего сена.

— Доброе утро. Изволили уже позавтракать? — спросил я его.

— Изволил — если называть завтраком холодную овсянку и прогорклую пахту.

— Здесь вообще не очень хорошо кормят, — заметил я, стараясь изгнать из памяти своей образ того завтрака, что был мне преподнесен. — Вы составили план наших действий на этот день?

— Их много, действий, и я решил, что придется рискнуть. То есть мне придется показаться на глаза Мак-Каллоху — вот что я имею в виду. Если я начну здесь рыскать, это будет гораздо более подозрительным. Я рассчитываю, что он меня не узнает, поскольку мы встречались с ним далеко отсюда и совсем в других обстоятельствах. Не думаю, что он вспомнит. Если узнает или если спросит обо мне, вы помните, что сказать?

— Да, конечно. Я хорошо выучил свою легенду. — Он кивнул, не обратив внимания на то, что примененное мной слово «легенда» в столь необычном смысле я почерпнул из его речей лишь недавно. — Вы — слуга моего приятеля Дика ван Зандта из Нью-Йорка, и я вас одолжил на время, пока не заживет моя нога. Верно?

— Отлично. И не забудьте, меня зовут Том. — При этих словах он почему-то улыбнулся. — Пойдемте теперь. Мне хочется, чтобы все скорей осталось позади.

Дорогою Трой молчал, и мне было видно, как беспокойство овладевает им по мере нашего приближения к дому. Мы остановились перед парадным входом, и Трой помог мне выбраться из экипажа. Он остался при лошади, я же потянул за шнурок звонка. На мой вызов вышел слуга, мне знакомый.

— Дома твой хозяин? — спросил я.

Он не успел ответить, как раздался стук копыт и на аллею галопом вылетел полковник.

— Черт меня побери, Робби, — это вы!

— Разумеется, я, — ответил я, повернувшись и хромя в его сторону, пока он слезал. На слугу моего он не обратил внимания, но я заметил через его плечо, что черты лица Троя мгновенно окаменели. Я понял, что поиски его завершились.

Мак-Каллох пожал мне руку, затем показал на мою ногу:

— Упали с лошади?

— Нечто в этом роде, столь же неприятный случай. Он и вынуждает меня путешествовать в этой адской колеснице.

— Заходите, утопим ваши неприятности в бокале виски. Ваш черномазый может отвести этот ящик на задний двор.

Он обернулся наполовину и сделал Трою небрежный жест рукой, показывающий, куда тому следует направиться. Опустив руку, он задержался в повороте, в течение нескольких мгновений глядя вслед Трою, который неспешно повернулся и зашаркал прочь, ведя лошадь в поводу. Полковник же взял меня под руку и помог мне медленно забраться на ступени крыльца.

— Вы что, — спросил он, — купили нового слугу?

— Вы о Томе, полковник? Нет, я одолжил этого ниггера вместо кучера у приятеля в Нью-Йорке. А что такое?

— Просто так. Показалось, что я его где-то видел, но ведь вряд ли, правда? Все эти обезьяны на одну морду.

Он засмеялся, и я притворился, что мне тоже смешно. Будучи в Риме, соблюдай обычаи Рима. Мы вошли внутрь — и виски не обмануло моих ожиданий.

— Да, Уэс, — сказал я, облизывая губы, — как я ни люблю продукт перегонки с Западных островов, должен признать, что ваше виргинское изделие можно смело рекомендовать лучшему другу.

— Великая похвала, тем более что исходит от шотландца.

А ваш приезд как нельзя более кстати. У меня тут вопрос, связанный с некоторыми машинами, и ваша помощь может быть полезной. Я хочу написать вашему отцу, а вы можете подсказать нужные выражения.

— Я ведь не инженер. Мой отец проследил, чтобы я не прозябал в цехах заводов, а получил образование, какое полагается истинному джентльмену.

— Черт с ним, с джентльменом и с образованием! Вы же росли среди машин и знаете о них не меньше всякого другого.

— Это правда, но не говорите об этом моему отцу, иначе он потребует назад каждый фартинг, истраченный на мое образование.

— Допивайте, и пойдем на завод — я там покажу вам, в чем у нас проблема. О'кей?

— Согласен, если потом мы вернемся к этой бутылке.

«О'кей». Вот от кого я слышал это странное слово. От полковника, из его собственных уст. И то же слово употреблял Трой. Какова же могла быть связь между человеком со столь высоким положением в обществе и негром, который его выслеживал? Я сгорал от любопытства, но не смел расспрашивать ни одного из них.

Полковник весьма гордился своим налаженным производством, которое он с великими трудами сумел организовать всего за год буквально на пустом месте. Трудности, которые он желал со мной обсудить, касались одной из дыропробивательных машин. Полковник показал мне на эту машину и повысил голос, перекрикивая грохот ремней, хлопающих на своих шкивах над нашими головами.

— Видите вот этот большой опорный рычаг, сломанный пополам? Дурак ниггер выпустил его из рук, когда машину передвигали. Я ему всю шкуру на спине взлохматил, но машину это не спасло. Можно прислать замену или потребуется заменить всю машину?

Я наклонился и провел пальцами по станине.

— Вот, видите, здесь номер, прямо на отливке? Он в точности соответствует той деревянной модели, по которой отлита рама. Вам достаточно будет написать моему отцу и указать этот номер. По модели будет сделана новая форма, и вам пришлют готовую отливку. Прикажете кому-нибудь из ваших монтажников высверлить старую деталь и вставить новую. Это не должно встретить затруднений.

В нашей экскурсии по заводу я старался примечать все не-

обычное или все, что могло таким показаться, но единственным предметом такого рода оказалась кладовая, запертая и загороженная железными прутьями. Так как полковник совершенно меня утомил своими подробными разъяснениями, я счел уместным спросить об этой странности. По весьма небрежной манере его ответа я уверился, что полковник лжет.

— Это, Робби, производственный секрет. Я хочу усовершенствовать хлопкопрядильную машину Уитни. В один прекрасный день я сделаю на ней целое состояние, но, пока она не готова, я не хочу никому ее показывать. Теперь вернемся к бутылке.

После завтрака, так скоро, как позволяли приличия, я покинул полковника, сославшись на боль в ноге, что было чистой правдой. Трой подал повозку и помог мне в нее взобраться. Он кусал губы, стараясь сохранить вид спокойствия до тех пор, пока дом полковника не скрылся из виду. Только тогда Трой заговорил:

— Это он, тот полковник Уэсли Мак-Каллох, которого я ищу!

— Похоже, что и он вас узнал. По крайней мере он спросил о вас. Моими объяснениями он был удовлетворен — по крайней мере этой темы он более не касался. Просто заметил, что представители вашего народа имеют весьма похожие лица.

— Уж конечно, для этого сукина сына мы все на одно лицо. Я могу сказать вам, что он не очень обожаем своими слугами. Они даже со мной боялись говорить о нем. Только один старик в конце концов разговаривался. Кажется, Мак-Каллох одного невольника пару месяцев назад забил насмерть. Охотно верю. Он и в самом деле гнев небес, этот масса Мак-Каллох. — Трой со злостью сплюнул в уличную пыль. — Слуги мне сказали, что вы с ним были на заводе. Что вы там видели?

Тон вопроса был подчеркнуто безразличен, даже, пожалуй, чересчур. Ясно было, что есть еще нечто, что Трой весьма хотел бы узнать о полковнике Мак-Каллохе. Я прикинулся простаком:

— Еще один завод, каких я уже повидал немало. А сейчас я с удовольствием предвкушаю, как вытянусь во весь рост и положу ногу на кушетку.

— А что там делается? Я имею в виду — что делается необычного?

— Необычного — в каком понимании? — Он затруднился с ответом, и я решил, что пришла моя очередь задавать вопро-

сы. — У меня возникает чувство, что есть много вещей, о которых вы не сочли необходимым меня информировать. Не пора ли нам их прояснить? Может быть, ты мне не доверяешь, Трой?

Он грустно покачал головой:

— Робби, я доверяю тебе, как никому на свете. Есть много вещей, которые я просто не в состоянии объяснить. Тебе придется просто поверить мне на слово. Одно могу сказать: наш друг полковник ничего хорошего не планирует. И его планы как-то связаны с оружием. Там, на заводе, делается что-нибудь похожее?

— Решительно нет! В этом я могу быть уверен. Машину для изготовления стволов «ремингтонов» я узнал бы с первого взгляда. И уж наверняка пушки там не льются.

— Есть другие виды оружия. У меня есть причины подозревать, что Мак-Каллох занят изготовлением нового вида пистолета. Такого, который может быть собран из обычных стальных деталей. Есть там что-нибудь подобное?

— Стальных деталей, разумеется, уйма, но они совершенно не похожи на детали пистолета. Может быть, изобретены какие-то новые, о которых мне неизвестно. Должен еще сказать, что часть территории завода мы не осматривали. Она заперта на замок и запечатана. Он сказал, что там разрабатывается усовершенствованная хлопкопрядильная машина. Мне тогда подумалось, что он лжет, хотя и по неизвестной мне причине.

— Это оно! — воскликнул Трой, в порыве энтузиазма тяжело хлопая меня по плечу. — Как ты думаешь, твой окорок выдержит еще немного времени в пути? Я хочу, чтобы ты показал мне этот завод и попытался объяснить, где находится запертое помещение. Я туда наведуясь ночью и посмотрю, что этот паразит там прячет!

Глава 27

Время приближалось к трем часам утра, и ночь застыла в тишине. Луна зашла полчаса назад, и спящий город погрузился в теплую тьму.

Трой спал на чердачном сеновале около внешней стены конюшни, где через щель в досках было видно ночное небо. Дважды он просыпался, убеждался, что луна еще на небе, и засыпал снова. Теперь он встал, подошел к ведру с водой и

плеснул себе в лицо. Какая-то лошадь в стойле беспокойно переступила и фыркнула. Дверь сарая почти бесшумно открылась и снова закрылась, и лошадь опять успокоилась.

Было сыро, жарко и темно; враги со всех сторон. Так похоже было на Вьетнам, что Трою сильно не доставало винтовки «М-16», которая там была частью его самого. Он хотел было взять револьвер, но передумал. Если придется применять оружие, значит, задача не выполнена. Это должна быть разведка, а не огневой контакт. Оружием будет стальная отмычка. Еще он взял складной нож, кусок свечи и спички. Больше ничего не требовалось.

На неосвещенных улицах в полной темноте он был в безопасности, зная, что увидит и услышит постороннего раньше, чем тот — его. В знакомом деле ночного поиска с четко определенной задачей он чувствовал себя уверенно.

Где-то сонно гавкнула собака, учуяв незнакомого, но он уже был далеко. Потом послышались шаги. Он замер в темноте; мимо него прошли двое, разговаривая между собой и не подозревая о его присутствии.

Меньше чем через полчаса Трой стоял, прислонившись спиной к изгороди и разглядывая очертания деревянного дома на фоне звезд. Завод Мак-Каллоха.

Трой долго стоял без движения, терпеливо наблюдая и слушая. Ничто не нарушало тишины ночи. Похоже, что нет ни охраны, ни собак. Где-то поодаль заржала лошадь, и снова наступила безмолвная и глубокая тишина.

Трой оторвался от изгороди, перешел дорогу и подошел к двери дома. Нашупал замок. Замок был прост и отнял немного времени. И уж точно не могло быть электрического сигнала тревоги. Язычок щелкнул, и дверь открылась.

Все двери внутри были не заперты. Ощупью Трой нашел дорогу в цех. На фоне света звезд проступали контуры громадных машин. Робби говорил о двери за горном. Осторожно, шаг за шагом, Трой пробирался вперед.

Горна не было видно, но его присутствие ощущалось по волнам расходящегося тепла. Ведя пальцами по деревянной стене, Трой нашупал дверной косяк. Дверь была заложена стальной полосой и заперта на висячий замок.

Трой нашупал замочную скважину, вставил отмычку, повернул. Почувствовал, как сработал замок.

Дверь была отперта.

Он остановился и затаил дыхание, не издавая ни звука. Неожданное везение.

Везение? Или...

Разум обдумывал ситуацию, а в теле — он чувствовал — росло напряжение. Он ничего не мог поделать с нарастающим чувством беспокойства. Ничего подозрительного не видно, не слышно. Однако с нарастающим страхом ничего нельзя было поделать. Такое он ощущал лишь однажды, в ночном патруле. Как раз перед тем, как они попали под обстрел. Чувство было инстинктивным и не поддавалось осмыслению. Сплошная иррациональность и эмоции.

Но он был уверен, что за стеной его ждет нечто страшное и смертоносное. И он отделен от этого несколькими дюймами. Разумно или неразумно его предчувствие, но что-то там его дожидалось, он это знал. Он попытался избавиться от ощущения и не смог. За дверью была опасность.

И он не хотел ни встречаться с ней лицом к лицу, ни выяснять ее природу. Но с ней приходилось считаться, и даже не с ней, а с тем ужасом, который она на него наводила. Сердце, охваченное страхом, звало рвануться вон из этой темной западни, бежать немедленно и не останавливаться. Но Трой владел собой. Этого он не сделает. Он не откроет дверь и не встретится с тем дьяволом, что залег там в темноте, но изгонит его другим образом. Традиционным.

Сохраняя безмолвие, он вынул и раскрыл нож. Медленно и осторожно, не издавая ни единого звука, вытащил из штанов подол рубахи и отрезал кусок острым, как бритва, лезвием. Свернул ткань в трубочку, согнул и положил под стеной, достал спичку и зажег ее в сложенных чашечкой ладонях. Она слегка щелкнула. Когда спичка разгорелась, Трой бросил ее на ткань и подождал, пока та займется. При свете пламени, хотя и небольшого, Трой успел пересечь цех и покинуть здание той же дорогой, которой пришел, укрывшись в небольшой рошице на дальнем конце дороги.

И стал ждать, неподвижно и терпеливо.

Огонь в здании будет медленно распространяться, захватывая деревянные стены, передвигаясь вдоль пола. Через несколько минут он увидел языки пламени в окнах. Всего через секунду со стуком распахнулась задняя дверь, возбужденно заржала лошадь, и на улицу вылетел всадник.

— Пожар! Бейте в набат! Пожар, пожар!

Трой улыбнулся про себя. Он узнал голос.

Мак-Каллох.

Это его присутствие по ту сторону стены почувствовал Трой. Это он лежал там, готовый захлопнуть крышку западни. А наживка была хороша, вдруг понял Трой. И план был приведен в действие его собственным присутствием.

Мак-Каллох не был уверен, что узнал его, а то бы расправился на месте. Но сходство его обеспокоило. Как человек до тошный, он начал обдумывать ситуацию и пришел к неизбежному выводу. Он рассмотрел возможность того, что его преследуют сквозь время. А полковнику свойственна тщательность. Возможно, сходство случайное, однако меры принять необходимо. Этим и была вызвана экскурсия по заводу и упоминание о секретном помещении. Мак-Каллох — мастер тактики, и его план должен был сработать.

Но не сработал. Он был на волосок от успеха. Но провалился. Если бы Трой открыл дверь хотя бы на долю дюйма, его бы убили на месте, застрелили как собаку. У него даже выступил холодный пот при мысли о том, как близок он был к гибели.

Но безопаснее ли лежать здесь, в укрытии? Пожалуй, ведь Мак-Каллох должен был проделать все в одиночку, он никому не мог доверить свою тайну. Он лежал в темноте и ждал. Теперь он поскакал за пожарными. Заглянуть в дверь?

Слишком поздно. В домах зажигались огни, слышались голоса. Пожар! Вечный ужас маленьких деревянных городков. На помощь выходил каждый. Людей все прибавлялось и прибавлялось, и Трой прятался все глубже и глубже в тень.

В считанные минуты прибыли первые пожарные помпы — примитивные, на конной тяге. Но эффективные. Люди с криком накинулись на ручки насосов, и первые струи воды ударили из шлангов.

Организация как в Бедламе, но работа делалась. Тут же сформировалась цепочка к ближайшему дому, по которой немедленно из рук в руки поплыли ведра с водой, выплескиваясь в шипящее пламя. Прибыли пожарные линейки, и с ними Мак-Каллох, возглавивший борьбу с огнем за фасад здания. Это счастливый шанс для Троя. Огонь не разбирает расовой принадлежности, и черные с белыми перемешались в битве с пожаром; Троя могли не заметить. Он бросился к тем, кто боролся с огнем на заднем дворе.

Сквозь открытую дверь были видны охваченные пламенем помещения. На крышу обрушивался поток воды из рукава, мешающий огню двигаться дальше, а огонь, что горел вни-

зу, пытались залить две шеренги орущих в клубах пара потных людей, ввергающие в пламя ведро за ведром. Трой схватил ведро и присоединился к ним.

Работа жаркая и отчаянная. Порой казалось, что огонь уже укрошен, — но он снова прорывался наружу, пожирая сухое дерево. Лица у всех были покрыты слоем пепла с бороздами стекающих потовых ручьев. Трой работал наравне с другими, постепенно пробираясь внутрь здания, проталкиваясь через тлеющие угли и отшвыривая ногами что-то металлическое.

В какой-то момент он оглянулся, как бы выбирая, куда идти. Никто на него не смотрел. Он схватил кусок металла и бросил его в ведро. Сунул туда же обожженную горячим металлом руку. Тут же повернулся, смешавшись с людьми, и стал пробираться к выходу.

Первые жертвы огня лежали и сидели на дальней обочине дороги, откашливаясь и хрипя. Трой присоединился к ним, кашляя вполне натурально, поскольку вдоволь наглотался дыма. Он уселся на землю, натужно хрипя, сунув голову между коленями. Незаметно для постороннего глаза вытащил металл из ведра и сунул за пазуху.

Пожар отступал, и ночь становилась темнее. Стало совсем не трудно отступить и раствориться в темноте.

Сдерживая нетерпение, Трой отошел подальше от места пожара и оказался среди темных деревьев на безмолвной улице. Там он отступил под прикрытия группы деревьев, положил кусок металла на землю и склонился над ним.

Вспыхнула спичка, огарок свечи замигал и разгорелся. Трой почти сразу его потушил, но успел увидеть достаточно. Осторожно взяв в руки почерневший металлический брусок, он взвесил его на ладони.

Он видел такой брусок совсем недавно, но в другое время и в другом месте. В Смитсоновском институте, в Вашингтоне.

Оба бруска были одинаковы.

Он держал в руках спусковую пластину от автомата «стен».

Глава 28

Пожар продолжался до рассвета. От почерневших развалин поднимались клубы пара, а вокруг стояли небольшими группками или сидели прямо на траве перемазанные копотью

усталые люди. Уэс Мак-Каллох пнул ногой какой-то обгорелый чурбак и замысловато выругался. Плохо, но могло быть и хуже. Огонь остановили вовремя, и оборудование не очень пострадало. Как только восстановят помещения и заменят ремни трансмиссии, работа начнется снова. Больше всего пострадала кладовая, но восстановить все не составляло труда.

— Это ужасно, полковник, ужасно, — проговорил толстяк, аккуратно пробираясь через обломки. По его чистому костюму и начищенным ботинкам было ясно, что в тушении пожара он не участвовал. — Вам известно, отчего загорелось?

— Нет, сенатор, мне не известно, — ответил полковник. — Однако ясно, что источник огня находился здесь, на стене. Похоже, занялось около горна. Может быть, искра из него подожгла щепку — знаете, как это бывает. — Он повернулся на стук копыт — к ним кто-то приближался галопом. — Простите, сенатор, но лучше нам обоим уйти отсюда. Здесь как-то неуютно.

Мак-Каллох подождал, пока сенатор заговорит с какими-то своими друзьями, и только тогда махнул рукой двум парням сурового вида, которые давно уже следили за ним взглядом.

— Хикс, отправляйтесь с Янси в «Голубой дом». Знаете этого шотландца Шоу, который вчера заезжал?

— А то, полковник. Чудной мужик.

— Приведите его сюда. Разбудите его и скажите, что я хочу видеть его немедленно. Если он заартачится, все равно тащите его сюда. Приведите его в дом и запирайте. В камере, что в помещениях для рабов. Он замешан в этом пожаре. Только не трепитесь про это, пока не выведете его из гостиницы. Я хочу, чтобы это дело не стало слишком известным, поскольку, когда я с ним поговорю, он исчезнет.

— Вы думаете, это он сделал?

— Он — нет, его ниггер. Так что поищите этого гада, прежде чем возьметесь за Шоу. Не думаю, что он еще там, однако посмотрите. Если не найдете, Шоу расскажет нам, где его найти. Я сам им займусь. Вы только поддержите его до моего прихода. Это будет не позже чем в середине дня. А теперь — доставьте его.

Мак-Каллох смотрел, как они вскочили на лошадей и ускакали. Трой Хармон. Он выдохнул имя, как проклятие. Это и было проклятием. Черномазый все-таки выследил его и пустился за ним! Никогда бы не подумал, что у такой твари хватит на это духу. Да не духу, а глупости — просто хватательный рефлекс, как у черепахи, которая сжимает челюсти даже после

смерти. Ладно, неважно. Он здесь, и от него идут неприятности. Газетчик привел его прямо к двери дома и должен за это расплатиться. Если бы только мысли полковника не были так заняты текущими делами, если бы он сразу узнал черномазого! Но сходство стало беспокоить его лишь потом: всегда оставалась возможность, что его будут преследовать. Потому-то он и принял меры предосторожности. Отличная получилась западня и почти сработала. Только этот черножопый что-то заподозрил, пронюхал. Но теперь это не имеет значения. Все остальное идет, как запланировано, и планы воплощаются в жизнь без сучка и задоринки. Пока. Ну, ладно. На войне бывают потери, а проигранные битвы не в счет, важна финальная победа. И ее он не собирался упускать.

Как только прибыл управляющий, Мак-Каллох поставил его руководить размещением спасенного имущества, а сам поскакал домой. Было время умыться и переодеться, и даже перекусить. Еда заменит сон, которого ему сегодня не хватило. Кофе и малость бурбона. Не забыть взять с собой фляжку. Встреча назначена на десять. Если выехать даже в девять, времени хватит с запасом.

К тому времени, когда Мак-Каллох покончил с завтраком, его уже ждала свежая лошадь, оседланная и взнузданная. Но прежде полковник зашел в спальню и подошел к сейфу. Он был сделан в Лондоне по специальному заказу, и замки подогнаны в его присутствии. Их три, один над другим, и во всем мире существовал только один набор ключей. Полковник вставил ключи в скважины, один над другим, и по очереди повернул. Затем потянул на себя массивную стальную дверь. Там лежало немного золота, большие суммы наличных денег и кое-какие бумаги. И большой деревянный футляр. Его-то полковник и вытащил, улыбаясь. Там, внутри, спрятано будущее Юга.

Закрыв сейф и наложив обратно запоры, полковник обернул футляр водонепроницаемой тканью и взял сверток под мышку. Бросившийся на помощь невольник-конюх получил удар хлыстом. Это не для черных лап! Укрепив футляр за седлом, полковник хлопнул себя по карману (фляжка на месте) и взвился в седло.

В десять часов он был на перекрестке проселочных дорог посреди холмов. Неподалеку отсюда фермы, но с этого места их не видно. Потому он его и выбрал. Дорога завивалась вверх на холм и скрывалась в густом лесу. Мак-Каллох посмотрел

на часы, спрятал их и достал большую серебряную флягу. Сделал большой глоток, потом еще один и опустил фляжку, услышав приближение лошади. Пришпорив свою, он поехал навстречу.

— Вы полковник Мак-Каллох? — спросил вновь прибывший. Это был армейский офицер, лейтенант кавалерии, с привычной легкостью управлявший горячим вороным конем. Длинные черные волосы почти закрывали воротник. Лицо скрыто пышной бородой и длинными усами, а глаза из-под открытого высокого лба смотрели остро и пронизательно.

— Я Мак-Каллох. Благодарю вас за то, что вы проделали такой путь, не требуя подробных объяснений причины.

— У нас есть общие друзья, полковник, которые заверили меня, что дело того стоит. Один из них сказал даже, что мне предстоит самая важная встреча в жизни. Должен признать, что я заинтригован. Может быть, полковник, вы поделитесь со мной секретом, который привел моих друзей в такое волнение?

— Обязательно, лейтенант. Но я вам не скажу ничего — я покажу. Только не здесь. Если вы еще немного потерпите, мы проедем дальше, в этот лес.

Поскольку ни один из них не был склонен к пустой болтовне, они ехали в молчании. Мак-Каллох, очевидно, знал дорогу: он уверенно свернул на тропинку, что вилась между деревьями. Она привела на небольшую поляну, выходившую к обрывистому склону холма. Полковник спешил, и спутник последовал его примеру. Лошадей привязали к дереву. Лейтенант с нескрываемым любопытством наблюдал, как полковник отвязал футляр и вынес его на солнце.

— Вы приехали, сэр, чтобы увидеть вот это, — сказал Мак-Каллох, осторожно разворачивая сверток. — Я прошу вас проявить терпение еще несколько минут, пока я повторю некоторые вещи, очевидные для нас обоих. Мы с вами — патриоты Юга, и оба верны нашему правому делу. Я имею причины считать, что приближается война, и ее приближение неизбежно, как судьба. И вы, несомненно, бросите ваш жребий на чашу весов Юга.

Офицер медленно наклонил голову:

— Вы говорите правду, хотя я лишь недавно пришел к этому решению. И я никому о нем не говорил. Как вы узнали?

— Потому что я понимаю вас, лейтенант. Я знаю вашу гордость, и ваше искусство кавалериста, и вашу непревзойденную

преданность этому искусству. Я хочу показать вам оружие, которое, как я предчувствую, вам понравится. Но сначала хочу спросить у вас. Вооружены ли ваши войска новыми винтовками Шарпа, которые заряжаются с казенной части?

— Нет, и я об этом жалею. Что бы там ни говорили, в армии их сейчас наберется всего несколько штук.

— Хорошее оружие?

— Наилучшее. Несколько громоздкое для использования в конном строю, но для пехоты — отличное оружие. Обученный солдат может сделать шесть или даже семь выстрелов в минуту.

— Верно, — подтвердил Мак-Каллох. На него эта цифра явно не произвела особого впечатления. Он открыл свой ящик и запустил туда руку. — В таком случае что вы скажете, лейтенант, об оружии, которое не больше седельного пистолета и которое дает более десяти выстрелов в секунду?

Голос лейтенанта пресекся. Глядя на футляр, он ответил:

— Я бы сказал, сэр, что, если бы такое оружие существовало, война была бы, скажем так, весьма отлична от той, какова она сейчас.

Мак-Каллох взял стальной автомат в руки:

— Компактный, уродливый, смертельный. В сложенном виде длина двадцать дюймов. Вес — шесть с половиной фунтов. Металлический рожковый магазин вмещает тридцать два патрона. Вставляется вот здесь, снизу. Теперь показываю, как это оружие стреляет. Маленькая рукоятка отводится до упора назад и становится на место со щелчком. Остальное сделает сам автомат. При нажатии на крючок он начинает стрелять. При отпускании спускового крючка стрельба прекращается. Так продолжается до тех пор, пока не опустеет магазин. Замена магазина занимает не больше секунды. Набор рожков входит в снаряжение солдата. Теперь смотрите.

Мак-Каллох повернулся, держа автомат на уровне пояса, и спустил курок. Автомат заревел, поливая пулями деревья и песчаный берег. В солнечных лучах взлетели сбитые листья и черенки, сломанные ветви попадали на землю. Огонь прекратился, и только эхом гремели в ушах выстрелы. Щелчок — и на траву упал пустой магазин, еще щелчок — и на его место встал новый. Полковник повернулся и протянул оружие кавалеристу:

— Держите крепко. Отдача невелика, но уводит ствол вправо вверх. Стреляйте короткими очередями, наводя ствол на цель после каждой очереди.

Лейтенант протянул руку и взял автомат, ощутив холодный металл ложи и тепло короткого ствола. Медленно подняв оружие к плечу, он прицелился и нажал на спуск. Автомат громко застучал, медные гильзы дождем посыпались на землю, послышался визг пуль. Автомат замолчал. Лейтенант взглянул на него, затем на полковника, и его глаза широко раскрылись.

— Неимоверно! Вообразить себе не мог подобного. Один солдат, один кавалерист обладает огневой мощностью целого взвода!

— И он может стрелять верхом, стрелять на скаку, атакуя противника. Прицелы поставлены на сто ярдов, но на самом деле они не нужны. Пули хлещут, как вода из шланга. Проведите им туда и обратно — и противника нет. Имя этому оружию — «Победа».

— И оно принесет победу! — уверенно рассмеялся лейтенант. — Меняется роль кавалерии, и в новой армии она будет главной силой. Она будет ударять как молния, мощно, мгновенно, неотвратно. От таких ударов противник не оправится никогда. Она может опрокидывать врага и идти вперед, оставив очистку территории пехоте. Но как он действует? Как он сделан? Я о нем ничего не слышал, даже слухов не доходило.

— Секрет, известный только нескольким истинным друзьям Юга. Этот автомат я сделал сам, на моем ричмондском заводе. В разобранном виде детали даже не напоминают оружие. Сборка ведется в тайном месте, и там же делаются патроны. Без них наша «Победа» — только груда лома. С ними это — Победа!

Мак-Каллох подцепил большим пальцем патрон из магазина и передал его лейтенанту.

— Короткая и твердая пуля. Вес пули сто пятнадцать гран, заряда пороха — шесть. Гильза латунная, штампруется на особом станке, сделанном в Англии. Капсюль содержит воспламенитель того же состава, что и в патронах под игольчатый боек. Но на этом сходство кончается. Патроны центрального боя, и их не надо вставлять и выбрасывать вручную. Боек всегда попадает на нужную точку. Отдача при отходе затвора выбрасывает стреляную гильзу и досылает в ствол новый патрон.

— Так просто — и теперь, когда вы это показали, так очевидно!

Мак-Каллох согласно кивнул:

— Его только надо было спроектировать и сообщить, как использовать готовые машины для обработки стали и латуни.

Здесь нет никакой мистики. Это оружие лучше, быстрее, дешевле — и смертельнее, чем все, что было до него. Представьте себе, прошу вас, использование этого оружия в бою. Ведь скоро будет образована Конфедерация, и наш Юг станет наконец самостоятельным государством. За этим, очевидно, следует война, и она окажется короткой и эффективной. Что нужно, чтобы война окончилась сразу же?

— Разумеется, марш на Вашингтон. Он слабо защищен, гарнизон только сформирован и еще не обучен. Может быть, они будут драться и попытаются организовать оборону возле Балл-Ран — наиболее очевидное место, где можно построить войска.

— Конечно, — согласился Мак-Каллох, усмехнувшись про себя. — А что будет, если вы атакуете их боевые порядки пятью тысячами всадников и у каждого в руках «Победа»?

— Что будет? Конечно же, победа. Мы будем неустойчивы. Мы захватим Вашингтон и уничтожим любой армейский отряд, у которого хватит глупости попытаться его отбить. Война будет выиграна, а Юг — свободен, и мы займем подобающее нам место среди наций мира!

Он резко повернулся и схватил Мак-Каллоха за руку:

— Я с вами, сэр. Я соберу войска, если вы снабдите их оружием. Все будет так, как вы только что рассказали. Спасибо вам, полковник Мак-Каллох!

— Нет, лейтенант Стюарт, я только ваше орудие. Благодарить будут вас.

Но Дж. И.Б. Стюарт уже не слушал. Перед его мысленным взором проносились атакующие конники, и он провидел длинную цепь битв и побед, добытых его войсками и этим дивным оружием.

Глава 29

Чуть позже половины седьмого утра Хикс и Янси постучались в гостиницу «Голубой дом». Потом еще раз, погромче.

Им открыла сама миссис Хенли в домашнем платье с короткими рукавами и раскрасневшаяся от кухонного жара.

— Вы знаете, который час? Что за манера спозаранку барабанить в дверь и не давать покоя добрым людям?

— Извиняюсь, мэм, у меня тут срочное поручение от полковника Мак-Каллоха к мистеру Шоу, который здесь остановился.

— Рановато для поручений. Мистер Шоу еще спит, а у меня даже кофе не готов.

— Ладно, не будем его беспокоить, раз он еще в кровати. Я слышал, у него тут есть ниггер. Он где? Мы бы его нашли, а он бы поднял хозяина.

— Там, на конюшне. А у меня больше нет времени с вами болтать.

Дверь захлопнулась у них перед носом.

— Стой здесь, — сказал Хикс. — Следи, чтобы никто не сбежал через переднюю дверь, пока я буду за домом. А я посмотрю, где этот поджигатель.

Янси уселся на ступени, а Хикс вынул из кобуры седла большой пистолет и крадучись пошел вокруг дома. Янси откусил порцию жевательного табака и стал медленно ворочать челюстями. Хикс вернулся.

— Смылся, — сказал он, пряча пистолет за пояс и прикрывая его полой куртки. — Я и не думал, что он будет ошибаться здесь после того, что натворил. Тогда пусть этот Шоу нам чего-нибудь расскажет...

Он резко повернулся на звук открываемой двери и улыбнулся молодой девушке.

— Не обижайтесь на маму, — сказала им Арабелла. — Она по утрам всегда несколько раздражительна. — Арабелла обернулась, взяла со стола поднос и вышла к ним. На подносе стояли две чашки горячего кофе. — Друзья мистера Шоу — мои друзья. Я подумала, что вы, может быть, хотите кофе.

— Это уж точно, мы с ним друзья, — Хикс подмигнул Янси из-за плеча Арабеллы. — Кофе определенно хорош. Я уверен, что он был бы рад нас видеть. Он уже встал?

— Встал. Я ему приносила воды несколько минут назад. Пейте кофе, и я вас проведу.

Они моментально допили кофе и пошли за Арабеллой вверх по лестнице. Подождав, пока она уйдет, они постучали в дверь.

— Открыто! — отозвался Робби Шоу. Он, заканчивая бритье, увидел вошедших в зеркале. — Чем могу служить?

— Хикс меня зовут, мистер Шоу. Я на службе у полковника Мак-Каллоха.

— Я узнал вас, Хикс. Я вас видал у полковника. Что привело вас ко мне в столь ранний час? — Он сполоснул опасную бритву и вытер ее полотенцем.

— Тут у полковника на заводе был пожар...

— Да, я слышал тревогу — она меня разбудила. Много сгорело?

— Не могу сказать, сэр. Но полковник хочет видеть вас, немедленно. Послал нас за вами.

— Очень мило со стороны полковника. Возвращайтесь к нему и скажите, что я приду не позже вечера и подготовлю материал для прессы.

— Я думаю, он бы хотел встретиться с вами сейчас.

— Понимаю, однако это невозможно. Теперь, с вашего позволения, если мы закончили...

— Теперь, — сказал Хикс, вынимая из-за пояса пистолет, — пакуй свои шмотки и не говори лишних слов, понял? Мы выйдем вдвоем на небольшую прогулку, пройдем через переднюю дверь, и у тебя будет такой вид, будто ты невесть как рад. Янси, покажи ему арканзасскую зубочистку.

С неожиданной в таком крупном теле быстротой Янси выхватил длинный нож и ткнул им в сторону Шоу.

— Наш Янси не так чтобы очень умный, но с этой штукой обращаться умеет. Так что без глупостей на выходе. Где твой чемодан?

— В чулане. Я возьму...

— Не надо. Янси возьмет. Вдруг там не только чемодан, но и пистолет, и ты, не дай бог, поранишься. Янси, вытащи его оттуда.

Янси перебросил нож в левую руку, а правой взялся за ручку двери и потянул на себя.

Трой шагнул вперед из чулана, резко опустив ребро ладони занесенной руки на шею стоящего перед ним человека. Тот хрюкнул и сложился гармошкой; из ослабевших пальцев выпал нож.

Хикс услышал тупой, как по отбивной, удар, повернулся, вскидывая пистолет, — и взвизгнул, когда бритва Шоу полоснула его по руке. С рычанием он схватился за запястье, и между пальцами брызнула кровь.

— Много шума, — заметил Трой, делая шаг вперед и заноса кулак. Хикс молча свалился.

Трой перевязал ему запястье полотенцем, а Шоу прополоскал бритву и выплеснул в окно порозовевшую воду.

— Ты думаешь, было слышно? — спросил он.

Трой прислушался и покачал головой:

— Не похоже. Все спокойно. А ты здорово работаешь лезвием.

— Приходится. Никогда не знаешь, кому и когда придет в голову вытащить пистолет. Ты был прав насчет того, что Мак-Каллох вышлет карательную экспедицию.

— Иначе быть не могло. Пожар только подтвердил его подозрения. Теперь он хочет добраться до меня раньше, чем я до него. В этом городе у него слишком большие силы. Здесь мы не можем дать ему бой. Надо отступить и перегруппироваться. Но по-умному. Потому-то я и хотел, чтобы сначала показали эти гориллы. Если бы мы сразу сбежали, он бы пустил их по нашему следу. Теперь мы выиграли время. Так воспользуемся им наилучшим образом.

С этими словами он вытащил веревку из-под кровати, отрезал кусок и, пока Шоу собирал вещи, быстро и умело связал людей полковника и заткнул каждому рот кляпом.

— Легенду помнишь? — спросил он.

— Она простая. Я быстро перекусываю и говорю хозяйке, что собираюсь целый день сидеть у себя и писать, так что прошу меня не беспокоить. Возвращаюсь сюда и ухожу через окно на крышу каретного сарая — той дорогой, которой вошел ты. Ты тем временем выводишь повозку.

— Прекрасно. Нога не мешает?

— Мне же не карабкаться вверх, а висеть и прыгать не мешает.

— Тогда вперед. Я хочу, чтобы мы были подальше отсюда, когда их найдут.

Когда они выехали на улицу, город пробуждался.

— Ты составил какой-нибудь план? — спросил Шоу.

— Хороший вопрос. Ответ на него я обдумывал с тех самых пор, как мы сбежали. И пока ничего не нашел. Обо всем, что я пока придумал, полковник наверняка догадается. Поначалу я думал податься на север, для безопасности. Но это решение, которое напрашивается само собой, и дороги будут под наблюдением. У полковника есть могущественные друзья, с которыми он в заговоре. Я знаю, что он действует не один. Слишком большое дело он задумал.

— А какое именно?

— Я потом тебе расскажу — все, что смогу. Давай сначала унесем ноги. Если на север ехать глупо, то на юг не менее — это как маршировать в львиную пасть. Мы можем попробовать пробраться на восток, в Норфолк, но при попытке сесть на корабль нас поймают.

— А поездом?

— Еще хуже. Вокзалы будут под наблюдением, а если мы где-то и проскочим, нам по телеграфу организуют комиссию по встрече.

— Следующий поворот налево, — сказал Шоу.

Трой вопросительно на него взглянул:

— А зачем? Есть причины?

— Ну разумеется. Раз у тебя нет предложений, будем воплотять мои. Я предлагаю поехать по Подземной Железной Дороге.

— Господи! Какой же я болван. Я про нее забыл. Ты с ними работал, с этими людьми?

— Работал. Мы поедem на станцию, до которой всего полдня пути, близ Монпелье. Только сначала надо несколько замутить воду. Нам не надо приводить преследователей к тому месту, куда мы едем. А сейчас нас очень легко выследить.

— Ты прав, как никогда! Черный, везущий белого в зеленой повозке, за которой привязан одноглазый мул. Все равно как объявление дать.

— И я того же мнения. Так что мула мы продадим на конюшне, сразу за городом. Хозяин увидит, что мы поехали на север. Как только мы скроемся с глаз, свернем на запад по боковой дороге. Я буду править, а ты спрячешься под рогожей на дне. Когда нападут на наш след, мы уже исчезнем.

— Звучит убедительно, вот только лежать под мешком... Ладно, зато постараюсь поспать.

Ближе к вечеру повозка выехала из низин и потащилась по пыльной дороге, что вилась по холмам подножья Пьемонтского плато. День был жаркий, но воздух оставался столь прозрачным, что были видны даже очертания гряды Голубых гор. Лошадь притомилаь, и Трой шагал рядом, ведя ее под уздцы.

— Далеко еще? — спросил Трой. — А то я скоро буду как эта лошадь.

— Еще несколько миль, как мне помнится. Хочешь передохнуть?

— Да нет. Пойдем дальше. Чем дольше мы будем торчать на дороге, тем больше шансов, что нас кто-нибудь увидит.

Дорога вилась через островок соснового леса, затем огибала крутой выступ. За поворотом на дороге стояли два крупных человека с винтовками. Винтовки были направлены на пришельцев.

Первый приступ страха у Троя прошел, едва он разглядел,

что один из двоих — негр. Ясно, что те, кто работают с Мак-Каллохом, будут лилейно-белыми.

— Держите руки на виду, — сказал белый, качнув дулом. — Теперь отвечайте, кто вы и куда едете?

— Это не ваше дело, — спокойно ответил Шоу. — Если вы остановитесь, мы себя переправим.

— Странные слова, — сказал человек, но опустил ствол. — Люди много говорят, и слова «остановка» и «переправа» тоже кто-то мог подслушать. Скажи лучше, кого ты знаешь? Рассела знаешь?

— Отиса? Разумеется, знаю. И он меня знает.

— Он тебя? Тогда самое время назвать твое имя.

Шоу, очевидно, с этим согласился:

— Я — Робби Шоу. Я уже бывал на этом куске Дороги.

— Помню, как же! — Человек закинул винтовку за спину и вышел вперед, протягивая руку. — Гарриэт Табмен говорила, что ты с ней работал.

— Она все еще в деле!

— Ее не остановить. В каждом штате за ее голову назначена награда. Она переправила уже пять тысяч человек — и все еще работает. Ну, должен сказать, хорошо, что ты знаешь ее и Отиса, потому что мы теперь не очень-то жалуем неизвестных. Слишком много приходит гостей, и слишком много происходит событий. Но сегодня у нас поход, и ты как раз приехал вовремя, чтобы нас проводить.

— Поход куда? Я ничего не слышал.

— А откуда? Все держалось в секрете, но скоро узнает весь мир. Мы выходим с фермы Кеннеди, с мэрилендского берега Потомака.

Шоу озадаченно покачал головой:

— Боюсь, не припомню. Это дом на Дороге?

— Нет, просто заброшенная ферма, которую мы используем. Несколько миль от Харперз-Ферри. Снята самим мистером Айзеком Смитом. Это имя, под которым он скрывается, но ты его знаешь.

— Этот Айзек Смит — не кто иной, как Джон Браун собственной персоной! Вот он кто!

Джон Браун, вспомнил Трой, — и похолодел. Джон Браун и Харперз-Ферри. А сегодня — четырнадцатое октября.

Джон Браун. Нападение на Харперз-Ферри.

Четырнадцатое октября одна тысяча восемьсот пятьдесят девятого года.

Трой тихо сидел в углу возле камина, прихлебывая кофе. Стемнело. Поднялся ветер, и от щелей в двери потянуло холодом. Собравшиеся в доме аболиционисты были возбуждены и вели оживленный разговор. Трой в нем не участвовал. Он чувствовал неодолимую тяжесть истории и видел, что эти люди живы — и в то же время мертвы. Харперз-Ферри. Атака через два дня. Ему в голову лезли воспоминания из курса истории, как проходила атака и чем закончилась, но Трой старался их отогнать. Он не хотел помнить. Его задачей было остановить полковника Мак-Каллоха, помешать ему выполнить свой сумасшедший план с производством автоматов. Он не имел права сказать даже слова — это уже было бы слишком много. Ему не было дела до того, что здесь произойдет. Но заставить себя не слушать он не мог.

Сейчас вниманием слушателей завладел молодой человек, прибывший сегодня днем. Он странно и возбужденно глядел единственным глазом, а второй прикрывала повязка. Его звали Фрэнсис Мерриам, и он приехал из Бостона.

— Вот так это и было, — говорил он, — именно так. Когда я говорил с этим негром, я вдруг понял, что у меня шанс принять участие в святом деле. Мой дядя, он большой человек в движении аболиционистов, но теперь не только он из всей нашей семьи знает, что почем. Когда этот человек рассказал мне о Шепарде и о том, чем он занимается, я уже знал, что я должен быть здесь. Я говорил с Сэнборном, а он попросил Хиггинсона, и меня направили сюда. Вот как было дело.

Чем-то необычен этот человек, но никто из присутствующих не обращал на это внимания. Он повторялся, часто кивал. Ему часто приходилось вытирать рот рукавом, особенно когда он волновался. Теперь он пошарил сзади себя, достал коловую сумку и открыл.

— Старого Джона Брауна я знаю, я ему помогал выкрадывать рабов там, на Юге, и я знаю, что ему может быть на пользу. — Из сумки он извлек кожаный бумажник и вытряхнул на ладонь кучу золотых монет. — Оружие и патроны стоят денег, так вот они. Шестьсот долларов золотом, кто хочет — пересчитайте. И все ему, на дело.

— Благослови вас Господь, Мерриам, — проговорила ста-

рая женщина, покачиваясь в кресле у огня. — Да благословит вас Господь, и да поможет Он освобождению рабов.

Как бы ставя точку в конце фразы, резко хлопнула входная дверь. Присутствующие потянулись к пистолетам; вошел высокий человек, промокший под ливнем, и застыл в двери, борясь с ветром. Потом повернулся лицом к людям в комнате — молодой, чуть больше двадцати, оглядел комнату, ища кого-то:

— Фрэнсис Джексон Мерриам — ты ли это?

Мерриам поднялся на ноги и поспешил к двери, крепко пожав руку друга.

— Джон, они сказали, что ты меня встретишь. Я не опоздал? — Не дожидаясь ответа, он отвернулся. — Люди, это Джон Коупленд, который принимал участие в походе на Оберлин. Это было в газетах.

Пришельца приняли. Кто-то сунул ему в руку дымящуюся кружку с кофе. Он с благодарностью принял и стал пить, пока остальные сгрудились в ожидании новостей. Первым не выдержал Мерриам:

— Как оно там? Как все?

— Все в порядке. Стало известно, что ты приезжаешь, и мне велено встретить тебя и проводить. У нас тут, на ферме, довольно много народу. Кое-кто здесь заперт с августа. Но скоро мы ударим. Пики и ружья у нас есть. Все готово, как говорит мистер Кук. Он уже около года живет в Харперз-Ферри и работает на федеральной оружейной фабрике. Он про нее все знает. Он там даже женился на местной. Да, уж он дело знает, этот Джон Е. Кук! Он мой друг, мы говорили с ним в доме, и он мне все рассказал про эту фабрику. Знаете, сколько они там могут сделать оружия? Десять тысяч в год, вот сколько! У них там все есть, и большой горн, и механический цех. Они там делают капсюли, и стволы, и еще какие-то секретные пули, как сказал мистер Кук.

Пули! Это слово ударило Троя, как сама пуля. Вот оно что! «Стен» бесполезен без большого запаса первоклассных патронов. Он же так занялся автоматом, что забыл о необходимости производства сотен тысяч, миллионов патронов. Таких патронов, каких он здесь еще не видел. А ведь разгадка была у него перед самым носом. Он видел здесь массу всякого оружия — гладкоствольного, нарезного, заряжающегося с дула, пистонного и капсюльного, но патроны от них не годились для автоматического ведения огня. Патроны. На заводе Мак-Каллоха

не было ни патронов, ни пороха, но ведь работу такого масштаба не спрячешь. Значит, в Ричмонде делались автоматы, а не патроны. А патроны где?

На государственном патронном заводе.

Пришелец все еще говорил, отвечая на вопросы. Трой ждал, в нетерпении постукивая костяшками пальцев, потом не выдержал.

— Извините, что перебиваю, мистер Коупленд, но, если не ошибаюсь, вы сказали, что в Харперз-Ферри делают новый вид пуль?

— Так мне сказал мистер Кук, а он не из тех, кто будет трепаться зря. Эти пули делаются на винтовочном заводе Холла, на острове Шенандоа. Там всюду охрана. Даже близко не подойти.

— А мистер Кук вам не описывал, как выглядит эта пуля?

— Он сделал больше. Он сказал, что если это так секретно, значит, важно. Он велел мне сказать Джону Брауну, я так и сделал. Он сделал еще одну вещь: достал несколько бракованных гильз, которые выметали из цеха, и дал мне, чтобы показать Джону Брауну.

— Вы можете ее описать? — спросил Трой, стараясь говорить спокойным голосом.

— Лучше я вам ее покажу. У меня одна с собой.

Он порывлся в карманах брюк, поморщился, полез в куртку.

— Неужто потерял? Да нет, где-то есть. А, вот она.

Трой смотрел на гильзу, лежащую у него на ладони. Патрон от «парабеллума» 9 мм, ничем другим эта гильза быть не могла. Трой достаточно из него пострелял в своей жизни. Завальцована у основания и пробита под капсюль.

— Очень интересно, — сказал Трой, возвращая гильзу. — Вы ведете мистера Мерриама к остальным?

— Завтра с утра.

— Я хотел бы пойти с вами добровольцем. Можно?

— Джон Браун будет рад любому, кто придет.

— Рад это слышать, — впервые за вечер заговорил Робби Шоу. — Если есть место для одного добровольца, найдется и для другого. Я тоже пойду.

С этими словами он взглянул прямо на Троя и позволил себе намек на улыбку. Потом было еще много разговоров и волнений, и лишь позже Трою представился случай отвести Шоу в сторону.

— Ты-то зачем? — спросил Трой. — Это уже не игра. Люди идут умирать.

— И никогда не было игрой, но всегда — загадкой. Ты знаешь много такого, о чем ты мне не говорил. Но сегодня ты сказал, что этот новый вид патронов имеет отношение к тебе, к полковнику, к вам обоим. Ты подпрыгнул, услышав слова Копленда. Не хочешь мне рассказать, что за всем этим кроется?

— Нет. Но прошу тебя смотаться отсюда, пока есть возможность. Я должен идти на Харперз-Ферри, а ты можешь не ходить. Робби, будь другом, поверь мне на слово. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Я поверю тебе на слово, когда ты мне все расскажешь. Что ты искал на заводе Мак-Каллоха? Ты ведь нашел что-то, из-за чего пытался его сжечь.

Трой задумался. Он теперь точно знал, что Мак-Каллох выпускает автоматы и что он состоит в заговоре, связанном с изготовлением патронов на государственном оружейном заводе. Следовательно, многие знают об автомате, и держать это в секрете не надо. Остается умолчать только о том, что он преследует полковника из будущего.

— Ладно, Робби. Так будет честно. Я — правительственный агент, преследующий Мак-Каллоха. Он не только совершил убийства, о которых я тебе говорил, но и украл чертежи секретного и смертельного оружия. Он твердо верит, что скоро начнется война между штатами, и вступил в сговор с другими южанами. Оружие он выпускает у себя на заводе — я там нашел деталь. Но патронов там не было, а для этого оружия нужны специальные пули. С гильзами в точности такими, какие я только что держал в руке. И загадка состоит в том, что эти патроны выпускаются на государственной фабрике, однако могу гарантировать — государство не в курсе.

— Ответ на загадку прост. Офицеры, руководящие заводом, все на стороне южан. Это легко было устроить, потому что много офицеров из Виргинии. А где еще так легко спрятать производство вооружения, как не здесь, у всех под носом? Это как в рассказе Эдгара Аллана По о пропавшем письме. Ты уж прости, Трой, но я пойду с тобой, и ты меня не отговаривай. Что за история будет для газет! Я — журналист, а только потом аболиционист. Что бы ни случилось в Харперз-Ферри, это будет газетной статьей десятилетия. Вперед, на встречу с Джоном Брауном!

В ночь пятнадцатого октября буря утихла, и наступил спокойный и свежий рассвет. Добровольцы поднялись пораньше, поели и с первыми лучами зари отправились в путь. Впереди ехали верхом Коупленд и Мерриам, за ними в повозке — Трой и Шоу. Они двигались вперед, и около полудня Коупленд натянул поводья лошади, показав на подножие холма внизу.

— Вон там Харперз-Ферри. Там, на той стороне Потомака, — Мэриленд. В семи милях дальше стоит ферма. Вон, видите мост через реку?

— Нам ехать через город? — спросил Шоу.

— Единственный путь, разве что еще можно вплавь.

— Тогда должен вам сообщить, что рабовладельцы ищут меня и Троя, и наше описание могли передать по телеграфу. Белый и черный в повозке.

— Это легко исправить, — сказал Коупленд. — Один из вас вылезет из повозки и проедет через город на лошади.

— Лучше я, — отозвался Трой. — У него нога забинтована, почему мы и ехали в повозке.

Так они и въехали в Харперз-Ферри — Фрэнсис Мерриам в повозке рядом с Шоу, а Трой — на лошади Мерриама. Город находился на полуострове, образованном Потомаком и впадающей в него Шенандоа. Он представлял собой беспорядочное скопление домов, салунов, гостиниц и магазинов, растянувшихся по берегам обеих рек и избегающих на подножие плато Боливар. Коупленд, прокладывая дорогу на Потомак-стрит среди лошадей, повозок и телег, комментировал:

— Вот видите дома вдоль улицы, похожие на фабрики? Это не фабрики, а федеральный оружейный завод. Вот он тянется, начиная от горячих цехов и до склада. Здесь кузница, потом механические цеха и склады. Вон то большое здание — арсенал, где хранится готовое оружие.

— А где винтовочный завод, о котором вы говорили?

— Винтовочный завод Холла полмилей дальше по улице Шенандоа — мы по ней сейчас едем. Вон, видите? На островке посреди реки. Там всегда стоит пара часовых, ночью и днем. Ни войти, ни выйти оттуда незамеченным нельзя.

«Вот и все, что я ищу», — подумал Трой. Там, должно быть, станки для штамповки гильз, склады патронов, а может,

и автоматы. Здесь их собирают и складывают. Двое часовых — они не выдержат неожиданного налета.

Опять загадка, едва ли не самая большая. Почему Мак-Каллох выбрал из всех федеральных арсеналов именно этот? Он не мог не знать, что на него нападет Джон Браун — это же есть во всех книгах. Невозможно поверить, чтобы он не читал об этом. Значит, предвидя налет, полковник принял меры предосторожности. Может быть, поставил засаду. Но о засаде Джона Брауна должны были предупредить. Хотя бы этот его агент, Джон Кук. Наверняка есть и другие. Непонятно...

В городе никто на них не обратил внимания. Они спокойно въехали на мост через Потомак. Это был железнодорожный мост, и на полпути их обогнал поезд компании «Б. и О.» из Вашингтона, сотрясая конструкции моста и извергая клубы дыма. Съехав с моста, они свернули на проселочную дорогу. Проверая, нет ли за ними слежки, Коупленд вел их к секретному убежищу в предгорьях. Это была ветхая двухэтажная ферма. Две девушки работали в огороде. Завидев прибывших, они приветственно замахали руками. Пока привязывали лошадей, открылась входная дверь и вышел худой человек с большой белой бородой. На изборожденном морщинами лице темнела твердая щель губ.

— Мистер Браун, — сказал Коупленд, — я привел добровольцев.

— Всем добро пожаловать. Войдите в дом и познакомьтесь с остальными.

Он угрюмо кивнул без тени улыбки. Когда Трой вошел в дом, Джон Браун взял его за плечо и негромко сказал:

— Ты идешь на святое дело освобождения твоего народа.

Трой кивнул и отошел — что еще он мог ответить?

Дом набит людьми — всего, вместе с прибывшими, их двадцать четыре. После знакомства Фрэнсис Мерриам достал бумажник из сумки:

— Мистер Браун, это вам для того благородного дела, которому вы посвятили свою жизнь.

Он высыпал золото стружкой, а Джон Браун сложил руки и склонил голову.

— Возблагодарим Господа, — сказал он, — ибо Он послал нам этих людей и это золото. Сие есть непререкаемое знамение, что Его воля движет нами. — Он оглядел молчащее собрание и сверкнул глазами, как ангел мщения. — Настает час действий, и да пробьет он для нас. В субботу, день Господень,

обрушимся мы на язычников. Ударим завтра! Мало кого из чад своих удостоил Господь права свершить столь душеспасительное и праведное деяние, как наше. Мы захватим арсенал, наши братья-негры поднимутся в праведном гневе и сбросят своих угнетателей. Да будет так!

«Да будет так», — подумал Трой. Но как будет на самом деле? Если в засаде ждут солдаты, эта горсточка храбрых дураков будет просто перебита. Можно ли их остановить? И надо ли останавливать? Не значит ли это изменить историю, и если да, то какие будут последствия? Но ведь Мак-Каллох пытается изменить историю, создать угодный ему мир с вечным рабством. Так нет же!

Наверное, проповедь Джона Брауна вдохновила его, как и всех прочих. Теперь ему была понятна их ненависть к самому институту рабства, гибель которого они мечтали увидеть, все делая для этого. Они хотели вызвать к жизни ту Америку, которую он знал, в которой он вырос. Она не была идеальной, и это он тоже знал, как знал и то, что не бывает идеальных обществ или институтов. Но уж, конечно, она была лучше этого рабского штата, части странной страны, наполовину рабской, наполовину свободной. Здесь он понял, и даже не понял, а почувствовал причины той страшной войны, что должна была разразиться. Никакая страна не может так жить, разделившись сама в себе. Приближалась страшная, очищающая битва. Но, если он не вмешается, могут выиграть рабовладельцы. И его мир никогда не появится.

Этого не может быть — и этого не будет! И он должен сделать все, чтобы этого не было никогда.

И он почувствовал, что не может оставаться безучастным среди этих хороших парней, идущих на самоубийство. Его долг перед ними, перед делом, в которое они все верили, предупредить их. Пусть изменится какая-то сноска в толстых книгах, но эти люди заслуживали лучшей участи, чем овечья гибель под ножом мясника.

При первой же возможности он отозвал Джона Брауна в сторону:

— Мистер Браун, могу я поговорить с вами?

— Конечно, к вашим услугам. Пойдемте на кухню, там будет тише.

Они сели у очага. Джон Браун глядел в темную глубину, будто провидя там будущее, и грел руки у огня. Провидя успех

восстания, Трой тоже смотрел в огонь, думая о том, как предупредить об опасности, не выдав источника своих знаний.

— Вы знаете полковника Мак-Каллоха из Ричмонда?

— Я слышал о нем, но никогда не встречал. Человек зла. Я слышал, что он убил одного из своих рабов. Да поразит его Господь!

— Аминь. Но у меня есть сведения — я их получил от организации, на которую я работаю, — что Мак-Каллох знает о ваших планах. Он мог поставить западню.

— Ваше желание предупредить меня прекрасно, но не страшитесь, ибо мы шествуем под защитой Господа. Многие пытались предать нас, кто из лучших побуждений, кто из худших, но не преуспели в том. Я достоверно знаю, что мой добрый друг из Айовы Дэвид Дж. Гью решил, что все мы погибнем, если осуществим наши планы. И, хотя он сокрушается о содеянном, послал письмо с предупреждением министру обороны. На письмо никто не обратил внимания. А почему? По одной причине, сын мой. Ибо мы в руке Божией, и Он — наш щит и оплот. Благодарю тебя за то, что ты предупредил нас о кознях этого создания зла. Но да не поколеблемся мы. Планы наши готовы, силы собраны, оружие наготове. Завтра мы выступаем. Будешь ли ты с нами?

Трой заколебался, но выбора у него не было.

— Да, я буду с вами.

Быть может, эта минута была неизбежна. С того момента, когда он отправился сквозь время за Мак-Каллохом. Быть может, История уже написана — раз и навсегда.

Так или иначе, а завтра это узнается.

Они поднялись на рассвете, и Джон Браун собрал их в столовой для последней службы. Сперва он прочитал те места из Писания, что обещают утешение рабам, затем пригласил их к общей молитве Господу о помощи в освобождении угнетенных.

Потом он стал излагать боевые задачи, и Трою захотелось, чтобы было меньше молитв и больше конкретики. Не надо знать истории, чтобы понять обреченность задуманного. План состоял в нападении на федеральный арсенал и его захвате. И все. Даже маршруты отхода на случай контратаки милиции или федеральных войск не разработаны. Все уповали на то, что рабы восстанут и освободятся, — не было ни попытки оповестить рабов, ни тем более попыток как-то организовать их. На все попытки убедить Джона Брауна принять меры

предосторожности или разработать запасные варианты ответ был один: «Господь — наш щит и оплот».

Желание Троя возглавить нападение на винтовочный завод не вызвало возражений. Там было единственное в городе подразделение федеральных войск, и никто из добровольцев туда не рвался. К нему присоединились Шоу и несколько человек, назначенных им в помощь.

Все. Планы составлены, жребий брошен. Напряжение нарастало целый день; около восьми вечера Джон Браун собрал всех снова.

— Люди, время настает. Молю вас, не проливайте кровь без нужды, но, не колеблясь, защищайте свою жизнь. Некоторые из вас могут быть убиты, и все мы можем умереть, пытаясь нанести наш удар в защиту свободы и справедливости в этой проклятой стране рабства. У нас одна жизнь и одна смерть. Умирать так, как мы можем умереть сегодня, значит умереть ради нашего дела.

Головы склонились в последней общей молитве. Потом поднялся Джон Браун и выступил перед ними, воздев руки к небесам, и сверкнул глазами, и белая борода его развевалась, и был он похож на ангела Гнева Господня, каким себя, впрочем, и считал.

— Братья! — воззвал он. — К оружию! Вперед, на Харперз-Ферри!

Глава 32

Джон Браун вел отряд, правя фургоном, в котором лежали пики — ими собирались вооружить освобожденных рабов. Остальные, серьезно и торжественно, как похоронная процессия, шли по проселочной дороге вдоль Потомака. Была холодная темная ночь, пошел дождь, мелкая морось, от которой еще сильнее пробирал холод. Дорога круто вилась вниз с холмов, мимо какой-то фермы и потом вниз, в долину. Впереди видны были огни Харперз-Ферри. Робби ясно видел их из фургона, куда его посадили из-за раненой ноги. Он прижимал к себе седельные сумки и дрожал от холода.

Каждый участник знал свою роль в атаке. Они молча шли вдоль канала, проложенного рядом с Потомаком, потом, у моста, остановились. Двое — те, кто должен был перерезать телеграф, исчезли в темноте. Едва они ушли, Браун махнул рукой, и еще двое быстро перебежали мост и схватили охранника.

Путь свободен. Мост пересекли в молчании и быстро пошли по улицам, осторожно обходя огни салуна и гостиницы. Выставив охрану на мосту через Шенандоа, атаковали основными силами арсенал и завод, который охранял единственный пожилой сторож. Его схватили и бросились проверять здание. Ни охранников, ни сторожей не было. Браун повернулся к перепуганному пленнику и поднял палец:

— Этот штат был рабовладельческий — и я освобождаю всех негров этого штата. В моих руках — оружейный завод Соединенных Штатов, и, если жители попытаются мне помешать, я сожгу город, и прольется кровь.

С этими словами он махнул Трою и его людям, которые должны были захватить винтовочный завод Холла — единственное здание, которое еще не было проверено. Они быстро продвигались по улице Шенандоа. Наконец Трой увидел то, что искал; он поднял пистолет и остановил свою группу.

— Главные ворота охраняются, и, может статься, нам не удастся застигнуть охрану врасплох. Вы, ребята, пойдете прямо на них. Если они отгонят вас огнем, отступайте и открывайте ответный огонь, для прикрытия. А я возьму лодку и попытаюсь зайти с фланга. Теперь пошли.

— Я с тобой, — сказал Шоу.

Трой покачал головой:

— Нет, Робби, будет больше пользы, если ты останешься здесь. Проследи за сумками. Я не знаю этих людей, но в тебе я уверен, и я рассчитываю, что ты останешься здесь и отвлечешь огонь на себя. В этом случае мне, может быть, удастся проникнуть на завод. Сделаешь?

— Конечно. Сколько времени тебе надо?

— Несколько минут, чтобы подобраться поближе. — Когда подошли остальные, он понизил голос, чтобы его слышал только Шоу: — Мак-Каллох знает о налете, по крайней мере может знать. Так что у нас хороший шанс влететь в западню. Береги себя.

— И ты тоже. Удачи.

Трой раскрыл нож и перепилил чалку, потом оттолкнул лодку от берега и прыгнул внутрь. В холодной воде на дне лодки он нашарил весло, единственное. Этого достаточно. Он выгреб на течение, и лодку понесло к острову. В темноте виднелся берег, то ли песчаный пляж, то ли грязевая отмель за домом. Туда он и направил лодку. Она ткнулась в берег и остановилась. Когда он прыгнул из лодки, раздался треск вы-

стрелов. Атака началась. Цепляясь за прибрежные кусты, он привязал веревку к одному из них. Тем временем стрельба нарастала, слышались отдаленные выкрики. Соппротивление оказалось серьезным. Задняя же сторона дома пока была погружена в темень и тишину. Окна в ней маленькие и слишком высоко. Не годится. Должен быть другой путь. Трой побежал вдоль стены с пистолетом в руке. Огонь резко усилился и вдруг затих. Атакующие прорвались? Да нет, были бы слышны случайные выстрелы внутри. Надо прорываться в дверь.

Она была заперта, эта дверь из твердого дерева, и даже не дрогнула, когда он ударил в нее всем своим весом. Оставался только один способ. Шумный, так что придется двигаться быстро.

Он два раза выстрелил в замок и снова налег на дверь. Та затрещала, послышался скрежет разбитого металла, и дверь поддалась. Трой широко распахнул ее, нырнул внутрь и перекатился за штабель реек. Ответного огня не было. Пока.

Он оказался в большой комнате, заложенной штабелями ящиков. На противоположной стене висела лампа, дававшая тусклый свет. Тихо. Весьма вероятно, что в комнате он был один. В любом случае надо двигаться. Лежать здесь не имело смысла.

Он встал и пошел с револьвером наготове к двери в дальней стене. Она вдруг распахнулась, и в проеме появилась темная фигура.

Не успев подумать, чисто рефлекторно он отбросил тело в сторону. Сильно ударившись, перекатился по пыльному полу, держа перед собой оружие.

Раздался треск выстрелов, пули высекали щепки из половиц. Он успел поднять револьвер и нажать на спуск, стреляя, пока не опустел барабан, на вспышки выстрелов. Он ждал ответного огня.

Его не было. В наступившей тишине раздался шорох ткани по дереву и затем звук падения тяжелого тела на пол. Лампа оказалась прямо над покойником и отразилась в немигающих глазах.

И в стали автомата, который все еще висел у него на груди.

Трой действовал, не рассуждая. Сунув пистолет за пояс, он нырнул вперед, выхватив «стен» из пальцев убитого. Развернулся, охватив взглядом пустой коридор с закрытой дверью в конце. Секундная передышка. Привычно держа перед собой автомат, палец на спуске, он левой рукой обыскал труп.

Выдернул два магазина из-за пояса убитого и ощупал их пальцами — полные. Засунув их за пояс, он рванулся вперед и выбил дверь ногой.

Это была бойня. Люди у окон оказались вооружены винтовками и пистолетами и стояли к нему спиной. Они начали оборачиваться, лишь услышав выстрелы.

Веер пуль скошил их на пол, магазин опустел. Он вставил новый и повернулся к раненому, что пытался дотянуться до винтовки. Сбил его. Видел, как пули рвали мундир армии Соединенных Штатов и входили в тело.

Это были солдаты. Он убил солдат армии Соединенных Штатов, растерзал их, как мясник. Стиснув зубы, он заставил себя вспомнить, что они — предатели, нарушившие присягу правительству, которому служили. Все они на стороне южан, все участвовали в заговоре. Он выбросил пустой магазин и вставил новый.

Вдруг ночь затихла. Стрельба у ворот здания прекратилась. Трой попятился к воротам, водя по сторонам стволом. Живых не осталось. Не выпуская автомата из рук, Трой одной рукой открыл входную дверь.

— Это ты? — позвал голос из темноты. Робби Шоу.

— Я. Заходи. Охрана снята начисто.

За дверью лежали два мертвых охранника. Шоу перешагнул через них и протиснулся в дверь, потом втащил за собой сумки.

— Как у вас? — поинтересовался Трой.

— Плоховато. Часовые нас заметили и открыли огонь. Мы открыли ответный и сняли обоих, но внутри поднялась тревога. Дальше ты знаешь.

— Уж я-то знаю! Мне посчастливилось застать их врасплох с тыла.

— У нас двое убитых, один раненый и еще один уцелевший.

— Иди к нему и скажи, чтобы раненого доставили к Джону Брауну. И надо ему доложить, что мы проверили винтовочный завод и что здесь все в порядке.

— Будет сделано.

Трой подождал, держа автомат наготове, пока Шоу вернулся.

— Запри дверь, — приказал он.

Шоу запер щеколду, повернулся, оглядывая посеченные тела, перевел взгляд на Троя и спросил:

— Это и есть тот пистолет, о котором ты говорил?

— Он. Ты видишь, что он может сделать. А представляешь себе мятежную армию с таким оружием?

— Господи Иисусе, — выдохнул Шоу. — Похоже, мы успели вовремя.

— Надеюсь, ведь оружие пока держится в секрете. Надо проверить, не здесь ли оно хранится. Подержи это пока.

Он сунул автомат Шоу; тот нерешительно взял его в руки.

— Я же не знаю, как с ним обращаться.

Трой кивнул:

— И не надо ничего знать. Сейчас он взведен. Просто наводишь его на цель и жмешь на спуск, а он сеет смерть. Теперь прикрой меня.

Трой тщательно перезарядил револьвер. Они обходили комнату за комнатой, помещение за помещением, и Шоу стоял со «стеном» наготове. В здании никого не было. Когда они дошли до комнаты охраны, Трой показал на койки:

— Восемь. И восемь убитых солдат. Но надо проверить до конца.

Больше половины завода занимали механические цеха. Там стояли сверлильные станки для стволов, прессы для штамповки гильз, в задней половине цехов были сложены штабеля металлических прутков, а на запертых складах стояли бочки с порохом и ящики с капсюлями. Один из складов отгорожен массивной дверью, которую пришлось выламывать минут пятнадцать двумя ломами. Когда она рухнула, Трой высоко поднял фонарь и вошел внутрь.

Сложенные штабелями ящики поднимались ряд за рядом от пола почти до стропил. Трой подошел к ближайшему, еще не заколоченному, и заглянул внутрь.

Латунные коробки с патронами.

Автоматы лежали в следующем ряду.

— Это то, что ты ищешь? — спросил Шоу.

— Оно самое. Станки для производства этого оружия, готовая продукция и патроны. Все в одном месте, даже больше, чем я ожидал. Ну что ж, такую возможность надо максимально использовать. — Он огляделся. — Давай-ка начнем, у нас много работы.

— А что ты собираешься делать?

— По-моему, это очевидно. Взорвать станки. Сжечь здание. Полностью все разрушить. А потом — искать Мак-Каллоха. Хватит от него бегать. Этого человека я должен найти и убить. Опасность должна быть устранена навеки.

— Если ты действительно хочешь, чтобы завод больше никогда не работал, — заметил Шоу, — задача эта архитрудная.

— Почему? Разве, если мы его сожжем, он не будет уничтожен?

— Только выведен из строя, если найдутся люди, которым отчаянно захочется его запустить. — Он похлопал по станине большого прессы. — Эта штука сделана из литого чугуна и стали. Ее можно извлечь из-под развалин, сдуть пыль и смазать — всего двадцать четыре часа, и она снова работает.

— Так что нам делать? — спросил Трой.

— Нечто такое, что наши кузены французы называли sabotage. Мы должны сломать эти машины так, чтобы о ремонте не было и речи. Лучше всего выбрать штамповочные прессы для гильз — они наиболее уязвимы и практически незаменимы, ибо сделаны по специальному заказу в Шотландии. Достаточно будет заложить в каждый по заряду пороха.

— Согласен. Я сделаю заряды, а ты покажешь, куда их сунуть. Хорошо бы еще насыпать пороха на эти коробки с патронами, чтобы они наверняка загорелись и взорвались. Тогда остается подумать только о самих автоматах. Они запакованы, и, даже если ящики сгорят, нет гарантии, что они выйдут из строя. Если их достанут, — а где-то есть еще один склад патронов, — вся наша работа насмарку.

— В реку их. Несколько дней в воде, и они уже невосстановимы.

— Тогда вперед. Этих коробок здесь тысячи.

— Следовательно, самое время начать, — сказал Шоу, снимая плащ. — Посмотрим, сколько мы их утопим до рассвета.

Работа была на износ. Заложив пороховые заряды, они перешли к ящикам с автоматами. Ящики разламывали, а автоматы выносили к берегу и кидали подальше в темную воду. Работе не видно было конца, а на востоке уже заметно посветлело. Дождь перестал, но небо в тучах. Трой упал на одну из коробок, тяжело дыша.

— Хватит. Пора закладывать запальные дорожки. К рассвету мы должны быть далеко отсюда. — Он заколебался. — Понимаешь, я точно знаю, что сегодняшнее восстание обречено. Пытался сказать Джону Брауну, но он не желал слу-

шать. Все участники налета, все, кто не успеет удрать, погибнут. Это я знаю наверняка.

— Откуда?

— Я не могу тебе рассказать, Робби, поверь мне на слово. Надо удирать. Возьмем лодку сзади — фасад здания наверняка под наблюдением.

Уже слышались отдельные выстрелы. Дороги обратно не было.

— Ладно, пойдем. У меня нет любви к верной смерти, которая владеет нашим другом Брауном.

Аккуратно, стараясь не наступать на рассыпанные зерна пороха, они насыпали пороховые дорожки на все бочки и соединили их в одну, ведущую к открытой двери. Полупустые бочки поставили на последние штабеля автоматов. Приготовления закончились. Трой опустил фонарь, и контуры здания проступили на фоне неба.

— Пора. Когда взорвется, мы должны оказаться под прикрытием фундамента стены. Отплываем, как только убедимся, что пожар разгорелся. Это мы возьмем с собой. — Трой положил сумки и заряженный автомат под переднюю банку лодки. — Если нас заметят, сможем защититься — эта штука уравнивает шансы. Если на нас не нападут, она пойдет в реку вслед за остальными, а у нас останутся пистолеты. Ты готов?

— Готов, давай.

Они прижались к мшистой стене, и Трой, разбив стекло фонаря, бросил его пылающим комом на пороховую дорожку. Мягко вспыхнув, огонь побежал по ней, потрескивая, и скрылся за дверью.

Через секунду стена, под которой они укрывались, затряслась от канонады взрывов. Со звоном вылетели стекла, пламя рванулось из окон, повалили клубы дыма, расцветающие багровым цветом от запылавшего внутри огня.

— Есть! — завопил Трой, перекрикивая рев пожара. — Смываемся!

Они побежали к лодке, впрыгнули и оттолкнулись. Трой схватил единственное весло и погреб изо всех сил, стараясь выбраться на быстрину и уйти подальше от горящего здания. На берегах никого. Но Трой не сбавлял темпа до тех пор, пока они не отплыли от острова настолько, что стали неразличимы в туманной серости рассвета.

Трой запыхался, и руки у него так болели, что он только обрадовался, когда Шоу забрал у него весло. Потом они греб-

ли по очереди, и вот показался противоположный берег. За ними ярко горел винтовочный завод, впереди выплывал из рассветной серости низкий берег.

— Ты что-нибудь видишь на берегу? — спросил Шоу.

— Не вижу. Похоже, что там сплошной луг. Но поблизости должна быть дорога.

— Будь на ней кто-то, мы бы его уже увидели. Думаю, мы в безопасности.

Тишину нарушал только плеск весла. Они подходили к берегу, днище заскрипело по песку прибрежной мели, снизу заплескалась вода. Какая-то птица песней встречала рассвет. И ни звука больше.

Шоу сильно отталкивался веслом, стараясь подойти ближе к берегу. Трой выскочил, держа веревку, и вытянул лодку на песок.

— Порядок, — сказал он. — Я ее подержу, а ты...

Трой увидел, как лицо шотландца исказила гримаса ужаса.

Грохнул выстрел. Шоу схватился обеими руками за кровавое месиво, которое только что было лицом, упал вперед и застыл.

Трой в повороте потянул револьвер, но его остановил голос с берега:

— Попробуй только вытащить пушку, и пойдешь туда же, куда и этот ниггерский жополиз.

Трой медленно поднял руки и повернулся к человеку на берегу с нацеленным на него револьвером. Это был полковник Мак-Каллох. В его голосе звучала холодная злость:

— По заслугам ему. Этот Робби Шоу бывал гостем в моем доме, а потом предал меня и привел тебя пакостить мне. Я бы его еще десять раз прикончил.

— Не надо было убивать его! — Трой тоже был разъярен. — Никакой необходимости! Поздно, полковник! Видите пламя? Это горит завод винтовок! И все ваши автоматы и патроны, считайте, сгорели.

— Вижу пламя. Я его еще с дороги заметил и вас на фоне пламени. Я пришел убить тебя, черномазенький.

— Хармон моя фамилия. Сержант Трой Хармон. Прошу вас запомнить это, полковник. Запомните имя негра, который выследил вас на пути в сто двадцать лет назад, последовал за вами и поломал ваш бредовый план.

— Он не настолько бредовый, Хармон. — Мак-Каллох овладел собой. — У меня остались синьки. Заводы здесь и в Рич-

монде будут отстроены, люди, которые мне помогли, помогут мне снова. Найдем другое место для выпуска автоматов. Временная задержка. Но время еще есть.

— До апреля шестьдесят первого, и все.

— На твоем месте я бы об этом не беспокоился, твое время кончается прямо сейчас. Ты принес мне массу неприятностей, но, когда я спущу курок, они кончатся. У тебя есть время быстренько помолиться твоему ниггер-баптистскому боженьке. Молись, черномазенький.

Трой медленно опустил руки вдоль тела. Когда он заговорил, голос его был переполнен презрением:

— Вы больной, сумасшедший, жалкий расист, Мак-Каллох. Вы — позор своей страны и своего мундира. Вы, как дурак, полагаете, что цвет кожи или религия делает вас выше другого. Я бы плюнул вам в физиономию, но не стоит труда.

— Говоришь много, ниггер. Если попросишь пощады, я тебя, может, и помилую.

Трой расхохотался:

— Насколько же ты глуп, необразованная краснорожая скотина! Стреляй и проваливай к чертовой матери!

Мак-Каллох наставил пистолет прямо в лицо Трой и медленно большим пальцем стал взводить курок. Трой застыл перед холодом неминуемой смерти, но не испытывал страха.

— Проси! Проси пощады, ниггер!

— Этого удовольствия я вам не доставлю. Но попрошу об одном одолжении...

— Никаких одолжений.

— Оно не составит труда. Скажите, зачем вы для производства патронов выбрали завод в Харперз-Ферри? Вы же знали о том, что Джон Браун...

Его слова потонули в автоматной очереди, которая как гром разорвала тишину рассвета.

Глава 34

Трой, не веря своим глазам, смотрел, как пули впивались в тело Мак-Каллоха. Полковник сложился пополам, выпустил револьвер, покатился вниз по круче к ногам Троя. Глаза его были открыты, но уже слепы. Он вздохнул последний раз, и забублькали продырявленные легкие:

— Кто... такой Джон... Браун... — и умер.

— Дай мне руку, Трой, — сказал Шоу, покачиваясь в лодке. Его лицо было залито красным. Автомат бессильно повис вдоль тела, и у Шоу не было сил его поднять.

С Троя мгновенно спало оцепенение, он рванулся, как от удара тока, и подхватил Шоу под мышки. Вынеся на берег, Трой осторожно положил его на траву рядом с трупом Мак-Каллоха. Обернувшись, он увидел, что лодку уносит течением. Зашлепав по воде, он догнал лодку и подтащил ее к берегу. Вытащив из лодки сумки, он достал аптечку.

— Ранения волосистой части черепа, как правило, весьма кровоточивы, — откомментировал Шоу, когда Трой перевязывал ему рану. — Мне показалось, что череп разнесло. А пришел в себя и понял, что лежу лицом вниз на дне лодки. Ощущение такое, будто срезали половину головы. Но семья Шоу всегда славилась крепкими черепами. И как только я перестал себя жалеть, я обрадовался, что остался жив. Видел я плохо, но со слухом все было в порядке. Я по голосу определил, где стоит бешеный полковник, — над нами, на берегу, на том же месте, с которого он стрелял в меня. Остальное, как говорится, принадлежит истории. Мои руки, как оказалось, лежали на автомате под сиденьем, хотя я это не сразу осознал. Я все сделал так, как ты сказал, и получилось. Ты прости, что так долго, но я хотел быть уверен, что, когда я задвигаюсь, его внимание будет отвлечено тобой.

— Не знаю, как тебя благодарить...

— Тогда и не надо. — Он минуту помолчал, глядя Трою в лицо. — Я слышал, что вы друг другу говорили.

— В самом деле?

Трой перевернул труп полковника, оторвал кусок рубашки, не залитый кровью, смочил в воде и выжал. Этой тряпичей он стер с лица Шоу засыхающую кровь.

— В ваших словах была хоть доля правды? — спросил Шоу.

— А это дальше не пойдет, Робби? Ты никому не скажешь и в газеты не напишешь?

— История, признайся, превосходная.

— А кто тебе поверит? Я ведь буду все отрицать.

— В том-то и дело, — вздохнул Шоу. — Мне не поверят, и даже печатать никто не возьмет. Так что, Трой Хармон, я даю тебе свое слово. Я тебе обязан жизнью, как и ты мне, и этим мы связаны навеки. Но если я поклянусь, что никогда никому

ничего не скажу, я узнаю правду? Правда ли, что вы — вы оба — на самом деле прибыли сюда из будущего?

Трой задумался, потом кивнул, чувствуя странное облегчение от того, что можно поделиться тайной.

— И ты за ним последовал? Смелый поступок.

— Смелый? Может быть, не знаю. Это надо было сделать. Он принес сюда этот пистолет, чтобы рабовладельцы выиграли войну. Чтобы изменилась история. Этого нельзя было допустить.

— Значит, приближается война? — спросил Шоу, понизив голос. — Ты говорил про апрель шестьдесят первого.

— Робби, не спрашивай о датах. Скоро начнется война, и погибнут сотни тысяч. Но победит Союз, и рабство умрет навеки.

— Аминь. Но ты мне ответь — и в этом ты мне отказать не можешь: что ждет Англию и Шотландию? Ты ведь это знаешь, ты знаешь все будущее?

Трой встал и прислушался. Тихо. Стрельбы не было слышно, и, казалось, они в безопасности.

— Боюсь говорить, Робби. Боюсь, что, если ты будешь знать будущее, само это знание, какие-то слова или действия могут будущее изменить. Одно могу сказать: плохо не будет. Будут, конечно, войны, но твоя страна останется живой и свободной. Мир изменится, всюду появятся машины, исчезнут лошади с улиц городов. Сами города изменятся, будет сплошь бетон, сталь и асфальт. А люди останутся очень похожи на тех, каковы они сейчас. Бога ради, кончим на этом. Мы больше никогда не должны говорить об этом.

— Но я лопаюсь от вопросов! Как тот человек, которому предоставили три желания, а он боялся их использовать. Ты столько знаешь, чего я не узнаю никогда! — Трой молчал, и Шоу с усилием сел. — Я постараюсь не вспоминать — но искушение будет адово.

— Давай лучше подумаем, как отсюда выбраться, пока нас не поймали. Если Мак-Каллох увидел нас с дороги, значит, лошадь привязана где-то поблизости.

— А как быть с полковником?

— Это не единственный труп, который сегодня унесет река, — мрачно ответил Трой.

Он нагнулся, быстро ощупал карманы Мак-Каллоха и вынул бумажник и большое кольцо с ключами. Потом толкнул труп ногой. Тело тяжело перевалилось за край обрыва, плюх-

нулось в воду и закачалось, погружаясь и выныривая, пока его уносило течение. Полковник уходил домой, к возлюбленному Югу. Трой смотрел ему вслед, пока течение не унесло его. Потом он влез в лодку и с нескрываемым отвращением посмотрел на серые очертания автомата. Схватив за ствол, Трой с размаху закинул его подальше в воду. Раздался всплеск, и пошли круги.

Лошадь Мак-Каллоха они нашли неподалеку под деревьями. Трой подержал Шоу стремя, потом забросил сумки за седло.

— Ехать сможешь? — спросил он.

— Думаю, что да. Если не считать сильной головной боли, мне не так уж плохо. У тебя есть какой-нибудь план?

— Есть. Мне надо вернуться в Ричмонд. Ты ведь слышал, что Мак-Каллох говорил о чертежах этого автоматического пистолета. Я их должен найти и уничтожить. Это, похоже, опасно, но необходимо. Так что тебя я позвать с собой не могу.

— Меня не надо звать, я иду добровольцем. Ты ведь не думаешь, что я брошу дело раньше, чем оно будет сделано? Кроме того, неоспоримый факт — ты в одиночку не сможешь этого сделать. Давай держаться проселочных дорог, мне не хочется слишком часто объяснять, почему у меня на голове бинт. А вообще говоря, я не думаю, что нас сейчас будут всерьез искать. После крушения их планов и смерти Мак-Каллоха.

К тому времени, когда они добрались до города Калпепера, они были относительно в безопасности. И достаточно далеко от Харперз-Ферри, чтобы рану Шоу не связывали с тамошними новостями. Объяснение, что он свалился с лошади и разбил лицо, принималось нормально. Трой держал лошадь, пока Шоу делал покупки в универсальном магазине. Кроме всего прочего, он еще купил газету. Развернули они ее уже за городом.

Налет на Харперз-Ферри не сходил с первых полос.

— Дело закончено, — сказал Шоу, пробежав статью. — Налет продолжался тридцать шесть часов. Потом отряд морской пехоты захватил штурмом оружейный завод и взял в плен уцелевших. Штурм возглавили полковник Роберт И. Ли из второй кавалерийской армии и лейтенант Дж. И.Б. Стюарт. Никогда о таких не слыхал.

— Я слышал, — угрюмо сказал Трой. — И ты еще услышишь.

Шоу не слушал его. Он читал отчет, и на его лице застыло выражение ужаса.

— Это страшно! Там бойня была. Просто мясорубка. Можешь себе представить, первым люди Стюарта убили негра! А участники налета, что пытались спастись, попали в лапы к местным, и их изрубили в котлеты. Помнишь беднягу Ньюби, того мулата? Он хотел только освободить жену и детей с плантации в Виргинии. Так ему перерезали глотку, а уши отрезали на сувениры! — Шоу отшвырнул газету и повернулся к Трою, глаза его переполняли скорбь. — Такого еще много будет, правда? Это ведь только начало?

Трой отвернулся, чтобы не отвечать, но молчание было яснее ответа. Он подобрал газету и заставил себя перечитать все подробности. Он не сказал Шоу, что Джон Браун и все, кто выжил, предстали перед судом и были повешены. Это должно случиться через несколько месяцев.

Когда они подошли к окраинам Ричмонда, у Троя созрел план, что делать дальше. Перед закатом они стали лагерем в чаще леса поодаль от дороги.

— Я должен проникнуть в дом Мак-Каллоха, — сказал Трой. — У него в карманах я не нашел ничего, что подсказало бы, где он держит чертежи пистолета. Однако я достаточно его знаю, чтобы предположить, что они у него дома. Никому другому он бы их не доверил. Парочка ключей на этом кольце смотрится заманчиво. Будто замки от сундука или сейфа. Я собираюсь войти и выйти одной и той же дорогой. Никто меня не увидит, и я вернусь до рассвета.

— Удачи.

— Спасибо. Надеюсь, она не понадобится. Простая работа по взлому и проникновению. Скоро увидимся.

Трой принял все возможные меры, чтобы не попасться никому на глаза на своем обходном пути к дому полковника. Слуги Мак-Каллоха по-прежнему в невольничьих комнатах, но в доме было темно. Трой наблюдал около часа, но не обнаружил в доме света или движения. Луна то скрывалась в облаках, то выныривала; он терпеливо дождался долгого периода темноты, а потом неслышно скользнул к двери. Нужный ключ он нашел почти сразу, отпер замок и вошел с револьвером наготове. В доме стоял запах затхлости и легкой гнили. Убедившись наверняка, что он один, Трой засунул револьвер за пояс и начал поиск.

Сейф он нашел меньше чем за час. Трой просто осматривал комнату за комнатой, пока не дошел до спальни. Тщательно задернув тяжелые шторы, чтобы с улицы не увидели света,

Трой для верности завесил их еще и одеялом, а затем зажег свечу и стал подбирать ключи к сейфу.

Внутри оказалось приличное количество денег, золотом и в банкнотах. А на дне — отдельный ящик. Только открыв ящик и достав сверток чертежей, Трой почувствовал облегчение. Последняя работа. Когда эти бумажки исчезнут, планы Мак-Каллоха будут разрушены окончательно.

Вынув чертежи, Трой заметил под ними книгу. Что полковнику так дорого в этой книге, хранившейся среди его самых больших сокровищ? Трой прочитал заглавие и похолодел.

Флетчер Пратт «Крещение огнем». Краткая история Гражданской войны. Пратт — вдохновитель планов Мак-Каллоха по изменению истории. Он и в самом деле сумасшедший — взять с собой такую книгу. Ее надо немедленно уничтожить вместе с чертежами. Однако в Трое выиграло любопытство. Последние слова Мак-Каллоха не шли из памяти. «Кто такой Джон Браун?» Он быстро перелистал книгу, заглянул в оглавление, в указатель в конце.

Упоминания о нападении на Харперз-Ферри не было. Имя Джона Брауна не упоминалось.

Все стало до ужаса ясно. Мак-Каллох был плохим учеником в школе, да еще вырос в Миссисипи — в штате, в котором самый низкий в Соединенных Штатах стандарт образования. Вполне вероятно, что в школе он ничего не читал о Джоне Брауне, а если читал, то забыл. Истории он не знал. Он верил в абстракцию, в мечту о прежнем Юге. Однако, чтобы изменить историю, ему нужно было прочесть побольше о самой войне. Для него, никогда ничему не учившегося, одной книги показалось достаточно.

И по странной иронии, гримасе судьбы, по непредугадаемому стечению обстоятельств и законов судьбы и случая ему попалась книга, в которой даже не упоминался Джон Браун и его трагическая роль в событиях последних месяцев, вызвавших войну.

Судорожным движением Трой разорвал книгу пополам. Отвратительная мысль, что невероятное открытие — машина времени — была протитуирована с такой низкой целью и человечком такого калибра. Хватит! С этим делом покончено, его надо закрыть и забыть.

Трой сорвал с постели наволочку, запихнул в нее чертежи и книгу и повернулся к сейфу. Что делать с деньгами? Никаких причин оставлять их тут. Наследников не найдется, день-

ги отойдут к штату Виргиния и пойдут на войну. Куда лучше, если они пойдут на движение аболиционистов.

Вытряхнув деньги в ту же наволочку, он захлопнул сейф и запер его.

Ключи пойдут на дно реки, чертежи и книга в огонь, и конец. Конец Мак-Каллоху, конец его планам. Конец попытке сохранить будущее за Конфедерацией.

Но веяли по-прежнему из будущего холодные ветры войны, хотя до нее еще восемнадцать месяцев. Еще много времени, чтобы проследить, хорошо ли сделана работа. С подтягиванием всей слабины и составлением окончательного доклада.

Глава 35

Только когда они добрались до Вашингтона, Трой почувствовал, как его отпускает темная волна напряжения. Они немного отдохнули, спуская деньги полковника, одевшись заново и пару раз устроив себе пир. За эти три дня Трой написал подробный доклад о всех своих действиях с момента прибытия и до настоящего времени. Был шанс, что доклад случайно обнаружат, так что он старался избегать конкретных имен и названий. Полковника он обозначил заглавной буквой М, а автомат «стен» — просто «оружие». Доклад получился тщательный и подробный, и Трой перечитал его с удовольствием. Задание выполнено, успешно завершено, и после отправки доклада по назначению Трой мог считать себя свободным. Он подписался Т.Х., поставил дату — 5 ноября 1859 года и запечатал доклад в бутылку.

Эксперименты у стеклодува показали, что невозможно запаять горлышко бутылки так, чтобы бумага не обуглилась. Трой положил доклад в бутылку из-под виски, плотно закрыл пробку и слой за слоем наложил сургуч. Не удовлетворившись этим, он поместил бутылку в массивный деревянный ящик и залил его смолой. Когда она застыла, ящик скрепили шурупами.

Ясным днем бабьего лета они отъехали к северу от города. Солнце припекало, листья обретали осеннее разноцветье. Трой хорошо помнил место, и вскоре после полудня они достигли скалы.

— Если бы ты мне сказал, что делаешь, я бы подменил тебя, — сказал Шоу.

Трой энергично вкапывался рядом со скалой, выбрасывая

землю, как роющий нору барсук. Он отер со лба пот, перевел тяжелое дыхание и ответил:

— Ладно, скажу, только сначала закончим работу. Мне нужно выкопать яму, вложить туда ящик и закопать ее раньше, чем кто-нибудь появится. Надо, чтобы ее никто не потревожил.

Шоу сменил его. Вкопаться в мягкую почву почти на два ярда не стоило особого труда и времени. Трой положил ящик на дно ямы и пристроил поаккуратнее. Ящик походил на маленький деревянный гроб. Для кого? Может быть, для независимого Юга из планов Мак-Каллоха? Трой бросил горсть земли. Конец Мак-Каллоху, и планам его конец. Задача выполнена, и доклад представлен.

Все. Он схватил лопату и обрушил в яму поток черной земли. Засыпали яму за пару минут, Трой утрамбовал холмик вровень с землей, а лишнюю землю сложил в захваченный для этой цели мешок. Когда же на свежей земле рассыпали опавшие листья, все следы работы были скрыты начисто. Трой показал на верхушку гранитной скалы:

— Вот сюда я прибыл. Этот скальный кряж не менялся столетиями. И в будущем он тоже не должен измениться. В один прекрасный день здесь построят лабораторию, а вокруг еще много домов. Я отправил туда доклад — в этой коробке, и моя работа окончена.

— Ты имеешь в виду, что в будущем эту коробку выкопают? — Трой кивнул. — И узнают, что случилось после твоей поездки во времени? Боже мой, Трой, ты весьма шепетильная личность. Когда твой доклад прочтут, ты уже много лет будешь покойником.

— Неважно. Я поступил, как обещал. Выполнил задачу и представил доклад.

— Я полагаю, у тебя не существует возможности явиться самому, держа доклад под мышкой?

— Никакой. Дорога была в один конец. Я это знал, когда шел, и не сожалею. Я сделал то, что считал нужным, и думаю, работа того стоила.

— Я полностью согласен, хотя сомневаюсь, что мог бы принять подобное решение. Но с этим ясно. Ты решил, что будешь делать дальше?

— Конечно, решил. Покину Юг и отправлюсь на Север, в Нью-Йорк. Это мой родной город, и мне очень любопытно взглянуть, на что он сейчас похож.

— Содом и Гоморра, — с отвращением произнес Шоу. — Целый мир, причем довольно противный. Самый продажный и порочный город в мире. Там каждый год если не чума, то бунт.

— Похоже на мой дом, — сказал Трой. — Хотелось бы посмотреть. Ты поедешь со мной?

— Разумеется. Ничего серьезного, пока не заживут раны, я все равно не планирую. Если мне все равно, где поправляться, почему бы не в море роскоши, которую предоставляет Маммона-на-Гудзоне. Но никаких лошадей. Поедем поездом.

Путешествие было медленным и грязным, в окна влетала жирная копоть и оседала повсюду. К Нью-Йорку они уже более чем созрели для того, чтобы схватить кеб, ехать в отель и принять горячую ванну. После трех дней обильной еды и сна до полудня Шоу решил, что сможет сидеть в седле. Они взяли напрокат лошадей в конюшне на Двадцать третьей улице Манхэттена, доехали до Хьюстона и на пароме переправились через Ист-Ривер. Если не считать отсутствия мостов, город показался Трою на удивление знакомым. Конечно, не было небоскребов и вместо машин всюду лошади, но улицы и здания Ист-Сайда очень похожи на те, которые ему помнились. Бруклин просто крольчатник из маленьких домов, и, пока они не доехали до Квинса, заметных изменений он не обнаружил. Дома уступали место фермам и извилистым проселочным дорогам. Они ехали спокойно, позавтракали в гостинице «Корона» и продолжили путь.

Через час Трой остановился на вершине холма и посмотрел вниз на деревню Ямайка у перекрестка дорог. Ее окружали фермы, а за ними болота и камыши Ямайского залива. Трой покачал головой.

— Я там родился, — сказал он, показывая вниз. — И там вырос. Там были маленькие домики, а там магистраль Ван-Вайка, а вон там — надземка вдоль Ямайка-авеню.

— Как ты сказал?

— Надземка, ну, знаешь, железная дорога, поднятая на эстакаду.

— Нет, не знаю, но идея интересная.

— Шумно очень. Зимой, когда открывают двери на станциях, чертовски холодно. И снег задувает. Робби, что мне тут делать? Я здесь чужак. — Вдруг в приступе расстройства Трой ударил лошадь каблуками. — Поехали в гостиницу, выпьем чего покрепче.

Шоу пустился в галоп, чтобы не отстать. Потом они за-

медлили ход и поехали рядом. Шоу поймал остановившийся взгляд Троя и понял, что тот видит не дорогу и не деревья вокруг, а навеки утраченный собственный мир, который уже никогда не увидеть наяву. Шоу положил свою руку поверх его на луку седла. Трой посмотрел на него, и глубина отчаяния в глазах друга показалась Шоу невероятной. Но на губах Троя мелькнула тень улыбки.

— Ты хороший человек, Робби Шоу, и я очень рад, что тебя встретил. Поехали в Манхэттен и развеемся. Закажем хороший обед и много-много бутылок вина. А потом в театр. Повеселимся и порадуемся, пока можно, потому что все это скоро кончится. Война на горизонте. Страшная война брата против брата, которая разорвет страну пополам. Так что повеселимся, тем более что и нам скоро расставаться. Надеюсь, мы встретимся снова, но не знаю, где и когда.

— Звучит окончательным приговором. А что ты собираешься делать?

— То, что умею лучше всего. Попробую записаться в армию. Надвигается война. И ничто ее не остановит. Ты и твои друзья аболиционисты вели мирную войну против рабства, но это время кончается. В скором будущем заговорят ружья.

И много времени пройдет, пока кончится война.

Глава 36

Первое июля 1863 года

Вода недавно закипела и, когда Трой вылил ее себе на руку, была еще горячей. Она обожгла открытую шрапнельную рану, и между обрывками мышц снова показалась кровь. Рана не глубокая, но болезненная. Трой стиснул зубы и стал ее чистить. Антибиотики, потраченные на раненых в этой многолетней войне, давно кончились, оставалась лишь кипяченая вода. Кусок бинта он тоже прокипятит и теперь обмотал им руку так, чтобы рана была закрыта. Это последнее усилие утомленного долгим боем организма совсем истощило его силы, и он оперся спиной о ствол дерева, прикрыл глаза и бросил руки на колени, застыв в полудреме. Перед глазами поплыли сбивчивые воспоминания.

Как быстро прошли годы — и как медленно. Так много случилось с тех пор, как он простился в Нью-Йорке с Робби

Шоу. Быстро выяснилось, что записаться в армию не так просто, как ему представлялось. Черные не требовались — только как денщики или землекопы. Он не смирился. Понадобился год тяжелой работы и изрядная толика денег полковника, чтобы создать в Бостоне первый негритянский батальон — Первый Массачусетский полк цветных добровольцев. Денег на пробивание идеи и на взятки отцам города ушло не меньше, чем на снаряжение. Но работа была сделана, а это самое главное. К началу войны они были готовы. И они воевали — и как воевали! — и погибали. Однако в добровольцах нехватки не было никогда. За два года боев сменилась половина личного состава. Погибали лучшие. Многие лица трудно уже вспомнить, и имена забывались. Трой клевал носом, полубессознательные мысли неслись по кругу.

— Сержант, я жаркое притаранил. Все больше бобы, но, если порежется как следует, можете надывать кусок крольчатины.

Голос разбудил Троя. Он проснулся и посмотрел на здорового парня с улыбкой до ушей — у того не хватало половины зубов. Трой улыбнулся в ответ, взял оловянную миску и полез в карман за ложкой.

— Спасибо, Лютер. Этого мне и не хватало. — Он настолько устал, что до этой минуты даже не осознавал, что и проголодался не меньше. Запустил ложку в миску и набрал полный рот бобов. Отлично! Когда это он последний раз ел? Сейчас и не вспомнить, в голове только воспоминания дневного боя. Похоже, что утром, лепешка и желудевый кофе. А с тех пор — ничего, кроме пуль и снарядов. Однако их много не съешь.

Вечер был теплым и темным. На холме горели костры армии Союза, сбегаящие вниз по холму по обеим сторонам Семетри-Ридж, — сигнальные огни ночи. Возле них отдыхали усталые бойцы, уцелевшие в дневной битве, готовили еду и старались не думать о завтра. Повернувшись спиной к ночи, они не глядели вдаль, туда, где далекие линии огней обозначали позиции конфедератов. И много же их собралось в эту ночь у маленького городка Геттисберга в штате Пенсильвания!

Лис мятежа, генерал Роберт И. Ли, по-прежнему жив после двух лет боев и по-прежнему нападал. А теперь лис оказался среди цыплят. Он привел на Север восемьдесят тысяч человек и перенес войну на территорию противника, за Вашингтон в Пенсильванию. Сегодня его здесь остановили. Он не разбит, но здесь, под Геттисбергом, его удалось остано-

вить. Войска Союза целый день дрались под плотным огнем артиллерии конфедератов, отбивая одну атаку серомундирных цепей за другой. Но они выстояли. Удержали, как Трой слышал, всю линию обороны. Но это словно бы другая, далекая битва. Его война шла здесь, в лесистых холмах и долинах, среди каменных скал и извилистых ручьев. Люди его полка, Первого Массачусетского полка цветных добровольцев, стояли, дрались — и победили. Нет, не победили, или победили не более, чем другой полк Союза в этот день. Но стоять, сражаться и удержать боевые порядки — это и была победа. Непрерывная победа с тех самых времен, когда все, включая офицеров, считали, что черные войска побегут.

Этого не случалось никогда. С самого начала войны они выдерживали все, что обрушивалось на них. Вражескую канонаду и штыковую атаку, дизентерию и вшей, презрение своих собственных офицеров и чувство превосходства белых солдат. И выдержали.

Трой доел бобы и отполировал миску дочиста, до последнего кусочка и капельки. Облизал ложку и спрятал в карман. Все в порядке. Раненые отосланы в тыл, продовольствие, что удалось найти, раздали. Фляжки у его людей наполнены, и утром надо проверить, чтобы их снова залили водой. Он делал для своих людей все, что было в его силах. Так, теперь проверить собственное снаряжение.

Он открыл ранец, и с обрамленной фотографии ему улыбнулась Лили. Он улыбнулся ей в ответ, теплея при воспоминании об их любви. Протер стекло куском ткани и аккуратно положил на место.

Когда он чистил винтовку шомполом, пришел посыльный.

— Капитан ждет вас в санитарной палатке, сержант.

— Уже иду. — Трой обратился к капралу по другую сторону костра: — Хэнк, закончишь за меня?

— Тебе это влетит в пятерку.

— Как только кончится война, так сразу. Не забудь напомнить.

Хороший парень Хэнк. Все ребята были хороши. Трой только потому и спросил, что знал: стоит ему отвернуться, и капрал немедленно дочистит винтовку. Они были боевой единицей, одной семьей — лучшие из всех бойцов, с которыми Трою пришлось служить. Братство.

Трой оправил мундир, застегнул пуговицы на воротнике,

постарался счистить пыль с нашивок старшего сержанта, повернулся и направился к палатке в ложине.

Он всегда считал палатки и дома Санитарной Комиссии США чем-то средним между Красным Крестом и фургоном маркитантки. Там помогали выхаживать раненых, занимались вопросами жалованья и пенсии, даже снабжали кое-какими мелочами, вроде иголок или мыла, которые облегчают быт солдата. Если Трой и считал, что правительство неблагодарно и ничего не делает для организации, предоставляя ей самой перебиваться частными пожертвованиями, он об этом никогда не упоминал. Палатки существовали, и его людям они нужны.

Капитан ответил на приветствие. Он говорил с двумя штатскими: с каким-то шатеном и пожилой женщиной, которые одновременно посмотрели на вошедшего сержанта.

— Сержант Хармон, перед вами представители Санитарной Комиссии Бостона, — сказал капитан. — Они собрали большую сумму денег специально для нашего полка, и мы им глубоко обязаны. Они скоро отбывают, но прежде хотят поговорить с кем-нибудь из личного состава.

— С вашего позволения, я несколько устала, — произнесла женщина. Это неудивительно, поскольку ее совершенно седые волосы и весь вид указывали на возраст никак не меньше восьмидесяти. В такие годы утомительно целый день трястись в фургоне. — Если вы, джентльмены, не возражаете, я посижу здесь до нашего отъезда. Я думаю, что сержант сможет ответить на мои вопросы.

— Разумеется, мэм, — сказал капитан. — Сержант, останьтесь, это не займет много времени. — Выходя, он подержал полог палатки перед штатским.

— Будьте добры присесть, сержант Хармон, — сказала женщина. — Нам нужно быстро обсудить весьма важные вопросы.

— Да, мэм, — ответил Трой, подтягивая складной стул. Чем короче будет разговор, тем лучше. До утра еще много работы.

— Ты меня не помнишь, Трой? — спросила женщина, и слова прервали его мысли. Он посмотрел на нее внимательнее.

— Извините, мэм. Ваше лицо мне знакомо. Однако простите, не могу вспомнить, где я вас видел.

— В Вашингтоне, — она улыбнулась. — Я чуть постарше, но все же это я. Роксана Делькур.

Он застыл и, будто закружилась голова, схватился за край стула. Доктор Роксана Делькур! Гость из другого времени,

другой эпохи. Заботы войны выбили из головы все воспоминания о Вашингтоне. Он привык к этому миру и даже забыл, что рожден в другом веке.

— Роксана! Черт меня побери, но это ты!

— Это я. Не та юница, которую ты знал, потому что мне почти восемьдесят пять. Но есть такие новые лекарства...

— Но тебе же не восемьдесят пять, я помню, тебе где-то пятьдесят пять. Не понимаю. И что ты здесь делаешь? Как ты меня нашла?

Возвращались давно забытые воспоминания, и вопросы рвались с цепи. Далекий мир, где жил он когда-то. Вашингтон, федеральный округ Колумбия, лаборатория за Окружной, машина, которая его сюда отправила. Как долго он о них не вспоминал! Тяготы войны, забота о выживании и о сохранении людей вытеснили все другие мысли. Теперь память возвращалась.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. — Ты же здесь не случайно. И еще... твои годы, ты прости... как-то сразу не доходит.

Она согласно кивнула:

— Извини за неожиданность. Но это был единственный способ. Мое время ограничено. Давай я тебе расскажу, что было после твоего отправления. Мы нашли твой доклад, за что тебе спасибо. Выкопали на следующее же утро. Когда взломали эту древнюю коробку и увидели пожелтевшую бумагу и выцветшие чернила, передать не могу, что с нами случилось. Прежде всего мы почувствовали необходимость помочь тебе. Мы все над этим работали не разгибаясь. Нам помог адмирал Колонн, он теперь в отставке, но все еще бодр. Передает тебе привет. И Боб Клейман тоже, прямо заставил меня пообещать, что я тебе передам. Предполагалось, что поедет сюда он, а не я. — По ее лицу пробежала тень. — Умер от рака десять лет назад. Если, конечно, можно говорить о времени столь субъективно.

На ее лице вдруг проступили все ее годы.

— Роксана, — ласково сказал Трой. — Спасибо тебе за то, что явилась. Что ты так обо мне заботаешься.

Она моргнула, посмотрела на него и улыбнулась в ответ:

— Кто-то ведь должен, правда? После твоего ухода исследования продолжались. В полном секрете. Но все правительство настолько напугалось возможных последствий, что почти полностью связало нам руки. Они просто не знали, что с нами делать. Особенно из-за ограничений на исследователь-

скую работу после Однодневной войны. А когда они узнали, что натворил Мак-Каллох, остановили всю работу на десять лет. Но в конце концов нам удалось продолжить программу. Мы почти тридцать лет улучшали машину. Как это странно звучит — тридцать лет прошло, как... как что? А для тебя только пять. Но мы смогли разработать средства, позволяющие путешествовать во времени и возвращаться.

Трой уже несколько совпал со своими мыслями и начал понимать, чего добились Роксана и ее команда. И зачем она поехала за ним и разыскала его в чужом времени.

— Ты имеешь в виду?..

— Именно это. — Она говорила таким тихим голосом, что он еле слышал. — Я пришла забрать тебя домой, Трой. Теперь это возможно. Это уже не дорога в один конец.

Трой вскочил на ноги и заходил по палатке, не в силах усидеть на месте. Невозможно, этого просто не могло быть. Но было. Неужто правда? Он обернулся:

— Вернуться — в когда? В то время, из которого я ушел? Или чуть позже?

— Позже невозможно, Трой. Или, если и возможно, мы не можем решиться на эксперимент. Мы так мало еще знаем о природе времени, хотя столько его изучаем... Я тебе говорила, что у нас тридцать лет заняла доработка машины, и в это время ты не вернулся. Следовательно, это невозможно. Но обратно мы можем вернуться вместе. В две тысячи пятнадцатом не так уж плохо. Хотя кое-что и изменилось.

Две тысячи пятнадцатый. Невообразимо. Что это за мир? Но почему-то ему не хотелось знать о нем.

— Но это не мой мир. Теперь, когда ты здесь, я понял, что мой мир, который я оставил, воистину исчез и для меня закрыт. Я его никогда не увижу, но к тому же не уверен, что сожалею об этом. Он еще не существует, а когда появится, я давно уже буду мертв. От места, в котором мы сейчас, он еще — далекое будущее, от того, куда ты вернешься, — далекое прошлое. Только пойми меня правильно: я страшно благодарен тебе за попытку мне помочь. Но я понял, что мой мир здесь. И эти люди — мой народ. Знала бы ты их, Роксана. Бедны, но как горды! Больше половины из них не знает букв, а один мальчишка даже помнит Африку и помнит, как его поймали работоторговцы. Они — моя семья. Спасибо тебе, Роксана, за то, что ты пришла, за все, что ты хотела для меня сделать. Но твой мир — уже не мой. А этот — мой. Я им нужен. И думаю, и они мне нужны.

Его лицо вдруг посуровело.

— И я не могу оставить их — это было бы дезертирством. Мы друг другу нужны уже завтра утром. Предстоит битва — великая битва, она будет поворотной точкой войны. Мы должны разбить врага. Никогда уже не восстанет Юг, не сможет собрать силы. Ты понимаешь?

Роксана кивнула головой и открыла сумку.

— Те, кто работал в проекте, не сомневались, что ты так и скажешь. Мы знаем тебя, Трой. Мы помним, как ты ушел сквозь время без надежды вернуться. Потому-то мы и считали, что обязаны дать тебе шанс. Тебе не интересно, как мы тебя нашли?

— Я не подумал об этом. А в самом деле, как? По армейским архивам личных дел?

Она покачала головой и вынула листок бумаги.

— Архивы оказались более чем бесполезны. Но мы знали, где ты, знали из твоего доклада, знали, что собираешься вступить в армию. А ты, наверное, помнишь, что это самая изученная война в истории. — Она передала ему листок. — Фотокопия страницы истории участия в этой войне негритянского полка. Прочти. Вот почему я пришла.

Трой внимательно и медленно прочитал слова из будущего — о настоящем. И его сердце забилося.

«...Поворотный пункт войны. Битва длилась три дня, и все негритянские батальоны несли сильные потери. Но они храбро сражались и удержали свои позиции. Особо следует отметить старшего сержанта Троя Хармона, который возглавил контратаку на Калис-Хилл, принесшую победу. Битву выиграли, но Хармон был смертельно ранен и скончался...»

Непослушными пальцами Трой вытащил из кармана спички. Чиркнул одну и поднес огонь к уголку бумаги, подержал, пока клочок полностью не загорелся, и выпустил.

Хриплым голосом Трой произнес:

— Не каждому выпадает привилегия прочесть собственный некролог.

Он тщательно растер пепел каблуком.

— Но ведь это не обязательно должно случиться, — сказала Роксана. — Пойдем со мной, все готово. Ты не обязан умирать.

— Не обязан? Но ведь написано, правда? Не стоит создавать временных парадоксов.

— Мы не знаем. В конце концов, ты и Мак-Каллох, вы оба прибыли из будущего, и похоже, что ничего не изменилось. Трой, я тебя умоляю. Не оставайся умирать. Вернись со мной...

— Нет, Роксана, ты же знаешь, что я не могу. Это дезертирство. Понимаешь, даже зная, что погибну, я не могу бросить своих людей. Не проси, пожалуйста. И не надо плакать.

— Я плачу? В самом деле, плачу. — Она улыбнулась сквозь слезы и промокнула глаза кружевным платком. — Все годы, что мы работали, я знала, что ты так ответишь. Но мы должны были. Ты особый случай, Трой Хармон. Ты не один, а целых два раза поступил так, что заставил меня гордиться принадлежностью к человеческой расе.

Они стояли друг против друга, Трой взял ее за руку и крепко пожал:

— Не беспокойся. Возвращайся спокойно домой и не волнуйся за меня. Помни, что мы еще встретимся. Если твоя машина хоть чего-то стоит, приезжай еще раз и расскажи мне, что все кончилось хорошо.

Снаружи приближались звуки голосов, и Трой заторопился:

— И не стоит беспокоиться о том, что случится завтра. Книга может ошибиться, потому что историю можно изменить.

— Не понимаю.

— Забудь ты мой доклад и вспомни школьные учебники истории. Помнишь нападение Джона Брауна на Харперз-Ферри? Помнишь. Что в учебниках по этому поводу написано? Уцелевшие схвачены и приговорены к смерти, верно? — Она кивнула. — А ты помнишь, что случилось с заводом? С оружейным, на острове?

— Который был взорван при нападении? Помню. После твоего доклада мы поняли, что это была твоя работа. Взрыв раз и навсегда разрушил планы Мак-Каллоха.

— Разрушил, верно. Но я по истории был в школе первым и точно помню, что в Харперз-Ферри не было разрушений. Нападавших схватили, а оружейный завод им взять не удалось. Это история, которую помню я. И вот еще что. На деньги Мак-Каллоха я за год до войны организовал батальон добровольцев-негров — вот был бы, кстати, ему сюрприз! Однако по моим учебникам черные батальоны впервые появились гораздо позже.

Она выпустила его руки и поднесла ладони к лицу, пораженная внезапной мыслью.

— Это значит, что история изменилась! Изменилась благодаря тебе. Значит, теория альтернативных миров справедлива! И события вызывают к жизни одну из параллельных взаимоисключающих реальностей!

— Верно. — Трой широко улыбнулся. — И не надо бы нам

стоять здесь держась за руки и мило трепаться, как старые друзья. Мы никогда раньше не встречались. Мы из разных миров. Я пришел из того мира, в котором негритянские батальоны появились только через год после начала войны. А здесь все не так. В моем мире нападение на Харперз-Ферри оказалось безрезультатным. А значит, мой доклад не был написан. Когда копали под скалой, ничего не нашли. А в твоём мире был взорван винтовочный завод. И доклад найден. И значит, я пришел в этот мир из параллельного мира, а не из твоего, мы вообще даже и незнакомы.

Теперь она тоже улыбнулась:

— И значит, ты можешь не погибнуть завтра. Я пришла, сказала тебе, и это могло изменить историю.

— Не только могло, но и изменило. Теперь, когда я предупреден, я уж точно постараюсь уцелеть.

— Но все равно ты можешь погибнуть...

— Шанс есть. Но на войне каждый из нас имеет шанс. Шанс возрос, когда я потратил оставшиеся антибиотики на своих людей. Но пока остался жив. Так что есть и шанс дожить до конца войны. Я на это надеюсь. Теперешняя жизнь во многом ужасна, но это моя жизнь. Я хочу увидеть конец войны и тот мир, который наступит потом.

Откинулся полог, и вошел капитан. Трой вытянулся:

— Я должен вернуться к своим людям, сэр.

— Мисс Делькур с вами закончила?

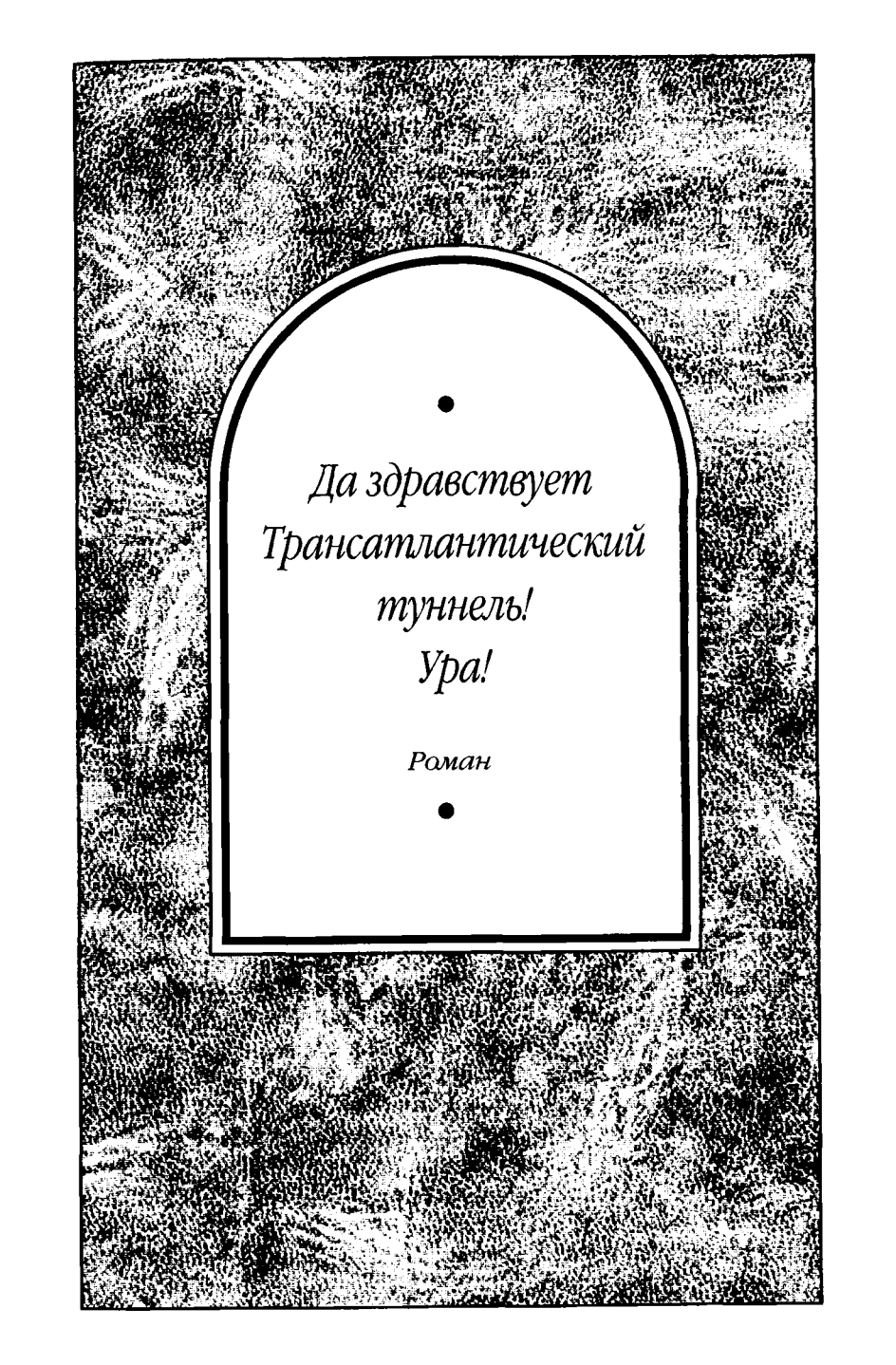
— Да, капитан, спасибо. Беседа с сержантом меня весьма просветила. Он много рассказывал о работе, которой мы здесь занимаемся, и теперь я вернусь и доложу об успехе наших усилий.

— Спасибо, мэм, — сказал Трой. — Передайте вашим сотрудникам благодарность за все, что они для нас делают.

— Обязательно передам, сержант, заверяю вас.

Трой отдал честь, повернулся и вышел в ночь. Ярко горели на небе звезды, и поблескивали внизу сторожевые костры. Шел год тысяча восемьсот шестьдесят третий, и, несмотря на войну, несмотря на возможную гибель, хорошее было время для жизни.

Как весело насвистывал старший сержант Трой Хармон, шагая к своему батальону в канун решающего дня битвы под Геттисбергом!

•

*Да здравствует
Трансатлантический
туннель!
Ура!*

Роман

•

КНИГА I

ВОССОЕДИНЕНИЕ МАТЕРИКОВ НАЧИНАЕТСЯ

Глава 1

Срочное послание и опасный момент

Отходивший от Паддингтонского вокзала «Летучий Корнуоллец» с виду мало чем отличался от других поездов. Возможно, убранство выглядело чище и новее; золотые кисточки, обрамлявшие подушки сидений в вагоне первого класса, даже придавали ему некоторую роскошь, но все это было не более чем декоративными ухищрениями. То, что разительно выделяло этот поезд среди остальных в Англии — а значит, и во всем мире, — отнюдь не так бросалось в глаза, как его огромный золоченый локомотив, медленно выбиравшийся на свой маршрут из лабиринта рельсов и стрелок сортировочных станций, туннелей и мостов. Здесь полотно дороги было обычным, пользоваться им могли любые поезда. Истинное отличие стало выявляться позднее, когда угловатый локомотив, волоча за собой длинный цилиндр вплотную прижатых друг к другу вагонов, нырнул глубоко под Темзу и вынырнул в Суррее. Тут уж полотно пошло иное — одна-единственная колея из последовательно сваренных рельсов с лежащими на специальной подушке шпалами, спрямленная и выглаженная куда основательнее, нежели какая-либо из прежде существовавших; отблескивая в глубоких выемках, пробивших четкий канал через меловые холмы, выбрасывая стрелы приземистых железных мостов над ручьями и реками, этот тщательно выверенный путь даже на поворотах, подъемах и спусках лишь едва-едва отклонялся от безупречной прямой. Скорость быстро все объяснила — поезд равномерно разогнался до тех пор, пока окрестные поля и деревья не замелькали, словно летящие мимо зеленые пятна; лишь вдаль можно было еще различить

кое-какие детали, но и они стремительно ускользали назад и исчезали едва ли не сразу, как их ловил взгляд.

Альберт Дригг занимал целое купе и был этим весьма доволен. Он знал, что поезд совершает ежедневные рейсы в Пензанс и обратно уже без малого год и с ним никогда ничего не случалось, но знание было чисто теоретическим. Другое дело — испытать на себе. От Лондона до Пензанса 282 мили, и это нешуточное расстояние должно быть покрыто за два часа пять минут — значит, средняя скорость, с учетом остановок, намного превысит 150 миль в час. Можно ли было думать, что такое станет доступно? В глубине души Альберт Дригг сильно подозревал, что нет. Нет — даже теперь, в 1973 году по христианскому летосчислению, когда империя, оставаясь непоколебимой, старательно обновлялась и шла в ногу со временем. Дригг сидел прямо будто аршин проглотил, так что на его черный костюм и черный жилет не набегало ни морщинки — сияет жесткий белый воротничок, блестящий кожаный портфель лежит на коленях; и никаких признаков эмоций. Туго свернутый зонтик и черный котелок, лежавшие в багажной сетке наверху, выдавали в нем горожанина, а жители города Лондона не склонны к публичному проявлению чувств. И тем не менее Дригг все же вздрогнул слегка, когда дверь открылась на своих бесшумных роликах и жизнерадостный голос явного кокни предложил:

— Чай, сэр, чай!

Полтора миль в час — если не больше! — а чашка стоит себе на полочке у окна, и чай льется в нее спокойно и ровно.

— Это будет три пенса, сэр.

Дригг вынул из кармана шестипенсовик, не обращая внимания на благодарный лепет, — но пожалел о своей щедрости, стоило двери закрыться. Немудрено было утратить присутствие духа, дав чаевые с подобным великодушием, однако Дригг утешился тем, что сможет провести их как накладные расходы, поскольку совершает поездку по делам компании. А чай был хорош — свежий и горячий, он очень благотворно сказался на нервах. Виски сказалось бы еще благотворнее, Дригг понимал это; он уже нажал было кнопку электрического звонка, чтобы вызвать официанта, но тут вспомнил о салон-вагоне, снимки которого мелькали на страницах «Таглера» и «Пэлл-Мэлл газетт». Посещали его, однако, весьма немногие. Дригг допил чай и поднялся, запихивая излишек цепочки в рукав. То, что портфель намертво прикован к его

запаястью, раздражало его, так как выдавало ущербность его джентльменства; но посредством тщательного маневрирования ему удалось скрывать цепочку от посторонних глаз. Салон-вагон — вот что ему нужно!

Ковровая дорожка в коридоре утонченно контрастировала своим глубоким золотым цветом с алым маслянистым блеском панелей красного дерева. Чтобы добраться до цели, Дриггу надо было пройти еще один вагон, но у него не было ни малейшей нужды сражаться с непокорными дверьми, как то было бы в обычном поезде, — стоило подойти, некие невидимые приспособления ощущали его приближение, и двери проворно отворялись под музыкальное гудение упрятанных электрических моторов. Разумеется, идя по коридору, Дригг ни разу не заглянул в окна купе, но уголками глаз на мгновение улавливал то изящно одетых мужчин и элегантных, принаряженных женщин, то спокойно сидящих за книгой детей — и лишь однажды внезапный громкий лай заставил его непроизвольно покоситься. Два джентльмена, явно из провинции, сидели, задрав ноги, и опорожняли стоявшую между ними бутылку портвейна, в то время как с полдюжины охотничьих собак всех пород и размеров увивались вокруг, ища внимания хозяев. Вскоре Дригг оказался в салон-вагоне.

Никаких автоматических приспособлений — только индивидуальное обслуживание на высочайшем уровне. Громадная резная дверь с массивными латунными ручками; бой в похожей на коробочку для пилюль кепке и униформе с двумя рядами пуговиц, бросавшихся в глаза ярким блеском. Бой приветствовал Дригга и потянул за ручку двери.

— Добро пожаловать, сэр, — чирикнул он, — в Большой салон-вагон железной дороги Лондон — Край Земли.

Теперь, увидев салон во всем его великолепии, Дригг понял, что газетные фотографии несколько грешили против истины. Ощущения того, что находишься в вагоне поезда, не было напрочь; обстановка напоминала скорее закрытый клуб. С одной стороны были громадные, прозрачные как хрусталь окна, от пола до потолка обрамленные алым бархатом штор, а перед окнами выстроились столики, за которыми клиенты железной дороги могли сидеть, коротая время в созерцании проносящихся мимо сельских красот. Напротив тянулся переполненный бутылками бар; изящное ограненного стекла зеркало позади удваивало их шеренги. Справа и слева от стойки бара находились оконца, изысканный вкус конструктора

оснастил их цветными стеклами, сквозь которые солнце рисовало на ковре непоседливый разноцветный узор. Лики святых, конечно, были бы здесь неуместны; их заменили лица отцов-основателей железнодорожного транспорта, таких, как Стефенсон и Бранел, — сильных, прозорливых мужчин с компасами и картами в руках. По сторонам их окаймляли изображения вошедших в историю машин: от паровика капитана Дика¹ и крохотной стефенсоновской «Ракеты» с левого края до — через многие времена и эпохи — могущественнейшего атомного «Дредноута», тянувшего сейчас поезд Дригга. Дригг сел у окна, укрыв портфель под столиком, и велел принести виски; неторопливо он делал маленькие глоточки и с удовольствием прислушивался к веселой незатейливой мелодии, которую наигрывал на фисгармонии улыбающийся музыкант в дальнем конце вагона.

Поистине, это было восхитительно, и Дригг смаковал каждый миг, мысленно уже видя, как от почтения отвисают челюсти и безмолвно вытаращиваются глаза приятелей, когда, вернувшись, он будет рассказывать о поездке в хэмпстедской «Голове короля». Еще до того как с первой рюмкой было покончено, поезд плавно остановился на станции Солсбери, и Дригг с одобрением проследил, как внезапно появившийся полицейский шуганул с платформы стайку глазастых мальчишек в школьных курточках, остолбенело разглядывающих вагоны. С чувством выполненного долга офицер вскинул руку, приветствуя проезжающих, а затем величественно и решительно двинулся по делам дальше. Вновь «Летучий Корнуоллец» устремился в путь, а Дригг вместе со вторым виски заказал порцию сандвичей и ел их до предпоследней остановки в Эксетере; он едва успел с ними разделаться, как поезд уже замедлял ход, приближаясь к Пензансу, — и со шляпой и зонтом пришлось поторопиться.

Как только состав подошел, у локомотива выстроился караул — кряжистые невозмутимые солдаты из аргайлльских и сазерлендских горцев, выглядевшие весьма представительно в своих темных килтах и белых гетрах; особое впечатление производили их неизменные винтовки системы Ли-Энфилда с примкнутыми штыками. За караульными громоздилась золотистая туша «Дредноута», самого удивительного и, возможно,

¹ Имеется в виду первый в мире паровоз, сконструированный Ричардом Треветиком. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

самого мощного механизма в мире. Несмотря на срочность своей миссии, Дригг, как и все прочие пассажиры, замедлил шаги, не в силах пройти равнодушно мимо блестящего вытянутого корпуса. Черные ведущие колеса были высотой с Дригга; шатуны, толще, чем его нога, уходили внутрь пузатых цилиндров, истекающих белыми клубами пара. Внизу, у ходовых механизмов, локомотив был окрашен невзрачно, но сверху весь его корпус сиял ничем не затуманенным золотым сиянием, точно сгусток солнечного света; четырнадцатикаратное золочение при таких-то размерах — поистине королевские траты. Но солдаты стояли здесь, охраняя отнюдь не золото, хотя это выглядело бы естественно, а двигатель, упрятанный в недрах гладкого бесшумного монолитного панциря. Атомный реактор, как заявляло правительство, плюс кое-что еще, однако что именно еще — умалчивало. И выставило у механизма охрану. Любое из германских государств не пожалело бы годового дохода казны за этот секрет, а те шпионы, которые уже были схвачены, работали, по слухам, на короля Франции. Солдаты строго поглядывали на проходящих, и Дригг ускорил шаги.

Офисы располагались в здании станции, наверху, и лифт быстро поднял Дригга на четвертый этаж. Он был уже у двери администраторской, когда она открылась и появился человек, землекоп с виду; кто, кроме дорожника-землекопа, наденет эти сапоги до колен — именно про такие и говорят «не ладно скроены, да крепко сшиты» — с этими зелеными брюками рубчатого плеса? Рубашка из крепкого холста, поверх нее — когда-то цветастый, но немилосердно перемазанный жилет, на бычьей шее — кричащий платок. Землекоп придержал дверь, но заступил Дриггу путь, пристально вглядываясь в него своими светлоголубыми глазами, казавшимися поразительно ясными на темно-коричневом от загара, с задубевшей кожей лице.

— Вы — мистер Дригг, не так ли, сэр? — быстро спросил он, не давая Дриггу возможности возмутиться его поведением. — Мне доводилось видеть вас на торжественном открытии т'станции и на других официальных т'мероприятиях.

— Если вам угодно.

Мощная мускулистая рука все еще перекрывала вход, и, судя по всему, Дригг мало что мог с нею поделать.

— А, вы еще не знаете меня. Я Боевой Джек, сменный начальник, подчиняюсь непосредственно капитану Вашингтону. Если вы его хотите видеть, то его здесь нет.

— Да, я именно его хочу видеть, и дело не терпит отлагательств.

— Только вечером, после смены. Тогда капитан поднимается из т'забоя. Но никаких посетителей. Если у вас в портфеле письма, я отдам их за вас.

— Невозможно. Я должен передать лично.

Дригг достал из жилетного кармана ключ и, провернув его в замочке портфеля, сунул руку внутрь. Там лежал один-единственный льняной конверт, и Дригг тотчас бросил его обратно, дав собеседнику заметить лишь наверхие золотого геральдического шлема, оттиснутого на одной из сторон.

— Маркиз?

— Никто иной. — Голос Дригга не был лишен толики тщеславного удовольствия.

— Что ж, тогда идемте. Но вам придется надеть спецодежду — в том забое без нее мерзковато.

— Послание должно быть доставлено.

Начальника смены дожидался «подкидыш» — кургузый электрокар с прицепной вагонеткой, груженной доверху заполненными ящиками. Электрокар тронулся, стоило им забраться на площадку позади машиниста. Миновали город, проскочили холмы и нырнули в черный туннель, освещенный лишь едва-едва тлеющими плафонами, — и Дригг невольно вцепился в поручни, боясь, как бы одним из толчков его не сбросило в темноту. Затем опять оказались на солнце и несколько сбросили ход, потому что впереди показалась пасть второго туннеля. Она была грандиозной; гранитные блоки облицовки и мраморные колонны, выполненные в дорическом стиле, поддерживали мощную перемышку. Четко вырезанные на ней слова заставили горло Дригга сжаться от волнения, несмотря на многие годы сотрудничества с компанией.

«ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ТУННЕЛЬ», — гласили они.

Трансатлантический туннель! Что за гордый порыв! Магия этих двух слов подействовала бы и на менее чувствительного человека, чем Дригг, и, хотя за внушительной внешней конструкцией скрывалось пока не более мили туннеля, они все равно вызывали трепет. Воображение вело дальше — пронзало землю, ныряло под моря, молниеносно оставляло позади тысячи миль под темными водами океанских бездн, чтобы вновь вырваться к солнцу в Новом Свете.

Огни бежали назад все медленнее и медленнее, пока «под-

кидыш» наконец не остановился перед бетонной стеной, запечатавшей туннель, словно гигантская пробка.

— Последняя остановка. Теперь — за мной, — произнес Боевой Джек и с легкостью, необыкновенной для человека его комплекции, перемахнул через борт. — Доводилось ли вам бывать в т'туннеле прежде?

— Никогда.

Дригг уже готов был признать свою беспомощность в этом чуждом мире. Взад и вперед сновали какие-то люди, обменивались друг с другом ничего не говорящими постороннему фразами; металл с лязгом бил о металл, и где-то высоко, под сводом туннеля, эхо вторило этому лязгу; ничем не прикрытые, свисающие на проводах лампы освещали дантовскую картину неизвестных Дриггу машин, узкоколеек и вагонеток, какого-то непонятного оборудования. И Дригг повторил:

— Никогда.

— Вам не о чем беспокоиться, мистер Дригг. Здесь вы в такой же безопасности, как дома, если будете делать что надо и когда надо. Я проработал на дорогах и в туннелях всю жизнь и, если не считать поломанных ребер, треснувшей черепушки, перелома бедра и одного-двух шрамов, свеж как майская роза... За мной, за мной!

Возможно, убежденный этими сомнительными доводами, Дригг вслед за сменным прошел через стальные двери в бетонной переборке, и они медленно с громом сомкнулись. Мужчины оказались в небольшой комнате — скамейки по центру, шкафчики для вещей вдоль одной из стен. Внезапно раздалось шипение; где-то вдали глухо зашумели насосы, и Дригг почувствовал, как у него заложил уши. Боевой Джек перехватил его испуганный взгляд.

— Это воздух! Сжатый воздух, и только. И всего каких-то паршивых двадцать фунтов. Могу вас заверить как человек, которому доводилось работать при шестидесяти и больше, вы их и не заметите, когда окажетесь внутри. Теперь выходим. — Он вытащил из шкафчика защитный комбинезон и, резко встряхнув, расправил его. — Этот достаточно велик, чтобы вы могли натянуть его поверх костюма. А ваш чемоданчик я подержу.

— Не снимается. — И Дригг на глазах у сменного вытряхнул из рукава спрятанную часть цепочки.

— И ключа нет?

— У меня — нет.

— И не надо.

Сменный выхватил здоровенный складной нож, причем быстрота и точность движений неопровержимо доказывали, что ему не раз приходилось делать это во всякого рода чрезвычайных ситуациях; наружу прыгнуло длинное отблескивающее лезвие. Сменный шагнул вперед. Дригг попятился.

— Неужто вы подумали, что я собираюсь отрезать вам руку, сэр? Я собираюсь лишь чуток попортняжничать.

Одним движением он распорол рукав от запястья до подмышки, другой рывок лезвия вскрыл комбинезон по боку. Затем сложенный нож вернулся на место, а Дригг надел изувеченный балахон; портфель прошел в прореху без всяких затруднений. Тем временем Боевой Джек разрезал еще один комбинезон — судя по всему, он относился к собственности компании с рыцарственной щедростью — и натуго обмотал им распоротый рукав. И только с этим было покончено, как насосы смолкли и открылась другая дверь, в дальнем конце кессона; в нее заглянул оператор и, увидев Дригга в его котелке, коснулся лба ладонью. Сцепка из небольших открытых платформ выползла из стальных ворот переборки, и Боевой Джек, как-то по-хитрому сложив губы, издал свист, от которого у Дригга едва не лопнули уши. Водитель оглянулся на звук со своего приземистого электрокара и вырубил ток.

— Это Кривой Конро, — доверительно сообщил Боевой Джек Дриггу. — В заварухах — страшный человек, кулаки у него чешутся постоянно. Старается сравнять счет; видите ли, ему-то кое-что уже выбили.

Конро пристально посверкивал на них своим единственным покрасневшим глазом, а когда они вскарабкались на кар, тронул сцепку вперед.

— Ну, как оно там? — спросил Боевой Джек.

— Песок. — И Кривой Конро сплюнул ком табачной жвачки во тьму. — Все еще песок. Мокрый! Над кровлей сплошной кисель, и мистер Вашингтон сбросил давление, чтобы ее не выбило, — так теперь на грунте полно воды, и все помпы в работе.

— Это все давление воздуха, понимаете? — принялся объяснять Дриггу Боевой Джек, будто бы посланца это и впрямь интересовало. Тому же было вовсе не до технических подробностей. — У нас над головами т'океан, десять, а то и двадцать саженей океанской воды, которая так и рвется сквозь песок вниз, к т'нам, понимаете? Так мы поднимаем давление, чтобы держать ее там, где следует. Но поскольку диаметр туннеля — тридцать футов, возникает разница в давлении под кровлей и

у грунта, вот в чем загвоздка. Если мы держим такое давление, чтобы под т'кровлей все было тип-топ, вода начинает сочиться через т'грунт, где ее давление выше, и нам впору плавать. Но, заметьте, если мы решаемся поднять давление так, чтобы блокировать воду на т'грунте, получается перебор под т'кровлей, и ее вполне может прорвать до самого дна океана, а тут уж вся вода в мире хлынет нам на головы... Да вы не думайте об этом.

Дриггу ничего другого и не оставалось. Он обнаружил, что по какой-то необъяснимой причине руки его начали дрожать, и ему пришлось плотно обмотать цепочку вокруг запястья — иначе она бы звенела. Очень скоро сцепка начала замедлять ход, и впереди, совсем рядом, показался конец туннеля. Громоздкий металлический щит разделял рабочих и нетронутую плоть земли, и он же давал возможность вгрызаться в нее через закрывающиеся дверцами отверстия, пронизывающие сталь. С воем и грохотом работали буры, а механические черпаки под ними заглатывали разрыхленный грунт и перегружали в стоящие наготове вагоны. Хаос здесь был просто адский, но даже Дригг своим неискушенным взглядом вскоре заметил, что работа идет слаженно и продуктивно. Боевой Джек спустился с электрокара, Дригг сошел следом; они подошли к щиту и, миновав пролет металлической лестницы, поднялись к одному из отверстий.

— Побудьте здесь, — велел сменный, — я приведу его.

У Дригга не было ни малейшего желания идти за ним, он и без того изумлялся своей верности компании — верности, заведшей его так далеко. Между ним и растревоженным телом планеты, которое точила ниточка туннеля, оставались считанные футы.

Серый песок и плотная глина. Черпалки перемалывали их и ссыпали в машины, ждущие внизу. Было нечто зловещее, нечто пугающее во всем этом действе, и Дригг заставил себя перевести взгляд на Боевого Джека, который разговаривал с высоким мужчиной в одежде цвета хаки и высоко зашнурованных инженерских ботинках. Только когда мужчина повернулся, показав в профиль свой классический нос, Дригг сообразил — это и был капитан Огастин Вашингтон. Прежде Дригг видел его лишь в офисах и на собраниях правления и не смог сразу признать в этом здоровяке инженере того прекрасно одетого джентльмена. Но все правильно — не в цилиндре же ему здесь ходить.

Раздалось нечто среднее между воплем и визгом, и все

взгляды разом устремились в одном направлении. Один из землекопов указывал на темную поверхность песка перед собой — она морщилась, вдавливаясь в щит.

— Прорыв! — крикнул кто-то.

Дригг ничего не понимал, но видел: случилось что-то ужасное. Все происходило стремительно и нелепо, люди растерянно сутились, а песок морщился, шевелился, а потом лопнул, и с оглушительным свистом в песке разверзлась дыра в добрых два фунта шириной. Ветер налетел на Дригга, болезненно ударил его по барабанным перепонкам, и посланец с ужасом понял, что его затягивает прямо в зияющую пасть. Он вцепился в металл, все его тело свела судорога при виде того, как ветер этот сдувает со щита тяжелые доски и они летят, раскалываются в щепы, пропадают...

Какой-то землекоп, спотыкаясь и сгибаясь под напором засасывающего вихря, приблизился к месту прорыва с кипой соломы в сильных руках. Это был Боевой Джек; он выходил на битву против того, что, возникнув так внезапно, грозило уничтожить всех. Кипу буквально вырвало у него из рук, стоило лишь ее поднять. Она ударилась о края пробоины, сплюснулась, на мгновение застряла — и исчезла.

Боевой Джек корчился, пытаясь найти опору и выбраться из опасной зоны; руки его тянулись к стальной переборке. Его пальцы почти касались ее, но так и не достали. С ревом, полным скорее досады, нежели страха, он раскачивался издевательски близко от цели, а затем его поволокло назад, оторвало от земли и головой вперед втянуло в пробоину.

Одно нескончаемое жуткое мгновение он держался там, как пробка в бутылке, и его дергающиеся ноги были еще в туннеле.

Затем он пропал из виду, и воздух опять засвистел и завыл без помех.

Глава 2

Важное решение

Потрясенные быстротой трагедии, все землекопы — не говоря уже об Альберте Дригге — стояли, оцепенев от ужаса. Хотя жизнь, полная грубой работы и испытаний, несчастных случаев и неожиданных увечий, давно стала привычной для этих сильных людей — даже они были напуганы. Лишь один

человек сохранял присутствие духа и был в состоянии двигаться, действовать, расшевелить оцепеневших от страха рабочих.

— Ко мне! — крикнул капитан Вашингтон, рванувшись к блоку крепежных бревен, приготовленному как раз на такой случай. Это было нечто вроде напоминающего створку двери щита высотой в рост человека, собранного из толстых досок, болтами посаженных на мощные бревна. Казалось, один человек не в силах и пошевелить такую махину, но Вашингтон, ухватив щит за край, напрягся и продвинул его вперед на добрых два фута.

Это подтолкнуло остальных. Сомкнувшись вокруг Вашингтона, очнувшиеся землекопы ухватили блок, подняли и поволокли вперед. Затем поток воздуха вырвал его у них из рук и отверстие захлопнулось; пробоина наконец была перекрыта. В щелях между досками воздух еще свистел всюду, но бешеный напор его сник. Вашингтон четко распоряжался; землекопы, спеша, старались окончательно обуздать стихию, в то время как над ними из главного отверстия в туннельном щите показался странный механизм, приводимый в движение равномерно работающими гидравлическими цилиндрами. В нем было что-то от орудийной башни военного корабля, только вместо пушки из него торчали четыре длинные трубы с буровыми головками на концах. Они уткнулись в песок над пробоиной, и оператор запустил двигатель; головки завертелись. Буры стремительно погрузились в мягкий песок, и, как только башня вплотную прижалась к его поверхности, бурение было прекращено и открылись клапаны. Башня мгновенно покрылась коркой льда.

Тем временем дюжий землекоп топором прорубил отверстие посредине деревянного щита напротив пробоины. Последовавший за этим воздушный удар был так силен, что топор вырвало у землекопа из рук и утянуло в дыру. Землекоп с усилием отступил назад, смеясь и держа руки так, чтобы товарищи видели кровоточащие ссадины на ладонях, оставленные топорищем, когда вихрь, одолев мертвую хватку рук, вырвал его топор. Едва он успел посторониться, в проделанное им новое отверстие был введен раструб толстого шланга, и закотал насос.

В считанные секунды насадный свист рвущегося наружу воздуха стал замирать. Лед сковал теперь влажный песок, в котором произошел прорыв; знобкая волна холодного воздуха

прошла над головами людей. Когда движение воздуха полностью прекратилось, Вашингтон приказал остановить насосы, и от внезапной тишины у землекопов зазвенело в ушах. Не сразу они обратили внимание на звук телефонного зуммера — это капитан Вашингтон крутил ручку полевого телефона.

— Немедленно дайте мне радиосвязь с кораблем.

Все теперь напряженно следили за Вашингтоном, который, когда связь была установлена, резко бросил одно лишь слово:

— Докладывайте.

Потом он слушал и кивал. Потом, обратившись наконец к затаившим дыхание землекопам, сообщил:

— Он в порядке. Жив и здоров.

С радостными криками они принялись бросать кепки в воздух, но тут же замерли, когда Вашингтон поднял руки, требуя тишины.

— Когда произошел прорыв, они увидели его признаки на поверхности — грязевой выброс и фонтан высотой в сорок футов. Затем они рискнули приблизиться, насколько возможно, к точке выброса — вода там буквально кипела — и были как раз над нами, когда появился Боевой Джек. Его, как там говорят, подбросило в воздух, и они подобрали его почти сразу, как он упал обратно. Он был без сознания, но телесных повреждений не получил и, когда пришел в себя, начал ругаться, еще не открыв глаза. А теперь за работу, парни; сегодня мы должны пройти еще двенадцать футов.

Как только работа вошла в обычную колею, капитан Вашингтон повернулся к Дриггу и крепко пожал ему руку.

— Мистер Дригг, не так ли? Личный секретарь маркиза?

— Да, сэр, и секретарь правления к тому же.

— Вы застали нас в напряженный момент, мистер Дригг, и я надеюсь, вы не слишком встревожены. В туннельном строительстве есть свои сложности, которых не всегда удается избежать. Но, как вы видели, они отнюдь не являются непреодолимыми, надо лишь быть наготове. По океаническому дну над нами проходит складка, так называемая синклиналь; вряд ли больше чем пять футов песка отделяет нас от воды. Возможность прорыва здесь сохраняется постоянно. Но экстренная закупорка и применение фиксатора Гауэна быстро прекращают пробойну.

— Боюсь, это выше моего понимания, — сказал Дригг.

— Отнюдь нет. Механика проста. — По мере того как ка-

питан Вашингтон продолжал свои объяснения, в глазах его засверкала подлинная увлеченность. — Поскольку песок над нами насыщен водой, сжатый воздух, которым мы нейтрализуем водяное давление, продул отверстие до самого морского дна. Отверстие временно перекрыли деревянной заглушкой, а там подоспел фиксатор Гауэна. Эти сверла полые, и, как только они вошли на всю длину, началась закачка жидкого азота. Эта жидкость имеет температуру 345,5 градуса ниже нуля¹ и мгновенно замораживает все, с чем соприкасается. По трубе, которую вы видите вон там, был подан густой раствор жидкого грунта, который, замерзнув, отвердел и закупорил пробойну. Мы будем поддерживать его в этом состоянии, пока не выйдем из опасной зоны и не установим здесь стальные секции туннельной обшивки. Все хорошо, что хорошо кончается, — у нас все кончилось как раз так.

— Действительно, кончилось хорошо, и для вашего начальника смены тоже. Очень удачно, что корабль был близко.

Прежде чем ответить, Вашингтон смерил собеседника пронизывающим взглядом.

— Здесь нет никакой случайности, и я уверен, вы это знаете. Если не ошибаюсь, последнее письмо директоров, где мое внимание обращается на неоправданность расходов по содержанию корабля на стационарном дежурстве, шло за вашей подписью?

— Это так, сэр, но это подпись лишь составителя текста, не более. Решать подобные вопросы я никоим образом не уполномочен и всего лишь довел до вашего сведения мнение директоров. Но, если вы позволите, я дам полный отчет о том, что видел сегодня, и обязательно подчеркну, что благодаря вашей предусмотрительности была спасена человеческая жизнь.

— Человеческую жизнь, мистер Дригг, спасла правильная организация работ.

— Предусмотрительность, сэр, я настаиваю. Она заключается в том, что вы ставите жизнь человека выше денег. Я скажу именно это, и вопрос будет решен раз и навсегда.

Вашингтон, казалось, был несколько смущен теплыми нотками в голосе Дригга и постарался побыстрее сменить тему разговора.

¹ Имеется в виду — по шкале Фаренгейта. По Цельсию это примерно 21° ниже нуля.

— Я заставил вас ждать слишком долго. Дело у вас, должно быть, весьма важное, коль скоро вы лично проделали такой путь.

— Всего лишь бумага, если вам угодно.

Дригг отомкнул замочек портфеля и вынул лежавший внутри одинокий конверт. Увидев золотой геральдический шлем, Вашингтон приподнял брови, затем быстро разломал печать и прочел письмо.

— Вы осведомлены о том, что тут говорится? — спросил он, поигрывая сложенным листом бумаги.

— Я знаю лишь, что маркиз написал письмо лично, а на словах поручил мне любыми средствами способствовать вашему возвращению в Лондон по делу известной важности. Нам следовало бы отбыть теперь же.

— Стоит ли? Ближайший прямой до Лондона уходит в девять и прибывает уже после полуночи.

— Напротив, — сказал Дригг с улыбкой. — Для вас подготовлен спецрейс «Летучего Корнуолльца», и поезд, я полагаю, уже ждет.

— Это настолько срочно?

— Это крайне срочно. Его Светлость дал мне это понять достаточно определенно.

— Что ж, подчиняюсь. Но я должен пере...

— Простите, я перебыю. Полагаю, соответствующие распоряжения были также переданы главному портье вашего отеля. Ваши вещи упакованы и ждут вас в поезде.

Вашингтон кивнул; решение было принято. Повернулся и возвысил голос, перекрыв нарастающий шум:

— Балхэд! Вы будете начальником смены, пока Боевой Джек не вернется. Не замедляйте работ.

Больше здесь нечего было делать. Вашингтон повел Дригга обратно через щит к электрокару, которым решил вернуться. На нем они доехали до самой переборки и прибыли как раз в тот момент, когда Боевой Джек вышел им навстречу из дверей кессона.

— Черт меня возьми, если я захочу проделать это опять! — рявкнул Джек. Его одежда все еще была мокрой насквозь, на голове и на плечах красовались кровоподтеки — следы путешествия сквозь морское дно. — Вышибло, как пробку, — вот что у меня в голове колотилось напоследок. Тут сразу — будто выстрел, все почернело... а после только и помню — что смот-

рю я на т'небо и на лица каких-то мерзопакостных грешников и не могу сообразить, на т'небесах я или еще где.

— Ты рожден, чтобы быть повешенным, — спокойно сказал Вашингтон, — так что утонуть тебе не суждено. Теперь возвращайся в забой и присмотри, чтоб они отработали смену не спустя рукава.

— Я это сделаю. И накормлю дерьмом любого, кто не нырнет в дыру и не проделает мой путь, если это понадобится снова.

Он повернулся и, пытаясь четко ставить ноги, затопал прочь, а Вашингтон и Дригг тем временем рассаживались в кессоне.

— Ему придется работать, — осмелился подать голос Дригг после долгого молчания.

— Не следовало бы, но я не могу его остановить. У землекопов иной, отличный от нашего, образ жизни, и мы должны его уважать. Если кто-то из них ранен или заработал кессонную болезнь, он никогда в этом не признается, и доставить его в госпиталь можно, лишь дав ему как следует по голове, — а этого он никогда мне не простит. Я видел, как они очертя голову прыгали через устье вентиляционной шахты шириной в десять футов и глубиной в сто. Я видел троих в шлюпке, которые отчаялись и погибли, и четвертого, который смеялся и победил. Потом он и все, кто там оказался, напились пива так, что стоять не могли, — но это в память о погибших товарищах. И никто из них не сожалеет ни о чем и не терзается ничем. Тяжелая и жестокая жизнь, можете вы сказать, но, ей-богу, она-то и выковывает мужчин.

Несколько смущенный этой своей тирадой, Вашингтон хранил молчание на протяжении всего пути по туннелю до вокзала в Пензансе. Уже стемнело, и лишь в грядах облаков на западе догорали последние красноватые отсветы. Огоньки мерцали вдоль путей, насколько хватало глаз, — обходчики, неспешно расхаживая во мраке, пополняли сигнальные огни парафином и зажигали фитили. Толпы уже разошлись, и на станции было тихо, лишь одиноко громоздился «Дредноут», казавшийся еще больше, чем днем, и на его недавно отполированной заново золотой обшивке переливались красные и зеленые блики стрелочных огней. Прицеплены были только два вагона — салон и «Монарх горных долин», частный пассажирский вагон, которым пользовались маркиз и другие члены совета директоров. Пожилой седой человек по прозвищу Бро-

дяга — когда-то он был дворецким у одного из членов правления, но, дожив до преклонных лет, удалился на почетную и необременительную должность проводника «Монарха» — встречал их на ступенях своего вагона.

— Ванна вас ждет, сэр, и одежда приготовлена.

— Превосходно, но сначала я должен выпить. Присоединяйтесь ко мне, мистер Дригг, если хотите. Денек выдался долгий и горячий, и волнений с лихвой хватило бы на месяц.

— С удовольствием.

Бой в парадной униформе с готовностью улыбнулся, открывая перед ними дверь салон-вагона. Увидев его, Вашингтон резко остановился.

— Не следует ли этому младенцу уже быть в постели? Видит бог, во время спецрейса мы и сами можем открывать двери.

Лицо мальчика вытянулось, и нижняя губа, казалось, готова была задрожать, но Дригг сказал:

— Они вызвались сами, капитан Вашингтон, и Билли, и все остальные. Они хотят ехать, и вы должны понять это.

— Тогда едем. — И Вашингтон, рассмеявшись, вошел в салон. — Пошлите Биллу лимонаду, и мы выпьем все вместе.

Музыкант оглянулся на них через плечо, улыбнулся, показав сверкающую выставку золотых зубов, и, едва гости вошли, напористо заиграл «Оставь свои печали». Вашингтон послал ему пинтовую кружку пива, затем поднял свою и осушил едва ли не одним глотком. Тем временем поезд с удивительной плавностью заскользил вперед; Вашингтон и Дригг не сразу заметили, что они уже в пути.

Пока кружки сменяли одна другую, пока тянулись купание и переодевание, путешествие подошло к концу — чуть ли не прежде, чем Вашингтон это понял. Пустоту платформы Паддингтонского вокзала нарушал только дожидавшийся их прибытия восемнадцатифутовый шестидверный «Роллс-ройс», сверкающий черным лаком. Ливрейный лакей придерживал дверцу, а когда Вашингтон и Дригг расположились внутри, подсел к шоферу, и они понеслись снова. Обогнули Гайд-парк, взлетели на Конститушн-Хилл, миновали Букингемский дворец — судя по сверканию всех окон, там шел то ли бал, то ли торжественный прием; буквально через несколько минут остановились у Трансатлантик-Хауса, резиденции компании на Пэлл-Мэлл. Главный вход был открыт, и Дригг без единого слова повел Вашингтона к лифту и затем наверх, в библиотеку. Некоторое время они стояли там в тишине, сре-

ди сафьяна и темного дерева, а когда швейцар закрыл наружную дверь, Дригг коснулся скрытой кнопки на одной из книжных полок. Целая секция отворилась, словно дверь, и Дригг указал в проем.

— Его Светлость ожидает вас в личном кабинете. Он полагает целесообразным обменяться с вами несколькими словами наедине, прежде чем вы предстанете перед правлением. Если предстанете.

Вашингтон шагнул вперед. Потайная дверь закрылась за ним, а впереди открылась другая.

Маркиз, сидя за столом, что-то писал и поначалу не поднимал глаз. Его изысканный кабинет был до предела насыщен блеском серебра и латуни и подавлял рядами семейных портретов. За спиною маркиза большое эркерное окно с раздвинутыми шторами открывало взгляду сент-джеймский парк и башню Биг Бен, видневшуюся поодаль. Часы на башне торжественно ударили один раз, и тогда маркиз отложил перо и жестом пригласил Вашингтона сесть.

— Дело весьма срочное, — сказал он, — иначе я никогда не позволил бы себе оторвать вас от работы столь бесцеремонным образом.

— Я понял это по тону вашего послания. Но вы не написали, в чем это дело заключается.

— Мы перейдем к этому чуть позже. Но я пригласил вас сюда поговорить один на один по вопросу, который, за отсутствием лучшего термина, можно назвать личным.

Его Светлости, казалось, было не по себе. Он сцепил пальцы перед собой, потом уронил на стол; потер мощную челюсть жестом, столь характерным для его рода, затем обернулся к окну; после этого повернулся к Вашингтону снова.

— Об этом трудно говорить, капитан Вашингтон, дело связано с нашими семьями. Всем известно, кто были наши предки, а ведь могут отыскаться недоброжелатели... не берусь утверждать, но вы же понимаете...

Вашингтон понимал и отчасти испытывал то же замешательство, что и маркиз. С этим грузом на душе он прожил всю жизнь, а потому считал за лучшее бесстрастно принимать факты, как они есть. Чем хранить их, как горькую тайну, было наверняка лучше, чтобы про них знали все.

— Что прошло, то прошло, — сказал он. — Первый маркиз Корнуоллис казнил моего предка Джорджа Вашингтона как изменника, да, но это достояние истории, вопрос элемен-

тарных знаний, не более. Я не чувствую никакого стыда и никакой враждебности лично к вам или к вашей семье, могу дать слово. Битва при Лексингтоне велась честно и была выиграна честно. Континентальную армию разгромили. Первый маркиз был солдатом, и ему ничего не оставалось, кроме как подчиняться приказам, сколь бы неприятными он ни находил их лично. Вы же знаете, о казни распорядился сам король. Джордж Вашингтон был изменником, но оттого лишь, что проиграл. Если бы он выиграл, он оказался бы патриотом. А он заслуживал победы, потому что дело его было правым.

— Боюсь, я недостаточно осведомлен об этом периоде жизни, — сказал Корнуоллис, опуская глаза.

— Надеюсь, вы простите мне мою откровенность, Ваша Светлость, но мне все это отнюдь не безразлично. Вследствие неудачного восстания и чувства национального унижения, которое вызвало в американских колониях его подавление, мы остаемся колонией по сей день, в то время как другие — Канада, например, или Австралия — получили в рамках империи статус полностью независимых доминионов. Вам следует знать, что я активно участвую в движении за независимость и буду делать все возможное, чтобы приблизить день, когда Ее Величество официально утвердит этот статус.

— Не могу не согласиться с вами, сэр! Вы знаете, без сомнения, что я твердо стою на позициях тори и со всей энергией поддерживаю концепцию моей партии, согласно которой статус доминиона должен быть представлен вам именно так, как вы говорите.

С этими словами он встал и, громко хлопнув ладонью по столу, подал руку собеседнику. Несомненно, когда Вашингтон вошел, маркиз поначалу предпочел не оказывать ему любезности — при разнице происхождений она несла слишком явный оттенок благоволения — из-за деликатной природы их семейных отношений. Вашингтону ничего не оставалось делать, кроме как встать и крепко пожать протянутую ему руку. Затем, потупив глаза, маркиз выпустил ладонь Вашингтона и покашлял в кулак, стараясь скрыть вызванное этим неожиданным проявлением чувств смущение. Но это расчистило путь для дальнейшего.

— Нас и наш туннель ждут тяжелые времена, Вашингтон, тяжелые времена, — сказал Корнуоллис, и выражение его лица сделалось под стать тем трудным временам, которые он предрекал: лоб собрался в морщины, глубокие, как борозды

на свежевспаханном поле, а углы рта опустились, так что мощная челюсть маркиза отвисла чуть ли не на дюйм. — Этот грандиозный проект с самого начала имел теневую сторону. Сейчас я говорю именно о ней, о скрытой стороне дела. Я уверен, вы более или менее представляете себе всю сложность финансирования столь масштабного предприятия, но, думаю, вряд ли вы вполне отдаете себе отчет, насколько тут затронута политика. Попросту говоря, это правительственный проект, нечто вроде обширной программы общественных работ. Вы потрясены, услышав это?

— Должен признаться, сэр, что я по меньшей мере удивлен.

— Этого следовало ожидать. Наша страна и возглавляемая ею мощная империя строятся на твердом убеждении: сильный человек ведет, остальные следуют за ним; слабые люди и неудачливые корпорации выходят в тираж, а правительство и корона не суются в эти частные дела. Все это очень хорошо, когда экономика здорова и полновесный фунт, как солнце, озаряет своим сиянием каждого. Но сейчас — а я уверен, вы об этом отлично знаете — на это солнце надвинулись тучи. Пока границы расширялись, Англию питали богатства Ист-Индской компании, компании Гудзонова залива, Инко-Андской компании и всех прочих. Их было так много за эти годы. Боюсь, однако, границы продвинуты сейчас, что называется, к последнему морю, и как в мире, так и в мировой экономике возникла некоторая успокоенность. Когда бизнес не в состоянии расширяться, он неизбежно проявляет тенденцию к сокращению, а такое схлопывание экономики является самоподдерживающимся процессом. Чтобы остановить его, нужно что-то делать. День ото дня все больше людей садятся на пособие по безработице, рабочие дома переполнены, благотворительные программы напряжены до предела. Нужно, повторяю я, что-то делать. Кое-что сделано. Некие частные предприниматели, представители неких крупных корпораций, встретились без посторонних, *in camera*, и пришли — с большой неохотой, смею вас уверить — к выводу, что окончательное решение проблемы им не по плечу. К обсуждению были привлечены квалифицированные экономисты, и по их настоянию на встречу — в ту пору совершенно секретную — была приглашена парламентская комиссия. Вот тогда-то и заговорили впервые о проекте туннеля — проекте достаточно крупном, чтобы оказать стимулирующее воздействие на всю

экономику как Британии, так и американских колоний. Но такой масштаб оказался одновременно и препятствием; частный капитал был не в состоянии финансировать проект. И тогда был сделан последний, неслыханный шаг. Необходимы были субсидии короны, — он невольно понизил голос. — И обратились к королеве.

Известие было ошеломляющим. Государственная тайна сохранялась столь тщательно, что Вашингтон, вполне, казалось бы, посвященный во все дела компании Трансатлантического туннеля, до сего момента не имел ни малейшего представления об истине. Вначале он был буквально оглушен, затем задумчиво прищурился, анализируя все аспекты услышанного. Когда маркиз встал и налил им обоим хересу из стоявшего на буфете хрустального графина, Вашингтон едва ли заметил это, но автоматически взял поданный ему бокал и поднес к губам.

Наконец он заговорил.

— Вы можете сказать мне, какова доля участия правительства?

— Оно участвует в каждом пенни и в каждом фунте. Частные вкладчики смогли пожертвовать около двенадцати процентов необходимой суммы. Правительство Ее Величества согласилось взять на себя восемьдесят процентов — но не больше.

— Таким образом, нам не хватает восьми процентов?

— Именно. — Маркиз мерил комнату шагами, сложив руки за спиной и переплетя пальцы. — У меня были сомнения с самого начала — видит бог, у нас у всех были сомнения. Но лорд Кейнс добился своего. Советник королевы! Автор уж не знаю скольких книг по экономике! Сейчас ему никак не меньше девяноста, но он еще достаточно бодр, чтобы принимать посетителей. Он всех нас убедил; когда он расписывал нам, как оно все будет, это звучало чертовски заманчиво. Деньги обращаются, капитал в движении, у вкладчиков высокие доходы, развивается предпринимательство, стараясь удовлетворить потребности строительства, занятость повсеместная, значительные суммы перетекают к мелким предпринимателям, здоровая экономика...

— Так оно и должно быть...

— Черт возьми, так оно и будет, если прежде не лопнет. А оно, похоже, лопнет, и все станет как раньше, а то и хуже, если мы не найдем эти недостающие восемь процентов. И вы

уж простите меня за откровенность, мой мальчик, но это ваши проклятые друзья-колонисты тянут нас назад. Вы можете нам здесь помочь. Безо всякого преувеличения могу сказать, что судьба туннеля зависит от вас.

— Я сделаю все, что нужно, сэр, — сказал Вашингтон спокойно и просто. — Вы можете рассчитывать на меня.

— Я это знаю, иначе не пригласил бы вас сюда. Простите, если я где-то допустил бестактность — у меня был чертовски утомительный день... а будет и того хуже. Мы достигли соглашения с вашим колониальным конгрессом и с генерал-губернатором — да, мы снеслись и с ним, ваша экономика испытывает те же трудности, что и наша, — объединить на равной основе все деньги, собранные в Америке частными вкладчиками. Но это не более чем капля в море. Нужны радикальные перемены. Вы знаете, конечно, Рокфеллера, председателя американского правления, и Макинтоша, который представляет Бресси-Бранела и отвечает за строительство со стороны Америки. Оба согласились, что для пользы дела им следует подать в отставку. Их должности будут объединены в одну, и сегодня вечером вас на нее назначат.

— Боже правый! — Вашингтон задохнулся.

— Надеюсь, Он одобрит нас и примет нашу сторону. Первым нашим соображением было то, что кандидат должен быть хорошим инженером, а вы хороший инженер. Мы знаем, что вы справитесь с работой. Вторым — то, что вы колонист, один из их людей, так что перемена вызовет в Америке определенный положительный резонанс. Я понимаю, что среди тори есть люди, предавшие вашу фамилию анафеме — мы должны быть откровенны, — но я думаю, что они в меньшинстве. Мы надеемся, такое назначение и ваши собственные усилия подстегнут вялую продажу облигаций, что позволит продолжить работы. Вы сделаете это?

— Я дал слово и обратно его не возьму. Но здесь будут трудности.

— Единственная трудность, и вы можете назвать ее по имени.

— Сэр Айсэмбард. Проект туннеля принадлежит ему, замысел — его детище. Я всего лишь исполнитель, осуществляющий его распоряжения, так же как и его представитель Макинтош, который даже не инженер. Если я возьму на себя столь большие обязанности во всех делах, я стану с сэром Айсэмбардом почти вровень. Ему это вряд ли понравится.

— Это будет тайной века, мой мальчик. Старик уже про-
бовал шуметь — результат известен.

На столе моргнула лампочка, и тут же мягко пропел сигнал.

— Члены правления вернулись с обеда. Мне нужно идти к
ним, поскольку никто не должен знать, что я встречался с ва-
ми. Если вы будете любезны подождать в библиотеке, за вами
пошлют. Если дела пойдут, как мы планируем, — а они пой-
дут именно так, когда мы получим голоса, — вам будет при-
слана записка с проектом их предложений, и затем вы пред-
станете перед правлением. Другого выхода нет.

Нажав кнопку на столе, маркиз открыл дверь, и Вашинг-
тон вновь очутился в библиотеке.

Там стояло мягкое кресло, в которое он блаженно погру-
зился, и, когда Дригг парой минут позже подошел осведомить-
ся, не нужно ли ему чего-нибудь, он, пребывая в глубокой за-
думчивости, поднял голову лишь для того, чтобы ответить от-
рицательным жестом. Близилась, несомненно, вершина его
карьеры — если только он сможет на эту вершину подняться.
Да, он сможет, у него не было никаких сомнений на этот
счет — как не было у него сомнений ни разу с той минуты, ко-
гда он, в последний раз покидая Маунт-Вернон, на прощание
помахал рукой матери и сестре, стоявшим в дверях обыкно-
венного провинциального дома, их родового гнезда. Тот дом
был построен в тени заросших плющом развалин старого
особняка, сожженного когда-то толпой сторонников тори.
Огастин в то время был уже инженером, он окончил Массачу-
сетский технологический, добившись первого места в группе,
несмотря на печать бесчестья, лежавшую на его имени, а воз-
можно, как раз благодаря ей. Чем больше приходилось ему
выдерживать кулачных боев в темноте и безмолвии помеще-
ний за общими спальнями, тем яснее становилось понимание
того, что куда более тяжелой будет борьба за право быть впе-
реди, быть лучшим, используя и кулаки, и ум, чтобы восстано-
вить честь своего имени. После окончания он отслужил ко-
роткий обязательный срок в Территориальном инженерном
корпусе — без СПОРовских¹ дотаций он нипочем бы не окон-
чил колледж — и там с замирающим от счастья сердцем впе-
рвые ощутил вкус работы в поле. На западных границах, за ко-
торыми простирались испанские колонии, постоянно проис-

¹ СПОР — служба подготовки офицеров резерва, специальная ор-
ганизация при Министерстве обороны.

ходили стычки, и власти в Нью-Йорке решили, что там нужна стратегическая железнодорожная магистраль. В тот главный год он промерил трассу через непроницаемые Скалистые горы и много работал в туннелях, пробиваемых в неподатливых скалах. Этот опыт перевернул его жизнь; с тех пор он точно знал, чего хочет. Наряду с лучшими выпускниками разбросанных по империи бесчисленных школ он держал в Эдинбургском университете экзамен на престижную стипендию Джорджа Стефенсона и победил. Прием должен был автоматически ввести его в высшие сферы великой инженерной фирмы Брэсси-Бранела; произошло и это. Эдинбург был прекрасен, несмотря на едва заметные презрительные усмешки одноклассников-англичан по поводу его колониального происхождения, а возможно, именно благодаря им. Впервые в жизни он оказался среди людей, для которых его имя ничем не было отягощено; вряд ли стоило думать, что они будут помнить детали всех мелких баталий, происходивших на задворках империи за последние четыре сотни лет. Вашингтон был не более чем еще одним уроженцем колоний, таким же, как индусы, могавки, бирманцы, аштеки и многие другие, и он наслаждался этой своей затерянностью.

Его восхождение было недолгим и быстрым, и сейчас перед ним была вершина. Следовало бы опасаться падения в случае, если новые полномочия окажутся ему не по плечу. Но нет! Он знал, что в силах управиться со строительством и повести американскую часть туннеля с тем же успехом, с каким он вел британскую. И, понимая, что он не финансист, он знал тем не менее, как говорить с денежными тузами, как объяснять им, что станет с их вкладами и насколько выгодны эти вклады окажутся для них самих. Он рассчитывал в основном на деньги вигов — хотя не исключал возможности того, что у тори жадность перевесит политическую нетерпимость и они постараются примкнуть к победителям, когда увидят, что их соперники быстро приближаются к финансовому успеху.

Самым важным здесь было то, что все это могло подействовать на нечто еще более важное. В глубине души он вынашивал страстное желание, о котором не говорил никому и никогда, — вернуть семье доброе имя. Никому и никогда — кроме того дня. Он проговорился Марте, сестре, и она поняла его, хотя они были всего лишь детьми. Это стремление так или иначе выражалось во всем, что он делал, — ибо все, что он делал под своим именем, тем самым делалось под именем

благородного человека, который столь усердно трудился для своей страны и в награду за свои усилия был осыпан градом английских пуль.

— Капитан Вашингтон... Капитан Вашингтон, сэр!

Чей-то голос пробился в его сознание сквозь путаницу за-таенных мыслей, и лишь тогда он понял, что уже давно слышит этот голос и не отвечает. Он очнулся. Взял конверт, протянутый ему Дриггом, вскрыл его и прочел, затем прочел еще раз, уже медленнее. Это было то, о чем говорил лорд Корнуоллис, — машина была запущена; ему предлагали должность.

— Не угодно ли вам пройти со мной, сэр?

Он встал, расправил складки на жилете и застегнул пиджак. С распечатанной запиской в руке он последовал за секретарем в зал заседаний и остановился у края длинного темного стола. В зале царила тишина, и все глаза были устремлены на Вашингтона; затем лорд Корнуоллис со своего места во главе стола спросил:

— Ознакомились ли вы с нашим посланием, капитан Вашингтон?

— Да, сэр. Насколько я понимаю, это предложение занять одному лицу двойную должность, в настоящий момент поделенную между сэром Уинтропом Рокфеллером и мистером Макинтошем. Вы подтверждаете, что эти джентльмены согласились с предлагаемым изменением?

— Они это сделали.

— В таком случае я буду счастлив принять это предложение, но с одной лишь предварительной оговоркой. Я хотел бы знать по данному вопросу мнение сэра Айсэмбарда.

Это было все равно что взмахнуть красной тряпкой перед мордой быка; все равно что оскорбить королеву в присутствии доброго англичанина; все равно что в глаза назвать француза лягушатником. Сэр Айсэмбард Бресси-Бранел моментально вскочил и с силой уперся кулаками в полированный палисандр стола; в глазах его пылал огонь, а побелевшие крылья носа подрагивали от негодования. Маленький человечек, перед которым, когда он был в гневе, дрожали мужчины много крупнее его; однако Вашингтон не задрожал — он был не из тех, кто дрожит. Первый являлся прямой противоположностью второму, и это бросалось в глаза: один тщедушный, другой высокий, один — пожилой, с холеной кожей, с высоким лбом, который с возрастом становился все больше, лоб другого был средней величины, а его коричневое лицо загрубело от

солнца и ветра. Один — одетый с иголки английский джентльмен, от кончиков лакированных, ручной работы, ботинок до аккуратной лысины на голове, пространство между которой и ботинками заполнял портновский шедевр непогрешимого Сэвила Роу ценою не менее чем в сотню гиней. Другой — хорошо одетый житель колонии, чей костюм был хоть и первоклассным, но явно провинциальным, как и его крепкие ботинки, предназначенные для того, чтобы их носили, а не демонстрировали.

— Вы хотите знать мое мнение, — сказал сэр Айсэмбард. — Вы хотите знать мое мнение!

Он произнес это негромко, но в зале его услышали все; и, возможно, из-за мягкости тона фраза прозвучала зловеще.

— Я выскажу вам свое мнение, сэр, выстраданное мнение, сэр, как оно есть. Я против этого назначения, полностью против, и возражал против него, и больше мне нечего сказать.

— Коли так, — проговорил Вашингтон, усаживаясь на поставленный для него стул, — то с этим покончено. Я не могу принять назначение.

Теперь тишина была абсолютной; если тишину можно назвать оглушающей, то она была именно такой. Сэр Айсэмбард был обезоружен этим ответом, и, по мере того как гнев улетучивался из него, словно воздух из проколотой шины, он медленно опускался обратно на свое место.

— Но вы же согласились, — обращаясь ко всем, растерянно произнес Корнуоллис.

— Я согласился, так как считал, что правление единодушное в своем решении. Предлагаемое изменение является очень серьезным. Я не могу обсуждать его, если человек, который сам предоставил мне эту работу, душа строительства, ведущий инженер и конструктор в мире, против. Я не могу, говорю это от всего сердца, ловчить перед лицом такого решения.

Все взгляды были теперь устремлены на сэра Айсэмбарда. Его лицо, безусловно, заслуживало внимания; быстрая смена выражений на нем отражала работу могучего ума. Первый гнев уступил место изумлению, затем лоб его задумчиво нахмурился, и, наконец, невозможность прийти к какому-то определенному выводу вызвала на губах признак улыбки, быстрой, как мелькнувшая тень.

— Хорошо сказано, юный Вашингтон, что-то дальше будет? Вам не следует говорить обо мне плохо — я ваш друг, верный и вполне к вам расположенный. Я признаю высокое качество ва-

шего классического воспитания. Бремя решения теперь целиком ложится на мои плечи, и я не намерен уклоняться. У меня такое чувство, что вы знаете об этих делах больше, чем говорите вслух; вам что-то сообщили, иначе вы не были бы столь самоуверенны. Но быть посему. Строительство туннеля должно продолжаться, а чтобы строить туннель, мы, по всей видимости, должны иметь дело с вами. Я снимаю свои возражения. Я должен признать, что вы достаточно дельный инженер, и, если вы будете повиноваться распоряжениям и придерживаться моего проекта, строительство пойдет как надо.

Он протянул свою маленькую крепкую руку, чтобы взять стакан воды, и это было самым сильным проявлением чувств, которое он когда-либо себе позволял; а тем временем со всех сторон послышался неразборчивый, но явно одобрительный гомон. Молоток председателя ударил, перекрывая шум, — совещание закончилось, решение принято, работы будут продолжены. Пока члены правления поздравляли Вашингтона, а заодно и друг друга, сэр Айсэмбард бесстрастно ожидал поода и, лишь когда инженер освободился, подошел к нему:

— Проедемся в кебе.

Это было нечто среднее между просьбой и приказанием.

— Буду рад.

Молча они спустились в лифте, швейцар открыл перед ними дверь и свистком подозвал кеб — двухколесный, высокий, черный и блестящий; водитель сидел где-то наверху, зажав между пальцами поводья, которые тянулись вниз, к одному из этих новомодных устройств, постепенно вытеснявших лошадей из центральных районов Лондона. Здесь не было величественного, гордо вышагивающего между оглоблями лошадиного муляжа; его заменял некий приземистый механизм, черный металлический корпус которого, по форме напоминавший кирпич, покоился на трех колесах. Переднее колесо несколько повернулось на вертлюге, когда водитель потянул повод, и кеб легко подрулил к тротуару; рывок за другой повод отключил двигатель, и экипаж плавно остановился.

— Усовершенствование, — сказал сэр Айсэмбард, когда они влезли внутрь. — Лошадь была проклятием этого города; выделения, мухи, болезни, и ничего больше. Ее заменил спокойный и надежный электрический мотор. От него ни шума, ни вредных выхлопов, в отличие от первых моделей, паровых, — просто батареи в багажнике; вы, вероятно, заметили провода на оглоблях. Теперь закройте люк. Наш разговор будет сугубо приватным, и я не хочу, чтобы нас слышали.

Последние слова были адресованы кебмену, чья круглая унылая физиономия заглядывала сверху в слуховое отверстие, как заблудившаяся румяная луна.

— Прошу прощения, ваша честь, но вы не сказали, куда ехать.

— Майда-Вэйл, сто восемь.

Звук захлопнувшейся крышки люка как бы подчеркнул его слова; он повернулся к Вашингтону.

— Если вы решили, что мы едем ко мне домой, выбросьте это сразу из головы.

— Я подумал...

— Вы подумали неверно. Я хотел лишь поговорить с вами без свидетелей, с глазу на глаз. В любом случае, Айрис нынче вечером в Альберт-Холле, там у них какой-то теологический балаган — так что обойдемся без сцен. Это моя единственная дочь. Она повинуется мне, когда это нужно, но вдобавок она разделяет мои взгляды на жизнь. Когда я расскажу ей, что вы на правлении объединились с моими противниками, чтобы отстранить меня от руководства, что вы теперь, вероятно, желаете сами занять мой пост...

— Сэр!

— Помолчите. Это лекция, а не дискуссия. Что вы захватили должность, которую до этого занимал один из моих представителей. Что вы окончательно пошли против меня. Когда я расскажу ей все это, она сразу поймет, почему двери моего дома отныне закрыты для вас, и утром отошлет вам ваше кольцо с посыльным прямо в ваш клуб. Наши деловые отношения сохраняются, потому что другого выхода нет. Но ваша помолвка с моей дочерью разорвана, я больше не принимаю вас в своем доме, и вы не должны ни теперь, ни в будущем искать встреч с Айрис.

И он громко стукнул концом трости в крышку люка.

— Остановите кеб. До свидания.

Глава 3

Королевский Альберт-Холл

Мелкий дождь сыпал на темные тротуары Кенсингтон-Го, превращая их в черные зеркала, в глубине которых лучились желтым светом отражения висящих сверху газовых фонарей.

Улица перед закрытыми дверями Холла была пустынной, но внезапно из-за угла показался одинокий джентльмен в насквозь промокших одежде и шляпе; он спешил, несколько не обращая внимания на дурную погоду. Шагая через ступеньку, он направился прямо ко входу, растворил одну из внешних дверей и лицом к лицу столкнулся с дюжим швейцаром в ливрее, который одной лишь своей дородной фигурой перекрывал любые возможности двигаться дальше.

— Сеанс начался, сэр. Все уже на своих местах.

— Я хочу переговорить кое с кем из зрителей, — сказал Вашингтон, отчаянно стараясь хоть как-то взять себя в руки и понимая, что его внезапное появление из ночной тьмы вполне может быть истолковано превратно. — Дело срочное. Если это необходимо, я куплю билет.

— Весьма сожалею, сэр. Касса закрыта.

Пока звучали эти слова, в руке Вашингтона уже появился кошелек, а вслед за этим, естественно, последовала другая и, можно было смело надеяться, более успешная попытка проникнуть внутрь. Вашингтон вложил две полукроны в руку швейцара.

— Вы уверены, что тут ничего нельзя поделатъ? Может, я загляну туда и поищу своих друзей?

Просверк серебра, хоть и исчез мгновенно, свершил чудесную перемену в поведении местного цербера; он попятился и приглашающе взмахнул рукой.

— Вполне понимаю вас, сэр. Прошу сюда.

Дверь тихо закрылась у Вашингтона за спиной, и тогда он огляделся. Холл не был переполнен. Во мраке Вашингтон мог разобрать лишь, что аудитория была почти исключительно женской, и на какой-то миг засомневался, под силу ли ему найти ту, одну-единственную, среди всех остальных. Восторженно замерев, они внимали небольшому седобородому чело- веку в черной ермолке, стоявшему на кафедре, возвышающейся посреди сцены. Чуть позади располагался нелепого вида диван с обивкой из красного плюша, на котором лежала весьма упитанная особа с вполне заурядной внешностью; женщина то ли была без сознания, то ли спала. Несоответствие одной половины этой странной пары другой было настолько разительным, что Вашингтон, не имевший вдобавок никакой возможности начать поиски Айрис немедленно, невольно стал прислушиваться к оратору.

— ...слышали, что мадам Клотильда, называя Мартина

Алайя Гонтрана, хотя она немало всякого повидала, это имя почти прокричала, подчеркивая тем самым его важность. Это связано с тем, что я говорил прежде, когда вкратце обрисовывал вам свою теорию многослойной структуры времени. В этой структуре существуют точки, названные мною альфа-узлами, а на существовании альфа-узлов и строится моя теория. Если они есть, значит, моя теория обладает определенной доказательностью и может служить инструментом исследования времени; если их нет, значит, время течет подобно реке, одним мощным потоком, а не многочисленными параллельными струями, существование которых принимаю за постулат. Если альфа-узлов нет, значит, я ошибаюсь.

— Так-так, — прошептал Вашингтон, высматривая прелестную темную головку среди других, не менее темных и, пожалуй, не менее прелестных головок впереди.

— На поиски основного альфа-узла ушли годы, и мадам Клотильда является ясновидящей, установившей контакт, — настолько трудна оказалась задача. Вначале — в это время было труднее всего — она произнесла одно только слово: «Гонтран», и я провел длительные и глубокие изыскания, чтобы выяснить, что оно значит. Наконец я решил, что отыскал точную ссылку, и сегодня вечером все вы могли убедиться в моей правоте, поскольку, когда я сказал «Мартин», мадам восстановила недостающую третью часть. Алайя! Имя, существеннейшее полное имя, которое с точностью указывает на наш альфа-узел. Мартин Алайя Гонтран. Позвольте мне рассказать вам, кем он был, этот незаметный человек, этот неграмотный пастух, который держал в своих потрескавшихся натруженных ладонях рождение целого нового мира. Я прошу вас учесть дату — 16 июля 1212 года. Место действия — Иберийский полуостров. Грядет великая битва христиан с мусульманами. Низко горят бивачные костры, воины с оружием в руках отдыхают по своим лагерям, собирая силы для битвы, которая вспыхнет на рассвете. Но никто не спит. И вот этот пастух, Мартин Алайя Гонтран, рассказывает своему другу, что собирается предпринять; друг передает кому-то еще — и в итоге мавры хватают Гонтрана. Времена были дикие, и люди подвергали своих собратьев таким мучениям, которые я предпочел бы не описывать, щадя нежные ушки прекрасной половины моей аудитории. Достаточно сказать, что перед смертью Гонтран признался и рассказал, что ночью собирался провести войско христиан тайными, неохраняемыми тропами — они

были известны ему, он ведь пастух — в тыл боевых порядков мусульман. Гонтран умер и не сделал этого. А теперь я прошу вас подумать, что могло бы произойти, если бы он преуспел в своих намерениях. Очень может быть, что тогда христиане, а не мусульмане, выиграли бы на следующий день битву при Навас-де-Толоса — пожалуй, самую значительную битву того периода. Давайте порассуждаем вслух. Выигранное сражение могло бы повести к новым победам, а тогда Иберийский полуостров мог оказаться не мусульманской территорией, частью Великого Халифата, а еще одной христианской страной, наподобие Франции или Пруссии. Какое нам дело, можете вы спросить, до столь отдаленной части континента, и я отвечу — самое непосредственное. Потому что причина однозначно связана со следствием. Причина — и следствие. Если бы в Иберии правили христиане...

На сцене позади него могучие формы мадам Клотильды вздрогнули и пришли в движение, в то время как из горла мадам раздалось нечто среднее между вздохом и глухим стоном. Большая часть аудитории эхом застонала в ответ, вздрогнув так же, как и мадам Клотильда; доктор Мендоза поднял руки, требуя тишины.

— Все отлично, все нормально, не беспокойтесь, я прошу вас. Видите — врач здесь, он настороже и немедленно поможет, если что. У ясновидящего велики нагрузки на нервную систему, и подчас, ха-ха, возникают нелегкие побочные реакции, которые немедленно берутся под контроль. Видите — занавеси закрыты, доктор рядом с мадам, все будет хорошо. Прошу прибавить свет; я вернусь буквально через минуту, а вы пока послушайте записи ритуальных эскимосских песнопений, которые я сделал севернее Полярного круга на зимней стоянке этих почти не восприимчивых к холоду аборигенов, когда определял основы взаимодействия между световым днем и проявляющимися в музыке биоритмами, столь важные для создания теории альфа-узлов. Благодарю за внимание.

Едва прозвучали эти слова, вспыхнули лампы и маленький доктор, слегка побарахтавшись в занавеске в поисках выхода, пропал из виду; и в уши зрителей вонзились визгливые нечеловеческие вопли, перемежавшиеся глухими монотонными ударами. Вашингтон воспользовался неожиданной удачей и поспешно двинулся в проход между креслами в поисках известного ему лица.

Она была там — во втором ряду, как раз возле прохода;

темные волосы зачесаны назад и мягко сколоты золотой заколкой; поистине, она была удивительно красивой, и недаром ее так любили выискивать на балах репортеры. Губы ее были пухлыми и ярко-алыми от природы; другим девушкам пришлось бы немало поработать с косметикой, чтобы выглядеть так. Как всегда, увидев ее, он растерял слова; счастье переполняло его от одного лишь ее присутствия. Но, должно быть, она почувствовала прикосновение его взгляда, ибо подняла глаза, и мгновенное изумление на ее лице сменилось улыбкой столь сердечной, что Вашингтон окончательно онемел.

— Гас, как вы очутились здесь? Вот приятный сюрприз!

Он лишь улыбнулся в ответ, неспособный на что-либо более осмысленное.

— Знакомы вы с Джойс Бодмэн? Думаю, впрочем, что нет; она только что вернулась с Дальнего Востока. Джойс, это мой жених, капитан Огастин Вашингтон.

Он слегка тронул предложенную ему руку, чуть поклонился, равнодушно отметив привлекательность женщины, — и только.

— Очень приятно. Айрис, я терпеть не могу вторгаться столь бесцеремонно, но я только что из Корнуолла и утром возвращаюсь туда. Можно мне переговорить с тобой сейчас же?

Другие слова были готовы сорваться с ее губ, но, должно быть, она ощутила нечто необычное в его поведении — или в голосе, поскольку успела их удержать; и в том, как она сделала это, проглянула твердая решимость, редкая для девушки, которой едва исполнилось двадцать.

— Конечно. Обморок Клотильды, по-видимому, прервал доклад, а если доктор заговорит опять, Джойс мне все расскажет завтра. Не так ли, дорогая Джойс?

Дорогая Джойс вряд ли могла ответить хоть что-нибудь, потому что Айрис, желая, видимо, упредить любое ее высказывание, продолжала без малейшей паузы:

— Это очень любезно с твоей стороны. Когда придет машина, скажи, что я уехала домой кебом.

Затем она оперлась на его руку, и они пошли по проходу прочь от сцены. Пока швейцар подзывал кеб, Вашингтон явно почувствовал, что к делу нужно приступить немедленно.

— Прежде чем мы поедем, я должен сказать вам — ваш отец и я разошлись во мнениях.

— Пустяки. Я все время в таком положении. Бедный папочка определенно самый неуступчивый человек на свете.

— Боюсь, это не пустяки. Он отказал мне от дома и — это еще труднее выговорить — не хочет, чтобы мы с вами виделись когда-либо впредь.

Она задумчиво умолкла, и счастливая улыбка медленно сошла с ее лица. Но держала его под руку она так же плотно, как минуту назад, — и потому, если это вообще возможно, он любил ее еще больше.

— Нам нужно поговорить. Вы должны рассказать мне обо всем, что случилось. Мы поедем — сейчас соображу — в палдингтонский «Грейт-Вестерн отель» и посидим там в комнате отдыха. Это по дороге домой, и я помню, что вам понравился там чай с пирожными.

В уютной замкнутости кеба, пересекавшего дождливую тьму Гайд-парка, он рассказал ей все, что случилось. Рассказал все, опустив лишь не относящиеся к делу детали конфиденциальной беседы с Корнуоллисом, объяснил, по каким причинам было сделано назначение и почему оно столь важно как для компании, так и для него самого, а затем едва ли не слово в слово пересказал ей последний и решающий разговор с ее отцом. Когда он закончил, они были уже в отеле, но говорить оказалось не о чем; поднявшись по парадной лестнице, они уселись, велели принести чай и пирожные — а следовало бы позволить себе двойное бренди, он чувствовал в нем сильную потребность — и молчали, молчали, пока не подали чай.

— Случилась ужасная вещь, Гас. Ужасная вещь.

— Вы ведь не считаете, что ваш отец прав, нет?

— Я вообще не собираюсь думать о том, прав он или не прав. Мне лишь следует помнить, что он — мой отец.

— Айрис, любимая моя, так нельзя! Вы девушка двадцатого века, а не викторианская женщина без плоти и крови. Вы имеете право голоса... по крайней мере в следующем году будете иметь, когда достигнете совершеннолетия. При Елизавете женщины свободны, как никогда прежде!

— Это так, я знаю, и я люблю вас, дорогой Гас. Но семейных уз это не отменяет. Вы сами сказали, я не достигла совершеннолетия, и не достигну еще полгода, и все еще остаюсь в доме отца.

— Вы не можете...

— Могу, хоть мне и очень больно это говорить. Пока вы и папа не разберетесь в этом кошмаре, который встал между вами, мне остается только одно. Гас, любимый Гас, у меня действительно нет выбора.

Последние слова она едва могла произнести, теряя дыхание в вихре противоречивых эмоций; из уголков ее глаз выкатилось по слезинке, когда она сняла кольцо с пальца левой руки и вложила Гасу в ладонь

Глава 4

На воздушном корабле

Это был славный июньский день. Возбуждение переполняло улицы Саутгемптона и как морской прибой накатывало на доки. Улыбались и погода, и люди, которые, громко переговариваясь друг с другом, по двое, по трое спускались к порту, а полдень тем временем стремительно приближался. Разноцветные, яркие флаги полоскались в потоках бриза; лодки, как водомерки, скользили туда и сюда по безмятежной глади залива. С холмов докатился далекий паровозный свисток — стало ясно, что пора поспешить, и гулявшие люди задвигались быстрее. Это был приуроченный к отходу корабля поезд из Лондона; пассажиров уже ждали.

Звук свистка вырвал Гаса Вашингтона из водоворота работы, из хаоса светокопий, карт, диаграмм, расчетов, чертежей, схем, фунтов, долларов — и забот, бесчисленных забот, таящихся в раскиданных по всему купе бумагах. Он сжал пальцами переносицу — ее постоянно ломило от переутомления; затем потер воспаленные глаза. Он сделал очень много — некоторые сказали бы, слишком много, но этой громадной работы нельзя было избежать. Пока довольно, однако. Железная дорога свернула к докам; он собрал разбросанные бумаги и документы, сложил их в свой набитый битком чемодан — крепкий, солидный, туго стянутый ремнями, на которых блестяли латунные пряжки, чемодан из лошадиной кожи, точнее, из кожи пятнистого пони, на ней все еще были видны яркие коричневые пятна. На этом пони он как-то раз ехал верхом, ехал удачно, по достойному поводу, дело было на Дальнем Западе; но в общем-то это другая история. Он собрал чемодан, закрыл его, а тем временем поезд, прогрохотав по стрелкам, выехал на набережную, и прямо по ходу Вашингтон впервые увидел «Королеву Елизавету», зачalenную на своей стоянке.

Это зрелище мгновенно излечило его глаза. Чудо техники и инженерного искусства, подобного которому еще не види-

вал свет. Как сверкал корабль на солнце своей белизной! Нос упирался в причал; корма выдавалась в море далеко-далеко. Сходни полого поднимались к фордеку, где на флагштоке гордо развевался «Юнион Джек»¹. Далеко в стороны по обоим бортам были распростерты могучие крылья — белые, широкие, с внушительными громадами висящих под ними машин. По четыре на крыло, всего восемь, каждая приводит в действие четырехлопастный пропеллер, и лопасти — в рост человека, а то и больше. «Королева Елизавета», гордость компании «Кунард-лайн», была самым крупным и самым прославленным из когда-либо существовавших летающих судов. В течение шести месяцев с отборной командой на борту она летала по всему миру, демонстрируя британский флаг всем океанам и берегам едва ли не всех континентов. Если и были какие-то сложности во время испытаний, компания держала их в строгом секрете. Теперь, когда долгий испытательный полет завершился, «Королева» приступила к тому, для чего была создана, — к выполнению беспосадочных рейсов Саутгемптон — Нью-Йорк по престижной Королевской Североатлантической линии протяженностью более 3000 миль. И было отнюдь не случайным, что первым же рейсом летел Гас Вашингтон — обыкновенный инженер, чье имя, вытесненное чуть ли не в конец списка пассажиров, терялось в блеске имен герцогов и лордов, владык промышленности, горстки европейских аристократов и одного прославленного, увенчанного лаврами актера. Всего сотня пассажиров — и по меньшей мере десять, а то и сто претендентов на каждое место. Было давление из высших сфер, были приватные разговоры за портвейном в некоторых клубах и вкрадчивые телефонные звонки. Дела туннеля затрагивали и крупный капитал, и двор; обе стороны были едины в том, что необходимо сделать все возможное для привлечения американских финансов к предприятию. Вашингтон должен ехать в колонии — так пусть он едет подобающим образом, уже одно это обеспечит наибольшее паблисити его поездке.

Первый перелет летающего судна по всему маршруту и представил такую блестящую возможность. Возможность, которую оценили еще до того, как впервые упомянули о ней вслух, — хотя успеть воспользоваться ею означало для Гаса успеть за пять дней управиться с работой, требовавшей по

¹ Так в просторечии называется флаг Соединенного Королевства.

крайней мере двух недель. Он сделал это, он подготовился вполне, и путешествие вот-вот должно было начаться. Гас запер чемодан, открыл дверь купе и, выйдя на платформу, оказался среди других пассажиров. Их было немного, и он слегка приотстал, чтобы остальные ушли вперед, навстречу сухому треску блицев и клацанью фотокамер, которыми орудовали газетчики. Поездом прибыли не все; барьер, который сдерживал напирющую толпу, открыли, чтобы пропустить два высоких, черных, грузных «Роллс-ройса». Едва барьер начали закрывать за ними, с улицы требовательно грянул паровой свисток, и барьер поспешно открыли вновь, пропуская вперед длинный паровой лимузин «Шкода» — этим экипажам оказывали предпочтение многие августейшие особы континентальной Европы. Паромобиль передвигался на шести колесах, причем колеса задней, ведущей пары были почти вдвое больше остальных, так же как и задняя кабина, в которой располагались двигатель и топка. Сигнала, он выпустил еще один султан пара и беззвучно скользнул мимо, волоча за собою бледный дымовой след; внутри, за стеклами в серебряных рамах, заметны были неподвижные фигуры, почитавшие, видимо, ниже своего достоинства смотреть по сторонам. Да, поистине это был незабываемый день.

Дальше по платформе располагалось привокзальное кафе, в котором, поскольку прибывшие пассажиры сразу проходили на борт судна, обосновались газетчики. Гас успел выпить пинту удивительно прохладного горького пива, прежде чем джентльмены, представляющие четвертую власть, узнали и окружили его. Он говорил с ними безо всякого напряжения и откровенно отвечал на все вопросы о туннеле. Все идет прекрасно, абсолютно прекрасно, по графику и даже с опережением. Туннель будет построен, опасаться нечего. Они с уважением отнеслись к его просьбе не фотографировать его с кружкой в руке, так как среди пожертвованных на туннель сумм были деньги общества трезвости, и поблагодарили за приглашение встретиться еще раз. Путешествие начиналось многообещающе.

Когда он вновь вышел под лучи солнца, сходи уже опусти, все пассажиры были на борту. Вашингтон тоже поднялся на фордек и остановился перед ожидавшим там судовым офицером, который хотел было откозырять очередному пассажиру, — но рука его нерешительно замерла где-то на полпути от штанины безукоризненно отутюженных форменных

брюк к сверкающему козырьку фуражки, а затем вдруг потянулась вперед для рукопожатия.

— Гас Ястребиный Глаз, это ты!

Время помчалось вспять, Вашингтон снова очутился в своей эдинбургской берлоге; и в классе; и на прогулке по Принс-стрит, и тогдашний дождь вновь хлестал его по лицу. Ястребиный Глаз — легендарный герой широко известного романа, чье прозвище приклеивалось ко многим студентам, приехавшим из американских колоний. Вашингтон широко улыбнулся и крепко пожал протянутую ему руку.

— Алек, неужто это ты? Куда ты подевал усы Королевских ВВС, Алек Даррел?

— Он самый, Ястребиный Глаз, он самый. И, должен тебе сказать, расстаться с этими усами было непросто, — проговорил офицер и резким движением ладони как бы отмел все, что с ним было прежде. — Столько лет в ВВС, потом флотская авиация, теперь вот — «Кунард», когда они стали перетягивать к себе наших лучших летунов.

— Все мечешься, я смотрю.

— Как всегда. Рад приветствовать тебя на борту. Слушай, айда на мостик, познакомлю с ребятами. Я здесь старший механик. Компания подобралась славная. Все отставники — только среди бывших военных компания смогла найти пилотов, способных управляться с этим ковчегом. Ни одного штатского в нашей банде, если не считать казначея, а ему дорога на мостик заказана.

Они двинулись по направлению к корме; миновали пассажирский вход, расположенный как раз под высокими окнами мостика, и вошли внутрь фюзеляжа через небольшую дверь с надписью: «Только для экипажа». Дверь вела в обширное помещение с окнами по бокам и спереди, заполненное приборами управления. Ближе к переднему окну сидел рулевой, а места капитана и старшего помощника располагались справа и слева от него. За открытыми дверями в задней переборке виднелись небольшие кубические каюты радиста и штурмана. Стены были обиты панелями из тика, ореховые подставки для приборов сверкали хромом, а пол от стены до стены покрыт великолепным ковром от Уилтона. На местах пока никого не было, только вахтенный рулевой сидел, уставясь вперед с выражением ответственности на лице, в то время как пальцы его отдыхали на спицах рулевого колеса.

— Офицеры внизу, — сказал Алек. — Болтают с пассажи-

рами первого класса. Благо, что я должен присматривать за машинами, так что могу от них отколоться. Знаешь, покажу-ка я тебе машинное; думаю, тебе будет интересно. Только закинем твой чемодан к штурману в норку, туда что угодно влезет.

Штурман, возможно, так не думал; каюта была ненамного больше кабинки уличного телефона, и Гас с превеликим трудом отыскал уголок для чемодана. Затем Алек открыл люк и повел приятеля по винтовой лестнице вниз, в носовой трюм, где портовые грузчики затаскивали на борт последние остатки багажа — чемоданы, громадные, неподъемные дорожные сундуки — и увязывали их в багажных сетках. Свободным оставался лишь узкий проход, по которому друзья и пошли вдоль всего судна к корме.

— Пассажирская палуба над нами, но мы не будем там толкаться и проскочим здесь.

Сверху доносились неясные голоса и веселая мелодия оркестра.

— Там наверху будто десяток духовых играет. Не говори мне только, что корабль полон музыкантов, а?

— Видимость одна. Это магнитофон, знаешь. Приходится следить за брутто-тоннами; эта колымага перед взлетом потянет больше чем на сто.

— До сих пор, признаться, я не замечал большой заботы о весе.

— Это ты можешь повторять сколько угодно — или скажи на правлении, если хочешь. Это в традициях «Кунард», правление настояло. Если бы мы пошвыряли за борт всякий хлам с латуnią и тиком, то могли бы принять еще сотню пассажиров.

— Но не с таким комфортом. Может, они предпочитают качество количеству?

— Пусть так. Не моя забота. Сюда, в этот лифт. Он маловат для двоих, так что старайся поменьше думать.

Дверь закрылась автоматически; Алек коснулся кнопки, и кабина начала плавно подниматься.

— Крыло на самом верху, так что лучше лифтом, чем пешком.

Они вошли в низкий коридор, пересекавший корабль поперек; оба конца его упирались в тяжелые двери с ручками и сигнальными лампочками. Механик повернул направо, включил механизмы, и дверь, повернувшись, открыла доступ в комнату, лишь немногим большую, чем кабина лифта, которую они только что покинули.

— Кессон, — сказал Алек, когда дверь позади них закрылась, а впереди открылась другая. — Нет смысла поддерживать в машинном нормальное давление, так мы делаем наоборот. Добро пожаловать в машинный отсек левого борта «Королевы Елизаветы». Здесь царствую я.

Его царствованию немедленно был брошен вызов. Старшина в перепачканной белой робе козырнул с равнодушным видом, а затем угрюмо показал большим пальцем через плечо.

— Все еще на заправке, сэр, — сообщил он, — заваливаем бункера доверху.

— Я приказал закончить к десяти.

— А я им это говорил, сэр. — Голос матроса был полон такой безграничной печали, будто все скорби мира лежали на его хрупких плечах.

— Ладно, послушают еще, — сказал механик и добавил ряд сочных проклятий, выдававших в нем как армейскую, так и флотскую закуску.

Тяжело ступая, он подошел к большому донному люку, отжал страховочные рукоятки и откинул крышку. До воды было добрых двадцать футов; Алек ухватился за край отверстия и до половины высунулся наружу, буквально повиснув головой вниз.

— Эй, на барже! — проревел он.

Гас встал на колени напротив и оттуда прекрасно видел все, что происходило внизу. Неуклюжая баржа с насосной станцией на одном из концов была прицеплена к фюзеляжу «Королевы Елизаветы». Толстые гибкие трубы змеились от баржи к клапанам в борту судна; как раз в этот момент крайнюю трубу отсоединяли. Стоило ей отойти, мощный выброс черной угольной пыли осквернил борт воздушного левиафана, и комментарии старшего механика приобрели еще более живое содержание. Но как только все трубы были оттянуты и клапаны закрыты, в ход пошли пожарные брандспойты и в считанные секунды корпус корабля обрел первозданную чистоту. Помогая себе руками, Алек распрямился с победным блеском в глазах — и поспешно подскочил к телеграфу машинного отделения, поскольку звонок телеграфа уже прозвонил дважды и латунная сигнальная рукоятка переместилась в положение «прогрев двигателей».

— Левый борт, первый! — крикнул Алек. — Бутан в клапаны!

— Есть, есть! — ответил старшина, и двое матросов мгновенно занялись этой сложной работой.

Гас, конечно, знал теорию, но до сих пор ему ни разу не доводилось видеть такие гигантские двигатели в работе. Ему было известно, что каждая из этих турбореактивных громад, частично выдававшихся над бывшей здесь полом нижней поверхностью крыла, развивала мощность в 5700 лошадиных сил. Бутан пошел, когда ротор электромотора провернулся на оси и с глухим ревом начал вращаться. Теперь горящий газ раскручивал лопасти турбины все быстрее и быстрее, пока не были достигнуты нужные температура и давление. Алек легонько постучал по циферблату и, видимо, остался доволен, поскольку отключил подачу бутана и одновременно привел в действие насос, начавший закачивать в двигатель мельчайшую угольную пыль, где та немедленно воспламенялась с большим выделением тепла. Огромный механизм, дрожа, сдержанно загрохотал — Алек вывел его на режим холостого хода.

— Я буду здесь, пока все не войдет в норму после взлета, и надо еще запустить правый борт. Почему бы тебе не вернуться на мостик? Я позвоню им и скажу, что ты идешь туда.

— Наверное, я буду мешать?

— Нисколько. На каждый твой вопрос о нашем летучем Моби Дике они зададут тебе дюжину о твоей трансатлантической трубе. Ну, шагай.

Механик был недалеко от истины — сам капитан, полковник Мэйсон, встретил Гаса и упросил его оставаться на мостике. Было тихо, распоряжения отдавались сдержанно и выполнялись с готовностью; казалось, волновались только снаружи. Люди, толпившиеся на пристани, размахивали руками и приветственно кричали, то и дело звучали гудки кораблей; наконец ровно в полдень швартовы были отданы и буксиры осторожно потянули величественный корабль прочь от берега на простор Ла-Манша. Мэйсон, который был слишком молод для капитана «Кунард-лайн» и, чтобы добавить себе солидности, отрастил окладистую бороду, явно гордился своей работой.

— Водоизмещение — сто девяносто восемь тысяч фунтов, мистер Вашингтон. От носа до кормы — двести сорок футов, и семьдесят два фута — от основания степса до наблюдательного пункта на вершине главного хвостового киля. Должен признать, все работает как часы. Сзади у нас стоит турбина в две тысячи лошадиных сил, исключительно чтобы качать воздух для контроля над пограничным слоем и подавления срыва струи, а это увеличивает нам подъемную силу втрое по сравнению с обычным крылом. Таким образом, мы взлетим на пя-

тидесяти милях в час, с пробежкой в каких-то четыреста футов. Гофрировка по обеим сторонам корпуса гасит вспенивание, не дает брызгам взлететь вверх и как бы успокаивает для нас море. Ну а теперь прошу меня простить.

Буксиры были отцеплены. Рулевой вывел судно на линию взлета и затем по команде капитана оставил управление. Гудящие полицейские катера очистили залив от яхт и лодок. Крепко сжимая левой рукой стартовую рукоятку, капитан правой телеграфировал в машинное отделение «полный вперед». Палуба чуть заметно задрожала, когда турбины, завывая, вышли на рабочий режим, и «Королева Елизавета», набирая скорость, начала скользить по глади моря. Отрыв был столь мягким, что переход с воды в воздух прошел незамеченным. По сути, эта божественная воздушная колесница вела себя столь устойчиво и надежно, что, казалось, это не корабль поднимается, а сам город проваливается вниз, съезжаясь до размеров макета и затем заваливаясь набок, когда корабль начал широкий разворот к западу. Под ним проплыл остров Уайт — скромный зеленый осколок, купающийся в сиянии океана; и вот они уже были над Ла-Маншем, и Англия сжималась и таяла под их правым крылом. Гас забрал чемодан и ушел вниз; он был счастлив, что разделил радость триумфа с отважными людьми, бороздящими это новое, безграничное море.

Короткий, шедший в направлении кормы коридор вел к Гранд-салону, где пассажиры могли и других посмотреть, и себя показать. Они сидели за столами, наслаждаясь видами через большие круглые окна, и задавали бармену жару. Помещение было не столь обширным, как обещало название, но невидимый купол потолка, на который скрытые от глаз механизмы передавали изображение мерцающих звезд и плывущих облаков, создавал иллюзию простора. Протолкавшись через толпу, Гас поймал взгляд проводника; тот отвел его в каюту. Она была миниатюрной, но в ней было все необходимое, и Гас, с облегчением опустившись в кресло, некоторое время отдыхал, глядя в иллюминатор. Его багаж был уже здесь, и Гас знал, что внутри лежат оставшиеся непросмотренными бумаги, которыми он должен заняться. Но сейчас он сидел спокойно, любуясь простотой и удобством устройства каюты, тем, как легко складываются на ночь стул и стол, давая возможность выдвинуть койку, а также подлинной литографией Пикассо, висевшей перед ним на стене. Но в конце концов он зевнул, потянулся, расстегнул воротничок, открыл

чемодан — и сел работать. Когда подали сигнал к ленчу, он и с места не сдвинулся, лишь попросил, чтобы ему принесли pintу бочкового «Гиннеса» и завтрак по-крестьянски — хлеб, сыр и пикули. После такой незамысловатой трапезы хорошо работалось, но к тому времени, как позвонили к обеду, желание отложить работу пересилило желание ее продолжать, и он присоединился к спутникам. На сей раз спутницей его оказалась севшая за один с ним столик леди преклонных лет, весьма богатая, но явно не аристократка. И то и другое можно было легко понять по ее драгоценностям и по гласным в ее речи, так что, быстро покончив с обедом, Гас вернулся в каюту.

Пока он отсутствовал, его постель была выдвинута и расстелена; между простынями лежала электрогрелка, поскольку воздух в каюте охладил до освежающей, наилучшей для сна температуры, а поперек подушки Гаса ждала пижама. Часы показывали десять, но он перевел их на пять часов, поставив нью-йоркское время, — вставать придется чертовски рано. Триста миль в час, пятнадцать часов лета. В момент прибытия по местному времени, может, и будет десять часов пополудни, но для его организма это лишь пять часов; и он решил лечь как можно раньше. Денек завтра будет горячий — и неделя, и месяц, и год... и горячка эта, похоже, навечно. Не это его заботило. Туннель стоил того, стоил и много больше. Гас зевнул, залез под одеяло и погасил свет. Штору на иллюминаторе он задвигать не стал, чтобы перед сном полюбоваться на плывущие в спокойном великолепии звезды.

Потом он с кем-то боролся, его тащили, он не мог вздохнуть, он умирал, его связывали. Он отбивался отчаянно, он пытался разделаться с несокрушимыми путами, он тшил, звать на помощь, но и нос, и рот его были чем-то закрыты.

Это был не сон. Никогда он не ощущал запахов во сне, никогда его нос не попадал в подобную переделку; никогда прежде его не душил приторно-сладкий дурман эфира.

К этому моменту он уже все понял, вполне понял — и берег дыхание, задерживая его, старался не дышать. На Дальнем Западе он не раз помогал хирургу, подливая эфир в воронку у лица раненых, и научился задерживать дыхание, чтобы не хвататься летучих, вызывающих головокружение паров. Это он и сделал сейчас, не зная, что происходит, но понимая, что стоит ему сделать еще хоть вдох — и он потеряет сознание.

Света не было, но, судя по тому, что он ощущал во время борьбы, по крайней мере два человека навалились на него

всем своим весом, не давая двигаться. Что-то холодное сковывало его запястья; что-то перехватывало лодыжки. Теперь тяжелые тела лишь прижимали его к койке, а он еще пытался сопротивляться; и кто-то держал тряпку с эфиром на его лице, ожидая, когда он затихнет.

Это была пытка. Он боролся, как только мог, пока не позволил своим усилиям снизиться; желание сделать вдох сменилось мучительной необходимостью его сделать, и наконец настал ужасный момент, когда подумалось, что если не будет вдоха, то он умрет. С почти самоубийственным усилием он выдержал и это, и, уже погружаясь в бездонную тьму, почувствовал наконец, что тряпку убрали с лица.

Первым делом он, прочищая ноздри, выдохнул остатки отравленного воздуха из легких и затем, очень медленно — хотя все его тело, казалось, кричало, требуя вдоха, — беззвучно впустил в легкие тоненькую струйку снаружи. Едва успев сделать это, он почувствовал, как сильные руки схватили его, подняли и понесли к двери; она была чуть приоткрыта, и ее распахнули шире, чтобы его проташить. В коридоре тускло горело ночное освещение; Гас чуть приоткрыл глаза — так, чтобы они казались закрытыми, — и полностью расслабился, хотя его ударили о косяк, когда выносили.

Никого не было видно, никого, кто мог бы услышать крик, — впрочем, неизвестно, помогло бы это или нет. Только два человека, одетых во все черное, в черных перчатках и черных пучеглазых масках, раздутых у подбородка. Два человека, два грозных незнакомца, поспешно несущих его — куда?

К ожидавшему лифту, из которого, стоило открыть дверь, хлынул поток такого яркого света, что Гас сразу зажмурился. Но он успел узнать этот лифт, соединявший трюм и машинное отделение, в котором он побывал со старшим механиком. Что бы это значило? Его впихнули внутрь, и только тела противников, втиснувшихся вместе с ним, не дали ему упасть. Он чувствовал их дыхание; лифт пошел вверх; до сих пор не было сказано ни слова. Меньше чем за минуту эти два дикаря схватили и связали его, лишили, как они считали, сознания и теперь тащили куда-то — уж конечно, не с добрыми намерениями.

Ответ не заставил себя ждать. Левый машинный отсек; они повторяли тот путь, который Гас проделал утром. Вот и кессон. Одна дверь закрылась, другая открылась под змеиное шипение отсасывающего воздух клапана.

Вашингтон все еще не мог ничего поделать. Начни он бо-

роться, его надолго лишили бы сознания. Хотя нервы его иступленно зывали о действии, пусть о каком-нибудь, лишь бы разрушить безмолвие и беспомощность, он не предпринимал ничего. К тому времени как открылась внутренняя дверь, в голове у него окончательно прояснилось, он старался дышать глубже как только мог, максимально насыщая легкие и кровь кислородом. Ибо за дверью начиналась негерметичная часть летающего судна, где воздух был таким же разреженным, как и снаружи, на высоте 12 000 футов. Человек, дышащий таким воздухом, впадает в глубокое беспамятство и погибает. Неужели именно это и было у них на уме? Они оставят его здесь умирать? Но почему, кто они, чего хотят?

Они хотели его убить. Он понял это, когда его швырнули на холодный металл палубы и завозились с рукоятками люка позади — того самого люка, в который высовывался Алек в Саутгемптоне. Но там у него было двадцать пять футов, грозивших лишь случайным купанием. Здесь были 12 000 футов и жестокая смерть впереди.

Крышка люка с трудом поддалась. Со скоростью трехсот миль в час ураганный поток ударил в отверстие, перекрыв даже рев четырех огромных двигателей. И тогда Вашингтон сделал то, что должен был сделать.

Резко распрямив согнутые ноги, он ударил ближайшего из убийц под колени. На одно короткое мгновение таинственный незнакомец завис над отверстием, дико молотя руками воздух, и канул в ледяную ночь.

Гас не стал дожидаться, когда за дело возьмется второй; со змеиной стремительностью он подполз к коробке датчика пожарной сигнализации и, ухитрившись подняться на ноги, заколотил в нее головой, пока не почувствовал, что стекло разбилось и впивается ему в кожу. Тогда он повернулся ко второму убийце, который все это время явно колебался, не зная, что предпринять.

Кислородное голодание ничем не выдает себя, просто сознание ускользает и наступает смерть. Гас думал лишь об одном: может ли выпуклая маска бандита скрывать дыхательный прибор или бандит отключится тоже. Он должен остаться на ногах. Должен бороться. Если он потеряет сознание, его подташат к люку, и он пропадет в ночи, как тот, первый.

Его глаза закрылись, он медленно сполз вниз и, распростершись на палубе, впал в забытие.

Наемный убийца

— Прекрасное солнечное утро, сэр, немного облачно, но всерьез это принимать не стоит.

Стюард отдернул штору, и сноп солнечного света, сияющего, как расплавленное золото, ударил в каюту. С профессиональной ловкостью выдвинув пластину ночного столика, он поставил на нее поднос с чашкой чая. Одновременно положил судовую газету Вашингтону на грудь, так что тот окончательно проснулся и заморгал, щурясь, — дверь за стюардом тем временем тихо закрылась. Гас зевнул, но газета привлекла его внимание, и он стал просматривать заголовки. «Сотни погибших во время землетрясения в Перу». «С берегов Рейна снова сообщают об артобстреле». «Нью-Йорк тепло встречает Цезаря Чавеса». Гас знал, что газету готовили служащие линии в Нью-Йорке, а затем по радио ее передали на борт воздушного судна. Чай был крепким и вкусным; Гас выспался отлично. Было, правда, ощущение чего-то неуместного, чего-то крепко стянувшего одну половину лица, но едва он успел дотронуться и обнаружить пластырь, как дверь широко распахнулась, и коротенький, кругленький человечек, весь в черном, с воротничком «собачий ошейник», ворвался в каюту, как живое пушечное ядро, а следом за ним вошел сам полковник Мэйсон.

— О боже, боже милосердный! — заговорил круглый человечек, сжимая и разжимая пальцы, трогая тяжелое распятие, висевшее у него на шее, и похлопывая по стетоскопу, болтавшемуся поверх, как если бы он не знал наверняка, на чью помощь правильнее рассчитывать — то ли Христа, то ли Эскулапа. — Боже! Я собирался сказать стюарду, вы ведь дремали, тысяча извинений. Лучше вам отдыхать, уверен, сон — лучший доктор. Для вас, разумеется, не для меня. Вы позволите? — С этими словами он бережно взял нижнее веко Гаса, оттянул вниз и стал всматриваться под него с такой заинтересованностью и с таким благоговением, как если бы там почивала бессмертная душа инженера.

Замешательство быстро сменилось смущением, а затем нахлынуло чувство страха, от которого сердце Гаса бешено заколотилось, и на лбу мгновенно выступили капли пота.

— Так это был не сон... не кошмар... — Он громко вздохнул. — Это действительно произошло.

Командир корабля закрыл за собой дверь и, обеспечив таким образом разговору секретность, серьезно кивнул.

— Да, произошло, капитан Вашингтон. Хотя что именно, мы не знаем, и больше всего я хочу, чтобы вы, если только вы в состоянии, поскорее мне это как-нибудь разъяснили. Я могу сказать только, что сигнал пожарной тревоги из левого машинного отсека был подан в ноль одиннадцать по Гринвичу. Старший механик, который в это время осматривал двигатель в правом машинном отсеке, отреагировал немедленно. Он сообщает, что нашел вас лежащим на палубе — одного, в беспмятстве. Одеты вы были так же, как сейчас, на лице — страшные порезы, и лежали вы прямо под датчиком пожарной сигнализации. Осколки стекла, обнаруженные в ваших ранах, указывают, что вы подали сигнал тревоги головой. Вероятно, вы были вынуждены так поступить, поскольку лодыжки и запястья у вас были в наручниках. Аварийный люк в палубе рядом с вами оказался открытым. Это все, что мы знаем. Механик, который был в дыхательной маске, дал вам свой кислород и вытащил с палубы. Епископ Ботсванский — вот этот джентльмен, он врач — откликнулся на нашу просьбу и обработал ваши раны. Наручники с вас мы сразу сняли и по совету епископа дали вам возможность поспать. Вот и все, что мы знаем. Я надеюсь, вы сможете рассказать нам больше.

— Смогу, — хрипло сказал Гас. И тут оба внимательно следивших за ним собеседника увидели, как выражение покоя, почти безмятежности на его лице сменилось крайним отчаянием — столь глубоким, что священник-врач с криком рванулся к нему; но пациент остановил его, подняв руку и словно бы отмахнувшись, а затем со стоном боли втянул воздух и порывисто выдохнул. — Я вспомнил, — сказал он. — Я все вспомнил. Я убил человека.

Абсолютная тишина царила, пока он рассказывал; вначале нерешительно, пытаясь описать свое замешательство в момент горестного пробуждения, потом, по мере того как в памяти оживали подробности, быстрее и быстрее — борьба в темноте, пленение, последний чудовищный миг, когда тот канул в вечность, и ужас перед возможностью собственной смерти, переполнявший его. Когда Гас закончил, в глазах епископа стояли слезы — он был человеком мягким, он в жизни не подвергался сколь-либо серьезной опасности, и ему

было чуждо насилие; но глаза сидевшего рядом с ним капитана оставались сухими, и в них читалось суровое понимание.

— Вы не должны казнить себя, — почти приказывая, проговорил полковник Мэйсон, — тут не о чем жалеть. Попытка преступления налицо. То, что вы сопротивлялись в порядке самозащиты, должно не осуждаться, а приветствоваться. Окажись я на вашем месте, надеюсь, у меня хватило бы умения и храбрости сделать то же самое.

— Но это были не вы, капитан. Это был я. Забыть я не смогу. Этот груз мне нести теперь всю жизнь.

— Не надо казнить себя, — сказал епископ, нашаривая свои часы и взяв Гаса за запястье, — в нем вдруг проснулся медик.

— Дело тут не в угрызениях совести, а, скорее, в понимании. Я совершил ужасную вещь, и то, что она может быть оправдана, не делает ее менее ужасной.

— Да, да, конечно, — с некоторой резкостью сказал полковник Мэйсон, подергивая себя за бороду. — Но, боюсь, мы должны продолжить расследование. Знаете ли вы, кто были эти люди и каковы могли быть их мотивы?

— Я в таком же недоумении, как и вы. Насколько я знаю, у меня нет врагов.

— Вы не заметили никаких особых примет? Тембр голоса, цвет волос?

— Ничего. Черная одежда, маски, перчатки. И они не разговаривали, делали все в полной тишине.

— Исчадия ада! — воскликнул епископ и, совершенно выбитый из колеи, перекрестил себя стетоскопом.

— Хотя... Погодите, погодите! Что-то припоминаю... только бы ухватить... Что-то... да — метка, голубая, возможно, что-то вроде татуировки. У одного из них, на запястье, оно было почти у меня перед носом, когда он меня держал, а перчатка сбилась, отошла от рукава куртки, и на внутренней стороне запястья... Я не могу припомнить точно, просто что-то голубое.

— У кого из них? — спросил капитан. — У того, кто уцелел, или у другого?

— Не знаю. Поймите, не это было моей первой заботой.

— Разумеется. Значит, пятьдесят на пятьдесят, что преступник еще на борту, — если только он не вывалился в люк вслед за своим соучастником. Но под каким предлогом мы можем осмотреть у пассажиров запястья? Члены экипажа нам хорошо известны, хотя... — Он вдруг осекся, пораженный ка-

кой-то мыслью, от которой лицо его почернело и стало внешне жестоким. Когда он заговорил вновь, тон его требовал абсолютного повиновения. — Капитан Вашингтон, пожалуйста, побудьте здесь и ничего не предпринимайте. Доктор позаботится о вас, и я прошу вас поступать согласно его предписаниям. Я скоро вернусь.

И без дальнейших объяснений он вышел, не дав им ни о чем спросить. Епископ осмотрел пациента более тщательно, нашел его здоровым, но переутомленным и рекомендовал успокоительную микстуру, от которой Вашингтон вежливо, но твердо отказался.

Он лежал неподвижно, с окаменевшим лицом, размышляя о том, что случилось, и о том, как будет жить дальше с таким преступлением на совести. Он понимал, что ему придется смириться и привыкнуть к подобной жизни. За те минуты, что он лежал здесь, он возмужал и стал старше, так что, когда дверь открылась и капитан появился вновь, перед ним был уже совсем другой человек. За спиной капитана произошло движение; Алек и второй помощник вошли в каюту, крепко держа за руки кока.

Он не мог быть никем иным, этот крупный солидный человек в белом, с высоким поварским колпаком на голове, с нездоровой кожей, с аккуратными усиками — и с выражением полной ошеломленности на лице. Как только дверь закрылась и пестрая компания заполнила миниатюрную каюту так, что стало нечем дышать, капитан сказал:

— Это Жак, наш кок. На корабле он с самого начала, а в «Кунард-лайн» работает лет десять, а то и больше. Он ничего не знает о событиях нынешней ночи, и заботят его сейчас только круассаны, оставленные в печи. Но он много раз прислушивал мне за столом, и я вспомнил одну вещь.

Стремительным движением капитан схватил кока за руку, вывернул ее ладонью наружу и оттянул рукав куртки. Там, на внутренней стороне предплечья, виднелась поразительно ясная на фоне бледной кожи татуировка — якоря и канаты, трилистники и лежащие русалки... Она мелькнула, и Вашингтон словно заново увидел этого человека — уже не в белом, а в черном, вновь почувствовал силу его затянутых в перчатки рук, услышал его хриплое дыхание. Не обратив внимания на попытку епископа удержать его, Вашингтон встал к коку вплотную, лицом к лицу.

— Это он. Это тот человек, который пытался меня убить.

На протяжении нескольких долгих секунд лицо кока сохраняло изумленное выражение. Затем на нем отразились тревога и замешательство, он впился взглядом в своего обвинителя, стараясь понять, чем все это может для него обернуться, в то время как Вашингтон угрюмо и непреклонно смотрел коку в глаза, точно хотел заглянуть в душу. Затем оба державших Жака офицера почувствовали, что руки у него задрожали и дрожь перекинулась на все тело; отчаяние охватило его, вытеснив остальные чувства, — теперь офицерам пришлось преступника уже не держать, а поддерживать. А когда он наконец раскрыл рот, его словно прорвало — слова хлынули из него потоком, который уже невозможно было остановить.

— Да, я это был, но меня заставили, я не сам, бог свидетель — не сам! Святой боже! — выкрикнул он по-французски. — И вспомните, вы были без сознания, я мог сделать все, что велено, вы бы не смогли сопротивляться, я спас вам жизнь, оставил там. Так не дайте им взять мою, я умоляю вас; сам бы я ничего такого не сделал...

С мучительным облегчением он рассказывал все — всю свою несчастную повесть с момента, когда он впервые ступил на землю Англии двадцать лет назад, и что с ним происходило потом. Он въехал в страну нелегально. Друзья помогли ему убежать от унижительной парижской безработицы — друзья, которые в конечном счете оказались не столько друзьями, сколько тайными агентами французской короны. Уловка была простой и такой обыкновенной — но она срабатывала наверняка. Просят помочь, и отказать уже невозможно — иначе его выдадут властям, посадят, сошлют... А дальше — больше, на все есть документы, и почти всякая услуга подсудна — и так, пока не запутаешься окончательно в тенетах шантажа. С тех пор как он угодил в сети, использовали его редко, он был тем, кого на языке преступного мира называют «соней», — ждал, подремывая до времени, в глубине приютившей его страны, точно так же, как дремлет бомба, готовая в любую минуту взорваться от первой же искры. И вот — запал подожжен. Приказ, встреча, пассажир на корабле, угрозы и издевательства и откровенная фраза о том, что его оставленная во Франции семья окажется в опасности, если он посмеет отказаться. Он не посмел. А дальше ночная встреча и ужасные события, которые за нею последовали. И чудовищный финал, когда агент погиб, а совершить преступление сам он не смог; он сразу знал, что не сможет. Вашингтон слушал и понимал;

именно он распорядился, чтобы сломленного человека увели, — он понял все слишком хорошо. Позже, когда оставались считанные минуты до последнего маневра воздушного корабля над проливами перед посадкой в бухте Нью-Йорка, капитан сообщил Вашингтону то, что к этому моменту удалось выяснить.

— Второй человек — настоящая загадка, хотя, по-видимому, он не француз. Явный профессионал в этих делах — никаких бумаг в багаже, никаких меток на одежде. Чисто. Но он англичанин — все, кто разговаривал с ним, в этом убеждены — и пользовался большим влиянием, иначе он не попал бы в число пассажиров. Все обстоятельства мы сообщим в Скотланд-Ярд, и наряд нью-йоркской полиции уже дожидается на пристани. Это действительно загадка. У вас нет никаких соображений насчет того, кто они, ваши враги?

Вашингтон застегнул последний саквояж и устало опустился в кресло.

— Даю вам слово, капитан: до сегодняшней ночи я и не подозревал, что у меня есть враги, а тем более такие, которые могут работать в контакте с французской секретной службой и тайно нанимать подручных. — Он криво усмехнулся. — Но теперь я это знаю. Знаю наверняка.

Глава 6

В львином логове

Вагонетка потеряла управление на Третей авеню; отскочив от одной из железнодорожных опор, она вылетела на тротуар, начисто снесла пожарный гидрант и опрокинулась на бок, вывалив весь свой груз на мостовую. Множество рулонов разноцветных тканей раскатилось во всех направлениях, покрыв мостовую подобием ярких флагов. Случайные свидетели аварии сошлись на том, что лучшего места, чтобы поозорничать и покуролесить, и захочешь — не сыщешь, и вряд ли найдешь место хуже для попыток сохранить законность и порядок — вагонетка опрокинулась прямо напротив гриль-бара ирокезов. Посетители бара тут же высыпали на улицу поглазеть на забаву и принялись с радостным гиканьем прыгать туда-сюда через потоки материи и раздирать рулоны, выясняя, что там у них внутри. В этот теплый летний денек большинст-

во краснокожих было обнажено по пояс; на них были только легинсы да мокасины, а у некоторых — еще головные повязки с перьями. Они хватали самые большие рулоны и с наглым хохотом накручивали ткань на себя, пока ошеломленный водитель, свесившись из окна кабины, грозил им сверху кулаком. На этом бы веселье и закончилось и большей беды не стряслось, если бы гриль-бар «Смеющаяся вода» не соседствовал с баром Клэнси, питейным заведением того же пошиба, где, однако, погоду делали исключительно выходцы из Ирландии. Эта неуместная близость доставляла массу хлопот полиции; как в прошлом, так и наверняка в будущем она способна была сказаться на правопорядке в районе вряд ли иначе, чем в этот раз. Заслышав шум, ирландцы тоже вышли на улицу и принялись громко комментировать действия индейцев и подзадоривать их — возможно, завидуя их буйной непосредственности. Результат легко было предвидеть: кому-то подставили ножку, кого-то обозвали при всех, кто-то с кем-то схватился, и пошла общая свалка. Ирокезы, которых закон обязывал оставлять томагавки и тесаки-скальпореzy на пропускных пунктах при въезде в город или, если те жили в городе, держать их дома, быстро нашли им замену, схватившись за столовые ножи из бара. Ирландцы, в равной степени лишенные права появляться на людях с дубинками и терновыми посохами, вес которых превышал известную величину, обнаружили, что их вполне заменяют бутылки и ножки от стульев, — и ринулись в драку. Стоило им схлестнуться, как индейские боевые кличи смешались с громогласными поминаниями святых и всего Святого Семейства. Поскольку целью этой разминки было исключительно удовольствие, до смертоубийств или серьезных увечий дело не дошло, но были тут, конечно, и пробитые черепа, и сломанные кости, и по крайней мере один скальп, чисто символический, просто клочок кожи с волосами. Затем счастливые вопли заглушил своим грохотом пролетавший мимо поезд, а когда он отгрохотал свое, на смену ему завыли полицейские сирены. Зеваки, наслаждаясь представлением, толпились поодаль, а какой-то торговец с тележкой, пользуясь случаем, юлил по краю толпы и продавал прохладительные напитки. И все были довольны.

Айэн Макинтош, однако, счел происшествие крайне неприятным; подобных зрелищ никогда не увидишь на улицах Кэмпбеллтауна или Махриханиша. Людям, которые считают шотландских горцев забияками и пропойцами, следовало бы

прежде заглянуть в колонии. Он презрительно и шумно фыркнул; ему это было нетрудно, ибо приспособление, которым фыркают, у него представляло собою несокрушимый таран, явно предназначенный для авторитетного фыркания, а возможно, и для чего-то еще более важного. Таран был главной достопримечательностью его лица, а пожалуй, и всего тела, поскольку сам он был хрупким и тонким и одет исключительно в серое, полагая, что никакой другой цвет ему так не идет, как этот; и волосы его были какими-то серыми, и даже кожа, если на нее не воздействовали стихии, вносила свою лепту в эту общую обесцвеченность. Так что нос царил надо всем, и ввиду его высокого положения, а также из-за страсти Макинтоша ко всякого рода мелким подробностям и прочей бухгалтерии, прозвище «Пылесос» Айэн заслужил честно, хотя его никогда не называли так в лицо, или, вернее, в нос.

Сейчас, спеша по Сорок второй улице, он пересек Третью авеню и прощально фыркнул в сторону потасовки. Ловко лавируя, он проталкивался через толпу и даже ухитрился вытащить из кармана часы и глянуть на циферблат. Успевают, разумеется, он успевает. Не опаздывал никогда. Не опоздает и на эту, столь неприятную для него встречу. Чему быть, того не миновать. Он снова фыркнул; растворил дверь отеля «Коммодор» и, скоренько обойдя торчащего при дверях служителя, пугнул его, фыркнув еще раз, чтобы тот не рассчитывал получить чаевые за услугу, которая не была оказана. Было ровно два, когда он вошел и, увидев, что Вашингтон уже на месте, ощутил некоторое разочарование. Они обменялись рукопожатиями, поскольку раньше виделись часто, и лишь затем Макинтош заметил пластырь на той стороне лица собеседника, которая до этого была ему не видна. Вашингтон сразу понял причину его интереса и, опережая вопрос, сказал:

— Следы недавних событий, Айэн. Я расскажу вам в кебе.

— Кеба не будет. Сэр Уинтроп, как подобает, прислал за вами свою машину. Хотя ехать на штуке такого цвета вряд ли приятно.

— Автомобиль необязательно должен быть черным, — сказал Гас, забавляясь его привередливостью.

Они поднялись к выходу на Парк-авеню, где их ожидал удлиненный желтый «Корд-Ландо» с откидным верхом. Хромированная выхлопная труба блестела, решетчатые колеса сверкали, шофер придерживал дверь. Уже внутри, закрыв

окошко связи с шофером, Гас рассказал о событиях на воздушном корабле.

— Вот и все, — заключил он. — Кок ничего больше не знает, а полиция не установила ни личности сообщника, ни того, кто мог бы его нанять.

Макинтош громко фыркнул — в замкнутой тесноте автомобиля это прозвучало ошеломляюще, а затем потрепал себя по носу, словно поощряя его за удачное выступление.

— Они знают, кто это сделал, и мы знаем, кто это сделал. Другое дело — доказать...

— Но я уверен, что ничего не знаю! — Гас был поражен кровоизлиянием Макинтоша.

— Вы, инженер, Огастин, лучший из инженеров, мне таким не стать никогда. Но вы засунули голову в туннель и совершенно упускаете из виду дальние последствия вашего предприятия, а также фондовую биржу Парижа.

— Не понимаю.

— Тогда, если хотите, попробуем так. Если кто-то вредит вам, самое время прикинуть, кому, возможно, вредите вы. Есть люди, у которых, предположим, куча денег, но которые замечают, что их доходы несколько сокращаются. Люди, которые, заглядывая в будущее, видят, что эти доходы сокращаются все больше и больше, — и хотят как-то помешать этому уже сейчас. Люди со связями за границей, способные вступить в контакт с правыми из Сюртэ Женераль, а те всегда рады ухватиться за возможности нанести ущерб Британии. Кто это может быть?

— Понятия не имею.

— Как вы наивны, как наивны! — Макинтош с видом заговорщика уложил палец вдоль носа, спрятав за тараном и палец, и добрую часть ладони в придачу. — Тогда я спрошу у вас вот что: если мы под водой, то кто над нею?

— Воздушные корабли, но туннель не составит им никакой конкуренции. И морской флот, но...

Его голос сорвался, и лицо приобрело испуганное выражение. В ответ Макинтош холодно улыбнулся.

— Кого набрали в эту шайку, я назвать не могу — да и вообще, ручаюсь, пособников будет трудновато найти. Но тот, кто этим верховодит, может быть назван. Можете считать это за шутку, но я попрошу вас помнить Томаса Беккета! Что ему стоит отдать приказ: человек он честлюбивый, деньги так и текут

через его руки. Я не берусь утверждать это наверняка, но на будущее могу посоветовать. Мой совет — остерегайтесь его.

Машина остановилась у одного из высотных зданий на Уолл-стрит, при виде которого Гас глубоко задумался. Построить туннель — не яму выкопать, он понимал это; очевидно, убийц можно теперь причислить к факторам профессионального риска. Как и совет директоров. Но к последнему по крайней мере он был подготовлен; всю неделю готовился он к этому дню, подкрепил свою позицию фактами, увязал цифры. Это его шанс — прыжок во тьму, самый рискованный из всех с той поры, когда он впервые понял, *что* должно быть сделано. Его карьера целиком зависела от исхода сегодняшней встречи, и вполне понятно, что это его глубоко волновало. Но сегодняшняя ночь, когда до прыжка во тьму оставался один лишь шаг — и не в переносном, а в самом буквальном смысле слова, — закалила его волю. Что должно быть сделано — будет сделано, и сделает это он.

Он был знаком с сэром Уинтропом и поздоровался с ним за руку, а затем был представлен другим членам правления, которых знал лишь заочно, по их именам и делам. Двадцать один человек — все обязаны своим положением лишь себе, все твердые, незаурядные, уверенные в своих способностях, они сливались сейчас в глазах Вашингтона в одно целое. Все они — один человек, один-единственный, и нужно его убедить. Едва Гас занял место, оставленное для него за длинным столом, он понял, что заседание, судя по пепельницам, началось задолго до его прихода; но, поскольку все эти люди были опытными стрелками, вид плевательниц данного факта не выдавал. Стало ясно, что его намеренно пригласили сюда уже после того, как предложения, касающиеся его нового статуса, были оглашены перед правлением. Ни тяжелые портьеры на окнах, ни густой дым сигар в воздухе не хранили отзвуков спора, но нахмуренные брови и застывшие лица нескольких членов правления ясно указывали на то, что без разногласий не обошлось. Очевидно, единства мнений здесь не было, как не было его и на правлении в Лондоне, но Гас этого и ожидал. Он знал умонастроения своих собратьев-колонистов и построил свой доклад так, чтобы подавить все возражения в корне.

— Господа члены правления, — сказал сэр Уинтроп. — В течение некоторого времени мы обсуждали вопрос, касающийся моего возможного ухода с поста председателя правления и замены меня на капитана Вашингтона, который возглавит

также и инженерное обеспечение строительства туннеля с американской стороны. К этому шагу нас вынуждает катастрофическое состояние наших финансов — состояние, которое должно быть поправлено, если мы вообще хотим продолжать нашу деятельность. Мы решили отложить голосование по этому вопросу до тех пор, пока капитан не выскажется и не ответит на наши вопросы. А, я вижу, мистер Стреттон хочет начать.

Сухая фигура мистера Стреттона поднялась над стулом, подобно взмывающему стервятнику — сочетание черных одежд, белой кожи, выцветших глаз и обвиняюще выставленного пальца представляло собою картину, способную вывести из равновесия при любых обстоятельствах и особенно сейчас, когда он гневно и торопливо начал выкрикивать:

— Не годится, совсем не годится, мы не можем допустить, чтобы нашу фирму представлял человек с фамилией Вашингтон, никак не можем! Скорее Иуда Искариот станет председателем правления, или Понтий Пилат, или Гай Фокс!..¹

— Стреттон, будьте любезны сосредоточиться на делах, нам близких, и оставьте исторические экскурсии на другое время.

Эти негромкие, но язвительные слова произнес развалившийся в кресле коротышка, жирный и рыхлый, как пудинг, с широкой седой бородой, лежавшей у него на груди, громадной черной сигарой, торчавшей изо рта, как флагшток, и холодными, пронзительными глазами, разрушавшими всякое впечатление расхлябанности или слабости, которые, казалось бы, демонстрировала его внешность.

— Вы будете слушать меня, Голд, и будете молчать. Есть вещи, о которых нельзя забывать...

— Есть вещи, которые лучше забыть, — снова прервал коротышка. — Прошло почти две сотни лет, а вы все пытаетесь снова подавить восстание. Хватит, говорю я вам. Ваши предки были тори, и в этом им крупно повезло; они оказались на стороне победителей. Если бы они проиграли, сейчас бы их называли изменниками, и, возможно, Джордж Вашингтон расстрелял бы их точно так же, как они схватили и расстреляли беднягу Джорджа. Может, вы чувствуете себя виноватым за них, а? Ведь у вас это по сию пору зудит. К вашему сведению, у меня тоже имелись предки, а один из них даже был со всем

¹ Гай Фокс — английский заговорщик, который, желая отомстить за закон, направленный против католиков, пытался 5 ноября 1605 года убить короля Джеймса I и взорвать парламент.

этим связан — лопух Хаим Соломон потерял все, давая деньги на революцию, и кончил свои дни, торгуя на Ист-Сайде маринованными овощами из бочки. Беспокоит ли это меня? Нисколько. Я честно голосовал за кандидатов тори, потому что это партия больших денег, и я человек больших денег. Что прошло, то прошло.

— Значит, вы так же неудачно выбрали себе предков, как и Вашингтон, — парировал Стреттон, рассвирепев и даже охрипнув от гнева; он так хлопнул ладонями по столу, будто и впрямь хотел кого-нибудь расстрелять. — На вашем месте я бы этим не хвастался. Во всяком случае, большинство людей не знает о вашей дурной родословной, в то время как на имени Вашингтона лежит несмываемое пятно. Американский народ встретит в штыки любое начинание, связанное со столь одиозным именем.

— Вы, Генри, — ушат с помоями, — донесся с дальнего стола жесткий техасский выговор. Там сидел крупный мужчина в широкополой шляпе, которого, видимо, не волновало, что у остальных головы не покрыты. — Мы, на Западе, едва помним, где обретается Новая Англия, и уж нам совсем наплевать на ваши замшелые счета. Если этот технарь может продать наши акции, найдем его, и дело с концом.

— Я тоже так считаю, — басовито прогудел краснокожий, сидевший еще дальше. — Индейцы знают только одно: все белые люди плохи. Слишком многих из нас постреляли, пока в 1860 году не был заключен мир. Если бы на землях чероки не обнаружили нефть, я бы тут сейчас не сидел. Найдем его.

Последовала оживленная перепалка, которую прервал удар председательского молотка. Затем сэр Уинтроп кивнул Вашингтону; тот встал и невозмутимо оглядел присутствующих.

— То, что сказал мистер Стреттон, очень существенно. Если фамилия Вашингтон может повредить туннелю, этот факт должен быть принят во внимание; если это так, я немедленно откажусь от поста, по поводу которого ведется дискуссия. Но я чувствую — как, видимо, чувствуют здесь многие, — что старая вражда в нашу эпоху уже подзабылась. С той поры как тринадцать первых штатов попытались сформировать собственное правительство и потерпели неудачу, страна росла и росла, и теперь состоит из тридцати одного штата и территории Калифорния. В этих штатах живут различные индейские племена, которым, как сказал только что вождь Подсолнечник, мало дела до наших древних свар. В этих штатах живут

также те, кто бежал от бесконечных войн между балтийскими странами, от еврейских погромов в России, от прорыва дамбы в Голландии, от датчан, когда они оккупировали Швецию; люди разных национальностей, выходцы из разных стран, которым тоже мало дела до этих старинных свар. Уверен, что их больше заинтересует процент прибыли, чем фамилия моего предка. Эта фамилия сейчас не имеет значения и к делу не относится. Что сейчас имеет значение — так это то, что у меня есть план, как привлечь вкладчиков, и я хочу, чтобы вы выслушали этот план перед тем, как будете голосовать относительно пригодности моей кандидатуры. В противном случае вы будете покупать кота в мешке. Позвольте мне рассказать, что я собираюсь делать, а затем, если вы сочтете мой план достойным, голосуйте за него, а не за того, кто его предложил. Если он покажется вам плохим, значит, я не тот, кто вам нужен, и я без лишней болтовни вернусь в свой туннель в Англии.

— Это честный разговор. Послушаем парня.

Пренебрежительное ворчание Стреттона утонуло в раздававшихся возгласах одобрения. Гас кивнул и, открыв кейс, извлек оттуда кипу бумаг, тщательно подготовленных им заранее.

— Джентльмены! Единственной моей целью является спасение туннеля, и вот план, который я вам предлагаю. Больше я ничего делать не собираюсь и ни на что не претендую. Если бы я мог помочь, став носовой фигурой, украшающей корабль корпорации, я бы влез на бушприт и повис под ним на руках. Я инженер. Самое горячее мое желание — участвовать в создании Трансатлантического туннеля. Британский совет директоров счел, что я смогу быть более полезным, если возглавлю строительство с американской стороны, это покажет американской общественности, что туннель является американским предприятием в такой же степени, в какой он является британским. Я собираюсь не заменить мистера Макинтоша, но помогать ему, так что нас будет двое в одной упряжке. Я надеюсь, он останется первым моим помощником во всех вопросах строительства и будет по крайней мере равен мне в вопросах снабжения и обеспечения, поскольку по этим делам он опытный специалист.

Трубное фырчание возвестило, что, по мнению Макинтоша, это утверждение не было ошибочным ни на четверть.

— По отношению к правлению моя роль и будет ролью корабельного украшения, хотя я предпочел бы оставить это

между нами. Я не финансист и надеюсь, что сэр Уинтроп продолжит выполнение своих функций до тех пор, пока не сможет выполнять их уже открыто. Я хочу построить туннель, построить хорошо, построить быстро, чтобы вклады принесли ощутимый доход. Это моя первая задача. Во-вторых, я должен так рекламировать строительство, чтобы вкладчики стекались под наши знамена и доверяли нам все больше и больше своих долларов.

— Верно! — выкрикнул кто-то, а кто-то спросил:

— И как это будет сделано?

— Вот как. Мы откажемся от существующей технологии и перейдем к другой, более дешевой, более эффективной, а она создаст базу для экономии средств. Быстро возрастающая экономичность окажется, я верю, побудительным мотивом первоочередной важности.

— Знает ли об этом сэр Айсэмбард? — выкрикнул Макинтош, побагровев; его темные ноздри нацелились на Вашингтона, как спаренный пулемет большого калибра.

— Если быть совершенно откровенным — нет. Хотя в прошлом мы многократно обсуждали это. Он решил придерживаться существующей технологии шагового бетонирования — по крайней мере пока она не докажет свою полную несостоятельность, и лишь тогда приступить к рассмотрению альтернативных методов строительства. Я всегда полагал, что он не прав, но, пока я был его подчиненным, я ничего не мог сделать. Теперь, когда я надеюсь получить, так сказать, независимость, я осуществляю свое намерение перейти к более современной, более американской технологии, к...

— Голову ему оторвать за такие слова!

— Ничего подобного мы не допустим!

— Дай ему домолоть, Скотти, — возвысил голос текасец. — Тут есть смысл.

Он завладел их вниманием и привлек симпатии хотя бы некоторых. Теперь только бы удалось их убедить. Стояла полная тишина, когда Вашингтон достал из кейса светокопию и показал собранию.

— Вот что мы делаем сейчас, строя туннель методом шагового бетонирования, которое называют самой современной технологией. По мере продвижения туннельного щита и выемки грунта наша громадная металлическая труба продвигается вслед за ним. С внешней стороны трубы располагаются арматурные штанги, и туда закачивается бетон. Когда бетон

застывает, труба движется дальше, и в итоге мы получаем непрерывный туннель, бетонируемый в забое. Щит движется с различной скоростью, но в среднем ни в коем случае не быстрее тридцати футов в день. Очень впечатляюще. Пока вы не примете во внимание ширину Атлантики. Если указанная скорость будет сохраняться, — а мы не имеем никаких гарантий этого, напротив, есть масса обстоятельств, заставляющих подозревать, что не будет, — срок, за который мы и, я надеюсь, британская сторона также, достигнем точки встречи в середине Атлантики, составит что-то около ста пяти тысяч дней. А это, джентльмены, без малого триста лет.

Вполне понятно, что за этим последовало обескураженное перешептывание; заскрипели перья по листам бюваров — кто-то решил быстренько посчитать сам.

— От этой цифры захватывает дух, я согласен, а большинство вкладчиков озабочено как раз быстрым оборотом средств. К счастью, этот метод не единственный. Поэтому я предлагаю заменить технологию, которую мы сейчас применяем, что качественно ускорит процесс и в то же время вызовет подъем американской экономики во всех сферах: кораблестроении, металлургии, инженерно-строительном деле и во многих других. И, кроме того, это сократит время, необходимое для создания туннеля. — Гас сделал паузу, затем сказал: — Сократит его примерно до десяти лет.

Эта фраза вызвала не просто изумление, а мгновенный ужас, дикое возбуждение; чей-то голос, перекрыв гомон, спросил за всех:

— Как, я хочу знать? Скажите же, как!

Гул голосов увял, когда Вашингтон вынул из кейса чертеж и развернул его, показывая всем.

— Вот как. Смотрите, это — секция туннеля, длина ее около девяноста футов, изготовлена из армированного бетона. В ней находятся два железнодорожных туннеля, вплотную друг к другу, а под ними — меньший туннель, вспомогательный. Так выглядит туннель, который мы ведем сейчас. Малый туннель называется штольной, он прокладывается первым. Так мы выясняем, какой грунт у нас впереди, скала ли, земля ли, и с какими проблемами мы столкнемся при проходке больших туннелей. Эти туннели прокладываются бок о бок и через определенные интервалы соединяются переходными камерами. Как ни крутите, сложно, и техническая методика проходки такова, что мы должны быть счастливы, если дер-

жим среднюю скорость тридцать футов в день. Если бы только перед нами не лежали тысячи миль. Поэтому я предлагаю то, что может показаться новым и неоправданным, но, смею вас уверить, эта технология была опробована и оправдала себя в этой стране при прокладке туннелей под Делавэрским заливом, под Миссисипи и в других частях света, например в бухте Гонконга. Технология такова: туннель формуется, бетонируется, строится по секциям заранее, на берегу, затем буксируется к месту и затапливается. Секции строятся в условиях практически идеальных, тестируются на предмет дефектов, остаются на суше до полной готовности — и лишь затем им дозволяется стать частью туннеля.

Можете ли вы, джентльмены, представить воочию, что это значит? Все верфи в Атлантике и в Мексиканском заливе, равно как и вновь созданные предприятия, будут заниматься секциями — даже на Великих озерах и на реке Святого Лаврентия портовые рабочие окажутся заняты. Почти немедленно потребуются громадные количества стали и бетона — и без слов ясно, что тот, кто вложит деньги в сталь и бетон, наверняка сорвет хороший куш. Контракты будут заключаться со всеми, кто удостоверит свое участие в поставках. После такого впрыскивания национальная экономика в целом не может не оживиться. Туннель будет построен, и, строя его, наша великая страна построит себя заново!

Раздались восхищенные возгласы; Гас зажег директоров своим энтузиазмом, они поверили. Снова заскрипели перья, кто-то уже заглядывал в «Уолл-стрит джорнэл», выясняя, каковы курсы акций на сталь и бетон, кто-то уже достал карманный передатчик, чтобы связаться со своими брокерами. Предчувствие новой жизни буквально обрушилось на комнату, и лишь очень немногие — один в особенности — не разделяли всеобъемлющего энтузиазма. Когда шум начал стихать, Макинтош заговорил:

— Необходимо известить Айсэмбарда об этом предложении. Без его согласия ничего делаться не будет.

Фраза была встречена громким свистом и негодующими выкриками, но точку поставил мистер Уинтроп.

— Не думаю, что это необходимо. Финансирование туннеля под угрозой, иначе в нашем совещании, специально посвященном этой проблеме, не было бы нужды и капитан Вашингтон не был бы к нам направлен в своем нынешнем качестве. Руки у него развязаны, и Лондон ему не указ, вы должны

это запомнить. Руки у него развязаны. Если на этой стороне Атлантики не начнутся выплаты по облигациям, туннеля не будет вообще. Если смена технологии обеспечит успех, а у меня нет никаких причин думать иначе, мы должны принять этот план. Больше нам ничего не остается.

Затем были вопросы, на которые Гас отвечал точно и конкретно; но была и небольшая оппозиция, представленная главным образом джентльменом из Новой Англии.

— Запомните мои слова — нас ждет беда. Такое имя, как Вашингтон, не может не повлечь дурных последствий!

Он выкрикнул это в тишине, но единственным ответным возгласом было: «Снимите с него скальп!» Правда, это обещало оказаться делом чрезвычайно трудным, поскольку волосяной покров, который, вероятно, у этого человека существовал когда-то, давно исчез, но даже упоминание об операции заставило джентльмена с громким хлопающим звуком накрыть голову ладонью и проворно сесть, так что этот голос протеста против общего мнения был утихомирен, и замены ему не нашлось. Состоялось устное голосование, результат которого вызвал одобрителный гул, и, лишь когда тишина воцарилась вновь, Макинтош поднялся и, сотрясаясь от злости, обратился к аудитории с заключительной репликой:

— Пусть будет так, не стану спорить. Но считаю, мы не слишком хорошо отплатили великому человеку, задумавшему и спроектировавшему этот туннель. — И он обвиняюще ткнул пальцем в сторону Вашингтона. — Человеку, который ввел вас в свой дом, Огастин Вашингтон, с дочерью которого, я слышал, вы помолвлены. Задумывались ли вы, как это решение отразится на юной леди?

В комнате все затихло, ибо в своем стремлении защитить начальника и друга Макинтош переступил рамки приличий и углубился в неприятную область личных отношений и выпадов. Похоже, он понял это, еще пока говорил; став серее серого, он попытался сесть, потом снова встал, когда Вашингтон повернулся к нему. Лицо американца осталось невозмутимым и твердым, но внимательный глаз заметил бы, как вздулись вены на тыльных сторонах его ладоней, как побелели пальцы, стиснутые в кулаки.

— Я счастлив, что вы заговорили об этом, поскольку кто-нибудь когда-нибудь все равно об этом спросит. Первое. Я по-прежнему восхищаюсь сэром Айсэмбардом и почитаю его как своего наставника и работодателя, я не испытываю к

нему ничего кроме глубочайшего уважения. Он, со своим практическим складом ума, предлагает нам обождать с новой технологией прокладки, и мы бы ждали, будь у нас время и деньги. Но их нет — ни того, ни другого. А поэтому мы переходим к методике, которая, по крайней мере в теории, если не в плане ее немедленного практического применения, была им одобрена. Я желаю ему только добра и даже понимаю его отношение ко мне. Он, который стоит на Олимпе один, не горит желанием пускать туда других. И он действительно стоит там один, как не превзойденный никем инженер и строитель нашего времени. Когда в Лондоне определили мне новую роль на американской стороне, он счел это личным оскорблением, и это я тоже могу понять. Он отказал мне от дома, и я не виню его никоим образом, потому что в рамках своих представлений он прав. Он настоял также, чтобы помолвка между его дочерью и мной оказалась расторгнутой, и это было сделано. Я не буду обсуждать с вами мои переживания, джентльмены, скажу лишь одно: я этого не хотел. Но это произошло. И в каком-то смысле это хорошо, так как дает мне свободу, чтобы принять правильное решение, если не относительно себя, то, во всяком случае, относительно туннеля. Деньги будут получены, и туннель будет построен с применением той методики, которую я вам обрисовал.

КНИГА II

НА ДНЕ МОРСКОМ

Глава 1

Путешествие из ряда вон

Тишина в маленькой рубке была почти абсолютной. Но создавали ее не ухищрения человеческой техники — просто здесь, в Атлантике, на глубине тридцати саженей, не было звуков. На поверхности океана могли с грохотом сталкиваться волны, судовые сирены могли стонать, когда корабли на ошупь пробирались в едва ли не вечных туманах Ньюфаундлендской отмели Грэндбэнкс; ближе к поверхности океаническая жизнь шумела всю в вечной погоне за пропитанием: щелкали креветки, дельфины обменивались сигналами, что-то бубнили рыбы. Не то что внизу, где спешила по своим делам крохотная субмарина; здесь царило вечное безмолвие бездны. Покой снаружи и почти такой же покой внутри. Слышался только отдаленный гул двигавших субмарину электромоторов, да шелест вентиляторов, да на удивление громкое «тик-так» часов с галкой, укрепленных на переборке над местом рулевого. Уже в течение нескольких минут длилось молчание, и тиканье часов было особенно громким. Рулевой заметил брошенный на них взгляд пассажира и улыбнулся.

— Наконец-то вы заметили часы, капитан, — сказал он не без гордости.

— Да, действительно, — пробормотал Вашингтон, воздержавшись добавить, что невозможно не заметить вещь, столь бесстыдно бросающуюся в глаза. — Полагаю, это не серийное производство?

— Не просто не серийное, хотя и это тоже, но к тому же один из первых экземпляров, вот что это такое. Мой дед смастерил первые часы с галкой после того, как увидел в ломбарде на О'Коннэл-стрит похожие среди вещей из Блэк-Форест. Он говорил, это были часы с кукушкой, и они его просто оча-

ровали, — хотя он сам был часовщик, и все такое. Когда он вернулся домой в Кэшэл, он попытался сделать такие же, но, поскольку кукушек любил не очень — еще бы, здоровенные наглые твари, подкладывающие яйца в чужие гнезда, — хамство и только! — он сделал галку и часть башни разрушенного замка, где галку встретишь всегда. Он смастерил одни, смастерил другие, они понравились английским туристам, приехавшим осмотреть замок и скалы, и быстрее, чем вы успеете сказать «Брайан О'Линн», возникло целое новое производство. А теперь памятник деду вы увидите на площади в Кэшэле.

Будто стремясь усилить этот панегирик в свою честь, часы начали отбивать время — из портала разрушенного аббатства выпрыгнула ворона и, хрипло крикнув «кар-р! кар-р!», скрылась.

— Уже два? — спросил Вашингтон, взглянув на свои часы, которые, в общем, были согласны с вороной, вернувшейся в свою темную келью ждать трех. — Мы не можем идти быстрее?

— Полный ход, капитан. «Наутилус» делает все, на что способен. — Рулевой передвинул рычаг скорости как можно дальше от нулевого положения, словно этим хотел подтвердить собственные слова. — В любом случае, мы уже на месте.

О'Тул отключил внешнее освещение, чтобы можно было видеть дальше сквозь глубоководный мрак. Сверху сочился чистейший зеленый свет, который пропадал с глубиной, так что внизу была ничем не оживляемая тьма. Но, когда лучи от огней субмарины погасли, глаза начали различать в пучине некое свечение — там, где со дня сотворения мира царила ночь. Показался один огонек, затем еще и еще, пока целый рой затонувших звезд не окружил субмарину, погружающуюся все глубже и глубже; казалось, они зазывают ее в самую гущу копошащейся техники, безмерно чуждой древнему покою океанского дна.

Прежде всего взгляд останавливался на огромной, приземистой, нелепой и противоестественной с виду, угловатой гудящей машине с какими-то штангами и навесными башнями, которая сидела на дне, как наседка на яйцах. Она имела вид клепаной фермы мощного моста, и процентов девяносто пять всей конструкции были открыты океану, чтобы сравнять внутреннее давление с наружным. Каркас был открыт, рычаги были открыты; гусеницы — ленты стальных пластин — охлестывали мощные металлические колеса. Только внимательный глаз мог разглядеть пухлые выпуклости за гусеницами, в

которых размещались ходовые электромоторы, а вот кругляш атомного котла, подобно дыне плававший позади машины, наоборот, был на виду. Другие моторы, заключенные в герметичные коконы, приводили в движение зубчатые колеса и тросы, а главный кокон, словно округлый нарост, сидел на переднем конце всей конструкции. Там располагались пост управления и каюты экипажа — герметичные, комфортабельные, вполне пригодные для жизни и настолько независимые от внешнего мира, что люди могли проводить в них месяцы, не возвращаясь в привычный мир, который они оставили наверху. Однако вспомогательные механизмы были столь велики, что просторное жилье казалось рядом с ними не более чем куриным яйцом, балансирующим на руле велосипеда, — и в каком-то смысле этот образ к конструкции подходил.

Эту чудовищную машину, нареченную ее создателями землечерпалкой «Челленджер, модель IV», никто, однако, не называл иначе, как «Ползунок», — несомненно, из-за ее скорости, не превышавшей мили в час. Сейчас Ползунок не полз и вообще не работал, что было к лучшему, поскольку иначе видимость бы полностью отсутствовала — во время работы он поднимал облако мути намного гуще, чем самое лучшее чернильное облако самого большого из когда-либо живших осьминогов. Стены его выдвигались тогда вперед, и вращающиеся буры, каждый величиной с омнибус, вгрызались в океаническое дно, в то время как хлещущие вдоль них потоки воды из гидромониторов буквально взрывали ил и песок донных отложений. Под воздействием воды и буров ложе океана пробуждалось от своего, казалось, вечного сна и вздымалось вверх — в пасть поглотителя землечерпалки, которая всасывала полученную пульпу, и та транспортировалась далеко в сторону, где землечерпалка изрыгала ее, насыпая вдоль своего пути высокие курганы. Вся эта круговерть поднимала облака мельчайших частиц, полностью перекрывающих видимость, но проникаемых для специальных приборов. Звуковым волнам все равно, прозрачна вода или нет, и сканер сонара, уловившего отраженный сигнал, покажет на экране все, что происходит в отрываемой выемке впереди. Но сейчас Ползунок наработался; на какое-то время его моторы затихли, рабочие механизмы оторвались от грунта; покинув выемку, он отступил назад.

Теперь на свои позиции вышли другие машины. Был среди них уродливый механизм с воронкообразным хоботом, устилавший гравием дно выемки; однако и эта операция была

завершена, и механизм отошел назад. Поднявшийся во время его работы ил осел быстро. Тогда началась последняя операция, та, ради которой и проводились все эти подводные земляные работы. Тяжелая массивная секция туннеля медленно погружалась вниз, к только что отрытой выемке с ложем из гравия, на котором ей отныне предстояло покоиться. Тонны бетона и стальной арматуры ушли на изготовление стофутовой секции, наружная поверхность которой была укутана многослойным защитным покрытием. Сформованная и полностью обработанная еще на суше, она ожидала лишь осторожной транспортировки к месту назначения, чтобы продолжить собою постоянно удлиняющийся туннель. Толстые тросы тянулись от намертво залитых в бетон колец к плывшему сверху буксировочному понтону, по размерам еще большему, чем секция, которая сама, разумеется, не обладала плавучестью. Трубы — по ним когда-нибудь предстояло пойти поездам — были с обеих сторон открыты воде. Массивная и неповоротливая секция висела, медленно смещаясь вперед под действием четырех небольших, напряженно гудящих субмарин, родных сестер той, на которой приплыл Вашингтон. Они обменивались сигналами, притормаживая и вновь разгоняясь, маневрировали, пока не оказались над нужной точкой выемки. Тогда балластные цистерны подводного понтона приняли воду, и он медленно опустился, уложив секцию на подготовленное для нее ложе. С поразительной точностью сработала выравнивающая автоматика стыка, так что, стоило новой секции занять свое место, она точно продолжила собой предыдущую. Субмарины с гудением опустились ниже; носовые манипуляторы охватили гидравлическими захватами края стыка и медленно стиснулись, скрепляя их воедино. Лишь когда резиновые прокладки сжались до предела, рычаги замерли; тогда по стыку были укреплены запирающие пластины. Другие машины, ползающие, уже дожидались на дне, когда шов охлестнут заливочные формы, чтобы наполнить их специальным раствором застывающего в воде бетона и соединить секции наглухо.

Все шло нормально, как тому и следует быть, машины внизу делали свое дело с усердием муравьев в муравейнике. Однако сам этот порядок увлек мысли Гаса в сторону — к разрушению, к недавней катастрофе, которая на короткое время поставила под угрозу весь проект.

Туннельная секция. Исковерканная ударом, зарывшаяся одним концом глубоко в океанский ил.

Неужели с момента аварии прошло каких-то двадцать четыре часа? Один день. Всего лишь один день. Уцелевшие люди на всю жизнь запомнят мгновение, когда лопнул трос и секция, кувыркаясь, начала падать прямо на туннель и на Ползунок. Одна субмарина... один человек оказался в нужном месте в нужный момент и сделал то, что было невозможно сделать. Один-единственный крохотный механизм с отчаянно вращающимся гребным винтом смог удержаться возле секции, оттаскивая ее из всех силенок с траектории падения в сторону — едва-едва; однако этого «едва» хватило, чтобы спасти туннель и машину внизу. Но и субмарина, и человек заплатили сполна за этот дерзкий поединок с громадной конструкцией, ибо от удара о дно секция раскололась и вздыбилась, словно мстительный молот, и сокрушила пылинку, осмелившуюся вступить с ней в борьбу. Один человек погиб, сохранив этим жизнь другим. Так Алоисиус О'Брайан покрыл свое имя славой. Первая смерть на строительстве — и более честной смерти человеку не пожелаешь, если вообще позволено говорить о том, присуще ли человеку желание смерти. При этой мысли Вашингтон вздохнул: будут смерти, будут наверняка, прежде чем строительство завершится. Рулевой, видя, куда направлен взгляд пассажира, легко угадывал его мысли, словно тот говорил вслух:

— А неплохой был парень, Алоисиус, даром что приехал из Уотерфорда. Из ирландцев получаются хорошие подводники, и это не пустая похвальба — а если кто засомневается, вы только расскажите про него, как он нырнул под тысячетонное надгробие и что совершил. Да вы не терзайте себя, капитан. Другая секция уже в пути, она заменит ту, подумаешь, опоздает на несколько часов — но ведь движется же. Дело будет сделано.

— Хорошо бы, если так, О'Тул, хорошо бы.

Очередная секция уже показалась и была хорошо видна на фоне огней внизу. Гас знал: следующая уже ждет своей очереди, вися в темноте поодаль, а последняя движется сюда с максимальной быстротой, какую могут обеспечить буксиры. По его указанию субмарина пошла вдоль выемки, вплотную к двум собранным секциям, отходившим от кессона, которому предстояло когда-нибудь сделаться станцией Грэнд-бэнкс. Глубина здесь не превышала одиннадцати саженей; это позволяло производить выгрузку бута для станции прямо с су-

дов, что значительно облегчало дело. Искусственный остров рос к поверхности, увеличиваясь с приходом каждой баржи, добавлявшей ему щебня и песка. Гас взглянул на часы и показал вперед.

— Давай-ка наверх, — приказал он.

Они всплыли возле стоявшего на якорях плавучего дока; раздался глухой удар магнитного захвата о корпус, и субмарину втащили на ее место. О'Тул, перебросив рычаги, открыл верхний люк, и свежий, привольный ветер океана толкнул своей влажной ладонью Гаса в лицо, когда тот вышел на воздух. Оказалось, что солнце уже успело зайти, пока они находились в глубине океана, и туман, который теплые лучи какое-то время удерживали в бухте, спешил вернуться, словно пробовал наверстать упущенное. Его длинные струи вились над доком, принося с собой внезапную прохладу северного сентябрьского вечера. К субмарине опустили трап, и Гас поднялся наверх, навстречу ожидавшему его моряку; Гас шагнул с трапа, и моряк отдал ему честь.

— Капитан приветствует вас, сэр, и сообщает, что корабль ждет. Мы снимаемся, как только вы будете на борту.

Гас последовал за моряком, зевая так же, как он, — этот длинный день начался задолго до рассвета и был всего лишь одним из бесконечной вереницы точно таких же дней; начало их терялось далеко в прошлом, Гас даже не мог вспомнить, когда оно было — начало. Решив побриться, он заглянул в зеркало и, увидев себя, поразился — на него смотрел чужой человек, с лицом, болезненно бледным от долгого пребывания вдали от солнца, с темными кругами у глаз от постоянного недосыпания, с проблесками седины на висках от ответственности, слишком большой и слишком долго несомой. Но он никогда ни о чем не жалел; то, что он делал, стоило того, чтобы это делать, — игра стоила свеч. Даже сейчас он сетовал лишь на то, что ночь, за которую хорошо бы выспаться, ему предстояло провести на борту военного корабля «Боадия» — члены экипажа ласково называли его «Старым Костоломом» за ту сноровку, с какой корабль справлялся с бушующими волнами. Это было судно на воздушной подушке, последнее пополнение Королевской Американской береговой охраны, способное делать 50 узлов над самыми неистовыми морями, как и над песками, болотами, твердым грунтом — предмет восхищения таможенника, ужас контрабандиста; на полном ходу оно шло, как шел бы по стиральной доске грузовик без рессор, так что не это место стоило выбирать на ночь, если желаешь выспаться. Но

задачей путешествия был не сон, а скорость — а уж скорость этот необычайный аппарат гарантировать мог. Сам капитан Стокс дожидался на верху сходней; с искренней гостеприимной улыбкой он пожал Вашингтону руку.

— Счастлив видеть вас на борту, капитан Вашингтон, — негромко сказал он Гасу. — Отдать швартовы!!! — гаркнул он матросам на палубе, будто пушка выпалила. — Сводки дают умеренное волнение, так что мы сможем держать пятьдесят пять узлов почти всю ночь. Если море останется таким же спокойным — придем в Бриджхэмптон на рассвете. Какой-то малый из газеты напросился с нами, никак его было не спроводить. Надеюсь, вы не возражаете?

— Никоим образом, капитан. Паблисити — это тоже строительство туннеля, так что если пресса захочет повидаться со мной, — я готов.

Когда они вошли в офицерскую кают-компанию, репортер встал — крепкий рыжеватый человек в клетчатом пиджаке и котелке, традиционном головном уборе газетчиков. Он был из того нового поколения репортеров, которые шагу не могут ступить без электроники; записывающие устройства, как ранец, висели у него за спиной, микрофон выглядывал из-за одного плеча, линзы фотоаппарата — из-за другого.

— Бьемонт из «Нью-Йорк таймс», капитан Вашингтон. Но за мной весь газетный пул, просто монетка у меня упала как надо — ведь только один корреспондент мог ехать с вами. Так что я из Эй-пи, Ю-пи, Рейтер, «Дейли ньюс» и еще много откуда. У меня несколько вопросов...

— На которые я буду более чем счастлив ответить чуть позже. Дело в том, что я никогда не бывал на кораблях этого типа и хотел бы посмотреть, как он отходит.

Судно вот-вот должно было пуститься в путь. Два громадных пропеллера, установленных на кормовых башнях, уже начали вращаться, и швартовы, державшие «Боадицею» у дока, были отданы. Внезапно несущие пропеллеры взревели, создавая подъемный эффект, и громадный аппарат зашевелился, закачался, а затем — самое странное ощущение из всех — прямо пошел вверх. Выше и выше — шесть, восемь, десять футов; он поднимался, пока и впрямь не лег на подушку из воздуха, не имея ни единой точки соприкосновения с поверхностью воды. Несущие пропеллеры превратились теперь в своей вышине просто в серебряные диски, диски с подвижной осью вращения; они повернулись перпендикулярно направлению движения, и аппарат легко скользнул прочь от дока. Пропел-

леры повернулись опять, давая теперь полный ход, и мало-помалу «Боадицея», чудо современной техники, превратилась и впрямь в покорительницу вод и понеслась над ними к югу, все быстрее и быстрее уходя в ночь. Но тряска при этом возросла так, что задребезжала посуда на полках в буфете, и Гас с наслаждением устроился на софе, дававшей хотя бы относительный комфорт. Бьемонт сел напротив него и тронул кнопки ручного пульта управления.

— Собираемся ли мы победить, капитан Вашингтон, — вот вопрос, который сегодня у всех на устах. Мы победим?

— Это никогда не было вопросом победы или поражения. Обстоятельствами почти всегда правит случай, так что американская часть туннеля достигнет конечной точки возле станции на шельфе приблизительно в то же время, когда английская часть дойдет до их станции на банке Грейт-соул. Это не гонки. Ситуации различны, даже расстояния различны.

— Вот именно, различны, и именно это делает наши гонки, которые вы не хотите называть гонками, столь волнующими. Американский туннель втрое длиннее английского.

— Ну, не втрое.

— Но все же, признайтесь, намного длиннее, а построить такой туннель за тот же срок, что и они, — это само по себе победа и источник гордости для всех американцев. Еще большей победой будет, если вы сможете проехать по всей длине американского туннеля и затем прибыть в Лондон так, чтобы сесть на первый поезд, идущий по английскому туннелю. Он уходит с Паддингтонского вокзала менее чем через тридцать часов. Вы еще надеетесь быть на нем?

— У меня есть все основания надеяться.

Судно достигло теперь предельной скорости и, прыгая от волны к волне, колотилось, словно припадочная вагонетка. Бьемонт сглотнул и ослабил воротничок, мелкие бисеринки пота проступили у него на лбу; нежным внутренностям не рекомендуется путешествовать на воздушных подушках. Но, больной или здоровый, он оставался репортером — и напора не ослаблял:

— Угрожает ли нашим шансам на победу крушение одной из секций туннеля?

— Я не хочу, чтобы вы употребляли слова «победа» и «поражение», поскольку, на мой взгляд, они здесь неуместны. Что касается вашего вопроса, то — нет, это не изменит ситуацию сколько-либо значительно. Секции изготовлялись с избыт-

ком на случай выявления дефектов во время сборки. Последняя секция сейчас в пути и будет поставлена в течение ночи.

— Нет ли у вас желания как-то прокомментировать тот факт, что мистер Дж. И. Гувер из лонг-айлендского отдела Колониального бюро расследований полагает, будто здесь имела место диверсия? Он уже арестовал кого-то...

— У меня нет никаких комментариев, поскольку я знаю об этом столько же, сколько вы.

Гас говорил нарочито бесстрастно, стараясь даже голосом не намекнуть на то, что это была не первая попытка диверсии. Репортер начал теперь слегка зеленеть, этот оттенок сделал черты его лица еще более интересными; он ничего не заметил. Тем не менее он настойчиво продолжал задавать вопросы, хотя глаза его все больше стекленели и голос явно охрип.

— После аварии букмекерские ставки на вас упали с пяти до трех за равные деньги. Волнует ли вас вообще то, что громадные суммы поставлены на ваш своевременный приезд в Лондон?

— Ни в малейшей степени. Среди моих пороков нет любви к азартным играм.

— Не расскажете ли вы, каковы ваши пороки?

— Один из них — это не отвечать на подобные вопросы.

Оба улыбнулись этой легкой пикировке, хотя улыбка Бьемонта была несколько принужденной, замороженной. Теперь он определенно позеленел и говорил с трудом, поскольку «Боадицея» атаковала соленые громады волн с неослабевающей энергией.

— Если снова серьезно... не объяснили бы вы... значение этих станций... в океане... для туннеля?

— Разумеется. Если вы представите себе трехмерную карту мира без воды в океанах, вы увидите, как мелки — сравнительно, конечно, — моря, омывающие Британские острова и Северную Америку. Здесь мы имеем континентальный шельф, мелководье, простирающееся вдоль нашего берега до Канады и затем к острову Ньюфаундленд до отмели Грэнд-бэнкс, граничащей с абиссальной равниной. Начинающиеся здесь подводные горные склоны более отвесны, более скалисты, более изрезаны, нежели любые горные цепи на суше. Вы видели искусственный остров, на котором будет в будущем станция Грэнд-бэнкс. Она расположена на глубине 66 футов. Сразу за нею дно резко уходит вниз на глубину более пятнадцати тысяч футов, то есть на три мили. Британская Отметка 200 на отмели Грейт-соул находится на глубине 42 фута и то-

же на краю трехмильного склона. Эти две станции отмечают границы наших операций на мелководье, с их внешней стороны мы будем использовать другой тип туннелей и другой тип поездов. Следовательно, здесь должны быть построены пересадочные станции, а также...

Он не закончил, так как репортера уже не было — с придуренным хрипом, зажав рот ладонью, он выскочил из комнаты. Для Гаса всегда было несколько странно, почему люди ведут себя столь неподобающим образом, — хотя он знал, что по большей части они ведут себя именно так; сам он обладал железной конституцией, никогда не подводившей его ни при каких обстоятельствах. Но перерыв случился вовремя, он давал Гасу возможность немного отдохнуть. Он нашел капитана на мостике; после короткой, но полезной беседы, касающейся конструктивных особенностей их не имевшего аналогов в прошлом судна, капитан предложил гостю свою каюту. Койка здесь оказалась весьма удобной, и Гас мгновенно провалился в глубокий, но отнюдь не безмятежный сон. Полностью отключиться не удалось; и глаза Вашингтона уже были открыты, когда посыльный принес закрытый сосуд, напоминавший чашку с носиком наверху.

— Кофе, сэр, только что из термоса, с сахаром и сливками, как, надеюсь, вы любите. Потяните ртом сверху, этот клапан не дает кофе разбрызгаться. Совсем легко, если приноровиться.

Действительно, пить было легко, да и кофе оказался хорош. Умывшись и наскоро побрившись, Гас почувствовал себя значительно лучше и поднялся на мостик. Приближающийся рассвет набросил золотое покрывало на море за кормой, а впереди еще царила ночь, хотя звезды уже пропадали и низкий контур Лонг-Айленда был ясно виден. Маяк на мысе Монток приветливо мигал, и через несколько минут его башня четко прорисовалась на фоне светлеющего неба. Капитан, не покидавший мостика всю ночь, пожелал Вашингтону доброго утра и затем передал ему листок бумаги.

— Мы получили это по радио несколько минут назад.

Гас развернул и прочел.

КАПИТАНУ Г. ВАШИНГТОНУ БОРТ КОРАБЛЯ КОРОЛЕВСКИХ ВМС БОАДИЦЯ.

ПОСЛЕДНЯЯ СЕКЦИЯ УСТАНОВЛЕНА ГЕРМЕТИЗАЦИЯ ИДЕТ ПО ПЛАНУ ПОГРЕШНОСТЬ ВОСЕМЬ ФУТОВ ГАУЭН СОЕДИНЯЕТ ВСЕ ЗЕЛЕНое

САППЕР

— Боюсь, радист напутал, — сказал капитан Стокс. — Но текст был передан дважды, и радист говорит, все правильно.

— Конечно, правильно, лучших известий и быть не может. Все секции туннеля на местах, и сейчас идет герметизация, которая сделает их водонепроницаемыми по всей длине. Как вы, без сомнения, знаете, часть туннеля идет назад от станции Грэнд-бэнкс навстречу другой части. Ориентироваться на дне океана — дело не простое, к тому же мы предполагали, что к моменту встречи может возникнуть определенное отклонение. Мы можем производить различные операции с туннельными секциями под водой, но не в состоянии делать их короче. Погрешность при соединении оказалась восемь футов, практически точно такая, как мы рассчитывали. Сейчас идет заливка раствора в зазор. Раствор будет зафиксирован агрегатами Гауэна — они заморозят его жидким азотом до полного отвердения, а затем мы просверлим эту пробку насквозь. Все идет по плану.

Увлечшись рассказом, Гас не обращал внимания на то, что все, кто находился на мостике, — рулевой, матросы, офицеры — внимательно прислушиваются к его словам; но он не мог не заметить этого, когда у всех вырвались радостные крики.

— Тихо! — рявкнул капитан. — Вы ведете себя как стадо новобранцев, а не как моряки. — Однако проговорил он это с улыбкой, поскольку разделял чувства остальных. — Вы подрываете дисциплину на моем корабле, капитан Вашингтон, но в данном случае я не возражаю. Хотя мы служим в Королевской береговой охране и преданы королеве не меньше других, мы все же американцы. То, что вы сделали и продолжаете делать с этим вашим туннелем, объединяет нас и больше, чем что-либо другое, напоминает нам о том, что мы жители именно этой страны. Великий день. Мы за вас на все сто.

Гас крепко пожал его руку.

— Этих слов я не забуду никогда, капитан. Они значат для меня больше, чем любые награды и почести. То, что я делаю, — я делаю для этой страны, для ее осознания себя. Мне не нужно ничего иного.

Они уже входили во внешнюю бухту у Бриджхэмптона; скорость падала, и водяная пыль уже не вздымалась по всему пространству вокруг них. Сонный маленький городок близ оконечности Лонг-Айленда совершенно переменялся за годы, прошедшие с начала строительства туннеля, поскольку здесь располагалась конечная станция американской части

великой стройки. Несколько домиков с белыми оконными рамами, принадлежавшие прежним жителям, еще уцелели на берегу, но большинство их было проглочено доками, стапелями, верфями, сборочными цехами, складами, сортировочными станциями, конторами, бараками, подсобными зданиями; шум и суета затопили город. «Боадия» направилась прямо к прибрежному пляжу, прошла над полосой прибоя, скользнула на песок и здесь наконец остановилась. Едва осел вихрь поднятых в воздух песчинок, плотную поверхность пляжа пересекла полицейская машина. Водитель открыл дверцу и козырнул спускающемуся с трапа Вашингтону.

— Мне велено встретить вас, сэр. Спецпоезд ждет.

Да, он ждал; как и восторженная толпа очень рано вставших людей — вернее, не вставших, а даже не ложившихся, потому что большинство из них, похоже, провело здесь холодную ночь, не смыкая глаз, греясь у остывших теперь костров и ловя каждое слово о передвижениях Вашингтона, которое просачивалось из штаба строительства. Они были на его стороне, он был их кумиром, и потому, когда он появился, общая радость достигла уровня лихорадочного возбуждения; толпа с гулом заволновалась, забурлила, все разом хотели оказаться поближе. На высокой, украшенной всевозможными флажками эстраде группа краснолицых оркестрантов наигрывала что-то громкое, но было не разобрать что, ибо музыка тонула без следа в океане громовых оваций. Каждый хотел поприветствовать Вашингтона, пожать ему руку, коснуться его одежды, оказаться хоть как-то причастным к славе героя дня. Полиция не могла воспрепятствовать; а вот бригада землекопов — смогла; они окружили Вашингтона несокрушимым кольцом своих тел и сапог и протаранили дорогу к ждущему поезду. Проходя мимо трибуны, задержались. Вашингтон поднялся, быстро пожал руки стоявшим там сановникам в шелковых головных уборах и помахал толпе рукой. В ответ она загремела еще сильнее, а потом вдруг почти затихла, и его слова долетели до всех:

— Спасибо вам. Сегодня — день Америки. Теперь я должен ехать.

Кратко, но корректно — и вот он уже снова на пути к поезду, а там сильная бронзовая рука протянулась вниз и почти втащила его в единственный прицепленный к электровозу вагон. Не успела нога Гаса коснуться ступени, как поезд начал двигаться, быстро набирая скорость и грохоча на стрелках; и

вот он нырнул в черное отверстие, обрамленное гордыми словами «Трансатлантический туннель».

Гас не успел усесться как следует, как та же самая бронзовая рука-поднимальщица, превратившись теперь в руку-подавальщицу, извлекла бутылку пива, открыла ее и ткнула горлышком, из которого лезла пена, в сторону Вашингтона. Говядина с пивом были основой жизни землекопов, и Гас давным-давно привык к подобным трапезам в любое время дня и ночи, так что теперь он взял бутылку с видом, словно разговестся этим солодовым напитком было для него обычным делом, — не раз оно действительно бывало так; он поднес бутылку к губам. Обладатель бронзовой руки держал другую бутылку наготове и, тут же подняв ее, ополовинил одним глотком, а затем удовлетворенно вздохнул.

Саппер Кукурузник из племени онейда, народа ирокезов, начальник смены землекопов в туннеле, верный друг. Он представлял собою почти семь футов обтянутых медной кожей костей, сухожилий и мускулов, черноволосый, черноглазый, нескорый на гнев, но во гневе превращавшийся в неумолимую колесницу справедливости с кулаками, огромными, как вирджинский окорок, и тяжелыми, как гранит. Золотое кольцо с подвеской из лосинового зуба свисало с его правого уха, и сейчас он крутил его пальцами, значит, думал — он всегда крутил его, когда ему нужно было сосредоточиться. Кручение подвешенного на ниточке лосинового зуба, согласно рецептам какой-то тайной магии, свивало мысли в пригодную для работы связку; когда они как следует притирались друг к другу и становились легко управляемыми, возникал результат.

— Вы скроили всю операцию очень точно, капитан.

— К этому заключению я пришел самостоятельно, Саппер. У тебя есть какие-то причины думать, что я с ним поспешил?

— Никаких — за исключением того, что у вас нет ни малейшего упреждения, ни малейшего люфта в расписании на случай чего-то непредвиденного, — а я могу напомнить вам, что непредвиденное туннельщики всегда должны брать в расчет. Туннельные секции — на местах, герметизирующий стыки раствор — заливается, все так хорошо, как только может быть. Последние пять секций еще заполнены водой, поскольку нужно несколько часов, чтобы загерметизировать сочлене-

ния. Как вы и приказали. Хотите, я позвоню и велю начать откачку?

— Ни в коем случае. Нам нужно столько времени, сколько необходимо для застывания раствора, и ни секундой меньше. Удостоверься только, что все готово к работе. Теперь, как насчет транспорта на станции?

— Геликоптер Королевских ВВС уже там, заправлен, стоит наготове. Так же как и «Веллингтон» в Гандере. Они протаскают вас через что угодно, пока Великий Дух осыпает вас своими благодеяниями. Однако существует вероятность, что Он осыплет вас не только благодеяниями. В Атлантике циклон — ветер девять баллов и снег. Двигается к Ньюфаундленду и, похоже, сулит массу больших неприятностей.

— Я буду там раньше.

— Я выпью за это. — И, будучи надежным человеком не только на словах, он извлек из стоящего под сиденьем кейса еще две бутылки пива «Ситтинг Булл»¹.

Постоянно наращивая скорость, поезд мчался в глубину темного туннеля на дне Атлантики, повторяя под морем тот путь, который «Боадицея» недавно проделала над ним. Но здесь, вдали от непогоды и капризов ветров и волн, на дороге, выглаженной бесчисленными техническими ухищрениями человека, могла быть достигнута скорость, о которой там, на поверхности океана, не приходилось и мечтать. Через несколько минут поезд летел в грохочущей темноте со скоростью, вдвое превышавшей ту, которая была доступна снаружи, так что еще какие-то две бутылки пива, каких-то два часа пути, дружеский обед из говядины с картофелем, приготовленный на импровизированной кухне, — паяльная лампа и железная кружка — и они начали сбрасывать скорость перед конечной остановкой.

Она была и впрямь конечной — машинист, зная об экстренности ситуации и всей душой стремясь помочь, затормозил так, что передние колеса лишь нескольких дюймов не добрали до конца колеи. В считанные секунды Вашингтон и Саппер спрыгнули вниз и влезли в электрофургон, чтобы уже на нем проделать короткое путешествие в рабочую зону. Размытые пятна огней замелькали у них над головами, а спереди стремительно надвигался герметичный конец туннеля.

¹ Ситтинг Булл (Сидящий Бизон) — знаменитый индейский вождь, предводитель племени дакота-сиу во второй половине XIX века.

— Лучше надеть эти сапоги, — сказал Саппер, протягивая пару сапог, закрывающих бедра. — Перед тем как станет сухо, станет мокро.

Фургон остановился, а Вашингтон еще натягивал сапоги; когда он спрыгнул, Саппер уже находился возле необычного устройства, стоявшего близ одной из стен туннеля. Пока он, нажимая какие-то рычаги и поглядывая на циферблаты, настраивал устройство, фургон дал задний ход и умчался прочь. Гас подошел к небольшой группе землекопов, которые тепло с ним поздоровались, и он им ответил тем же, каждого называя по имени. Саппер крикнул им, прося помощи; они подкатали машину ближе к стене туннеля и оттащили подальше толстый электрический кабель.

— Готово, капитан. Слово за вами.

— Зажигай.

Когда начальник смены переключил рубильник, тонкий луч пылающего рубинового света выхлестнул из лазера и впился в ржавую стальную панель, запиравшую конец туннеля. То, что это был не обычный свет, стало ясно, когда металл засветился, а потом начал плавиться и потек.

— Встаньте все с одной стороны, — приказал Вашингтон. — Туннель впереди тоже отрезан от океана, но все еще полон воды, находящейся под большим давлением. Когда лазер пробьет отверстие, мы получим...

Реальность опередила его слова. Интенсивный пучок когерентного света пронзил толстую сталь щита, и через мгновение струя воды в палец толщиной, шипящая, будто сотня демонов, и твердая, как стальной прут, выстрелила в глубину туннеля под таким давлением, что лишь в сотне футов от отверстия начала рассыпаться на брызги и падать. Саппер тем временем не ленился; направляемый им луч резал круг металла в верхней части щита. Громадное давление с той стороны изогнуло и выдавило твердую сталь, и столб освобожденной воды с оглушительным ревом пролетел мимо землекопов. Теперь в туннеле стало промозгло и сыро; холодная вода испарялась, поднялся густой туман, сквозь который смутно проглядывали предметы. Но пылающий луч продолжал свое дело, вырезая продолговатое отверстие в центре щита, которое было продолжено вниз, едва уровень воды начал падать. Когда он достиг средней отметки на щите, Вашингтон по радиотелефону связался со станцией Грэнд-бэнкс. Хотя до нее было не более десятой части мили, прямой разговор был невозможен;

голос Вашингтона сначала шел по телефонному проводу назад в Бриджхэмптон, а затем по радио летел через океан.

— Открывайте, — приказал Вашингтон. — Вода уже достаточно низко, и все держится.

— Много работы помпам, — сказал Саппер, мрачно поглядывая на достигавшую лодыжек темную воду; нужно было откачивать ее на целых восемьдесят миль назад, до ближайшего искусственного острова, имевшего вентиляционную шахту.

— Не утонем, — таков был единственный полученный им ответ, после которого, видно, всерьез задумавшись, так ли это, он некоторое время крутил лосиный зуб на серье. Одновременно он продолжал управляться с лазером, пока не довел отверстие до уровня хлещущей по ногам воды; коснувшись поверхности, луч окутался паром и зашипел. Только тогда отверстие стало настолько большим, чтобы в него мог пролезть человек.

— Ниже она теперь не скоро станет, — проговорил Гас, глядя, как холодная вода едва не подступает к его поясу. — Пошли.

Вплотную друг к другу они протиснулись в отверстие, с усилием преодолевая водоворот по ту сторону щита. Вашингтон вел. Через какую-то секунду они вымокли до нитки, через две секунды — промерзли до костей, но не слышно было ни единого недовольного слова. Подсвечивая себе мощными электрическими светильниками, они шли — и если и говорили, то лишь о состоянии туннеля. Стыки герметичны, фильтрация отсутствует, работа практически сделана, первая часть туннеля, в сущности, завершена. Единственным препятствием на их пути оставалось теперь только восемь футов замороженного грунта, образовавшего гигантскую пробку, которая затыкала конец туннеля и соединяла его с другой его частью. Все землекопы несли с собой лопаты, и теперь пришла пора пустить их в дело, поскольку, когда в просвет между частями туннеля накачивали жидкий грунт, частично он растекся по низу трубы и избежал замораживания. Землекопы яростно принялись за работу; руки двигались, как поршни, не произносилось ни слова — перед решительной атакой им пришлось буквально прогрызать себе путь в мокрой грязи, откидывая ее в сторону, и так до конца. На ледяной, покрытой инеем поверхности пробки лопаты не могли и следа оставить, но, когда они добрались до нее, уже слышался непрерывный скрежет; а

затем — взрыв, фонтан осколков, и острое сверкающего, крутящегося бура толчком вылезло из твердой поверхности.

— Просверлили! — воскликнул Саппер и издал исполненный энергии боевой клич, который подхватили остальные.

Когда сверло было втянуто назад, Гас подобрался к скважине и крикнул в нее, уже видя свет с той стороны; прижав ухо к отверстию, он смог расслышать ответные голоса.

— Просверлили, — повторил он, и глаза его, еще недавно темные от тревоги, засветились.

Теперь землекопы стояли, опираясь на свои лопаты и болтая, как кумушки, а тем временем машина и люди на той стороне уже расширяли отверстие с нескольких дюймов сначала до фута, потом до двух...

— Достаточно! — крикнул Саппер через канал, пробитый в замороженном грунте. — Теперь давайте трос.

Мгновением позже в отверстие высунулся конец веревки, его ухватили и завязали жесткой петлей. Вашингтон опустил ее на плечи, как следует закрепил под мышками и, наклонившись, сунул голову в отверстие. Люди с той стороны, увидев его, вновь разразились приветственными криками; еще продолжая кричать, они плавно и сильно потянули за веревку, и Гас заскользил вперед, ушибаясь о неровности, цепляясь одеждой, царапая кожу, пока не очутился на той стороне — весь багровый, едва дыша, но — на той. Множество рук ухватило его и буквально подняло в ожидавшийся электрокар, который немедленно рванулся вперед. Гас с трудом успел освободиться от веревки, а они уже остановились; он прыгнул в подъемник. Тот, едва приняв пассажира, с лязгом пошел по шахте вверх — и очутился под дневным небом Грэнд-бэнкс, еще полным солнечного света, но мутным и обещающим дождь. Окончательно запыхавшись, как и сопровождавшие его служащие, на ходу счищающие с него грязь, он побежал к странному механизму, ждавшему его прибытия.

Одно дело собирать сведения, читая описания и разглядывая фотографии, обманывать себя, будто можно иметь представление о предмете, никогда не видев его воочию, и совсем другое — увидеть этот предмет во всей его полноте и осознать, что между первым и вторым — пропасть. Гас читал достаточно, чтобы пребывать в убеждении, будто знает, что такое геликоптер; внезапное осознание своей ошибки заставило его вздрогнуть и почти потерять равновесие на бегу. Тогда он перешел на быстрый шаг — и приблизился к громадной машине с видом, выражавшим нечто большее, чем просто благоговение.

Во-первых, машина была много больше, чем он воображал, — размером с двухэтажный лондонский омнибус, поставленный на попа. Яйцевидный или, точнее, столь же овальный, сколь любое произведение куриной природы, установленный широким концом вниз, в то время как узкий возносился высоко вверх, он, казалось, на короточках сидел на своих трех искривленных лапах, высунутых сейчас из туловища, но в полете способных убираться в хитроумно придуманные ниши по сторонам корпуса. Верхняя треть яйца была прозрачной, а на самой макушке стеклянного купола высовывалась вверх металлическая ось, несущая два широких четырехлопастных винта, расположенных один над другим и разделенных вздутием на оси. У Гаса было лишь мгновение, чтобы впитать все эти детали, — дверца в куполе резко открылась, и веревочная лестница, раскачиваясь, шлепнулась к его ногам; в отверстие просунулась голова человека, который ободряюще произнес:

— Если вы сядете ко мне, сэр, то мы взлетим.

И загудел себе под нос веселую песенку с тем особым произношением, которое сразу наводило на мысль о Марионете или Кэрнарвоне¹. И поэтому, когда Гас поднялся на уровень дверцы, он вовсе не удивился, увидев темные волосы и светлую форму офицера Королевских ВВС; пилот представился как лейтенант Джонс.

— Сюда, сэр. Вот пристежные ремни, сэр.

Еще не закончив фразу, еще до того даже, как Гас успел усесться во второе кресло этой небольшой кабины, Джонс запорхал пальцами над пультом, запуская громадный летательный аппарат. Где-то под ногами возник свистящий рокот; быстро нарастая, он превратился в басовитый глухой рев, и тогда длиннолопастные винты очнулись и завращались в противоположных направлениях. Вскоре они стали не более чем двумя тускло мерцающими дисками, и, по мере того как они все стремительнее молотили воздух, вертолет начал подрагивать, потом затрясся, как просыпающийся зверь, а затем прыгнул вверх. Нажатием кнопки Джонс убрал опорные лапы, а крохотный искусственный островок тем временем проваливался вниз, таял — и вскоре, куда ни падал взгляд, был один только океан.

¹ Марионет и Кэрнарвон — графства в северном и северо-западном Уэльсе.

— Вы сами инженер, капитан Вашингтон, и вы по достоинству можете оценить такую машину, как эта. Наша турбина развивает мощность в две тысячи лошадиных сил, и все идет на эти два противонаправленных ротора, так что мы можем давать скорость до двухсот семнадцати миль в час. Ориентируемся по радиомаякам. Как раз сейчас мы зацепились за сигнал из Гандера, и теперь все, что от меня требуется, — это держать вот эту стрелку вот в этом положении, тогда мы прямо попадем на место.

— А горючее?

— Сжиженный бутан. Очень калорийное.

— Да, верно.

Через несколько минут показалось побережье острова Ньюфаундленд; город Сент-Джонс плавно проплыл под ними. Их путь лежал вдоль берега, над бахромой бесчисленных заливов. Джонс взглянул на открывавшийся внизу вид, затем снова на пульт, и его рука потянулась к переключателю.

— Первый бак почти что выгорел, я переключаюсь на второй.

Он тронул переключатель — турбина прерывисто загрохотала и умолкла.

— Ну, я смотрю, тут что-то не так, — сказал Джонс, слегка нахмурившись. — Но вы не беспокойтесь. Я могу переключиться на бак три.

Что он и сделал, и тем не менее двигатель остался безмолвным.

Они начали падать.

— Ну, ну, бак четыре!

Но и тот держал машину в полете не лучше, чем предыдущие.

— Нет, мы не можем разбиться! Ба! Как ветряк спланируем и приземлимся!

— Приводнимся, — сказал Гас, указывая на океан.

— Верное замечание. Но в первом баке осталось достаточно горючего, чтобы дотянуть до берега.

Летчика явно приободрили его же собственные слова, действительно, они оказались первым правильным предсказанием, сделанным им за последнее время; стоило ему переключиться на первый бак, турбина сразу оживленно взревела и вертолет упруго пошел вверх. Изменив курс на кратчайший до берега, Джонс легонько пощелкал по циферблатам над переключателями, потом покачал головой.

— Показывают, что все баки полны. Не понимаю.

— Могу я просить вас связаться по радио с базой в Гандере и сообщить о нашем положении?

— Это была бы прекрасная мысль, сэр, если бы я мог. Нет у нас радио. Экспериментальный аппарат, знаете ли. Но вон там, по ту сторону поля, уверен, — ферма, наверное, там есть телефон. Мы установим связь.

Словно бросая вызов его словам, турбина закашлялась и остановилась, поступательный полет сменился плавным снижением. Джонс проворно выпустил опорные лапы, и едва они успели выйти из пазов, аппарат коснулся земли посреди вспаханного поля. Пилот, не мешкая, открыл люк в полу кабины и нырнул в лабиринт механизмов нижнего отсека.

— Очень интересно, — сказал он, постукивая гаечным ключом по цилиндрическим бакам под собой. — Они пустые. Все.

— Действительно интересно, и я сообщу о нашем интересном положении, если обнаружу на ферме телефон.

Рукоятку дверцы найти было легко. Гас открыл дверцу, сбросил наружу веревочную лестницу и начал спускаться по ней едва ли не раньше, чем нижний конец ее коснулся земли. Быстрым шагом Гас пошел поперек поля, срезая угол в направлении группы деревьев, за которыми пряталась ферма, потом побежал по жнивью изо всех сил, но мысли его бежали еще быстрее — мысли о тех немногих часах, остающихся до лондонского поезда, о том, что часы эти тают, и темнеющее небо было страшным тому подтверждением. В десять пополуночи поезд уйдет, а он бежит здесь, на другой стороне Атлантики, вечером накануне, хотя бег — не лучший способ, чтобы пересекать океаны. Впервые он ясно почувствовал, что может не успеть, что все усилия могут оказаться напрасными, но все равно бежал. «Оставить борьбу» — таких слов он не знал.

Проселочная дорога, деревянная изгородь, и наконец деревья нехотя расступились, открыв взору деревянный фермерский домик. Дверь закрыта, ни души, ставни опущены. Брошена? Не может быть! Он громко молотил в дверь кулаком, снова и снова, и уже совсем было потерял надежду, когда внутри лязгнул засов и приоткрылась щель, в которой показался недоверчивый глаз на еще более недоверчивом лице, упакованном в окладистую, поседелую и, если можно назвать бороду недоверчивой, чрезвычайно недоверчивую бороду.

— Чего? — подозрительно пробурчал недоверчивый голос. И все.

— Меня зовут Вашингтон, сэр, и я в беде. Мой летательный аппарат совершил на вашем поле вынужденную посадку, и мне крайне необходимо воспользоваться вашим телефоном. Вы получите компенсацию.

— Нет тут телефона. — Дверь закрылась куда быстрее, чем открывалась.

Вашингтон тут же принялся дубасить в нее; наконец она неохотно открылась во второй раз.

— Может быть, вы укажете мне дорогу к соседу, у которого...

— Нет тут соседей.

— Или к городу, в котором...

— Нет тут городов.

— В таком случае, может, вы позволите мне войти в дом, чтобы обсудить, где я могу найти телефон?! — гаркнул Вашингтон голосом, привыкшим, перекрывая грохот работ, отдавать приказы.

Где не помогли хорошие манеры, помогла неприкрытая команда — дверь, хоть и с прежней неохотой, растворилась шире, и Гас вслед за хозяином затопал внутрь. Они вошли в скромную кухню, освещенную тлеющими желтыми огнями, и Вашингтон принялся ходить по ней взад и вперед, крепко сцепив руки за спиной и пытаясь с помощью упрямого дикаря определить, какой будет его следующий шаг. Добрых пять минут ушло на то, чтобы выпытать тщательно скрываемую информацию: в разумный промежуток времени ничего сделать нельзя. Ближайший город? Очень далеко. Соседи? Не существуют. Самый быстрый транспорт? Гужевой.

— Значит, ничего не выйдет. Я пропал.

С этими грустными словами Гас крепко ударил кулаком в ладонь, а затем поднес руку с часами к лампе, чтобы узнать время. Шесть вечера. Ему вот-вот нужно быть на авиабазе, садиться в реактивный «Супер-Веллингтон» и лететь в Англию, а не торчать на этой доисторической кухне. Сейчас шесть, одиннадцать вечера — в Лондоне, и поезд отходит в девять утра. Огонь затрепетал вновь; Гас медленно поднял взгляд на абажур, на прозрачный шар с яркой и горячей калильной сеткой внутри.

— Что... это... за свет? — спросил он, боясь поверить.

— Газ, — неохотно ответил хозяин.

— Какой газ?

— В баке. Грузовик приходит и заряжает.

Луч надежды зажегся у Гаса в глазах, когда он повернулся к хозяину снова.

— Пропан? Может это быть пропан? Слышали ли вы это слово, сэр?

Сам не свой от нежелания говорить хоть что-то определенное, фермер все же вынужден был признать:

— Что-то вроде.

— Это он, потому что пропан — единственный применимый на севере вид сжиженного газа, бутан при низких температурах не испаряется. Это обнадеживает... Я хочу приобрести этот бак и арендовать вашу повозку с лошастью, чтобы перевезти его ко мне. Что вы на это скажете, сэр?

— Нет.

— Я заплачу вам сто долларов.

— Ну и что?

— Я заплачу двести.

— Дайте глянуть.

Гас немедленно вынул бумажник; банкноты шлепнулись на стол. Голова и борода качнулись с совершеннейшей определенностью: нет.

— Колониальные бумажки. Я такие не беру. Канадские зеленухи или стерлинги, выбирайте..

— У меня нет ни тех ни других.

— Ну и не продам.

Гас не собирался ни уступать, ни капитулировать перед этим замшелым хлебобобом; человек, который покори́л океан, не мог признать, что потерпел поражение от мирного аборигена пашен.

— Тогда давайте меняться.

— Что даете?

— Вот это. — Одним движением Гас отстегнул с руки часы и со значением поводил ими перед лицом собеседника. — Стоят двести тридцать семь долларов, водонепроницаемые, четыре стрелки, семь кнопок...

— Беру часы.

— ...противоударные, самозаводящиеся, показывают день недели и число месяца, отбивают время, если вот эту кнопочку нажать, — крохотный колокольчик прозвонил шесть раз, — имеется микрорадио, постоянно настроенное на государственную синоптическую станцию, которая даст прогноз, если вот эту кнопочку нажать...

— «...малым аппаратам запретительное предупреждение — снег и ветер штормовой силы...»

Гас будто и не слышал сводку. Стоял в тишине, протягивая обладающие такой массой полезных достоинств часы, пока узловатая натруженная рука не поднялась с величайшей нерешительностью и не коснулась их, благоговейно трепеща.

— Вот это сделка!

Потом был грубый надсадный труд, который несколько заглушил боль и ярость от бессильного ожидания, — борьба с тяжелым баком при свете керосинового фонаря, погрузка на телегу; потом запрягали упрямую скотину, как-то выбрались на дорогу, дальше что было сил толкали свое хозяйство через вспаханное поле к ярко освещенному геликоптеру, где поджидавший Джонс, стоило его окликнуть, сразу высунул голову из открытого люка.

— Нашел неисправность, сэр. Все очень странно, ведь я сам заполнял баки. Теперь они пусты, а индикаторы каким-то образом поломались так, что могут показывать только предельное заполнение. Это может быть лишь...

— Диверсия. Но у меня тут есть кое-что взамен. Пропан — возможно, его хватит до базы в Гандере.

Было делом нескольких секунд открыть крышки моторного отсека и обнажить громоздкие топливные баки геликоптера. Джонс, плюнув на ладони, взялся за ящик с инструментами.

— Нам придется вытащить их, потому что перелить горячее невозможно. Если вы возьметесь за верхнюю гарнитуру, я возьму на себя зажимы внизу, и тогда мы его снимем быстрее, чем вы успеете сказать «Росланэргчруго».

Работали споро; металл звенел о металл, и кроме этого не было иных звуков — разве лишь редкие приглушенные ругательства, когда гаечный ключ срывался и в кровь сдирал кожу с костяшек пальцев. Наконец баки были освобождены и вывалены на землю, после чего, надсаживаясь еще пуще, они взгромоздили привезенный Вашингтоном бак на освободившееся место.

— Грузовик вернет вам бак и заберет эти, — сказал Джонс и получил в ответ неохотный кивок.

Новый бак пришлось закрепить ремнями. Потом возникли сложности при присоединении фитинга к его клапану. Но в течение часа работа была сделана, последние гайки затянуты, металлические крышки возвращены на места. Пока шла работа, ветер усилился, а скоро и первые хлопья снега замель-

кали в лучах фонаря. Гас заметил их, но смолчал; пилот работал так быстро, как только мог, но Гас все же кинул взгляд на свое запястье, и лишь тогда вспомнил, что часов уже нет. Наверняка еще было время. По слухам, новый реактивный «Веллингтон» мог дать более 600 миль в час. Должно быть еще время. Затем работа и впрямь закончилась, последние задвижки задвинуты, последняя проверка проведена. Они поднялись по лестнице, свернули ее; шелкнул переключатель, и громадная машина задрожала и заревела, вновь возвращаясь к жизни. Джонс зажег посадочные огни, и в их мощном сиянии стало видно, что снег повалил гуще, что перепуганная лошадь лягает копытами повозку, потом в панике пропадает с глаз, что фермер гонится за ней с криком; а винты вращались — быстрее, быстрее, пока вертолет не рванулся вверх, прочь, в ослепляющий шторм.

— Приборы в порядке, — сказал Джонс со спокойной уверенностью. — Здесь нет ничего выше пятисот футов, ровное поле и мы, так что я буду держаться на тысяче, незачем попусту жечь горючее, залезая выше. Идти по лучу, посматривать на альтиметр — и с этим все.

С этим было не все, ибо погода ухудшалась с каждой минутой и с каждой милей, пока наконец ураган не закрутил огромную тушу вертолета, как сухой лист. Только мастерство и молниеносная реакция пилота позволяли им выдерживать курс; несмотря на внешнее спокойствие Джонса, промокший воротничок рубашки неопровержимо свидетельствовал, что работа была не из легких. Гас молчал, плотно держась за подлокотники кресла, глядя на вихри снега, крутящиеся в золотых конусах света фар, и старался не думать о минутах, которые улетали так быстро. Время еще было, время должно было быть.

— Посмотрите, посмотрите-ка сюда! — радостно крикнул Джонс и, улучив момент, показал на шкалу радиомаяка; стрелка кружилась, будто обезумев.

— Сломан!

— Вовсе нет! Это значит только, что мы над маяком, над аэродромом. Держитесь крепче, я иду вниз.

И он действительно пошел вниз — камнем к невидимой земле; а стрелка альтиметра моталась из стороны в сторону, и снег валил стеной.

— Вы что-нибудь видите, капитан?

— Снег, только снег и тьма... стоп... момент... есть! По левому борту какие-то огни, и еще... больше... под нами!

— Гандер! Ребята пришли нам на помощь — и очень вовремя. Сидите крепче, сейчас не лучшая погода для маневрирования.

И все же он сманеврировал. Падение, стремительная работа с рычагами и дросселем, которая не дала им упасть, медленное снижение, затем снова падение — и дребезжащий, глухой удар; они приземлились, и двигатель замер, когда дроссель наконец был полностью закрыт.

— Я никогда не забуду того, что вы сделали, Джонс, — сказал Вашингтон, горячо пожимая руку пилоту.

— Обычная служба в ВВС, капитан. Рад был встретиться с вами. Теперь вы победите.

Победит ли? После короткой пробежки сквозь буран в тихую гавань отапливаемого помещения и поспешного знакомства с офицерами Вашингтон ощутил общую неловкость; люди избегали смотреть ему в глаза.

— Что-то не так? — спросил он командира авиабазы.

— Боюсь, что да, сэр. Я сомневался бы по поводу возможности взлета в такой ураган, но это, в принципе, возможно, и взлетную полосу сейчас можно очистить от снега, тут нет проблем. Но дело в том, что ветер — а он при порывах достигает сотни миль в час — подбросил «Веллингтон» и повредил его шасси. Ремонт ведется, но не думаю, что он будет закончен до полуночи, это самое раннее. И мы все-таки успели бы в Лондон в срок, но, если ураган не ослабеет, — а метеорологи говорят, что нет, — ко времени завершения ремонта взлетная полоса будет совершенно забита снегом. Таковы обстоятельства, сэр, и я от всей души прошу у вас прощения.

Гас что-то говорил в ответ — сам не зная что; потом с благодарностью взял предложенную ему кружку дымящегося чая. Он заглянул в нее — и увидел крушение, и испил бездну отчаяния. Летчики чувствовали его состояние и старались занять себя хоть чем-нибудь, чтобы оставить Вашингтона наедине с собой. Это был страшный удар! Так близка была победа, так много было затрачено усилий, так много препятствий преодолено — и быть вот так остановленным в самый последний миг! Стихии мешали ему там, где даже диверсии не смогли. Горькие мысли охватили Вашингтона; он словно впал в забытие, и офицер, который вот уже несколько минут стоял перед ним навытяжку, оставался им не замеченным. Вашингтон поднял лицо, на котором поражение оттиснуло свою, казалось, неизгладимую печать, и,

увидев наконец ждущего человека, овладел собой; теперь его чувства не были видны никому.

— Я Кларк, сэр, капитан Кларк. Простите, что вторгаюсь, но у меня есть кое-что... что может рассматриваться как предложение.

Он был худощавый, чуть лысоватый, носил очки в золотой оправе и казался очень чистосердечным. Его речь еще хранила мягкость и раскатистое «р» его девонширской юности, но сейчас в нем не было ничего от провинциала.

— Пожалуйста, говорите, капитан Кларк. Сейчас любое предложение как нельзя кстати.

— Если бы я мог показать, было бы проще. Не хотите ли пойти со мной?

Через несколько крытых переходов они прошли в другой корпус; снег и ветер не залетали сюда, и свободный проход был возможен в любую погоду. Теперь они оказались в чем-то вроде лаборатории с массой проводов и электроприборов на подставках, но главенствовал здесь огромный аппарат в темном кожухе, громоздившийся вдоль одной из стен. Через стеклянные оконца в передней панели, изготовленной из красного дерева, виднелись ходившие ходуном латунные шестерни и штоки. Кларк легонько похлопал полированное дерево, и в жесте его сквозила нескрываемая любовь.

— Машина Брэббеджа¹, одна из наиболее крупных и сложных, существовавших когда-либо.

— Она великолепна, — с искренним восхищением ответил Гас, на какой-то момент забыв о своей беде. — Я никогда не видел таких огромных. Думаю, у нее очень большой объем памяти?

— Как вы можете убедиться, более чем достаточный для наших потребностей.

Немного театральным жестом он откинул дверцу, продемонстрировав вереницы медленно вращающихся серебристых дисков, испещренных множеством мелких отверстий. В них, пощелкивая, то и дело заскакивали касавшиеся дисков металлические пальцы на стержнях. Слышался постоянный, негромкий металлический шелест, сопровождаемый каким-то шипением и временами лязгом. В этом концерте Кларк, должно быть, уловил некую фальшивую ноту; он наклонил

¹ Здесь Гаррисон имеет в виду, слегка исказив фамилию, английского изобретателя Чарльза Бэббеджа, который в XIX веке изобрел механическую счетную машину.

голову набок, прислушиваясь, а затем открыл соседнюю панель и снял с подставки масленку. «Прекрасная машина, но требует присмотра», — с этими словами он подлил масла в подшипник кулачкового толкателя, ходившего взад-вперед по гладкой латунной поверхности причудливого эксцентрика.

— Сейчас выпускают полностью электрифицированные машины Брэббеджа и называют их компьютерами — будто в названии дело; они значительно меньше по размерам, но полны дефектов. Нет, вы дайте мне добрый надежный металл... хоть у нас и бывают проблемы с люфтами в зубчатых передачах.

— Это все, конечно, очень интересно...

— Пожалуйста, простите меня, Вашингтон! Хотя какое тут может быть прощение... я отвлекся немного, страшно сожалею. — Он выронил масленку; засуетившись, поднял ее, вернул на подставку, закрыл панель и указал на противоположную дверь. — Если угодно, теперь, когда вы увидели «брэббеджа», прямо сюда. Это, вероятно, заинтересует вас больше.

Так оно и случилось. За дверью был громадный ангар, в центре которого высилось гигантское копьё ракеты. Футов пятьдесят или больше в длину, шесть футов в поперечнике у основания — изящная, полированная, строгая, иссиня-черная и блестящая.

— «Черный рыцарь», наша лучшая и мощнейшая ракета. Абсолютная надежность. Чрезвычайно эффективный двигатель на жидком горючем — смесь керосина с перекисью водорода. Очень чувствительная система управления. Во время полета посылает назад радиосигналы, они обрабатываются машиной Брэббеджа, которую мы только что видели, так что коррекции курса могут проводиться незамедлительно. С этой ракетой мы добились больших успехов в осуществлении экспериментальной программы, которая вскоре, возможно, станет обычной практикой. Почтовое ведомство, как вы легко можете понять, крайне заинтересовано в установлении линии ракетной почты между нами и Кройдоном. У них там есть один из этих электрических компьютеров, он начинает принимать сигналы «Черного рыцаря», как только тот проходит над Атлантикой, и ведет его дальше, выключает двигатели, опускает на парашюте и тому подобное...

Тут его голос мучительно запнулся, потому что Вашингтон, медленно повернувшись, пристально уставился на него

тяжелым взглядом. Когда Кларк заговорил вновь, речь его стала торопливой, он часто сбивался.

— Нет, выслушайте меня, пожалуйста, это экспериментальная программа, не более. Постоянную переброску в такую даль почта, может, и выдержит, кто знает. Колоссальное ускорение. Может, для человека оно смертельно. Правда, во время последнего эксперимента мы послали шимпанзе Дэйзи, прелестное создание, — сейчас она в зоопарке Риджент-парка и ни секунды не выглядела хоть сколько-нибудь травмированной. Когда там ее вынули из ракеты, она тут же упле-ла целую пригоршню бананов.

— Если я не ослышался и то, что вы говорите — правда, то, Кларк, я к вашим услугам. Если вам нужен доброволец, чтобы пересечь океан на этом бенгальском огне, то вот он, доброволец. Но только если она доставит меня на место к девяти утра.

Именно это и имел в виду девонширский инженер, и чем больше он объяснял, тем больше убеждался Гас, что победу еще можно вырвать из почти уже сжавшихся когтей неблагоприятной судьбы. Были приглашены другие инженеры и командир базы, провели совещание, затем по радио связались с Лондоном и посоветовались сызнова, наконец никто больше не говорил «нет», возобладали говорившие «да» — и вот уже не осталось ничего иного, кроме как взяться за это беспрецедентное, удивительное дело.

Стоило немалого труда все успеть подготовить в течение нескольких оставшихся часов — но это было сделано. Арктический ураган снаружи, завывая, с бессильной яростью бился в стены здания, а внутри люди сутились вокруг машины, которой суждено было победить его, этот ураган, победить время и пространство, перенести пассажира из Нового Света в Старый за несколько минут. Ракета была заправлена и подготовлена, прозвонены все ее сложные схемы, а высоко наверху механики установили тем временем прорезиненную прокладку и накачали внутрь необходимое количество воды.

— Это секрет, — объяснял Кларк, а глаза его за перепачканными стеклами очков увлеченно горели. — Амниотическая жидкость¹, естественный амортизатор — секрет, извест-

¹ Амниотическая жидкость — жидкость внутри зародышевой оболочки (амниона) у пресмыкающихся, птиц и млекопитающих, предохраняющая зародыш от механических повреждений и обеспечивающая водную среду для его развития.

ный природе испокон веку; просто, чтобы взять, надо знать места, где смотреть. Вот мы и посмотрели, и увидели, и теперь пользуемся этим секретом. Как вы знаете, сила гравитации равна одному g — это здесь, на Земле, на ее поверхности. Ускорение и гравитация кажутся идентичными, или даже, как утверждает один частенько бывавший в Оксфорде малый из Германии, Эйнштейн, они и впрямь идентичны. Мы увеличиваем ускорение до двух g — и нам не по себе, до трех g — и мы начинаем страдать, а при пяти-шести g происходят страшные вещи — смерть, остановка сердца, выпадение зрения, ужасно! Но, будучи помещенными в жидкую среду, наши подопытные животные — обезьяны главным образом — подвергались перегрузкам до пятидесяти g и оставались живы-здоровы и невредимы. Вот этим мы как раз и заняты в данный момент. Можете назвать это, — он коротко рассмеялся, — космолетающим материнским чревом.

— Всю дорогу под водой? Надеюсь, задерживать дыхание не придется?

— Это было бы невозможно... А, вы дурака валяете, капитан Вашингтон? Ну конечно, дорогой мой! Нет, разумеется, вам будет вполне удобно. Вода может быть холодноватой, но на вас будет водонепроницаемый костюм и кислородная маска. Действительно, будет удобно.

Вряд ли это можно назвать удобным, подумал Вашингтон, когда заботливые руки помогли ему опуститься в его космическую ванну. Он погрузился с головой, пристегнулся ремнями, как ему велели, и медленно, осторожно вдохнул воздух маски. Все это было очень интересно, хотя он и поволновался слегка, когда исковерканные преломлением лица и руки над ним пропали, скрытые конусом носового обтекателя, с лязгом скользнувшим на место. Вода не глушила звуки, и он мог слышать скрип и скрежет металла — затягивали болты. Затем — тишина.

Это было хуже всего — ждать в темноте и одиночестве. Один, совсем один — такого в жизни с ним не бывало — заброшен на острие этого столба, наполненного дремлющим жидким огнем. Ожидание. Он мог представить себе откатывающуюся на роликах крышу, предстартовую проверку, зажигание, идущее по этапам. Ему сказали, что все займет несколько минут, но он не представлял, что настолько утратит чувство времени. Минуты прошли — или часы? Нет ли неполадок? Не произошла ли авария? Выберется ли он отсюда или изжарится на вершине пылающей колонны? Воображение ра-

зыгралось вовсю, и, будь у него возможность, он закричал бы во весь голос, так велико было напряжение в эти секунды.

Затем появился звук; вой, отчаянный вопль — так, вероятно, кричат души грешников в аду, в своей вечной агонии. Он почувствовал, как волосы у него встают дыбом, и только потом сообразил, что это всего лишь высокоскоростные насосы погнали горючее в камеру сгорания. Полет начинался! И едва до него это дошло, возник отдаленный грохот, рев, который быстро достиг фантастической силы; уши, казалось, готовы были лопнуть, он зажал их руками, и тут что-то невидимое навалилось ему на грудь. Взлет!

Долго, неимоверно долго продолжалось это давление — и вдруг исчезло; двигатели смолкли. Ракета находилась в свободном полете и начала снижение. За те бесконечные минуты, пока двигатели работали, ракета проделала путь через ураган, пробила атмосферу и стратосферу и теперь, когда вокруг не было и следа воздушного одеяла Земли, описывала широкую дугу в космической пустоте. Атлантика была в сотне, в двух сотнях миль внизу — а впереди была Англия. И компьютер в Кройдоне, маленьком сонном пригороде Лондона, электрифицированная машина Брэббеджа, менее надежная, чем механическая; Гас надеялся только, что хотя бы на этот раз увлеченный капитан Кларк окажется не прав относительно достоинств здешней машины.

С момента начала снижения его сердце стало биться медленнее, он ощутил покой и даже радость. Вне зависимости от исхода это путешествие останется в памяти — что-то вроде современной версии написанного известным французом романа о путешествии вокруг света в восемьдесят дней; герои пользовались там всевозможными видами транспорта. И вот он здесь, и у него транспорт, о котором достойный мистер Верн не мог и мечтать. Игра действительно стоила свеч. Именно в этом расслабленном состоянии духа он ощутил, что уже находится во власти местной машины, и, успокоившись, улыбнулся собственным мыслям. Теряя теперь высоту над Сурреем, ракета маневрировала, выходила на цель, снижалась и наконец с резким треском выпустила парашют. Был внезапный толчок, вызванный скорее всего тем, что парашют раскрылся, и вскоре — еще один; и в чем Вашингтон был уверен, так это в том, что после второго толчка ракета перестала двигаться. Добрался?

Подтверждение последовало быстро. Лязг, удар, затем еще один, и еще, и снова скрежет металла. Через мгновение

носовой конус пропал с глаз; вместо него Вашингтон увидел смутные пятна лиц на фоне сверкающего голубого неба. Ну конечно! В своем стремительном путешествии он перелетел в день. Распрямляясь, он поднял лицо над водой, сорвал маску и вдохнул ароматный, сладкий, теплый воздух. Веселое лицо, неровные зубы, обнаженные широкой улыбкой, гаечный ключ в руке; ниже — суровое лицо под голубой форменной фуражкой; рядом — картонный прямоугольник.

— Таможенная служба Ее Величества, сэр. Вот список предметов, считающихся контрабандой, и предметов, облагаемых пошлиной. Есть ли у вас что-либо для заявления в декларации?

— Ничего. У меня нет багажа.

Сильные руки помогли ему перейти на верхнюю площадку колесной платформы, стоявшей рядом с ракетой. Внизу — белый бетон, зеленые деревья, ждущие люди, далекие приветствия. Он повернулся к таможеннику.

— Могу я узнать, который теперь час?

— Ровно без четверти девять, сэр.

Есть ли время? Сколько отсюда до вокзала в Лондоне? Десять-двенадцать миль, по крайней мере. Оттолкнув поддерживающие руки, он рванулся к веревочной лестнице и буквально съехал на землю; но внизу на мгновение застыл, потому что, повернувшись, увидел перед собою знакомую громадную фигуру.

— Боевой Джек!

— Он самый. Поторапливайтесь теперь — и, возможно, вы добьетесь своего. Тут одежда, — он сунул Гасу в руки бумажный пакет, одновременно подталкивая капитана к странного вида автомобилю, задним ходом подруливавшему им на встречу.

— Это Луиджи Молния, Луиджи Ламбретта, точнее. Он классный водила, хотя и макаронник. Теперь садитесь, и ходу отсюда.

— Рад встрече, синьор, — сказал шофер, когда Гас прыгнул в пустую кабину и сиденье сразу ударило его по спине. — Эта машина победила в гонках «Миль-Миглиа», так что не беспокойтесь. Дуэ сэнто, двести лошадиных сил, мы полетим как ветер. Паровая турбина на газолине, охлаждается фреоном. Полиция предупреждена, дороги очищены на всем пути до моста Путни и дальше. Чудный денек для езды.

Они ревели, они гнали, они неслись по дороге, и только

резина протекторов жалобно завизжала, когда они юзом вывернули на Лондонскую дорогу при скорости больше ста миль в час. Стремительно мелькали сдерживавшие толпу «бобби», развивающиеся флаги; праздник чувствовался во всем. Червяком извиваясь на тесном сиденье, Гас ухитрился стащить мокрый костюм; встречный ветер вырвал его из рук и бросил куда-то за горизонт. Разворачивая пакет, Гас старался быть осторожнее. Он извлек исподние, в обтяжку, штаны до колен, рубашку, галстук, пиджачный костюм, здесь же лежали крепкие ботинки. Гас выбился из сил, пока надевал все это, но победил, и даже узел на галстуке вышел вполне приличный.

— Время? — громко спросил он.

— Одна минута десятого, синьор.

— Тогда все пропало...

— Еще нет, синьор, — с ревом вылетая на мост Путни при скорости сто тридцать пять миль в час, ответил Луиджи Молния. — Все улажено, я говорил по телефону. Вся Англия на вашей стороне, даже сама королева. Она отложила свой отъезд из Букингемского дворца. Необыкновенная женщина! Сейчас она не спеша следует на вокзал в конном экипаже. Ничего еще не потеряно.

Победит ли он? Или все эти нечеловеческие усилия завершатся провалом? Теперь все было в руках богов, и оставалось надеяться лишь на то, что они ему улыбнутся. Тормоз, акселератор, протяжный визг резины, вбок, по узким улочкам, резкий поворот баранки, чтобы спасти жизнь бездомной собаки, очередной поворот за угол — и вот вокзал. Вниз по скату к платформе, с другой ее стороны — правительственный вагон, пустой.

Поезд трогается.

— Не бойтесь, дотторе, Луиджи Молния не подведет!

Трубно хохоча, крутя одной рукой могучие усы, бесстрашный водитель бросил свою кроваво-красную машину прямо на платформу; путевые чиновники и провожающие брызнули в стороны; обгоняя поезд, машина летела вдоль него, все ближе, чуть сбавила ход; когда от колес до края платформы оставались какие-то дюймы, уравнила скорость со скоростью поезда и пошла так, вплотную к открытой двери вагона.

— Не угодно ли вам перейти, синьор, конец платформы приближается быстро.

В мгновение ока Гас вскочил на сиденье, перешагнул на округлый капот гоночной машины и, опираясь одной рукой о

голову водителя, протянул другую навстречу руке, тянущейся к нему из вагона; вцепился, прыгнул и, оглянувшись, с ужасом увидел, как водитель ударил по тормозам, машину занесло, закрутило и швырнуло на фонарный столб в конце платформы. Но сам водитель на прощание махал рукой и что-то радостно кричал из дымящихся обломков.

— Сюда, сэр, — сказал проводник хладнокровно. — Место для вас забронировано.

Глава 2

Отметка 200

Зеленая Англия проносилась мимо: поля и ручьи, в стремительном беге сливающиеся в одно пестрое одеяло; голубые реки, мелькающие внизу под колесами; черные мосты и серокаменные домики деревушек, сбившихся в кучи вокруг островерхих церквей — все было в движении, все летело и пропадало вместе с толпами приветственно машущих людей в полях, с лающими собаками, с лошадьми, встающими на дыбы... Словно бы вся страна разворачивалась, стараясь развлечь счастливых пассажиров могучего поезда в этот знаменательный день, ибо столь ровным был путь, что едущим на «Летучем Корнуолльце» казалось, будто сами они неподвижны, а это Англия бежит перед их глазами, чтобы показать им себя.

Они и впрямь были горсткой благословенных — те, кому посчастливилось оказаться на «Корнуолльце» в день его первого торжественного пробега — по туннелю, без остановок — от Лондона до Отметки 200, искусственного острова далеко в Атлантическом океане, к западу от Ирландии и более чем в ста милях от ближайшего побережья. Присутствовала сама королева и принц Филипп. Принц Уэльский вернулся специальным поездом из Москвы, где был с официальным визитом, и тоже участвовал в поездке. Попал сюда и кое-кто из знати и из известных имен, но таких было меньше, чем, скажем, бывает на Дерби¹ или на каком-нибудь модном приеме — ведь это был день нации, день триумфа технологии, и потому членов Королевской Академии оказалось больше, чем членов па-

¹ В Англии — главные скачки сезона для четырехлетних рысаков. Организованы впервые в 1778 году лордом Дерби.

латы лордов. Здесь были директора компании и наиболее крупные из финансистов, поддерживающих компанию, и даже известная актриса, чье присутствие объяснялось ее связью с одним из финансовых воротил. И, конечно, было шампанское, много шампанского — бутылки, ящики — о боже! — целая холодильная камера; компания Трансатлантического туннеля сделала щедрый жест, закупив почти весь запас знаменитого урожая 1965 года из подвалов малоизвестного, но в высшей степени аристократического замка. Это жидкое золото благодатной рекой текло по коридорам и апартаментам; бокалы сновали вверх-вниз и опять вверх, и звучали, не умолкая, тосты — за славу этой минуты, за превосходство британской инженерной мысли, за силу фунта, за несокрушимость империи, за мир во всем мире, за величие дня...

В поезде присутствовали также и печально униженные в правах работники прессы, весьма немногочисленные вследствие недостатка мест, но буквально раздувающиеся от сознания собственной необходимости — ведь им надлежало повествовать о великом событии всему мировому сообществу. Какой-то оператор снимал буквально все без разбору, чтобы мир мог тут же увидеть эту неразбериху на экранах своих телевизоров — хотя, разумеется, зрители Би-би-си должны были увидеть все первыми; газетам мира надлежало удовлетвориться тем, чем снабжал их джентльмен из Рейтер, но с французами дело обстояло иначе, им суждено было читать то, что писал низкорослый темноволосый джентльмен, которого, правда, его более грузные англосаксонские коллеги так и норовили оттеснить за свои спины, — он попал на поезд благодаря взятке, и из-за нее в Трансатлантической компании еще предстояло скатиться, по крайней мере, одной голове. Конечно, был здесь и джентльмен из «Таймс», много сил положивший на то, чтобы добиться благосклонного внимания громовержца с площади Печатного Двора, и представители прочих ведущих изданий, среди которых, преодолев сильное сопротивление посредством постоянных напоминаний, что это вам не какой-нибудь, а *Трансатлантический туннель*, маячила квадратноплечая машина человека из «Нью-Йорк таймс».

Все они хотели беседовать с Вашингтоном немедленно, ибо среди пассажиров поезда он был самым лакомым кусочком для читателей всего мира; и понятно — еще не унялась дрожь после того, как читатели с замиранием сердца следили за перипетиями его путешествия. Теперь, когда до финиша

оставался лишь один шаг, несколько часов и не более, они требовали, чтобы он описал все предшествующие этапы вплоть до мельчайших подробностей. Неторопливо потягивая шампанское, он отвечал, особо расцвечивая моменты, от которых кровь леденела в жилах, — геликоптер, ракета, безумная гонка к Лондону, прибытие в последний миг. В ответ ему рассказали, что водитель Ламбретта отделался синяками, ни о чем не жалеет и весьма воодушевлен тем, что одно из самых популярных ежедневных изданий на корню купило его описание гонки за сумму, обозначенную пятизначным числом. Гаса допрашивали с пристрастием о каждом футе дороги в Пензанс, и спасло его лишь то, что журналистам приспело время сдавать свои репортажи редакциям. Поскольку они могли полностью перекрыть все телефонные и телеграфные линии поезда, журналистам ими пользоваться запретили — лишь джентльмен из «Таймс» получил разрешение передать один коротенький репортаж; поэтому были сделаны специальные приготовления для снятия с поезда в Пензансе репортерской добычи. Гигантский брезентовый мешок с броской наклейкой «Пресса» стремительно был заполнен отчетами и репортажами, жестянку с киноплёнкой уложили сверху. Был принят и ряд других остроумных мер, так что газетчики разошлись, чтобы продолжить работу. Скоростные автомобили с флажками определенных цветов дожидались в заранее оговоренных местах в полной готовности подобрать сброшенные контейнеры; какой-то мотоциклист на гоночном мотоцикле целый участок дороги мчался бок о бок с поездом — пассажиры видели, как он закончил свою гонку в пруду, продолжая сжимать кольцо схваченного им тюка; и не один оборудованный сетью быстроходный катер дожидался в водах, которые поезду предстояло пересечь.

Освободившись на какое-то время от интервьюеров, Гас добрался-таки до купе с отведенным ему местом и там принял поздравления от соседей, слобренные очередным бокалом шампанского. Но тут ему удалось отделаться от внимания публики — поезд замедлил ход, проезжая Пензанс, где многотысячные толпы ожидающих приветствовали его буйными криками, размахивая британскими флагами с таким воодушевлением, что те напоминали мечущихся ярких птиц. Мешок «Пресса» сбросили на платформу, и поезд, вновь набирая ход, помчался через город к черной пасти туннеля, мимо подъездных путей, на которых, пропуская его, стояли битком

набитые людьми другие поезда — и люди все как один провожали взглядами этот праздничный пробег. Все быстрее и быстрее летел «Корнуоллец», чтобы наконец с ревом нырнуть в темное отверстие; женщины возбужденно завизжали, когда внезапно настала ночь. Гас, неоднократно бывавший в туннеле, закрыл глаза, едва они расстались с поверхностью, и к тому времени, когда все пресытились удовольствием вглядываться туда, где смотреть было совершенно не на что, и отодвинулись от окон, он сладко и шумно спал. Понимая, как он устал после только что заверщенного вояжа, все понизили голоса, так что он спал сном праведника; его разбудили, лишь когда поступило сообщение, что до прибытия к Отметке 200 осталось десять минут.

Волнение переполняло путешественников, заставляя их трепетать как под ударами электрического тока; даже самые скептические и приземленные натуры были охвачены им — напряженно вглядываясь в темноту, вставая и вновь садясь, они, как и все остальные, обнаруживали тот самый восторг, над которым обычно посмеивались. Все медленнее двигался гигантский поезд, пока где-то впереди не появился тусклый свет — и вот, пугающе внезапно, ударило сверкание солнца: они выехали из туннеля наружу. Через пустое депо, неспешно прогрохотав по стрелкам, поезд подполз к станции, где ожидавший его оркестр разразился милейшей мелодией «Туннель через глубины»; эта песня специально была заказана сэру Брюсу Монтгомери к сегодняшнему событию и сейчас исполнялась впервые. Широкой, чистой и просторной была эта станция и казалась безжизненной, пока пассажиры не высыпали из поезда, охая и ахая по поводу всего, на что ни падал их взгляд. Высокий потолок станции был целиком смонтирован из больших стеклянных панелей, сквозь которые виднелось голубое небо и парящие чайки. Потолок удерживали стальные колонны, покрытые белой эмалью и украшенные на сочленениях и капителях стальными изображениями рыб, кальмаров и китов, хитроумно вплавленными в тело самих опор. Эти фигуры были исполнены в голубом; сочетание белого и голубого соблюдалось по всему громадному помещению станции, придавая ей воздушность и легкость, неожиданные при ее громадных размерах.

Пассажиры почтительно отступили, освобождая место для красной ковровой дорожки; принесенный ковер расстелили — и с поезда, в окружении свиты, сошла королева. Фото-

графы запыливали вспышками своих аппаратов; когда они отошли, их сменили другие.

Никто, сколь бы он ни был суров в поведении, сколь бы ни скупился на проявления чувств, не мог не испытать замешательства и не задохнуться от восторга, выходя из здания станции между алебастровыми колоннами, поддерживающими портик. Ибо здесь открывался вид, от которого поистине перехватывало дыхание, вид, подобного которому еще не знал мир. Широкая белая лестница сбегала к променаду, который переливался и сверкал многоцветной роскошью мозаичного покрытия; дуги, волны, извивающиеся ленты самых разных оттенков несколько напоминали променады над заливом Копакабана, который, несомненно, оказал немалое влияние на дизайн Отметки 200. Дальше расстилались поросшие самой нарядной, самой зеленой травой холмистые луга, полого спускавшиеся к темной синеве океана, которую сейчас слегка нарушали накатывавшие на берег невысокие пенные волны. Никакой мусор, никакие отбросы не оскверняли чистоты океана в такой дали от берегов, ни малейших признаков земли не было видно до самого горизонта; куда ни глянь — только белокрылые яхты легко скользили по поверхности вод, скрадывая чувство пустоты. Стоило одному из посетителей спуститься по ступеням, как многие пожелали сделать то же, ведь променады шел по всему берегу нового острова, и с каждым шагом взгляду открывались новые и новые невероятные картины.

Во-первых, огромный отель, вытянувший длинные боковые крылья в кипящий цветами сад и поднявший две симметричные башни с голубыми куполами высоко в небо. На террасе перед отелем оркестр наигрывал танцевальные мелодии, заманивая проезжающих к накрытым столам, где одетые в черное официанты стояли, готовые подать чай. И здесь, и на променаде все было пропитано атмосферой праздника, праздника, который затаил дыхание, сложил крылья и ждет. Все было приготовлено загодя, но никогда еще не использовалось — и доставленное сюда морем, и созданное на месте ожидало, полное веры в то, что, стоит туннелю открыться, гости повалят на этот праздник гурьбой. Рестораны и танцевальные залы, скрытые за нарядными заведениями тропинки, ведущие к потешным ярмаркам, к каруселям, к колесам обозрения, к кегельбанам и публичным домам; любому что-то да приглянется. Еще дальше открывались гостеприимно сверкающие белопесчаные пляжи; вскоре появились и первые ку-

пальщики, нерешительно пробующие воду и затем с радостно-изумленными восклицаниями бросающиеся в нее, — здесь, посреди Гольфстрима, вода была такой теплой и приятной для тела, какой она никогда не бывает в Брайтоне или Блэкпуле. За пляжами возвышались башни и замки Батлинова лагеря отдыха 200, нетерпеливо ждущего всех, кто заказал билеты; громкоговорители уже зазывали первых прибывших на пьянящие удовольствия совместных забав. И еще, и еще, пока взгляд не пресыщался разнообразием красок и развлечений. Дальше, уже на другой стороне острова, в берег далеко вдавалась маленькая закрытая бухта, здесь располагался яхт-клуб, и публика веселилась вовсю, лодки уже толкались на воде в этот знаменательный день, а еще дальше, возле увенчанного деревьями холма, променад кончался, упираясь в открытый амфитеатр, где вот-вот должна быть разыграна греческая пьеса — идеальная постановка для столь пасторального окружения. Все радовало глаз, но так это и было спланировано, ведь холм закрывал другую часть острова, с парком машин, с ветками железнодорожных путей, с коммерческими доками. Отметка 200 и Трансатлантический туннель предназначались для великих дел, и вкладчики слетелись сюда, к предлагаемым здесь великим соблазнам. Это поистине был чудесный день.

Вашингтон наслаждался прогулкой и разноцветной суматохой вокруг — точно так же, как владелец магазина из Хоува или лорд, покинувший свой замок, неторопливо вышагивавшие по променаду среди столь причудливых видов. В конце концов он устал и направился к большому отелю «Трансатлантик-тауэрс», где для него был забронирован номер. Его чемодан, отправленный заранее еще несколько недель назад, был открыт, вещи распакованы, а стол ломился от цветов и поздравительных телеграмм. Он прочитал несколько — и отложил в сторону, чувствуя некоторую расслабленность после яростного напряжения последних часов; отхлебнув шампанского из бутылки, заботливо предусмотренной устроителями, он прошел в ванную. Вскоре, освеженный и прибодрившийся, он оделся в тропический костюм из легчайшего шелка, более подходящий к здешнему климату, нежели его прежний, твидовый, и как раз когда он повязывал галстук, зазвонил телефон. Вынув его из выдвижного ящика стола, Гас положил микрофон перед собою, динамик прижал к уху и щелкнул маленьким переключателем, давая контакт. Знакомый голос Дригга, секретаря лорда Корнуоллиса, поздравив с успешным

исходом путешествия, передал приглашение маркиза присоединиться к его отдыхающей на террасе компании в любое удобное для Вашингтона время.

— Я скоро буду, — ответил Гас и тем же переключателем дал отбой; вставив цветок в петлицу и допив оставшееся шампанское, он счел, что вполне подготовился к неожиданной встрече.

Это была маленькая группка элиты, собравшаяся на укрытом от чужих глаз и ушей балконе, нависшем над морем; она принимала послеобеденные солнечные ванны и блаженствовала под нежным бризом. Буфет, словно шеренгами солдат уставленный шеренгами бутылок, — судя по численности, их тут было не меньше полка, — позволял пить что душе угодно, не прибегая к услугам официантов, которые нарушали бы уединение. Если же внезапное чувство голода потревожило бы кого-нибудь из собравшихся, к его услугам была громадная стеклянная чаша белужьей икры с колотым льдом. Над буфетом исполненной величия картиной висела подробная карта Северной Атлантики с маршрутом будущего туннеля, прочерченным на ней от руки; временами то один, то другой из присутствующих кидал на нее взгляд, и это воодушевляющее зрелище, как правило, вызывало на его лице улыбку. Сэр Айсэмбард Брэсси-Бранел сидел в распахнутом пиджаке, в наполовину расстегнутом жилете, что было для него из ряда вон выходящим смягчением требований к своему облику; время от времени он с наслаждением вдыхал приносимые бризом ароматы и маленькими глоточками прихлебывал грушевый сидр «Перрье». Сидевший напротив него лорд Корнуоллис отдыхал посредством чуть более укрепляющего напитка — семизвездочного «Хэнесси» невообразимой выдержки, деля свое внимание между ним и ямайской сигарой впечатляющей длины и не менее впечатляющей толщины, оставлявшей белоснежный пепел. Сэр Уинтроп Рокфеллер счел час слишком ранним для столь спиртоносных напитков и поэтому просто прихлебывал из бокала кларет, бутылка с которым стояла от него чуть сзади, но тем не менее всегда под рукой. Все трое мужчин были совершенно спокойны и почти целиком отдались легкой беседе, наслаждаясь отдыхом после хорошо сделанной работы перед тем, как обратить всю свою энергию на следующую часть этой работы, ожидающую их впереди. Поскольку все известия были благоприятными, им не приходилось анализи-

ровать какие-либо просчеты — это воистину был замечательный день.

Когда Огастин Вашингтон появился на балконе, все они одновременно встали, и рукопожатия, которыми они с ним обменялись, были знаком обоюдной признательности. Они поздравляли молодого инженера с благополучным завершением его путешествия, внесшего столь драматическую ноту в открытие новой эры туннельных сообщений; он же, в свою очередь, благодарил финансистов за все, что они сделали, и старого инженера — за его труд, за его проект, благодаря которому, собственно говоря, строительство и стало возможным. Сэр Айсэмбард кивком ответил на эту дань уважения, прекрасно отдавая себе отчет в том, какая именно доля от этой дани принадлежит ему действительно по праву, и, когда все расселись и Гас принял от сэра Уинтропа бокал вина из его бутылки, собрался с мыслями, чтобы поговорить на тему, о которой давно размышлял.

— Вашингтон, мы достаточно давно отделились друг от друга. Наши личные разногласия не помешали нам делать все, на что мы способны, для блага компании, но теперь я чувствую, что с той поры утекло много воды и пришло время оставить прошлое в прошлом. Присутствующий здесь Рокфеллер вновь является председателем американского правления, и я хочу при этих джентльменах заявить, что вы проделали блестящую работу в качестве главы американской части проекта.

Пригубив из бокала, он на несколько мгновений прервался — два других джентльмена успели с воодушевлением крикнуть: «Да!», «Так!» — а затем продолжил:

— Когда я не прав, я признаю это с готовностью. И теперь я признаю, что технология затопления заранее сформированных туннельных секций надежней, нежели принято считать, и, как вы это доказали, действительно обеспечивает более высокую скорость прокладки. Она была использована при завершении туннеля, по которому мы ехали сегодня, — это лучшее подтверждение вашей концепции. Я надеюсь, что в будущем мы сможем работать в более тесном контакте, и, в дополнение к вышесказанному, отныне вы в моем доме снова желанный гость.

Последняя порция информации так поразила Гаса, что он привскочил было со своего стула, затем опустился вновь, и легкая бледность покрыла его лицо, неопровержимо свиде-

тельствую о том, что эта нечаянная уступка правилам хорошего тона взволновала все его существо куда более, нежели самые жестокие опасности, пройденные им так недавно. Он, однако, выпил немного вина и, когда заговорил после этого, выглядел, как всегда, спокойным.

— Я принимаю ваши слова и ваше приглашение с глубочайшей благодарностью, сэр, поскольку, как вы должны были бы знать, я до сих пор считаю вас ведущим инженером и строителем нашего времени, и для меня всегда было счастьем работать под вашим руководством. Для меня будет также счастьем снова войти в ваш дом. Ваша дочь, я полагаю...

— С Айрис все в порядке, она сопровождает меня в этой поездке и, я думаю, будет рада вам так же, как и я. Но вопросы подобного свойства я с нею не обсуждаю. Теперь о другом. Хотя нынче успех нам сопутствует, завтрашний день принесет, без сомнения, новые проблемы, и мы должны подготовиться к ним. Два участка туннеля, которые мы завершили сейчас, весьма важны, и, если цифры, те, что я видел, дают верный прогноз, они скоро начнут окупать себя сами. Отметка 200 быстро превратится в крупный и весьма современный порт, где направляемые в Англию грузы будут сгружаться с кораблей и транспортироваться дальше поездами быстро и надежно, без использования вспомогательного транспорта в Ла-Манше и устарелого оборудования Лондонского порта. Я считаю, что сегодня мы были свидетелями ее успеха и в другом качестве — в качестве лечебного курорта и места отдыха. На другой стороне Атлантики станция Грэнд-бэнкс будет выполнять сходные функции, к тому же рыболовецкие суда смогут выгружать там улов, чтобы ускорить перевозку свежей рыбы в колонии. Все это, конечно, очень хорошо, но мы должны двигать дело дальше и оправдать название компании. Мы должны пересечь Атлантику. Предварительные исследования закончены, отчеты представлены; мы должны подытожить их и перейти к делу.

Последовали возгласы одобрения; он не один горел желанием увидеть великий проект законченным. Разумеется, следующим предметом обсуждения оказалось финансирование, и председатели расположенных на разных берегах океана советов директоров, вставая, по очереди рассказывали о состоянии находящихся в их распоряжении средств. В общем, получалось, что и там и там все здоровы, как щенки бульдога. Происходившее в последние годы улучшение экономического положения, причины которого без труда просматривались в деятельности, связанной с туннелем, принесло значитель-

ные доходы немалому числу лиц, и «горячие» деньги ждут теперь не дождутся, чтобы их вложили. То, что согласные кивки не составляли четырехугольника, не было замечено в порыве энтузиазма; казалось, ничто не стоит у компании на пути. Но Гас, угрюмо вертя в пальцах бокал, то коротко взглядывал на висевшую на стене карту, то опять начинал вглядываться в поверхность вина, как если бы некое важное открытие таилось в его глубине. Он выглядел как человек, ожесточенно борющийся с самим собой, — да так оно и было. Сегодня перед ним вновь открылась дверь, которая в течение долгих лет была для него заперта, и он мог чувствовать лишь искреннюю признательность. Но то, что он должен был сказать, могло скорее всего закрыть эту дверь снова — и все же он не мог уйти, промолчав, ведь речь шла о научном факте, и он был вынужден о нем заявить. Так что сердце и рассудок бились сейчас в его душе, и, сколь бы беззвучной ни была эта битва, она могла оказаться более страшной и разрушительной, нежели любое столкновение, при котором летят снаряды и рвутся бомбы. Решившись наконец, Гас распрямил спину, осушил бокал, в глубине которого пытался только что разглядеть свою судьбу, и стал дожидаться удобного случая заговорить. Случай не заставил себя ждать, ибо финансовые детали скоро были оговорены, и на первый план выдвинулось обсуждение технической стороны дела. Гас получил слово и подошел к карте, а там своим твердым пальцем прочеркнул предполагаемый маршрут туннеля.

— Джентльмены! Все вы понимаете, что самая долгая и самая сложная часть работы сейчас у нас впереди. Сэр Айсэмбард предложил основной тип движения по туннелю, и исследования подтвердили, что его гений не ошибся. Вакуумированные каналы с линейной электрической тягой поднимут перевозки на качественно новый уровень.

— Простите, что прерываю, — сказал Корнуоллис, — но я не вполне уверен, что понимаю, как все это действует. Я буду глубоко вам признателен, если вы постараетесь объяснить это так, чтобы я смог ухватить вашу мысль. Хотя я и в состоянии, как правило, находить дорогу в лабиринте мировой финансовой системы, должен признаться, что голова моя пухнет, как только я слышу об электронах и тому подобных вещах.

— Ерунда, Чарльз. Я тебе сорок раз объяснял, как действует эта чертова штука, — сравнительно мягко вмешался сэр Айсэмбард. — Давайте разбираться в делах более насущных.

— Пожалуйста, сначала разъяснение, если вы не против, — сказал сэр Уинтроп с оттенком благодарности в голо-

се. — Счастлив, что оказался не одинок в своем невежестве, а оно вызывает у меня некоторую озабоченность. Не сочтите за труд, Вашингтон.

Сэр Айсэмбард поник, ворча что-то по поводу возмутительной потери времени, и сделал безрассудно большой глоток своего напитка, так он был раздражен. Гас воспринял это как разрешение и начал объяснять.

— Теории, на основе которых сделано это предложение, весьма сложны, но нет никакой нужды в них углубляться, поскольку основные выводы уяснить очень легко. Представьте себе туннель в виде, если угодно, практически бесконечной, абсолютно твердой и непрерывной, без всяких сочленений, трубы. В трубе воздух, его давление такое же, как в среднем у поверхности земли, то есть что-то около пятнадцати фунтов на квадратный дюйм. Этот воздух нужен лишь для того, чтобы пассажирам в поездах было чем дышать; для пассажиров он имеет большое значение, но для конструкции туннеля — никакого. Эти несколько фунтов давления ничего не прибавляют к структурной способности стен туннеля противостоять колоссальному давлению океана снаружи, а с инженерной точки зрения они даже являются помехой, поскольку ограничивают, уменьшают скорость поездов. Уберите воздух — а это очень легко, — и поезда пойдут быстрее, да к тому же с меньшими затратами энергии.

— Но люди, сэр, наши пассажиры — они же должны дышать!

— И будут дышать, поскольку поезда буду герметичны и нормальное давление в них будет поддерживаться так же, как на высотных воздушных судах. Зато убрав воздух, мы сможем говорить о более высоких скоростях, чем любые из прежде доступных. Почему, собственно, наши поезда не могут делать восемьсот, девятьсот и даже тысячу миль в час?

— Таких скоростей не выдержат ни колеса, ни подшипники.

— Совершенно верно, сэр Уинтроп, но это-то и ведет нас дальше. Поезд вообще без колес. Такой поезд, в сущности, плавает в пространстве, поскольку мощные магниты, установленные на нем, отталкиваются от столь же мощных магнитов полотна. Все мы знаем, что один сильный магнит может удерживать другой в состоянии парения благодаря полю отталкивания; именно так наш поезд будет двигаться в вакуумированном туннеле. Но что обеспечит поступательное движение поезда? Здесь сэр Айсэмбард дает гениальный ответ. Поезд будет перемещаться посредством двигателя линейной тяги. Я не стану подробно объяснять это сложное изобре-

ние, достаточно сказать, что здесь мы имеем дело как бы с повернутым наизнанку электромотором, одна часть которого устанавливается на поезде, а другая растянута по всей длине туннеля, причем между этими двумя частями не требуется никакого механического взаимодействия. Вдобавок значительная часть ускорения поезда будет вызываться процессом его скатывания с края континентального шельфа на три мили вниз, на абиссальную равнину океанического дна. Итак, джентльмены, вы имеете герметичный поезд в вакуумированной трубе, парящий посреди нее, ничего, даже молекул воздуха, не касаясь; он начинает движение благодаря гравитации, а продолжает — благодаря электричеству. Это тип движения, столь же современный, сколь и концепция самого туннеля.

С облегченными вздохами финансисты принялись задавать вопросы, стараясь прояснить для себя некоторые детали, так что когда Гас продолжил, маленькая аудитория слушала его внимательно и понимающе.

— Как было показано, у нас есть теперь и определившийся тип движения, который будет применяться в туннеле, и технология, с помощью которой будет осуществляться прокладка. Перед тем как начнутся детальные обследования дна и собственно строительство, осталось сделать последний шаг — определить маршрут, по которому пойдет туннель. Поскольку ложе океана имеет сложное строение, к этому вопросу надлежит подойти с величайшей осторожностью, ведь дно Атлантики — не песчаная лагуна, которую можно проскочить по прямой. Нельзя! Мы имеем здесь разнообразный ландшафт, более сложный и изрезанный, нежели любой из известных нам на суше. Есть, конечно, абиссальные равнины, формирующие дно, они лежат в среднем на глубинах около шестнадцати тысяч футов под поверхностью океана, но во внимание следует принимать и другие характеристики. Посредине океана проходит Среднеатлантический хребет, грандиозная горная цепь, которая в действительности является двойной. Между двумя рядами гор, как ущелье, лежит рифтовая долина. Горные цепи и рифтовую долину под прямым углом пересекают мощные каньоны, называемые зонами разлома; они напоминают морщины на шкуре Земли. Нас касаются также такие неприятности, как каньоны, — например, Срединный каньон, напоминающий русло подводной реки, а также подводные горы, острова и желоба, то есть чудовищной глубины впадины, такие, как вот эта, здесь на карте, глубиной более пяти миль. Есть и другие факторы, которые нужно учитывать: подводные землетрясения и вулканы, очаги которых в

основном сосредоточены в определенных районах, высокая температура дна в окрестностях рифтовой долины, а также тот факт, что дно здесь находится в движении в связи с дрейфом материков, разносящим их в разные стороны примерно на два дюйма в год. Можно подозревать, и геологи это подозрение подтверждают, что в рифтовой долине поднимается вещество из глубины Земли, раздвигая ее края с этой постоянной скоростью. Все это — проблемы, джентльмены, но ни одна из этих проблем не является неразрешимой. Вы можете заметить, что предполагаемый маршрут, он нанесен на карту, обходит эти бесчисленные препятствия. Если мы начнем отсюда, от Отметки 200 на краю континентального шельфа, наш туннель пойдет, грубо говоря, на северо-северо-запад, вдоль разлома, который мы зовем 41-Джи. Он соединяет отроги Среднеатлантического хребта с продолжающим его хребтом Рейкьянес, расположенным к югу от Исландии. Таким образом, мы избегаем рискованного движения поперек рифтовой долины, которая до этих мест не доходит. Теперь далее на запад, мы покидаем зону разлома и поворачиваем на юг, идем по краю Срединного каньона и огибаем высоты подводной горы Милн, пока не достигаем Сомской абиссальной равнины. В этой точке туннель поворачивает почти строго на север, чтобы подняться на возвышенность Лаврентия и соединиться с туннелем, уже проложенным на шельфе до станции Грэнд-бэнкс. Нужно сказать теперь, что этот маршрут имеет несколько недостатков.

Оттуда, где сидел сэр Айсэмбард, послышалось неразборчивое ворчание, словно отдаленный шторм; Гас, решив не обращать внимания, продолжал:

— Поскольку ложе океана в зонах разлома нагрето, нам придется укладывать специально сконструированные секции непосредственно на само это ложе, а не в выемки, и сконструировать их придется так, чтобы обеспечить циркуляцию воды и в их внутренних полостях с целью охлаждения. Однако главной бедой, возможно, является то, что, стремясь обойти все геоморфологические препятствия, мы будем делать туннель вдвое длиннее, а значит, и вдвое дороже того, каким он был бы, если бы шел напрямик.

— Боже милостивый! — взорвался сэр Айсэмбард. — Мы уже разбирались с этим, вы ведь знаете, что мы не можем идти прямо через этот окаянный океан. Так что же вы предлагаете?

В полной тишине Гас вынул из кармана лист бумаги и развернул; крики чаек доносились из поднебесья, и звуки иг-

рающего оркестра слышались где-то вдали, — но на балконе никто не проронил ни звука.

— Вот что я предлагаю, — с непоколебимой уверенностью сказал Гас. — И намереваюсь показать вам, как. Я предлагаю, чтобы туннель от Отметки 200 пошел не на север, а строго на юг, по плоскому ложу Бискайской абиссальной равнины, к базе на Азорском архипелаге, где он встретится с другой веткой туннеля, протянутой почти строго на восток от Грэнд-бэнкс через зону разломов. Это путь более чем вдвое короче того, который мы сейчас рассмотрели, и вдобавок принесет дополнительные выгоды. Грузы можно доставлять на Азорскую базу, а уже оттуда корабли перевезут их в Африку или на континент, это значительно сократит время транспортировки. Плюс тот факт, что со временем может быть рассмотрена возможность постройки еще одной ветки туннеля, от Азорских островов до Испании, так мы напрямую свяжем железнодорожной линией континент с обеими Америками. Если это будет сделано, результаты окажутся замечательными. Для пассажира тогда станет возможным сесть на поезд в тихоокеанском порту Провидения, что в конце Транссибирской магистрали, и затем поездом проехать через Сибирь, Россию, Европу, под Атлантикой, и через Америку и по Трансканадской магистрали до Аляски, закончив свое путешествие опять-таки на берегу Тихого океана. То есть преодолев по меньшей мере девяносто девять процентов окружности Земли.

Тут уж нетерпеливое желание выяснить побольше об этой новой идее прорвалось наружу; финансисты наперебой выкрикивали вопросы, пока сэр Айсэмбард ударом кулака по столу не призвал к тишине.

— Мечта безумца, и ничего более. Может, она и была бы осуществимой, если бы не Среднеатлантический хребет с рифтовой долиной, которая, насколько мне известно, в этой точке по крайней мере шириной в милю и в несколько миль глубиной. Ее невозможно пересечь. Этот план нужно сразу отбросить.

— Не совсем так. Долину можно пересечь, и у меня есть план, как это сделать. Мы пересечем ее, джентльмены, с помощью подводного моста.

В наступившей тишине презрительный смешок Айсэмбарда прозвучал как вызов.

— Бессмыслица, сэр! Бессмыслица и чушь! Нельзя на этой глубине построить мост — в милю длиной! — который выдержит вес туннельных секций!

— Вы правы, сэр, нельзя. Но лишь потому, что такой мост

имел бы отрицательную плавучесть, как и наши секции, пока они тянут вниз. Поэтому мост будет плавать над каньоном, а закрепим мы его мощными тросами.

На сей раз тишина была абсолютной на протяжении всего времени, пока Гас торопливо излагал слушателям этот план, объясняя, как будет устроен мост и как благодаря своей плавучести он будет компенсировать другие детали нового предложения. На каждый вопрос у Гаса был ответ, и вскоре стало ясно, что, если не выдумывать каких-то фантастических факторов, этот план во всех отношениях превосходит предшествующий. Задолго до того, как стало ясно остальным, понял это сэр Айсэмбард; он отошел от стола и встал, сложив руки на груди и глядя на заходящее солнце. Когда остальные, иссякнув, умолкли, чтобы перевести дух, он повернулся и смерил Гаса взглядом более холодным, чем ледяное дыхание арктической ночи.

— Вы сделали это преднамеренно, Вашингтон. Преднамеренно разработали ваш план, чтобы унижить меня и вдобавок извлечь какую-то корысть.

— Нет, сэр! Даю вам слово...

— Нет сомнений, что будет принят ваш проект или какой-то его вариант, — продолжал человек, у которого не было сомнений; от попытки Вашингтона вставить слово он просто отмахнулся. — Туннель пойдет к Азорам. Вы получите и репутацию, и деньги, я убежден. Коль скоро я ставлю благо туннеля выше своих личных амбиций, я буду продолжать работать, как делал это и в прошлом. Но к вам лично, сэр, у меня мало уважения. Пожалуйста, имейте в виду, что отныне вы не являетесь желанным гостем в моем доме.

Гас кивнул еще до того, как сэр Айсэмбард закончил; все это было predetermined.

— Я с самого начала знал, что так будет, — сказал он, и в этих простых словах прозвучала вся тяжесть невысказанных чувств. — Я не испытываю к вам ничего, кроме расположения, сэр, и никоим образом не хочу причинить вам боль. Я хочу, чтобы вы поверили: всегда я ставил благо туннеля выше, чем соображения личного успеха. Учитывая ваши слова, у меня не остается другого выхода, как только уйти в отставку со своего поста в компании Трансатлантического туннеля и прекратить работать для нее. Если мое участие является отрицательным фактором и мешает завершению великого дела — я отказываюсь от своего участия.

Его слова, хоть он и говорил очень тихо, оглушили присутствующих. Но сэр Айсэмбард пришел в себя уже через несколько секунд.

— Отставка принята. Вы свободны.

Такая развязка буквально парализовала обоих финансистов, Гас действительно встал со своего места и пошел к двери; лишь тогда лорд Корнуоллис смог заговорить.

— Вашингтон, минутку, пожалуйста. Мы не должны подходить односторонне... уж эти мне вопросы первенства... надо все обсудить... хоть разорви меня, если я знаю, что со всем этим делать! — С видимым усилием он попытался собрать свои скачущие мысли и найти какой-то компромисс хотя бы в последний момент. — Мы слышали ваше предложение и должны рассмотреть его, поскольку, сэр Айсэмбард, при всем к вам уважении, вы не можете говорить за всех членов обоих правлений, ни даже за меня или Уинтропа. Что бы я предложил... что я и в самом деле предлагаю, сэр, — так это то, что мы здесь все обдумаем и затем сообщим вам о нашем решении, каким бы оно ни было. Можете вы, капитан Вашингтон, сказать, где вас найти, когда обсуждение закончится?

— Я буду у себя в номере.

— Очень хорошо. Мы встретимся, как только наш симпозиум принесет хоть какие-то плоды.

Гас вышел, дверь плотно закрылась за ним, прогремев замком и предрекая счастливый исход.

Глава 3

Нежданная встреча

Веселы и приветливы здесь были все — оживленно беседующие пары и группы со вкусом одетых людей, радостно окликающие друг друга знакомые, посыльные, юрко протискивающиеся сквозь толпу в вестибюле с записками и телеграммами, которые, несомненно, могли лишь радовать и одобрять; волна добрых чувств захлестывала людей, и, конечно, она должна была выплеснуться наружу — через окна, через дорогу, неся повсюду улыбки и заставляя даже сидящих на балюстраде чаек кричать от радости. И тем не менее этот океан добродушия бороздило одно мрачное судно — человек, от которого за десять шагов несло бедой, отвергнутый и одинокий виновник

царящего здесь веселья; и теперь, в час своего триумфа, он был чужим среди всех, кто наслаждался плодами его трудов.

Вашингтон был настолько подавлен, что даже не сознавал этого; душа его оцепенела, он не чувствовал ничего. Он шагал размеренно и спокойно, с серьезным видом, который ни в малейшей степени не отражал всей бездны его отчаяния; туннель стал его жизнью, без туннеля он оказался пуст. Другой на его месте не удержался бы от жалости к себе, но Гас знал, что, если бы довелось, он снова сделал бы то, что сделал. Строить нужно наилучшим из возможных способов. Если спасение туннеля означает крушение его личной жизни, пусть она пойдет прахом. Погруженный в столь мрачные раздумья, он протолкался к площадке перед лифтом и стал ждать, когда откроется дверь. Открылась она очень быстро, ведь лифт приводился в движение гидравлическим поршнем, уходящим в расположенный глубоко в земле цилиндр, — и Гас отступил в сторону, ибо единственным человеком, вышедшим из лифта прямо ему навстречу, лицом к лицу — о подарок судьбы! о божественная игра случая! — была та самая леди, о которой упоминали недавно, дочь сэра Айсэмбарда, Айрис.

— Айрис, — сказал он. И замолчал, не в силах больше выговорить ни слова, ибо глаза его затуманил золотой блеск, исходивший, казалось, от ее лица и изящного одеяния.

— Вы возмужали, Гас, — сказала она, глядя на него с присущей всем женщинам практичностью. — Хотя, должна сказать, легкая седина вам идет.

Но, сколь бы практичной она ни была, нельзя было не заметить, что, хотя голос ее оказался тверд, говорить она начала после какого-то внутреннего колебания. На этом разговор прервался; они стояли, просто глядя друг на друга, и наконец мальчик-лифтер, не выдержавший столь долгой паузы, позвал:

— Лифт идет вверх, ваша честь. На какой этаж вам угодно?

Тогда они отступили подальше, давая войти другим, и в этой человеческой круговерти они оставались вдвоем, словно посреди бушующего океана. Она была лучезарной, как прежде, и Гасу показалось даже, что она стала еще красивее, если такое возможно, обогатившись новым очарованием, приходящим к женщине с возрастом. Его глаза сами собой скользнули по ее левой руке к ладони, к пальцам — но ищущий взгляд наткнулся лишь на лайку перчатки. Однако Айрис прекрасно поняла, что означал этот взгляд, и улыбнулась.

— Там нет кольца, Гас. Я по-прежнему тихонько живу с отцом.

— Мы с ним только что расстались, у нас был разговор. Вначале это был разговор друзей, а потом, боюсь, разговор врагов.

— Мой отец во всей красе.

— Как друг он удостоил меня приглашения снова бывать у вас в доме. Как враг...

— Это вы расскажете мне позднее, пока достаточно первого. — Простая предусмотрительность подсказывала ей, что это мгновение, сколь бы коротким оно ни было, нужно остановить — и забыть о времени. То, что придет потом, придет скоро, но сейчас возможность побыть вдвоем, не нарушая этим светских условностей, была подарена ей, и нужно было пользоваться, пока она есть. — Нет ли здесь местечка, чтобы поговорить спокойно?

— Я знаю как раз такое, — ответил Гас, не зная ни одного, но, как и она, сознавая, что им предоставлена, быть может, единственная возможность и схватиться за нее надо обеими руками.

Извинившись, он на мгновение отошел и обратился к одному из служителей, стоявшему неподалеку; если деньги переходят из рук в руки, это всегда ускоряет дело, Гас убедился в этом в очередной раз, когда служитель, опустив монеты в карман, без проволочек проводил его и Айрис в уютный альков в дальнем конце обеденного зала, где официант, приняв их заказ, тут же исчез, чтобы выполнить его через какие-то секунды. На этот раз, в отличие от той, последней, встречи, они не спрашивали чаю; Айрис за это время достигла совершеннолетия и, принадлежа к не так давно заявившей о себе расе эмансипированных женщин, которые не считали за грех пить на людях, заказала себе херес «Теопепе». Гасу же было необходимо как минимум двойное бренди.

— Ваше здоровье, Айрис.

— И ваше. Оно нуждается в добром слове больше моего, ведь вы обращаетесь с вашей жизнью самым бесцеремонным образом.

— Эта последняя поездка? Она была необходима, а риск — невелик.

— Но вполне достаточен для того, кто сидит в тиши лондонского дома, ждет сообщений и гадает, не окажется ли следующее последним.

— Вы все еще беспокоитесь обо мне?

— Я все еще люблю вас.

Эти слова прозвучали так сердечно, так искренне, что трещина, рассекшая их жизнь на ту и на эту, казалось, сомкнулась опять. Не было многолетней разлуки. Они не расставались никогда. Его рука нашла ее нетерпеливо ждущую руку и крепко стиснула под столом.

— Я никогда не переставал любить вас, ни на одно мгновение. Может быть, ожидание теперь подошло к концу? Я все еще храню ваше кольцо, вот здесь; я всегда надеялся, что настанет день, когда я смогу вам его вернуть.

— Сможете ли вы это сделать теперь же?

Его пожатие ослабло, рука подалась назад — и это лучше всяких слов сказало ей, что сейчас произойдет.

— Смогу, если вы порвете с вашим отцом.

— Те слова врага, о которых вы говорили. Думаю, сейчас вы должны мне их повторить, хотя я молила бы бога, чтобы их не слышать, — и она осушила свой бокал; щеки ее запылали от вина и нахлынувших чувств.

Гас, молча любясь ею, не спешил говорить; он знал, что другой такой нет в целом мире, и знал, что никогда не полюбит другую.

— Я предложил некоторые изменения в проекте, которые улучшают и даже существенно меняют план вашего отца в отдельных его аспектах. По поводу этих изменений наши мнения разошлись. Он решил, и, возможно, решил справедливо, что моя попытка усовершенствовать его работу является личным выпадом. Оказав мне честь, пригласив в свой дом, он сразу взял свое приглашение назад. Вот как сейчас обстоят дела.

Не было силы в мире, способной вырвать у него признание в том, что, ко всему прочему, он подал в отставку — это было бы нечестной игрой на ее чувствах.

— Обстоят они очень некрасиво, должна сказать. Позвоните, чтобы принесли еще выпить. Не каждой девушке доводится видеть, как в считанные минуты мечты ее воскресают и вновь обращаются в прах.

Когда ей принесли херес и она его слегка пригубила, Гас решился наконец задать вопрос, от ответа на который зависело все.

— Должны ли они обратиться в прах? Теперь вам уже больше чем двадцать один, и вы принадлежите себе. Выйдете ли вы за меня, несмотря на немилость вашего отца?

— Гас, милый, я сделала бы это, если бы могла. Но я должна остаться с ним.

— Но почему?! Можете вы назвать мне причины?

— Да, она одна, и я вам ее открою, вам это следует знать: я поступлю так не по недостатку любви к вам, но по долгу. Как вы знаете, моя мать умерла. Оба брата мои — инженеры, вроде вас, они всегда далеко. У отца есть только я. То, что я скажу сейчас, сохраняется в глубочайшей тайне, знаем ее только я, да врач, да несколько доверенных слуг. Отец мой нездоров. О, я знаю, он напускает важный вид, он бушует, он ведет себя, как вел всегда, но годы берут свое. У него был сердечный приступ, такой серьезный, что он много дней провел между жизнью и смертью. Теперь я должна заботиться о нем и делать все, чтобы его жизнь шла спокойно, ведь врач сказал, что второго приступа он не переживет, врач в этом почти уверен. Если я покину его, если пойду против его воли — я убью его так же наверняка, как если бы спустила курок.

Это было все. Несколько секунд они сидели молча, затем она поднялась, он тоже встал. Она нежно поцеловала его в щеку, он ответил ей так же — ласково и вместе с тем отчужденно; это все, что они могли позволить себе, чтобы чувства, которые они с трудом сдерживали, не выплеснулись наружу. Они попрощались, и Айрис пошла прочь, а он провожал ее взглядом, пока она не пропала из глаз, скрывшись за позолоченными колоннами; затем он вновь сел и резко продолжил уничтожение бренди в бокале, и бренди его согрело — единственное тепло в мире холода; он заказал еще бокал, потом бутылку, зачем официанту так часто бегать взад-вперед...

Но чем больше он пил, тем трезвее становился. Жидкость в бутылке стремительно исчезала и исчезла-таки, обнажив дно, но волшебная исцеляющая сила ее так и не оживила оцепеневшей души Гаса. Работа погибла, любимая ушла; осталось одно отчаяние. Так он сидел очень долго, пока не понял вдруг, что у плеча его стоит официант, протягивая ему переносной телефонный аппарат, а механик подключает его к фитингу, скрытому в стене.

— Вас просят на связь, капитан Вашингтон, — сказал официант.

Громкий, возбужденный голос Корнуоллиса донесся до Вашингтона.

— Вашингтон, это вы?! Наконец-то, мы уже несколько часов пытаемся связаться с вами!

— Да?

— Ну, пытались связаться с вами, я говорю. Мы тут хорошенько помучились, смею вас уверить; вы знаете сами, что сэр Айсэмбард — тяжелый человек. Но в конце концов он пошел на попятный. Он ставит туннель выше всего остального, как и все мы. И, надеюсь, как и вы, Вашингтон.

— Сэр!

— Конечно, вы скажете, что так и есть. В таком случае мы просим вас забрать назад свою отставку и продолжить работу с нами. Вы нужны нам, парень! Сэр Айсэмбард будет строить ветку от Отметки 200 к Азорам, наиболее простую, и представляет вам американский участок с этим мостом через рифтовую долину, будь он навеки проклят! Будете вы это делать? Остаетесь вы с нами?

Молчание затянулось; слышно было тревожное дыхание Корнуоллиса. Несмотря на выпитое бренди, Гас мгновенно протрезвел, и, когда он ответил, голос его был тверд.

КНИГА III

ШТОРМ

Глава 1

Ангра-Ду-Эроижму

Далеко в море грохотал гром, словно огромные деревянные бочонки перекатывались по булыжной мостовой; зигзаги молний освещали гряды темных облаков зловещим светом, коротко высвечивая удивительные пейзажи с пылающими черными лугами в небесах, с адскими портьерами, несущимися над свинцовым морем. Первые крупные капли дождя опередили шторм и разбивались о камни причала, под порывами ветра сухо шелестели высокие пальмы, шеренгами выстроившиеся вдоль берега. Входящие в гавань буксиры торопливо сигналили друг другу, выплевывая белые клубы пара; людям на берегу было видно, как облачка беззвучно срываюся с труб и жмутся к воде, а уж затем, спустя несколько долгих секунд, долетали печальные стоны гудков. У буксиров были причины торопиться — надвигающийся шторм уже вздыбливал валы, уже срывал длинные струи белой пены с их гребней. И все же им приходилось торопиться без спешки, потому что гигантская, напоминающая кита туннельная секция, которую они волокли за собой, сопротивлялась всякому поспешному движению всей своей тысячетонной массой. Ее горбатая спина едва возвышалась над водой, и волны перекатывались через нее, придавая секции вид какого-то серого, зловещего морского чудовища, всплывшего на поверхность. Со всеми предосторожностями, после еще более неистового обмена сигналами, ее завели наконец в бездонную гавань, отделенную волнорезами от штормового моря, и закрепили на ожидавшихся там буюх.

С высокой террасы управления Гас отлично видел гавань и мастерские, депо и машинные парки, подъездные пути и запасные пути, подъемные краны и строительные конструкции,

судоподъемные механизмы и склады — сложнейший индустриальный мир, которым он управлял, где трудились под его началом тысячи людей. Теперь это была уже привычная картина, но она никогда не надоедала ему. Радио возле его локтя сообщило об успешном закреплении секции в тот самый момент, когда сам он увидел поднимающийся столб пара от долгого гудка, означавшего, что буксировка завершена и можно отцеплять тросы. Тогда он опустил свой мощный бинокль и потер усталые глаза, а затем окинул взглядом всю эту неумолкающую возню внизу, всю эту суету, которая составляла его жизнь. Ритмично грохотали клепальные машины, металл бил о металл, визжали тросы выбивающихся из сил тягачей, посвистывали гудочки пыхтящих маневровых паровичков, снующих взад-вперед по рельсовому лабиринту и заталкивающих товарные вагоны на запасные пути, медленно кружили в воздухе стрелы кранов, поднимающих грузы из корабельных трюмов. Капли дождя били все ближе и ближе и наконец упали на Гаса; сейчас он был благодарен им за их холодные прикосновения к его побронзовевшей коже, ибо прошедший день был жарким и напряженным. Хотя его рубашка с закатанными рукавами и широкие штаны были сшиты из тончайшей, цвета хаки, хлопковой саржи, все равно жара до сих пор была невыносимой, так что дождь можно было только приветствовать. Гас даже сорвал свой тропический шлем и поднял лицо к тучам, капли приятно заплескались на его щеках, на лбу. Лишь когда небесный душ превратился в потоп, Гас укрылся в конторе управления и взял полотенце, чтобы вытереться. Служащие конторы продолжали заниматься своими делами; исключение составил лишь Саппер Кукурузник, начальник смены, который тут же подошел к Гасу, неся целую охапку бумаг.

— Тут у меня все рабочие отчеты и графики работ всех бригад, дни и часы, пропуски по болезням, все. Это сожрет чертову уйму времени.

— Вынужден признать, что разделяю твою скудость энтузиазма, но то, что нужно сделать, нужно делать. — Гас бросил взгляд на бумаги и быстро решил: — Пусть посыльный отнесет это ко мне в отель и оставит на столе, я займусь ими вечером. Нью-Йорк озабочен ростом общих расходов, и вполне может оказаться, что секрет увеличения затрат именно здесь. Вечером я изучу все детально и посмотрю, нельзя ли выудить хоть крупицу смысла из этого статистического хлама. Дело в

том, что я уйду до окончания смены, так что не буду путаться у вас под ногами.

— В таком климате строительство туннеля вызывает жажду. Чтобы сохранять форму, землекопам нужна прорва пива, вина, виски-красноглазки...

— С этим не приходится спорить. Ты знаешь, где я буду и что делать.

Стремительный шторм улетел, пока Гас пробирался задворками складов и сортировочных станций, и лишь последние капли изредка шелкали по его шлему. Здесь пригодились бы его рабочие сапоги выше колен — тяжелые грузовики страшно размесили грязь. Добравшись до авениды Атлантика, широкой улицы, тянувшейся вдоль берега, Гас медленно пошел по ней, смешавшись с разношерстной толпой, заполнившей ее после дневной сиесты. Он любил это время дня и шествие так не похожих друг на друга людей, собравшихся сюда чуть ли не со всего света, ибо это его туннель превратил маленький сонный городок Ангра-ду-Эроижму на острове Терсейра в Азорах в суматошный, крикливый международный порт.

Конечно, здесь были свободные от работы землекопы с обеих сторон Атлантики, очень внушительные в своих шарфах, цветастых жилетах, высоких сапогах и громадных шляпах; они бесцеремонно проталкивались сквозь толпу и спуска никому не давали. Оливковые островитяне были теперь в заметном меньшинстве, но они не жалели об этом, потому что судьбой их отныне стало процветание — процветание, которого они не знали, пока извлекали из моря не жалованье строителей туннеля, а всего лишь рыбу. Прежде деньги попадали сюда лишь в обмен на ананасы и бананы, апельсины, табак и чай, которые вывозились на капризный мировой рынок. Теперь эти продукты повсюду расхватывались здесь, так что ничего — или почти ничего — не приходилось грузить на корабли и транспортировать. Но землекопы отнюдь не были единственными потребителями местных товаров, ибо там, куда приходил туннель и где появлялись деньги из конвертов с жалованьем, сразу появлялись мужчины и — увы! — женщины, которые смотрели на эти деньги с вожделением и жаждали лишь одного: перекачать их как можно больше из кошельков честно работающих людей в свои нечестивые сумочки и бумажники. Здесь были профессиональные игроки, лошенные люди в черном, с аккуратными усиками, с холеными нерабочими пальцами — и всегда изготовленными к бою миниатюрными крупнокалиберными пистолетами, предназначенными

для любого, кто стал бы опрометчиво оспаривать честность сдачи карт или броска костей. Были и ростовщики с наличностью всегда наготове — для тех, от кого можно ждать барыша; они ссужали под чудовищные проценты, триста-четырееста были обычным делом, так что библейские предписания против ростовщичества звучали здесь очень доходчиво. Появились и торговцы — но не торговцы с крепким, налаженным бизнесом, демонстрирующие свои товары любому и устанавливающие свои цены открыто, — нет, темные личности со складными коробочками и вельветовыми чехольчиками в потайных карманах, предлагающие за смехотворные деньги кольца и часы, алмазы и рубины, намекая или нашептывая при этом, что вещи — лава, то есть горячие, то есть краденые; хотя разве только сумасшедший вор польстился бы на подобную дрянь, потому что кольца зеленели, часы переставали тикать, как только в них издыхала живность, алмазы и рубины, стоило им упасть, разлетались осколками стекла. И были здесь женщины, о да, несчастные ночные создания, которых предали, продали, поработили, загнали в ловушку и обрекли на жизнь в аду — но описывать такое невыносимо, да и чернила, которыми это будет написано, раскалились бы и выжгли прочь с бумаги слова, чтобы утонченный читатель никогда не узнал, каково жить им в том мире, каково ремесло, которому бедняжки отдаются с таким усердием.

Все они прогуливались сейчас по тротуарам, прогуливались и многие другие; мавританские торговцы, пришедшие на своих одномачтовых дау из Африки и Иберии с грузами съестного — ведь несколько островов архипелага не могли прокормить такое количество людей, — меряли мостовую твердыми шагами, темнокожие, горбоносые, в белых бурнусах, с руками, лежащими на рукоятках их ужасных ножей, им было на что посмотреть в этом форпосте чуждых им христиан. Подчас мелькал сюртук делового человека, эта униформа любому придает вид инкогнито, и на взгляд никак нельзя отличить, приехал ли человек из Франции или Пруссии, России или Польши, Голландии или Дании; здесь заключалось много сделок. И еще, и еще — и все вливались в этот изменчивый и неизменный поток.

Гасу всегда нравилось смотреть на него, и, подойдя к любимому своему заведению «Эль Тампико», он завернул внутрь и сел за столик на террасе, положив руки на окружающие ее тонкие латунные перильца, приветственно помахал владельцу, склонившемуся в поклоне, и улыбнулся официанту, который уже спешил к нему с охлажденной бутылкой «Вино де

шейро», местного вина, приглянувшегося Гасу; оно обладало великолепным букетом, было ароматным и сладким — и вкусом, и запахом оно напоминало розы. Гас пригубил; ему было хорошо и спокойно. Работа шла споро, не на что было жаловаться. Он посмотрел на толпу и тут уловил краем глаза, как кто-то сидевший спиной к нему за соседним столиком придвинулся ближе. То, что движение не было случайным, стало ясно, когда мужчина — а это был мужчина — тихо заговорил, не по-английски растягивая гласные, и слышать его мог лишь Вашингтон.

— Ваши землекопы — хорошие работники, ми-истайр Вашингтон, они работают очень много, им надо кушать очень много. Вы должны их ко-ормить, значит, вам надо мно-ого пищи, мно-ого денег. У меня как ра-аз есть мно-ого тонн консервированной ветчины, такой хорошей, вы просто не поверите, но-о у меня в кармане есть образчик ва-ам на пробу.

Что-то влажное шлепнулось на стол, и Гас не мог не заметить внезапно возникшего на полотняной салфетке у его локтя ломтя мяса. Гас не обратил внимания ни на мясо, ни на его владельца, но тот настаивал:

— Посмотрите, как вкусно, славная моя балканская свинка, съе-ешьте, съе-ешьте, вам понравится. Эту ветчину я продам вам по особой цене, хоро-ошей цене, а под столом есть для вас кое-какое вознаграждение, против золотишка-то вы не бу-удете возражать, ик!

Он завершил свою речь столь необычным образом, потому что за спиной у него неслышно возник Саппер Кукурузник и, без лишних слов ухватив его за шкурку и за сидалище, вышвырнул на улицу; там сомнительный снабженец моментально скрылся. Кончиками пальцем Гас отправил мясо вслед за его хозяином, и оно тут же исчезло в пасти одного из длинноногих местных псов, болтавшихся по мостовой.

— Очередные несколько тонн бетона, наштапированного песком? — спросил Саппер, все еще стоя, но уже наливая себе бокал вина за труды.

— На этот раз нет. Из того небольшого, что я успел услышать, прежде чем ты прервал беседу, это либо краденая партия мяса, либо тухлая, либо что-то в этом роде. Прекратят они когда-нибудь или нет?

В ответ Саппер что-то односложно хрюкнул и скрылся из виду внутри кафе. Гас потягивал вино. Дельцы этого сорта никак не могли поверить, что Вашингтона нельзя подкупить; их жизненный опыт гласил, что все продается, просто у всего своя цена, что можно подобрать ключик к каждому, поэтому

они настойчиво продолжали подкапываться и под него. Давно прошли времена, когда Гас пытался обходиться с ними одними словами; теперь дело поставили так, что, когда он бывал среди посторонних, кто-нибудь из его людей постоянно находился неподалеку и определенное движение руки Гаса, вроде бы само по себе ничего не значащее, давало понять: неначавшаяся беседа должна быть немедленно прекращена. Через мгновение Гас уже забыл об этом эпизоде, настолько он был обычным, и выпил еще вина; тем временем наступил нежный тропический вечер. Освежившись и сбросив пар, Гас лениво побрел сквозь бурлившую по-прежнему толпу к отелю «Терра Ностра», где держал комнату; отель был лучшим на острове, но это вовсе не говорило об особой привередливости Гаса, отель был переполнен. Все отели и все рестораны были безобразно переполнены с тех пор, как сюда пришел туннель. Управляющий, любезно раскланявшись — Гас был из уважаемых клиентов, — передал ему оставленный посыльным пакет, и капитан поднялся к себе, чтобы сесть поработать с бумагами вплоть до столь любимого островитянами позднего обеда.

Открыв дверь, он убедился, что в комнате темно, — значит, горничная опять забыла о его просьбе оставлять свет включенным. Это было обычным явлением, и не долго думая он закрыл дверь, нащупал выключатель и нажал. Ничего не изменилось. Электричество опять отключили, подумал он; работавшая на угле местная электростанция была крайне ненадежна. Но ведь в вестибюле горели лампы. Недоумевая, он повернулся было обратно к двери, как вдруг ослепительный свет электрического фонаря ударил ему в глаза; Гас понял, что в комнате кто-то есть. И кем бы этот загадочный посетитель ни был, ясно, что он здесь неспроста, это Гас сообразил сразу и пригнулся, чтобы броситься на того, кто держал фонарь. От броска его удержало тихое появление в луче света мужской руки, державшей никелированный, очень убедительный на вид револьвер.

— Вы пришли меня ограбить? — холодно спросил Гас.

— Не совсем, — ответил загадочный посетитель; то явно была речь американца. — Допустим, я хотел сначала посмотреть на вас, затем удостовериться, что вы один, и, наконец, пистолет, простите, был нужен для того, чтобы убедить вас не совершать в этой темной комнате ничего необдуманного, — что вы, похоже, собирались сделать.

— Вот мой бумажник, берите его и уходите. Для вас в этой комнате больше нет ничего ценного.

— Благодарю вас, нет, — ответил голос из темноты, и в

нем прозвучали веселые нотки. — Вы неправильно истолковали мое появление.

Послышалась какая-то возня там, где к выключателю подходили провода, хотя луч фонаря по-прежнему был направлен на Гаса. Наконец вспыхнул свет.

Ночной гость оказался мужчиной лет тридцати пяти, одетым так, как обычно одеваются за границей американские туристы: цветастая, украшенная бисером рубашка в индейском стиле, островерхая шапочка рыболова с зеленым пластиковым козырьком, усеянным значками и наклейками с названиями мест, где побывал ее владелец, шорты до колен и крепкие, подбитые крупными гвоздями ботинки. На шее висела камера и экспонометр, к поясу было прицеплено окаянное устройство, без которого добрый американский путешественник как без рук: днем и ночью оно читало лекции обо всем, что путешественник видел. Сейчас гость улыбался, и поэтому лицо его выглядело приветливым, но чувствовалось, что обычно эти ледяные голубые глаза бывают неумолимы, широкая челюсть упряма, а острый с горбинкой нос со следами давнишнего перелома временами напоминает хищный клюв ястреба. Гас рассматривал гостя медленно, осторожно, стоя без движения под угрозой револьвера и ожидая подходящего момента, чтобы опрокинуть стол. Однако мгновением позже оказалось, что незнакомец коснулся кнопки на висящем у пояса «говорильнике», у того отскочила крышка и открылось потайное отделение. В него гость уложил оружие, а оттуда вынул предмет, по размеру несколько меньший. Кожаный футляр щелкнул и закрылся вновь, а гость, по-прежнему улыбаясь, передал Гасу извлеченный из тайника металлический значок полицейского.

— Счастлив познакомиться с вами, капитан Вашингтон. Меня зовут Ричард Трейси¹, я — управляющий нью-йоркской конторы Пинкертона. Мой значок у вас в руке, и мне поручено, чтобы окончательно удостоверить мою личность, передать вам вот эту записку.

Плотный конверт; на сургуче — оттиск печати сэра Уинтропа. Не похоже, что конверт вскрывали. Внутри — короткая записка, написанная Рокфеллером собственноручно, Гас сразу узнал почерк. Послание было лаконичным:

«Представляю вам Р. Трейси, эск., которого я нанял част-

¹ Детектив Ричард (Дик) Трейси — персонаж серии комиксов, издававшихся в США в 40-х — 50-х годах, один из популярных героев американской массовой культуры.

ным образом. Можете ему доверять абсолютно. У. Рокфеллер».

— Знаете ли вы содержание письма?

— Только суть — я провожу расследование, и знать об этом должны только вы. Сэр Уинтроп просил передать, что он нанял меня лично, на свои личные деньги, так что, кроме него, о моем существовании знаете только вы.

— Я полагаю, вы не откажетесь рассказать мне, в чем состоит ваше расследование?

— Как раз подходим к этому, сэр. Диверсии, конечно; более грязного бизнеса не придумаешь. Я могу сослаться на примеры, вам известные, но тех, о которых вам неизвестно, гораздо больше.

— Скажем, загадочное исчезновение горючего в вертолете над Канадой?

— Совершенно верно. И перерезанный трос туннельной секции на завершающем участке у станции Грэнд-бэнкс, и обвалившийся ангар в депо, и много других. Здесь, на острове, я недавно и веду расследование вглубь. Это сильная организация, активно противодействующая успешному завершению строительства. Им хорошо платят, они безжалостны и не остановятся ни перед чем.

— Но кто это делает и для чего?

— Пока я могу только гадать, а гаданиями я предпочитаю не заниматься. Я человек фактов и только фактов. Возможно, мы все это скоро узнаем, поэтому сейчас я и обращаюсь к вам за помощью. Я и мои работники разбираемся тут уже несколько месяцев...

— Я ничего не знал!

— И не должны были. У меня отличные парни. Держу пари, вы видели некоторых в туннеле, я расставил их по самым разным местам. А сейчас на одного из них — зовут его Козлище, потому что он уродлив и упрям козлу под стать, — вышли диверсанты, и он согласился им помочь. Вы должны подобрать место для преднамеренной и впечатляющей диверсии, чтобы Козлище взяли на доверие. Когда я буду знать, кто они, мы наскочим и разом возьмем многих.

— Тут надо подумать, но я знаю, с кем можно проконсультироваться. Я поговорю с...

— Ни с кем, ни с кем, пожалуйста. Я слишком ценю свою жизнь.

— Что вы имеете в виду?

— Буду откровенен. В прошлом несколько раз уже прибегали к услугам детективов, но они либо проваливали работу, либо их находили погибшими при невыясненных обстоятельствах. Сэр Уинтроп считает, и я с ним согласен полностью, что внутри компании кто-то сотрудничает с диверсантами.

— Не может быть!

— Это так. Кто-то обладающий доступом к обширной специальной информации. Возможно, он даже не один. Пока мы не выясним, кто это, шансов у нас нет. Вот почему я зашел к вам в гости таким необычным образом. Никто, кроме вас и сэра Уинтропа, не знает о том, что я занимаюсь этим делом.

— Уверен, что могу сказать...

— Никому! Только так.

Они договорились. Никому. Договорились о системе паролей и способах общения, проработали план крупной диверсии. Когда с этим было покончено, секретный агент коснулся своего запястья и раздался шелчок; это открылся его опознавательный браслет, который к тому же оказался и аппаратом двусторонней радиосвязи. Трейси побеседовал с каким-то помощником, тот сказал, что за комнатой никто не следил. Успокоенный этим сообщением, ночной гость выключил свет и выскользнул за дверь, исчезнув так же неожиданно, как и появился.

Хотя Гас работал с бумагами допоздна и должен был бы все внимание отдать им, мысли его то и дело возвращались к таинственным диверсантам. Кто они — и кто внутри компании участвует в этом подлом заговоре?

Когда он все же лег отдохнуть, сон не шел. Мысли его смерчем крутились вокруг столь неожиданных известий; и тревога его не оставляла.

Глава 2

Заговор раскрыт

Ни один звук не осквернял молчания дня. Не слышно было ни слова, ни разу не ударил по металлу металл; ни стук шагов, ни гул мотора, никакой иной из обычно сопровождающих человека шумов не осмеливался нарушить удивительную тишину. Лишь плескались волны у мола, и чайки кричали в небесах, но то были голоса природы — а люди и их машины

замерли на всем громадном пространстве туннельных работ, ибо каждый, бросив все, вскарабкался куда-нибудь повыше, чтобы лучше видеть драму, которая разыгрывалась прямо перед глазами. С каждой стены, и крыши, и крана свешивались, как виноградные гроздья, люди — гроздья людей с наполненными горем глазами и потерявших дар речи перед лицом трагедии; они напряженно следили, как маленькая горбатая субмарина, взбивая за собою пенный след, на предельной скорости мчится к выходу из гавани. Лишь на самой верхней наблюдательной точке, в управлении, были движения и звуки — один человек, радист, шелкал переключателями, подкручивал кремальеры и говорил, говорил в судорожно стиснутый микрофон, не замечая, как крупные капли пота катятся по его лбу и срываются вниз.

— Повторяю, это приказ капитана Вашингтона. Повторяю, немедленно покиньте судно. Поняли меня, «Наутилус», поняли меня?

Динамик у него над головой хрустнул и зашипел, а затем взревел невыносимо громкой от чрезмерного усиления речью:

— Разумеется, вы ж не Эйнштейн и не Фолкнер какой-нибудь, понять вас особых стараний не требуется. А вообще-то я слышу вас хорошо, будто вы сидите у меня на плече. Продолжаю идти по курсу.

Не то предсмертный выдох, не то вздох облегчения вырвался у слышавших это людей. Протолкавшись сквозь них и взяв у оператора микрофон, Гас перешелкнул тумблер на передачу.

— Здесь Вашингтон — и это приказ, О’Тул. Немедленно заклиньте рычаги — и вон оттуда. Я pošлю катер подобрать вас. Все.

И снова воздух наполнился шипением и треском.

— Приказы существуют для того, чтобы их выполняли, капитан, но, прошу прощения, сэр, я думаю, что этого приказа я не услышу. Я тут раскрутил старину «Наута» на столько узлов, сколько ему и не снилось прежде в его спокойной ржавой жизни, сейчас он шпарит как проклятый. Красный столбик по-прежнему лезет вверх, но мы будем уже далеко в море, когда он перевалит опасную черту.

— Можете вы заглушить реактор?

— Боюсь, сейчас мне придется ответить отрицательно, сэр. Когда я запустил силовую установку, стержни оказались поднятыми на всю длину, и я не могу запихнуть их обратно ни

вручную, ни как иначе. Я ж не атомщик, мне было не сообразить, чем умаслить эту пакость, — и я подумал, что лучше всего будет слегка оттащить ее в море.

— Заклиньте рычаги и уходите...

— Немножко поздно, капитан, тут уже припекает, пошел разогрев кормы. И потом, рычаги можно закрепить, чтобы старина держался на курсе, но погружение так не отработает — а я как раз собираюсь нырнуть поглубже. Так глубоко, как только получится. Значит, конец связи. Под водой радио не работает...

Голос постепенно затихал. Затих. Микрофон со стуком выпал из руки Гаса. Далеко в море полыхнуло белое пятнышко пены там, где лодка ушла вниз. Потом океан стал пустынным.

— Вызовите его по сонарфону, — сказал Гас.

— Я пробовал, сэр, — не отвечает. Не думаю, что он его включил.

Дальше — тишина. Полная тишина, ибо то, что произошло, уже было названо, и теперь каждый, кто здесь находился, знал, что делает этот один человек ради них всех. Щурясь от солнца, они смотрели в море, туда, где ушла в глубину субмарина, и ждали последнего акта драмы жизни и смерти, которая разыгрывалась у них на глазах; они не знали, чего, собственно, ждут, но понимали, чувствовали, что, хотя атомная энергия и не входит в круг их познаний, ее появление будет заметным для всех.

Так и случилось. Далеко-далеко водная гладь внезапно дрогнула и закипела, и сам океан вздыбил горбатую спину, как если бы какой-то древний, чудовишный обитатель глубин пытался всплыть на поверхность или, может быть, родился новый остров. Страшное кипение в океане все усиливалось, и тут до берега докатился могучий удар, который сбил людей с ног, раскачал подъемные краны, заставил оглушительно задребезжать лежавшие друг на друге стальные листы на каком-то складе. А океан выгибался все выше и выше, пока кипящая масса воды не замерла на высоте нескольких сотен футов — и тогда, прежде чем она начала падать обратно, из самой ее сердцевины белой колонной вымахнула бешено крутящаяся спираль, она рвалась в небо, в самое небо, невообразимо высоко, вот она уже сравнялась с горной вершиной на соседнем острове Пику... И тут она расцвела мерзким цветом, раскрываясь, словно адский цветок, до тех пор пока белое облако,

насквозь простреливаемое кровавыми вспышками, не утвердилось на вершине колосса, который его исторг. Так он стоял; отвратительный, странно красивый в своей чужеродности, самый ядовитый гриб под небесами, вскормленный смертью и сам — смерть.

Люди на берегу не в силах были отвести глаз от этого ужаса; забыв о человеке, который стоял позади них, все они как один обнажили головы и прижали свои шляпы, шлемы, кепки к груди, отдавая последнюю память храбрецу, который только что перестал жить.

— Сегодня больше не работаем, — внезапно прозвучал в тишине голос Гаса. — Сделайте объявление, и все могут идти.

В море затихающий ветер уже рассеивал облако и уносил его прочь. Гас бросил туда короткий взгляд, нахлобучил свой шлем и ушел. Ноги сами собой пошли по знакомому пути — к улице, затем к «Эль Тампико». Официант бросился за вином для него, принес, и с языка его уже готовы были сорваться вопросы о странном явлении, которое все недавно наблюдали, но Гас, отмахнувшись и от вина, и от вопросов, велел принести виски. Стоило бутылке появиться перед ним, он залпом осушил бокал, наполнил его снова и уставился в его глубину. Через несколько минут он поднес к голове руку в условном жесте — охранявший его огромный индеец возник в дверях и подошел к нему.

— Тут некого брать за задницу, — сказал Саппер.

— Знаю. Давай, садись-ка и выпей.

— Красноглазка, отраву добрая. — Он опрокинул бокал и удовлетворенно выдохнул. — Вот настоящая огненная вода.

— Выпей еще. И возьми бутылку себе про запас, если хочешь. Оставайся здесь и похлебай какое-то время, а за мной не ходи. Я зайду внутрь и уйду черным ходом.

Лицо индейца на миг недоуменно вытянулось, затем осветилось широкой улыбкой.

— Ага. Вот эту, по-моему, хорошая идея. Как раз то, что сделал бы индеец. Снять женщину и забыть печали. Я подскажу вам отличный дом...

— Это замечательно, но я уже большой и сам о себе позабочусь. Сиди здесь.

Поднимаясь, Гас едва сдержал улыбку; если бы только Саппер знал, куда Гас идет. Не оглядываясь, он пересек обеденный зал и поднялся по лестнице, ведущей в комнаты отдыха. Оказавшись в темном коридоре, он остановился и при-

слушался, выясняя, действительно ли он здесь один. Убедившись, что за ним никто не идет, он быстро и тихо подошел к окну в конце коридора и толкнул раму; окно было не заперто, хорошо смазано и открылось беззвучно. Одним быстрым движением Гас вылез наружу; балансируя на карнизе, закрыл за собой окно и спрыгнул в темный переулок. Никто его не видел; лишь белые потрескавшиеся стены смотрели на него, да источали зловоние близкие помойные баки. В конце переулка, там, куда попадало солнце, проходили какие-то люди, но сюда никто не заглядывал; однако для пушей уверенности Гас подождал, пока они пройдут. Лишь когда видимая часть улицы опустела, он, стараясь двигаться как можно тише, перебежал к зданию напротив; заглубленная в стену и поэтому со стороны почти незаметная дверь отворилась, стоило ему подойти, и сразу закрылась за его спиной.

— Сошло нормально? Вас не видели?

— Отлично, просто отлично. Саппер меня прикрывал.

Человек Пинкертон кивнул и провел Гаса в другую комнату, залитую ярким светом электрических ламп; ставни были закрыты, шторы опущены. На столе был радиоаппарат, перед ним сидел человек; когда Гас вошел, человек обернулся и встал.

— Честное слово, я чувствую себя духом умершего, — сказал О'Тул.

— Вы все сделали прекрасно.

— В душе я актер, сэр, но вы и сами не терялись. Временами мне и впрямь казалось, что я снова на старине «Науте» и вывожу его на шесть футов под килем, а он в натуре собирает-ся меня придушить. Он был хорошим кораблем, жаль, что так кончил.

— Честная смерть. Куда лучше, чем идти на слом, — а он одной ногой был уже там. Сальники начали течь, корпус дал трещины. Сейчас его гибель пошла на пользу добродушному делу.

— Да, конечно, вы правы. Но меня беспокоит угроза радиации — о ней все время предупреждают эксплуатационные руководства.

— На этот раз беспокоиться не стоит. Метеорологи нас заверили, что господствующие ветры унесут облако мимо судоходных линий, а расщепляющиеся материалы в морской воде быстро рассеются и не причинят вреда.

— Такая предусмотрительность ободряет. Что ж, переходим к следующему номеру нашей программы. Вы займетесь

им сегодня вечером; ожидается крупное приключение, к тому же оно придаст хоть какой-то смысл кончине старины «Нау-та». Могу я пойти с вами?

— Нет! — сказал Трейси тоном приказа, а пальцы его едва не коснулись рукоятки револьвера, заткнутого за ремень брюк на животе и до этого момента прикрытого курткой.

Еще один человек, тихо сидевший на стуле в углу, быстро вскочил, и тогда стало видно, что все это время он просидел с пистолетом в руке. Трейси жестом велел ему сесть снова.

— Спокойно, Пикеринг, он не пойдет. Капитан Вашингтон, когда я разрешил вам информировать о происходящем еще одно лицо, мы твердо договорились, что оно останется в этой комнате, пока все не встанет на свои места.

— И оно остается, Трейси, я дал вам слово. — Гас повернулся к водителю субмарины, который смотрел на них в полном недоумении. — Будет, как он сказал, О'Тул. Вы влезли в это дело вслепую, поверив мне на слово, что повредить вашу подлодку, увести ее в море, где она взорвется, и вдобавок по радио притвориться, что вы на борту, — это очень важно и очень секретно. Возможно, у вас есть какие-то догадки относительно того, что происходит, но, если даже и так, я прошу вас держать их при себе. Оставайтесь в этой комнате с Пикерингом, хотя бы ради вашей же безопасности. Мы схватились сейчас с отчаянными людьми и должны стать такими же отчаянными, как они; я твердо убежден, что эти двое скорее застрелят вас, чем позволят сегодня вечером выйти отсюда.

Оба агента кивнули, молчаливо подтверждая слова Вашингтона. О'Тул пожал плечами, подчиняясь.

— Пусть будет так, сэр. Я сегодня уже совершил один раз самоубийство, и у меня нет желания его повторять.

— Садитесь сюда, к свету, — сказал Трейси Гасу, когда вопрос был исчерпан и рукоятка револьвера убралась снова. — Никто не должен вас узнать, иначе игре конец.

Под его ловкими пальцами Вашингтон превращался в другого человека так быстро и неузнаваемо, что наблюдавший за этой метаморфозой О'Тул шепотом помянул имена одного-двух святых. Первым делом в кожу рук и лица была как следует втерта коричневая краска, потом за щеки вложены маленькие подушечки, несколько быстрых прикосновений черного карандаша обозначили морщины, потайные колечки вставлены в ноздри, которые сразу расширились и округлились, а увенчалось дело густыми черными усами на быстросохнущем

клее и весьма гармонично их дополнившим париком. Когда Гас глянул в зеркало, у него даже дыхание перехватило — на него смотрел незнакомец, очевидно, принадлежавший к латинской расе, скорее всего один из островитян, который ничем не напоминал человека, недавно севшего на этот стул. Пока он восхищался этим произведением искусства, Трейси занимался собственным лицом, обрабатывая его так же, как и лицо Гаса; завершил он это таинство, достав два костюма в узкую полоску, с широкими лацканами и накладными плечами, имевших явно континентальный покрой, и черные остроносые туфли. Когда оба переоделись, О'Тул невольно присвистнул сквозь зубы.

— Ну, честное слово, я мог бы на улице пройти мимо и ни за что не узнал бы, не вру!

— Нам пора, — сказал Трейси, взглянув на часы; восхищение рулевого он воспринял бесстрастно, как нормальное признание добросовестно выполненного дела. — К месту встречи придется идти кружным путем.

Пока они гримировались, совсем свечерело, так что боковые улочки и переулки, по которым предпочитал идти Трейси, были темнее дегтя. Но он, похоже, отлично знал географию этих трущоб, потому что безошибочно пришел к цели. Когда они остановились перед утопающей во тьме дверью, ничем не отличавшейся от сотен других, мимо которых они прошли, он наклонился к Гасу и прошептал:

— Это кровожадные люди и наверняка вооруженные. Есть второй револьвер — хотите?

— Нет, благодарю. Я человек мира, а не войны. Все это мне отвратительно.

— Необходимый инструмент, не более. Впрочем, я слышал, ваш правый боковой пользовался большим уважением в колледже и вас неоднократно зазывали на профессиональный ринг. Когда доходит до ближнего боя, против кулаков трудно что-нибудь возразить.

— Согласен и с удовольствием предвкушаю такую возможность. Теперь — ведите.

Дверь оказалась черным ходом одного из омерзительных питейных притонов, расположенных в районе порта; там был нависавший над главным залом балкон, где представители местной знати или те, кто старался под них подделываться, могли пить в относительно уединении, глядя на зловонное бурление жизни внизу. Заняли столик у перил; Трейси отмах-

нулся от двух черноглазых размалеванных женщин, которые начали было бочком подбираться к ним. Официант принес бутылку лучшего вина, которое могло предложить это заведение, — водянистого, кислого шампанского по удивительно высокой цене; они подняли бокалы к губам, не делая ни глотка. Говоря так тихо, чтобы лишь Гас мог его слышать, Трейси поверх бокала произнес:

— Он здесь. Столик у двери, человек, который пьет один. Сразу не оборачивайтесь — мы здесь не единственные наблюдатели.

Небрежно подпалив тощую, черную, опасную даже на вид сигару с обрезанным концом, которую передал ему Трейси, Вашингтон бросил спичку на грязный пол и рассеянно оглядел толпу внизу. Там пили, кричали, играли, ругались — отвратительное кипение жизни, где рядом в одном котле варилось местное хулиганье, землекопы, грубая матросня... Клоака. Наконец Гас позволил своим глазам скользнуть по одиноко сидящему за столом у двери — точно так же, как они скользили по остальным.

Некрасивый человек с застылым выражением угрюмости на лице. Агент Трейси, которого тот назвал Козлищем. Одет он был как землекоп, работал в туннеле, в береговой его части. И, само собой, мог иметь доступ к субмарине, сразу пришло Гасу на ум. Его акция, если смотреть со стороны, увенчалась успехом, теперь он ждет платы, ждет встречи с другими гангстерами, поскольку своим дерзким поступком доказал свою ценность для них.

Именно в этот момент в неразберихе голосов внизу вдруг отчетливо и — для Гаса в особенности — отдельно от остальных прозвучал знакомый, похожий на бычий, рев, который Гас явно слышал много раз. С нарочитой рассеянностью, словно бы от нечего делать, он опять обвел взглядом толпу — и едва сохранил контроль над собой; ни одна черточка на лице не дрогнула от того, что он увидел внизу. Завершив ленивый осмотр происходящего в зале, он поднял бокал, и, лишь когда лицо его оказалось прикрыто, сказал:

— Там внизу землекоп, Боевой Джек, мой начальник смены с английского туннеля. Если он меня узнает...

— Молите бога, чтобы не узнал, иначе мы пропали, а вся операция — сорвана. Я знал, что он приехал сегодня с группой новых рабочих для английской ветки, но почему при та-

ком обилии возможностей выпить он предпочел это заведение всем другим? Вот же не везет!

Вскоре им предстояло узнать как следует, что такое не везет. С улицы донеслись хриплые вопли. Дверь с треском распахнулась, и вошел Саппер Кукурузник, пьяный вдрызг. Бутылка, которую заказал в начале вечера Вашингтон, была теперь пуста, но Саппер продолжал сжимать ее горлышко. Видимо, опасаясь, что кто-то мог не заметить его громкого появления, он возвестил теперь о себе протяжным воинственным кличем, от которого заплясали стаканы в баре.

— Я одним ударом могу положить любого, кто тут есть! Я могу положить троих, если у вас кишка тонка вставать поодиночке! Я могу положить шестерых, если не...

— Эй ты, куча индейской трепотни!

Едва прозвучали эти слова, Саппер оцепенел, но глаза его сузились, а голова медленно повернулась, двигаясь с неотвратимостью вращающейся орудийной башни; глаза напоминали спаренные орудия. Но стоило Сапперу найти Джека взглядом, как тот встал. На балконе над ними Гас подавил стон, когда Саппер ответил:

— Островное брехло!

Он выглядел уже совершенно трезвым. Не успев еще договорить, он резко ударил бутылкой о косяк двери, и в руке его осталось отбитое горлышко. Боевой Джек ногой отпихнул стул и открыто выступил вперед.

— Нужна битая бутылка, а, индеец? Боишься кулаков белого человека?

И он показал, что собой представляет один из них — поднял руку и сжал кулак размером с небольшую лопату. Раздался глухой стук — это Саппер отбросил горлышко и двинулся навстречу Джеку.

— Любой белый может шевелить кулаками, но может ли хоть один белый побороть кулак индейца?

В ответ раздался рев:

— Я могу все, что можешь ты, — только лучше!

Они затопали друг к другу, и от их шагов затряслось здание; те, кто еще оставался между ними, бросились врассыпную. Ни один не остановился, пока не сошелся вплотную с противником — нос уперся в нос, глаза сверкали, зубы оскалились; они были будто два бизона, упершиеся морда в морду, или два локомотива на одной колее, бессильные освободить дорогу друг другу. По молчаливому согласию оба шагнули в

сторону и уселись за только что освободившийся столик, смахнули на пол бутылки и стаканы, скинули куртки, с тупым стуком утвердили правые локти на покрытой трещинами деревянной поверхности, усаживаясь поудобнее. Глядя друг другу в глаза, они сцепили руки, стиснули пальцы и принялись сдавливать друг друга с силой, которой хватило бы, чтобы сломать дерево, но недостаточной, чтобы причинить хоть какой-то урон противнику. Тогда каждый из них начал что было мочи клонить руку другого на столик, чтобы костяшки пальцев коснулись поверхности, — это бы считалось победой. Весьма примитивная процедура, завершающаяся легко и быстро в большинстве случаев, когда более сильный или более решительный одолевает другого.

Но не на этот раз. Если когда-нибудь и встречались два равных по силе гиганта, то это были как раз они — ни один не уступал ни на волос. Мышцы их рук вспучились, словно застывшие натеки стали, сухожилия выступили из-под кожи, как металлическая проволока; мужчины выкладывались до конца. Они были друг другу ровня, даже уж слишком ровня, потому что ни один, даже на пределе возможностей, не мог взять верх над другим. Толпа во все глаза следила за этой битвой титанов и так замерла в благоговейном трепете, что, когда рубашка Боевого Джека лопнула у него на бицепсе, треск материи, как автоматная очередь, разорвал тишину. Секундой позже рубашка на вздувшемся плече Саппера взорвалась с таким же звуком, не выдержав напряжения. Они боролись, сцепившись в жестокой, мертвой хватке; ни один не собирался сдаваться, ни один не мог уступить победу.

С резким треском крышка стола раскололась от давления, и половины разлетелись по сторонам. Теперь, когда локти уже не имели опоры, мужчины медленно поднялись, все еще сомкнутые воедино, все еще напрягаясь с такой силой, какой, казалось, плоть и кость человека не могут противостоять.

Волна восхищенного шепота прошелестела по залу; сбившимся в кучу людям трудно было поверить, что все это происходит на самом деле. Потом гул и ропот стали расти, раздалось несколько подзадоривающих выкриков, и среди них — воинственный клич, долетевший до столика, занятого индейцами племени онондага. В ответ один из английских землекопов крикнул:

— Переломи его пополам, Боевой Джек!

К нему присоединились еще несколько. Но странно: кри-

ки эти оказали неожиданное воздействие на Саппера: не уступая, впрочем, и йоты, он глянул на противника каким-то новым взглядом и с явным усилием, так сжаты были его челюсти, процедил:

— Ты... сменный начальник... Боевой Джек?

У Джека были те же затруднения с речью... И тем не менее он сумел выговорить:

— Да.

Эффект этого простого утверждения был, по меньшей мере, поразителен, ибо Саппер сразу перестал бороться. От неожиданности Боевой Джек потерял равновесие и, завалившись в сторону, крутанулся на месте, так что индеец получил возможность беспрепятственно хлопнуть англичанина по пронесшемуся мимо его груди плечу. Результат оказался именно таким, какого и следовало ожидать: английский начальник не склонен был отнестись снисходительно к подобному обращению; он закончил свой разворот, описав полный круг, и снова оказался лицом к лицу с противником, но уже со сжатыми кулаками, готовый разнести все и вся. Но, прежде чем он успел броситься в атаку, индеец сказал:

— Ну а я начальник смены по имени Саппер Кукурузник.

Боевой Джек уронил кулаки и распрямился, лицо его приобрело такой же изумленный вид, какой имело лицо его противника секундами раньше. Некоторое время они обалдело разглядывали друг друга, потом вдруг расплылись в улыбки, а мгновением позже уже смеялись, трясаясь и мыча от хохота, — к полному недоумению зрителей, которые оказались поражены еще больше, когда оба здоровенных землекопа обняли друг друга за плечи и, подцепив по бутылке с ближайших столов, вышли на улицу, все еще смеясь и уже прихлебывая.

— Полагаю, вы сможете объяснить мне их поведение, — сказал человек Пинкертона.

— Разумеется, — ответил Гас. — Вы знаете, что Саппер мой сменный начальник здесь, а Боевой Джек был моим сменным начальником на английском участке туннеля. Каждый из них слышал о другом, знает о нем много хорошего и знает также, что оба они — мои близкие друзья, а для землекопов это значит, что они тоже товарищи. Так что, видите, у них нет никаких причин драться, но зато масса причин вместе выпить, чем, я уверен, они сейчас и занялись.

Закончив, Гас оглянулся на тот столик, где сидел Козли-

ще, о котором он на какое-то время совсем забыл, — и едва сумел скрыть потрясение.

— Он ушел. Пока мы смотрели на других — он ушел!

Их миссия была под угрозой; они отвлеклись и упустили шанс схватить саботажников. Поняв это, Гас совершенно растерялся, но Трейси, казалось, сохранял холодное равнодушие. Он достал часы, большую карманную «луковицу», и глянул на циферблат.

— Пока вы смотрели на других, — надавив на «вы», отчужденно сказал он. — Я стреляный воробей, и сбить меня с толку не так легко. Пока тут все с ума сходили, связной улучил минутку и сделал Козлищу знак, после чего оба ушли.

— Вам следовало сказать мне. Теперь мы никогда их не найдем.

— Как раз наоборот, все идет по плану. Я ведь говорил вам, что тут у противника есть наблюдатели, и, если бы мы ушли сразу следом, это было бы замечено и могли бы возникнуть неприятности. Но, поскольку этого не случилось, мы можем теперь расплатиться за помои, которые пили, — с этими словами он бросил на стол несколько монет, — и идти, раз уж публика успокоилась. За нами никто не пойдет. — Он еще раз посмотрел на часы, прежде чем положить их в карман, и поднялся.

Гас поднялся следом, изумляясь спокойствию своего спутника перед лицом очевидной катастрофы, и последовал за ним по влажному переходу вниз, снова на улицу. Они вышли на центральный проспект, и Трейси повернул к берегу.

— Не буду больше держать вас в неведении, Вашингтон, — сказал он. — В вашей работе есть свои технические тонкости, но и в нашей тоже. У агента, Козлища, в правом ботинке скрыто одно устройство, точнее, оно вмонтировано в подметку башмака, и при обычном обыске его не обнаружишь. Когда с агентом вышли на связь, Козлище определенным образом нажал на подметку пяткой. При этом сломалась чувствительная мембрана в капсуле, после чего из одной части капсулы в другую перетекла кислота и активировала ее, превратив в мощную батарею. Полученный таким образом ток поступил в сильный компактный генератор радиоволн, тоже спрятанный в подметке, а его сигнал пошел по проводу, вплетенному в шов брюк, к антенне в ремне, которая начала излучать мощные позывные на коротких волнах. Вы видели, я смотрел на часы?

— Разумеется, и удивился вашему внезапному интересу к точному времени.

— Совсем не ко времени. В часах укрыт миниатюрный приемник, пеленгатор, настроенный на позывные Козлища. Посмотрите сами.

Он извлек часы и положил на ладонь; ближайший газовый фонарь давал достаточно света, чтобы разглядеть циферблат. Когда Трейси нажал кнопку завода, часовая стрелка слабо загорелась и повернулась, указав на ведущую к морю улицу; затем, когда Трейси отпустил кнопку, стрелка вернулась в положение, обозначающее время.

— Остроумно, согласитесь. Они впереди нас, так что идемте дальше. Нам их не видно, и это очень хорошо, значит, и им нас не видно, и они не встревожатся. Радио укажет дорогу.

Пока улица была хорошо освещена и полна людей, они с ленцой прогуливались, как бы сродни толпе. Но когда проспект закончился тупиком у темных доков, они развернулись, словно здесь и завершилась их прогулка, и пошли обратно по той же дороге. У первого поворота они ненадолго остановились, беседуя, — просто люди, вышедшие пройтись; в это время Трейси постарался убедиться, что за ними не следят. Решив, что все в порядке, он отступил в тень на перекрестке и потянул Гаса за собой.

— Они где-то на берегу, пеленгатор указывает туда. Мы будем идти параллельно гавани, пока не выясним точнее.

И они пошли, то и дело спотыкаясь на заваленной мусором мостовой, распугивая кошек и крыс, совершающих свои ночные турне, пока Трейси не остановился вновь на очередном перекрестке, вглядываясь в шкалу пеленгатора.

— Очень интересно. Теперь она показывает только назад, туда, откуда мы пришли. Вашингтон, вы инженер и топограф, у вас на все эти вещи наметанный глаз. Засеките направление здесь, относительно этой улицы, затем мы пройдем немного назад до следующей и там сделаем засечку. Можете вы это сделать и определить, где они?

— Это мое ремесло, — уверенно сказал Гас, мельком покосившись на крохотную стрелку.

Повторив этот обряд в другом месте, Гас задумался на мгновение, а затем повел агента Пинкертонa вперед к месту, откуда хорошо были видны темные причалы и корабли за ними. Без колебаний он показал пальцем:

— Они там.

— На корабле? Вы уверены?

— Недавно вы сказали, что там, где дело касается вашей работы, вас с толку не сбить. То же я могу сказать и о себе.

— В таком случае я принимаю вашу информацию без колебаний. Можно начинать последний акт.

Треysi отступил на несколько ярдов в том направлении, откуда они пришли, поднес к губам свисток и с силой в него дунул. Гас несколько удивился, потому что никакого звука не последовало — только едва слышно фукнул воздух, вырвавшись из свистка. Треysi заметил его недоумение и улыбнулся.

— Ультразвук. Для человеческого уха частота этих колебаний слишком велика, но они и не предназначены для человеческого уха. Можете убедиться.

Возникли два человека, первый вел на поводке небольшую собаку. Наклонившись, Треysi потрепал ее по загривку и пояснил:

— Она приучена идти на этот звук. А эти двое — мои люди, они следили за нами и ждали, когда я дам сигнал.

— Я и понятия не имел, что они здесь.

— Это профессионалы.

Треysi отдал несколько коротких распоряжений, затем вместе с Гасом вновь двинулся вперед.

— Мои парни окружают и блокируют территорию, но вести должен я. Вам необязательно идти со мной...

— Я пойду с вами.

— Хорошо. Я надеялся, что так и будет. Вы мне можете понадобиться, когда эта маленькая драма закончится и занавес упадет.

Треysi пошел первым, как кошка. Гас следовал за ним в нескольких ярдах позади. Они держались поближе к стенам, в темноте подбираясь к кораблю, — туда, где одна-единственная маленькая лампа бросала с палубы жидкий свет на выдававшие виды сходни. На мгновение Треysi остановился, глядя на корабль, и в этот момент от стены отделилась какая-то тень и вразвалку двинулась вперед.

В распоряжении Гаса оставались доли секунды; он не хотел шуметь, предупреждая агента об опасности, поэтому не раздумывая прыгнул на незнакомца; его кулак описал короткую стремительную дугу, завершившуюся на челюсти таинственного противника с таким оглушительным треском, что Треysi невольно оглянулся. Тут же послышался легкий, глухой стук — это из руки неизвестного выпала на булыжники

дубинка. Трейси помог Гасу прижать потерявшего сознание человека к земле.

— Хорошо, что вы здесь, Вашингтон, — сказал он; в устах профессионала такого уровня эти слова были лучше любой награды. — Славный удар. Прежде чем этот отчетя, мои люди возьмут его. Они сейчас сжимают кольцо, чтобы лишить преступников всякой возможности бегства. С моря их будут караулить быстроходные катера. Последний акт драмы вот-вот будет сыгран. Вы были правы, я сейчас определился пленгатором. Козлище на корабле. Теперь идем.

Словно призрак, без единого звука, он стал перемещаться вперед; Гас держался на несколько шагов позади. Они прошли под кормовым подзором корабля, и стали видны протянувшиеся поперек кормы источенные ржавчиной буквы: «Дер Либестод. Люцерн». Швейцарская приписка — наверняка лишь удобная маскировка; настоящие имена и национальности владельцев хорошо скрыты. Но уже не надолго. На палубе все было тихо, корабль стоял, погруженный во мрак, лишь та единственная лампа светила над сходнями. Трейси ступал уверенно, словно уже не раз здесь бывал; он начал подниматься по сходням, Гас двигался вслед за ним. Однако, как ни беззвучно крался агент, он не остался незамеченным; стоило ему достичь палубы, из тени выступил человек и тихо проговорил что-то, неслышное Гасу, который еще поднимался. Трейси что-то ответил и показал вниз, а когда охранник, глянув туда, куда указал пальцем Трейси, на мгновение отвернулся, руки детектива коротко взметнулись к его шее; охранник как бы одеревенел на секунду, а затем согнулся и повалился на палубу.

До сих пор все оставалось тихо, Гасу трудно было в это поверить. Они поднялись на корабль, успели обезвредить двух человек, а их присутствие до сих пор не замечено. Слишком уж им везло, везению явно пора было кончаться — и единственное, на что уповал Гас, что из этого правила могут быть исключения. Трейси дождался его у двери и прошептал прямо в ухо:

— В рубке никакого движения, и на мостике ни души. Должно быть, негодяи внизу. Следуйте за мной так тихо, как только можете.

С этими словами он натужно открыл тяжелую стальную дверь; показался тускло освещенный коридор, в который они осторожно вошли. За первой дверью по коридору было темно, и они прошли мимо, лишь бросив внутрь беглый взгляд, сле-

дующая каюта тоже была открытой и темной. Но третья была закрыта; Трейси, нагнувшись, заглянул в замочную скважину, затем достал из кармана медицинский стетоскоп и прослушал с его помощью дверную панель. Удовлетворенный, он положил стетоскоп обратно и знаком подозвал Гаса, указывая в то же время на лестницу. Медленно и осторожно они спустились по ней вниз; их усердие было вознаграждено очень быстро, поскольку одна из дверей на этой палубе была оставлена приоткрытой, а из щели просачивалась полоска света и доносился шум голосов. По-прежнему следуя впереди, Трейси направился дальше и миновал еще одну неосвещенную каюту; Гас вплотную следовал за ним. Но, когда он проходил мимо двери, темная фигура с ножом в руке прыгнула на него.

Только молниеносная реакция спасла Гасу жизнь. Когда человек наносил удар, он успел отклониться назад, поднырнул под летящее к нему широкое лезвие, схватил руку, державшую нож, и вместе с противником они покатались в сторону. С громким стуком оба ударились о переборку напротив, и удар на миг оглушил неизвестного; немедленный выпад кулака оглушил его на более продолжительное время, он как бы с грустью вздохнул и обмяк, и нож, вывалившись из его руки, громко зазвенел на металлической палубе.

В наступившей тишине был отчетливо слышен голос за приоткрытой дверью:

— Что там? Кажется, какой-то звук в коридоре.

Трейси больше не сдерживался. В его руку прыгнул револьвер; ударом ноги детектив распахнул дверь и вызывающе закричал:

— Полиция! Вы арестованы!

И нырнул в помещение.

Крики, выстрелы, глухие вопли... и Гас, не колеблясь ни секунды, бросился вперед, в схватку неизвестно с кем — в громадную каюту, заполненную мечущимися людьми. Один из них попытался выскочить вон, но Гас встал на его пути; ударом кулака в корпус он согнул человека пополам, так что подбородок преступника, устремившийся вниз, очень аккуратно повстречался со вторым кулаком, летящим ему навстречу. Потом Гас попал в самую гущу потасовки — и тут лезвие чьего-то ножа рванулось к его горлу; заслоняясь, он поднял руку, и красная стрела боли пронзила ее, когда лезвие вонзилось в предплечье. Но вторая рука Гаса еще оставалась

здоровой, и на ней оставался не менее здоровый кулак — он-то и уложил нападавшего туда, куда следует.

На этом битва закончилась, хотя сам Гас об этом еще не знал; преодолевая боль, он с трудом удерживался на ногах. Так или иначе, покалеченные подонки общества валялись по всей каюте, а Козлище сидел верхом на единственном из них, не потерявшем сознания, и колотил его головой о палубу, помогая ему последовать в безмятежность вслед за его товарищами. Трейси быстро переходил от одного к другому, надевая наручники на каждого, кто подавал малейшие признаки жизни, а Козлище, отпустив наконец свою жертву, поднялся, отряхнул руки и указал на закрытую дверь в дальнем конце каюты.

— Он ушел во время драки. Серый, один из главных.

Трейси мгновенно оценил ситуацию и кинул Козлищу автоматический пистолет довольно-таки свирепого вида; Козлище поймал его на лету.

— Охраняй пленных. Я хочу, чтобы в живых осталось как можно больше.

Еще не договорив фразу, он прыгнул поперек каюты, и плечом ударив хлипкую дверь, вломился в соседнее помещение вместе с Гасом, уже успевшим перевязать раненую руку платком; распрямившись, Трейси поднял пистолет и сказал:

— Все, кончай. Отплясался.

Человек, которому это было сказано, действительно сразу прекратил делать то, что делал, и медленно выпрямился, держа в руке пачку бумаг. Перед этим он бросал бумаги в металлическую корзину для мусора, в которой плясало неровное, дымное пламя. Когда Гас сообразил, что к чему, он рванулся мимо детектива и ногой опрокинул корзину, чтобы сбить тлеющие огоньки. Только после этого он встал во весь рост и посмотрел на человека, которого они захватили. Глава тайных сил, наконец-то!

Человек действительно, как и сказал Козлище, оказался серым. Он стоял, выпрямившись возле стола, упершись в него одним кулаком, а другой прижимая к груди, и тихо покачивался. С ног до головы он был серым, вся одежда была серой; серые гетры, натянутые на серые туфли, серые брюки и серый хорошо скроенный пиджак, серая ворсистая рубашка, дополненная серым галстуком, серая мягкая шляпа на голове и маска из серой ткани, прикрывавшая целиком лицо, за исключением выглядывавшей из проделанных в материи отверстий пары серых глаз.

— Не двигайтесь, — приказал Трейси, когда рука серого человека потянулась к столу. Серый отдернул руку и ответил напряженным шепотом:

— Здесь, в ящике, — деньги, много денег, это плата тем, снаружи. Все, что вам нужно сделать, — это отвернуться на несколько секунд, я прошу вас. Дайте мне уйти...

— Вы держите меня за дурака, сэр! Я из агентства Пинкертон, нанят компанией Трансатлантического туннеля, и ни одна взятка в мире не заставит меня поступиться своей честью. Вас взяли, и basta. Игра окончена.

От этих слов серый человек съежился с таким трагическим видом, что Гасу невольно захотелось помочь ему. Вся видимость исчезла, серый затрепетал, оглянулся в поисках стула и почти упал на него. Профессиональный детектив Пинкертон остался к этому равнодушным, хотя Гас был тронут; но ведь Трейси уже не раз доводилось прежде задерживать закоренелых преступников — поэтому, когда сыщик заговорил, голос его звучал жестко.

— Ну, а теперь, сэр, вы снимете эту маску сами — или нам сделать это за вас?

— Нет... пожалуйста, нет... — Серый буквально задыхался, но и это не тронуло Трейси. Держа пистолет наготове, он шагнул к серому, разом скомкал маску и шляпу и одним движением отшвырнул их прочь.

У Гаса перехватило дыхание. Перед ним сидел тот, кого он так хорошо знал, тот, кто не вызывал у него подозрений никогда, тот, кто никак не мог находиться сейчас здесь.

— Вы знаете, кто это? — спросил Гас.

— Закоренелый преступник, — ответил Трейси.

— Нет, в том-то и дело, он не преступник. И все же он здесь. В это невозможно поверить.

— Вы что, его знаете?

— Конечно, знаю! Это не кто иной, как Генри Стреттон, уважаемый финансист из Бостона, член нью-йоркского совета директоров компании Трансатлантического туннеля.

— Ну, тогда, похоже, мы наконец взяли кого надо. Вот тебе раз, член совета директоров! Ничего удивительного, что преступники были посвящены во все ваши секреты и могли наносить удары, где им заблагорассудится.

— Я умоляю вас, джентльмены, освободите меня. Бесчестье... моя семья... вам не понять. Если я буду освобожден, то обещаю...

— Нет, — сказал Трейси, и в этом слове прозвучала вся непреложность рока, вся неотвратимая сила судьбы, столь

могущественная, что Стреттон опять сник; этой силе нельзя было сопротивляться.

— Да, вы правы, я не должен просить. Безнадежная попытка потерявшего надежду человека. Я обречен, и обречен с самого начала... но у меня не хватило ума вовремя это понять.

— Так почему?! — взорвался Гас. — Что толкнуло вас, уважаемого члена общества, на столь предосудительные действия?

Стреттон медленно перевел на него взгляд, затем улыбнулся холодной улыбкой, в которой не было ни тени веселья.

— Почему? Я ждал от вас этого вопроса, Вашингтон, ведь вы из тех, кого никогда не беспокоят проблемы, тревожащие нормальных людей. Вы — машина для строительства туннелей, вот вы кто, и вам не доставляют страданий слабости, присущие нам, смертным. Вы спрашиваете почему? Я расскажу вам, и это действительно грязная история, история медленного падения в ад, которое началось с одного-единственного неверного шага. Я — член правления и отдал себя компании целиком. Но я был жаден, я хотел иметь больше — и тайно продал часть акций основного капитала, которыми распоряжался, чтобы прикупить больше акций туннельной компании. Я собирался вернуть деньги, как только пойдут первые дивиденды. Но это были акции компании, занимающейся морскими перевозками, вы же знаете, моя семья имеет давние интересы в морских перевозках, и я даже не подозревал, что за мною следят. Ко мне обратились с предложением, скажем так, люди, связанные с этой сферой бизнеса, которые знали все о том, что я сделал. Они обещали мне помочь, и они мне помогли, о моей краже так никто и не узнал, но в ответ я должен был оказывать им некоторые небольшие услуги. Я делал то, что они просили, действуя как их шпион в нашем правлении, я передавал им информацию, пока не скомпрометировал себя настолько, что отступать было уже невозможно. Тогда они начали требовать новых услуг, пока я не кончил там, где вы видите меня теперь; с одной стороны — уважаемый член правления, с другой — человек, который направляет секретную деятельность по уничтожению туннеля. Да! Я рад, что все это закончилось наконец.

— Кто те люди, которые сотворили с вами такое? — спросил Гас.

Стреттон устало махнул рукой на разбросанные по каюте бумаги.

— Они там; скоро вы все узнаете. Интересы судоходства; другие государства; это люди власти и люди зла, которым ка-

жется, что туннель не сулит им ничего хорошего; люди, которые издавна желали Англии и империи в целом вреда. Преступный союз, не виданный прежде. Это все там — моя корреспонденция, документы, записи, директивы, все до мелочей. Я же бизнесмен из Новой Англии, со связями и квалификацией. Каким бы низким делом я ни занимался, я делаю его добросовестно. Здесь все, что вам нужно. С этим вы уничтожите клику полностью, и с диверсиями будет покончено навсегда, могу поручиться. Все выплывет, теперь я это вижу, и мое доброе имя будет погублено навеки. Поэтому я прошу вас только об одном одолжении. Соберите бумаги и покиньте комнату на несколько минут. Я быстро. Здесь только один маленький иллюминатор, я не смогу бежать, вы же видите. Пожалуйста. Я прошу вас как людей чести.

— Нет, — твердо сказал Трейси. — Вы наш главный свидетель.

— Да, — сказал Вашингтон, словно отдавая приказ. — У нас достаточно пленников там, снаружи, если вы действительно беспокоитесь насчет свидетелей. О чем я беспокоюсь, так это о прекращении диверсий и о разоблачении извергов, стоящих за этими диверсиями, а они у нас тут, в бумагах. Посмотрите на эти имена! Уважаемые люди, крупные компании! Будут аресты, и какое-то количество исчезнувших акций вновь окажется на рынке, но диверсии прекратятся раз и навсегда. До иностранных правительств нам не дотянуться, но их делишки мы разоблачим, и это надолго заставит их держаться в рамках. То, что нам нужно, — здесь. Я настаиваю на удовлетворении просьбы мистера Стреттона.

Поколебавшись, Трейси пожал плечами.

— Правосудие не пострадает... жалование мне не уменьшится... Но только если вы настаиваете и если берете полную ответственность за решение на себя.

— Настаиваю и беру. И сэр Уинтроп, я знаю, меня подержит.

Когда они, собрав бумаги, уже собирались уходить, голос загубленной души прошептал им вслед:

— Я ненавижу вас, Вашингтон. Вас и все, что вы делаете. Но, учитывая интересы семьи, я вынужден вас благодарить.

Почти сразу после того, как за ними закрылась дверь, выстрел взорвал тишину; потом все затихло снова.

Опасности бездны

Здесь, в Атлантике, на двухмильной глубине, было царство вечной ночи; тьма, тишина и неподвижный, пустынный мир черных вод. Поверхность океана с ее ветрами и штормами, бушующими волнами, стремительными течениями и цветущей жизнью осталась более чем в десяти тысячах футов выше. Это там был солнечный свет, и планктон — микроскопические организмы, не могущие без него обходиться, и рыба мелочь, пасущаяся на морских лугах, и рыбы, что покрупнее, питающиеся этой мелочью. Там, высоко вверх, была энергия солнца и кислород, которые только и делали возможной жизнь в океанских безднах; по мере увеличения глубины жизнь убывала, пока, примерно в миле от поверхности, даже мелкие рыбоподобные монстры, обитающие в этом мраке, не становились редкими и далекими друг от друга, как звезды в космосе. Странные существа с игловидными зубами и глазами навывкате, с рядами подобных иллюминаторам огней, протянутых вдоль тела или подвешенных впереди, отдельно; маленькие сгустки жидкости, подобные *Chiasmodon niger*, сами длиной в два дюйма, не более, но прожорливые настолько, что заглатывают добычу много крупнее себя. Однако для них здесь было последнее поле битвы, ибо жизни и движения ниже становилось еще меньше, совсем мало, пока на глубине трех миль не появилось наконец дно — где в направлении, обратном поверхностному, Канарскому, струилось мощное течение; но черное, пустынное, безжизненное, спокойное. Здесь никогда ничего не менялось.

Но что это? Правда ли, издалека приближается нечто? Огни, ну да, действительно, огни, мерно продвигающиеся огненные точки в беспредельной ночи. Рыбья стая, быть может, — потому что их становится все больше, больше; но вот они проплывают мимо, вот, тускнея, начинают пропадать из глаз. Постойте, тут, кажется, две породы: рыбы поменьше — хотя маленькими они кажутся лишь в сравнении, на самом деле они не мельче голубых китов — окружили колоссальную морскую змею, которая, извиваясь волнами, пронизывает воду с чисто змеиной грацией, по бокам ее тоже тянутся ряды огней, это невероятное создание, оно больше мили в длину!

Но что мы видим? Змея взята рыбами в плен, они волокут ее, приковав к себе крепкими путами. Что это могут быть за создания — с твердой гладкой кожей, безглазые, но с пылающими огнями, издающие громкий гул и ритмичный стук, нарушающие покой глубин? Это не животные, это металлические оболочки, а внутри — единственные творения природы, которые в силах бросить вызов царству мертвого покоя: люди, самые дерзкие из живых существ.

Впереди других субмарин шел «Наутилус II», значительно более мощный и технически вооруженный, чем его распыленный на атомы старший брат; чтобы обслуживать все его механизмы, нужен был экипаж в тридцать человек. Лишь малая часть экипажа управлялась с самой субмариной, она была столь же проста в управлении, как и первый «Наутилус»; большинство работало со вспомогательным оборудованием. Стальные тросы тянулись с катушек, смонтированных в киле, к гигантскому, в милю длиной, объекту буксировки; автоматы постоянно контролировали состояние этих тросов, поддерживая их одинаковое натяжение, слегка подтравливая их, когда они слишком напрягались, слегка подматывая обратно на катушки, когда возникала слабина. Информация о состоянии тросов по проводам подавалась на мощнейшую компьютерную машину Брэббеджа, занимавшую почти четверть объема субмарины; машина получала также информацию о состоянии тросов на всех остальных субмаринах, обрабатывала ее и регулировала натяжение так, что вся группа со своим чудовищным грузом двигалась как единое целое. Не было никаких проводов, соединявших машину Брэббеджа с остальными, — связь осуществлялась иначе, посредством пучков когерентного света бесчисленных лазеров, которые усеивали борта. Лазерные лучи легко пронизывали воду, а модулированное излучение вполне справлялось с передачей информации. Все шло хорошо, все работало хорошо — заслуженная награда таланту человека, для которого проект стал осью коловращения его жизни; то была последняя секция. Железнодорожный путь шел теперь от города Нью-Йорка в глубину вод и пересекал дно по недавно продолженному туннелю, который тянулся по вспоровшей ложе океана зоне разлома, поднимался на Среднеатлантический хребет и заканчивался на самом краю расчленявшего этот хребет каньона. На другой стороне Атлантики такой же путь тянулся из Лондона и нырял в туннель, шедший к Азорам, чтобы ненадолго подняться и затем опуститься

снова на дно абиссальной равнины, достичь еще одного разлома и по нему — противоположного склона каньона. Здесь два туннеля и заканчивались сейчас, а их разверстые торцы смотрели друг на друга сквозь толщу пустынной воды с расстояния в милю, с двух краев рифтовой пучины, терявшейся из виду в непроглядной мгле внизу.

Именно сюда, медленно двигаясь навстречу своей судьбе, подплыла наконец неправдоподобная морская змея — конструкция длиной в милю, бывшая одновременно и туннелем, и перевернутым с ног на голову плавучим мостом, который, выбей из-под него опоры, стал бы падать не вниз, а вверх; сплав стали, бетона и конструкторского остроумия, он действительно в пути извивался, словно змея. Секрет этого движения заключался в конструкции сочленений между секциями, подобных кузнечным мехам из твердой стали, — стали, достаточно твердой, чтобы противостоять огромному давлению глубин, но пластичной настолько, чтобы менять конфигурацию, когда это было необходимо. Это грандиозное творение индустрии должно было завершить наконец геркулесов труд; оно было последним элементом туннеля, связывающего континенты воедино. Строили мост два года, различные звенья создавались в разных городах и по воде доставлялись к месту сборки в верховьях Гудзона, близ развалин крепости Уэст-Пойнт¹, наводящих обычно на воспоминания о генерале-герое Бенедикте Арнольде². Теперь здесь шла иная война — человек воевал против стихии, человек завоевывал бесконечное пространство моря. Секция за секцией монтировался мост-туннель; потом последовали долгие проверки и испытания, прежде чем невообразимая конструкция была признана годной. Наконец во время отлива она была затоплена, и началось ее долгое странствие к морю — самое начало путешествия, которое ныне подходило к концу.

На мостике управлял О'Тул — вернее, он только следил за управлением, потому что держал субмарину на курсе тоже компьютер.

— К таким вещам придется привыкать, — сказал О'Тул, держа руки сложенными так, чтобы пальцы не могли дотя-

¹ В нашей реальности в Уэст-Пойнте находится самое престижное военное учебное заведение США.

² Бенедикт Арнольд — американский генерал, который во время Войны за независимость стал изменником, перейдя на сторону английских войск.

нуться до рычагов и кнопок, и с подозрением глядя на компас, стрелка которого слегка повернулась и опять замерла. — В теории я знаю теперь, что мы идем к месту по лучу сонар-маяка на стройплощадке и что эта адова машина у нас в брюхе рулит всю дорогу, управляет двигателями и всем прочим, я знаю, но, честное слово, поверить в это не могу.

— Думаю, сможете, — улыбаясь, сказал Гас и склонился над чертежной доской, отмечая на карте медленное, но неуклонное продвижение их каравана. — Все, что вам нужно, — это чуточку действия: подражаться с кем-нибудь, или малость выпить, или что-нибудь в том же духе.

— Как смеете вы марать имя О'Тула, — сразу же вскинулся О'Тул, лукаво улыбаясь при этом. — Хотя, по правде говоря, думаю, что от кружки гиннесовского пива я бы не отказался.

На пульте зажглись красные огоньки, и пальцы рулевого метнулись к рычагам, вводя необходимые поправки.

— До маяка приблизительно десять миль, малый вперед.

— Время сбрасывать скорость. Над каньоном нам нужно иметь практически нулевой ход, чтобы только маневрировать против течения.

И, позвонив в компьютерный отсек, он отдал необходимые распоряжения.

Огромная змея двигалась все медленнее; ей нужно было еще много миль, чтобы потерять скорость, так велика была ее масса. Внизу, расположенные треугольником сонар-маяки вывели ее в нужное место именно в тот момент, когда инерция была полностью погашена и, следовательно, можно было начинать завершающий спуск. На одну милю по вертикали вниз, прочь из спокойных вод, в объятия донного течения, которое, каким бы медленным оно ни было, оказывало все же мощное воздействие на столь массивные объекты, как этот мост-туннель. Скорость течения была измерена аккуратнейшим образом, она являлась одним из тех факторов, которые учитывались компьютером, поэтому, когда начался спуск моста, он был в нескольких милях выше по течению от места укладки. По мере того как гигантская конструкция с расчетной скоростью погружалась, ее вдобавок с расчетной же скоростью и сносило, так что теоретически оба эти процесса должны были привести ее в нужную точку на нужной глубине.

Последний спуск начался. Чувствительные механизмы, которыми снабжены были все секции моста, по мере движе-

ния вниз аккуратно подкачивали воду в балластные цистерны, так что, хотя давление нарастало, конструкция имела одну и ту же небольшую положительную плавучесть. Ниже, ниже и ниже — пока со дна не проглянули красные огни и лучи лазеров не обеспечили компьютер возможностями для более точного наведения. Компьютер мгновенно обработал новую информацию, и некоторые субмарины начали двигаться быстрее, некоторые — притормаживать; мост чуть изогнулся и заколыхался снова, поскольку его, слегка развернув, окончательно сориентировали соответственно опорам, всё еще теряющимся в бездне.

— Вот они, — сказал Гас, указывая на четкие пятнышки, которые стали заметны на телеэкране, когда на мостике был погашен свет. Только на телеэкране, потому что яйцевидные, толстостенные субмарины, оперирующие на таких глубинах, не могли, разумеется, нарушать монолитность своих корпусов отверстиями или иллюминаторами; весь внешний обзор осуществлялся посредством электроники: телекамерами, установленными на носу, корме, над рубкой и у киля. Именно килевая камера разглядела и показала людям огни внизу и впереди. — Погрешности курса в пределах одной стотысячной, — добавил Гас, взглянув на табло компьютера.

Теперь начиналась последняя, самая тонкая и самая ответственность часть работы. Подводная река устойчиво и равномерно текла здесь со скоростью почти полутора узлов, казалось бы, и беспокоиться не о чем; будь дело на поверхности, хороший пловец вполне мог бы потягаться с таким течением, гребная лодка способна была двигаться против него, а моторка его даже бы не заметила. Да и под водой субмарины мало обращали внимания на течение, когда они действовали самостоятельно. Но сейчас колоссальный груз сделал течение их главной заботой, потому что мост-туннель поперечником в тридцать футов и длиной в милю обладал громадной поверхностью, вся площадь которой принимала давление воды, и сила этого давления была столь велика, что вряд ли даже объединенные усилия всех субмарин могли его скомпенсировать и сделать груз неподвижным, — не говоря уже о том, чтобы попробовать двигаться наперекор. Поэтому укладка моста должна была получиться с первого раза.

Чтобы добиться этого, нужно было разнести по обе стороны долины мощные тросы и в один и тот же момент намертво закрепить их. Буксировочные тросы субмарин были пристег-

нуты к значительно более мощным, свыше ярда в диаметре, тросам моста, игравшим двойную роль: сейчас они использовались для буксировки, а после прибытия будут удерживать мост на месте. Тросы центральной секции были самыми длинными — более полумили, поскольку им предстояло дотянуться до контрфорсов каждой из сторон, а остальные, чем ближе были к концам моста, тем становились короче. Когда все встанет на свои места, эта стальная паутина будет держать мост в фиксированном положении, а мост, в свою очередь, благодаря своей плавучести будет держать ее туго натянутой. Сейчас предстояло тросы закрепить.

По обе стороны каньона, несколько ниже краев, располагались обширные участки выровненных скал, ярко освещенные множеством огней, ибо в деле, которое предстояло сделать, не обойтись без человеческих глаз, никакая электроника тут помочь не могла. Удерживать мост на месте должны были тяжелые чудовищные якоря, зацементированные в скважинах, высверленных в твердой породе; на них были посажены неуклюжие фитинги. К ним-то и окажутся присоединенными громадные стяжные муфты, задачей которых станет поддержание постоянного натяжения тросов. Но это позже; сейчас тросы нужно закрепить быстро и без хлопот. Эта задача возлагалась на выступающие из каждого якоря тяжелые пружинные зажимы кованой стали. Когда трос попадал в зажим, тот мгновенно захлопывался, словно титаническая мышеловка, его рифленные челюсти быстро сжимались, а электромоторы тут же усиливали зажим. Таков был план, он многократно отрабатывался на тренировках, и он сработает. Он должен сработать!

Ниже, ниже, ниже падала глыба моста, в то время как чуткие ее конвоиры тяжело трудились, подавая то чуть левее, то, наоборот, вправо под неусыпным контролем машины Брэббеджа. В субмаринах было очень тихо, лишь шелестели вентиляторы, да отдаленно гудели двигатели, да иногда отрывисто перебрасывались словом-двумя операторы, обслуживающие компьютер. Несмотря на тишину и неподвижность, люди были настолько напряжены, что некоторые буквально задыхались; то, что делалось в эти секунды, делалось на века.

Вниз, равномерно вниз; ярко освещенные якоря растут на экранах, отчетливые красные номера на каждом выступают яснее и резче, и скальные стены под ними тоже делаются все ближе. Кулаки сжимались, и костяшки пальцев становились белыми словно мел, хотя рулевые просто следили за прибора-

ми, опекаемыми электронным мозгом, но это ожидание, это созерцание было мучительнее, нежели любая работа за пультом. Вниз. Теперь ясно были видны и каждая черточка на древних камнях, и каждый блик на отточенных металлических гранях нового человеческого творения. Вниз.

— Присоединить первый и девятый, присоединить первый и девятый. Действуйте самостоятельно.

Голос отдавал распоряжения по селектору быстро и четко, слышный в каждом динамике на каждой субмарине. То был долгожданный сигнал, приказ работать самим, без Брэббеджа; первые субмарины с тросами пошли к якорям. По десять тросов на сторонах моста, номера первый и второй были самыми короткими, так как должны были расположиться на самом верху подмостных сооружений, номера девять и десять — самыми длинными, потому что из середины пролета им предстояло дотянуться до подмостного дна. Теперь две субмарины, неся по одному из самой длинной и из самой короткой пары, были выведены из-под контроля компьютера и двигались вперед сами по себе, чтобы присоединить доверенные им тросы; давая полный ход, они должны были сделать это одновременно. Лишь только они выполняют задачу, отправлены будут две следующие, чтобы повторить операцию, — и все это за две решающие минуты, в течение которых мост будет находиться там, где возможно осуществить сцепление. Это все, что нужно; закрепить мост четырьмя тросами с каждой стороны. Если эти восемь будут закреплены, мост удержится на месте — расчеты точны. Но они должны быть закреплены быстро, иначе мост будет снесен; слов нет, это будет настоящая катастрофа.

«Наутилус II», натужно гудя моторами, на полном ходу шел к якорям. О'Тул, дорвавшись наконец до своих рычагов, спокойно вел субмарину вниз, выжидая момент, когда нужно будет отцепить килевой и носовой тросы, крепящие швартовочный трос моста, скрученный сейчас, как пружина, конец которой пока оставался свободным. Барабан и мотор его располагались на штыре, выдававшемся на двадцать футов перед носом субмарины, — он хорошо был виден на экране переднего обзора. Еще до того, как субмарина устремилась к цели, тяжелый швартовочный трос был плотно намотан на штырь, так что конец троса располагался прямо напротив конца штыря. Двадцатифутовая оконечность троса была окрашена в оранжевый цвет — это была зона прицеливания. Если окра-

шенная часть в какой-либо точке будет захвачена дожидающимися ее челюстями зажима, сцепление окажется успешным; оранжевая зона вся находилась в пределах допусков гибкости моста и естественной слабины троса. Для большей точности в центре имелось двухфутовое черное пятно — это была оптимальная точка.

О'Тул вел субмарину виртуозно; он поставил ее почти вертикально, так что стержень нацелился точно на ждущий зажим; компенсируя вес троса, он подал субмарину немного назад, затем устремился вперед снова, но без поспешности, чтобы не протаранить мостиковую опору. Медленно вверх... легкий дрейф по течению... коррекция... вперед; стержень, как гигантский указующий палец, тянулся к цели. Гас, стоявший позади рулевого, непроизвольно задержал дыхание. когда опора надвинулась вплотную... ближе, еще ближе... казалось, они все-таки врежутся в нее.

— Есть! — радостно выкрикнул О'Тул, когда стальные челюсти, словно пасть чудовищного металлического аллигатора, с хрустом и скрежетом сомкнулись как раз на черном пятне; сила их была такова, что субмарину тряхнуло. — Теперь освобождаемся и уходим.

Нажав две кнопки, он послал электрический сигнал по проводам в буксировочные тросы. По этому сигналу два взрыва разорвали связь между субмариной и швартовочным тросом. Обрывки свободно повисли в воде, и электромоторы быстро смотали их на катушки внутри субмарины, а та уже шла вверх.

— Девятый тоже закреплен, — проговорил Гас, глядя на экран нижнего обзора, показывавший место работ. — Второй и десятый — на сближение!

Именно тогда это и произошло, хотя трудно было бы отыскать момент менее подходящий; успех или провал операции зависели теперь от каких-то секунд, балансируя буквально на лезвии бритвы. Но планета измеряет время по своей шкале; можно сказать, короткие мгновения человеческой жизни на внешней оболочке Земли мало что значат для геологических часов, отсчитывающих тысячелетия или даже сотни тысячелетий так, как обычные часы отсчитывают секунды. По мере того как расплавленная магма выдавливалась из подземных глубин, напирая на плавающую поверх нее толщу, в коре возникали напряжения, возникали медленно, но неотвратимо, возникали, ища выход. Где-то глубоко в скалах разверзлась

трещина, массы пород пришли в движение, камни заскребли о камни; затем давление выровнялось, и Земля уснула опять. Пустяк по масштабам жизни планеты, пустяк, совсем незаметный в сравнении с мощностью сил, действующих не переставая. Но вполне достаточный для того, чтобы свести на нет плоды человеческого труда.

Басовитое ворчание донеслось из недр, словно некий невообразимый гигант, невнятно жалуясь на судьбу, повернулся во сне; звук был столь мощен, что стряхнул кусок твердой скалы над субмариной, и поднятая им при падении тугая волна ударила в металлические корпуса. Потом — умчалась дальше...

— Землетрясение... — проговорил Гас, поднимаясь с пола, куда он был брошен ударом. — Подводное землетрясение, именно сейчас...

Он осекая, в ужасе от того, что происходило снаружи и что так ясно, так услужливо показывали экраны. Дрожь Земли передалась теперь на швартовочные тросы, они гнулись и корчились, будто живые, и передавали волну вибрации дальше, по всей своей длине, к мосту, который был едва закреплен. Мост и тросы были рассчитаны на толчки и землетрясения, подобные этому, они вполне могли выдержать, но только как единое целое, после полной сборки и надежного закрепления. А сейчас два троса несли нагрузку двадцати. Это было немыслимо, но это случилось. Какие же повреждения будут нанесены мосту! Но, даже если бы Гас решился додумать эту мысль до конца, он все равно не успел бы этого сделать — ибо то, что открылось его глазам на экранах, было еще трагичнее. Перенапряженные, натянутые как струны тросы вырвались из своих фитингов.

Страшно смотреть, и не смотреть невозможно: металл и бетон тяжелых якорей крошились и распадались, высвобождая тросы. Очнувшись от короткого паралича, Гас схватил микрофон.

— Второй, уходите назад или сбросьте трос, слышите меня?

— Я могу закрепить, я могу!..

Водителю субмарины не суждено было закончить эту фразу — ибо произошла трагедия. Утратив опору, сносимый течением мост наверху начал гнуться, зашевелился, волоча тросы за собой. Как ребенок дергает за веревочку свой игрушечный грузовичок, он дернул вторую субмарину, которая вот-вот уже готова была осуществить зацепление, и швырнул на скальную стену. В какую-то долю секунды корпус лопнул, и невообра-

зимое давление пучины стиснуло, взломало, расплющило корабль — так быстро, что его экипаж даже не успел понять, какой конец уготовила ему судьба. Теперь суденышко медленно погружалось — мертвый груз на конце троса.

Но Гас не мог позволить себе думать сейчас о мертвых — он должен был думать о живых, о субмаринах, все еще связанных с мостом, и о самом мосте. В течение нескольких долгих секунд он заставил себя оставаться на месте, прежде чем начинать действовать: нужно было все обдумать как следует, учесть каждый фактор, а динамик связи захлебывался голосами, вопросами, криками боли. Приняв наконец решение, Гас переключил радио на себя и с холодной четкостью проговорил в микрофон:

— Очистить эфир. Тишина, полная тишина. Говорит Вашингтон, мне нужна тишина.

Он получил тишину; через несколько секунд последний голос в динамике смолк. Тогда Вашингтон заговорил снова:

— Начальник второго звена, доложите обстановку. С нашей стороны было землетрясение, мы не закрепились. Как дела у вас?

Ответ пришел мгновенно.

— Здесь начальник второго звена. Все в норме. Четыре троса закреплены, на подходе еще два. Заметны вибрация и колебания тросов.

— Цепляйте эти два и прекращайте операцию. Держитесь на своем краю и ждите распоряжений. Внимание! Всем субмаринам первого звена! Произошел отрыв, и мы не можем повторить зацепление, пока мост не на месте. Всем нечетным субмаринам, всем нечетным субмаринам! Отстреливайте ваши тросы и идите на юг, от моста, на длину свободного троса, затем возвращайтесь над мостом, повторяю, над мостом. Под ним будут свисающие концы тросов. Всем четным субмаринам! Поворот на север, против течения, все вдруг, и полный вперед с одновременным подъемом на уровень моста. Выполняйте.

Это был отчаянный маневр. План, с помощью которого можно было попытаться овладеть ситуацией, родился за какие-то секунды. Но сложную стратегию следовало разыграть без помарок в этих полуночных глубинах, где каждый человек и каждая субмарина самостоятельны и изолированы, но все же взаимозависимы. Перед мысленным взором Гаса предстал целиком весь мост; Гас в деталях видел все, что должно быть

сделано, и был уверен, что пытается совершить единственно возможную вещь.

Зависший в воде мост был прикреплен к опорам лишь с одной стороны, противоположной, у восточного склона долины. Поскольку западный конец не закреплен, течение, давя на всю конструкцию, будет перегибать ее к югу, деформируя все больше и больше, пока она не переломится и вода не хлынет в заполненные воздухом отсеки, лишая их плавучести; мост начнет тонуть, распадаясь на части и дробясь по всей длине. Этого нельзя было допустить! Первым делом следовало отделить все субмарины с нечетными номерами, которые, как и корабль Гаса, буксировали мост с южной стороны, то есть с той, куда было направлено течение. Если попытаться хоть как-то тянуть мост за швартовочные тросы в сторону, противоположную течению, то все старания вернуть мост на место так его перекрутят, что разрушат еще быстрее, чем разрушило бы давление подводной реки. Если все пойдет хорошо, нечетные субмарины сейчас освободятся от тросов и всплывут над мостом; «Наутилус II», расположенный ниже пространства, которое будет перекрыто свисающими тросами, сможет пойти против течения, чтобы затем подняться выше и примкнуть к субмаринам, которые еще связаны с мостом. Тогда начнется битва за спасение моста от прогиба; всей мощью двигателей субмарины будут тянуть его в северном направлении. Господи, только бы удалось!

По мере того как «Наутилус II», стремительно пронизывая толщу вод, поднимался вверх, на экранах верхнего обзора вырисовывалась ужасающая картина. Огни на мосту уже не вытягивались в прямую линию, они изогнулись чудовищной буквой «С» — незакрепленный конец течением сносило к югу. Гас бросил один лишь взгляд, затем щелкнул переключателем селектора.

— Всем субмаринам, сбросившим тросы. Присоединяйтесь к тем, наверху, они пытаются удержать западный конец моста. Закрепитесь на них своими магнитными захватами, потом — машинам полный задний ход. Мы должны остановить прогибание моста. Мы должны выпрямить мост.

«Наутилус II» показывал путь, пристроившись носом к одной из тянущих мост субмарин; сперва он ее коснулся, затем закрепился прочнее, когда мощный электромагнит корпуса сцепил оба судна намертво. Как только произошло соединение, машины взвыли, вой делался громче, громче, по

мере того как, отрабатывая задний ход, они набирали обороты. Если что-то и происходило, это не могло проявиться сразу; мост прогибался, искривлялся все больше, пока его незакрепленный конец не развернулся почти точно на юг. Конструкторы предусмотрели определенную гибкость, да, но не до такой же степени; мост мог переломиться в любой момент.

Но не переломился. Одна за другой новые субмарины присасывались к своим напарницам и присоединяли мощь своих машин к общим усилиям. Они не могли ликвидировать прогиб, но они явно приостановили его увеличение. Это была еще не победа, — но и поражение было отодвинуто. Им нужна была еще мощность.

— Внимание всем во втором звене. Продолжайте закрепление тросов на вашем конце. Мы здесь едва держимся. По мере закрепления на полной скорости двигайтесь на наш конец и цепляйтесь за наши субмарины. Нам нужна ваша помощь.

И помощь пришла. Одна за другой субмарины выныривали из тьмы и пристраивались корпусами к тем, что уже были в работе — две, три, четыре в каждой связке, так что скоро они стали походить на виноградные гроздья. Поначалу казалось, что все усилия тщетны. Затем... Неужели получилось? Неужели изгиб действительно стал уменьшаться? Невозможно было сказать наверняка. Гас протер глаза, и в этот момент О'Тул сказал:

— Честное слово, я не из тех, кто бросает слова на ветер, но мне кажется, мы помаленьку отрабатываем назад.

Не успели эти слова сорваться с его губ, как зажужжал зуммер связи.

— Здесь «Анемон». Я занимаю позицию близ скальной стены, мне ее хорошо видно. Движение к югу прекратилось. Такое впечатление, что теперь мы движемся к северу, очень медленно, но устойчиво.

— Спасибо, «Анемон», — сказал Гас. — Хорошо, «Перивинкл», слышите меня?

— «Перивинкл» на связи.

— У вас на борту тяжелое крепежное оборудование. Следуйте к свободной секции моста и найдите второй трос на южной стороне. Повторяю, второй трос, с отметкой «три». Первый трос был заякорен, но его вырвало. Идите вниз вдоль троса до оранжевой полосы, зацепите его и постарайтесь закрепить на третьем якорю. Поняли меня?

— Уже идем.

Машины выбивались из сил; но под их могучим воздейст-

вием неподатливая громада моста, преодолевая напор течения, мало-помалу вернулась к исходному положению, где «Перивинкл» зацепил нужный трос и затем закрепил его на дне. Только когда все тросы с южной стороны моста были заякорены, Гас разрешил устанавливать те, за которые они до сих пор тянули мост. И лишь после того, как первый из них был отбуксирован вниз и поставлен на место, Гас позволил себе расслабиться и глубоко вздохнул, чтобы унять дрожь.

«Один экипаж, одна субмарина погибла», — сказал он себе, когда память вернулась к нему после завершения борьбы, которой, казалось, не будет конца. Он не знал, что О'Тул и другие смотрят на него с благоговением и все согласно кивают в ответ на слова О'Тула.

— Вы сделали это, капитан Вашингтон, вы сделали это, несмотря на землетрясение. Никто другой не сделал бы, — а вы сделали. Славные ребята погибли, да, но ни один человек не в силах был предотвратить их гибель. И теперь мост на месте, и больше не будет жертв. Вы сделали это!

Глава 4

Конец эксперимента

— Саннингдэйл на линии, — проговорил швейцар клуба. — Если вам угодно, сэр, возьмите трубку в переговорной кабине.

Вашингтон кивнул и поспешил в кабину со стеклянной дверью и кожаным креслом у одной из обитых парчой стен. Динамик был вмонтирован в одно из крыльев спинки, прямо напротив уха, переключатель без труда отыскался под пальцами, на конце подлокотника; микрофон располагался возле губ. Вашингтон, усевшись, включил аппарат.

— Вы меня слушаете? Говорит Вашингтон.

— Гас, это вы? Как славно, что вы позвонили. Где вы?

— В моем лондонском клубе. Джойс, могу ли я попросить вас об одолжении?

Гас встречался с Джойс Бодмэн много раз; он часто приглашал ее на ленч, когда бывал в Лондоне. Дело в том, что она до сих пор поддерживала хорошие отношения с Айрис. Джойс была счастлива замужем, но понимала, как жестоко страдает Гас, и, не дожидаясь расспросов, сама рассказывала ему об

Айрис все, что знала, все, что успевало дойти до нее с момента предыдущей встречи. Это было слабым утешением, но все же лучше, чем ничего не знать; ленчи вдвоем доставляли им обоим радость, хотя об истинной причине встреч не говорилось никогда.

На секунду в трубке возникла тишина, потому что Джойс ответила не сразу — до сих пор Гас никогда ни о чем ее не просил.

— Ну разумеется. В пределах разумного, конечно; вы же знаете.

Теперь настал черед Гаса помолчать, ибо он ощущал определенную неловкость, высказывая желание подобного рода; он крепко сжал кулаки. Он должен сказать.

— Дело, разумеется, личное, вы наверняка догадались. Вы читаете газеты, так что знаете, что туннель вот-вот будет закончен; в сущности, я и в Лондоне-то лишь из-за этого, нужно уладить кое-что напоследок. Утром я отбываю в Нью-Йорк, это подхлестнет события, пробег первого поезда и все такое, но сначала надо все завершить здесь. То, что я хочу, я не могу сделать прямо, поэтому — не могли бы вы устроить мне встречу с Айрис?

Гас выпалил это скороговоркой и откинулся на спинку кресла; он сказал, что хотел. Джойс засмеялась, и его лицо вспыхнуло; но она тут же поспешила объяснить.

— Извините меня, пожалуйста. Знаете, меня рассмешило совпадение, это просто удивительно. Вы помните вечер, когда мы в первый раз повстречались в Альберт-Холле?

— Думаю, я никогда его не забуду.

— Да, я понимаю, но там был докладчик, философ и ученый, доктор Джуда Мендоза, со всеми этими своими теориями времени, такими милыми... Я ходила на все его лекции, иногда вместе с Айрис, и сегодня днем он будет у меня — небольшое суаре; мадам Клотильда, медиум, тоже приглашена. Она плохо работает перед большой аудиторией, а здесь все будет как надо. Буквально несколько человек. В два часа, Айрис тоже придет.

— Прекрасно. Я ваш вечный должник.

— Полно! Так я могу на вас рассчитывать?

— Можете считать, что я уже у вас.

Кебом Гас доехал до вокзала, поезд проворно повез его в один из пригородов столицы — погруженный в себя, Гас не замечал ничего вокруг. Что он мог сделать? Что мог сказать?

Будущее было в руках сэра Айсэмбарда, а на утренней встрече сегодня он был таким же отчужденным, как и всегда, — и это несмотря на завершение строительства! Возможно ли, чтобы он переменялся? В состоянии ли он перемениться? Нельзя было ответить наверняка.

Был мягкий летний день; старые дома по обеим сторонам извилистой улочки утопали в ярких цветах, над цветами летали пчелы, нутужно гудящие под бременем нектара. Дерево, покалеченное ветром; красные черепицы, зеленые газоны, синее небо — прекрасный день, но у Гаса было тяжело на сердце. Когда мир вокруг так спокоен, конец строительства близок, между ним и Айрис должна наступить полная ясность. Слишком много лет принесено в жертву; надо было с этим кончать.

Он позвонил, и горничная провела его в дом. А вот и Джойс, в длинном, до полу, платье, вышла подать ему руку.

— Айрис будет с минуты на минуту. Проходите и знакомьтесь пока с остальными.

Остальные были, по большей части, женщины, ни одной из которых он не знал; Гас наскоро отбормотал положенные в таких случаях слова. Присутствовали там и двое мужчин, один — некий бородатый профессор с крошками еды на лацканах пиджака, сильным немецким акцентом и тяжелым дыханием. Гас поспешно взял бокал хереса и подошел к другому мужчине — он тоже принадлежал к академическим кругам, но о нем Гас, по крайней мере, слышал: преподобный отец Олдисс¹, ректор колледжа Всех Святых. Высокий, прямой, с внушительным носом и не менее внушительным подбородком, ректор не разменивался на какой-то там херес, в руке у него был большой бокал с виски. На короткий момент Гас удивился, не понимая, что здесь Олдиссу надо, но затем вспомнил, что, вдобавок к своей работе в колледже, ректор снискал немалую известность на литературном поприще как автор ряда завоевавших популярность научно-романтических произведений, которые он публиковал под псевдонимом Эрджентмаунт Браун. Наверняка его хлебом не корми — дай только послушать про параллельные миры. Они слегка побеседовали; ректор живо интересовался туннелем, и это был не интерес профана, он слушал внимательно и в ответ на объяснения Га-

¹ Здесь, по-видимому, автор намекает на своего близкого друга, известного английского писателя-фантаста Брайана Олдисса.

са кивал. Беседу прервало появление Айрис; Гас отрывисто извинился и пошел навстречу возлюбленной.

— Вы выглядите прекрасно. — сказал он, и это была истинная правда, ибо легкие морщинки в углах глаз делали Айрис еще привлекательнее, чем прежде.

— А у вас все в порядке? Туннель скоро будет завершен, отец сказал мне. Не могу передать, как я горда.

На людях они не в силах были сказать друг другу больше, но глаза Айрис говорили красноречивее слов, в них было все: неизбывное стремление, дни и ночи, одинокие, словно в пустыне. Он понял это, и обоим сделалось ясно: между ними ничего не переменилось. Времени хватило лишь на несколько вежливых слов, а потом их позвали — сеанс вот-вот должен был начаться. Окна оказались плотно завешены, так что снаружи сочился лишь бледный полусвет. Расселись полукругом вокруг доктора Мендозы, который стоял перед ними спиной к камину, спрятав руки под фалдами фрака, словно ища тепла у остывшего очага, а еще больше располневшая мадам Клотильда спокойно возлежала на софе чуть позади. Мендоза громко покашлял, добиваясь полной тишины, погладил свою ермолку, словно желая проверить, на месте она или нет, погладил свою окладистую седую бороду, которая, конечно же, никуда не делась за эти годы, и начал:

— Я вижу здесь сегодня несколько знакомых лиц, но вижу также лица, которые мне неизвестны, поэтому я возьму на себя смелость разъяснить некоторые вещи, уже отмеченные нами в наших глубоких изысканиях. Существует один-единственный альфа-узел такой важности, что он далеко оставляет позади все остальные по своей роли в связях этого мира, каким мы его знаем, с другим миром, который мы пытаемся изучить и который тоже является, можно сказать, нашим миром, но таким, каким мы его не знаем. Этим альфа-узлом является ничтожный пастух Мартин Алаяя Гонтран, убитый в 1212 году. В исследуемом нами другом мире, я называю этот мир Альфа-Два, тогда как наш, разумеется, Альфа-Один, пастух выжил и мавры проиграли битву при Навас-де-Толоса. На той части Иберийского полуострова, которая известна нам как территория Иберийского халифата, возникло христианское государство, называемое Испанией, и еще одно, меньшее, называемое Португалией. События ускорялись. Эти задиристые, крепкие страны расширяются, отправляют посланцев за моря, воюют там, лик мира меняется. Бросим теперь взгляд на

Англию, ведь этот вопрос задают особенно часто — как там с Англией? Где были мы? Открыл ли Джон Кэбот¹ Северную и Южную Америки? Где наши храбрецы? Для мира Альфа-Два ответ кроется в подорвавшей силы Англии гражданской войне, которая весьма нелепо была названа — правда, точности деталей я не гарантирую — войной Тюльпанов, хотя, возможно, и не так, мадам Клотильда не уверена, и Англия все же не Голландия... возможно, точнее будет сказать, войной Роз². Ресурсы Англии были истощены внутренними распрями, король Франции Людовик XI, доживший до весьма преклонных лет, постоянно вмешивался в английские столкновения...

— Людовик умер от сифилиса в девятнадцать лет, — пробормотал ректор Олдисс.

— Вот и хорошо. — Доктор Мендоза высморкался в платок и продолжал: — Многое еще не нашло объяснения, и сегодня я надеюсь прояснить некоторые трудные моменты, поскольку я намерен постараться забыть историю и всех этих странных ацтеков и инков, говорящих по-испански и приводящих нас в совершенное замешательство; мы попробуем увидеть мир Альфа-Два таким, каков он сегодня, в этом году, сейчас. Мадам, прошу вас.

Не издавая ни звука, аудитория следила, как доктор Мендоза совершает сложные пассы и произносит магические формулы, погружая медиума в транс. Мадам Клотильда легко заснула, сложив руки на груди и дыша ровно и глубоко. Но, когда доктор попытался вывести ее на контакт с миром Альфа-Два, она, не приходя в себя, запротестовала, ее тело затряслось, задергалось, голова начала мотаться из стороны в сторону. Но доктор был настойчив в своих стараниях и не дал ее духу соскользнуть с пути, по которому он его направил; в конце концов воля Мендозы победила, мадам подчинилась.

— Говорите, — велел он, и этому приказу нельзя было не подчиниться. — Вы теперь там, в том мире, о котором мы размышляли и говорили, вы можете видеть его наяву, расскажите о нем, расскажите, описывайте, ибо мы хотим слышать. Говорите!

¹ Джон Кэбот (а если точнее Джованни Кабото) — итальянский мореплаватель, находившийся на английской службе; в 1497 году, через пять лет после Христофора Колумба, открыл материковую часть Северной Америки.

² Имеется в виду война Алой и Белой розы (1455 — 1485) — война за английский престол между двумя ветвями династии Плантагенетов — Ланкастерами (в гербе алая роза) и Йорками (в гербе белая роза).

Она заговорила. Вначале это были бессвязные, вырванные из контекста слова и даже отдельные, не имеющие смысла слоги; но затем она начала описывать то, чего никогда не было.

— Урххх... урххх... пенициллин, нефтепродукты, закупочная пошлина... подходящий налог, налог с продажи, сибирская язва... Вульворт, Маркс и Спаркс... огромные корабли в воздухе, огромные города на земле, люди повсюду. Вижу Лондон, вижу Париж, вижу Нью-Йорк, вижу Москву, вижу странные дела. Вижу армии, они воюют, убивают, тонны, тонны, тонны, тонны бомб сверху на города и на людей, ненавидят друг друга, убивают друг друга, ядовитые газы, бактериологическая война, напалм, бомбы, громадные бомбы, атомные бомбы, водородные бомбы, бомбы падают, люди дерутся, убивают, умирают, ненавидят, это... это... это... АРРРРРРРГХ!

Рассказ закончился диким воплем, и тело мадам Клотильды, судорожно дернувшись, скатилось с софы, словно огромная тряпичная кукла, сброшенная ударом лапы невидимого зверя. Гас бросился было на помощь, но доктор Мендоза жестом остановил его, а из дверей кухни уже появился врач, явно находившийся там в ожидании на случай подобного припадка. Гас вновь уселся на стул и тут увидел перепуганное лицо, мелькнувшее в дверях позади. Хозяин дома, Том Бодмэн, с которым Гасу как-то доводилось встречаться, бросил один дикий взгляд на невообразимое действие, происходившее в его собственной гостиной, и убежал наверх. Вытирая лицо многоцветным своим платком, Мендоза заговорил опять:

— Мы больше не услышим ничего. Мадам не сможет даже приблизиться к этой софе, она не выдерживает, и вы сами только что видели почему. Ужасные, кошмарные силы! Услышав все это, мы с крайней неохотой вынуждены сделать некоторые умозаключения. Возможно, мир Альфа-Два вообще не существует, поскольку звучит все это ужасно, и мы просто не можем себе представить, как мир мог стать таким; не исключено поэтому, что здесь имеют место просто роковые видения, порожденные подсознанием медиума, подобные возможности мы должны постоянно иметь в виду при наших изысканиях. Мы постараемся проникнуть в дело глубже, если сможем, но, похоже, у нас мало надежды на успех, и уж подавно — на установление контакта с тем миром, как я когда-то надеялся. Тщетная надежда. Нам следует быть довольными собственным миром, при всех его возможных несовершенствах.

— Больше вы не знаете никаких подробностей? — спросил ректор Олдисс.

— Немного. Я могу поделиться с вами, если хотите. Возможно, они больше подошли бы для научно-романтического произведения, а не для реальной жизни. Прежде всего я хочу сказать, что вряд ли смог бы жить в подобном мире.

По всем углам зашелестел шепот согласия, а Гас воспользовался случаем и, взяв Айрис под руку, увел из комнаты через створчатое, до самого пола, так называемое французское окно в сад. Они не спеша шли под яблонями, ветви которых уже упруго обвисли под тяжестью обильных плодов; Гас быстро изгнал из памяти странный опыт, которому только что стал свидетелем, и заговорил о деле, которое было куда ближе к сердцу.

— Айрис! Вы выйдете за меня?

— Если бы я могла! Но...

— Ваш отец?

— Он все еще болен; он слишком много работал. Он нуждается во мне. Быть может, когда туннель будет построен, я увезу его куда-нибудь, где он перестанет изнурять себя.

— Я сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет.

Она согласно кивнула, а потом, безнадежно покачав головой, повернулась и взяла обе его руки в свои.

— Боюсь, что и я сомневаюсь. Гас, милый Гас, неужели после всех этих лет ожидания у нас все-таки нет будущего?

— Оно должно быть. Я поговорю с сэром Айсэмбардом после завершения праздничного пробега. С окончанием работ наши разногласия отойдут в прошлое.

— Для отца они никогда не отойдут в прошлое. Он человек непреклонный.

— Вы не оставите его, чтобы стать моей женой?

— Я не могу. Я не могу строить свое счастье на страдании другого.

Его логический ум согласился с нею; за эти слова он любил ее еще больше. Но в сердце своем он не мог снести решения, которое вновь их разделяло. Измученные, несчастные, они сплели руки в крепком пожатии и долго стояли так, вглядываясь в самую глубину глаз друг друга. На лице Айрис теперь не было слез — оттого, быть может, что она выплакала их давным-давно. Облако закрыло солнце, и сумрак пал на них и на их сердца.

Чудесный день

Что за день, что за солнечный день! Дети, видевшие его, вырастут с воспоминаниями, которые никогда не сотрутся, и, сидя вечерами у огня, станут рассказывать другим, сегодня еще не родившимся детям о чудесах этого дня, — а те только глазами захлопают от изумления. Солнце заливало праздничным сиянием нью-йоркский Сити-холл-парк; под свежим бризом шелестела листва деревьев, а ребятня крутила обручи и весело носилась среди степенно прогуливающихся взрослых. Весь преображенный мир оказался в миниатюре представлен в маленьком парке, когда удивительный повод собрал здесь праздничные толпы народа; давно, казалось бы, перевернутые страницы истории открылись вновь, когда на аллеях появились индейцы племени ленни-линэйп, следом — группа голландцев, ведь именно голландцы оказались когда-то настолько бесстрашными, чтобы попытаться основать здесь колонию задолго до того, как их вытеснили англичане; потом шотландцы, ирландцы — они приезжали сюда навсегда; переселенцы из всех-всех стран Европы. И снова, снова индейцы-алгонкины всех пяти племен в своих пышных церемониальных одеяниях с длинными перьями на головных уборах; черноногие и кроу с запада, пуэбло и пима с дальнего запада, ацтеки и инки с юга, неотразимые в своих многоцветных накидках из птичьих перьев, с торжественными топориками и боевыми дубинками, у которых, правда, вместо смертоносных обсидиановых шипов были лепестковые наклейки из черной резины; майя и представители сотен других племен и народов Южной Америки. Они прогуливались здесь, все вперемешку, беседовали, жестикулировали, с удовольствием озирались вокруг и покупали у уличных торговцев мороженое, маисовые лепешки, сосиски, тако, свирепый красный перец чили и уйму воздушных шариков, игрушек, бенгальских огней, флажков... Вот с лаем пробежала собака, а ее увлеченно преследуют мальчишки; вот первого пьяного сцапали голубые мундиры и препровождают в гостеприимный хмелеуборочный фургончик. Все шло как по-писаному, и мир казался прекрасным.

Прямо у ступеней Сити-холла была воздвигнута торжественная трибуна, щедро украшенная флагами и даже с виду тяжелая от позолоты, утыканная микрофонами для выступающих и с вовсю наяривающими оркестрантами за их спинами.

Пользующиеся случаем поговорить политические деятели не устанно напоминали о величии происходящего и о громадном собственном вкладе в это происходящее, но на них не очень-то обращали внимание; в каком-то смысле они создавали все-го лишь шумовой фон сродни тому, который делали музыканты, с неиссякающим темпераментом игравшие в перерывах между речами. И те и другие вызывали у толпы не более чем мимолетный интерес — хотя, конечно, звуки музыки доставляли людям определенное удовольствие; ибо все пришли сюда увидеть кое-что иное, более поразительное, более достойное сохраниться в памяти, нежели политики и флейты. Поезд. Тот самый. Вот он, ярко сверкает на солнце. Бродвей был до середины засыпан песком, на песок уложили шпалы, на шпалы — рельсы, и ни одна душа не вздумала жаловаться на сбой в движении городского транспорта — потому что ночью по этим рельсам, пытаясь, медленно прополз поезд, сопровождаемый марширующими по обе стороны от него солдатами, и встал в ожидании рассвета. Вот он: перила смотровой площадки последнего вагона — вплотную к трибуне, вагоны четко выстроились на рельсах, отбрасывая солнечные блики, сверкая эмалью глубокого, словно океан, голубого цвета, оттененного возле окон белым; голубой и белый — официальные цвета туннеля. На каждом вагоне красовались блестящие, причудливо выписанные золотом буквы, гордо заявляя: «Трансатлантический экспресс». Но как ни привлекательны были эти вагоны, у локомотива толпа стояла гуще всего, прижавшись вплотную к ограждению и непроницаемым линиям солдат за ним — то были высокие, крепкие ребята из Первой Территориальной Гвардии, очень внушительные в своих ботинках до колен, офицерских походных ремнях «Сэм Браун» на поясах, с ритуальными томагавками у бедер, гусарскими киверами на головах и винтовками «на плечо»; по случаю важности происходящего штыки были примкнуты. Что это был за локомотив! Родной брат обслуживавшего английскую часть туннеля могучего «Дредноута», названный «Императором», — и вполне по праву, ибо его полированные, мощные, посеребренные наружные механизмы имели вид вполне императорский. Поговаривали, что создатель этой огромной машины получил докторскую степень Массачусетского технологического института, и, возможно, так оно и было — ведь двигатель питался от атомного реактора, как у «Дредноута».

Начали прибывать счастливые пассажиры, машины их скапливались на очищенном от толпы участке у конца состава. Все они были богатыми, щедро оделенными судьбой

людьми, влиятельными, красивыми; им-то и удалось добиться участия в праздничном пробеге. Восторженные крики раздавались всякий раз, когда показывалась какая-нибудь значительная персона и проводники помогали ей пройти к своему месту. Стрелки часов на башне Сити-холла все больше приближались к часу, на который было назначено отправление, волнение нарастало, хотя обрывки напыщенных фраз последних ораторов еще прокатывались над толпой. Со смотровой площадки поезда председатель правления компании Трансатлантического туннеля сэр Уинтроп выступал с речью, которой с некоторым интересом внимали те, кто стоял поближе, но которая была совершенно не слышна остальным. Вдруг в задних рядах возникло какое-то движение, несколько голосов принялись скандировать сначала неразборчиво, а потом, по мере того как к ним присоединялись другие, все громче и громче, пока наконец напроць не заглушили оратора:

— Ваш-инг-тон! Ваш-инг-тон! Ваш-инг-тон!

И сильнее, и сильнее, теперь это кричали буквально все; сэр Уинтроп, уступая желанию народа, улыбнулся и жестом позвал Огастина Вашингтона к микрофону. Восторженные крики отразились эхом от стоявших по сторонам высотных зданий с такой силой, что разжиревшие голуби облаком взметнулись с земли и встревоженная стая заметалась над толпой. Шум нарастал, становился громче, но вот Вашингтон поднял руки над головой, и сразу все стихло. Теперь наступила настоящая тишина, ибо люди хотели слышать его и запомнить каждое слово — ведь он был героем дня.

— Братья американцы! Сегодня — день Америки. Этот туннель рыли, бурили и строили американцы, каждую милю до станции на Азорах. Американцам выпало и умирать во время строительства, но это была достойная смерть, потому что мы делали то, чего не делал еще никто, строили то, чего никогда не существовало до нас, и добились победы, какой никто еще не добивался. Это — ваш туннель, ваш поезд, ваш успех, потому что без железной воли американского народа, которая поддерживала нас, все это никогда не стало бы реальностью. Я приветствую вас, и благодарю вас, и говорю вам: всего доброго.

Крикам, которые разразились затем, не было конца, и даже те, кто стоял рядом, ни слова не смогли разобрать из речи генерал-губернатора американских колоний, что, в конце концов, вряд ли было трагедией. Когда он добрался до конца своей речи, вперед выступила его супруга, сказала несколько приличествующих моменту слов и затем разбила бутылку шампанского о корпус локомотива. Только оглушительный

звук свистка «Императора» восстановил тишину; люди, стоявшие рядом с ним, зажали руками уши. Теперь стали слышны бесчисленные громкоговорители, установленные на столбах вокруг парка, они доносили далекие звуки, которым вторили такие же звуки здесь: радиопередача шла прямо с Паддингтонского вокзала в Лондоне.

— Просьба занять места! — повторил кондуктор в Нью-Йорке; свистки проводников переключались через Атлантику. Люди теперь притихли, слышалась только шумная суeta последних приготовлений перед отправкой: хлопанье дверей, громкие распоряжения, снова свистки — пока наконец, как только стрелки часов указали время отправления, не были опущены тормоза и низкий металлический лязг не возвестил, что два поезда начали свое плавное движение. Тут уж не осталось никакой сдержанности, толпа докричалась до хрипоты, и многие еще долго бежали за удаляющимся поездом, что было сил размахивая руками вслед. Вашингтон и все, кто был рядом с ним, махали в ответ, стоя под прозрачным колпаком, который, как только поезд тронулся, был опущен над смотровой площадкой. Путешествие началось.

Стоило поезду нырнуть в туннель под Гудзоном, Гас прошел в вагон-бар, где его встречали громкими приветственными возгласами, аплодисментами и широким выбором протянутых ему навстречу бокалов, из которых он согласился принять один или два. Однако, когда состав вылетел наружу в Куинсе, Гас извинился и ушел в свое купе, где был приятно удивлен, обнаружив его пустым; остальные явно были в переполненном баре, который Гас только что покинул. Ему же было приятнее посидеть у окна, за которым мелькали маленькие домики, потом луга и фермы Лонг-Айленда; мысли и воспоминания мелькали с той же калейдоскопической быстротой. Работа сделана — это невозможно было себе представить. Все люди и все сотни тысяч часов страшных усилий, поглощенные ею; туннельные секции и полотно, подводная укладка, операции субмарин, мост, конечная станция... Все кончилось. Лица и имена всплывали в памяти нескончаемой чередой, и если бы Гас дал волю своей усталости, то был бы просто раздавлен. Но нет, его поддерживал на плаву успех, осязаемый успех. Трансатлантический туннель! Наконец-то!

Проламывая воздух, поезд канул в отверстие туннеля в Бриджхэмптоне и понесся дальше под атлантическим мелководьем. Быстрее и быстрее, словно мысли Гаса, — до тех пор пока, снова сбрасывая ход, «Император» не вылетел под лучи солнца у станции Грэнд-бэнкс, где по другую сторону плат-

формы уже дожидались цилиндрические вагоны «глубоководного» поезда. Пассажиры обычного рейса просто перешли бы из одного состава в другой, багаж их, заключенный в специальные контейнеры, за это время тоже бы перенесли, это было делом нескольких коротких минут. Но сегодня для стоянки был отведен целый час, чтобы участники праздничного пробега могли осмотреться на искусственном острове. Гас уже не раз видел причалы, где рыбацьи катера выгружали улов, депо, пакгаузы, поэтому он просто перешел платформу и снова уселся сам по себе, все еще обуреваемый мыслями, — а тут и гомонящие пассажиры постепенно начали возвращаться и занимать свои места, охая при виде роскошной обстановки, ахая, когда пневматические двери, коротко свистнув, самостоятельно скользнули в пазах и герметично закрылись. Прежде всего здесь обращали на себя внимание массивные клапаны и сверкающая полированной сталью камера, которая в действительности была воздушным кессоном. Стоило дверям закрыться за пассажирами, заработали насосы, откачивая воздух из пространства вокруг поезда, так что вскоре весь состав завис в глубоком вакууме без какой бы то ни было опоры. Лишь тогда открылись створки герметичного люка в другом конце, и обтекаемая серебристая змея скользнула в вакуумированный туннель впереди. Начался разгон. Внутри поезда ничто даже не намекало на дикую быстроту перемещения, и это было к лучшему, потому что, скатившись с возвышенности Лаврентия по скалистому склону, поезд набрал предельную скорость — что-то около 2000 миль в час. Но поскольку снаружи ничего не было видно, пассажиры вскоре утратили интерес к происходящему и принялись гонять резвых официантов за выпивкой, закусками, а некоторые, совсем уж заскучав и не находя иного способа развлечься, решили перекинуться в картишки. Но Гас как наяву видел перед собою окружающий пейзаж — выемку, тянущуюся по дну океана к великой зоне разломов, и плавучий мост в середине. Хорошие люди погибли здесь, — а теперь поезд летит по туннелю, через мост, а чуть позже уже начинает подниматься к Азорской станции и снова всплывает в кессон, только на этот раз воздух снаружи впускают.

Пассажиры знать не знали, что бег двух поездов направлялся компьютером Брэббеджа, который отвел определенное время для обеих стоянок на промежуточных станциях и затем так регулировал скорость, что сейчас, когда американский состав Трансатлантического экспресса скользил к платформе, с другой стороны к той же платформе подплывал английский

состав; синхронизация встречи посреди океана прекрасно удалась Брэббеджу, тормозные колодки обоих поездов опустились в один и тот же миг.

Остановка здесь предусматривалась сравнительно короткая, буквально для нескольких речей; затем поезда снова должны были пойти своими маршрутами. Гас смотрел на состав напротив, на приветственно машущих людей в его окнах, и в этот момент прикосновение к плечу заставило его обернуться, и он встретился взглядом с человеком в форме проводника.

— Не могли бы вы пойти со мной, капитан Вашингтон?

Сразу ощутив в его голосе крайнее беспокойство, Гас без колебаний кивнул и поднялся, надеясь, что соседи не слышат; но те были слишком увлечены новыми ощущениями и общим возбуждением, чтобы быть настолько внимательными. Вслед за проводником Гас спустился на платформу и там немедленно осведомился, в чем дело.

— Я не уверен, сэр, но что-то с сэром Айсэмбардом. Мне велено привести вас к нему как можно скорее.

Они поспешили к поезду, замершему в ожидании, — и там он увидел Айрис; схватив Гаса за руку, она повела его по коридору подальше от чужих ушей.

— Отец... У него снова приступ. И он хотел видеть вас. Доктор опасается, что... — Она не смогла договорить; слезы, которые она с таким достоинством сдерживала до сих пор, прорвались.

Гас осторожно коснулся своим платком ее глаз и проговорил:

— Проводите меня.

Сэр Айсэмбард был в купе один, если не считать суетившегося врача; шторы были опущены. Едва бросив взгляд на укутанное шерстяным одеялом тело, Гас понял, что дела действительно плохи. Великий инженер выглядел теперь маленьким и совсем старым; он лежал, закрыв глаза, приоткрыв рот и коротко, часто дыша; губы его посинели. Врач делал укол в бессильно лежащую руку, и им пришлось молча ждать, когда он закончит.

— Папа, — выговорила наконец Айрис и больше ничего не смогла сказать.

Его глаза медленно приоткрылись, и, прежде чем заговорить, он долго вглядывался в ее лицо.

— Подойдите... оба... подойдите. Доктор, нет сил... совсем нет сил...

— Так и должно быть, сэр. Вы должны понять...

— Я понимаю, что я должен как-нибудь сесть... чтобы я мог говорить. Укол, вы знаете, что мне нужно.

— Любые стимуляторы в такой момент абсолютно исключены.

— Смешно, что вы говорите... они убьют меня. Так ведь все равно умирать... дайте мотору постучать чуть дольше — вот и все, что я прошу.

Врач заколебался лишь на миг. Приняв решение, он повернулся к своей сумке и стал готовить шприц. Айрис и Вашингтон молча дождались окончания процедуры и увидели, как на щеках больного чуть проступила краска.

— Так гораздо лучше, — проговорил сэр Айсэмбард, пытаясь сесть.

— Самообман, — настойчиво сказал доктор. — Потом...

— Потом будет потом, — проговорил сэр Айсэмбард сварливо, как встарь. — Я положительно собираюсь досмотреть праздничный пробег до конца, доктор, и я это сделаю, если вы не лишите меня внимания ваших чертовых иголок. Теперь побудьте снаружи, пока мы не достигнем станции Грэнд-бэнкс, там мне понадобится ваша помощь, чтобы перейти из поезда в поезд, — он подождал, пока дверь за врачом закрывается, и повернулся к Гасу. — Я свалил дурака, я это сообразил наконец.

— Сэр...

— Не перебивайте. Туннель построен, и все поводы к нашей вражде исчерпали себя. Если они вообще когда-то были, вот в чем штука. Сейчас, когда я стал ближе к своему Создателю и к жизни вечной, я вижу, что, наверное, все беды по большей части были вызваны моим неверием в ваши способности. Если так, простите меня. Куда важнее, что из-за своего эгоизма я заставил страдать двух людей, и за это я особенно прошу прощения. Было время, когда я знал, что вы оба хотите обвенчаться. А сейчас?

Быстрым кивком Айрис ответила за двоих; ее рука несмело нащупала руку Гаса.

— Быть по сему. Следовало сделать это много лет назад.

— Я не могу и не хочу оставить вас, отец. Я так решила.

— Чушь. Побыстрее выходи за него и не беспокойся, что тебе еще хоть сколько-нибудь придется обо мне заботиться.

— Нет!

— Да. Так лучше. Человек может либо строить из себя дурака на смертном одре, либо признать, что он был дураком прежде. После этого ему лучше умереть. Теперь позовите врача, мне опять нужна его помощь.

В его хрупком теле жила могучая воля, которая единственно позволяла ему до сих пор сохранять ясность сознания; приступ должен был сразить его куда раньше. Медицина помогала ровно настолько, насколько она способна; но поддерживал великого инженера его несокрушимый дух. На станции Грэнд-бэнкс уже поджидали носилки; его перенесли в другой поезд, и остальных пассажиров поторопили с пересадкой, времени на осмотр острова на этот раз не было предоставлено. И снова в черную пасть туннеля, — а сэр Айсэмбард неподвижно смотрел прямо перед собой, как если бы все его силы уходили на то, чтобы продолжать дышать и жить; да, наверное, так оно и было. Спустя несколько минут дверь открылась, и Гас, покосившись, поспешно вскочил, в то время как Айрис склонилась в реверансе перед молодым человеком, стоявшим в проеме.

— Пожалуйста, не утруждайтесь, — проговорил он. — Мы все очень обеспокоены болезнью сэра Айсэмбарда. Как он?

— Хорошо, насколько это возможно в его состоянии, Ваше Высочество, — ответил Гас.

— Прекрасно. Капитан Вашингтон! Если у вас есть свободная минутка, прошу вас. Моя матушка хотела бы поговорить с вами.

И они вышли вместе, в то время как Айрис села подле отца, согревая ладонями его холодную руку, и сидела так, пока Гас не вернулся. Один.

— Ну? — спросил сэр Айсэмбард, открывая глаза на звук его шагов.

— Действительно, прекрасная женщина. Всех нас поздравляет с завершением работы. Затем упомянула о возведении в рыцарское достоинство...

— О, Гас!

— ...от которого я отказался, заявив, что есть кое-что, чего я хочу гораздо больше, кое-что для моей страны. Она вполне поняла. Оказывается, после начала туннельных работ был проведен целый ряд консультаций по вопросу о независимости и, очевидно, министр иностранных дел, лорд Эмис, постоянно поддерживает королеву; по ее словам, он даже заявил как-то раз, что видел в колониях больше хорошего, чем за все время в Англии. Похоже, с той поры, как под землей завертелись колеса, колесо фортуны повернулось наконец в сторону независимой Америки!

— О, Гас, дорогой, тогда все получится! То, чего ты всегда так хотел!

— Надо было соглашаться на титул, а чертовы колонии пусть разбираются сами...

Сэр Айсэмбард смотрел в окно и молча терпел, пока они целовались долго и страстно; наконец словно что-то лопнуло снаружи, обрушился яркий свет — тьма туннеля кончилась, и за стеклом поплыли зеленые картофельные поля Лонг-Айленда.

— Вот так, — сказал сэр Айсэмбард с удовлетворением и пристукнул тростью по полу. — Вот так! Трансатлантический туннель, поперек всего океана. Чудесный день.

Улыбаясь, он прикрыл глаза — и больше их уже не открывал.

Эпилог

Над зелеными просторами Чешира летел радостный звон колоколов. Заслышав этот чарующий благовест, никто не мог сдержать своих чувств. Сама церковь Балкли, древняя, посевшая громада еще норманнской постройки, расположенная близ родового поместья семейства Брэсси Балкли-Олд-холл, утопала среди цветников и живых изгородей, только колокольня ее виднелась с дороги. За нею прятался наполненный мягким светом и сладким запахом тщательно ухоженных роз дворик — сейчас здесь стояли трое друзей, и двое из них, мужчины, пожимали друг другу руки.

— Я никогда не смогу по-настоящему отблагодарить тебя, — сказал Гас Вашингтон.

— Чушь! — ответил Алек Даррел. — Постоять за твоей спиной мне только в радость. Никогда в жизни не был шафером — по правде сказать, я и в церкви-то не был все эти годы. Во всяком случае, масса удовольствий. Внеочередная увольнительная, лишний кредит у моего портного на этот утренний костюм, он всегда пригодится. И возможность поцеловать невесту... Что это я, в самом деле? Впрочем, стоит попробовать еще разок.

И, действительно, взял и попробовал — а глаза Айрис сияли, и она смеялась, не сдерживаясь, воздушное облачко белизны и кружев, счастливая, как может быть счастлива только невеста.

— Ты уверен, что не хочешь остаться на вечерний прием?

— Положительно уверен. Хотелось бы, конечно, но долг превыше всего. Со старой кенгурихи «Королевы Елизаветы» я списался, много чести болтаться над Атлантикой взад-вперед. Может, думаю, под ней лучше? Сунулся в твой туннель, но там, как везде, ничего, кроме машинного, не увидел. Взяться за старое, думаю, — ну и взялся, шиллинг королевы и все такое; они были чертовски рады заполучить меня обратно.

— Королевским BBC без тебя никак, — засмеялся Гас.

— А ты как думал? — Алек понизил голос и оглянулся по сторонам. — Между нами, старик, ты ж газеты читаешь, знаешь обо всех этих очагах напряженности на континенте. Че-

стное слово, от иностранцев одни неприятности. Эти саксонцы опять, они не лучше прусаков, только французам уступают, да и то не всегда. Продают снаряды туда-сюда через Рейн, а всем и горюшка мало, пока они рвут свинарники и всякое такое. Но тут они шарахнули своим ВВ по курортным городам, фасад отеля снесли. Ты не поверишь, но там же наши жили. Их эвакуировали, конечно, но все же. Вот для чего нужны линкоры, как кто-то сказал.

Они проводили его до самых садовых ворот, где, обменявшись с Гасом рукопожатием, он позволил себе еще раз чмокнуть невесту — достаточно внезапно, так что никто не успел возразить.

— Я сейчас на «Инвинсибле» — родном братце старины «Кэрэйджеса», они вроде как совсем одинаковые, но «Инвинсибл» все-таки на десять лет современнее, как ни крути. Четыре кочегара в машинном, так что вполне можем обиходить топку вручную, если автоматика полетит. Винты вращают четырнадцать паровых турбин, по семь на крыло. Все характеристики засекречены, но, я тебя заверяю, старик, это кое-что. Чертова уйма вооружения. Легкие и тяжелые пулеметы, легкая турельная пушка наверху сдвоенного хвоста, два безоткатных семидюймовых орудия на турелях в носу. Подожди, вот как полетит он над старым Рейном, как положит пару-тройку залпов вокруг их лодчонок — они еще дважды подумают перед тем, как обстреливать англичан!

Он зашагал по тропинке, с армейским шиком откидывая плечи назад, затем обернулся, чтобы с абсолютно штатской улыбкой помахать счастливой паре, не разжимая объятий глядевшей ему вслед, и крикнул:

— Да, хотел поздравить тебя с независимостью твоей Америки. Это здорово. Почему ты не пошел в президенты, Гас? Президент Вашингтон звучит не ново, но приятно. Пари, что у тебя получится. Вперед!

Насвистывая, он дошел до поворота и скрылся из виду.

СТОУНХЕНДЖ. Роман	
Перевод с английского Ю. Соколова	5
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ САГА. Роман	
Перевод с английского И. Почиталина	261
ВРЕМЯ ДЛЯ МЯТЕЖНИКА. Роман	
Перевод с английского М. Левина	435
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ТУННЕЛЬ! УРА! Роман	
Перевод с английского В. Рыбакова	623

БРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН

Гарри
ГАРРИСОН

H. Harrison

ISBN 978-5-699-11850-2

9 785699 118502 >

БРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН